

**Благая часть. Беседы с
монашествующими
схиархимандрит Авраам (Рейдман)**

Том I

О старчестве¹

Многие люди, писавшие о старчестве до революции или пишущие о нем сейчас, упускают, как мне кажется, две существенные вещи.

Говоря о старчестве, они почему-то не упоминают об умном делании, не связывают одно с другим. Может быть, неразрывная связь старчества и умного делания подразумевается ими как нечто само собой разумеющееся, но из их текстов это понять трудно. Создается впечатление, что духовное руководство, откровение помыслов, послушание возможны и без Иисусовой молитвы. Однако старческое руководство необходимо человеку при внимании к постоянно изменяющейся, сложной, многообразной внутренней жизни. А если человек не занимается Иисусовой молитвой, то его внутренняя жизнь проявляется не в борьбе с собой и не в духовной брани, а в многообразии помыслов и страстей, которых люди обычно не видят. Я думаю, что невозможно исцелить человека от страстей без помощи Иисусовой молитвы. Все говорят о том, что старчество необходимо, потому что без него невозможно вести правильную духовную жизнь. Это действительно так, но без умного делания старчество становится абстракцией. Кем и зачем в этом случае руководить, что советовать? Просто объяснять человеку, что в нем действует тьма страстей? Я думаю, это понятно и без руководства.

Итак, первая серьезная ошибка людей, которые пишут и рассуждают о старчестве, состоит в том, что они забывают о необходимости умного делания в духовной жизни. Между тем, умное делание возможно и без старчества. Конечно, без руководства человеку преуспеть и спастись трудно, но все-таки с Божией помощью, с помощью Иисусовой молитвы возможно, хотя и с большим трудом и немалыми скорбями. А руководство без молитвы ни к чему не приведет. Представьте себе, что человек по какой-то причине не молится Иисусовой молитвой – не хочет или не может. Что в таком случае ему

объяснять и как что-либо растолковывать? Допустим, он говорит, что его мучают блудные помыслы. Ответить ему, что это нехорошо? Все и так об этом знают. Как объяснить ему принципы борьбы со страстью, не упоминая об Иисусовой молитве? То же самое можно сказать и о приобретении добродетелей покаяния, смирения, рассуждения. Какое может быть рассуждение у человека, который не молится? Как в нем начнет действовать благодать, которая откроет ему глаза на то, что в нем происходит?

Мы должны понимать, что старчество – это следствие умного делания или то, что обязательно ему сопутствует. Даже если подвижник не имеет старца, но молится Иисусовой молитвой, то он приобретает опыт. Пусть у него нет особенного рассуждения, но своим опытом он может помочь другим людям, еще только приступающим к умному деланию. А как приобрести опыт тому, кто не молится и не имеет в своей душе света, который просветил бы его и позволил увидеть свои грехи? Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что первое приобретение человека, который начинает спасаться, – это видение своих грехов. Но если мы не молимся, то и не умеем смотреть внутрь себя.

Вторая ошибка людей, рассуждающих о старчестве, состоит в том, что они всегда приводят в пример только великих старцев: Паисия (Величковского), Амвросия Оптинского и других выдающихся по своим духовным способностям отцов, хотя, может быть, и не известных широкому кругу читателей. Не надо думать, будто старчество возможно только тогда, когда человеком руководит какой-то выдающийся старец. К людям, которые нами руководят и приносят нам пользу, надо относиться разумно, ведь руководство более опытных монахов – это уже старчество. Существует правило, согласно которому постригать без восприемника нельзя: новопостриженному необходимо наставничество более опытного монаха. Бывают, конечно, и совсем неопытные наставники. Но в то же время нам нельзя требовать от старца, чтобы он был непременно идеальным, таким как Амвросий Оптинский, а в противном случае вообще отказываться от руководителя. Такое

восхваление старчества фактически отрицает его как реальную монашескую деятельность, как свойство и насущную необходимость монашеской жизни. Если мы будем ждать, что из нашей среды выйдет игумения Арсения или иеросхимонах Амвросий, то, пожалуй, и умрем так и не дождавшись. Нужно смотреть на вещи трезво.

Итак, повторю: люди, рассуждающие о старчестве, обычно делают две очень серьезные ошибки. Во-первых, они либо недооценивают важность умного делания – занятия Иисусовой молитвой, либо просто не говорят о нем, может быть по недоразумению; во-вторых – преувеличивают те требования, которые должны быть предъявлены к старцам. Таким образом, старчество превращается в абстракцию, которую никак нельзя применить к жизни. В современной духовной литературе вопрос о старчестве, я бы сказал, выводится за рамки здравого смысла. В результате многие люди, читающие подобную литературу, начинают смотреть на вещи неправильно: у них создается представление, что старчество возможно без усиленного занятия Иисусовой молитвой и что наставником может быть только богоносный старец. Таким образом, человек охладевает к своему руководителю, перестает доверять этому брату (или сестре), пусть такому же страстному, как и он, но более опытному в духовной жизни. Он соблазняется, видя действительные или мнимые недостатки своего наставника, а эти недостатки в монастыре, конечно, утаить трудно, поскольку мы живем одной семьей. И когда более опытная монахиня дает своей послушнице советы (разумные настолько, что при здравом рассуждении человек мог бы и сам понять, что поступать нужно именно так), то послушница, вместо того чтобы прислушаться к ним, пренебрегает ими, требуя от наставницы особенного бесстрастия, прозорливости и едва ли не чудотворения. Например, сестре говорят: «Когда молишься Иисусовой молитвой, не вступай в собеседование с помыслами, потому что от этого у тебя страсть усилится», а она удивляется, как старица смеет давать ей такие советы, если сама не бесстрастна. Но разве бесстрастный человек дал бы ей другой совет? От преувеличенных требований возникает недоверие к

руководителю. Такой «ревнитель православия» из-за своего недоверия, своеволия, самонадеянности лишается реальной возможности получать пользу от духовного руководства. Он очень затрудняет свою духовную жизнь и свое спасение, отказываясь от той скромной помощи, которую ему предоставил Промысл Божий.

Хорошо было бы, чтобы у каждого из нас была такая старица, как амма Синклитикия, амма Сарра, амма Феодора и другие преподобные подвижницы. Но я думаю, что такие старицы и старцы даже во времена расцвета монашества были не у всех. Мы читаем в патериках о том, что такой-то старец пришел, допустим, к Антонию Великому и привел с собой своего ученика. Можно сделать вывод о том, что этот старец искал у великого подвижника назидания не только для ученика, но и для себя.

Вероятно, великие старцы не могли ежедневно следить за всеми своими чадами. Так, Пахомий Великий руководил несколькими монастырями, и в каждом было более тысячи монахов. Мог ли Пахомий Великий, которого все эти монахи, конечно, считали своим духовным наставником, руководить ими непосредственно? Безусловно, не мог. Но в то же время нельзя представить себе и то, что эти люди могли жить совсем без руководства. Значит, каждого из них наставлял какой-то старец или духовник. Но, видимо, эти руководители не были такими выдающимися по своим духовным качествам, как Пахомий Великий: мы не знаем ни имен этих людей, ни того, какими особенными добродетелями они обладали.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что есть люди, которые, находясь в тине страстей, предостерегают проходящих мимо, чтобы они тоже не упали в эту тину, а Господь, видя такое их доброе делание, и их самих избавляет от страстности. Имея опыт борьбы со страстями (конечно, если они действительно ведут борьбу), такие люди могут поделиться этим опытом с братьями или сестрами. Значит, человек может быть наставником и тогда, когда в нем действуют страсти. Но одно дело, когда человек ведет борьбу со страстями, и, отстраняясь от собственной борьбы, руководит другими, и совсем иное –

когда человек руководит под влиянием страсти. Тогда он действительно не имеет права быть старцем. Бывает, что человек подвержен гордости до такой степени, что сам ее не видит и руководствуется ею в своих поступках. Если он будет наставлять других, то, конечно, причинит им вред. А иной человек хотя и имеет гордость, но борется с ней, стоит выше ее и руководит не под влиянием этой страсти, а наперекор ей. Такой человек имеет право быть наставником и может помочь другим.

Это не только теоретическое рассуждение, но и жизненно важная установка: от старца нельзя требовать, чтобы он был идеальным, потому что таким образом мы его фактически низвергаем. Мы видим, что он не соответствует идеалу и теряем в него веру. К старческому руководству надо относиться просто, по-деловому.

* * *

Вопрос. Нужно ли убеждать в пользе умного делания людей, которые считают, что от молитвы обязательно впадешь в прелесть и что занятие молитвой – это дело святых? Некоторые говорят, что сначала нужно стяжать покаяние и смирение, а потом дерзать произносить молитву Иисусову, а не молитвой достигать покаяния.

Ответ. Это то же самое, что сказать: сначала нужно поесть, а потом обед приготовить. Можно ли поесть, если у тебя обед еще не готов? Это абсурд. Может быть, существуют и другие способы достичь покаяния и смирения, но в любом случае они связаны с молитвой и в широком смысле слова все они будут умным деланием. Допустим, я буду читать не Иисусову молитву, а псалмы: стану упражняться во внимательном, покаянном чтении псалмов. Но если нам даже при помощи Иисусовой молитвы трудно приобрести покаяние и смирение, то при чтении псалмов это сделать еще труднее. И если мы порой впадаем в прелесть, занимаясь Иисусовой молитвой, которая по своему содержанию есть молитва покаянная, научающая нас не надеяться на себя и таким образом смиряться, то тем более мы впадем в прелесть, читая длинные молитвословия. Поэтому, мне

думается, достичь покаяния и смирения без умного делания, Иисусовой молитвы на практике почти нереально. Теоретически можно стяжать эти добродетели, много упражняясь в молитвословиях, но ведь при этом нужно следить за своей внутренней жизнью. А при чтении длинных молитвословий, допустим покаянных канонов, это делать гораздо труднее, чем при занятии Иисусовой молитвой.

Ответ на вопрос о том, стоит ли убеждать кого-то в пользу умного делания, зависит от того, кто будет убеждать. Я, например, имею право говорить о пользе умного делания – это даже мой долг. Старицы или настоятельница также обязаны в этом убеждать людей, но не всех, а только тех, которые к ним обращаются и которые им доверяют. Но прежде всего надо заботиться о собственном спасении.

Вопрос. В монастыре есть сестры, имеющие много теоретических знаний как в духовном, так и в общеобразовательном плане, которые, тем не менее, не отличаются особым преуспеянием. Почему так происходит, почему количество не переходит в качество?

Ответ. Духовное преуспеяние зависит не от образования, а от разных духовных качеств, изначально – от ревности. Конечно, очень важно иметь такие добродетели, как смирение, послушание. Старец Силуан Афонский был малограмотным, но высокопреуспевающим. Антоний Великий был вообще неграмотным. Образование духовному преуспеянию не препятствует, но и не способствует. Образованность может принести человеку (а через него и другим людям) как пользу, так и вред; последнее – в случае если он воспользуется им неправильно. Например, Ориген был необыкновенно образованным человеком, но свои способности он употребил во вред Церкви, став, если так можно выразиться, одним из выдающихся ересиархов. В его книгах содержалось столько различных лжеучений, что впоследствии их заимствовали многие еретики. А ведь он был человеком гениальным.

Что автор записки имел в виду под словами: «много знать в духовном отношении»? Настоящее духовное знание – это опытное знание, вот оно ценно. Если человек прочитал много

святоотеческих книг на аскетические темы, то это не значит, что он приобрел духовное знание, – это теоретическая подготовка. Но он, имея ревность и усердие, может воспользоваться своими знаниями. А тот, кто читает книги, но ничего из прочитанного не исполняет, пожалуй, получит от этого еще и вред: в нем может возникнуть мечтательность. Ты читаешь, например, книгу Исаака Сирина и представляешь себя Исааком Сириним, читаешь Симеона Нового Богослова и думаешь: «Я Симеон Новый Богослов». Таким образом человек о своей духовной жизни только мечтает, а на самом деле ее не ведет: смотрит на картину, на которой изображен источник воды, а воду эту не пьет. Такой человек подобен спящему, которому снится, что он идет. Это происходит с теми людьми, которые много знают, но не применяют своих знаний на практике. Бывает наоборот: человек прочитал мало книг, но имеет собственный опыт. Он читает для того, чтобы применить знания на практике и проверить собственный опыт, и может преуспеть в гораздо большей степени.

Только про Иисусову молитву можно, наверное, сказать, что ее количество переходит в качество, но и это происходит не всегда, а лишь тогда, когда человек проявляет к ней усердие. Если же он аккуратно исполняет правило и даже читает молитву в течение всего дня, но не старается удерживать внимание на словах молитвы, то количество в качество не перейдет никогда. Некоторые люди, усердно стремясь к духовному преуспению и не замечая в себе этого усердия – так как считают его чем-то само собой разумеющимся, – молятся Иисусовой молитвой непрестанно, и количество молитвы у них переходит в качество. Но эти люди не осознают того, что такое изменение в молитве происходит не само собой, а благодаря тому усердию, которое они не умели в себе ни оценить, ни даже рассмотреть.

Вопрос. Расскажите, как удержать благодать? Как не растратить ее, молясь за других людей, а особенно за врагов?

Ответ. Не нужно думать, что когда мы молимся за других людей, то обязательно растрачиваем благодать. Конечно, за тех, кто ведет нехристианский, а может быть, и явно греховный

образ жизни, а также за маловеров нам молиться трудно. Молиться за человека, ведущего благочестивый образ жизни, или за самих себя гораздо проще и легче. Главное не в том, сохраняем мы благодать или растрачиваем ее, а скорее в том, больше мы ее приобретаем или меньше. Иногда молиться настолько трудно, что всякое внимание рассеивается. Я думаю, что на практике нужно делать так: помолившись за родных – немного и по благословию, – нужно молиться за себя и покаянием приобретать должное душевное расположение, внимание к молитве, смирение.

Вопрос. На службе я часто наслаждаюсь пением. Правильно ли это? Внимание в молитве, конечно, ослабевает, и я укоряю себя в этом.

Ответ. Конечно, когда слышишь красивое пение, особенно если к нему еще не привык, оно впечатляет и отвлекает на себя внимание. Это естественно. Но отсюда не следует, что с этой красотой нужно бороться. Через некоторое время человек привыкает к хорошему пению, и тогда оно, наоборот, начинает способствовать молитве и вызывать именно те чувства, которые необходимы в тот или иной момент богослужения. В особенности это касается знаменного распева, который и рассчитан именно на то, чтобы в определенные моменты службы вызывать у молящихся соответствующие чувства. Мне кажется очень вдохновляющим супрасльский распев. Когда я служу литургию, мне очень помогает молиться то, что наши певчие поют супрасльским распевом. Сейчас я уже привык, а когда наши певчие только-только стали исполнять этим распевом литургию, я ощутил большую разницу между тем и другим пением и почувствовал то, как мне трудно было сосредоточиться раньше, когда пение было партесным (иногда приходилось даже заставлять себя не обращать на него внимания), и то, как легко мне стало молиться теперь. Действительно, партесное пение отвлекает от молитвы, оно вызывает тоску, грусть, сентиментальность и не способствует настоящей сосредоточенности, собранности при молитве. Оно не возвышает душу, а, напротив, приземляет ее. Я это испытал давно, когда был еще мирянином. В Успенском соборе² нашего

города пели очень хорошо (профессионально), но исполняли авторские произведения, например Чайковского или других, менее известных композиторов. Молиться при этом было невозможно. Во-первых, не было понятно ни слова, а во-вторых, возникало такое ощущение, будто находишься в концертном зале.

Если правильное песнопение отвлекает от молитвы своей красотой, то это происходит по непривычке к нему. Пройдет несколько богослужений, ты привыкнешь, и тогда пение, наоборот, будет помогать тебе молиться. Если мы, зайдя в храм, заметим какую-нибудь прекрасную икону, то она тоже своей красотой привлечет наше внимание и уменьшит внутреннюю сосредоточенность. Но впоследствии эта икона будет способствовать нашему молитвенному настроению.

Вопрос. У меня нет возможности посещать те храмы, где поют знаменным распевом. Это плохо?

Ответ. Почему же? Были подвижники, которые никогда не слышали знаменного распева и тем не менее духовно преуспевали. Например, отец Иоанн Кронштадтский. Едва ли можно предположить, что во второй половине XIX столетия он слышал знаменные распевы или видел канонические иконы. Однако это не помешало ему стать тем, кем он стал. Впрочем, лучше, чтобы все в храме было правильно, тогда ничто не будет препятствовать духовному развитию человека, а все будет этому только способствовать.

Вопрос. Я люблю в свободное время слушать записи церковных песнопений. Как относиться к такому увлечению?

Ответ. Желание слушать церковные песнопения вне богослужения я не очень одобряю. Иногда можно и послушать, но если человек делает это постоянно (я не имею в виду певчих, которым такое прослушивание необходимо), то проводит время в праздности. Он, возможно, предпочел бы эстрадную или классическую музыку и таким образом развлекся, но поскольку этого делать нельзя, он слушает церковную. Конечно, лучше слушать музыку церковную, чем эстрадную, но, наверное, еще лучше – молиться или читать святых отцов.

Вопрос. Мне кажется, что заповеди Божии предполагают занятие умным деланием не только в монастыре, но и в миру. Например, есть заповедь *Не суди*. Чтобы не осудить человека на словах, мирянину также нужно удерживаться от осуждения и в мыслях. То же самое можно сказать и о других заповедях. Согласны ли вы с этим?

Ответ. Конечно, я с этим согласен. Нельзя утверждать, что умное делание – это единственный способ исполнить заповеди, но это наиболее удобный, можно сказать, легкий путь. Конечно, вы можете возразить: зачем нам идти легким путем? Но так может подумать о себе только самонадеянный, гордый человек, который почему-то считает, что он способен идти и трудным путем. А человек благоразумный всегда выберет наиболее легкий путь. Умное делание, как я сказал, не единственный способ исполнить заповеди, хотя и самый, так сказать, эффективный. Поэтому нельзя осуждать людей, которые не занимаются умным деланием.

Вопрос. Какой вред бывает от множества пустых слов и как от этого воздерживаться?

Ответ. Конечно, пустословие приносит вред, но не всякий разговор можно назвать пустословием. Если это необходимая беседа по послушанию, пусть даже иногда и пространная (например, в швейной мастерской обсуждают, что и как нужно шить), то она оправданна. А если начинают говорить о том, что к делу не относится, или принимают бесконечно обсуждать то, что давным-давно известно или вскоре выяснится само собой, то это уже пустословие. Как от этого избавиться? Сделать это очень тяжело, потому что язык – такой член тела, которым движут все страсти. Спаситель сказал: *Не то оскверняет человека, что входит в уста, но что выходит из уст, ибо из сердца исходят помышления злая* (см. [Мф. 15, 11](#) и 19). Все злые помышления, исходящие из сердца, приводят в действие наш язык. А поскольку в нашем сердце злых помышлений очень много, то трудно надеяться на то, что наша речь очистится прежде, чем мы избавимся от страстей.

Нужно стараться приучать себя к молчанию, вместе с тем понимая, что главное в борьбе со страстями – это очищение

сердца. Конечно, нельзя пренебрегать борьбой с пустословием, не заботиться об удержании языка и нельзя свободно действовать по нашим страстям. Удерживая язык, мы таким образом сопротивляемся страсти пустословия и боремся с нею. Ведь если мы хотим очистить себя от блудной страсти, то мы должны не только молиться против нее, но и противиться ей на деле. Желая избавиться от гнева, мы не только молимся против гнева, но и в повседневной жизни ему сопротивляемся.

Полной победы над страстью пустословия можно достичь только тогда, когда мы избавимся от всех страстей. Поэтому при всей своей внешней простоте это очень трудная задача.

Вопрос. Говорят, как сначала поведешь себя в монастыре, так пройдет и вся будущая жизнь. Как вести себя новоначальной послушнице, чтобы достичь пострига или хотя бы немного преуспеть?

Ответ. Что значат слова: «как сначала поведешь себя в монастыре»? С самого начала необходимо ревностно относиться к своему послушанию, к своей духовной жизни. Но на первых порах в монастыре невозможно вести себя хорошо. Если какая-нибудь сестра, допустим, гневлива, то каким образом она вдруг станет кроткой? Конечно, у нее это не получится: она будет спотыкаться и падать, гневаться вновь и вновь. Ничего не поделаешь, здесь необходимо терпение, покаяние, понуждение себя, и эта борьба может растянуться – а, скорее всего, так и будет – на многие годы. Невозможно всегда вести себя безупречно. Человек, который пытается надеть на себя такое ярмо, а потом приходит в отчаяние оттого, что вновь и вновь падает, поступает неразумно. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что свои страсти нужно терпеть так же, как мы терпим недостатки ближних. Конечно, терпеть страсти не означает примириться с ними – надо потерпеть борьбу со страстями.

Доброе начало для послушницы состоит в том, чтобы иметь ревность и усердие к главным добродетелям, от которых происходят все остальные. Главные же добродетели – это непрестанная молитва, внутреннее внимание, откровение помыслов, послушание старице, настоятельнице, смирение

перед сестрами. Если будут эти основные добродетели, в особенности непрестанная молитва и послушание (понимаемое прежде всего как послушание старице, то есть послушание в духовном смысле), тогда и все остальное постепенно придет. Этим нужно положить доброе начало, иначе потом все может пойти криво и вкось. Ведь если фундамент положен криво, то и стена будет неровная, она может даже треснуть или рухнуть.

Кроме того, новоначальной послушнице необходимо отбросить все мысли об уходе из монастыря. В противном случае человек никогда не утвердится, он будет думать: «Если что, я уйду в другой монастырь или вернусь к мирской жизни». А когда он этот помысел отсекает, то ему ничего другого не остается, как только слушаться. Мы должны понимать, что нам совсем необязательно исполнять свои желания. В миру люди обычно видят цель жизни в том, чтобы исполнить все свои желания. А мы должны иметь в виду, что этого делать не нужно, и тогда нам бороться со страстями будет уже легче. Мы будем знать, что греховных стремлений исполнять нельзя, и станем искать способы для того, чтобы победить грех. А если мы изначально считаем, что в крайнем случае какое-нибудь наше желание можно и осуществить, то мы прежде вступления в битву уже примирились с поражением.

Но самое главное, повторяю, это непрестанная молитва и послушание. Это две лепты, которые наша душа, подобно бедной вдовице, может пожертвовать Богу. И это может оказаться больше того, что давали Богу от избытка своих способностей древние подвижники. У нас больше ничего нет – мы люди нищие, убогие, немощные во всех отношениях.

Вопрос. Если Господь знает, кто будет спасен, но вместе с тем на свободу выбора человека не оказывает никакого давления, то может ли наша деятельность повлиять на предопределение Божие?

Ответ. Зачем об этом думать? Если бы мне даже стало известно, что существует предопределение Божие о том, что я должен погибнуть, то я бы не примирился с этим. Нет смысла рассуждать о предопределении Божиим, нужно заботиться о

своим спасением. Христианское учение пронизано мыслью о спасении, стремлением к нему, а спасение, как справедливо говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), нужно погибающему. В этом смысле все мы имеем на себе страшное предопределение: мы обречены на гибель, если не приложим все усилия к достижению своего спасения.

Человек, который предполагает, что по предопределению Божию погибнет, не будет заботиться о своем спасении. Мне кажется, что предопределение Божие можно изменить как в одну, так и в другую сторону. Иначе зачем в Апокалипсисе было бы сказано: *Если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни* (Откр. 22, 19)? Значит, можно оказаться и вычеркнутым из книги жизни. А если кого-то исключат, тогда место освободится и, может быть, впишут кого-нибудь другого.

Вопрос. Что означают слова Спасителя: *Всяк бо огнем осолится, и всяка жертва солию осолится* (Мк. 9, 49)?

Ответ. Слова *всяк бо огнем осолится* касаются каждого человека. Пища без соли для обычных людей (не натуропатов) безвкусна. Всем известно, что с самой глубокой древности пищу всегда солили. Когда ее солят, она становится пригодной к употреблению, без соли же еда отвратительна; так же и всякий человек: если в нем будет огонь благодати, огонь ревности, то он приобретает «вкус» и становится пригодным для вечной жизни. А если в нем этого огня нет, значит, ничего у него не выйдет, что бы он ни делал.

И аще око твое соблажняет тя, исткни е: добрее ти есть со единым оком внити в Царствие Божие, неже две оце имущу ввержену быти в геенну огненную, идеже червь их не умирает, и огонь не угасает. Всяк бо огнем осолится, и всяка жертва солию осолится (Мк. 9, 47–49). Если в нас не будет самоотречения, жестокой борьбы с собой, духовной ревности, то наша вера теряет смысл. Мы становимся несоленой пищей. *И всяка жертва солию осолится.* Это сравнение взято из Ветхого Завета, в котором предписывалось приносить Богу жертвы. Всякая жертва Богу должна быть осолена, это значит, что без

ревности все наши добрые дела теряют смысл и наша жертва становится «безвкусной».

Добро соль, аще же соль не слана будет, чим осолится? (Мк. 9, 50). А здесь под солью имеются в виду уже все христиане. Мы являемся солью мира. Если мы потеряем свою «соленость», то нам «осолиться» будет уже нечем. *Имейте соль в себе* (Мк. 9, 50) – это также означает, что нужно иметь ревность: если ее в нас не будет, то извне мы ее получить не сможем. Слово «соль» употребляется здесь в нескольких значениях и относится к разным предметам. Во-первых, мы должны осолиться огнем; во-вторых, должна осолиться наша жертва; в-третьих, мы должны быть солью соленой, то есть соответствовать своему назначению; и, в-четвертых, нам необходимо иметь в себе соль, не быть «безвкусными», «пресными».

О послушании и рассуждении³

В своих беседах и проповедях я уже не раз говорил, что наше послушание должно сочетаться с рассуждением. Однако одновременно нам нужно следить за тем, чтобы у нас не возникла склонность к недоверию наставникам, – иначе мы будем во всем сомневаться и таким образом разлагать ту основу, ту сущность монашеской жизни, которая, собственно, и делает монашество монашеством.

Действительно, рассуждение необходимо всегда. Никто и никогда не научит нас так, чтобы рассуждать уже было не нужно. Но надо знать меру своего рассуждения. Человеческий ум как океан, и он обязательно должен быть ограничен берегами. Ум можно уподобить и реке. Когда река выходит из берегов, она все разрушает. Если же она течет в своем русле, то, наоборот, приносит пользу всему, что растет на ее берегах. Если мы не будем удерживать свой ум в определенных рамках, то наше рассуждение будет не рассуждением, а полным произволом.

Человеку страстному, своевольному, естественно, слушаться трудно, потому что он не хочет бороться со своей страстностью и своеволием. Своеволие – это именно желание исполнить ту или иную страсть. Когда страсти в человеке действуют слабо, то и своеволие в нем ослабевает, а когда они действуют мощно, то понуждают волю напрягаться и искать возможность исполнить то, что они велят.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) сказал, что страсти лукавы. Иногда они принимают вид добродетели. Не нужно думать, что, например, блудная страсть всегда проявляется открыто. Когда человек понимает пагубность этой страсти, пытается с ней бороться, то она иногда облекается в какие-то завуалированные формы. То же самое можно сказать и про другие страсти, в особенности тщеславие, которое может принять вид даже смирения. Это бывает очень часто, особенно в монашеской жизни. Мы знаем, как должен вести себя смиренный человек, знаем, что смирение – добродетель весьма

важная и все одобряют ее. И вот человек начинает ходить со скромным видом, с опущенными глазами... Я не говорю, что это всегда плохо. Это хорошо, если служит естественным проявлением сердечного чувства, а не маской.

Не всегда человек, который смотрит прямо, является гордым, а тот, кто ходит опустив глаза, – смиренным. По неопытности, бывало, и я путался. Хотя и знаешь верность русской пословицы, что в тихом омуте черти водятся, но все же иной раз ошибаешься. Человека горделивого и чрезвычайно своевольного иногда принимаешь за смиренного именно благодаря его поведению: он говорит тихим голосом, ходит мелким шагом, с опущенной головой, глаз не поднимает, – но все делает так, как ему хочется – тихо, спокойно, но ни в чем никому не уступая. И оказывается, что человек этот отнюдь не смиренный, а чрезвычайно гордый, иногда даже одержимый сатанинской гордостью.

Итак, мы видим, что наши страсти не всегда действуют открыто и иногда принимают вид добродетелей. Тщеславие принимает вид смирения. Блудная страсть иногда прикрывается желанием проповедовать лицу другого пола. Гнев может скрываться под видом духовной ревности. Страсти подобны волкам, которые облачаются в овечью шкуру. Поэтому слова Спасителя *Берегитесь лжепророков, которые подобны волкам в овечьей шкуре* (см. Мф. 7, 15) надо понимать, конечно, в прямом смысле, но их можно отнести и к внутренней жизни.

Но бывает, что страсти не только принимают вид добродетелей, но и ищут себе оправдания. Допустим, я не слушаюсь, в особенности в духовном отношении. Я нерадив к молитве, не хочу отсекал своих помыслов – значит, нерадив и в отношении внутренней борьбы. Я испытываю лень к послушанию, к выполнению той или иной монастырской работы. А в монастыре работа – это не просто работа, это отсечение своей воли, в котором тоже выражается некоторая самоотверженность. Работа, если относиться к ней разумно, также превращается в духовное делание. Как же человек оправдывает свое нерадение? Происходит то, что

вообще очень часто бывает в человеческой жизни: люди ищут виноватого.

Допустим, я говорю двенадцатилетней сестре Евгении: «Молись Иисусовой молитвой – ты будешь получать от нее большую пользу. Никогда не оставляй Иисусову молитву. Не пропускай правило и на правиле изо всех сил молись. Не будь нерадивой. Не молись с холодком, а всегда понуждай себя, насколько это для тебя возможно, ко вниманию». Сестра Евгения слушает, наставление ей очень нравится. Потом она уходит и не делает ничего из того, что ей сказано. Ей трудно себя заставить: хочется попрыгать, поскакать, бабочек половить, а тут надо целых полтора часа стоять на правиле. И вот она прыгает, прыгает, потом приходит ко мне: «Отец Авраам, ничего не получается». – «А почему не получается?» – «Не знаю, видимо, вы что-то не так сказали».

Чего желает сестра Евгения? Бегать за бабочками, но чтобы при этом у нее читалась Иисусова молитва. Ей хочется, чтобы в наставлении это учитывалось. И сестра Екатерина тоже хотела бы вдвоем с сестрой Евгенией прыгать за бабочками. Умом они понимают, что молиться Иисусовой молитвой – это хорошо и полезно, но понуждать себя к этому у них нет ни желания, ни сил. Им хочется совместить свои детские и сравнительно невинные страсти с духовным деланием.

Отец Авраам скажет: «Конечно, я тебя понимаю. Ты хорошая девочка, и бабочки тоже красивые. Но вообще-то это неприлично. Не надо прыгать за бабочками. Как же ты можешь прыгать и молиться одновременно? Это нелепо. Ты ведь не юродивая». Сестра Евгения говорит: «Да, наверное, вы говорите правильно», но в ее душу уже вкралось некоторое сомнение. «Что-то не понимает меня отец Авраам, – думает она. – То, что он не прозорливый, я вижу уже давно. Но он не понимает моей души. Для меня бабочки – это все. Вот сестра Екатерина меня понимает. Она видит, что бабочки – это прекрасно, это творение Божие. И, прыгая за бабочками, мы таким образом прославляем Бога. А что пользы, если я сижу в келии, где бабочек нет и прыгать негде! Ужасное положение в

монастыре. Жить невозможно. И как же я буду прославлять Бога, не прыгая за бабочками? Отец Авраам этого не понял, а сестра Екатерина понимает. У нее есть рассуждение, хоть она и молоденькая. Потому что есть опыт духовный. А отец Авраам хоть и больше прожил, но у него, видимо, этого духовного опыта нет, потому и рассуждения нет».

И вот наши юные сестры начинают друг с другом советоваться. А иногда они ищут кого-нибудь постарше, но с таким же детским умом, действительно находят такого человека, который бы потворствовал их страстям, и считают, что приобрели прекрасного наставника. Отец Авраам их удовлетворить не может, потому что не дает такого наставления, которое позволяло бы совместить их страсти со стремлением к познанию Бога, с любовью к Богу, с усердием к Иисусовой молитве. Но на самом деле такого наставления не сможет дать никто! Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сказать, что нужно молиться, нужно смиряться, нужно побольше молчать и так далее. О подобном явлении говорил еще апостол Павел: *Ибо будет время, когда... по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху* (2Тим. 4, 3).

Иногда бывает, что даже в святоотеческих книгах начинают искать оправдания своим страстям. Допустим, берет сестра Евгения какую-нибудь книгу. Открывает ее: третье, четвертое, пятое, десятое – это все не подходит. Ага, вот – нашла что-то о богомыслии и думает: «Вот я как раз за бабочками прыгаю, а это ведь богомыслие. Я же размышляю о творении Божиим, какой Бог премудрый Творец, какой Он великий Художник! А отец Авраам это отрицает. Как же так? Неужели он умнее, чем, например, святитель Тихон Задонский?» У святителя Тихона Задонского через пять страниц написано то же самое, о чем говорит и отец Авраам, но это ей уже не подходит. Человек выбирает не то, что его обличает, что обнаруживает его страстность и позволяет увидеть себя, как в зеркале, в наставлении своего духовника, в наставлении святоотеческом, в Священном Писании. Он предпочитает то, что льстит его страстям и его оправдывает.

Про себя скажу, что я тоже грешил таким образом. Правда, своему духовнику я верил, но в книгах искал себе оправдания. Мне не хотелось просто смиренно молиться, ежедневно трудиться над собой. Хотелось быстрых, легких результатов, возвышенных добродетелей. И я искал у святых отцов изречения, льстившие моему тщеславию, которые я принимал за стремление к возвышенной христианской любви. Я искал высказывания, которые бы оправдывали, как мне казалось, какой-то мой особенный, быстрый путь к совершенству. Даже выписки делал. Потом, правда, понял, что эти выписки были не на пользу, а во вред, хотя все они были сделаны из творений святых отцов. Я увидел, что неразумное отношение к святоотеческой литературе тоже может оказаться для человека вредным, и книги святых отцов из-за неопытности человека (а совсем не из-за того, что святые отцы писали плохо и неправильно) могут послужить средством к прельщению и самообольщению.

Мнение о том, что в наше время нет таких старцев, какие были в древности, конечно, вполне справедливо. Справедливо и то, что нужно читать святых отцов и ими руководствоваться. Но все должно быть разумно, не следует уклоняться ни в ту, ни в другую сторону. Уклониться в одну сторону – значит, бесприкословно слушаться кого угодно. Уклониться в другую – не слушаться вообще никого или искать таких учителей, которые бы оправдывали твои страсти.

Бывает немощный ученик, но бывает и немощный учитель. К немощному учителю можно найти ключик – подыграть каким-то его слабостям. Такой учитель бывает очень рад, что к нему обратились за наставлением, в нем начинает действовать страсть тщеславия. Его до некоторой степени обожествляют, делают из него идола. И он, польщенный вниманием и доверием к нему, начинает наставлять своих учеников так, как им нравится, – отчасти потому, что желает показать таким образом свою к ним «любовь» и удержать их при себе, а отчасти потому, что человек, обладающий умом или хитростью, обычно легко склоняет такого наставника к тому, чтобы он говорил то, чего от него ждут.

Бывает, что духовник действительно оказывается неправ. Ему могут что-то подсказать или возникнут какие-то новые обстоятельства, и он свое решение изменит. Но, конечно, есть положения, от которых отступать нельзя: их справедливость известна по опыту. Например, разумный человек не скажет, что Иисусовой молитвой молиться вредно, если только не в виде исключения особенно горделивому человеку, да и то едва ли. Такому можно просто объяснить, как молиться правильно, но не запрещать вообще молиться Иисусовой молитвой.

Немощный учитель дорожит хорошим к себе отношением. Он не обязательно является священником – это может быть человек во всем тебе равный, но желающий быть в роли учителя, допустим та же самая послушница. Во многих людях есть очень вредная, очень опасная страсть любоучительства. Мы почти все болеем ею и пытаемся навязать друг другу свое понимание вещей, хотя на самом деле не имеем на это права.

Итак, с одной стороны, люди, желающие оправдать свою страстность, свое своеволие, сами ищут такого руководителя. С другой – любоучительный наставник бывает рад, когда кто-то спрашивает его совета. Образуется пагубный союз: один ищет самооправдания, другой – славы. Эти люди находят общий язык, заключая своего рода негласный договор. Это очень опасное состояние как для того, так и для другого.

Вполне может быть, что человек в одном отношении является учеником, а в другом – учителем. Допустим, сестра Евгения обращается к сестре Екатерине и та оправдывает ее желание прыгать за бабочками какой-то цитатой из «Закона Божия», который она прочитала, может, до половины. А сестра Екатерина, в свою очередь, обращается к какой-нибудь сестре постарше, которая ей говорит, что вообще прыгать – это хорошо. «Не обязательно за бабочками, – начинает философствовать она, – можно и за кузнечиками, и за птичками». А та думает: «Какая мудрая сестра! Не только за бабочками, но еще и за кузнечиками. А птичками любоваться – это вообще богословие». Все эти люди с детским умом питаются «наставлениями» друг друга, а какая от этого может быть польза? Человек закосневает в самооправдании.

Ревностные послушницы обычно этого не ищут. Они получают пользу от любого человека и преуспевают, не задумываясь о том, понимают их или нет. Они не ищут у наставников того, чтобы их «понимали» (то есть оправдывали), а сами хотят понять, чего желают от них духовные руководители, и стараются это исполнить, отсекая свои страсти и свою волю.

Да и что там понимать? Если что-то плохо – значит, плохо. Допустим, старица говорит сестре: «Знаешь, ты за бабочками не прыгай, это все суетно и ни к чему. Надо молиться». А та думает: «Да она меня не понимает! Я ведь не за бабочками прыгаю, я дождевых червей люблю копать, а она мне про своих бабочек говорит». Как будто есть какая-то разница: копаешь ли ты дождевых червей или прыгаешь за бабочками – суть-то одна и та же. Зачем в этих глупостях разбираться? Грех и есть грех. Какая разница между тем, что один любит блондинок, а другой – брюнеток? Разве блудная страсть от этого перестала быть блудной страстью?

Нужно не ждать потакания своим страстям, а стараться понять, что от тебя требуется, и искать строгого отношения к себе. Читать Священное Писание и святых отцов с целью самообличения, а не самооправдания. Чересчур критическое отношение к полученному наставлению под предлогом рассуждения (а на самом деле из-за своеволия, саможаления и тому подобного) – это и есть признак самооправдания.

Впадая в маловерие по отношению к послушанию, мы не сможем достичь успеха в духовном делании. Я могу долго наставлять какую-нибудь сестру, но если она не сделает того, что я сказал, а будет продолжать исполнять свою волю, то она не получит от моего совета никакой пользы. Совет помогает тогда, когда его исполняют. Только в этом случае можно понять его правильность или неправильность. А если ты, немного потрудившись, оставляешь свой подвиг, предавшись нерадению, а то и вовсе не принимаешься за духовное делание, в чем бы оно ни состояло, то, конечно же, ты не познаешь, правильно тебя наставляли или нет. Ты не сможешь сказать своей старице или духовнику: «Вот, вы мне говорили то-

то и то-то, а у меня не получается. Я сделала, и результат такой-то».

Нерадивый человек будет топтаться на месте. Он проживет в монастыре и год, и два, и три, и двадцать лет – и безуспешно, если не начнет понуждать себя прежде всего к послушанию в духовном смысле. Однако еще раз повторю, что монастырские работы – это часть духовного делания. Может быть, не самая главная, но все-таки существенная, потому что здесь проявляется самоотвержение человека. Монастырский опыт показывает: тот, кто самоотверженно трудится на послушании, чаще всего и сподобляется внимательной, а иногда и благодатной молитвы. Об этом говорит и святитель Игнатий, об этом свидетельствует и мой опыт как духовника.

Думать и рассуждать нужно, но в меру своего возраста. Если ты рассуждаешь о том, как исполнить то, что тебе говорят, – это прекрасно. А если о том, правильно ли тебе говорят, значит, надо с собой что-то делать, потому что это состояние очень тяжелое. Ты пришла к старице, ничего еще не знаешь, едва начала молиться устной Иисусовой молитвой – и уже сомневаешься в самых элементарных советах, о которых ты могла бы, конечно, прочитать сама, если бы знала где. Если ты сомневаешься даже в этом, то что будет дальше? Что же ты вообще будешь делать в монастыре? Найди такого наставника, который позволял бы тебе, как в сказке Пушкина, «царствовать лежа на боку». Чтобы можно было спать, есть, и при этом преуспевать в умном делании. Чтобы можно было хитрить – и от этого приобретать покаянный плач. Чтобы можно было беречь свое здоровье – и одновременно думать о смерти. Найди такого наставника, если он, конечно, существует.

Книги, которыми, безусловно, необходимо постоянно насыщать свой ум, чтобы пропитать всего себя святоотеческим учением, тоже нужно читать с рассуждением. Надо знать, что тебе подходит, а что не подходит; что сегодня является преждевременным, а завтра, может быть, окажется необходимым. Не следует выбирать у святых отцов только то, что тебя оправдывает или возбуждает у тебя неразумную ревность, которая, между прочим, часто совмещается с

тяжелейшим нерадением. Человек не радуется о том, в чем ему нужно подвизаться, а там, где ему нужно еще смиряться, он выказывает неразумную ревность. Например, он ленив в монастырских трудах и в то же время проявляет ревность даже не в отношении Иисусовой молитвы, а в отношении невероятно возвышенных добродетелей, например любви к ближнему, которую Иоанн Лествичник помещает на тридцатой, высшей ступени нравственной лестницы.

Итак, не нужно уклоняться ни в ту, ни в другую сторону. Не следует искать такого совершенного послушания, которое было только в древности, как говорит об этом святитель Игнатий, но нельзя и уклоняться от послушания и откровения помыслов. Да, святитель Игнатий пишет о том, что сейчас абсолютное послушание невозможно, но нужно правильно понимать, что он имеет в виду. Сам он во всех обителях, где бывал руководителем, насаждал старчество, и его ученики исповедовали свои помыслы. Иногда он и смирял своих учеников – и они этому покорялись, хотя, казалось бы, тоже могли сказать: «Отец Игнатий, вы же не Антоний Великий».

Послушание в наше время святитель Игнатий называет «жительство по совету». Вот как он описывает это в книге «Приношение современному монашеству»: «Крупницами названо в предшествовавшей главе духовное жительство, предоставленное Промыслом Божиим нашему времени. Оно основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых отцов, при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братьев. В собственном смысле это – послушание древних иноков в ином виде, приспособленном к нашей немощи, преимущественно душевной. Древним послушникам их духоносные наставники возвещали немедленно и прямо волю Божию: ныне иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании, и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и погрешностям. Тогда преуспевание было быстрым по свойству делания: ныне оно косо опять по свойству делания. Таково благоволение о нас Бога нашего: мы обязаны покорствоваться ему и со благодарением благоговеть

пред ним. Наше современное иноческое житительство по Писанию и совету отцов и братий освящено примером главы монашества преподобного Антония Великого. Он не был в послушании у старца, но в новоначалии своем жил отдельно и заимствовал наставления из Писания и от разных отцов и братий: у одного научался он воздержанию, у другого кротости, терпению, смирению, у иного строгой бдительности над собою... стараясь усвоить себе добродетель каждого добродетельного инока, всем оказывая по возможности послушание, смираясь пред всеми и молясь Богу непрестанно. Поступай и ты, новоначальный, таким образом! Оказывай настоятелю и прочему монастырскому начальству нелицемерное и нечеловекоугодливое послушание, послушание, чуждое лести и ласкательства, послушание ради Бога. Оказывай послушание всем отцам и братиям в их приказаниях, не противных закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского начальства. Но никак не будь послушен на зло, если б и случилось тебе потерпеть за нечеловекоугодие и твердость твои некоторую скорбь. Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братиями; но усваивай себе советы их с крайнею осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя! По страстности и слепоте твоей иной страстный и зловредный совет может понравиться тебе единственно по неведению и неопытности твоим или потому, что он угождает какой-либо сокровенной, неведомой тобою, живущей в тебе страсти. С плачем и сердечными воздыханиями умоляй Бога, чтоб Он не попустил тебе уклониться от Его всесвятой воли к последованию падшей человеческой воле, твоей или ближнего твоего, твоего советника. Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуйся с Евангелием. Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом, который принимается неопытным новоначальным с безотчетливою доверенностью, с плотским и кровяным

разгорячением! им нужен успех, какого бы ни был качества этот успех, какое бы ни было его начало! им нужно произвести впечатление на новонаначального и нравственно подчинить его себе! им нужна похвала человеческая! Им нужно прослыть святыми, разумными, прозорливыми старцами, учителями! им нужно напитать свое ненасытное тщеславие, свою гордыню»⁴.

В нашей обители мы поощряем чтение святых отцов и считаем, что это одно из самых важных занятий. Но и при чтении святых отцов нужно пользоваться наизиданиями современных отцов и братьев. Это также практикуется в нашем монастыре. На первом месте у нас, конечно же, Священное Писание, многие часто читают Евангелие и даже носят маленькое Евангелие при себе, чтобы читать его постоянно.

Еще раз обратимся к следующему наставлению святителя Игнатия: «В собственном смысле это – послушание древних иноков в ином виде, приспособленном к нашей немощи, преимущественно душевной. Древним послушникам их духоносные наставники возвещали немедленно и прямо волю Божию». Мы, конечно, не претендуем на то, что при откровении помыслов и исповеди открываем своим послушникам волю Божию. Никто и не дерзнет подумать такое, потому что это было бы, я считаю, проявлением сатанинской гордости. Даже отец Николай Гурьянов, когда его спрашивали: «Как мне спастись?» или «В чем воля Божия?» – говорил: «Я не знаю». Как можно на такой вопрос ответить? Если б спросили, как молиться или как смиряться, – другое дело.

Очень часто, читая приведенные мной слова святителя Игнатия, замечают только одну мысль: нельзя слушаться в наше время так, как слушались подвижники в древности. А вот про то, что нужно «оказывать настоятелю и прочему монастырскому начальству нелицемерное и нечеловекоугодливое послушание, послушание, чуждое лести и ласкательства, послушание ради Бога», – забывают. Это как раз пример того, о чем я говорил: мы выбираем из одной и той же книги то, что нас оправдывает, и совершенно не замечаем того, что нас обличает.

Еще хочу прочесть вам фрагмент из другой главы той же книги святителя Игнатия: «Для отражения греховных помыслов и мечтаний отцы предлагают два орудия: 1) немедленное исповедание помыслов и мечтаний старцу, и 2) немедленное обращение к Богу с теплейшею молитвою о прогнании невидимых врагов»⁵. Неужели святитель Игнатий против откровения помыслов? Если тебя мучают какие бы то ни было помыслы: гордости, лени, гнева, уныния – какой угодно страсти, то что ты, как новоначальный, должен сделать в первую очередь? Конечно же, исповедовать их старцу или старице. Неужели можно сказать, что святитель Игнатий был против послушания вообще? Он был против неразумного послушания, против злоупотребления послушанием.

Итак, откровение помыслов необходимо, совет необходим, и даже при чтении святых отцов нужно советоваться с более опытной братией. Кроме того, необходимо откровение помыслов как борьба. Если мы терпим поражение в борьбе с помыслами, то это потому, что мы их скрываем.

«Для отражения греховных помыслов и мечтаний отцы предлагают два орудия: 1) немедленное исповедание помыслов и мечтаний старцу, 2) немедленное обращение к Богу с теплейшею молитвою о прогнании невидимых врагов. Преподобный Кассиан говорит: „Всегда наблюдай главу змея, то есть начала помыслов, и тотчас сказывай их старцу: тогда ты научишься попирать зловерные начинания змея, когда не постыдишься открывать их, все без изъятия, твоему старцу“»⁶.

Итак, святитель Игнатий, который справедливо отрицает послушание, подобное послушанию древних монахов, в то же самое время говорит, что нужно старцу исповедовать все помыслы «без изъятия». Кому же их исповедовать, если сегодняшний старец – не Антоний Великий? Тому, кто более опытный, чем мы. Иоанн Кассиан Римлянин советует, если у нас нет собственного рассуждения, пользоваться рассуждением предупевшего брата, то есть того, который более успел в духовной жизни, чем мы. Если же мы начинаем некоторые помыслы «изымать», как говорится у святителя Игнатия, не

открывать все без изъятия и, естественно, не получаем от этого облегчения, то кто же в этом виноват?

Далее святитель Игнатий пишет: «Этот образ борьбы с бесовскими помыслами и мечтаниями был общий для всех новоначальных иноков в цветущие времена монашества»⁷. Итак, в этом отношении святитель Игнатий не видит разницы между древними временами и нашими. «Новоначальные, находившиеся постоянно при своих старцах, во всякое время исповедали свои помышления, как это можно видеть из жития преподобного Досифея, а новоначальные, приходившие к старцу своему в известное время, исповедовали помышления однажды в день, вечером, как это можно видеть из «Лестницы» и других отеческих книг. Исповедание своих помыслов и руководство советом духоносного старца древние иноки признавали необходимостью, без которой невозможно спастись»⁸.

С одной стороны, у нас есть старчество как институт монашества. Нельзя постригать в монашество, если нет старца, и это не формальность, как, к сожалению, в наше время считается. Старец – это более опытный монах. Когда он принимает на себя руководство новопостриженным, он должен обладать бóльшим опытом. Руководство необходимо, хотя такое послушание, какое оказывали древние монахи великим угодникам Божиим, например Антонию Великому или Макарию Великому, невозможно. В то же время мы знаем, что и в древние времена не все были такими, как Антоний, хотя сравнительно опытных монахов было довольно много. У нас такого нет, но, пренебрегая тем малым, что у нас есть, мы лишаемся вообще всего.

Вернемся к святителю Игнатию. Ни в коем случае нельзя делать вывод, что он против послушания. Как апостол Петр говорит, что некоторые люди неправильно понимают апостола Павла и прельщаются его писаниями, так можно сказать и про святителя Игнатия. Человек может прельститься всем. Дьявол, как вы помните, искушал Спасителя в пустыне, приводя Ему слова из девяностого псалма: *Ангелам Своим заповедал о тебе... на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень*

ногою *твоею* (см. Пс. 90, 11 и 12). Получается, что диавол может искушать чем угодно, если он не побоялся цитировать слова из псалма Давидова.

Хотя это уже не касается непосредственной темы нашего разговора, но все-таки скажу, что те люди, которые нерадивы в послушании, нерадивы и в молитве. Это удивительно, но это так. Казалось бы, люди должны усерднее молиться, если они не доверяют наставнику, и больше надеяться на Бога. Однако тот, кто не радеет об откровении помыслов, как правило, не радеет и о молитве: ни о непрестанной молитве, ни тем более об усиленной молитве во время искушения.

Я привел вам пример того, как можно неправильно понимать святых отцов из-за собственного ослепления страстями. Поэтому и святоотеческие книги нужно читать с советом. Преподобные подвижники последнего времени, например Паисий (Величковский), советуют: если нет возможности иметь духовного руководителя, то следует советоваться с единомышленными братьями. Без совета оставаться нельзя. Нужно искать не такого человека, который бы тебе льстил, а такого, который способен дать действительно беспристрастный, искренний совет. Именно при тщательном изучении святых отцов и при духовном руководстве и совете, можно духовно развиваться, пусть даже и не в такой мере, в какой развивались и преуспевали древние иноки.

Надо еще сказать, что те люди, которые не радуют о послушании и молитве, как правило, нерадивы и в чтении. А если читают, то читают не то, что нужно, а то, что им заблагорассудится, читают просто из любопытства. В завершение беседы приведу такой пример: один монах с удовольствием читал книги Софрония (Сахарова), которые ему никак не подходили. Конечно, его книги полезны, но этот монах не мог получить от них практической пользы, потому что там описаны высокие степени совершенства, а этот человек был весьма скромного преуспевания. Он с удовольствием читал апологетические книги, в особенности современных писателей, например отца Андрея Кураева и других, но никак не мог читать святых отцов. Он с трудом читал святителя Игнатия, под

большим нажимом прочитал, кажется, только один том. И этот человек не имел настоящего искреннего послушания, правда, исполнял некоторое время молитвенное правило, но потом совершенно остыл, впал в нерадение и, можно сказать, развратился.

* * *

Вопрос. У святителя Игнатия (Брянчанинова) сказано: будь осторожен в выборе наставника. Как это понимать?

Ответ. Нужно понимать, что если человек не имеет совершенно никакого опыта духовной жизни, то наставлять других он не может. Многие люди, имеющие духовное образование, окончившие семинарию или академию, такого опыта не имеют. Если они и знают святых отцов теоретически (впрочем, в наше время и такие знания – тоже редкость), то часто цитируют их не к месту, руководят неправильно. Эти люди могут пользоваться выдержками из других духовных книг, не святоотеческих, из учебников, но это все же не настоящее духовное руководство. В то же время нельзя требовать от наставника того, чтобы он исполнял все заповеди и был в полном смысле слова евангельским христианином, – в наше время таких наставников найти почти невозможно. Поэтому нужно довольствоваться наставничеством того, кто живет, руководствуясь святыми отцами, и стремится к исполнению заповедей, кто имеет опыт евангельской жизни (пусть не полной, не совершенной), кто хотя бы отчасти познал, что такое борьба с грехом. Для нашего времени это тоже немало. Святитель Игнатий говорит о себе словами Иоанна Лествичника, что он похож на того человека, который сам упал в яму и предостерегает тех, которые проходят мимо, чтобы они тоже в эту яму не упали. Как пишет Лествичник, такие люди за молитвы тех, кого они предостерегли от падения, может быть, и сами избавятся от этой ямы страстей.

Если мы будем требовать, чтобы нами руководил духоносный старец, то можем остаться вообще без наставника. Мы забываем, что мы, может быть, и не достойны иметь таких великих наставников, поэтому Бог и посылает нам руководство скромное, но все-таки спасительное, то есть

удобное и достаточное для спасения. Когда мы начинаем искать совершенных христиан, подобных тем, которые описаны в житиях святых, то часто натываемся на проходивцев или прельщенных. Тем, кто находится в прелести, свойственно быть своего рода актерами, они изображают из себя святых, и это подкупает неопытных, простых людей.

К выбору духовного наставника надо подходить действительно с большой осторожностью. Как говорит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, в наставнике нужно искать прежде всего рассуждение. Духовное рассуждение, то есть умение руководить по евангельским заповедям, – вот то свойство, которое необходимо для старца или духовника. Святитель Игнатий говорит о том, что нужно искать людей, которые знают духовную жизнь не теоретически, а практически.

Руководителем монашествующих, конечно, должен быть монах. Среди белого духовенства есть люди опытные и в мирской жизни мудрые. Но монашествующим они дать совета не смогут, потому что монашеской жизнью не жили, хотя некоторые из них достаточно рассудительные и могут руководить и мирянами, и монахами. Нужно помнить: не все то золото, что блестит. Надо откровенно сказать, что среди священников есть и «актеры». Приходит человек на работу, надевает подрясник, рясу и превращается в священника. Работа окончилась, маска снимается, и домой идет уже не священник, а обыкновенный человек. В самой священнической среде таких людей называют наемниками. Такой наемник, естественно, на работе старается выглядеть благоговейно, кротко, любвеобильно, а на самом деле все это только маска. Конечно, это не значит, что всякий священник, который снимает рясу и уходит в гражданском, лицемер. Но нужно быть очень осторожным.

Вопрос. Можно ли нам относить к себе слова из «Лестницы»: «Душа, привязавшаяся ради Христа любвию и верою к пастырю, не отступает от него даже до крови; особенно же если она получила через него исцеление своих язв, памятуя сказавшего: *Ни Ангели, ни Начала, ниже Силы... ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве*

Христовой (Рим. 8, 38–39). Если же душа не привязалась таким образом, не утвердилась, не прилепилась: то удивляюсь, если таковой человек не тщетно пребывает на сем месте, будучи соединен с пастырем притворным и ложным повиновением»?⁹

Ответ. Боюсь, что так сказать будет очень дерзновенно. Но действительно, кто получает от наставника пользу, тот и привязывается к нему и больше ему доверяет. А нерадивый пользы не получает и, вместо того чтобы обличать себя, начинает искать причину своего малого преуспеяния в ком-то другом и делает вывод: ныне, мол, нет такого великого наставника, который был бы меня достоин.

Вопрос. Силуан Афонский пишет, что Серафим Саровский познал благодать Святого Духа, а потом, когда благодать ушла, стоял на камне три года ради ее возвращения. А Варсонофий Оптинский говорит, что отец Серафим стоял на камне из-за искушения, которое пришло к нему, потому что он отказался от настоятельства. Почему такие разные мнения?

Ответ. Я не знаю, не берусь судить. Отец Андрей (Машков) считал так же, как Варсонофий Оптинский. Но я все-таки думаю, что старец Силуан Афонский был преподобному Серафиму ближе как по степени преуспеяния, так и по самому духу подвижничества. Преподобный Серафим Саровский был безмолвником, отшельником. А старец Силуан, хотя и провел много времени в монастыре, но при чтении его писаний кажется, что по духу своему он безмолвник (я думаю, рассудительные люди это подтвердят). Он сумел как бы уединиться в монастыре, ему удавалось среди людей сохранять умное безмолвие. Поэтому он прекрасно понимал опыт преподобного Серафима, знал, что происходит в душе подвижника.

Я не думаю, что преподобный Варсонофий испытал такие же возвышенные духовные состояния, как преподобный Серафим, а вот про Силуана Афонского такое можно сказать. Поэтому мне кажется, что мнение старца Силуана более правдоподобно. Если вы помните житие преподобного Серафима, то знаете, что он был относительно молодым, когда во время богослужения в Великий четверг ему явился Господь на воздухе и благословил его, и Серафим, тогда еще

иеродиакон, исполнился великой благодати. Конечно, неопытному человеку сохранить столь великую благодать очень трудно. Видимо, старец Силуан догадывался, что особенный подвиг преподобного Серафима Саровского вызван не чем иным, как потерей благодати, желанием вернуть это блаженное состояние, – поскольку старец и сам имел подобный опыт. У Симеона Нового Богослова есть рассказ о некоем юноше Георгии, который в юности познал необыкновенную благодать, а потом потерял доверие к своему старцу, прекратил подвизаться и поэтому лишился благодати. Уже впоследствии он стал подвизаться для того, чтобы вернуть ее, и только в малой степени возвратил, уже будучи в монастыре. Иные приобретают благодать постепенно и к старости доходят до высокой степени совершенства, другие сразу познают полноту благодати, но потом теряют ее и в дальнейшем подвизаются для того, чтобы ее вернуть.

Повторю: мне кажется, что мнение Силуана Афонского более правдоподобно, чем мнение Варсонофия Оптинского, потому что старец Силуан имел соответствующий опыт. Все-таки оптинские старцы не имели такого великого преуспевания, как, например, Силуан Афонский, может быть за исключением подвижника Николая Турки, который был восхищен на небеса.

Вопрос. К чему приводит ропот на духовника и как его избежать?

Ответ. Ропот ведет к недоверию или, может быть, наоборот – ропот бывает от недоверия. К чему он приводит? К тому, что ты не получаешь пользы от послушания, потому что не исполняешь того, что тебе говорят. Даже мирянам нужно иметь духовника. Пусть это будет не какой-то мудрый старец, но более или менее здравомыслящий священник, при котором ты не стыдишься открыть свою душу и от которого ничего не скроешь. Если ты нашел такого духовника, который может дать тебе какой-то совет, подбодрить или укорить, и ты готов вытерпеть от него укоры, то в наше время это уже много.

Что значит ропот на духовника? Если ты начинаешь роптать на его душевные слабости, которые есть у всякого человека, то это приведет к тому, что ты от него отшатнешься, перестанешь

ему доверять, перестанешь все рассказывать. Значит, надо искать другого духовника, а это трудно. И тогда ты, как говорится, пускаешься в вольное плавание. А самостоятельное плавание очень опасно: может случиться кораблекрушение.

Вопрос. Я хотела уточнить: у святых отцов написано, что против духовника бывает особенно сильная брань, когда ты получаешь от него особую пользу.

Ответ. Действительно, и в таком случае бывает брань против духовника. Даже святитель Игнатий говорит, что одна из причин, возбуждающих брань, – это послушание духовнику или старцу. Он перечисляет четыре причины, по которым начинается брань и которые потом приводят к покаянию: делание Иисусовой молитвы, чтение Евангелия и исполнение евангельских заповедей, терпение скорбей и, наконец, послушание духовнику. Это естественно, потому что духовник воюет с нашей страстностью, а наш ветхий человек этому противится.

Брань возникает оттого, что наше падшее естество или, если можно так выразиться, злая часть нашего естества противится добру, которое нам как бы навязывается (или которое мы сами насильно себе навязываем) через молитву, терпение скорбей, послушание и исполнение Евангелия. Все это нас стесняет, убивает нашего ветхого человека. Поэтому, естественно, против духовного наставника возникает брань. Но когда мы это состояние осознаём, то являемся союзниками духовника в борьбе со своим падшим естеством. А когда мы по наивности или из-за самооправдания, лукавства, гордости не хотим этого видеть, тогда становимся союзниками нашего греховного естества и боремся с тем, кто ведет нас к спасению, – с духовником. Мы говорим всякие возвышенные слова о том, что сейчас нет таких старцев, как в древности. А какой от этого результат? Мы повинемся диаволу.

Безупречных старцев нет, это правда. Но мы часто слушаемся людей, которые еще меньше похожи на старцев, чем те, кто обладает хоть каким-то опытом. Или начинаем слушаться сами себя, точнее сказать, прислушиваться к бесовским внушениям. Вот что получается, если мы

отказываемся повиноваться тому наставнику, который дан нам Промыслом Божиим. В этом случае мы ведем себя подобно человеку, который плывет на утлой лодке и вдруг, решив, что она для него слишком утлая, бросается за борт.

Вопрос. О трех образах молитвы сказано: «Аще сии три образы употребляет во свое время, якоже подобает, то предсказывает: аще же употребит несмысленно и безвременно, низвергается»¹⁰. Что значит «несмысленно и безвременно»?

Ответ. «Несмысленно» – это по-русски означает «неразумно», а «безвременно» – «несвоевременно». Употреблять описанные образы молитвы, которые бывают уже от преуспевания в умном делании, мы можем, но только в свое время. Если же мы еще не преуспели, а ищем каких-то сверхъестественных состояний, то от этого, естественно, может быть прелесть и все что угодно.

Я всем советую прочесть «О трех образах молитвы» Симеона Нового Богослова. Это очень полезно. В русском «Добротолюбии» опущен очень важный момент, на который обращает внимание Симеон Новый Богослов: он советует выбирать тот образ сосредоточения во время молитвы, который и мы многим рекомендуем в подходящее для них время, а именно – взирать глазами и умом на верхнюю часть сердца.

Вопрос. «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если ты истинно молишься – ты богослов». Как понимать эти слова?

Ответ. Под богословом здесь нужно понимать не того, кто обладает какими-то теоретическими познаниями в области богословия, а того, кто опытно, в молитве, познаёт Бога. Если ты истинно, внимательно, чисто молишься, если ты преуспел в молитве – ты будешь настоящим богословом, то есть сможешь говорить о Боге из собственного опыта, как это делали наши великие учителя Церкви. Они все были великими молитвенниками. Например, из стихотворений Григория Богослова видно, что он переживал возвышеннейшие духовные состояния. Он и сам говорит, что богословом может быть только тот, кто очистился (или по крайней мере очищается) ради Бога.

Вопрос. Что нужно понимать под самоотвержением на послушании? Отвержение своего рассуждения? Недоверие себе до конца? До какой границы должно простираться самоотвержение новонаначального?

Ответ. Самоотвержение, действительно, должно быть прежде всего в отвержении своего разума. Где отвержение своего разума, там и отвержение своей воли: если я считаю, что понимаю что-либо неправильно, значит, буду слушаться того, кто понимает правильно, то есть того, кто мною руководит. Отречься нужно именно внутренне – тогда это будет духовное послушание. А если я внешне повинуюсь, но внутри остаюсь уверенным в том, что я лучше понимаю, что мне надо, то послушание будет только внешней дисциплиной, подчинением без внутреннего согласия и принесет мало пользы. Хотя иногда бывает, что некоторые ревностные послушники, не испытывая в том или ином случае полного доверия, все же отвергаются себя, стараются в точности исполнить то, что им говорят, и чувствуют пользу. Неоднократно убедившись в полезности такого послушания, они привыкают повиноваться своему старцу.

Как далеко это должно простираться? Допустим, ты находишься на послушании, в котором, может быть, понимаешь больше, чем твой старец. Например, сестра лучше разбирается в иконописи, чем ее старица, и понятно, что здесь у нее не может быть точного послушания во всем, потому что старица не даст технического совета по написанию икон. Старица может посоветовать, какую икону надо писать в первую очередь или какое настроение придать иконе, – в этом она действительно разбирается лучше, и тут, конечно, нужно послушаться. Однако сестра лучше знает, как именно исполнить ее указание. Так можно сказать и о швейном послушании, и о певческом.

Конечно, можно в определенных случаях высказать свое мнение, настаивать на своем, попытаться переубедить. Но если старица или старшая по послушанию (а тем более настоятельница) требуют делать что-либо каким-то определенным образом, то пусть это будет трижды неправильно, но это благословение нужно исполнить ради

своей души. Мы находимся в монастыре ради послушания, а не ради того, чтобы красиво писать иконы, красиво петь и так далее. Пусть старец сам убедится, что он не прав.

Вопрос. Вы сказали, что хорошо иметь осознание того, что духовник ведет брань с твоими страстями, и тем самым быть ему в этом союзником. Это состояние бывает от преуспеяния, от опыта? И если такое осознание есть, может ли оно утратиться?

Ответ. Конечно, оно может утратиться. Мы можем потерять любую добродетель, если не будем ревновать о ее сохранении и развитии. Если человек, достигший самого высокого преуспеяния, потеряет ревность, то начнет терять благодать и нисходить в более скромное духовное состояние. Трудиться нужно всегда: *Кто не собирает со Мною, тот расточает* (Мф. 12, 30; Лк. 11, 23).

Это состояние необязательно зависит от преуспеяния. Например, я знаю, что целомудрие – это хорошо, а меня мучает нечистая страсть. Значит, я борюсь с этой страстью ради целомудрия, которого у меня нет. Знаю, что кротость – это хорошо, а меня мучает гнев; я должен бороться с гневом, чтобы достигнуть кротости, и так далее. Вначале я умом осознаю, что хорошо, и стремлюсь к этому, а потом уже приобретаю опыт и преуспеяние. Для того чтобы стать своему духовнику или своему старцу союзником, нужно действительно, как я уже сказал, иметь само осознание того, что он ведет брань с твоими страстями.

Вопрос. Батюшка, я верю, что если будет нужно, Бог подаст мне через старицу такой же ответ, какой дал бы Антоний Великий, и живу спокойно. Я правильно рассуждаю?

Ответ. Я думаю, что правильно. Расскажу про отца Андрея (Машкова). Он был очень простым человеком; наставляя, говорил незатейливые фразы, похожие на афоризмы, не прибегал ни к каким доказательствам и рассуждениям. Он, видимо, был неспособен говорить красиво: не имел образования и учености. Но как-то отец Андрей дал мне совет и очень настаивал на том, чтобы я его исполнил. Совет был такой: «Читай святителя Игнатия». Для

меня святитель Игнатий не был авторитетом: это же не Иоанн Лествичник, не авва Дорофей – тогда он и к лику святых не был причислен. Я ничему современному не доверял: считал, что все хорошее было только в древности, а современные писатели... Чего от них ожидать? Но отец Андрей стоял на своем, и я наконец достал некоторые книги святителя Игнатия. (Только во время перестройки мне удалось прочитать все его труды.)

И когда я последовал его совету, то получил огромную пользу, у меня в душе все перевернулось до такой степени, что я даже стал сомневаться в некоторых поучениях самого отца Андрея. Подобное впечатление произвели на меня только некоторые творения святых отцов. Ранее – предисловия Василия Поляномерульского, потом сочинения святителя Игнатия. Еще раньше, в молодости, меня сильно поразила беседа Серафима Саровского с Мотовиловым «О цели христианской жизни».

Я думаю, что, может быть, я был и прав в своих сомнениях, ведь отец Андрей говорил такие вещи, которые мне в тот момент были недоступны. Не потому, что он плохо учил, но потому, что для меня это было преждевременно. И ответ на свои сомнения я также нашел у святителя Игнатия.

Порой бывает, что и через очень скромного по духовному преуспеянию наставника (я сейчас имею в виду не отца Андрея, а нас), если доверяешь ему, можно получить пользу. Иногда даже таким неожиданным и странным образом: просто посоветовали что-то почитать. Многое зависит от доверия. Поэтому вы своим старицам доверяйте, и я бы также посоветовал за них молиться, особенно перед откровением помыслов. Это нужно и для их поддержки, и для того, чтобы вас самих Господь вразумил относиться к получаемым наставлениям с большей верой. И за духовника, конечно, тоже всегда надо молиться.

Об откровении помыслов¹¹

Сегодня речь пойдет об откровении помыслов. я попытаюсь рассказать об этом делании на основе Евангелия. С первого взгляда кажется, что в Евангелии об откровении помыслов ничего не говорится, Спаситель нигде этому не учит. О греховных помыслах в Евангелии сказано: *Из сердца исходят помышления злые* (см. Мф. 15, 19). А в ином месте Спаситель спрашивает учеников: *почему вы позволяете помышлениям входить в сердца ваши?* (см. Мф. 9, 4). Однако в Евангелии не упоминается о таком способе борьбы с помыслами, как их откровение, то есть рассказ о помыслах наставнику, что, по мнению святителя Игнатия (Брянчанинова), для новоначальных является, можно сказать, единственным способом борьбы с помыслами.

Если подходить поверхностно, взирая на монашество как на некий институт, учрежденный, по мнению некоторых историков, в IV столетии, то может показаться, что «откровение помыслов» и «послушание» в том виде, в каком они существуют в монашестве, возникли уже в позднее время и в Евангелии основания не имеют. Однако это не так. По словам священномученика Дионисия Ареопажита, который был учеником апостола Павла, то есть принадлежал к первому христианскому поколению, монашество существует с апостольских времен. Такого же мнения придерживался святитель Симеон Солунский, живший в XV столетии. В отличие от нынешних критически настроенных ученых, пытающихся осмыслить историю Христианской Церкви с точки зрения современной науки, он в своих рассуждениях о монашестве воспринимал историю так, как воспринимали ее святые отцы, – с позиции человека, находящегося внутри Церкви. Симеон Солунский считал, что монашество существовало с первых веков христианства и что апостолы были первыми монахами и даже носили некоторые монашеские одежды. Да и чин пострига, считал он, существовал с апостольских времен. Впоследствии обрядовая сторона была дополнена,

изменились монашеские одежды, но суть осталась та же. Ведь и обрядовая сторона церковных таинств была несколько изменена. Например, литургию мы сейчас служим не так, как служили ее в апостольские времена. В древности литургия длилась на протяжении целого дня. Это был особенный подвиг: первые христиане весь воскресный день проводили в молитве. в последующие времена люди уже не могли выдержать столь длительного богослужения, и святые отцы были вынуждены его сократить. Василий Великий, а потом Иоанн Златоуст в IV столетии изменили чин литургии и приспособили его к возможностям большинства обычных людей. Таким образом, изменения касались внешней стороны таинств, но не их сущности. Внешняя сторона монашества также могла изменяться. Возможно, и само понятие «монашество» появилось позднее. Однако суть его – отречение от мира, служение единому Богу без всякой привязанности к чему-либо земному, – конечно же, оставалась та же.

Пребывание апостолов со своим Учителем, Господом Иисусом Христом, во время Его трехлетней проповеди мы можем воспринимать как образ монашеской жизни, более того, как саму монашескую жизнь: они находились всегда при Нем, все Ему рассказывали, выслушивали Его наставления, все у них было общее. Даже из упоминания о том, что Иуда Искаротский носил ящик для пожертвований, можно заключить, что личных денег у них не было. Все необходимое они покупали на всю их странствующую общину (странствие было частью апостольского служения), тем не менее их образ жизни имел все признаки истинного монашества: послушание, нестяжание, беспристрастие ко всему земному, не только греховному, но и вполне невинному, естественному. Некоторые поступки апостолов мы можем охарактеризовать при помощи тех понятий, которые позднее в монашеской жизни закрепились в виде своеобразных терминов, отсутствие которых в самом Евангелии не означает, что в нем нет соответствующих понятий. Например, слово «послушание» мы обычно употребляем в двух значениях: послушание духовнику и послушание как работа. И если в Евангелии такой термин не употребляется, то это не

значит, что у апостолов не было послушания как образа жизни. В Евангелии не упоминается и об откровении помыслов, но это не значит, что апостолы были людьми скрытными. Об этой стороне апостольской жизни – откровении помыслов, вообще о том, к чему приводит откровение и к чему скрытность, я и хочу рассказать на основе Евангелия.

Наиболее ярким примером предельной открытости является для нас апостол Петр, а чрезвычайной, особенной скрытности – Иуда Искаротский. Господь Сам избрал всех двенадцать апостолов, и Иуда Искаротский не случайно попал в число ближайших учеников: видимо, нравственное состояние Иуды в то время делало его достойным избрания. Однако очень скоро он стал отличаться скрытностью, которая постепенно развивалась, пока не привела к столь страшному концу. Для чего Господь Иисус Христос начал обличать Иуду? Конечно, не для того, чтобы просто досадить, как, например, нередко поступаем мы, оскорбляя друг друга. Да и обличал Он не прямо: «Ты предатель» или «ты меня предашь», а косвенно. В разговоре со всеми учениками Он лишь намекал на внутреннее состояние одного из них, так что другие не понимали, о ком идет речь. Господь поступал так для того, чтобы Иуда раскрылся. Между прочим, это один из основных принципов откровения помыслов: ученик или послушник получает пользу не тогда, когда прозорливый старец видит его мысли, а когда он сам добровольно о себе рассказывает. У одного из поздних оптинских старцев спросили: почему он, зная мысли других людей, не говорит о них. Он ответил: «потому что люди не получили бы пользы, если бы я им рассказал их мысли сам». Старец ждал, когда люди раскроются. Иногда прозорливые старцы намекают на то, что они что-то знают, и таким образом подталкивают запутавшихся учеников к тому, чтобы те раскрыли свое внутреннее состояние. Именно так поступал Господь Иисус Христос, Который, конечно, был не просто прозорливый, а всеведущий.

После проповеди Господа о таинстве его Тела и Крови, когда многие не поняли Его учения и отошли, Он спросил двенадцать: *Не хотите ли и вы отойти?* (Ин. 6, 67). Почему

Он спросил об этом? Неужели Он думал, что все они хотят уйти? Нет. Это был намек на то, что один из них хочет так поступить. Но Христос не желал обличать этого человека явно, а давал ему возможность высказаться, покаяться и исцелиться от своего тайного греха, своей страсти. На вопрос Спасителя ответил Симон Петр. Как человек порывистый, открытый, он отвечал сам за себя, ему и в голову не могло прийти, что кто-то из двенадцати мог думать иначе, чем он сам. *Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго. Иисус отвечал им* (здесь Господь говорит более ясно. – Схиизгум. А.): *не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол* (Ин. 6, 68–70). Посмотрите, какая прозвучала, как бы мы сейчас сказали, грубость, какое оскорбление! У нас существует расхожее представление о любви. Зная, что *Бог есть любовь* (1Ин. 4, 8 и 16), источник любви, что любовь – это одно из имен Божиих, мы путаем истинную любовь с некоей вежливостью, с ласковым обращением. Конечно, Господь иногда ласково обращался со Своими учениками, говоря им: *Чадца!* Однако вежливость не всегда оказывается проявлением любви.

Мы выбираем из Евангелия то, что нам подходит, льстит нашим страстям, как, впрочем, и из всякой другой книги или учения. Мы хотим любви, но забываем, что любовь – это не обязательно добрые слова. Иногда любовь проявляет себя как жесткое обличение. Что может быть бóльшим оскорблением, чем назвать человека диаволом? Для верующего это хуже, чем сравнить его с каким-нибудь животным. *Это говорил Он об Иуде Симонове Искарите, ибо сей хотел предать Его, будучи один из двенадцати* (Ин. 6, 71). Господь не обличал его прямо, а только намекал, желая, чтобы тот открылся.

Другой пример – об апостоле Петре. В нем также, как мы видим, действовали страсти; возможно, он чего-то не понимал в словах и поступках Спасителя, но по своей открытости он сразу обнаруживал это перед Господом. Может быть, иногда он и боялся что-то сказать, но все-таки ничего от своего Учителя не утаивал. Господь его обличал, подчас очень жестко,

оскорбительно и унижительно. Однако мы видим результат: один ученик, скрытный, боявшийся обличения, унижения в глазах прочих, погиб, а другой, который все открывал и которого Спаситель откровенно унижал, получил от этого пользу, покался и исправился. Вспомним, что произошло, когда апостол Петр исповедал Господа Христом и Сыном Божиим. Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что́ свяжешь на земле, то́ будет связано на небесах, и что́ разрешишь на земле, то́ будет разрешено на небесах. Тогда Иисус запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос. С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И, отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что́ Божие, но что́ человеческое (Мф. 16, 13–23).

Если бы я кому-то сказал: «Отойди от меня, сатана!» – это прозвучало бы для того человека, наверное, хуже, чем какая-нибудь насмешка. Мы требуем любви, но не понимаем, что иногда любовь – это грубое, жесткое обличение ради пользы того человека, которого обличают. Если на предательство Иуды Искаротского Господь только намекает, говоря: «Один из вас диавол», то, обличая апостола Петра, говорит прямо: «Отойди

от меня, сатана!» – что, без сомнения, выдержать было гораздо тяжелее, чем намек. Однако апостол Петр отнюдь не собирался отходить от Господа. Он принял это обличение, понял, что ошибся, согрешил. И, естественно, старался буквально впитывать в себя все последующие слова любимого Наставника, которые научили бы его, как правильно себя вести. *Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною (далее Спаситель учит уже не обращаясь к Петру, поскольку только что его прогнал. – Схиигум. А.), отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою? ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его (Мф. 16, 24–27).* Об Иуде Искаротском Господь говорит: *Один из вас диавол.* Обращением ко всем двенадцати: *Не хотите ли и вы отойти?* – Он косвенно обличает Иуду, поскольку тот был немощным. В то же время Господь скрывает добродетель Петра, потому что он был смиренным и мужественным человеком, а не гордым, как Иуда Искаротский, и обращается ко всем: *Если кто хочет идти за Мною...* Конечно же, Петр, как один из самых ревностных учеников, с большей жадой, усердием принимал это поучение Спасителя, думая: «Что же нужно делать, чтобы идти за Господом?»

Другие ученики Спасителя, как видно из евангельского повествования, тоже были подвержены страстям, таким как гордость, тщеславие. Однако от своего Учителя они ничего не скрывали и со всем, что их волновало, – добрым или злым, приходили к Нему. *В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (Мф. 18, 1–3).* Посмотрите, с какой строгостью Господь опять обличает своих учеников. По простоте своей они думали, что кто-то из них окажется в этом

Царстве бóльшим. Слова Спасителя о Царстве небесном они понимали не в буквальном смысле, а в переносном: они представляли его себе как земное царство справедливости, в котором будут действовать высшие принципы и Божественные законы. Господь не снизошел к их детскому уму, а очень жестко обличил. Ученики спрашивают: *кто будет бóльшим в Царстве Небесном?* – а Он отвечает: *Вы не войдете в Царство Небесное.* Легко ли было услышать это людям, которые оставили всё: матерей, отцов или даже жен, как апостол Петр, – и последовали за Господом, были преданы Ему всей душой и любили Его как только возможно любить? Значит, Господь не жалел их, поскольку понимал, что ученики ищут спасения и поэтому могут выдержать жесткое обличение – они всё готовы принять. Апостолу Петру Господь говорит: *отойди от меня, сатана!* – а другим ученикам: *Вы не войдете в Царство Небесное.* и что же они? Отчаялись ли от подобного обличения? Нет. как апостол Петр не отошел, так и они не отчаялись, но стали внимать себе и думать: «что же необходимо сделать, чтобы войти в Царство Небесное?» И последующие слова Спасителя приняли как средство для исправления своего неправильного душевного устройства. Это тоже пример откровения помыслов.

Мы, конечно же, понимаем, что Евангелие говорит лишь о самых важных вещах. Например, евангелисты описывают только необыкновенные случаи исцелений, а о прочих упоминают кратко: *Многих Он исцелил (Мк. 3, 10).* Так и здесь они говорят только, я бы сказал, о вопиющих случаях: когда учеников обуревали те или иные страсти, они их открывали Господу и потому нуждались в жестком обличении. Надо думать, они обо всем спрашивали у своего Учителя, всё Ему рассказывали, как это обычно бывает с близкими людьми, испытывающими друг к другу особенное доверие.

Далее рассмотрим еще один пример обличения Господом Своих учеников и вместе с тем пример их откровенности перед Ним. *При сем ученики Его забыли взять хлебов и кроме одного хлеба не имели с собою в лодке. А Он заповедал им, говоря: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и закваски*

Иродовой. И, рассуждая между собою, говорили: это значит, что хлебов нет у нас. Иисус, уразумев, говорит им: что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? еще ли не понимаете и не разумеете? еще ли окаменено у вас сердце? (Мк. 8, 14–17). Как жестко, строго Он говорит с ними! И никто из учеников не обижается, потому что все они ищут спасения. Если бы я кому-то сказал: «у тебя каменное сердце!» (хотя это выражение более мягкое, чем *отойди от Меня, сатана!*) – то обиделись бы многие. *Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните? Когда Я пять хлебов преломил для пяти тысяч человек, сколько полных коробов набрали вы кусков? Говорят Ему: двенадцать. А когда семь для четырех тысяч, сколько корзин набрали вы оставшихся кусков? Сказали: семь. И сказал им: как же не разумеете? (Мк. 8, 17–21).* Спаситель прямо и открыто укоряет их. И все они принимают это – все, кроме одного, который не хотел сказать о своих мыслях, а если сказал бы, то, возможно, не совершил бы столь страшного греха. Мы сейчас не будем рассуждать о Промысле Божиим и о том, через кого он действует, но не нужно думать, что если бы Иуда Искаротский не предал Спасителя, то дело нашего спасения не совершилось бы. Господь, как всепремудрый, злую волю людей направляет так, чтобы она служила общей пользе, и Иуда Искаротский со своей злой волей был лишь слепым орудием в деле спасения человеческого рода. Не сознательным, как говорят некоторые еретики, а слепым! Если бы он все же открывал Господу свои мысли, как делали это апостол Петр и другие ученики, то, несомненно, не упал бы в столь страшную пропасть.

Вспомним еще об одном примечательном случае, описанном в Евангелии. *Пришел в Капернаум; и когда был в доме, спросил их: о чем дорогою вы рассуждали между собою? Они молчали; потому что дорогою рассуждали между собою, кто больше (Мк. 9, 33–34).* Итак, перед нами пример проявления гордости. Спаситель намекнул ученикам: «О чем вы говорили между собою?» Они молчали. Им было стыдно, потому что они понимали: Господу не понравится, что они поддались страсти и стали спорить о том, кто из них больше.

Видимо, между ними в то время было соперничество. Они молчали; потому что дорогою рассуждали между собою, кто больше. И, сев, призвал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою. И, взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня. При сем Иоанн сказал: Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами (Мк. 9, 34–38). Апостол Иоанн признаётся: мы так сделали, но правильно ли мы поступили? Вы знаете, что в то время апостолы уже могли изгонять бесов. Они были чудотворцы, понимаете? Не в переносном смысле, не в шутку, а действительно чудотворцы. Несмотря на это они не стеснялись спрашивать: «Правильно ли мы сделали, что запретили?» Это еще один пример их открытости. Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо кто не против вас, тот за вас (Мк. 9, 39–40). Итак, мы можем сделать вывод: ученики всегда обо всем спрашивали своего Учителя, всё Ему говорили. Поэтому не нужно думать, что откровение помыслов – это нечто необязательное, придуманное относительно поздно, в IV столетии. Нет, оно существовало с апостольских времен. Это учение, которое Спаситель преподавал не словами, а Своей жизнью. Он показал, каким должно быть истинно христианское общество, в особенности монашеское. Такой, собственно, и была Его община. Ученики жили вне брака, ничего личного не имели, все у них было общим, они находились в беспрекословном послушании у своего Учителя, вместе молились, вкушали пищу и, таким образом, были настоящими, истинными монахами. А впоследствии стали образцом для монашествующих всех времен.

Приведу другой евангельский пример. Когда же приближались дни взятия Его от мира, Он восхотел идти в Иерусалим; и послал вестников пред лицем Своим; и они пошли и вошли в селение Самарянское, чтобы приготовить

для Него; но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешественного в Иерусалим. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? (Лк. 9, 51–54). Они не дерзают сами молиться и просить об этом Бога, хотя уже были чудотворцами. Заметьте, события происходили, когда приближались дни взятия Его, то есть в последний год Его служения, перед крестными страданиями. К тому времени ученики уже имели опыт исцеления больных, изгнания бесов и чувствовали в себе силу, которая давала им дерзновение просить Бога истребить нечестивцев, не пожелавших принять Мессию. Но они опять не посмели сделать это самостоятельно. Обратите внимание: не послушник, еще ничего собой в духовном смысле не представляющий, а чудотворцы спрашивали, можно им сделать это или нет. Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать. И пошли в другое селение (Лк. 9, 55–56). Спаситель снова очень строго их укорил. Ученики думали, что они имеют власть своей молитвой свести с неба огонь, а Христос говорит им: Вы не знаете, какого вы духа. Мы бы сейчас сказали: «Вы бездуховные» или «У вас нет никакого рассуждения». Это пример, с одной стороны, того, что они были вполне откровенны перед Учителем, послушны Ему и принимали Его обличения со всей искренностью, а с другой – того, что Он был строг к Своим ученикам.

Можно вспомнить также о том, как некая женщина возливала миро на Господа Иисуса Христа перед Его страданиями. Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня

к погребению; истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала. Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его (Мф. 26, 6–16). Итак, скрытность постепенно привела Иуду Искариотского к тому, что он в конце концов решился исполнить преступный замысел, который вынашивал в течение нескольких лет. Время от времени Господь намекал ему на то, что знает об этом, и таким образом призывал его к покаянию. Но скрытность, самоуверенность, может быть, гордость – трудно понять душу такого человека, пожалуй даже невозможно – привели его к столь безумному преступлению: он предал Спасителя мира, можно сказать, продал за ничтожную сумму. Одни богословы говорят, что это была сравнительно крупная сумма, другие, что весьма ничтожная, но это не так важно. Важно то, что Господа, Царя царей, Бога богов, он продал за тридцать сребренников.

Какой из этого можно сделать вывод? Страсть безумна. С точки зрения здравого смысла этот поступок понять невозможно. Но если мы посмотрим на самих себя, то увидим, как и нами овладевают страсти. Какая-нибудь нелепость, овладев нашим сознанием, влечет нас к греху и имеет почти гипнотическую силу. Даже понимая, что то или иное делать нельзя, что это плохо, мы тем не менее удержаться не можем. Подобное случается тогда, когда мы позволяем страсти постепенно нами овладевать, то есть держим грех внутри себя, то ли надеясь сами его победить, то ли думая, что этот грех не такой страшный, то ли не желая от стыда его открывать. Апостол Петр все открывал, и Господь его обличал, называл сатаной, прогонял от Себя, всячески укорял, говорил ему и прочим ученикам: *Вы в Царство Небесное не войдете. Вы не знаете, какого вы духа*, но они всё терпели, принимали и изменялись к лучшему. Иуда же молчал, всем он казался хорошим, никто ни в чем его не подозревал, поскольку Господь никогда явно его не укорял. Напомню грубоватую, но

очень мудрую и точную пословицу: «В тихом омуте черти водятся». Когда человек ведет себя скрытно и вдруг обнаруживается, что он совершил какой-нибудь тяжкий грех, то для всех это оказывается неожиданностью. На самом же деле ничего неожиданного нет. Страсть в человеке постепенно развивается и, когда уже не может удерживаться внутри, приводит человека к страшному концу, что и произошло с Иудой Искаротским.

Вспомним другой случай, когда Мария, сестра Лазаря, излила миро на ноги Спасителя. *За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с Ним. Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира. Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали. Иисус же сказал: оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда (Ин. 12, 1–8).* Евангелист Иоанн прямо называет Иуду вором и указывает на то, что он стремился к накоплению денег. В нем преобладала страсть сребролюбия, но он это скрывал, в данном случае прикрываясь заботой о нищих. Вспомним о том, как Иаков и Иоанн просили Спасителя посадить их по правую и левую сторону от Него в Царствии Небесном. Ученикам Спасителя казалось, что в этом Царстве, которое они понимали как царство земное, однако построенное по небесным законам, они получают преимущества. Некоторые хотели славы, и господствующей в них страстью была гордость, а Иуда мечтал обладать богатствами. Как в Иуде была греховная немощь, так и в учениках была не меньшая немощь, ведь гордость более страшная страсть, чем сребролюбие. Однако те открывались, были обличаемы, исправлялись, а Иуда оставался

скрытным, поэтому страсть в нем развивалась и наконец, сделав его безумным, заставила совершить нелепое, жуткое преступление, осознав которое он уже не мог найти иного выхода, как только лишиться себя жизни.

Во время Тайной вечери, незадолго перед Своими страданиями, Господь Иисус Христос снова обличал апостолов Петра и Иуду. Однако Иуда и тогда не понял намек. Впоследствии Петр совершил страшное преступление – трижды отрекся от Господа, но в нем была благодатная сила, которая привела его к осознанию своего греха, покаянию, и он, как сказано в Евангелии, и сам обратился, и братьев своих восставил к покаянию. После того как Христа взяли под стражу, все апостолы бежали и тем самым в большей или меньшей степени согрешили. Но поскольку ученики привыкли бороться с собой, открывая помыслы и выслушивая обличения, то и здесь они пусть и пали, однако нашли в себе силу и мужество восстать и исправиться. Они потеряли всякую надежду, даже, может быть, разуверились в Христе как в Господе и Сыне Божиим, но всё же они осознали свой грех, по обыкновению собрались вместе и пусть в страхе, но поддерживали друг друга. Благодаря этому они смогли стать свидетелями воскресения Христова и были восстановлены в своем апостольстве. *И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искарйоту предать Его* (Иуда, тогда еще апостол, уже окончательно решился совершить предательство, и, конечно, Господь Иисус Христос, как всеведущий Бог, знал об этом. – Схиизм. А.), *Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясавшись. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан. Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после. Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною* (Ин. 13, 2–8). Перед крестными

страданиями Спасителя, когда Он еще находился в кругу ближайших учеников, апостол Петр, казалось бы, проявил смирение, но на самом деле это было лишь смиреннословие, разновидность гордости, о которой рассуждают святые отцы, в частности святитель Игнатий (Брянчанинов). И Господь не пожалел апостола Петра, а обличил, и тот принял это обличение. Он не оскорбился так, как в свое время Иуда Искаротский, когда не было принято его предложение продать миро и раздать деньги нищим (в таком случае и ему что-нибудь досталось бы). Но Петр тут же воскликнул противоположное: *Господи! не только ноги мои, но и руки и голову (Ин. 13, 9), только бы иметь часть с Господом! Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все. Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты (Ин. 13, 10–11).* Снова Спаситель намеком побуждает Иуду рассказать о его грехе, признаться в нем. Ведь если бы Иуда открылся, то обаяние и сила греха, та власть, которую диавол получил над ним из-за его скрытности, была бы уничтожена искренним рассказом, откровением.

Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете. Не о всех вас говорю; я знаю, которых избрал. Но да сбудется Писание: ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пядь свою (Ин. 13, 12–18). В последние часы перед крестными страданиями Господь неоднократно показывает Свое желание призвать Иуду Искаротского к откровенности, к тому, что мы сейчас называем исповедью. Теперь сказываю вам, прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я. Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня

принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня. Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит (Ин. 13, 19–22). Конечно, Господь Иисус Христос мог прямо сказать Иуде: «Ты – предатель», но это не принесло бы ему пользы. Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? Иисус отвечал: тот, кому я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту (Ин. 13, 23–26). Этот жест также был знаком особенной любви. Господь Иисус Христос подал Иуде кусок хлеба, оказав ему внимание. Сильных, мужественных Он обличает в лицо: *Отойди от Меня, сатана, Вы в Царствие Небесное не войдете, вы не знаете, какого вы духа, вы не будете иметь части со Мной.*

И после сего куска вошел в него сатана (Ин. 13, 27). Это сказано не в том смысле, что Иуда стал бесноватым, иначе он вел бы себя как безумный человек, а в том, что диавол совершенно овладел его умом и волей. Тогда Иисус сказал ему: *что делаешь, делай скорее (Ин. 13, 27).* Господь снова говорит ему: «Я все знаю». Однако страсть так овладела этим человеком, что он, все понимая, тем не менее уже не может себя удержать и исполняет свой страшный замысел. Разве мы не узнаём в этом себя в те моменты, когда позволяем тому или иному помыслу овладевать нами?

Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим. Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь. Когда он вышел, Иисус сказал: ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его. Дети! недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете

придти, так и вам говорю теперь. Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою. Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною. Петр сказал Ему: Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя. Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды (Ин. 13, 28–38). Конечно, апостол Петр не мог поверить последним словам Спасителя, потому что в тот момент он считал предательство невозможным для себя. Вскоре гордость и самонадеянность его подвели: он совершил троекратное отречение, но тем не менее покался. Теперь же он стерпел, принял обличение Спасителя и хотя не поверил, но не обиделся, не сказал: «как Ты можешь такое говорить! я Тебя так люблю, а Ты меня унижаешь!» Если он и скорбел, то эта скорбь была не от гордости, а от любви. И даже впоследствии, когда апостол Петр уже совершил страшный грех отречения, он также стерпел немое обличение Спасителя. Взяв Его, повели и привели в дом первосвященника. Петр же следовал издали. Когда они развели огонь среди двора и сели вместе, сел и Петр между ними. Одна служанка, увидев его сидящего у огня и всмотревшись в него, сказала: и этот был с Ним. Но он отрекся от Него, сказав женщине: я не знаю Его. Вскоре потом другой, увидев его, сказал: и ты из них. Но Петр сказал этому человеку: нет! Прошло с час времени, еще некто действительно говорил: точно и этот был с Ним, ибо он Галилеянин. Но Петр сказал тому человеку: не знаю, что ты говоришь. И тотчас, когда еще говорил он, запел петух. Тогда Господь, обратившись, взглянул на Петра, и Петр вспомнил слово Господа, как Он сказал ему: прежде нежели пропоет петух, отречешься от Меня трижды. И, выйдя вон, горько заплакал (Лк. 22, 54–62). Господь только укоризненно на него посмотрел. В тот момент нельзя было ничего говорить, ибо, сказав ему что-нибудь в укор, Господь подверг бы его опасности. Тем не менее этот взгляд

был для апостола Петра страшнее, чем любое укоризненное слово. Но отчаялся ли он? В тот момент он не мог сказать Господу: «прости меня, я согрешил», но в душе, конечно же, каялся, плакал и просил у Бога прощения.

Совсем другим было поведение Иуды после того, как он привел в исполнение свой страшный замысел. Здесь нужно отметить следующее. Для того чтобы показать воинам, кто из находившихся в Гефсиманском саду был Христос, Иуда выбрал в качестве знака поцелуй. Он и в эту минуту стыдился перед Господом и учениками явиться предателем, желая до последнего момента скрыть свой поступок. Даже здесь он хотел изобразить из себя ученика. Возможно, прочие апостолы и не понимали тогда, что происходит. *И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и колющими, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел? (Мф. 26, 47–50).* Близкому, преданному ученику Он говорит: *Отойди от Меня, сатана!* – а к самому немощному ученику, страшному преступнику, Он обращается: *друг...* С ревностными Он ведет себя строго, с немощными – очень мягко. В этих словах Спасителя также был призыв к покаянию: «Для чего ты сюда пришел? Чтобы предать меня или, может быть, покаяться? Чего ты ищешь? Найди то, что здесь можно найти, – покаяние. Это последняя для тебя возможность», но Иуда на Его призыв не откликнулся. чем это закончилось, вы знаете. Про апостола Петра сказано, что он *плакал горько*, а про Иуду говорится так: *Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам (Мф. 27, 3–4).* эти люди не способны были принять покаяние. Вместо того чтобы попытаться помочь павшему человеку, смягчить его мучительное душевное состояние, они, будучи сами злодеями, людьми каменносердечными,

использовав этого человека и поняв, что он им больше не нужен, отнеслись к нему безразлично. Они сказали: *смотри сам*. Иуда не открыл себя Тому, Кто мог принять от него покаяние, а те, перед кем он открылся, не были способны принести ему пользу и окончательно его погубили: *И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удавился* (Мф. 27, 5).

Жесткое обличение и грубое отношение необязательно являются признаками жестокости. мы видим, что любовь Спасителя к ближайшим ученикам проявлялась именно в подобной строгости. И наоборот, снисхождение более прилично для немощных. (Самым немощным оказался Иуда Искаротский, который в конце концов и погиб.) В сегодняшней беседе на основе Евангелия я хотел показать вам, как важно откровение помыслов: оно избавляет человека от власти дьявола и приводит его в истинно евангельское состояние, а скрытность, наоборот, – к полной гибели. Как я уже говорил, апостол Петр покаялся в своем согрешении. Когда Господь явился на озере Тивериадском, Он трижды спросил Петра (хотя тому было обидно это троекратное вопрошение): *Любишь ли ты Меня?* (см. Ин. 21, 15–17). В третий раз Петр со скорбью отвечал: *Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя* (Ин. 21, 17). Здесь также проявилась открытость ученика – Петр сказал то, что было у него на душе. И обнаружив свою любовь, он покрыл ею свое прежнее согрешение. Открытость его спасла, можно сказать, вытащила из адской бездны (падение Петра и падение Иуды Искаротского были приблизительно одинаковой тяжести). Однако покаяние спасло Петра, а замкнутость ничем не помогла Иуде. Он пришел к тем, которые, казалось, были его союзниками, однако помочь ему они не могли. Апостол же Петр впоследствии собрал разбежавшихся учеников, и они поддерживали друг друга. Таким образом ученики дождались воскресения Спасителя, а апостол Петр получил прощение из уст Самого Господа.

Я провел беседу об откровении помыслов, основываясь именно на Евангелии, также и для того, чтобы показать необыкновенную важность этого делания, чтобы никто не думал, будто оно изобретенное, случайное, ненужное. Когда у

человека нет возможности открывать помыслы, то ему волей-неволей приходится с трудом искать иные способы борьбы со страстями. Если же такая возможность есть, а человек пренебрегает тем, что даровал ему Промысл Божий, то он пренебрегает своим спасением. После того как апостолы разошлись с проповедью по всему миру, они уже не имели возможности кому-либо рассказывать о своих переживаниях. Однако в то время, когда Учитель был с ними, они это делали, а кто не делал, тот погиб.

* * *

Вопрос. Как открывать помыслы человеку, которого не любишь и поэтому не доверяешь ему?

Ответ. Необходимо заставлять себя. Мы открываем помыслы не потому, что любим. Можно кого-то полюбить и открывать ему помыслы, но от этого пользы не получишь. Должно быть доверие, основанное, однако, не на чувствах и симпатии, а на здравом смысле. Мне нужно рассудить: по святым отцам человек учит или нет. Любовь и расположение приходят тогда, когда чувствуешь от руководства пользу. Кто ищет спасения, тот не смотрит, красивый человек или некрасивый. какая была внешность у отца Андрея (Машкова)? Редкая бородка, ничего особенного, величественного. Ходил он одним боком несколько вперед, потому что у него был поврежден позвоночник, ничего мудреного не говорил. Я искал наставника, который учил бы меня Иисусовой молитве, и Господь привел меня к отцу Андрею. Внешность не имеет никакого значения. Густая борода, например, и величественный вид – это еще не признак духовности, однако люди невольно испытывают к такому священнику особое расположение. Бывает оно и к тем, кто красиво говорит. Конечно, умение говорить проповеди – это дарование, но скорее естественное, чем благодатное. Бывают люди благодатные, но красиво говорить не умеющие. Отец Андрей объяснялся так незатейливо, что его едва-едва понимали. Это был очень простой человек, но он имел опыт, а это самое главное. если человек хорошо знаком с творениями святых отцов и умеет пользоваться их учением, к месту

цитировать, то свой опыт он может излагать словами святых отцов, а если он читал мало или не умеет пользоваться тем книжным багажом, который у него есть, то он говорит просто, своим языком. Однако его опыт совпадает с тем, что говорят святые отцы. Таковы признаки человека, которому можно доверять. Это мнение Симеона Нового Богослова, святителя Игнатия (Брянчанинова). Зачем размышлять: любишь – не любишь? Пусть даже ненавидишь, но если наставник приносит тебе пользу, то ему надо доверять. когда мы приходим к врачу, разве для нас главное, красивый он или некрасивый, вежливый или невежливый? Мы смотрим на то, хороший он специалист или плохой. Так и в духовной жизни: мы не должны ориентироваться на то, понравился нам человек или нет. может быть, он понравился потому, что нам потворствует, иначе говоря, обольщает нас. Умение некоторых священников вести себя обходительно неопытные люди принимают за любовь, но не нужно путать любовь с лестью. Разумеется, со всеми надо быть обходительным, в особенности с теми, кто недавно пришел в Церковь, не отталкивать их своей жесткостью. Но бывает так: человек приходит на исповедь, батюшка ему все прощает, ничего не требует и, как говорится, по рукам. Батюшке это подходит, потому что у него ничего не просят, а кающимся грешникам, потому что от них не требуют особенного покаяния и исправления. Что это за любовь, если страсти в тебе разрастаются и нет никакого покаяния и изменения?

Вопрос. Батюшка, как правильно понимать наставление: «Если зайдешь к братьям, и кто-нибудь из них скажет: здесь я не нахожу покоя, хочу с тобою жить; ты не позволяй ему этого, чтоб не быть в претыкание другим. Если скажет: гибнет здесь душа моя по одной сокровенной причине, – укажи ему место, куда бы он перешел; но с тобою жить все же не позволяй»?¹²

Ответ. Здесь речь идет о безмолвниках, или отшельниках. Это наставление дано им для того, чтобы они не нарушали своего безмолвия. Если человек имеет к тебе привязанность и хочет с тобой жить, не нужно тем не менее его брать, чтобы другие не соблазнились. А если у него в монастыре есть опасность впасть в смертный грех, то надо дать

ему возможность уйти из того места, где он может погибнуть, но жить с собой – не позволять.

Вопрос. Я боюсь наказания за свои проступки. Помыслы исповедую, но, опасаясь, что этот страх мешает мне полностью открываться. Как изменить отношение к обличению и наказанию?

Ответ. Нужно думать не о том, что тебя сейчас накажут, а о наказании в будущей жизни, иметь память смертную. Тогда, конечно, ради очищения совести мы будем готовы открыть всё, хотя бы здесь и предстояло понести наказание. В монашеской жизни вообще необходимо мужество – это одна из важнейших добродетелей, по учению святых отцов. Без мужества всего будешь бояться, от всего будешь трястись.

Вопрос. Как нужно правильно рассказывать о помыслах, чтобы не навредить сестре, вызвавшей мое смущение?

Ответ. Если ты рассказываешь с целью донести на какую-то сестру и ожидаешь, что ее накажут, то, конечно, это плохое устройство. Если же ты все говоришь откровенно, может быть, и о сестре своей рассказываешь, желая лишь того, чтобы ее предостерегли от закоснения в грехе, то это уже не будет доносом. покрывать никого нельзя. У нас в монастыре нет такого, чтобы про человека что-то рассказали и поэтому к нему стали плохо относиться. Если кого-то и наказывают, то ради его исправления – это единственная цель. К сожалению, бывают люди, которые не могут исправиться, правильнее сказать, не хотят. Как правило, они уходят сами, но иногда и приходится отчислять. Это всегда неприятно, но бывает и такое.

Надо думать о своей пользе. Когда исповедуешь помыслы, нужно бояться тщеславия (если рассказываешь о себе что-то доброе), бояться злорадства или желания отомстить, но это не значит, что необходимо что-то скрывать. Нельзя рассуждать так: не буду рассказывать о себе доброе, чтобы не тщеславиться, не буду говорить про ту или иную сестру плохое, чтобы ее не наказали. Однако желание рассказать про одного, другого – это нехорошо, можно назвать это сплетнями или доносом. Одно и то же дело, как говорит святитель Тихон Задонский, в зависимости от сердечного намерения бывает добрым или

злым. Если я делаю это ради собственного покаяния или ради того, чтобы обратить внимание старицы на неисправное поведение какой-то сестры, то это хорошо, а если я хочу причинить ей зло, сделать так, чтобы ее наказали, то это плохо. Все зависит от сердечного намерения, а внешне все выглядит как будто одинаково.

Вопрос. Мне кажется, что моя старица недостаточно строга, а мне, наверное, была бы полезнее бóльшая строгость. Можно ли просить об этом старицу?

Ответ. Не надо просить строгости, хотя ты и думаешь, что это принесет тебе пользу. Терпи ту строгость, которую к тебе предъявляют, а надо будет – предъявят бóльшую. Зачем ее выпрашивать? Покажи полное послушание в том, что от тебя требуют сейчас. А когда человек просит строгости или чего-то иного, то это признак самонадеянности.

Вопрос. Иногда бывает горькое, тяжелое состояние и объяснить его не можешь. Когда же подходишь к келии старицы, то появляется противление. Что делать?

Ответ. В душе человека бывает много разных перемен. Невозможно всегда иметь благодатное, мирное состояние. Бывают бури и спокойствие, горечь и сладость, потому что человек ведет борьбу. Только у того бывает неизменное, «твердое» состояние, у кого душа окаменела, и в ней пусто. Тогда всегда все одинаково. Пусть у человека есть даже великая благодать, но все равно она может оскудевать, и от этого он будет испытывать горечь, как, например, пишет о себе старец Силуан Афонский. Иногда бывает борьба. Иногда человек переживает за близких ему людей, братьев и сестер во Христе, за Церковь. Иногда он горько плачет за весь мир (я имею в виду преуспевших подвижников благочестия), иногда – утешается какими-то благодатными явлениями. Перемены обязательно будут, но к ним нужно относиться спокойно. Главное, приучить себя к понуждению. Это очень важно.

Вопрос. У святителя Игнатия (Брянчанинова) написано, что в его время в монастырях искус новоначального продолжался до десяти-пятнадцати лет. Не значит ли это, что за более

короткое время невозможно распознать и преодолеть свои страсти?

Ответ. Это зависит не от того, пятнадцать лет прошло или один год, а от того, как человек подвизается. Один будет новона начальным пятьдесят лет, а другой – два-три года. Это зависит от ревности. Мы можем оправдывать себя и быть новона начальными всю жизнь, потому что не подвизаемся. Если страсть возмущается, то мы не должны ее удовлетворять, а должны с ней бороться. Можно достигнуть какого-то душевного спокойствия от удовлетворения страсти, а можно достигнуть мира, победив страсть, то есть примирившись со своей совестью. В монастыре страсти человека многократно возмущаются, приходят в движение от разных обстоятельств: от необходимости оказывать послушание настоятельнице, старшим сестрам по работе, от столкновений друг с другом. Человек видит свои страсти и борется с ними. Прежде всего, конечно, эта борьба ведется при помощи Иисусовой молитвы, откровения помыслов. Святые отцы говорят: кто не в борении, тот в прелести. Иногда бывает умиротворение, потому что человека посещает благодать Божия, а бывает, что страсти вновь возмущаются.

Конечно, за один день мы измениться не можем, нужно иметь терпение. Однако нельзя себя этим оправдывать. Время само по себе нас не исцелит. Оно тогда исцеляет, когда мы трудимся. Если мы поле не засеяли или засеяли, но не обрабатываем, то мы напрасно ждем урожая: его не будет, даже когда придет время, потому что мы не работали. В духовной жизни один раньше приносит плоды, другой позже, в зависимости от ревности, смирения.

Вопрос. Если на исповеди каешься в каких-либо несмертных грехах, то правильно ли поступает священник, говоря: «Дай слово, что больше так делать не будешь»? А если диавол искусит?

Ответ. Если речь идет, например, о воровстве, то слово дать можно. А если о зависти, то едва ли. Что значит искусит диавол? Почему вы всё приписываете диаволу? Есть такой рассказ (не знаю, в действительности ли так было или это

притча). Один монах решил в Страстную пятницу съесть яйцо. Подвесил его над свечкой, чтобы испечь, но не успел – в келию заходит игумен (он делал обход монастыря) и говорит: «Брат, что ты делаешь, сейчас же Страстная пятница?!» А он отвечает: «Отче, лукавый меня искусил». Тут явился бес и возразил: «Не верьте ему, я сам дивлюсь его лукавству». Не нужно все сваливать на лукавого. Что же мы тогда делаем в монастыре, если нас во всем диавол искушает? Мы же на Страшном суде не будем говорить, что нас искусил диавол, а сами мы ни в чем не виноваты. Представьте, если бы Адам, когда Господь дал ему заповедь в раю не вкушать от древа познания добра и зла, ответил: «А вдруг меня змей искусит?» – вместо того чтобы сказать: «Да, я никогда этого не буду делать». Конечно, мы должны дать обещание не совершать по крайней мере смертных грехов и изо всех сил молиться Богу, чтобы Он нам помог. Диавол, разумеется, может искушать, но и Бог нам помогает.

Вопрос. Почему у современных верующих людей нет такой ревности, какая была у первых христиан?

Ответ. Спаситель предсказывает, что по причине умножения беззакония, во многих охладееет любовь (Мф. 24, 12). Из-за умножения беззакония, соблазнов люди прельщаются, испытывают пристрастие к земному и в них ослабевает ревность. Да и монашество если не возникло, то по крайней мере распространилось тогда, когда стала ослабевать ревность во всем христианском обществе. А сейчас и само монашество стало уже «несоленой солью». Есть предсказание о том, что в последние времена монахи будут как миряне, а миряне как скоты, но мы не должны себя этим оправдывать. Почему так происходит, я не могу объяснить, и, наверное, необязательно это понимать. Мы должны стараться стать исключением из общего, так сказать, неприятного правила. Главное для нас – приобрести ту ревность, какая была у древних христиан. Мы не можем совершать телесных подвигов, какие совершали они, но самые главные подвиги – умное делание, послушание, смирение – это в наших силах. Тут не

нужно особого телесного здоровья, особых благоприятных условий, а нужно одно только произволение.

Вопрос. Можно ли спастись без откровения помыслов, только благодаря исполнению послушания и молитве Иисусовой?

Ответ. Можно, но это будет труднее. Причем я имею в виду тот случай, когда исповедовать помыслы нет возможности. Если же такая возможность есть, а ты ею пренебрегаешь, то ты искушаешь Бога. Даже люди, достигшие величайшего христианского преуспевания, считали для себя нужным советоваться хотя бы со своими учениками. Антоний Великий однажды получил приглашение от императора Констанция прийти в Константинополь. Он не знал, соглашаться ему или нет, и спросил об этом своего ученика Павла Препростого. Тот ему ответил мудро, со свойственной ему простотой и безыскусностью: «Если пойдешь в Константинополь, то будешь Антоний, а если останешься – будешь авва Антоний», и он не пошел, не изменил своему правилу. Если же мы думаем, что можем обойтись без откровения помыслов, то проявляем самонадеянность.

Вопрос. Мне кажется, что настоящих старцев теперь нет, поэтому монашеское делание современных подвижников не может строиться на тех же принципах, что и делание древних монахов. Как правильно к этому относиться?

Ответ. Монашество не может существовать без старчества. Незадолго до революции, в 1909 году, был съезд монашествующих, на котором, в частности, поднимался вопрос о старчестве. Возрождение монашества представлялось возможным именно при условии возрождения старчества. Людей, способных быть наставниками, предлагалось посылать в монастыри, где существовало старчество, чтобы они научились руководить другими и затем сами насаждали старчество в тех монастырях, где его нет. Старчество же понималось именно в том смысле, что более опытный руководит менее опытным. Считалось, что в каждом монастыре должен быть старец. В этом виделся залог возрождения монашества. А сейчас говорят так: или давайте нам Антония

Великого, или не надо никого. Когда дело касается пищи, вы же не говорите: дайте нам семгу и красную икру или мы вообще ничего не будем есть. Вы питаетесь тем, что Бог посылает. А в отношении духовной жизни все очень разборчивые, просто гурманы! Как будто вы уже всё испытали, всё знаете и вам нужен только старец-пророк.

Вопрос. Некоторые думают, что если слишком себя утруждать, подвизаться, то можно быстро потерять здоровье. Из-за этого у многих появляется чрезмерная забота о своем здоровье. Что вы в таком случае посоветуете?

Ответ. К своему здоровью надо относиться разумно, но не нужно делать это предлогом для нерадения. Необходимо не то чтобы беречь здоровье, а правильно его расходовать. Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что есть четыре вещи, которые сами по себе безгрешны, однако являются поводом для нарушения заповедей: деньги, вино, излишнее здоровье и лица другого пола. От неразумного отношения к этим предметам происходят все грехи. Как видите, святитель Игнатий включает сюда излишнее здоровье. Для чего мы постимся, делаем поклоны и таким образом удручаем плоть? Для того, чтобы избавиться от излишних физических сил, сделать свою плоть немощной, овладеть ею и покорить ее духу. Конечно, не следует уклоняться в неразумные подвиги, но не нужно впадать и в другую крайность – нерадение. Лучше потерять здоровье, чем иметь его в избытке. Что от этого избытка будет? Как правило, возбуждение блудной страсти, гневливость, уныние и лень. Хотя уныние и лень могут быть и от перегрузки, но бывают и от пресыщения: когда человек объестся, ему хочется поспать. Нужно найти золотую середину. Разумеется, мы не способны, еще раз говорю, к тем подвигам, к каким были способны древние подвижники. Но какое-то ограничение себя, воздержание, усмирение своей плоти необходимо даже самому немощному. В особенности важен пост, и прежде всего – для юных.

Вопрос. Батюшка, святитель Игнатий в некоторых письмах пишет о нервном расслаблении. Известно также, что у

святителя Тихона Задонского было нервное расстройство. Объясните, что это значит?

Ответ. Действительно, есть такая болезнь, но нервное расстройство – это не то же самое, что гневливость. Его проявлением могут быть боли, бессонница. Святитель Тихон Задонский управлял огромной епархией. На Дону было необузданное казачество, невоспитанное духовенство, и, когда он пытался ввести какую-то строгость, встречал сопротивление. В конце концов его оклеветали и уволили. от переутомления у него и случилось нервное расстройство, но оно не выражалось в гневливости. Будучи архиереем, он строго обращался со своим келейником, однако это нельзя назвать гневливостью, тем более что потом он от этого отказался и стал обходиться со всеми очень мягко. У святителя Игнатия расстройство нервов выражалось в болезненности, изнеможении. Часто на нервную болезнь списывают, во-первых, гневливость, а во-вторых, воображаемую болезнь. Человек поддается мнительности, жалуется на переутомление, а поскольку врач объяснить это и поставить диагноз не может, но пациенту доверяет, то и говорит ему: «наверное, это нервы».

Вопрос. Мне кажется, что если бы нашим наставником был Антоний Великий, то мы не смогли бы подвизаться. Про Иосифа Афонского известно, что многие не могли с ним жить. Мне, например, кроме моей старицы никого не надо.

Ответ. Я расскажу про отца Софрония (Сахарова). Благодатью Святого Духа во время исповеди ему сообщалось, что необходимо сказать человеку. Но он не всегда говорил, поскольку знал, что люди этого не исполнят, и давал общее наставление из писаний святых отцов. Он предоставлял человеку свободу, чтобы тот не подвергся осуждению за то, что явно противится воле Божией. Поэтому если бы нашим наставником и был особенный благодатный человек, а мы его не слушались бы, то это послужило бы нам в еще большее осуждение. Подвижники, знающие волю Божию (многим она открыта, как и будущее), не всегда говорят о ней прямо, потому что знают, что мало кто способен ее исполнить. Отца Андрея (Машкова) надо было уговаривать, чтобы он сказал то, что

думает. Обычно он очень снисходительно что-нибудь говорил и все были довольны, спокойны.

Вопрос. Нужно ли обличать сектантов? Люди, которые это делают, не занимаются ли теоретизированием, пустым богословствованием?

Ответ. Смотря кто этим занимается. Если это будем делать мы, монашествующие, то, конечно, отвлечемся от того, для чего покинули мир. Если же кто-нибудь избрал своим делом обличать сектантов ради спасения ближних, как, допустим, отец Андрей Кураев, то, конечно, это нужное дело. Невозможно, чтобы все имели одно и то же занятие. Кто-то должен молиться Иисусовой молитвой, а кто-то – проповедовать среди сектантов. Например, преподобный Сергей Радонежский и святитель Стефан Великопермский были людьми духовно близкими, но каждый из них занимался своим делом. Стефан Великопермский проповедовал язычникам-зырянам и обращал их ко Христу, а Сергей Радонежский был безмолвником.

Вопрос. В «Отечнике», составленном святителем Игнатием, есть следующие слова: «Если кто живет в каком-либо месте и не приносит плода, свойственного этому месту, то самое место изгонит его вон как не приносящего плода, требуемого местом»¹³. Относится ли такое поучение к живущим в общежительном монастыре?

Ответ. Конечно, относится. Иногда к нам приходят люди, которые не выдерживают, не могут здесь жить. Их гонит само место. Это происходит оттого, что они ведут себя не так, как положено. Люди не приносят плода, свойственного этому месту. А какой плод мы должны принести, находясь в монастыре? Конечно же, прежде всего смирение друг перед другом через послушание настоятельнице, старшим сестрам и вообще всем, даже равным себе. Это плод, который человек приносит, живя в общежитии, плод, отличный от того, который он может принести, живя, например, в безмолвии, где большее значение имеет уединенная молитва. И если человек не желает приносить такие плоды, как послушание, смирение, откровение помыслов, то само место начинает его изгонять. Человеку хочется отсюда уйти, ему плохо, потому что он не хочет надеть на себя ярмо

общежительного монастыря и оправдывается: «Если бы я жил в лесу или затворился в квартире, тогда я принес бы плоды». А принес бы он в лучшем случае плод лени, в худшем – прелести

Вопрос. В том случае, если не хватает мужества открыться старице, вы советуете усиленно молиться. Что делать, если бывает наоборот? Наговоришь ужасных вещей, а потом думаешь: «Как это можно вынести? Бедная старица!» Скажите, как бороться со страстью в этом случае?

Ответ. Бывает, что диавол через послушника оскорбляет старца. Об этом говорит Лев Оптинский. Послушник начинает ругать старца, вместо того чтобы открывать ему помыслы. Он не говорит: «Простите, но у меня против вас такие-то помыслы», а высказывает грубые, оскорбительные, уничижительные слова: «Я к вам отношусь так-то и так-то». Некоторое время, может быть, старица и должна это потерпеть, пока человек не отстранится от этих помыслов и не начнет исповедовать их как грехи, не станет относиться к ним с недоверием. Вообще, это очень опасное состояние, можно так упиваться страстью, что под предлогом искренности постоянно досаждают своему духовному руководителю. Надо понимать, что одно дело, когда ты говоришь: «Простите, но у меня против вас помыслы ненависти» (ты уже отстранилась от них, борешься с ними, но пока не можешь побороть), другое – когда ты приняла помысел, веришь ему и говоришь: «Я вас ненавижу, презираю!» Обругала старицу, а потом спрашиваешь: «Почему я от исповеди помыслов не получила пользы?» Причина в том, что собственно исповеди помыслов не было, было лишь признание в своих грехах, ведь грехи можно рассказывать по-разному, даже с тщеславием.

Вопрос. Наставница говорит, что после еды не должно быть тяжести в животе, но я все же затрудняюсь определить для себя степень воздержания в пище. Как сделать это правильно?

Ответ. Об этом хорошо пишет схимонах Василий Поляномерульский. Он говорит о трех степенях воздержания: человек после еды еще алчет, он наелся, но не пресытился и, наконец, он немного пресытился. В зависимости от физического устройства человека все это допустимо. А когда человек

наелся и продолжает есть только ради удовольствия, то он согрешает. Не нужно думать, что если ты наелся, пусть даже плотно поел, то это грех. Есть крепкие люди, которым следует немного недоедать, а есть и немощные. Здесь надо смотреть не на то, худой ты или толстый, а на свое физическое состояние. Конечно, если человек очень толстый, то сама полнота приносит ему вред. В таком случае можно воздерживаться ради здоровья. А вообще, надо ориентироваться на свою телесную крепость, учитывая при этом и здоровье. Разумеется, устанавливать для себя норму нужно, советуясь со старицей. Я расскажу про себя. Когда меня рукоположили в иеродиакона, я решил не ужинать, чтобы лучше готовиться к службе, больше молиться. Так несколько дней я не ужинал. Однажды прихожу утром на службу, а у меня нет голоса, еле-еле что-то издаю. Физическое состояние нормальное, а голоса нет. Стал ужинать, и голос появился.

Вопрос. Батюшка, расскажите о значении и смысле иноческого пострига. Как правильно к нему относиться?

Ответ. иноческий постриг – это начало пути. Обеты еще не даются, но возвращения к мирской жизни уже нет. Человек еще не приступил (как принято считать) к самому подвигу, но уже готовится к тому, чтобы принять полный постриг и затем все силы души устремить на самосовершенствование, заботу о своем спасении. Как сначала бывает обручение, а потом брак, так и здесь. Иночество является неким предвкушением того, чем будет монашество.

Конечно, на самом деле человек уже в иночестве может подвизаться в полную силу. В «Глинском патерике» приводится жизнеописание старца Феодота, который принял мантийный постриг лишь перед самой кончиной, а все время своего пребывания в обители (около семидесяти лет) был иноком. Он достиг необыкновенного духовного преуспевания: братья монастыря не раз видели его во время молитвы приподнятым на воздухе или освещенного неземным сиянием. Старец Феодот был прозорливым, он часто приходил к тому или другому брату, как сам говорил, «пить чай» и предостерегал его от какой-либо дьявольской ловушки, в которую тот уже готов был попасть. Он

предсказал день своей смерти, а во время его кончины произошла еще одна удивительная вещь. Как-то монах Досифей, закрывавший церковь после утрени, услышал над пасекой какое-то неземное пение, которое его удивило своей красотой. Потом оно стало слышно уже над лесом, а затем исчезло. Потом он узнал, что это было в тот самый час, когда скончался старец Феодот. Так что, повторю, хотя иночество считают как бы подготовкой к монашеству, но если у человека есть ревность, то он подвигается в полную силу.

Вопрос. Когда наставница ругает, то становится трудно открывать помыслы, хочется замкнуться в себе. Как это преодолеть?

Ответ. Нужно обладать здравым смыслом. Часто у нас бывает так: мы рассказываем и ждем при этом, чтобы к нам непременно проявили необыкновенную любовь. Но какой тогда будет результат? мы закоснеем в своих недостатках. Для того чтобы преодолеть себя, надо прежде всего понимать, зачем нужна исповедь помыслов. Ты должен быть готовым не только к тому, что тебя будут ругать, но даже к тому, что тебя будут бить, поносить, гнать, убивать. Необходимо иметь мужество. Ты приходишь к судье, открываешь свое преступление, и он выносит тебе приговор. Однако не для того, чтобы тебя казнить, но чтобы исцелить. Если ты сам о себе не расскажешь, то кто сможет узнать, что происходит у тебя внутри? Разве есть среди нас прозорливые старцы или старицы? (Да и прозорливый человек, если ты сам о себе не скажешь, по смирению тоже будет молчать.) необходимо иметь благоразумие и мужество, заставляя себя терпеть даже самые неприятные обличения и делать выводы из того, что тебе говорят, а не вступать в противоборство со старицей.

Вопрос. Вы сказали, что не нужно на каждый греховный помысел отвечать противоположной мыслью. Допустимо ли самоосуждение в процессе борьбы со страстью? Появляется греховный помысел, ты себя осуждаешь и тут же каешься. Возможно ли это?

Ответ. Действительно, преподобный Нил Сорский пишет, что злые помыслы надо заменять добрыми, и это справедливо.

Но если брань сильная, то, как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), сделать это бывает очень трудно. Ты приводишь на ум благие мысли, а страсть в тебе действует так сильно, что все сметает на своем пути, и человеческое усилие не помогает. То же самое можно сказать и относительно самоукорения. Одно дело укорять себя от ума, другое – в напряженной борьбе приобретать сокрушение сердечное. Ведь настоящее самоукорение, смиренное о себе мнение появляется именно от опыта. Часто мы осознаем себя грешниками и правильно, здраво рассуждаем, понимая, что многое делаем неправильно, погрешаем раздражительностью, но если страсть сметает все благие мысли, это свидетельствует о том, что самоукорение наше – от ума. Лучше не укорять себя собственными мыслями, а следовать Евангелию и иметь дух самоукорения, видя себя постоянно отступающим от евангельских заповедей. Это безопаснее. Беседуя внутри самих себя, мы, во-первых, отвлекаемся от молитвы, во-вторых, пользуемся очень непрочным основанием, которое быстро становится негодным. Получается, что Божественную помощь, благодать мы хотим заменить собственным усилием.

Вопрос. А можно ли нам отрицательные помыслы заменять на положительные? Ведь существует молитва: «Господи, даждь ми мысль благу».

Ответ. Лучше делать это при помощи Евангелия. Не нужно пользоваться своими словами, тем паче нам, людям невежественным, малодуховным. Святые отцы, такие как Василий Великий, Тихон Задонский, имели возвышенный ум, поэтому им было просто это исполнить. Нам же лучше пользоваться святоотеческими мыслями или изречениями из Священного Писания. Мы должны быть начитанными и постоянно держать в своей памяти учение святых отцов, Священное Писание, чтобы в случае необходимости извлекать из памяти нужное святоотеческое рассуждение или евангельское изречение.

В борьбе с греховными помыслами нельзя допускать собственных мыслей, это опасно. Ведь мы даже молимся не своими словами (разве что очень кратко, в случае особой

необходимости), а словами, например, пророка Давида. В древности монахи молились так же, потому что боялись произносить собственные слова. Они считали, что все необходимое для выражения их духовных чувств и потребностей содержится в псалмах.

Вопрос. Преподобный Варсонофий Великий пишет, что если в уме возникает помысел, его нужно исследовать. Этот подвижник подвизался в уединении и потому имел возможность исследовать возникающий помысел и решать, принимать его или не принимать. Мы живем в общежительном монастыре, исполняем те или иные послушания, иногда приходится принимать сразу множество решений. Каким образом нам исследовать помыслы? Очень сложно внимать себе, когда увлекаешься работой.

Ответ. Из твоих слов можно сделать следующий вывод: во время работы нельзя исполнять заповеди. Исследовать помыслы – это не значит внимательно за ними следить. Ты должен постоянно себя контролировать, нужно приучиться смотреть внутрь себя. Появился помысел, значит, надо его проверить, с чем-то сравнить, а не сразу ему следовать. Должна быть своего рода шкала, по которой ты определял бы, что это, допустим, гнев, осуждение, уныние и прочее. Бывают сложные вещи, которые действительно приходится исследовать, но не нужно делать это самим, поскольку мы на это не способны. Лучше стараться отвергать их, потому что диавол может предложить что-то запутанное, непонятное, и, конечно, необходимо все отдавать на суд старца или советоваться с кем-то более опытным. Если ты самостоятельно начнешь рассуждать, то, скорее всего, запутаешься. Преуспевшие должны исследовать помысел длительное время, может быть, молиться, чтобы открылась его внутренняя подоплека, чтобы он сам себя разоблачил. Но если кто-нибудь из новоначальных начнет об этом молиться, то не думаю, что он раскроет внутреннее содержание помысла, скорее наоборот, у него еще и новый появится.

Советы Варсонофия Великого относятся к разным по степени преуспевания подвижникам. Это недостаток всякой

духовной литературы, представляющей собой собрание разных письменных ответов. Если человек пишет цельное произведение, то он адресует его определенному кругу людей, а если в одной книге собраны советы какого-нибудь великого старца, то относятся они к разным людям. Их нужно читать с осторожностью: что подходит одному, то не подходит другому. Новоначальным старец дает один ответ, а преуспевшим – противоположный. Однако противоречия здесь нет: что для одного вполне возможно, то для другого есть проявление гордости.

Вопрос. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в повести об Иосифе аллегорически толкует завещание этого патриарха перенести его кости в землю обетованную: помыслы, рождающиеся в человеке, могут перенести его после смерти в Царствие Божие. Допустимо ли в таком случае понимать евангельские слова о признаках конца мира *возстанут чада на родители и убьют их* (Мф. 10, 21) в том смысле, что человек может погибнуть от собственных помыслов?

Ответ. Наверное, допустимо, но таинственное толкование Евангелия и вообще Священного Писания – это очень ответственное занятие. При небольшом навыке оно дается весьма легко, но прибегать к нему следует с большой осторожностью, не слишком углубляясь, потому что в тех или иных словах Писания может и не заключаться именно тот смысл, который мы в него вкладываем. Поэтому я и предостерегаю от подобных толкований. В Евангелии достаточно мест, в которых прямо говорится о том, что нам препятствует войти в Царствие Небесное. Я не советую искать самостоятельно таинственный смысл, сначала надо разобраться с буквальным.

Вопрос. Во мне сильно действует страсть осуждения: сначала оцениваю и, если что-то не нравится, осуждаю. Лишь через какое-то время понимаю, что согрешила. Как с этим бороться?

Ответ. Нужно постоянно себя контролировать, имея в виду эту свою слабость, приучиться не оценивать людей. Вспомните молитву Ефрема Сирина, которую мы читаем в

Великий пост: «Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего». Когда внимание человека устремлено на его собственные грехи и он следит за собой, чтобы не согрешить, тогда у него нет даже физической возможности наблюдать за другими. Допустим, я общаюсь с сестрой, которая много говорит. Я могу либо осуждать ее за это, либо следить, чтобы самому не поддаться осуждению, раздражению или тому же многословию. Таким образом, у меня все силы уйдут на внимание к себе, внутреннюю борьбу.

Вообще, мне кажется, наше нерадение, малодушие в духовной брани происходит в конечном счете из-за того, что мы себя жалеем и не хотим бороться до конца. Если бы мы не любили себя чересчур и неправильно и боролись бы с собой изо всех сил, тогда у нас не было бы повода, чтобы осуждать другого. Тогда бы мы осуждали и исправляли лишь себя, а не думали бы о том, что в исправлении нуждается наш ближний.

Вопрос. Если человек согрешил делом или принял греховный помысел и молится Господу о прощении, то как узнать, прощен ли он?

Ответ. Наверное, такими признаками могут служить умиротворение души и возвращение благодати, хотя в точности знать о прощении мы не можем. Лучше не гадать об этом, мы не должны искать ясного откровения о том, простил ли нам Господь малые или великие грехи. Это не православный, а сектантский подход: в чем-то согрешил, потом помолился и уже уверен, что Господь тебя простил. Мы обязаны всегда каяться, иметь сердечное сокрушение, надеяться только на милость Божию, а не на свои подвиги или усиленные молитвы.

Вопрос. Главная заповедь Господа – о любви. В Евангелии также сказано: *Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь (Мф. 18, 15–17).* Значит ли это, что любить нужно все же с рассуждением?

Ответ. Это правильно, человека нужно любить с рассуждением. Иногда любовь бывает опасна для нас самих: привязываясь к человеку, мы следуем его грехам и заблуждениям. Поэтому необходимо отделять себя от общества людей, которые могут увлечь нас к гибели. Святые отцы отлучали от Церкви и предавали анафеме различных еретиков, потому что иначе эти люди, волки в овечьей шкуре, погубили бы стадо Христово – Церковь. Нужно обратить внимание и на следующие слова Спасителя: *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих* (Мф. 18, 10), далее следует притча о девяноста девяти овцах, оставленных в горах ради одной заблудившейся, и уже после этого Господь говорит: «Если же согрешит против тебя брат твой...» Значит, обличение надо понимать как проявление любви: не презирай человека и не оставайся к нему безразличным, но сделай все от тебя зависящее, чтобы привести его к покаянию. Обличи его сначала наедине. У нас же обычно бывает так: мы гневаемся на ближнего, выходим из себя и уже не замечаем, находится ли рядом кто-то еще. А здесь речь идет о бережном, любовном отношении к человеку. Господь повелевает вначале обличить человека наедине, потом в присутствии одного или двух свидетелей, которые авторитетны в глазах этого человека и могут помочь вразумить его. Если и после этого человек не послушается, тогда нужно объявить о его грехе Церкви, то есть всему обществу единомышленников с вами людей, чтобы обличением привести этого человека к покаянию. Даже слова *да будет он тебе, как язычник и мытарь* есть проявление любви. Не нужно понимать их в том смысле, будто Спаситель учит нас ненависти, ведь отсекая больной член от тела Церкви, мы тем самым не только ее спасаем, но через такую строгость даем и человеку возможность опомниться, покаяться и спастись. Апостол Павел, например, также говорит, что нераскаянного грешника нужно *предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа* (см. 1Кор. 5, 5).

Вопрос. Как поступать, если устрашает какая-либо брань, ты сомневаешься, что сможешь преодолеть это

состояние, и поддаешься малодушию?

Ответ. Представь, что тебе нужно пройти из пункта А в пункт Б. Что бы по дороге ни происходило, какие бы чувства к тебе ни подступали, пугает тебя дорога или нет – тебе нужно идти. Допустим, в пути тебе вдруг захотелось поплакать – ты села и плачешь, но никто тебя не поддерживает, встаешь и идешь дальше. Затем снова тебе взгрустнулось, но никто тебя не успокаивает, и тебе ничего не остается, как встать и продолжить путь. В конце концов человек понимает, что лучше не тратить времени напрасно, и оставляет малодушие.

Раньше я имел такое представление о военном искусстве: гениальные полководцы составляли блестящие военные планы и побеждали врагов только благодаря своему уму. Позже, прочитав книгу об Александре Васильевиче Суворове «Твой есмь аз», я узнал, что он очень большое значение придавал душевному состоянию солдат и говорил, что побеждает не тело, а душа при помощи тела. Он умел воодушевлять не только солдат, но и полководцев личным примером, речью, мужеством. Багратион вспоминал, как однажды с совещания, на котором Суворов произносил речь, он вышел весь дрожа от воодушевления. В таком состоянии люди, конечно же, были способны к подвигам. Суворов также рассказывал о себе, что как-то раз в гуще боя на него напали сразу десять-двенадцать турок и он закричал: «На помощь, братцы!» Рядом оказался только один солдат, который всех их и разогнал. Какую любовь он чувствовал к своему полководцу!

Известные древние полководцы огромное значение придавали внутреннему состоянию солдат, старались возбуждать в них воодушевление. Ведь когда воины морально подавлены, враг может сделать с ними все что угодно.

Во время Великой Отечественной войны после ряда поражений наши войска отступили, так что линия фронта проходила почти у самой Москвы. Советские войска были деморализованы. Солдаты, которые ранее участвовали в боях и, казалось бы, должны были иметь опыт, больше воевать не могли. Перелом наступил после того, как туда были брошены свежие, никогда не участвовавшие в боях дивизии из

Сибири и Урала. И эти солдаты, не нюхавшие пороха, но зато и не деморализованные, совершили перелом в войне.

Таким образом, душевное состояние имеет громадное значение в борьбе. Воодушевление и мужество делают человека боеспособным во всех отношениях, в том числе и в духовной брани. Недаром святые отцы называют мужество одной из четырех важнейших добродетелей.

Вопрос. Мое усердие берет начало от благодарности Богу за все, что Он для меня сделал, от памятования Его страданий, от собственного раскаяния в том, что еще не отплатила Господу своим трудом за Его благодеяния, и, конечно, от чувства любви к Нему. В беседе вы об этом ничего не сказали. Правильно ли я рассуждаю?

Ответ. Правильно, однако в беседе я говорил не о чувствах, которые должны быть во время молитвы, чтения Евангелия, а о том, что конкретно нужно делать, чтобы возбудить в себе ревность. Если мы будем со вниманием совершать такие добродетели, как Иисусова молитва, откровение помыслов, память смертная, чтение Священного Писания и святых отцов, то они и возбудят в нас подобные возвышенные чувства и размышления. Ты говоришь о положительном содержании ревности, а я о конкретных делах, при помощи которых мы можем ее стяжать. Однако все должно быть пронизано духом покаяния и смирения. Чрезмерно предаваясь возвышенным размышлениям, мы подвергаем себя опасности впасть в неуместную восторженность.

Вопрос. Отец Андроник (Лукаш) говорил, что причащаться нужно раз в месяц, чаще – это уже прелесть. Что вы об этом думаете и каково было мнение отца Андрея?

Ответ. Отец Андрей считал, что причащаться нужно часто. Он благословлял нас причащаться раз в неделю, а ведь среди нас были и семейные люди. Отец Андроник был духовно опытным человеком, но воспитанным в определенных традициях. Кроме того, его взгляды объясняются еще и тем, что у них в монастыре некоторое время настоятелем был отец Таврион, полагавший, что можно причащаться каждый день. Глинские монахи считали его едва ли не прельщенным и в

конце концов просили снять его с настоятельской должности. Я допускаю, что высказывания отца Андроника были вызваны противлением слишком частому, неразумному причащению всех подряд.

Что касается меня, то я считаю, что тем, кто ведет чистую жизнь, не имеет смертных грехов, желательно причащаться часто. Однако люди по причине занятости не всегда имеют такую возможность. Сам я, будучи еще мирянином, пришел к выводу о том, что нужно причащаться два раза в неделю. Делая так, я чувствовал, что на душе у меня было гораздо лучше. Кроме того, частому причащению учат святые отцы Церкви. Прекрасно об этом говорится в сборнике «Правила Православной Церкви», с комментариями епископа Никодима, а также в «Добротолюбии». Насколько часто человек может причащаться, зависит от того, какую он ведет жизнь.

Вопрос. Вы говорили о том, что иногда при воспитании детей необходимо прибегать и к телесным наказаниям, но святитель Игнатий в одном из своих писем к духовной дочери запрещает ей наказывать своего ребенка таким образом.

Ответ. Даже в Библии сказано, что сына нужно *бить жезлом* (см. 2Цар. 7, 14), а дочери *не показывать веселого лица* (см. Сир. 7, 26). Конечно, наказывать детей нужно, но не обязательно бить их палкой, можно ремнем или розгой. Наказание может быть разным. Возможно, святитель Игнатий дает такой совет потому, что в том случае достаточно было вразумления. Кроме того, святитель Игнатий на себе испытал чрезмерную строгость отца при воспитании и, видимо помня свое трудное детство, других жалел. Думаю, что необходимо рассматривать каждый конкретный случай. Надо также учитывать, какие это были люди. Все мы сейчас, грубо говоря, хамы. А святитель Игнатий писал дворянке, принадлежавшей к культурному, утонченному обществу, в котором люди всё могли понять и без грубых наказаний. В то время люди в целом были более послушные, кроткие, склонные к тому, чтобы внимать доброму учению (особенно в дворянских семьях), поэтому к ним можно было проявить мягкость.

О «развитии личности»¹⁴

Сегодня многие, обращаясь к совершенно нехристианскому понятию «подавление личности», стали прикрывать им свои страсти и немощи, в которых надо было бы себе просто признаться и покаяться.

Может быть, я мало читал святых отцов, но нигде в святоотеческой литературе я не встречал понятий: «подавление личности», «гармоничное развитие личности», «всестороннее развитие личности» и вообще – «развитие личности». Святые отцы говорят о спасении, очищении души, борьбе со страстями, даже о чистоте тела, но о развитии личности в их сочинениях ничего нет. Это понятие ввели люди, которые пытались противопоставить или хотя бы представить параллельно христианскому идеалу другой – тот, который ставит целью существования человека развитие личности. Этот идеал возник в эпоху Возрождения в рамках широкого социально-политического и философского течения, которое называется гуманизмом. С позиций гуманизма, целью всей человеческой деятельности является не спасение в вечности, не познание Бога, а сам человек. Человек стал, по выражению античного философа Протагора, мерой всех вещей.

Под гармоничным развитием личности разные люди понимают разное. Обычно под этим имеется в виду нравственное развитие, хотя нравственность – понятие очень неопределенное: например, христиане под нравственностью понимают одно, а магометане – другое. В связи с тем, что границы философского понимания гуманизма были очень размыты, представление о нравственности у гуманистов было весьма туманным. Поэтому когда в рамках этой идеологии говорилось о развитии личности, то одни под этим понимали, может быть, христианскую нравственность, а другие смотрели на вещи более широко и разрешали многое из того, что в христианстве запрещено. Но для нас сейчас важно не определение представлений гуманистов о развитии личности, а то, что это учение в целом не соответствует и даже

противоречит учению христианства, которое о гармоничном развитии человека говорит весьма четко и ясно.

Для того чтобы понять, насколько эти мировоззрения различны, нужно разобраться в том, что представляет собой личность человека с точки зрения евангельского, святоотеческого учения. Хочу еще раз подчеркнуть, что понятия «личность» у святых отцов нет, а есть понятия «ипостась», то есть лицо, и «вид», то есть природа. Термин «лицо» (по-латински «персона») западного происхождения, «ипостась» – греческого. Хотя лицо – более образное, а ипостась – более точное философское понятие, по своему терминологическому значению они идентичны. Так же близки понятия «природа» и «вид». Эти святоотеческие определения (о том, что они означают, мы скажем ниже) можно отнести ко всему существующему. Отчасти они заимствованы из древней аристотелевской философии: святые отцы не боялись перенимать многие понятия языческой культуры, чтобы использовать их в изложении евангельских истин. Но применяли они эти философские термины в переосмысленном виде, приспособив их к Евангелию. Святые отцы использовали то доброе и хорошее, что было в языческом образе мыслей от естественного здравого смысла, который вложен Богом во всякого человека, а не то, что было в этом образе мыслей от языческой теологии и «религиозных басней», по выражению Иоанна Дамаскина.

Под природой подразумевается то, что является общим для какого-либо вида: например, для всех, кто называется человеком. Признаками этого вида, отличающими его от других (скажем, от животных или от ангелов), будут все свойства, которые описывают человека как человека. Эти свойства и формируют, и определяют вид. Нельзя считать видовым свойством, например, пол, потому что и женщина – человек, и мужчина – человек. Конечно, может быть, некоторые считают, что женщина не человек, но это их личный взгляд, а не философское определение. Также нельзя считать видовыми признаками образование, возраст людей или их внешний вид, потому что они относятся уже к ипостасным, то есть личным,

свойствам, определяющим конкретного человека и отличающим его от других.

Те признаки, которые определяют природу или вид, называются определяющими, а те, которые определяют ипостась, называются случайными. Например, Евдокия Ивановна рыжая, а Ксения – брюнетка, но если Ксения не рыжая, это не значит, что она уже не человек. Такие признаки не отражаются на видовой принадлежности. Если же мы увидим четвероногого человека, то скажем, что это, наверное, все же не человек, поскольку люди четвероногими не бывают. Это уже видовой признак: он не может быть общим у человека с животными. Таким образом, мы делаем вывод, что есть общая человеческая природа и есть та или иная ее ипостась, которая отличается от других полом, образованностью, характером, различными внешними признаками: скажем, один старый, другой молодой, кто-то красивый, кто-то некрасивый и так далее.

Вы видите, что в учении Православной Церкви о природе и ипостаси (или лице) нет ничего, что походило бы на то представление о личности, которое распространено сейчас. Под личностью мы подразумеваем нечто особенное, неповторимое в человеке, его душевные свойства: ведь нельзя же, например, считать признаком личности то, что у человека плохое зрение и он ходит в очках. Таким образом, из элементарного философского рассуждения о том, что представляет собой общая для всех нас природа, мы переходим в другую плоскость. Но прежде я еще раз вернусь к рассуждению о нашей природе: можно сказать, что в этом смысле мы все еднотелны друг другу. Конечно, отсюда не следует, что наше существо полностью совпадает с существом другого человека, подобно тому как Лица Пресвятой Троицы имеют одну Божественную сущность, но природа наша совершенно одинакова, и мы друг от друга принципиально ничем не отличаемся. Некоторые современные богословы, скажем Владимир Николаевич Лосский, рассуждают о том, что Церковь – это еднотелное и многоипостасное человечество: еднотелное по природе и многоипостасное по тем лицам, из

которых оно состоит. Нужно понимать, что после падения природная воля каждого человека искажена грехом. А если бы мы все были праведной жизни, то в существе каждого человека действовала бы единая общая воля. Как все Лица Пресвятой Троицы имеют одну волю, так и все люди должны были бы иметь одну волю, подчиняясь воле Божественной.

Таким образом, послушание, которого многие боятся и которое воспринимают как подавление личности, на самом деле есть возвращение человека к его природе. Конечно, имеется в виду послушание в идеале – когда мы слушаемся не кого угодно, лишь бы только слушаться, а того человека, который знает волю Божию лучше, чем мы. Мы все стремимся к одинаковому, то есть правильному, поведению – ведь евангельские заповеди даны равно всем: и мужчинам и женщинам, и умным и глупым, и старым и молодым. Нам всем заповедано: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя (Мф. 22, 39), Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем (Мф. 22, 37)* – и даны прочие заповеди. Получается, что, в то время как мы ищем в своем поведении какого-то разнообразия, самостоятельности и самобытности, Евангелие призывает нас всех вести себя одинаково, и нам кажется, что Евангелие уничтожает нашу личность, потому что якобы лишает нас возможности ее проявления. И оказывается, что под личностью мы чаще всего понимаем совокупность нарушений своей природы, появившихся в связи с отклонением от воли Божией, то есть усугублением собственной греховной жизнью первородного греха, унаследованного нами от прародителей. Именно в этих греховных отличиях друг от друга мы и видим свою личность: например, сестра Ксения ленивая, любит спать, а сестра Фотиния злая – бежит и на всех кричит. При этом сестры уверены, что когда им не дают спать или кричать, то подавляют их личность. Я утрирую для того, чтобы стало ясно: мы видим свою индивидуальность именно в многообразных сочетаниях страстей, тонко или грубо в нас действующих. А когда мы начинаем их в себе подавлять, то думаем, что наша личность уничтожается, поскольку не понимаем, что наша истинная индивидуальность заключается в добродетелях.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что молитва и исполнение заповедей есть смерть для «ветхого» человека, а наш «ветхий» человек – это человек греховный. Отличия в греховности, которые мы принимаем за особенности личности, не всегда проявляются так грубо, как я описал, – они могут проявляться очень тонко. Кто-то, скажем, имеет эстетическое чувство и любит живопись, хотя на самом деле в этом эстетическом чувстве, кроме собственно любви к красоте, присутствуют, допустим, блудная страсть, тщеславие или гордость, которые, разнообразно сочетаясь, порождают то или иное выражение «любви к искусству», а по сути – проявление греховной воли человека. Вся человеческая жизнь, можно сказать, пронизана стремлением к самовыражению, то есть желанием укрепить «ветхого» человека, развить свою греховность. Скажем, блудная страсть может выражаться по-разному: одному достаточно грубого блуда, а другой желает любоваться изящными изображениями обнаженной натуры. Он считает, что любит возвышенное искусство, хотя на самом деле это проявление той же самой блудной страсти (пусть и соединенной с эстетическим чувством), которая, может быть, удерживается от грубого проявления тщеславием или какой-либо другой страстью.

Таким образом, под развитием личности, как его представляют гуманисты, понимается развитие греховного начала, которое святитель Игнатий называет добром падшего человеческого естества и которое всегда смешано со злом и ищет утешения для своих страстей в той или иной деятельности. Иногда эта деятельность у людей, которые верят во Христа, даже прикрывается христианскими целями, тогда как те, кто не верит, действуют неприкрыто. В этом случае всестороннее развитие личности понимается как всестороннее устремление человека ко всему земному и греховному. Пусть это земное по видимости сравнительно безгрешно и нейтрально, но поскольку оно отвлекает человека от мысли о спасении, которая должна его постоянно беспокоить и вести к вечности, то оно становится страшным и опасным явлением. Если самая невинная,

ничтожная вещь заставляет человека забыть о покаянии, о молитве, о борьбе со страстями, то она превращается в чудовищную и могущественную. Всякое всестороннее развитие человека, в чем бы оно ни выражалось: в любви к искусству, развитии своей индивидуальности, сохранении своего характера, умственном развитии, – когда совершается ради «личности», то есть ради самого себя, из желания что-то собой представлять, чем-то отличаться от других людей, становится погибельным и разрушительным для истинной личности человека, для его истинного «я» (если все-таки воспользоваться термином нехристианского происхождения).

Что же означает развитие личности с христианской точки зрения? Безусловно, это развитие человека по евангельским заповедям. Под всесторонним же развитием личности нужно понимать совершенствование человека в исполнении всех заповедей, приобретение им всех добродетелей, а не какой-то одной. Когда человек целомудрен, но гневлив или, наоборот, обладает кротостью, но не имеет целомудрия, то это уродство. Такой человек не спасется. По словам апостола Иакова, *кто нарушил одну заповедь, тот весь закон нарушил* (см. Иак. 2, 10). Таким образом, гармоничное развитие личности можно понимать только как равное исполнение всех евангельских заповедей. Личность в человеке – это образ и подобие Божии. Если воспользоваться идеей и терминологией Лосского, который говорит, что индивидуальность человека состоит в различных сочетаниях греховных свойств, разрушающих природу, отделяющих одного человека от другого, то можно сказать, что именно различное сочетание добродетелей (при условии, что человек исполняет волю Божию, которая выражена в Евангелии) и формирует его личность. Скажем, один отличается смирением, другой – кротостью, иной необыкновенно целомудрен; один более преуспевает в любви к ближнему, другой, подвизаясь в уединении, – в любви к Богу, которая никому не видна и никому не известна, кроме него самого.

Теперь вернемся к вопросу о том, что такое «подавление личности». Если наставник станет смирять человека или он сам

начнет понуждать себя к смирению, отсечению своей греховной воли, то это будет подавлением греховной личности «ветхого» человека и того «индивидуального» греха, который отличает его от другого грешника. Грех разделяет людей, а добродетель соединяет. Грех – это то, что противно нашей природе, а добродетель – то, что ей свойственно. Ложное развитие личности делает людей чужими друг другу, лишает человека любви, делает его в конечном счете врагом другому до такой степени, что древние римляне, например, даже говорили: «Человек человеку – волк». Эти слова можно отнести ко всем людям, живущим не по-христиански. Казалось бы, если провозглашен гуманизм, любовь к человеку, то люди должны всё больше преуспевать во взаимном доброделании, но мы видим, что никогда прежде не было таких страшных войн, как в тот период, когда человечество стало отходить от христианства. С течением времени эта нечеловеческая жестокость только усиливается: чем больше мы говорим о любви, взаимопонимании и уважении, тем враждебнее отношение людей друг к другу. Конечно, войны были и в древние времена, но никогда они не достигали такого масштаба, не приносили столько бед и горя человечеству, как это было в XX веке и даже в XIX-м. Все мы будто бы гуманисты, все мы считаем, что человек превыше всего и что он есть «мера всех вещей», но если раньше, чтобы уничтожить человека, надо было хорошо «поработать» мечом и копьем, то сейчас достаточно сбросить одну бомбу, чтобы убить сотни тысяч людей. Вот плоды такого «гуманизма». Некоторые, может быть, скажут, что это просто результаты последовательного развития науки: открыли термоядерную реакцию, создали атомную бомбу... На самом же деле физические законы существовали с древнейших времен. Не открывали их потому, что не желали открывать: умственные способности человека были устремлены в совершенно другую сторону. Что людей интересовало, то они и развивали, создавали.

Развитие культуры в каком-то определенном направлении говорит о том, куда устремлен человеческий дух. Стремление утвердиться, развить свою личность привело к непониманию

людьми друг друга, к их совершенной замкнутости и отчужденности. Если мы возьмем даже сравнительно недавние времена, скажем, XIX век или начало XX-го, то увидим, что, по крайней мере в русских деревнях, да и в небольших городах, между людьми были очень простые отношения: все друг с другом здоровались, двери в домах не закрывались, все были радушны и приветливы. Странника, отправлявшегося в паломничество по святым местам, всякий готов был приветить и оказать ему услугу. Сейчас же мы, пожалуй, побоимся принять странника: во-первых, потому что нам не захочется с ним делиться, а во-вторых, мы побоимся, и наш страх может быть и справедлив, поскольку этот человек может вдруг оказаться проходимцем. Мы видим, что люди, с которыми мы общаемся, например, в общественном транспорте, совершенно нам чужие и как бы для нас не существуют. Это говорит об охлаждении любви в обществе, о замкнутости человека внутри самого себя, об отчуждении людей, которое возникло в результате «развития личности».

Мы и сами замечаем, что, как только начинаем беречь свою так называемую «личность», а на самом деле охранять свою греховную волю и бояться, чтобы она никак не пострадала, в наше сердце сразу вкрадывается равнодушие, безразличие ко всем людям. А если мы отсекаем свою волю и смиряемся, когда нашу личность, так сказать, «подавляют», если соглашаемся с этой воспитательной мерой, а не противимся ей, тогда видим, что в нас сохраняется доброе расположение к людям. Истинное, разумное послушание, то есть сознательно принимаемое и исполняемое, делает человека любвеобильным. Подавление «личности», то есть нашего греховного начала, нашего «ветхого» человека, послушанием есть уничтожение только «маски», или «личины», по выражению одного богослова, утверждавшего, что есть лицо, личность и личина. Личина – это маска, личность – истинное внутреннее состояние человека, образ и подобие Божии в нем, а лицо – то исходное, с чего он начинает. Люди либо надевают на себя личину, то есть приобретают некоторую греховную индивидуальность, либо добиваются, чтобы в них открылась личность, проявились

образ и подобие Божии, то есть живут по Евангелию и уподобляются Господу. Угодники Божии совершенно не стремились к самовыражению, но тем не менее были необыкновенными, неповторимыми людьми. Это видно не только из святоотеческих писаний, отличающихся особым стилем, изяществом слога, образностью, в которых отразились яркие личности авторов, но и из житий святых угодников Божиих, не оставивших никаких письменных трудов. Прочитав, например, житие преподобного Серафима Саровского и наставления, которые были записаны с его слов другими людьми, мы увидим, что он был необыкновенной личностью, возле которой людям, стремящимся к спасению и истине, всегда было отрадно и утешительно: они с готовностью принимали от него даже обличения. Те из нас, кто бывал у отца Николая Гурьянова, могут вспомнить, как приятно было находиться в его присутствии. Пусть он говорил очень кратко и просто, иногда, может быть, туманно и непонятно, но любому было видно, что он действительно человек особенный, что от него исходит какая-то энергия и вокруг него создается неповторимая атмосфера, хотя он ничего для этого не делает и ведет себя очень скромно, даже несколько юродствует. А с человеком, который пытается всячески показать свою индивидуальность, образованность, ум или высказать оригинальное мнение по какому-то вопросу, бывает скучно и тяжело; чувствуешь, что общение с ним бесплодно и даже мучительно.

Таким образом, мы можем выделить в человеческой жизни две составляющие. Первая – это природа человека, которая может быть разрушена ложным самовыражением, потому что самовыражение есть сочетание и развитие греховных качеств человека и попытка отличиться от других именно ими. Вторая – это ипостась человека. Здесь можно говорить о различиях внешних и внутренних. Внешние различия – это так называемые случайные свойства: пол, образование, возраст, национальность, воспитание. Различия внутренние описать и даже уловить труднее. Это наши отличия в добродетелях: скажем, иному больше свойственна милостыня,

иному – молитва, иному – смирение, иному – покаяние, а иному – кротость. Хотя, конечно, в этом отношении мы должны стремиться к всестороннему развитию и исполнять все заповеди, но одному человеку дается легче одно, другому – другое. В развитии этих ипостасных душевных свойств, собственно, и состоит развитие истинной личности.

Например, есть жизнь монашеская и есть семейная, есть одни добрые дела и есть другие. Не нужно думать, что если человек молится, то он, поскольку не подает милостыню, поступает плохо. О другом же, который более способен к добродетели питать алчущих и одевать нагих, не следует думать, что он не спасается, потому что пренебрегает молитвой. Рассуждать о подавлении и о развитии личности можно так: подавлять мы должны в себе греховное, а развивать – евангельские добродетели. Если же мы станем развивать в себе греховные различия, то истинно личностные, духовные проявления будут в нас все слабее и слабее, потому что дух человека развивается и живет свободно только по заповедям и истинную свободу мы обретаем во Христе, в Евангелии.

Нам нужно понимать, что такое свобода и что такое рабство. Апостол Павел говорит: *Вы поработились Христу и стали свободными от греха* – и прибавляет: *Говорю это из-за немощи вашего ума* (см. Рим. 6, 18–22), потому что, действительно, как можно поработиться Христу? Ведь Христос освобождает. Но апостол выражается так для того, чтобы мы поняли, что с нами происходит. И апостол Иаков говорит, что мы призваны к закону совершенному, к закону свободы (см. Иак. 1, 25). Если мы порабощемся Евангелию, значит, освобождаемся от греха, если же порабощемся греху, ищем так называемого развития личности и боимся ее подавления, то мы этот грех в себе развиваем и освобождаемся от Христа. Конечно, поработаться Христу тяжело: многое становится непозволительным. «Меня подавляют, меня уничтожают: ни то, ни другое, ни третье – ничего делать нельзя», – так греховный человек воспринимает евангельскую, и в частности монашескую жизнь. Но в действительности подавляют не человека, а то

греховное, что в нем есть. Душа человека, как говорит Антоний Великий, по природе добродетельна. И поэтому, когда мы, по заповеди Самого Господа Иисуса Христа, берем на себя Его иго, то есть порабощаемся Его заповедям, тогда эти ограничения дают свободу тому доброму, что есть в нашей душе; добродетели начинают действовать всё более и более могущественно, развиваться, в то время как греховная наша индивидуальность подавляется и нивелируется. В результате человек действительно становится личностью – христианином.

Нам прежде всего нужно самим понять, с чем мы себя отождествляем: с нашей греховной индивидуальностью или с нашей евангельской личностью. В первом случае послушание и вообще евангельские заповеди (потому что послушание есть средство к их исполнению) становятся мучительными, страшными, действительно подавлением личности, ибо мы считаем, что разрушается наше «я». Если же мы отождествляем себя с тем добрым, что есть в нашей душе, например с кротостью, смирением, любовью к ближним, то послушание освобождает нас и делает способными к исполнению Евангелия. Например, когда кто-нибудь сознательно или нечаянно, по немощи, унижает нас и мы принимаем это правильно, то этот человек освобождает нас от гордости; когда кто-нибудь отнимает наше имущество, намеренно или ненамеренно, – он освобождает нас от корыстолюбия. Конечно, подобные вещи легче вытерпеть в монастыре, потому что там все для освобождения человека делается сознательно: например, запрещают иметь ту вещь, которая тебе нравится, или делать то, что тебе хочется. Но поскольку эта деятельность в отношении нас целенаправленна, то нам кажется, что нас третируют, что к нам относятся тиранически. В миру другое дело: там люди действуют по отношению к нам бессознательно. Отнимая наше имущество или претендуя на то, чтобы занять нашу должность, они преследуют свои корыстные интересы, а не думают о нашей пользе. Перенести такое испытание нам было бы гораздо труднее. Но мы все равно должны были бы терпеть – от этого никуда не денешься, потому что законы Евангелия, как законы

физического мира, действуют везде. Сила тяготения или скорость распространения света везде одинаковы – и в монастыре, и за его забором. Так и евангельские заповеди, и нравственные законы везде одинаковы: человек везде один и тот же, и Бог везде один и Тот же. Мы совершенно напрасно противимся послушанию, отсечению воли, уничтожению, так как они на самом деле имеют целью помочь нам освободиться от власти греха, сбросить с себя «ветхого» человека, как шелуху, как некую скорлупу, из которой должен появиться птенец. Если мы не сбросим скорлупу, значит, останемся мертвыми, как яйцо, из которого так и не вылупился птенец и которое остается только выбросить.

Итак, личность, если воспользоваться определением Лосского, – это христианское начало в человеке, развитие его христианских свойств, то есть добродетелей, а индивидуальность – это развитие греховных качеств человека. Нам нужно различать подавление и освобождение личности, понимая, в чем состоит то и другое. Послушание – это освобождение личности, а ослушание как раз и есть ее подавление. Если же мы не желаем быть личностями в том смысле, в каком учит нас Евангелие, значит, хотим отличаться друг от друга, прославиться чем угодно, даже, подобно Герострату, какими-нибудь преступлениями, лишь бы не быть как все. На это остается ответить словами народной мудрости: дуракам закон не писан – что хотите, то и делайте. Но ведь нужно понимать, что такое свобода и что такое рабство.

Я напоминаю вам, что мы пользуемся выражением «развитие личности» лишь потому, что его обычно употребляют в наше время. Ни такого понятия, ни такой цели, как развитие личности, в христианстве нет. Цель христианства – спасение человека, и неважно, будет он развитой личностью или неразвитой. Я приводил пример того, как простые, невежественные крестьяне сияли благодатью, и, конечно, в христианском смысле слова это были личности. Мы знаем, что простой русский народ в своей массе был весьма добродетелен, а люди высшего, образованного класса в духовном и нравственном отношении были развращены. Они

отвратились от Бога, впали в маловерие или даже неверие и, хотя представляли собой индивидуальности, но с христианской точки зрения были людьми падшими и негодными. Например, мы читаем Пушкина и восхищаемся им как гениальным писателем. Это справедливо, но в то же время мало кто знает, что в обыденной жизни он был человеком настолько тяжелым, что некоторые люди переносили его с трудом. Он много раз участвовал в дуэлях и в конце концов сам был убит из-за ревности, которую заставлял испытывать других в течение своей жизни. Мы этими фактами как-то пренебрегаем, а столкнувшись с таким человеком в жизни, – пожалуй, избегали бы его, несмотря на гениальность.

Не нужно стремиться к самовыражению, которое навязывает нам мир. Мы должны в этом смысле быть самостоятельными, очистить свой ум от некоего дурмана, избавиться от представлений о свободе и развитии личности, предлагаемых миром, потому что они совершенно чужды христианским идеалам. Человеку необходимо смириться, потому что где смирение, там и начало освобождения. Преподобный Иоанн Лествичник называет смирение искоренительницей всех страстей. Поэтому и нам самим всеми способами надо стараться смириться, и старец или старица обязаны заботиться о том, чтобы помочь человеку прежде всего именно в этом. Если в нас зародится даже тень гордости, то это страшная беда – это прелесть. А такое случается именно с теми, кто желает сохранить свою индивидуальность, свой взгляд на вещи, свою волю и считает, что ущемление его в этом является посягательством на самое дорогое, что у него есть. Пусть такой человек даже и разовьет свою личность во всех смыслах, пусть он даже станет кем-то необыкновенным, допустим напишет такую же книгу, как Иоанн Лествичник, но что проку от всего этого, если он погибнет для вечности?

Мы должны понимать, что мы стремимся к совершенствованию не ради совершенствования, а только ради спасения в вечности. И лучше нам несовершенными или весьма ущербными войти в вечную жизнь, чем, будучи всесторонне развитыми, быть вверженными в геенну огненную. Само

Евангелие учит нас несовершенству, понимаемому именно в таком смысле. Спаситель говорит: *Если рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя. Лучше тебе хромому или однорукому войти в Царствие Божие, чем с двумя руками и двумя ногами быть вверженным в геенну огненную* (см. Мф. 18, 8). Посмотрите, по Евангелию получается, что лучше быть несовершенным и даже уродом – одноруким, одноногим, одноглазым, лишь бы только войти в Царство Божие, а мы стремимся к какому-то всестороннему развитию.

Повторю: христианство ставит своей целью спасение человека в вечности. Нужда в таком спасении – это не какая-то условность, а реальность. Когда человек думает о спасении, он готов на все: не только на то, чтобы ему «вырвали глаз» аллегорически, в духовном смысле, но, пожалуй, чтобы ему сделали это на самом деле. Такую готовность проявляли мученики Христовы, которые шли на страдания, а часто и на смерть ради того, чтобы наследовать Царствие Небесное. Это не образное сравнение, а действительность, мы же этого не понимаем и потому относимся к серьезным вещам легкомысленно, как бы играем с огнем. Оберегая свой покой, свои мелкие страсти, свою ничтожную в действительности личность, мы теряем надежду на свое спасение в вечности или по крайней мере ставим его под сомнение. Разве можно шутить с такими вещами?

Надо понять, что послушание – это средство, которое освобождает нас от власти грехов. Это та лестница, которая одной ступенью возводит человека на небо, – так с восхищением, с восторгом говорит о послушании преподобный Григорий Синаит. Конечно, я согласен с тем, что у нас недостаточно опытные старцы и старицы, но если взять тех людей, которые недовольны их опытностью, то уверяю, что у «неопытных» стариц опыта гораздо больше, чем этим недовольным людям может понадобиться в данный момент: вопросы, которые их волнуют, и страсти, которые их мучают, элементарны. Например, если я скажу какому-нибудь алкоголику, что пить нельзя, а иначе у него прихватит

сердце и он умрет, то он мне ответит: «Что ты в этом понимаешь! Ты нарколог? Где ты учился? Какое у тебя образование?» Но если я дам ему такой совет, не будучи врачом-наркологом, разве я не буду прав? Моих элементарных знаний достаточно, чтобы дать наставление такому страстному человеку. А мы хотим неведь чего: чтобы нас учил арифметике в первом классе какой-нибудь профессор, лауреат Нобелевской премии. Мол, если ты не лауреат Нобелевской премии, чему ты нас можешь научить, как ты нам сможешь объяснить, сколько будет дважды два?

* * *

Вопрос. Я не вижу в себе никаких добродетелей, относящихся к моей индивидуальной природе, так откуда же они появятся после смерти во мне «ветхого» человека? Неужели я совершенно изменяюсь и ничего из того, что есть во мне сейчас, не останется? Получается, это уже буду словно и не я?

Ответ. Между прочим, другое имя при постриге дается именно в знак того, что пострижник начинает новую жизнь, становится иным. Если кто-либо полностью отождествляет себя с «ветхим» человеком – со своими страстями, то ему, конечно, кажется, что, изменяясь, он как бы исчезает и вместо него появляется некто новый. Но на самом деле по мере духовного развития человек понимает, что он представляет сам по себе: в нем раскрывается именно христианская личность. Ведь страсть не есть нечто положительное, как нет ничего положительного в болезни. Болезнь – это отсутствие здоровья, страсть – это отсутствие добродетели. По мере умаления страстей появляются противоположные им добродетели, допустим по мере умаления гнева появляется кротость и так далее. Так человек обновляется.

И если он не видит в себе никаких добродетелей, то это не значит, что их в нем нет: он может не видеть их, например, по смирению или по той причине, что они действуют в нем очень слабо. Бывают люди, достигшие высокого духовного преуспевания, весьма добродетельные, которые в себе не видят вообще ничего доброго, считают себя худшими из всех. Но это

тоже есть добродетель, может быть величайшая и самая необходимая для спасения, – смирение. Мы же сейчас говорим не о том, что человек ощущает, а о том, что происходит на самом деле. Не ощущать, что с тобой происходит, можно по разным причинам, об этом скорее должен думать тот, кто тобой руководит. Некоторые люди из смирения не находят в себе ничего особенного. Обычно это бывает с простыми людьми: им кажется, что они ничего собой не представляют, хотя они могут и чудеса творить. А другой человек понимает, что он собой представляет, но смиряется, потому что не видит ни в чем своей заслуги, а все приписывает одной благодати Божией. Нельзя описать в нескольких словах, что с человеком происходит, когда он обновляется, и что с ним станет: он это будет или не он. Но невозможно, чтобы в человеке не было никакого добра: в самом страшном преступнике и то есть некая добрая черта, даже во время совершения преступления. Я уже не говорю о том, что самый злой человек, бывает, раскаивается и совершенно меняется. Поэтому если мы в себе ничего хорошего не видим, то это не значит, что с нами на самом деле ничего не происходит.

Вопрос. Как избавиться от желания преждевременного уединения, желания избежать людей любой ценой с целью воздержаться от празднословия и не терять молитвы?

Ответ. Преждевременно ли для человека уединение, должны разбираться старец или старица. Конечно, если в монастыре есть возможность избежать общения с людьми, то нужно это делать. Когда ты закончил свою работу по послушанию и у тебя есть свободное время, то уединись и молись. Это прекрасно. Но если ты хочешь избегать людей таким образом, чтобы убежать с послушания, ни с кем не разговаривать, спрятаться и лечь спать, как это у некоторых бывает, тогда это неправильно. К тому же молитва происходит не от уединения, а от смирения. Бывает, человек уединится, а смирения нет, и он теряет благодать, которую, казалось бы, искал во время суеты: когда был среди людей, ему очень хотелось помолиться, а оказался наедине с самим собой – и молиться уже не хочется, сухо в душе. Там было

послушание и вместе с ним благодать, которая и влекла человека в уединение, когда же он достиг уединения по своей воле (а своеволие – это гордость), то благодать его оставила. Но вообще, если вы придерживаетесь обычного уклада монастырской жизни: выполняете послушание, ходите на правило и при этом имеете возможность еще и уединиться, то, конечно, ее нужно использовать. Если у вас получилось в день час или два побыть в уединении, конечно с ведома вашей старицы, – это прекрасно.

Вопрос. За все ли грехи нужно пострадать, чтобы их искупить?

Ответ. Смотря какие страдания имеются в виду. Допустим, у человека были блудные грехи и его терзает блудная страсть. Он борется с собой, и эта борьба приносит ему ужасные мучения – вот так он и страдает за свои блудные грехи. Или человек имел, скажем, пристрастие к вещам, был корыстолюбив и, наконец, от всего отрекся, а его по-прежнему мучает привязанность к своему имуществу, беспокойство о завтрашнем дне, и он не может положиться на волю Божию. Для него борьба с этой страстью корыстолюбия и есть то страдание, которым он искупает свои прошлые грехи. Страданием, искупающим человека, является прежде всего именно борьба с грехом, брань, и это не обязательно болезнь: например, за такую-то страсть заболела правая рука, а за такую-то – левая. Важно не то, что человек мучается, а то, что он борется с грехом и что своими страданиями, пусть это даже и болезнь, он заглаживает свою прошлую греховную жизнь, – конечно, при условии, что он относится к своей болезни правильно. Можно болеть и роптать, не делая никаких выводов; а когда человек смиряется и обращает болезнь в средство покаяния, тогда получает от своей скорби пользу, и только тогда она спасительна.

Нектарий Оптинский, когда ему одна женщина сказала, что страдание искупает человека, ответил: «Нет, это не так. Посмотрите, два разбойника страдали возле Спасителя, но один, благоразумный разбойник, был спасен, а безумный, который хулил Господа, был осужден». Значит, искупают

человека не сами по себе скорби, а то, что он переносит их со смирением и покаянием, сознавая, что достоин их за свои грехи. Под скорбями, повторюсь, имеются в виду не только внешние беды, но чаще именно страдания в борьбе с грехом. В самом деле, такое страдание – страшная мука: монахов называют иногда нравственными мучениками, потому что борьба со страстями достигает иногда столь сильного напряжения и накала, что действительно превращается в мученичество. Иной монах даже рад был бы умереть, чтобы избавиться от этого внутреннего страдания, которое может переходить и в физическое.

Вопрос. Чем можно объяснить желание создать произведение искусства: оно от Бога, от тщеславия или от чего-то еще? Не знаю, как относиться к этому состоянию души. В миру я была с ним знакома.

Ответ. Вдохновение можно понимать по-разному: языческие писатели под вдохновением имели в виду посещение их музами или Аполлоном. Но, с христианской точки зрения, посещение человека музой – это посещение его демоном, так об этом пишет святитель Григорий Палама в своих «Триадах». Критикуя знаменитых языческих философов и мыслителей древности, он говорит, что они сами признавали, будто получают вдохновение от демонов. Сократ рассказывал, что с юных лет с ним не разлучался некий дух, который всегда ему подсказывал, чего делать не нужно, но что делать нужно – не говорил. Можно воспринимать это по-разному, но Григорий Палама толкует это как присутствие какой-то нечистой силы. Вдохновение может пониматься как усиленное действие страстей, когда человек способен сделать нечто особенное, допустим написать стихотворение. Поэтому часто произведения искусства открыто выражают собой те или иные страсти, скажем блудную. Иногда же страсти отражаются в произведениях искусства в скрытой форме: например, для нас совершенно очевидно, что творчеству часто содействует тщеславие, так как автор в большинстве случаев хочет создать нечто необыкновенное, чтобы прославиться и быть не хуже, а может быть, и лучше, чем остальные писатели или художники.

Но иногда под вдохновением можно понимать некоторое напряжение мысли и чувств: человек думает, что-то ищет, стремится совершить научное открытие или создать художественное произведение. У него долго ничего не получается, но, наконец, наступает момент, когда это напряжение мыслей и чувств достигает такой степени, что происходит некий «прорыв». Такие состояния были знакомы не только светским писателям и художникам, но и людям духовным, например святителю Игнатию (Брянчанинову). Однажды он размышлял над тем, что утешительного можно написать своим духовным чадам по случаю смерти их близкого родственника. Святитель Игнатий описывает, как внезапно ночью на него нашло такое вдохновение, что он вскочил и начал писать. Может быть, вы и читали это письмо: позднее святитель Игнатий сделал из него произведение «Голос из вечности».

Таким образом, некоторое напряжение мыслей и чувств образует иногда сочетание, которое можно назвать вдохновением. Приведу пример и из мирской жизни. Дмитрий Иванович Менделеев долго думал о том, как систематизировать химические элементы. И однажды во сне к нему пришло вдохновение. Все душевные и мыслительные силы, устремленные к познанию этого закона природы, в его уме сконцентрировались – и он, вскочив, начертил свою знаменитую периодическую таблицу. Но это произошло, конечно, не потому, что его вдохновил Бог: Бог не дает людям знаний, которые не имеют никакого отношения к спасению души. Это было вдохновение в смысле чрезвычайного напряжения всех человеческих сил, которое, достигнув своего крайнего предела, позволило человеку объяснить нечто из земной природы.

Вопрос. Мне иногда кажется, особенно на службе, что я люблю Бога. Но старица говорит, что это невозможно: если бы я любила Его, то соблюдала бы заповеди и боролась с грехом. Нам в самом деле невозможно любить Бога?

Ответ. Вывод сделан странный: ведь старица не сказала, что Его любить невозможно. Она говорит, что если бы ты любила Бога, то боролась бы с грехом. У тебя получается так: раз я с грехом не борюсь и бороться не хочу, значит, и Бога

любить невозможно. Почему бы не сделать другой вывод: буду бороться с грехом, чтобы на самом деле возлюбить Бога?! Одно дело – внутренние порывы, которые от нас не зависят и бывают тогда, когда благодать Божия касается нашего сердца и возбуждает в нем некоторую любовь, и другое дело – любовь, которая понимается как постоянное сильное чувство, подтверждаемое всей нашей жизнью. Порыв может быть даже у человека неверующего, ведь и его иногда может коснуться благодать, но потом порыв проходит и сердце остывает. Как сказано в притче Спасителя о сеятеле, *иное семя скоро возшло, но скоро и увяло* (см. Мф. 13, 5–6).

Вопрос. Батюшка, правильно ли я понимаю: чтобы стяжать добродетели, в главном надо слушаться старицу, а в остальном – слушаться окружающих?

Ответ. Конечно, послушание и смирение перед всеми, кто нас окружает, очень важная добродетель. Во всем основном мы должны руководствоваться тем, что нам говорит старица, а в вещах нейтральных, случайных, если они не противоречат наставлениям настоятельницы или нашей старицы, мы должны смиряться перед всеми. Этим мы приобретем истинное смирение, и тогда можно будет преуспеть и в прочих добродетелях.

Вопрос. С помощью чего можно стать простой и победить лукавство?

Ответ. Лукавство побеждается как раз через послушание. Что такое лукавство? Это желание хитростью исполнить свою волю. Допустим, тебе говорят: «Тебе нельзя есть много сладкого». А ты думаешь: «Ладно, варенье не буду, а малину я могу поесть». Это тоже лукавство. Простой человек скажет: «Нет, я буду есть», а лукавый: «Да, я не буду есть сладкое, – и про себя добавит: – сегодня».

Вопрос. Многие люди, очень образованные и ученые, становились священниками. Значит, процесс развития личности, который, конечно, таких людей не обошел, не помешал им найти истину?

Ответ. Образованность по-разному влияет на человека. Один ради истины готов отказаться от того, к чему он

стремился, и тогда он может послужить Богу, даже не столько знаниями, сколько развитыми умственными способностями, допустим в деле проповеди. Другой же так дорожит своими знаниями, что никогда от них не откажется. Я однажды беседовал с одним очень образованным и культурным человеком, для которого одним из важных доводов против принятия христианства было то, что ему тогда придется отказаться от любви к поэзии, искусству и так далее. Он понимал, что без истинной веры жить невозможно, но отречься от своих пристрастий не мог, не хотел; развитие личности, которым он очень дорожил, ему помешало. А для другого развитие личности ничего не значит, он может этим пренебречь.

Вопрос. Я с вами во всем согласна, но как только я слышу слово «послушание», во мне от ненависти все переворачивается.

Ответ. Конечно, мы всё понимаем, но когда в нас восстают страсти, у нас действительно внутри «все переворачивается». Одно дело – понимать умом, как нужно поступать, другое – приступить к деланию. Тогда в нас сразу же возмущается страсть. Например, многие алкоголики понимают, что для них пьянство – гибель, но справиться с этой страстью не могут и, понимая, что губят себя, бегут в ларек, покупают бутылку. При этом говорят: «Пропал я, жизнь моя такая-сякая...» – а бутылку выпивают. Или наркоман – еще более яркий и страшный пример. Человек понимает, что наркотики – это смерть, что он может погибнуть в любой момент, однако ничего с собой не может поделать. То же можно сказать и в отношении любой другой страсти: мы осознаём, что с ней необходимо бороться, что нужно исполнять добродетели, но когда страсть возмущается и, подобно алкоголю, опьяняет человека, то он не понимает, что делает. Это особенно очевидно при действии таких сильных страстей, как гнев или блудная страсть. У человека затуманивается рассудок, и он способен если не на деле, то по крайней мере в намерениях совершить все что угодно, хотя, будучи в здравом уме, понимает, что это мерзость и глупость.

Вопрос. Вы сегодня сказали, что все наши индивидуальные качества случайны, но Ефрем Сирин убежденно высказывается о том, что случайностей не бывает, и Вы сами неоднократно говорили о человеческом факторе в истории. Может быть, они все-таки не такие уж случайные?

Ответ. Я говорил о случайных человеческих свойствах с философской точки зрения: случайных не в том смысле, что их могло бы не быть, а в том, что они не обязательны по отношению к нашей природе. Это качества, которые отличают нас не от тварей другой природы, а только друг от друга, например образование, бóльшие или мéньшие умственные способности и так далее. По отношению к человеческой природе есть свойства определяющие и случайные: если убрать одно из определяющих свойств, то человек уже не подпадет под определение «человек». Например, человек без разума уже не человек. Конечно, есть люди сумасшедшие, но это искажение, это не свойственно человеческой природе. Разум – одно из важнейших, определяющих свойств, а пол – уже случайное свойство, потому что люди бывают и мужского и женского пола. Старость и молодость – также случайные свойства, они не изменяют нашей природы. Определяющие же свойства составляют понятие о том, что человек собой представляет. Приведу самое распространенное определение, его употреблял Иоанн Дамаскин: человек – это животное разумное и смертное (имеется в виду животное не в значении «зверь», а в значении «живое существо»). Если убрать из этого краткого, но емкого определения какое-либо определяющее свойство, например «смертное», то получится животное разумное и бессмертное, то есть ангел, а если убрать «разумное», то будет животное смертное и неразумное, то есть зверь.

Вопрос. Простите, я иногда думаю, что преуспеваю, хотя ничего подобного нет. Не могли бы вы дать мне какой-нибудь совет, чтобы не думать об этом?

Ответ. Апостол Павел говорит: *Забывая заднее, простираюсь вперед* (см. [Флп. 3, 13](#)). Надо думать не о том, преуспеваем мы или не преуспеваем, совершенствуемся или нет, а о вечной жизни. Поскольку мы еще не в вечности, то мы

ни в чем не можем быть уверены: вдруг мы развратимся или подвергнемся наказанию за какой-нибудь грех, который не видим, или за страсть, с которой мы совершенно не боремся? Если человек весь будет устремлен в вечность, будет думать о смерти и о спасении, а не о том, совершенный он или несовершенный, больше он усовершенствовался или меньше, тогда у него все эти нелепые тщеславные мысли пропадут.

Вопрос. Мне кажется, что я становлюсь все хуже и хуже. Что мне делать?

Ответ. То, что человек считает сам, – это одно, а то, что видно со стороны, – это другое. На самом деле, может быть, от некоторой простоты человек не видит своего исправления, а замечает все больше своих грехов и осуждает себя. В таком случае ему нужно обратиться к тому, кто им руководит, и спросить, действительно ли он становится хуже или это ему только кажется. Кроме того, такие помыслы могут быть и от уныния: человек ими обезоруживается и ничего уже не делает, раз у него все равно ничего не получается, – тогда он становится не хуже и хуже, а просто плохим. Если же человек на самом деле становится все хуже и края этому не видно, значит, ему надо как-то привести себя в чувство: начать молиться, поститься, слушаться, смиряться, каяться – и так каждый день, тогда он будет становиться все лучше и лучше.

Бывает, человек жалуется, что у него ничего не получается, потому что у него ничего получиться не может, и никогда не получалось, и в будущем никогда не получится. Конечно, этому человеку лучше бы заняться делом, чем сидеть и ныть. Он, может быть, просто не хочет ничего делать, ему лень: одному лень работать, другому лень молиться, третьему лень книги читать, потому что он не привык глазами за буквами следить, ведь это очень трудно – сначала глазами ползешь по букве вверх, затем вниз, а потом еще и в сторону. Ну что такому человеку сказать? Нужно себя заставлять. Все очень просто. А все эти рассуждения о том, что ты становишься хуже и хуже, нужны, на мой взгляд, для оправдания своего нерадения. Если бы человек, например, на протяжении нескольких дней страдал от голода и чувствовал бы себя все хуже и хуже, тогда бы он в

конце концов поел. Когда речь идет о наших естественных потребностях, то мы, хочешь не хочешь, начинаем о себе думать: как бы поесть, если мы голодны, или поспать, если мы долго не спали, переутомились и так далее. А когда дело касается нашей души, мы готовы быть всё хуже и хуже, оправдываясь тем, что выхода никакого нет. Значит, мы не понимаем, что такое вечность, что такое смерть и загробная жизнь, поэтому и позволяем себе такое дурачество. Иначе не назовешь.

Вопрос. На каждой беседе я думаю: «Все понятно, теперь начну новую жизнь, буду слушаться и молиться», – но этот помысел быстро проходит. А с чего начать конкретно?

Ответ. Самое главное – это Иисусова молитва и послушание. Это две основополагающие вещи, к которым нужно себя понуждать, всячески преодолевая свое бессилие, свое слабование. А если мы думаем, что сможем сразу исполнить какую-то добродетель, то заблуждаемся. Кроме того, для новонаначального естественно падать и восставать, тут уж никуда не денешься, придется себя заставлять: упал – вставай, опять упал – опять вставай. Вот так постепенно, шаг за шагом человек будет выправляться. А если он хочет сразу начать новую жизнь и тотчас перемениться, то, уверяю, у этого человека ничего не получится: во-первых, он переоценивает свои силы, а во-вторых, уже в самом этом намерении есть скрытая гордость, побуждающая человека думать, что падения уже никогда не повторятся.

Вопрос. Бывает, что-то внутри толкает меня написать стихи о своих грехах, например о тщеславии, гордости, я сажусь и пишу. Потом лежу, засыпая, а в голове строки: «Меня обуяла гордость...» Что это значит?

Ответ. Когда тебя обуяла гордость или другая страсть, нужно каяться, а не стихи сочинять. Это искушение. Литературная деятельность, как говорит святитель Игнатий, очень мешает молитве, в особенности сочинение стихов, так как стихи являются изощренной, очень искусной литературной формой и требуют чрезвычайного умственного напряжения. Поэтому человек, который начинает заниматься такой

умственной работой, безусловно, оставляет молитву. Лучше прочитать какое-то количество Иисусовых молитв, чем написать стихотворение, даже самое хорошее.

Вопрос. Мой родственник в миру хочет оставить Иисусову молитву по причине страхований. Что ему посоветовать?

Ответ. У меня была знакомая бабушка, огородница, не знаю, жива она или нет. Благодаря моему влиянию эта старушка стала молиться Иисусовой молитвой – сначала понемножку, а потом привыкла. Она не могла долго работать без перерыва, уставала: поработает часик, ляжет на кровать и молится Иисусовой молитвой, потом опять идет работать на полтора-два часа. Она так проводила весь день, еле ходила, за мотыгу держалась, как бы на трех ногах работала. Когда она жила одна, у нее тоже были всякие страхования: то будто кто-то пробежит по комнате, то с ней рядом лежит что-то холодное, то словно кто-то прошлепает ластами под окном. Тут нет ничего удивительного: бес смотрит не на то, мирянин ты или монах, а на то, как ты молишься. Если монах будет молиться плохо, то его никакой бес искушать не станет, а если мирянин будет молиться усердно, значит, бес на него начнет нападать. Пусть твой родственник перекрестится и не обращает на такие явления никакого внимания. Если он будет к ним слишком внимателен, они усилятся. Если же ими пренебрегать и вести себя мужественно, то все пройдет. Молитву оставлять не нужно.

Вопрос. А если женщина душевнобольная и слышит различные голоса, то, может быть, лучше не ей самой молиться, а чтобы за нее молились, отчитывали ее?

Ответ. Если она действительно душевнобольная, то, наверное, надо ее отчитывать, но молитву оставлять ей все равно нельзя. Пока человек молится, он в меру сил борется с грехом, с бесом, который в нем находится и его искушает.

Вопрос. Душевнобольным молиться можно только устно?

Ответ. Это зависит от того, в каком состоянии находится больной. Конечно, если при такой страшной болезни человек будет заниматься умным деланием в полном смысле слова, то кто знает, какие будут последствия: душевная болезнь может

усугубиться еще и прелестью. Поэтому выдавать общий рецепт опасно, в каждом конкретном случае необходим особый разговор. Правда, человек может слышать голоса совсем не обязательно от душевной болезни. Может быть, он просто привык поддаваться бесовскому внушению до такой степени, что ему кажется, будто он слышит чей-то голос.

Вопрос. Развитие умственных и других способностей не мешает раскрытию личности в подлинном смысле?

Ответ. Не мешает, когда не является самоцелью, но такое развитие совершенно не обязательно. Конечно, и благочестивые люди развиваются в определенном направлении. Скажем, человек, живущий аскетической жизнью, развивает свои умственные способности, чтобы иметь рассуждение о том, что с ним самим происходит. Но если он будет развивать свой ум, изучая, например, высшую математику, или у него возникнет желание заняться шахматами и стать выдающимся шахматистом, то это нелепо и не нужно.

Вопрос. Вы часто говорите, что невозможно жить среди людей и ни к кому не привязаться, а святые отцы учат быть мертвым для всякого человека. Как к этому стремиться?

Ответ. Я не знаю, как к этому стремиться и как быть мертвым для всякого человека. У нас часто получается, что быть мертвым для всякого человека – это значит никого не слушаться. Мы еще не достигли такого совершенства, о котором говорят святые отцы, мы и так безжизненны, как мертвецы: на работе как мертвецы, на молитве как мертвецы, только спим как живые. Сначала надо ожить как следует, а потом уже заниматься умерщвлением себя. Не может не быть привязанности к тем людям, с которыми мы общаемся, если мы испытываем к ним хоть какую-то любовь. А мертвость – это особенное духовное состояние, когда человек не привязан ни к чему земному, и оно не противоречит любви. Для нас это пока неактуально.

Вопрос. Когда человек свои добродетели приписывает благодати Божией, то это смирение?

Ответ. Если это делается искренне и если у него действительно есть добродетели, то это смирение. Но надо

иметь в виду, что страсти лукавы и гордость может притвориться смирением, так что какая-нибудь совершенно ни в чем не преуспевшая новоначальная послушница или монахиня станет говорить, будто у нее есть такая-то и такая-то добродетель и это от Бога. На самом же деле у нее и добродетели никакой нет – естественно, что тогда Богу приписывать нечего, и под личиной смирения в нее вкрадывается гордость. Такой вид смирения больше подходит людям весьма преуспевающим, а не новоначальным.

Вопрос. Старица говорит, что у меня сложился такой характер, что меня заносит в крайности: то излишнее смирение, то наоборот. Что это значит?

Ответ. Это только так говорится: «излишнее смирение», на самом деле это разновидность гордости, которая прикрывается видом добродетели. Если у человека действительно есть смирение, то оно не может быть излишним, сколько бы человек ни смирялся. Поэтому «излишнее смирение» возникает, когда человек только думает, что он смиряется, а на самом деле поддается гордости или какой-нибудь другой страсти. Святитель Игнатий называет это ложным смирением. Крайности состоят в том, что человек либо не слушается, либо притворяется смиренным, может быть даже сам для себя, а на самом деле он не таков, и поэтому никакой пользы от такого его поведения нет.

Вопрос. Как уловить разницу между фанатичной привязанностью к духовнику и той любовью к нему, которая укрепляет истинный духовный союз?

Ответ. Фанатичная привязанность предполагает своего рода обожествление духовника, то есть абсолютную веру без всякого рассуждения, даже без желания понять, что он имеет в виду. При таком отношении к духовнику его даже и слушаться точно нельзя: ты думаешь, что по-настоящему слушаешься, а на самом деле ты делаешь это без рассуждения. Такое послушание сопровождается еще и непониманием того, как важно чтение святоотеческих писаний. А ведь они помогают научиться истинному послушанию и разобраться в самом себе. Говорить с человеком, который начитан в творениях святых

отцов, гораздо легче: ему всегда можно привести оттуда пример, напомнить что-то, да он и сам себя лучше понимает, лучше рассказывает о том, что с ним происходит. А слепая, фанатичная преданность часто сопровождается послушанием. С одной стороны, мы чрезмерно превозносим духовника, с другой – пренебрегаем тем, чему он нас учит. Он нас интересует сам по себе, а не как духовный руководитель; мы создаем себе своего рода кумира.

Об этом святитель Игнатий хорошо пишет в «Приношении современному монашеству». При таком отношении к наставнику возникает обратное явление: уже не духовник управляет своим духовным чадом, а чадо пытается управлять духовником: допустим, чрезвычайно заботится о его здоровье, советует, какой образ жизни ему нужно вести, или пытается как-то повлиять на его жизнь. При разумном же отношении человек обретает свою привязанность от доверия и благодарности, которые у него появляются именно из-за послушания. Он, возможно, и возражает, но возражает добросовестно: не из упрямства, а из желания лучше понять. Иногда, может быть, следует откровенно говорить духовнику, что такой-то его совет оказался неуместным, бесполезным, неподходящим. И духовник в своем руководстве сделает какую-то поправку. А фанатично настроенный человек, даже если явно видно, что совет духовника не подходит, потому что духовник не разобрался в ситуации, не знал всех обстоятельств или появилось дополнительное обстоятельство, все равно слепо стремится этот совет исполнить. Из-за этого бывают всякие скорби и неудачи, а в конечном счете все заканчивается полным разочарованием, непослушанием, по той причине что тобой якобы плохо руководят. На самом деле не тобой плохо руководят, а ты плохо, неразумно слушаешься.

Вопрос. Батюшка, как разобраться в такой ситуации: кто-либо принял совет духовника или старца и начинает его исполнять, но в себе какое-то время чувствует борьбу, его тяготит помысел, что совет неправильный. Не проявляется ли здесь упрямство или самомнение?

Ответ. Нужно рассказать о своем смущении духовнику, и он рассудит, что это. Ты сам не определишь. Одно дело – исполнять совет с рассуждением, а другое – самому рассуждать. Сам наставляемый не должен разбираться в своих сомнениях и неудачах, а должен рассказать о них духовнику, если, конечно, наставник у него более или менее рассудительный. Мы сейчас не говорим о таком случае, когда священник просто не имеет права называться духовником и руководить.

Вопрос. Когда меня укоряют, во мне вспыхивает возмущение. Как с этим бороться?

Ответ. Когда отец наказывает своих детей, конечно, дети сердятся, но от этого отец не прекращает их любить и не меняет любовь на ненависть: он понимает, что ребенок есть ребенок и что в конечном счете это наказание пойдет ему на пользу. Нужно бороться с собой, смиряться, молиться, но едва ли у немого человека получится, чтобы возмущение при укорении ушло раз и навсегда. А если он уже окончательно смирится, тогда всякое уничижение, не только от духовника, но и от постороннего человека, будет пить как воду во время жажды в жару. Только смиренный человек радуется всякому уничижению, насыщается им, а пока мы не стяжали добродетели смирения, нужно бороться, преодолевать себя.

Вопрос. Когда я записываю помыслы, то сама себе даю оценку и добавляю, как нужно было бы поступить. Надо ли так делать или это от гордости и самомнения?

Ответ. Это не помешает, только при рассказе нужно прибавить: «У меня возникло такое-то мнение». Я здесь не вижу ничего плохого. Но если ты, оценивая помысел, искажила его, тогда ты поступила неправильно. Если же ты рассказала помысел беспристрастно и дала беспристрастную оценку, тогда дело старицы определить, справедлива твоя оценка или нет. Если она справедлива, тогда наставница должна ее поощрить, и ты таким образом научишься правильно относиться к этому душевному или внешнему явлению.

Вопрос. Я никак не могу понять, как можно видеть в себе действие многих страстей и быть при этом

радостной и беспечальной?

Ответ. Радость и беспечалие происходят не оттого, что мы видим страсть и сознаем свои грехи, а оттого, что чувствуем в себе действие благодати, которое происходит от покаяния. Когда мы плачем о своих грехах или по крайней мере сокрушаемся о них, тогда благодать Божия нас утешает – потому мы и радуемся. В этом парадокс духовной жизни: трудно объяснить, почему чем более человек удручает себя воспоминанием о своих грехах, сокрушением о них, тем более радостным бывает. Если рассуждать логически, то это невозможно, непоследовательно, но в действительности происходит именно так. А как у Сисоя Великого, который воскрешал мертвых, получалось считать, что Бог его может не простить? Такой помысел тоже невозможно объяснить с точки зрения здравого смысла, но здесь действует другой – евангельский – смысл. И человеку, который не испытал подобного на себе, это никогда не будет понятно.

Вопрос. Вы сегодня сказали, что есть среди нас те, кто хотел бы, оставив послушание, пойти и забиться в подушку. Я такая. Как вести себя, когда появляется подобное желание? Так трудно молиться, делать поклоны и читать в этом состоянии.

Ответ. Если это происходит от уныния, в таком случае нужно заставить себя делать то, что тебе положено в данный момент: молиться – молись, на послушании находиться – трудись. Но если тебе захочется спрятаться в подушку, чтобы внимательно, покаянно помолиться, то, наверное, с благословения старицы можно найти подходящие моменты и предаться такому чувству.

Вопрос. Когда я была в миру, то терпела обиды и с радостью уступала, а когда пришла в монастырь, чувствую, что уступаю с понуждением. Почему?

Ответ. Потому что в монастыре брань усиливается: в миру человек иногда смиряется даже из тщеславия, к тому же у него есть возможность уединиться, предаться самому себе, получить некоторую свободу и отдохнуть, а в монастыре человек утомляется и «срывается». В миру легче терпеть неприятное, потому что там нет постоянного контроля со

стороны наставников, нет сознательного руководства человеком, оно осуществляется от случая к случаю. Здесь же контроль сознательный, постоянный и целенаправленный, поэтому и бывает трудно терпеть: человек находится под своего рода прессом, здесь, как некоторые говорят, «подавляется личность». Такой контроль, послушание, режим и все монастырские порядки с легкостью обнаруживают недостатки человека и его страсти, тогда как в миру они могут обнаружиться лишь нечаянно.

Вопрос. Принято считать, что болезнь, немощь умягчают страсти, делают их слабее. А если немощь есть, но страсти действуют сильно, что это значит?

Ответ. Во-первых, не все немощи и болезни умягчают страсти. Святые отцы говорят о том, что при болезнях бывают особенные нападения демонов на человека, поскольку ему в это время труднее им сопротивляться. Кроме того, есть болезни естественные и есть болезни от дьявола, которые он как искушение наводит на подвижников, в особенности на уединенно молящихся. Бывает, что и к естественной болезни примешивается бесовское наваждение, и человеку его болезнь кажется гораздо страшнее, чем есть на самом деле. Бывает, что страсть мнительности действует и в отсутствие всякой болезни: человеку кажется, что он жестоко страдает, и он действительно страдает, но такую болезнь невозможно исцелить никакими лекарствами – здесь помогут только молитва и другие духовные средства.

Поэтому нельзя сказать, что болезнь и немощь умягчают страсти обязательно и всегда, это происходит только в том случае, если немощь подается от Бога. Когда же человек в самом деле находится в болезни, то нужно еще рассудить, не от дьявола ли она, – тогда она, наоборот, усилит страсть. Все не так просто, как кажется. К своим болезням мы должны относиться разумно, тогда они будут полезны. А если мы думаем, что страдание принесет нам пользу само по себе, без правильного настроения, без правильного душевного состояния, то это ошибочное мнение: болеют ведь и верующие и неверующие, магометане и буддисты, не

получая от болезни никакой пользы. Человек получает пользу от страданий и немощей, когда переносит их разумно, ради Христа: со смирением, с сознанием, что скорби посылаются ему за грехи и ради его спасения, ради сокрушения его духа.

Вопрос. Вы сказали, что если человек обладает кротостью, но не имеет целомудрия, то это уродство. А разве может кротость сочетаться с нецеломудрием?

Ответ. Конечно, та кротость, которая дается по действию благодати и от подвига, с пороком сочетаться не может. А вот природная кротость может совмещаться с плотской развращенностью: человек может быть очень спокойным, но развратным и, наоборот, целомудренным, но очень злым. Если эти добродетели достались нам от природы, а не приобретены подвигом, тогда они могут сочетаться со страстями.

Вопрос. Объясните, пожалуйста, я не понимаю такие места в Евангелии: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же меру отцов ваших (Мф. 23, 29–32) и Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избили отцы ваши: сим вы свидетельствуете о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними, ибо они избили пророков, а вы строите им гробницы... Да взыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира (Лк. 11, 47–48 и 50).*

Ответ. Это значит, что иудеи времен Спасителя якобы почитали пророков, но их пророчествам не внимали. Они прославляли пророков только потому, что это прославление для них ничего не значило и ни к чему не обязывало. Когда же живые пророки, например Иоанн Креститель или Сам Господь Иисус Христос, свидетельствовали им об истине, то они ее не принимали. Смысл же слов Спасителя применительно к нашему времени состоит в том, что некоторые лицемерно прославляют умерших святых, чтобы почитанием чужой святости прикрыть свою греховность, свое безразличие к христианству и даже

враждебность к нему. Иначе говоря, можно быть по видимости христианином, почитать христианских святых, а на самом деле вести себя не по-евангельски и быть врагом этих умерших, уже отшедших от мира сего истинных христиан.

Вопрос. Простите, что значит «исповедовать помыслы, испытывая наставника»? К чему это ведет?

Ответ. Исповедовать помыслы, испытывая наставника, – значит не доверять ему и рассказывать все не полностью или неискренне. Ведет такая исповедь к искушениям и путанице, из-за которой послушник получает вред; при этом сам он делает вывод, будто духовник плохо его наставляет.

Вопрос. Если преуспевание зависит от покаяния, как говорит святитель Игнатий, то истинное покаяние может быть лишь у преуспевших? Что же делать, чтобы достичь покаяния?

Ответ. Нужно понуждать себя к Иисусовой молитве, к послушанию, памяти смертной, к исполнению евангельских заповедей – и достигнешь покаяния. Все делается с понуждением, нельзя посоветовать сделать то-то и то-то, чтобы тут же появилось покаяние, – такого не бывает. Когда человек усердно, с понуждением себя упражняется в духовном делании, то этим достигается вступление во внутреннюю брань, а брань – это борьба с грехом, что, собственно, и есть покаяние. Внутренне сопротивляясь греху, по-настоящему борясь с ним, человек иногда спотыкается, иногда противостоит ему – вот это и есть покаяние, а не только когда кто-либо плачет о своих грехах.

Вопрос. Как различить раскаяние и тщеславный стыд?

Ответ. А зачем отличать самому? Надо все искренне рассказать старице – старица и будет различать. Если вы самостоятельно будете рассуждать, то в дебри залезете. Пусть будет поначалу стыд от тщеславия, лишь бы только ничего не скрывалось. А то станешь разбираться в себе: «Это у меня от тщеславия, это от гордости – это я рассказывать не буду, а это у меня от смирения – это я расскажу». Такое никуда не годится.

Вопрос. Когда мы все причащаемся в воскресенье, у нас становится одна воля?

Ответ. Во время причащения, конечно, все люди объединяются, но сказать, что у нас становится одна воля, было бы большим преувеличением. Это зависит не только от нашего участия в таинстве, но и от нашего расположения: если бы мы все одинаково исполняли евангельские заповеди, тогда у нас была бы одна воля. Нельзя признать, что мы все живем по одной воле только из-за участия в таинстве, вне зависимости от нашего достоинства, от усвоения благодати, которую мы получаем.

О молитве Иисусовой¹⁵

Сегодняшнюю беседу я хочу посвятить молитве Иисусовой. По причине нашего нерадения эта тема актуальна всегда. Есть такие угодники Божии, которые не нуждаются ни в каких поучениях и имеют такую горячую ревность, что совершают добрые дела и без постоянного напоминания об их необходимости. Таких подвижников подчас нужно даже удерживать от чрезмерной ревности. Но чаще, в особенности среди людей немощных, бывает так: человек принимается за делание Иисусовой молитвы и некоторое время молится горячо, но под действием страстей и неблагоприятных, как ему кажется, обстоятельств начинает постепенно остывать. А ведь Иисусова молитва – это одна из основных добродетелей. Об этой молитве, как замечает Василий Поляномерульский, написано множество книг, тогда как о прочих молитвословиях говорится только в богослужебном уставе. Уже одно это свидетельствует о том, что Иисусова молитва, хотя и состоит всего из нескольких слов, является чрезвычайно важным делом для всех христиан, а в особенности для монашествующих.

Василий Поляномерульский пишет, что есть несколько причин, заставляющих человека молиться, подвигающих его на молитву: борьба со страстями, память смертная и покаяние. Не следует думать, что нужда в молитве Иисусовой появляется у человека лишь тогда, когда его сильнейшим образом начинают удручать страсти, а в другое время к молитве можно относиться безразлично. Люди, у которых нет никакой особенной брани, действительно часто впадают в безразличие: они будто бы и молятся, но без огонька, а иногда и вовсе оставляют молитву, не понимая ее значения, ее силы.

Напомню вам один эпизод из Евангелия. Господь Иисус Христос спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын

Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах (Мф. 16, 13–19). Значение исповедания Петрова (*Ты – Христос, Сын Бога Живаго*) столь велико, что на нем создается и держится Церковь. Оно исходит не от человеческого соображения, не от человеческой мудрости. *Плоть и кровь не яви тебе, но отец мой, уже на небесах*, как об этом сказано в славянском переводе Евангелия, то есть это исповедание – истинное Божие Откровение.

Итак, мы видим, что на вере, выраженной всего в нескольких словах исповедания Петра, Господь обещал создать Церковь, и притом стоящую столь твердо, что даже сами врата ада не смогут ее одолеть. Замечательные слова апостола Петра, являющиеся основой, стержнем, корнем нашей веры, содержатся и в Иисусовой молитве. Пусть они произносятся несколько иначе, но значат то же самое. Можно сказать: *Ты – Христос, Сын Бога живого* или: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий» – смысл останется тот же. И поэтому молитва Иисусова является как раз той самой верой, которую мы возгреваем в своем сердце. Постоянным повторением молитвы мы укореняем эту веру в своем внутреннем человеке.

Иисусова молитва – не от плоти и крови, не человеческое измышление, но Божественное откровение. Возможность повторять эти вожделенные слова – дар Небесного Бога Отца. И как церковь, которую не могут одолеть врата адовы, так и внутренний храм всякого человека создаются на камне исповедания Петрова. поэтому не надо смущаться тем, что нас искушают страсти и мы чувствуем свою немощь и им поддаемся. Если мы будем строить свою духовную жизнь на «камне» Иисусовой молитвы, то и нас врата адовы также не одолеют. Апостолу Петру даны ключи Царства Небесного, и то, что он связывает на земле, будет связано на Небесах, а то, что

разрешает на земле, будет разрешено на Небесах – так и нам молитва Иисусова может даровать прощение и очищение от всякого греха, сколь бы тяжким он ни был, как бы властно нами ни владел. Вот какова сила Иисусовой молитвы, вот какое великое значение имеет она для нашей духовной жизни, для нашего спасения!

Может показаться, что в этом евангельском повествовании говорится только о вере и оно не имеет никакого отношения к учению о молитве. Давайте обратимся к тем словам Спасителя, которые были сказаны Им на тайной вечери. Господь Иисус Христос, обращаясь к Своим ученикам, говорит им уже не в притчах, а прямо: *Если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю* (Ин. 14, 13–14). Господь обещает сделать для нас все, о чем мы ни попросим, если мы обратимся с просьбой к Богу Отцу или к Нему Самому *во имя Его*, то есть повторим именно слова апостола Петра «Господь Иисус Христос, Сын Божий». Слова «Господь» и «Сын Божий» относятся к Божественной природе Спасителя, «Иисус» – к человеческой, а «Христос» – к обеим природам, поскольку Христос есть Богочеловек. Итак, попросить что-либо во имя Его – это и значит произносить именно эти слова: «Иисус Христос, Сын Божий» или «Господь Иисус Христос, Сын Божий».

Господь обещает, что даст все, о чем мы попросим во имя Его, а после этого прибавляет: *если любите Меня, соблюдайте мои заповеди* (Ин. 14, 15). Как раз молитва именем Иисуса Христа дает возможность и возлюбить Господа, и с помощью этой Божественной любви, которая даруется свыше, соблюсти Его заповеди. *И я умолю Отца, и даст вам другого утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет* (Ин. 14, 16–17). Итак, приобрести истинную любовь, соблюсти заповеди Божии и стяжать иного Утешителя, то есть благодать Святого Духа, действующую в нашей душе, в нашем сердце, мы можем именно через призывание имени Господа в Иисусовой молитве.

Далее Господь говорит: *Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам (Ин. 14, 18–21).* Из истории церкви мы знаем, что после вознесения на небо, Господь Иисус Христос являлся во плоти Своим ученикам весьма редко: апостолу Павлу, немногим другим угодникам Божиим, которых были единицы. Казалось бы, в таком случае можно прийти к выводу, будто это обетование Спасителя преувеличено. И это Его высказывание у человека духовно неопытного или не знакомого с учением святых отцов о внутренней жизни может вызвать недоумение.

Действительно, у одного из учеников Господа, которые в то время еще не были просвещены полнотой действия Святого Духа, возник точно такой же вопрос, какой может возникнуть и у нас: *Иуда – не Искарот – говорит Ему: Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру? (Ин. 14, 22).* И тогда Спаситель высказывается уже более ясно: *Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим (Ин. 14, 23).* Как это понимать? Конечно же, эта обитель будет не в жилище человека, а внутри него самого. если Господь Иисус Христос явился миру облеченным в человеческое естество, так что с ним можно было общаться, как с любым другим человеком, то Отец подобным образом никогда не являлся и явиться не может. Сам Господь Иисус Христос называет Его сущим в тайне: *Отец мой, сущий в тайне... подаст вам явно (см. Мф. 6, 18).* таким образом, это явление будет внутренним. Небесный Отец откроется нам в нашей душе, в нашем сердце, откроется так, что для нас будет очевидно: Отец и Сын – это одно, Господь Иисус Христос есть истинный Сын Божий и Бог, Он единосущен Отцу. Тогда нам станут ясны слова о том, что Господь во Отце и мы в нем, а Он в нас.

Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна. Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце (Ин. 16, 23–25). Радость, которую будут испытывать христиане, просящие во имя Господа Иисуса Христа, прежде всего, прощения грехов ради спасения души, будет совершенной, полной. Эта радость сделает человека беспечальным в самых страшных скорбях, вызванных какими-либо обстоятельствами, нанесенных ему людьми или демонами. Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце. Это не означает, что Господь Иисус Христос возвестит нам об Отце словами. Знание о Боге Отце откроется в нашей душе: через соединение нашего ума и сердца с Господом Иисусом Христом, через молитвенное общение с Ним мы сможем познать, что есть Отец, приобщиться к Божественной славе, к Божественным действиям. В тот день будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас: ибо Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога (Ин. 16, 26–27). Если мы будем просить во имя Господа Иисуса Христа, то есть молиться словами Иисусовой молитвы, то можем быть уверены, что Небесный Бог Отец нас услышит и все, о чем мы просим ради своего спасения, будет нам дано.

Иисусова молитва является самым буквальным исполнением заповеди Господа Иисуса Христа, самым точным следованием Евангелию. Я бы даже сказал, что без этого делания Евангелие невозможно понять правильно: без молитвы Иисусовой оно остается для человека лишь книгой, исполненной загадочных образов. Человек, не занимающийся умным деланием, никогда не познает точного значения евангельских слов, смысл которых можно постигнуть только на опыте. В словах, которые я только что приводил (*Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим*), такой

человек будет видеть лишь некий образ, некую аллегорию. Но все, о чем здесь говорит Господь, происходит в самом буквальном смысле. Это самое точное описание внутреннего состояния человека, который через молитву Иисусову, через общение с Господом Иисусом Христом приобщился к Божеству. Сначала в душу человека приходит Утешитель и предуготовляет место для Отца и Сына, и такой молитвенник ощущает и опытно познаёт, что́ есть Пресвятая Троица. Святые отцы, которые отстаивали истинное православие, не просто защищали древнее предание – они опытно его переживали. И святитель Григорий Богослов, и преподобный Симеон Новый Богослов, и святитель Кирилл Александрийский – все они подчеркивали, что истинное православие есть опытное переживание Божественных истин.

Из дневников святого праведного Иоанна Кронштадтского мы знаем, что после причащения Святых Таин он ощущал в себе присутствие Отца, Сына и Святого Духа. Это происходило не только от действия самого таинства. Об этом мало говорят, но Иоанн Кронштадтский был делателем непрестанной молитвы, а это очень важное обстоятельство, объясняющее причину его необыкновенного преуспевания. Помимо того что он вычитывал положенные молитвословия и каждый день служил литургию, он непрестанно призывал имя Господа Иисуса Христа. И хотя отец Иоанн находился среди людей, в суете, он сохранял внутреннее внимание, позволявшее ему трезвенно следить за собой.

Поскольку святой праведный Иоанн Кронштадтский был очень ревностным христианином, он взял на себя необыкновенный подвиг служения ближним, образно говоря, принял монашество среди мира, и, чтобы сохранить собранность, не поддаваться суетным и греховным помыслам, ему было необходимо чрезвычайное напряжение сил. Кроме того, диавол воздвиг против него чрезвычайно сильную хульную брань, на которую Иоанн Кронштадтский иногда намекает в своих дневниках. Поэтому обратиться к Иисусовой молитве его заставила нужда. Постоянное занятие Иисусовой молитвой привело его в состояние такой необыкновенной нравственной

чистоты, что по временам он созерцал в себе присутствие Пресвятой Троицы.

Пусть те люди, которые ради Иисусовой молитвы как бы отодвигают прочие молитвословия на второй план, не думают, что этим они оскорбляют или унижают учение святых отцов и составленные ими молитвы. Наоборот, они приводят себя в такое состояние, когда сами святоотеческие молитвы становятся для них понятными, живыми, – так же как становится понятным и живым Евангелие, которое людям неопытным кажется лишь сочетанием образов и аллегорий.

Если мы, будучи людьми немощными, нерадивыми, страстными, весьма испорченными (хотя бы по той причине, что живем в страшное время духовного оскудения, пустоты, маловерия и даже безбожия), пренебрежем и этим деланием, то у нас не останется никакой возможности очистить свое сердце. Древние подвижники были воспитаны в нравственной чистоте, приучены к добродетельной жизни едва ли не от младенчества, жили в христианском обществе. Может быть, они могли пойти и другим путем: им было много дано от природы, благочестивых родителей, воспитания. Их окружение благоприятствовало христианской жизни. В наше же время только и остается вопить, подобно евангельскому слепому: *Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя (Лк. 18, 38)*. Если мы не будем вопить изо всех сил, то никогда не прорвемся через толпу смущающих нас помыслов и не привлечем к себе внимание Господа, а так и пребудем всю свою жизнь в суете. Я знал одного человека, очень страстного, немощного, который совершенно не видел своих грехов и страстей, был крайне гневливым, склонным к осуждению, порой доходил даже до клеветы и при этом читал по четкам молитву Иисусову. Он мне говорил: «Я уже тридцать лет молюсь, что ты мне тут указываешь?» Но молиться ведь можно по-разному. Если мы будем повторять Иисусову молитву с холодком, то хоть бы мы молились и двадцать, и пятьдесят, и семьдесят лет – результата не будет никакого.

Нужно приучить себя к непрестанной молитве и стараться по возможности внимательно молиться во время послушания,

но особенно большое значение имеет правило. Собственно, во время правила мы и приобретаем преуспеяние. Молиться непрестанно необходимо для того, чтобы следить за собой и не остывать, на правиле же мы имеем возможность в особенности углубиться в молитву и умолить Бога о прощении наших грехов. Надо прилагать все усилия к тому, чтобы иметь преуспеяние в молитве Иисусовой, ибо молитва, по словам Григория Синаита, есть любовь Божия.

Если мы будем иметь ревность к тому, чтобы молиться непрестанно и внимательно, тогда и мы испытаем в своей душе то Богоявление, которое бывает от делания Иисусовой молитвы и о котором говорит Господь. Может быть, некоторым это кажется невероятным, потому что они привыкли к своему душевному опустошению. Но на самом деле любой из нас – и старый, и молодой, и отрок, и человек среднего возраста – способен к этому, если только захочет и станет трудиться изо всех сил.

Однако когда именно Господь нас посетит – это выше нашего разумения. Иных Он посещает, когда они еще в страстях, иных – по мере очищения от страстей, а к иным приходит, когда они уже достигли бесстрастия. Пришествие Господа в душу не в нашей власти и для нас непостижимо. Наша задача состоит лишь в том, чтобы именем Иисуса Христа «бить супостатов», как сказал об этом преподобный Иоанн Лествичник – один из самых опытных подвижников благочестия всех времен. Он писал: «Бей супостатов именем Иисусовым; ибо нет сильнее оружия ни на небе, ни на земле»¹⁶.

* * *

Вопрос. Может ли быть помилован и спасен человек, который всю жизнь провел в монастыре, читал Иисусову молитву, но от страстей не избавился и остался духовно слепым? Ведь он терпел скорби...

Ответ. Если человек и не достиг того преуспеяния, о котором мы говорили, но был на пути к нему (пусть и в самом начале этого пути), то он все равно получит за свой труд какую-то мзду. Скажем, он подвизался, боролся со страстями, но по некоторому своему нерадению преуспел мало. Тем не менее он

также может надеяться на милость Божию. Преподобный Исихий Иерусалимский говорит, что даже если человек не почувствовал никакой пользы от Иисусовой молитвы при жизни, то после смерти, когда он будет проходить мытарства, он ее все равно ощутит.

Как-то наш духовник, отец Андрей (Машков), говорил об Иисусовой молитве, о монастыре, о монашеской жизни, а один мой друг спрашивает: «Мы что, будем мертвых воскрешать?» А отец Андрей ответил: «Нет, бесов убивать». Это, может быть, еще серьезнее, чем мертвых воскрешать.

Вопрос. Может ли человек, имеющий большое преуспеяние в молитве, быть спокоен в отношении своей вечной участи?

Ответ. Наверное, люди, имевшие уверенность в том, что Господь их помилует, были. Есть такое понятие – Божественное извещение, при котором Господь тем или иным образом открывает человеку его будущую участь. Например, святителю Иоанну Златоусту явился святой мученик Василиск и сказал: «Завтра ты будешь со мной». Есть и другие примеры подобных извещений, но это удел лишь немногих угодников Божиих. Ведь если нерадивому человеку сказать, что он спасен и помилован, тогда он, пожалуй, и подвизаться перестанет – ведь многие молятся именно от страха за свою вечную участь – и станет врагом своего спасения.

Вопрос. Может ли у новонаначального побудительной причиной для Иисусовой молитвы быть любовь к Богу? А если и не любовь, то хотя бы благодарность Богу?

Ответ. Любовь – это столь же широкое понятие, как и покаяние. Конечно, в некоторой степени любовь к Богу есть у всякого верующего человека, пришедшего в Церковь, однако новонаначальному говорить о любви как о приобретенной им добродетели опасно и преждевременно. Для него это скорее мечта. Спаситель сказал: *Кто любит меня, тот заповеди мои соблюдет* (см. Ин. 14, 21). Если мы не исполняем заповеди, почему же думаем, что любим Бога? Мы лишь воображаем, что любим Его. Апостол говорит так: *Как ты можешь любить Бога, Которого не видишь, если не любишь ближнего, которого*

видишь? (см. 1Ин. 4, 20). Добродетель любви проявляется прежде всего в отношении к ближнему.

Вопрос. Можно ли мирянину, который только начинает воцерковляться, молиться Иисусовой молитвой и надо ли брать на это благословение?

Ответ. Конечно, желательно взять благословение, но только не формально (некоторые почему-то считают, что благословить на это делание может только иеромонах). Необходимо посоветоваться с человеком опытным в отношении молитвы. Кроме того, полезно иметь четки. Они необходимы как для счета, когда мы исполняем четочное правило (допустим, пятисотницу¹⁷), так и для того, чтобы не забывать о молитве. перебирая четки, осязая их, мы тем самым напоминаем себе о необходимости непрестанно молиться.

Благословение нужно брать еще и для того, чтобы тебе рассказали о тех трудностях, искушениях и опасностях, которые могут встретиться при занятии Иисусовой молитвой, а также для того, чтобы тебе объяснили, как молиться правильно. Я, например, новонаначальному всегда советую прочитать несколько статей об Иисусовой молитве святителя Игнатия (Брянчанинова), чтобы человек имел некоторое теоретическое представление о молитве, прежде чем пуститься в этот опасный путь, чтобы в особенности знал, что такое прелесть.

Вопрос. Когда я пытаюсь читать молитву с покаянием, меня охватывает ужас, теряется всякая надежда на спасение. Каким должен быть страх Божий у новоначальных?

Ответ. Если ты при этом вспоминаешь свои прошлые грехи, то так делать не нужно. Во-первых, от этого действительно может появиться отчаяние, а во-вторых, от таких воспоминаний можно вновь впасть в искушение. Для того чтобы, по совету Нила Сорского, вспоминать некоторые особенно тяжкие грехи и от этого смиряться, нужно быть в какой-то мере преуспевшим человеком, который бы от этого не осквернялся. Я имею в виду не обязательно блудные грехи: ведь если вспомнить, например, какие-либо события, которые некогда привели нас в чрезвычайный гнев, то можно вновь поддаться и гневу.

Для нас покаяние состоит в том, чтобы видеть свои нынешние грехи и греховные помыслы и с ними бороться. Не надо озира́ться назад и вспоминать о чем-то давно прошедшем, например о том, как ты пять лет назад котят утопила, и при этом не замечать, что сегодня оскорбила своего ближнего.

Вопрос. А если на вечернем правиле в памяти всплывают грехи сегодняшнего дня? Допустимо ли вспоминать о своих прегрешениях с тем, чтобы вымолить себе у Господа прощение?

Ответ. Думаю, что подобное допустимо. Ведь есть же в числе вечерних молитв такая, где мы перечисляем вкратце все свои грехи. Значит, в конце дня каяться уместно, но это должно помогать нам сосредоточиться. Не следует подробно вспоминать все грехи, рассматривать их. Может быть, уместно покаяться в каком-то одном прегрешении, особенно уязвившем нашу совесть, – но не произнося многих слов, а просто молясь Иисусовой молитвой.

Многое зависит и от преуспевания человека в молитве. Одному воспоминание о своих прегрешениях помогает собраться и вызвать в себе чувство покаяния, а другому оно мешает, отвлекая его от молитвы. Даже на одного и того же человека воспоминание о грехах может действовать по-разному: допустим, в начале правила оно приносит вместе с покаянием внимание в молитве, а когда он сосредоточился, то эти воспоминания ему только мешают. Есть много тонкостей, которые нужно учитывать.

Вопрос. Я читала письма старца Иосифа Афонского. он был истинным исихастом, однако советовал духовным чадам для вдохновения молиться и своими словами, а также ради немощи новоначальных разрешал читать службы и акафисты.

Ответ. Каждый идет своим путем, и не нужно думать, что один путь другому обязательно противоречит. В самом главном у большинства подвижников все одинаково: в основу духовной жизни положена Иисусова молитва. Однако в духовном подвиге каждого из них есть свои особенности. Иосиф Афонский считал так, а я, например, думаю, что молиться своими словами опасно. Так можно молиться иногда, кратко, если появилась

какая-то особая необходимость, а постоянно упражняться в этом опасно. Святитель Игнатий не советует.

Старец Иосиф, может быть, учит правильно; вероятно, у него какая-то своя испытанная система. Но если ты у одного наставника будешь брать одно, у другого – другое, то запутаешься. Да и как будут молиться своими словами, например, наши новоначальные сестры? Женя будет просить: «Господи, пошли мне конфеты, шоколад, орехи, мороженое, печенье, вафли!» Потом Катя присоединится: «А мне груши, ананасы, бананы, апельсины!»

Вопрос. Когда пытаешься найти ответ на какой-либо вопрос у святых отцов, то получается, что у одного ты читаешь одно наставление, у другого – прямо противоположное, у третьего – нечто промежуточное между наставлениями первого и второго, да еще у тебя самого на эту тему также есть какое-то свое представление. Как извлечь из святоотеческих книг то, что будет полезно именно для меня?

Ответ. Должна быть некоторая точка отсчета. Если ее нет, а есть лишь собственный произвол, то мы будем выбирать наставления, которые, как говорит апостол Павел, льстят нашему слуху, и создадим собственную «аскетическую систему», которая может привести нас к прелести. Мы станем выбирать то, что потворствует нашим страстям: например, гордость начнем принимать за возвышенные стремления, а безразличие, отсутствие ревности называть смирением. И так можем совсем запутаться.

Желательно, чтобы у всех был более или менее опытный руководитель. Если же такого нет (впрочем, даже если и есть), то всем следует читать творения святителя Игнатия (Брянчанинова) – писателя, лучше других объясняющего основы духовной жизни. После прочтения его книг становятся понятней писания других отцов, как современных, так и древних.

Вопрос. Почему иногда так тяжело читать молитву непрестанно?

Ответ. Потому что мешают страсти: гордость, нерадение, – вообще, все страсти молитве противятся, поэтому и приходится себя понуждать. Когда мы поддаемся

страстям, они вытесняют молитву, когда же понуждаем себя молиться внимательно, тогда молитва вытесняет страсти. Как сказал некто из преподобных отцов, Иисусова молитва истребляет, сжигает вещество страстей.

Вопрос. Вы говорили, что преуспевание человека определяется по смирению, а я прочла у святителя Игнатия, что смирение и молитва – одно и то же. Можно ли в таком случае считать, что при появлении в молитве внимания человек начинает приобретать и смирение?

Ответ. Да, думаю, это справедливо. Святые отцы говорят, что молитва рождает смирение, а смирение – молитву. Эти добродетели тесно связаны. С одной стороны, молитва происходит от смирения: мы молимся, потому что не можем справиться с грехом своими силами и понимаем, что нуждаемся в помощи свыше. С другой стороны, молитва рождает смирение – мы утверждаемся в ненадеянии на себя, которое святитель Игнатий (Брянчанинов) называет высшим видом смирения.

Вопрос. Читая книги святых отцов, нахожу в них для себя одно лишь обличение. На исповеди помыслов – тоже одно укорение. От всего этого у меня появилось ощущение, что я не спасусь. Чувствую, что далеко зашла в этом помысле, но не знаю, как от него освободиться. Старица советует этому помыслу не верить, но у меня не получается.

Ответ. Не нужно вообще об этом думать: спасусь, не спасусь. Как узнать, что ты спасешься? Это же не измеряется какими-то показателями: если я, допустим, выполнил норму на сто процентов, то спасся, а если на восемьдесят – значит, уже нет.

Для спасения не требуется каких-то обязательных достижений: например, стать бесстрастным. Спасти – значит приобрести покаяние. А покаяние бывает и у людей грешных, им оно даже более прилично. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что бесстрастие достижимо не для всех, а покаяние необходимо всем. Вот к чему мы должны стремиться. Господь смотрит на наше покаяние и милует того, кого хочет. наше дело – каяться изо всех сил, а не думать, что если мы не приобрели,

допустим, совершенного бесстрастия или пламенной молитвы, то не спасемся.

Вопрос. Как бороться с рассеянностью ума при помощи молитвы?

Ответ. Стараться не вступать с помыслами в собеседование, не рассматривать их. Желательно отвращать ум от помысла в самом начале, когда помысел только появляется, и углубляться в молитву. Если бы у нас была пламенная, благодатная молитва, то ее огонь немедленно пожигал бы любой помысел. А поскольку мы немощны, страсти действуют в нас сильнее, чем Божественная благодать, то, заметив помысел, мы тут же им увлекаемся и устремляем внимание от молитвы к помыслу. И один или несколько схожих помыслов (например, гневные) могут так нас отвлечь, что мы либо будем читать молитву формально, либо даже вовсе о ней забудем. Поэтому, повторю, для новоначального самое важное – постоянно беречь ум от помыслов, не вступать с ними в собеседование, даже не рассматривать их.

Вопрос. Может ли бесноватый исцелиться, читая Иисусову молитву?

Ответ. Наверное, это возможно. Если человек усердно умоляет о чем-то Господа, то Он его услышит. Ведь и от физических болезней люди исцеляются не только по молитвам других, например по молитвам священника или какого-нибудь благодатного старца. Человек и сам может упросить Бога о помощи, усердно помолившись перед мощами святых угодников, перед чудотворной или даже обыкновенной иконой. Поэтому допустимо предположить, что, молясь Иисусовой молитвой, можно исцелиться и от беснования.

Вопрос. Иногда у меня бывает такое душевное состояние, при котором легко и молиться, и преодолевать те страсти, которые обычно во мне действуют сильно. Потом расслабляюсь, начинаю молиться невнимательно, с прохладцей, и опять возвращаюсь к своему прежнему состоянию. Как заставить себя напрягаться изо всех сил тогда, когда все идет хорошо?

Ответ. Как раз об этом я и говорил в сегодняшней беседе: человек, поддавшись беспечности, ослабевает в ревности. Однако побуждением для молитвы служит не только борьба со страстями, но и память смертная. Когда у нас все хорошо, мы должны еще больше понуждать себя к памяти смертной, устремляться мысленным взором в вечную жизнь – тогда у нас появится дополнительный повод к усердной молитве и мы не будем ослабевать в этом делании.

Вопрос. Тот свет, который видят прельщенные бесами, действительно является светом, или это только его видимость?

Ответ. Во-первых, такие явления отчасти бывают вызваны действием силы, которая присуща демонам от природы. Мы видим в этой силе нечто чудесное, хотя по сути она не сверхъестественна – она является таковой лишь для нас. Во-вторых, прелестные ощущения связаны и со свойствами человеческой природы. Человеку, которого сильно ударили, кажется, будто у него в глазах сверкнуло, как говорится, искры из глаз посыпались. А в действительности этот эффект вызван тем, что при ударе задела какой-то нервный центр.

Демоны знают устройство человеческого тела и пользуются этим для того, чтобы вызвать в нас какие-то сладостные ощущения, которые принимаются нами за утешительное действие благодати, например ощущение некоего внутреннего света, которое на самом деле представляет собой психическое (в медицинском смысле) явление. Но отчасти они привносят сюда и свое собственное действие, поэтому свет иногда может быть и чувственным. Бывало, что прельщенные подвижники ощущали свет внутри себя, а бывало, видели его явно, телесными очами.

Вопрос. когда видишь в другом человеке такую же, как у тебя, страсть, только в гораздо более сильной степени, то появляется отвращение и к страсти, и к себе, и к этому человеку. Хорошо ли это?

Ответ. Это ужасно – «и к себе, и к этому человеку»... Я думаю, что с отвращением надо относиться только к страсти. К себе еще может быть отвращение или сожаление, а к ближнему должно быть одно лишь снисхождение. А если ты считаешь, что

в ближнем страсть действует сильнее, чем в тебе – значит, ты еще и осуждаешь этого человека.

Вопрос. Если в молитве я просто напрягаю ум, то придет ли со временем покаяние?

Ответ. с Божией помощью придет. От нас зависит понуждение себя к вниманию в молитве. Вообще, сам текст Иисусовой молитвы – покаянный. Конечно, мы должны искать, ждать покаяния, но в то же время понимать, что истинное покаяние приходит от действия благодати, а от нас требуется только понуждение.

Вопрос. Как научиться не слушать появляющиеся в уме рассуждения о духовном и вообще – помыслы?

Ответ. не верить своим рассуждениям, а прислушиваться к старице. Читая святых отцов, также надо переспрашивать старицу, правильно ли ты понимаешь прочитанное. А если начинаешь верить своим рассуждениям на духовные темы, значит, ты считаешь себя умнее старицы. О том, что с помыслами вообще не следует беседовать, я уже говорил. нужно понуждать себя к вниманию, вникать в молитву, вмещать ум в ее слова.

Вопрос. в книге «Игумения Арсения» я прочла наставление о том, что когда подступают помыслы осуждения по отношению к другой сестре, то этим помыслам не надо противоречить: мол, эта сестра совсем не такая. Лучше приблизить ее страсть к себе, поболеть самой вместе с ней, пережить ее состояние, увидеть ее немощь внутри себя. Я не понимаю, как это сделать на практике. Объясните, если можно.

Ответ. Я думаю, этот совет подходит человеку хотя бы до некоторой степени преуспевшему, новоначальный с этим не справится. Поэтому лучше и не противоречить помыслу осуждения, и не приближать его к себе, поскольку можно поддаться страсти, а помолиться и помысел отбросить.

Подобные советы подходят для тех людей, которые уже выше искушающего их соблазна. Когда в человеке добродетель сильнее, тогда она побеждает и, так сказать, переводит греховный помысел на доброе. Еще это возможно в таком случае, если тот или иной греховный помысел слабо действует

в человеке. Тогда также получается заменить греховный помысел добрым – об этом говорит Нил Сорский. Но когда брань сильная, это не поможет, а только навредит.

Вопрос. Один епископ писал своей духовной дочери, что помощь Божию надо уметь видеть: в обыденной жизни мы этой помощи не замечаем из-за нашего маловерия и уныния. Что вы об этом думаете?

Ответ. Надо понимать, что помощь Божия не обязательно проявляется в каких-то чудесах. Она может проявиться, например, в каком-то вразумлении со стороны ближних, прийти через людей или обычные, как нам кажется, обстоятельства. Часто бывает, что для исполнения какого-то нашего желания складываются неблагоприятные условия, и вдруг приходят на помощь люди, которые раньше, может быть, были даже нашими врагами; или же обстоятельства изменяются так, что наше желание, если оно направлено к спасению, исполняется. А мы не видим в этом помощи Божией.

Иногда помощь Божия приходит таким образом, что мы этого вообще не понимаем. Например, скорбь, болезнь или какое-нибудь лишение мы воспринимаем как несчастье, а между тем все это служит для того, чтобы человека смирить или исцелить от той или иной страсти. Поэтому этот подвижник, испытывавший тягчайшие скорби (что может быть тяжелее, чем сидеть в лагере?), и говорит, что помощь Божию нужно уметь видеть.

Вопрос. Я несколько лет в монастыре, но страсти во мне не только не умалились, а еще возросли, причем в сильной степени. Мне кажется, что жизнь в обители для меня совершенно бессмысленна. Я понимаю, что имею все для духовного возрастания, для спасения, но из-за этого еще сильнее отчаиваюсь: ведь, несмотря на все это, я остаюсь в таком бедственном состоянии.

Ответ. Я думаю, что лучше быть в бедственном состоянии в монастыре, чем в блаженном – в миру. Кроме того, возможно, что страсти не усилились, а просто проявились. Это нужно понимать не только в том смысле, что мы увидели в себе их действие. По причине борьбы, которую мы ведем со

страстями, они начинают действовать сильнее и от этого становятся видимы более ясно.

В миру человек жил в страстях, был погружен в них до такой степени, что даже не замечал в себе их действия, пребывал, так сказать, в блаженном неведении. В монастыре же он попадает в условия жестких ограничений: во-первых, со стороны устава, во-вторых, со стороны старицы; да и сам человек себя ограничивает, занимаясь, например, молитвой. И здесь проявляется и начинает мучить человека все то, что не соответствует правилам монашеской жизни. В миру, например, развратник не считает, что подвержен блудной страсти – да и как он ее заметит, если всегда ее удовлетворяет? Как пьяница или чревоугодник могут заметить свои страсти, если каждый день проводят в ресторане? Бандит не осознаёт, что он гневлив, поскольку привык всегда удовлетворять свою страсть до такой степени, что может дойти и до убийства.

Так же было и с нами: когда мы жили в миру и удовлетворяли свои страсти, нам казалось, что у нас их почти нет. Но как только мы наложили на себя ограничения, поставили себя, так сказать, в экстремальные условия, тут наши страсти и обнаружились. Поэтому нет ничего удивительного в том, что нам кажется, будто страсти стали сильнее. Лучше от своих страстей мучиться, но и бороться с ними, чем, живя в миру, погрузиться в них с головой. Лучше вступить со своими страстями во вражду, чем с ними «дружить».

Вопрос. Батюшка, как вы считаете, в монастыре страсти только обнаруживаются или они могут умножаться?

Ответ. Если человек живет нерадиво, то в нем не только развиваются те страсти, которые были, но могут даже появиться те, которых не было. Об этом говорит святитель Игнатий (Брянчанинов). Это бывает от нерадения и не только тогда, когда человек, скажем, мало молится или много спит, но и тогда, когда он не имеет достаточной ревности, плохо понуждает себя к борьбе со страстями: вроде бы и всё исполняет, но делает это без «огонька».

Вопрос. А можно ли назвать «огоньком» теплое чувство, усердие, которое возникает, когда молишься не за себя, а за

ближнего?

Ответ. Когда мы с усердием молимся за человека, который нам дорог или за которого мы переживаем, чувствуем какую-то ответственность, то действительно может возникнуть какое-то теплое чувство.

Но я под «огоньком» имел в виду ревность и серьезное отношение к молитве Иисусовой. Если такого ответственного отношения не будет, то не будет и никакого преуспеяния. Когда нет ревности, должно быть понуждение, осознание того, что нужно себя заставлять.

Вопрос. Иногда при молитве днем, а чаще в начале четочного правила, возникают чувства радости и легкости, молюсь внимательно, но через некоторое время начинается брань с помыслами гордости, тщеславия или блуда, бывает даже слабое действие страстей, на этом и приходится заканчивать правило. Что делать?

Ответ. Может быть и такое. Надо трудиться и не смущаться этим, на все воля Божия. В духовной жизни случаются перемены: иногда благодатное утешение, потом брань – тут ничего не сделаешь. Когда диавол чувствует, что человека посетило какое-то благодатное утешение, он начинает отвлекать его от молитвы всеми возможными способами. Например, человеку вспомнится какой-нибудь совершенный им добрый поступок, у него появится тщеславие от того, что он якобы хорошо молится, или гордость, потому что ему кажется, будто он преуспел.

Почему во время молитвы приходят блудные помыслы? Телесное сладострастие отвлекает человека от сладости духовной, а поскольку блудная страсть действует в нас очень сильно, то ею диавол и пытается отвлечь от услаждения молитвой. Не стоит удивляться и тому, что иногда на нас нападает и гневливость, ведь гнев тоже быстро расхищает приобретенные за время молитвы духовные плоды. Все это хорошо известно.

Вопрос. Иногда случается так, что за день устал, сил мало, а молиться легче, чем в бодром состоянии, когда молитва,

наоборот, идет с трудом и сопровождается множеством помыслов. Почему так происходит?

Ответ. Дело в том, что физически крепкому человеку некоторая усталость помогает смирить плоть. Если же человек немощный, то чрезмерная усталость может ослабить его настолько, что у него уже не будет сил даже для того, чтобы сосредоточиться на молитве. Поэтому нужно стараться (если, конечно, это зависит от нас) утомлять себя настолько, чтобы оставались силы помолиться.

Боюсь только, что некоторые лодыри найдут в этих словах повод к тому, чтобы и палец о палец не ударить, и будут оправдывать свою лень тем, что им нужны силы для внимательного совершения вечернего правила. Ведь если человек не скажет сам, то определить, насколько он на самом деле устал, не сможет никто. Но помните одну простую вещь: человека обмануть можно, а Бога – нет. Если мы каким-то образом перехитрили настоятельницу или старицу, то это не значит, что, поскольку мы такие «умные», теперь с нами будет и благодать Божия. Бога не обманешь, и благодати у нас не будет. Нужно прежде всего иметь чистую совесть.

Вопрос. Как вы считаете, влияет ли развитие интеллектуальных способностей человека на его молитву?

Ответ. Я думаю, что интеллектуальное развитие в узком смысле этого слова – как способность человека к умственной деятельности – для преуспевания в молитве не имеет совершенно никакого значения. Наоборот, считается, что люди простые более способны к умному деланию, чем образованные. Некоторые подвижники иногда даже искусственно стремились к этой простоте: допустим, ограничивали себя в чтении для того, чтобы ум как бы собрался в себе.

Великий подвижник благочестия XIX века Василиск Сибирский, который до сих пор не прославлен только по какому-то нелепому недоразумению¹⁸, был очень простым, даже малограмотным. Он происходил из крестьян, в молодости жил нищенски, побирался. А его друг и ученик преподобный Зосима (Верховский) был дворянского происхождения. И хотя мы не знаем о молитвенных состояниях преподобного Зосимы, но из

его собственных слов можно понять, что Василиск Сибирский был более преуспевающим подвижником.

Вопрос. Иногда говорят, что человека посетила благодать. Можно ли описать подробнее, что это значит? Ведь когда мы молимся Иисусовой молитвой, мы понимаем, что имеется в виду.

Ответ. Это особенная, серьезная тема. Наверное, об этом лучше прочитать у святых отцов. Этой теме посвящена беседа преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым о цели христианской жизни. Мотовилов тоже недоумевал, как он сможет узнать, что его посетила благодать. Хотя в беседе говорится о высочайших проявлениях благодати, но основная ее цель – объяснить, что такое благодать Святого Духа вообще.

О действиях благодати можно прочитать в описаниях молитвенных состояний некоторых подвижников благочестия, допустим Василиска Сибирского. Об этом пишет и святитель Игнатий (Брянчанинов) – как в статьях о молитве Иисусовой, так и в статьях, посвященных именно действию благодати, например в «Страннике». О высочайших проявлениях благодати можно узнать и из гимнов преподобного Симеона Нового Богослова, однако нужно понимать, что описанные им ощущения являются уделом человека, достигшего величайшего преуспеяния. Много о действии благодати рассуждают также преподобный Силуан Афонский и архимандрит Софроний (Сахаров). Но все же проще и яснее всего о действии благодати говорится в беседе Серафима Саровского с Мотовиловым.

Вопрос. Святые отцы говорят, что самонадеянность – это одна из разновидностей гордости, а ненадеяние на себя – это высший вид смирения. Получается, что человек либо горд, либо чрезвычайно смирен?

Ответ. Золото является самым драгоценным металлом на земле, но если я имею одну золотую монету, это не означает, что я самый богатый человек мира. Так и здесь: если я имею эту высшую добродетель, то есть ненадеяние на себя лишь в малой степени, это не значит, что я самый смиренный. Гордость также можно иметь не в полной мере, а в большей или меньшей степени.

Вопрос. Нужно ли ревновать об умной и сердечной молитве или следует заботиться только о внимании?

Ответ. Приобретение сердечной молитвы от нас не зависит. Нужно думать только о внимании. По мере преуспевания во внимании ты будешь постепенно все больше и больше продвигаться в духовной жизни.

Вопрос. Батюшка, умом я понимаю, что надо бороться со своими страстями, а на деле продолжаю грешить. Потом раскаиваюсь и мне становится очень тяжело оттого, что я не изменяюсь. Чем объяснить такое состояние? И можно ли надеяться, что со временем осознание необходимости бороться со страстями перейдет в реальную борьбу?

Ответ. Такое состояние объясняется тем, что в нас сильны страсти. Конечно, к борьбе с ними нужно себя понуждать. Без труда, без боли невозможно достичь не только нравственного совершенства, но и некоторого преуспевания. Твое страдание, вызванное тем, что ты не живешь по заповедям, постепенно заставит тебя понуждать себя с чрезвычайным, мучительным усилием, тогда и благодать Божия начнет больше содействовать твоей молитве, исполнению заповедей. Надеяться на успех, конечно, можно.

Вопрос. Иногда на литургии чувствуется особенное действие благодати, а в другой раз бывает сухость, даже брань против какого-нибудь человека. Хотя в таком случае сокрушаешься и каешься, но после преложения Даров действие страсти проходит не всегда. Бывает, что после службы еще несколько дней на правиле и при молитве в течение дня чувствуется какая-то рассеянность и сухость. Отчего так происходит? Может быть, от гордости и отсутствия смирения?

Ответ. Этого не объяснишь. В подобных случаях надо просто заставлять себя молиться. Хотя после сошествия Святого Духа на Святые Дары и преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы благодать, конечно же, должна осенить человека и облегчить ему брань, но иногда облегчение не наступает. Это происходит оттого, что мы, по разным причинам, не всегда молимся истово: недостаточно подготовились, плохо

себя чувствуем или поддались каким-то страстям, поэтому результата нет или он меньше ожидаемого.

Вопрос. Об Иосифе Афонском написано, что он так жестко относился к своим послушникам, что многие от него уходили. Однако когда читаешь его письма, то видишь, что они преисполнены любви.

Ответ. То, что он строго относился к послушникам, вовсе не значит, что он их не любил. Строгость, которую некоторым было трудно понести, он проявлял для того, чтобы его духовные чада преуспевали. Никакого противоречия тут нет.

Вопрос. А чем можно объяснить то, что своего близкого ученика старец Иосиф за двенадцать лет почти ни разу не назвал по имени, а использовал бранные слова, чтобы его позвать, и в то же время в письмах к людям, находившимся от него далеко, употреблял такие обращения, как «солнышко»?

Ответ. Наверное, это были письма к людям, которые нуждались в его утешении. Ведь к старцу, судя по письмам, обращались самые разные люди, в том числе и падшие. Он ни к кому не относился с пренебрежением. А с другой стороны, он воспитывал и подвижников – исихастов, безмолвников. Если человек к нему пришел, стал вместе с ним жить, то он был к нему строг, не снисходил, не желал менять устава. Он и сам говорит: если, принимая кого-то, ты из снисхождения к нему начнешь нарушать устав, то от этой твоей «любви» не будет никакой пользы. Для желающих его посетить (в том числе и для учеников) у него было строгое правило: хочешь прийти – приходи, только ночью. Если ты в это время не можешь – в другое он тебя не примет, кем бы ты ни был. Лишь ночью у него было немного свободного времени.

Вопрос. Святой Симеон Новый Богослов в «Слове о трех образах молитвы», перевод которого можно найти в книге «Путь к священному безмолвию», дает совет сосредоточивать ум в центре чрева – на пупке. Однако в переводе этого «Слова», который помещен во втором томе его сочинений и в русском «Добротолубии», этот момент опущен. Поясните, пожалуйста, почему Симеон Новый Богослов дает такой совет и для кого этот совет подходит?

Ответ. Это поучение преподобного Симеона – «притча во языцех», оно явилось соблазном и камнем преткновения для многих людей, стало даже предметом богословского спора. Совет держать ум при пупке казался настолько немыслимым, неприемлемым, что наши русские духовные писатели, например святитель Игнатий (Брянчанинов), сочли его выдумкой западных католических богословов с целью оклеветать православие. На самом же деле Симеон Новый Богослов действительно преподавал такой образ молитвы. По крайней мере, в X–XI веках (в то время, когда жил преподобный Симеон) этот образ молитвы уже практиковался исихастами. А в XIV веке относительно него разгорелся яростный спор между Варлаамом (итальянским греком, находившимся под влиянием католичества) и святителем Григорием Паламой. Варлааму показалось нелепым и безумным то, что человек смотрит на пупок и начинает видеть нетварный свет.

Обратим внимание на то, как описывает этот метод сам преподобный Симеон Новый Богослов: мы сосредоточиваем ум на пупке, а оттуда возводим его к сердцу. Таким образом, местом сосредоточения ума так или иначе является сердце: если более поздние исихасты (насколько мы можем судить по их творениям в переводах наших русских подвижников, например преподобного Паисия Величковского) советовали сводить ум к сердцу с дыханием, то ранние исихасты, видимо, имели другой способ.

Мы знаем, что даже тогда, когда мы сводим ум сразу в сердце (при помощи дыхания или прибегая к какому-то иному искусственному приему), но сосредотачиваемся неправильно, могут возникнуть непредвиденные, неожиданные отклонения¹⁹. Надо полагать, что при образе молитвы, предложенном преподобным Симеоном, что-то подобное также возможно. Может быть, способ сведения ума в сердце при помощи дыхания более безопасен, но и способ святого Симеона нельзя назвать совершенно неправильным. Этот способ, можно сказать, явился для современного русского читателя открытием: многие годы «с легкой руки» святителя Игнатия упоминание об этом методе считали клеветой на православие.

Почему преподобный Симеон Новый Богослов советовал молиться именно так, сказать трудно. Я его метод применять не советую, потому что для этого нужна большая опытность и уже некоторая свобода от действия страстей, чтобы подобное сосредоточение не привело к непредвиденным последствиям. В то же время святитель Григорий Палама в своей книге «Триады в защиту священнобезмолвствующих» приводит очень убедительные доводы в защиту именно этого образа молитвы. Он говорит, что человек, сосредоточивая ум в середине чрева, пресекает действие телесных страстей. Возможно, это было специальное аскетическое упражнение.

С одной стороны, мы можем, по причине нашей неопытности, сосредоточиться неправильно, направив ум в чресла, и тем самым нечаянно вызвать в себе физиологическое действие блудной похоти. С другой стороны, подобным сосредоточением можно пресечь распространение в теле и душе человека блудной мерзости. Поэтому если мы не понимаем, как надо правильно пользоваться методом Симеона Нового Богослова, то отсюда еще не следует, что он неправильный. Может быть, когда-нибудь кто-то из вас достигнет такого состояния (не нужно, как говорится, ставить на себе крест, хотя не надо и слишком торопиться), что сможет весьма успешно пользоваться этим методом для лучшего сосредоточения в молитве или для пресечения действия похоти.

Я думаю, что этот метод возник в связи с представлением о сосредоточении. Представьте себе: человек сидит на низком стульчике, прижав подбородок к груди. Куда устремляется его взгляд? человек собирается внутрь самого себя, можно даже сказать, внутрь своего тела. Ведь обычно наш ум скитается где угодно вовне. И даже у человека сравнительно внимательного умственный взор часто обращен на какие-то внешние предметы.

Видимо, по мнению Симеона Нового Богослова и других аскетов того времени, прежде чем собрать ум в душе, подвижнику надо было сосредоточить ум на самом себе, а уже потом направить его в нужное место, то есть в сердце. Обратите внимание, что конечное место сосредоточения –

сердце, весь предшествующий процесс – только путь к сердцу. Есть способ сосредоточения при помощи дыхания, есть при помощи устремленного внутрь себя взгляда. Ни тот, ни другой не являются какими-то основополагающими принципами. Суть молитвенного делания состоит не в дыхании и не во взгляде, потому что в конечном счете все сводится к сосредоточению ума в верхней части сердца.

Образ молитвы, о котором говорит Симеон Новый Богослов, напоминает образ молитвы великого пророка Илии Фесвитянина. Он, как известно, во время своей молитвы о дожде наклонился к земле, а голову держал между колен (даже не совсем понятно, как это выглядело), то есть совершенно сжался телом. Он не желал подниматься и, чтобы узнать, услышана ли его молитва, говорил своему слуге: *Пойди посмотри, не появилось ли облако* (см. 3Цар. 18, 42–43). Нечто подобное представляет собой человек, который молится, сидя на низком стульчике, отвлекает свой взор от всего внешнего и устремляет его на собственное тело. И уже оттуда его взор восходит к центру душевной жизни человека – к сердцу. Вот как я себе объясняю этот образ внимания. Но поскольку он для нас сейчас неизвестен и у нас нет опытного руководителя, который бы сказал, какие могут быть искушения, отклонения при таком образе молитвы, то нам лучше его не применять.

И святитель Феофан Затворник, и преподобный Паисий Величковский делали свои переводы «Слова о трех образах молитвы» не с древнегреческого (с которого выполнен перевод, помещенный в книге «Путь к священному безмолвию»), а с новогреческого текста, в котором выпущено упоминание об этом образе молитвы. Так это «Слово» и перешло в русскую традицию.

Надо иметь в виду, что творения Григория Паламы во времена святителя Игнатия еще не были известны. И потому сложилось мнение, будто бы такой образ молитвы является выдумкой западных клеветников на православную аскезу. Вместо правильного его объяснения этот способ просто отрицали. А Григорий Палама, напротив, этот способ оправдывает и объясняет, что в нем нет ничего плохого.

Вопрос. Почему нужно сосредоточивать внимание именно на верхней части сердца? что вы сами об этом думаете?

Ответ. Об этом прекрасно пишут святые отцы: например, святитель Игнатий, старец Василий Поляномерульский. В верхней части сердца находится словесная сила души, с которой мы и соединяем ум. В средней части, по словам старца Василия, находится сила раздражения, а в нижней – сила вожделения.

Сосредоточиваться не там, где нужно, опасно. Даже мнительность делает какие-то органы человека более чувствительными. Если мы станем думать, например, про палец, так он у нас, пожалуй, начнет чесаться или болеть. Поэтому случается такое, что человек, сосредоточив ум в нижней части сердца, поневоле начинает испытывать вожделение, приходит в недоумение и думает: что такое, ведь я молюсь?

Иное дело, когда благодать распространяется от верхней части сердца: сначала она обнимает все сердце, таким образом его освящая, а потом разливается по всему телу. Следом за ней шествует чистота. Благодать, распространяясь в том числе и на детородные органы человека, освящает их и делает бесстрастными и чистыми.

Я думаю, что вопрос о том, что я сам думаю относительно сосредоточения в молитве, неуместен. здесь не может быть никаких разномыслий: мы должны делать так, как учат святые отцы, – независимо от того, все ли в их учении нам понятно, – иначе у нас будут большие неприятности.

Вопрос. Почему в верхней части сердца находится сила души, ведь сердце – телесный орган, не имеющий никакого отношения к душевному состоянию?

Ответ. я как-то об этом уже говорил в наших беседах. Под сердцем мы подразумеваем не собственно телесный орган. Конечно, и он может влиять на молитву, если поражен какой-то болезнью – например, при тахикардии мешает молиться сильное сердцебиение. Но мы, говоря о сердце, имеем в виду силу души, местонахождение которой приблизительно совпадает с местонахождением физического сердца.

Отец Анатолий Берестов, доктор медицинских наук, который окормляет медицинский Центр по трансплантации человеческих органов, рассказывал, что он окормлял двух больных, которые некоторое время жили вообще без сердца: вместо сердца у них был искусственный аппарат.

Как обычно происходит трансплантация? Допустим, кто-то погибает в автокатастрофе, а сердце у него здоровое – это сердце быстро пересаживают нуждающемуся в нем больному. Эти двое, ожидая, когда появится донорское сердце для пересадки, больше месяца жили с искусственным аппаратом. И нельзя сказать, чтобы они при этом стали, так сказать, бессердечными людьми, потеряли какие-то душевные свойства. Наоборот, если у них и были изменения в душе, то в сторону большего покаяния, большего благоговения и веры. Естественно, в таком критическом состоянии, когда человек не имеет жизненно необходимого органа, ему остается надеяться лишь на Бога.

Поэтому нужно понимать: то место, где находится сила души, мы называем сердцем условно. А как иначе его можно назвать? Душой? Но ведь душа обнимает все человеческое тело: она и в мозге, и в руке. Назвать его «частью души, которая находится у левой груди»? Но тогда какая разница: сказать ли «у левой груди» или «в сердце»? Это ведь одно и то же.

Вопрос. Иосиф Афонский учил, что перед тем как начать молитву, нужно помолиться Божией Матери и Господу своими словами. Приемлемо ли это для нас?

Ответ. Я на себе испытал плохие последствия такой свободной молитвы, поэтому придерживаюсь совета святителя Игнатия: не молиться своими словами. Я не то что не рекомендую молиться своими словами – я просто запрещаю так делать. Это очень опасно. Иногда можно что-то сказать буквально в двух-трех словах, очень коротко, без всякого витийства, например: «Господи, помоги мне избавиться от гнева» или «Господи, исцели меня от этой болезни». И, произнеся несколько своих слов, нужно опять приступить к молитвам, предлагаемым нам Церковью: будь то краткая

молитва, например Иисусова, псалмы или какие-то иные молитвословия.

– А еще он советовал во время правила делать больше поклонов...

– Поклоны делать можно – конечно, с благословения старицы. Их количество зависит от того, какие у кого силы. Святитель Игнатий тоже говорит о том, что перед началом четочного правила хорошо сделать некоторое количество поклонов. Он советовал делать по несколько поклонов и в течение дня, когда для этого есть возможность. Разумеется, этот совет подходит людям физически крепким.

Нам может показаться, что во время совершения поклонов молитва несколько невнимательна, но зато при этом создается такое душевное состояние, которое способствует внимательной, смиренной, покаянной молитве. Однако это происходит только в том случае, если мы совершаем поклоны с должным духовным расположением, то есть воспринимаем их как выражение покаяния.

Вопрос. Когда молишься Иисусовой молитвой, при этом в уме все равно присутствует какой-нибудь помысел: об избавлении от какой-то страсти, о приобретении той или иной добродетели. Это самочиние, молитва своими словами?

Ответ. Нет, почему же. Ведь мы можем молиться Иисусовой молитвой о человеке, помня о какой-то его конкретной нужде, можем молиться о себе самих в случае, например, какой-то неприятности. Бывает, что нас борет какая-то страсть, и мы молимся, если так можно выразиться, против этой страсти. Значит, хотя мы всегда произносим одни и те же слова, цель молитвы несколько видоизменяется, и никакого самочиния в этом нет. Другое дело, что это должно быть под контролем старицы.

Василий Поляномерульский в своих «Предисловиях» говорит, что, убегая от помыслов, необходимо углубляться в молитву, а если не получается, то нужно молиться против помыслов. Имеется в виду, что при брани гнева или осуждения я молюсь Господу той же самой Иисусовой молитвой, никак не меняя ее слов, с тем чтобы Он избавил меня от этих помыслов,

потому что я не могу удалиться от них умом или отбросить их своими силами. Вот что значит молиться против тех или иных помыслов.

Вопрос. А можно ли вообще молиться с конкретной целью: скажем, об избавлении от какой-то страсти или о приобретении определенной добродетели?

Ответ. Это уже другой вопрос. Здесь нужно вести речь скорее не о самочинии, а о том, насколько это мудро. Некоторые подвижники действительно молились об избавлении от какой-либо страсти. Но более разумным считается такой подход: ничего у Бога не просить, а просто молить Его о помиловании и спасении. Хотя я не берусь категорически утверждать, что во всех случаях нужно поступать одинаково, но все-таки более мудро и рассудительно вступать в борьбу с конкретными проявлениями греха, а не молиться о том, чтобы навсегда от него избавиться. В такой просьбе уже есть некоторое дерзновение, и это небезопасно.

Вопрос. У апостола Павла есть такое изречение: *Мы не знаем, о чем должно молиться, но Сам Дух ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными* (см. Рим. 8, 26). О какой молитве здесь идет речь?

Ответ. Здесь апостол говорит о неизреченных действиях благодати, то есть о таких действиях молитвы, когда человек приходит в такое состояние, что молитву уже и молитвой назвать нельзя. Это может быть плач о всем человечестве, о спасении человеческого рода и покаянии людей, это может быть неизъяснимая безграничная благодарность Богу и так далее. Вот что имеется в виду под «воздыханиями неизглаголанными» – именно «неизглаголанными».

Вопрос. Действительно ли, помолившись за человека, ты становишься ответственным за его грехи и всегда несешь их тяжесть?

Ответ. Почему же всегда? Просто нужно понимать, что молиться за кого-то – это тоже труд. Когда мы помогаем человеку нести какую-нибудь тяжесть, допустим мешок с крупой, то знаем, что если вес этого мешка выше нашей меры, то мы можем надорваться и получить грыжу. А когда мы берем на себя

духовную тяжесть, неизмеримо превосходящую наши душевные силы, наше духовное преуспеяние, и надрываемся, терпим какой-то вред, тогда мы этому почему-то удивляемся. Но это же естественно. Более того, я думаю, что последствия непосильных физических трудов исцелить иногда проще, чем духовных.

Всякий человек, приступающий к какому-то духовному деланию, обязательно должен оценить свои возможности. Например, проповедь – дело важное и нужное, однако если оно превышает силы человека, то он, может быть, кого-нибудь и обратит к вере, но сам погибнет. То же можно сказать и о прочих духовных подвигах, в том числе о молитве за других. Здесь нужно осознавать свою меру и всегда браться за такие вещи не по своей воле, а только из послушания и по благословению. Преподобный Силуан Афонский сказал, что молиться за людей – это кровь проливать.

Вопрос. Как определить для себя скорость произнесения Иисусовой молитвы? Одни рекомендуют молиться быстро, чтобы помыслы не успевали проникнуть в ум, а другие советуют произносить каждое слово медленно, чтобы лучше углубиться в молитву. Нужно ли придерживаться постоянно одного из этих советов или скорость молитвы должна зависеть от внутреннего состояния?

Ответ. Даже если мы будем произносить молитву очень быстро, помыслы всё равно будут проникать в наш ум. Совет молиться быстро до известной степени правилен, но не нужно думать, что быстрое произнесение молитвы сделает ее более внимательной. Наоборот, нужно произносить молитву с такой скоростью, чтобы можно было молиться внимательно.

Если у человека начинается самодвижная молитва, ему уже нужно прислушиваться к тому, что происходит в сердце, в душе, а не понуждать себя к определенному ритму. Иногда эта молитва – более или менее быстрая, иногда, – наоборот, медленная. Это происходит или из-за действия благодати, или просто из-за того, что мы не способны быстро сосредоточиться. Как говорит святитель Игнатий, некоторые читают сотницу до

получаса или даже дольше, а некоторые прочитывают ее за пятнадцать-двадцать минут.

Специально искать в молитве какой-то медленности или скорости не нужно. Мы должны заботиться прежде всего о внимании. Даже о количестве не нужно особенно беспокоиться: иногда молитва произносится очень медленно, поэтому приходится сокращать правило. Не удастся вычитать все сотницы, поскольку за два часа ты, например, едва-едва прочитал только четыре. Кроме того, скорость молитвы зависит и от физического состояния. Когда человек устал, он, естественно, будет молиться медленнее, от усталости умственная деятельность замедляется. А при физической бодрости и молитва произносится будет быстро. Имеют значение и разные духовные чувства. Слова святителя Игнатия о медленной молитве надо понимать не в том смысле, что обязательно всегда нужно молиться медленно, а в том, что такое явление возможно и нужно спокойно его воспринимать.

О правильном отношении к уединению²⁰

Многие люди, интересующиеся духовной, монашеской жизнью, почему-то предполагают, что самое главное в ней – это уединение. Но они имеют о нем самое общее, расхожее представление, отчасти вынесенное из книг о древних подвижниках благочестия: отшельниках и безмолвниках, отчасти – из тех взглядов, которые бытуют среди неопытных и не знакомых с действительной монашеской жизнью мирян. Поэтому те, кто приходит в обитель, бывают удивлены и разочарованы, когда не находят здесь того уединения, которого они желали и которое, как они думали, является сущностью монашеской жизни. Иногда им из-за этого приходится даже терпеть скорби.

Таким людям уединение представляется порой каким-то, иронически говоря, священным бездельем: вот, мол, буду сидеть в келии, где-нибудь чуть ли не в лесу, и молиться – и от этой молитвы душа будет очищаться и освящаться. Есть даже такая русская пословица (само ее существование говорит о том, что в народе об этом выработалось правильное, здоровое и трезвое представление, он эту мудрость себе усвоил и пронес ее через века): «Радуетса бес, что уходит инок в лес». Значит, простой русский народ понимал, что на самом деле преждевременное и неправильное уединение – это именно искушение. Но сестры или братия, подвижающиеся в монастырях, не имея такого уединения и пребывая все время как будто бы в суете, унывают: они думают, что одно только уединение может их спасти, что это самое главное и, может быть, единственно важное условие для преуспевания в молитве.

На самом деле эти простые понятия «уединение» и «безмолвие» подразумевают море деятельности, необъятное море внутренней жизни, где есть, образно говоря, своя очень сложная география – и тот, кто эту географию не знает, обязательно потерпит кораблекрушение. Представьте себе начинающих моряков: им нельзя пускаться в дальнее плавание, потому что у них нет опыта вождения судов,

нет знаний по географии и вообще навыков, которые необходимы мореплавателям, для того чтобы совершать длительные путешествия, иногда продолжающиеся несколько месяцев. Чтобы обучить моряков науке судоходства, их пускают сначала в небольшие плавания, а до этого, еще в мореходных училищах, их учат плавать в шлюпках на веслах – всего каких-нибудь несколько километров, да и то под руководством более опытных наставников. И если жизнь моряка, плавающего даже на самых современных в техническом отношении судах, исполнена многих опасностей, то жизнь духовная, при всей разработанности аскетической науки, гораздо более опасна: во-первых, гибель здесь грозит вечная, а во-вторых, если моряк борется с неразумной стихией – морем, ветром и другими явлениями природы, то монах борется с врагом, который действует против него сознательно, – так сказать, со злой стихией демонического мира. Потому и борьба здесь куда более страшная, серьезная, требующая большего мастерства.

Находясь в монастыре и пребывая на послушании, имея мало времени для молитвы и чтения, мы, с одной стороны, при этом будто бы что-то теряем, но, с другой – нечто и находим, потому что как раз это общение друг с другом и дает нам ту опытность, которую мы можем потом использовать именно во время уединения. Я говорю не о каком-то особом уединении или отшельничестве – к нему, наверное, способны весьма немногие люди, – а о том безмолвии, которое мы все имеем, например, во время келейного правила, пусть это будет два-три часа в день. Вот к такому уединению мы способны, будучи новоначальными. Опыт борьбы со страстями (выявление их при общении друг с другом и сопротивление им) как раз и пригодится нам в то время, когда мы, находясь в уединении, не будем иметь повода к их обнаружению и когда эти страсти начнут действовать более лукаво и тонко. Казалось бы, общение с людьми и уединение – вещи противоположные, а сколь тесно они связаны между собой!

Преподобный Серафим Саровский, который и общежительную жизнь знал, и был безмолвником, говорил, что в монастырях монахи борются с демонами, как с

голубями, а в пустыне – как со львами. Он испытал это на себе. Представьте: в монастыре демоны нападают на человека подобно голубям, и их можно легко отогнать, хотя они и бывают докучливыми, а когда монах уходит в пустыню, те же самые страсти начинают действовать против него как львы – мощно, свирепо и страшно. И потому человеку, не обучившемуся распознавать страсти и сопротивляться им в общении с людьми, тем более трудно противиться им в уединении, будь то келейное правило или какая-то иная возможность для молитвы.

Часто бывает еще и так: мечтая об уединении, о полном безмолвии, мы пренебрегаем той реальной возможностью, которая нам предоставляется обстоятельствами; хотим всегда быть наедине с собой, всегда молиться, а те два-три часа – и вообще то небольшое свободное время, которое у нас бывает в монастыре, проводим в праздности, иногда в пустословии или в какой-то бессмысленной суете, нелепых заботах. Таким образом обнаруживается, что на самом-то деле мы никакого уединения и не желаем, а лишь оправдываем этим свое нерадение, свое бездействие. Многие люди, в особенности привыкшие к современной праздной жизни, вообще подразумевают под уединением как раз не то безмолвие, к которому стремились и которого достигали святые отцы, а именно праздность, при которой человек полностью располагает своим временем и может делать все что угодно.

Если мы вспомним свою жизнь в миру, то увидим, что бо́льшую ее часть мы проводили бесцельно, не дорожа своим временем. Возможно, мы могли помолиться немножко больше, чем сейчас, но спросим себя: внимательно ли мы молились, умели ли мы молиться и на что тратили остальное время? Часика два-три поговорили, прогулялись по улице, за час-два пересмотрели наряды, а потом хотя и помолились тоже часа два, – но как мы провели остальное время? Или возьмем чтение книг. Может быть, мы читали больше святоотеческих книг, чем сейчас, но, во-первых, часто совершенно не понимали того, о чем читали, а во-вторых, это было скорее развлечение, чем чтение, приносящее конкретную пользу. Мы читали просто

из любознательности, а отнюдь не с целью применить полученные знания к своей внутренней жизни.

Когда мы были людьми нецерковными, то с таким же успехом читали какую-нибудь художественную литературу, смотрели телевизор, ходили в кино. Потом, когда мы обратились к вере, стали чадами Православной Церкви, мы начали понимать, что такие увеселения недопустимы, и заменили их чтением святых отцов, но это для нас было именно развлечением, это не являлось для нас тем занятием, в котором мы видели жизненную необходимость. Ведь и Священное Писание тоже можно читать по-разному: можно читать из чувства долга или из любопытства (скажем, Библию в первый раз мы можем прочесть именно из интереса), а можно – с той целью, чтобы его исполнять, то есть относиться и к Священному Писанию, и к творениям святых отцов, так сказать, по-деловому. Но подавляющее большинство людей, находящихся в миру и располагающих свободным временем, именно такого отношения к чтению и не имеет. И потому наша тоска по уединению – это на самом деле тоска по свободному времени, желание праздно его проводить, принадлежать самим себе и себя утешать, а не бороться с собой, и это не имеет никакого отношения к тому чувству, которое влекло в затворы и пустыню истинных подвижников благочестия.

Святые отцы говорят, что для уединения подвижнику необходимо обладать одним из двух качеств: бесстрастием или смирением. Человек, уже очищенный от страстей, может взять на себя такой подвиг для приобретения духовного совершенства. Иногда возможно уйти в безмолвие и страстному человеку, но для этого он должен приобрести смирение, самую главную добродетель, которая сделает его непобедимым, и уже тогда он становится способен уединиться и бороться со страстями. Если же мы этих качеств не имеем, то наши мечты об уединении – это просто диавольское наваждение. Это желание, можно сказать, самоубийственно. Даже если человек не делает никаких попыток, скажем, уйти в пустыню или в лес, потому что это было бы совсем безумием, а просто постоянно

мечтает о безмолвии, то уже одно это делает его безуспешным в настоящий момент. Он пренебрегает тем временем и теми возможностями, которые предоставлены ему Промыслом Божиим именно теперь, считает, что у него нет условий для исполнения святоотеческих советов, – и потому пребывает в праздности.

Такой человек может даже добросовестно исполнять свое послушание, внешне ничем не показывая недовольства (хотя оно так или иначе все равно обнаруживается: в ропоте, унынии или раздражительности), но внутренне он пребывает бездейственным. Он лишает себя возможности совершенствоваться, потому что постоянная мысль об уединении, которое, как ему кажется, является единственным условием спасения, расслабляет его настолько, что он все делает нерадиво, спуская рукава. Пренебрегая тем уединением, которое предоставляется ему монастырской жизнью, он пребывает в общежитии безрезультатно, постоянно ропщет, унывает и ищет того, чего на самом деле достичь невозможно.

Итак, для неопытного новонаначального погибельно не только само уединение, но и преждевременные мечты об уединении. Они очень вредоносны, поэтому их нужно отсечь и никогда об этом не думать. Следует дорожить тем временем, которое предоставляется нам монастырским уставом для совершения уединенных подвигов, будь то келейное правило, чтение или какие-то другие духовные занятия. Кроме того, возможно и внутреннее уединение, о котором говорит святитель Игнатий (Брянчанинов). Если мы научимся молчать и быть безучастными (в хорошем смысле этого слова) ко всему, что нас не касается, то есть научимся не вмешиваться не в свое дело и знать только свое послушание, – как говорит монашеская пословица: «Знай себя и будет с тебя», – тогда для нас каждый час монастырской жизни, даже при самом суетном послушании, будет безмолвием. В таком безмолвии пребывали многие люди, достигшие совершенства, например преподобный старец Силуан Афонский: жителство в монастыре не помешало ему стяжать благодать в той мере, в какой это вообще возможно для подвижника. Вот что я хотел сказать об

уединении и правильном к нему отношении. Нужно искать истинного уединения, внутреннего, и не пренебрегать тем временем, которое у нас есть, ради несбыточной мечты, – я бы сказал, ради мечты о самоубийстве.

* * *

Вопрос. А разве можно, как вы сказали, иметь страсти и одновременно смирение?

Ответ. Есть разные степени смирения. Здесь, наверное, имеется в виду не то совершенное смирение, которое полностью искореняет все страсти, а какой-то начаток смирения, делающий человека способным вступать в борьбу со страстями, побеждать их и постепенно очищать свое сердце. Иоанн Лествичник говорит, что нужно различать начальное смирение, преуспеяние в смирении и совершенное смирение.

Вопрос. Если человек поменяет одно послушание на другое, при исполнении которого какие-то страсти будут действовать меньше, тогда они, может быть, сами собой увянут, раз нет повода для их развития? Ведь вы сказали, что они могут истончаться...

Ответ. Они истончаются молитвой, подвигом, а не просто сами по себе. Надо же уметь с ними бороться. А если ты их не видишь и с ними не борешься, то они, наоборот, будут развиваться – и так сильно, что ты их уже и замечать не будешь. В особенности так называемые духовные страсти, например гордость. Да и плотские страсти также могут укрепиться. Человек живет спокойно, пока нет искушения, а искушение появилось – такая буря страстей! А он к этому не готов, он не видел в себе эти страсти. Поэтому человеку, который не знает своих страстей и не имеет навыка борьбы с ними, нельзя жить в безмолвии, потому что тогда страсти не только не будут увядать, но, наоборот, могут гораздо сильнее развиваться.

Вопрос. Бывает, что если в тебе есть какая-нибудь страсть, то какое-то время она действует, потом вроде бы успокаивается, а затем восстает еще сильнее. Отчего это происходит?

Ответ. Страсти могут усиливаться или от того, что искушают демоны, или от нашего нерадения, или от оскудения

благодати. Уменьшаются же, наоборот, от действия благодати, от того, что мы усердно помолились или смирились, – на это есть много разных причин.

Вопрос. А как определить, усиливаются страсти от нерадения или от искушения?

Ответ. Если ты побеждаешься, значит, от нерадения. А если от искушения, иначе говоря, от зависти бесовской, тогда хотя брань может быть сильной, но и благодать тоже сильна и очень помогает: искушение сильное, но ты не претыкаешься. Вот как отличить. А когда без конца падаешь и ничего сделать не можешь, вроде и молишься усердно, а все равно падаешь, то происходит это от гордости.

О несвоевременном желании уединения²¹

Сегодня мы побеседуем об уединении – о том, насколько мы к нему способны и насколько оно нам необходимо, а также о том, какую пользу мы получаем от жизни в общежительном монастыре. Само слово «монах» в переводе с греческого языка значит «один, уединенный», и потому бытует мнение, что суть монашества состоит исключительно в уединении. Иначе говоря, монашество отождествляют с жизнью отшельнической или безмолвной, как будто беспрепятственно заниматься очищением своей души и молитвой возможно только в безмолвии. При этом забывают (а может быть, даже и не знают), что уединение требует длительной подготовки, это целая наука. Ведь оно предполагает не только отсутствие общения с людьми, но и определенный образ жизни. И мы должны точно знать о том, что может происходить с человеком при таких обстоятельствах, в таком его состоянии и какую борьбу он при этом должен вести.

Когда неопытный христианин уединяется, он встречается с такими трудностями, выдержать которые он по большей части не в силах, в результате чего он подвергается всевозможным, иногда даже весьма страшным опасностям. Самое элементарное, с чем сталкивается новоначальный, когда у него появляется много времени, которым можно распоряжаться для служения Богу, – это нерадение и лень. Человек, находясь в обществе и имея в день, может быть, всего два-три часа свободного времени, считает, что этого ему совершенно недостаточно для того, чтобы предаваться молитве. Но оказавшись предоставленным самому себе и располагая неограниченным количеством времени, он едва-едва может помолиться те же два-три часа. Он не знает, как ему молиться, как распорядиться своим временем, и не подозревает, какие опасности и бесовские искушения подстерегают его в уединенном духовном подвиге.

Поэтому человек, которому вдруг предоставляется возможность уединиться (допустим, у него оказываются

свободными два-три дня), по большей части предается лени, сну, рассеянности и, естественно, унынию. Это говорит о нашей неприспособленности к такому времяпрепровождению. Даже когда у нас есть, допустим, шесть-семь свободных часов в день, то для пребывания в этом сравнительно непродолжительном уединении мы также должны владеть неким искусством: уметь распорядиться временем так, чтобы заниматься своим делом с постоянным интересом, с огоньком. Ведь если этот «огонек» в нас угаснет, то вслед за этим сразу придет уныние, а за унынием – и многие другие страсти, иногда совершенно отвратительные, такие как блудная страсть или, что еще хуже, отчаяние. Потому нужно уметь владеть собой и быть готовым к брани.

Когда человек находится в общежитии, он волей-неволей вынужден вставать вовремя. Хочется ему или нет, но он исполняет правило, пусть даже и невнимательно. Он постоянно занят, потому что обязан целый день чем-нибудь заниматься. Он вынужден смиряться перед старшими (в нашем случае – прежде всего перед настоятельницей и старшими сестрами), перед священноначалием; вынужден смиряться и перед братьями или сестрами. Таким образом, то небольшое время, которое у него остается для молитвы, является как бы завершением дня. Неважно, в конце, в начале или в середине дня у него есть время для молитвы, – человек им дорожит, и если он правильно проходит послушание, то потом быстро настраивается на молитву и молится внимательно.

При уединенной жизни, если человек еще не научился вести внутреннюю борьбу, его страсти как бы засыпают, они ему не видны. Но в то же время, в тайне от самого человека, они развиваются – и тот, предполагая, что он духовно растет, на самом деле все более и более предается страстям. В особенности развивается страсть гордости, тщеславия (человек часто стремится в уединение именно под действием гордости). И когда диавол вдруг начинает искушать человека при помощи тех или иных соблазнительных обстоятельств, он внезапно впадает в страшный грех. Возьмем, допустим, плотские страсти. С одной стороны, если плотская страсть в человеке

возбуждается от общения с другими людьми, то уединение ему полезно; но с другой – может быть, лучше видеть, как эта страсть в тебе действует, чем усыпить ее отсутствием соблазна. Ведь если соблазн вдруг появится, то она может вспыхнуть с необыкновенной силой – иногда с такой, что способна низвергнуть человека в падение, о чем мы знаем из житий некоторых святых. Даже подвижники, достигавшие столь благодатного состояния, что творили чудеса, не были в безопасности от действия блудной страсти и впадали иногда в тяжкие блудные грехи. Поэтому уединение опасно.

Святые отцы говорят, что оно возможно либо для человека бесстрастного, который в общежитии, среди людей, очистился от самих склонностей ко греху и собирается перейти в безмолвие для того, чтобы усовершенствоваться и стяжать большее преуспеяние в любви к Богу, либо для человека уже совершенно смирившегося. Для последнего безмолвие также полезно, потому что смирение делает человека непа дательным, как бы защищает его, и человек может весьма успешно вести даже сильнейшую брань. Если же у человека нет бесстрастия или смирения, то уединение для него губительно, и наше стремление к безмолвию – это детская мечта. Мы к нему неспособны. Представление о том, что только в уединении монах может достигнуть бесстрастия, наивно. Оно подобно представлению человека, не знающего грамоты, который смотрит на собрание сочинений одного автора, видит тома в одинаковых переплетах и думает, что это одна и та же книга, а на самом деле это огромное количество разных книг – повестей, романов, писем, воспоминаний. Так и уединение кажется на первый взгляд чем-то простым, а на самом деле это сложнейшая наука, как справедливо говорили святые отцы, наука из наук, искусство из искусств.

В этом смысле для приступившего к монашескому подвигу общежительная жизнь гораздо более проста и легка, хотя и она предполагает некоторое уединение. Во-первых, мы в какой-то степени обособляемся от мира и живем замкнутым обществом. Во-вторых, каждому послушнику или монаху предоставляется возможность уединенного исполнения келейного правила. Пусть

даже келейное правило исполняется всеми вместе в храме, тем не менее каждый, углубляясь в молитву, внутренне уединяется. В-третьих, монастырский устав препятствует ненужному, бесполезному и вредному общению друг с другом (кроме общения по делу, на послушании) – и это также доставляет нам некоторое уединение. Вот такое умеренное уединение нам необходимо, и мы должны им пользоваться. А бывает, что человек под разными предлогами пренебрегает этим малым уединением и в то же самое время мечтает о полном безмолвии. Когда приходит время келейного правила, он отвлекается на разговоры или внутренне предается суетным мечтаниям и не пользуется тем доступным уединением, которое предоставляет ему Промысл Божий. Но вместе с тем он ищет уединения такого, которое для него невозможно, а если бы и было возможно, то оказалось бы для него опасным и даже губительным.

Это значит, что в действительности мы не желаем никакого уединения и мечтой о нем оправдываем свое нерадение в настоящий момент. Мечтая о том, как бы мы подвизались в безмолвии, мы находим в этом извинение тому, что не подвигаемся сейчас. Когда нам предоставляется два-три часа в день для молитвы и мы ими пренебрегаем, то этим показываем, что тем более не будем молиться в течение целого дня. Если бы в нашем распоряжении был весь день и мы молились бы только два-три часа, а всё остальное время занимались бы какой-то суетой и пустыми делами, как делали это в миру, то пользы бы не было. Положив на одну чашу весов всю ту суету, которой мы предавались бы, принадлежа в уединении самим себе, а на другую – то небольшое время, которое уделяли бы молитве и чтению, мы увидели бы, что суета перевешивает наше своевольное безмолвие.

Выходит, что желаем мы не безмолвия. Вспоминая нашу прошлую свободную жизнь, мы ищем праздности, отдыха. Наши мечты о духовной жизни, которым мы предавались в миру, читая книги святых отцов, мы путаем с истинной духовной жизнью. В миру мы, можно сказать, только играли в духовную жизнь.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорил, что уединенная жизнь в Николо-Бабаевском монастыре действительно дала ему возможность исполнять то, о чем пишется в книгах святых отцов, а в Петербурге об этом можно было только мечтать. Но о самих себе мы можем сказать, что, находясь в суете и в то же время читая святоотеческие книги, мы мечтаем. Бывает, что человек три часа в день с увлечением читает какую-нибудь книгу и ему кажется – какая у него прекрасная жизнь: то он Исаак Сирин, то Пимен Великий, а теперь уже мученик. Он чуть ли не проливает слезы сам над собой, будто это он страдает, а не какой-нибудь угодник Божий. А когда мы оказываемся в монастыре и нам предоставляется возможность потерпеть гораздо меньшие скорби, чем те, о которых мы читали, то все наши мечты сразу забываются, выветриваются из головы. Нам снова хочется читать эти книги и воображать о себе нечто возвышенное, грезить о состоянии, достичь которого чрезвычайно трудно, в то время как реальной возможностью исполнить гораздо меньшие требования, предъявляемые монастырской жизнью, мы пренебрегаем.

Таким образом, люди по большей части мечтают не о свободе для духа, а о свободе для воображения. Поэтому многим пришедшим в общежительный монастырь (я имею в виду тех людей, которые в миру вели благочестивый, церковный образ жизни) порой кажется, что они много лишились, оставив мир, что они как бы поработились монастырскому уставу и теперь у них нет времени ни читать, ни молиться. Они забывают одну простую вещь: заповеди можно и нужно исполнять везде. И если раньше они только мечтали об этом или, может быть, даже не знали такого выражения, как «исполнение заповедей», а лишь, начитавшись аскетической литературы, грезили о какой-то абстрактной духовной жизни, то теперь они, собственно, приступили к делу. Когда же они принялись за этот труд, то сразу пришли в ужас и отшатнулись. Им захотелось вернуться к прежней свободе, дать волю своему воображению и жить такой духовной жизнью, которую можно назвать прелестью, ибо такая жизнь подобна (пусть и в самой малой степени) той прелести, которую святитель Игнатий

называет «мнением». Человек мнит, что ведет духовную жизнь, о которой читал в святоотеческих книгах, он воображает, что испытывает особые состояния, которые отождествляет с переживаниями святых отцов, с их духовным опытом.

В общежитии же, помимо того умеренного уединения, которое для нас необходимо и которое мы можем понести, есть еще и другая важная сторона – исполнение заповедей. Постоянно общаясь друг с другом, мы испытываем себя относительно того, как в нас действуют страсти, – ведь в общении с людьми страсти выходят наружу, и мы, видя их действие в нас, можем вести с ними борьбу. Сочетание некоторого уединения и жизни среди людей – это, так сказать, промежуточное состояние, которое более всего и подходит для нас, немощных. В монастыре мы видим, есть ли в нас самая главная христианская добродетель – любовь, которая, по выражению апостола Павла, является *совокупностью всех совершенств* (см. Кол. 3, 14). И пусть нам до этой великой добродетели весьма и весьма далеко, зато мы можем себя укорять. Кроме того, как сказал некий преподобный отец, исполнение заповедей учит человека познанию своей немощи. Это первое, что человек понимает в начале своего подвига: он убеждается, что исполнить заповеди еще не может, но, понуждая себя к этому, по крайней мере осознает свое бессилие, а одно это уже многое.

Здесь нас подстерегает новое искушение, также связанное с нашим воображением, мечтательностью, нашей прелестью – «мнением». Мы ищем каких-то великих добродетелей, любви самой возвышенной, полной и сильной. Ждем, когда появится возможность совершить какие-то подвиги, сделать нечто чрезвычайное, подобное тому, о чем мы читаем в книгах, но при этом мы пренебрегаем теми случаями, когда можно проявить свою любовь к ближнему и исполнить заповеди. Мы думаем: разве может столь возвышенная добродетель, как любовь, проявляться, допустим, во время работы на кухне, или бесстрашие – тогда, когда мы моем пол? Нам кажется, что это вещи несовместимые. А ведь именно в таких мелочах мы и обнаруживаем свое душевное состояние, исполняем или

нарушаем заповеди. Может быть, никто из нас и не столкнется с какими-то особенными испытаниями. А если и столкнется, то почему он думает, что выдержит их, если не справился с испытаниями незначительными?

Прояви свою любовь к ближнему, допустим, в тот момент, когда сестра в келии мешает тебе спать, не жди, когда тебе придется идти ради кого-то на смерть (такого случая, скорее всего, не будет). Но вместо этого мы постоянно поддаемся гневу, унынию, любоначалию, всем прочим страстям, и притом совершенно свободно, беспрепятственно, не оказывая им никакого сопротивления, – под предлогом того, что это все мелочь. Но если вдруг когда-нибудь все же наступит тяжелое искушение, будем ли мы в силах его вынести? Если мы сейчас не в состоянии выдержать неприятной нам привычки того или иного человека, то как мы сможем полюбить настоящего врага?

Когда ты находишься в уединении, трудно понять, любишь ли ты ближнего, – это удел очень внимательных людей. Действительно, в безмолвии подвижники достигают большей любви, но они способны видеть свою душу, а мы этого делать не умеем. В общежитии нам помогают, пусть сами того не осознавая, наши братья или сестры. Как камушки на берегу моря, соприкасаясь друг с другом, стачивают свои острые края, так и мы, смиряясь друг перед другом, учимся друг друга любить, если, конечно, имеем такую цель. Если же мы не пользуемся тем, что предоставил нам Промысл Божий, то есть этим умеренным уединением и ограниченным общением между собой, то можем еще больше озлобиться, впасть в нерадение, ропот, возмущение, начать постоянно оправдывать себя тем, что у нас что-то не так: или старцы плохие, или нет уединения, и так далее. Пренебрегая тем, что имеем сейчас, мы мечтаем о мгновенном преуспевании – о том, чего никто никогда не получал даже во времена расцвета монашества, потому что и тогда человеку нужно было развиваться постепенно, восходя от меньшего преуспевания к большему, от меньших подвигов к большим.

Учредителем общежительных монастырей считается Пахомий Великий, живший в IV столетии – золотом веке

монашества. Видя жизнь преподобных отцов и отшельников, таких как Антоний Великий и ему подобных, он заметил, что столь строгое подвижничество возможно не для многих. Желая приобщить к монашеству как можно большее число людей, стремящихся к такому образу жизни, но имеющих некоторую душевную немощь, он учредил общежительный монастырь. Как отшельничество было основано по откровению свыше (его основателем считается Антоний Великий), так и общежительные монастыри были учреждены Пахомием Великим по откровению свыше. В настоящий момент, конечно, вряд ли можно найти человека, который был бы способен к отшельнической жизни.

Оставим свои пустые, детские, несбыточные мечты и будем заниматься конкретным делом, будем использовать ту возможность упражняться в исполнении заповедей и то уединение, которые промыслительно предоставляются нам жизнью в общежительном монастыре. Не станем стремиться к такой чрезмерной любви, чтобы, например, выйти в мир и проповедовать Евангелие где-нибудь напротив городской мэрии. Не станем и предаваться мечтам об особенном уединении – это уже другая крайность. Будем держаться той золотой середины между мирским и отшельническим образом жизни, которая нам доступна, и стараться сделать для нашего духовного преуспевания все, что от нас зависит, а в остальном предадимся воле Божией. Промысл Божий сам устроит нашу дальнейшую жизнь так, как будет лучше для нашего спасения.

* * *

Вопрос. Батюшка, когда вместе живут два или три человека, то это ведь уже не отшельничество, но, наверное, и не совсем общежитие?

Ответ. Считается, что есть три спасительных образа монашеской жизни. Первый – это общежитие. Святые отцы одобряют такое устройство общежития, при котором монашествующие живут вместе и у них все общее. Если люди живут под одной крышей, но каждый питается отдельно и зарабатывает деньги на пропитание своими трудами, то это святыми отцами уже не одобряется, хотя такой образ

жизни существует с древних времен и ныне еще как-то теплится. Общежительный монастырь – это не только совместная жизнь, но и общее имущество, общее послушание, общий стол и так далее.

Второй образ жизни – скитский, при котором несколько человек живут вместе, обязательно под руководством старца. Очень важно, чтобы было руководство, потому что скит – все-таки уже наполовину безмолвничество. Старец Василий Поляномерульский говорит, что скитский образ жизни – это когда группа людей живет по два или три человека: скажем, собрались десять человек и поселились в домиках по двое. Не по одному, а по двое, потому что если живут по одному и сходятся только раз в неделю, то это уже безмолвие.

Вопрос. А в скиту у Нила Сорского жили тоже по два человека?

Ответ. Да. Это средний путь. Некоторые отцы считают его золотой серединой, царским путем – самым лучшим, позволяющим и не уходить в полное уединение, и не погружаться в суету, которая бывает в общежитии. Но я все-таки думаю, что и такое житительство в наше время чрезвычайно трудно. А третий образ жизни – отшельнический. Конечно, надо признать, что большинство святых отцов достигло высочайшего преуспевания именно в отшельничестве. Но к этому образу жизни способны очень немногие. Вообще, самое главное в монашеской жизни – это духовное руководство. Есть такое замечательное изречение, очень мудрое: «Лучше жить с духовником на торговой площади, чем одному в пустыне». Между прочим, хотя Нил Сорский был сторонником скитского житительства, но его ученик возглавлял общежительный монастырь. Значит, преподобный не отвергал этого образа жизни, не считал его неправильным. В монастыре его ученика были такие же правила, такой же устав и такое же отношение к умному деланию, что и в скиту Нила Сорского.

Вопрос. Батюшка, вы сказали, что послушание надо проходить правильно. А что значит проходить его правильно?

Ответ. Это значит, прежде всего, проходить его без ропота, со смирением. Не просто добросовестно исполнять свои

обязанности, хотя и это важно, но искать повода для смирения, отсекая свою волю перед старшими сестрами, друг перед другом, – конечно же, с молитвой. Великая княгиня Анастасия, основательница Покровского монастыря в Киеве, говорила, что послушание без Иисусовой молитвы Богом не приемлется. Все надо делать с Иисусовой молитвой. Тогда послушание будет уже не просто работой, а духовным деланием. Этим монастырские труды и отличаются от трудов в миру, даже если в миру это та же иконописная мастерская. Когда мы исполняем работу со смирением, с отсечением воли, когда мы постоянно друг другу уступаем и видим в этом отсечении своеволия подвиг, тогда пользу приносит любое послушание, будь оно в иконописной мастерской, просфорне или на кухне.

Вопрос. По мнению протоиерея Валентина Свенцицкого, в первые времена христианства монастырей как таковых не существовало: первые христиане все жили как монахи, у них были благодатные дары и действительно великая ревность по Боге. Впоследствии в Церкви началось обмирщение, и более ревностные стали уходить в монастыри, отсюда и произошло монашество. Протоиерей Валентин говорит, что в последние века, то есть сейчас, монашество утрачивает свой смысл, тоже обмирщается; тем не менее есть и будут такие же ревнители православия, как и в первые века христианства. Поэтому перед концом света останется хотя и малое стадо, но оно составит такую же Церковь Христову, как и в I веке, будут такие же благодатные дары и так же будет процветать молитва Иисусова. Что вы об этом думаете?

Ответ. Я думаю, что это личное мнение отца Валентина. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в свое время тоже считал, что монашество угасает. Во времена отца Валентина Свенцицкого – он погиб в 1931 году – монастырей уже почти не было. Царила беспросветная тьма, и он понимал, что если она и отступит, то не скоро. Естественно, у него мог выработаться такой взгляд, что монашества уже не будет, хотя на самом деле прозорливые старцы предсказывали возрождение России. Например, отец Порфирий Глинский в XIX веке говорил о том, что в России люди, ослепленные блеском мирской славы, попрут веру, но

потом неизвестные из народа восставят попранное. Значит, должно наступить возрождение.

Относительно того, что собой будет представлять Церковь в последние времена, сказать трудно. Касательно монастырей: наверное, монастырей в том виде, какой они имеют сейчас, в первое время христианства не было. Но существует мнение Дионисия Ареопагита, святителя Симеона Солунского (а может быть, и других отцов, которых мы по своему невежеству не знаем), что монашество возникло еще во время земной жизни Господа Иисуса Христа. Эти святые отцы говорят, что Господом была установлена даже сама форма монашеской одежды и все апостолы являлись монахами – не только по образу жизни, но и по внешнему виду. Некоторые монашеские одежды существовали с апостольских времен, а их изменение, добавление некоторых деталей, имеющих символическое значение, совершалось по откровению. Наставление о том, как должны одеваться монахи, Пахомий Великий получил от ангела. Есть даже мнение о том, что монашествующие в одежде подражают Божией Матери: одеваются подобно тому, как одевалась Она.

Я склонен больше верить мнению древних отцов, чем мнению современных историков, которые на святоотеческое представление о церковной жизни и церковной истории смотрят критически. Мне кажется, что какие-то монастыри были даже в самые первые века христианства: во времена Антония Великого недалеко от селений подвизались аскеты, значит, им было у кого учиться. Известно, что во времена апостола Марка (он был предстоятелем Александрийской Церкви) вокруг Александрии жили так называемые ферапевты, или терапевты. Греческое слово «терапевт» имеет значение «служитель». Видимо, там было что-то подобное монашеским общинам. Какие они имели уставы, насколько отличались от современных монастырей, мы не знаем, но эти люди посвящали себя безбрачному образу жизни и таким образом подвизались.

Существовал так называемый институт девственников: девицы публично в церкви давали обет безбрачия и поступали под опеку правящего архиерея. Они отделялись от родителей,

жили в отдельных домах, и, видимо, у них имелись какие-то уставы. Существовал также институт диаконисс – церковных служительниц. Они тоже были безбрачными – вдовами или девицами. По сути это было именно монашество.

Я думаю, что мнение отца Валентина в значительной степени почерпнуто из трудов историков, критически относящихся к традиционному святоотеческому взгляду на церковную древность.

А что касается последних времен, то Спаситель сказал: *Когда приду, найду ли веру на земле?* (см. Лк. 18, 8). Он вопрошает об этом так, будто веру в это время едва-едва можно будет найти. Поэтому утверждать, что в последние времена все станут творить чудеса, я не могу.

Вопрос. В книге монаха Меркурия «В горах Кавказа» рассказывается про схимонахиню, которой, кажется, было всего двадцать три года, и она с самого начала своей монашеской жизни пребывала в уединении. Еще я читала в другой книге о схиигумении Марии (Дохторовой), которая в молодости прошла пешком из Франции в Сербию. Читаешь про них и начинаешь думать: а вдруг и я так могу?

Ответ. Да, эта схимонахиня в свои двадцать три года жила в уединении, но вы имейте в виду, что в то время монастырей почти не было. Женских монастырей было немногим больше десяти, а мужских – шесть. Это на весь Советский Союз, на страну, которая занимала огромную территорию! Поэтому те люди, которые тогда уходили в горы, делали это просто по необходимости, потому что не имели возможности пойти в монастырь. Например, когда закрыли Глинскую пустынь, многие из братьев или устроились на приходах, или некоторое время подвизались в горах – не потому, что считали себя к этому способными, а потому, что другого выхода не было.

Что касается схиигумении Марии, которая в молодости дошла пешком из Франции до Сербии, так она и шла-то в Сербию поступать в общежительный монастырь. Я думаю, что тогда во Франции православных монастырей не было или она про них не знала, а может быть, хотела попасть в православную

страну, какой была Сербия. Так что ни та, ни другая подвижница в отношении именно уединения примером для нас служить не могут.

Вопрос. Где-то читала, что устав Нила Сорского после его смерти даже и в его монастыре не соблюдался и что он сам это предвещал. На фото начала XX века видно, что монастырь имеет огромные каменные храмы и корпуса, – наверное, там уже не было скитской жизни?

Ответ. Нил Сорский, как и византийские старцы, учеником которых он был – ведь он ездил на Афон и в Константинополь, – считал, что для исихастов, безмолвников необходима некоторая скромность, даже убожество обстановки, которая не отвлекала бы их от умного делания. Но нужно понять, что византийские старцы имели в виду. Если мы себе представим, каким великолепием отличалась София Константинопольская, другие монастыри и храмы столицы с их изысканной архитектурой, иконописью, мозаикой, драгоценной утварью, пышным богослужением, то, конечно же, убожество внешнего обустройства скита должно было быть относительным.

Скорее, имелась в виду скромность, которая тогда являлась реакцией на излишнюю роскошь храмов, отвлекающую от внутреннего сосредоточения. В наше время такой реакции быть не может по той причине, что мы все утопаем в убожестве. Кругом все убогое, истинного православного великолепия нет, и потому не со всем в уставе Нила Сорского можно и нужно соглашаться. Мне кажется, что обрядовое великолепие Православной Церкви нужно возрождать, оно не мешает умному деланию, но, наоборот, способствует. У разных отцов по этому вопросу были разные мнения, и не нужно считать, что внешнее убожество – единственно правильный путь. Это лишь один из путей, и притом при определенном образе жизни.

Вопрос. Как нужно молиться на послушании, чтобы не обидеть сестер? Бывают ситуации, что слышишь лишнее, замечаний делать не хочется, а внимание теряется. Где-то читала, что отцы советуют в многолюдном месте повторять про себя «Господи, помилуй».

Ответ. Одно дело – многолюдное место, а другое – монастырь. В монастыре все знают, что нужно молиться, а кто не молится, тот грешит, поэтому стыдиться произносить молитву вслух совершенно неуместно. Все ходят с четками, все читают Иисусову молитву, везде она написана – и тут мы вдруг стыдимся ее повторять. Надо читать ее вслух, тогда, может быть, тот, кто ее услышит, оставит свое пустословие.

Вопрос. Батюшка, скажите, пожалуйста, могут ли демоны управлять стихиями?

Ответ. Да. Демоны даже могут устроить бурю. Известен случай, когда демоны подняли бурю, чтобы потопить корабль, на котором среди прочих путников плыл святитель Николай Чудотворец. По молитвам угодника Божия буря утихла и кораблекрушения не произошло.

По попущению Божию демоны могут воздействовать и на стихии и на животных. Ведь если они могут влиять на людей, на существа разумные, имеющие свободную волю, то тем более способны управлять неразумными тварями. Что легче: переставить с места на место какую-нибудь вещь или заставить куда-то перейти человека, если он этого делать не хочет? Человек только выглядит таким беспомощным, а на самом деле он существо свободное и самовластное, – и что в сравнении с ним вода или ветер? Если даже человек может до некоторой степени влиять на стихии, то демоны тем более.

Вопрос. В одной из проповедей вы говорили, что есть люди, которых нужно останавливать в их молитвенном понуждении. Как можно определить, превысило ли понуждение необходимое и не следует ли понуждать себя с меньшей силой?

Ответ. Относительно этого надо советоваться со старицей. Думаю, что сразу определить это трудно. У человека бывает естественное развитие в его молитвенном состоянии, когда он от устной молитвы постепенно переходит к молитве умственной, потом достигает какого-то сосредоточения в умственной молитве и ум начинает опускаться в сердце, а потом молитва по временам становится непрестанной, и так далее.

У разных людей это происходит по-разному. У одного – очень быстро, из-за простоты, смирения, особенной ревности или чистоты, целомудрия; у другого – очень медленно, из-за его страстности, особенно из-за страсти гордости. У одного это происходит прежде очищения сердца, у другого – по мере очищения. У иного вдруг сразу открывается дар непрестанной молитвы – а он еще, может быть, и креститься правильно не умеет. А почему Господь так совершает, мы можем только догадываться.

Поэтому нужно советоваться со старицей и судить не по тому, достоин я такого состояния или не достоин, а по тому, соответствует это мое состояние учению святых отцов или не соответствует, совпадают те ощущения, которые я испытываю, с тем, чему учат святые отцы, или не совпадают. Все остальное – это тайна человеческой души.

Иго Христово благо, и бремя Его легко

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Чин пострига был учрежден еще святыми апостолами (так считают древние святые отцы, мнение которых является для нас непререкаемым, и в наших глазах никакая самая великая ученость или земная мудрость их авторитет превзойти не может). Ученики Спасителя сами были монашествующими и даже носили некоторые монашеские одежды.

Во время этого чинопоследования читается следующий отрывок из Божественного Евангелия: Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10, 37). Умом мы все это понимаем, принимаем Евангелие. Верующие люди не дерзают теоретически не соглашаться с этими словами, на деле же едва-едва найдутся немногие, которые захотят эту заповедь исполнить, то есть возлюбить Господа Иисуса Христа более, чем отца, мать, сына или дочь. Господь не говорит, что люди, в которых любовь земная сильнее действует, чем любовь Божественная, любовь благодатная, не могут спастись, но говорит, что они Его недостойны. Таким образом, те, кто стремится исполнить эту заповедь, желают хотя бы в какой-то мере быть достойными Господа Иисуса Христа, достойными Его любви и крестной жертвы, которую Он принес ради спасения каждого из нас.

И иже не примет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин (Мф. 10, 38). Многие желают идти вслед Господа Иисуса Христа, многие как будто бы и идут за Ним, потому что едва ли не всякий разумный человек признаёт, что евангельское учение превосходит любое учение человеческое, философское ли оно или религиозное, и что истины, которые открыл нам Спаситель, мудрее, чище и светлее, чем положения любой человеческой доктрины. Но немногие из тех, которые идут за Ним, готовы взять на себя крест. Мы хотим идти за Господом, но без креста, без готовности ради Него, ради Его заповедей

принять скорби, унижения, а может быть, и саму смерть. Мы хотим совместить земное и небесное: любить и отца, и мать, и жену, и детей, и Господа. Монашеский же путь призывает к тому, чтобы, как говорит преподобный Иоанн Лествичник, на всяком месте во всякое время думать только об исполнении евангельских заповедей.

Главное дело монаха – это исполнение евангельских заповедей. Это его работа, его труд. И этот труд святые отцы называют словами, которые сегодня имеют терминологическое значение и, может быть, кажутся возвышенными, а на самом деле весьма просты – умное делание, или, как бы мы сказали современным языком, умная работа. Говорю я так не для того, чтобы принизить это возвышенное занятие, но для того, чтобы сделать свежим наше восприятие: умная работа, умный труд, – то есть работа ума, потому что заповеди исполняются изнутри, от сердца. Прежде нужно очистить ум, и тогда очистится вся деятельность человека.

Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы (Мф. 11, 28). Господь призывает прийти к Нему всех труждающихся и обремененных. Что значит труждающихся? Чем обремененных? Труждающихся в суетных делах, труждающихся в бесплодной, бесполезной, пока нет помощи Божией, борьбе с грехом; труждающихся часто в исполнении своих греховных желаний, обремененных оскверненной совестью. Каким же образом Господь наш Иисус Христос нас упокоит? Он открыл нам, что только Он один может упокоить всякого человека, ведущего бесплодную, тяжкую борьбу с грехом.

И далее Он объясняет, что нужно сделать для того, чтобы обрести этот душевный покой, чтобы в сердце человека прекратилась эта ужасная, мучительная борьба: Возмите иго Мое на себе (Мф. 11, 29). Что это за иго? Это иго евангельских заповедей. Страшно даже слышать об этом. Всякий трезвомыслящий человек, представив себе, что он постоянно должен помнить (только помнить!) обо всех евангельских заповедях, о всем учении Спасителя в подробностях, понимает, что и это уже иго. Действительно, это рабство для

человеческого ума – не разрешать себе думать ни о чем, кроме Евангелия. Но Спаситель требует, чтобы мы не только ум свой поработили Евангелию, но чтобы и все свои дела мы совершали в соответствии с евангельскими заповедями. Вот это и есть иго, тяжкое рабство для человека, привыкшего жить свободно, привыкшего следовать всем своим греховным желаниям: и большим и малым.

Возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене (Мф. 11, 29). Оказывается, для того чтобы обрести свободу, нужно учиться у Самого Господа Иисуса Христа. Он один является для нас примером. Он не только Бог, но и совершенный человек, Который всеми Своими делами, всей Своей жизнью показал нам, как должен вести себя истинный человек – человек, стремящийся к идеалу.

И научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11, 29), – вот чему прежде всего нужно научиться для того, чтобы это иго возможно было понести. Можно сказать, что и само иго учит нас кротости, смирению, потому что когда мы налагаем на себя это евангельское рабство, пытаемся всеми силами души, ума и тела следовать заповедям, то видим свою необыкновенную немощь, беспомощность – и это уже предварительное, начальное исцеление.

Если мы разрешаем себе всё, то мы живем спокойно, свободно и нам кажется, что мы господá сами себе: делаем то, что желаем. На самом деле нами владеют наши страсти и влекут нас туда или сюда, мало сказать, как рабов – как бессловесных животных. Взвалив на себя евангельское иго, подчинив себя этому рабству, мы обнаруживаем нашу чрезвычайную немощь. Мы смиряемся и плачем, и уже от этой немощи, от этого как бы нечаянного смирения – смирения от скорбей, брани – приходим к истинному, Христову смирению. Мы начинаем учиться ему от Самого Господа Иисуса Христа, бесконечно, непрестанно общаясь с Ним в молитве Иисусовой и в святых таинствах.

Возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, – не видом, не словами, даже не образом мыслей, а сердцем, то есть тем, что является самым

сокровенным в существе человека, его сердцевиной. И обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29) – наши души обретут покой только в этом Божественном Христовом смирении, потому что иго Христово благо, и хотя это рабство, но рабство благое: Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть (Мф. 11, 30). Если мы взваливаем на себя бремя служения Христу, то оно становится легким. В начале нашего пути это бремя весьма и весьма нас отягощает, и нам кажется, что оно подавляет нас, и мы приходим в отчаяние от своего бессилия. Но если мы понуждаем себя достойно нести это бремя, действительно быть достойными Христа, тогда оно становится легким, и душу нашу делает легкой, мягкой, светлой, и даже нас самих делает легкими. Это бремя уже не является бременем, но скорее теми крыльями, которые возносят нас от земли и возводят к возлюбленному Господу нашему Иисусу Христу. Аминь.

О стремлении к спасению и совершенству²²

Мы часто говорим о спасении, но, по словам святителя Игнатия (Брянчанинова), не понимаем, что это такое: слово «спасение» стало для нас привычным, оно уже не производит на нас должного впечатления. Мы забываем о том, что можем и не достигнуть спасения. Собственно, вся жизнь христианина (даже самого возвышенного, высокопреуспевшего подвижника благочестия) есть забота о спасении. И если мы всегда будем об этом помнить и заботиться о своем спасении, то будем приближаться к тому, что называется христианским совершенством.

Вспомним подвижников, приобретших христианское совершенство. Неужели они достигали такого состояния, пребывая в котором чувствовали себя спокойно и уверенно, и мысль о спасении как о противоположности гибели переставала иметь для них значение? Возьмем, к примеру, великого аскетического писателя, учителя Церкви, преподобного Иоанна Лествичника. Из его жизнеописания мы знаем, что, живя в уединении, он удалялся для молитвенного плача в пещеру и во время этого своего подвига предавался таким рыданиям, как будто его жгли раскаленным железом. Разве мы можем сказать об этом человеке, что он только начал свой христианский путь и потому нуждался в таком плаче? Нам, конечно, точно неизвестно, в какое время своей жизни Иоанн Лествичник занимался таким деланием, но вспомним египетских подвижников, поучения которых есть в древних патериках. В самые последние минуты своей жизни они предавались горькому плачу и умоляли Бога о помиловании. Сисой Великий, например, пламенно просил, чтобы его жизнь была продлена для покаяния. А ведь когда он умирал, то видел перед собой апостолов и ангелов и его блаженную душу принял Сам Господь. Эти люди не считали себя достигшими такого состояния, чтобы можно было быть уверенными в своем спасении; они плакали и рыдали, думая, что недостойны спасения.

Что же такое христианское совершенство? Одно из важнейших творений святителя Игнатия так и называется – «Слово о спасении и христианском совершенстве». Прочитав его, мы можем подумать, что есть спасение (оно для всех) и есть совершенство (это монашеский путь). Для того чтобы правильно понять, что именно подразумевает Священное Писание под словом «совершенство», обратимся к поучению Спасителя, сказанному знатному юноше: *И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя. Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? (Мф. 19, 16–20).*

Нам может показаться, что поучение Спасителя можно разделить на две части. Сначала говорится о том, что нужно сделать для того, чтобы войти в жизнь вечную, а далее – о том, что необходимо для достижения совершенства. На самом деле это не так. Такое разделение возникает в нашем уме от некоторой невнимательности, и мы понимаем слова Спасителя следующим образом: сначала нужно исполнить заповеди, а если хочешь быть совершенным, нужно оставить все. Но что произошло дальше? *Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною (Мф. 19, 21).* Казалось бы, юноша уже достаточно сделал для того, чтобы войти в жизнь вечную. Он сам это подтвердил, сказав, что все то, о чем Спаситель ему напомнил, он исполнял с детства. Но ему осталось добавить к своим добродетелям еще кое-что. В Евангелии от Марка об этом приведены следующие слова Спасителя: *Одного тебе недостает (Мк. 10, 21).* По-славянски: *Единаго еси не dokonчал.* Обратите внимание на это выражение. Получается, что слова Спасителя, которые

содержатся в Евангелии от Матфея, объясняются Его же изречением в Евангелии от Марка. Если мы совместим эти два изречения, получится следующее: *Рече ему Иисус: единаго еси не dokonчал. Аще хочешь совершен быти...* Таким образом, совершенство нужно понимать не в том смысле, что есть некий необходимый минимум для спасения и есть нечто сверхдолжное (это и будет совершенством), а в смысле полного совершения того, что необходимо сделать для спасения.

Более подробно это раскрывается в дальнейшем повествовании: *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение (Мф. 19, 21–22).* Казалось бы, о чем печалиться? Ведь жизнь вечную ты уже наследовал – исполнил, так сказать, необходимый минимум. На самом деле это очень много – исполнить заповеди, о которых сказал Спаситель: *не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй* и так далее. Допустим, человеку, который внимателен к себе, исполнить перечисленные мною заповеди сравнительно легко. А почитать отца и мать и, в особенности, любить ближнего как самого себя – это ведь очень много. Получается, что исполнение юношей всех этих заповедей есть дело, не довершенное до конца. Поэтому, понимая и чувствуя это, он и ушел в печали. Иначе, о чем ему было печалиться? Ведь он мог подумать: «Ну не могу я достигнуть совершенства – ничего, спасусь через те заповеди, которые мне уже известны и которые я исполняю».

Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение. Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное (Мф. 19, 22–23). Обратите внимание, только что Спаситель сказал юноше: «Если ты исполнишь все эти заповеди, то войдешь в жизнь вечную», но когда от юноши потребовалось отречься от всего своего имущества и он этого сделать не смог, то Спаситель произнес: *Трудно богатому войти в Царство Небесное.* Недавно Он говорил лишь об

исполнении заповедей и ничего – о богатстве, а теперь вдруг: «Трудно войти в жизнь вечную». Из этих слов Господа мы начинаем понимать, что совершенство – это не что-то сверхдолжное, не какое-то особенное, необязательное для спасения состояние, приносящее человеку лишь то утешение, что он достиг чего-то особенного. Совершенство – это совершение тех добродетелей, которые необходимы для того, чтобы достигнуть спасения, избавления от грехов.

Трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие (Мф. 19, 23–24). Настолько трудно богатому человеку спастись, даже и тому, который уже все исполнил, что *удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши*. Можно по-разному понимать это образное выражение Спасителя. По толкованию Феофилакта Болгарского под верблюдом может подразумеваться толстый корабельный канат, который не пролезет сквозь игольное ухо. Другое толкование выражения Спасителя – буквальное: речь идет именно о верблюде, который не мог пройти сквозь низкие пешеходные ворота в городских стенах (такие ворота назывались «игольными ушами»). Так или иначе, но вывод такой: войти богатому человеку в Царство Небесное чрезвычайно трудно, почти невозможно. *Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? (Мф. 19, 25).*

Смотрите, только что мы рассуждали о спасении и совершенстве и для нас как будто бы явным было разделение на то, что необходимо сделать минимально, и на то, что нужно сделать для совершенства. Однако ученики, услышав замечание Спасителя о том, как трудно богатому войти в Царство Небесное, изумились. «Получается, все эти заповеди недостаточны для спасения и необходимо сделать нечто чрезвычайное? – удивились они. – Если этот человек, сделавший все, что требовал Моисеев закон, оказывается, еще недостаточно сделал, не совершил всего, что необходимо, то кто же может спастись?» Иисус же ответил им: *Человекам это невозможно, Богу же все возможно (Мф. 19, 26).* Итак,

оказывается, что даже когда мы сделаем всё, то спасение для нас – для человека самого по себе – невозможно. Спаситель говорит это для того, чтобы никто из нас не подумал, что мы сможем спастись собственными трудами, даже исполнив, казалось бы, всё то, чего требует от нас Священное Писание, чего требует от нас Бог, – если Бог Сам нас не спасет, вернее, если Он не совершит нашего спасения вместе с нами. Без Бога, повторим, человеку спастись невозможно.

Суть дела состоит даже не столько в том, что всем нужно отречься от имени (хотя этот путь, может быть, наиболее простой и ясный), сколько в том, что мы должны сделать всё, что мы осознаём необходимым для нашего спасения. Если мы понимаем, что нужно сделать, и не делаем этого, значит, мы уже подвергаем свое спасение опасности, мы уже ставим его под сомнение.

В Евангелии от Марка не говорится о том, что богатому трудно войти в Царствие Небесное, но делается такое уточнение: *Как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие!* (Мк. 10, 24). Таким образом, богатство само по себе не является препятствием, а надежда на богатство – является, потому что человек, у которого есть большое состояние, склонен надеяться, что при помощи богатства он сможет решить многие свои проблемы. Богатство само по себе даже предоставляет человеку некоторое преимущество для того, чтобы совершать добрые дела: ведь человек пусть и добрый, но бедный, не может подать такую милостыню, как богатый. Однако и надеющемуся на богатство войти в Царствие Божие чрезвычайно трудно, но не невозможно. Поэтому, рассуждая, мы должны сделать акцент не на том, препятствует или не препятствует богатство спасению, а на том, всё ли мы сделали для своего спасения. Юноша как будто бы почти все сделал, но *единаго не dokonчал*, и это уже заставило его усомниться в своем спасении, он понимал, что действительно еще чего-то не довершил. Он сам спросил Спасителя: *Вся сия сохраних от юности моя; что есмь еще не dokonчал?* (Мф. 19, 20). Когда юноше сказали, что ему нужно сделать для спасения (мы сейчас не будем говорить об

отречении от богатства вообще, обратим внимание, что это надо было сделать именно ему), он опечалился, потому что почувствовал, что для него это очень трудно.

И каждый из нас должен понимать, что он должен все *докончить*, если знает, что нужно сделать именно ему. Одному нужно бороться с одной страстью, другому – с другой. Одному нужно усердствовать в молитве, другому не хватает послушания, третьему – воздержания в пище. Кому-то нужно усердствовать и упражняться в уединении, а кому-то, может быть, наоборот – в понуждении себя любить ближнего, в служении ближнему, смирении перед ним. Каждый, конечно же, с помощью святых отцов и своих наставников должен рассудить, что он еще не *докончал*, и усердно над этим трудиться, чтобы не оказаться в положении этого юноши, который думал, что он почти все уже исполнил, и вдруг оказалось, что ему нужно сделать такую вещь, которая ему почти что не под силу.

Поэтому не будем наивными, не будем мечтателями, не будем думать, что мы пришли в такое место, где занимаемся неким совершенством, как рассуждают об этом нелепейшим образом какие-нибудь восточные мистики (я имею в виду йогов). Ни о каком таком совершенстве не может быть и речи. Мы сейчас говорим о совершенстве в деле спасения, а не о том, что мы должны сделать из себя некое совершенное, абсолютное существо. И примером этого служат для нас те святые отцы, которые на самом деле достигли совершенства, и совершенство это состояло в страхе, плаче и глубочайшем, для нас даже непостижимом, покаянии. Если же мы начинаем думать, будто самое главное мы уже сделали, а теперь исполняем нечто сверхдолжное, преуспевая для самих себя, если мы обращаем взор не на будущую жизнь, а как бы рассматриваем себя и удовлетворяемся своими достижениями, то мы фактически впадаем в прелесть. Если мы думаем, что, оставив мир, имеем какое-то преимущество перед мирянами и представляем из себя что-то особенное по сравнению с ними, если нам кажется, что раз и они спасаются, то мы тем более уже спаслись, так как ведем особенный образ

жизни, то, с одной стороны, проявляем наивность, а с другой – гордость.

Мы пришли сюда спастись, мы должны об этом помнить, а спасение, повторю еще раз, как сказал святитель Игнатий, необходимо для погибающих. Наш подвиг тогда будет настоящим, когда мы будем ответственно совершать свой жизненный путь. Будем молиться по-настоящему, серьезно, будем совершать послушание – относясь к этому не как к игре, а понимая, что от этого делания также зависит наше спасение: через отсечение воли мы подготавливаем свою душу к тому, чтобы удобнее было исполнять заповеди, удобнее было отсекал свою волю перед волей Божией, ясно изложенной в евангельских заповедях. И все, что нам необходимо терпеть или делать в обители, будем воспринимать как подвиг, необходимый для нашего спасения. Для этого мы и собрались в монастыре. Иначе зачем мы всё это терпим, зачем мы ведем такой странный образ жизни?

Чем отличаются монашествующие от мирян? Тем, что это люди в полной мере ответственные, смотрящие на жизнь трезво и бесстрашно, понимающие, что для дела своего спасения нужно отдать всю жизнь и что это весьма и весьма непросто. Нужно время от времени вспоминать: «Зачем мы пришли в монастырь? Что мы здесь делаем? Для чего мы здесь находимся?» Некоторым, может быть, в монастыре во всех отношениях легче, чем в миру: благоприятная атмосфера, добрые отношения, вокруг единомышленники, нет каких-то особенных забот о пропитании и крове. В связи с этим возникает ощущение беззаботности. И если у человека нет какой-то особенной брани, заставляющей задуматься, опомниться, то он может впасть в легкомыслие и нерадение. И так жить себе потихонечку. Жизнь, так сказать, течет день за днем, и кажется, что все хорошо. Но это не так. Если нет брани, значит, мы сами должны возбуждать в себе брань. В каком смысле? Не в том, конечно, смысле, чтобы стараться возбудить в себе действие страстей, но в том, чтобы вспоминать о смерти, вспоминать о том, что мы когда-нибудь уйдем из этой жизни.

Смерть рядом, и она непременно придет, а жизнь может промчаться очень быстро. Не думайте, что страшна только скоропостижная кончина, например от какой-то болезни. Если мы будем так беззаботно жить, то и старость придет для нас неожиданно. Поэтому, возбуждая в себе брань, страх, скорбь о том, что нас ждет, мы должны таким образом весь свой монашеский подвиг, всю свою монастырскую жизнь, по евангельскому выражению, осолить, потому что без этого она будет пресной, безвкусной, да и бесполезной. Если мы будем об этом забывать, то смысл нашей жизни в монастыре утратится. Мы пришли сюда спасаться. Всех вас собрали в обители для того, чтобы помочь спастись. Нужно свой внутренний взор устремлять в вечность. И совершенство понимать только в том смысле, что необходимо сделать совершенно все для нашего спасения в вечности.

* * *

Вопрос. Батюшка, святитель Игнатий, толкуя в «Слове о спасении и христианском совершенстве» евангельский эпизод о богатом юноше, пишет так: «Спасение возможно при сохранении имения, в жизни посреди мира; для снискания же совершенства требуется предварительное отрешение от мира. Спасение необходимо для всех – снисkanie совершенства предоставлено произволяющим»²³. Получается, святитель Игнатий понимает эти слова по-другому, не так, как вы?

Ответ. Одно из двух: либо святитель Игнатий действительно понимает эти слова по-другому, либо, может быть, мы не так понимаем святителя Игнатия. По моему мнению, повторю, совершенство в данном случае состоит не в том, что человек, так сказать, приближается к идеалу, а в том, что он все совершает для своего спасения. Это видно из самого евангельского повествования. Когда юноша все же отказался идти за Спасителем, тогда ученики спросили: *Кто же может быть спасен?* Получается, что этот юноша будто бы сделал для своего спасения все, ему нужно было только нечто сделать для своего совершенства, но когда он отказался исполнить совет Господа, не решился на раздачу имения и следованию за Ним, тогда и сама возможность его спасения оказалась под

сомнением. Значит, он должен был сделать нечто для своего совершенства не в смысле достижения идеала, а в смысле совершения всего, что от него зависит. Он этого не сделал, поэтому и возник вопрос о возможности его спасения.

Нужно понимать, что многие святые отцы, в том числе и святитель Игнатий, иногда могли не совсем точно толковать Священное Писание или, иллюстрируя свое учение, могли не совсем удачно привлекать тот или иной текст Священного Писания. Учение от этого не меняется, учение правильно, а иллюстрация, повторю, может быть не совсем подходящей. Я, конечно, говорю дерзновенно, вы можете со мной не согласиться. Но вот у преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, например, есть много таких истолкований евангельских сюжетов, которые не соответствуют общепринятым (скажем, толкованию Иоанна Златоуста). Однако учение Иоанна Кассиана Римлянина об аскетической жизни от этого не искажается, просто он не совсем удачно приводит иллюстрации к своему учению. То же можно сказать и о рассматриваемом толковании святителя Игнатия.

Я считаю, что никому не полезно думать, будто он стремится к совершенству. Может быть, конечно, и так, что мы не совсем правильно понимаем святителя Игнатия. Возможно, он имеет в виду нечто другое. Иначе зачем бы ему говорить о том, что покаяние необходимо каждому человеку, в том числе и достигшему совершенства? Собственно, и само это совершенство, по мысли святителя Игнатия, состоит более всего в сугубом покаянии. Он ведь приводит в пример Сисоя Великого и других угодников Божиих и говорит, что покаяние – это начало, середина и конец духовной жизни. Зачем совершенному человеку нужно покаяние? Значит, святитель Игнатий понимал совершенство как преуспевание в покаянии, а кающийся, безусловно, всегда думает о своем спасении. Возьмем, например, старца Силуана Афонского. Как он смирялся, как он плакал о себе! Он говорил: «Когда я умру, окаянная душа моя сойдет во ад». Значит, его совершенство состояло в том, что он искренне считал себя грешником, достойным адских мучений, и надеялся спастись только по

милости Божией. Значит, подвижники понимали совершенство как глубочайшее покаяние. А там, где искреннее покаяние, а не игра, там есть страх за свою будущую жизнь, отсутствие уверенности в своем спасении.

Вопрос. Бывает, замечаешь, что сестра что-то делает не так (например, неправильно накрывает в трапезной). Нужно ли в этом случае подойти и сказать ей об этом?

Ответ. Есть люди, которым все время кажется, что один неправильно накрывает, другой неправильно шьет, кто-то неправильно идет, кто-то неправильно учит, иной молится неправильно, сидит неправильно и так далее. У нас есть такие, которым кажется, что все всё делают неправильно. Откуда они это знают? Может быть, у них откровения, или прозорливость, или природное дарование такое, что они всё видят: что и где неправильно? Таким, конечно, лучше молчать.

Если же ты несешь послушание в трапезной и, может быть, раньше, чем эта сестра, пришла в монастырь и действительно знаешь, как правильно накрывать, то можно сказать, но добродушно, не придираясь. А может быть, сестра просто кастрюлю поставила ручками не в ту сторону? Тогда замечания делать не следует. Представьте, что в швейной сестры будут друг другу замечания делать: как правильно один стежок положить, как – другой... Они же ничего не успеют сшить.

Вопрос. Батюшка, как распознать в себе действие уязвленной гордости?

Ответ. Если человек горделивого о себе мнения и хочет что-то собой представлять, а у него это не получается или ему кажется, что не получается, и он пребывает в печали оттого, что он как-то опозорился или предстал не в том свете, в каком ему хотелось бы, – это и есть уязвленная гордость. Допустим, кто-то исполняет послушание чтеца и хочет, чтобы его похвалили, а его, наоборот, поругали. Он скажет: «Ну, как я читал?» А ему ответят: «Отвратительно». Какой вывод можно сделать? Что надо смиряться и надо делать что-либо не ради человеческой похвалы или собственного самомнения, а ради угождения Богу.

Вопрос. Как определить, какие греховные помыслы происходят от моего падшего естества, а какие приносят бесы?

Как отличить свое от чужого?

Ответ. Какая разница – чужое, бесовское или свое? Святые отцы говорят, что брань бывает от диавола, от падшего естества и от мира, но если бы наше естество не было падшим, тогда и бесовская брань, и искушения, и соблазны мира на нас бы не действовали, мы всё видели бы в правильном свете. Для нас не были бы соблазном лица противоположного пола, потому что мы смотрели бы на них чистым, простым оком. То же самое можно сказать и о многом другом. Если бы в нас не было сребролюбия, то деньги не были бы соблазном. Если бы в нас не было чревоугодия и пьянства, пища и питье не были бы соблазном.

Как демоны смогут нас искушать, если в нас не будет тех страстей, на которые мы откликнемся? Диавол искушает нас, как учит авва Дорофей, теми соблазнами, которые имеют отклик в нашей душе, то есть возбуждает те страсти, которые в нас уже существуют. И если, как я уже говорил, у нас не было бы падшего естества, то не было бы соблазнов ни от мира, ни от диавола.

Что значит «чужое» и что значит «свое»? Свое в нас, так сказать, условно. Оно свое – поскольку это наше естество, но оно же и чужое (я имею в виду соблазны, происходящие от нашего естества) – в том смысле, что грех противоестествен человеческой природе, он проник в человеческую природу извне. С библейской точки зрения, с точки зрения учения Православной Церкви, Предания Православной Церкви, наши собственные грехи, страсти, находящиеся в душе и плоти, противны нашему естеству, они его извращают.

Свое то, что содержится в Евангелии, а чужое то, что противно Евангелию. Вот так мы должны думать. А для людей, для грешников (ибо грех стал нашей природой) Евангелие является чужим, потому что оно прививается нам снаружи. Святитель Игнатий богомудро рассуждает, что, поскольку человек далеко отошел от Бога и отпал от естественного закона, который действовал в его душе, возникла необходимость, чтобы этот закон ему возвестили извне. Это и есть евангельская проповедь. Хотя закон и возвещен

извне, он является воскрешением того естественного закона, который был насажден Богом в Адаме и Еве при их создании. Поэтому – смотря что мы будем считать чужим или своим. Для грешников, повторю, чужим является Евангелие. Для праведника чужим является грех, хотя бы он даже и действовал в его душе. Чужими для нас должны стать даже наши рука или нога, если они нас соблазняют – Спаситель заповедовал нам в таком случае отсекаать их и бросать от себя. Не нужно думать о том, что – свое, а что – чужое. Надо трудиться, бороться.

Вопрос. Батюшка, мне кажется, что на беседах мы часто обсуждаем отвлеченные вопросы: например, рассуждаем о том, что такое *небеса небес* и прочее. Я согласна с тем, что необходимо знать о борьбе со страстями, но зачем нужно знание того, что такое *небеса небес*? Как это относится к спасению души?

Ответ. Допустим, что нам необязательно знать, что такое *небеса небес*. Но вот, например, о мытарствах знать нужно. А что такое мытарства? Это восхождение на небеса. А ты не знаешь, что такое небеса. И куда же ты восходишь? И что ты там будешь делать? На облаках сидеть? Нельзя думать, будто, живя в монастыре, можно спастись, зная только о борьбе со страстями. Конечно, самым важным является то, что необходимо для спасения. Но все взаимосвязано. Не нужно думать, что догматическое учение Церкви и Предание Церкви не имеют непосредственного отношения к спасению, что это знание праздное. Оно также необходимо для нашего спасения. Аскетическое учение Церкви – это, если так можно выразиться, вывод из догматического учения; практический вывод о том, что на самом деле нужно делать, чтобы спасти свою душу. А учение о воскресении мертвых, о вечной жизни – это ведь догматы, и пренебрегать ими нельзя. Если мы не будем их знать, отрицая их важность, значит, мы не имеем веры. Наша вера станет бессодержательной. Подчеркну: есть основы веры, без знания которых спасение невозможно или, по крайней мере, весьма и весьма сомнительно, и есть второстепенные вещи, которые, тем не менее, христианину также знать нужно.

Без терпения нет спасения²⁴

Сегодня мы поговорим о терпении. В «Добротолубии» эта добродетель названа одной из самых важных. Другие – мужество, мудрость и целомудрие – не менее важны, однако именно терпения нам не хватает более всего.

Все, что мы делаем, требует этой добродетели, потому что даже самый способный, удачливый человек не может исполнить все намеченное в одно мгновение. Ему необходимо время и терпение. Часто бывает так: пытаюсь приобрести некую добродетель, например внимательную молитву, мы ищем быстрых результатов. Проведя в обители всего два-три года, начинаем роптать на то, что никакого преуспевания у нас нет, обвиняем в этом своих руководителей, жалуемся на чрезмерную загруженность работой, отсутствие свободного времени. Иногда и себя укоряем, но делаем это несвоевременно и неразумно, а потом унываем. Как говорит преподобный Иоанн Лествичник, человек, желая приобрести добродетель прежде времени, не получит ее и в свое время. Сказанное им относится не только к молитве, но и вообще ко всем добродетелям.

Нужно иметь в виду, что мы пришли из мира. Конечно, до прихода в обитель мы посещали храм и как могли исполняли свой христианский долг, но наши представления о духовной жизни были не то чтобы расплывчатыми, – можно сказать, что их, за редчайшим исключением, совсем не было. Поэтому на первых порах нам необходимо понять, что от нас требуется, понять, что такое духовная жизнь и как об этом учат святые отцы. На это также нужно время, причем не один год.

Я читал про одного афонского подвижника XIX века, который двадцать лет изучал сочинения святых отцов, находясь в монастыре, и только после этого оставил обитель и поселился в пустыне. Он считал себя неготовым вступить на это поприще до тех пор, пока детально не изучил святоотеческое учение об аскетической жизни. Конечно, это не означает, что всем нужно действовать так, как этот подвижник, но суть остается общей

для всех: к каждому подвигу необходимо тщательно готовиться. Даже теоретическая подготовка требует много времени. Однако голая теория без наших собственных трудов также не принесет нам никакой пользы, потому что святых отцов мы поймем неправильно. Это будет мечта, а не действительное понимание предмета. Как Священное Писание по-настоящему понимают не те, кто прочитал толкование, а лишь те, кто понуждают себя к исполнению заповедей, так и святых отцов можно понять, только испытав что-либо подобное тому, о чем они пишут, или имея хотя бы бледную тень их опыта. Иначе мы будем понимать слова святых отцов не в том смысле, какой они в них вложили, а по-своему. Мы можем наизусть цитировать «Добротолюбие», творения святителя Игнатия (Брянчанинова) или какие-нибудь другие аскетические книги, но это отнюдь не будет свидетельствовать о том, что мы постигли святоотеческое учение. Необходимо потратить годы, для того чтобы понять свое душевное состояние, познать себя. Но и это еще не подвиг, а только самое-самое начало, так сказать, предисловие, если сравнивать наш путь с содержанием какой-нибудь книги. А мы, не прочитав еще и вступительной части, уже хвастаем, что осилили все произведение.

Представьте, что вы прочитали роман «Преступление и наказание» и считаете себя специалистами по творчеству Федора Михайловича Достоевского, даже собираетесь беседовать на эту тему с литературоведами. Вы думаете, что если в школе получили пятерку за «Преступление и наказание», то теперь уже всё знаете. Вы считаете так потому, что не имеете никакого представления о той обширной литературе, которая существует по данной теме. Вам кажется, что знать больше, чем вы уже знаете, невозможно и о творчестве Достоевского вы можете поговорить с любым человеком. Но одно дело, когда вами довольна учительница, а другое – заинтересуются ли вашим мнением серьезные ученые. Если дело касается каких-то светских занятий, допустим литературы, науки, искусства или какого-нибудь ремесла, то для нас вполне очевидна нелепость такого подхода, но, если речь заходит о духовной жизни, мы этого

почему-то не понимаем. Здесь нам все представляется простым и ясным и кажется, что все можно сделать быстро. Дом построить – это в нашем понимании сложно: нужен проект, стройматериалы, время, люди. А что такое духовная жизнь? Для того чтобы вести ее, у нас, как нам кажется, все есть. Поэтому мы, приступая к духовной жизни, ожидаем скорого результата, а сами при этом не имеем ни терпения, ни точного представления о том, как все должно происходить.

подавляющее большинство из тех, кто сейчас здесь находится, за исключением, пожалуй, единиц, даже плохо себе представляют, в каком душевном состоянии они пребывают и что требуют от них святые отцы. Человек до такой степени бывает ослеплен самомнением, что, получая конкретное наставление, он по своей страстности думает, что сам все прекрасно понимает. Известно, что все страсти ослепляют человека (и блудная, и страсть гнева, и прочие), но в наибольшей степени – гордость. Когда в человеке сильно действует та или иная страсть, он перестает что-либо здраво понимать, потому что желание удовлетворить свою страсть мешает ему увидеть справедливость наизидания, будь то обличение или доброжелательное замечание. И тогда человек начинает обвинять своих руководителей в том, что они неправильно его учат. Все это происходит также и оттого, что в нас нет терпения. Человек вообразил, что за год, два, три, пять лет пребывания в обители он уже все постиг. А на самом деле и пять лет – это совсем небольшой срок. Таким образом, терпение необходимо уже в самом начале пути, когда мы получаем еще только теоретическое представление о монашеской жизни.

Некоторые, читая быстро и с удовольствием, освоили уже чуть ли не всю аскетическую литературу, переведенную на русский язык. Однако не думайте, будто вы уже всё знаете. Могут пройти годы и даже десятки лет, но отдельные изречения святых отцов, допустим Иоанна Лествичника, вы начнете понимать только тогда, когда опыт приблизит вас к пониманию того, что они имели в виду. Вспомним некоторые примеры из истории цивилизации: сначала человек изобрел электричество,

потом научился его вырабатывать, передавать на расстояние, хранить. Затем стало возможным изобретение тех или иных приборов, электричество начали использовать в разных целях, и только спустя столетия появилось такое изобретение, как компьютер. Невозможно было в самом начале, когда люди только научились вырабатывать электрический ток, сразу же изобрести компьютер. Все понимают, что для подобного прорыва нужны были столетия. Если же дело касается внутренней жизни, то большинство людей почему-то уверены, что на ее развитие нужен максимум год. Человек, прочитав, допустим, «Добротолубие», думает, что он уже знает все самое необходимое и осталась лишь некая малость.

Представьте архитектора, создавшего проект грандиозного здания. Вроде бы надо радоваться, но на самом-то деле здание существует только на бумаге! Его еще нужно построить, а на это уйдет гораздо больше сил, средств и времени, чем на проектирование, будет занято больше людей, и больше трудностей встретят все те, кто примет участие в строительстве.

Знакомство с учением святых отцов о монашеской жизни – это нечто вроде проектирования. Для того чтобы создать проект, также необходимо терпение, время. Можно сказать, что наши предварительные, общие понятия о духовной жизни похожи на эскизный проект: художник рисует вид будущего здания с разных сторон, учитывая его размеры. Однако нужно сделать еще и технический проект, что гораздо сложнее. Здесь учитывается все: материалы, их прочность, тип фундамента и так далее. Если в чем-то допустить ошибку, например если фундамент будет заложен неправильно, то здание может рухнуть. У нас сейчас представление о духовной жизни на уровне эскизного проекта, а не технического, при котором уже все рассчитано и можно приступать к строительству. Мы, так сказать, набросали некий рисунок: обрисовали для себя основные добродетели, необходимые в монашеской жизни: послушание, отсечение своей воли, Иисусова молитва, трудолюбие, – но помимо всего этого уже в самом начале пути нам необходимо терпение.

Вместе с тем нельзя думать, что люди, у которых все идет правильно, не допускают ошибок. Это невозможно, поскольку человек что-то может понять неточно, что-то совсем упустить, но в конце концов он все познаёт на собственном опыте. Даже если человек о какой-то добродетели имеет представление, абсолютно совпадающее с тем, что говорят святые отцы, он тем не менее должен исполнить ее на деле.

И мы, приступая к исполнению того, что поняли в теории, встречаем неожиданные препятствия. Это происходит от нашей самонадеянности, поскольку мы не учитываем того, что являемся людьми грешными, падшими, немощными, лукавыми. Наше собственное естество, то есть мы сами, оказываемся противниками самим себе. Кроме того, из-за нашей неопытности неожиданностью для нас является брань, воздвигаемая демонами. Таким образом, от правильного представления о добродетели до исполнения ее на деле – огромное расстояние, можно сказать, пропасть, преодолеть которую можно только с Божией помощью. Для этого также необходимо долгое время. Не думайте, будто помощь Божия заключается в том, что Бог, осенив нас Своей благодатью, сделает все за нас, а нам самим ничего уже делать будет не нужно. Благодать дается каждому по мере его усердия. Насколько ты трудишься, настолько благодать Божия и содействует тебе. И наоборот, если ты оказываешься нерадивым – благодать отступает. Бывают особенные случаи, когда Господь покрывает нас, удерживая от страшных падений. Однако надеяться на это не нужно, потому что Господь делает это исключительно из снисхождения к нашей немощи и нашему скудоумию. Как правило, мы должны тщательно готовиться к исполнению той или иной добродетели и осторожно, терпеливо совершать свои труды на протяжении долгого времени.

Часто мы проявляем поспешность и какую-либо добродетель хотим исполнить быстро. В книгах мы находим подходящие изречения и, как нам кажется, понимаем, что нужно делать, может быть, даже смиряемся и думаем, что так и будем поступать. Вслед за этим, как правило, бывает преткновение и падение. Это происходит потому, что мы

забываем: одно дело – проектирование, а другое – стройка. Никакой разумный человек, имея проект, не будет думать, что за один день он сможет построить здание и что завтра оно поднимется словно само собой. Однако о духовной жизни мы думаем, что это нечто эфемерное, абстрактное, неопределенное, не понимая того, что это делание столь же серьезное, скрупулезное, трудоемкое, как и любое человеческое занятие, и даже более трудное. Святые отцы говорят, что оно является наукой из наук и искусством из искусств. Нам нужно постепенно двигаться к приобретению того, что мы постигли теоретически, трудиться над этим, преодолевая всевозможные, порой очень серьезные препятствия. И со временем мы приобретем желаемое.

Все, о чем я говорю, может показаться вам скучным, неинтересным. К чему, скажете вы, трудиться много лет над духовной жизнью? Не лучше ли подать нищему тарелку супа? Или сделать что-нибудь доброе и жить как все люди: не совершать каких-либо тяжких грехов, выйти замуж, иметь детей? Они вырастут, может быть, станут богатыми, купят нам, родителям, дачу, а мы (продолжаем мечтать дальше), живя на этой даче и читая Иоанна Златоуста, тоже спасемся. Такое уныние находит от осознания того, что придется долго, много, скрупулезно трудиться, а достигнем ли мы какого-нибудь результата или нет – неизвестно. Все представляется нам смутным, неопределенным, но такое ощущение возникает из-за того, что мы, собственно, не понимаем, что есть духовная жизнь. У мудрых, опытных старцев всё как на ладони. Если мы возьмем книги святых отцов, например «Лествицу» – этот нестареющий шедевр аскетической литературы, то увидим, что для преподобного Иоанна Лествичника духовная жизнь была ясна во всех подробностях и тонкостях. Такое же впечатление, а может быть, и более сильное, возникнет у нас, если мы прочитаем сочинения святителя Игнатия (Брянчанинова). Его произведениям свойственно то качество, которое сам он весьма удачно называет «определительностью». В современном русском языке в этом значении употребляется слово «определенность», однако для того, чтобы подчеркнуть

точность, которая, по мнению святителя Игнатия, характеризует учение святых отцов и, на мой взгляд, в сильнейшей степени его собственные произведения, в большей мере подходит именно устаревшее слово «определительность».

Итак, духовная жизнь не является чем-то аморфным и непостижимым только потому, что она духовная, а не вещественная. Различные духовные состояния можно очень точно описать, что, собственно, уже и сделано святыми отцами. Однако мы не можем этого понять, поскольку не имеем опыта, который был у них.

Порывистость, нетерпеливость, чрезмерная ревность приводят нас к тому, что мы впадаем в нерадение, уныние, отчаяние. Мы не осознаём того, что наши преждевременные претензии смешны. Приходят в монастырь люди во всех отношениях «темные»: и в умственном и в нравственном. По сравнению с теми, кто ведет правильный образ внутренней жизни, описанный святыми отцами, они подобны эскимосу, попавшему в большой город. Он знает, как ездить на оленях, а здесь их нет; рыбы, тюленей тоже нет – охотиться не на кого. Даже снега нет, чтобы и глу²⁵ сделать. И вместо того чтобы признать себя несведущим и спросить у городских жителей, как себя вести или как проехать в зоопарк (уж там-то есть и белые медведи, и олени, и тюлени), он начинает ругаться, говорить, что ему здесь ничего не понятно, все снуют туда-сюда: где тут лежбище, где охота, где пастбище? Примерно так выглядят люди, недавно пришедшие из мира. Кроме того, они спорят, противятся преподаваемому им учению, думают, что могут бороться со страстями и заниматься Иисусовой молитвой не так, как учит, например, святитель Игнатий (Брянчанинов), а как-то иначе. Если и соглашались с его учением – ведь едва ли у кого-то хватит смелости открыто выступать против учения святителя Игнатия, Иоанна Лествичника или других святых отцов, – то вкладывают в его изречения смысл, который нравится им самим, или избирают те изречения, которые льстят им и прикрывают их страсти. И когда такого человека пытаются наставить, раскрыть ему истинный смысл святоотеческого учения, не соглашаясь с тем, что он сам себе измыслил, он

начинает противиться и говорить, что его не понимают. А что значит понимать? В представлении неопытной послушницы это значит, что если ей хочется спать, то ее надо уложить спать, если ей хочется есть, нужно ей разрешить есть когда угодно и что угодно, если ей хочется болтать, нужно разрешить ей болтать, если ей хочется гневаться, а в обществе всегда можно найти для этого множество предлогов, то ее поведение нужно одобрить, сказав, что на ее месте сам бы ты еще не так рассердился. Получается, что, если потакают ее страстям, она чувствует, что ее понимают. И вместо того чтобы терпеливо выслушивать поучения старицы или настоятельницы о том, что необходимо бороться с собой, человек начинает оправдываться, доказывать, что его учат неправильно.

Для начала необходимо познать себя, увидеть в свете учения святых отцов себя таким, каков ты есть. А это страшное зрелище: увидеть свою страстность, свое духовное уродство и осознать, насколько ты далек от Бога, насколько ты отвратителен! Ужаснуться тому, что, несмотря на твою многострастность, благодать Божия еще хоть сколько-то тебя касается! Человек не видит причины своей неисправности, своего скромного преуспевания, а она – в нерадении, самооправдании, гордости, самонадеянности. Он ищет причину в чем-то другом: например, в том, что ему дают читать не те книги, или в том, что для чтения у него нет времени, что ему неправильно цитируют святых отцов.

Все это может происходить также от нетерпения. У человека нет терпения (это весьма обширная добродетель) вступить в борьбу с самим собой, заняться истинным самопознанием и увидеть свою греховность. Он не хочет делать все правильно, а желает, чтобы с ним произошло какое-нибудь чудо: он мгновенно изменился бы, получил обильную благодать и едва ли не способность к чудотворению. Он не понимает, что очень важная веха в его духовной жизни – это познание своей греховности: какие страсти действуют сильно, а какие слабо, под какими благовидными поступками скрывается та или иная страсть. Возможно, что под видом любви к

ближнему в человеке проявляется человекоугодие, тщеславие, под видом трудолюбия – гневливость.

Это не значит, конечно, что мы должны сидеть в келии до тех пор, пока не победим все свои страсти. В таком случае многие, пожалуй, никогда бы из своей келии не вышли. Необходимо делать что положено и одновременно отделять пшеницу от плевел: то доброе, что есть в наших делах, мы должны отъединять от неизбежной греховной примеси. Мы не хотим борьбы с собой, самопознания, не желаем даже признавать свою греховность. Мы хотели бы перешагнуть через эту ступеньку, однако это невозможно.

Бывают редчайшие, исключительные случаи, когда человек по действию благодати еще в самом начале своего подвига получает дар непрестанной молитвы. Как, например, преподобный старец Силуан Афонский. Конечно, по силе духа, мужеству, любви к Богу никто из нас и близко не может сравниться с этой выдающейся личностью. Однако и он на протяжении многих и многих лет, имея уже благодать непрестанной молитвы, упорно, страшно (мы не выдержали бы такого напряжения) боролся со своими страстями, и в особенности с гордостью. А мы идем обыкновенным путем. Невозможно оказаться на другой стороне леса, если ты через него не пройдешь. Если же ты идешь через лес, значит, тебе нужно прокладывать себе дорогу или найти путь, проложенный другими, и осторожно по нему шествовать, чтобы не уклониться в дебри и не погибнуть. Нужно защищать себя от диких зверей, которые могут встретиться в лесу. А мы, еще только подступив к лесу, сразу хотим оказаться на другой стороне и беспечно продолжать свое шествие. Однако и поворачивать вспять тоже не нужно, иначе мы вернемся в свое прежнее состояние. Мы должны понимать, что предпринимаем это трудное, полное опасностей и скорбей шествие не ради достижения абстрактного совершенства, а ради своего спасения. Не стоит страшиться тех трудностей и опасностей, которые нам предстоят, поскольку возвращение к прежней жизни может оказаться для нас гораздо более страшным, чем продвижение вперед, позади уже нет никакого выбора – только гибель.

Если мы не будем терпеливо трудиться над исполнением заповедей, то сами себя сделаем безуспешными. Бывает, что человек трудится и не знает, будет результат или нет, но если он оставит свои труды, то уже точно никакого результата не получит. Если к тем скорбям и трудностям, которые мы испытываем в этой воистину многотрудной духовной жизни, правильнее сказать, спасительной (ибо она направлена только на спасение, и мы стараемся не отвлекаться ни на что постороннее, временное), мы будем добавлять ропот, уныние, то переживания, которые терзают и мучают нашу душу, мы сделаем совершенно невыносимыми. К действительной, реальной скорби мы добавляем еще и скорбь изобретенную, привнесенную нами самими. Конечно, в таком случае руки у нас опускаются – мы сами себя обезоруживаем. Мужественный человек старается не думать об опасности, например о том, что может с ним случиться во время боя, иначе он должен был бы убежать. Если будешь излишне думать о том, какие тебя ждут трудности и опасности, то, пожалуй, и в борьбу вступать не захочешь. Мужественный человек презирает подобные мысли. Конечно, бывает и неразумное мужество, но нам нужно найти нечто среднее: рассуждение, соединенное с мужеством.

Если мы сравним духовную брань с войной, то увидим различия: на войне бывает много случайностей, того, что от человека не зависит, – в духовной же брани случайностей не бывает. Здесь всегда побеждает тот, кто следует учению святых отцов. В жизни бывает много несправедливостей: люди достойные бывают обижены, мужественные оказываются убитыми, а трусливые, наоборот, остаются в живых. В духовной брани таких несправедливостей, случайностей, как я уже сказал, не бывает, поэтому мы имеем возможность быть мужественными. При этом, конечно, нужно иметь и мудрость, но не свою, а, как говорит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, заимствованную из опыта предшествовавших подвижников, то есть из опыта святых отцов.

В наше время люди чрезвычайно легкомысленны. Возьмем, к примеру, брак – противоположность монашескому образу жизни. Как много бывает разводов по нелепым причинам! Одна

из них – «не сошлись характерами». Как будто могут найтись два человека с абсолютно подходящими характерами! Если в старину люди терпели всевозможные скорби, всё готовы были вынести, только бы сохранить святость семейного союза, то сейчас браки, в том числе и церковные, с легкостью распадаются.

Бывает, что человек избирает себе какую-то деятельность, а потом оставляет ее, начинает заниматься тем, к чему он не способен. В наше время многие люди ради обогащения оставляют любимое дело, которому обучались много лет, и начинают заниматься бизнесом. Большинство, кстати, терпят неудачи. Людям кажется, что быть, допустим, архитектором – это тяжело, а разбогатеть – проще простого. Как будто для этого не нужны особенные способности!

К сожалению, подобное происходит и в монашестве. Многие поступают в монастырь с легкомыслием, часто даже не понимая, куда они идут. Вчера ты хотел быть архитектором, позавчера тебе нравилось быть кондитером, а сегодня тебе вдруг пришло в голову стать монахом... На монашество смотрят как на одно из человеческих занятий. А между тем это – всеобъемлющее делание, это – дело нашего спасения. Нельзя сказать, что, отступая назад, ты делаешь свое спасение невозможным, это означало бы осудить всех мирян на гибель. Однако ты отступаешь от пути, на котором спасение достигается легче, чем на пути, по которому идут миряне. А мы с каким-то легкомыслием рассуждаем: мне, мол, тяжело, у меня ничего не получается, я уйду из монастыря. А что у тебя не получается? Смиряться, молиться, бороться со своими страстями, иначе говоря, у тебя не получается жить по-евангельски, поэтому ты и хочешь уйти из монастыря. А что ты будешь делать? Как ты будешь жить? Ты пренебрегаешь евангельским образом жизни, для того чтобы вернуться к прежним грехам, в лучшем случае к полной рассеянности, забвению Евангелия.

Представим себе христианку, которая вела благочестивый образ жизни: ходила в храм, молилась, регулярно исповедовалась, причащалась, работала на каком-нибудь

предприятии, свободное время уделяла духовной жизни. Наконец она решает вступить в монастырь. Здесь к ее духовной жизни предъявляются уже более строгие требования (про наш монастырь я точно могу сказать, что это было бы именно так). Ничего принципиально нового ей не говорят: она слышит о тех же евангельских заповедях, только здесь они расшифрованы (если можно так выразиться) и преподаны в таком виде, что их удобнее не только понять, но и исполнить. Я говорю «расшифрованы» не потому, что в заповедях заключен некий таинственный смысл, скрытый от непосвященных, а потому, что святые отцы своей жизнью показали, как нужно исполнять ту или иную заповедь, изложили это простыми и ясными словами. В их творениях раскрывается смысл Евангелия, который при обычном чтении из-за нашей неопытности не может быть постигнут. Как сказал некто из отцов, Священное Писание понимается по мере исполнения евангельских заповедей.

В монастыре объясняют, как нам нужно жить, как бороться с той или иной страстью. Если в миру под предлогом непонимания, занятости или по каким-то другим причинам мы могли отодвинуть евангельские заповеди на второй план, чем-то извинить их неисполнение, то в монастыре мы этого сделать уже не сможем. И евангельские заповеди, которые как бы объяли нас со всех сторон и призывают к нашей совести, становятся для нас мучительными в том случае, если мы не хотим бороться с собой. Поэтому и возникает желание оставить этот, как нам кажется, невыносимый образ жизни и вернуться к прежнему спокойствию. Мы начинаем вспоминать, как нам было хорошо в миру. Почему же нам было хорошо? Разве мы были преисполнены душевного мира? Или в нас действовала благодать непрестанной молитвы? Нам было хорошо, потому что мы имели свободу в грехе, и наша непросвещенная, загроможденная, если так можно выразиться, неумная совесть нас не обличала – она просто не умела этого делать. А в монастыре невозможно уклониться от обличений совести, уже просвещенной святоотеческим учением. И мы, не выдерживая этого, хотим оставить мучительный для нас образ жизни, для того чтобы вернуться к прежней «спячке». Мы жили как

алкоголики, которые каждый день потихоньку выпивают и все время ходят, как говорится, навеселе. И нам это нравилось, а теперь наступило «похмелье». Это состояние действительно можно назвать похмельем, потому что мы переживаем последствия всех грехов, которые совершили в миру. Как известно, есть два способа избавиться от похмелья: либо снова выпить, и тогда болезненные ощущения пройдут, но, делая так, человек может пристраститься к алкоголю и затем беспробудно пить неделями и месяцами, либо перетерпеть это болезненное состояние и вернуться к нормальному образу жизни. А нам хочется «опохмелиться». У нас нет терпения выносить обличения совести, которые мы получаем через наставления настоятельницы, старицы, через чтение святых отцов, да и сам образ жизни, вынуждающий нас мобилизовываться, обличает нас. Даже монастырский режим дает человеку многое. А душа нерадивца противится этому, как ему кажется, порабощению.

Честно скажу, когда мне кто-нибудь говорит о том, что ему тяжело в монастыре и что он хочет уйти, у меня появляется раздражение (я, к сожалению, не бесстрастен). Хочется сказать этому человеку: «Иди, посмотрим, что с тобой будет!» Однако сдерживаешься, начинаешь уговаривать, успокаивать. Есть широко известное выражение: «От себя не уйдешь». Оно очень справедливое. Куда ты денешься от своих страстей, от обличения своей совести? Ты уже слишком много знаешь, чтобы сделать вид, что все хорошо. Если бы можно было прокрутить стрелку часов на два-три года назад и вернуться в прежнее состояние, пойти другим путем, тогда можно было бы спокойно жить. А сейчас все равно совесть будет тебя мучить: ты знала, что нужно делать, но не захотела этого исполнить. А почему не захотела? Потому что любишь, допустим, поспать. Это кажется невероятным: человек так любит спать, что из-за этого готов уйти из монастыря. Бывают, конечно, и другие причины, например, человек сердится и от этого ему очень трудно в монастыре.

В Евангелии мы читаем о предательстве Иуды Искаротского и удивляемся: человек из-за сребролюбия, жадности за тридцать сребреников предал своего Учителя. Я,

конечно, не хочу сравнивать нас с этим несчастнейшим из людей и страшнейшим из преступников, однако надо сказать, что с нами происходит нечто подобное. Какая-либо наша глупая страсть, столь же нелепая, как и сребролюбие Иуды, внушает нам мысль оставить спасительный образ жизни и даже уйти из монастыря. Почему вы думаете, что сребролюбие – это страсть, ведущая к гибели, а такие страсти, как лень, гнев или гордость, можно удовлетворить и ничего страшного при этом не произойдет? Наоборот, святые отцы говорят, что сребролюбие – это страсть противоестественная, а сластолюбие и гордость, то есть славолубие, – страсти естественные. Сребролюбие лишь предоставляет человеку возможность исполнить свои желания, поскольку мы живем в обществе, где с древнейших времен существуют деньги, при помощи которых можно удовлетворить любую страсть.

Еще раз повторю: для того чтобы противиться какой-либо страсти, необходимо терпение. Прежде всего человек должен познать эту страсть (при помощи чтения, устного наставления, собственного опыта), а потом ежедневно всеми силами терпеливо с ней бороться. Терпение необходимо также и для приобретения добродетелей, например возделенной для всех Иисусовой молитвы. Даже само трудолюбие предполагает терпение: если человек способен работать быстро, с энтузиазмом, но недолго, то едва ли он чего-либо достигнет. По-настоящему трудолюбивый человек будет совершать определенную работу в течение долгого времени, то есть проявит терпение, без которого никто ничего достигнуть не может.

Вспомним для примера творчество великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, чьи стихи производят впечатление необыкновенной легкости. Кажется, что они написаны на одном дыхании. Однако если мы посмотрим на черновики автора, то увидим, что он много раз перечеркивал записи, заменял одни слова другими, то есть проделывал огромную черновую работу, пока из-под пера не выходило несколько стихотворных строк. Поэт добивался естественности стихотворной речи. Так же и у нас: чем проще и, если можно так

выразиться, изящнее человек в духовной жизни, тем бóльшие труды он приложил к тому, чтобы сделать себя таким. А со стороны складывается впечатление, будто у человека все получается само собой, легко. Однако за этой легкостью стоит титанический труд над собой.

Конечно, в обычных занятиях, так сказать внешних, у каждого из нас свои способности, наклонности, которые проявляются в разной степени. Но в деле спасения мы все равны. Нельзя сказать, что один из нас больше способен к спасению, а другой – меньше. Как гласит одна монашеская поговорка, без терпения нет спасения. И можно больше ничего не объяснять, а повторить лишь это – самое главное: без терпения нет спасения.

О поиске смысла жизни²⁶

Сегодня я постараюсь на основании творений святых отцов изложить православное учение о том, что неверующие люди обычно называют поиском смысла жизни.

Для чего существует человек? Для чего Бог сотворил человека? Задумываясь над этими вопросами, мы должны понимать: невозможно все постичь умом. Нельзя думать, что любые тайны, любые истины познаю тся одним только рассуждением или чтением книг. Будучи уверены, что мы можем все постичь умом, мы нередко наталкиваемся на такие тайны, которые недоступны либо человеческому уму вообще, либо, как бывает чаще, нашему собственному уму. К тому же мы не такие уж выдающиеся мыслители и не можем рассчитывать на то, что, рассуждая, сравнивая, напрягая свое воображение, самостоятельно постигнем истину. Поэтому даже если мы верим в могущество человеческого разума, то всё равно вынуждены принять мысль о том, что многое нашему рассудку недоступно. Прекрасно рассуждает об этом митрополит Вениамин (Федченков) в книге «О вере, неверии и сомнении». Он говорит, что во времена его юности образование в духовной семинарии и академии настраивало учащихся на то, что все можно объяснить при помощи разума. И он сам был в этом убежден, но по мере того как в нем стала усиливаться вера, он полюбил тайны, ему стало нравиться, что они существуют.

Истинное знание мы получаем через веру. Знание – это не то, что непременно можно объяснить. Многие вещи, которые знакомы нам на бытовом, житейском уровне, совершенно необъяснимы. И тем не менее мы, зная, как и что нужно делать в практическом смысле, применяем все эти свои как будто бы естественные знания, даже не отдавая себе отчета в том, что то или другое явление непонятно. Мы едим ту или иную пищу. Как эта пища превращается в организме в наше собственное тело, как она дает нам силу, умственную и физическую энергию? Этого мы не понимаем. Как мы дышим? Как вообще существует человеческое тело? Что такое болезнь или здоровье? Если бы

мы начали во всем сомневаться и делали бы только то, что мы понимаем, тогда, пожалуй, умерли бы с голоду. На таком простом примере из нашей материальной, телесной жизни можно сделать вывод и о жизни внутренней: многие вещи в духовной жизни для нас также непостижимы. Однако если они для нас существуют, если мы духом их ощущаем (а именно это дает нам чувство веры), тогда мы живем той жизнью, которой должны жить христиане, живем спасительной жизнью, хотя бы мы многого и не понимали.

От основания христианской Церкви до наших дней были миллионы людей, которые многого не понимали, для которых большинство предметов вероучения были непостижимы. Они верили так, как им передали учителя, среди которых были не только люди образованные, тонко мыслящие, но и самые простые по уму, совершенно не способные ни, допустим, к изучению истории, ни даже к каким-нибудь рассуждениям.

Сегодня мы празднуем память преподобного Павла Препростого. В его жизнеописании есть такой эпизод. Он, как известно, был учеником Антония Великого. Однажды к Антонию пришли некоторые монахи за наставлением, а Павел при этом присутствовал. Преподобный Антоний Великий рассуждал, видимо, о законах ветхозаветном и новозаветном и в связи с этим упомянул имя Моисея и имя Христа. Павел был человеком совершенно необразованным. Интересно, что из мира он ушел шестидесяти лет от роду, будучи простым египетским крестьянином. А крестьяне, как правило, были людьми неграмотными. И Павел спросил Антония: «А кто был раньше: Моисей или Христос?» Его невежество простиралось даже до того, что он задал такой странный вопрос, ответ на который для всякого христианина очевиден. Антония это несколько смутило, и он сказал: «Молчи». Действительно, что ответить на этот вопрос? И Павел замолчал. Прошло несколько месяцев, Антоний заметил, что Павел все время молчит. Он ему говорит: «Почему ты молчишь?» А тот отвечает: «Ты же велел мне молчать, вот я и молчу». Для чего в «Отечнике» приводится этот пример? Чтобы мы поняли, что добродетель выше отвлеченного знания. И послушание преподобного Павла,

простиравшееся до такого необыкновенного молчания, – а хранить молчание, как мы все знаем, очень трудно, – оказалось выше элементарного знания, которым должен обладать всякий христианин.

Можно еще привести в пример трех старцев, которые жили на острове. Они не знали никакой молитвы, кроме одной, несколько странной: «Трое Вас, трое нас, Господи, помилуй нас», однако же ходили по воде. Значит, вера выше, чем отвлеченное знание. Верующий человек, который, может быть, много не понимает, но умом пребывает в единении с Богом, способен творить чудеса. И на самом деле он знает гораздо больше, чем тот, который может много и красиво говорить, но не живет по евангельскому учению. Можно было бы привести и много других примеров. Святитель Спиридон Тримифунтский, чудотворец, будучи, можно сказать, невежественным человеком, самыми простыми словами обратил к вере языческого философа, который на I Вселенском соборе защищал Ария и его учение.

Если у тебя возникает вопрос о смысле жизни, значит, у тебя в душе что-то ненормально. В здоровой душе таких мыслей, как правило, не возникает. Когда человек ищет истину, хочет познать ее всей душой, так сказать, пережить ее, то этот болезненный процесс может быть иногда и полезным. Не сам по себе, но как некоторая ступенька, как некоторый шаг на пути к Богу. Подобные вопросы возникают тогда, когда человек отпадает от Бога. Когда же человек с Богом, у него не может возникнуть вопроса «для чего Бог меня создал?», потому что этот вопрос выражает сомнение в благодати Божией, сомнение в том, что существование человека осмысленно, что он имеет какое-то особенное предназначение. И можно было бы обойтись этим моим объяснением и даже больше ничего не говорить. Просто сказать: «Нужно молиться, каяться, и когда душа ваша будет очищаться и соединяться с Богом, тогда вы будете чувствовать, что, по словам Спасителя, Господь в вас и вы в Господе». Святые отцы, объяснявшие, зачем Бог сотворил человека, прежде сами соединились с Богом. Они почерпнули это знание отнюдь не из каких-то отвлеченных рассуждений, они

не задавали сами себе вопросы и не мучились душой. Общаясь с Богом, они понимали, для чего существуют они, для чего существуют все люди. Понимали потому, что на своем опыте это пережили.

Нужно, как я сказал, различать умственное знание, так сказать, догадку, от знания опытного. Настоящее знание – это опытное знание. Если сравнить какого-нибудь подвижника, скажем святителя Григория Богослова, с кем-то из нас (пусть даже человеком очень умным, серьезным, но не живущим такой жизнью, как Григорий Богослов), то разница будет большая. В чем она? Святитель Григорий написал о том, что пережил сам, а мы, даже если принимаем учение, которое он излагает, принимаем его из чужих уст. Для нас это знание теоретическое, для него – опытное. Это можно сказать о любом из святых отцов, в особенности о тех, которые излагали собственный опыт. Допустим, если я изучу книгу Иоанна Лествичника и буду наизусть ее цитировать, то для меня это будет теория. А для него это было истинное знание.

То же можно сказать и о самом Священном Писании. Для апостолов и, в первую очередь, евангелистов все, о чем они написали в Четвероевангелии и других книгах Нового Завета, не было какой-то философской теорией – это было их жизнью. Они непосредственно общались со Спасителем. Апостолы Иаков, Иоанн и Петр переживали преображение Господа на Фаворе. Они излагали то, что знали опытно, а не одним умом. И может быть, в то время, когда они это переживали, они многого не понимали. Известно, что святые апостолы не осознавали истинного значения тех или иных событий до тех пор, пока на них в день Пятидесятницы не сошел Дух Святой. И только впоследствии им все открылось, но опять же не потому, что они усиленно об этом размышляли, а потому, что на них сошел Дух Святой и у них началась новая жизнь. Их души преобразились от обильного действия благодати. Ум лишь помог им объяснить и последовательно, логично изложить то, что они испытали.

Притом они и не всегда могли всё объяснить. Скажем, невозможно объяснить, почему в день Пятидесятницы Дух

Святой сошел на апостолов в виде огненных языков. Святые отцы толкуют так: по всей видимости, это потому, что апостолам нужна была огненная ревность. Но это лишь толкование, сами апостолы ничего об этом не говорят. Интересно, что на преподобного Симеона Нового Богослова благодать Божия также сходила в виде огня, хотя ему, казалось бы, такая огненная ревность, какая была нужна апостолам, не требовалась. Так что можно предположить, что здесь мы сталкиваемся с некоторым свойством Божественного явления, непостижимым для нас. Почему Бог является в виде света? Господь Иисус Христос часто говорил о свете, и Сам Он на Фаворе просиял перед учениками. Почему именно такое ощущение бывает у человека при явлении Божественной славы, тоже никто объяснить не может. Да и что лучше: найти объяснение тому, почему Бог является в виде света, или, не понимая причин, пережить это самим? Конечно же, лучше самим познать это Богоявление, чем прочитать о нем в книге и уметь рассказать о нем другим, а самому иметь сердце пустым, без Божественной благодати.

Поэтому вопрос «для чего Бог сотворил человека?» – это вопрос отвлеченный. Он возникает в известной степени от ропота, от какого-то душевного неудовольствия, от нежелания принять то, что Бог преподает нам в таинствах, от нежелания принять нравственное учение Евангелия и вообще бороться со своими страстями. Сам этот вопрос можно было сформулировать иначе: «А вдруг то, о чем говорится в Библии, неправильно?» Я совсем не считаю себя таким оратором, который может любого человека убедить в том, что смысл жизни человека надо понимать именно так, как учит тому Библия. Вдруг мне это не удастся, и что тогда человеку делать? Искать нового оратора? А вдруг тому тоже не удастся? Пока в нас будет противление воле Божией, нежелание переменить себя, до тех пор у нас будут возникать вопросы, зачем Бог сотворил человека и правильно ли все то, о чем говорится в Библии.

У нас, православных христиан, такого вопроса возникать уже не должно: основы православного учения мы знаем. Но в нас возникает сомнение: справедливо ли это учение? Как можно

доказать справедливость библейского учения? Логически доказать это невозможно, да, наверное, и не нужно. Если мы и прибегаем к логическим доказательствам (и некоторые мыслители делают это весьма удачно), то уже задним числом. На самом же деле человек принимает истину отнюдь не потому, что ему что-то доказали, он принимает ее сердцем. Об этом много говорится в Священном Писании и в творениях святых отцов, которые учат прежде всего очищать свое сердце. Для человека, сердце которого противится, все рассуждения о предназначении человека могут оказаться совершенно ненужными и бессмысленными. Он все равно вновь и вновь будет задавать этот вопрос и отвергать все доводы – не потому, что они для него недостаточно умны, но просто потому, что он не хочет в них вникать. Он и не вдумывается в них, не пытается понять, состоятельны они или несостоятельны. Действительно, подчас люди и не способны, и не хотят понять некоторых возвышенных доказательств, которые приводят святые отцы. Иногда какой-нибудь малообразованный человек, может быть, даже глупый, начинает задавать такие вопросы, на которые, по русской пословице, семь мудрецов ответить не могут. Он говорит такую нелепость, что умный человек теряется, не зная, что ему отвечать.

Я говорю это не для того, чтобы посрамить людей, которые задаются вопросом о смысле жизни, а для того, чтобы вы поняли, что все дело в сердце человека. Один философ высказал замечательную мысль: наши убеждения имеют основание в тех чувствах сердца, о которых мы часто не имеем никакого понятия. То есть наши убеждения, рассуждения, образ мыслей зависят от сердца. Все это – оправдание наших сердечных чувств. Это утверждение соответствует и Евангелию. Ведь Спаситель сказал, что злые помышления исходят не из ума, а из сердца. В уме они только приобретают какую-то логическую, образную форму, но основания духовной жизни и даже умственной деятельности находятся в сердце.

Душевная простота иногда соединяется с простотой умственной: человеку, в интеллектуальном отношении простому, проще приобрести душевную простоту. Человек душевно

простой верует гораздо больше, чем тот, который пытается постигнуть истины христианства при помощи рассуждений. Да и само Евангелие говорит: *Если не будете как дети, то в Царство Небесное не войдете* (см. Мф. 18, 3) или *Будьте просты, как голуби, и мудры, как змии* (см. Мф. 10, 16).

Антоний Великий говорил, что благодаря простоте святые соединяются умом с Богом. А этот человек, как известно, был и чудотворец, и великий учитель монашествующих. Отец отцов, как его называли. Великий русский праведник, чудотворец последнего времени, отец Иоанн Кронштадтский, говорил, что в молитве надо быть как дитя лепечущее. Таким образом, душевная простота делает человека способным не просто понять истину, а принять ее внутрь себя. Истина в этом человеке живет, и он уже не задается никакими вопросами: ему все ясно не потому, что ему объяснили или он сам додумался, а потому, что он по своему опыту понял, для чего он живет. Его жизнь полна смысла, и он не нуждается ни в каких объяснениях. Поэтому прежде всего нужно стремиться к стяжанию простоты, простой веры. Люди, имевшие простую веру, творили чудеса. Мы знаем, что в первые времена христианства было много чудотворцев, не только среди апостолов, но и среди новообращенных. Мы знаем, что многие мученики также творили чудеса. Но по мере того, как проходили века, эта простая вера иссякала. Появлялись прекрасные обряды, глубокомысленные богословские произведения, но простая вера все иссякала, иссякала, иссякала... Сейчас мы можем всё объяснить, все мы грамотные, можем прочитать много книг, но самого главного почти не имеем.

Разумеется, я не против изучения творений святых отцов. Чтобы вернуться к первоначальной апостольской простоте, нам нужно идти именно через изучение писаний святых отцов, а не каким-то собственным, изобретенным нами способом, каким-то коротким путем, которого, впрочем, не существует. Но тем не менее познание основополагающих истин христианства должно быть познанием опытным. Оно достигается не при помощи теоретических рассуждений, а при помощи душевной простоты. Последнее гораздо выше и важнее первого. Если бы мы

прочитали творения всех святых отцов, но не пережили того, что переживали они, а сделали бы для себя это их опытное знание отвлеченной наукой, то это ничего нам не дало бы. Более того, такой подход растлевает ум и охлаждает душу. Некоторые, предполагая, что они уже чрезвычайно много знают, и кичась изучением писаний святых отцов, бывают совершенно холодны сердцем и от гордости еще более опустошаются. Предположим, мне легко прочитать богословскую книгу, скажем самые возвышенные, трудные для понимания рассуждения Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, Григория Паламы или других отцов. Я их прочитал, усвоил умом, но жить так, как жили эти отцы, я не могу и в отношении подвижничества оказываюсь просто младенцем, глупее ребенка, а кичусь тем, что я профессор богословия.

Конечно, ничего нового я сейчас не рассказываю, мне кажется, вы всё это и так знаете. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в свое время говорил, что христианство стали изучать не по заповедям, а по книгам. Но когда читает книги, пытаюсь постичь смысл жизни, умный человек – это одно. А когда в книгах ищет ответа на такие вопросы человек простой, который многого понять просто не способен, это другое. Я не порицаю людей, имеющих скромные умственные способности, и не вижу в этом особенного недостатка. Но самоуверенность делает человека смешным. Ему говоришь: «Нужно молиться, подвизаться, очищать свое сердце, и ты сам все узнаешь, тебе не нужно будет ничего объяснять». А он возражает: «Нет, вы мне объясните». Говоришь: «Прочитай такую-то книгу, там все объяснено». А он не может ее понять. И что делать с таким человеком? Молиться он не хочет, читать он не может. Безвыходная ситуация. Значит, надо объяснять ему так, чтобы он понял. Надо возвышеннейшие истины каким-то образом примерять к его скромным возможностям, к уровню его восприятия. Это очень трудно. Поэтому лучше, конечно, идти первым путем – путем молитвы, он подходит для всех.

Мы, как православные христиане, знаем довольно много. Если бы даже из всего православного вероучения мы знали только один Символ веры и притом плохо его понимали и не

могли его объяснить, то этого уже было бы для нас достаточно в деле спасения. Это минимальные догматические познания, необходимые для всякого христианина. Приведу такой пример. В первые века христианства некий мученик, чрезвычайно простой, малообразованный, боялся, что во время допроса его собьют с толку и он запутается, не сможет правильно ответить. В темнице, где он находился, был священник, у которого он и спросил: «Как мне себя вести? Я боюсь, что меня запутают на допросе». Тот ему ответил: «Ты на все вопросы отвечай только одно: „Я – христианин“ и больше ничего не говори». И вот начался допрос. Обычно сначала человека просто расспрашивали, все делалось формально, по правилам. А затем, если он отказывался поклониться римским богам, это воспринималось как нелояльность к Римскому государству, и тогда применялись пытки: человека заставляли отречься от Христа. На все вопросы этот мученик отвечал: «Я – христианин». Потом, когда начались пытки с требованиями отречься от веры, он также отвечал: «Я – христианин». Так он исполнил свой христианский долг и пострадал за Христа. И это, конечно, лучше, чем все понимать, но не иметь благодати, не иметь твердости, чтобы исповедовать Христа перед гонителями.

Приведу другой, противоположный пример. Всем известен выдающийся, гениальный мыслитель древности Ориген. Во многом он уклонился от православного вероучения, но в то же самое время был учителем многих святых отцов, которые отзывались о нем с похвалой, помня то доброе, что они от него получили. Он руководил Александрийской огласительной школой. Это было самое знаменитое философское учебное заведение именно христианского направления. Языческое образование в то время было на весьма высоком уровне, а христианское как нечто самостоятельное стало только появляться. Ориген проделал огромную работу по сбору и сопоставлению различных переводов Библии и издал так называемые «Гекзаплы» – синоптическое издание Ветхого Завета. Это был необыкновенно гениальный человек. Но он явился родоначальником многих ересей и впоследствии был осужден сначала Поместным собором Александрийской Церкви

(еще при жизни), а потом – V Вселенским собором. Помимо всего этого существует мнение, что он отрекся от Христа. Интересно, что Ориген с юности мечтал пострадать за веру, его отец умер как мученик. Когда возобновились гонения на христиан (Ориген жил в ту эпоху, когда христианство еще окончательно не восторжествовало), то его схватили и он под пытками отрекся от Христа²⁷. Так что же лучше: быть таким мудрым, как Ориген, но не устоять и отпасть от Христа или таким простым, как тот мученик, который не умел ничего сказать, кроме как «я – христианин»? Конечно же, все прекрасно понимают, что лучше быть простым и твердым в вере, как этот необразованный мученик.

Я хочу, чтобы вы осознали: даже если мы ничего не понимаем, то это не страшно. Если бы мы хотели всё понимать, то не молились бы Иисусовой молитвой и не приходили бы к своим наставникам для откровения помыслов, а устроили бы здесь вместо монастыря богословский институт. Мы хотим сами измениться так, чтобы нам стало ясно, в чем состоит смысл жизни. Одно дело – только прочитать об этом и усвоить прочитанное, и другое – самим пережить это. Одно дело – думать о том, для чего Бог создал человека, и другое – стать таким человеком, который знает, что Бог создал его не напрасно. Это и есть самое главное, единственно важное знание. А если я думаю: «Да, жизнь человека имеет смысл, но моя жизнь смысла не имеет», то это отнюдь не поиск смысла жизни, а страшнейшее, глубочайшее отчаяние, с которым нужно бороться.

Вы знаете, что, когда в человеке действует какая-нибудь страсть, она его ослепляет. Если человек, допустим, пьяница, ему никак не объяснишь, что пить – это плохо. Он может ответить: «Я чужие деньги не пропиваю, сам их заработал, никому не мешаю. Почему это плохо?» Есть люди, которые не понимают, почему блуд – это плохо. Мол, супружеская измена – это да, а если я никому вреда не причиняю, даже счастье каким-то людям приношу? Для таких людей нет объяснения, они ослеплены страстью и не хотят слышать никаких доводов, желая удовлетворять свою страсть и дальше.

Когда та или иная страсть действует слабо, человек может как-то с собой совладать, но когда она действует сильно, человек готов все что угодно сделать, лишь бы ее удовлетворить. То же можно сказать и о страсти отчаяния, которая также ослепляет человека, лишает его всякого рассуждения. Он не способен ничего понимать и не хочет слышать никаких объяснений. Он только задается вопросом о смысле жизни, на который, как ему кажется, никто ответить не может. А на самом деле все просто: человека ослепила страсть. И если мы ослеплены страстью, то не будем переносить свое безумие на того человека, который пытается нам что-то объяснить, или на те книги, в которых мы стремимся найти ответ на мучающий нас вопрос. Бывает, что человек, жаждущий услышать необходимое ему объяснение, даже очень умный, образованный, находит для себя что-то подходящее даже в проповеди простого сельского батюшки, который хотя и просто, безыскусно, но искренне говорит о каких-либо общеизвестных вещах. Поэтому все зависит не столько от предлагаемых нам объяснений, сколько от нашего собственного состояния.

Итак, истины христианства мы должны постигать прежде всего опытно. Пока мы не постигнем их на опыте, у нас всегда будут возникать вопросы. Вопросы, которые часто имеют своим основанием не действительную жажду знания, а желание себя оправдать. Когда же мы истины христианства переживаем, усваиваем всем своим существом, когда мы живем по Евангелию, а не только смотрим на него со стороны, тогда различные отвлеченные вопросы перестают нас волновать. Заметьте: подвижники благочестия, так называемые исихасты, как говорит Григорий Палама, часто избегали даже чтения святоотеческих книг. Читали только то, что относится к внутренней жизни. Преподобный Иоанн Лествичник рассуждает о том, что безмолвствующему небезопасно пускаться в исследование догматов. Об этом говорят и другие святые отцы. Таким образом, для некоторых людей умственные упражнения, связанные с изучением каких-либо предметов и вообще с чтением книг, были вредны, так как мешали молитве, и они искали внутренней простоты, искусственно создавали ее для

себя, чтобы больше сосредоточиться. Отрекались от образования, от знания умственного ради знания истинного, опытного. И когда человек приобретает цельность натуры (заметьте, что слова *будьте просты, как голуби* по-славянски звучат так: *Будите цели яко голубие*), тогда он уже действительно живет в благодати, тогда он, может быть, и чудеса способен творить. По крайней мере, одно чудо с ним обязательно происходит – это его собственное нравственное преображение.

Читать святоотеческие книги нужно и полезно – но не ради насыщения умственного голода, а ради того, чтобы знать, как нам исполнять волю Божию. Иногда как будто бы очень возвышенные, отрешенные от обыденной реальности вещи на самом деле многое нам объясняют и помогают нам сориентироваться в собственной жизни. Так мы должны читать все святоотеческие книги, даже догматические, которые как будто бы не имеют отношения к нашему образу жизни. Пусть какой-нибудь возвышенный догмат не имеет отношения к нашей жизни именно теперь, но он является общим ориентиром для всех христиан, в том числе и для нас. И может быть, когда-нибудь, в этой жизни или в будущей, мы приблизимся к постижению этого догмата, познаем, например, тайну Пресвятой Троицы. Если же мы эти возвышенные ориентиры потеряем, то в конечном счете можем заблудиться и вообще отпасть от Церкви. Потому и теория имеет значение, но именно как руководство. Пусть даже мы никогда и не дойдем до глубокого познания догматических истин, но все равно мы должны их знать, для того чтобы пребывать в границах Церкви.

На следующей беседе я продолжу тему нашего разговора и попытаюсь рассказать о том, как святые отцы рассуждают о сотворении человека, о его предназначении.

* * *

Вопрос. Простота душевная и простота умственная – это разные вещи?

Ответ. Умственная простота – это та, о которой говорится: простота хуже воровства. А про душевную простоту сказано: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни

одного». Умственная простота – это, проще говоря, глупость или, скажем так, ограниченные умственные способности.

Вопрос. Сопутствует ли простоте ума простота душевная?

Ответ. Не всегда. Человек может быть очень умным, образованным, иметь необыкновенно развитый интеллект и при этом обладать душевной простотой. А человек простой по уму, глупый, может быть очень самоуверенным, воображая, что он великий философ.

Возьмем для примера наших большевиков. В основном это были люди малограмотные, хотя среди них были и образованные, допустим Ленин. Среди вождей встречались люди умные (хотя Иосифа Виссарионовича умным не назовешь), а вот те, кто к ним примкнули, так называемые рабоче-крестьянские массы, были люди совершенно простые, но настолько уверенные в своей правоте, фанатично уверенные, что готовы были мать родную расстрелять, – так они и делали. Так что глупость при необыкновенной самоуверенности – это страшно. Неизвестно, что страшнее: человек умный и лукавый или глупый и самоуверенный. Ведь эти простые и самоуверенные люди сколько дров наломали! Собственно, все делалось их руками, кровь проливалась их руками. Если бы эти фанатики не послушались кучки негодяев, интеллигентных или полунинтеллигентных, тогда бы ничего этого у нас в стране не произошло.

Простота душевная должна быть в человеке обязательно, вне зависимости от того, умный он или глупый. Если нет душевной простоты, простота умственная, иначе говоря, необразованность не делает тебя автоматически добрым человеком. Поэтому русская пословица (а пословица – это вековая народная мудрость) и говорит, что простота хуже воровства, то есть от глупого человека больше вреда, чем от вора.

Вопрос. Вы сказали, что Спиридон Тримифунтский был невежественным, но ведь он был святителем? Разве он не знал даже грамоты?

Ответ. Я не знаю, был ли он грамотным, но он был малообразованным. Когда на I Вселенском соборе он пытался

выступить, произнести речь против одного философа, то прочие святители его удерживали: ты, мол, необразованный, не говори. А он все-таки настоял и сказал очень простую речь, но она дышала такой верой, такая благодать была в его словах, что этот философ обратился в христианство. Известно чудо, которое святитель Спиридон сотворил на этом же Соборе в доказательство того, что Бог Един в Трех Лицах, в Трех Ипостасях. Он взял кирпич, сдавил его, и вверх пошел огонь, вниз потекла вода, а в руке осталась глина. Это означало, что если в кирпиче совмещаются огонь, вода и глина, то нет ничего невозможного и в том, чтобы Бог был Единым в Трех Лицах.

В этом же Соборе участвовали и образованные люди, такие как Афанасий Великий, настоявшие на введении в Символ веры слова «единосущный», как точного термина, правильно изображающего учение о Пресвятой Троице, о единосущии Бога Сына Богу Отцу. Так что, получается, все нужны: и простые, и образованные.

Самое главное – это духовная жизнь. Если она есть, значит, будет польза и от ума, а если нет, тогда что толку от нашей образованности? Нужно понимать, что мы поступили не в богословский институт, а в монастырь. Мы пришли не изучать богословие, а спасать свою душу от вечных мук. Конечно, изучать богословие не запрещается, некоторым это, может быть, нужно и полезно, но все же для нас самое главное – это забота о своей душе. Как говорили некоторые отцы, богослов тот, кто чисто молится.

Вопрос. Можно ли видеть смысл жизни в стяжании Иисусовой молитвы? Или нужно думать о спасении вообще?

Ответ. Важнее думать о спасении вообще. Если мы сосредоточимся на мысли о стяжании Иисусовой молитвы, то мы средство превратим в цель. Поэтому не нужно думать о стяжании Иисусовой молитвы, о достижении высоких молитвенных состояний. Иисусова молитва – это средство. Наше дело – напрягаться в молитве, искать в ней внимания и, может быть, даже некоторого развития, но все это делается ради спасения. Собственно, необходимо искать одного только внимания, и сосредоточение ума в сердце нужно для того,

чтобы преуспеть во внимании. Чем внимательнее ты молишься, тем бо льшим будет твое покаяние, и ты сможешь умолить Бога о прощении своих грехов и о том, чтобы Он помог тебе очиститься от страстей. Вот для чего мы занимаемся Иисусовой молитвой. Поэтому делать целью саму Иисусову молитву – это неправильно, это очень серьезная ошибка, которая может привести к прелести или по крайней мере к искажению системы ценностей. Получается, что мы ищем не спасения, а совершенства. А мы должны понимать совершенство в том смысле, что мы всё совершили для своего спасения, а не в том, что достигли какого-то абсолютного состояния. Всякий человек, даже великий праведник и чудотворец, нуждается в спасении. Сын Божий, пришедший на землю, принял на Себя имя Иисус, которое означает, по разным переводам, либо «спаситель», либо «спасение Божие».

Вопрос. Как понять слова игумена Никона (Воробьева) о том, что можно исполнить все заповеди и оставаться при этом гордым человеком? Значит, можно иметь и сердечную молитву и быть гордым?

Ответ. Наверное, игумен Никон имел в виду внешнее исполнение заповедей: человек вроде бы ведет нравственный образ жизни, а внутреннего внимания к себе у него нет, тогда в нем бывает гордость, фарисейство. Об этом же рассуждает схимонах Василий Поляномерульский. Он говорит, что мы, внешне всё делая правильно, таким образом можем питать внутреннего фарисея. В чем состояло собственно фарисейство? Фарисеи (в переводе с древнееврейского «отделенные») отделяли себя от прочих, нерадивых иудеев и считались людьми особенно праведными. Может быть, некоторые из представителей этой секты и были лицемерами, но в основном это были люди, старавшиеся исполнять все предписания Моисеева закона. Однако вместе с тем они приобретали гордость – самый страшный из пороков. И мы также можем начать гордиться, исполняя заповеди, которые относятся к внешней деятельности. Гордость возникает в нас и тогда, когда мы исполняем заповеди, не понимая их до конца: мы не умеем

строго применить к себе ту или иную заповедь и нам кажется, будто мы ее уже исполнили.

Человек, внимательный к себе (а такими бывают, за редким исключением, только те, кто занимается непрестанной Иисусовой молитвой), видит, что, исполняя всякую заповедь, он оставляет некоторую примесь нечистоты. Допустим, примешивается гордость, тщеславие, какие-то другие страсти. Он видит, что он исполняет заповедь не до конца, что можно соблюсти ее еще более строго, преуспеть в исполнении этой заповеди еще больше. Такой человек никогда не бывает собою доволен, он все больше и больше смиряется, почитает себя ничего не сделавшим и только начинающим. А человек, не занимающийся умным деланием, из-за своего, если так можно выразиться, поверхностного взгляда на вещи предполагает, что он уже все или хотя бы самое главное исполнил, и потому гордится.

Что касается того, можно ли иметь сердечную молитву и быть гордым, то это возможно. Бывает, что человеку даруется сердечная молитва за какие-то душевные качества, или ради ожидающих его искушений, испытаний, или вообще по каким-то необъяснимым причинам, но это не значит, что он достиг бесстрастия. В нем могут очень мощно действовать все страсти, порой самые гадкие и для монашествующих совершенно неподобающие, такие как блудная страсть или сребролюбие. Может действовать также и гордость. Поэтому человек, имея сердечную молитву, должен обращаться с ней как с оружием, которое ему дано для борьбы со страстями, а не считать ее дарованием или наградой. И пусть он не думает, что, имея такую молитву, он уже спасен. Он может потерять все, в том числе и молитву, если будет проявлять нерадение в борьбе со страстями, в особенности, если поддастся гордости.

Вопрос. Мне гораздо труднее отогнать греховное чувство, чем конкретные помыслы. И помысел, и чувство исходят из сердца, но как приходит помысел, я вижу, а как возникает чувство, не понимаю. Насколько надо быть внимательной, чтобы уметь различать и чувства?

Ответ. Когда человек преуспевает во внимании, он начинает видеть в себе малейшие изменения. Чем помысел отличается от чувства? Бывают помыслы явные, грубые, их мы различаем, а бывают очень тонкие. Мы приняли такой тонкий помысел, согласились с ним, он вызвал чувство, а мы недоумеваем: «Почему мы не различаем чувства?» Все начинается с помысла. Если ум чистый, то в нем не может быть и никакого греховного чувства. Я думаю, что чувство – это либо незамеченный и принятый помысел, либо помысел столь постоянный и привычный, что это, можно сказать, уже страсть, поэтому и отогнать его трудно. Представьте: приходит человеку какая-то явно нелепая, дикая мысль. Он думает: «Экая глупость!» – и помысел отбрасывает. А если, допустим, у болтливоего человека возникает желание с кем-то поговорить, то он, пожалуй, этого греховного помысла и не заметит: он для него привычен и естественен. Вот, у него в душе тоже «чувство» – желание поговорить.

Вопрос. Батюшка, а разве не бывает так, что без всякой причины возникает, например, чувство уныния или какой-то безотчетный страх? Могут ли подобные ощущения быть вызваны демонами?

Ответ. Как это может быть – страх без помыслов? Ты же все равно что-то думаешь, например: «А вдруг у меня за спиной кто-то стоит!» Бывало, конечно, что у некоторых подвижников возникал беспричинный страх, ощущение присутствия нечистого духа, но они ведь тоже, чувствуя страх, начинали думать, почему он появился.

Наверное, демоны могут вызвать у человека некоторые ощущения. Если же мы с помощью молитвы отрешаем ум от возникшего чувства, пусть это даже будет блудное ощущение, страх или какое-то болезненное состояние, – оно остается для нас посторонним. Все равно на это должно быть наше согласие или несогласие.

Вопрос. Батюшка, а как быть, если с помыслом ты вроде не согласна, отвергаешь его, а чувство все равно есть?

Ответ. Если чувство есть, значит, и помысел тоже есть. Значит, тебе только кажется, что ты отвергла помысел. Под

помыслом имеется в виду не только конкретная мысль, но и некоторое смутное ощущение – хочешь, называй это чувством. У тебя есть помысел страха – ты боишься. Если есть чувство, значит, ты уже поддалась помыслу, приняла его, согласилась с ним.

Вопрос. Но бывает такое, что чувствуешь страх без помыслов. Вроде ничего тебе в данный момент не угрожает, а чувство присутствует.

Ответ. Если ты видишь в себе страх, а помысла не видишь, значит, ты конкретные образы отбрасываешь, а общие – не можешь, принимаешь их. Страсть не обязательно действует так, что сразу возникает явный помысел. Сначала может возникнуть общий помысел, как бы напоминание о страсти, и когда ты его принимаешь, он становится более конкретным. Например, у тебя помысел, что тебя ударят. Ты замечаешь, как принимаешь его: сначала прилог, потом сочетание и так далее. Но может прийти помысел общий, что кто-то может причинить тебе боль. Ты согласилась, что может быть такая ситуация: допустим, идешь ты по улице и кто-нибудь к тебе подскочит, ударит. Потом ты начинаешь думать: а кто может ударить? Ты уже начинаешь беседовать с помыслом, и он развивается, хотя и не так, как бывает при сочувствии ему, а в смысле большей ясности и четкости.

Нужно молиться и не глядеть умом на то чувство, которое у тебя возникает. Ты отвори от него свой ум и увидишь, что это не чувство, а тот же самый помысел, только смутный. Какая разница, как его назвать? Важно, что принимать его не нужно. Ты назвала его чувством, и сама запуталась. Дело ведь не в термине, а в том, какое явление за ним скрывается.

Вопрос. Получается, чувство – это вторая стадия помысла?

Ответ. Можно сказать, что это неразвившийся, неясный помысел. Есть помыслы, имеющие конкретное выражение, например, в зрительном образе или в словесной формулировке. А может этой конкретной формы, словесной или образной, не быть. Но помысел есть.

Вопрос. Рассказывая о ереси антропоморфизма, вы говорили о том, что нельзя во время молитвы представлять

себе Бога в виде человека. А я в одной книге прочитала такую историю. Одного простого сапожника укорили в том, что он молится Богу как человеку. Он говорил, что хотел бы развязывать ремни у сандалий Спасителя. Сапожник от укора сильно огорчился. Однако Бог упрекнул обличителя, сказав: «Зачем ты отогнал от меня моего раба?» Получается, Ему была угодна такая молитва?

Ответ. Этот сапожник не воображал себе Бога в виде человека и не приписывал Ему человеческих черт, просто он в молитве беседовал с Ним, как с человеком. В этом ничего плохого нет, наоборот, к этому нужно стремиться. Я не имею в виду, что надо проявлять некую дерзость и молиться без благоговения, но говорю о стремлении общаться с Богом так, как будто ты общаешься с человеком, который стоит с тобой рядом. Видимо, этот сапожник преуспел в молитве благодаря своей детской простоте, о которой говорили и преподобный Антоний Великий, и святой праведный Иоанн Кронштадтский, и другие подвижники благочестия. Поэтому никакого противоречия здесь нет.

Что касается ереси антропоморфизма, то ее суть состояла в том, что Богу приписывали человеческие свойства. Когда мы пытаемся понять некоторые свойства Бога, мы приписываем Ему человеческие качества, но при этом осознаём, что на самом деле Бог ими не обладает. Допустим, в одном из псалмов говорится: *Востани, вскую спиши, Господи* (Пс. 43, 24). Конечно, Бог не спит, но мы изображаем Его спящим, поскольку нам кажется, что Он забыл о нас. Можно привести много других подобных примеров. В сегодняшней проповеди я говорил, что Господь Иисус Христос в притче изобразил Бога Отца как милосердного родителя, для того чтобы мы поняли, какую любовь Он к нам испытывает. Он как ласковый отец, который и добрым и злым детям делает добро, потому что он их любит, потому что это его родные дети. И когда Священное Писание или святые отцы приписывают Богу некоторые человеческие свойства, то делается это лишь для того, чтобы объяснить некоторые истины Божественного бытия. В то же время они всегда делают оговорку, что на самом деле то или

иное сравнение – это только образ. Бог есть Дух, и описать Его невозможно. Антропоморфисты же считали, что Бог имеет человеческий облик.

Вопрос. Вы нам говорили, что нельзя молиться так, как молятся дети, обращаясь к Господу «Боженька». Но ведь дети искреннее взрослых, и их искренность, мне кажется, лучше нашей безвидной молитвы.

Ответ. Не думаю, чтобы дети молились лучше, чем взрослые, за редким исключением. Может быть, какой-нибудь избранник Божий уже в детстве молился так, как молятся взрослые. Пусть дети и обращаются к Богу искренне – «Боженька», но мы редко слышим, чтобы дети творили чудеса, ходили по воде, пророчествовали или во время молитвы поднимались на воздух. Для того чтобы стяжать милость Божию, одной простоты мало, нужен подвиг. Детская простота – это по большей части простота ума, а не души. Она сопровождается простотой души лишь потому, что дети – существа еще неразвитые. И одно дело – быть простым ребенком, и другое – быть простым, как ребенок.

Так что это представление о том, будто наша безвидная молитва менее угодна Богу, чем молитва детская, – наивно. Если ребеночек четырех лет будет говорить: «Боженька, прости мою мамочку, папочку и бабушку», неужели это будет Богу угоднее, чем молитва какого-нибудь подвижника благочестия, созерцающего Божественный свет?

Вопрос. Как понять изречение «догмат выше заповеди»?

Ответ. Это значит, что вероучение выше нравственности. Не в том смысле, что мы можем знать догматы и пренебрегать заповедями, а в том, что нравственность без правильной веры не будет спасительной. Впрочем, справедливо и обратное: если будет правильная вера, но не будет нравственности, то одна вера нас тоже не спасет.

Вопрос. Я знаю людей простых, искренних, но неверующих. Когда начинаешь говорить с ними о Боге, то они становятся даже злобными. Какие душевные качества необходимы человеку для того, чтобы он был верующим?

Ответ. Под простотой мы имеем в виду не только искренность человека, но и то, что он не гордый, не тщеславный. Мне кажется, что и целомудрие тоже есть некоторое свойство простоты. Искренность – это не единственное качество, нужное для того, чтобы быть верующим. Бывает иногда, что к вере обращается человек гордый и лукавый и потом кается, подвизается, старается очистить себя от этих отвратительных страстей. И бывает, что простой человек остается холодным к вере. Так что простота – это не единственное свойство, необходимое для спасения, хотя одно из самых важных.

Кроме того, нужно отличать врожденную простоту от той простоты, которая приобретается подвигом. Конечно, человеку простому от природы, если он трудится над собой, легче приобрести благодатную, евангельскую простоту, но это не значит, что человек от природы хитрый или горделивый не может с помощью благодати Божией изменить свою натуру. И наоборот: человек, имеющий от природы душевную простоту, может увлечься соблазнами и потерять ее, сделаться лукавым или же, оставшись простым и искренним, стать, скажем, развратником, пьяницей или вором.

Человек свободен. Нет такого душевного свойства, которое предопределяло бы поведение человека, порабощало бы его. Он может пренебречь как внешними факторами: воспитанием, образом жизни, накопленным опытом, грехами, так и душевными свойствами, которые стесняют его и мешают прийти к Богу. Но он может, как я уже сказал, пренебречь и добрыми свойствами, которые помогли бы ему прийти к вере, и тогда, наоборот, отдалиться от Господа.

Вопрос. Когда читаешь о том, какие страдания претерпевали христиане в периоды гонений, становится страшно: если бы мне пришлось испытать нечто подобное, то перенес бы я это? Можно ли к таким страданиям как-то подготовиться?

Ответ. К страданиям нужно готовиться в борьбе со своими страстями. Замечу, что одно из значений церковнославянского слова «страсть» – «страдание». Нужно

понимать, что греховные навыки, имеющиеся у нас, в аскетике расцениваются как страдания, от которых мы должны избавиться. Действительно, для человека, стремящегося к целомудрию, блудная страсть – это страдание. Для того, кто хочет быть кротким, гнев – это страдание, для человека, жаждущего смирения, гордость – это страдание. Борьба со страстями приносит человеку душевное, а в некоторых случаях (например, при блудной страсти, гневе, чревоугодии) и телесное мучение.

Готовиться к страданию – это значит, повторю, бороться с теми страстями, которые в нас есть, и стяжать благодать Божию. С помощью благодати Божией мы сможем подготовиться к этому настолько, насколько для нас возможно. Все зависит от произволения человека. Если придут такие тяжелые испытания (не дай Бог, конечно), то человек сможет устоять только в том случае, если будет усердно молиться, прилепляясь всей душой к Богу, и если он будет подготовлен предыдущей борьбой со страстями. Ведь физическое мучение – это та же самая борьба, что и духовная, только проходит она бурно и стремительно. То, что монашествующие переживают на протяжении многих лет, мученики испытывали, может быть, в течение нескольких часов, но суть их подвига та же. Если же человек не имеет твердого произволения и навыка сопротивления страстям, то он в этой борьбе теряет благодать, а силами своего естества устоять не может и падает.

Подготовиться к страданиям можно усердным подвигом, и если бы кто-то стяжал обильную благодать Божию, какая была у первых христиан, то он, наверное, был бы готов к мученичеству. Хотя мы знаем, что и во времена, близкие к нашим, в 20–30-е годы XX века, новомученики Российские – обыкновенные люди, жившие в обществе, похожем на нынешнее, – терпели за Христа ужасные страдания и проявляли твердость. Мы не знаем, что именно они испытывали, но известно, что некоторые из них даже и в лагерях приобретали благодать Божию, совершенствовались. Они не боялись смерти. Правда, они так страдали, что смерть для них была приобретением, хотя бы в смысле избавления от страданий.

Вопрос. Замечаю, что при умственной молитве внимания больше, чем при сердечной. Из-за этого я не молюсь сердечной молитвой. Почему так происходит?

Ответ. может быть, еще не получается молиться в сердце. Иногда бывает, что человек уже обладает навыком молиться умственно, но еще не имеет навыка молиться в сердце. Он выбирает ветхое, устоявшееся вино, а нового вкушать не хочет. В Священном Писании сказано: кто пьет ветхое, тот не хочет пить новое. Но если человек будет упражняться в сердечной молитве (конечно, с совета старицы) и несколько преуспеет, тогда уже не захочет отвлекаться от нее, потому что почувствует бóльшую пользу, бóльшее утешение.

Вопрос. можно ли выработать в себе душевную простоту и как это сделать?

Ответ. От лукавства человека избавляет прежде всего исповедь, откровение помыслов, послушание. Молитва Иисусова и вообще умное делание также постепенно изменяет человека: во внутренней борьбе со страстями он вынужден постоянно познавать свою немощь и смиряться, а от этого душа его упрощается. Потому что на самом деле гордость и лукавство – это почти одно и то же. Смирение и простота также почти одно и то же. Если человек смиряется, то начинает смотреть на себя проще, ничего из себя не строит, избегает всего, что может лишить его благодати, и таким образом его душа постепенно изменяется.

Вопрос. Преподобный Амвросий Оптинский пишет о том, что человеку, молящемуся устной Иисусовой молитвой, невозможно впасть в прелесть. По этой ли причине святые отцы советуют новоначальным начинать именно с устной молитвы?

Ответ. Я не согласен с тем, что человеку, молящемуся устной Иисусовой молитвой, невозможно впасть в прелесть. В прелесть можно впасть даже и не молясь Иисусовой молитвой, а читая, допустим, псалмы. Это происходит не от того, что мы читаем ту или иную молитву, а от гордости и, пожалуй, от неопытности. Предположим, при устной молитве впасть в прелесть труднее, потому что в этом делании нет каких-то

опасных моментов. Но неужели при устной молитве не может развиваться, например, неправильное воображение? Конечно, может. Человек, молясь устно, может представлять себе, допустим, райские обители или что-то еще – таким образом, он уже на пути к прелести.

Вопрос. Иногда в житиях читаешь о том, что святые подумали в той или иной жизненной ситуации. Откуда составители житий узнавали о внутренней жизни святых, разве они открывали это кому-либо?

Ответ. Во-первых, они могли и открывать. Во-вторых, если мы знаем об образе жизни святого, о том подвиге, который он нес, то мы можем догадаться и о его мыслях. В-третьих, может быть, сами составители жития приписывали им те или иные мысли или слова, чтобы сделать житие более интересным и поучительным, – так сказать, влагали в их уста свои рассуждения.

Вопрос. Может ли духовная жизнь развить в человеке эстетическое чувство?

Ответ. Это необязательно. Но бывает, что у человека возникает любовь к красоте. Можно привести в пример размышления о природе, которым часто предавались многие подвижники благочестия, их богомыслие при созерцании красоты природы. Эти люди видели в совершенстве природы любовь и премудрость Божию. Значит, здесь было и эстетическое чувство. Некоторые подвижники (не только монахи, но и просто люди святой жизни) строили монастыри, храмы.

Как появилась наша великолепная церковная культура? У людей, проводивших истинно христианскую жизнь, изменялось душевное состояние, и это отражалось на том, что они делали. Ведь не было так, что подвижники жили духовной жизнью, ничего не делали, нанимали каких-то людей – бездуховных, чуть ли не неверующих – и те им строили храмы, писали иконы и так далее. Понятно, что подвижники сами занимались и тем и другим. Так что, я думаю, духовная жизнь может повлиять на эстетическое чувство. Но это, повторю, необязательно. Может быть такое, что человек весьма высокой

духовной жизни имеет возвышенные духовные дарования, а эстетическое чувство у него не развито.

Вопрос. Можно ли заниматься земными науками ради прославления Бога?

Ответ. Я не думаю, чтобы в этом прославлялся Бог, разве только тогда, когда человек благодарит Господа за дарованные ему способности. Вообще, это занятие направлено отнюдь не к тому, чтобы прославлять Бога, а скорее к тому, чтобы удобно и уютно устроить свою земную жизнь и найти такой способ существования, при котором не возникало бы нужды искать помощи Божией. Хотя в некоторых людях, усердно занимающихся земными науками, проявляется чрезвычайное благочестие и благоговение.

Вопрос. Можно ли извлечь какую-то пользу в духовной жизни от такого чувства, как злость?

Ответ. Если у тебя много злости, лучше ее все-таки никак не использовать, а искоренять в себе. Святые отцы говорят, что гнев можно и нужно направлять против греха и против ересей, то есть заблуждений, но злость и гнев – это все-таки, мне кажется, разные вещи. Гнев – это, можно сказать, нейтральное свойство: все зависит от того, на что он будет направлен. А злость предполагает, что человек уже поддался страсти. Само слово происходит от слова «зло», как же из этого может выйти добро?

Вопрос. Нужно ли начинать приобретение добродетелей с механического исполнения заповедей, ничего не анализируя? Например, на каждый помысел осуждения отвечать себе: «Молчи, ты хуже всех» – и так напряжением воли подавлять в себе по мере сил любую страсть?

Ответ. Я не знаю, уместно ли именно так возражать помыслу – об этом надо посоветоваться со старицей. Но бороться со страстью действительно нужно «механически», ничего не анализируя. Если мы будем анализировать, то всегда найдем оправдание своей страсти: как же не осудить сестру, когда она такая-то и такая-то? Мол, все же это видят, а вы мне говорите не осуждать. Пока мы поймем, что этот помысел греховный, то уже согрешим тысячу раз. Помысел нужно

отсекать, а не анализировать его. Анализ – это собеседование с помыслом.

О смысле жизни²⁸

На прошлой беседе мы с вами говорили о том, что необходимо быть смиренными, покорными воле Божией. Даже если человек не понимает, для чего он создан, но слушается Бога и, если можно так выразиться, верит Ему, то чувствует осмысленность своего существования. Да и сама вера в Бога уже придает жизни человека смысл: он служит Господу всей душой, всем своим существом и не задается вопросом «для чего живет человек?» Поэтому прежде всего нужно стремиться к тому, чтобы твоя собственная жизнь была наполнена смыслом, чтобы она имела значение. А уже из своего опыта ты сможешь судить и о других людях и понять, для чего вообще создан человек.

Отчего у человека возникает вопрос о смысле жизни? От внутренней пустоты, от того, что человек лишился благодати. Этим вопросом может задаваться как человек неверующий, то есть совершенно лишенный действия благодати, так и верующий, но по какой-то причине – из-за грехов, из-за суетности – опустошившийся. Тогда в нем воскресает сомнение; словно из небытия возникает то, что будто бы уже окончательно ушло из его души, то, что в минуты блаженства казалось ему забытым. Так было с апостолом Петром: во время преображения Спасителя на Фаворе он ни о чем земном не помышлял, но прошло какое-то время, начались искушения, в особенности во время Гефсиманской ночи, и он даже трижды отрекся от Господа.

Получается, что, в зависимости от того, присутствует ли благодать в душе человека или по каким-то причинам уходит, человек понимает смысл жизни или перестает его понимать. Когда благодать действует в душе человека, в его уме, то ему кажется, что он все понял и может это объяснить, все для него становится ясным, четким, определенным. Но благодать человека оставляет – и у него опять недоумение, все путается, прежние убедительные доводы кажутся теперь совершенно неубедительными, какими-то легкомысленными. Человек

пытается найти новые аргументы, но он их не найдет, пока в его душе снова не начнет действовать благодать: тогда, может быть, первоначальные доводы вновь покажутся вескими или же в его уме появятся новые рассуждения, новые доказательства. Не от собственных усилий, подчеркиваю, а от действия благодати. Мы знаем, что святые отцы, писавшие на догматические и нравственные темы или вступавшие в полемику с язычниками и безбожниками, приводили множество всевозможных доводов, с помощью которых убеждали людей в истинности православного вероучения, необходимости нравственной жизни. Находить эти аргументы им удавалось не только потому, что они были чрезвычайно умными людьми, но и потому, что благодать Божия их вразумляла, придавала им особенное вдохновение, как бы окрыляла их ум.

Я уже говорил на прошлой беседе: когда человек соединен с Богом, у него нет никакой необходимости рассуждать о чем-либо, тем более о смысле жизни. А при полном единении с Богом человек вообще теряет способность рассуждать о земных предметах так, как о них рассуждают обычно, пытаюсь собственным разумом понять их смысл и соотношение между ними. Он смотрит на предметы так, как внушает ему Дух Святой, понимает их так, как ему открыто свыше.

Преподобный Симеон Новый Богослов, говоря о познании Бога, предлагает прекрасный образ: человек стоит на берегу и взирает на огромный, безграничный океан, столь великий, что он не может окинуть его взором. Но все-таки он что-то видит: видит поверхность воды, сливающуюся с горизонтом бесконечность. Таково познание человеком Бога, когда он еще не соединился с Ним. Человек стоит и в благоговейном ужасе созерцает величие Бога, Его всебесконечное совершенство. Когда же человек погружается в океан, то есть соединяется с Божеством, тогда уже не видит всей этой безграничности: он уже в океане, он в каком-то смысле (конечно, не теряя при этом своего самосознания) сливается с этим океаном. И тогда он испытывает полное блаженство богообщения, неопишемое для не испытавших этого. То же самое можно сказать и о познании смысла жизни.

Когда человек рассуждает о том, в чем состоит смысл жизни, он смотрит на предмет своих рассуждений как бы со стороны, но когда он на самом деле это понял, тогда он уже, может быть, даже и не способен размышлять на эту тему, да и не нуждается в этом.

Наверное, никто из апостолов или пророков о смысле жизни не думал. Если они и говорили на эту тему, то не потому, что сами нуждались в таких рассуждениях, а потому, что желали объяснить это другим из любви к ближним. А те подвижники, жизнь которых проходила в подвиге уединения и служение которых не заключалось в обращении людей к истине, даже и не пытались размышлять о смысле человеческой жизни и вообще избегали общения с людьми. Таким был, например, преподобный Арсений Великий. Многие люди, пытаясь вступить с ним в беседу, испытывали огорчение, потому что он чуждался всяких, даже самых кратких, разговоров. Монахи приходили к нему за наставлением, преодолев много километров пути. Преподобный Арсений их приветствовал, они садились у него в келии, а он занимался рукоделием и ни слова им не говорил. Посидев несколько часов, братья уходили, так и не получив наставления. Почему он так поступал? Потому что он искал прежде всего единения с Богом и следовал полученному им от Бога откровению: «Арсений, бегай людей, безмолвствуй и спасешься».

А ведь до того, как уйти в пустыню, Арсений Великий был учителем царских детей, был приближенным императора, владыки всего цивилизованного мира того времени. Будучи одним из самых образованных людей Римской империи, он хорошо знал философские учения, существовавшие в то время. А философы всегда пытались дать ответ на вопрос о смысле человеческого бытия. Однако всем этим он пренебрег, ради того чтобы на опыте познать то, о чем всего лишь рассуждали люди, не знавшие ответа на этот важный, достойный размышления вопрос: в чем смысл человеческой жизни?

Однажды Арсений Великий беседовал с египетскими подвижниками. Почти все они происходили из простых крестьян, были людьми безграмотными, невежественными, порой не

знали и греческого языка, который в то время был языком всех культурных людей мира и считался международным, может быть, даже в большей степени, чем сейчас английский. И некто, присутствовавший на беседе, спросил Арсения: «Как ты, человек образованный, можешь беседовать с этими египтянами, людьми невежественными?» Преподобный ответил ему: «Да, я человек образованный, но азбуку этих египтян я еще не выучил». Под азбукой он имел в виду те духовные познания, которые египетские монахи уже приобрели своим подвигом и которые преподобный Арсений пытался у них позаимствовать. Этот человек по-настоящему искал смысл жизни. Он оставил столицу мира, Константинополь, называемый греками мегалополисом, то есть «великим городом», а русскими впоследствии – Царьградом, и ушел к самым невежественным, некультурным людям того времени, безграмотным египтянам, коптам – учиться у них духовной грамоте. Не для того, чтобы читать аскетические книги, запоминать отдельные изречения и потом искусно рассуждать на ту или иную тему, как это часто делаем мы, а для того, чтобы учиться самому этому духовному деланию.

Пример Арсения Великого показывает нам, каким образом нужно искать смысл жизни. Искать его нужно не в книгах, а в самой жизни. Ты можешь прочитать гору книг, но остаться полным невеждой, совершенно безграмотным, ни к чему не способным. Представьте себе человека, который, сидя дома, читает книги о путешествиях. Но сам он не имеет никаких навыков для того, чтобы совершать путешествие: не знает, как ориентироваться на местности, как поставить палатку, как разжечь огонь. Если такой человек и отправится в путь, то в первый же день увидит полную несостоятельность своих мечтаний, которые он лелеял, читая книги в своей уютной комнате. Итак, мы должны, выражаясь просто, смысл жизни не понять, а пережить.

А теперь перейдем к теоретическому объяснению смысла человеческой жизни, основанному на Священном Писании. Святые отцы, истолковывая Писание, рассказывают нам о том, для чего был сотворен человек, что с ним произошло

потом и как было восстановлено и возвращено человеку то, что он потерял в результате грехопадения. Может быть, это слишком возвышенные предметы, о которых мы недостойны говорить, и лучше было бы на этом остановиться: не мудрствовать высоко, а попытаться приобрести познания на опыте – но поскольку такой вопрос возник, то я постараюсь на него ответить.

Бог есть Существо совершенное и всеблаженное, вседовольное, ни в ком и ни в чем не нуждающееся. Пребывая в Самом Себе, Он мог бы и не творить видимого и невидимого мира. Творение мира произошло не потому, что в этом была какая-то необходимость или это было некой потребностью Божества. Еще прежде создания мира Бог наслаждался благодатью Своего существования, которая для нас непостижима. Сколько времени это длилось, мы не можем сказать, поскольку понятие времени к бытию Божию неприменимо. Мы допускаем некоторую условность, когда говорим, что Бог существовал вечно, то есть употребляем глагол в прошедшем времени. Итак, пребывая во всеблаженном состоянии, наслаждаясь Собственными совершенствами, Собственной благодатью и желая излить ее на кого-то, Бог помыслил создать мир видимый и невидимый. Все эти слова надо понимать, как выражаются святые отцы, богоприлично – настолько, насколько они применимы к Божеству. Слово «помыслил» также нужно понимать условно, поскольку в Боге нет никакого движения, то есть Он не изменяется. Если человек сначала чего-то не хотел, а потом захотел, то это значит, что в нем произошла перемена. В Боге же, конечно, никакой перемены быть не может, поэтому все знания, которые в Нем есть, пребывали от века, в том числе и представление о сотворении мира. Почему Бог решил сотворить мир в какой-то определенный момент, а не сделал этого раньше или позже, останется для нас непостижимым.

Сначала Бог создал существа, близкие к Нему по природе, «вторые светы», как называет их святитель Григорий Богослов, то есть ангелов, и излил на них Свою благодать. Потом сотворил существа, противоположные Ему по природе, – видимый, или,

как мы его сейчас называем, материальный мир. И наконец создал человека, имеющего смешанную природу, в чем-то подобного ангелам, а в чем-то – материальному миру. Каждое существо по мере возможности принимает в себя благодать Божию. Да и само существование каждой твари уже есть проявление благодати Божией. Даже демоны – ангелы, восставшие против Бога и отпавшие от Него, – волей-неволей прославляют Его самым фактом своего существования. Они благие, поскольку существуют, и злые, поскольку противятся воле Божией, идут против собственного естества.

О людях, даже самых страшных грешниках, можно сказать то же самое: поскольку они существуют, то они благие. Зло само по себе, как нечто самостоятельное, не существует, это искажение природы, уклонение разумного существа от своего предназначения. Добро есть следование своей природе, но не такой, какой мы ее сейчас себе представляем. Все мы являемся людьми падшими, греховность стала нашим естественным состоянием, а поскольку все мы в этом смысле одинаковы, то имеем понятие о природе человека как о падшей. Мы же должны следовать природе человека в том ее состоянии, в каком она находилась до грехопадения и в каком она изображена в Библии. Сейчас же в нас существует и доброе, то, что сотворено Богом, и злое, то, что привнесено извне, что разрушает нашу природу, наше естество.

Человек должен был бесконечно наслаждаться безграничной, всеобъемлющей, глубочайшей благодатью Божией. Может быть, кому-то кажется это скучным, однообразным, однако такое впечатление возникает оттого, что человек не понимает, в чем эта благодать состоит. Когда человек в чем-то не разбирается, то ему это кажется непонятным и ненужным. Например, людям, у которых музыкальный вкус не развит, музыка кажется бессмысленным набором звуков. Грубую, примитивную музыку они еще воспринимают, а если нужно напрячь слух, то для них это почти невозможно. А люди с развитым музыкальным вкусом различают не только качество произведений, но и более или менее удачное их исполнение, уровень мастерства того или иного музыканта. Человеку, не

знающему математики, удивительно, как люди месяцами, годами сидят над решением задач, делают открытия. Ему это кажется нелепым и ненужным. Но люди, разбирающиеся в математике, не только видят в ней пользу, но и занимаются этой наукой с наслаждением.

Тем более это утверждение верно в отношении богопознания: впечатление однообразия бывает у того, кто далек от Бога и не понимает, что переживания от общения с Ним столь многообразны, утешительны для человека, что могут заменить для него все. Эти переживания не только по своей силе, но и, подчеркиваю, по разнообразию намного превосходят все земное и оказываются могущественнее, чем любые земные впечатления. Читая описания благодатных состояний, в которых пребывали подвижники в земной жизни, еще только предвкушая блаженство Царства Небесного, мы видим, что ощущения их были весьма и весьма разнообразны. Вспомните описание того, как благодать Духа Святого осенила Серафима Саровского и его собеседника, помещика Мотовилова. Вспомните описания высоких духовных переживаний преподобного старца Силуана Афонского и схиархимандрита Софрония (Сахарова), гимны преподобного Симеона Нового Богослова, поучения Исаака Сирина, Макария Великого – людей, живших в разные времена. Эти подвижники не могли насытиться общением с Богом, оно влекло их все больше и больше. Возвращаясь к обычной земной жизни с ее как будто интересным многообразием, они часто испытывали глубочайшую тоску. Об этом прекрасно пишет преподобный старец Силуан Афонский.

Нам, ничего подобного не испытавшим, все духовное кажется скучным, однообразным, мы с трудом понуждаем себя к молитве. Наши ощущения чрезвычайно примитивны – не потому, что в молитве мы соприкасаемся своими духовными чувствами с чем-то примитивным, а потому, что мы еще слишком мало познали. Мы как подслеповатые: ничего разглядеть не можем и нам все кажется сливающимся в некую серую массу. Так евангельский слепец, когда Господь его исцелял, сначала видел людей смутно, словно деревья. Не

различал ни черт лица, ни чего-либо другого, видел только фигуры, похожие на стволы деревьев. Вот так и мы смотрим на духовные предметы. Только потом, когда Господь вновь прикоснется к нам, – если это, конечно, произойдет, – мы начнем видеть все ясно.

Итак, человек изначально был предназначен для блаженства. Ему не было сказано: *Не убий, не прелюбодействуй*. Он не нуждался в этих заповедях, потому что все добродетели пребывали в нем естественно. Мы и сейчас на примере некоторых преуспевших подвижников видим, что их наполняет любовь к Богу и ближнему, что они без всякого напоминания, свободно, естественно исполняют заповеди Божии, делают то, что велит им их сердце, исполненное благодати. Тем более так было у наших прародителей, Адама и Евы: они не нуждались в наставлениях, кроме одной простейшей заповеди – не вкушать от древа познания добра и зла. Заповедь была дана им для того, чтобы они знали: они – существа изменчивые, способные перемениться как в лучшую, так и в худшую сторону, и чтобы, исполнив эту заповедь, они преуспели еще больше, достигли большего богопознания и единения с Господом.

В книге Бытия описывается, как диавол через змея, воспользовавшись им как своим орудием, соблазнил Адама и Еву, отчего произошла страшная катастрофа, коснувшаяся всего мироздания. Для видимого мира Адам и Ева были некими богами, через которых благодать изливалась на неодушевленную материю, на растения и животных. Через наших прародителей все должно было быть облагодатствовано, весь мир должен был превратиться в райский сад. Что касается размножения человеческого рода, то и оно должно было происходить, но не так, как сейчас, а иначе – возможно, подобно тому, как Ева была взята из Адама. Как и ангелы, первые два человека были сотворены Богом: Адам взят из земли, Ева взята из Адама. Господь мог бы размножить человеческий род каким угодно способом. Бог дал Адаму заповедь: *Делай и храни* (см. Быт. 2, 15), что означало: «Возделывай, превращай всю землю в райский сад и сохраняй

то, что ты сделал». Если бы он исполнил эту заповедь, вся земля превратилась бы в Эдем. Вероятно (мы можем об этом только догадываться, поскольку этого не произошло), по мере превращения земли в райский сад, она наполнялась бы вновь сотворенными людьми.

Однако Адам и Ева преслушались Бога и, как было предсказано, тотчас умерли. Хотя они прожили в теле еще более девятисот лет, но душой они умерли в тот же день. По объяснению преподобного Симеона Нового Богослова и других подвижников благочестия, как для тела смертью является разлучение его с душой, так для души смертью является разлучение ее с Духом Святым. В Священном Писании сказано, что Господь, сотворив человека, *вдунул в лице его дыхание жизни* (Быт. 2, 7). Некоторые понимают это превратно, вне контекста Священного Предания Православной Церкви: душу человека считают частью Божества. Это не так. Очень правильно и точно говорит об этом преподобный Серафим Саровский: слова *вдунул в лице его дыхание жизни* означают, что душа человека была изначально соединена с Божией благодатью. В этом и заключалась его естественная жизнь. Как глаза созданы для того, чтобы созерцать свет, – если нет света, то и глаза не нужны, – так и душа всегда должна пребывать в общении, в благодатном единении с Богом.

В Священном Писании говорится, что человек был нагим, но это не означает, что он в буквальном смысле слова был наг. Сказано так потому, что первые слушатели Божественного откровения, древние евреи, не могли вместить всей полноты истины. На самом деле наши прародители не были нагими. Да, Адам и Ева не имели одежды в том смысле, что не покрывали своих тел никакими тканями, но благодать изливалась на них так обильно, что они всегда были облечены в одеяние Божественного света и в самом точном смысле слова не видели своей наготы. Причем они были в этом одеянии света всегда, а не время от времени, как было, например, у преподобного Серафима Саровского: в один момент его лик просиял, потом благодать умалилась и преподобный принял свой обычный облик.

Адам и Ева не углублялись в рассматривание своей телесной природы, поскольку ум их был устремлен горé, то есть к Богу. Это естественное единение ума с Богом было неким окном, через которое мощным потоком вливался свет Божественной благодати, озаряя их душу и тело и даже, я думаю, все, что их окружало. Адам и Ева были двумя совершенными, блаженными существами, и понять это блаженство сейчас уже никто не может. Может быть, познали его подвижники, достигшие совершенства, – и то лишь в некоторой степени. Преподобный Макарий Великий говорит, что есть двенадцать ступеней совершенства, и человек, восшедший на высшую, двенадцатую ступень, не в состоянии всегда на ней пребывать, потому что не смог бы тогда ни есть, ни пить, ни общаться с кем-либо. Господь низводит таких людей на низшие ступени, лишая полноты благодати ради того, чтобы они служили братии. Именно такие подвижники – я думаю, к ним принадлежали и Макарий Великий, и старец Силуан Афонский, и Симеон Новый Богослов – смогли описать состояние Адама. Все постигается не иначе, как опытом, и они на своем опыте смогли хотя бы в какой-то степени проникнуть в то состояние, в котором пребывал первый человек, и познали те чувства, которые он испытал после того, как благодать Божия его оставила.

В единении с Богом, в этом бесконечном блаженстве и состоит смысл жизни, для этого и был создан человек. И Господь не переменял Своего намерения. Бывает, что мы, начав дело, не учитываем какого-то важного момента, отчего все наше предприятие расстраивается, и мы понимаем, что потерпели неудачу. Но Бог ошибиться не мог. Он знал, что произойдет падение и ангелов и людей. Некоторые наивные люди спрашивают: «Почему же Он этого не предотвратил?» Господь знал о том, что будет, и Он учел это. Это был, как выражаются некоторые богословы, Божественный риск. Любовь действует неограниченно, она не может одному преподать свое благо, а другому – нет. Любовь Божия выражается в том, что Он дал бытие не только тем существам – людям и ангелам, – которые остались Ему преданы и верны, но и тем, которые

впоследствии от Него отпали. Он ни в чем их не обделил, не лишил их существования, и в этом заключается непостижимая для человека Божественная благодать.

Бог сделал причастниками непостижимого для нас блаженства и Божественной славы всех сотворенных существ в той мере, в какой каждый мог их воспринять, – будь то ангелы, люди, животные или неодушевленная материя, ибо все они приобщились к благодати Божией через бытие. Он учел и то, что произойдет после их падения, и устроил все таким образом, чтобы впоследствии вернуть человеку утраченное им блаженство, утраченную благодать. Это было совершено через пришествие в мир, страдания и воскресение Спасителя. Благодать вновь нам возвращена, вернее, возможность обрести ее. Каждый из нас, если будет усердно трудиться (для этого ему совсем необязательно нести такие же подвиги, какие нес Антоний Великий, но обязательно трудиться над тем, что предоставляет ему Промысл Божий, над тем, что для него полезно), сможет вернуть себе утраченное блаженство, конечно, не полноту его, но залог.

Так происходило со многими подвижниками благочестия, известными и неизвестными. Некоторые из них написали об этом книги, а некоторые, переживая это в себе, не умели описать свои ощущения, а может быть, даже избегали рассказывать о своем внутреннем состоянии. Например, Арсений Великий при всей своей исключительной образованности ничего не написал, оставил только некоторые изречения. Из «Отечника» мы знаем, что он испытывал обильное действие Божественной благодати: некоторые монахи видели, что он весь был словно огненным, тело его становилось светоносным, наподобие того как светились тела наших прародителей в раю до грехопадения.

Вот в этом, повторю, и состоит смысл жизни – мы должны прийти к единению с Богом. Остальное второстепенно. Допустим, кто-то видит смысл своей жизни в том, чтобы самому построить храм, кто-то – в том, чтобы изучать богословские науки и преподавать их другим, кто-то – в том, чтобы писать иконы, кто-то – в отшельничестве, кто-то – в подаянии

милостыни. Но все это лишь средство прийти к богообщению, для которого человек и создан. Именно так нужно понимать беседу преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым о стяжании благодати: не только в том узком смысле, что мы должны все делать для того, чтобы стяжать благодать, но и в том смысле, что цель нашей жизни – единение с Господом. В этом наше предназначение. До тех пор пока мы этого единения не найдем, мы не успокоимся, никто не сможет нам ничего объяснить, как бы мудро он ни рассуждал. Только в единении с Богом как образованный, утонченно мыслящий человек, так и самый простой, может быть малограмотный, одинаково найдут покой для ума и души.

Когда каждый видит смысл жизни в чем-то своем, то выходит нелепость: один живет для того, чтобы, допустим, проектировать дома, другой – штукатурить... А для чего вообще существует человек, непонятно. Получается, что каждый существует для своей профессии. Герберт Уэллс (хотя он был, к сожалению, безбожником), пытаясь критически осмыслить современное ему общество, написал роман «Первые люди на Луне». В нем он описывает расу населявших Луну селенитов (от греческого «Селена» – Луна), похожих на гигантских муравьев. У них существовал свой общественный строй. Каждый селенит был приспособлен к какому-либо делу: селениты с большими головами были инженерами, техническими работниками, у других были развиты руки для какой-то определенной работы. Если в какой-то отрасли возникала безработица, то ненужных селенитов усыпляли. Потом, когда они вновь требовались для производства, их приводили в состояние бодрствования. Нечто подобное получается и у нас: каждый видит собственное предназначение в чем-то своем, забывая о том, что все мы являемся носителями одной человеческой природы.

Но смысл жизни у всех людей один – это единение с Богом. Разница только в том, что каждый из нас пытается приобрести это единение своим способом. Существует нечто общее, важное и необходимое для всех, – прежде всего молитва. Есть и отличия: у всех людей разные способности, один способнее к одному послушанию (в смысле труда), другой – к

другому. Есть вещи, которые, можно сказать, не имеют никакого отношения к этому главному, великому делу. Допустим, кто-то занимается светским искусством, скажем музицирует, играет на фортепиано, – в лучшем случае, это нейтрально, за счет этого человек ничего не приобретет и к Богу не приблизится. Есть вещи, которые отдаляют человека от Бога. Обычно это то, что противоречит заповедям. Занятие чем-либо нейтральным может как приблизить человека к Богу, так и удалить от Него. Например, если человек занимается накоплением богатства, то само по себе это едва ли приблизит его к Богу, может быть даже и удалит, в особенности, если это вынуждает человека кривить душой. Но если он от своего богатства начнет подавать милостыню, это может послужить его приобщению к Богу – именно милостыня, а не само богатство.

Таким образом, все, чем мы занимаемся, – это лишь средство для того, чтобы приобщиться к Богу и почувствовать действие благодати, которая нас успокаивает и не только дает нам ответ на вопрос, для чего мы существуем, но и сам вопрос изгоняет из нашего сердца, поскольку все для нас становится ясно и определенно. Когда человек уклоняется от своего предназначения, от своего естества (именно в библейском понимании), тогда у него возникает вопрос «в чем состоит смысл жизни?». Если подходить к этому вопросу с богословской точки зрения, то можно сформулировать его иначе: «Что представляет собой наше естественное состояние?» Многие, наверное, скажут, что жить надо так, как живут все: состоять в браке, воспитывать детей, стараться обеспечить им хорошее будущее. Самим быть счастливыми и дать возможность испытать это счастье своим детям. И вообще, к людям относиться по принципу «живи сам и давай жить другим». Это и есть, по мнению многих, наше естественное состояние. Но если любого человека, живущего в таком «естественном состоянии», из этой суеты на минутку удалить и спросить, для чего он живет, то он начнет ссылаться на другого. А другой тоже ничего сказать не сможет и будет ссылаться еще на кого-то. И получается, что жить как все – значит вообще не знать, для чего мы живем.

Смысл жизни – в стремлении к Царствию Небесному или, если хотите, к возвращению в Эдем, в райский сад. Иоанн Креститель и Господь наш Иисус Христос начали свою проповедь одними и теми же словами: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3, 2; 4, 17). Наша борьба с собой, покаянные слезы или умиленная молитва – все это в широком смысле слова покаяние, то есть изменение, приводящее нас к Царствию Небесному. Господь разными притчами пытался объяснить, что есть Царствие Небесное, а иногда говорил откровенно. Но понятнее всего это становится из описания события, которое Сам Спаситель назвал *Царствием Божиим, пришедшим в силу*. Вскоре после того, как апостол Петр исповедал Христа Сыном Бога Живого, Господь сказал: *Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силу* (Мк. 9, 1), а потом возвел троих Своих учеников на гору Фавор. Мне кажется, Он возвел их на гору не только потому, что хотел, чтобы никто более не видел Его преобразившимся (да и самих апостолов во время этого созерцания), но и потому, что это восхождение было как бы возвращением в рай. Как из рая человек был низвержен на землю, так, восходя на гору, он возвращался в Эдем. На Фаворе, среди первозданной природы, где не было людей, апостолы Петр, Иаков и Иоанн созерцали, подобно нашим прародителям Адаму и Еве, славу Божию, там они познали *Царствие Божие, пришедшее в силу*. Переживание апостолами этого события было настолько глубоким, что в тот момент они забыли обо всем земном, а потом на протяжении многих лет постоянно вспоминали о случившемся. Апостол Петр в своем послании свидетельствовал о преображении Господнем в доказательство познанной им истины, говоря: *Мы видели славу Его на горé* (см. 2Пет. 1, 17–18). Хотя ученики видели и воскресение Христово, тем не менее именно в преображении Его они познали, что есть Бог, что есть слава Божия, что есть Царствие Божие. Познали, по крайней мере, впервые. Может быть, впоследствии они и переживали нечто подобное, но видение славы Спасителя на Фаворе было для

них первым впечатлением такого рода, а потому самым сильным и незабываемым.

Возможно, некоторые думают, что я излагаю какие-то сложные вещи, но я лишь пересказываю то, что прочитал у святых отцов. Не все могут постичь умом, в чем состоит смысл жизни, но каждый человек, даже неразвитой, глуповатый, ленивый и грешный, может пережить это в своем сердце. А пережить – это и значит постичь по-настоящему.

Я расскажу о себе. Когда я только обратился к вере (мне было тогда двадцать один-двадцать два года), мне в руки попала книга «Отечник». И когда я читал в ней изречения святых отцов, то все это было мне неинтересно, я не видел в этом никакого смысла. Единственное, что у меня вызывало любопытство, – это описание различных случаев из жизни подвижников благочестия. А вот изречения этих самых подвижников, собранные святителем Игнатием (Брянчаниновым), – слова, которые на самом деле чрезвычайно важны, имеют большой смысл и должны приносить читающим большую пользу, – были для меня непонятны, поскольку я не имел никакого представления о духовной жизни. Таким образом, можно сделать вывод: кто хочет понять возвышенные истины, казалось бы, отвлеченные, не имеющие к нам отношения, тот должен стремиться жить по-евангельски, следовать аскетическому учению святых отцов. Тогда он рано или поздно начнет понимать (хотя бы как-то смутно ощущать) смысл и значение этих истин. Раскрытые в возвышенных поучениях святых отцов, например Григория Богослова, догматы о Пресвятой Троице, предвечном бытии Божиим, сотворении мира и прочие постигаются как нечто реальное, а не как философское рассуждение только тогда, когда человек начинает самостоятельно входить в духовную жизнь, то есть прикасается к догматам своим опытом. Сам Спаситель сказал: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

* * *

Вопрос. Благодать буквально означает «благий дар», но подается человеку в зависимости от ревности. Нет ли здесь противоречия?

Ответ. Одно дело – точное значение слова с учетом его происхождения, другое – то значение, которое мы ему придаем как термину. Говоря о благодати, мы не просто имеем в виду, что она дается как дар, но подразумеваем под этим и Божественное действие, а именно воздействие на нашу душу (иногда даже и на тело) Божества. Что касается необходимости трудиться, то ведь и в самих трудах мы тоже получаем помощь Божию.

Допустим, ты хочешь помолиться, чтобы приобрести благодать, взяла четки, а молитва не идет. Бывает же такое? Дела, совершаемые нами для угождения Богу, мы исполняем только с Его помощью (за это еще и награду получаем). Само желание, стремление к тому или иному доброду делу есть дар Божий, сама вера и даже наше существование также есть дар Божий. Правда, существование – это природный дар, а благодать дается сверх того, что мы имеем от рождения. И даже мысль о бытии Божиим уже есть действие в нас Божественной благодати.

Вопрос. Есть такое мнение, что человек умирает тогда, когда уже подготовлен к смерти. Что вы думаете по этому поводу?

Ответ. Так происходит отнюдь не со всеми людьми. Разве Иуда Искаротский был подготовлен к смерти и поэтому повесился? Ирод был заживо изъеден червями. Разве это значит, что он был подготовлен к смерти? Господь дает время подготовиться к смерти только тем людям, которые трудятся над этим и сознательно готовятся к переходу в вечность. Им Промысл Божий предоставляет такую возможность. Да и то не всегда это происходит так, как они себе представляют. Человеку кажется, что он может еще многое сделать, а Господь его забирает.

В Одессе был архиепископ Никон (Петин), выдающийся архипастырь – молитвенник, милостынник, проповедник. Он за одну службу говорил три-четыре проповеди: после Евангелия,

после Херувимской и в конце литургии. Люди его очень любили. Одной женщине как-то приснился сон, будто на стене Никольского храма (а это был нижний храм, можно сказать, подвальное помещение Успенского храма) висит виноградная лоза. И она слышит во сне слова: «Виноград уже созрел». Женщина в недоумении: что за виноград созрел? Через некоторое время владыка Никон попал в аварию. Эту аварию, вероятнее всего, подстроили коммунисты, для которых владыка был очень неудобным человеком: он был очень активный, ни в чем не уступал, всегда отстаивал интересы Церкви. После аварии он некоторое время проболел, но не оправился и умер. Похоронили его, по благословению патриарха Алексия I, в нижнем храме – именно на том месте, где женщине привиделась виноградная лоза. И тогда она поняла, что значат слова «виноград уже созрел», и рассказала о своем сне другим.

Владыке тогда было всего пятьдесят три года, он был полон энергии, сил. Умный, деятельный человек, он добивался всего, чего хотел, и имел реальные шансы стать следующим патриархом. Его очень любил патриарх Алексий I, а в то время патриаршество практически наследовалось. Патриарх Сергей как бы завещал престол патриарху Алексию I, а тот мог завещать кому-нибудь другому – тогда советская власть не разрешала избирать патриарха путем свободных выборов. Но Господь владыку Никона забрал. Почему так произошло, мы можем только догадываться; наверное, этот человек действительно «уже созрел» – хотя он и сам этого не понимал. Но сказать «уже созрел» можно только о человеке, который всю жизнь посвятил Богу, а не вообще обо всех людях. Как сказал апостол Павел, те, которые согрешают вне закона, вне закона и погибнут. А согрешающие против закона, законом осудятся. Поэтому и верующие, и неверующие, если они живут нечестиво, умирают отнюдь не в тот момент, когда они наиболее угодили Богу, а скорее тогда, когда видно, что им уже ничто не поможет.

Вопрос. Меня мучает постоянный страх, что я не спасусь. Это происходит от малодушия или от неверия?

Ответ. Страх страху рознь. Если мы действительно верим в вечную жизнь и желаем спасти свою душу, то страх для нас естественен. Его не может не быть, пока мы не уверены в том, что спасены, – а в этом, наверное, никто не может быть полностью и окончательно уверен. Поэтому нам, конечно, нужно страшиться, и этот страх должен нас воодушевлять на монашеские подвиги. Но бывает, что страх приводит нас в уныние, расслабляет. Тогда человеку, по его немощи, лучше не испытывать никакого страха, чем такой, который ввергает его в отчаяние и делает беспомощным, не способным ни к какому доброму делу. Поэтому нужно всегда советоваться со старицей, чтобы распознать: или это страх искренний, от благоговения, от веры, или же его наводят демоны для того, чтобы привести нас в уныние.

Вопрос. Можно ли во всех событиях своей жизни: встречах, удачах, неудачах – видеть действие Промысла Божия? Или это прелесть и мнительность?

Ответ. Мнительность в этом, конечно, есть. Если я проспал, не успел на автобус и опоздал на работу, начальник меня отругал и лишил премии, а я говорю, что это Промысл Божий, то это глупо. У меня был один знакомый, который делал все, что ему вздумается. Мог опоздать, не прийти на работу, полениться что-то сделать, и, когда у него бывали какие-то неприятности, – а мелкие неприятности случаются каждый день – он говорил: «На все воля Божия». И бывал абсолютно спокоен. Всех подводил и при этом сохранял незыблемое спокойствие. Правда, кончил он плохо, в конце концов лишился рассудка, потому что все это происходило у него от прелести.

Конечно, все в нашей жизни происходит по Промыслу или попущению Божию, но пытаться угадать, увидеть во всем какой-то смысл не нужно. Если ты считаешь, что на все воля Божия и не прилагаешь никаких усилий к тому, чтобы исправить свою жизнь или даже просто аккуратно исполнять возложенные на тебя обязанности, то это весьма легкомысленно и глупо. Мне кажется, даже фаталисты и то прикладывают какие-то усилия для достижения той или иной цели. А тут прямо какой-то

«фатализм лодыря»: человек ничего не делает, а потом говорит, что у него нет денег, потому что на то воля Божия.

Вопрос. Батюшка, меня уже шесть лет мучает боязливость, я боюсь всего: помыслов, людей. Постоянно проявляю маловерие и малодушие. Как с этим бороться?

Ответ. Надо молиться. Что значит «мучает боязливость»? Если мы не станем бороться со своими страстями, – не только с этой страстью, но и с любой другой, – то будем мучиться не шесть, а шестьдесят шесть лет. Поэтому нужно, повторю, усиленно молиться, стараться не беседовать с помыслами боязни. Конечно же, во всем необходим совет духовника. А если мы словно продираемся сквозь темный лес в безлунную ночь, без всякого руководства, без осознания того, что, как и в какой последовательности нужно делать, то ничего никогда не достигнем.

Вопрос. Когда я молюсь, чтобы избавиться от раздражения на сестру, то раздражение проходит, но я все равно продолжаю с осуждением относиться к ее поступкам. Почему так происходит?

Ответ. Потому что, так сказать, острие страсти притупляется, а сама страсть остается. От осуждения избавиться труднее, чем от гнева. В данном случае действует одна и та же страсть, но гнев – ее крайнее, сильнейшее проявление. Это не значит, что ты никогда не избавишься от страсти, просто нужно приложить к этому больше трудов. Да и не все сразу получается, а постепенно...

Вопрос. До какой степени должно простираться самоотвержение послушницы?

Ответ. Все должно быть с благословения старицы, все! И самоотвержение в том числе. При произвольном самоотвержении мы можем предъявлять к себе такие требования, каких, может быть, не в силах вынести, и это причинит нам вред. Прелесть может проявиться и в неразумном послушании, поэтому все должно быть с благословения. С одной стороны, ты имеешь благословение на ту или иную работу, с другой – на то, как себя вести вообще, в духовном отношении.

Все-

все: и работа, и молитва, и смирение, и покаяние – должно совершаться по совету.

Вопрос. Почему комплекс неполноценности и смирение не одно и то же?

Ответ. Когда нужно исполнить какое-то сложное дело, то человек с комплексом неполноценности теряет уверенность в себе (по крайней мере, иногда так бывает), а человек смиренный, не думая о том, получится ли или не получится, полагается на волю Божию и делает все, что необходимо. Смиренный не боится опозориться, а тот, у кого так называемый комплекс неполноценности, все время страшится показать себя перед другими людьми в дурном свете. Можно сказать, что это скрытая гордость. Вообще, «комплекс неполноценности» – термин нехристианский, и потому мы можем забыть об этом понятии.

Вопрос. Как далеко отстоит природная доброта от евангельской любви к ближнему?

Ответ. Наверное, природную доброту можно претворить в евангельскую. А как далеко она отстоит?.. Иногда «природная доброта» – это просто человекоугодие: жалость к человеку в тех случаях, когда нужно проявить твердость. Евангельская доброта чиста от примеси человекоугодия, она всегда ищет спасения человека.

Кроме того, природная доброта имеет некоторые границы: человек до какой-то степени может быть добрым к посторонним, а потом начинает думать о себе или, скажем, о своей семье, о близких ему людях. Эта доброта ограничивается определенным кругом людей и дальше не простирается, она ставит человека перед выбором – сделать добро близкому человеку или постороннему, другу или врагу. Евангельская доброта не имеет границ.

Вопрос. Когда я молюсь, то забываю о своей греховности. Как научиться помнить об этом всегда?

Ответ. Помнить о своей греховности можно по-разному. Если память о своих грехах поверхностная, умственная, то при внимательной молитве человек забывает об этом. А по мере

усиления внимания благодать Божия научает его ощущать себя грешником, и тогда, конечно, забыть ему об этом невозможно.

Вопрос. Как память смертную соединить с молитвой Иисусовой?

Ответ. Нужно стараться помнить о самом факте смерти. Не надо представлять смерть как какое-то конкретное событие или даже воображать, что будет за гробом. А вообще, при внимательной молитве память смертная приходит сама собой, как об этом пишет святитель Игнатий. Настоящая память смертная – это дар Божий, хотя некоторое умеренное усилие к ее приобретению с нашей стороны все же должно быть. Если такого дара у человека нет, то ты его хоть среди гробов помести, это не изменит его. А вот когда благодать Божия коснется сердца человека, тогда он и среди веселья будет вспоминать о скором переходе в вечную жизнь.

Вопрос. Что значат ваши слова о том, что в будущем веке Бог будет открываться людям?

Ответ. Это значит, что люди будут приближаться к Богу и познавать Его. В этой жизни многие исполняют свой христианский долг как бы нехотя. Они ходят в церковь, исповедуются, причащаются и уже рады этому малому, о богообщении они едва-едва думают. (Хотя на самом деле это неправильно, и преподобный Серафим Саровский в беседе с Мотовиловым как раз об этом говорит: люди забыли, что истинное предназначение христианина – в приобретении благодати.) А в вечной жизни люди, помилованные Богом, будут все больше и больше приобщаться к славе Божией, – конечно, соразмерно тому, кто как подвизался в этой жизни. Кто подвизался более усердно, тот в будущей жизни будет познавать Бога и приближаться к Нему в большей степени, чем тот, кто был нерадивым.

Вопрос. Батюшка, я больше боюсь не прогневать Бога, а попасть на том свете к демонам. Получается, что у меня не страх Божий, а страх демонов. Или это не так?

Ответ. Авва Дорофей пишет, что есть два страха: один первоначальный – страх вечных мук, а другой совершенный – боязнь отпасть от сладости общения с Богом. То, о чем сказано

в записке, – это страх вечных мук. Хотя это не самое высшее состояние христианина, но если такой страх по-настоящему живет в душе человека и мобилизует его на дела покаяния, то это уже хорошо.

Вопрос. За несколько дней до смерти одного моего родственника (он крещеный, но неверующий, в церковь не ходил) над его кроватью потемнела Казанская икона Божией Матери: через всю икону, наискось, прошла темная полоса шириной в два сантиметра. Он скончался внезапно: пришел из гостей, лег и умер. Родители у меня спрашивают: нужно расценить это как знамение, предупреждение или просто не обращать на это внимания?

Ответ. Я думаю, что это действительно знамение, и даже, скорее, не для него самого, а для его родственников. Он-то этого предупреждения не понял, не воспользовался им и умер внезапной смертью, без покаяния. А родственники должны понять, что произошло, и сделать выводы. Это им вразумление для того, чтобы с ними не случилось подобного.

Вопрос. Батюшка, мне жаль своих неверующих родственников, которые умерли без покаяния. Можно ли вымолить для таких людей помилование?

Ответ. Молиться даже за живых людей трудно, потому что они часто живут по своей воле, отнюдь не думают о том, чтобы исполнить волю Божию, – а за умерших еще труднее, потому что они уже не способны ни к каким переменам.

Ты знаешь, сколько у тебя умерших родственников? Миллионы людей, чьих имен ты даже не ведаешь. Твои прародители – Адам и Ева, так? Значит, все люди – это твои братья и сестры. Ты знаешь по именам своих ближайших родственников и их жалеешь, а почему ты не жалеешь всех остальных? Чем они хуже?

Вымолить своих родственников, которые, может быть, умерли без покаяния, – это очень тяжелая задача. Одно дело, если родственник – человек верующий, воцерковленный, за такого родственника помолиться можно. А если он даже и в Бога не верил?

Вопрос. Вы говорили о том, что свобода выбора дана человеку после падения. Как это может быть, ведь человек изначально создан свободным?

Ответ. Одно дело свобода, а другое – свобода выбора. Свобода выбора появляется тогда, когда человек погружается в неведение, не знает, что хорошо, а что плохо. Свобода вообще – это совсем другое. Представим себе, что человек постоянно следует воле Божией, его воля словно соединилась с волей Божией – получается, этот человек не свободен, он Божий раб: ничего своего не делает. Но это не так. Это человек истинно свободный, потому что живет согласно своей природе и его природа, как сотворенная Богом, постоянно обогащается, просвещается, совершенствуется, то есть, по терминологии святых отцов, обоживается (по-русски можно сказать «обожествляется»). А если человек имеет свободу выбора, то он не знает, что выбрать: то или другое. Иногда и тот и другой поступок противоречат воле Божией, а бывает, что какое-то намерение человека согласно с волей Божией, а другое противно ей, и человек колеблется, как же ему поступить. Свобода выбора, повторю, появилась тогда, когда появился грех, когда человек перестал точно и ясно понимать волю Божию.

О молитве Иисусовой как о главной добродетели²⁹

Сегодня я хотел бы побеседовать с вами об Иисусовой молитве. Может быть, вы и сами знаете о ней достаточно много – тогда я просто еще раз напомним вам о каких-то важных моментах этого делания. В сегодняшней беседе о молитве можно затронуть вопрос о ненадеянии на себя, потому что эта добродетель и молитва очень тесно связаны между собой. Святитель Игнатий (Брянчанинов) сказал замечательные слова о том, что при помощи Иисусовой молитвы можно стяжать высший вид смирения – ненадеяние на себя.

Много лет назад я спросил у своего духовника, игумена Андрея (Машкова), что такое смирение. Я в то время был молодым и неопытным, мне казалось, что если я получу точный ответ, то тут же приобрету эту добродетель, и тогда у меня все пойдет на лад. К тому же, прочитав у Иоанна Лествичника о том, что смирение – это искоренитель всех страстей, я думал: «Вот и хорошо, приобрету одно смирение, и все страсти искоренятся». Отец Андрей на мой вопрос о смирении ответил: «Смирение – это ненадеяние на себя». Я этим его словам очень удивился и даже подумал, что он сказал совсем не о том. Он же на эту тему больше говорить не стал, видимо, почувствовал, что я с ним не согласился, не принял его ответ сердцем. Кроме того, он вообще всегда объяснялся очень кратко, без особых комментариев, и поэтому казалось, что он говорит чрезвычайно простые, примитивные вещи и высказывает их как бы между прочим, хотя на самом деле его незатейливые слова основывались на очень глубоком, серьезном опыте.

Когда я докучал его вопросами о разных добродетелях, о которых прочитал у Иоанна Лествичника или других отцов, он мне говорил: «Молись и все». Я изобретал всякие средства для того, чтобы приобрести, например, память смертную, или страх Божий, или смирение, а он мне отвечал именно так: «Молись и все». Мне казалось, что никакого ответа в его словах нет. Но на самом деле лишь спустя многие годы, можно сказать, только сейчас, я начал понимать, что действительно все

добродетели приходят в сердце человека от Иисусовой молитвы, – конечно, если он противится греховным помыслам. От молитвы, а правильнее сказать, от благодати, которая в основном приобретается внимательной молитвой Иисусовой, в душе человека сами собой являются и страх Божий, и память смертная, и смирение, причем именно такое, каким описывал его отец Андрей, то есть ненадеяние на себя.

И хотя я читал об этом у святителя Игнатия, я удивлялся тому, что мне говорил отец Андрей. Пока сам не испытаешь, не прочувствуешь чего-либо на опыте, не соглашаешься с этим, не веришь этому по-настоящему, всем сердцем. Без молитвы или, можно сказать, вне молитвы добродетели приобрести невозможно. Это не значит, что если мы будем молиться, то можем позволить себе делать все что угодно, думая, что добродетели всё равно появятся в нас сами собой. Нет, мы должны понуждать себя к исполнению заповедей. Но необходимо помнить, что главное и даже почти единственное средство к приобретению добродетелей – настолько важное, что все остальные средства являются только вспомогательными, дополнительными, – это молитва Иисусова. В ней и борьба с самонадеянностью, и само покаяние.

Когда мы пытаемся приобрести покаяние – эту всеобъемлющую, очень важную добродетель, через которую приобретается все доброе и без которой, наверное, спастись никто не может, то думаем, что размышление о своих грехах, своих немощах поможет нам прийти в сокрушение сердечное и в нас появится покаяние. Но это не так. Покаяние, как и все прочие добродетели, приходит в душу от действия благодати Божией, а благодать Божия удобнее всего приобретается молитвой. Поэтому от внимательной молитвы Иисусовой рождается все: без нее невозможно ни исполнить заповеди, ни стяжать добродетели, ни победить страсти. Без нее невозможно даже понять, что на самом деле необходимо делать.

Если воспользоваться библейским образом, молитву Иисусову можно сравнить с океаном, который в первобытные времена, до потопа, омывал всю землю и орошал ее. Без

живительного действия молитвы – этого духовного океана – в человеке ничто не может произрастать и тем более плодоносить. Бывает, что мы на какое-то время уклоняемся от занятия молитвой, увлекаясь посторонними делами (пусть даже и самыми благовидными), и духовная жизнь в нас замирает. Это происходит и тогда, когда мы впадаем в нерадение, остываем или под предлогом смирения (именно под предлогом, а не под действием истинного смирения) начинаем успокаиваться и молиться с прохладцей, как бы только исполняя свой долг. Мы будто бы ожидаем, когда Господь посетит нас, и не проявляем дерзновения в молитве.

Но если мы совершаем свой духовный путь без болезни сердечной, то не можем принести плода, как об этом говорят многие святые отцы. В этом делании – молитве Иисусовой – очень важно иметь такую добродетель, как болезнь сердечную. Это не значит, что у человека должно болеть сердце в буквальном смысле или он должен испытывать постоянное душевное страдание. Болезнь сердечная – это переживание о своем спасении, о своем преуспейании, это ревность к тому, чтобы изменяться, двигаться вперед, приближаться к Богу.

Если кто-то боится, что он, будучи чрезмерно усерден к Иисусовой молитве, таким образом проявляет пред Богом дерзость и что для Бога это может быть оскорбительным, то пусть он вспомнит, что сама эта молитва по своему смыслу является молитвой покаяния. А на дерзновение человека в покаянии Бог, конечно, прогневаться не может. Иисусова молитва учила бы нас смирению, даже если бы в ней не было слова «грешного», которое усугубляет покаянное настроение. Само выражение «Господи, помилуй» передает основной смысл этой молитвы. Оно уже говорит о том, что мы считаем себя чего-то лишенными, недостойными милости Божией, поэтому и должны просить у Бога этой милости. Ни о чем не думая, ни о чем не помышляя, просто внимательно молясь, мы находим в этой молитве все необходимое для того, чтобы смириться. И чем с бóльшим дерзновением мы понуждаем себя к вниманию (конечно, все должно быть разумно и умеренно,

каждый должен действовать сообразно мере своего преуспеяния), тем большее покаяние и смирение приобретаем.

Поэтому не нужно бояться такого дерзновения и думать, что Богу наше усердие неугодно. Наоборот, все святые отцы шли именно таким путем. Для усугубления внимания и преуспеяния в молитве они прибегали даже к различным искусственным приемам: например, с дыханием вводили ум в сердце, взирали умственным взором на верхушку сердца или вместо всякого слова, произносимого внутренне, говорили слова Иисусовой молитвы и таким образом сосредоточивались и собирались. И никто из святых отцов не считал, что применять эти приемы в молитве слишком дерзновенно. Правда, святитель Игнатий делает оговорку, что подобные приемы необязательны и можно обойтись без них, но это не значит, что они вообще не нужны. Иному, действительно, лучше молиться, просто вмещая ум в слова молитвы, а иному можно прибегнуть и к искусственным средствам усиления внимания. Святитель Игнатий, понимая, что люди всё равно будут вынуждены к этим средствам прибегать, описывает их и объясняет, как применять их правильно.

Я, например, советую тем, кто уже перешел от молитвы устной к молитве умной, пользоваться тем способом, который рекомендует преподобный Симеон Новый Богослов в своем сочинении «О трех образах внимания и молитвы». Феофан Затворник, переводя это творение на русский язык, пропустил самый важный момент в описании третьего, правильного, образа молитвы. Суть предлагаемого Симеоном Новым Богословом метода состоит в том, чтобы взирать умом на вершину сердца. Этот метод очень действенный, он, может быть, даже более уместный и легкий, чем соединение молитвы с дыханием.

Итак, наше преуспеяние будет зависеть по большей части от усердия к умному деланию, Иисусовой молитве. Откровение помыслов, частая исповедь, старательное исполнение послушания, конечно, необходимы, однако нужно понимать, что все эти делания подобны планетам, вращающимся вокруг Солнца, а Солнце – это молитва. Если мы не будем прибегать к

помощи Божией, то не сможем приобрести и основополагающих добродетелей монашеской жизни – того же послушания, отсечения своей воли, откровения помыслов. А не приобретя этих добродетелей, мы не преуспеем и в остальном.

Какое бы огромное значение ни имело, например, откровение помыслов, но само по себе, без усердия к молитве оно ничего не даст – это только вспомогательное, а не главное средство борьбы со страстями. Никто не может очистить человека, если его не очистит Сам Господь. А если мы не будем Его об этом просить, не будем прибегать к Его помощи и прилепляться к Нему, как сказано в Евангелии, *всем сердцем, всей душой, всем разумом, всей крепостью* (см. Мк. 12, 33), тогда нам не поможет и Антоний Великий. Никакой, даже самый мудрый старец не принесет человеку пользы, если тот не будет прилепляться к Господу Иисусу Христу, потому что Он один является для нас Отцом, Наставником и Учителем, как Он Сам об этом сказал.

Бывает, что человек как будто бы не получает помощи от духовного наставления. Он исповедуется, выслушивает какие-то советы, но потом оказывается, что эти советы бессильны: он не меняется, вновь претывается и падает. Подчас этот человек думает, что дело в «неопытном» наставнике, а на самом деле виноват он сам. Конечно, никто из нынешних духовных наставников не претендует на то, что имеет всю полноту добродетели рассуждения (наверное, найти это в наше время почти невозможно), но мы в таком случае сами должны усердствовать и прибегать к единственному нашему Учителю – Господу. Он может без всяких слов, без всяких чудесных откровений самым действием благодати научить нас, как нужно себя вести, просветить наш разум так, чтобы мы знали, куда нам двигаться и что с собой делать, и укрепить нашу волю в том, чтобы исполнить заповеди Божии.

Просвещение разума не означает, что человек поймет нечто особенно новое. Он поймет то, что всем давным-давно известно, что уже открыто нам в Евангелии, о чем мы как будто бы давно знали и многократно читали у святых отцов, но так, что сумеет отнести это к себе. Он осознает, как это

исполнить и какое это имеет значение. Это затронет его сердце, станет как бы его собственным откровением.

Читая Евангелие, мы часто многое просто пробегаем глазами, а ведь все, что там сказано, – это Божественное Откровение. Но иногда то или иное слово неожиданно касается нашего сердца, и это тоже Божественное просвещение. Поэтому не нужно искать познания каких-то особенных духовных истин – надо постичь те истины, которые называются прописными, но которые пока до нашего сердца не дошли и поэтому остаются для нас лишь отвлеченным учением. А постигаются они тогда, когда мы усердно молимся. Повторю, Господь Иисус Христос может учить нас без всяких слов – все те слова, которые были нужны для нашего спасения, Им уже сказаны в Божественном Евангелии. Нам только нужно сделать так, чтобы эти слова стали для нас дорогими, живыми.

Вот так Господь невидимо научает человека, который молится внимательно. Поэтому ищущему спасения можно дать такой краткий совет: «Молись!» Это самое главное, и если человек будет это делать, то все прочее постепенно приложится, как сказано Самим Спасителем: *Ищите прежде Царства Небесного, и остальное приложится* (см. Мф. 6, 33). То же самое в значительной степени можно сказать и о духовных добродетелях: стяжав главную добродетель, мы с ее помощью приобретем и другие. Это не значит, что мы должны ими пренебрегать, если благодать Божия понуждает нас, допустим, помнить о смерти. Но в то же самое время, если мы будем искать памяти смертной без молитвы Иисусовой, это будет в лучшем случае зыбко и непостоянно. Когда же мы молимся Иисусовой молитвой, то благодаря ей в нашу душу постепенно вселяются и все остальные добродетели – сначала основные, а потом и второстепенные, и мы становимся настоящими христианами.

Иисусова молитва и есть то самое Царствие Небесное, которое нам нужно искать. Святые отцы даже называют ее тем единственным драгоценным бисером, ради которого купец, то есть всякий христианин, оставляет все свои богатства: чтобы купить эту драгоценность, он продает все, что у него есть. Эта

жемчужина, молитва Иисусова, хотя и мала, но по ценности своей равна стоимости огромного богатства. И это, конечно, справедливо. В краткой молитве Иисусовой мы действительно обретаем всю полноту действия благодати. Святитель Игнатий говорит, что, по Преданию Православной Церкви, благодать Духа Святого удобнее всего стяжать молитвой Иисусовой. Поэтому для лучшего запоминания можно дать такое чрезвычайно краткое наставление: нужно стяжать непрестанную внимательную молитву Иисусову. Об этих двух свойствах молитвы – непрестанности и внимательности – мы должны заботиться больше всего, а вместе с этим придет и все остальное. Если же мы будем этим пренебрегать и думать, что мы можем и сами какой-то хитростью исполнить отдельную заповедь Евангелия или совет святых отцов, то у нас ничего не выйдет. Это лишь мечты.

Если мы не пойдем таким всем известным путем, то не сможем приобрести собственного опыта и ничего не достигнем. В наше время люди стали чрезвычайно склонны к гордости. Может быть, поэтому многие обстоятельства, в том числе слабое здоровье, телесные немощи, промыслительно не позволяют нам совершать какие-то особенные подвиги. Нам остается только единственный путь, при котором впасть в гордость очень трудно, – умное делание, соединенное со смирением.

В самом деле, гордиться нам нечем. Чем будет гордиться, например, брат Сергей – тем, что он больной, пьет разные лекарства и вынужден по болезни много спать и есть? Можно, конечно, впасть в гордость и от того, что ты много молишься и много каешься, но это не так страшно, потому что борьбу с гордостью и тщеславием облегчает сама покаянная молитва. Некоторые считают, что кроме покаянных молитв Богу надо приносить молитвы благодарственные и хвалебные. Святитель Иоанн Златоуст замечательно говорит о том, что покаяние есть лучшее благодарение, поскольку кающийся человек считает себя не сделавшим ничего доброго и поэтому все доброе приписывает Богу. Поэтому слова Иисусовой молитвы «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя

грешного» Богу наиболее приятны. Они являются гораздо лучшим благодарением Господу, чем восхваление Его какими-то возвышенными песнопениями. Кроме того, все православные молитвословия, в том числе и благодарственные, наполнены духом покаяния и смирения, – так сказать, проистекают из покаяния и смирения. И если мы не проникнемся этим духом через упражнение в покаянной молитве, то и благодарственные молитвы, будь то молитвы после причащения или какие-нибудь иные благодарения Богу во время литургии, не сможем искренне вознести из своего сердца: поскольку наша душа их не прочувствовала, то мы будем произносить благодарственные слова формально.

Вывод таков: необходимо стараться в течение дня сохранять Иисусову молитву и по возможности творить ее внимательно. Когда же у нас бывают какие-либо помыслы, душа возмущается той или иной страстью, то в это время читать Иисусову молитву нужно с особенным усердием. Необходимо уделять большое внимание правилу, понимая, что молитвенное правило – это одно из самых главных занятий монашествующих. Важно стараться внимательно произносить молитву Иисусову и во время богослужения, даже если мы присутствуем на нем совсем недолго, и при этом, конечно же, надо вникать и в само богослужение, в особенности когда совершается Божественная литургия. То небольшое время, которое у нас остается свободным, мы не должны проводить в праздности: лежать глядя в потолок, «расслабляться» и так далее. Ум всегда должен быть занят. Когда есть силы, при занятии молитвой можно делать поклоны (конечно, по благословению), когда сил нет, можно молиться сидя или даже лежа, но нельзя оставлять ум праздным. Если же ты устал от молитвы или, может быть, впал в некоторое уныние и расслабление – читай какую-нибудь святоотеческую книгу или Священное Писание.

Очень важно избегать праздных бесед и лишних разговоров даже по делу, потому что от этого душа очень быстро охладевает: то, что приобретено несколькими часами молитвы, можно потерять за одно мгновение. Допустим, ты молился на

правиле или богослужении, читал святых отцов, приобрел радостное расположение духа. От радости начал с кем-нибудь болтать, – глядишь, через полчаса у тебя в душе уже пусто. Нам нужно стараться не только стяжать благодать Божию, но и сохранить ее. Как наши прародители должны были возделывать и хранить рай, так и мы должны заниматься умным деланием и хранить то, что приобрели по благодати, по милости Божией. Поэтому многие отцы, и в частности святитель Игнатий, совершенно справедливо говорят о том, что необходимо заботиться в особенности о молчании. Впасть в празднословие можно даже на исповеди или на откровении помыслов. Бывает, что человек чрезвычайно много и подробно рассказывает о вещах второстепенных, забывая при этом некоторые свои серьезные прегрешения. Он пустословит – и уходит с исповеди, не только не получив облегчения, но даже чувствуя некоторое опустошение. Это происходит потому, что он много говорил и даже во время самой исповеди увлекся той или иной страстью, допустим гневом, осуждением или тщеславием.

Необходимо помнить, что главное в молитве – это внимание, все остальное придет само. Но если у тебя при молитве появляется, например, страх Божий, умиление, любовь к Богу или ближнему, то не нужно эти ощущения отвергать, думая, что ты их якобы не достоин. Если мы привыкнем все время отвергать благодать Божию, то она перестанет нас посещать. Если же мы при возникновении некоторого духовного или телесного ощущения (например, некоторого тепла в сердце) сомневаемся, действительно ли оно от Бога, то у нас есть способ это проверить: мы должны еще более внимательно помолиться. А само это ощущение, если мы боимся ошибиться, нам лучше не принимать с полным доверием, но ни в коем случае и не отвергать.

Конечно, есть некоторые явные признаки прелести, и в этом отношении надо соблюдать осторожность. Для того чтобы уметь их распознавать, мы читаем святых отцов и всегда должны быть готовы к тому, что и мы можем встретиться с подобным искушением. Но есть вещи такие тонкие и для неопытного человека непонятные, расспросить о которых он или не имеет

возможности, или просто не умеет: он не может понять, что с ним происходит, и описать это духовнику. Поэтому универсальный метод – это внимательная молитва, по возможности с сокрушением сердечным. Через нее человек распознаёт, что с ним произошло. При усердии к внимательной молитве он приобретает духовный вкус: как с помощью органов вкуса человек отличает одно блюдо от другого и чувствует, сколько в пище пряностей, соли и сахара, так и своей «духовной гортанью» он постепенно начинает различать вкус духовных брашен. Потому при появлении в молитве непонятных ощущений пугаться не стоит, а нужно уповать на Бога. Если Господь не попустит, то никакой беды с нами не случится. Мы должны Богу доверять. Нам следует, конечно, проявлять осторожность, руководствуясь теми знаниями, которые мы почерпнули из творений святых отцов, а в том, чего мы понять не умеем, мы должны полагаться на Бога. Господь нас не оставит и вразумит. Безусловно, очень важно в таких случаях советоваться с духовником.

Я провел эту беседу не для того, чтобы вы, прослушав ее, теперь только молились, ни с кем не советовались и пренебрегали откровением помыслов. Хочу, чтобы вы поняли, что внимательная молитва – это основная добродетель. Ради нее существует и послушание, и откровение помыслов. Если бы даже были возможны откровение помыслов и послушание без молитвы, то я уверен, что они не приносили бы почти никакой пользы, потому что все это делается только вместе с молитвой и ради молитвы.

Молитва настолько близка к действию благодати, что, можно сказать, это почти одно и то же. Благодать Божия в основном действует в человеке таким образом, что у него прежде всего изменяется молитвенное состояние. Непрестанная молитва, внимательная молитва – что это, как не действие благодати?

Я говорю об этом потому, что во время прошлой беседы, может быть, некоторые неверно подумали, будто я укорял вас в чрезмерной ревности. Я говорил о ревности неправильной. Ревность, конечно, должна быть и в молитве, но здесь она, если

так можно выразиться, скорее созерцательная, а деятельная ревность обнаруживается в послушании, в трудах по монастырю и так далее. У человека, который совершенствуется в молитве, естественным образом от действия благодати появляется усердие и к угождению братии, и к послушанию, и даже к самой обыкновенной, как будто бы совершенно бессмысленной работе, поскольку он чувствует потребность в чем-то выразить свое душевное состояние.

В своей прошлой беседе я пытался умерить пыл тех людей, которые ищут какого-то особенного подвига: допустим, особого уединения, пустынножительства и так далее, тогда как настоящая ревность у современных монахов проявляется именно в правильном поведении в общежительном монастыре.

* * *

Вопрос. Я сейчас являюсь старшим по послушанию и часто вынужден настаивать на выполнении каких-то работ, при этом трудно сохранять молитву. Как правильно вести себя в таких случаях?

Ответ. На каждом послушании есть свои трудности, которые нужно преодолевать, сохраняя при этом ту благодать, которая у тебя есть. Авва Дорофей дает хорошее наставление о том, что выполнить какое-то дело – это одна восьмая искомого, а сохранить свое устроение, даже если при этом и не получится исполнить послушание, – это три восьмых с половиной. Нужно понимать, что наша конечная цель – это чистота души. Стараться исполнить послушание нужно изо всех сил, но не ценой греха. Конечно, новоначальным трудно удержаться и совсем не поддаваться осуждению или гневу, но нужно стремиться к тому, чтобы по крайней мере не быть поглощенным этими страстями. Если чувствуешь, что в чем-нибудь погрешил, тут же молись.

Работать все равно надо: если мы будем только сидеть на стуле и молиться, чтобы не впасть в искушение, то как тогда наш монастырь будет существовать?

Вопрос. Хульные помыслы возникают не от человеческого естества?

Ответ. Обращаясь к библейским сюжетам, мы приходим к выводу, что зло человеку противоестественно, оно пришло в него извне и чужеродно его природе. Но от нашей падшей природы греховные помыслы происходить могут. Если мы примем нашу падшую природу за норму потому, что в падшем состоянии находятся все без исключения, то получится, что, допустим, неверие в Бога или ропот на Бога (а это все можно отнести к хуле) тоже могут происходить от человеческого естества.

Можно вспомнить такую историю. Одного монаха мучила блудная брань, и он попросил, чтобы старец за него помолился. Старец наложил на себя пост, молился целую неделю. Встречает монаха и спрашивает: «Ну что?» – «Да нет, – отвечает, – не прошло, все то же самое». Старец наложил на себя еще более строгий пост и неделю усердно молился. По прошествии и этой недели монах сказал, что легче ему не стало. Тогда старец обратился к Богу с молитвой: «Господи, почему Ты меня не слышишь? Видимо, я грешник, у меня немощные молитвы». Вдруг ему явился бес, который искушал того брата, и сказал: «Отче, у этого монаха есть свой бес – чрево. И пока он не перестанет ему угождать, твои молитвы ему не помогут».

В конечном счете нет никакой разницы в том, происходят греховные помыслы от нашего естества или от бесов, – главное, чтобы у нас этих помыслов не было.

Вопрос. Что такое телесное исполнение заповедей Христовых?

Ответ. Телесное исполнение заповедей – это внешнее аккуратное исполнение своего христианского долга без очищения сердца. Но исполнить заповеди без умного делания невозможно, – об этом говорит и старец Василий Поляномерульский. Когда человек исполняет заповеди только внешне, то он многого не видит и погрешает. Поскольку он не внимает себе, то не замечает тех уклонений от Евангелия, которые происходят в его душе, и мнит, что все делает правильно.

Вопрос. Как буквально перевести на русский язык эти слова из чина пострига: «Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий ко всегдашней молитве Иисусове»? Имеется в виду заповедь о непрестанной молитве?

Ответ. Всегдашняя молитва – это непрестанная молитва. Глагол Божий – это и есть собственно Иисусова молитва, меч духовный – это, конечно, не четки, а также Иисусова молитва. «Меч духовный есть глагол Божий» – и дальше объясняется, что это всегдашняя Иисусова молитва. Не надо искать в этих словах таинственный смысл. На постриге не будут говорить какие-то запутанные вещи, – наоборот, постригаемому все должно быть понятно.

«Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий ко всегдашней молитве Иисусове» – прими эти четки в знак того, что ты всегда должен творить Иисусову молитву, которая является глаголом Божиим.

Вопрос. Бывает, вечером, после суетного послушания считаешь какую-нибудь духовную литературу и хорошо сосредоточишься, а потом примешь один помысел, будто бы по послушанию, затем другой, третий и увлечешься ими. Иногда так ими пленяешься, что даже не замечаешь, как проходит час. Извиняешь себя тем, что помыслы по делу. Это наваждение, бесовское искушение?

Ответ. Почему же? Тут много от естественного состояния. Если тебе удалось уединиться и ты взялся читать Священное Писание или какую-то святоотеческую книгу, понуждай себя к внимательному чтению: старайся вмещать ум в слова и таким образом преодолевать ту косность ума, из-за которой человек стремится перебрать в памяти все, что происходило в течение дня. Взяться за молитву тоже тяжело. При чтении сосредоточиться легче, но понуждать себя необходимо и в этом случае.

Вопрос. Существует мнение, что занятие Иисусовой молитвой являет собой крестоношение, прискорбный путь. А сейчас есть тенденция относиться к духовной жизни с прохладцей: люди стремятся к спасению, но в то же время

хотят спастись поудобнее. Может быть, поэтому многие и не молятся?

Ответ. Дело в том, что при занятии Иисусовой молитвой сразу обнаруживается немощь человека. Если он читает какую-нибудь длинную молитву, канон или кафизму, то смысл читаемого отвлекает его от молитвенной сосредоточенности. Интерес, который он при чтении таких молитвословий испытывает, создает у него иллюзию, будто он внимательно молится, хотя, собственно, самой молитвы тут очень мало. Все внимание направлено на то, чтобы понимать смысл читаемого. Это, конечно, неплохо – во всяком случае, лучше, чем совсем не молиться или заниматься каким-нибудь греховным делом. Однако когда этот человек берется за Иисусову молитву, то обнаруживает, что молиться он, оказывается, совсем не умеет: мысли его рассеяны, он совершенно не владеет своим умом, не может справиться с обилием греховных помыслов, молиться ему вообще скучно и неинтересно.

Эта опустошенность, мятежность ума, конечно же, вызывает в человеке малодушие. Он желает избавиться от такого состояния, но часто не путем борьбы, а путем возвращения в прежнее иллюзорное состояние. Какой-нибудь акафист или канон производил на него некоторое впечатление, вызывал некие чувства, и человек воображал, что испытывает действие благодати, а на самом деле его состояние объясняется элементарно, иногда даже оно вызвано действием каких-либо страстей.

Итак, человек вдруг обнаруживает, что молиться он не умеет. Мало того, благодаря Иисусовой молитве он начинает видеть множество своих грехов и приходит в удрученное, подавленное состояние. Потом в связи с тем, что он постоянно молится, демон начинает возбуждать в нем страсти – и начинается борьба, иногда чрезвычайно тяжелая, мучительная. К тому же, когда человек по-настоящему занимается молитвой Иисусовой, он понимает, что спастись на самом деле очень тяжело, нужно преодолеть огромную пропасть, которая находится между ним и Богом. Человек

осознаёт свою отчужденность от Бога, видит свою немощь, греховность, лукавство и впадает чуть ли не в безнадежие.

Поэтому люди боятся идти этим действительно крестным путем. Они не желают посмотреть на вещи трезво, предаются иллюзиям и избирают путь легкий: спокойно живут, как-то молятся и даже не осознают, что борьба-то на самом деле идет за вечность, хотя осуждать, я думаю, никого не нужно.

Вопрос. Когда стараешься молиться без помыслов, то сначала молишься нормально, спокойно, а потом становится скучно. В таких случаях пытаешься себя несколько взбадривать, вспоминать какие-то святоотеческие книги. Можно ли так поступать?

Ответ. Конечно, иногда допустимо привести на ум какую-то мысль, но святоотеческие книги вспоминать не надо. Можно позволить себе лишь то, что не надмевает, а это прежде всего память смертная. Все остальное опасно, поскольку нередко дает повод к гордости. Я советовал бы не подбадривать себя мыслями, а понуждать себя внимательно молиться, потому что эти мысли всё равно будут отвлекать. Они принесут какой-то временный результат, а потом ум снова рассеется. Так ты и будешь все время о чем-то размышлять, каждый раз принимаясь искать для усиления внимания какое-то искусственное средство.

Святоотеческая литература, конечно, подбадривает – в том случае, когда мы читаем ее до молитвы. В должное время она не только назидает, но еще и возбуждает ревность. А при молитве, повторюсь, святоотеческие книги вспоминать не нужно, потому что есть опасность впасть в многомыслие.

Вопрос. Батюшка, у меня возник вопрос насчет богослужения. Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что высшее молитвенное состояние на богослужении – то, при котором человек чувствует себя с поющими единым целым: и он и хор как бы вместе вопиют ко Господу. Я пытаюсь этого достичь, но у меня не получается. Почему?

Ответ. Не получается сейчас – получится после. Иногда это может не получаться потому, что при молитве нет еще должного внимания, молитва еще недостаточно благодатная. А

когда ты станешь молиться усердно, внимательно, то Иисусова молитва будет соединяться с богослужением и ты будешь чувствовать, что оно тебя как бы окрыляет, помогает тебе. Сейчас у тебя не получается от некоторой неопытности, а не потому, что ты делаешь что-то неправильно. Правда, тут еще может иметь значение и плохое пение. Когда пение красивое, вдохновенное, тогда собраться легче.

Вопрос. Изложено ли где-то учение о молитве как некая система?

Ответ. Святитель Игнатий как раз всю эту систему излагает. У нее существуют и некоторые вариации: есть основное – то, что обязательно должно присутствовать при молитве, и есть второстепенное, например искусственные приемы, которые необязательны.

Вопрос. Может ли во время молитвы напрягаться тело?

Ответ. Когда человек сосредоточивается, то непроизвольно возникает напряжение тела. Нужно следить за тем, чтобы это напряжение не было чрезмерным, и обращать внимание на то, какие части тела напрягаются. Бывает, что человек старается опустить ум в сердце и у него напрягаются нижние части тела, – этого допускать нельзя. А напряжение в мышцах шеи или плеч вполне естественно, об этом пишут и святые отцы.

При сосредоточении не должно быть большого напряжения в сердце, тут надо действовать осторожно. Если человек начинает как бы давить умом на сердечное место, то в сердце может возникнуть боль, однако некоторое малое напряжение возможно.

Святые отцы для более внимательного упражнения в умном делании советовали еще пользоваться низким сидением, чтобы сидеть в несколько скрюченном положении, будто сжавшись в комок. Такое напряженное положение способствует сосредоточению и вызывает в человеке смиренное чувство, мысль о своей ничтожности. Но так делать необязательно – это искусственный прием.

Вопрос. Как относиться к словам святителя Феофана, который говорит, что тепло, возникающее в сердце от

искусственного приема, является ступенью к более благодатной молитве, хотя само это сердечное чувство не благодатное, а просто кровяное. Он описывает это ощущение как болячку.

Ответ. При молитве может возникать естественное тепло. Если оно появляется в верхней части сердца, то в этом нет ничего страшного. Болячка – это образное выражение: имеется в виду не настоящая боль, а некоторое постоянное ощущение.

Вопрос. Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет о кровяном тепле, при появлении которого даже прикладывают к телу мокрое полотенце. Это то же самое тепло, о котором говорит святитель Феофан?

Ответ. Нет, это совсем другое явление. Святитель Игнатий пишет о том кровяном тепле, которое появляется в нижней части сердца и нисходит в чресла и от которого может возникнуть блудная похоть. А святитель Феофан говорит о тепле в верхней части сердца. Оно не является благодатным, это просто следствие нашего умственного напряжения, сосредоточения именно на сердце. Но это явление впоследствии может способствовать внимательной молитве, и не исключено, что со временем она перейдет и в благодатную.

Вопрос. Бывает, что я чувствую на ребрах как бы давление изнутри. Чем это объяснить?

Ответ. Это естественное побочное следствие желания собраться воедино. Не напрягайся так сильно, нужно действовать с большей осторожностью. В первую очередь должно быть напряжение умственное, телесное же надо свести до минимума. А может быть, если давление не очень сильное, можно и не обращать внимания, пренебречь этим, потерпеть.

Вопрос. Можно ли взирать на верхнюю часть сердца, когда читаешь простые молитвословия?

Ответ. Это, наверное, трудно и неудобно, если ты читаешь глазами, но в принципе можно. Святитель Игнатий говорит, что соединять ум с сердцем уместно при любой молитве.

О борьбе с помыслами и о добродетелях, необходимых для стяжания Царства Небесного³⁰

Сегодня, основываясь на примерах из Евангелия, я хочу провести с вами беседу о борьбе с помыслами и о тех добродетелях, которые необходимы человеку для того, чтобы войти в Царство Небесное. В одной беседе невозможно изложить евангельское учение исчерпывающе, поэтому за основу рассуждений мы возьмем только восемнадцатую главу Евангелия от Матфея.

Глава начинается со слов: *В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном?* (Мф. 18, 1). В то время они еще не представляли всей глубины учения Спасителя, не понимали, что такое смирение, хотя он уже сказал им: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Апостолы не могли вместить эти Его слова: благодать Святого Духа на них еще не сошла и потому они обо всем мыслили как обычные люди. Их искреннее стремление служить Господу искажалось человеческими страстями, и при всей чистоте их намерений ими порой овладевала гордость. Иногда между апостолами возникала и взаимная неприязнь.

В данном случае произошло нечто подобное: апостолы думали, что от всей души служат Богу, и желали быть ближе к нему. Однако понимали ли они до конца, что такое Царство Небесное? Осознавали ли, что оно называется Небесным не только по своей высоте и значимости, но и в противоположность царству земному?

Апостолы стремились быть ближе к Господу Иисусу Христу, и хотя это желание само по себе весьма похвальное, серьезное, доброе, однако в нем присутствовала гордость. И у нас часто бывает так же: мы стремимся быть в Царстве Небесном бóльшими. Да, мы желаем не земного, а небесного, потому что будто бы уже понимаем, что оно собой представляет, однако и в этом нашем стремлении присутствует гордость. поэтому очень важно объяснить упомянутое евангельское

событие, чтобы суметь применить слова Евангелия к самим себе и исправиться.

Итак, ученики спросили: *Кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (Мф. 18, 2–3).* Что это значит? Конечно, мы не должны быть подобны детям разумом. Апостол Павел говорит: *На злое будьте дети, на доброе будьте разумны (см. 1Кор. 14, 20)»».* Если бы детство было неким идеальным возрастом для достижения духовного совершенства, то, наверное, люди обращались бы к Богу, творили добрые дела и совершали все подвиги именно в детстве. Однако мы видим, что человек сознательно избирает тот или иной путь богоугождения или, наоборот, отвращается от Бога именно в зрелом возрасте. Основные дела, в которых проявляется его доброе произволение, он совершает, будучи взрослым или даже пожилым. Поэтому в Евангелии говорится только об одном качестве детского возраста – о неподдельном смирении, ибо дети мыслят о себе просто, без всякого лукавства. При неподдельном смирении человек смиряется совершенно без всякой задней мысли, а не ради того, чтобы чего-то достигнуть.

Слова *Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* означают, что если мы не смиримся, то не только нельзя будет говорить о том, кто из нас окажется бóльшим или меньшим в Царстве Небесном, но мы и совсем в него не войдем. На пути гордого человека, который стремится к Богу, возникает неожиданное для него препятствие: при всем своем искреннем стремлении, при всей своей энергии, и может быть, при сильном понуждении себя, он вдруг оказывается неспособным что-либо приобрести в духовной жизни – и мы часто видим это на себе. Это происходит как раз по той причине, что человек мнит чего-то достигнуть и в Царстве Небесном стать бóльшим.

Далее Спаситель говорит: *Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном (Мф. 18, 4).* По-славянски: *Иже убо смирится, яко отроча сие, той есть болий*

во Царствии Небесном. По преданию, Господь наш Иисус Христос с этими словами взял на руки ребенка, который теперь известен как священикомученик Игнатий Богоносец. Спаситель поставил его апостолам в пример, – видимо, потому, что тот, будучи в то время отроком, имел о себе самое скромное мнение. Так обычно бывает у детей, находящихся среди взрослых: ребенок чувствует себя по сравнению со взрослыми ничтожным. Это сознание своей ничтожности, отсутствие каких-либо мыслей о своей значимости и является искренним, неподдельным смирением. Как уже говорилось, Спаситель призывает: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*. Он ставит в пример Самого Себя и указывает на то, что смирение должно быть сердечное, то есть искреннее. И здесь Он говорит в сущности то же самое, только другими словами: *Иже убо смирится, яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небесном*. Как дети делают всё искренне, просто, так и мы должны смириться от души, без всякой мысли о том, что смирение может послужить нам к достижению чего-либо, к приобретению какого-то преимущества.

Заметьте: в двух местах Евангелия разными словами говорится именно об искренности. Прежде чем говорить о смирении, великом или малом, полном или частичном, нужно сказать о самом главном его качестве – оно должно быть искренним: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим, Иже убо смирится, яко отроча сие, той есть болий в Царствии Небесном*. Без искреннего смирения войти в Царство Небесное невозможно. Бóльшим же в Царстве Небесном станет тот, кто приобретет эту добродетель в большей степени, то есть искреннейшим образом не будет придавать себе значения; тот, кто будет считать себя ничтожеством и станет не только показывать это перед людьми, но и почитать себя ничтожным внутренне, не думая о тех преимуществах, которые такое смирение может ему принести.

Далее Господь Иисус Христос говорит и о других добродетелях, которые необходимы для того, чтобы войти в Царство Небесное, в частности о любви к ближнему. Говорит просто, одной фразой, а потом вновь возвращается к этой теме,

но уже в другом аспекте, рассматривая эту добродетель с другой стороны: *И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот меня принимает* (Мф. 18, 5). Таким образом, необходимо иметь любовь и к самому ничтожному, с нашей точки зрения, человеку. Нельзя презирать никого, даже самых незначительных людей: все они овцы стада Христова, поскольку носят на себе имя Христа. Все должны быть для нас одинаково велики, одинаково значительны. Это тоже имеет отношение к смирению, потому что смирение проявляется как в помыслах человека, так и в его отношении к другим людям. То же можно сказать и о гордости: человек может гордиться внутренне, никак этого не показывая, но потом эта гордость обнаружится в его обращении с людьми.

Тот, кто хочет быть в Царстве Небесном бóльшим, естественно, относится к другим людям с некоторым презрением, почитая их хуже себя. А человек, считающий себя ничтожным, всякого христианина, даже того, который в глазах других людей является презренным, почитает равным себе или даже выше себя. Только один Бог знает, велик человек или ничтожен. истинный христианин смиряется настолько, что в каждом человеке видит образ Божий и служит этому человеку, как самому Богу. Вот свойство смирения. Мы видим, что смирение перед нашими ближними обращается в любовь к ним. гордый человек стремится к преимуществу, он презирает тех, кто ниже его, – смиренный всем уступает и служит ближнему, как Самому Христу, таким образом принимая Его.

Читаем дальше: *А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской* (Мф. 18, 6). Спаситель называет здесь малыми либо тех, которые смирились, либо, может быть, тех, которые на самом деле не занимают никакого положения в обществе и кажутся нам людьми, ничего не значащими. И такого «малого», презираемого всеми человека мы должны принимать. Если же мы его соблазним – чем угодно: гордостью, высокомерием, каким-нибудь смущающим поступком или неправильным отношением, – то мы не должны думать, будто

это ничего не значит, потому что он якобы ничтожен. Служа этому человеку, мы сподобляемся величайшей награды – принимаем Самого Христа, а соблазняя его, мы подвергнемся страшнейшему наказанию, настолько ужасному, что лучше было бы утопить нас в море с камнем на шее.

Далее Господь наш Иисус Христос говорит о том, как нужно бороться с соблазнами. Сначала Он предостерег всех нас, чтобы мы не соблазняли друг друга, иначе можем навлечь на себя страшное наказание. Теперь Спаситель предупреждает нас о том, что все же соблазнов будет много, мы должны быть к этому готовы и знать, как себя в этих случаях вести. людей, не принимающих учение Христово, на самом деле гораздо больше, чем истинных христиан, потому что есть и христиане мнимые, например христиане различных неправославных вероисповеданий. Да и среди самих православных немало людей, которые носят имя Христово только по видимости, поскольку не желают понуждать себя к жизни по Евангелию, а лишь едва-едва исполняют внешние обряды. кроме того, много людей, совсем не принявших евангельскую проповедь. Все это приводит к тому, что соблазнов будет чрезвычайно много, причем столь сильных, губительных, отвлекающих людей от служения Богу, что Господь наш Иисус Христос, сочувствуя миру, говорит: *Горе миру от соблазнов*, потому что человек, поддавшийся им, погибает.

Вдумайтесь в слова Спасителя: *Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит (Мф. 18, 7)*. Мы часто не осознаём, что соблазнов избежать невозможно, или забываем об этом. Некоторые думают, что если будут усердно молиться, то их никто, ничто и никогда не соблазнит. В этом они и видят суть своего подвига: жить так, чтобы вокруг нас не было соблазнов. Конечно, по возможности мы должны избегать соблазнов, удаляться от тех мест, где они есть, но совершенно уберечься от них нельзя. соблазны приходят к нам через людей, мир, разные обстоятельства, помыслы, внушенные демонами. Бывают соблазны от диавола и даже от нашей собственной плоти. источников соблазна множество, но святые отцы

выделяют три основных: диавол, мир и плоть – наше собственное падшее естество. Поэтому даже если мы совершенно удалимся от мира (что в наше время сделать почти невозможно), то уж от собственного естества и от диавола мы не спрячемся.

Иной наивный человек думает, что если запрется в комнате, то диавол его там уже не искусит. Однако такому человеку, наверное, будет еще страшнее. Демоны посмеются над ним еще больше, чем над тем, который борется, находясь среди искушений, и понимает, что бежать-то, собственно, некуда. Как говорится, от себя не убежишь. Некоторые, пребывая в монастыре и терпя какую-то брань, полагают, что стоит перейти в другой монастырь, как соблазнов не будет. Но они настигают человека везде. Даже если у нас в памяти мало впечатлений, – допустим, мы как-то оберегали себя от них или ушли в монастырь в детском возрасте, – то и через эти немногие впечатления диавол может возмущать нашу душу: он станет необыкновенно усиливать действие этих впечатлений, так что они будут нас потрясать, и какое-нибудь ничтожное воспоминание вздвигнет в нашей душе страшную бурю. И наоборот, самые страшные соблазны и искушения под действием благодати Божией могут ослабеть и превратиться в почти несуществующие, впечатления о них как бы изгладятся из нашей памяти.

Для того чтобы бороться с грехом, нужно не избегать соблазнов (хотя, как я сказал, по возможности следует все же их остерегаться), а быть готовым правильно действовать против соблазнительных помыслов, когда они изображаются в нашем уме. Причиной всех соблазнов является в конечном счете наше падшее естество. Если бы оно было чистым, бесстрастным, тогда любые впечатления, даже те, которые обычно являются соблазнительными для всех, не оказали бы на нас никакого действия. Мы знаем, что некоторые отцы достигали такого бесстрастия, что для них не были соблазнами даже человеческая нагота или дурное общество. Можно привести в пример самих апостолов, которые проповедовали слово Божие по всему миру, общались с самыми разными людьми и никогда

не соблазнялись, но, наоборот, обращали к Богу тысячи и тысячи людей. Бесстрастие в апостолах было настолько укоренено, что они не могли соблазниться ничем. Таким образом, все дело в нас самих, в нашем внутреннем состоянии. В Евангелии нигде не сказано, что надо удаляться от мира, потому что это не всегда возможно. Евангельское учение универсально, оно действительно и в пустыне, и в многолюдных городах, и на торговой площади. Иной, уходя в пустыню, приносит туда с собой всю суету и даже бурю греховных помыслов, а другой умудряется сохранить внутреннюю тишину и безмолвие среди самого соблазнительного и суетного многолюдства.

Спаситель говорит: *Горе тому человеку, через которого соблазн приходит.* Однако, как мы знаем, есть много людей, для которых Евангелие ничего не значит, словно бы его вообще не существует. Для них это одна из многих книг, на которую можно не обращать внимания. Есть люди настолько безразличные к истине, что они никогда и не открывали Евангелия, поскольку оно кажется им скучным и ненужным. На таких людей устрашение Спасителя, конечно же, не действует. Поэтому Господь учит нас, как противостоять соблазнам, которые разнообразно воздействуют на нашу душу через чувства и ум. Он делает это при помощи очень емких, ярких образов. Но мы по своему каменносердечию относимся к его наставлению спокойно: лишь пробегаем глазами те жестокие примеры, которые приводит Спаситель. Они не доходят до нашего сердца: мы не принимаем всей душой этого учения, пусть кратко выраженного, но очень важного для внутренней борьбы с соблазнами. А ведь если мы поддадимся соблазнам, то нас действительно постигнет горе. Надо понять: если борьбу с соблазнами нужно было представить в таких образах, значит, эта борьба имеет чрезвычайное значение и, чтобы победить соблазны, следует приложить огромные усилия. Поэтому обратим особое внимание на следующие слова Спасителя.

Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть

ввержену в огонь вечный. Или по-славянски: Аще ли рука твоя или нога твоя соблажняет тя, отсецы ю и верзи от себе: добрейше ти есть внити в живот хрому или бедну, неже две руце и две нозе имущу ввержену быти во огонь вечный (Мф. 18, 8). Наша жестокость по отношению к себе в борьбе с соблазнительными помыслами должна быть столь сильной, чтобы мы могли уподобиться людям, отсекающим собственную руку или ногу. Нам страшно даже вообразить такую картину: человек отсекает себе свои собственные члены. Бывает, при какой-нибудь болезни, которая представляет серьезную опасность для жизни человека, ему необходимо ампутировать конечность. Люди соглашались пойти на это после долгого раздумья, с трудом, только ради того, чтобы избежать смерти, а некоторые и в этом случае не решаются на ампутацию. Спаситель же предлагает нам именно такой образ: отсечение руки или ноги, и при этом говорит не о медицинской операции со всеми предосторожностями, а о грубой жестокости: если тебе мешает твоя рука, отсеки ее и брось от себя. Причем ее нужно не просто отсечь и отбросить, но сделать это следует с ненавистью – отсечь как то, что пленяет тебя, вводит в погибель и делает невозможным вхождение в жизнь в высшем смысле этого слова.

Та жизнь, которой мы живем сейчас, не является жизнью – это скорее некое постоянное, объемлющее нас умирание. Истинная жизнь начнется тогда, когда не будет этой борьбы между наслаждением и страданием, между жизнью и смертью, не будет всегдашнего противостояния опасностям, которые, по словам святителя Игнатия (Брянчанинова), «воюют» против человека и приближают его телесную смерть. Поэтому лучше избавиться от того, что нас соблазняет, даже если оно дорого и близко нам так же, как собственные члены тела. Лучше отсечь их от себя и стать, как нам может показаться, людьми несовершенными. Сейчас принято считать, что человек должен быть всесторонне развит. Евангелие же предлагает нам совершенно противоположный образ: оно говорит о том, что лучше нам быть хромыми или однорукими уродами, но войти в

жизнь вечную, чем, будучи всесторонне развитыми, сохранив все, что нам дорого, быть ввергнутыми в геенну огненную.

Под членами тела, которые мы отсекаем, можно подразумевать и близких нам людей, и привычный образ жизни, и дорогие нам занятия и увлечения. Но в первую очередь здесь имеются в виду наши поступки и помыслы, – наверное, это будет наиболее точным пониманием предложенного евангельского образа. Можно попытаться истолковать эти евангельские выражения и так: отсеченная нога – это наше стремление к греху, отсеченная рука – наши греховные дела, потому что человек все делает руками. В Евангелии говорится еще об одном члене тела: *Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную* (Мф. 18, 9). Под глазом можно понимать сам греховный помысел, ибо грех начинается именно с созерцания соблазнительного помысла.

Некоторые забывают о том, что Евангелие – это учение Сына Божия, то есть учение совершенно правильное, истина без всяких искажений, ошибок, даже тени неточности. Никто из нас не может оказаться в таких условиях, в которых Евангелие стало бы для него недействительным, хотя бы в какой-то своей части. Это – Божественные законы, которые нам не столько даны, сколько открыты Господом Иисусом Христом, ибо они существуют от века. Как есть законы вещественного мира, так есть законы и мира духовного, и обойти или изменить их нельзя. Если мы пытаемся это сделать, то уподобляемся человеку, который бросает камень вверх и думает, что в данном случае произойдет какое-то исключение и камень не упадет.

Нам иногда кажется, что непреложность духовных законов условна. Но это не так. Спаситель сказал: *Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам*. Значит, мы должны осознать, что от соблазнов не уйдешь: они всегда будут нас преследовать. Если мы убедим себя в том, что борьба с помыслами не обязательно должна быть в высшей степени жестокой, то мы никогда не выйдем из нее победителями, и виноваты в нашем поражении будем только

мы. Это очень важный момент: пока мы не поймем, что необходимо именно чрезвычайное насилие над собой, необыкновенное понуждение себя, мы не избавимся ни от одной страсти и в своей духовной жизни не сдвинемся с мертвой точки. Мы будем недоумевать: в чем же причина неудачи? А причина в том, что мы не хотим исполнять Евангелие, желаем быть исключением, хотя исключением по большей части мы можем быть только в худшем смысле.

Далее Господь наш Иисус Христос вновь говорит об отношении к ближним, потому что без смирения перед ними, без правильного отношения к ним – прежде всего к нашим единоверцам, братьям и сестрам во Христе, – не может быть спасения. Неприятно об этом говорить, но чаще всего мы вообще не думаем о других людях. *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих, ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного (Мф. 18, 10).* Спаситель снова употребляет слово «малые», имея в виду тех людей, которые в наших глазах выглядят ничтожными, ничего не значащими, заурядными. Порой мы испытываем презрение даже к тем, кто во всех отношениях выше и лучше нас. Спаситель же учит нас не презирать и тех людей, которые кажутся нам ничтожными. Мы должны смотреть не на их видимое ничтожество, но на то, что ангелы, их охраняющие, предстанут пред лицом Божиим. Тот, кто в наших глазах незначителен, перед Богом велик, потому что ангел-хранитель этого человека молится о его спасении Самому Творцу.

Спаситель говорит о Себе: *Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее (Мф. 18, 11).* Человек может казаться нам «малым» не только по причине, допустим, малых умственных способностей или скромного положения в обществе, но и из-за своих грехов. Мы можем считать человека тяжким грешником, потому что он утопает в грехах, не соблюдает заповедей, не живет церковной жизнью. Однако и его мы не должны презирать. Во-первых, ангел-хранитель этого человека также предстанет пред лицом Божиим и молится о нем Богу. А во-вторых, Сам Сын Человеческий, Господь Иисус Христос пришел найти и спасти это падшее существо, которое

настолько удалилось от Бога, что стало уже как бы погибшим, потерянным для Него. И если Сам Господь сошел с Небес, воплотился и сделал все для того, чтобы привлечь к Себе и самого ничтожного, грешного, опустившегося человека, то мы тем более не имеем права презирать кого бы то ни было.

Обращаясь к ученикам, Господь спрашивает: *Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? (Мф. 18, 12).* Эта притча была хорошо понятна древним иудеям. Скотоводство являлось одним из их основных занятий, и каждый из них прекрасно понимал, что если бы хоть одна овца из его стада потерялась, то он был бы вынужден пойти ее искать, а найдя ее, весьма бы обрадовался. Если мы радуемся вновь найденной нами вещи, тем более радуется Бог о каждой живой душе, о каждом человеке: *И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся (Мф. 18, 13).* А мы радуемся, когда находим ранее потерянную дорогую вещь, а человеком совершенно пренебрегаем, как будто он гораздо хуже той вещи, которую мы потеряли. На деле оказывается, что любви в нас совершенно нет: мы переживаем о сохранности своих вещей и совершенно безразличны к тому, спасается наш ближний или погибает. Но если уж мы не можем сразу приобрести любовь к ближним, то по крайней мере должны сокрушаться о своем к ним равнодушии, о своем каменном сердце.

Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих (Мф. 18, 14). Некоторые неверно полагают, что одним предназначено спастись, а другим – погибать. Однако если человек погибает, то не потому, что такова воля Божия о нем, а потому, что он сам уготовил себе гибель, противясь Божией воле. Отец наш Небесный ищет спасения каждого человека, даже самого отвратительного, самого падшего. Если бы мы даже твердо знали, что такой-то человек не спасется (хотя до конца в этом не может быть уверен никто), то и в этом случае мы не должны были бы презирать его. Ведь человек

погибает не по воле Божией, а противясь ей, поскольку воля Божия заключается в том, чтобы он спасся. Как же мы можем презирать того, кого любит Небесный Бог Отец?

Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих. Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего (Мф. 18, 14–15). Слово «обличение» часто понимают неправильно, придавая ему отрицательный смысл и подразумевая такую ситуацию, в которой человеку приходится перетерпеть резкое, грубое обращение и даже оскорбления. Однако здесь имеется в виду совсем другое. Когда мы презираем брата, мы бываем к нему совершенно безразличны, он для нас словно бы не существует и потому мы предоставляем его самому себе. А если мы имеем к нему истинную любовь, то не можем оставить погибающего брата в неведении о его грехах, поэтому должны обличить его именно из чувства любви. Но нам обязательно нужно понимать, обличаем мы его по любви или же от злобы, ненависти, просто для того, чтобы человеку досадить. Если мы не чувствуем к этому человеку любви, то, вероятнее всего, нами руководит какой-то страстный мотив. Тогда нам лучше оставаться в бездействии – иначе получится, что мы обличаем человека не ради его спасения, а ради удовлетворения своей страсти.

Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего. Вот таким образом, тайным обличением, мы приобретаем ближних. Откровение помыслов, собственно, и есть то самое действие, которое предписывается Евангелием, с той только поправкой, что погибающая сестра сама приходит к старице и все рассказывает. Старица же обличает ее не для того, чтобы удовлетворить свою страсть, а для спасения сестры. Поэтому, рассказывая о своих прегрешениях на откровении помыслов или на исповеди, мы не должны бояться обличения. Наоборот, мы должны его жаждать, потому что через обличение, каким бы оно ни было: строгим, грубым или ласковым, – человек

спасается. Он, потерянный для Бога, приобретает для Него вновь.

Далее Спаситель говорит: *Если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово (Мф. 18, 16)*. В монастырях это также бывает, конечно, в виде исключения и ради того, чтобы принести пользу погибающему брату или сестре. Например, нерадивую послушницу или монахиню вызывают старшие сестры, беседуют с ней и пытаются вразумить. Бояться этого не нужно. Бояться надо греха, а не обличения, потому что последнее как раз исцеляет от греха. Не нужно смущаться и монастырской строгостью: хотя мы и имеем произволение к спасению, но по немощи нашего естества постоянно уклоняемся от него в греховные желания. Наше произволение все время колеблется в каких-то мелочах, поэтому мы должны быть готовы к обличению, к строгости, к наказаниям, ведь таким образом спасается наша душа. В монастыре наказания – это проявление любви, а отнюдь не неприязни. Порой сестра считает, что если кто-нибудь на нее пожаловался старшим, рассказал о ее проступке, то поступил плохо. Конечно, кто-то может поступить так и из желания досадить той или иной сестре, но по большей части, я думаю, это делается у нас ради того, чтобы не оставить сестру в неведении о ее проступках. Ведь порой со стороны они бывают виднее, так как поступки и слова других людей мы способны оценить более трезво, чем свои собственные.

Если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви (то есть всему обществу верующих. – Схиизум. А.); а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь (Мф. 18, 16–17). Святые отцы действительно отвергали человека, который не слушался всего церковного собора – чаще всего это был Собор епископов той или иной Поместной Церкви или даже Вселенский собор. В монастырях же, если человек не хочет следовать тому, чего требует от него все братство или сестринство монастыря, то его извергают из этого общества,

чтобы он не отравил других и сам опомнился, понял, какой страшный поступок он совершил, осознал, что погибает. Поэтому к нему применяется жестокость, но жестокость с целью исцеления. Так советует поступать, например, преподобный Нил Сорский: не исправляющегося брата изгонять из монашеского общества. Если же мы будем к такому человеку снисходить и все ему прощать, то он, скорее всего, будет все более и более развращаться.

Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе (Мф. 18, 18). Хотя эти слова более всего относятся к апостолам и наследникам их благодати – епископам, а также в значительной мере к священникам, однако их можно отнести и ко всему христианскому обществу: если мы будем жить по Евангелию, то наши слова будут иметь великую силу, будут действительны и значимы даже на Небесах. Если же какой-нибудь епископ или настоятель (а может быть, и общество братьев или сестер монастыря или даже целый народ) будет проявлять упорство в каком-либо неправильном мнении, то такая твердость не будет иметь никакого значения. Наши слова сильны лишь в том случае, если они согласны с Евангелием. Слово ребенка, сказанное по Евангелию, будет твердо и поистине действительно на Небесах, а слово, противное Евангелию, – пусть его скажет даже самый великий в церковной иерархии человек, епископ или патриарх, – будет ничтожным и ничего не значащим.

Вот о чем говорит здесь Спаситель. Не нужно понимать Его слова так, будто любой человек, облеченный иерархической властью, может делать все, что ему угодно, а Бог будет повиноваться любым его желаниям. Неужели Бог – это некая безличная субстанция, которой руководит тот или иной, исполненный энергии и разума, человек? Конечно, предполагать это просто смешно. Бог повинуеться только тому, кто действует по Его воле, а правильнее сказать, это мы повинемся Богу, и, поскольку мы становимся проводниками Божественной воли, наши слова приобретают великую силу. Именно потому, что мы

исполнили волю Божию, связанное нами на земле бывает связано и на Небесах.

Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного (Мф. 18, 19). Если мы будем просить Бога о каком-то деле, угодном Ему, то наша просьба будет удовлетворена. И наше единение в воле Божией принесет свои обильные плоды, ибо сказано: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них (Мф. 18, 20).* Когда люди не просто прикрываются именем Господа Иисуса Христа, но на самом деле действуют во имя Его, тогда среди них присутствует Сам Господь, Который ради славы Божией может исполнить все.

Подводя итоги наших рассуждений об этой беседе Господа с учениками, повторим условия, необходимые для того, чтобы войти в Царство Небесное. (Мы сейчас не говорили о том, что нужно делать, чтобы быть в этом Царстве бóльшим. Любой здравомыслящий человек думает прежде всего о том, чтобы в Царство Божие просто попасть, ведь неизвестно, войдем ли мы в него вообще.)

Итак, прежде всего нам нужно смиряться – так же искренне, как смиряются дети. Надо стараться самим никого не соблазнять, а в борьбе с соблазнами проявлять к себе необыкновенную жестокость. Мы никого не должны презирать, даже самого ничтожного, самого грешного человека. Если мы обладаем даром любви, то мы не должны быть к этому человеку безразличны, наш долг – делать все для его спасения. Если же мы любви не имеем, то надо постараться по крайней мере не досаждать ему, а самим смиряться и укорять себя.

Мы должны понять, что самое главное – это необходимость искреннего смирения и жестокой, мужественной борьбы с соблазнительными помыслами, в том числе и с помыслами гордости. Если мы не будем соблюдать этих духовных законов, то нам не помогут самые мудрые советы и даже самая усердная молитва. Нам не поможет даже непосредственное руководство святых отцов: ни Антония Великого, ни старца Силуана Афонского, ни Амвросия Оптинского, ни святителя Игнатия, ни

Иоанна Златоуста, – и тем более мы не получим пользы от чтения их творений. Даже если мы исполнимся необыкновенной, нечеловеческой мудрости и прекрасно будем разбираться в святоотеческом учении, но при этом не проявим такого жестокого понуждения себя, о котором мы сегодня говорили, то от этого не будет никакого толку и наша духовная жизнь будет безуспешной.

* * *

Вопрос. Бывают такие ситуации, когда в храм приходят со своей бедой люди, которые редко посещают церковь. Я не знаю, могу ли я их обличить, упрекнуть за то, что они не ходят в храм?

Ответ. Когда человек приходит с бедой, ему прежде всего необходимо сочувствие. Если ты будешь его упрекать и говорить, что он виноват в этом сам, то это может плохо кончиться. Один священник рассказывал мне, что однажды он поступил подобным образом и потом сокрушался от своей неопытности. Он пришел освящать какую-то квартиру, а хозяйка стала рассказывать ему о своих скорбях, о болезнях и о том, что умер кто-то из ее родственников. Он ей сказал: «Это естественно – в церковь вы не ходили, Богу не молились. Все справедливо». Та разрыдалась, и пользы от такого его ответа, конечно, не было: только человека обидел.

Говорить что-то подобное надо очень сдержанно, взвешенно, «дозированно» – в зависимости от того, насколько человек может это принять. Пусть ты тысячу раз права, но если он твоих слов не принял, то результата никакого не будет. Бывает, что человек может обидеться, даже если ты говоришь сдержанно, – люди в наше время гордые и поэтому немощные, часто не могут потерпеть назиданий. Но все же что-то ему сказать нужно, – конечно, очень мягко. Это трудно, но этому нужно научиться. Бывают экстренные случаи, при которых человеку нужно сказать всю правду. Допустим, человек болен какой-то смертельной болезнью, например у него рак. Ему нужно сразу сказать: «Ты должен исповедаться, покаяться за всю свою жизнь, причаститься, собороваться, а иначе ты погибнешь. Будешь медлить – можешь и не успеть». Если

человек говорит, что его отправляют в Чечню, то ему тоже надо сразу сказать, что́ нужно срочно сделать, потому что потом может не быть времени. А в остальных случаях, когда ситуация позволяет, нужно стараться быть мягким, думать о пользе человека, а не о том, прав ты или нет. Какой от нашей правоты толк, если мы принесли человеку вред?

Вопрос. Как объяснить то, что человек, который искренне считает себя погибающим, все же чувствует, что спасется?

Ответ. Человек смиряется, кается в своих грехах, но надеется на милость Божию. Некоторые люди, имея глубочайшее смирение, сами себя осуждают на ад, но, вопреки всякой логике, одновременно чувствуют необыкновенную близость к Богу и имеют извещение о милости Божией. Пока они так смиряются, это ощущение близости продолжается, а по мере умаления смирения благодать удаляется, и человек теряет уверенность в спасении.

Эти вещи противоречивы только с точки зрения логики, в духовной жизни они естественно сочетаются. Чем глубже человек смиряется, тем спокойнее себя чувствует: он плачет о своих грехах и в то же самое время ощущает надежду на спасение. Когда же он теряет память о своих грехах, то ему все становится безразлично, он живет с каменным сердцем, не чувствуя ни надежды, ни отчаяния.

Вопрос. Может ли у детей быть лукавство? Если я не ошибаюсь, кто-то из святых отцов сказал, что нынешние младенцы своим лукавством превосходят взрослых.

Ответ. Все зависит от того, какие взрослые и какие дети. Одна пожилая женщина рассказывала мне, как однажды увидела на улице мальчика лет десяти, который грубо себя вел. Эта женщина была, как говорится, старой закалки и решила сделать ему замечание. В это время началась гроза, и она ему сказала: «Смотри, плохо будешь себя вести, Бог тебя накажет и молния тебя убьет». А он в ответ: «Иди домой и молись». Женщина ужаснулась и ушла. Что можно сказать таким детям?

Человечество становится все более и более лукавым. Об этом рассуждает Нил Мироточивый. Иоанн Лествичник, который

жил в конце VI – начале VII столетия, пишет: «Почему современные нам подвижники имеют те же подвиги, что и древние отцы, но не показывают такого преуспеяния? Потому что не имеют той простоты и смирения, которые имели древние»³¹. Значит, уже в VI веке люди не имели той простоты и смирения, какие имели древние отцы. Что уж говорить про наше время! Потому Господь и не дает нам возможности совершать великие подвиги, что из-за нашей гордости и лукавства мы получим от них скорее вред, чем пользу. Поэтому нам остается только смиряться, когда мы видим свое убожество, немощь, нерадение. Мы, как сказал Нифонт Блаженный, должны идти путем умного делания, растворенного смирением.

Вопрос. Не могли бы вы привести конкретный пример жесткости в борьбе с помыслами? Как применять эту заповедь на деле?

Ответ. Когда нас искушает какой-нибудь помысел, вызванный даже, казалось бы, самой мучительной страстью, например унынием или отчаянием, мы этим помыслом услаждаемся. Это происходит потому, что обстоятельство, которое привело нас в уныние, кажется нам справедливым поводом унывать и размышление на эту тему для нас утешительно. Допустим, нас обидели. Мы начинаем думать: «Как можно стерпеть такую несправедливость?» – и впадаем в уныние. Этот мерзкий, отвратительный помысел нас, конечно, мучает, но в то же время (мы должны себе в этом честно признаться) и услаждает: если бы он нас не услаждал, мы бы его и не принимали.

Всякая страсть имеет в себе как услаждающую, так и мучительную сторону. Преподобный Максим Исповедник говорит о том, что наслаждение обязательно влечет за собой страдание. Например, блудная страсть, которая, казалось бы, приносит человеку наслаждение, тем не менее тоже его мучает. Собственно, и удовлетворение страсти прекращает муку лишь на мгновение. На самом деле страдание от блудной страсти иногда даже гораздо более страшное, чем от других страстей.

Поэтому, когда мы боремся, например, с помыслом уныния, мы должны бороться и со всеми его причинами, то есть с мыслями о том, что мы такие добрые, благородные, а с нами поступили несправедливо и жестоко. Эти мысли дороги и важны нам, они нас оправдывают, мы ими услаждаемся, начинаем испытывать печаль и находим в этом состоянии некоторое утешение. Оно нам дорого, потому что оправдывает нас. Но мы должны мужественно, с жестокостью отсечь все эти «справедливые», дорогие нам поводы для уныния, отбросить всякую мысль, которая приводит в действие ту или иную нашу страсть. Конечно, без Иисусовой молитвы сделать это невозможно, но при этом должно быть и наше собственное усилие.

Лучше нам мучиться в борьбе со страстью, отсекая греховные помыслы, привычные нам настолько, что они стали как бы нашими членами, нашим естеством. Лучше нам испытать страдания от отсечения этих, так сказать, мысленных членов, чем муку от самого действия страсти, которое бесконечно, потому что удовлетворить страсть невозможно: по мере удовлетворения она только больше разгорается. В этой жизни мы можем удовлетворить страсть хотя бы отчасти и имеем от этого некоторое утешение, кроме того, мы имеем возможность утешаться, например, общением с людьми. В будущей жизни не будет ни утешений, ни возможности удовлетворить страсть, и она, как кровожадный голодный зверь, набросится на нас со всею своею яростной силой, она будет жечь нас, подобно огню. Мы и сейчас иногда ощущаем страсть как действие огня, а в будущей жизни так будет уже почти буквально.

Вопрос. Мы можем заметить в себе действие гордости. А как мы можем заметить в себе смирение? В чем оно проявляется внутренне – в душевном мире, в спокойствии?

Ответ. Смирение может проявляться в снисхождении к ближним, терпении обид, может быть даже радости, когда тебя унижают. Действительно, смирение дает какое-то внутреннее спокойствие, в особенности при скорбях. О смирении также свидетельствуют любовь к ближнему, предпочтение ближнего себе.

Не нужно думать, что какие-то добродетели, появляющиеся в человеке, например смирение или любовь, никак не объяснимы и вообще не осязаемы. Безусловно, они вполне определенные, конкретные, просто мы по неопытности их либо не знаем, либо, в лучшем случае, знаем только по описаниям святых отцов и поэтому рассказать о них точно не можем. А тот, кто эти духовные чувства испытал, кто постоянно их переживает, может их описать. Бывают люди, которые не умеют излагать своих мыслей, но если человек обладает хоть каким-то даром слова, то он может рассказать о своих чувствах и самыми простыми словами. Наставления египетских подвижников изложены весьма незатейливо, но их слова имеют для нас силу и по сей день.

Вопрос. *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим.* Но настоящее смирение приобретается многими десятилетиями, значит, сейчас нам нереально приобрести душевный покой? И как относиться к покою в душе сейчас, в моем страстном состоянии: как к временному утешению и укреплению от Господа?

Ответ. Этот покой водворяется в нашей душе тогда, когда в нас действует благодать Божия или проявляется какая-либо добродетель, например смирение или любовь к ближнему. Мы не имеем представления о том Божественном покое, о той тишине, которая нисходит в душу человека при обильном действии благодати или при полном смирении, поэтому то малое утешение, которое мы испытываем, кажется нам великим.

Вопрос. Если сестра тебя укорила в том, в чем ты не виновата, будет ли правильно попросить у нее прощения ради примирения? Вообще, нужно ли в любом случае брать вину на себя?

Ответ. Если это не вредит послушанию, работе, то лучше смириться. А если это в конечном счете нанесет вред делу, тогда нужно сказать об этом самой этой сестре, старшей по послушанию или старице. Допустим, в швейной мастерской кто-то напрасно тебя укорит в том, что ты будто бы неправильно шьешь, а ты смиришься и начнешь делать так, как тебе

советуют, и в результате такого «смирения» будешь и на самом деле шить плохо. Конечно, и в этом случае, не принимая самого замечания, укорение надо перенести спокойно.

А в других ситуациях (допустим, кто-то разбил чашку, а укорили тебя) можно смириться. Конечно, тут надо рассчитывать свои силы, потому что иной «смирится», а потом так обидится, что лучше бы он и не «смирился».

Вопрос. Если при искушении стараюсь быстрее открыть старице помыслы, чтобы от них избавиться, то получается, что я как бы избегаю борьбы. Такое устройство неправильное?

Ответ. Правильное. Но, во-первых, возможность исповедать помыслы есть не всегда, поэтому бороться с собой все равно придется. Во-вторых, откровение помыслов не избавляет нас от борьбы с ними при помощи молитвы, оно только помогает в этом. Самое главное все-таки не откровение помыслов, а молитва. Можно спастись и не имея возможности открывать помыслы (хотя это и трудно), а только молясь и таким образом облегчая свою борьбу. Однако невозможно спастись, когда ты помыслы открываешь, а молитву Иисусову и вообще умное делание оставляешь. Если нет умного делания, то в этом случае даже непонятно, зачем тогда откровение помыслов, потому что оно представляет собой делание хотя и очень важное, но как бы сопутствующее, вспомогательное.

Вопрос. Батюшка, я читала об одном старце, который сказал, что он не боится даже ада, потому что так любит Бога, что и в аду будет крепко держать Его в объятиях своей любовью. Как это понимать?

Ответ. Это не значит, что тот старец действительно сойдет в ад и будет там держать Бога своей любовью. Просто у него было такое чувство любви, что он не мыслил себе, что где бы то ни было – даже в аду – можно быть без Бога.

О духовном трудолюбии³²

Когда человек поступает в обитель или вообще приступает к духовной жизни – не важно, в монастыре или в миру, – он может еще многого не понимать. Тем не менее им движет та сила, которую принято именовать ревностью. Ее необходимо сохранять всю жизнь, и не только сохранять, но и приумножать. Если мы потеряем ревность, значит, лишимся того, что помогает нам терпеть скорби, сопутствующие такому необыкновенному образу жизни, каким является монашество. И может случиться, что пройдет несколько лет и мы с удивлением подумаем: а что мы делаем в монастыре, зачем так мучаемся? Проведя в обители многие годы, будем сожалеть, что избрали этот путь, хотя могли бы жить как все, в миру и все у нас, как говорится, было бы хорошо.

В то же самое время необходимо, чтобы наша ревность была разумной, а не стихийной и необузданной. Неразумная ревность не приносит никакой пользы, потому что действует в человеке неправильно или, точнее сказать, толкает его на неправильные поступки. Именно стихийность и неразумность – первопричины того, что ревность в конечном счете пропадает. Разумная ревность – это умеренная ревность. Умеренная не значит слабая. Такая ревность проявляется соразмерно и своевременно: желание угождать Богу усиливается в человеке постепенно. Возрастая, она, с одной стороны, исполняет монаха рассуждения, просвещает его разум, с другой – крепнет сама. Однако нужно иметь в виду, что у новоначальных ревность как раз стихийная, неразумная и, как правило, соединенная с некоторой наивностью, фантастическими представлениями о духовной жизни. Некоторые думают, что монашеская жизнь – это исключительно уединение, молитва, множество свободного времени, которое можно использовать для духовных занятий: например, для того, чтобы много читать. Когда такие люди приходят в монастырь, то сталкиваются с тем, что здесь приходится много трудиться, постоянно быть занятым и жить не по своей воле: не только в

мелочах отсекай свои желания и делай то, что тебе делать не хочется, или то, что ты считаешь неправильным с точки зрения здравого смысла, но и ломать себя в самом главном – бороться со своим неверным представлением о духовной жизни.

Духовная жизнь – это не мечтательность, не витание в облаках, не рассуждение о возвышенных предметах, а постоянная борьба с самим собой. Для того чтобы основание нашей молитвы было прочным, оно должно покоиться на послушании и самоотвержении. Даже там, где, казалось бы, слушаться некого, мы, сталкиваясь с разными, часто абсолютно неверующими людьми, бываем вынуждены в силу обстоятельств перед ними смиряться, как-то себя стеснять. Иначе в человеческом обществе жить невозможно. Поэтому отвергать свою волю, смиряться нам придется в любом случае: смиряет ли нас кто-то сознательно, ради нашей же пользы, или неосознанно.

Если не положить в основание духовной жизни отвержение себя, терпение разных жизненных обстоятельств, в которых мы находимся, то благодать, которую мы, может быть, действительно получим, и молитва, в которой мы в какой-то момент, возможно, преуспеем, окажутся непрочными, и мы всё это быстро потеряем, потому что истинная основа преуспевания – смирение. Где духовное развитие человека, его молитвенное преуспевание сопровождаются смирением, там все прочно и основательно. Где нет этого, так сказать, содружества, там только иногда, по милости Божией, бывает некоторый подъем в духовной жизни. Иногда в нас самих действуют какие-то искренние, но мало понятные нам чувства. Мы не знаем, по какой причине они возникают и исчезают, и, приобретая или потеряв благодать, также не понимаем, почему это произошло. Духовное устройство человека в этом случае будет непрочно.

Все без исключения святые отцы советовали начинать свою евангельскую, покаянную, монашескую жизнь именно в общежительном монастыре, где мы, смиряясь друг перед другом и уступая друг другу, приобретаем настоящую ревность. Наша, пусть даже весьма искренняя и сильно действующая, но, по сути, детская и наивная ревность из случайной и ни к чему не

приводящей становится разумной, размеренной и полезной. Нужно, как ни странно, научиться совмещать ревность с рассуждением, то есть иметь пламенеющее любовью к Богу сердце и печаль о своих грехах и в то же время обладать здравым смыслом. Здравым не в житейском понимании, когда мы печемся о том, чтобы не потерпеть ущерба, боимся лишний раз в чем-то уступить своему ближнему (а то ведь на голову сядет!), а в евангельском, то есть таким здравым смыслом, который помогает исполнить заповеди.

Этот здравый смысл и необходимое нам рассуждение возникают от послушания более опытным братьям, которые подсказывают, что́ нам нужно делать, чтобы было легче исполнить евангельские заповеди, и руководствуются при этом как опытом святых отцов, так и своим собственным, пусть даже горьким, извлеченным из ошибок. В этом послушании, собственно, и должна больше всего проявляться ревность. А в нас она зачастую действует совсем по-другому: хочется всем пренебречь, удалиться в келию или спрятаться в такое место, где нам никто бы не мешал молиться. Мы начинаем роптать на монастырскую жизнь, думаем, что в наше печальное и бездуховное время нет такого места, где можно было бы жить истинной монашеской жизнью в нашем понимании. А наше представление о ней основано на неопытности и гордости. Такое духовное состояние – самое худшее. Бывает, что человек стремится к уединению бесполезному, даже губительному, но он еще не безнадежен. Тот же, кто считает, что в наше время не осталось такого места, где можно было бы жить духовной жизнью, остывает, фактически пребывает в пасти отчаяния. Такому трудно вернуться к прежней горячности, так сказать, к духовному трудолюбию.

Между тем правильная ревность состоит именно в духовном трудолюбии. Обладающий им человек на протяжении долгих лет изо всех сил усердно трудится над возделыванием своей души. Если иметь постоянное горячее желание проводить таким образом свою жизнь, то и скорби будут переноситься с легкостью. А если оно пропадает, то и от легкого замечания мы будем страдать так, как будто нас необыкновенно сильно

унизили. Почему я говорю о ревности как об одном из самых главных, начальных свойств, необходимых православному христианину, а в особенности монашествующему? Потому, что все остальное дается со временем и благодаря трудам. Бывает, что человек в душевном отношении совершенно развращен, то есть подвержен всем страстям: гордости, лукавству, чревоугодию, унынию и так далее. Но если он имеет ревность, то будет усердно трудиться и постепенно меняться.

Ревность усиливается от правильного прохождения монашеского подвига, а в особенности от Иисусовой молитвы. Но упражнение в ней требует определенных условий, которые состоят в подчинении монастырскому быту. В этом как будто бы совершенно прозаическом делании на самом деле заключена великая польза. Если мы сидим в келии и мечтаем о том, что мы ниже всей твари, как думали о себе святые отцы, или, подобно старцу Силуану Афонскому, говорим, что когда мы умрем, наша душа пойдет в ад, то все это по большей части оказывается наивным мечтанием и, может быть, даже игрой перед самим собой. А когда мы реально смиряемся друг перед другом, то совершаем самое настоящее великое дело. Допустим, сосед по келии всю ночь ворочается, храпит, не дает спать: вытерпишь – проявишь подлинное смирение. Это на самом деле трудно вынести. Смиряться по-настоящему, как старец Силуан, конечно, гораздо выше, но для нас это недоступно: мы, если перефразировать евангельские слова, думаем, что имеем нечто, на самом деле не имея ничего. Когда кто-либо из братии не хочет работать, считая, что достоин лучшего времяпрепровождения и что бóльшую пользу он получит, сидя в келии, то на самом деле он ничего не приобретает, а только мечтает. Когда же мы постоянно уступаем друг другу, смиряемся перед старшей братией, тогда и происходит настоящее, глубокое, истинное изменение, причем в душе, в действительности, а не в мечтах. Иное дело, когда мы прочитаем какую-то книгу, правильно поймем наставление, может быть даже сами до чего-то додумаемся, а иное – когда мы на самом деле изменимся. Что-то понять, измениться умом, то есть изменить свои убеждения, – это

сравнительно легко, а вот измениться самому соответственно собственным взглядам (даже если ты имеешь добродетель рассуждения, внимаешь святоотеческому учению) – это уже гораздо тяжелее и иногда представляется почти невозможным. В жизни даже один реальный шаг сделать гораздо труднее, чем мечтать о великих свершениях.

Я так много говорю об этом для того, чтобы направить вашу ревность в нужное русло, туда, где она действительно будет приносить пользу, то есть, усиливаясь от действия благодати, менять вас. Ревность должна сохраняться в человеке всю жизнь и с течением времени не угасать, а все более и более усиливаться.

Многие братья до прихода в монастырь о монашестве ничего не читали, а потому имеют о нем весьма поверхностное представление. Может быть, прочитали «Жития святых» Димитрия Ростовского, а ведь там все идеализировано. Если сравнить, например, Серафимо-Дивеевскую летопись митрополита Серафима Чичагова и житие Серафима Саровского в том виде, в каком оно помещено в «Четьях-Минеях», мы увидим большую разницу. В последнем не сообщается о тех притеснениях, которые пришлось претерпеть преподобному Серафиму от братьев, не понимавших его подвига, о тех скорбях, которые терпели сестры Серафимо-Дивеевского монастыря от лжеученика старца, – поэтому все выглядит, так сказать, в розовом свете. Но в жизни-то бывает иначе. Такие книги хороши и по-своему полезны, потому что возбуждают ревность, но они не дают правильного, точного понятия о том, что представляет собой действительная монашеская жизнь. Они не подготавливают человека к тому, с чем ему придется на этом пути встретиться. Такой человек приходит в монастырь, видит там столь же несовершенных людей, как и он сам, и этим соблазняется.

Наш монастырь молодой, и хотя у нас есть более опытные братья, но на самом деле мы все молодые, неопытные монахи, и тот, кто хочет соблазниться, легко найдет у нас для этого повод. В обители много такого, что может оказаться не соответствующим представлениям новонаначального брата о

монашестве: здесь не встретишь Антония Великого или Антония Печерского. Но если мы и от того малого, что предоставил нам Промысл Божий, откажемся, то потеряем ревность. А если и останемся в обители, то не будем ревностно трудиться над собой, а будем жить спокойно, «приспособимся», а то и вовсе захотим уйти, потому что не сможем терпеть, но не скорби, а самих себя. И тогда уже точно ничего не приобретем. А что значит терпеть самих себя? Когда мы сталкиваемся с теми или иными обстоятельствами, то можем или их изменить, или им подчиниться. Как можно изменить что-либо в монастыре? Думаю, никто не станет совершать здесь революцию. Поэтому человек либо уходит из обители и таким образом меняет неудобные для него обстоятельства, либо подчиняется им. Слово «подчинение» означает, что человек принимает то, что ему изначально не нравилось (да и не может быть так, чтобы человеку все подходило). Допустим, кто-то любит спать, а здесь нужно рано вставать. Кто-то привык вечером плотно есть, а его не благословляют. Кому-то нравится читать книги, а его заставляют молиться. А кто-то как раз любит молиться неумеренно и неправильно, но его понуждают работать на послушании.

Мы ставим себя в жесткие рамки монастырского устава, который предписывает послушание настоятелю, духовнику, даже эконому – в тех случаях, когда он может распоряжаться нами. Здесь все наши страсти: гордость, тщеславие, уныние и другие – выходят наружу. С ними нужно бороться, уничтожать их в себе с Божией помощью, с помощью таинств, в первую очередь – исповеди и причащения, а также посредством непрестанной молитвы, внутренней борьбы и тех епитимий, которые для нашей же пользы налагают на нас старшие братья. Все это или должно помочь нам измениться, или будет нас возмущать, однако долго в состоянии возмущения находиться невозможно: мы будем терзаться душой до тех пор, пока не сдвинемся в ту или другую сторону. Придется подчиниться обстоятельствам и начать бороться с собой, потому что на самом деле все обстоятельства монашеской жизни премудро устроены святыми отцами именно так, чтобы помочь нам

исполнить заповеди. Монашеская жизнь выявляет наши страсти, нашу греховность, показывает, в чем мы должны исправиться.

Можно было бы так жить и в миру, но это гораздо труднее – сложно самого себя заставить жить по-евангельски. И в миру можно было бы взять на себя евангельское иго заповедей, о котором Спаситель говорит так: *Возьмите иго Мое на себя* (Мф. 11, 29). Если бы мы жестко требовали от себя исполнения всех заповедей: не смотреть с вождением на лиц противоположного пола, не гневаться всуе и так далее, тогда в миру наши страсти тоже обнаружились бы и нам пришлось бы с ними бороться. Но мы не можем добровольно взять на себя это иго, у нас недостает силы духа для того, чтобы самостоятельно жить по-евангельски. У нас хватает силы воли только на то, чтобы сделать один шаг – уйти в монастырь, туда, где заповеди исполнять удобнее. Мы понимаем, что сами с этим не справимся, нам нужна посторонняя помощь, мы ищем ее и потому уходим в обитель. В таком внутреннем расположении нет ничего принципиально нового по сравнению с тем, чему учит Евангелие: согласно учению преподобного аввы Дорофея, монашеский путь – это путь, изобретенный святыми отцами для более удобного исполнения евангельских заповедей. Поэтому тот, кто, живя в монастыре, не хочет терпеть монастырского устава, одновременно не хочет исполнять евангельские заповеди на деле.

Казалось бы, какая связь между заповедями и монастырским уставом? Я уже говорил, что мы мечтаем о христоподражательном смирении, а на деле не можем вытерпеть брата, который доставляет нам неудовольствие какой-нибудь неприятной привычкой. Мы мечтаем об исполнении заповедей, но бываем не в состоянии исполнить того малого, что нам предоставлено обстоятельствами, того, что является более простым и легким, то есть монастырского устава. Под уставом я имею в виду не только режим, но и всю полноту установленных порядков: откровение помыслов, послушание настоятелю, келейное

четочное правило, непрестанную молитву – все это объемлется нашим уставом, который вы, я думаю, знаете почти наизусть.

Мы не можем исполнить малого, а мечтаем о великом. Нам необходимо приобрести правильную, разумную ревность – такую, которая будет приносить плоды, а не такую, которая заставляет нас мечтать и впустую тратить время.

* * *

Вопрос. Вы говорили, что стяжать ревность можно понуждением себя к молитве. А понуждать себя нужно вообще ко всем добродетелям?

Ответ. Понуждать себя нужно, конечно, ко всему. Но более всего к молитве, потому что в молитве мы получаем помощь Божию. Если мы умом осознаём, что, допустим, нужно идти выполнять тяжелую или какую-то унижительную работу, а нам лень, сердце противится, тогда нужно усиленно молиться, просить помощи у Бога. Если мы не будем молиться, то собственных сил нам не хватит. Можно сказать, что их вообще ни на что не хватает, за исключением исполнения тех добродетелей, которые свойственны нам от природы или, может быть, даны хорошим воспитанием. А когда в нас нет доброй склонности к какой-либо добродетели, нам бывает очень трудно – не только потому, что мы не хотим ее исполнить, но и потому, что мы не можем, так как у нас такого качества нет. В этом случае мы должны молиться и просить помощи у Бога. Молитва есть самая важная добродетель, и не потому, что можно ради нее все оставить, а потому, что без ее помощи ничего сделать нельзя.

Вопрос. Батюшка, у меня часто случается следующее: когда читаю святых отцов, допустим преподобных Симеона Нового Богослова или Силуана Афонского, появляется ревность, но когда в какой-либо ситуации эту ревность нужно проявить, она охладевает. Иногда, кажется, пылаю ревностью, и это отражается на моем послушании. Но иногда бывает, хочется поспать, отдохнуть и ничего не делать – махнуть на все рукой.

Ответ. Можно и поспать, и отдохнуть в положенное время. Может, ты просто нуждаешься в восстановлении сил. А

когда необходимости в этом нет и ты в ущерб делу предаешься отдыху, – это, наверное, уныние. Одно дело – воспламениться ревностью от чтения книг, а другое – на деле исполнить то, о чем ты читаешь. Для исполнения необходимы усиленная молитва и, конечно же, понуждение себя, поскольку бывают разные препятствия.

Вопрос. Почему на утренней службе я нахожусь в состоянии дремоты?

Ответ. Нemoщь естества и нemoщь душевная препятствуют исполнению доброго намерения. Во-первых, ревность сталкивается с препятствиями, которые нужно преодолеть, и у многих она сразу же после этого угасает. Например, человек решил, что сейчас он все сделает, но потом, столкнувшись с трудностями, которые нужно преодолеть, чтобы исполнить это веление совести, отказывается от этого дела и ничего не хочет приобретать. Во-вторых, часто ревность действует неразумно, то есть мы беремся за то дело, которое нам не под силу. И, между прочим, упускаем из виду то, что нам предстоят препятствия: нам кажется, достаточно захотеть и в нас воспламенится ревность. Это самонадеянность. Мы часто даже не имеем представления о том, что нам нужно делать, например, для того, чтобы научиться меньше спать, не понимаем, какую цель преследуем и до какой степени мы можем ограничить свой сон. Сколько часов мы должны спать? Пять, четыре, три?

Мы, повторю, из неразумной ревности часто ставим перед собой нереальные цели. Кроме того, даже если мы поставили правильную цель, то не понимаем, что нам нужно сделать, чтобы ее достигнуть. Например, кто-нибудь решил, что с завтрашнего дня будет спать четыре часа в сутки. Допустим, ему это под силу. Но он же не понимает, что необходимо приучаться к этому постепенно, преодолевая себя, терпя многие искушения: тут и нemoщь плоти, и бесовское наваждение, может быть даже от людей какое-то искушение. Чтобы ревность была разумной, необходимо, во-первых, постоянно советоваться с духовником, а во-вторых, помнить, что без труда не выловишь и рыбку из пруда. Качество,

мешающее трезво оценить свои возможности и трудности, которые нам предстоят, называется самонадеянием. Мы часто надеемся на свои силы, полагаемся на свой разум в том смысле, что нам кажется, что мы всё уже правильно поняли и точно знаем, что нам нужно делать. Поэтому у нас ничего и не получается.

Не бывает малых заповедей и ничтожных людей³³

Сегодняшняя беседа коснется бесконечно обширной темы – любви к ближнему. Эту любовь часто отождествляют с самим христианством. Святитель Иоанн Златоуст, обращаясь, конечно же, к мирянам, говорит, что исполнение евангельских заповедей нужно начинать в своей семье. То же самое можно сказать и о монашествующих: исполнение заповедей начинается в своем братстве или сестринстве. Вся жизнь человека проходит в сравнительно узком кругу людей. Мирянина окружают родственники, соседи, сотрудники. Постоянно человек общается, может быть, с несколькими десятками своих знакомых, и по отношению к этим людям он либо исполняет заповеди, либо, наоборот, нарушает. Круг общения монашествующих еще более ограничен: они живут в замкнутом обществе, каждый день на послушании встречают одних и тех же людей, видят соседей по корпусу. Уйдя из мира, отрекшись от него, мы обезопасили себя от самых грубых и тяжких грехов, но не лишились самой возможности грешить. Поэтому нам надо внимательно следить за собой, за тем, как мы относимся к сестрам во Христе. В этом и заключается евангельская жизнь.

Мы думаем, что исполнение Евангелия состоит в чем-то великом, и смотрим на евангельские заповеди как на нечто почти невыполнимое и величественное, даже непостижимое. В каком-то смысле это действительно так. Однако можно рассуждать иначе. В Нагорной проповеди Спасителя есть такое изречение: *Кто будет учить и исполнять (учить других и исполнять сам эти малые заповеди. – Схиигум. А.), тот наречется великим в Царствии Небесном, а кто нарушит одну из малых сих заповедей, тот меньшим наречется в Царствии Небесном* (см. Мф. 5, 19).

Почему заповеди названы малыми? Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что малыми они названы потому, что просты по своему изложению, переданы ясным языком, понятным даже человеку необразованному, простому. Мне кажется, что слово «малые» имеет еще одно значение,

хотя и второстепенное в сравнении с тем, на которое указывает святитель Игнатий. Вспомним еще одно изречение Спасителя: *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного* (Мф. 18, 10). Малым назван ничтожный, презренный в наших глазах человек, который на самом деле велик, потому что его ангел молится о нем Богу. То, что в глазах большинства людей кажется ничтожным, ничего не значащим, в глазах Божиих велико. Часто истинно смиренные люди бывают презираемы. Так, например, в неизвестности, смирении жил наш уральский святой – праведный Симеон Верхотурский, в презрении, унижении жил знаменитый и очень почитаемый в России святой – Алексей, человек Божий. Можно было бы привести много других примеров, скажем юродивые, которых все считали за сумасшедших и презирали: Андрей Христа ради юродивый, Василий Блаженный. Может быть, сотни людей, считавшиеся самыми ничтожными, на деле были великими угодниками Божиими.

Итак, здесь речь идет не о том, что человек мал на самом деле, а о том, что он мал в наших глазах. Мы не можем знать, что на самом деле представляет собой тот или иной человек. Нам он кажется тяжким грешником, достойным всякого презрения, но мы не знаем ни о его покаянии, ни о его подвигах, ни о его тайных добродетелях. Нам ничего не известно о его воспитании, условиях жизни, причинах, по которым он согрешил, – о том, что так или иначе могло бы умалить значение его греха, поэтому справедливо судить о другом человеке мы не можем. Будем считать кого-то малым, ничтожным, а он перед Богом может оказаться великим.

Так и заповеди называются малыми не потому, что они действительно малы и, так сказать, легки, – любой христианин по собственному опыту знает, как трудно исполнить евангельские предписания, – а потому, что мы к ним так относимся, презираем их, считаем ничтожными. По большей части это случается в повседневной жизни. Теоретически мы понимаем их величие, значение, испытываем перед ними благоговейный страх, но как только нужно исполнить заповеди

на деле, мы ими пренебрегаем. Рассмотрим одну из заповедей Нагорной проповеди: *Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: „рака“, подлежит синедриону; а кто скажет: „безумный“, подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22). Страшное прещенье³⁴ налагает Господь на того, кто напрасно гневается на брата, – такой человек подлежит суду, а тот, кто оскорбляет ближнего, как сказано, подлежит геенне огненной. Однако мы эту заповедь презираем, действительно почитаем ее ничтожной, малой, поэтому в отношениях между собой допускаем гнев, раздражение. Это стало для нас чем-то само собой разумеющимся. Мы находим много разных оправданий, для того чтобы нам можно было действовать по страсти и никак себя не останавливать, не сдерживать. Таким образом, для нас заповедь, данная Спасителем, – «малая», а причина нашего гнева – серьезная, «великая».

То же самое можно сказать о любой заповеди, касающейся наших отношений друг с другом: мы эти заповеди презираем, пренебрегаем ими. Мы любим читать Евангелие и желаем при помощи молитвы, внутреннего делания очистить свою душу и сделать ее вместилищем благодати, сделать ее наполненной Божественной любовью. Молитву, покаяние, умное делание, может быть даже послушание мы считаем чем-то великим, значимым и с их помощью надеемся достигнуть любви, а заповеди, обязывающие нас проявлять любовь к ближнему на деле (допустим, безгневие, целомудрие, неосуждение и многое другое), мы почитаем ничего не значащими. Поэтому Спаситель и говорит: *Кто нарушит одну из сих малых заповедей* (даже не все, а лишь одну. – *Схиизум. А.*), *тот меньшим наречется в Царствии Небесном* (см. Мф. 5, 19). Если бы мы оказались меньшими в Царствии Небесном, это еще не беда. Дай Бог, чтобы мы и меньшими были, но только бы оказались там. Однако быть нареченным меньшим в Царствии Небесном может обозначать и то, что мы и совсем туда не попадем, останемся вне Царствия.

Мы должны спуститься с неба на землю и начать смотреть себе под ноги, чтобы не преткнуться, не упасть и не разбиться.

В повседневной монастырской жизни мы пренебрегаем бережным отношением друг к другу: кто-то зашел в келию, случайно хлопнул дверью, а мы раздражаемся, делаем замечание, при этом считаем, что ничего страшного не произошло. Или кто-то попросил нас оказать небольшую услугу, например поддержать кастрюлю, пока сам отлучится на пару минут по хозяйственной надобности, а мы отказываемся, потому что для нас эта просьба ничего не значит. Подумаешь, кастрюля. Совершая такие, на первый взгляд, малозначащие проступки, мы нарушаем заповеди. Да, мы любим Господа, искренне, внимательно, с умилением молимся (я сейчас не говорю о нерадивых), чувствуем во время молитвы благодать, но в бытовых, житейских ситуациях, как будто бы ничтожных, мы попираем заповеди. Здесь наша любовь, так сказать, накопленная в сердце при помощи молитвы, должна была бы естественно проявляться, но мы ею пренебрегаем. В уединении мы еще способны мечтать о том, что любим ближнего, а когда начинаем общаться с людьми, то различными мелкими проявлениями страстей: раздражением, осуждением, ленью, эгоизмом (может быть, это нехристианский термин, но всем понятный, более точное слово – себялюбие) мы показываем, что эти заповеди для нас ничего не значат, что они для нас «малые». И становится ясным, что любви к ближнему у нас нет.

Апостол Иоанн Богослов говорит, что *мы не можем любить Бога, Которого не видим, если не любим ближнего, которого видим* (см. 1Ин. 4, 20). Ведь наш ближний – образ Божий. Если в нас есть любовь к Богу, истинная, а не воображаемая, не мечтательная, не прелестная, то она проявляется и в наших отношениях с ближними. В душе возникает желание угодить человеку, с которым ты встречаешься постоянно или время от времени, сделать ему что-то доброе, в чем-то помочь, проявить снисхождение в тех случаях, если он нас как-то обижает или ущемляет. Все это – естественные проявления любви. Есть в нас любовь к Богу, значит, и любовь к ближним будет. Если нет великодушия, терпения, участливости, снисхождения друг к другу – это свидетельствует о том, что и любви к Богу в нас тоже нет. Под ближними я понимаю тех людей, которые

непосредственно нас окружают, в буквальном смысле близки нам – находятся возле нас. Ближний – человек, который сейчас перед нами, с которым я встретился в коридоре или работаю на послушании. Допустим, на общее послушание взяли кого-то из иконописной мастерской и кого-то из певческого класса. Эти люди в течение дня не так часто сталкиваются друг с другом, но в данном случае они в буквальном смысле являются ближними, то есть находятся рядом.

В чем должна проявляться любовь к ближнему? Конечно, не в том, чтобы сделать для человека что-либо выдающееся, неповторимое и удивительное. Проявлением любви может быть не только помощь в исполнении послушания, но и приветливое слово, даже кивок головы, добрый взгляд. Не нужно думать, что это мало значит. Часто от нашего настроения (в особенности, если мы его показываем) зависит и настроение тех людей, с которыми мы общаемся.

Я не призываю вас к тому, чтобы вы все время улыбались, как это делают американцы, а лишь хочу напомнить, что о приветливости говорится и в Евангелии. Спаситель сказал: *Если вы приветствуете только ваших братьев, то чем вы лучше язычников?* (см. Мф. 5, 47). Получается, что истинный христианин должен приветствовать всех. Между прочим, раньше, в дореволюционной России, эти слова Господа понимались буквально. Да и сейчас в деревнях, маленьких провинциальных городках все друг с другом здороваются. Идет по улице незнакомый человек и говорит: «Здравствуйте!» Иногда дети, особенно примерные школьницы, по своей неопытности всем подряд говорят: «Здравствуйте! Здравствуйте!» Мне, например, нравится, когда со мной здороваются. Это само по себе создает доброе настроение. Встречает тебя человек и говорит: «Желаю, чтобы ты был здоров». Разве это плохо? В древности друг друга приветствовали иначе: «Радуйтесь!» или «Радуйся!» Это еще более приятные слова. Доброе расположение к человеку, приветливость – это также проявление любви. Если же мы не приветливы друг с другом, мы подпадаем под осуждение евангельской заповеди о том, что, как язычники, приветствуем

только своих друзей. Видя близкого, дорогого нам человека, мы рады ему улыбнуться, у нас сразу улучшается настроение. Если же встречаем сестру, к которой, может быть, и не испытываем вражды, но с которой мы постоянно не общаемся, то у нас уже и улыбки не находится. Как будто у нас все улыбки пересчитаны! Получается, что мы не исполняем заповедь. Если даже приветствие имеет значение, то можно ли считать помощь друг другу малым и ничтожным делом?

Конечно, вы справедливо можете сказать: да, мы стремимся к тому, чтобы стяжать любовь, молимся, каемся, но пока в нас любви нет. Через молитву, которую преподобный Иоанн Лествичник называет матерью всех добродетелей, приходят все остальные добродетели, в том числе и любовь. Однако, если в нас есть хотя бы малая благодать, она должна проявляться на деле, а мы своим поведением, противоречащим Евангелию, изгоняем ее из своей души. Каждый мелкий проступок, каждое мелкое нарушение заповеди, почти невидимое и даже неосознаваемое, изгоняет благодать из нашего сердца. Мы молимся, каемся, внимательно выполняем четочное правило, читаем Евангелие, святых отцов, исповедуемся и причащаемся, чувствуем в душе благодать, расположение к ближним, но как только доходит до исполнения заповедей на деле, мы, вместо того чтобы сказать доброе слово, проявить терпение в ответ на неприязненный выпад в наш адрес, отвечаем злом на зло, а подчас даже и злом на добро. Конечно, благодать от этого умалется. Если мы делаем еще один такой шаг, то ее становится еще меньше. Получается, что в течение нескольких часов мы теряем то, что приобрели, может быть, за целую неделю через молитву, откровение помыслов, исповедь, причащение. Мы вновь опустошены и не способны исполнить заповедь: сначала могли и не хотели, а сейчас хотим, но уже не можем.

Благодать Божия делает человека свободным, она дает возможность исполнять заповеди. Об этом сказано в Евангелии от Иоанна: *А те, которые от Бога родились, получили власть быть детьми Божиими* (см. Ин. 1, 12–13), то есть те, которые родились от Бога свыше, через таинства, через покаяние,

получают власть быть детьми Божиими. Феофилакт Болгарский говорит в толковании на Евангелие, что в нашей власти быть детьми Божиими, и в нашей власти отказаться от этого царственного достоинства. Имея в себе благодать, накопленную через покаяние, послушание, откровение помыслов, отсечение своей воли, умное делание, в особенности через причащение Тела и Крови Христовых, мы имеем власть исполнять заповеди. Однако мы этим пренебрегаем. Помочь сестре донести ведро – это, как нам кажется, никакого отношения к Евангелию не имеет. Приветливо кивнуть – это вежливость, а не Евангелие. Если же мы посмеемся над сестрой, подшутим над ней, может быть даже и невинно, уязвим ее, думая, что здесь нет нарушения заповеди, мы теряем ту благодать, которой наполнено наше сердце, которая дает нам возможность творить добро. Образно говоря, в нашем сосуде есть мелкие отверстия, через которые драгоценная влага благодати, это благоухающее вино, постепенно вытекает. И когда наступает момент исполнить заповедь, – допустим, мы уже осознали, что это делать нужно, и, может быть, нам представился яркий случай, – благодати уже нет, мы всё потеряли, расточили по мелочам.

Поэтому не нужно, надеясь исполнить великие добродетели, пренебрегать малыми или, оправдываясь «послушанием», проявлять себялюбие. Если мы не хотим что-либо делать, у нас один простой ответ: нет благословения. «Помоги мне отнести кастрюлю». – «Нет благословения». Или: «Помоги мне в таком-то деле». – «Это не мое послушание». Люди замыкаются в себе, и получается, что там, где должна господствовать любовь, проявляется себялюбие. У нас происходит то же самое, что и в миру.

В монастыре не производство, где каждый исполняет свою операцию и никто не должен вникать в чужое дело. А мы замкнулись в своих «корпорациях»: певчих, швей, иконописцев. Некоторые руководители послушаний, самые обыкновенные послушницы, имеют царственный вид и считают, что их дело наиболее важное, можно сказать, единственно значимое в монастыре, а все остальное – чепуха. Другие, наоборот, чересчур увлечены своей духовной бранью. Они считают, что их

страдания столь невыносимы, что «муки» их «утонченной», «возвышенной» души ни для кого не постижимы, и вся «скорбь мира» сосредоточилась в их душе, и все стрелы врага направлены именно в их сердца, поэтому они имеют право вообще ничем не заниматься. Если они и будут на одну треть исполнять свое послушание, то уж, конечно, никому помогать не станут, потому что их «страдания» всё компенсируют. Наоборот, это им должны все сочувствовать. Допустим, я злюсь. Можно сказать себе так: «Какой я негодяй, никогда не могу удержать свой язык, ничего не могу стерпеть!» А можно и так: «Какой я несчастный, страсть гнева меня так истязает, так мучает, я не могу найти покоя, никто мне не сочувствует, никто не помогает, всем я безразличен!» Я хожу злой, как собака, делаю из себя страдальца, тогда как, наоборот, всем от меня спасения нет. Такой человек из-за своих «невыразимых страданий» позволяет себе проявлять полное безразличие, даже какое-то непостижимое каменное сердце к самым родным людям.

Не нужно оправдываться своим послушанием, своей сосредоточенностью, своим «исихазмом» (мол, я так молюсь, что не могу поднять ложку, которую уронила сестра, поскольку развлекусь и все потеряю) и под предлогом таких возвышенных добродетелей, как умное делание и послушание, оставлять то, ради чего они совершаются. Ведь мы совершаем эти добродетели ради того, чтобы исполнить заповедь. Добродетели – это средство, а любовь – цель.

Конечно, здесь необходимо сделать оговорку: под предлогом любви к ближнему мы не должны впасть в человекоугодие. Об этом прекрасно говорит святитель Игнатий (Брянчанинов) в проповеди «О любви к ближнему». Не нужно потакать человеческим страстям. Здесь должно быть некоторое рассуждение.

В монастыре человекоугодие может проявляться, например, так: какая-нибудь послушница от скуки шатается всюду, ей хочется с кем-нибудь поболтать. Она встречает сестру, та проявляет «любовь к ближнему» и начинает с ней празднословить. Конечно, это человекоугодие. К тому же праздное времяпрепровождение, пустословие часто

сопровождается осуждением. Скажем, сестра, недовольная своим послушанием или строгостью, которую к ней проявили, начинает осуждать монастырские порядки, других сестер. Вместо того чтобы уйти или даже унять эту сестру, как-то попытаться усовестить ее, чтобы та не грешила, другая сестра начинает выслушивать, поддакивать, может быть еще и от себя что-то добавлять. Таким образом, под предлогом любви и сочувствия к сестре, она не любовь к ней проявляет, не спасает ее, не помогает ей встать, когда та преткнулась, а, наоборот, угождает ее страстям, усугубляет падение, да еще и сама грешит. Это также человекоугодие.

Мы часто ищем именно такой любви. И если кто-то не одобряет нашу страсть, то нам кажется, что этот человек – наш настоящий враг, ненавистник и убийца. Допустим, кого-то мучает страсть гнева и все раздражает: где-нибудь не вкручена лампочка или плохо закрывается дверь, у кого-то рваный подрясник, одна сестра слишком толстая, а у другой – все лицо в морщинах. Человеку кажется, что это все терпеть просто невозможно: что тут происходит?! Это просто сумасшедший дом! И он, одержимый страстью, хочет, чтобы кто-то его поддержал и сказал: «Да, точно, у нее рваный подрясник, эта послушница позорит свою швейную мастерскую». Нам нужно, чтобы нас поддержали, только тогда мы будем считать, что нас любят, сочувствуют нам, что сестра, которая поддерживает нас, – единственный человек в монастыре, который нас понимает. Любовь к ближнему начинают путать с человекоугодием. Этот хотя и утрированный, но очень правдоподобный пример я привел намеренно: не нужно искать такой любви, которая оправдывает наши страсти.

В то же время любовь к ближнему необходимо проявлять в самых элементарных, мелких вещах, потому что, поступая так, мы, собственно, и исполняем заповеди. Возможно, за всю нашу жизнь мы ничего великого не сделаем, потому что нам может не представиться для этого случай. И дай Бог, чтобы он не представился! Человек сидит и мечтает о мученичестве, а ему кулак покажи – он затрясется от страха. Вся наша жизнь пройдет среди почти незаметных мелочей, и мы должны будем

дать ответ за то, что именно в этих мелочах исполнили или не исполнили заповеди. Наш долг – постоянно, можно сказать, с утра до вечера и с вечера до утра исполнять заповеди всегда и во всем. Наша духовная жизнь проявляется в мелочах: то доброе, что в нас есть, либо развивается, либо, наоборот, увядает, подобно саду, который никто не обрабатывает и не поливает. И мы, пренебрегая мелочами, фактически пренебрегаем Евангелием: для нас его нет, нам негде его исполнять, потому что вокруг одни мелочи. В повседневной жизни мы даже не видим своих преткновений, не замечаем того, что грешим. Если же случится что-нибудь серьезное и испытанию подвергнутся наши вера, твердость, мужество, то мы, не умея сейчас на грубое слово ответить терпением и кротостью, тем более не сможем дать должный ответ нашим гонителям и падем страшным падением. Нам необходимо не просто заботиться о монашеских добродетелях, таких как умное делание и послушание, но еще и понимать, что благодаря этим добродетелям мы должны исполнить собственно евангельские заповеди.

Обо всем этом можно было и не рассуждать, а только напомнить вам начало книги святителя Игнатия (Брянчанинова) «Приношение современному монашеству», в которой он говорит, что те монахи, которые построили свой подвиг на тех или иных добродетелях или особом образе жизни, но пренебрегли евангельскими заповедями, падают страшным падением. Это происходит в том случае, если привычный им образ жизни поколебался или не стало возможности исполнять добродетель, на которую они уповали. Монашеская жизнь должна быть построена на евангельских заповедях, а добродетели – это средства, которыми мы иногда имеем возможность пользоваться, а иногда нет. Например, уединение не всегда в нашей власти, умным деланием мы не всегда можем заниматься, да и послушание тоже не всегда уместно – иногда нужно проявить инициативу. А у нас такое послушание, какого, наверное, и у египетских отшельников не было. «Дайте попить воды». – «Нет благословения». Хоть ты умри с голоду или от холода на наших глазах – нет благословения и все!

Бывают случаи, когда к людям нужно проявить простое участие, я уж не говорю о любви, допустим к паломникам или некоторым сестрам, или, может быть, к больным или новичкам, и спросить у них: «Что случилось?» или «Кого вы ждете? Кого позвать?» Мы ведь можем ранить человека. Допустим, пришел в монастырь паломник или приехал кто-нибудь по делам. Ты же не знаешь, кто этот человек. Может быть, он – будущий царь, а ты ему грубо ответил. Даже с точки зрения здравого смысла так поступать неразумно. Праведный Авраам принял странников, не зная, кто к нему пришел, а это были ангелы. Так же и мы должны поступать, поскольку не знаем, кого мы принимаем. Хотя правильнее сказать, знаем, ведь Спаситель сказал, что тот, *кто принимает одного из малых сих, Меня принимает* (см. Мф. 25, 40). Но мы и это почитаем малой заповедью. В наших глазах всякий человек, пришедший к нам, – малый, ничтожный. А ведь, если мы приняли его, то на самом деле приняли Христа, сделали добро Самому Христу. Пусть перед нами будет даже человек неверующий, нас это не касается: это его внутреннее состояние, и он сам за это отвечает перед Богом, а благодаря нашей доброте он, может быть, обратится к вере.

Одного интеллигентного человека пытались обратить в христианство. Он увлекался античной философией, индийскими учениями (в наше время это распространено среди интеллигенции), и ему никак не могли доказать истинность православия. Он называл себя христианином, но на самом деле в голове у него была путаница. Однажды после очередной беседы один из участников спора, прощаясь с ним, по христианскому обычаю троекратно поцеловал его. Это была не лесть, а вежливость, приветливость. Это оказало потрясающее воздействие на того человека, и впоследствии он принял православие. Поэтому не нужно пренебрегать людьми, холодно к ним относиться. Надо быть участливым. Может быть, ты потеряешь одну минуту, но ничего страшного из-за этого не случится.

Нужно постоянно понуждать себя быть внимательными к ближним. Если даже в нас нет искренней, сердечной любви, мы

еще не приобрели ее, то будем следить за собой. Повторю: не нужно думать, что есть мелкие, ничтожные заповеди и какая-нибудь серьезная причина оправдывает их нарушение. К сожалению, случается, что мы, выполняя какое-нибудь дело для монастыря, грешим, допустим, раздражением. По крайней мере, давайте будем не оправдывать себя, а, наоборот, каяться в этом, бороться с собой. Желательно и доброе дело делать, и страсти не поддаваться. А мы считаем, что совершаем великое, доброе дело, и думаем, что те мелочи, в которых мы согрешаем, нам простятся. Великое, доброе дело у нас одно – это исполнение Евангелия. И когда мы произносим слова «умное делание», то подразумеваем под этим не только внимательную Иисусову молитву, даже с благодатными ощущениями и переживаниями, а именно внутреннее исполнение заповедей, которое начинается с помыслов. Это и есть умное делание – дело нашего ума. Если мы в уме исполним заповеди, значит, и на деле совершим их, а если нарушим в уме, то и наши поступки будут нарушением Евангелия.

То же самое можно сказать и о добродетели послушания. Это средство для того, чтобы научиться владеть собой, отсеять все греховные желания, управлять своей волей согласно Божественной воле, которая изображена именно в Евангелии, а не дана человеку лично через особенное откровение. Существует одно откровение – Евангелие. А Божественная воля заключается не в том, чтобы сесть в третий или второй троллейбус, а в том, чтобы не раздражаться, быть кротким, любить ближнего.

Помню, одно время особенной популярностью пользовалась книга «Илиотропион, или Сообразование человеческой воли с Божественной волей», составленная святителем Иоанном Тобольским. Все ее покупали, и, как в какой-то гадательной книге, каждый хотел найти там решение конкретно для себя, узнать, что лично ему нужно делать. А святитель Иоанн просто, обращаясь прежде всего к мирянам, говорит о делании добродетелей и исполнении Евангелия. Никаких конкретных советов, например в какой монастырь пойти

или на какую работу устроиться, там нет, а мы именно так понимаем Божественную волю. А ведь она уже изображена в Евангелии. В творениях святых отцов мы находим толкование Евангелия или изложение предания, в рамках которого только и можно правильно понять Священное Писание. Поэтому не будем искать ничего нового, ничего особенного. Откровением для каждого из нас должно стать Евангелие. Откровение, преподанное всем, должно стать нашим личным откровением. Мы должны его пережить и понять, как нам исполнить ту или иную заповедь. Это и есть воля Божия.

Послушание, или отсечение своей воли, потому и признаётся одной из самых важных добродетелей, что научает нас исполнению Евангелия. Умное делание учит нас еще внутри самих себя, в уме, душе начинать исполнять заповеди. Послушание учит отсекаать свои пожелания, ради того чтобы подчиниться евангельским заповедям. Теоретически мы это принимаем, а сами заповеди, ради которых занимаемся умным деланием, в действительности отвергаем. Получается, что сами сеем и одновременно вытаптываем. Поэтому не будем «послушанием» извинять свои грехи и оправдываться. Если согрешили, то начнем укорять себя и каяться нелицемерно, то есть исправляться.

Все сказанное выше о любви к ближнему можно приложить и к мирянам: ничего такого, что относилось бы только к монашествующим, в моих словах нет. Хочу подчеркнуть: не должно быть человекоугодия, любви без рассуждения. Если в чем-то сомневаетесь, обращайтесь за советом к старицам, настоятельницам, духовнику и пусть не сразу, но всё же решайте возникающие вопросы, не пренебрегайте исполнением заповедей под предлогом того, что у вас «нет благословения» их исполнять.

* * *

Вопрос. Можно ли делать сестрам замечания? Например, если мешают спать, просить, чтобы не шумели?

Ответ. Можно, только надо делать это спокойно, добродушно. Если кто-то способен вынести шум, то хорошо было бы потерпеть. Однако лучше в дружелюбном тоне сделать

замечание, чем полчаса терпеть и при этом кипеть внутренне, а потом не выдержать и закричать: «Да когда же вы замолчите?!»

Вопрос. Что делать, если действительно раздражаешься на разные мелочи и невыносимо больно от этих помыслов? Как бороться с этими помыслами, не принимать их?

Ответ. Сестры, я ведь не сказал вам, что после этой беседы вы должны не грешить и ни на кого не раздражаться. Это невозможно. Я говорил о том, что нужно бороться с этим и не оправдывать себя. Необходимо читать Иисусову молитву. Большое значение имеет откровение помыслов. Для новонаначального невозможно совсем не поддаваться греховным помыслам. Для достижения даже не бесстрастия, а хотя бы такого состояния, когда мы несколько собой владеем, необходимо долгое время. Наша беседа была о том, чтобы не считать наше повседневное общение мелочью, к которой неприменимо понятие нравственности.

Вопрос. Как вести себя с бомжами и нищими, которые постоянно приходят в храм и просят деньги, продукты?

Ответ. К этим людям, с одной стороны, нужно проявлять милосердие, с другой – бывает необходимо держать их на расстоянии, потому что по большей части они развращенные, способные обмануть, украсть. Мы и помогать им должны, и о своей безопасности думать, даже в том смысле, чтобы не заразиться какой-нибудь кожной болезнью. Варсонофий Великий дает следующий совет: людям, которые недостойны доверия, давать хлеб и отпускать.

Вопрос. Мне кажется, что в монастыре я стала холоднее, даже менее вежливой, чем была в миру. Почему это происходит?

Ответ. О вежливости было сказано не в том смысле, что нужно всегда говорить слова «пожалуйста», «будьте добры», «будьте любезны», «извините», а в том смысле, что нужно быть участливым. Лучше проявить вежливость, чем остаться равнодушным. Кроме того, в миру мы часто бываем вежливыми из-за человекоугодия. Почему в монастыре вежливость исчезает? Очень трудно представить семью, где все друг с другом разговаривают подчеркнуто вежливо. В кругу семьи

даже очень культурные, вежливые люди обращаются друг с другом просто. В монастыре происходит то же самое. Вежливость в миру – это, так сказать, искусственное средство, прикрывающее отсутствие любви. И это средство должно исчезнуть, а настоящая любовь – появиться. Совсем не обязательно говорить «волшебные слова» – «спасибо» или «пожалуйста», как нас учили в школе. Любовь, благожелательность можно проявлять и по-другому, даже одно и то же слово в зависимости от ситуации можно произнести с разной интонацией: резко или благожелательно.

Вопрос. Миряне упрекают нас в холодности и невнимании, но ведь у них свое представление о жизни, об отношениях между людьми. Должны ли мы вести себя по их меркам, тем более здесь, в монастыре?

Ответ. Конечно, нет, но и соблазнять мирских людей мы тоже не должны. Нужно отличать любовь от человекоугодия. Часто миряне под любовью подразумевают человекоугодие: вежливость, ненужный светский разговор. Этого не должно быть. Однако в повседневном общении необходимо проявлять друг к другу участие, быть приветливыми. Мы не должны ни идти на поводу у мирян, которые не имеют никакого понятия о монашеской жизни, ни строить из себя «исихастов», настолько углубившихся в молитву, что им уже нет дела ни до чего внешнего. Когда мы говорим о своих делах, то можем подолгу чесать языки друг с другом, а когда нужно спросить у мирянина, для чего он пришел и кого ждет, что-то ему подсказать или позвать кого-то, мы становимся «исихастами».

Да, мы учим вас не вступать в ненужные разговоры, в особенности тех сестер, которые часто сталкиваются с мирянами, например, в храме. Не всякому это полезно, однако участливость всегда должна быть. Допустим, у тебя спрашивают что-то на богословскую тему, а ты ничего не знаешь, – так незачем что-то изобретать. Если у тебя нет благословения поучать на нравственные темы, то и не нужно этого делать. Но сказать что-то доброе, два-три слова, например: «Подождите, сейчас мы позовем священника», – ты же можешь? Или пусть человек стоит и часами ждет? Разве

нельзя подойти к нему и спросить, в чем он нуждается, для чего пришел или кого он ждет? Разве это человекоугодие? Когда-то и вы были в таком положении, хотя бы об этом вспомните. Нравилось ли вам такое обращение? Наверное, вам нравилось, когда к вам относились внимательно, с сочувствием, выслушивали вас, что-то вам подсказывали, помогали.

Вопрос. Иногда я хочу помочь сестре или, как вы говорили, поприветствовать, посочувствовать, но сразу вспоминаю, что я очень тщеславная. Появляется смущение, что я стану этим гордиться и тщеславиться. Надо ли обращать внимание на такие помыслы?

Ответ. Ничего страшного. Если ты поприветствуешь сестру, то будешь гордиться и тщеславиться этим, а если не поприветствуешь – будешь гордиться и тщеславиться тем, какая ты смиренная. Лучше поприветствовать и немного поддаться страсти, чем не проявить любви и не иметь тщеславия. Как говорит Пимен Великий, лучше подать голодному хлеб с плесенью, чем дать ему возможность умереть с голоду. Лучше немного поддадимся тщеславию, но все-таки главную добродетель исполним. Конечно, надо и добродетель исполнять, и с тщеславием бороться, но при этом нужно иметь в виду, что оно всегда следует за любой добродетелью, любым добрым делом, и мы не можем, так сказать, заранее избежать тщеславия, – все равно оно последует. Как сказал Иоанн Лествичник, все демоны радуются о падении человека, а бес тщеславия радуется о добрых делах. Но что же делать? Не совершать добрых дел? Нет, будем совершать добрые дела и бороться с тщеславием.

Вопрос. Живя в монастыре, я поняла, что я эгоистка и мне никто не нужен, хотя внешне я вежливая. Как избавиться от внутреннего холода?

Ответ. Нужно понуждать себя к тому, чтобы ко всем относиться по-доброму, чтобы делать добро и в многочисленных мелочах, не пренебрегать ими. Это, так сказать, сегодняшняя, тактическая задача, а дальняя, стратегическая – это каяться, молиться, и вместе с приобретением благодати в нас начнет действовать и любовь. Тогда мы будем относиться к ближнему с

любовью не по принуждению, не потому, что так нужно, а потому, что так нам велит сердце, то есть это станет для нас естественным.

Вопрос. В последнее время я стала очень злопамятной. Как избавиться от подобных мыслей?

Ответ. Нужно молиться за того человека, который тебя обидел и против которого в тебе действует эта страсть; стараться быть с ним особенно приветливым. Если есть возможность оказать этому человеку какую-то услугу, в чем-то помочь, то не пренебрегать такой возможностью. Надо заставлять себя противостоять этой страсти и в то же самое время не забывать исповедовать эти помыслы. Итак, молиться за этого человека, делать ему добро и постоянно каяться, хотя бы это злопамятство долгое время от тебя не отступало.

Вопрос. Бывает, что помогаешь кому-нибудь, но при этом нарушаешь монастырский устав. Как поступать в таких случаях: помогать или нет?

Ответ. Все нужно делать разумно. Надо посоветоваться со старицей, и она, исходя из конкретных обстоятельств, зная твой характер и твои слабости, скажет, как было бы полезнее для тебя сделать. Конечно, монастырский устав не выше заповедей, но иногда под предлогом исполнения заповедей мы совершаем свою волю и грешим. Если же мы точно знаем, что исполняем заповедь, то, конечно, это выше устава.

Вы, наверное, помните пример из «Древнего патерика» о преподобном Моисее Мурине. Однажды к нему пришли странники. Он приготовил им пищу на огне, а по уставу Скитской пустыни было запрещено разводить огонь и есть вареную пищу. Монахи ели только сырые овощи, сухари и воду, даже соль считалась роскошью. А он сварил странникам еду. Конечно, авва Моисей сделал это не ради чревоугодия, а ради того, чтобы накормить людей, которые пришли издалека. И монахи пожаловались на него пресвитеру. Тот сказал: «Хорошо, я сделаю авве Моисею замечание». Заметьте, равный равного не посмел обличить. Даже в их неправильном поступке есть пример для подражания. В обычное время все собрались в церкви, и пресвитер сказал: «Моисей нарушил закон

человеческий, но соблюл закон Божеский». Он нарушил устав Скитской пустыни, но исполнил заповедь о любви к ближнему. Это пример для всех нас. Конечно, мы не должны нарушать устав и оправдываться тем, что исполняем заповеди. Все нужно делать по благословению и с большой осторожностью.

Вопрос. Однажды перед богослужением, когда сестры заходили в храм, мимо них проходил благодетель, и ни одна из сестер с ним не поздоровалась. Меня это очень смутило. Вы сказали, что в монастыре вежливость должна исчезнуть, но как быть в таких ситуациях? Объясните, пожалуйста.

Ответ. Я уже говорил, что нужно быть приветливым. Часто люди отождествляют это с вежливостью. Святые отцы иногда под вежливостью понимают такое поведение, когда человек делает вид, что относится к ближнему по-доброму, тогда как на самом деле тот ему совершенно безразличен. Вежливость прикрывает внутреннюю холодность. Это нам не нужно. А приветливость – это понуждение себя к доброму расположению, которое должно выражаться и внешне. Его нужно отличать от простой вежливости, которая может оказаться вошедшим в обычай лицемерием.

Вопрос. В Евангелии сказано: *Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему «рака», подлежит синедриону; а кто скажет „безумный“, подлежит геенне огненной (Мф. 5, 22).* Объясните, зачем нужно такое разделение?

Ответ. Некоторые святые отцы говорят, что даже если человек прольет твою кровь, то и в этом случае гнев является напрасным. Иоанн Кассиан Римлянин говорит, что слово «напрасно» было вставлено в позднейших списках, а в древности этого слова в тексте не было. Так святые отцы не хотели примириться с тем, что существует какое-то оправдание гнева. Верно ли мнение Иоанна Кассиана или нет, мы не знаем, но его суждение о том, что гневаться в любом случае нельзя, – справедливо. Даже если мы будем относиться к себе снисходительно и соответственно истолковывать эти слова Евангелия, то и тогда мы должны признать, что по большей части мы гневаемся напрасно. Не напрасно мы гневаемся на

человека тогда, когда он нас соблазняет на какой-нибудь грех, а мы встаем против этого, не хотим поддаваться, или когда нас пытаются соблазнить еретики.

Кто же скажет брату своему «рака», подлечит синедриону. «Рака» переводится как «пустой человек». Одно дело – прогневаться, другое дело – оскорбить человека, усомниться в нем, а третье – называть его безумцем, или, по-славянски, уродом. За большее осуждение мы подлечим и большему наказанию. Когда человек сильно рассердится, он начинает говорить оскорбительные слова: «Да это пустой человек, нечего с ним разговаривать!» Если строго к нам подходить, за это мы подлечим отлучению от Церкви. А когда мы говорим: «Да это безумец!» – и начинаем бранить человека разными словами, мы подлечим геенне огненной. В приведенных евангельских словах рассматриваются разные степени гнева.

О малом и великом в жизни христианина³⁵

Сегодня мы с вами будем говорить о том, что в духовной жизни не бывает малых, незначительных вещей. То, что видится нам ничтожным, на самом деле может оказаться настолько великим (или, правильнее сказать, страшным – если мы этим пренебрежем), что от этого будет зависеть, спасемся мы или погибнем.

Апостол и евангелист Матфей приводит слова Спасителя из Нагорной проповеди: *Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном (Мф. 5, 19)*. Эти евангельские слова (*малые*, как сказано по-славянски, или *малейшие*, как переведено на русский язык, заповеди) имеют огромное значение. Ведь быть названным малейшим в Царствии Небесном не значит обязательно там находиться и быть спасенным. Когда мы в обществе христиан порицаем некие пороки и рассуждаем о тех или иных страшных грехах, тех или иных порочных людях, то вовсе не обязательно речь идет о человеке из нашей среды. Наоборот, гораздо чаще мы говорим о тех, кто пребывает вне Церкви. Так что если человек назван в Царствии Небесном малейшим, то, повторю, это совсем не значит, что он там находится.

Именованние заповедей малейшими можно понимать по-разному. Мне кажется, что слово *малейшие* показывает наше отношение к этим заповедям: они кажутся нам ничтожными, ничего не значащими, и мы оставляем их без внимания. Мы пренебрегаем ими не потому, чтобы они были действительно легкими для исполнения (мол, захотим, так исполним), а потому, что в житейской суете, в нашем повседневном отношении к людям мы не придаем этим заповедям значения. Мы пренебрегаем также и заповедями, которые учат нас правильно относиться к Богу и к самим себе: нам кажется, что в обыденных обстоятельствах это не имеет принципиального значения.

Вы знаете, что Иисусову молитву и вообще непрестанную молитву называют любовью к Богу. Действительно, любовь к Богу с наибольшей силой проявляется именно в Иисусовой молитве. Мы же под предлогом разных житейских занятий – иногда чрезвычайно важных – считаем для себя возможным эту молитву оставлять. Да, мы знаем, что необходимо любить Господа Бога *всем сердцем, всею душою, всею крепостию, всем разумением*, и не пытаемся с этим спорить, не пытаемся возражать словами. Однако делами своими мы показываем, что заповедью этой пренебрегаем.

Нельзя любить Бога всем сердцем час или несколько часов в сутки, когда мы, допустим, совершаем келейное правило или присутствуем на богослужении. Если мы действительно любим Его всем сердцем, то будем молиться непрестанно, по крайней мере тогда, когда бодрствуем. Человек же, который стяжал благодатную любовь, не может успокоиться и творит молитву в своем сердце даже тогда, когда спит, то есть как будто бы находится в бессознательном состоянии. Под предлогом важных, необходимых дел – тех, которые будто бы обеспечивают нам нормальную жизнь, – мы оставляем любовь к Богу. Заповедь, которую теоретически признаём великой, в конкретной ситуации считаем не имеющей значения, то есть менее важной, чем труд ради пропитания или налаживание хороших отношений с людьми ради обеспечения себе безбедного, безопасного существования. Точно так же мы пренебрегаем и любовью к ближнему – опять-таки не потому, что теоретически почитаем эту заповедь ничтожной. Но во время всей той суеты, которой мы поневоле предаемся, мы находим эту заповедь не имеющей принципиального значения. Формально не дерзая опровергать Евангелие, на деле мы оправдываем свое пренебрежение к его установлениям, полагая, что в этой ситуации она не подходит.

Господь Иисус Христос, говоря в Нагорной проповеди: *Блаженны нищие духом, блаженны плачущие*, называет эти заповеди малейшими. Но может ли быть малейшим то, за что обещана великая награда – Царствие Небесное? Уже те, кто стяжет первую из названных Господом добродетелей – нищету

духовную, обретут его. Значит, малейшими эти заповеди делает наше к ним отношение – именно в той ситуации, в которой мы теперь находимся, а не в выдуманной. У нас получается так: мы хотим испытывать любовь к Богу в специально отведенное для этого время или в таких обстоятельствах, когда это сделать легко и просто. То же и в отношении любви к ближнему или иной заповеди: о нищете духовной, плаче о своих грехах, алкании и жажде правды или праведности, – мы думаем, что это нужно исполнять при удобных обстоятельствах. В тех же обстоятельствах, в которых мы находимся и, по всей видимости, будем находиться всю жизнь, мы почитаем эти заповеди ничтожными, малейшими.

Когда нам нужно выбрать между евангельской заповедью и какой-то житейской нуждой, мы обычно не задумываясь, без всякого внутреннего сопротивления выбираем житейскую нужду. Но если мы будем так пренебрегать заповедями, то никогда не сможем их исполнить – у нас никогда не будет случая к их исполнению. В обычных обстоятельствах пройдут годы, мы так и будем всё время считать заповеданное Господом малым и ничтожным, а житейские нужды – значительными, определяющими наше страдание и счастье, нашу болезнь и здоровье, нашу жизнь и смерть. И если мы будем так жить – *нарушать*, или, как сказано по-славянски, *разорять*, эти малые заповеди, да еще и учить других людей, чтобы они первостепенное внимание уделяли бытовым нуждам, – то, конечно же, будем названы малейшими в Царствии Небесном, то есть окажемся вне его.

Слово «малый», или «малейший», употребляется в Евангелии и еще в одном значении, впрочем близком тому, о котором мы только что говорили. Часто мы характеризуем этим словом людей, и не потому, что они действительно малые, ведь все люди перед Богом равны. Но мы сами из гордости почитаем себя бóльшими или признаём одного человека лучше другого, если он имеет те качества, которые кажутся нам значительными и важными. На самом же деле всякий из нас – образован он или нет, прост или утончен – есть образ и подобие Божие, поэтому для Господа нет никакой разницы между

людьми. Значит, если мы почитаем кого-то малым, то он мал именно в наших глазах. Даже если мы посчитаем ничтожным того, кто, на наш взгляд, очевидно грешен, мы допустим ошибку, ведь самый падший человек еще более нуждается в помощи Божией, в спасении и милосердии, чем праведный. Об этом свидетельствуют некоторые евангельские притчи, например притча, повествующая о том, как пастух оставляет в пустыне девяносто девять овец и отправляется искать одну заблудшую. А евангелист Матфей приводит слова Спасителя: *Кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей* (Мф. 10, 42). Так что не только великие добрые дела приносят нам пользу: если мы дадим всего лишь чашу воды одному из малых сих – сделаем малое, ничтожное дело по отношению к ничтожному человеку, – то и ради этого как будто бы незаметного пустяка получим награду.

Отсюда следует вывод, что никакое дело не может быть презренным в нашей духовной жизни. Мы с вами уже говорили о том, что порой сестры не помогают друг другу под предлогом послушания или других по видимости серьезных причин, считая, что помочь принести что-нибудь или вымыть посуду – это такая мелочь, на которую не стоит обращать внимания. Но ведь в Евангелии речь идет о гораздо большем пустяке, еще менее значительном деле! Просто дать человеку чашу холодной воды ни для кого не составляет труда, вода есть везде, она ничего не стоит. Но и за это Господь обещает награду, а значит, нельзя пренебрегать ничем. Евангелие не говорит о несущественных вещах, порой великая заповедь, например о любви к ближнему, проявляется в ничтожном поступке. Иногда бывает достаточно улыбнуться или кивнуть головой – и не говорите мне, что это легко сделать! Быть приветливым по отношению к тому, к кому испытываешь неприязненные чувства, чрезвычайно трудно. Никто и не замечает, не понимает, что происходит, а мы в это время исполняем заповедь – тем, что просто кивнули головой тому человеку, который нас обидел. Это не мелочь, это весьма значительно, и за такой поступок мы, конечно, не лишимся награды.

Если мы начнем пренебрегать такими мелочами под предлогом того, что они не имеют под собой никакого основания, то, как я уже говорил, в конечном счете окажется, что и на прочие евангельские заповеди у нас не будет времени – и никогда не выдастся случай последовать им. В итоге мы дойдем до того, что в великих делах также окажемся бессильными, совершенно немощными, не способными ничего сделать – словно парализованными. А может быть, даже и не обладающими искусством исполнения заповедей, потому что, как мы знаем из наших жизненных обстоятельств, в любом деле нужен навык. Тот, кто не приобрел его в мелочах, и большое дело сделать не сможет. Осваивая любое ремесло, человек сначала учится пользоваться необходимыми для работы инструментами, исполнять простейшие операции, а уже затем постепенно переходит к изготовлению все более и более сложных изделий. Что же касается евангельской жизни, то святые отцы называют ее наукой из наук и искусством из искусств, а значит, опыт и навык здесь в особенности необходимы. Конечно, важен не только навык, но и благодатная помощь. Если же мы не будем понуждать себя к деланию добра, то и благодать Божия не будет нам содействовать. Насколько ревностно мы служим Господу, настолько Он помогает нам в этом служении. Соответственно, насколько мы бываем нерадивы, настолько уменьшается и помощь Божия.

Приведенным мною словам Евангелия можно дать еще и такое толкование: если мы в великом деле приобретем помощь Божию, а в малом нарушим Его заповеди – не подадим чашу холодной воды, пренебрежем нашим ближним, сочтем этого человека не заслуживающим внимания, – то лишимся полученной награды. Вспомните, в жизни часто бывает, что мы, усердно помолившись, причастившись, почувствовав в душе утешение, благодать, мир, из-за одного только слова теряем всё. Значит, отворачиваясь от малых дел, мы не только пренебрегаем возможностью совершать заповеди – в сосуде нашей души появляется некая трещина, щель, через которую благодать Божия от нас уходит. Спаситель говорил Своим ученикам, что нужно быть смиренными, как дети. *Иисус, призвав*

дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (Мф. 18, 2–3). Господь не употребил тогда слова «малые», но по строю Его речи и приведенным в пример образам можно понять, почему Он приводит это сравнение с детьми. Дети почитают себя существами ничего не значащими и ни на что не претендуют. Они ставятся нам в пример именно в этом отношении.

Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном (Мф. 18, 4) – то есть мы должны к другим людям относиться внимательно, а себя почитать меньшими и ничтожными, а не так, как у нас обычно бывает: себя мы почитаем людьми значительными, а другими пренебрегаем. Мы можем сказать, что это к нам не относится – мы так совсем не думаем, наоборот, считаем себя заурядными и даже плохими, отнюдь не великими. Нечем, мол, нам величаться, ничего особенного мы собой не представляем – ни в отношении своих способностей, ни в отношении своего положения в обществе, ни в отношении своей нравственности. Кажется, будто мы действительно о себе так думаем, но когда доходит до дела, мы всё же предпочитаем себя окружающим. Это проявляется в самых простых вещах. Мы считаем себя наиболее достойными спокойного и беззаботного времяпрепровождения, комфорта, всяческих удобств – самых разных составляющих человеческой жизни, а когда сталкиваемся с выбором уступить ближнему или приобрести что-то для себя, то предпочитаем всегда последнее. Получается, что в конкретной – обыденной и незаметной – ситуации каждый из нас считает себя отнюдь не малым, а как раз великим, бóльшим, чем тот или иной наш ближний, с которым мы поневоле соперничаем. Пусть мы не считаем себя очень образованными или умными, но всегда – более достойными земных благ, чем те, кто также на них претендует. И мы никогда этих благ не уступим, а если чем-то и поделимся с ближним, то лишь от их избытка, в случае, если мы сами не потерпим никакого ущерба.

Продолжу евангельскую цитату: *Кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской* (Мф. 18, 4–6). Обратите внимание: прежде всего Господь учит нас смирению по отношению к самим себе, а затем говорит и о том, чтобы мы не презирали людей, которые действительно смирились и потому кажутся нам малыми – именно потому, что они сами всегда умаливают себя перед нами. Если другой человек ничтожен в наших глазах – необразован, груб, беден или вовсе нищ, – мы не должны пренебрегать им, а должны принимать его во имя Христово, делая таким образом добро Самому Христу. *Кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает*, – говорит Господь. Получается, что человек, кажущийся нам ничтожным, в действительности таковым не является. Он есть образ Христов, подобно тому как нанесенное на доске красками изображение есть икона. Поклоняясь ей, совершая перед ней каждение, лобызая ее, мы отдаем честь Самому Господу. Так и наше служение ближнему – нерукотворенному образу Божию – Господь принимает как служение Себе. Таким образом, отношение к малому человеку оказывается делом отнюдь не ничтожным, а, наоборот, самым великим, какое только можно себе представить.

Наоборот, *кто соблазнит одного из малых сих... тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской*. Страшное наказание! Велика награда тому, кто послужит своему ближнему, и велика кара соблазнившему брата своего, поэтому мы должны быть чрезвычайно внимательны к людям. Бывает, что пренебрежение ближним происходит под видом дружбы: мы привыкли друг к другу, у нас доверительные отношения, и мы снисходим друг к другу из-за взаимной любви. Вот под предлогом этой взаимной любви (и дерзновение также беря от этой любви) мы допускаем пренебрежительное отношение к тем людям, которые нас любят и которых мы также любим. Мы можем позволить себе

некоторое презрение к ним, грубоватые шутки и многое другое. Таким образом, тем, кто, может быть, более других доверяет нам и любит нас, мы больше всего и вредим.

Соблазнить человека можно по-разному: увлечь каким-нибудь грехом (например, уговорить пренебречь послушанием), ранить его совесть грубым поведением, равнодушием или на его глазах совершить какой-либо дурной поступок. Делая это, мы не только приносим вред самим себе, но и, повторю, раним совесть нашего ближнего. Он может соблазниться на осуждение до такой степени, что скажет: «Если более опытный человек себе такое позволяет, то и мне можно». А мы даже и не замечаем, что этот малый на нас смотрит, он для нас как бы не существует. Мы привыкли не видеть его своим внутренним духовным взором, мы делаем то, что считаем нужным, думаем о своей пользе – и в это время соблазняем своими грехами невольного их свидетеля. И если соблазн окажется велик или мы будем соблазнять нашего ближнего постоянно (пусть даже в каких-то незначительных вещах), то будем подвергнуты суровому наказанию – такому страшному, что лучше бы нам повесили мельничный жернов на шею и потопили во глубине морской.

Особым смыслом мы наделяем слово *малый*, когда ведем речь о преданности воле Божией, о вверенном нам служении. Вспомните притчу о талантах и слова о воздаянии тому, кто был предан своему Господину: *Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего* (Мф. 25, 21 и 23). Слово *малый* в этом случае можно понимать двояко: прежде всего речь идет о том, что малó по сравнению с будущей жизнью, Царствием Небесным. Если мы бываем верны в малом, то есть в служении земном, то получаем за это необыкновенную награду на Небесах и даже здесь на земле – благодать Божию. По сравнению с этим великим благодатным утешением, обилием Святого Духа в душе человека действительно кажутся малыми те скорби и труды, которые праведники несут ради Господа. Это справедливо.

Но есть и второе значение, о котором мы говорим сейчас. Нам кажется малым то, что для нас мало значит, что мы считаем недостойным нашего внимания и к чему относимся поэтому с некоторым пренебрежением. Мы с вами находимся в монастыре, мы изолированы от внешнего мира, живем внутренней монастырской жизнью, где все регламентировано, все расписано, и нам кажутся излишними подобные предписания Евангелия. Наше отношение друг к другу и к людям, с которыми мы ежедневно сталкиваемся, видится нам чем-то незначительным, каким-то пустяком. Но ведь именно здесь, в отношении к нашим ближним, мы и проявляем себя или как христиане, или как люди нерадивые и не любящие Христа. Это и есть случай исполнить заповеди Божии, и другого такого случая не будет: наши ближние – это те, среди которых мы живем, кого видим по несколько раз каждый день, с кем вместе работаем.

К монашествующим в особенности относятся слова отца Иоанна Крестьянкина о малом доброделании – о «дивном пути „малых дел“». Монахи всегда понимали, что важно не то, какое дело совершает человек в глазах окружающих, великое или малое, а важно то, как он его совершает. Мы отказались от великих дел: не творим милостыню, не кормим голодных, не проповедуем истину заблудшим людям. Многие даже осуждают нас за это, считают, что мы живем эгоистично. Но, удалившись от мира, изолировавшись от него, мы таким образом показали: значимо не то, что мы делаем, а то, как мы это делаем. Главное не то, чтобы наше дело было велико, а то, чтобы оно соответствовало Евангелию. Значит, и отношения между сестрами, кажущиеся мелкими, на самом деле есть исполнение или нарушение Божественных заповедей. За это малое в глазах мира добро мы надеемся получить великую награду, потому что понимаем, что нужно тщательно за собой следить, в невидимой для мира, умаленной в его глазах духовной жизни стяжать милость Божию и стать истинными христианами. Так должно быть. На самом же деле многие почитают это пустяком. Если евангельский раб, будучи в малом верен, *вошел в радость господина своего*, то у нас получается наоборот. В том малом,

которое нам поручено, мы бываем неверны Богу и, по словам уже Евангелия от Луки, не получаем и великого: *Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом. Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное?* (Лк. 16, 10–11). Конечно, говоря так, Спаситель обращался непосредственно к богачам, но под богатством можно понимать не только деньги, но и наши душевные и физические силы, наши умственные способности. Поскольку мы неверны в том малом, что дано от природы каждому человеку, то нам не вверится и великое – то есть благодать Божия. Мы не достигнем богообщения, по сравнению с которым все, что мы имеем, и само наше существование можно назвать ничтожным. Значит, и в отношении к заповедям, и в отношении к ближним, и в отношении всей нашей жизни, всех наших способностей не существует ничего малого. Это грубейшая ошибка, когда люди по неопытности пренебрегают теми вещами, которые действительно можно назвать малыми. В результате они доходят до того, что начинают и великие вещи считать ничтожными.

Когда мы читаем Евангелие, то умиляемся, когда же переходим к делу (допустим, вступаем в разговор с кем-нибудь из нашего окружения), все прочитанное напрочь забываем и руководствуемся абсолютно другими принципами. Своими поступками мы показываем, что Евангелие для нас является чем-то несущественным, маловажным. Своим греховным поведением мы, к сожалению, доказываем правоту изложенного мною толкования слов Спасителя, приведенных евангелистом Матфеем: *Кто нарушит одну из заповедей сих малейших...*, ведь даже великие заповеди из-за нашего лукавства – иначе и не назовешь это свойство – в нашем сознании и в нашей жизни становятся малейшими.

Как с этим бороться? Что нужно делать для того, чтобы избежать неправильного отношения к жизни? У христиан есть такое понятие, как трезвение, – это делание в особенности прилично монашествующим, оно заключается в том, что человек постоянно следит за своей внутренней жизнью, взирает внутрь своего сердца, своей души и, видя самые ничтожные

движения ума, самые незаметные изменения чувств, контролирует их, пытается объяснить то, что с ним происходит. Конечно, он должен выполнять этот анализ не самостоятельно (на это способны лишь преуспевшие), а с помощью духовных руководителей – у нас в монастыре это духовник, настоятельница, старица, в миру это может быть другой, более опытный, христианин (хотя таких людей, к сожалению, чрезвычайно мало). Таким образом, человек отмечает постоянные изменения в собственной душе и смотрит, соответствуют они Евангелию или отклоняются от него, нужно ли молиться о том, чтобы то или иное душевное движение укрепилось, или, напротив, необходимо ему противиться. Он не просто следит за своими поступками, но и пытается увидеть их корень – помыслы и желания, возникающие в его уме и душе. Через борьбу с помыслами, через пристальное внимание к своему внутреннему состоянию этот человек и начинает исполнять заповеди. Собственно, на понимании того, что ничего малого не существует, и основано учение о трезвении.

Еще раз говорю: монашествующие отказываются от мнимых великих дел, которыми гордится и тщеславится мир, ради того чтобы совершать малые, невидимые для всех дела, которые подчас никак не обнаруживаются. Но именно это и есть величайшее делание пред очами Божиими, гораздо большее, чем исторические свершения государственных деятелей или завоевания полководцев. Ради исполнения малых заповедей, из-за чего мир презирает нас как эгоистов, будто бы отказавшихся от служения людям, мы наречемся великими в Царствии Небесном. Не только в будущей, но и в этой жизни получим то, о чем мир и не мечтает: увидим и ощутим Царствие Небесное внутри самих себя, в своем сердце. Этим путем должны шествовать вообще все христиане, но в особенности монашествующие, ведь из понимания того, что мелочей не существует, и возник монашеский образ жизни, возникло понятие о трезвении и умном делании. Вот как мы должны относиться друг к другу и к самим себе, а мы меряем всё совершенно другими мерками! Евангелие у нас для келейного чтения, а в жизни мы руководствуемся иными принципами,

принесенными из мира, чуждыми христианству. Сами себя оправдываем или осуждаем, грустим или веселимся не оттого, что исполняем или нарушаем евангельские заповеди, а оттого, что удовлетворяем свои страсти или они остаются у нас голодными. В первом случае мы бываем довольны, спокойны и почитаем себя счастливыми, во втором – унываем, сердимся, плачем. Будучи монашествующими или стремясь к монашескому чину, мы ведем себя, к сожалению, часто совершенно как мирские люди.

У нас ни в коем случае не должно быть склок, ссор, рассуждений о том, кому больше, а кому меньше уделяют внимания, кто более, а кто менее любим. Все это не соответствует тому образу жизни, который мы избрали. Поэтому станем достойными именованья, которое мы носим или к которому стремимся, и будем трезвиться. Раньше монахов называли иногда трезвенниками, то есть людьми, которые истрезвляют свой ум. Как человек, подверженный страсти пьянства, постоянно стремится к опьянению и не понимает, что с ним происходит, так и мы «упиваемся» своими страстями. Мы должны стремиться изгнать из своей души это состояние душевного опьянения, которое происходит от действия страстей, и увидеть всё в истинном свете – ясно, чисто, правильно, чтобы идти к спасению на твердых ногах.

* * *

Вопрос. Надо ли к людям ничтожным относиться с бóльшим уважением и вниманием, чем к обычным?

Ответ. Если ты будешь так поступать, то у тебя обычные люди встанут на место ничтожных. Так, конечно, делать нельзя – разве что в том случае, если так называемый «ничтожный» человек больше нуждается в нашей помощи, нежели обычный человек в обычных обстоятельствах. Или если ты относишься к этому «ничтожному» человеку хуже, чем к прочим людям, но имеешь возможность помочь ему в чем-то, то, конечно, необходимо отнестись к нему внимательно. Ведь Евангелие говорит, что *на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии* (Лк. 15, 7).

Вопрос. Могут ли быть излишними любовь, расположение и забота? Как не перейти грань разумного и не стать навязчивым?

Ответ. Есть такое крылатое выражение: «демянова уха» – оно взято из басни Ивана Андреевича Крылова, герой которой так закармливает своего соседа этой ухой, что тот уже не знает, как вырваться от столь радушного хозяина. (К сожалению, в наше время подобное бывает очень редко. «Демьяновой ухой» уже никто не угостит – сегодня такого «Демьяна» еще нужно поискать.)

Мы действительно порой можем быть навязчивыми и переходить грань разумного. Разумеется, людям надо помогать, но одновременно понимать, что каждый из нас свободен и обязан предоставить свободу другому. Это не означает, что в монастыре нужно свергнуть иго послушания и установить полное всеобщее равенство. Но мы не можем навязать нашему ближнему того, чего он не приемлет в своей внутренней жизни. Человек может, например, внешне покоряться монастырской дисциплине, но внутренне не принимать того, чему его учат в монастыре. Конечно, пока есть надежда, что он исправится, мы терпим его, даем ему некоторую свободу. Но бывает, что человек не хочет меняться. А мы даже ради его собственной пользы, ради его спасения не можем эту свободу нарушить. Поэтому мы предоставляем такому человеку, как говорится, полную свободу и отправляем его из стен обители, чтобы он воспользовался правом самостоятельно решать собственную судьбу и устраивать свое спасение так, как он считает нужным. Совсем не обязательно, что он погибнет – исключение из монастыря может послужить этому человеку уроком, и в другом месте он будет вести себя иначе. Впрочем, в любом случае спасти человека против его воли мы не в состоянии, иначе некоторые люди, и я в том числе, палкой загоняли бы наших ближних в Царствие Небесное. Но загнать туда никого, к сожалению, невозможно, как невозможно заставить кого бы то ни было перемениться внутренне. Да, можно поработить человека, сломить его под давлением внешних обстоятельств, убить, в конце концов, но

внутренне он все равно останется свободным. Не принесет пользы, если кто-то из страха принял чуждые ему убеждения и придерживается их, не имея на то собственного произволения. Спасти нас может только самопонижение.

В этом, кстати, отличие христианства от магометанства. Мусульмане считают, что принявший ислам – даже против воли, под угрозой насилия – уже спасается. Учение Православной Церкви не таково, пусть даже в истории и были попытки насильственного обращения в христианскую веру. Непременно должно быть внутреннее согласие, сознательное послушание воле Божией, поэтому, когда мы чересчур нажимаем на человека, давим на него, пытаемся склонить к тому, что нам представляется для него спасительным, это действительно может быть излишним. Тут нужно быть очень осторожным.

Вопрос. Как различить в себе привитое с детства чувство вежливости и проявление любви? Как узнать, почему я уступаю сестре – из любви или из вежливости?

Ответ. Думаю, что вежливость – это тоже неплохо, по крайней мере она лучше грубости. Если у человека нет любви, а есть только злоба и раздражительность, то пусть лучше они будут прикрыты вежливостью. Так что слишком бояться своей учтивости не нужно, следует только понимать, что вежливость – это не добродетель и даже не то, к чему необходимо стремиться. Сама по себе она может быть пустой, вежливые слова – «здравствуйте», «пожалуйста», «до свидания» – не избавляют нас от необходимости испытывать добрые чувства к нашему собеседнику. Когда мы приветствуем его формально, с холодной душой, значит, это действительно вежливость, то есть нечто внешнее. Но если мы испытываем к человеку любовь, то можем даже обойтись и без этих стандартных фраз, у нас могут найтись для него другие добрые слова, пусть и специально не подготовленные. Привычные нам слова «здравствуйте» или «до свидания» могут быть произнесены холодно, а могут – с явной симпатией и расположением. Вот по внутреннему чувству и нужно определять – вежливость это или уже начавшая проявляться любовь к ближнему.

Вопрос. Запись помыслов – это трезвение?

Ответ. Да, это элемент трезвения – не единственный, но один из важнейших. Хотя, конечно, бывают такие обстоятельства, при которых от этого элемента приходится отказаться. Допустим, нет поблизости рассудительного человека, которому можно было бы открывать помыслы. Не всякий подойдет для этого, не всякий сможет дать необходимый совет, а только тот, кто сам имеет духовный опыт, имеет рассуждение. Причем даже и не всякий опытный человек может руководить. Бывает, что опыт, полученный человеком, приложим, так сказать, только к нему одному. Бывает и другое: человек не умеет свой собственный опыт переносить на жизнь других людей и может дать механические, а потому неправильные советы.

В таких ситуациях, когда посоветоваться не с кем, даже у новоначальных выступает на первый план Иисусова молитва – умное делание, внимательный внутренний взор, обращенный не только на свои поступки, но и на помыслы. Вот это действительно неотъемлемая часть трезвения. Но анализировать самого себя гораздо труднее: мы бываем ослеплены гордостью и самомнением, не видим своих недостатков, не умеем трезво себя оценить. А потому никакой благоразумный и смиренный человек не будет пренебрегать возможностью открывать свои помыслы, если она у него есть, иначе это будет признаком гордости. Одно дело, когда мы, не имея соответствующих условий, вынуждены, как говорит святитель Игнатий, бороться с собой исключительно при помощи усиленной молитвы, и совсем другое – когда нам есть с кем советоваться, а мы этим пренебрегаем и таким образом показываем, что мы гордецы. В этом случае помощи от Бога нам не получить. В монастыре возможность откровения помыслов есть, и тот, кто ее не использует, конечно же, поступает так исключительно из гордости – больше никакой причины этому нет.

Вопрос. Что делать, если совсем не можешь отражать помыслы – вроде бы читаешь молитву, а все равно не в силах от них избавиться? Причем это часто даже и не страстные помыслы (понятно, что с ними всякому трудно бороться), а

какие-то нейтральные, которые меня будто бы совершенно не волнуют.

Ответ. Научиться отражать помыслы не так-то просто. Может быть, ты еще не научилась внимательно следить за собой, а может быть, нет смирения, и, наверное, это самое главное. Все достигается постепенным трудом и напряженной борьбой, даже с мучениями и страданиями. Не может быть все просто и легко – за редчайшими исключениями. Даже люди преуспевшие, стяжавшие дар благодатной молитвы, ведут борьбу со страстями, и не нужно думать, что благодатная молитва – единственная наша цель, нет, это только начало очищения. Тому, кто получит такую благодать, но окажется нерадивым, она не принесет пользы. Поэтому печалиться не нужно, а нужно терпеливо совершать свой ежедневный умственный труд. И удивляться происходящему тоже не нужно – во всевозможных мелких преткновениях и мысленных падениях человек приобретает опыт своего ничтожества, своей беспомощности. И пока этот опыт в его сердце не укоренится, пока человек поневоле не смирится, он не сможет победить демонов, не сможет победить страсти. В основном, все идут таким путем. Григорий Синаит называет его «смирением от бесов», то есть тем смирением, которое невольно приносится нам бранью с бесами и нашими преткновениями и даже падениями в этой брани. Очень немногие особенным образом обретают такую благодать, что сразу опускаются в бездну смирения и избавляются от этой мучительной борьбы со страстями.

Вопрос. Когда Спаситель говорит о чаше воды, данной *одному из малых сих*, значат ли Его слова *во имя ученика*, что мы должны исполнять Евангелие только по отношению к христианам, притом православным?

Ответ. Апостол Павел прямо говорит, что мы должны *делать добро всем, а наипаче своим по вере* (Гал. 6, 10). Да, все мы дети одних прародителей – Адама и Евы, но рядом с нами есть наши братья во Христе – православные. Конечно, им мы должны в первую очередь делать добро. Но это не значит, что человек не христианского вероисповедания или тот, кто не

верует совсем, недостойн нашей любви и благорасположения. Наоборот, может быть, мы своей любовью как раз и приблизим его к Богу. Кроме того, когда в человеке действует благодать Божия, он уже не делит людей на «своих» и «чужих».

Спаситель привел нам в пример совершенство Небесного Бога Отца, Который *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45). Он не разбирает, кто угождает Ему, а кто относится к Нему враждебно, и на всех изливает равное благодеяние. Значит, и мы должны относиться равно ко всем, даже к нашим врагам, как заповедал Господь. Если у нас будет такая любовь, то мы просто не сможем разбирать, кто нам «свой», а кто нет. Но, поскольку мы еще немощны и нам далеко до такого совершенства, начнем с малого – будем делать добро нашим ближним в буквальном смысле этого слова.

У нас часто получается так: сестра жалеет, например, африканских аборигенов: ой, какие они бедные, живут в хижинах, горячей воды у них нет – и в то же время кричит на свою соседку по келии из-за какой-то ее оплошности. Этим самым она показывает, что никакой любви к людям у нее на самом деле нет. Конечно, было бы прекрасно, если бы мы стали такими, как преподобный старец Силуан Афонский, архимандрит Софроний (Сахаров) или другие подвижники благочестия, которые молились за весь мир и искренне, от всей души переживали, мучались оттого, что мир страдает и погибает в грехах и заблуждениях. Но сейчас, мы, повторю, должны проявлять любовь к тем, кто находится рядом с нами.

Вопрос. Вы прочитали отрывок из Евангелия, где Спаситель говорит: *Если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное?* (Лк. 16, 11). Что здесь имеется в виду под неправедным богатством?

Ответ. Богатство названо неправедным потому, что досталось нам незаслуженно. Прежде всего это способности, данные каждому из нас от рождения. Если говорить о богатстве в буквальном смысле слова, то есть о деньгах, то также богатыми часто бывают люди, которые в нравственном

отношении отнюдь не лучше, а зачастую и хуже людей бедных. Когда человек получает какие-либо преимущества не благодаря своей нравственности, своей духовности, то по меркам духовных и нравственных христианских законов это является несправедливостью.

Вопрос. Сила духа – это добродетель или преуспевание человека?

Ответ. По-моему, такого выражения у святых отцов даже не встречается. Оно взято из нецерковной литературы и, пожалуй, подразумевает твердость, самообладание, мужество. Да, скорее всего, силу духа можно назвать мужеством. А мужество – это одна из основных добродетелей согласно святоотеческому учению.

Если человек обладает слабой силой духа – у него недостаточно мужества, недостаточно понуждения себя, как бы это ни назвать, – ради благодати Божией он укрепится. Даже если у него очень слабая воля, то благодать Божия может восполнить данный недостаток. В этом отношении мы все находимся в равном состоянии. Тот, кто обладает большей силой воли, может быть, меньше нуждается в укреплении. Или же наоборот: искушения ему посылаются такие, что он столь же нуждается в помощи Божией, как и человек со слабой волей в меньших искушениях. Есть такая пословица: «На всякого мудреца довольно простоты», точно так же всякий сильный человек в какой-то ситуации может оказаться слабым, его сил не хватает, и тут нужна помощь Божия. Поэтому не нужно слишком уж искать силы духа, а нужно приучать себя надеяться на Бога и в этом пребывать твердым. Нужно молиться изо всех сил и верить, что Господь поможет и не пошлет испытания выше нашей меры (кроме разве что тех случаев, когда мы собственной гордостью отгоняем от себя благодать Божию).

Вопрос. Мне непонятно, что смиряет в падении – усилия, прилагаемые в борьбе с грехом, или сам грех?

Ответ. Когда человек падает (конечно, речь идет о мысленных падениях; при грехах, совершенных самым делом, встать гораздо труднее), то поневоле смиряется, видит свою немощь. Пусть это печально и горько, но это позволяет сделать

нужные выводы и в конечном счете получить пользу. Собственно, в этом и состоит смирение от падения: человек на опыте познаёт собственную немощь. А поскольку это случается на протяжении долгих лет очень часто, то человек в конце концов примиряется с осознанием того, что он совершенно ничтожен, ни на что не годен, что только один Господь может ему помочь. Тогда-то, собственно, Господь и начинает помогать, тогда-то и начинается восстание человека и его исправление. Конечно, из своего падения можно сделать неправильный вывод о том, что это случайное стечение обстоятельств, и пообещать себе в следующий раз вести себя иначе. Зачастую мы так к этому и относимся: думаем, что чего-то не поняли, или не знали, или нас неправильно научили, а подсказать при случае было некому. Такими оправданиями мы оттягиваем время своего смирения до тех пор, пока новые и новые наши падения и преткновения не заставят нас всё же убедиться в том, что в содеянном виноваты только мы сами.

Вопрос. Симеон Новый Богослов пишет, что если причащающийся не чувствует внутри себя изменения, то он не причащается, а только обольщает себя. И другие святые отцы свидетельствуют о том, что принятие причастия отражается на человеке особым образом. Как они говорят, если ты явно не чувствуешь в себе Христа, то нет тебе спасения. У меня не бывает после причастия таких ощущений и, наверное, не будет. Что же мне думать и что делать?

Ответ. Конечно, спорить с Симеоном Новым Богословом мы не будем, но то чувство, которое он описывает, действует в людях в разной степени. Бывает – очень могущественно и властно, как в самом преподобном и других близких ему подвижниках, бывает – очень прикровенно и тихо, как, например, у многих новоначальных и у мирян. Однако это чувство знакомо каждому. Всякий человек (я много раз слышал об этом от самых обыкновенных людей, живущих в миру, имеющих семью, совсем не подвижников) после причащения испытывает изменение в душе – тишину, покой, даже просто хорошее настроение, легкую радость. И это также признак

благодати. Пусть мы ощущаем ее в меньшей степени, чем того требует от нас Симеон Новый Богослов, но это уже начало, уже что-то. Лучше питаться малыми крохами, но не умереть с голоду, чем совсем отказаться от пищи под предлогом того, что мы не насыщаем свою душу в полной мере.

Пусть у тебя сейчас пока еще и не бывает после причастия таких ощущений, о которых пишут святые отцы, но будет или не будет в будущем – знает только один Бог. Может быть, ты узнаешь те же ощущения, что и Симеон Новый Богослов, а возможно, еще более сильные или, по крайней мере, значительно сильнее, чем сейчас. Так что не нужно сразу на себе ставить крест и впадать в нерадение – мол, из меня все равно ничего не выйдет, поэтому не буду трудиться. Если у тебя не бывает такого состояния – так только потому, что ты нерадивая. Если у тебя его не будет, так только потому, что ты этого не хочешь и не стремишься к этому.

Что же касается явного чувствования в себе Христа, то оно тоже бывает в разной степени: один испытывает покаяние, сокрушение сердечное, у другого появляется внимание, у третьего – страх Божий, благоговение. Иной словно бы беседует с Христом лицом к лицу, а иной уже пребывает в такой сосредоточенности, что ничего вокруг не видит и не слышит, всей душой пребывая в Самом Господе. И всё это – разные степени одного и того же. Поэтому не нужно говорить: я не чувствую в себе Христа. Если ты молишься Иисусовой молитвой и при этом у тебя есть хоть какое-то внимание, значит, ты уже в себе Его чувствуешь. А если не чувствуешь, то опять же не потому, что тебе не дано, а потому, что ты нерадивая. И выводы из чтения Симеона Нового Богослова нужно сделать такие: если у меня сейчас чего-то нет, то это не означает, что из меня никогда ничего не выйдет. Нет, я буду трудиться изо всех сил, чтобы хоть в малой степени приобрести то, что описывает преподобный, то, к чему он нас призывает.

Вопрос. Когда диавол искушал Господа в пустыне, то Господь отверг эти искушения. А как с подобными соблазнами и прельщениями должны бороться мы? Например, на слова: *Аще Сын еси Божий, рцы, да камение сие хлебы*

будут Спаситель ответил: *Писано есть: не о хлебе едином жив будет человек, но о всяцем глаголе исходящем из уст Божиих* (Мф. 4, 3 и 4). Как мы на деле должны руководствоваться этим примером в борьбе со страстями чревоугодия, тщеславия и гордости?

Ответ. Господь отвечал диаволу цитатами из Священного Писания – заповедями, взятыми из Второзакония: *Писано есть...* Тогда это была основная книга, в которой излагался нравственный закон. В наше время таковы книги Нового Завета, в особенности Евангелие, поэтому для нас важно в первую очередь, чтобы наше поведение проверялось Евангелием. Можно еще, конечно, и святоотеческим учением – не потому что оно являет что-то новое и дополнительное, а потому что в трудах святых отцов изъясняется Священное Писание Нового Завета. И, когда нас диавол искушает, необходимо проверять, соответствует ли евангельскому учению желание, которое появляется у нас в душе, или противоречит. Если противоречит – отвергать.

Кроме того, необходимо подражать смирению Спасителя, то есть не поддаваться провоцирующим искушениям: мол, если ты что-то собою представляешь, то сделай так-то. Не следует доказывать диаволу, что мы праведные, чистые, благоразумные, потому что в этом проявляется наша гордость, желание самоутвердиться, может быть даже перед самим собой. Внутренняя гордость может и не обнаруживаться внешне, но, когда человек говорит себе: «Я могу это сделать и сделаю это, потому что я действительно таков, как сейчас самому себе докажу», то это, конечно, может быть диавольским внушением.

Если говорить о борьбе с чревоугодием, то можно, хотя бы только вспоминая искушения Господа, удерживаться от этой страсти (если ты, конечно, уверен, что речь идет о проявлении именно чревоугодия). Можно вспоминать и другие изречения из Священного Писания, например слова Господа о необходимости поста. И, конечно же, нужно молиться, призывать на помощь Того, Который, *Сам быв искушен, может и искушаемым помочь* (см. Евр. 2, 18).

Вопрос. Есть заповедь: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею* (Мк. 12, 30). Монах всегда должен стремиться к этому. Но если ты сильно скорбишь из-за того, что твой родственник или близкий друг не обращается к вере, а наоборот, уходит от нее все дальше и дальше, надо ли стараться бороться с этим чувством, предавая всех воле Божией? Эта скорбь понятна и допустима или она все же есть пристрастие?

Ответ. Я не могу дать на этот вопрос универсального ответа. Думаю, нужно положиться на волю старицы или духовника и решать этот вопрос отдельно в каждом конкретном случае. Часто такая скорбь отвлекает от духовной жизни, но бывают и исключительные ситуации, когда мы, сокрушаясь о близком человеке, привлекаем его к вере, помогаем ему. Если бы мы были настолько пламенными молитвенниками, что уже не нуждались бы в других способах для спасения ближнего, то могли бы просто помолиться за этого человека. Но для нас это не всегда уместно. Иногда новоначальный предполагает, что поможет ближнему молитвой, а на самом деле он таким образом просто уваливает от помощи на деле.

Вопрос. Можно ли предлагать свою помощь сестре, которую, например, часто осуждаешь?

Ответ. Да, можно. Допустим, есть у тебя к кому-то неприязнь или чувство осуждения, которое ты стараешься преодолеть. Каким образом? Можно преодолеть это с помощью молитвы, можно сделать человеку какой-то подарок. Но для последнего у нас особых возможностей нет: нам разрешается иметь ограниченное количество вещей, и если мы сделаем человеку подарок, то сами останемся без какой-либо нужной вещи. Действительно хороший способ – найти этого человека и предложить ему свои услуги, постараться помочь ему, что-то для него сделать. Другое дело, если ты несешь послушание, к примеру, на кухне и хочешь помочь сестре, которая работает в швейной. Не думаю, что она будет рада, если ты начнешь вместе с ней шить. А если ты

придешь и скажешь: «Слушай, я у себя в келии пол мою, давай-ка, я и у вас его вымою», то так сделать можно.

Вопрос. Бывает ли так, что человек, пребывая в миру, начинает чаще обращаться к Богу и в какой-то степени смиряется не вследствие мысленных падений, а просто живя своей обычной мирской жизнью?

Ответ. Когда я говорил про мысленные падения, то больше имел в виду монашествующих, которые ведут, так сказать, усиленный духовный образ жизни и поэтому видят всё, что с ними происходит. У мирян же чаще случаются внешние скорби, которые и заставляют их обращаться к Богу: различные житейские неприятности, болезни, беды, иногда беды страшные, похлеще, чем иные мысленные падения. В XX веке человечество пережило много таких бед, а в нашей с вами православной стране, России, народ перенес ужасные страдания. Одним это было в наказание, другие были призываемы через страдания к покаянию. Однако не всегда люди обращаются к вере именно через скорби – внешние или внутренние. Бывают и такие случаи, когда человек просто ищет истину, стремится к возвышенным предметам, ищет чего-то прекрасного и, поскольку душа его не удовлетворяется ничем временным, ничем земным, в итоге приходит к вере в Бога.

О ревности в духовной жизни³⁶

Сегодня у нас будет беседа о ревности. В книге святителя Игнатия (Брянчанинова) «Приношение современному монашеству» есть целая глава, посвященная ревности, истинной и мнимой. Уметь отличить истинную ревность от ложной очень важно, потому что если человек имеет ревность, но направляет ее в неправильное русло, то она не приносит ему пользы, а причиняет вред. Ложная ревность может привести человека к прелести или к такому состоянию, за которым последует страшное падение, – и тем самым обречь его на погибель в вечности. Из-за гордости благодать от человека отступает, и тогда диавол может над ним страшно посмеяться. Поэтому приходится вновь и вновь напоминать об этой важной составляющей духовной жизни.

Совершать монашеский подвиг без ревности невозможно, но часто истинная ревность превращается у нас в ложную. Мы с вами будем говорить в основном о ревности истинной, но сначала вспомним, как изображена в Евангелии ревность ложная – та, которая была присуща фарисеям. Как известно, фарисеи не были людьми заурядными, безразличными к вере. Они почитались ревнителями благочестия и даже отделяли себя от всего иудейского народа. (Само слово «фарисей» в переводе означает «отделенный».) Представление фарисеев о благочестии, их ревность как раз и является весьма характерным примером – и, наверное, примером на все века – ложной, неправильной ревности.

Вспомним, в чем они упрекали Спасителя: *Книжники же и фарисеи роптали и говорили ученикам Его: зачем вы едите и пьете с мытарями и грешниками? Иисус же сказал им в ответ: не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию* (Лк. 5, 30–32). Конечно, общаться с падшими людьми без вреда для себя способны не все, потому что многие по своей немощи могут увлечься теми пороками и грехами, которые свойственны этим людям. Тем не менее укажем на признак истинного

благочестия – это смирение, снисхождение к людям грешным. И напротив, гордость, почитание себя каким-то особенным (иногда это может выражаться даже и не в явном порицании какого-то грешника, а всего лишь в выделении себя из общей массы), презрение к людям, которые кажутся нам опустившимися, оскверненными, – все это является одним из признаков ложного духовного устройства.

В чем может выражаться неправильная ревность? В том, что человек без всякой нужды, а только из-за своей гордости, фантазии, высокоумия выбирает для себя какие-то особенные подвиги, какие-то особенные добродетели, по большей части внешнего характера, считая, что исполнить их очень просто. («Высокоумие» в данном случае можно понимать как «возношение». Греческое слово со значением «возносящийся» буквально переводится как «парящий умом». Таким образом, высокоумный – это человек, высоко о себе мечтающий, парящий умом в каких-то высоких о себе представлениях.) Допустим, человек возлагает на себя строгий пост, носит нищенскую одежду, делает много поклонов или уединяется для того, чтобы избегать общения с людьми, которые, как ему кажется, вводят его в грех. При этом он осуждает людей, которые, с его точки зрения, живут нерадиво.

Конечно, для фарисеев имели значение другие добродетели, не те, что сейчас важны для нас, но Спаситель ведь не напрасно сказал: *Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской* (Мф. 16, 6). Может получиться так, что все выдуманные ими обряды мы отвергнем, а сам фарисейский дух, то есть соблюдение только внешнего благочестия, сохраним. Поэтому все упреки Спасителя в адрес фарисеев за соблюдение ими всевозможных человеческих преданий, могут быть отнесены и к нам.

Когда монахи упрекали Моисея Мурина за то, что он нарушил устав скита, позволив себе разжечь огонь и сварить пищу (а он сделал это из любви к посетившим его странствующим братьям), один из пресвитеров скитской пустыни сказал, что Моисей нарушил заповедь человеческую, но соблюл заповедь Божию. Значит, и такой подвиг, как строгий

пост, который в соединении с другими подвигами приводил многих пустынных в бесстрастное состояние, может восприниматься людьми неправильно и стать для них тем же, чем были для фарисеев предания старцев. Потому пост и назван в данном случае заповедью человеческой.

Когда Спаситель сказал фарисеям, что *пришел не праведников, а грешников призвать к покаянию* (см. Лк. 5, 32), то этими словами Он намекнул на то, что и фарисеи не праведники, а грешники. Но они не образумились и, желая оправдаться, продолжали укорять Господа, обвиняя Его учеников в нерадении: *Они же сказали Ему: почему ученики Иоанновы постятся часто и молитвы творят, также фарисейские, а Твои едят и пьют?* (Лк. 5, 33). Фарисеи упрекали учеников Спасителя за то, что те нарушают посты, молятся мало и не совершают положенных молитвословий. Он сказал им: *можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених?* (Лк. 5, 34). Конечно, во время брачного пира никто поститься не будет, но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни (Лк. 5, 35). Значит, всему свое время (Еккл. 3, 1): сначала нужно устремить внимание на внутреннее делание – на приобретение духовных добродетелей, а позднее, по достижении некоторого преуспевания, будет уместен и пост.

Спаситель объясняет это в следующих притчах. *При сем сказал им притчу: никто не приставляет заплат к ветхой одежде, отодрав от новой одежды; а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплата от новой* (Лк. 5, 36). Если мы хотим исправить свою душу, в которой есть своего рода прореха – какой-либо порок, недостаток, – при помощи только одной добродетели поста, то это будет подобно попытке приставить к ветхой ризе новую заплату. Надо поменять всю ризу. В Евангелии от Луки сказано, что к рваной одежде не подойдет заплата из новой ткани, – и в самом деле она будет смотреться нелепо. У других евангелистов об этом говорится немного иначе: новая заплата на старой ризе дыру только увеличивает. Действительно, новая, более прочная ткань, пришитая к ветхой, еще больше ветхую материю раздирает.

Поэтому нужно поменять всю «одежду» души, то есть стяжать все добродетели. Мы же часто желаем иметь какую-то одну добродетель, причем обычно внешнюю, например соблюдение поста.

Господь для объяснения Своих слов приводит и другое сравнение: *И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут* (Лк. 5, 37). Мехи – это употреблявшийся в древности сосуд для жидкости, который обычно делался из овечьей шкуры. Молодое вино, как известно, играет, бурлит и поэтому в ветхих мехах находиться не может: оно их просто прорывает и из них выливается. И мехи, которые могли бы послужить для чего-нибудь другого, также пропадают. В данном случае под молодым вином подразумевается молитва: если мы стремимся исполнить добродетель молитвы с неразумной ревностью, не учитывая своих возможностей, то «мехи» нашей души могут прорваться – благодать молитвы может в нас пропасть, а наша душа погибнуть.

С фарисеями именно это и происходило. Придавая значение внешнему исполнению закона, они уделяли много внимания посту, строгому соблюдению всех предписаний, исполнению молитвенных правил в определенные часы дня и думали, что делают нечто великое, но от этих мыслей впадали в гордость и, вместо того чтобы обновиться, окончательно растлевались и погибали. Из-за того что фарисеи гордились своим внешним благочестием, их души словно раздирались, обнажаясь от всякой добродетели. Не могли они сохранить и благодать молитвы: не удерживали внимания, и молитва их растекалась, подобно вину из сосуда.

В то же самое время Спаситель говорит, что молодое вино нужно вливать в мехи новые. Это означает, что мы поступаем неразумно, если упражняемся в каком-то особенном делании, оставаясь при этом «ветхими», то есть сохраняя в себе страсти гордости, тщеславия, не борясь с ними и думая, что несмотря на это мы преуспеваем. Говорить о достижении каких-то возвышенных степеней молитвы можно лишь тогда, когда наша душа обновлена. Только так мы сбережем и то и другое. *И*

никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше (Лк. 5, 39). Когда человек меняет привычный образ жизни, например отказывается от неправильного способа молитвы, от неправильного поведения, то ему кажется, что он многое потерял. Ему так кажется не потому, что он действительно чего-то лишился, а потому, что на самом деле он еще не вошел во вкус нового вина, оно в нем еще, образно говоря, не устоялось. И то малое, что он имел раньше, кажется ему чем-то великим именно по его неопытности.

Сначала Спаситель полемизирует с фарисеями и книжниками, почитавшими себя мудрецами, знатоками духовной жизни, но являвшимися таковыми лишь теоретически, а потом открывает Своим ученикам то, в чем состоит истинная ревность и что является корнем настоящей духовной жизни. *Собрались к Нему фарисеи и некоторые из книжников, пришедшие из Иерусалима, и, увидев некоторых из учеников Его, евших хлеб нечистыми, то есть неумытыми, руками, укоряли. Ибо фарисеи и все Иудеи, держась предания старцев, не едят, не умыв тщательно рук; и, придя с торга, не едят не омывшись. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать омовение чаш, кружек, котлов и скамей (Мк. 7, 1–4).* Конечно, фарисеи делали это не только из соображений гигиены – они придавали такому обряду некое мистическое значение, полагая, что человек, который ест неумытыми руками, таким образом грешит, оскверняет свою душу. Видимо, они имели какое-то неправильное представление о веществе, или, как сейчас говорят, о материи, считали, что в ней есть что-то греховное, низкое и что она, когда с ней неосторожно обращаются, унижает дух человека. Например, у современных хасидов (это секта в иудаизме) принято, чтобы женщины сбрасывали волосы, так как волосы, по их мнению, есть нечто мертвое, плохо влияющее на душу человека.

Потом спрашивают Его фарисеи и книжники: зачем ученики Твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб? Он сказал им в ответ: хорошо пророчествовал о вас, лицемерах, Исаия, как написано: люди

сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня, но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим (Мк. 7, 5–7). Тем, чем являлось для фарисеев омовение рук, котлов, одров, скамеек, чаш, могут стать для нас любые внешние добродетели, в том числе и молитва, если мы совершаем ее неправильно. Когда мы много молимся, исполняем келейное правило, но при этом сердцем далеко отстоим от Господа, то наша молитва превращается в молитву фарисейскую, то есть мы чтим Господа только устами.

И не нужно думать, что у нас уже есть те добродетели, о которых пишут святые отцы. Некоторые полагают, что если они прочитали две или три книги святых отцов, то уже изучили святоотеческую литературу. Уверяю вас, что эти люди еще ничего не знают. Если даже прочесть абсолютно все аскетические книги, – а их очень много, – то понимание этих книг придет лишь с течением времени, по мере накопления духовного опыта. До нас постепенно будет доходить смысл тех или иных святоотеческих изречений, сохранившихся в нашей памяти. Перечитывая, например, «Лествицу» преподобного Иоанна Лествичника через десять, пятнадцать или двадцать лет после того, как мы в первый раз взяли в руки эту книгу, мы, может быть, только тогда начнем понимать, что же в действительности Иоанн Лествичник имел в виду. Поэтому для людей неопытных даже само святоотеческое учение может обратиться в заповедь фарисейскую, заповедь человеческую. Конечно, виноваты в этом не святоотеческие писания, а мы сами, поскольку понимаем их превратно, «выдергивая» из них те или иные мысли, льстящие нашим страстям, прежде всего гордости и тщеславию.

Любая добродетель может стать фарисейством: пост, которому святые отцы придавали огромное значение, молитва и даже любовь к ближним. Конечно, не истинная любовь, а мнимая – та, которую мы от прелести и самомнения приписываем себе в своем воображении. Мы жалеем кошечку, которая поранила лапку, или сочувствуем какому-то далеко находящемуся от нас человеку. Но, сострадая кому-то далекому, мы не жалеем сестру, находящуюся рядом с нами:

она раздражает нас до бешенства. Это показывает, что никакой любви к ближнему у нас нет. Просто человек в сугубо фарисейском самомнении воображает, что приобрел ту добродетель, о которой пишут святые отцы и говорит Священное Писание.

Даже само чтение святых отцов может стать причиной того, что мы будем презирать и осуждать ближнего. Допустим, мы читаем Иоанна Лествичника, но его слова, адресованные нашей душе, мы относим не к себе, а к другим и начинаем порицать окружающих. И получается, что Иоанн Лествичник, устремлявший все силы своей души на то, чтобы помочь каждому желающему спастись, невольно оказывается в роли какого-то иудейского старца. Мы умудрились извратить его учение до такой степени, что оно стало *преданием человеческим*, которое мы употребляем для осуждения людей. Именно в этом и состоит *закваска фарисейская*, остерегаться которой повелел Своим ближайшим ученикам Спаситель. Он говорил: *Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской, которая есть лицемерие* (см. Мф. 16, 6–12). Значит, суть дела в том, что нужно чтить Господа не устами, а сердцем. Но как это сделать? Неужели при помощи одного воображения приписать себе любовь к Богу и довести себя до плача, чуть ли не до истерики? Тот, кто считает, что такие слезы имеют цену, очень ошибается: никакой любви и никакого умиления в них нет. Настоящие покаянные слезы, слезы умиления, а в особенности слезы любви к Богу, приходят после многого подвига. И чем более человек склонен к сентиментальному плачу (чаще к нему склонны женщины, как существа физически более нежные), тем труднее ему приобрести плач истинный, так как это прямо противоположные вещи.

Вернемся к беседе Спасителя с фарисеями. *Но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим. Ибо вы, оставив заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш, и делаете многое другое, сему подобное. И сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? Ибо Моисей сказал: почитай отца своего и мать свою; и: злословящий*

отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: кто скажет отцу или матери: корван, то есть дар Богу тó, чем бы ты от меня пользовался, тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей, устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили; и делаете многое сему подобное (Мк. 7, 7–13). Мы не будем рассматривать частные примеры, которые Спаситель здесь приводит, потому что они к нашей теме не относятся. Важно то, что с нами происходит нечто подобное: мы заменяем слово Божие, преподающее нам истинное, правильное понимание вещей, своим собственным рассуждением, которое в данном случае можно назвать «преданием нашим».

При этом мы или используем святоотеческие изречения, истолковывая их неправильно, или сами что-нибудь изобретаем в свое оправдание. Последнее чаще всего бывает с людьми невежественными (а среди нас такие есть – дети умом, вне зависимости от возраста). Бывает, разговариваешь с человеком и не знаешь то ли рассердиться, то ли рассмеяться: такие нелепости он говорит. Тем не менее он считает себя вправе слово Божие, которое дает истинное понимание подвига – будь то пост, молитва, любовь к ближнему, смирение, покаяние или послушание, – перетолковывать на свой лад. Это проявляется в том, что человек или берется за какой-нибудь подвиг преждевременно или, минуя борьбу со страстями, покаяние и постепенное развитие, стремится сразу к возвышенным добродетелям, допустим к любви или сердечной молитве. Таким образом собственным пониманием, названным Спасителем «вашим преданием», он устраняет и вытесняет из своей души слово Божие. Такому человеку, когда он впадает в самоуверенность, невозможно ничего объяснить и доказать: он слеп, но, подобно фарисеям, мнит, что намного превосходит всех грешников, которые его окружают и с которыми он вынужден общаться. Вокруг него, считает он, все глупцы, плебеи, ничтожные люди.

И, призвав весь народ, говорил им: слушайте Меня все и разумеите: ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет

человека. Если кто имеет уши слышать, да слышит! (Мк. 7, 14–16). Конечно, речь здесь идет прежде всего о пище, поскольку фарисеи и книжники упрекали учеников Спасителя в том, что те ели *неумытыми руками*; но это только буквальный смысл слов Господа. И когда Он от народа вошел в дом, ученики Его спросили Его о притче. Он сказал им: *неужели и вы так непонятливы? Неужели не разумеете, что ничто, извне входящее в человека, не может осквернить его? Потому что не в сердце его входит, а в чрево, и выходит вон, чем очищается всякая пища. Далее сказал: исходящее из человека оскверняет человека* (Мк. 7, 17–20). Здесь Господь указывает на неправильность мнения, что через какую-нибудь внешнюю добродетель, вообще через что-либо внешнее можно себе повредить или себя спасти.

Далее сказал: исходящее из человека оскверняет человека. Ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство (Мк. 7, 20–22). Можно было, конечно, сказать здесь и о чревоугодии, которое тоже «исходит извнутри» человека. Когда мы, как говорят святые отцы, очистим своего внутреннего человека, тогда, безусловно, и внешние добродетели сможем исполнять правильно. Ведь если бы у нас не было прелюбодеяния и любодеяния в душе, то мы не соблазнились бы и ничем внешним: никакой соблазн, возбуждающий блудную страсть, не мог бы в нас проникнуть ни через зрение, ни через слух, ни через иные наши чувства. Если бы у нас не было гнева в сердце, мы никогда бы не смогли совершить убийство или ударить кого-то, даже просто на кого-нибудь разгневаться или вознегодовать. Если бы в нас не было зависти к чужому богатству, то мы никогда не могли бы совершить кражу, и так далее. Спаситель перечислил здесь не все грехи, а только самые страшные, и все они находятся внутри нас; даже если мы не совершаем их на деле – помыслы о них исходят из нашего сердца. Вот как передает слова Господа евангелист Матфей: *А исходящее из уст, из сердца исходит, сие*

оскверняет человека (см. Мф. 15, 11). Все мы согрешаем в помыслах, и редко кто умеет удерживать их в себе, чтобы не согрешить словами. Мы знаем по опыту, что иногда какая-нибудь мысль, пришедшая в голову, лишает нас благодати, мира, и мы начинаем ощущать в душе пустоту. Иногда наши помыслы выходят через уста, и таким образом мы, даже не совершив греха на деле, себя оскверняем.

Значит, истинная ревность должна быть направлена на очищение нашего сердца, в этом и состоит настоящий подвиг христианина. Но такой подвиг очень труден, потому что для очищения своего сердца нужно подвизаться действительно с чрезвычайным напряжением, прилагать огромные усилия. Как я могу утверждать, что брат ввел меня в грех раздражения, если знаю, что причина гнева в моем сердце? Как я могу сетовать на то, что лицо противоположного пола соблазнило меня на скверный помысел, когда понимаю, что причина этого помысла скрывается также в моем сердце? И становится ясно, что оправдаться мне нечем: из-за скверны в сердце я смотрю на все не так, как нужно смотреть истинному христианину и вообще человеку, сотворенному по образу и подобию Божию, но взираю *лукавым оком*. В лицах противоположного пола я вижу не образ Божий, а соблазн, в чужом благополучии также вижу соблазн; в том, что противно моей воле, я вижу соблазн к гневу, а иногда даже к убийству. Отдавая себе отчет в том, что мое око лукаво, я понимаю, что во всем виноват я один. Однако признаться мне в этом трудно, а вот говорить, что те или иные люди по причине своей неопытности или нерадения не дают мне возможности подвизаться и спастись, – это легко и просто. И очень легко всех осуждать, подобно фарисеям.

Справедливо говорит Спаситель в ином месте: *Фарисее слепый, очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее има чисто* (Мф. 23, 26). Конечно, речь здесь идет не о посуде. Эта притча о нашей душе: если мы очистим внутренность своего сердца, тогда и внешние наши поступки будут чистыми. Представьте себе стеклянную посуду, испачканную остатками пищи: сколько бы ее ни мыли снаружи, внутри она все равно останется грязной, и эта грязь будет видна

через прозрачное стекло. То же самое происходит и с душой человека, который стремится только внешне выглядеть добродетельным. Беда только в том, что его «грязь», его неправоту видят все, кроме него самого. Окружающие такого человека избегают, а он думает, что все его искушают, и не удивляется тому, что вокруг все «неправы», а он один «прав». Может быть, мы и не до такой степени поддаемся страстям, но в большей или меньшей мере каждый из нас поддается им в иные периоды и ищет себе оправдания в чужих проступках и ошибках.

Конечно, мы не должны нарушать посты из-за того, что считаем какие-нибудь добродетели ничего на значащими. Необходимо понимать связь между внешним и внутренним, сознавать, для чего все делается: какова, например, цель послушания или различных телесных подвигов: поста, поклонов, бдения, посещения богослужений.

Спаситель, пророчествуя о кончине мира, говорит следующие слова (по-славянски они звучат гораздо более емко и мудро, чем в русском переводе): *Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той: яко сеть бо приидет на вся живуция на лица всея земли* (Лк. 21, 34–35). С одной стороны, здесь говорится о том, что нужно себя ограничивать, поститься и не слишком поддаваться житейским заботам, думать прежде всего о небесном. Но посмотрите, с каких слов начинается это поучение Спасителя: *внемлите же себе*, то есть, смотрите не на других людей, которые вам как будто мешают, а наблюдайте за собой. Можно сказать, что эти два слова *внемли себе* уже являются величайшим, самым мудрым наставлением, какое только можно дать любому человеку. А чему внимаем мы? Мы ведь смотрим по сторонам! Значит, мы не поступаем так, как учит Евангелие, не следуем словам Спасителя.

И далее Господь наш Иисус Христос говорит: *Бдите убо на всяко время молящися, да сподобитесь убежати всех сих хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим* (Лк. 21, 36). Давайте объединим слова, касающиеся собственно

духовной жизни, с теми, в которых говорится, какими средствами при этом нужно пользоваться: *Внемлите же себе... Бдите убо на всяко время молящися*. Вот вам и заповедь об умном делании, о внутренней жизни, и способ избежать прегрешений во внешних делах, то есть объедения, пьянства, увлечения различными житейскими заботами. Наставления, более полного, чем это, дать нельзя.

Мы же, вместо того чтобы следовать этому наставлению, наблюдаем за другими, и ни о какой непрерывной молитве, ни о каком очищении сердца у нас и речи быть не может. Виноваты обычно все и всё, только не мы: старица, настоятельница, духовник, соседки по келии, старшая сестра по послушанию, благочинная, эконома, скверная погода, открытая форточка, неудобная одежда, плохая или же чересчур хорошая трапеза (это тоже бывает для кого-то плохо), недостаток подвигов или, наоборот, неожиданный их избыток. В этом случае совсем не понимаешь, что делать и как помочь человеку: сегодня он желает класть поклоны, а завтра хочет спать, сегодня он мечтает поститься, а завтра подавай ему пирожное. Но самое главное то, что человек не понимает цели духовной жизни, которая состоит в очищении его сердца. И послушание, и откровение помыслов, и Иисусова молитва, и посильные для нас подвиги – все имеет целью очищение сердца.

Вспомним, как, например, рассуждает о телесных подвигах авва Дорофей, живший в то время, когда люди подвизались очень строго. Он говорит, что настоящий подвиг служит средством для смирения, и удручение плоти приносит пользу лишь тогда, когда мы от этого смиряемся. Если же подвиги такого действия не производят, то они не только излишни, но и вредны, к тому же часто приводят нас к гордости. Несколько дней мы гордимся, а потом силы наши исчерпываются, мы изнемогаем, унываем, отчаиваемся и бываем вынуждены оставить свой чрезмерный подвиг. А для нынешних людей даже самое скромное понуждение себя оказывается по большей части чрезмерным, потому что мы все очень немощные. Как человек бывает в

старости немощен, так и человечество уже немощно: оно старо и потому истощено. Кроме того, всевозможные природные катаклизмы, издержки современной цивилизации, наши собственные грехи и грехи наших родителей сделали нас людьми чрезвычайно слабыми и больными. Святитель Игнатий еще в середине XIX века говорил: кажется, болезнь становится общественным бедствием.

И при всей нашей немощи мы претендуем в духовной жизни на нечто особенное: кто-то ищет послушания непременно такому старцу, как Антоний Великий, или мечтает быть учеником Иоанна Златоуста, потому что ему хочется, чтобы с ним много и красиво говорили; другой желает так сильно смириться, что весь просто исходит от злости, третий настолько горячо «любит» ближнего, что если кто-то ему в этом препятствует, он готов убить его на месте...

Если мы желаем добиться какого-то результата, давайте возьмемся за дело. Ведь если человек хочет, например, есть, то непременно будет думать о том, как добыть себе пищу. Когда кто-то из вас не успевает на обед, задержавшись на послушании, предположим, на час или два, то потом он все равно идет в трапезную, и если оказывается, что там для него ничего не оставили, то человек начинает раздражаться, искать справедливости, а если даже найдет в себе силы смолчать, то внутри у него все кипит. В конце концов он соскребает со дна кастрюли остатки подгоревшей каши и съедает их. Это понятно всем: человек голоден – и ни у кого не возникает никаких вопросов. Но когда дело касается духовной жизни, то никто почему-то не желает довольствоваться остатками. Все уже съедено, а человек хочет, чтобы его накормили как в праздничный день. Но это невозможно. Почему-то мы всё понимаем, когда дело касается нашего желудка, а когда речь идет о спасении нашей души, то не понимаем уже ничего и стремимся приобрести то, что приобрести невозможно. Мы пренебрегаем той возможностью для духовного преуспевания, которая нам предоставляется, и не прилагаем никаких усилий для ее реализации, потому что на самом деле нам безразлично наше духовное состояние. Значит, здесь

просто действует лукавство. Мы предаемся нерадению и, подобно фарисеям, ищем для себя оправдания в каких-то внешних обстоятельствах и укоряем других людей.

Таким образом, истинная ревность должна быть направлена на очищение своего сердца. Все, что совершается ради этого, – ценно, причем то, что в этом отношении приносит больше пользы, имеет и бóльшую цену. Ложная же ревность – это любовь воображаемая вместо истинной, это преждевременные подвиги, это стремление к такому смирению, которое нам не по силам, это оправдание себя отсутствием истинных наставников или мнение о том, будто мы и сами всё понимаем, поскольку читаем святых отцов. На самом деле, как я уже говорил, мы превращаем святоотеческие наставления в *предание человеческое*, искажая их смысл. И, конечно же, в таком случае никакого преуспевания у нас не будет: время пройдет, а мы останемся всё те же.

Святитель Игнатий говорит: если человек, пребывая в монастыре, не приобрел покаяния, то он становится даже хуже, чем был тогда, когда только пришел в обитель. Вначале он имел ревность, искреннее стремление к духовному совершенству, а потом привык к монастырским будням, остыл, и все его представления извратились: он начал приобретать те страсти, которых у него в миру не было, и развивать те, которые действовали в нем слабо. И даже если человек имеет непрестанную молитву и великую благодать, но не заботится об очищении своего сердца, то поступает неправильно, не по-евангельски, принимая средство за цель, то есть средство к спасению – за само спасение.

* * *

Вопрос. Батюшка, поясните, пожалуйста, как применить к духовной жизни пример, касающийся остатков пищи.

Ответ. Если человек голоден, а ему говорят, что он не может поесть, потому что трапеза уже давно закончилась, то он ведь этим не успокаивается, раздражается, пока наконец не поест что придется. А когда дело касается духовной жизни, тогда он проявляет какое-то спокойствие, не ищет, чем бы насытить свою душу, а оправдывает себя тем, что у него нет

для этого возможности. В результате становится очевидным, что настоящего духовного голода у него нет и он просто лукавый человек. Это не значит, что для утоления духовного голода надо каждый раз подбирать «остатки из котла». Кто имеет истинную ревность, тот всегда будет снимать сливки.

Мы постоянно оправдываемся: нет возможности, не те времена, нет наставников, никто толком ничего не объясняет. А что, собственно, нужно объяснять? *Внемлите же себе... Бдите убо на всяко время молящися* – что тут еще растолковывать? Ведь были же подвижники, которые вообще не имели руководителей. Паисий Величковский говорит о том, что если нет опытного наставника, то наставления в умном делании можно заимствовать из святых отцов. Нет наставника, так что же, все уже и пропало?

Есть такой украинский анекдот. Человек идет по берегу реки, а его кум в это время тонет и кричит: «Кўмэ, кўмэ, рятуйте!» – то есть: «Спасайте!» А тот ему в ответ: «Не тратьте, кўмэ, силы, та й спускайтэся на дно!» Так и у нас: что силы тратить? Пойду на дно – и все!

Как можно себе такое позволить? Значит, мы не понимаем, что такое вечная жизнь, вечное блаженство и вечные муки. Мы не осознаём и того, что такое грехи. Не замечаем, что у нас в душе уже сейчас преддверие ада, что уже сейчас мы страдаем: из нашего сердца бьет некий грязевой поток, изливаются помои греха, оскверняющие ум, душу и уста, через которые все это передается другим, а нам это безразлично. Но зато мы утверждаем, что имеем любовь к ближним. Как одно с другим может совмещаться?! Как можно дойти до такого ослепления, чтобы кипеть злобой к ближним, переполняться презрением к ним, осуждением их, блудной нечистотой, тщеславием, многими другими страстями и при этом считать, будто мы имеем любовь к людям?

Бывает, на мгновение благодать смягчает сердце человека и он чувствует любовь, но потом благодать его покидает – и в нем снова начинает действовать страсть. Тогда человек осознаёт, что это чувство было лишь особенным действием благодати, а саму добродетель любви он себе еще

не усвоил. Мы же, напротив, ощутив в себе малую любовь (если только она истинная), думаем, что она присуща нам всегда, а все бесчисленные страсти и пороки, которые нас непрерывно мучают, случайны. Каждый день мы по сто раз падаем и все-таки продолжаем думать, что это случайности: и одно случайно, и другое, и третье; а то небольшое доброе, что в нас есть, якобы постоянно. Почему же мы делаем столь абсурдный вывод?

Повторяю: истинная ревность состоит в очищении своего сердца. Кто этим не занимается, у того ревности нет, и его оправдания – это пустые слова, лукавство. Таким людям можно ответить фразой из Евангелия: *Как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста* (Мф. 12, 34). Когда человек начинает себя оправдывать, а всех других хулить и осуждать, это происходит от *избытка сердца* – от избытка скверны, которая в нем есть: гордости, тщеславия и других страстей.

Итак, самый лучший подвиг для всех нас – для молодых и старых, ревностных и нерадивых, умных и глупых – один: следить за своим сердцем. Мы не способны как-то особенно подвизаться, например строго поститься, поэтому все внимание, все силы души надо устремить к очищению сердца. Если даже откровение помыслов и Иисусова молитва совершаются ради этого, то тем более – все остальное.

Вопрос. Допустим, я совершила какой-то неправильный поступок и меня за это справедливо ругают, но у меня, по человеческой немощи, внутри все протестует. Как быть?

Ответ. Если тебя обличают справедливо, значит, нужно терпеть, стараться сделать правильный вывод и укорить себя: «Какая я немощная, не могу вытерпеть даже справедливого обличения». Хотя на самом деле должно терпеть и незаслуженный укор. И в любом случае, когда человеческих сил не хватает – а это бывает почти всегда, – нужно прибегать к помощи Божией, непрестанно молиться Иисусовой молитвой, просить Господа, чтобы Он укрепил против того или иного греха: обидчивости, гнева и так далее.

Вопрос. А что более всего помогает при обидчивости? Как от нее избавиться?

Ответ. На семь бед один ответ: во время действия любой страсти лучшее средство – молитва Иисусова. Во-первых, можно молиться против помыслов обиды. Во-вторых, может быть, иногда можно молиться и за того человека, который обижает, стараться сделать ему приятное, смиряться перед ним. Если хватает сил, самому искать случая потерпеть именно этого человека, действовать себе наперекор, «тренировать» себя и таким образом упражняться в терпении. Правда, так нужно поступать, лишь посоветовавшись со старицей, потому что можно и не выдержать.

Вопрос. Почему вы говорите, что наша цель – это очищение сердца, ведь есть более важная цель – спасение?

Ответ. Что значит «более важная цель»? Очищение сердца – это и есть средство к достижению спасения, об этом сказал Сам Господь: *Блаженни чистии сердцем: яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8)*. А зреть внутри себя Господа и означает спастись: если мы еще в этой жизни приближаемся к Богу, то тем более приблизимся к Нему в жизни будущей.

Все заповеди: и заповедь о покаянии *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное (Мф. 3, 2)*, и заповеди о нищете духовной и о любви к Богу и ближнему, и все прочие – так или иначе ведут к спасению. Мы спасаемся только через исполнение заповедей, в том числе и одной из важнейших – об очищении сердца, потому что, очистив сердце, мы будем иметь возможность жить по Евангелию. Если, имея нечистое сердце, мы не способны даже говорить доброе, то как же сможем совершать добро на деле, когда мотивы наших поступков в действительности злы?

Кто хотя бы немного к себе внимателен, тот замечает, что если он захочет иногда совершить какой-то добрый поступок, например кротко повести себя с ближним, то тут же впадает в раздражение, осуждение или какую-нибудь иную страсть, и его искреннее желание заканчивается скандалом. Отчего это происходит? Оттого что мысли у нас в уме одни, а чувства и помыслы, которые исходят из сердца, совсем другие,

и, пока мы не очистим сердце, подобное будет происходить с нами постоянно. Повторю: наше спасение совершается через очищение сердца. Можно даже сказать, что очистить сердце – это все равно что исполнить все заповеди.

Вопрос. Как очищать сердце, если нет сердечной молитвы?

Ответ. Сердечная молитва даруется Богом с определенной целью. Иным она дается сразу (что, однако, бывает редко), и впоследствии от них потребуются отчет об этом. Иные достигают такого состояния постепенным подвигом. Но мы очищаем сердце даже тогда, когда молимся молитвой устной. Некоторые думают, что когда молитва опускается в сердце, то, подобно щетке, все в нем чистит, а от нас больше ничего и не требуется. Нет, очищение сердца происходит тогда, когда мы противимся тем или иным страстным помыслам. Постоянная борьба, сопротивление своему падшему естеству, понуждение ума пребывать, так сказать, внутри евангельских заповедей, не нарушать их – все это и очищает наше сердце.

Вопрос. Когда действует, например, страсть уныния, то понимаешь, что нужно с ней бороться, но тебе словно не хватает сил и поддаешься ей даже до слез. Это происходит от недостаточной ревности или от сильного действия страсти и отсутствия благодати?

Ответ. Даже если бы у нас была пламенная ревность, все равно невозможно было бы в одно мгновение победить сразу все страсти – на это необходимо время. Бывает, что человек очень страстен из-за прежней своей греховной жизни или из-за врожденных пороков, греховных наклонностей. И ему в борьбе со своими многочисленными тяжкими страстями нужно проявить особую ревность – бóльшую, чем тому, кто от правильного воспитания или от добродетельной жизни имеет природную или приобретенную чистоту. Поэтому часто мы видим, что человек, имеющий сильные страсти, имеет и пламенную ревность. А иногда случается и наоборот: сердце у человека добродетельное, а ревность в нем слабая, отчего он может растерять и то, что ему дано природой или воспитанием. Поэтому сильное действие страсти совсем не обязательно связано с отсутствием ревности. Нужно рассматривать каждый

случай в отдельности и выяснять, почему усилилась страсть. Может быть, человек действительно обленился, потерял ревность, а может быть, на него нападает диавол, и Господь ожидает от человека усиленной борьбы.

О покаянии³⁷

В сегодняшнем евангельском чтении на литургии мы слышали замечательные слова, которыми Господь наш Иисус Христос начал Свою проповедь: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4, 17). В этих кратких словах заключается, в сущности, все учение истины, вся истинная религия. Этими словами проповедовал Иоанн Креститель, этими же словами продолжил проповедь о покаянии Господь. Каков смысл слова *покайтесь*, или, согласно некоторым современным переводам, *кайтесь*? Я надеюсь, что все мы хорошо знакомы с творениями святителя Игнатия (Брянчанинова), который уделяет покаянию особенное внимание, считая его сущностью христианской жизни. Но что понимать под покаянием? Только ли осознание своих грехов, сожаление о них, чувство скорби и печали о том, что ты совершил нечто противное совести и евангельскому учению и этим прогневал Бога?

Если мы вспомним, что говорил Иоанн Креститель тем, кто приходил к нему каяться, то увидим, что в покаянии, кроме сокрушения и печали о грехах (что само по себе, конечно, очень важно), есть и еще нечто весьма значимое. Для того чтобы покаяние было истинным, а не фиктивным, необходимо иметь желание исправиться. Когда к Иоанну Крестителю обращались люди, осознававшие свою греховность – а это чувство, наверное, есть почти у всякого человека, за исключением разве что людей с уже совершенно окаменевшим сердцем, – но не желавшие исправлять свою жизнь, он обличал их очень жестко, даже гневно. Делал он это не из ненависти, а потому, что таким откровенным, грубым обличением желал разбудить в них совесть, освободить оледеневшие души от холода, который их сковывал, и таким образом научить людей настоящему, внутреннему, а не декларативному покаянию. Он говорил им такие слова: *Порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам»,*

ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь (Мф. 3, 7–10). Итак, человек сравнивается здесь с деревом, которое или плодоносит, то есть приносит плоды, достойные покаяния, или посекается и вметается в огонь. Покаяние – это дар Божий. Вопрос *кто внушил вам бежать от будущего гнева?* подразумевает ответ: «Бог». То есть мысль о покаянии внушает Господь. Но нужно принести плоды, достойные этого Божиего дара, и тогда покаяние принесет пользу, а иначе оно будет для человека бесполезным. Этому есть пример в Евангелии: бесплодное и весьма печально окончившееся покаяние Иуды Искаротского. Он раскаялся в том, что сделал, но не сотворил плодов, достойных своего раскаяния и насильственно прервал свою жизнь.

Слова о том, что нам необходимо *сотворить плоды, достойные покаяния*, всем знакомы и уже привычны. Однако, когда дело доходит до осуществления этого предписания Священного Писания в жизни, мы находим много причин, чтобы сделать для себя необязательным это внушение свыше. Мы, повторю, должны не только каяться, но и приносить плоды, достойные покаяния. А плоды эти – деятельность, соответствующая духу покаяния. Например, человек признаёт себя грешником, скажем, видит себя гневливым, мстительным, злопамятным, вспыльчивым. Соответственно плодами, достойными покаяния в отношении страсти гнева, будет борьба с этой страстью, сопротивление ей, понуждение себя к искоренению ее из своей души. То же самое можно сказать и о других страстях и пороках.

Итак, покаяние, как мы видим из самого евангельского учения, – это не только признание своей греховности, пусть даже самым искренним образом (нельзя сомневаться в искренности тех людей, которые приходили к Иоанну Крестителю и просили, чтобы он омыл их в водах Иордана), но и борьба с грехом, понуждение себя к добродетелям и исполнению заповедей. И если подобного понуждения нет, то и покаяния быть не может.

Часто с нами происходит следующее. Допустим, мы поддались в мыслях действию нечистого помысла или, что весьма часто бывает, осуждению, обиде, злопамятству (люди, ведущие внимательную жизнь, в большей или меньшей степени должны это замечать), осознали свою греховность, может быть рассказали об этом на исповеди, что, конечно, имеет немаловажное значение, но самостоятельно бороться, противостоять греху мы не хотим. Причины этому мы находим иногда совершенно нелепые, а иногда – вроде бы разумные, имеющие более или менее убедительный вид. Иногда мы можем говорить следующее: как же можно не обижаться на человека, когда он поступил явно оскорбительно? Или: как можно удержаться от нечистых помыслов, когда постоянно вокруг нас женщины? Мы, мол, от воззрения на них уберечься не можем, а за воззрением, естественно, приходят помыслы. Это глупые оправдания, потому что так мы всё сваливаем на обстоятельства, от нас не зависящие. Но ведь в конкретных обстоятельствах мы находимся волей Божией, значит, оправдывая ими себя и свою греховность, мы обвиняем Бога в том, что Он не дает нам возможности жить безгрешно. Бывают и более убедительные оправдания. Например, мы утверждаем, что грешим потому, что у нас нет достаточного опыта, нас неправильно учат, мы еще не стяжали благодати, – и вообще, всему свое время, постепенно Господь все как-нибудь устроит. Такими объяснениями мы оправдываем собственную бездеятельность и отсутствие ревности в борьбе с грехом.

Когда же мы каемся, искренне осознаём, что те или иные страстные мысли или поступки являются злом, что мы должны этому противостоять, тогда мы уже не можем не возненавидеть грех. Даже если грех насилует нас, против нашей воли пытается в нас удержаться и не поддается быстрому искоренению, мы тем не менее испытываем к нему ненависть, отвращение, а это, естественно, приводит к сопротивлению. Если же у нас нет отвращения ко греху, значит, покаяние наше либо притворно, либо мимолетно, как некий всплеск чувства вины. После этого

кратковременного всплеска мы возвращаемся в прежнее равнодушное состояние.

Почему у нас такое медленное преуспеяние, такая косность в стремлении к добродетели? Почему мы медленно приобретаем смирение, почему не можем избавиться от страсти гнева, осуждения? Почему мы чувствуем, что пребываем в том же состоянии, в каком пришли в монастырь, а иногда даже видим, что совершаем какие-то поступки, которых до монастыря, может быть, себе бы не позволили? Потому что мы имеем не настоящее покаяние, а только лишь теоретическое, умственное осознание греха с некоторым сожалением о нем и не делаем тех выводов, какие должен делать истинно кающийся человек. Мы не оказываем сопротивления страсти, которое при искреннем сознании греха было бы естественным, не имеем самопонуждения, не вступаем в борьбу. И такое пассивное покаяние оставляет человека малопродуктивным или даже бесплодным.

Все вы знаете, что Павел Препростый достиг высочайшего преуспеяния меньше чем за год. Из обыкновенного, неграмотного крестьянина, невежественного не только в мирском, но и в духовном отношении, он превратился в подвижника, творящего чудеса. Конечно же, это произошло благодаря его послушанию, простоте, но в этом послушании и в этой простоте проявилась его ревность, понуждение себя к истинно монашеской жизни.

Необходимо сказать еще вот что. Нельзя путать равнодушие и нерадение с простотой и смирением. Есть, конечно, и другая опасность – принять гордость за ревность. Но из страха впасть в гордость нельзя отказываться от ревности. Мы должны не просто исполнять свой долг: вычитывать определенное правило, посещать богослужение, регулярно исповедоваться, открывать помыслы, но иметь ревность об очищении своей души, молиться изо всех сил и все, что бы мы ни делали, делать с огоньком, с «солью». Спаситель сказал: *Если соль перестанет быть соленой, то что с ней делать? Вон выбрасывают ее* (см. Мф. 5, 13). И нам необходимо иметь в себе «соль», то есть ревность, потому что если при всех наших

подвигах, притом еще весьма скромных, мы не будем иметь ревности, то они окажутся подобными несоленой и потому безвкусной и непригодной для употребления пище.

Истинное покаяние, повторю, состоит в сопротивлении греху. Когда нас посещает какой-либо греховный помысл и начинает действовать страсть, мы противимся ей, отвращаемся умом от соблазнительного помысла, усиленно молимся против него, упрашиваем Господа, чтобы Он избавил нас от действия этой страсти. Мы стараемся молиться так, чтобы умом удалиться от соблазна, перестать беседовать с обольстительным внушением дьявола, и таким образом совершается покаяние. Во время борьбы происходит, если так можно выразиться, надрыв человеческих сил. Бывает необходимо приложить такое чрезвычайное усилие, что в результате возникает естественное сердечное сокрушение, осознание своего полного духовного бессилия. И когда мы начинаем от всей души призывать Господа, тогда и получаем помощь Божию. В этой борьбе мы осознаём, что сами по себе мы – ничто. Именно в тот момент, когда мы понимаем, что даже при напряжении всех наших сил нам все же недостаточно их для борьбы с грехом, и приходит к нам познание своей немощи. А это и есть настоящее опытное смирение. Если бы мы не достигли состояния крайнего напряжения сил, то не увидели бы их недостаточности, их ограниченности и продолжали бы думать, что если мы в чем-то грешим и отступаем от добродетели, то это только потому, что не хотим напрягаться. А вот если бы напряглись, заставили себя, то у нас бы все получилось.

В этом сопротивлении той или иной страсти также рождается покаяние – не в том смысле, что человек осознаёт тот или иной свой грех, а в том, что ощущает свою всецелую греховность, удобопреклонность ко греху, совершенное нравственное бессилие. Конечно, при борьбе человек может и поддаться греху, что бывает едва ли не чаще, чем сопротивление страсти до конца. Это происходит или по причине гордости, которая отсекает помощь Божию (а собственных сил человека оказывается недостаточно), или же

по причине лукавства, которое склоняет его к принятию греховного помысла и к мысленному падению. Таким образом, у человека чередуются победы, способствующие познанию им своего бессилия, и поражения, которые, однако, если он правильно на них реагирует, также способствуют пониманию своей немощи и греховности. Конечно, такие падения нежелательны, но в жизни они случаются очень часто. Нужно, повторю, делать из них правильные выводы: не отчаиваться, а смиряться, поступая, как говорит преподобный Иоанн Лествичник, подобно мудрым кормчим, которые во время бури направляют лодку под волну, потому что волна вынесет ее на верх гребня. Если же мы будем стараться удержать лодку наверху, тогда следующая волна обязательно ее сокрушит.

В этом состоит мудрость: и из побед, и из невольных поражений делать вывод о своей греховности и немощи. Может быть, из поражений – более о греховности, из побед – более о немощи, но так человек будет промыслительно смиряться до тех пор, пока окончательно, глубочайшим образом не убедится в своем полном нравственном бессилии. Не только умственно это осознает (ведь все здравомыслящие люди понимают, что сами мы не способны почти ни на что), но почувствует своим сердцем: он такой и всегда будет таким, таково его естество. И этот человек всегда, и днем и ночью, будет сознавать себя, если можно так сказать, в высшей степени недостаточным для того, чтобы самостоятельно вести нравственную борьбу, самостоятельно противостоять диаволу. Это, собственно говоря, и есть внутренняя сторона покаяния. Поэтому наш покаянный плач происходит не только от осознания того, что мы кого-то оскорбили и обидели, или, наоборот, оттого, что нас кто-то оскорбил и мы не можем это потерпеть, но он является и результатом нашего внутреннего опыта. Этот опыт, это осознание собственной немощи приводит нас в такое состояние, что от горечи пребывания в столь опасном, страшном положении мы не можем не сокрушаться. Вот что есть истинное покаяние.

Но такое покаяние возможно только в том случае, если человек поставит перед собой не теоретическую, а именно

жизненную цель – жить по Евангелию. Когда он постоянно, каждый день, каждый час будет думать только об одном: как исполнить заповеди, как не нарушить их, не пойти против них. И когда он предъявит к себе такое строгое требование, он увидит, насколько трудно его исполнить. Но люди, как говорит о том и старец Василий Поляномерульский, часто рассуждают так: «Кто в наше время может исполнить заповеди? Это нереально! Слава Богу, что мы не пьянствуем или еще чего-нибудь страшного не совершаем». Конечно, если человек так думает, то он будет чувствовать себя спокойно и своей греховности не увидит. Разве что, по попущению Божию, впадет в какой-нибудь тяжкий грех.

А тот, кто ведет внимательную жизнь, хотя внешне как будто никак и не проявляет своего покаяния, никак не выражает внутренней борьбы, на самом деле каждый день опытно познаёт свою немощь и греховность. Многократно побеждая и побеждаясь, он все более и более убеждается в том, что он самый последний, худший из всех, хуже, как говорит преподобный Григорий Синаит, животных и даже самих демонов. Такое смирение может выражаться в разных словах. Старец Силуан, например, говорил о себе, что после смерти будет в аду; Пимен Великий уверял своих учеников, что по кончине будет там, где сатана; другие подвижники утверждали, что они хуже всякой твари; Антоний Великий считал, что все спасутся, а только он один погибнет. Неважно, в каких словах это выражается – иногда человек по-настоящему, истинно смиряясь, не умеет выразить словами своего сердечного чувства. Но только так – при внимании к себе, при строгом требовании к исполнению заповедей и при внутренней борьбе – можно прийти к истинному смирению. От подобной борьбы рождаются настоящие слезы. Подвижники, совершавшие знамения и чудеса, плакали день и ночь, ибо предъявляли к себе требования евангельские.

А мы не только евангельских, но даже и ветхозаветных заповедей к себе не относим и если исполняем ту или иную заповедь из Моисеева закона (*не убий, не прелюбодействуй, не укради*), то уже считаем себя праведными людьми. Мы

предъявляем к себе требования современного общества, основанные на представлении о том, как должен вести себя приличный человек, и полагаем, что этого достаточно. Потому, естественно, у нас нет необходимой борьбы и покаяния, потому мы и не приносим плодов, достойных покаяния. Вот и получается, что человек, только что отставший от греховной жизни, вначале кается искренне, поскольку тяжкие грехи, совершенные им до его обращения к вере или до прихода в монастырь, очевидны и трогают его сердце. И если он, избавившись от этих тяжких грехов, не приступает к строгому исполнению Евангелия, то у него создается иллюзия, что он живет праведной жизнью и ничего страшного не совершает. И сокрушение пропадает, потому что, как ему кажется, сокрушаться не от чего.

Возвращаясь к началу разговора, хочу еще раз подчеркнуть: истинное покаяние в смысле глубокого сердечного сокрушения рождается именно в борьбе с грехом, что мы и видим на примере святых отцов. Арсений Великий, когда плел свое рукоделие, клал себе на колени платок, и от непрерывного плача этот платок всегда был мокрым. Кто-то из подвижников сказал: «Мне кажется, если бы можно было слезами омыть тело человека, оно стало бы нетленным». Вот какое значение придавали отцы покаянному плачу. Но если мы не будем строго к себе относиться, то никогда не обретем покаяния и, конечно, его плодов. Когда мы оставим прежние тяжкие грехи и приступим к внимательной жизни, жизни строгой по отношению к своей совести и евангельским заповедям, тогда начнем приносить плоды покаяния, а вместе с этим усугубится и само наше покаяние.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что проповедью покаяния начинается и заканчивается Евангелие. Покаяние есть начало, середина, конец и совершенство духовной жизни. Еще раз повторю: истинное покаяние должно рождать понуждение. Без борьбы со страстями, без понуждения себя к исполнению заповедей ни о каком покаянии речи идти не может. Если мы не будем себя понуждать, то к нам в полной мере будут относиться

слова Иоанна Крестителя: *Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.*

* * *

Вопрос. Вы говорили о Павле Препростом, который сподобился такой благодати, что одним словом изгонял демонов. Я читал, что однажды с ним произошло следующее. Антоний Великий послал к нему некоего человека, сказав: «Иди к ученику моему Павлу, он изгонит из тебя беса». А Павел, когда тот пришел, допустил такую мысль: «Почему великий Антоний послал бесноватого для исцеления именно ко мне?» Правильно ли я понял, что демон отказался выходить и стал препираться именно по той причине, что Павел допустил гордую мысль?

Ответ. Допустим, это так. Но для нас это неактуально, так как никто из нас бесов не изгоняет, да к тому же и Антония Великого у нас нет. А кроме того, надо иметь в виду, что Павел Препростый достиг столь возвышенного состояния через послушание святому человеку, он преуспел благодаря тому, что бесприкословно, от всей души слушался Антония Великого, достигшего христианского совершенства. Это бесприкословное послушание приносило ему всегда только пользу и ничего другого никогда принести не могло. Поэтому если бы он оставил мысль о том, что достиг всего только через послушание, и стал бы приписывать подвиги себе или почитать себя высшим своего духовника, то для него это было бы равносильно тому, чтобы враз уничтожить все плоды своих трудов.

В нашем случае, поскольку никто из нас чудес не совершает, то буквально это повествование воспринимать не нужно. А то, что нельзя допускать гордости и самомнения – это, конечно, правильно. Если ты чего-то достиг, в чем-то преуспел, нужно стараться очень внимательно за собой следить, чтобы все приписывать Богу. Не духовнику или наставнику, которые хотя и более опытные, чем большая часть братии, но все же не являются великими духоносными старцами. Повторяю, нужно все приписывать Богу: «Я ничего не сделал – это Промысл Божий, это Господь так устроил, это милость Божия».

Впрочем, если говорить серьезно, то к нам этот совет также трудно отнести. Все сказанное выше относится к людям,

приближающимся к совершенству, сподобившимся каких-то духовных дарований: конечно, не чудотворения, но, например, дара любви, непрестанной молитвы, глубочайшего смирения, какой-нибудь иной особенной добродетели или вообще бесстрастия. Мы же с вами ничего подобного не имеем. Что мы можем приписать Богу, какие добродетели? Мы можем только считать себя хуже всех, но мы и этой степени не достигли. Когда же человек явно видит свои исправления, и они настолько очевидны, что их невозможно не осознавать, тогда он может и должен приписывать их Богу. В этом для него и состоит смирение.

Вопрос. Но ведь бывает и у обыкновенных послушников искреннее покаяние, так что во время литургии человек, например, сокрушается, плачет. Это ведь явно милость Божия. Разве это сокрушение не нужно приписывать Богу?

Ответ. Если, допустим, я поддался осуждению, блудным помыслам, на кого-то сильно разгневался и еле-еле успокоился, а потом на литургии стал каяться в том, что я негодяй, — я должен это Богу приписывать? Что мне приписывать Богу, если в том, что я сделал, виноват я сам!

К примеру, человек напился, подрался, разбил стекло, оскорбил своих друзей, они на него обиделись. Через три-четыре дня, когда запой кончился, он думает: «Что же я натворил? Боже мой! Какой я мерзавец!» И что же? Надо похвалить его за то, что он это осознал? Потом опять напился, снова три или четыре дня гулял, протрезвел и думает: «Ой, ну какой же я мерзавец! Никак не могу исправиться». Снова это его «покаяние» Богу приписывать?

Мы только что говорили: когда человек кается, переходит от покаяния в грубых грехах к покаянию в мысленных падениях, он имеет еще больший повод для плача и достигает большего покаяния, чем тогда, когда он грешил на деле. Богу можно приписывать добродетели, а покаяние не является, если можно так выразиться, положительной добродетелью. Вот если бы у человека в результате покаяния появились любовь, смирение, кротость, — тогда другое дело. Это во-первых. А во-вторых, когда во время плача у человека появляется какая-то

горделивая мысль, то это не значит, что у него действительно есть покаяние и сокрушение и что он должен приписывать их Богу. Это значит, что диавол просто отвлек его от настоящего покаяния. То есть человек вместо того, чтобы каяться в своих грехах, начинает измышлять какую-то добродетель, забывает о причине своего плача, рассматривает плач, так сказать, со стороны, а не изнутри. Причина плача – это наша грязь, наша мерзость. А когда мы начинаем рассуждать: «Плач, смирение – это хорошо, раз я плачу, значит, я хороший», – покаяние пресекается. Естественно, и плач пропадает. Тут не нужно пытаться что-то приписывать Богу. Нужно просто еще больше углубиться в покаяние и заботиться о том, чтобы это покаяние сохранить.

Вопрос. Когда читаешь о высоких добродетелях святых отцов, о том, как они каялись из-за одного только греховного помысла, а потом сравниваешь с собой, то приходишь в уныние. У меня ведь не один, не два помысла, а многое множество. Что вы мне посоветуете?

Ответ. Вместо того чтобы унывать, ты лучше хоть немного помолись. А от чтения Евангелия на тебя уныние не нападает? Ведь там, например, сказано: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное (Мф. 5, 3)*. Почему же от этих слов на тебя уныние не нападает – ты что, нищий духом? Или у тебя уже Царствие Небесное в душе?

Надо трудиться, понуждать себя изо всех сил, а там уж как получится, как Господь благословит. Даже если ничего не выходит, мы, по крайней мере, трудимся, а не сидим и грустим. Ведь что такое уныние? Та же самая лень, только по отношению к духовным и нравственным предметам. Часто мы этой лени поддаемся и ничего не делаем. А почему поддаемся? Потому, что она всегда нападает, когда много работы. Приходишь, видишь: надо дров нарубить огромную кучу, и сразу думаешь: «Да ну! Может, как-нибудь перетерпим, померзнем, в тулупчик укутаемся, одеялом укроемся...» В «Отечнике» есть такой хороший пример. Отец отправил сына возделывать поле. Тот пришел, увидел, что оно все заросло сорной травой, приуныл и лег спать; потом встал, посмотрел на поле и опять

лег спать. Так он поступал в течение нескольких дней. Когда пришел отец и спросил, почему он до сих пор ничего не сделал, тот ответил, что он впал в уныние оттого, что много работы, и поэтому спал. Тогда отец сказал ему, что если бы он каждый день очищал хотя бы такую площадь, какую занимает во время сна, то дело бы уже продвинулось. Сын взялся за работу и с Божией помощью постепенно все очистил. Обратите внимание, в этом примере уныние сравнивается с обыкновенной ленью: когда работы много, человек пугается и на него нападает лень, он начинает думать, как говорится в поговорке, что «всей работы все равно не переделаешь».

Вопрос. Когда начинаешь следить за своими помыслами и каяться в мысленных грехопадениях, кажется, что окружающая жизнь просто «вопит» о том, что в мире совершаются гораздо более тяжелые грехи, – и покаяние сразу пропадает. Никак из этого не выпутаться. Как мне поступать?

Ответ. Почему же для тебя Евангелие не «вопит» о том, что ты должен его исполнять? Окружающая жизнь начинает «вопить», когда ты осуждаешь людей. Ты должен думать о том, что необходимо делать именно тебе – а тебе необходимо жить по Евангелию. У тебя же получается так: вот этот брат должен жить по Евангелию, и этот тоже должен жить по Евангелию, а тебе можно жить по Ветхому Завету; они, когда их ударят по одной щеке, должны подставить другую, а ты будешь следовать закону око за око, зуб за зуб (Лев. 24, 20).

Когда мы предъявляем к себе требования Евангелия, то уже не думаем о других: какое нам дело, что тот или иной брат чего-то не исполняет. А когда тебе приходит на ум, что по сравнению с другими ты «еще ничего, хороший», то в таком случае ты думаешь о других, а не о себе. Если бы ты начал со всей строгостью применять к себе евангельские заповеди, принуждать себя к жизни по ним, то тебе не было бы дела до других. Святые отцы говорят, что каждый должен оплакивать своего мертвеца. Когда в Египте за одну ночь ангелом были поражены все первенцы, каждый дом оплакивал своих покойников, и никому не было дела до чужого горя. Так и мы сейчас оплакиваем свою душу, свое собственное падшее

состояние, и нам нет дела до того, что происходит вокруг нас, кто хорош, кто плох, насколько мы лучше или хуже своих ближних. Только так мы сможем увидеть бездну своих грехов, до такой степени страшную, что станем искренне, от всей души, подобно апостолу Павлу, считать, что мы первые из всех грешников, которых Господь пришел спасти.

Спаситель сказал: *Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?* (Мф. 7, 3). Нашу страсть, которая в нас живет и каждый день действует, которую мы должны были бы изучить и через ее осознание прийти в покаяние, мы замечать не хотим, а вот есть ли в другом человеке тот или иной порок и в какой степени он в нем развит – это нам интересно, мы пытаемся его угадать и смело о нем судим. О чем это говорит? О том, что мы не знаем самих себя, не хотим видеть явного и начинаем гадать о том, что нам неведомо – о чужих грехах. А ведь чужая душа – потемки. И кто же, говорит Священное Писание, может знать, что в человеке, кроме духа человеческого?

А ты говоришь: «Окружающая жизнь вопит». Она не «вопит», это ты сам «вопишь» своими страстями. Ведь нам, повторю, неизвестно, что происходит внутри человека, и судить о нем мы не можем. Даже если этот человек самый страшный преступник, кровожадный убийца, мы всё равно не знаем происходящего в его душе, нам неизвестно, почему он совершил преступление, какие причины привели его к падению. Для нас остается тайной и то, что он переживает сейчас, в данный момент, насколько он раскаялся, изменился. Не знаем мы и того, что в подобной ситуации делали бы мы сами. Окажись мы в подобных обстоятельствах, быть может, мы сделали бы что-то гораздо более страшное или пришли бы в еще худшее нравственное состояние.

Скажу еще раз: когда человек предъявляет к себе строгие требования, и видит, что он без конца их нарушает и совершенно не может с собой справиться, то он осознаёт свою немощь. Во-первых, он понимает, что если бы у него были более серьезные соблазны, то он бы не устоял. Во-вторых, человек начинает снисходить к тем, кто впадает даже в

самые тяжкие грехи. Он понимает, как люди падают в блуд или убивают, потому что у него есть и блудная страсть, и гнев. Да, он не совершает смертных грехов на деле, но свое бессилие в этом отношении ощущает.

Когда нам кажется, что окружающая жизнь «вопит» о совершающихся повсюду грубых грехах, это означает лишь одно: мы не применяем к себе Евангелие.

Вопрос. Как быть, если от усталости или болезни появляется уныние?

Ответ. Это то же самое искушение. Ведь не только люди, которые соблазняют нас согрешить гневом и осуждением, но и наши болезни, изнеможение, какие-то телесные скорби или житейские трудности по отношению к душевной жизни также являются чем-то внешним. Человек может унывать, например, от голода. А что такое голод? Это же собственное чувство человека. Можно унывать от усталости, от болезни, впадать от этого в отчаяние. Причина этого – сильное действие страсти печали, уныния, отчаяния. Все дело, повторю, в нашем душевном состоянии, а не в чем-то внешнем.

Мы знаем многих угодников Божиих, которые страдали тяжкими болезнями, и это вменялось им в подвиг. Приведу поразительный пример. Пимен Многоболезненный испросил себе болезнь для того, чтобы родители не смогли забрать его из монастыря – из Киево-Печерской лавры. Ему было открыто, что он будет болеть всю жизнь и выздоровеет лишь за три дня перед смертью. От своего недуга он не мог ходить, за ним ухаживали, но иногда очень плохо, забывая о нем, как это, к сожалению, нередко случается; он много лет страдал, но в страдании своем благодарил Бога. В монахи его постригли сами ангелы, по его молитвам творились чудеса; будучи больным сам, он исцелял других.

Мы знаем подобное и о святителе Игнатии (Брянчанинове). Он, будучи еще военным инженером, тяжело болел, но нисколько не заботился о выздоровлении, мечтая о том, чтобы его уволили со службы и он смог уйти в монастырь. Преподобный Амвросий Оптинский почти с тридцатилетнего

возраста был тяжелобольным. Летом он иногда гулял по лесу, а все остальное время лежал.

Апостол Павел также страдал тяжким недугом. Неизвестно, какая у него была болезнь, но болел он очень сильно и даже молил Господа избавить его от этой телесной скорби – ради того, как мне кажется, чтобы иметь бóльшую возможность проповедовать, поскольку болезнь мешала его апостольским трудам. Но Господь сказал ему: *Сила Моя совершается в немощи* (2Кор. 12, 9). Если сравнить все скорби, труды, болезни и страдания, которые терпели апостолы, с трудами нашими, то последние окажутся просто ничтожнейшими (я сейчас имею в виду телесную их сторону). Можно себе представить: люди странствуют по всему миру, часто терпят разного рода лишения, голод, преследования, избиения. Апостолу Павлу иногда приходилось самому зарабатывать себе на хлеб. Например, днем проповедуя коринфянам, он по ночам работал. А говорил он подолгу. Однажды в воскресенье он беседовал с верующими и слово свое продлил до полуночи. Некий юноша даже заснул и упал с третьего этажа. Апостол Павел потом его воскресил. Представьте себе: богослужение продолжалось до полудня, а потом апостол Павел много часов проповедовал. По преданию, он говорил столько, что у него опухал язык, а ведь он не произносил ничего лишнего, ибо им двигал Святой Дух. Из этого видно, что проповедание, само поучение народа являлось для апостола Павла чрезвычайно утомительным. Я думаю, нечто подобное было и с другими апостолами. Как же мы можем сравнивать свои ничтожные телесные скорби с тем, что испытывали они?

Поэтому дело вовсе не в том, что мы терпим какие-то скорби и болезни, а в том, как мы к этому относимся.

Вопрос. Вы сказали, что одно из проявлений настоящего покаяния – это мысль, что ты хуже всех. А я слышал мнение, что для новоначальных считать себя самым худшим еще преждевременно, так как от этого легко впасть в уныние. Что вы можете по этому поводу сказать?

Ответ. Настоящее ощущение своей греховности, приходящее от опыта, от действия благодати, унынием

сопровождаться не может. Наоборот, оно приносит бодрость и еще бóльшую ревность угождать Богу. Истинному смирению сопутствует ревность, а вот неправильное, так сказать, деланное смирение действительно может сопровождаться унынием. Нужно различать две вещи: понуждение себя к смирению и некую игру в смирение. Когда мы себя понуждаем, это прекрасно. (Конечно, понуждение должно быть разумным: мы должны знать, на какой ступеньке находимся, и постепенно двигаться к следующей ступеньке.) А игра в смирение или, если можно так выразиться, смиренничанье, состоит в том, что человек, где-то прочитав о высоком смирении святых отцов, например о том, как преподобный Силуан Афонский считал себя достойным адских мучений, начинает и о себе говорить нечто подобное. И соответственно впадает в уныние, ибо не может понести такой меры.

Спаситель сказал: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем (Мф. 11, 29)*. В этих словах заключено поучение не только о том, что нужно быть искренне, сердечно смиренными, но и о том, что человек является смиренным в такой степени, в какой он смирился сердцем, а не умом. Здесь уместно вспомнить изречение Иоанна Лествичника о том, что человек иногда говорит о себе, что он грешник, и действительно искренне про себя так думает, но обличение обнаруживает тайное мнение сердца. Когда такого человека обличают и он начинает или гневаться, или даже отвечать оскорблением на оскорбление, то таким образом и обнаруживается, что в сердце его нет того смирения, которое он в уме своем к себе относит. Поэтому не нужно искусственно приписывать себе смирение, которого мы не достигли. Совсем не обязательно и произносить о себе смиренные слова – чаще всего это является просто показным смиреннословием: в обществе православных христиан смирение считается достоинством, и мы выказываем себя смиренными, чтобы выглядеть хорошими в глазах людей. Это, конечно, худший вариант. Иногда человек заблуждается: действительно желая смириться, он думает, что если прочитал в книге того или иного преподобного отца о смирении и теперь

начнет произносить в уме (не думать искренне, а именно произносить) те же самые слова, что и этот святой, ту же самую словесную формулу (не ощущая сердцем содержания ее смысла), то таким образом он приобретет эту добродетель. А бывает, что смиренный вид напускает на себя человек, находящийся в прелести: ходит с поникшей головой, всем кланяется, а внутри у него – гордость непомерная.

Итак, нужно подвизаться, каяться, и тогда постепенно придет смирение, и ты на самом деле можешь начать искренне о себе думать, что ты хуже всякой скотины. У нас же получается так: вслух человек говорит, что он хуже всех, а про себя думает: «Смотри-ка, какой я хороший, я лучше всех, потому что думаю о себе, что я хуже всех».

Вопрос. Как быть, если помыслы раздражения так сильно одолевают, что не получается ни молиться, ни исполнять послушание?

Ответ. Что значит «не получается»? Надо заставить себя молиться. Если нет возможности открывать помыслы, тогда, как говорит святитель Игнатий, нужно обращаться к усиленной молитве. Откровение помыслов – не единственный способ борьбы со страстями; другой, не менее важный – это молитва Иисусова, умное делание. В чем состоит умное делание? Не только в том, чтобы читать Иисусову молитву, когда у тебя все хорошо, а в том, чтобы использовать ее как оружие против греховных помыслов. Об этом пишет Иоанн Лествичник: «Бей супостатов именем Иисусовым; ибо нет сильнее оружия ни на небе, ни на земле»³⁸. В случае сильной брани надо молиться вслух устами, заставлять себя, да и просто перетерпеть эту брань. Иногда даже просто перетерпишь, не уступишь страсти, не оставишь послушания – и смотришь: приходит благодать.

Отчего ты поддаешься гневу? Оттого, что кто-то делает нечто вопреки твоей воле. И если ты при этом уходишь с послушания, то это не означает, что ты победил свою страсть, а означает, что ты поддался ей до конца. Так любой «справится», если он будет просто бежать от искушения и успокаиваться где-нибудь. Выбежал, посидел, отдышался, выпил валерьянки – и обратно на послушание. Так, что ли? Ты же гневаешься

оттого, что тебя на послушании кто-то выводит из себя. Значит, победа над страстью состоит именно в том, чтобы перетерпеть ситуацию, которая тебя разгневала, а не убежать и где-то в тишине ее победить.

Если на тебя напало уныние, и по причине этого уныния ты пошел и с кем-то развлекся празднословием, это не значит, что ты победил уныние. Оно у тебя прошло – да, но ты же не победил его, ты ему поддался, ты удовлетворил страсть. В следующий раз она будет бороться тебя еще сильнее. Если ты от гнева убежал, значит, в следующий раз ты поддашься ему еще больше. Бывали, конечно, такие случаи, как, например, с Иоанном Коловым, который для того, чтобы не разгневаться, бежал. Но это была совершенно иная ситуация, случай исключительный. Этот человек вообще никогда не гневался, его нарочно выводили из себя, он терпел, терпел, а потом, бросив все, удалился. А ты находишься среди братии, в монастыре. Куда ты отсюда побежишь? В пустыню? А там тебя будет раздражать какой-нибудь сучок на дереве, который криво растет. От страсти не убежишь, потому что она всегда будет с тобой.

Вопрос. Вы сказали, что каждый должен оплакивать своего мертвеца, но ведь нужно думать не только о своем спасении, но и о спасении ближнего. Как это сопоставить?

Ответ. Мы не должны думать о ближних в том смысле, чтобы никого не осуждать. Необходимо видеть лишь свои грехи – и в этом смысле оплакивать своего мертвеца. А помочь ближнему мы можем в чем-то земном, телесном, например в работе или просто поддержать радушным словом. Некоторые высокопреуспевшие люди могут оказывать и духовную помощь. Видя грехи ближнего, сочувствуя какому-то его падению (не осуждая, а именно сочувствуя), они, так сказать, снисходят к нему со своей духовной высоты и начинают его вразумлять, утешать, поддерживать. Но, я думаю, к большинству из нас, людям малопреуспевшим, это не относится. Нам нужно просто радушно, приветливо относиться к братьям и помогать им в их трудах.

О помощи смирения в борьбе со страстями³⁹

Вы задавали мне вопрос о том, как смирение помогает бороться со страстями, и я обещал посвятить этой теме отдельную беседу. В своих рассуждениях я буду опираться на святоотеческое учение. Здесь уместно привести слова святителя Игнатия (Брянчанинова), который говорил, что его учение – не его, но святых отцов. В беседе о смирении я так же буду исходить не из своего опыта (в этом отношении весьма скудного), а из мнения святых отцов.

В начале беседы мне хотелось бы привести две пространные цитаты из творений преподобного Григория Синаита. Я уже говорил вам, что вышла хорошая книга – перевод сочинений Григория Синаита, ранее не публиковавшихся. Этот перевод отличается в лучшую сторону от тех текстов, которые помещены в русском и славянском «добротолубии». В новом издании мы находим более точный перевод с греческого языка.

Итак, цитата: «Говорящие или что-нибудь выполняющие без смирения подобны строящим дом зимою или без цемента. Опытом и разумом найти и постичь смирение есть счастье очень немногих. Распространяющиеся о нем словесно похожи на измеряющих бездну. Мы же, слепые, отрочески догадывающиеся об этом великом свете, скажем немного»⁴⁰. обратите внимание на нижеследующие слова: «Настоящее смирение не имеет смиренной речи, ни смиренного вида, не понуждает мыслить смиренное, ни, смиряясь, упрекать себя. Хотя все эти признаки и образы смирения суть как бы разновидности его, но само смирение есть благодать и дар свыше»⁴¹. Все перечисленное: смиренная речь, смиренный вид, смиренная мысль о себе, самоукорение – является лишь средствами к достижению смирения. Здесь уместно вспомнить и выражение старца Силуана. Я не помню точно его слова, но смысл их такой: есть смирение аскетическое и есть смирение Христово. Нечто подобное говорит и его ученик архимандрит Софроний (Сахаров). Смирение аскетическое

достигается подвигом и в значительной степени благодаря самопонуждению, оно – результат человеческой деятельности. Смирение же Христово – это благодать свыше. О том же говорит Иоанн Лествичник: тщетно трудится тот, кто пытается описать смирение словами. Попытка описать смирение равнозначна попытке описать благодать.

Другой фрагмент: «существуют, как говорят отцы, два смирения: а) считать себя низшим всех и б) приписывать свои добрые дела Богу. Первое – начало, второе же – конец смирения»⁴². Только не надо думать, что от одного желания стяжать совершенное смирение мы сможем достигнуть его одним усилием ума или воли и будем иметь всегда. Ведь даже если мы понимаем, что какая-то добродетель (в частности, то же смирение) выше всех прочих добродетелей, то это не значит, что мы приобретем ее от одного нашего понимания. Все приобретается постепенно.

Продолжим цитирование: «Ищущим его (смирения. – Схиизгум. А.) следует сознать и иметь в уме три таких предмета размышления: 1) что они грешнее всех людей, 2) отвратительнее всего творения, как противоречащие своей природе, и 3) несчастнее бесов, как демонские рабы. Смиряющийся так должен говорить: „Точно ли я знаю грехи людей, каковы они и сколько их? превосходят ли они или равняются моим грехам? Вследствие незнания будем, душа, считать себя ниже всех людей, как землю и прах под их ногами. И как мне не считать себя гнуснейшим всех тварей, когда они соответствуют своей природе, с какою рождены, я же по неизмеримым беззакониям уклонился от природы? Подлинно звери и скоты чище меня, грешника. потому я, низвергающий себя до ада и лежащий в нем прежде смерти, ниже всех. Да и кто не знает и не чувствует, что грешник низменнее даже бесов, как их раб, послушник и наследник с ними тьмы еще здесь?! В самом деле, он, несчастный, ожесточеннее бесов и, управляемый ими, страдает чрез это, наследовавши с ними бездну. обитающий прежде смерти в земле, аде и бездне! Как ты осмеливаешься именовать себя праведным, обратив себя злыми делами в грешного, нечестивого и в беса? Горе

прельщению и заблуждению твоему, бесноватый, пес грязный, посылаемый за это во огонь и тьму!»⁴³

что сказать об этих словах святого Григория? Если какой-нибудь новоначальный начнет себя понуждать произносить их от всей души, то он, пожалуй, может прийти в уныние. Но, скорее всего, это окажется для него только игрой, неким фарисейством: мы знаем, что смирение – это хорошо, и поэтому, произнося о себе смиренные слова, начинаем думать, будто уже имеем такую добродетель, однако наше сердце эти слова не принимает, оно не убеждено в их истинности. Спаситель говорит: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Значит, смирение – это добродетель, которая должна быть укоренена именно в сердце, она не должна исходить из одного лишь ума. Поэтому приведенные григорием Синаитом слова уместно произносить тому, кто уже достиг состояния, при котором они отзываются в его сердце и оно чувствует их справедливость. Для нас же правильнее было бы усердно молиться, каяться, а когда в нашем уме вдруг начнут возникать подобные смиренные мысли, тогда мы, ориентируясь на прочитанное у преподобного Григория, поймем, что имеем правильное душевное состояние, движемся в правильном направлении. Таким образом, приведенное мною поучение указывает нам некие ориентиры на пути к достижению смирения. Если же мы сразу начнем произносить такие слова, пусть даже не вслух, а только мысленно, то это, скорее всего, будет просто смиреннословием. И конечно, во всем, что касается приобретения смирения или любой другой добродетели (как, впрочем, и борьбы с какой угодно страстью) необходимо советоваться со старицей или духовником и ничего не предпринимать самостоятельно, самочинно, чтобы не допустить из-за ложной ревности какой-нибудь грубой ошибки.

вот еще одно изречение Григория Синаита, мне кажется особенно полезное и, так сказать, жизненное. несмотря на некоторую свою откровенность и даже беспощадность, оно может оказаться утешительным для тех людей, которые испытывают сильные брани.

«Есть семь взаимно входящих и друг от друга порождающихся, но различных способов, ведущих и руководствующих к ниспосылаемому Богом смирению»⁴⁴, то есть еще не являющихся собственно смирением, но приводящих к этой добродетели. Мы иногда называем сами эти способы смирением, но лишь условно. Истинное же смирение посылается от Бога – это действие Божественной благодати, которое неизъяснимо, как говорят и Иоанн Лествичник, и Силуан Афонский, и многие другие подвижники. Итак, «есть семь взаимно входящих и друг от друга порождающихся, но различных способов, ведущих и руководствующих к ниспосылаемому Богом смирению: молчание, смиренномудрие, смиреннословие, смиренная одежда, самоунижение, сокрушение духа и отнесение себя всюду к последним. Разумное молчание рождает смиренномудрие. от смиренномудрия проистекают три вида смирения: смиренное словопроизношение, смирение и нищета в одежде и постоянное самоукорение. Эти три образа смирения дают начало сокрушению, производимому попусшением испытаний и называемому промыслительным наказанием и смирением посредством демонов. Сокрушение самым делом легко поставляет душу в ее чувстве ниже всех и последней из всех, как раболепствующую всем. Два этих вида приносят совершенное и богодарованное смирение, называемое силой и совершенством всех добродетелей. оно свое исправление приписывает Богу. Итак, первый из всех образов смирения – молчание, от которого рождается смиренномудрие»⁴⁵.

Под смиренномудрием, судя по внутренней форме слова, подразумевается смиренное о себе мудрование, смиренномыслие. конечно, это еще не сердечное смирение, но тем не менее шаг к нему: человек перестает мнить, будто он собой что-то представляет, будто он обладает какими-то добродетелями или достоинствами. Смиренномудрие «производит три вида смирения; три образуют один – сокрушение. сокрушение рождает седьмой вид, или подчиненный всем образ первого смирения, которое называют

промыслительным. Промыслительное же смирение приносит в душу ниспосылаемое Богом совершенное, истинное, необразное смирение»⁴⁶. обратите внимание на нижеследующие слова, потому что они относятся ко всем нам: «Первое, то есть промыслительное смирение, возникает при таких условиях. если человек, предоставленный самому себе, нравственно побежден, поработен и испытывает над собой господство всякой страсти и помысла, то, не встречая помощи ни от дел, ни от Бога и совершенно ни от кого и почти впадая в отчаяние, не может, угнетаемый отовсюду, не сокрушиться. Он считает себя низшим всех и последним рабом, худшим самих демонов, как побеждаемый ими и подпавший их тиранству. Это и есть промыслительное смирение. После него Богом подается свыше второе – высшее – смирение, которое представляет собой Божественную силу, действующую во всем и производящую все. Благодаря ей человек, всегда видя себя орудием божественной силы, совершает с ее помощью удивительные Божии дела»⁴⁷.

Итак, мы видим, что, по учению Григория Синаита, никто не может стяжать истинного смирения, если не испытает смирения промыслительного, то есть постоянного ощущения собственной немощи. Обойти этот этап нельзя. Такое сокрушение возникает в человеке оттого, что он видит свои бесчисленные падения и совершенно ни от кого не получает помощи. Конечно, причины наших грехопадений – в нашей собственной гордости, лукавстве и нерадении, но тем не менее эти падения способствуют смирению. В момент, когда человек испытывает столь ужасное состояние духа, он ощущает некую богооставленность, даже как бы несправедливость по отношению к себе. под падениями здесь нужно понимать не совершение смертных грехов или хотя бы грехов на деле, а падения мысленные, как об этом говорит святитель Игнатий (Брянчанинов). Грехи, совершаемые на деле, в особенности смертные, лишают человека благодати, и тогда он уже не в состоянии трезво взглянуть на то, что с ним происходит, ибо вразумляет человека именно благодать. Постоянно подвергаясь мысленным падениям, человек смиряется настолько, что видит:

без Бога он не может сделать ничего. Он на деле, самым глубочайшим образом, сердцем, всем своим существом, познаёт правоту изречения Спасителя: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

Однако подобное бывает только с тем, кто ведет духовную брань, кто вступил в борьбу с грехом. Большинство людей совсем не замечают происходящего с ними. Иной человек готов стонать от своей беспомощности и своего богопротивного поведения, от того, что он бесконечно оскорбляет Бога, а иной, рядом с ним совершающий грехи гораздо большие, даже и не замечает, что грешит, и чувствует себя совершенно спокойно и беспечно. К ощущению своей преступности пред Богом, своей совершенной немощи, а через это – к сердечному сокрушению еще нужно прийти. Это также действие благодати Божией, несмотря на то что такое сокрушение приносит человеку глубокую печаль и сильнейшие переживания. Бывает, что мы находимся в унынии или почти отчаянии от того, что бесконечно падаем и никак не можем исправиться. В эти моменты надо понимать, что такое состояние неизбежно, что мы обязательно должны через него пройти.

Не думайте, что смирение – это нечто, прививаемое человеку искусственно. немощь души познаётся нами опытно. Человек должен не один раз, а тысячекратно убедиться в своей совершенной беспомощности, греховности и даже лукавстве. И когда он уже окончательно в этом убедится, когда поймет, что без Бога не может сделать совершенно ничего, когда полностью в себе разочаруется, только тогда и начнет действовать в нем благодать Божия. еще раз говорю, смирение – это не что-то внешнее, это – самопознание. Насколько я понимаю, смирение такого рода старец Силуан и называет аскетическим. Под Христовым же смирением он имеет в виду действие благодати Божией, которая сходит в душу человека, подготовленную таким, я бы сказал, человеческим смирением.

Нужно добавить, что в молитве смирение имеет исключительно важное значение. Святые отцы говорят: «Сколько ты преуспел в смирении, столько ты преуспел в молитве». А также: «Смирение рождает молитву, а молитва –

смирение». что это значит? Когда человек по-настоящему смиряется, чувствует свою совершенную беспомощность и видит, что никто ему ничем помочь не может и что даже Бог помогает ему будто бы неохотно, как бы отворачиваясь от него, тогда он начинает молиться от всей души, всем своим существом. Он начинает действительно вопиять к Богу, умолять Его, требовать у Него помощи, пытается «докричаться» до Бога, как будто Тот его не слышит. конечно, в том, что Бог нас «не слышит», наша вина. По нашей душевной немощи нам иногда кажется, что Бог проявляет к нам безразличие. Однако Бог на такой наш, можно сказать, хульный помысел никак не реагирует, снисходит к нам и прощает нас, лишь бы мы молились ему искренне.

Он Сам поучает нас в Божественном Евангелии, чтобы в молитве мы были дерзкими. в одной притче из Евангелия от Луки Господь уподобляет молящегося человека некоему просителю, который приходит к своему другу в полночь, то есть в самое неподходящее время. Пришедший начинает стучать в дверь, нарушает покой друга, тот же отвечает: «Я не могу встать, уже поздно, я и мои дети спим». Но пришедший все же проявляет наглость (ведь по-человечески это действительно наглость), продолжая стучать, отчего друг вынужден встать и дать просимое, лишь бы его оставили в покое. Вот как Спаситель учит нас молиться. Он говорит, что *если не отворят вам по дружбе, то по вашей дерзости и неотступности отворят вам* (см. Лк. 11, 8).

Поэтому когда мы, с одной стороны, осознаём, что должны исполнять заповеди, а с другой – не находим для этого совершенно никаких сил, когда мы чувствуем, что бесконечно падаем, что абсолютно беспомощны, тогда мы начинаем от всей души вопиять к Богу. Тогда наша молитва становится искренней, в ней появляется и внимание, и, самое главное, в ней появляется чувство. Можно образно, с некоторым дерзновением сказать, что Бог для нас оживает. До сих пор мы молились Богу сухо, обращались к Нему как к какому-то далекому и непонятному Существо, а когда от своей внутренней боли, от безысходности мы начинаем к Нему вопиять, Он

становится для нас живым существом, мы чувствуем Его присутствие, знаем, что Он слышит, понимает нас, внимает нам. И одно это уже приносит нам некоторое облегчение, надежду, а иногда и помощь.

Таким образом, смирение действительно рождает в нас истинную молитву, но только в том случае, если мы подлинно хотим соблюсти заповеди, исполнить добродетели или победить страсти. Когда мы для себя решили, что ни в коем случае не должны согрешить, тогда мы и молиться будем изо всех сил. Когда же мы считаем, что тому или иному греху можно поддаться: мол, ничего страшного в этом нет и Бог нас простит, – тогда, конечно, истинной молитвы не будет, да и быть не может. Собственно, зачем тогда молиться, о чем просить, если мы уже заранее сдались? Настоящее смирение бывает тогда, когда мы проявляем мужество, твердость в исполнении заповедей. Именно это желание на деле следовать воле Божией дает человеку, как выразился один подвижник, познание своей немощи. А познание своей немощи естественно рождает ту единственную добродетель, которая может помочь человеку тогда, когда никто другой помочь не в состоянии, – молитву. И не обычную спокойную молитву, пусть даже и искреннюю, а именно исходящий из всего нашего существа вопль к Богу, словно бы вопль отчаяния, длящийся к тому же не одно мгновение, не несколько минут, а многие часы, дни и даже годы. Таким образом, смирение рождает молитву искреннюю, внимательную, непрестанную. Вот что значат слова исихия Иерусалимского о том, что смирение рождает молитву.

Святитель Игнатий говорит несколько иначе: непрестанная молитва приучает человека не надеяться на себя, – но это не противоречит приведенному нами изречению преподобного Исихия. Действительно, не только смирение рождает молитву, но и молитва рождает смирение. когда человек приобретает искреннюю молитву, в нем утверждается чувство того, что надеяться можно только на одного Бога; он чувствует необходимость изо всех сил понуждать себя лишь к одной, наиболее важной добродетели, без которой человеку не помогут и все прочие добродетели, – к молитве. Так что между

молитвой и смирением существует тесная взаимосвязь: от опытного смирения, происходящего от бесконечных мысленных падений, появляется молитва, а от молитвы приходит смирение уже иного рода, – может быть, именно то благодатное смирение Христово, о котором говорит старец Силуан, – преображающее душу человека, изменяющее его так, что он во всем и всюду приучается полагаться только на единого Господа.

Очень важно понять, что необходимо из всех сил понуждать себя противостоять греху, потому что в этом противостоянии человек и осознаёт свою немощь. Конечно, человек поневоле смиряется от своих падений. Но мы должны понимать, что наши падения – это следствие нашей духовной немощи, а не естественное состояние, с которым можно примириться. Мы должны постоянно бороться с грехом. И когда человек, напрягая все свои силы, чувствует, что не может справиться в этой борьбе один, он начинает от всей души вопить к Богу, прося Его помощи. Собственно, такое значение имеет смирение во внутренней борьбе человека с грехом.

Конечно, бывают такие самоуверенные, преуспевшие в лукавстве люди, которые каждое свое падение объясняют разными причинами: человек обвиняет в своем падении то какого-то другого человека, то плохую погоду, то свой плохой характер, то слабое здоровье. Он не может признать свои падения следствием собственной немощи, считает их не закономерными, а случайными. И падения у такого человека будут всё глубже, всё сильнее, они будут повторяться всё чаще: он начнет согрешать уже не мысленно, а на словах, потом – в делах. Может быть, дойдет и до совершения смертных грехов. И это будет продолжаться до тех пор, пока он волей-неволей не смирится, если, конечно, прежде того не потеряет совершенно ревности к исполнению заповедей. Ведь сознание его может измениться настолько, что человек скажет: а зачем это смирение мне вообще нужно? Буду наслаждаться жизнью, все так живут.

Поэтому смиряться нужно еще уметь, надо не искать различные оправдания, не выкручиваться, но смириться перед самим собой и сделать правильный вывод: я немощный,

ничтожный человек и, как говорит Григорий Синаит, хуже скотов, хуже самих демонов, хуже всякой твари. К такому выводу приходишь естественным путем, к нему тебя приводит сама твоя внутренняя жизнь, если ты понуждаешь себя к исполнению Евангелия. Конечно, если у тебя свои жизненные принципы и ты заботишься только о том, чтобы всегда быть сытым, чисто одетым, чтобы тебя никто не обижал, чтобы ты не был на последнем месте, – тогда тебе, пожалуй, смиряться будет не для чего, да и не в чем. Другое дело – если ты поставишь своей жизненной целью исполнять евангельские заповеди: *блаженны нищие духом (Мф. 5, 3) или возлюби ближнего твоего, как самого себя (Мф. 22, 39); любите друг друга, как я возлюбил вас (Ин. 13, 34), то есть даже больше, чем самого себя; возлюби врага твоего (см. Мф. 5, 44); не гневайтесь всуе на ближнего (см. Мф. 5, 22); не судите, да не судимы будете (Мф. 7, 1)* и прочие. если мы все эти необыкновенно возвышенные заповеди сделаем своими жизненными принципами, будем непрестанно содержать их в своем уме и стараться исполнять, то увидим, что наших сил на это не хватает и что мы постоянно грешим. Мы хотим исполнить заповеди – и не можем, падаем вновь и вновь – и только тогда познаём свою немощь.

Некий подвижник справедливо сказал, что евангельские заповеди научают человека осознанию своей немощи. Собственная немощь – это первое, что человек познаёт, когда пытается понудить себя к исполнению заповедей. А если Евангелие является для нас чем-то маловажным и несущественным, если мы только говорим, что верим в него и что мы христиане, а в жизни руководствуемся совсем иными принципами, тогда о соблюдении евангельских заповедей говорить, конечно, уже не приходится. Мы не почувствуем своей немощи, когда хотим непременно настоять на чем-то своем: допустим, добиваемся того, чтобы форточка в келии была открыта или закрыта в зависимости от нашего желания. Но кто в такой ситуации понимает, что ему необходимо уступить ближнему, а у него внутри все против этого восстает, и он едва-едва сдерживается от гнева – только тот и способен ощутить свою немощь. Он почувствует ее и в

том случае, когда он уступит и форточка, допустим, осталась открытой: в келии холодно, и он всю ночь ворочается, но терпит и борется с собой, молится, чтобы не разгневаться. То, что я сейчас привожу в качестве примера, вроде бы пустяк, но в таких пустяках и проявляются наши добродетели или пороки.

Подводя итог, можно сказать, что существует две возможности для смирения. первая – когда в случае падений (желательно, чтобы эти падения были только мысленные) мы делаем вывод о своей немощи, а не оправдываем произошедшее какой-то случайностью, не уверяем себя, будто в следующий раз обязательно поступим иначе: мол, в этот раз мы согрешили нечаянно, хотя это «нечаянно» у нас бывало уже две тысячи раз. вторая – когда мы осознаём свою немошь в борьбе, противостоянии соблазну и страсти, едва-едва удерживаемся от греха и начинаем изо всех сил вопить к Богу, прося Его о помощи.

конечно, лучше, чтобы мы приобретали смирение от борьбы с грехом, но, безусловно, не избежать и невольных мысленных падений. Чем глубже, чем полнее человек убедится в своем бессилии, своей полной несостоятельности, тем сильнее, откровеннее начнет действовать в нем благодать Божия, укрепляющая его в исполнении заповедей и особенно в молитве, а от молитвы придут и все прочие добродетели. для того чтобы прийти к смирению от своих падений, необходимы некоторые условия, которые перечисляет Григорий Синаит: «молчание, смиренномудрие, смиреннословие, смиренная одежда, самоунижение, сокрушение духа и отнесение себя всюду к последним». Далее он поясняет: «Разумное молчание рождает смиренномудрие. от смиренномудрия проистекают три вида смирения: смиренное словопроизношение, смирение и нищета в одежде и постоянное самоукорение. Эти три образа смирения дают начало сокрушению, производимому попусшением испытаний».

святитель Игнатий под смирением в одежде подразумевает то, что одеваться следует просто и прилично, одинаково избегая и роскоши и неопрятности. смиренное словопроизношение – это, думаю, понятно всем: надо говорить

просто, не выражаться высокопарно. Наконец, очень важно и самоукорение, потому что без него невозможно приобрести промыслительного смирения, то есть смирения от демонов, от своих падений. Как мы сможем прийти к выводу о своей греховности и духовной немощи, если будем постоянно себя оправдывать?

* * *

Вопрос. Смирение Христово и смирение аскетическое – это два разных вида смирения или одно происходит из другого?

Ответ. Из прочитанного поучения Григория Синаита и слов старца Силуана понятно, что аскетическое смирение как бы подготавливает приход благодатного смирения, которое есть неизъяснимое действие Божественной благодати и которое, как говорит Иоанн Лествичник, даже не поддается описанию.

Вопрос. Как ведет себя человек, имеющий Христово смирение?

Ответ. смирение Христово может внешне никак не выражаться: человек не стремится его показать, поэтому неопытные люди могут его и не распознать. Например, праведного Симеона Верхотурского при его жизни никто не считал особенным, для всех он был обыкновенным человеком, портным. проявляется это смирение лишь по каким-то особым поводам.

Вопрос. Аскетическое смирение, как вы только что сказали, проявляется в том, что человек сам себя укоряет, смиреннословит, а потом, когда он смиряется настолько, что достигает смирения благодатного, он, если я не ошибаюсь, уже перестает себя укорять. Почему?

Ответ. Что такое самоукорение или смиренная речь? Это понуждение себя к смирению. А зачем понуждать себя к тому, что уже имеешь? Смиренный человек и так уже думает о себе плохо: даже если он обладает какими-то великими добродетелями и осознаёт это, то всё равно приписывает их Богу и самого себя считает ничего не значащим. Не мог ведь, например, Симеон новый богослов не осознавать той великой благодати, которую он имел. или отец Иоанн Кронштадтский, который говорил: «без Бога я ничто, а с Богом я нечто».

Представьте себе: человек каждый день творил по несколько чудес, даже воскрешал мертвых. Он не мог не осознавать себя человеком необыкновенным. И не только из-за того, что совершал чудеса. Он при этом всегда углубленно молился и чувствовал обилие благодати, которая через него действовала.

Известен случай, когда во чреве одной матери умер плод. Отец Иоанн выгнал всех из комнаты, молился, обливаясь потом, и затем сказал: «Богу угодно плод воскресить». Откуда он знал – он же не доктор, – что происходит во чреве матери? значит, в тот момент он чувствовал в душе нечто необыкновенное. Когда отец Иоанн служил литургию, то испытывал такой молитвенный подъем, что присутствовавшие в алтаре содрогались от благоговейного ужаса. но он все приписывал Богу, знал, что таким образом через него действует благодать Божия. В нем было истинное Христово смирение, которое не позволяло ему вознестись. Зачем же ему еще нужно было себя укорять? В таких подвижниках, как отец Иоанн, повторяю, действует высшее смирение. Конечно, необязательно, чтобы они творили чудеса. Я просто привел очень яркий пример.

Вопрос. В письме святого Иоанна Златоуста к Олимпиаде сказано: «И Сам Христос, показывая, насколько важнее девства милостыня, скипетр который ты сама крепко держишь и за которую давно стяжала себе венец, изгнал из того сонма половину дев, так как они вошли без этой добродетели, лучше же сказать, потому, что они не владели ею в достаточной степени, – потому, что масло у них было, но не в достаточной мере, – а тех, которые вошли без девства, но облечены были добродетелью милостыни, принял с великой честью, называя их и благословенными Отца и призывая к себе, даруя им участие в Царстве Своем и провозглашая об их добродетели перед всей вселенной»⁴⁸. Получается, что милостыня выше девства? Такое толкование притчи о юродивых девах показалось мне неожиданным: непонятно, причем тут милостыня?

Ответ. Надо иметь в виду, что святитель Иоанн Златоуст обращался к конкретному человеку, поощряя его к совершению определенной добродетели. Надо думать, что Олимпиада занималась в особенности именно подаянием милостыни, поэтому он и подбадривает ее в этом отношении. Олимпиада, как известно, была вдовицей, и он как бы утешает ее: не печалься, что ты не девица, ибо милостыня выше девства. Конечно, если у человека будет девство, но не окажется никаких других христианских добродетелей – молитвы, поста, бдения, милосердия, – то оно одно само по себе не принесет никакой пользы. Целомудрие без прочих добродетелей – это ничто. например, жрицы богини Артемиды, по самому уставу своего так называемого богослужения, должны были быть девицами, но, поскольку они жили в заблуждении, поклоняясь бесам, их девственность не имела никакого значения. у римлян был культ богини Весты, которой также должны были служить девицы.

целомудрие должно соединяться с определенными добродетелями, поэтому Иоанн Златоуст говорит, конечно же, правильно. Только не нужно его слова абсолютизировать так, будто бы милостыня вообще выше девства. Если взять только девство и только милостыню, то милостыня, конечно, выше. Но если мы говорим о милостыне с девством и милостыне без девства, то выше будет милостыня с девством. Так же и молитва девицы будет особенно угодна Богу. Целомудрие и вообще воздержание – даже у человека, который имел в прошлом плотские грехи, – почти приравнивается к девству и является великой добродетелью пред Богом. Поэтому умалять значение целомудрия никак нельзя. Это действительно особая жертва Богу, можно сказать, всесожжение Ему. Иоанн Златоуст объясняет притчу о десяти девах в узком смысле и применяет ее к данному случаю, толкуя елей как милостыню. Самое мудрое объяснение этой притчи, по моему мнению, принадлежит Серафиму Саровскому, который говорит, что елей – это благодать.

Вопрос. Расскажите, пожалуйста, какую грубую ошибку можно совершить из-за ложного смирения? Умом стараешься смиряться, а душа не смиряется. Ощущаешь это при

искушении, скорбишь об этом, а потом опять все повторяется, падаешь даже в мелочах.

Ответ. что значит «ложное смирение»? Ложное смирение – это смирение показное. Во-первых, это напускной смиренный вид. Во-вторых, это смиреннословие: человек говорит о себе, что он великий грешник и хуже всех, а если его на самом деле оскорбят, он тут же возмущается и очень ревностно отстаивает свои права. В-третьих, ложное смирение проявляется в том, что человек мысленно повторяет какие-то заученные смиренные фразы, допустим изречения святых отцов о смирении, полагая, что он сам думает так искренне, но смысл этих фраз до его сердца не доходит.

Из сердца исходят не только *помышления злая* (Мф. 15, 19), но и вообще все человеческие помышления. человек, если можно так выразиться, мыслит сердцем: если он не убежден в чем-то сердцем, значит, он не убежден в этом совсем – будь то хорошее или плохое. Допустим, ты вычитал у Григория Синаита, что надо считать себя хуже всех. Ты ходишь и повторяешь: «Я хуже всех», но если твое сердце не соглашается с этими словами, значит, на самом деле ты так не думаешь. Твое смирение – воображаемое, ты просто мечтаешь о себе.

Поэтому самое главное – найти для себя ту меру смирения, которую ты искренне принимаешь сердцем, а уже от нее начинать двигаться дальше и понуждать себя к большему.

Уныние – страсть серьезная, страшная. Иоанн Лествичник называет ее всепоражающей смертью. Если человек поддается страсти уныния, то он совершенно теряет способность ко всякой деятельности. Преподобный Григорий Синаит эту страсть очень метко именуется ленью. Перечисляя восемь главных страстей, давая, если можно так выразиться, классическую, то есть принятую у святых отцов, их типологию, он вместо обычного выражения «страсть уныния» говорит «страсть лени». Мне кажется, это название очень точное и гораздо лучше объясняет сущность действия этой страсти – такого состояния человека, когда на него нападает лень по отношению к духовной жизни, к тому, что святые отцы называют умным деланием, тогда как уныние – понятие более отвлеченное.

Выражаясь современным языком, умное делание – это «умственная работа». Таким образом, здесь подчеркивается, что духовные занятия – это, с одной стороны, труд, делание, а с другой – делание особенное, занятие именно ума. Сейчас под работой ума мы чаще понимаем другие вещи – скажем, научный, литературный труд и прочее. Но в контексте святоотеческого учения умное делание – это молитва, борьба со страстями, внимание к себе и так далее, то есть это труд человеческого духа. Как раз по отношению именно к этому труду, как объясняет Григорий Синаит, уныние и является ленью. Как есть лень к физическому труду – когда кто-то не хочет работать в огороде или, допустим, на стройке, так есть и лень к духовной жизни, к умному деланию.

Преподобный Григорий Синаит среди восьми основных страстей главными считает чревоугодие, сребролюбие и тщеславие. От них происходят пять прочих страстей, в числе которых он, вместо привычного нам слова «уныние», называет лень. После этого он приводит противоположные всем этим страстям добродетели. И вот что интересно: страсти лени он противопоставляет мужество, а страсти печали – радость. Эти страсти в чем-то близки,

родственны, а потому радостный дух и мужество при искушениях, вообще твердость во всех делах – для монаха качества необходимые. Без них монах будет пасовать перед любым делом.

У нас в монастыре есть такие немощные люди, которые унывают от всего подряд, чуть ли не от того, что им села на нос муха. Я этому просто удивляюсь. У них все время появляются бесконечные поводы для уныния, хотя на самом деле не происходит ничего такого, на что вообще можно было бы обращать внимание. Почему так происходит с этими немощными людьми? Потому, что в них сильно действует страсть. Со стороны это порой кажется смешным. Но когда дело касается нашего собственного уныния, тут мы смеяться перестаем, потому что сами себя не видим. А если бы мы посмотрели на себя со стороны? Со стороны наше уныние выглядит очень смешно, унывать-то, собственно, не от чего. Редко у кого бывает какая-то особенная брань. По большей части человек в монастыре через послушание, труды, откровение помыслов почти избавляется от скорбей. Настоящих скорбей у него нет, вся тяжесть ложится на вождей братства или сестринства, то есть на духовника, настоятельницу. Они заботятся обо всех и в духовном отношении, и в телесном, чтобы предоставить им возможность жить беспечно. Беспечальная жизнь – это самое важное преимущество общежительного монастыря. Хотя здесь человек не имеет того уединения, той тишины и того времени, которые ему кажутся необходимыми для духовных подвигов, зато он не имеет и никаких забот. И эта беспечальность, если ею пользоваться разумно, дает человеку возможность приобретать то, что по неопытности новоначальный не сможет приобрести и в уединении, то есть внимательную молитву. Отсутствие забот позволяет ему при всей его кажущейся занятости следить за своей душой, потому что он знает, что обо всем попекутся другие, в том числе даже и о его душе. Его дело – только самоотверженно идти этим путем и не сворачивать с него.

Может быть, плакать и грустить – это свойство женского пола, а точнее, молодых девушек. Они еще не сталкивались ни с какими жизненными трудностями, не привыкли с ними бороться, у них еще не было настоящих скорбей, и поэтому, встречаясь в монастырской жизни с самыми небольшими затруднениями, они поддаются расслаблению сил, теряют усердие и даже оставляют свой подвиг, иначе говоря – падают на ровном месте. Правда, бывает, что и люди, уже имеющие жизненный опыт, от беспечального состояния, которое даруют порядки общежительного монастыря, становятся чрезвычайно чувствительными ко всевозможным, даже самым незначительным, затруднениям.

Эта страсть порой развивается в человеке настолько, что он даже сам иногда удивляется тому, что теряет душевное равновесие от каких-то несущественных вещей. А все потому, что он желает невозможного: получив жизнь беспечальную в отношении телесных забот, он хочет стать совершенно беспечальным и в отношении внутренней жизни, то есть не вести никакой борьбы. Если бы он, подобно людям, живущим в миру, отвлекался на добывание себе пропитания и преодоление всевозможных трудностей мирской жизни, из которых нужно самому искать выход, на болезни (особенно, когда о тебе некому позаботиться), на семейные скорби, то у него, может быть, и не было бы возможности обращать внимание на всякие мелкие душевные переживания, которые он теперь замечает и от которых приходит в душевное расслабление. Вместо того чтобы при этом беззаботном образе жизни бороться со всеми помыслами и с яростью наброситься на мысленного врага, мы, получив внутреннюю свободу, начинаем следить за своими скорбями: не имея истинных серьезных несчастий, начинаем видеть мелкие и почти что воображаемые.

Представьте себе человека, который не выходит из дому, боясь, что на него вдруг нападут хулиганы, или пойдет дождь и он вымокнет и простудится, или же с ним случатся еще какие-то неприятности. И чем дольше он сидит дома, тем больше у него возникает всяких страхов, он начинает ко всему прислушиваться. Где-то зашуршала мышь, а ему кажется, что

это уже нападают враги, кашлянул сосед, а ему представляется, что сейчас взорвут квартиру, и так далее. Наверное, многие испытывали такое состояние, при котором обостряются слух и зрение, развивается фантазия и в воображении человека рисуются мнимые враги. То же самое происходит и у нас. Мы живем как бы в замкнутом мире и, подобно этому человеку, у которого от страха обостряются чувства, начинаем преувеличивать значение событий, которые с нами происходят.

Нормальный человек, находясь в уединении, использует это время, допустим, для чтения и отдыха, а тот, у кого болезненно развито воображение и кто постоянно находится в тревоге, не может ни отдохнуть, ни чем-то заняться: он постоянно следит за тем, что, как ему кажется, происходит за стеной, или опасается того, чего не видит в темноте. Однако все эти преувеличенные фантазией опасности и несчастья, даже сама наша фантазия приносят человеку больше вреда, чем действительная скорбь: таким образом мы сами создаем себе врага. Конечно, все это происходит не без сатанинского участия, но зачем нам этому поддаваться? Мы постоянно пеняем на дьявола и всё сваливаем на демонов, которые нас искушают, приводят в уныние, а сами мы будто бы и не виноваты. Бывает, некоторые сестры обращаются за советом и даже не знаешь, что им сказать, так как, собственно, утешать их не в чем и подсказывать им нечего – они падают на ровном месте. Здесь дело не в скорбях, от которых они приходят в уныние, а в страсти уныния, которая ищет скорбей. Они сами ждут повода для того, чтобы удовлетворить свою страсть, и так бывает в подавляющем большинстве случаев.

Ведь все те трудности, которые приходится переживать в монастыре, не новы, и в них ничего особенно страшного нет. Они бывают у всех и всегда, и, как с этим справляться, многие из вас уже сами знают со слов старицы или из прочитанных святоотеческих книг, причем и другим могли бы что-то пересказать. Однако же все наставления забываются, ибо страсть ищет повода к своему удовлетворению. Это относится и к другим страстям, например к гневу, чревоугодию

или осуждению. Так, человек склонный к осуждению будет осуждать всех подряд и за все подряд, по причине и без причины. Раздражительный будет от всего раздражаться, с чем бы он ни встретился, что бы ни увидел, хотя на самом деле к этому нет никаких поводов. Никто и не пытается вывести его из себя, однако же он сам везде подозревает врагов – и даже до такой степени, что думает, будто люди нарочно хотят что-то сделать, чтобы он разгневался и потерял душевный мир.

Итак, если неопытный или нерадивый человек пришел от уныния в еще большее нерадение и лень, то что ему делать, как ему выйти из такого состояния, как победить эту страсть? Прежде всего, нужно иметь в виду, что если мы сами себя не понудим, то никакой совет, никакая чудесная сила или сверхъестественная помощь свыше нам не помогут. Надо понимать, что мы существа свободные и многое зависит от нашего собственного понуждения. Господь всегда готов нам помочь, можно сказать, что Он уже устремился нам на помощь, но мы этой помощью пренебрегаем. Мы не замечаем ее оттого, что погрузились во тьму уныния до такой степени, что не хотим даже немного откликнуться на это Божественное действие, укрепляющее нас в борьбе. Бывает, что человек даже ничего и не сделает, а просто перетерпит уныние и не оставит своего обычного послушания или молитвенного правила – и благодать Божия тут же утешает его сердце, он чувствует, что Господь пребывает с ним. Не нужно думать, что борьба за свое спасение – такая легкая и простая вещь, что в ней нет никаких препятствий и трудностей. Если мы будем помнить, что пришли в монастырь не для того, чтобы вести какой-то не обязательный, а всего лишь желательный духовный образ жизни, но для того, чтобы сделать все для своего спасения, чтобы покаянием очистить свою душу и подготовиться к вечности, тогда многие из тех глупостей, которые заставляют нас проливать потоки слез, просто рассеются, как рассеивается дым от дуновения легкого ветерка.

Иоанн Лествичник справедливо замечает, что уныние побеждается памятью смертной. У него также есть рассуждение (которое, несомненно, взято исключительно из опыта, в нем нет

ничего отвлеченного, сугубо теоретического) о том, что сильнейшим средством против уныния является молитва, заставляющая человека приободриться и взяться за свои труды. Но мы как раз о ней-то и забываем, ее-то и оставляем. Если и молимся, то не прилагаем никакого усилия, чтобы молиться внимательно, а делаем это до такой степени формально, что ум наш в молитве практически совершенно не участвует, и в действительности это уже не молитва. Помышлять о смерти мы боимся в принципе, у нас нет к этому серьезного отношения. Мы забываем, что нам, как и всем прочим поколениям людей, придется перейти грань жизни и смерти. Поэтому мы и впадаем в такое, с одной стороны, мрачное, с другой – беззаботное состояние. Эта беззаботность как раз и доказывает нам то, что в нас действует страсть и что мы ей поддаемся, от этого мы и испытываем наслаждение.

Бывает, что при слушании выдающихся музыкальных произведений мы испытываем наслаждение от удовлетворения той или иной страсти, в частности уныния. И это доказывает, что любая страсть приятна. Страсть совершенно опустошает душу и приводит ее в мрачное состояние, но она же доставляет и наслаждение. Здесь, конечно, есть некое противоречие. Страсть никогда не удовлетворяется, она каждый раз требует все большей и большей пищи, но в то же время, когда мы ей поддаемся, она приносит нам удовольствие.

Существует мнение, что искусство вообще возникло для того, чтобы заглушить уныние. Между прочим, согласно библейскому повествованию, первые музыкальные инструменты изобрели потомки Каина, человека отверженного, который противился Богу. Люди таким образом хотели заменить утраченное райское блаженство, то есть пытались изобрести нечто земное, что заменяло бы им рай, заставляло бы их забыть о нем и, следовательно, удаляло их от покаяния.

Поскольку любая страсть, и уныние в том числе, приносит человеку наслаждение, то поэтому мы, собственно, ей и поддаемся: мы хотим усладиться, упиться своей страстью. Скажем, пьянство тоже происходит от уныния: оно является

грубым способом обрести какое-то спокойствие. Более изысканный способ заглушить внутреннюю тоску – стремление человека к наслаждению произведениями искусства, к некоей отвлеченной деятельности. Если мы трезво на себя посмотрим и увидим, что унываем не потому, что для этого есть серьезный повод, а потому, что нам это приятно, тогда мы сделаем из этого выводы и будем вести себя иначе. Мы поймем, что причина не вне нас, а в нас самих. Как слепой человек не может ничего увидеть, а глухой не может ничего услышать, так и человек, в котором нет страсти уныния, не может унывать, а тот, в котором нет гнева, не может гневаться. Наши слова о существовании повода к тому, чтобы поддаться той или иной страсти, – это только самооправдание, даже если б поводы у нас были действительно серьезные, а не такие мелкие, ничтожные, как обычно.

В начале беседы я сказал о том, что Григорий Синаит называет уныние ленью. У многих из нас есть это свойство: мы просто ленивы. Мы всегда делаем то, что нам дается легко, что нам интересно, и почти не можем заставить себя исполнить то, что получается с трудом и в чем нужно себя преодолеть. Это наше свойство, проявляющееся в обычных человеческих делах, занятиях, дает о себе знать и в духовной жизни. Не дается нам что-то – и мы сразу бросаем: «Не получается у меня сразу помолиться как Илия пророк, по молитве которого пошел дождь, тогда я и совсем не буду. Я уже целых три дня подвигаюсь, а у меня еще нет непрестанной молитвы – что ж такое?» Или: «Я уже три года в монастыре, а бесстрастия у меня еще нет – как же так?»

Не имея усердия и встречаясь даже не с тем, что можно назвать неудачами, а просто с естественными затруднениями, бывающими при всяком деле, мы впадаем в разленение, опускаем руки и не хотим заниматься делом вообще. Приходим в монастырь с ревностью, с каким-то жаром: кто-то хочет покаяться, кто-то желает изменить, обновить свою жизнь, кто-то, может быть, вдохновляется прочитанными святоотеческими книгами, – а потом, через некоторое время, весь этот пыл

проходит, остывает, потому что мы видим, что здесь нужно работать, а работать мы не хотим.

В обычной мирской жизни, как правило, чем ценнее, выше награда, тем больше нужно для нее потрудиться. Иногда человек, чтобы достигнуть какой-то цели, трудится многие годы. Типичны случаи, когда человек усердно работает и несколько лет откладывает деньги, чтобы купить автомобиль или квартиру. Чем ценнее вещь, тем больше надо ради нее трудиться, – и это понятно всем, а когда речь идет о сокровищах небесных, духовных, здесь здравый смысл у нас пропадает. Существует предвзятое мнение, что все духовное настолько неощутимо, необъяснимо, аморфно, расплывчато, что никаких строгих определений в этой области быть не может, все должно быть просто, легко и доступно. И когда вдруг оказывается, что на самом деле здесь нужно работать еще больше и требуется еще большее усердие, мы впадаем – повторю – в разлечение от первых же трудностей.

Когда у человека в миру бывают неудачи, то он предпринимает определенные действия. Хотел человек поступить в институт, но не подготовился и не смог сдать, допустим, химию. Что он начинает делать, если все же хочет учиться в этом институте? Нанимает репетиторов, тщательно готовится, учит именно химию. В следующем году ему удастся сдать экзамен – и он поступает в институт. Никто этому не удивляется. Все нормально. Так же и в духовной жизни: когда человек хочет приобрести какую-либо добродетель и почему-то терпит неудачу, он тоже должен сделать вывод о том, почему так произошло и в каком отношении ему нужно исправиться. Допустим, я все делаю правильно, но поддаюсь гордости. Следовательно, мне надо обратить внимание на борьбу с ней. Или: я все делаю правильно, но не имею достаточной ревности к молитве, молюсь рассеянно. Значит, надо понуждать себя к молитве. А мы не хотим сделать таких простых, элементарных выводов, которые в миру сделали бы даже без всякой посторонней подсказки. И начинаем унывать вместо того, чтобы начать трудиться. Не получилось с первого раза – получится со второго, с третьего, но обязательно получится. Даже сама эта

борьба, само понуждение себя к исправлению в том или ином отношении уже приносит в душу человека благодать. Что бы мы ни делали, где бы ни подвизались, всюду получаем пользу, утешение, поддержку и в конечном счете достигаем того, что наметили и к чему стремились.

Некоторые считают, что они приступили к духовной жизни слишком поздно – в среднем или даже преклонном возрасте. От этого они опускают руки, впадают в уныние. Но мы знаем из церковной истории, что некоторые люди начинали духовную жизнь уже в немолодые годы, однако же высоко преуспевали. Наш почитаемый святой Василиск Сибирский, который подвизался в Сибирской земле, начал заниматься умным деланием в сорок лет. Конечно, он был подготовлен предыдущей жизнью: его очень смирили обычные житейские скорби, подвизался он и в пустыне. Но так случилось, что научить его Иисусовой молитве было некому, потому что в то время в России, да и вообще по всему миру, умное делание находилось в забвении, как, впрочем, и сейчас. Старцу рассказал об умном делании его же собственный ученик – Зосима (Верховский), может быть, просто потому, что был более начитан в творениях святых отцов, – а тот, прислушавшись к нему, начал молиться Иисусовой молитвой и достиг высочайшего духовного преуспевания. Повторяю, он начал в сорок лет. А мы унываем в свои двадцать пять: мол, все пропало, ничего не получится.

Древний подвижник благочестия Павел Препростый пришел к Антонию Великому в шестьдесят лет, оставив жену и детей, и преуспел благодаря своему послушанию и ревности. У людей бывают разные добродетели: один особенно послушен, другой усердно занимается Иисусовой молитвой, но у всех обязательно должно быть одно общее качество – ревность. Именно ревность и заставила Павла Препростого отдаться в полное послушание Антонию Великому, и в шестьдесят лет он достиг столь великого преуспевания, что изгонял демонов и совершал удивительные чудеса. Вы представьте себе: пришел бы к нам в монастырь шестидесятилетний дед, который всю жизнь проработал где-то в

миру, вышел на пенсию и теперь просился бы сюда. Как бы мы к нему отнеслись? Сказали бы, наверное: «Ну ладно, попробуй, посмотрим, как у тебя получится». И вот этот дед стал бы чудотворцем.

Известны случаи, когда люди приобретали благодать Божию очень быстро и в самых, казалось бы, неподходящих условиях. Например, святитель Фотий, патриарх Константинопольский, был избран на патриаршество из сенаторского звания. В умственном отношении это был удивительно способный человек, ученый, который прочитал огромное количество сочинений и составил собственную книгу «Библиотека», где описал все прочитанные им произведения: и христианские, и богословские, и языческие, и х удожественные, причем каждому дал более или менее пространную оценку. Этот ученый человек сделал блистательную карьеру при императорском дворе. Он был уже немолод, потому что само изучение всевозможных наук, сама карьера должны были отнять много лет. Чтобы выделиться среди прочих ученых императорского двора, требовалось приложить немалые усилия. Может быть, он и не старался специально сделать карьеру, а просто желал добросовестно исполнять свои обязанности, тем не менее к моменту его избрания в патриархи должен был пройти какой-то значительный срок. И вот Фотий постригается в монашество и в течение немногих дней проходит все степени священства: рукополагается в диаконы, священники, епископы и возводится в сан патриарха, получая в свое управление Константинопольскую Церковь. Это была Патриархия, вмещавшая в себя огромную территорию: Грецию, некоторые славянские страны, почти весь Балканский полуостров, Малую Азию вплоть до Антиохии, – это великое множество храмов, священников, епископов.

Управление всеми этими храмами и духовенством царствующего града доставляло Фотию множество забот. При этом он не забывал и своих научных занятий: он был большим книголюбом и чтение книг приносило ему величайшее наслаждение. Однако именно во время своего патриаршества

он стяжал дар непрестанной молитвы, как об этом говорит Паисий (Величковский). Ему не помешали ни возраст, ни занятия (я имею в виду управление патриаршей кафедрой), ни научные увлечения, которым он уделял немало времени. А ведь у него было много скорбей: Церковь в то время раздирало внутреннее нестроение, связанное с низложением патриарха Игнатия, сторонники которого постоянно противостояли святителю Фотию; кроме того, шла борьба с папизмом. Святитель Фотий писал богословские труды, боролся против ересей, – кстати, он первым дал обстоятельный богословский анализ ереси «филиокве». И при такой занятости, при таких заботах и скорбях, человек находил время молиться. Он как будто бы не имел главного, что необходимо для молитвы, – безмятежного состояния духа, однако все же приобрел непрестанную молитву.

Казалось бы, он был уже сложившимся человеком, притом одним из культурнейших людей своего времени – его необыкновенную ученость были вынуждены признать даже враги. Однако все это не помешало ему преуспеть в молитве.

Не нужно поэтому унывать оттого, что нашему духовному преуспеянию якобы препятствуют какие-то внешние обстоятельства: возраст, сложившийся характер, привычки, страсти или какие-либо иные обстоятельства. Они являются по отношению к внутренней жизни внешними, а ничто внешнее не может нам помешать преуспевать духовно. Нам мешает только собственное нерадение. Причину всех своих бед нужно искать в себе самом. И этот путь самоукорения – настоящего, искреннего самоукорения, а не какого-то самооскорбления без внутреннего согласия с тем, как ты сам себя называешь, – делает человека действительно духовно плодоносным. А если мы будем поддаваться страсти уныния и впадать в разленение, когда что-то идет не так, как бы нам хотелось, то останемся бесплодными, и в конечном счете ущерб понесем именно мы, а не кто-то другой.

Итак, по моему мнению, самая главная причина того, что мы поддаемся унынию, – наше нежелание трудиться. Поэтому мне очень нравится то, как называет уныние Григорий Синаит, –

«ленью». Противоположно лени, как известно, трудолюбие. Вот и нужно приобрести духовное трудолюбие. Труд – он, как говорится, труден. Мы можем не хотеть что-то делать, но знаем, что это нужно, и делаем это, преодолевая усталость, а иногда и боль. Труд вызван необходимостью – не всё мы делаем только с удовольствием, – и по большей части он приносит утешение только тогда, когда мы уже завершим работу и увидим ее результат. Даже приступая к какому-то делу с удовольствием, мы всё равно поневоле сталкиваемся с трудностями и возникает желание его бросить. Но представьте себе, хирург делает операцию, а она что-то затянулась, идет уже целых три часа, и он бросает скальпель: «Пусть кто-нибудь другой зашьет, а мне надоело, стоишь тут, уже весь вспотел». Что тогда будет? Вы поймите, что лень на послушании (в смысле работы) – это для души человека, конечно, плохо, но лень в духовном отношении гораздо страшнее. Если к ленивому в работе Господь, может быть, еще снизойдет и помилует его, то для ленивого в молитве, борьбе с помыслами, страстями выхода уже нет.

Надо уметь ясно различать истинную печаль о грехах и печаль неправильную, ложную. Истинная печаль о грехах подает человеку ревность, духовную бодрость, делает его способным к трудам, тогда как ложная печаль, то есть уныние по поводу своих грехов, наоборот, приводит человека в состояние расслабления, делает его духовно и нравственно ленивым. Человек, который печалится о своих грехах, всегда помнит о том, что за них, хочешь не хочешь, а придется отвечать. Поэтому перед ним всегда стоит цель – очищение своей души, приготовление ее к вечной жизни. Тот, кто об этом забывает, может, конечно, и от самого воспоминания грехов прийти в уныние и расслабление, сделать вывод о том, что раз у него ничего не получается, то никогда и не получится: мол, падал он уже многократно и выхода никакого нет, а поэтому и работать бесполезно. А человек, который видит конечную цель, как может успокоиться?

Итак, самый главный вывод, который я хотел бы сделать, таков: уныние – это лень, лень к духовной жизни, духовным

трудам. Поэтому нужно приобрести духовное трудолюбие, которое в Евангелии называется понуждением: *Царствие Небесное нудится* (Мф. 11, 12). Это понуждение необходимо на протяжении всей жизни, а не так, что сейчас ты все поняла, три дня потрудишься, а потом охота к понуждению пропадет. Человек развивается и, в чем-то изменившись к лучшему, бывает должен вновь и вновь понуждать себя к достижению бóльших добродетелей. Так он неуклонно движется к вечной жизни, достигая иногда самых возвышенных духовных результатов, самых прекрасных и, как ему казалось раньше, труднодостижимых добродетелей.

Когда наши прародители пали, Господь сказал Адаму: *В поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3, 19). В буквальном смысле эти слова относятся к обыкновенному человеческому труду ради пропитания. Но в широком смысле их можно отнести и к духовной жизни. Преподобный Исаак Сирийский говорит о том, что Господь наш Иисус Христос, проливая кровавый пот во время молитвы в Гефсиманском саду, заменил пот трудовой потом молитвенным. Древняя заповедь осталась, но смысл ее отныне стал духовным. И если мы примем толкование некоторых святых отцов, что *хлеб насущный*, о котором говорится в молитве «Отче наш», – это хлеб «надсущный» и «сверхсущественный», то есть, во-первых, Тело и Кровь Христовы, а во-вторых, вообще всякая духовная пища, насыщающая нашу душу, то и получится, что, действительно, ради вкушения этого духовного хлеба мы должны проливать пот в соответствующем делании – в молитве. Конечно, это не значит, что надо класть столько поклонов, чтобы в буквальном смысле слова обливаться потом, хотя многие подвижники делали и это. Я думаю, что глубокий жизненный смысл этой заповеди заключается в том, чтобы духовно трудиться так, как трудится человек, проливающий пот ради приобретения себе хлеба для пропитания. В миру сейчас все так трудятся. Мы же, оставив мир, как будто потеряли здравый смысл, отбросили все здравые представления, рассуждения, которые у нас были, и стали как бы совершенно ничего не понимающими людьми. Мы забыли о том, что в миру-

то мы трудились: даже учась в школе или институте, и то нужно было прилагать какие-то усилия, а в монастыре мы почему-то их прилагать не хотим. Но ведь заповедь осталась та же самая, только в отношении другого предмета. Поэтому мы должны трудиться много и с чрезвычайным усердием.

* * *

Вопрос. Батюшка, но ведь как бы человек сам себя ни понуждал, как бы ни трудился, все равно без благодати Божией он ничего не сможет.

Ответ. Мы сейчас говорим не об этом, а о том, что человек должен делать со своей стороны. Господь всегда готов нам помочь и уже как бы устремился нам на помощь, но мы сами ее не принимаем. А ты опять хочешь сказать, что Господь не помогает и поэтому у тебя ничего не получается. Мы пришли в обитель спасать свои души. Работаем мы по необходимости, потому что должны сами себя обслуживать, зарабатывать себе на хлеб, но в первую очередь мы обязаны из всех сил трудиться над своим спасением – тогда и уныния не будет. Нужно иметь трудолюбие, как вообще, так и в частных вопросах внутренней жизни, упорно трудиться: не получается сегодня – получится завтра. Что-то не выходит – надо рассуждать, искать причину этого (конечно, под руководством старицы, духовника), устранять ее, трудиться вновь и вновь. В конечном счете мы достигнем результата. Даже если он и не будет каким-то особенным, то сам труд, может быть, вменится нам в такую же добродетель, как, скажем, бесстрастие или чудотворение, – если только мы будем понуждать себя всю свою жизнь.

Вопрос. Что означает совет архимандрита Софрония «держатъ ум во аде»? Речь идет о памяти смертной или об особом делании? Могу себе представить, как держать ум на Страшном суде, а как в аду – нет.

Ответ. этому деланию архимандрит Софроний научился от своего старца – преподобного Силуана, и оно подходит не всем. Оно очень трудное, требует руководства и, как мне кажется, высокого преуспевания. поэтому мы лучше просто будем смиряться, каяться, понуждать себя ко всякой смиренной мысли о себе, и, может быть, благодать Божия воздействует в

том или ином человеке так, что он ощутит себя действительно достойным ада. а что точно означает «держать ум во аде», я, к сожалению, сказать не могу, потому что сам подобного не испытывал, не имею такого опыта и такой степени смирения. Когда я прочитал книгу «Старец Силуан» и пытался подражать этому подвижнику, опуская ум в ад, то у меня из этого или вообще ничего не получалось, или появлялось уныние, поэтому я оставил попытки. часто человек, который говорит, что он достоин ада, смиреннословит в плохом смысле слова, потому что одно дело – думать что-то о себе искренне, а другое – повторять какое-либо изречение, которое до твоего сердца не доходит.

Антонию Великому некогда было открыто, что один кожевник в Александрии преуспел больше, чем он. Тогда Антоний пришел к нему и выяснил, что человек тот имел глубокое смирение и считал, что все в том городе за свои добрые дела спасутся, а он один за свои грехи погибнет. И Антоний, как уже весьма опытный подвижник, оценил его высокое преуспеяние, значение его делания, происходившего от глубочайшего смирения, и сам стал ему подражать. Он также взялся за этот подвиг – от всей души считать себя погибающим, как бы сам приговорил себя к гибели. С тех пор эту мысль, выражающую глубочайшее смирение, стали называть мыслью святого Антония.

спустя некоторое время, может быть через одно поколение монахов, некоторый подвижник говорил о себе: «Кто ныне может носить мысль святого Антония? Впрочем, я знаю одного человека, который может это делать». подвижник, конечно, имел в виду самого себя, но по смирению не хотел сказать об этом вслух. Стало быть, он считал, что в его время – а это был так называемый золотой век монашества – людей, способных носить эту мысль, уже не было. Это не значит, что люди не могли повторять слова святого Антония в уме – и мы сейчас можем это делать. Но если мы искренне начнем думать о себе подобным образом, то придем в такое отчаяние, что не только не получим пользы, но и можем погибнуть от столь непосильного груза, от той духовной тяжести, поднять которую

мы просто не способны. Для этого нужно иметь благодать, силу духа. А если мы их не имеем, то такие размышления приведут нас не к спасению, а к гибели. Если уже в древние времена, в IV или V столетии, подвижники считали, что нет людей, способных носить такую мысль, то что говорить о нас, которые плачут от того, что кто-то в келии хлопнул дверью. Какое уж там держать ум в аду! Нам бы его в монастыре удержать.

Кроме того, нужно понимать такую важную вещь: делание преподобного Антония – еще не само смирение, но лишь средство к его достижению. Ведь самое главное – чтобы смирение было сердечным. Спаситель сказал: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29) и *Из сердца исходят помышления злая* (см. Мф. 15, 19). Сердце – источник жизни человека. Если человек убежден в чем-то сердцем, значит, он в этом убежден на самом деле. Если ты смиренный в сердце, значит, ты действительно смиренный. Ты можешь не высказывать никаких определений смирения, не иметь никаких образных представлений о нем, а смирение будет. И наоборот, ты можешь сколько угодно говорить о себе, как праведный Авраам, что ты *прах и пепел* (Быт. 18, 27), или как пророк Давид, что ты *червь, а не человек* (Пс. 21, 7), а в мыслях будешь держать: «Вот, я червь, а не человек, поэтому я лучше всех этих людей. Ведь они о себе не думают, что они черви, а я думаю. Поэтому они черви, а я человек». Не стоит себя так неразумно понуждать, надо больше смиряться сердцем.

Кроме того, нужно помнить, что все дается от Бога. Любая настоящая и укоренившаяся добродетель есть действие благодати. Нужно отличать понуждение себя к добродетели и добродетель истинную, которую мы приобрели от действия благодати. Поэтому больше и лучше всего в стяжании добродетелей помогает Иисусова молитва. Все, что приходит от непрестанной покаянной Иисусовой молитвы, настоящее, пусть малое, но настоящее. А вот с искусственным понуждением себя к добродетели нужно быть довольно осторожным, чтобы не запутаться и вместо понуждения себя не перейти к актерству. Мы и сами не заметим, как это может случиться: будем что-то

изображать не перед людьми даже, а внутренне, сами перед собой.

Вопрос. может ли быть послушнику венец от Бога, если у него еще нет настоящей борьбы со страстями?

Ответ. Если человек по-настоящему искренне, серьезно, с крайним понуждением борется со своеволием, то он одной этой борьбой, одним своим послушанием отсекает прочие страсти, которые все в конечном счете происходят от своеволия, потому что любая страсть есть уклонение от воли Божией. Добровольно подчиняя себя более опытному монашествующему, человек таким образом отсекает своеволие и уничтожает все его последствия, то есть страсти. Тогда он может спастись и без борьбы со страстями. Об этом прекрасно пишет авва Дорофей, который жил в монастыре совершенно беспечно, потому что все рассказывал старцам и полностью им повиновался.

Вопрос. В откровении Иоанна Богослова сказано, что в будущем веке тем, кто окажется в числе спасенных, будет дано новое имя. *Дам ему новое имя написанное, егоже никтоже весть, токмо приемляй* (см. Откр. 2, 17). Что это за имя?

Ответ. Я думаю, что это новое имя будет не тем формальным именем, которое мы носим теперь и которое представляет собой случайное сочетание звуков. Оно будет соответствовать сущности человека. Это имя будут знать только он и Бог, потому что личность человека – это тайна. Мы можем попробовать только как бы «вычислить» личность какого-то человека, например сестры певчей. мы выясняем, где она училась музыке, какие музыкальные произведения любит и почему именно эти. И оказывается, что это произошло потому, что она находилась под влиянием таких-то педагогов, что жила в таком-то городе и одни ноты, допустим, у нее были, а других не было. Так мы постепенно вычисляем, вычисляем и видим, что в ней есть собственно индивидуального, а что в ее характер было привнесено и от нее не зависело. Видим, в чем человек, выражаясь философским языком, детерминирован, то есть предопределен. И выясняется, что в характере этой сестры все детерминировано,

предопределено обстоятельствами, а собственно проявления ее личности и не было. Свободы не было, поскольку свобода может быть только во Христе.

А вот в будущей жизни человек, благодаря христианскому подвигу, становится настоящей личностью. Он становится самим собой, неподражаемым, неповторимым существом, которое, при всей бесчисленности человеческих существ, человеческих ипостасей, все-таки является чем-то особенным. Может быть, в этом смысле и надо понимать то, что ему будет дано новое имя.

Вопрос. Батюшка, я знаю несколько случаев, когда люди, имеющие непрестанную молитву, совершали мерзкие поступки. Получается, одна непрестанная молитва еще ничего не значит, надо иметь что-то еще?

Ответ. Непрестанная молитва – это дар Божий, который еще надо оправдать, ответив на него соответствующими трудами. Что еще нужно? Нужно бесстрашие или любовь. Любовь, понимаемая как *совокупность всех совершенств* (см. Кол. 3, 14), по слову апостола Павла, есть не одна добродетель из многих, а всеобъемлющая добродетель, вмещающая все прочие в виде частных. Человек, обладающий даром такой любви, уже не будет совершать мерзких поступков – он просто не сможет их совершить. Поэтому те, кто имеет какое-то преуспевание в молитве, – скажем, непрестанную или просто очень внимательную молитву, – пусть не думают, что на этом все заканчивается, будто бы они уже чего-то достигли. Если они так решат, то действительно смогут совершить что-нибудь мерзкое и потеряют благодать. Нужно трудиться над очищением своего сердца, а не думать, что теперь у нас осталась только одна цель – получить духовное утешение.

Вопрос. Разве Иисусова молитва, которую мы повторяем целый день, не приводит к смирению и не убеждает в том, что рая мы недостойны?

Ответ. Понимаешь, это все только слова, за которыми нет чистосердечного чувства. Да, мы знаем, что должны думать о себе то-то и то-то. Да, мы знаем, что мы такие-то и такие-то. Но знаем это умом, а отнюдь не сердцем. Конечно, Иисусова

молитва самым смыслом своих слов должна нас располагать и понуждать к покаянию. Тот, кто нуждается в помиловании, кто считает себя грешником, безусловно, должен считать себя недостойным рая и вечного блаженства, поэтому, собственно, он и просит о помиловании без конца, целыми днями. Теоретически так, но на деле оказывается, что и этим можно загордиться, то есть произносить слова Иисусовой молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», а при этом думать: «Раз я повторяю эту молитву, то я не такой, как прочие люди: хищницы, неправедницы, прелюбодеи или якоже сей мытарь, который молитвы Иисусовой не повторяет». Бывает такое? Бывает, и очень часто.

Святые отцы или, может быть, даже апостолы составили слова Иисусовой молитвы таким образом, чтобы она всем своим смыслом располагала к смирению. Но это еще не значит, что всякий повторяющий ее уже автоматически смирился. В принципе, может быть, ты и права теоретически – подчеркиваю: теоретически – в том, что Иисусова молитва сама по себе является достаточным средством для смирения. Однако если бы все было так просто, то святые отцы: Лествичник, авва Дорофей и многие другие, и великие, и менее известные, – не писали бы всех своих книг. Зачем писать, когда можно было бы сказать: «Читайте все Иисусову молитву и будете смиренными». Так ведь? Значит, они считали, что необходимы еще какие-то наставления, и посвящали многочисленные рассуждения тому, как стяжать смирение.

Вопрос. В книге «Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого» порицается сокращение Иисусовой молитвы. Преподобный Нил говорит, что, когда молитву только начинали употреблять, она была очень длинной, а потом из нее стали выбрасывать слова, пока не дошли до того, что оставили всего несколько слов. Что вы об этом думаете?

Ответ. На минутку забудем об этой книге и обратимся к истории. В древности, наоборот, произносили более краткую Иисусову молитву. Книга «Посмертные вещания...» написана, по-моему, в начале XIX века, а в творениях отцов, составленных на несколько веков раньше, Иисусова молитва

передается в таких словах: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» или просто: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Григорий Синаит, который жил в XIV столетии, писал, что иногда нужно молиться так: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», а иногда так: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя», то есть произносить разные части одной молитвы. Отсюда можно заключить, что полная молитва звучала таким образом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Произносить же ее по половинам – сначала одну, потом другую, впрочем меняя их не слишком часто, чтобы не потерять внимание, – он советовал новоначальным и неопытным, ради того чтобы они не поддавались унынию.

Поэтому я с мнением Нила Мироточивого не согласен (если только то, что он говорит, действительно относится к молитве Иисусовой). И у святых отцов в древности не было такого, чтобы молитва была сначала длинной, а потом стала короткой; наоборот, она с течением веков делалась более пространной. Известно археологическое открытие – захоронение примерно 40-х годов I столетия по Рождестве Христовом, то есть времени совсем близкого к евангельским событиям. На нем была надпись: «Иисус, помогай нам!» Мы знаем, что это одна из самых древних форм обращения к Господу.

Известно, что чин Панагии, во время которого обращаются к Божией Матери со словами: «Пресвятая Богородица, помогай нам!», по преданию, возник следующим образом. Апостолы во время совместной трапезы всегда отдельно клали ломоть хлеба и ставили чашу вина – это была часть Господа. по окончании же трапезы они поднимали этот хлеб к небу и говорили: «Иисус, помогай нам!» Потом хлеб преломляли и вкушали как святыню – в воспоминание того, как некогда они трапезовали с Господом Иисусом Христом. И когда Пресвятая Богородица явилась им после Своего Успения, они вместо привычного «Иисус, помогай нам!» сказали: «Пресвятая Богородица, помогай нам!»

Вполне возможно, что краткими словами «Иисус, помогай нам!», написанными в найденной могиле, молились первые христиане. Слова «помогай нам», может быть, заимствованы из

строк псалмов, где Бог часто называется помощником: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися* (Пс. 69, 2) или другого: *Бог нам... помощник в скорбех* (Пс. 45, 2).

Поэтому пусть вас не смущает мнение, высказанное в «Посмертных вещаниях...», и не нужно думать, будто бы мы читаем Иисусову молитву неправильно. Мы произносим ее так, как произносят все православные христиане во всем мире, ничего не убавляя и ничего не прибавляя: как читал ее в XV столетии Нил Сорский, так сейчас, в XX столетии, произносим ее и мы.

Вопрос. В одном из сборников об Иисусовой молитве высказывается мысль о том, что древние отцы вообще старались подбирать краткую молитву именно для того, чтобы лучше собирать ум.

Ответ. Это размышления святителя Феофана Затворника, основанные на творениях Иоанна Кассиана Римлянина. Действительно, египетские монахи употребляли в качестве молитвы некое краткое изречение из псалма, называемое «поучением». У некоторых подвижников, видимо, была такая практика: они давали человеку в зависимости от его душевного состояния то или иное изречение, чтобы он его постоянно повторял, используя как молитву и поучаясь в его содержании.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) на основании данных, содержащихся в житиях святых, и фактов церковной истории говорит о том, что Иисусова молитва была в употреблении с древнейших времен. Может быть, слова ее и изменялись, но имя Иисуса Христа употреблялось постоянно – по той причине, что Господь заповедал нам молиться, призывая Его имя: *Если что попросите во имя Мое, всё получите* (см. Ин. 16, 23). Святитель Игнатий очень мудро и справедливо говорит, что апостолы, творившие именем Иисуса Христа многие великие чудеса, не могли не повторять это имя непрестанно, поскольку испытывали к нему глубочайшее уважение и благоговение. Так что практика, видимо, существовала разная, но, безусловно, была и такая: непрестанное повторение имени Иисуса Христа, то есть Иисусова молитва. Хотя кто-то использовал для непрестанной молитвы псалмы или отдельные изречения из

них, кто-то употреблял молитву «Отче наш» – это не принципиально. Но для подобного делания все же наиболее подходят слова Иисусовой молитвы.

Вопрос. Значит, поучение и молитва Иисусова – это разные вещи?

Ответ. Когда мы говорим «Иисусова молитва», то подразумеваем две вещи: собственно слова Иисусовой молитвы и умное делание в широком смысле. Если брать Иисусову молитву в узком смысле, то, конечно, поучение – нечто более обширное. Поучением могут быть и сама молитва Иисусова, ее слова, и стихи из какого-то псалма, и изречения из Священного Писания. А если мы рассматриваем Иисусову молитву как умное делание, то поучение будет лишь одним из упражнений умного делания, его частью.

О правильном отношении к стяжанию монашеских добродетелей⁵⁰

Сегодня я хотел бы поговорить с вами о правильном отношении к стяжанию христианских и монашеских добродетелей – о правильном отношении к исполнению заповедей. Когда новоначальный – неважно, монашествующий это или мирянин – вступает на путь духовного делания, он должен знать, как ему следует продвигаться в избранном направлении. Между тем и другим образом жизни есть отличия: одни добродетели в большей степени приличествуют мирянам, другие – монашествующим, о чем замечательно говорит святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем «Слове о спасении и о христианском совершенстве». Повторять его мысли я сейчас не буду, скажу в общем: если у нас не будет правильного подхода к исполнению добродетелей и мы начнем совершать их неразумно, то, конечно, преуспевать в их стяжании не будем. Мы не достигнем успеха, впадем в нерадение и, может быть, потеряем даже ту ревность, тот запал, который у нас был перед тем, как мы вступили на путь духовной жизни, – впадем в состояние полной опустошенности.

Когда мы приступаем к исполнению добродетелей, у нас, как это свойственно человеку, возникает желание приложить минимум усилий и приобрести искомое как можно быстрее. Мы читаем святоотеческую литературу, а может быть, – что не так похвально – и книги современных авторов, еще не проверенных временем, не заслуживших доверия, иногда даже и тех, которые совсем не пишут на аскетические темы, а, скажем, в общих чертах рассуждают о вопросах нравственности, не указывая читателю конкретных способов для того, чтобы стать нравственным. Мы хотим найти в этих книгах указание на то, как лучше совершить свой путь, о самом пути даже и не думая. Ищем того, как бы легче стяжать добродетели, которые или приведут нас в состояние духовного совершенства, или, на худой конец, дадут покой от мучительной борьбы со страстями. Таким образом, мы понимаем святоотеческие сочинения не так,

как предполагали это сами их авторы, допустим Иоанн Лествичник, святитель Игнатий или любой другой древний или более близкий к нам по времени автор. Мы ищем в книгах мудрый совет, который сразу или почти сразу приведет нас к цели, ищем то, что, как мы полагаем, поможет нам стать исключением из общего правила.

Конечно же, мы понимаем эти тексты превратно – выбираем из них то, что льстит нашей гордости. Ведь желание очень быстро стяжать добродетели или быстро, без труда избавиться от действия страстей – это признак и одновременно следствие гордости, то есть ложной ревности. В таком состоянии мы принимаем помысел о своей исключительности, о том, что именно я за недолгое время способен или способна, пусть и при помощи мудрых святоотеческих советов, сделать то, на что другой, может быть, потратит всю свою жизнь. Мы думаем, что на возникший у нас вопрос нашли ответ, допустим, у Иоанна Лествичника или Макария Великого. Их совет, понятый искаженно, мы принимаем как руководство к действию и начинаем соответственно ему трудиться, как нам кажется, усердно, а на самом деле суетно и своевольно. Разумеется, через некоторое время (обычно довольно-таки скоро) мы терпим неудачу. Не приобретаем мы ни любви к ближнему, ни смирения, ни непрестанной молитвы, ни других возвышенных добродетелей, хотя обычно в такой ситуации стремимся именно к ним. И тогда начинается поиск объяснения, почему же так произошло.

А происходит это оттого, что человек горделив, он не хочет согласиться с тем, что вообще не нужно искать особый подход, а нужно разумно, терпеливо трудиться, положившись на волю Божию. Он уверен, что в основном сделал все правильно, лишь не учел один какой-то момент. И вот он снова находит, допустим, у того же Иоанна Лествичника или у другого подвижника подсказку, выбранную, как правило, совершенно произвольно. Такому неразумному монашествующему кажется, что при помощи этого уточнения у него все получится. Но опять начинается суетный труд, который, конечно же, завершается вновь поражением, и так происходит без конца.

Однако это еще не худший вариант: в описанном мною случае человек все же опирается на святых отцов и при содействии благодати Божией может найти у них и то, что его обличает, и то, что его на самом деле вразумляет. Гораздо хуже, когда человек опирается на свой разум, начинает изобретать способы для того, чтобы стать исключением из общего правила, достичь искомого при помощи некоего своего особенного пути или собственного уникального средства. Здесь уже дело обстоит более серьезно, и опасность здесь гораздо большая. Человек, поддавшийся до такой степени своей гордости, может и впасть в прелесть. Хорошо, если он хотя бы имеет правильный ориентир – стремится к покаянию, внимательной молитве. Но он может и этот ориентир подменить, поставив перед собой такую цель, которая есть на самом деле его собственная выдумка, пусть она и выглядит как мудрость, заимствованная у святых отцов.

Допустим, прочитавший труды преподобного Исаака Сирина захочет приобрести такую же веру, как та, о которой этот подвижник говорит, что, стяжав ее, люди могут ходить по воде и творить прочие чудеса. Да, действительно, были те, которые обладали этим даром, и, возможно, иные древние подвижники стремились получить его, и мы прочитали об этом у святого отца – одного из самых великих аскетических учителей. Но если мы поставим перед собой цель достичь чудотворения или приобрести такую любовь к Богу, какую имели мученики Христовы, готовые ради Него отдать свое тело на поругание и смерть, то, конечно же, либо ничего не приобретем и почувствуем вскоре совершенную опустошенность, либо (чего не дай Бог!) ощутим в себе ложное, бесовское действие. По неопытности и гордости мы можем принять эти ощущения за присутствие в нашей душе великих, непостижимых, почти недоступных для наших современников, то есть для всех нас, добродетелей. Нам покажется, что мы охвачены пламенной любовью к Богу, готовы на страдания, на муки. Незначительные скорби, неприятности, которые мы легко перенесем из-за своей гордости и презрения к окружающим, примем почти за эти страдания и будем думать: «Да, эту скорбь

я легко переношу, сейчас я вижу, что действительно имею любовь к Богу». А случайные совпадения, которые по бесовскому действию будут происходить в действительности или лишь в нашем воображении, мы воспримем как чудеса, совершающиеся по нашей молитве.

Такой человек весьма близок к гибели – он изобрел не только ложное средство к стяжанию добродетелей, но и ложную цель. Мы же должны делать всё разумно и здраво. Смирение состоит не только в том, чтобы почитать себя грешником и даже истинно быть в этом убежденным, но и в том, чтобы знать свои возможности. Это истинное смирение, которое проявляется в жизни, а не мечтательное. Я знаю свои реальные возможности, знаю свою меру, как говорят святые отцы, и соответственно этой мере ставлю перед собой реальную цель – ту, которая на самом деле может быть мною достигнута в данный момент. Это трудно определить самому, но с Божией помощью, с помощью правильного, трезвого чтения Священного Писания и святых отцов можно увидеть себя как в зеркале.

Еще лучше, если у нас есть духовное руководство, – тогда нам легче понять святоотеческую литературу и разобраться в ней, тогда мы видим себя такими, какие мы есть на самом деле. Это зрелище неприятно: трудно воспринимать обличение от других людей, даже наших близких, которым мы доверили свою душу. Часто приходится терпеть то, что тебе твои наставники, как говорится, портят настроение. Никому не хочется видеть себя таким, каков он есть на самом деле: все мы строим на свой счет иллюзии и этим себя утешаем. Но именно таков путь, на котором человек познаёт свою действительную меру, то есть истинно смиряется. Он не говорит громких слов: я великий грешник, я хуже всех. Но он видит себя трезво, сознает все свои недостатки, пороки, все свое – прибегну к такому избитому, но очень точному выражению – моральное уродство. Тогда он, безусловно, может оценить свои нравственные силы правильно, разумно, а оценив их, узнать, на что он способен, какой груз может в данный момент своей жизни поднять, какую нравственную работу способен выполнить. И он берется за эту работу, поскольку трезво все оценил, и исполняет ее. Понимая

при этом, что всякий человек – существо лукавое, переменчивое, он непрестанно взывает к Богу, просит Его о помощи, то есть не надеется на себя даже и в том делании, которое разумно и правильно избрал с помощью наставлений святых отцов и своего духовного руководителя. Тогда человек постепенно, медленно движется вперед.

Бывает, конечно, что благодать Божия осенит подвижника в скором времени, когда он трудится, не ожидая еще никакого плода, никакого результата. Видя терпение и истинное смирение этого человека, выражающееся в делах, а не в мечтах, Господь ниспосылает Свою благодать, и тот обретает то, чего не ожидал. Однако мы на это не можем рассчитывать никогда – такое ожидание, безусловно, также признак гордости. Одного человека Бог посетит в начале его подвига, и он после будет отрабатывать полученное преждевременно, станет на всю жизнь должником Божиим, а другой только в конце ее, перед переходом в вечность, заслуженно примет свою награду.

Именно для этого – для спасения души – мы и трудимся, ради этого и собрались здесь, а не ради того, чтобы достичь некоего отвлеченного, не имеющего отношения к нашей жизни совершенства. Его ведь может и не быть: совершенство желательно, но не обязательно. Под христианским совершенством понимается достижение человеком наибольшей близости к Господу и приобретение наибольшей надежды на милость Божию, на спасение души, а не просто на что-то похвальное, превосходящее обычную меру. Совершенный отличается от несовершенного тем, что он больше сделал для своего спасения, сделал почти все – с человеческой точки зрения.

Нет обязательного минимума для спасения – якобы кто потрудился сверх этого, тот уже совершенен. Никто не может быть уверен, что его трудов достаточно для конечной цели. Мы знаем из жизнеописаний великих подвижников благочестия, что они-то как раз трепетали от страха, плакали, каялись даже в последние минуты своей жизни, хотя совершенно очевидно достигли высочайших даров – бесстрастия, любви Божией, чудотворения и многих других. Тем не менее они, надеясь на

милость Божию, все-таки трепетали, потому что знали, что такое вечность, а мы лишь верим в нее с чужих слов. Истинно совершенный христианин отнюдь не уверен в том, что будет спасен, и это служит доказательством того, что совершенство – это просто большой труд, который человек совершил ради своего спасения.

Поэтому мы должны всю жизнь трудиться и смотреть на свое теперешнее положение трезво: не изобретать давно уже изобретенные вещи, не искать какого-то особенного, исключительного пути. Всякий человек – умный он или глупый, образованный или необразованный, старый или молодой – почему-то думает, что он исключителен. А на каком основании? Основание этого – наша гордость. Человек из гордости представляет себя чем-то исключительным и думает, что с помощью способов, изобретенных самостоятельно, вычитанных у святых отцов или указанных духовно опытным человеком, быстро и легко сможет совершить свой путь, без тех тяжких трудов, какие, как мы знаем, понесли все подвижники благочестия. Но ведь каждый из них, будь то мученик, или спасавшийся в монашеском чине подвижник, или совершавший свой подвиг в миру праведник, или святитель, или Христа ради юродивый, много потрудился. Потрудился с крайним, чрезвычайным напряжением сил, таким, что часто дальнейшие усилия казались уже невозможными. Вот когда человек доходит до такой грани, тогда милость Божия обычно его и осеняет. Когда человек приучается постоянно находиться в таком напряженном, собранном состоянии, когда видит, что собственными силами способен в лучшем случае лишь на мгновение удержаться в нем, постоянно же пребывать в нем сможет только с непрестанной помощью Божией, – тогда он постепенно, с помощью именно такого нравственного труда, нравственного напряжения, совершает свой путь к стяжанию всей совокупности монашеских и христианских добродетелей.

Мы ничего не изобретем, все уже давно известно, все пережито и открыто святыми отцами, и нам нужно следовать по пути, для нас проложенному и хорошо протоптанному. Не получится сократить его, пойти в обход или наперерез. Если мы

пойдем, как нам кажется, новой и короткой дорогой, то наверняка погибнем. Кто хочет достичь добродетели преждевременно, тот и в свое время ее не приобретет, говорит преподобный Иоанн Лествичник. Поставивший перед собой неразумно возвышенную цель, будет вновь и вновь терпеть поражение. Чувствуя опустошение – большее или меньшее, иногда совершенно полное, – он впадет в крайнее уныние и отчаяние и будет винить в этом неразумных, по его мнению, наставников, которые не дали ему нужного совета, чтобы он смог, как сказано в сказке, «одним махом семерых побивахом». Не находя ответа и у святых отцов, потому что такого ответа нет, он разочаровывается в святоотеческом учении, а чаще такой человек начинает думать, что избрал не тот путь. На самом же деле он виноват в том, что поддался гордости, ищет недостижимого.

Все достигается постепенным и благоразумным трудом над собой. Если мы всё совершаем как положено (конечно, не с нашей точки зрения, а с точки зрения нашей старицы, или настоятельницы, или духовника), но не получаем ожидаемого результата, это не означает, что мы делаем что-то неправильно. Очень часто мы просто-напросто хотим сразу слишком много. Допустим, человек, как положено всякому монашествующему, упражняется в Иисусовой молитве, пытается сосредоточиться, стяжать внимание, но не приобретает этот дар в той мере, в какой ему хотелось бы и о какой он прочитал, к примеру, в книге «Откровенные рассказы странника»: не может читать двенадцать тысяч Иисусовых молитв в день! И он начинает обвинять наставников, что они его неправильно учат, что они неопытные, что они почему-то скрывают от него важную тайну, а может быть, вовсе ее не знают. Но думающий так забывает об одной простой вещи: да, он не в силах обрести ту высокую степень добродетели, которую желает, но он может в настоящий момент совершенствоваться, например приобрести сокрушение сердечное. Вскоре устная молитва у него станет временами переходить в умную, а это действительно большой прогресс, движение вперед. Но для него это ничего не значит, он-то другого хочет – и решает тогда, что вообще его место в миру,

ведь он уже три года в монастыре, а непрестанной молитвы и бесстрастия так и не стяжал.

Бывает, что новоначальный инок много и усердно трудится, но он пришел из мира с большим «грузом». Это не обязательно груз грехов – человек может быть самым обыкновенным в нравственном отношении, таким как все. Но этот «груз» состоит в нравственной развращенности в широком смысле слова: человек может быть чрезвычайно своевольным, горделивым, мечтательным, тщеславным. И пока это, как говорят святые отцы, вещество страстей постепенно не истребится огнем благодати, ни о каком прогрессе в духовной жизни речи идти не может.

Один из нас более смиренный, он духовно развивается быстрее, другой – просто чудовищно горд и тщеславен, и не может в нем быть изменений, пока эта гордость постепенно не умалится. Но человек ее не хочет замечать, не видит себя таким, каков есть, и ожидает чуда там, где его быть не может. Уже то чудо, что вообще хоть какое-то изменение происходит, что этот человек оказался в обители и Господь ему внушил мысль о вечности, о том, что нужно все оставить ради будущей жизни. Этого великого чуда посещения Божия на самом деле сподобляется ничтожное меньшинство. Мы видим, как мир погибает, утопает во зле, подавляющее большинство людей пребывает не только в нерадении, но и в неверии или в заблуждении. Многие современные подвижники и писатели называют нашу эпоху временем отступления – апостасией. По более или менее точной статистике, тех православных христиан, которые посещают храм и являются настоящими членами Церкви (их еще называют «практикующими христианами»), в России от одного до четырех процентов населения. Если же мы возьмем всё человечество, то православных будет в процентном отношении еще меньше. И совсем немногие люди, оставив мир, пошли в монастырь – их единицы. Вы входите в их число, и это действительно милость Божия, посещение Божие. Если любой из вас посмотрит на свою предыдущую жизнь, он не увидит ничего, что давало бы основание для такого шага. Все было только против, а потому

даже ничтожной нашей собственной заслуги в нем нет. За одно это нужно день и ночь благодарить Бога, изумляться милости Его и восклицать вместе с пророком Давидом: *Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми?* (Пс. 115, 3). А мы горделиво ищем возвышенных добродетелей, ничего не желая делать для их приобретения.

Когда человек хочет разбогатеть, скажем стать миллионером и купить себе виллу в Испании или квартиру в Париже, он понимает, что ему нужно приложить много усилий, рисковать своим состоянием, подчас здоровьем, а в наше время, к сожалению, и жизнью, потому что вокруг много завистников и вымогателей. Этот человек много, усердно трудится, чтобы обрести искомое благополучие и тем самым выделиться среди других. Мы же хотим приобрести себе обитель в Царстве Небесном безо всяких трудов: пусть старица нам что-то такое скажет, чтобы у нас все в душе перевернулось! Пусть я прочитаю у Иоанна Лествичника такой совет, чтобы на следующий день у меня уже все страсти угасли! Если же не так, то либо мне место в миру, либо мои наставники – легкомысленные и неопытные люди, либо, как думают некоторые, нет мне спасения. А на самом деле нужно трудиться, трудиться много и усердно, ожидать не быстрых результатов, которые нам кажутся признаками успеха, а таких перемен в себе, которые могут произойти на данной стадии нашего духовного развития. Это истинный признак правильного духовного пути. Святые отцы много рассуждают о том, что нужно уметь правильно на себя посмотреть, верно себя оценить. Тогда мы будем разумно, равномерно двигаться, а может быть, даже сподобимся особенного посещения Божия, и с нами произойдет неожиданное, быстрое, незаслуженное изменение – именно такое, какое происходит с подвижниками. Но рассчитывать на это не нужно: такое ожидание, как я уже говорил, есть признак гордости. Смирение не ожидает ничего подобного.

Итак, мы должны следовать святоотеческим путем. Однако даже само аскетическое учение святых отцов, если неразумно к нему относиться, становится соблазном. Человек начинает

думать, что благодаря чтению святоотеческих трудов – благодаря, так сказать, знанию теории – он сможет быстро и легко исполнить евангельские заповеди. Но он забывает о терпении, на которое Спаситель указал как на необходимую вещь: *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19), забывает о смирении: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). А мы думаем, что если изучили учение Иоанна Лествичника о движении человека к совершенству, то уже и сами начали двигаться. Если можем вовремя вспомнить какое-либо изречение из аскетических творений знаменитых православных писателей, то уже и получили средство для того, чтобы исполнить заповеди. Но никакой учитель Церкви не может избавить нас от трудов. Святые отцы лишь изъясняют Евангелие, но не избавляют от необходимости трудиться над его исполнением, не избавляют от необходимости понуждать себя чрезвычайным понуждением, превосходящим, как нам иногда кажется, наши силы.

Нужно избавиться от детской иллюзии, от мысли о том, будто вычитав, услышав или придумав самостоятельно некий рецепт, мы в виде исключения достигнем того, что и древние, и близкие к нам по времени подвижники приобретали и приобретают по том и кровью. Действительно, чтобы стать истинным христианином, необходимо пролить пот, кровь и слезы! Это все мы должны усвоить, без этого не может быть никакого благотворного изменения в человеке. Отчасти в таком смысле нужно понимать святоотеческое изречение о том, что без болезни сердечной человек ничего достигнуть не может. Ничего нового и уникального изобрести не получится, не будем тратить напрасно время на это, а лучше займемся делом.

* * *

Вопрос. Что значит роптать на самого себя и почему это грех?

Ответ. Человек ропщет на самого себя, когда считает себя неудачником или неспособным к духовной жизни. Например, говорит: «Голова у меня не такой формы, не способен я к монашеской жизни». Вместо того чтобы понуждать

себя к труду, он клеветает на свою природу, а значит, на Бога, думая, что Бог создал его неспособным к спасению. Однако всякий человек способен спастись, и в этом все люди равны.

Да, иной может быть не способен к умственной деятельности. Действительно, один человек стихи пишет, а другой поздравительную открытку с трудом сочиняет – в этом смысле разница между людьми, конечно, есть. Но в том, что касается нашего спасения, все мы равны. Более того, иногда бывает, что люди простые более способны двигаться по пути духовного совершенствования, чем люди умственно развитые, потому что первые проще, естественнее воспринимают Евангелие. Никакого преимущества ни у кого из нас ни перед кем нет, а потому, когда человек говорит, что не способен к духовной жизни, это значит, что он ропщет на себя и клеветает на Бога. Клеветает, потому что Бог – Творец его природы, Творец каждого человека, и не может кто-то быть более способным достичь Царства Небесного, а кто-то – менее.

Вопрос. Вы говорили, что каждый наш добрый поступок записан у Бога и мы за него получим награду на небесах. Совершая добрый поступок, я начинаю думать, что он мне зачтется и Господь, может быть, простит какой-нибудь мой грех. Ради этого хочется творить добрые дела, однако правильно ли думать и поступать так?

Ответ. Лучше делать добрые дела как должник, ведь все мы – бесконечные должники перед Богом. Мы совершаем благие поступки не для того, чтобы сделать Ему приятное, а для того, чтобы отдать часть своего неоплатного долга. Если постараемся погасить хотя бы эту часть, то милосердный Господь может простить нам и все остальное – ту гораздо бóльшую, громаднейшую долю, которую мы воздать Ему не можем. Ведь мы, что бы ни делали, каждое действие совершаем при помощи наших рук или нашего ума и души, а все это есть творение Божие. Все это даровано нам вместе с бытием, и, повторяю, никогда мы не сможем возместить этот долг, но, возвращая хотя бы часть его, получаем надежду, что и все остальное нам будет прощено. Делать добро, думая о награде, лучше, чем ничего не делать. Если это мобилизует

человека на добрые дела, то можно и такое чувство использовать. А потом, может быть, Бог даст, появятся и более возвышенные.

Вопрос. В Евангелии от Матфея написано: *Слышасте, яко речено бысть: око за око, и зуб за зуб. Аз же глаголю вам не противитися злу, но аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую (Мф. 5, 38–39).* И немного дальше: *Слышасте, яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгонящих вы (Мф. 5, 43–44).* Почему эти заповеди не были даны Моисею и людям, жившим в то время, а Господь Сам, уже намного позже, даровал их верующим?

Ответ. В то время у людей не было благодати, не было силы, чтобы исполнить их. А Господь дал нам не только новые заповеди, но и силы жить в соответствии с ними. Это первое и, наверное, самое главное. Второе: если мы сравним нравственное состояние народов неверующих, живших во времена Моисея, и те моральные устои, которые Господь дал через Моисея своему избранному израильскому народу, то увидим, что вещи, кажущиеся нам сегодня жестокими, на самом деле ограничивали и даже пресекали зло. Слова *око за око, и зуб за зуб* мы понимаем как беспощадные, на самом же деле они ставили предел мести и призывали к ответу на зло злом в том же размере. Мы и сейчас чувствуем в себе: когда нас кто-то обидит, мы хотим отплатить ему, и гораздо более чувствительным образом. Есть даже такое нехорошее выражение: «Зла на тебя не хватает». И в нашу христианскую эпоху мы хотим воздать нашим обидчикам бóльшим злом, чем они нам сделали. А во времена Моисея это, выражаясь современным языком, строго регламентировалось. Тогда ведь, например, чужестранец был совершенно беззащитен среди людей, его могли убить и сделать с ним все что угодно, если у него не было друзей. Господствовали бесчеловечная жестокость, подлость, идолопоклонство, разврат – вплоть до ритуального, который предписывался некоторыми

идолопоклонническими культами. Те предписания, о которых говорилось в Моисеевом законе, своей нравственностью неизмеримо превосходили нравственные понятия язычников.

Кроме того, некоторые святые отцы говорят, что в Моисеевом законе содержалось скрытое указание на тот самый возвышенный нравственный закон, который впоследствии был откровенно и ясно дан в Евангелии. Макарий Великий и многие другие подвижники благочестия, подвизавшиеся в древние времена, видели в Ветхом Завете таинственный смысл, соответствовавший евангельскому учению. Можно сказать, что это учение было дано и ранее, но дано прикровенно, потому что подавляющее большинство людей не могли его постичь. Однако избранники Божии, такие как сам Моисей и другие пророки, это понимали и исполняли.

Вопрос. Преподобный Иоанн Лествичник в слове «О радостотворном плаче» говорит: «Плачущим неприлично богословствовать; ибо этим истребляются их слезы. Богословствующий подобен сидящему на учительской кафедре, а плачущий – пребывающему на гноище и во вретище»⁵¹. Почему же так резко одни отличаются от других? Почему Иоанн Лествичник учит так?

Ответ. Поскольку богословие, как правило, касается самых возвышенных предметов, оно может человека надмевать. Кроме того, здесь, скорее всего, имеется в виду именно богословствование как самостоятельное рассуждение, а не чтение догматической литературы, которое в древности было очень распространено. Без него многие подвижники благочестия могли бы впасть в ересь. Церковные догматы тогда волновали людей настолько, что становились предметом обсуждения даже на рынках и в общественных банях, как укоризненно говорит об этом святитель Григорий Богослов, вынужденный предостерегать свою паству. А в наше время человек может пятьдесят лет ходить в церковь и не знать, что такое Пресвятая Троица. Никто о богословских вопросах не говорит и говорить не хочет или, правильнее сказать, не может: просто-напросто не знает, о чем сказать.

Неужели вы думаете, что Иоанн Лествичник не читал богословские труды? Кто так считает, тот просто ничего не понимает в литературе – книга преподобного написана весьма изысканным слогом, который выдает в авторе очень образованного человека. Конечно же, он знал все догматические движения своего времени. Так что в приведенной цитате из «Лествицы», думаю, речь идет не о чтении богословских сочинений святых отцов, а о самостоятельном богословствовании – и это безмолвствующим, безусловно, неприлично. Знание же православного учения не может быть опасным делом, наоборот, это полезно и необходимо.

Сейчас вы можете прийти к своему духовнику, и он укажет вам, что правильно, а что нет. Но вдруг завтра по какой-то причине сказать об этом будет некому, и вы, ничего не зная, окажетесь один на один, лицом к лицу с неким заблуждением, ересью, сектой. и кто знает, через какого человека будет действовать это заблуждение? Возможно, через какого-нибудь епископа, как это часто случалось в древности. Многие епископы и патриархи, священники и монахи – самые уважаемые люди, которых только можно себе представить и к которым окружающие обычно относились с благоговением, – впадали в ересь. Например, родоначальник монофизитской ереси Евтихий был архимандритом знаменитейшего монастыря, в котором собрал триста человек – собрал лично, они пришли туда из любви, из уважения к нему как к подвижнику. Можно привести и другие примеры: патриарх Константинопольский Несторий, епископ Константинопольский Македоний, патриарх Александрийский Диоскор... Поэтому для нас не существует авторитета большего, чем авторитет святых отцов. Не нужно думать, что мы, не обладая знанием святоотеческого учения, сможем спрятаться за чью-то спину, в особенности в наше время.

Мне рассказывали анекдотический (а на самом деле весьма печальный) случай, который произошел уже в наше время, не так давно. Один епископ приехал сдавать экзамены (он учился в академии на заочном отделении). И экзаменаторы решили из уважения к его сану задать ему легкий вопрос, потом поставить

какую-то оценку – и все. В общем, отнеслись снисходительно и спросили: «Владыка, а как называется тот Собор, на котором была осуждена ересь монофизитства?» Он в ответ: «Какого монофизитства?» – «Ну та ересь, которая учит, что во Христе одна природа». Епископ поражен: «А как же?» – «Но во Христе же две природы!» – «Как две природы? Что вы говорите? Как вы можете?» Присутствующие изумились, растерялись, созвали других преподавателей, стали его убеждать. А он им: «Что вы говорите? Замолчите! Вы кощунствуете!» Так они его и не убедили. Владыка, видимо, посчитал, что это какие-то обновленцы, еретики, модернисты, – а еще духовная академия! – он же истинно православный. Поставили ему двойку, так он и уехал. Уехал с убеждениями монофизитскими, которые прокляты на IV Вселенском соборе.

Поэтому за спиной другого человека, даже самого знающего и авторитетного, прятаться не нужно. Потому, возвращаясь к заданному вопросу, я вновь скажу: преподобный Иоанн Лествичник вел речь о самостоятельном богословствовании, которое, конечно же, опасно. Его слова о том, что не нужно в этом упражняться, касаются не только безмолвников, но и всех нас. А читать святых отцов, запоминать, усваивать, пытаться понять – вот что нужно и полезно.

Вопрос. Прилог – это простое слово или образ какого-то предмета, внезапно являющийся уму и вносимый в сердце?

Ответ. Почему «вносимый в сердце»? На самом деле происходит такой процесс: помысел является уму, и диавол хочет внести его в сердце. Мы же должны сопротивляться этому. Если помысел входит в сердце человека, то может вызвать сочувствие к себе, то есть до какой-то степени согласие. В первое мгновение помысел только отображается в уме, подобно предмету, на который мы только посмотрели, еще не выработав к нему никакого отношения. Лучше нам и вовсе от помысла отворотиться или постараться, чтобы никакого отношения к нему у нас вообще не возникло. Тогда он так и останется прилогом – только прирастет к нашему

сознанию и исчезнет, хотя бывают и навязчивые прилоги, с которыми нужно бороться постоянно.

Вопрос. Зачем мне нужно анализировать свое состояние, если у меня есть наставница?

Ответ. Когда я говорил о таком анализе, то не имел в виду, что делать его следует самостоятельно. Именно с помощью наставницы! Высказывая ей свои мысли и выслушивая от нее советы, ты хочешь не хочешь, а начинаешь в себе разбираться. Не можешь же ты совершенно ничего не понимать и быть некоей чуркой, из которой можно вырезать все что угодно, сделать любое изделие. Конечно, может быть и такое послушание, но это большая редкость, готовых к нему людей в наше время почти нет. Поэтому все равно ты будешь сопровождать свой рассказ собственным анализом. Но собственным – не значит самостоятельным. В своем анализе ты должна опираться на помощь старицы.

Вопрос. Если нужно что-то сделать по послушанию, но к этому побуждает также и мое тщеславие, как следует поступать? Можно ли помолиться в таком случае, чтобы разобраться в своих помыслах?

Ответ. Пока будешь в них разбираться, молиться, ждать, что Господь откроет тебе ответ, пройдет день, второй, и необходимость что-либо делать отпадет вовсе. Поэтому, если послушание дано, его нужно выполнять в любом случае – есть ли тщеславие, нет ли его. Конечно, необходимо в нем каяться и бороться с ним. Если же каждый раз медлить из-за подобных сомнений, мы и пальцем не пошевелим: то у нас тщеславие, то раздражение, то гордость, то уныние. Начнем молиться, чтобы уныние прошло, – снова тщеславие появится. Станем против тщеславия молиться, потом против остальных помыслов – так ничего никогда и не сделаем.

Вопрос. Вы сказали, что подвижники знали вечность, а мы только верим в нее. Как они это знали?

Ответ. Для них вечность была реальностью, эти люди испытали ее действие на себе. Они подвизались ради того, что их ожидало, что они видели перед своими глазами и ясно ощущали своими духовными чувствами. Потому-то они и имели

страх Божий и любовь Божию, совершая свой путь к спасению с полной ответственностью. А мы только верим в вечность с чужих слов, соответственно и живем нерадиво.

Вопрос. Если постоянно согрешаешь, поддаешься страсти, но все же хочешь видеть в себе изменения, это правильно?

Ответ. Да. Изменения нужно стараться видеть, нужно бороться со страстями, но не следует ожидать быстрых и особенных результатов. Надо знать, что, когда страсть действует и ты ей противишься, она ослабевает. Опасность проходит, однако завтра может вернуться вновь. Как правило, страсть не уходит раз и навсегда, ее действие регулярно повторяется в большей или меньшей степени, и это нормально. Но когда ты, помолившись, ждешь, что у тебя эта страсть вообще пройдет (допустим, после того как на тебя напало раздражение и ты отогнал его молитвой, думаешь, что уже никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах, ни на кого не рассердишься), то это, конечно, гордость.

Вопрос. Нужно ли стремиться к преуспеванию в молитве? Меня смущает, что, если не буду к чему-то стремиться, то могу поддаться нерадению под видом ложного смирения. Как найти золотую середину?

Ответ. Да, действительно, стремиться нужно, но только понуждение должно быть разумным. Не надо, во-первых, искать сразу высоких результатов, а во-вторых – изобретать особенные средства для того, чтобы их достичь. Делайте всё, что положено: трудитесь, проявляйте усердие, упорство. Иногда приходится мучиться и страдать – это тоже естественно. В этом смысле я и говорил о том, что не нужно торопиться стяжать благодать Божию, но никак не о том, что мы должны сидеть и ждать, пока она придет.

Вопрос. Архимандрит Софроний (Сахаров) в одной из своих бесед говорит, что если тебя стужает какой-нибудь навязчивый помысел, то можно работать, встречаться с кем-нибудь, но лучше всего молиться. Меня смущают первые два совета. Еще он часто говорит: «Не отдать ума». Правильно ли понимать его слова так, что надо всем умом быть в молитве, отвлечь ум от помысла?

Ответ. Нет ничего плохого в том, что приходится исполнять послушание или встречаться с кем-либо. Мало ли какие встретятся обстоятельства в обители: если каждый будет бежать молиться, как только ему начнет стужать очередной помысел, кто тогда будет работать? Одни только бесстрастные? Этот совет архимандрита Софрония подходит для тех, кто живет в общежительном монастыре.

Слова «не отдать ума» следует понимать не только в том смысле, что всегда нужно пребывать в молитве. Наш ум постоянно привлекают, «примагничивают» соблазнительные помыслы, и не отдать им ума – значит не увлечься ими, оставить ум при себе. Для этого не обязательно только молиться – можно читать книгу или отдать ум такой работе, при которой требуется внимание. Вот что имелось в виду. Не отдать ума – значит не вступить в собеседование с помыслом. Замечательная беседа старца Софрония, которая говорит о его глубокой опытности. Этот своеобразный, как у всякого подвижника, опыт, который нельзя в точности передать, он излагает своими словами очень мудро и точно, так что из его беседы можно извлечь большую пользу.

Вопрос. Если человек умирает с грехами, его можно вымолить. А если у умершего не осталось людей на земле, которые могут молиться за него? Бог учтет это и снизойдет к нему или Церковь поможет ему своими молитвами?

Ответ. Во-первых, Церковь молится по крайней мере несколько раз в году обо всех безродных, о тех, за кого просить некому. Во-вторых, мы должны заботиться о том, чтобы стяжать спасение своими добрыми делами, а не надеяться, что нас потом кто-то вымолит. Это неблагоприятно. Кроме того, если человек истинный христианин, у него есть пусть не родственники, но друзья, братья и сестры во Христе, которые его помнят и будут за него молиться. Трудно представить себе такого человека, который был бы совершенно одинок.

Вопрос. Будет ли на суде Божиим обвинен человек, по незнанию исповедовавший ересь? Вы сами говорили, что ее подчас трудно распознать.

Ответ. Незнание бывает разным, может быть и таким, когда человек не знает и знать ничего не желает, не хочет читать книгу – и все. Но тому, кто, исповедуя православие, по простоте, ограниченности своей нечаянно в чем-то погрешил, конечно, Господь не вменит это в грех. Нужно понимать, что одно дело – сознательное сопротивление истине, принципиальное невежество, добровольная глупость и совсем другое – человеческая простота. В Церкви много таких людей – неужели их всех нужно обвинять в ереси?

О должном настроении вступающих в иночество пожилыми⁵²

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Хотя вы, сестры, находитесь уже в пожилом возрасте, но мы, православные христиане, верим в жизнь бесконечную, вечную. Как сказано в евангельской притче, даже если человек призван потрудиться в вертограде Господнем и в одиннадцатом часу, но ради своей ревности, ради своего желания угодить Богу он получает ту же награду, что и трудившийся на поприще Господнем с раннего утра, то есть от юных лет.

Господь дарует Свою благодать, взирая на сердечные побуждения и на то, что, как правило, бывает скрыто от человеческих глаз. Поэтому вы, хотя и находитесь уже в теле немощном и как бы утомившемся от жизни, должны приложить все силы вашей души, чтобы приобрести и содержать в сердце своем Господа Иисуса Христа. Тогда вы ничем не будете отличаться от тех, кто потратил на служение Господу многие годы и кому Промыслом Божиим предоставлено для покаяния времени больше, чем вам.

Господь взирает на сердце человека. И поэтому так же, как мы стараемся выглядеть прилично и таким образом понравиться людям, мнением которых дорожим, мы должны и стараться украсить сердце свое пред Господом Иисусом Христом, Сыном Божиим. Когда же Он видит наше стремление очистить свое сердце, тогда входит туда и творит там Свою обитель с Отцом и Святым Духом. Господь нелицеприятен. Он не смотрит ни на прошлую жизнь, ни на умственные способности человека, ни на его происхождение, ни на возраст, но желает увидеть сердце, всецело Ему принадлежащее. *Возлюби Господа Бога твоего, – сказал Сам Спаситель, – всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим* (Лк. 10, 27).

Пусть у нас осталось мало крепости, но мы должны объять Господа всеми силами души, всем сердцем, всем нашим

пониманием и всем нашим рассуждением. Мы должны всегда следовать Ему во всем: как в своих поступках руководствоваться лишь Его повелениями, так и в словах не говорить ничего противного Евангелию. Необходимо жить по Евангелию и исполнять его даже в мыслях, потому что изнутри, из сердца человеческого исходят как добрые, так и злые помышления.

Поэтому, дорогие сестры, устремитесь на монашеское поприще со всей юношеской ревностью. Вы приняли начаток ангельского образа, а по правилам святых отцов, люди, надевающие монашескую одежду, в конечном счете обязательно должны принести и монашеские обеты. Событие, произошедшее с вами сегодня, воспринимайте как начало вашего подвига. Старайтесь повиноваться настоятельнице, старице, потому что через это внешнее делание мы сподобляемся с Божией помощью проникнуть и в суть христианства, то есть в жизнь, согласную Евангелию. Даже самое малое послушание в будто бы ничтожном предмете оказывается ключом к тому, чтобы научиться исполнять заповеди Божии. И – что еще важнее – послушание дает нам, немощным, силу исполнить эти возвышеннейшие и, казалось бы, сверхъестественные заповеди.

Без Мене не можете творити ничесоже, – сказал Господь наш Иисус Христос (Ин. 15, 5). Стяжите Господа Иисуса Христа в устах, уме и сердце, непрестанно призывайте Его, просите Его помощи во всем, даже в самых мелких и, как вам может показаться, суетных делах монастырского послушания. И если вы будете иметь такое настроение, то для ваших духовных занятий не станет помехой никакая монастырская работа, никакая суета – ничто из того, что по видимости отвлекает от богослужения, молитвы, чтения. Все это, наоборот, станет для вас стимулом для того, чтобы больше, ревностнее, пламеннее молиться Господу нашему Иисусу Христу, Сыну Божию. Аминь.

Вопрос. Замечаю, что тщеславие сопровождает все мои поступки. Не успеешь подумать о чем-нибудь – и тут же видишь, что тщеславишься. Как с этим бороться?

Ответ. Прежде всего, нужно отличать тщеславие, которое человеком руководит, от тщеславия, которое примешивается к его делам. Если мы будем чересчур щепетильны и станем требовать от себя того, чтобы в нас не было и тени этой страсти, тогда, пожалуй, не сможем сделать ничего. Поэтому преподобный Пимен Великий говорит, что лучше исполнять добродетели с некоторой примесью нечистоты, чем совсем не исполнять. Нужно думать о пользе дела. Всякий человек, если он что-то делает хорошо, пусть даже молится, чувствует, что к этому примешивается тщеславие. Я не говорю, что с этим надо примириться, но необходимо относиться к этому с некоторым терпением и снисхождением. Безусловно, такое тщеславие, которое руководит нашими поступками, нужно пресекать сразу.

Спаситель обличал фарисеев за то, что они всё делали ради тщеславия: молились на перекрестках, чтобы их видели; прилюдно подавали милостыню; постясь, принимали скорбный, унылый вид. И тут, пожалуй, нужно подумать о том, стоит ли вообще делать то, что является плодом тщеславия. Бывает, человек выделяется какой-то добродетелью, допустим раздает милостыню, но если он тщеславится, то в душе перед Богом грешит, потому что Господь взирает на сердце человека.

Какая добродетель противоположна тщеславию? Мне кажется, это самоукорение, то есть такой настрой, при котором человек постоянно собой недоволен. Это, конечно, не значит, что он должен вслух себя поносить. Такое поведение тоже может быть разновидностью тщеславия, неким видом смиреннословия. Человек говорит: «Я великий грешник, я хуже всех» именно при тех людях, которые ценят смирение и считают эту добродетель очень важной для спасения, признаком праведности. Такое смиреннословие будет только питать наше тщеславие.

Под самоукорением нужно подразумевать внутреннее осуждение себя – осуждение в первую очередь по евангельским заповедям. Не важно, будем ли мы называть себя какими-то оскорбительными, унижительными словами (что может быть естественным проявлением такого расположения духа) или мы просто начнем внимательно сравнивать свое поведение с тем, что предписывает нам Евангелие. Корень самоукорения состоит в том, чтобы видеть свою немощь, греховность, несостоятельность. Если мы это увидим, тогда, конечно же, наше настроение будет, скорее, печальным. Тогда у нас не будет тщеславия, радости от того, что люди к нам хорошо относятся.

Если мы хотим стать такими, как, допустим, преподобный Сергей Радонежский или преподобный Серафим Саровский, то в нас могут возникнуть тщеславные помыслы, что мы до какой-то степени приблизились к идеалу. А если мы начнем требовать от себя жизни по Евангелию, то повод к тщеславию у нас исчезнет. С одной стороны, Евангелие – это высочайший идеал. Всякий разумный человек понимает, что исполнить Евангелие – это неизмеримо выше, чем уподобиться тому или иному святому. С другой стороны, исполнение Евангелия – это обязанность каждого человека. Никто из нас не может утверждать, что он освобожден от исполнения хотя бы наималейших заповедей, как сказал об этом Спаситель. И поэтому, помня об этом, постоянно сравнивая свою жизнь с учением Спасителя, Его жизнью, Его поведением, мы укоряем себя самым мудрым образом, непрестанно смиряемся и понимаем, что тщеславиться нам нечем.

В борьбе с тщеславием очень помогает воспоминание о смерти. Но это в конечном счете также приводит к мысли о том, что нас будут судить по Евангелию, как засвидетельствовал Спаситель: *Не Я буду вас судить, но слово, которое Я сказал, будет судить вас* (см. Ин. 12, 47–48). И вот это слово, то есть Евангелие, мы должны постоянно изучать.

Приведу такой пример. Он, может быть, покажется вам смешным и даже неуместным в нашей среде, но он очень жизненный. Многие уголовные преступники-рецидивисты, которые знают, что их за то или иное преступление рано или

поздно арестуют и будут судить, очень любят изучать Уголовный кодекс. У нас в Одессе люди всё лето проводят на пляже. И вот идут такие молодцы на пляж и вместо детектива или какой-нибудь легкой книжки берут с собой Уголовный кодекс и с большим увлечением его штудируют. Они тщательно изучают эту книгу, чтобы знать: если залезть в карман при таких-то обстоятельствах, будет один срок, при таких-то – другой; чтобы понимать, как говорить со следователем, как себя вести. Эти люди осознают, на что идут и что им будет за такое-то преступление. А мы, получается, легкомысленнее, чем даже уголовные преступники. Нам известно, что нас будут судить по Евангелию, а это для нас тоже своего рода сборник законов, там все указано: и чего нельзя делать, и какие за это будут наказания. Однако мы его не изучаем и к жизни своей применять не хотим. Мы без конца совершаем преступления, а о том, что нас ждет, не думаем.

Изучая Евангелие и думая о смерти, мы смиряемся и избавляемся от этой нелепой страсти – тщеславия. Но, безусловно, это происходит постепенно: как бы мы себя ни понуждали, как бы ни старались, все равно любая страсть исцеляется действием благодати Божией, и бывает это после многолетних упорных, утомительных трудов.

Вопрос. Батюшка, когда я себя укоряю, когда вижу, что мои поступки имеют примесь греха, то впадаю в уныние. Чем оно отличается от смирения – ведь, смиряясь, человек также видит свою греховность?

Ответ. Уныние – это лень к духовной жизни. От чего обычно нападает лень? Оттого что работы много. «Вот, надо вскопать целый огород. О-о-о... Да зачем вообще этот огород нужен?! Лучше его не трогать, пусть все как растет, так и растет». То же происходит и в духовной жизни. Для того чтобы приобрести ту или иную добродетель, искоренить тот или иной порок, нужно много потрудиться, и человек думает: «О-о-о, как много работать... Да ну, это невозможно».

Смирение подразумевает совсем другое настроение: человек хочет исполнить дело, но чувствует свою неспособность к этому, немощь, недостаток сил. Тогда он вынужден прибегнуть

к помощи Божией, и он делает это усердно, сознательно, искренне. Почему человек, пусть даже он грешный и страстный, преуспевает в молитве, когда смиряется? Потому что он молится Богу не словами только, а искренне, он понимает необходимость молитвы, он взывает к Богу, зная, что сам он не способен сделать ничего, как Господь говорит в Евангелии: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

Таким образом, от смирения в человеке появляется ревность к трудам: он все больше и больше хочет трудиться, по крайней мере понуждать себя к добродетелям, чтобы показать Богу свое желание жить по заповедям. В особенности сильно у него желание молиться. А при унынии, при духовной лени, наоборот, опускаются руки, человек становится совершенно беспомощным и в особенности тяготится именно молитвой. Пребывать наедине с самим собой или наедине с Богом, чего требует молитва, для него бывает прямо-таки невозможно. Вот разница между унынием и смирением. Только по видимости они чем-то похожи, но на самом деле – противоположны.

Вопрос. Как же быть, если самоукорение приводит не к смирению, а к унынию?

Ответ. Самоукорение не должно приводить к унынию. Кто-то из святых отцов или из современных духовных писателей говорил, что можно себя засудить. Вот этого делать не нужно, не нужно себе говорить: «Ты глупая, из тебя ничего не выйдет, все пропало...»

Я знаю одного человека, который, вместо того чтобы покаяться в каком-то своем согрешении или проступке, начинает говорить, что он в принципе не способен к монашеству, не способен к чтению духовных книг, не способен к молитве. Таким образом он просто оправдывает свое уныние, то есть, попросту говоря, лень. А самоукорение, наоборот, подбадривает человека, мобилизует его. Оно дает ему приток благодати, он даже сам этому удивляется. Уныние и самоукорение – это совершенно разные вещи. Если человек называет себя разными оскорбительными словами и говорит: «Ничего из меня не выйдет. Ничего у меня

не получается и никогда не получится», – то это, конечно, не самоукорение.

Вопрос. Батюшка, а бывает, что, когда человек молится против действия страсти, страсть только усиливается?

Ответ. Трудно сказать наугад, но брань действительно может на какое-то время усилиться. А иногда даже сама молитва становится удовлетворением страсти. Допустим, мне не нравится мое послушание, что-то у меня не получается. Я начинаю молиться о том, чтобы меня перевели на другое, а уныние у меня все усиливается и усиливается. Конечно, оно будет усиливаться, если я согласился с тем, что послушание плохое, и молюсь Богу под действием страсти!

Вопрос. Вы сказали, что правильное самоукорение возникает тогда, когда ты понимаешь, что постоянно нарушаешь Евангелие, когда осознаёшь свою немощь. Но для этого ведь нужно очень внимательно наблюдать за собой в течение дня. У меня это плохо получается. Что делать?

Ответ. Нужно учиться. Если ты наблюдаешь за собой, это уже достижение. Если ты видишь свою греховность, понимаешь, что ты еще не исправилась, – это великое дарование Божие. Как сказал один подвижник, евангельские заповеди учат нас собственной немощи. Вот что мы в первую очередь постигаем. Ведь когда мы беремся за какую-то тяжелую, ответственную работу, мы прежде всего видим, что это очень трудно выполнить, видим свою несостоятельность, понимаем, что мы, может быть, не справимся. Нужно работать очень внимательно и до утомления, вот тогда мы поймем свою ограниченность.

– В том-то и дело, что я не вижу собственной немощи и греховности.

– Нужно больше читать Евангелие и молиться о том, чтобы помнить его. Нужно постоянно содержать его в уме. Недаром святитель Игнатий (Брянчанинов) ставит в пример монахов, которыми руководил преподобный Пахомий Великий: они учили Евангелие наизусть. Мы такой задачи ни перед кем из вас не ставим. Это трудно и, наверное, неуместно, поскольку подаст лишний повод к тщеславию, но нужно и возможно исполнить

этот совет не буквально, а духовно. Это значит, что необходимо стараться постоянно помнить о Евангелии. Некоторые из отцов, например преподобный Максим Исповедник, советуют вспоминать хотя бы главнейшие заповеди – о любви к Богу и ближнему.

Я думаю, что нужно приучать себя к этому. В нашем уме содержится целая система информации, которой мы руководствуемся в жизни, хотя даже не осознаём этого. Мы знаем, как завязывать шнурки, причёсываться, умываться, как себя вести, где можно что-то сказать, а где нельзя. А если человек занимает какую-то должность, ему необходимо знать тонкости той или иной профессии. Мы соблюдаем правила приличия, а о том, что неприлично нарушить заповедь, мы не думаем. Нам кажется, что тут ничего страшного нет. Евангелие для нас словно ничего не значит.

Если бы мы всё свое сознание наполнили Евангелием и каждое наше движение, шаг, мысль – всё было бы пронизано светом Евангелия, тогда мы стали бы истинными христианами. Собственно, это и является целью христианской и монашеской жизни. Как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), настоящее монашество должно быть построено на евангельских заповедях, в этом случае монах уподобляется строящему дом на камне. А кто основывает свою монашескую жизнь на телесном подвиге, тот уподобляется строящему на песке. Да, исполнять заповеди очень трудно. Так трудно, что даже становится страшно и можно действительно впасть в уныние. Но другого пути нет – мы должны жить по Евангелию. Тогда-то мы и будем искренно смиряться, когда увидим, что мы не можем не только исполнить ничего из Евангелия, но часто даже и вспомнить о нем.

Вопрос. Как много надо читать Евангелие?

Ответ. Чем больше, тем лучше. Но еще очень важно читать святоотеческую литературу, для того чтобы правильно понимать Евангелие. Нужно насыщать себя чтением Евангелия, святоотеческих книг, как бы напиваться ими. Если ты в течение дня, например, вспоминаешь какое-нибудь изречение Иоанна Лествичника, то это ведь то же самое, что вспоминать

Евангелие. Хотя, конечно, если мы научимся вспоминать сам евангельский текст, то это еще лучше. Воспоминание собственно евангельских заповедей действует на душу гораздо сильнее, в них есть какая-то неизъяснимая благодатная сила, как об этом говорит святитель Игнатий. Например, от одного только воспоминания слов Спасителя *всякий, гневающийся на брата своего всуе, повинен есть суду*, угасает гнев, как говорит святитель. Мне кажется, что, если бы мы научились в течение дня в каких-то житейских ситуациях вспоминать те или иные изречения из Евангелия, пусть даже и не дословно, это бы нас очень отрезвляло.

Вопрос. Иногда читаю Евангелие как бы механически, не задумываясь. Это неправильно? И как нужно читать, чтобы получить пользу?

Ответ. Я думаю, что даже если мы читаем Евангелие механически, то от этого уже есть польза. Даже такое, как нам кажется, поверхностное чтение Евангелия все равно просвещает ум. Бывает, одну, другую главу читаешь поверхностно, третью – уже внимательно, а на четвертой и чувство какое-то проснулось. И таким образом от суеты мы возвращаемся к внутренней собранности, вновь приобретаем душевный мир.

Но вообще-то, конечно, нужно стараться читать Евангелие внимательно, как и молитву Иисусову и любую другую молитву, – вмещая ум в слова и ни о чем постороннем не думая. Конечно, по ходу чтения будут приходить какие-то мысли: не может человек читать текст и ни о чем не думать. При внимательной Иисусовой молитве ведь также могут быть разные ощущения: страх Божий, умиление, что-то еще – и нельзя сказать, что у нас в это время никаких мыслей нет. Если мы будем всё подряд отвергать, то действительно ограничимся только механическим повторением слов молитвы. То же и во время чтения Евангелия. Надо читать, вмещая ум в слова Евангелия, не размышлять о них специально, не пытаться осмысливать каждый прочитанный фрагмент, как бы отходя умом в сторону, но в то же время не отвергать тех мыслей, которые приходят к нам сами собой.

Для того чтобы понимать Евангелие, безусловно, нужно быть знакомым со святоотеческим учением. Во-первых, с толкованиями на само Евангелие. Во-вторых, с догматическим учением Церкви (пусть и вкратце), а также с аскетическим, нравственным учением. Чтобы не уклониться в произвольное толкование Евангелия и Священного Писания вообще, надо быть подготовленным. Но тем не менее необходимо понимать: одно дело – теоретическое понимание евангельских истин, другое дело – может быть, самые обыкновенные слова, но пережитые сердцем; самая обыкновенная, как будто бы сама собой разумеющаяся мысль, но коснувшаяся твоего сердца. Это очень важно, и никакие святоотеческие творения не могут заменить Священного Писания, в особенности Евангелия. Они дополняют Евангелие, объясняют его, но заменить его не могут. Поэтому и новонаначальному, и совершенному Евангелие нужно читать как можно больше.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что у подвижащихся брань бывает по трем причинам: от нерадения, гордости или зависти бесовской. Первые – окаянны, вторые – треокаянны, третьи – треблаженны. Примечательно, что те, у кого брань бывает по причине нерадения, названы Иоанном Лествичником окаянными. Многие недооценивают той опасности, которую несет в себе нерадение, и считают эту страсть пустяком. Конечно, брань от нерадения преодолеть легче, чем брань по причине гордости, но и она тем не менее может иметь серьезные последствия.

Бывает, что человек имеет ревность к какой-нибудь одной добродетели, скажем к Иисусовой молитве. Однако при этом он не испытывает желания исполнять другие добродетели, которые, может быть, не имеют для духовной жизни первостепенной важности, однако дополняют Иисусову молитву, как бы окрыляют ее, делают ее жизнеспособной и действенной. Но когда человек что-то в своем духовном подвиге старается делать полностью, а что-то – лишь отчасти, он может подвергнуться тяжким искушениям или даже падениям. Например, имея усердие к молитве Иисусовой, он в то же время совсем нерадит о воздержании в пище. Я не говорю о том, что он обязан поститься так же строго, как египетские пустыnnики, но, безусловно, ревность к разумному посту должна быть. (Оговорюсь, что все следует делать с благословения.) Правда, благословение тоже можно получать по-разному: порой человек, постепенно поддаваясь действию страсти, начинает хитрить, лукавить и получает то благословение, которое ему выгодно и которое разрешает ему удовлетворять свои страсти, например чревоугодие, многоспание или пустословие. В любом монастыре подобных примеров сколько угодно. Казалось бы, это пустяки, но они могут оказать на жизнь человека очень серьезное влияние.

Нас удивляет, что Иуда Искаротский отрекся от Христа, совершил грех предательства и богоубийства из-за тридцати

сребреников – такой, казалось бы, ничтожной суммы. Но дело не в количестве денег, а в силе страсти. В Иуде страсть сребролюбия была столь сильна, что ему нужно было ее удовлетворить во что бы то ни стало; она заставила его довольствоваться даже такой малой суммой. И эта могущественная, так сказать, запущенная в нем страсть привела этого человека к страшному исходу. Спаситель шел тем путем, каким должен был идти, а Иуда стал бессознательным орудием исполнения Промысла Божия в деле спасения человеческого рода. Господь сказал о нем: *Лучше было бы этому человеку не родиться* (Мф. 26, 24). Здесь речь идет о сребролюбии, но к таким же губительным последствиям может привести и любая другая страсть. Бывает, что внешние проявления какой-либо страсти настолько незначительны, что совершаемые проступки кажутся ничтожными, а страсть, тем не менее, уже овладела всем существом человека.

Преподобный авва Дорофей рассуждает о том, что люди, отрeksiиeся от мира, отказавшиеся от всех мирских выгод и привилегий, а может быть, и от большого имущества, в монастыре иногда привязываются душой к каким-то ничтожным вещам, которые кажутся им полезными и необходимыми. И это неудивительно: жизнь в монастыре совсем другая, нежели в миру. Мы ограничены монастырским уставом, монастырскими обычаями, монастырской оградой и живем, так сказать, в своем маленьком мире. Здесь все приобретает иной вид, и о монашеских добродетелях нужно судить не по внешнему блеску, который они имеют, а по их внутренней силе, внутреннему действию. Важно не то, что видно людям, а то, что происходит в душе человека, – ведь Бог, как мы знаем, смотрит на сердце. И простой радушный кивок головой, который вроде бы не представляет собой ничего существенного, в действительности есть проявление любви к ближнему. По таким незначительным внешним признакам можно судить о внутреннем состоянии человека. Так же и страсти, которые в монастыре проявляются едва заметно, на самом деле имеют под собой подоплеку: сильнейшую власть демонов над нами. Если бы Иуда Искаротский жил обычной жизнью среди своих соплеменников,

то для него тридцать сребреников, может быть, и не являлись бы большими деньгами. Но поскольку он находился в среде учеников, где все были нищие, от всего отреклись и ничего не имели, то в свете такого образа жизни тридцать сребреников могли показаться Иуде значительной суммой.

Поэтому о страсти нужно судить не по внешнему ее проявлению, а по тому, насколько сильно она овладела человеком. Приведу пример того, как строго древние святые отцы относились к проявлению страсти сребролюбия. В Нитрийской пустыни жил один монах, который ткал полотно и брал за это плату. Поскольку эта пустынь не была общежительным монастырем, где монахам выдавалась одежда и пища, то каждый заботился сам о себе. По уставу братьям разрешалось иметь на свои нужды не больше трех золотых монет. Когда этот монах умер, то у него в келии нашли гораздо бо льшую сумму, чем разрешалось иметь (примерно сто золотых монет). Некоторые подвижники стали говорить, что эти деньги надо пожертвовать на монастырь, построить на них храм и так далее. Тогда великие старцы – авва Макарий Египетский, авва Макарий Александрийский (младший) и другие – сказали, что эти деньги нужно бросить на похоронах монаха ему в могилу, со словами: *Деньги твои да будут тебе в погибель* (см. Деян. 8, 20). Подобные слова были сказаны Господом об Иуде Искаротском: он был назван *сыном погибели* (см. Ин. 17, 12). Монахи послушались великих старцев и погребли брата таким образом. После этого случая братья боялись нарушать устав и иметь денег больше, чем полагалось. И совсем неважно, как велика была накопленная сумма, – может быть, по сравнению с тем, что имели богатые люди того времени, она была совсем незначительна. Для монаха имеет значение сила страсти, а не сам предмет, по отношению к которому эта страсть проявляется.

Так же нужно судить и о нерадении. Мы порой очень снисходительны к тому, что человек, например, любит поспать, пренебрежительно относится к молитвенному правилу или нерадиво исполняет приказания монастырского начальства. Нам кажется, что все это пустяки и ничего страшного не

происходит: допустим, проспал он на полчаса, опоздал на правило – все равно же он потом молился. Я повторю: чтобы правильно оценить значение таких проступков, нужно понимать, что в монастыре никаких особо сильных внешних проявлений страстей быть не может – здесь их нужно рассматривать чуть ли не под микроскопом. Мы должны с одинаковым вниманием относиться как к добродетелям, которые в монастырской жизни внешне практически ни в чем не проявляются, так и к почти невидимому движению страстей. И тогда окажется, что мы, совершая будто бы незначительные проступки, в действительности уподобляемся Иуде Искаротскому. Тот предал Спасителя ради ничтожной суммы, а мы забываем Господа Иисуса Христа или пренебрегаем заповедями, потому что нам лень или мы хотим отдохнуть, поспать. Исполнение приказаний монастырского начальства есть то же самое исполнение заповедей, это отсечение своей воли, послушание – добродетель, без которой невозможно исполнить Евангелие. И если каждый из нас будет взирать на свою совесть, то увидит эти маленькие, ничтожные, едва заметные проявления страстей. Сребролюбие Иуды также было незаметным для учеников в течение трех с половиной лет. Апостол Иоанн Богослов говорил о том, что Иуда пожалел триста динариев, которые можно было бы получить, продав миро, не потому, что заботился о нищих, а потому, что он был вор. Но если Иоанн Богослов и заметил это в Иуде, то другим ученикам, видимо, об этом было неизвестно: мы больше нигде не находим подобного замечания. Скорее всего, это обстоятельство выяснилось позднее, как это часто и бывает. Характер Иуды раскрылся, стали видны мотивы его поступков. Ученики, пересматривая его прошлую жизнь, увидели, что причиной высказываний Иуды о напрасно потраченных деньгах было именно сребролюбие, и даже воровство.

Мы должны очень бояться подобного, казалось бы, невидимого движения страстей, в особенности страсти нерадения. Нам кажется, что в пренебрежении такими, на первый взгляд, незначительными вещами нет ничего особенного: мол, ничего страшного, если я опоздал на правило,

– я же не пренебрегаю учением об Иисусовой молитве, ничего страшного, если я проспал, – я же не пренебрегаю внутренним бодрствованием, бдением над собой. Нам кажется, что все это мелочи, и мы приходим в такое состояние, что вдруг неожиданно для всех совершаем страшные проступки. А на самом деле ничего удивительного нет: мы подошли к этому постепенно. Так было и с Иудой Искаротским: его внутреннее состояние менялось постепенно, ни для кого не заметно, а потом он вдруг совершил преступление. Конечно, для Спасителя душевные движения Иуды не были тайной: Господь постоянно намекал ему на его опасное внутреннее состояние, но тот не желал в этом сознаваться.

Поэтому не будем относиться к нерадению легкомысленно. Вспомним евангельское повествование: наряду с предательством Иуды было совершено другое страшное нравственное преступление, почти равное предательству. Как ни странно, это преступление совершил один из самых пламенных учеников Спасителя, один из тех, кто больше всех любил Спасителя, – апостол Петр. Причиной этого, помимо самонадеянности, стало нерадение. Апостол Петр был готов пойти за Господом и в темницу, и на смерть; в Гефсиманском саду он выхватил меч и не побоялся выступить один против толпы воинов (пусть это было неуместно, но тем не менее говорило о его мужестве); он видел на Фаворе Божественную славу Господа; он же сказал: *Если это Ты, Господи, повели мне прийти к Тебе по воде* – и пошел по воде (см. Мф. 14, 28). И этот человек – апостол Петр – отрекся от Господа, притом не один раз, а трижды.

В Евангелии повествуется о том, что предшествовало этому отречению: *Пришли в селение, называемое Гефсимания; и Он сказал ученикам Своим: посидите здесь, пока Я помолюсь. И взял с Собой Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте* (Мк. 14, 32–34). В Евангелии от Луки сказано: *Придя же на место, сказал им: молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Лк. 22, 40). Спаситель перед смертью, которую Он как Бог предвидел,

испытывал человеческий страх. В трудную минуту мы часто нуждаемся в поддержке близких нам людей, поэтому Господь просил апостолов, чтобы они бодрствовали и своей молитвой, даже просто своим присутствием укрепили Его дух.

Далее в Евангелии говорится: *И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей; и говорил: Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты. Возвращается и находит их спящими, и говорит Петру: Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна (Мк. 14, 35–38).* Но, как мы знаем, и это вразумление им не помогло. Конечно, их поведение можно объяснить: все происходило ночью, а они очень устали. Кроме того, этому предшествовала долгая и напряженная беседа со Спасителем. Апостолы не понимали, что происходит, а может быть, еще и унывали из-за страха перед грядущими событиями. Однако если Сам Спаситель просил их бодрствовать, то можно сделать вывод о том, что они были к этому способны. *И, опять отойдя, молился, сказав то же слово. И, возвратившись, опять нашел их спящими, ибо глаза у них отяжелели, и они не знали, что Ему отвечать (Мк. 14, 39–40).* Видимо, на душе у апостолов было тяжело, и это отражалось на их телесном состоянии: *глаза у них отяжелели.* Тем не менее они понимали, что это не причина для оправдания, и потому сами, как говорит Евангелие, *не знали, что Ему отвечать. И приходит в третий раз и говорит им: вы всё еще спите и поживаете? Кончено, пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников. Встаньте, пойдем; вот, приблизился предающий Меня (Мк. 14, 41–42).* Далее последовали события, которые всем вам известны: пришел Иуда Искаротский с воинами, и Спаситель был арестован.

Обратите внимание на слова Спасителя: *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна.* Да, мы всегда можем найти нашему нерадению, нашей лени какое-нибудь оправдание: болезнь,

усталость или другую серьезную причину. Спаситель и не отрицает того, что плоть немощна и что в тот момент Его ученики устали и находились в таком состоянии, когда им трудно было себя преодолеть. Тем не менее Он говорит о том, что *дух бодр*, Он учит апостолов напрягать свой дух, ибо немощ телесная, немощ плоти преодолевается напряжением духа. Но в тот момент ученики не смогли исполнить того, что приказал им Спаситель, и вскоре произошло бегство многих из них, а апостол Петр трижды отрекся от Господа. Лишь Иоанн Богослов нашел в себе мужество пребывать со Спасителем до конца.

О бегстве учеников очень точно, реалистично повествует апостол Марк, передавая при этом такую подробность: *Тогда, оставив Его, все бежали. Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них (Мк. 14, 50–52)*. Страх этого юноши был столь велик, что он, оставив плащ, бежал нагим – совершенно без стыда, лишь бы только спасти свою жизнь.

Все это произошло потому, что ученики не исполнили заповедь Спасителя: *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна*. Из этих слов видно, что бодрствование учеников нужно было не Господу, а в первую очередь им самим. Господь знал, что апостолы не проявят мужества, твердости, не сделают того, что должны были сделать, но тем не менее исполнил по отношению к ним Свой пастырский долг – приказал им, чтобы они бодрствовали, молились и чтобы духовное в них превозмогало телесное. Он как Пастырь исполнил Свой долг до конца, а они как пасомые не проявили должного мужества и твердости. Конечно, потом это было причиной душевных мучений апостолов – и не только в те дни после страданий Спасителя, когда ученики еще не знали, что Он воскрес, и пребывали в чрезвычайном томлении, но и впоследствии. Как известно, у апостола Петра душевные мучения продолжались до конца его дней – даже после того, как Христос утешил его троекратным вопрошением: *Любишь ли ты Меня?* – и восстановил в

апостольском служении (см. Ин. 21, 15–17). Как повествует Церковное Предание, всякий раз, когда пел петух, апостол Петр начинал плакать, вспоминая о своем отречении. И одной из самых главных причин, вызвавших отречение, было, выражаясь аскетическим языком, нерадение. Не нужно умалять значение этого порока. Мы думаем, что это пустяк, если мы немного проспали, немного переели, немного не послушались, немного оставили Иисусову молитву и так далее. Мы относимся к себе снисходительно, а в действительности нарушаем заповедь Спасителя: *Бдите и молитесь, да не внидете в напасть: дух убо бодр, плоть же немощна*. Спаситель, говоря о кончине мира, многократно повторял, что нам необходимо бодрствование, бдение: *Блюдайте, бдите и молитесь: не весте бо, когда время будет* (Мк. 13, 33), то есть смотрите, наблюдайте за собой, бодрствуйте и молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время – время второго пришествия. Эти слова можно отнести и ко дню нашей кончины: *Бдите убо: не весте бо, когда господь дому приидет, вечер, или полунощи, или в петлоглашение, или утро: да не пришед внезапно, обрящет вы спяща. А яже вам глаголю, всем глаголю: бдите* (Мк. 13, 35–37). Под сном здесь подразумевается именно наше нерадение. Бодрствование – это образное описание нашего должного состояния, а сон – образное описание состояния порочного, страстного. Господь приходит к нам Своей благодатью, а мы не можем принять Его внутрь себя. В нерадении потихоньку может пройти вся наша жизнь. Мы не заметим, как наступит момент нашей смерти, и Господь найдет нас «спящими»: это будет для нас очень страшно, потому что назад уже ничего не вернешь.

А яже вам глаголю, всем глаголю: бдите. Эти слова очень похожи на те, которые Спаситель сказал в Гефсиманском саду Своим ученикам: *Бдите и молитесь, да не внидете в напасть. Яже вам глаголю...* – не думайте, что это обращение Спасителя относилось только к ученикам – Петру, Иакову и Иоанну. Нет, эти слова сказаны апостолам для того, чтобы они передали их всем будущим ученикам Христовым. Несколько иначе о духовном бодрствовании в связи с ожидающейся кончиной мира говорит

евангелист Лука: *Бдите убо на всяко время молящися, да сподобитесь убежати всех сих хотящих быти, и стати пред Сыном человеческим (Лк. 21, 36)*. Это состояние, к которому мы должны стремиться, иначе день Страшного суда наступит для нас внезапно. И если Господь решит прийти лично к нам, посетить нас Своей благодатью, то мы окажемся не готовыми принять Его, не сможем *стати пред Сыном Человеческим*. В настоящей, истинной молитве христианин предстоит пред Господом Иисусом Христом (неважно, благодарит ли он Господа или умоляет о прощении грехов). Если же мы будем вести себя нерадиво, не станем бодрствовать и молиться, то окажется, что мы не сможем не только в будущей, но и в этой жизни предстать пред Сыном Человеческим, потому что предстояние пред Ним в этой жизни есть залог того, что мы и в будущей жизни будем подле Него.

Несколько ранее Господь наш Иисус Христос говорит: *Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той: яко сеть бо приидет на вся живущия на лицах вся земля (Лк. 21, 34–35)*. Мы должны внимать себе, следить за тем, чтобы наши сердца не отяжелели. В Евангелии говорится о пьянстве, объедении, но можно было бы сказать и о многом другом: многоспании, пустословии и других пороках, которые по сравнению со страшными грехами – блудом, убийством, воровством – кажутся ничего не значащими, мелкими, ничтожными. Однако эти пороки могут так отяготить наше сердце, что день тот придет на нас внезапно, как сеть.

Житейские печали, заботы бывают не только у мирян, но и у монашествующих, когда они начинают заботиться не о том, что им велено делать, а об удовлетворении собственных нужд, которые они считают первостепенными. Суть житейских забот состоит в удовлетворении своих прихотей, потребностей тела (может быть, даже и естественных). Разве в монастыре человек не может этим увлечься? Конечно же, может – и увлекается.

Необходимо отличать духовное бодрствование от бодрствования в буквальном смысле слова. Конечно, мы не способны совершать такое же бдение, какое совершали святые

отцы, спавшие по несколько часов, иногда и по одному часу в сутки. Как говорит Арсений Великий, монаху, если он подвижник, достаточно спать один час; о преподобном Иоанне Лествичнике сказано, что он спал ровно столько, сколько нужно, чтобы не повредиться рассудком; старец Силуан Афонский, живший сравнительно недавно, спал урывками по десять-пятнадцать минут, притом сидя, и в общей сложности получалось два с половиной часа в сутки (только в старости он позволял себе спать лежа). Мы так подвизаться не можем, но то, что в наших силах, мы обязательно должны делать, конечно по благословению старицы или духовника.

Разумеется, мы не можем поститься так же, как постился Симеон Столпник, вкушавший пищу один раз в неделю, но нам следует соблюдать устав монастыря, воздерживаться от того, чтобы вкушать вне трапезы, объедаться или заниматься тайноядением, я уж не говорю о нарушении поста. Как я уже сказал, все должно быть по благословению, потому что одному надо воздерживаться строже, а другому, может быть, по причине телесной немощи нужно какое-то снисхождение, но тем не менее воздержание необходимо.

Мы неспособны и к такому беспрекословному послушанию, какое было, например, у Иоанна Колова, который сажал дерево вверх корнями. Но мы обязаны отсекай свою волю при исполнении обычных монастырских работ и делать то, что нам говорят, а не то, что хочется, может быть, превозмогая иногда при этом немощь или болезнь, а чаще всего – свою лень. Иначе мы лишаем наше духовное бодрствование подкрепления – дерево не может приносить плодов, иметь красивую листву и крону, если не будет своими корнями углублено в эту, так сказать, грязно-неприятную почву. Ведь соки поступают к листьям и плодам именно от корней. И если в нашей жизни не будет таких, как нам кажется, низких, обыкновенных, ничтожных вещей, то не будет и духовных плодов.

Многие из нас на собственном опыте знают о том, как действует нерадение. Бывает, что человек предается многому сну (может быть, даже по причине болезни) и в конце концов начинает испытывать нечистые ощущения. Или, допустим,

человек чувствует слабость и подкрепляет себя какой-то пищей – от этого также может прийти в действие блудная страсть. Нерадение может привести и к более пагубным последствиям: если человеку препятствуют удовлетворять его всевозможные прихоти, то он приходит в уныние и раздражительность. Такие «пустяки», как саможаление, лень, нерадение, ведут к полному расстройству духовной жизни. Человек, пришедший в монастырь с пламенной ревностью, становится неуправляемым: он и сам себе не мил, и с другими не уживается. Его былая ревность исчезла, а все потому, что он попускал себе такие «мелочи». Он и сам удивляется: почему, мол, я не получаю никакой пользы? Почему во мне нет никаких изменений, тогда как я столько времени в монастыре? Где взять силы? Но их неоткуда взять, если у тебя нет понуждения, если ты сам себя не заставляешь.

Спаситель сказал: *Царствие Небесное нудится* (Мф. 11, 12). Значит, понуждая себя исполнять необходимое, мы сможем приобрести не только добродетели, но даже само Царство Небесное. А мы этим понуждением пренебрегаем, предпочитая делать только то, что нам хочется. Если у нас появляется желание молиться – мы молимся, желание пропадает – мы считаем это уважительной причиной для того, чтобы оставить непрестанную молитву в течение дня или правило. Мы всё списываем на то, что у нас, мол, нет благодати, Господь нам не помогает, нет вдохновения, чтобы исполнять предписания хотя бы монастырского устава. На самом деле все это происходит опять же от нерадения или, иначе сказать, от лени. Русская пословица правильно говорит: без труда не выловишь и рыбку из пруда. Для того чтобы выловить рыбку, нужно сделать удочку, накопать червей, насадить червяка на крючок, забросить удочку в пруд и некоторое время посидеть, подождать. Все это труд, а нам хочется трудиться по вдохновению, тогда только, когда наша душа этого пожелает.

Если у нас нет желания трудиться, то мы считаем это единственной серьезной и уважительной причиной, чтобы отложить все наши монастырские труды. В особенности это касается духовного делания, хотя монастырская работа в

определенном смысле также является духовным трудом, потому что главное в ней – это отсечение своей воли. В монастырских трудах каждый день испытывается усердие человека, его преданность делу своего спасения, и если он ведет себя достойно, то это сказывается и на его духовном состоянии, молитве.

Итак, у нас должна быть ревность, должно быть самопонуждение, пусть даже нет никакого желания трудиться: наша душа остыла, нам все безразлично, мы пришли в уныние и находимся в апатии, но ведь у нас есть разум, который должен господствовать над всем. Если дело касается житейских вопросов, то обычно так и бывает. Допустим, человек заболел, у него полностью пропал аппетит, но он знает, что ему надо пить лекарства, и он делает это, несмотря на апатию, являющуюся следствием болезни. В конечном счете он приходит в нормальное состояние и у него вновь появляется интерес к жизни, аппетит и так далее.

Так же бывает и в духовной жизни. Если самый равнодушный, бесчувственный человек заставит себя исполнять все как положено, то рано или поздно (я думаю, что пройдет не так уж много времени) благодать согреет, оживит его душу. Господь, взирая на старания этого человека, воскресит его, сделает способным к духовной жизни. И наоборот, если преуспевший человек, достигший определенного духовного состояния, успокоится и перестанет ревновать о большем, понуждать себя, а будет делать все по привычке, в чем также проявляется нерадение, то он начнет чувствовать охлаждение и терять плоды своего преуспевания. Наконец, он придет в такое унылое, беспросветное состояние, что даже сам себе будет удивляться.

Если в нас оскудевает ревность к какой-либо добродетели, а мы уверены в том, что обязаны ее совершать, то мы должны особенно стараться противостоять своему нерадению именно в этом отношении. Конечно, все должно быть с совета и благословения. И Господь нам поможет: как говорит схимонах Василий Поляномерульский, из обыкновенных людей мы сможем стать пламенными Серафимами, в особенности

благодаря умному деланию. Однако умное делание – это не просто повторение Иисусовой молитвы, это совокупность добродетелей, среди которых Иисусова молитва является хоть и главной, но отнюдь не единственной. У нас должна быть ревность ко всем добродетелям, серьезное отношение ко всему строю монашеской жизни. Хотелось бы, чтобы вы приняли это к сведению и хорошо запомнили.

Необходимо сказать еще и о нашем отношении к исполнению заповедей. Мы хотим совершать что-то великое, рассуждаем о приобретении любви к Богу и ближнему, стремимся к подвигам, а на самом деле не исполняем даже малого. Допустим, мимо проходит человек, а ты стоишь с каменным лицом – этим ты нарушаешь заповедь о любви к ближнему. Утром ты проспал службу на полчаса – нарушил заповедь о любви к Богу, даже не заметив этого. Исполнение заповедей требует не мечтательно-восторженного настроения, при котором мы, образно говоря, ходим задрав голову в небо и считаем звезды, а иного – при котором мы смотрим под ноги и «собираем копейки». Мы должны внимательно следить за всеми своими действиями, и в особенности за внутренними движениями души. Во всех ничтожных, незаметных и ничего не значащих мелочах необходимо исполнять заповеди. Если же мы от гордости и мечтательности (которая также возникает вследствие гордости) начинаем фантазировать о великих делах, которых мы на самом деле никогда не совершим, и пренебрегать повседневным исполнением заповедей, то Евангелие останется для нас в лучшем случае интересной, утешительной книгой – и не больше. Мы же не считаем мелочью, скажем, необходимость зашнуровывать ботинки, потому что понимаем: если отнестись к этому небрежно, то можно наступить на шнурок и упасть. Тем не менее к евангельским заповедям мы проявляем небрежение, не думая о том, что действительно можем упасть из-за чего-то малого.

Не будем мечтать о великом, а проявим ревность, трудолюбие, радение в мелочах повседневной монастырской жизни, потому что именно в этом для нас и состоит исполнение

заповедей. Миряне могут исполнять заповеди, общаясь с родными, сотрудниками по работе или соседями, сталкиваясь со случайными прохожими. Таким образом, и монахи и миряне ко всем и ко всему должны относиться по-доброму, по-христиански, по-евангельски. Как говорят святые отцы, свою совесть нужно хранить по отношению к Богу, ближнему, самому себе и даже вещам.

* * *

Вопрос. У преподобного Серафима Саровского есть предсказание о его воскресении. как правильно к этому относиться?

Ответ. Я думаю, что это апокриф, а не действительное предсказание самого Серафима Саровского. Оно приписано ему людьми, желающими, чтобы это воскресение произошло. Случаев воскресения святых не было за всю историю христианской Церкви. мы знаем о чуде воскресения семи Ефесских отроков, но ведь они не умерли, а лишь чудесным образом уснули и спали почти триста лет. И произошло это чудо для того, чтобы таким необыкновенным событием было посрамлено распространившееся в то время неверие людей в воскресение мертвых. Но чтобы кости человека стали вновь живым человеком – этого не произойдет никогда (конечно, до того дня, когда из мертвых воскреснут все). Может быть, я ошибаюсь, но я склонен думать так.

Вопрос. Батюшка, сейчас выходит много книг с различными пророчествами (например, о судьбах России). Авторы этих книг ссылаются на высказывания святых отцов. Как относиться к этому явлению?

Ответ. Не верить этим книгам. Мало ли на кого эти авторы ссылаются. Хотя подобные книги находят своих читателей. Сейчас такое время, когда одни люди настроены слишком скептически и на веру ничего не принимают, а другие, наоборот, слишком легковжны. Даже те, кто будто бы имеют ревность к духовной жизни, порой пренебрегают Преданием Церкви, оставаясь в этом отношении невежественными.

В древности были еретики – гносимахи, как их назвал преподобный Иоанн Дамаскин, которые считали, что достаточно

просто жить благочестиво, а учение Церкви знать не нужно. сейчас эта ересь чрезвычайно распространена. Хотя люди и не называют себя гносимахами, но рассуждают они так же, как еретики: главное, чтобы человек был хороший, а то, что он не знает догматов, не знает ни вероучительного, ни аскетического Предания Церкви, – это неважно. Поэтому люди и верят всякой чепухе. Другие – ученые (их, правда, немного) – пребывают безразличными к духовной жизни и ко всему относятся холодно и очень скептически.

Сейчас почти нет людей, которые были бы одновременно и подвижниками благочестия, и образованными богословами, как, например, святитель Игнатий (Брянчанинов). Их чрезвычайно мало, по крайней мере у нас в России, но я думаю, что и везде, но они есть. Можно привести в пример иеромонаха Серафима (Роуза). Он написал неплохие богословские труды, которые широко распространены в России, и одновременно был подвижником. Конечно, Серафиму (Роузу) не хватало учености, в чем-то он был легковверен, но все же о нем можно говорить как о человеке, который занимался богословием и одновременно вел аскетическую жизнь.

Словом, современные люди с истинным православием знакомы плохо и зачастую верят всему, что им говорят. В наше время издается и распространяется много книг с недостоверной, непроверенной информацией; всевозможные пророчества для большей авторитетности книг приписываются великим святым, а на самом деле все это, так сказать, бабушкины сказки.

Вопрос. Полезно ли при молитве «выдавливать» из себя слезы, а если они есть, то надо ли стараться это состояние усилить?

Ответ. Имеет значение, как ты это делаешь: если ты понуждаешь себя к покаянному плачу, который сопровождается внимательной молитвой, тогда это, может быть, и уместно. А если твои слезы не имеют к молитве никакого отношения (слезы сами по себе, молитва сама по себе) и если то усилие, которое ты употребляешь для того, чтобы выдавить их, отвлекает тебя от молитвы (в особенности молитвы Иисусовой),

то, я думаю, этого делать не нужно. Слезы или покаянный плач при молитве – это, конечно, хорошо. Однако надо помнить, что самое главное – это внимание. Как говорит святитель Игнатий, внимание дает цену молитве.

К слезам нужно относиться с большой осторожностью, надо следить, чтобы они не были бессмысленными. Ведь мы плачем по разным причинам: от злости, от радости, оттого что с кем-то встретились или, наоборот, расстались. А с духовной точки зрения никакой цены в таких слезах нет.

Вопрос. Как объяснить то, что у человека нет, например, страсти сребролюбия (или какой-то другой)? От чего это зависит?

Ответ. Я думаю, что в каждом человеке есть все страсти, только одни проявляются больше, другие – меньше. Однажды к Макарию Великому пришли воры. Он в это время неожиданно вернулся к себе в келию – и сам стал помогать им грузить свое имущество. Когда же они от него вышли, преподобный Макарий увидел, что они забыли взять какую-то ценную вещь, схватил ее и побежал догонять этих людей со словами: «Вы забыли взять еще и это». Воры устыдились и вернули награбленное. Это яркий пример, показывающий, что у человека нет сребролюбия. А если к любой из наших сестер придут и станут забирать последний подрясник – с радостью ли она его отдаст? Я думаю, нет.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что в человеке есть все страсти, но одни действуют слабо, а другие – могущественно. Например, сребролюбие в человеке действует слабо, а уныние – гораздо сильнее. Есть страсти господствующие и есть как бы едва тлеющие, но сказать, что их нет совсем, я думаю, нельзя. А почему так бывает, что одни страсти действуют сильнее других, я не знаю. Наверное, дают о себе знать какие-то врожденные дурные наклонности. Может быть, человек в чем-то развращен больше, в чем-то меньше.

Вопрос. Как нерадение может проявляться в деле откровения помыслов?

Ответ. Конечно, говоря о послушании, мы имеем в виду прежде всего откровение помыслов. Ведь послушание должно

проявляться не только внешне (в поведении, работе), но и внутренне – оно должно быть даже и в мыслях, и в чувствах. Необходимо отсекаать свои помыслы и думать так, как тебе велят, хотя то, что велят, может казаться тебе странным. А если тебя учат евангельскому образу мыслей, то, конечно же, свои собственные мысли нужно отбрасывать и учиться рассуждению по-евангельски. Для этого и нужно откровение помыслов. Поэтому человек, который в откровении помыслов проявляет нерадение, никогда не сможет стать настоящим послушником.

Мы же не хотим отсекаать свой взгляд на вещи и находим этому оправдание: мол, вещь, о которой я говорю, совершенно очевидна – как же можно признать ее неправильной? Но она «очевидна» лишь потому, что в нас действует страсть: для гневливого человека очевидно, что нужно разозлиться, для чревоугодника – что нужно поесть, для ленивого – что надо поспать. Если человеку, склонному к унынию, сделать замечание, то для него будет очевидным, что сейчас нужно заплакать. Страсти обладают нами настолько, что мы становимся слепыми. Для алкоголика «очевидно», что вернуться домой лучше окольной дорогой, потому что там стоит пивной ларек. Другой же, более близкий путь для него «неудобен». Нечто подобное происходит и с нами.

Вопрос. Не могли бы вы как духовник привести примеры нерадения? Ваши примеры приносят нам большую пользу в повседневной жизни.

Ответ. Я об этом, в общем-то, уже сказал. Нерадение может проявляться в послушании, молитве, каких-либо второстепенных добродетелях: воздержании в пище, бодрствовании и других. Нерадение может быть и в исполнении заповедей: некоторые относятся к ним так, будто это какие-то мелочи и для нашего спасения нечто малозначащее. Нерадение может быть и в работе.

Примеров можно привести бесчисленное множество, однако насчет себя каждый должен советоваться со своим духовником или старицей. Ведь может получиться так: скажешь, допустим, двоим людям, что нужно воздерживаться в пище, но

одному это будет полезно, а другому, поскольку он немощный, больной, – вредно. Кроме того, один склонен к чрезмерной ревности и ищет чересчур строгого воздержания, а другой считает, что может есть гораздо больше, чем ему благословили. Поэтому с одной меркой к этим людям подходить нельзя. Часто бывает так: чрезмерная ревность в одной добродетели сопровождается нерадением в другой. Например, человек, имеющий ревность к воздержанию в пище, нерадив в послушании.

Вопрос. Почему подвижники не убивали насекомых?

Ответ. Я думаю, потому, что они испытывали свое терпение. Преподобный Нил Синайский говорит: «Смотри, чтобы какое-то ничтожное насекомое не лишило тебя Бога»⁵⁵. Отвлекаясь при молитве на что-то постороннее, мы рассеиваемся. Великие подвижники ради любви к Богу пренебрегали внешними раздражителями, вообще всем тем, что отвлекает от молитвы. Феодосий Печерский испытывал свое терпение так: шел на болото, раздевался до пояса и, облепленный комарами, молился, можно сказать, обливаясь кровью.

Кроме того, известно, что, например, старец Силуан Афонский не одобрял грубого отношения даже к растениям. В книге его ученика, архимандрита Софрония (Сахарова), описывается, как однажды они шли вместе, и Софроний, идя впереди, надломил палкой ствол куста дикой травы, чтобы не было семян и тропинка не зарастала этой травой. На что старец Силуан укоризненно покачал головой. Он говорил, что Дух Божий учит жалеть всю тварь, так что без нужды не хочется повредить даже листа на дереве. Но в то же время он, например, косил сено и ел рыбу, по-христиански сознавая, что вся тварь создана именно для служения человеку.

О добросовестности при исполнении послушания⁵⁶

Сегодня мы с вами поговорим о послушании, но обратимся лишь к одному аспекту этой широкой темы – необходимости ответственно и точно исполнять то, что заповедуют нам старшие.

Отсутствие ответственности – недостаток, который очень часто встречается даже среди людей верующих как в миру, так и в монастыре. Как говорит нам жизненный опыт, найти человека, на которого можно было бы полностью положиться, к сожалению, очень трудно. Чаще всего мы бываем вынуждены сначала отдать приказание, потом настоять на том, что его необходимо выполнить, при этом иногда приходится повышать голос или прибегать к угрожающей интонации. Затем нужно проверить, приступил ли человек к делу, и, наконец, посмотреть, исполнил ли он порученное. А спохватишься слишком поздно – в результате дело не будет сделано, а подходящие обстоятельства уже невозможно будет вернуть.

Основательница и первая настоятельница Покровского монастыря в Киеве, великая княгиня Александра Петровна, говорила, что монаху нужно знать только три фразы: «Благословите», «Простите» и «Спаси Господи». Это все правильно, но нужно признать, что у нас слова «благословите» и «простите» порой принимают совершенно другой характер. Человек говорит «благословите» не для того, чтобы приступить к исполнению порученного дела, а для того, чтобы его оставили в покое. Казалось бы, раз человек сказал «благословите», значит, он все понял, и никаких претензий к нему не будет. А он уходит и спокойно занимается не тем, на что взял благословение, а тем, чем ему хочется. Проходит время. Ты этому человеку доверился и не проследил, как он исполняет поручение. Наконец спрашиваешь: «Ты это сделал?» – «Нет». – «А почему?» – «Простите». Хочется некоторым таким людям в тарелку вместо супа положить записку: «Простите, супа нет». Уж конечно, тот, кто в своей тарелке за обедом обнаружит подобное блюдо, будет весьма недоволен. Разумеется, я не против слова

«простите», его можно и нужно сказать, когда ты кого-то обидел и просишь прощения. В ответ слышишь: «Бог простит», и размолвка, таким образом, разрешается, все успокаиваются и умиротворяются. Но прикрывать словом «простите» свою бездеятельность, считать, что, поскольку нам все должны всё прощать, мы можем ничего не делать, – это лукавство. Есть знаменитый рассказ о волшебном слове «пожалуйста», а у нас в монастыре таким волшебным словом стало «простите». Не сделал человек ничего или сделал все по-своему, не так, как ему сказали, он лишь отвечает: «Простите!» И все! Что с ним после этого делать? Назад уже ничего не вернешь, обстоятельства не переменишь, и так человек творит свою волю, прикрываясь смирением, а на самом деле, конечно, проявляет лукавство.

Примером послушания, как и всего остального, для нас служит, конечно же, Господь наш Иисус Христос. Причем Он оказывал послушание в том числе и тем, которые, несмотря на свою святость и праведность, были гораздо меньше Его как Сына Божия, то есть находился в повиновении у Своих родителей. Евангелие говорит нам о том случае, когда Господь в двенадцатилетнем возрасте отстал от родителей и потом они обнаружили Его в храме. Это повествование заканчивается такими словами: *И Он пошел с ними, и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Мать Его сохраняла все слова сии в сердце Своем. Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков (Лк. 2, 51–52).* Что значит повиновение? Спаситель беспрекословно во всем повиновался Своим родителям, несмотря на то что они, как люди, конечно, могли в каких-то житейских мелочах ошибаться. Вот пример такой ошибки: родители не могли найти Отрока Иисуса, искали Его среди родственников, тогда как им нужно было понимать, что Ему надлежит быть в доме Отца Его. Один из знаменитых подвижников нашего времени, преподобный старец Силуан Афонский называет этот случай безгрешной ошибкой Божией Матери (не грехом, а именно безгрешной ошибкой).

Таким образом, Господь наш Иисус Христос явил нам пример послушания, хотя, собственно, поступал Он так не ради примера: это поведение было естественным следствием Его нравственного совершенства. И, конечно же, находясь в повиновении у Своих родителей, Он исполнял все их приказания, в том числе работал со Своим мнимым отцом Иосифом – плотничал или столярничал. Об этом было известно всем жителям Назарета. Спасителя называли тектоном, то есть плотником, и для окружающих это Его занятие было само собой разумеющимся. Тем самым Господь Иисус Христос, Который был всемогущим Богом, Который дважды накормил несколькими хлебами тысячи Своих приверженцев, следовавших за Ним, показал, что нужно повиноваться людям, если они не требуют ничего противоречащего совести, ничего противоречащего воле Божией, потому что совесть есть голос Божий в человеке, как учат святые отцы. Об этом эпизоде так рассуждает святитель Тихон Задонский: *«И бе повинуюся има. Кто? Господь. Кому? Человекам, рабам Своим. Чего ради? Да наше преслушание и непокорение, которое нас обличало пред Богом, загладить. Нас ради, тебе ради и мене ради, не только в мир пришел Господь наш, но и повиновался человекам: И бе повинуюся има. Кому? Матери Своей Пресвятой и Иосифу. Видишь любовь к ним, видишь и смирение ради нас Сына Божия. Благодарим Тя о сем и поклоняемся Тебе, Слове Божий и Господь сил»⁵⁷.*

В Евангелии мы можем найти множество примеров того, как ученики Спасителя не просто проявляли послушание Ему, но исполняли Его приказание буквально. Несмотря на то, что порой эти приказания противоречили здравому смыслу, через точное их исполнение осуществлялась воля Божия. Как, например, был призван на проповедь апостол Петр вместе с некоторыми другими? Сначала Господь вошел к нему в лодку и проповедовал. Затем, как будто бы желая отблагодарить хозяина лодки, а на самом деле стремясь призвать его к апостольскому служению, Спаситель сказал: *Отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ: Наставник! мы трудились всю*

ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть (Лк. 5, 4–5).

Апостол Петр был рыбаком с детских лет (в те времена дети, как правило, наследовали ремесло своих родителей), и опыт подсказывал ему, что ночью заниматься ловлей рыбы гораздо легче, больше надежды на успех. Хотя он и возразил Господу, сказав: «Мы трудились всю ночь и ничего не поймали», но потом, тем не менее, послушался Его. Рыбаки всё сделали по слову Спасителя и поймали великое множество рыбы, так что даже сеть у них порвалась. *И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начинали тонуть (Лк. 5, 7).* В точности исполнив сказанное Господом, апостол Петр не только получил большой улов, но и, самое главное, уверился в Божественности Спасителя, последовал за Ним и стал одним из Его избранных учеников.

Уже после Своего воскресения Господь наш Иисус Христос подобным же образом, будто напоминая апостолам о том первом чуде, уверил их, что перед ними стоит именно Он. Те вновь всю ночь ловили рыбу, но ничего не поймали. А когда уже настало утро, Иисус стоял на берегу; но ученики не узнали, что это Иисус. Иисус говорит им: *дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы (Ин. 21, 4–6).* Посмотрите: если раньше Спаситель сказал рыбакам отплыть на глубину, что соответствовало здравому смыслу (рыбу ведь нужно ловить именно на глубине), то теперь Он требует от них большего повиновения, большей веры и дает приказание, кажущееся странным, неуместным и, если можно так выразиться, непрофессиональным. Какая разница, с правой стороны лодки ты закинешь сеть или с левой? Однако апостолы беспрекословно исполнили повеление Господа. Причем если в прошлый раз пойманной рыбы было столько, что у апостолов прорывались сети, то теперь они даже не смогли свои сети

поднять из воды и должны были тащить их за собой до самого берега.

Многие из учеников Спасителя были рыбаками, а значит, прекрасно знали это ремесло и все его особенности. Станные приказания должны были бы вызвать сомнения у этих людей, тем не менее они в точности исполнили то, что говорил им Господь, а благодаря этому стали свидетелями чудес и уверились в Божественности Господа Иисуса Христа. В малом, нейтральном по отношению к спасению души деле они приобрели духовную силу и крепость, чтобы осуществлять дела гораздо более сложные – исполнять заповеди Божии и с опасностью для жизни проповедовать Евангелие по всему миру.

А вот еще одно чудесное евангельское событие, связанное с ловлей рыбы: в Капернауме к апостолу Петру подошли собиратели пожертвований для храма и сказали: *Учитель ваш не даст ли дидрахмы? Он говорит: да. И когда вошел он в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних? Петр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: итак, сыны свободны; но, чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и, открыв у ней рот, найдешь статир (то есть четыре драхмы. – Схиизум. А.); возьми его и отдай им за Меня и за себя (Мф. 17, 24–27).* Мыслимое ли дело поймать рыбу, у которой в устах золотая монета? Разумный человек понимает, что это невозможно, и апостол Петр, хотя и был рыбаком с детских лет, конечно, никогда ничего подобного не видел. Тем паче здесь речь идет не о том, чтобы сетью поймать многих рыб, у одной из которых еще могло найтись нечто подобное, а именно о том, чтобы сразу поймать такую рыбу. Однако Петр не сомневается и в точности исполняет приказание Господа. Евангелист Матфей не говорит, чем окончилось это происшествие – само собой разумеется, что все так и было, как сказал Спаситель.

Приведу другой характерный эпизод. Однажды ученики, понимая, что с точки зрения здравого смысла исполнить

повеление Господа невозможно, тем не менее опять в точности послушались Его. *Иисус, возведя очи и увидев, что множество народа идет к Нему, говорит Филиппу: где нам купить хлебов, чтобы их накормить? Говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать. Филипп отвечал Ему: им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу (Ин. 6, 5–7).* Эту подробность евангелист приводит здесь, чтобы пояснить, каким было состояние учеников: они понимали, что если купить хлеба даже на двести золотых монет, то каждому из собравшихся едва достанется по чуть-чуть. Один из учеников Его, Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему: *здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества? (Ин. 6, 8–9).* Иными словами: «Да, у нас есть немного пищи, но, конечно, этого не хватит для столь многих людей, не стоит об этом даже и говорить». И всё же после обычного человеческого расчета того, сколько нужно денег, чтобы накормить несколько тысяч присутствовавших, при уверенности в том, что сделать это невозможно, ученики Спасителя послушались Его и выполнили странное, необыкновенное приказание.

Иисус сказал: велите им возлечь (Ин. 6, 10). Как возлечь, зачем, когда из еды лишь пять хлебов ячменных и две рыбки? Откуда взять больше, апостолы не знали. Они осознавали, что у них нет этой пищи, а чтобы ее купить (может быть, у них и имелись какие-то деньги, те же двести динариев, о которых упомянул апостол Филипп), нужно было прежде пойти в селение. Да и стоило ли ради того, чтобы каждому досталось лишь понемногу, располагаться на траве, словно для настоящего обеда? Тем не менее апостолы последовали словам Спасителя.

Было же на том месте много травы. Итак, возлегло людей числом около пяти тысяч. Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел (Ин. 6, 10–11). И вдруг произошло чудо! Мы даже не представляем себе, как именно все совершилось. Может быть, у учеников была корзина с

хлебом и рыбой, и, раздавая из нее пищу всем собравшимся, они видели, что пища эта не иссякала, или это происходило каким-нибудь иным, не описанным здесь подробно образом. Но Евангелие достоверно говорит, что все насытились, и не просто насытились, а уже больше точно не хотели есть, потому что еда осталась: *И когда насытились, то сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало. И собрали, и наполнили двенадцать коробов кусками от пяти ячменных хлебов, оставшимися у тех, которые ели (Ин. 6, 12–13).*

Как я часто говорю, мы привыкли к описанным в Евангелии событиям, уже не замечаем их необыкновенности, и жития святых оказывают на нас даже большее впечатление: нам кажется, что святые к нам ближе, произошедшее с ними для нас понятнее, а сами житийные чудеса выглядят более выпукло и поражают наше воображение и наши чувства сильнее, чем чудеса евангельские. Но на самом деле, конечно, обилие и величие евангельских чудес несравнимы ни с чем, даже с тем, что совершалось в жизни самых великих святых. По привычке пробегая глазами Евангелие, мы не осознаем исключительности событий, о которых там идет речь, и потому не обращаем внимания на такой важный факт, что ученики самоотверженно повиновались Спасителю, хотя были такими же людьми, как и мы, обладали обычным для человека здравым смыслом. Об этом говорит, в частности, упомянутый нами ответ Филиппа Господу – на двести динариев не купить столько хлеба, чтобы каждому досталось хотя бы понемногу. Тем не менее, несмотря ни на что, апостолы исполняли волю Господа и таким образом всё более и более приобретали веру в Него; благодаря своему беспрекословному послушанию, они становились всё более и более преданными Ему духом, избранными Его учениками. В этом была их заслуга, ведь Спасителя окружало великое множество людей, безоговорочное же повиновение Ему оказывали весьма немногие. Возможно, благодаря этим своим внутренним качествам ближайшие ученики Господа Иисуса Христа и были избраны Им для апостольского служения.

Известно, что большинство из них были людьми простыми. Вероятно, именно эта простота и позволяла им так слушаться Спасителя, так отсекал собственную волю безо всяких размышлений. Впрочем, апостол Матфей был, как известно, мытарем. С одной стороны, эта профессия считалась низкой, недостойной (фактически мытари занимались вымогательством), с другой стороны, сборщик налогов непременно был человеком грамотным, потому что, собирая налоги, он должен был вести точные записи, как-то отчитываться о своих действиях. Тем не менее и апостол Матфей повиновался Спасителю и исполнял волю Божию столь же преданно, послушно и смиренно, как и все остальные апостолы.

То, до какой степени простиралось это необыкновенное повиновение апостолов Спасителю, показывает случай, бывший с апостолом Петром: *И тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ. И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный. В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде (Мф. 14, 22–28).*

Смотрите, как проявилось беспрекословное послушание апостола Петра, непостижимое человеческим разумом. Сам он пойти по воде не дерзнул, но понимал, что если Господь ему повелит, то и это станет возможно. А ведь апостол Петр знал все свойства водной стихии и видел, что при такой буре может погибнуть и умелый пловец. Он же сказал: *иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу (Мф. 14, 29).* Вот какова сила послушания! Вот где настоящее отречение от своего разума!

Но вдруг в апостоле Петре проснулся здравый смысл – он, *видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня (Мф. 14, 30).* Увидев бурю, он вдруг на мгновение потерял свою веру, свое послушание, и в нем проявилось обыкновенное человеческое рассуждение. Он испугался, подумав: то, что он сейчас делает, делать невозможно. И, в то время как он стал прислушиваться к своему рассудку, вера в нем поколебалась, он начал тонуть и закричал: *Господи! спаси меня.* Он прекрасно умел плавать, но буря была столь сильной, вздымала такие горы воды, что даже человек, спокойно ориентирующийся в водной стихии, чувствуя себя в ней естественно, оказался беспомощным.

Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился? (Мф. 14, 31). Господь Иисус Христос укоряет апостола Петра не за то, что он пошел к Нему по воде, то есть не за то, что он послушался и взял на себя в этом послушании чересчур много, но за то, что он усомнился, подумав, что невозможно идти по воде при такой буре. *И, когда вошли они в лодку, ветер утих. Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий. И, переправившись, прибыли в землю Геннисаретскую (Мф. 14, 32–34).* Мы видим здесь пример того, что происходит, когда человек отрекается от своего разума и когда он, уже исполняя послушание, начинает, напротив, внимать своему рассудку. В последнем случае он, подобно апостолу Петру, начинает «тонуть».

Теперь вернемся непосредственно к нашей теме – тому, с какой добросовестностью апостолы слушались Спасителя. Когда Господь наш Иисус Христос должен был входить в Иерусалим, то послал учеников Своих, чтобы те привели к Нему осла, на котором Он должен был совершить это торжественное шествие. *Когда приблизился к Виффагии и Вифании, к горе, называемой Елеонскою, – повествует евангелист Лука, – послал двух учеников Своих, сказав: пойдите в противолежащее селение; войдя в него, найдете молодого осла привязанного, на которого никто из людей никогда не*

садился; отвязав его, приведите; и если кто спросит вас: зачем отвязываете? скажите ему так: он надобен Господу. Посланные пошли и нашли, как Он сказал им. Когда же они отвязывали молодого осла, хозяева его сказали им: зачем отвязываете осленка? Они отвечали: он надобен Господу. И привели его к Иисусу, и, накинув одежды свои на осленка, посадили на него Иисуса (Лк. 19, 29–35).

Представьте подобную ситуацию в наше время. Вам говорят: «Там стоит автомобиль, пойдите и пригоните его сюда, а когда вас спросят: „Зачем он вам нужен?“ – ответьте: „Он нужен Господу“». Как бы вы отреагировали на такое распоряжение? Наверняка оно показалось бы вам совершенно диким и невозможным. Но ученики уже привыкли слушаться Господа, они верили Ему и знали, что, если Он говорит о чем-либо, необходимо беспрекословно это исполнять, а потому пошли и всё сделали. Перед ними действительно возникло препятствие, хозяева (не какие-то люди со стороны, а именно владельцы животного) начали спрашивать, зачем забирают их осла, но ученики, как им было велено, сказали: «Он надобен Господу». И благодаря тому, что ученики беспрекословно послушались, с точностью до мелочей исполнили приказание, совершилось чудо. Событие, о котором мы с вами сейчас говорим, было самым настоящим чудом, хотя и не очевидным: незнакомые апостолам люди, услышав слова учеников Спасителя, видимо, почувствовали что-то в душе и не смогли им отказать, не смогли воспрепятствовать, а потому позволили им сделать все так, как сказал Господь. Многие ли из нас способны на такое повиновение? Подчеркиваю, речь идет не просто о послушании, а об ответственном, точном исполнении приказа.

Напомню вам еще и о том, что произошло перед самыми страданиями Спасителя: *Настал же день опресноков, в который надлежало заколоть пасхального агнца, и послал Иисус Петра и Иоанна, сказав: пойдите, приготовьте нам есть пасху. Они же сказали Ему: где велишь нам приготовить? Он сказал им: вот, при входе вашем в город, встретится с вами человек, несущий кувшин воды;*

последуйте за ним в дом, в который войдет он (Лк. 22, 7–10). Представьте себе: вам говорят, что вы должны войти в город и встретить человека с кувшином воды – все, больше никаких дополнительных сведений. «А вдруг там будет не один человек? А вдруг их будет несколько? Или на пути мы вовсе ни с кем не встретимся?» – так подумал бы всякий здравомыслящий человек. Но ученики, вновь показывая свою преданность Спасителю, беспрекословное и в то же время разумное послушание (разумное не в том смысле, что они в подобных обстоятельствах начинали рассуждать по-своему, а в том, что точно исполняли приказание), идут назначенным путем, притом идут сразу, не медля – иначе тот, о ком шла речь, мог набрать воды и отправиться дальше по своим делам. И они действительно встречают этого человека и исполняют повеление Господа: *И скажите хозяину дома: Учитель говорит тебе: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? (Лк. 22, 11).* Опять-таки апостолы обращаются с вопросом к тому, кто им совершенно незнаком: раб или слуга хозяина дома нес воду и невольно указал ученикам Спасителя дом, куда они должны войти. Их поведение должно было казаться окружающим весьма странным. Хотя Иерусалим был тогда не настолько большим городом, как современные мегаполисы, но его населяло по крайней мере более ста тысяч жителей, то есть огромное число людей. Однако, несмотря ни на что, апостолы в точности исполнили волю Своего Учителя, и все получилось именно так, как Он говорил. *Они пошли, и нашли, как сказал им, и приготовили пасху (Лк. 22, 13).*

Заметьте, вкушение этой пасхи было очень ответственным и важным моментом в служении Спасителя. Именно тогда впервые было совершено таинство преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, именно тогда состоялось утверждение Евхаристии, которая сейчас совершается за Божественной литургией. И все это началось с такого сомнительного, странного, с точки зрения здравого смысла, повеления – встретить человека, несущего кувшин воды, последовать за ним в тот же дом, куда войдет он, и сказать

хозяину: *Учитель говорит тебе: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими?* Но ученики Спасителя пренебрегли своим здравым смыслом, которым они руководствовались ранее, когда говорили, например, про двести динариев. Да, они откровенно высказывали то, что думали, они могли даже сомневаться вслух, но затем уже выполняли распоряжения без раздумья, отвергая свой образ мыслей, свои представления о вещах.

Есть ли в Евангелии примеры того, как люди откровенно не повиновались Господу? Наверное, таких случаев можно вспомнить много, но один из них, на мой взгляд, в наибольшей степени относится к нашей теме. Конечно, тем, насколько важным было точное исполнение приказаний Спасителя, смысл этого и других только что приведенных мною евангельских повествований не исчерпывается. Но мы с вами продолжим говорить только об одной их стороне, интересующей нас сейчас, – беспрекословном следовании воле Божией.

Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца твоего и мать. Он же сказал Ему в ответ: Учитель! всё это сохранил я от юности моей. Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает: пойди, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест (Мк. 10, 17–21). Обратите внимание: этот человек спрашивает Господа о том, что делать, чтобы наследовать вечную жизнь. Спаситель говорит ему о заповедях, – казалось бы, дает ответ, которым можно удовлетвориться, но юноша понимает, что сказанного недостаточно, и хочет услышать нечто большее. Он стремится знать в точности, как должен поступать, и Господь удовлетворяет его желание (по-славянски слова Спасителя звучат более красиво, точно и образно, чем по-русски): *Единаго еси не dokonчал: иди, елика имаши, продаждь и даждь*

нищим, и имети имаши сокровище на небеси: и прииди и ходи вслед Мене, взем крест.

Этот человек сам добивался точного ответа на вопрос, что ему следует делать. И Спаситель ответил ему, однако как этот человек отреагировал? Он же, *смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение* (Мк. 10, 22). Он искал ответа, а получив, отверг его. Зачем же было спрашивать, зачем было узнавать волю Божию?

Конечно, здесь речь шла о спасении, а у нас, казалось бы, мелочи, мы не исполняем самого простого. Однако это говорит о нашем внутреннем расположении. Мы тоже точно узнаём, что должны делать, а потом пренебрегаем этим знанием. Евангельский юноша отошел от Господа с печалью, потому что имел большое богатство, а мы отходим потому, что богаты своим мнением, своими представлениями о вещах, живем своими мыслями, своими интересами – собственным внутренним «богатством».

Допустим, нам дают какое-либо приказание, а мы им пренебрегаем, потому что считаем, что в этот момент более важно пойти, например, отдохнуть, или почитать книгу, или помолиться. Как нам представляется, мы лучше знаем, что для нас спасительно. Тот, кто более откровенен, – отходит с искренней печалью, а более лукавый, как я сказал в начале беседы, отвечает: «Благословите». И такой видимостью смирения человек прикрывает своеволие и уходит заниматься своим делом. Получается как в армии, где нельзя перечить командиру: когда он дает приказание, все должны отвечать: «Есть!» – а потом уже каждый делает все что хочет. Подобные армейские порядки распространились и у нас. Сказать «я не буду так делать» никто не осмелится, но разного рода желания у каждого возникают постоянно – то хочется спать, то почитать книгу, – и на помощь приходит это волшебное слово «простите».

Ведь что могут сделать с человеком за какую-то провинность в монастыре? Назначат делать поклоны? Но мы и так их все делаем, немножко больше, немножко меньше не суть важно. Могут тот или иной проступок и не заметить или даже пожалеть того, кто его совершил. Вот и получается, что на

вопрос «как же ты сделал такое?», человек сразу отвечает «простите», тем самым обрезая всякую возможность наказания (человек же покался, как его не простить!).

Вы скажете: одно дело – эти евангельские примеры (конечно, ученики повиновались Господу, потому что знали, что Он всеведущий, всемогущий, как Он сказал, так все и будет), и другое дело – повиноваться здесь, в монастыре, настоятельнице, или старицам, или старшему по послушанию. Но, во-первых, апостолы тогда еще не в полной мере осознавали, кто такой Иисус, и поэтому нужно смотреть на их внутреннее состояние, на психологию их поступков. А во-вторых (и это главное!), как я говорил в начале нашей беседы, Сам Спаситель, будучи всемогущим, всеведущим и всепремудрым Богом, повиновался Своим родителям – людям святой, праведной жизни, но ограниченным собственной человеческой природой, – и повиновался даже в самых простых вещах. Тем самым Он показал нам пример настоящего послушания, послушания именно человеку. Когда мы в точности исполняем приказания наших наставников, может быть даже в чем-то неправильные с житейской точки зрения, то отсекаем при этом свою волю и исполняем волю Божию. А это гораздо важнее, чем исполнить правильно или неправильно какую-нибудь житейскую мелочь.

Кроме того, у нас в монастыре за редким исключением отдаются только благоразумные распоряжения. Несмотря на это, случаев, когда начатое дело не доводится до конца, пока не обратят внимания наставники, к сожалению, сколько угодно. Причем сказанному не следуют в точности. Я могу смириться с тем, что та или иная здравомыслящая сестра порученное ей исполнила по-своему, если в итоге все получилось даже лучше. Да, это не совсем хорошо с духовной точки зрения, но, по крайней мере, человек поступил разумно. Однако все происходит совсем не так! В подавляющем большинстве случаев дело не доделывают до конца или делают неправильно, и тогда получаются очевидные нелепости. Как раз здравого смысла-то и не хватает.

Я ни в коем случае не призываю вас к тому, чтобы вы прекратили думать и рассуждать – наоборот! Некоторые теряют всякую инициативу и впадают в апатию: сказали им что-то сделать – сделают, не сказали – никогда не сделают, хоть дело было бы перед глазами и напрашивалось само. Я хочу подчеркнуть: очень важно иметь чувство ответственности, доводить порученное дело до конца и исполнять его точно так, как тебе сказали. Тогда будет благоприятный результат для монастыря, а самое главное – будет результат в душе человека, который приобретет подобающее внутреннее состояние, предрасполагающее его к духовным подвигам, прежде всего к молитве. Тот, кто может отсекал свою волю в вещах, не относящихся непосредственно к делу спасения, сможет отсеять ее и в вещах нравственных: он будет в силах отсеять злые помыслы, предпочесть волю Божию своей греховной воле.

Зачитаю вам отрывок из Афонского патерика: «Марк стал просить у Нифонта позволения половить рыбы в море и услышал от него следующее: „Научись прежде уловлять и замечать нечистые помыслы, а от моря и ловли рыб откажись, да не погрузишься в море искушений“. Марк не обратил внимания на старческий совет и, под предлогом измовения загрязнившегося платья, спустился к морю (то есть употребил хитрость. – *Схиигум. А.*), закинул удочку и наслаждался совершенным удовольствием. Преслушание не прошло даром. В то самое время, как Марк весь был погружен в свое занятие, вдруг из моря выпрыгнул и кинулся прямо на него огромной величины зверь. Марк ужаснулся и, молитвенно призвав на помощь своего старца, едва-едва кое-как избавился от зверя. Находясь вне себя от страха и в то же время держа в руках пойманную рыбу, он прибежал к святому; но этот с отеческим участием сказал: „Преслушнике! тот, кто преобразился в змея, на прельщение праотцов, и ныне принял вид морского пса, на твою гибель, и только Христос, пришедший в мир для упразднения вражеской силы, по неисчетной Своей благодати, помог тебе, в ожидании твоего покаяния. Что же касается пойманной тобою рыбы, как плода преслушания, я ни под каким видом не решусь

коснуться ее“. Тронутый старческим выговором, Марк пал к стопам его и плакал слезами раскаяния. С того времени он исправился и оказывал полное послушание святому до самой своей смерти»⁵⁸.

Приведу еще один пример. На Афоне по сей день показывают место, где произошел этот случай. В Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре подвизался один эконо́м (кажется, он был из России и происходил из богатой семьи, располагал собственными средствами). Настоятель повелел ему построить больничный корпус на определенном месте, но эконо́м захотел возвести его там, где ему казалось это более удобным. (В данном случае неважно, прав был настоятель или неправ, важно, что эконо́му было дано совершенно определенное приказание.) Во время отъезда настоятеля эконо́м построил это здание там, где считал нужным; тот, когда вернулся, огорчился, но сносить не стал. Прошло время, и, когда почил эконо́м, он, как много потрудившийся для обители, был похоронен на почетном месте – возле алтаря. Вы знаете, что на Афоне есть обычай через несколько лет выкапывать кости умершего и по особым признакам (по их цвету, исходящему от них благоуханию и так далее) определять, праведной ли жизни был человек, помиловал его Господь или нет. Но здесь даже и этого не пришлось делать, потому что из могилы поднялась чернота, которая покрыла наружную стену алтаря, и убрать эту черноту ничем было нельзя. Так все поняли, что даже многие труды, совершенные по своей воле, Богу не угодны.

В монастырь человека принимают не на работу, не смотрят, какая у него профессия. Никто, приходя в обитель, не знает, какие обязанности ему поручат: один с высшим образованием, возможно, будет мыть посуду, а другому, у которого не будет никакого образования, доверят руководить остальными. Тот, кто никогда не думал о пении, вдруг начнет петь, а тот, кто всю жизнь об этом только и мечтал, будет заниматься чем-то самым обыкновенным. Мы пришли сюда спасать свою душу, а не работать по той или иной специальности, поэтому ни к чему не должны иметь пристрастия, ни в чем не должны проявлять

своеволие. Все монастырские работы, самые почетные или самые низкие, одинаково полезны человеку, если он отсекает свою волю. Руководит он или подчиняется – это совершенно безразлично. Поет он или пишет иконы, моет посуду или копается в огороде – важно то, что в результате получит его душа. Здесь совсем другой взгляд на деятельность человека, и поэтому – скажу еще раз – необходимо постоянно, день и ночь, следить за собой, чтобы, отсекая собственную волю в вещах житейских, научиться отсекать ее и в вещах духовных. Нужно приобрести навык отвергать свои помыслы, чтобы на самом деле владеть собой, поэтому любая работа в монастыре имеет духовное значение. Хотя это не значит, что при исполнении того или иного дела не следует проявлять старания и рассуждения. Нарочитый отказ от того, чтобы думать и здраво оценивать свои поступки, – это тоже своего рода непослушание, вызов: «Как вы скажете, так я все и буду делать, а думать не буду!» Это тоже нехорошо.

Любое порученное тебе дело необходимо в точности, аккуратно, ответственно доводить до самого конца. Если же ты видишь, что это дело выполнить невозможно или оно будет бесполезным для монастыря, для тебя лично, скажи об этом вовремя, а не тогда, когда пришло время давать отчет о результатах, а ты можешь произнести только «простите». Приди к настоятельнице, к старице, к старшему по послушанию, к духовнику, объясни: «Это невозможно сделать, потому что нет такой-то и такой-то вещи» или: «Я не могу это выполнить, потому что искушаюсь, боюсь согрешить. Как мне быть?»

Имея какие-то страсти (я не буду сейчас рассуждать о том, какие именно, допустим тщеславие или пристрастие к чему-либо), мы часто стараемся их удовлетворить под предлогом того, что делаем нечто доброе. И мы поступаем не так, как необходимо, а так, как нам хочется. Как инок, про которого мы с вами только что читали, под предлогом того, что хочет постирать одежду, пошел ловить рыбу, так и мы отыскиваем подходящий повод и занимаемся тем, что нам приятно, интересно. Если нам поручено несколько дел, мы выбираем из них то, которое нас более всего увлекает, но не то, которое

нужно срочно выполнить в данный момент, или которое очень важно для монастыря, или которое просто нам сказали сделать в первую очередь. То, что нам неинтересно, не нравится, мы под разными предлогами откладываем, а потом еще оправдываем себя: «Ведь мы же работали». Конечно, мои слова не означают, что если работа доставляет удовольствие, то это обязательно плохо и нужно все исполнять так, чтобы нам это было неприятно. И все же работа потому и есть работа, что нужно себя понуждать. Самый приятный труд вызывает утомление, а когда человек утомлен, тогда уже, конечно, и удовольствие пропадает. Тем не менее трудиться нужно, иначе и жить нельзя. Господь сказал Адаму, когда тот согрешил: *В поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3, 19). Вот и мы должны работать, от этого никуда не денешься.

Думаю, из приведенных мной примеров все поняли, насколько важно послушание в монастырской работе. Мы должны исполнять ее, понимая, что это духовное занятие, а не просто работа. Это духовное делание – отсекая свою волю, в точности выполнять порученные обязанности и обязательно все доводить до конца, а если встречаются какие-то препятствия, вовремя о них говорить. Таким образом мы учимся настоящей собранности и ответственности во всем. И тогда непременно, чем бы мы ни занялись, мы будем всегда исполнять свое дело старательно, на нас всегда можно будет положиться. Самое главное, мы будем в состоянии исполнять Евангелие, потому что не сможем иначе к нему относиться. Раз взялись – значит, нужно делать. Раз начали делать, то необходимо все довести до конца. Иначе не получить никакого плода: человек останется расхлябанным и всю жизнь будет неприятен и самому себе, и другим людям. Все будут пренебрегать им как ненадежным, и он никогда ничего не достигнет ни во внутренней жизни, ни в обыкновенных человеческих делах.

* * *

Вопрос. Насколько на послушании мы должны слушаться равных и младших сестер, если есть старшая? Достаточно ли четко выполнять только ее распоряжения, чтобы не вносить

путаницы, стараясь учесть мнение каждого? Не противоречит ли это заповедям?

Ответ. Я приведу вам пример из своей жизни. Однажды мы с друзьями решили поехать по святым местам – дело было летом, обычно в это время все верующие стараются отправиться в паломничество. Собралось нас четверо, и наш духовник, отец Андрей, благословил двоих ехать в Киево-Печерскую лавру (тогда закрытую, но приложиться к мощам возможность была), а двоих – в Свято-Троицкую Сергиеву лавру. Я-то четко сознавал, что в этом состоит благословение, а один мой друг сильно хотел, чтобы мы поехали все вместе. Между тем от нас тогда требовалось благоразумие: была еще советская власть, и четыре человека представляли собой такую компанию, которая любому бросалась в глаза. Кроме того, четверым трудно было устроиться куда-либо на ночлег. Но я решил смириться перед другом.

Мы все вместе сели на поезд и отправились в Москву, а оттуда – в лавру. Приходим устраиваться в монастырскую гостиницу, и вдруг обнаруживается, что мы с ним вдвоем забыли паспорта. Поскольку мы оба и были инициаторами этого преслушания, я сразу понял, что наша забывчивость не случайна. Еле-еле, благодаря одному знакомому, нам поверили и как-то нас приняли, хотя в то время селить людей в гостиницу без документов было строжайше запрещено. А потом с нами произошло еще много других глупых приключений: мы все время спорили – например, не могли договориться, на какой трамвай сесть – на пятый или на четвертый, сойти на этой станции метро или на следующей. И так без конца ругались, ругались, ругались... Отец Кирилл (Павлов), к которому мы ходили, даже наставлял нас: «Только смотрите, не ругайтесь». Так он провидел наши поступки...

Так что перед младшими или равными на послушании смиряться не нужно: есть приказание старшего – его нужно исполнять. Если же ты считаешь, что тот или иной совет сестры (не важно – равной тебе или младшей) разумный, доложи старшей, и та примет решение. Если старшая, допустим, не

захочет сделать очевидно полезный, на твой взгляд, выбор, обратиться к настоятельнице или благочинной.

Вопрос. В каких случаях послушание душевредно?

Ответ. Если мы слушаемся заведомо развращенного или совершенно неопытного в духовном отношении человека, это душевредно. Если мы слушаемся какого-нибудь еретика, или безбожника, или иноверца, это душевредно. Также душевредно повиноваться младшему или равному в ущерб тому, что нам повелевает старший, – по сути, это уже не послушание. Когда мы говорим «послушание», то не имеем в виду, что просто кто-то кого-то слушается, потому что один другому нравится, это его любимый друг, подруга и так далее, а подразумеваем послушание по Богу. Это слово приобрело уже терминологическое значение. Поэтому послушание мы должны понимать так, как его понимали святые отцы.

Вопрос. Если дано послушание идти отдыхать, а сестры обращаются в это время с какими-нибудь просьбами, нужно ли выполнять эти просьбы или отказывать?

Ответ. Об этом надо советоваться со старицей, ведь могут быть разные обстоятельства: если, например, человек болеет и будет так самоотверженно всех слушаться, он может просто не выдержать, начнет роптать... Хотя, конечно, похвально помогать друг другу – в этом, собственно, любовь к ближнему и проявляется. Для нас ближние, по отношению к которым мы должны исполнить данную заповедь, – это непосредственно те, кто нас окружают, с кем мы живем повседневно. Значит, если мы будем пренебрегать подобными мелочами, то будем пренебрегать заповедями Божиими.

Вопрос. Если молитва за других приносит бо льшую благодать, чем молитва за себя, это нормально?

Ответ. Всякое может быть. Когда молишься за себя, то порой трудно бывает собраться, не чувствуешь собственной греховности, нет ответственности, как бы не ощущаешь нужды в молитве, а потому и молишься несколько рассеянно. Не всегда, конечно, так бывает, но случается. А когда молишься за другого человека, ты осознаёшь свою ответственность, знаешь, что он

нуждается сейчас в молитвенной помощи, и потому молишься с бо льшим усердием.

Вопрос. У аввы Дорофея есть такое рассуждение: исполнить послушание – это одна восьмая искомого, а сохранить свое устроение, пусть и случится от этого не исполнить дела, есть три восьмых с половиною. Как поступать, если чувствуешь, что твое послушание сопряжено со спорами или неким душевным вредом?

Ответ. Авва Дорофей говорит не о том, что послушание исполнять не нужно, а о том, что при каждом деле нужно прежде заботиться о своем душевном состоянии. Собственно, об этом я и говорил: послушания могут быть сопряжены с разными обстоятельствами, и, если встречается какое-то нравственное или физическое препятствие, мы должны обратиться к старице или настоятельнице и решить этот вопрос, чтобы не получить вреда. Порой и можно было бы все сделать без вреда для души, но мы не знаем, как должны поступить, и потому вовсе отказываемся от выполнения дела, тогда как стоит лишь обратиться за советом, чтобы получить подсказку. Если же откладывать послушание ради душевного мира, отговариваясь тем, что послушанию препятствует прекословие, то мы тогда вообще никогда ничего делать не будем.

Я эти слова аввы Дорофея понимаю так: нужно прежде всего стараться не грешить самому, заботиться о том, чтобы сделать дело, не поддавшись тщеславию, гордости, может быть раздражительности, если тебе кто-то мешает, или унынию, если у тебя не получается. Вот о чем идет речь. В то же время мы по немощи всё равно будем поддаваться подобным чувствам – где еще будут проявляться наши страсти, как не в повседневной жизни? Получается, для того чтобы победить их, нужно не противоборствовать им, а просто прекратить всякую деятельность? Это же абсурд!

Вопрос. Если сестра говорит что-то исполнить по послушанию, а ты знаешь, что можешь сделать это иначе и получится лучше, нужно ли сказать ей об этом? Ведь душевное устроение сохраняется тогда, когда ты

беспрекословно слушаешься и не размышляешь, когда же стараешься выполнить порученное дело как можно лучше, примешиваются страсти, в душе все смущается...

Ответ. Если ты уверена, что это не просто каприз и твой совет действительно принесет пользу для дела, конечно нужно сказать. Вообще же, мне кажется, подобная мнительность и чрезмерная ревность совершенно неуместны. Если ты в помыслах и поступках грешишь почти непрерывно, а тут вдруг решила молчать якобы для душевного покоя, так, может быть, это не душевный покой, а просто безразличие? Разумеется, спокойнее жить, когда ни до чего нет дела. И все же поступать надо по совести. Важно только не перепутать с благоразумием своеволие, когда делаешь не больше и лучше, а просто по-своему, и тогда получается пусть даже и больше, но хуже. Нужно все совершать так, чтобы быть уверенным: именно этот твой поступок совершен по совести. И, разумеется, всегда доводить дело до конца, исполнять его тщательно, даже если никто с тобой этого специально не оговаривает.

Вопрос. Когда ты виноват, то ведь необходимо иметь самоукорение, чтобы изменить что-то в своей душе и прийти к покаянию?

Ответ. Что значит самоукорение? Когда человек винит во всем себя? А что дальше? Виноват – так исправься. Или раз признал себя виноватым, то исправляться уже не нужно? Самоукорение – это только начало покаяния, а не единственное средство его достичь. Покаяние же есть не только признание своей греховности. Иоанн Креститель говорил: *Сотворите плоды, достойные покаяния* (см. Лк. 3, 8). И эти плоды – молитва, борьба с греховными помыслами, я уж не говорю о добродетелях. Да, бывает, что человека настолько одолевают помыслы, что ему и усилия делать никакого не нужно, чтобы увидеть, насколько он виноват, – он и так это осознаёт, ему хоть бы в отчаяние не впасть. Наверное, какое-то изменение от этого происходит, но им ни в коем случае нельзя удовлетворяться. Все равно должна быть молитва. Как говорится, смирение смирением, но должна быть и борьба, иначе зачем Спасителю было говорить: *Если рука твоя или нога твоя соблазняет*

тебя, отсеки их и брось от себя. Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя (см. Мф. 18, 8 и 9)? Собственно, само настоящее смирение приобретается в борьбе: человек тогда только познаёт себя, когда при крайнем напряжении сил признаёт свою немощь, когда видит, что он собой представляет, насколько он слаб, насколько грехолюбив. А пока крайнего напряжения сил нет, бесполезно сидеть и укорять себя.

Вопрос. А как правильно терпеть страсть, терпеть брань, чтобы от такого терпения была польза? Почему многие приходят в уныние и отчаяние во время брани?

Ответ. Терпеть страсть и терпеть брань – это разные вещи. Терпеть страсть – значит соглашаться с ней, а терпеть брань – значит противиться страсти. Иногда такое состояние приходится испытывать на протяжении многих лет, это может быть страшная брань, как мы читаем об этом в жизнеописаниях некоторых подвижников благочестия. Чтобы получать пользу, как раз и нужно терпеть брань, а не страсть – вести борьбу и терпеть, потому что сразу победить не удастся. Может быть, в этом есть наша вина, а может быть, Господь такое состояние попускает для того, чтобы мы незаметно для себя приобрели мужество, какие-то другие добродетели, а в первую очередь, конечно, смирились.

Вопрос. Батюшка, а вообще возникновение брани – это хорошо или плохо?

Ответ. Разумеется, это неприятно, но испытывать брань естественно, так и должно быть. Удивительно, если ее нет: либо у человека особенное смирение, и потому он свободен от брани, либо диавол не возбуждает ее, поскольку тот нерадиво живет, либо человек поддался гордости до такой степени, что диавол отступил, чтобы этот гордец из-за брани не начал смиряться и таким образом не потерял тот порок, который один уже может его погубить.

Вопрос. Новоначальный монах спросил Варсонофия Великого о том, как слушаться игумена их монастыря, авву Серида. Старец сказал, что в первую очередь нужно

повиноваться Богу, а затем – игумену, как второму после Бога. Можно ли нам применять в жизни это наставление?

Ответ. Я посоветовал бы тебе перечитать святителя Игнатия (Брянчанинова). Такое беспрекословное, без рассуждения, послушание, которое было у древних монахов, возможно тогда, когда руководят духоносные люди, а нам нужно оказывать послушание с рассуждением. Я не хочу, конечно, оправдывать непослушание. Какая-нибудь девчонка, ничего не понимающая, да еще со множеством страстей, начнет объяснять свое непослушание тем, что она, понимаешь ли, рассуждает и старается правильно все исполнить. Например, ей лень работать, а она будет говорить: «Я рассуждаю, нужно ли в данном случае работать или не нужно. Ведь мне приказала не амма Сарра или амма Синклитикия».

Однако и слепое послушание тоже неразумно. Может и игумения ошибиться, если не знает каких-то обстоятельств, тогда нужно прийти, рассказать об этих обстоятельствах, и, может быть, она изменит свое решение. Если же мы будем изначально иметь такую установку, что игумения не должна ошибаться, поскольку святые отцы заповедуют оказывать ей послушание как второй после Бога, то мы действительно потеряем веру к ней, если она вдруг допустит ошибку. Нужно смотреть на вещи здраво, хотя и слушаться тоже необходимо, даже если старшие в чем-то не правы. Понятно, что для пользы дела можно высказать какие-то свои мысли, замечания, но все равно надо понимать, что у нас здесь не производство, наша конечная цель – собственно душа. Самая главная наша работа – это работа над своей душой, поэтому послушание всегда полезно, пусть оно иногда кажется нам не совсем оправданным.

Вопрос. Как монашествующие должны относиться к житейским проблемам людей? Быть совершенно им чуждыми? Но таким образом мы не проявим любви к ближним. Ведь многие православные люди имеют проблемы, которые кажутся нам внешними, незначительными.

Ответ. О тех, кто к нам обращается с просьбой помолиться, мы, конечно, должны молиться, и с чувством, а не

с безразличием к тому, услышит ли нас Бог или не услышит. Но в то же время нужно понимать, что по сравнению с людьми мирскими мы живем совсем другой жизнью. Хорошо иметь и сочувствие, и вместе с тем быть беспристрастным, то есть не сочувствовать мирским удовольствиям, не испытывать зависти к тем, кто живет в благополучии. А если мы впадаем в пристрастие, тогда на первых порах лучше и не сочувствовать.

Вообще, нужно иметь любовь ко всем – это идеальное состояние. Для того мы и уходим из мира, чтобы исполнить заповеди, и прежде всего заповедь о любви. Даже можно сказать, что эта заповедь – всеобъемлющая. Как сказал апостол Павел, *любовь есть союз всех совершенств* (см. Кол. 3, 14).

Вопрос. Как объяснить то, что есть Божии избранники? Получается, одни более способны к спасению или совершенству, а другие – менее?

Ответ. Это неправильно, избранниками бывают те или иные люди по той причине, что они соответственно себя ведут. И Господь, предвидя их особое расположение, ревность, им содействует. Впрочем, видимые знаки избрания очень часто выражаются в том, что человек испытывает особенные скорби или особенную борьбу. Поэтому не знаю, как таким людям можно завидовать. Мы-то обращаем внимание на плоды добродетели, а о том, что пришлось людям испытывать, когда они эти добродетели совершали, мы не думаем.

Вопрос. Если сестре делаешь замечание по послушанию, ругаешь (хотя в душе пытаешься ее оправдать и жалеешь), то правильно ли это? Ведь она обижается, не понимая, что я делаю так для ее пользы. К тому же я сама очень переживаю и смущаюсь, не обидела ли ее.

Ответ. Нужно стараться, чтобы таких ситуаций было поменьше, но иногда действительно приходится делать замечания, что, конечно, вызывает в человеке неприятные чувства. Но ведь если совсем не ругать, то человек развратится, а, например, я, как духовник, должен его воспитывать, порой через силу проявляя строгость, ради того

чтобы помочь этому человеку. Хотя в некоторых подвижниках любовь действует так, что они просто не могут быть строгими.

Отец Андрей, мой духовник, говорил о себе так: «Человека надо палкой бить, а я не могу». Естественно, из-за того, что он не мог проявлять строгость, его духовные чада терпели вред. Они приходят, спрашивают благословение: «Батюшка, благословите то-то и то-то». – «Хорошо, пусть будет так». – «А вот это еще благословите». – «Что ж, пусть будет и так». Они думали, что находятся в послушании, а на самом деле творили свою волю. Причем отец Андрей, как он сам рассказывал, от природы был очень гневливым человеком, но приобрел вот такую кротость. *Любовь все покрывает* (см. 1Пет. 4, 8).

Вопрос. Иногда из состояния уныния мне помогает выйти то, что я оказываю какую-нибудь услугу ближним. Например, принесу поднос с едой больной сестре, и уже становится легче. Но потом начинаю разговаривать с сестрами, впадаю в празднословие, отчего совесть меня сильно укоряет. Не лучше ли тогда сидеть одной в келии, молиться и ждать, пока уныние пройдет?

Ответ. Помочь ближнему – это всегда хорошо и полезно. Но если под предлогом помощи ближнему скрывается желание развлечься, тогда лучше не поддаваться ему, но сидеть одной, молиться, бороться со своим унынием, претерпевать его. Совершая служение ближнему, нужно позаботиться о том, чтобы не поддаться суете, то есть не впасть в противоположную унынию крайность. Во всем необходимо придерживаться золотой середины.

Сегодня я хотел бы поговорить на тему, как мне кажется, очень важную. Для того чтобы вы под новым углом зрения посмотрели на те евангельские цитаты, которые я хочу предложить вам на рассмотрение, приведу следующее изречение Спасителя: *Изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство* (Мк. 7, 21–22). Далее Он говорит, казалось бы, совершенно неожиданные слова: [Из сердца человеческого исходит] *завистливое око* – и продолжает: *Богохульство, гордость, безумство, – всё это зло изнутри исходит и оскверняет человека* (Мк. 7, 21–23). *Завистливое око* – это слова из синодального перевода, в славянском переводе эта фраза имеет более обширное значение, чем просто зависть, – *око лукаво*. Как может из сердца исходить око? Конечно, если бы мы пытались выразить ту же мысль современным языком, вернее было бы сказать, что из сердца исходит неправильный, лукавый взгляд на вещи. Об этом неправильном взгляде мне и хочется с вами поговорить. Иными словами, мы будем рассуждать сегодня о духовной слепоте или об извращении духовного зрения.

Как вы помните, Спаситель весьма часто в своих поучениях употреблял образы зрения и слуха. Несколько ранее в той же главе Евангелия от Марка говорится: *Если кто имеет уши слышать, да слышит!* (Мк. 7, 16). Понятно, что речь идет не о собственно слухе, здесь говорится о духовном слухе – кто имеет его отверстым, тот услышит смысл поучения Спасителя. Подобным образом Он часто говорил и о зрении – например, об иудеях сказал, что они своими глазами смотрят и не видят.

Господь наш Иисус Христос говорил о духовном зрении так, чтобы внимательный человек понял, что речь идет не о телесном чувстве зрения, а о внутреннем духовном чувстве, некоей способности человека. И потому Он употреблял такие выражения, чтобы мы увидели в Его словах потаенный смысл,

например: *Светильник для тела есть око* (Мф. 6, 22). Слово *око* употреблено в единственном числе, если бы речь шла просто о зрении, то сказано было бы «глаза» или «очи» – во множественном. Но здесь говорится о некоей способности человеческого ума взирать на вещи, оценивать и понимать их смысл. *Итак, если око твое будет чисто, то всё тело твое будет светло* (Мф. 6, 22). Поскольку речь идет о внутреннем око, то и о теле говорится в приточном смысле. Не собственно тело имеется в виду, а скорее душа человека, его внутренне состояние. *Если же око твое будет худо* (или, по-славянски, *лукаво*. – Схиигум. А.), *то всё тело твое будет темно*. *Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?* (Мф. 6, 23). Если понимание человеком вещей помрачено, то какова же тьма заблуждения, в которую он попадает, если не пытается очистить свой внутренний взор? Этот внутренний взор играет чрезвычайно важную роль в нашем спасении, а его очищение – это важнейшее делание. И если мы пренебрежем им, то, по словам Спасителя, погрузимся во тьму, а тот, кто пребывает во тьме, обязательно претывается, падает и погибает.

Обратите внимание на те слова, с которых я начал свою беседу (прочту их по-славянски): *Извнутри бо от сердца человеческа исходит... око лукаво*. Значит, неправильный взгляд на вещи порождается внутренним состоянием человека. Нам кажется, что мы имеем некоторое рассуждение, что мы здравомыслящи и просвещены, будто бы в нас действует некий свет разума. На самом же деле этот свет есть тьма. Спаситель говорит: *Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?* – убойся! Пока еще есть в тебе некоторая способность рассуждать, устремись к тому, чтобы очистить свое душевное око.

Все наши телесные чувства: зрение и слух, как господствующие, и прочие – воспринимают действительность определенным образом. И казалось бы, одну и ту же вещь все люди должны видеть одинаково. Но кроме естественного, простого восприятия есть внутренняя оценка. Люди часто говорят: «У этого человека такие-то взгляды, а у этого – иные». Употребляя выражение «взгляд на вещи», мы опять же имеем в

виду не тот взгляд, который бросаем на предметы, а говорим о восприятии, оценке, истолковании человеком всего, что происходит. И эта внутренняя оценка, этот взгляд отличает наше восприятие. Один, глядя на что-то соблазнительное, испытывает страх и отвращение, а другой с вожделением к этому устремляется. Для кого-то целью жизни является то, чего другой всеми силами избегает, считая это презренным, низким и отвратительным. Поэтому для того, чтобы нам, православным христианам, правильно совершить свой жизненный путь и не уклониться от спасительного пути, нужно приобрести правильный взгляд, приобрести *око просто* и взирать на все окружающее и на то, что происходит внутри нас, исключительно с евангельской точки зрения.

Когда человек уклоняется от естественного, правильного восприятия, которое ему диктует его собственная совесть, он становится слепым и глухим и не принимает совершенно очевидных, ясных вещей, наподобие чудес Спасителя или Его богомудрой проповеди. В словах Господа была такая сила убеждения, что даже Его враги, будучи образованными, книжными людьми, не могли Ему прекословить. Но, несмотря на это, многие люди противились проповеди Спасителя, потому что под действием страстей, прежде всего гордости и тщеславия, пришли в состояние совершенной духовной слепоты и глухоты. Вот как Спаситель говорит о них: *И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их* (Мф. 13, 14–15). Здесь ясно видна связь между сердцем человека и его телесными чувствами: если сердце человека огрубело (по-славянски сказано более выразительно – *отолсте*, то есть как будто ожирело, стало неподвижным, ленивым. – Схиизум. А.), тогда и его восприятие телесными чувствами искажается. И он, слушая и как будто бы сохраняя здравый разум, в то же самое время понимает все извращенно.

Прочту тот же евангельский отрывок по-славянски: славянский перевод, будучи более близким к греческому тексту, точнее передает заключенный в Евангелии смысл. *Слухом услышите, и не имате разумети: и зряще узрите, и не имате видети, отолсте бо сердце людей сих, и ушима тяжко слышаша* (то есть с большим трудом слышат, не могут услышать по-настоящему, внутренним слухом. – *Схиизум. А.*), *и очи свои смежиша, да не когда узрят очима, и ушима услышат, и сердцем уразумеют, и обратятся, и изцелю их.* Для таких людей обращение делается невозможным. Мы не можем сказать, что эти слова относятся только к фарисеям и прочим иудеям, которые не приняли проповеди Спасителя. К сожалению, они могут быть отнесены и к любому из нас, православных христиан, если мы христианами только называемся, но не совершаем ничего христианского или, отвращаясь от самого главного, соблюдаем только нечто внешнее, поверхностное.

А о том, что возможно, называясь учеником Господа Иисуса Христа, по сути быть фарисеем, Сам Спаситель сказал, предупреждая апостолов: *Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской* (Мф. 16, 6). Имея в себе эту закваску – фарисейское учение и отношение к жизни, можно быть фарисеем при исповедании любой веры. Один человек называет себя буддистом или баптистом, другой – иудеем или православным христианином, но, если в них есть лицемерие, хитрость, превратное понимание действительности, то по сути эти люди имеют одно внутреннее вероисповедание – фарисейство. Мы, православные христиане, должны бояться фарисейской закваски. Если примем ее – также впадем в духовную слепоту, сердце наше отолстеет и мы уже не сможем ничего воспринимать правильно. Мы будем читать Евангелие и творения святых отцов, изъясняющих евангельскую проповедь, но это учение окажется для нас либо совершенно бесполезным, либо пагубным, если мы осмелимся его извратить.

Есть сектанты, еретики, вслух извращающие православное вероисповедание, православную веру. А есть люди, которые,

может быть, не способны на такое или не желают никого соблазнять, но для самих себя перетолковывают то или иное евангельское изречение, аскетическое учение святых отцов, а то и евангельское учение в целом. Перетолковывают ради собственного удобства, показывая этим, что они имеют огрубевшее сердце, из которого исходит лукавое око, вообще превратный взгляд на вещи.

Иметь неправильный взгляд на окружающую нас действительность и на внутреннюю нашу действительность (а она не менее важна, чем внешние обстоятельства, которые кажутся нам единственно значимыми) настолько опасно, что Спаситель говорит: *Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 47–48). Конечно, это говорится более о соблазне, но второе толкование не противоречит основному смыслу этого евангельского изречения, а только дополняет и расширяет его. Если мы будем видеть вещь превратно, по-своему, а не так, как освещает ее евангельское учение или святоотеческое предание, и это станет нас соблазнять, то лучше совсем лишиться какого-либо взгляда на эту вещь, совсем перестать ее понимать, чем понимать превратно и от этого погибнуть. Вот сколь опасно извращение нашего душевного состояния.

Человек, который осознаёт в себе духовную слепоту, безусловно, не имеет права учить кого бы то ни было. Но случается так, что именно ослепленные люди считают себя способными руководить другими. Они имеют превратный взгляд прежде всего на самих себя: предполагают, что они чего-то достигли, что-то понимают в духовной жизни, или искусстве, или ремесле. Они становятся настолько самоуверенными, что приступают к руководству, тогда как со страхом должны были бы отступить, поскольку не видят и самих себя. Вот как Спаситель сказал об этом: *Может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму?* (Лк. 6, 39). Действительно, если в жизни случится, что слепой станет поводырем слепого, то оба упадут. Это всем совершенно ясно. Но когда дело касается

умственной деятельности или духовной жизни человека, тогда здравый смысл отбрасывается прочь и люди предполагают, что они имеют в себе силы руководить, хотя они не уверены, какой дорогой идти им самим, и не знают, как можно наставить другого. Они не видят великих и тяжких пороков ни в своей внешней деятельности, ни в себе, зато усматривают мелкие недостатки в других – это тоже признак необыкновенной слепоты, страстности.

Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его. Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь? Или, как можешь сказать брату твоему: брат! дай, я выну сучок из глаза твоего, когда сам не видишь бревна в твоём глазе? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего (Лк. 6, 40–42). Когда слепота человека достигает, так сказать, апогея, он не только не хочет слышать здорового учения, не только не хочет трезво взглянуть на себя и на свою деятельность, но еще и предполагает, что может стать учителем других людей. Он стремится поучать, а не имея возможности высказаться вслух, поучает кого-нибудь, так сказать, внутренне. Он превозносится над ближним перед самим собой, думает, что и в духовной жизни нужно вести себя не так, как брат или сестра, и в каком-то деле нужно поступать не так, а иначе. При этом он не видит множества ошибок в своей собственной деятельности. А своим навязчивым учительством показывает всем, что он духовно слеп.

В Евангелии от Луки сказано: *Смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма? (Лк. 11, 35).* Если бы мы имели в себе настоящий, истинный свет, а не то, что нам только кажется светом, тогда все наше «тело», то есть вся наша жизнь, было бы освещено, не имело бы в себе ни одной темной части, и было бы *светло всё так, как бы светильник освещал нас сиянием (см. Лк. 11, 36).* Внутреннее состояние человека иногда отображается и на его внешности. Лица людей, даже не духовных, не верующих, но обладающих каким-то знанием: житейской мудростью или знанием наук, освещаются изнутри

неким светом разума. Мы видим, что их лица светлые, а у людей невежественных они тусклые, как говорят, серые. Тем более внутренний свет виден на лицах людей, имеющих духовный разум, духовное рассуждение, духовную мудрость, которая, по учению святых отцов, является высшей добродетелью. Эти люди действительно просвещены благодатью Святого Духа, потому что духовное рассуждение есть также действие благодати.

Но главное, конечно, не то, что внутренний свет отображается на внешности и что он может быть замечен окружающим, а то, какое действие он оказывает на самого человека. Тот, кто внутренне просвещен, всегда совершенно ясно осознаёт, что и как ему нужно делать, он обладает, так сказать, всеобъемлющим здравым смыслом, четким, прямым взглядом на вещи, он умеет все понимать с точки зрения именно христианского

учения: и нравственного, и догматического, и аскетического. Если же мы не имеем в себе света, который до мельчайших частиц просвещал бы все для нас и освещал все в нас, значит, мы должны оценить себя трезво и понять, что мы находимся в состоянии духовной слепоты, что нам еще далеко до прозрения и мы не должны самоуверенно устремляться на поучение других людей.

Господь сказал: *На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы. Услышав это, некоторые из фарисеев, бывших с Ним, сказали Ему: неужели и мы слепы? Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас (Ин. 9, 39–41).* Многие люди считают, что они «видят», что они всё понимают правильно, что обладают житейской мудростью, теми или иными способностями. Некоторые сознательно стремятся к влиянию и власти над людьми, для этого одни добиваются государственных должностей, другие становятся, например, журналистами, писателями или художниками. Но, поскольку эти люди не приняли Евангелия, они стали слепыми. Это не значит, что любой государственный деятель обязательно слеп. Но тот,

кто живет не по Евангелию, для кого христианство ничего не значит, безусловно, является таким.

И мы, православные христиане, как я уже говорил, также можем стать слепыми, если будем следовать христианскому учению формально, если будем поддаваться действию своих страстей. Страсти, которые исходят из сердца, оскверняют не только уста, но и зрение, и ум человека. И если мы будем поддаваться действию страстей, то, безусловно, станем слепыми. Спаситель говорит, конечно, не только о слепых; Он берет повод от исцеления слепорожденного и преподносит нам возвышенное учение о духовной слепоте и о духовном зрении. Наоборот, люди невидящие, заурядные, ограниченные, благодаря просвещению благодати, благодаря искреннему, последовательному, полному восприятию евангельского учения, становятся зрячими, начинают видеть всё в истинном свете, становятся учителями и вождями слепых, имея на это право. Каковыми были и апостолы, и их ученики, так называемые мужи апостольские, и святые отцы, и все подвижники благочестия с древних времен и до наших дней.

Многие под действием страстей приходят в состояние, напоминающее опьянение, и не понимают того, что с ними происходит. Сильно упившийся человек иногда видит не просто искаженную действительность (у него, как говорят, в глазах двоится), но даже и галлюцинации – то, чего на самом деле нет. Подобное происходит и с человеком, упившимся страстями. Ведь не только от алкоголя человек приходит в такое состояние. Что такое пьянство? Это одна из крайностей чревоугодия. «Опьянеть» можно и от любой другой страсти: и блудной, и гнева, и чревоугодия в широком, полном смысле слова. Только обычное опьянение происходит в течение нескольких часов, а для того чтобы упиться страстью, нужны месяцы, годы. Правда, иногда при сильном, бурном действии страсти это может произойти и за несколько часов. Тогда человек совершенно превратно воспринимает то, что происходит и внутри него, и вовне. Действительность для него искажается полностью, и человек становится невменяемым подобно фарисеям: когда ему говоришь здравые вещи, он не

может их воспринять, имея глаза, не видит, и, имея уши, не слышит. Греховная скверна, бьющая из сердца, как некий грязевой источник, совершенно заполняет человека и не дает ему воспринимать чистые и ясные истины. Как бы здраво и умно ты ни говорил, какие бы доводы ни приводил, даже если бы и чудо сотворил, все равно не переубедишь такого человека, потому что он увлечен страстью, как могучим потоком, и совершенно ничего не видит. Он становится как безумный, который галлюцинации принимает за действительность.

Все мы должны осознавать, что мы не воспринимаем учения, преподаваемого нам Евангелием, святыми отцами, духовником, настоятельницей, старицей и вообще всяким рассудительным, здравомыслящим христианином, вовсе не потому, что они неубедительно говорят, не обладают особенным даром проповеди (это совсем необязательно: многие старцы выражались коротко и просто, будучи сами чрезвычайно простыми). Причина в том, что мы потеряли и духовное зрение и духовный слух, не можем ни увидеть, ни услышать того, что нужно для нашего отрезвления и исправления наших недостатков.

Как исцелиться от этой страшной болезни, которую можно называть духовной слепотой, глухотой, а может быть, справедливо было бы назвать ее окаменением сердечным? Как избавиться от того, что под действием страсти мы совершенно неспособны воспринимать отрезвляющее нас учение? Во-первых, нужно осознавать, что мы подвержены этой болезни, и потому смотреть на себя трезво, всегда оглядываться, задавая себе вопрос: «Может быть, я не принимаю того, что мне говорят, по той причине, что во мне действует какая-то страсть? Может быть, я сам виноват?» Таким образом, допуская, что иногда мы бываем неспособны выслушать и всем сердцем принять вразумление, мы станем более внимательны к словам наставников. Во-вторых, нужно заботиться об очищении сердца через искреннее откровение помыслов и через молитву.

Из сердца исходят помышления злая, из сердца исходит и око лукаво, неправильное восприятие внутренней и внешней действительности, поэтому мы должны очищать свое сердце, очищать его молитвой, очищать его трезвением. Постепенно избавляясь от оскверняющих нас помыслов, мы очистим и наш ум, то есть око, сделаем его простым. Тогда мы научимся смотреть на вещи не по-своему, не своим разумом, помраченным страстями, научимся воспринимать их не так, как велит наше греховное сердце, которому верить нельзя, а будем всё воспринимать так, как учил Господь наш Иисус Христос, как и сейчас Он учит нас через Свое святое Евангелие, через благовестие. Мы никогда не исправимся, если не приложим усилий к тому, чтобы приобрести христианский здравый смысл, чистый, правильный взгляд на вещи, такой, что будем думать не по-своему, а по-святоотечески.

Оригинальность мышления и вообще оригинальность в каком бы то ни было отношении, к которой стремятся в миру, совершенно чужда христианству. Мы ее презираем, видим в ней гордость, с одной стороны, глупую и детскую, с другой – весьма опасную и губительную. Никакие оригинальность и исключительность нам не нужны, мы должны стремиться к тому, чтобы каждый из нас приобрел ум Христов, как апостол Павел говорил о себе и о других апостолах: *Мы имеем ум Христов* (1Кор.2,16). Стяжавшие эту великую добродетель смогут правильно увидеть прежде всего самих себя, свой жизненный путь. А некоторые (не все, а весьма немногие) станут способными помочь другим даже в самом трудном деле – деле нашего спасения.

Еще раз повторю: смысл сегодняшнего наставления состоит в том, чтобы мы отрезвились и поняли, что менее всего мы должны верить одному человеку – самому себе. Мы обычно думаем: «Вот этому можно верить, а этому – нельзя. Этому можно больше доверять, а этому – меньше». Менее же всех достойны доверия мы сами. Доверяя себе, мы показываем свою совершенную слепоту. Через подвиг внутреннего очищения мы должны приобрести, по выражению Спасителя,

око просто, тогда и наша духовная жизнь станет светлой, и мы будем изнутри просвещаемы светом.

Если мы зададим себе вопрос: «А что нам нужно делать?», у нас появится столько недоумений и смущений! Во всем: в каждом действии, в каждом поступке, в каждой мысли мы усомнимся. Это показывает, что мы находимся в беспросветной тьме и ничего не знаем. В то же самое время мы самоуверенно отбрасываем те поучения, которые предлагает нам Церковь через Евангелие, через писания святых отцов, через наших непосредственных руководителей. Если бы мы начали логически развивать мысли какого-нибудь самоуверенного человека, не желающего принять вразумление или обличение со стороны старших (притом цепочка рассуждений была бы не длинной и не особенно сложной), то, к ужасу своему, мы пришли бы к выводу: этот человек дерзает отрицать то или иное евангельское поучение, то есть слова Самого Спасителя, он совершенно нагло не принимает Евангелия.

Приведу очень простой пример. Спаситель сказал: *Всяк гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть суду* (Мф. 5, 22). А мы ведь находим множество оправданий для того, чтобы отвергнуть это евангельское изречение, слова Спасителя, обращенные не только к его непосредственным слушателям, жившим почти две тысячи лет назад, но и ко всем Его последователям, в том числе к каждому из нас. Мы пренебрегаем Его поучением, говоря: «Да, это правильно, но в данном случае это не подходит». Можно привести тысячи примеров, когда мы с дерзновением спорим с самим Евангелием и, значит, ведем себя точно так, как фарисеи, которых обличал Спаситель и с которыми мы никак не хотим себя отождествлять. Мы, действительно, имеем уши и не слышим, имеем глаза и не видим, и сердце наше огрубело, или отолстело, и мы не способны воспринимать учение Спасителя. Да, мы верим, что Он Сын Божий, но если бы мы верили всей душой, то и слушали бы Его до конца в каждой, как нам кажется, малой заповеди, потому что нет такой заповеди, которой мы имели бы право пренебречь.

Каждый, у кого есть хоть какой-то здравый смысл и совесть, увидит, что он многократно противоречит Евангелию. Не всегда это выражается прямо. Скажем, он не принимает какое-то наставление старицы. А чему учит старица или духовник? Только исполнению Евангелия. Ничему другому, ничему новому учить они не имеют права, они пытаются только объяснить, как применить Евангелие в каждом конкретном случае. Таким образом, не принимая наставление старицы, человек противоречит Евангелию, не хочет его принять, упрямо его отрицает, отмахивается от него, как от назойливого насекомого, потому что Евангелие мешает этому человеку наслаждаться его страстями: гневом, осуждением, блудной страстью, завистью. Так происходит именно от духовной слепоты.

Поэтому посмотрим на себя трезво, опомнимся, увидим в себе этот страшный недостаток и по крайней мере будем осознавать свою болезнь. Больной человек приходит к врачу, принимает лекарства, а тому, кто считает себя здоровым, лечение кажется излишним, тогда болезнь развивается до такой степени, что человек погибает, может быть даже не осознав, что был болен. То же происходит в духовной жизни. Поэтому осознаем свою болезнь и постараемся избавиться от этой духовной слепоты с Божией помощью, с помощью внимательного, усердного чтения Священного Писания и творений святых отцов, с помощью послушания старице, духовнику, настоятельнице. Постараемся исправиться, отрезвиться и не оправдывать себя тем, что в наше время та или иная евангельская заповедь будто бы неисполнима. Как ни страшно, как ни дико это прозвучит, но таким своим поведением мы утверждаем, что Евангелие уже устарело. Но ведь Евангелие – это вечная, неустаревающая благая весть, или, если сказать простыми словами, добрая новость, которая останется таковой во веки веков. И мы не имеем права ни прямо, ни косвенно отвращаться от Евангелия.

* * *

Вопрос. Не могли бы вы объяснить, почему иногда во время брани не помогает молитва?

Ответ. Не помогает, потому что плохо молишься. Во-первых, недостаточно усердно, без полной отдачи, не напрягая всех сил без остатка. Ведь сказано же: *Возлюби Господа Бога твоего всею крепостию твоею* (см. Мк. 12, 30). Всею крепостью! А мы молимся не от всей крепости, а только, так сказать, какой-то частью, поэтому и результат соответственный. Когда претерпеваешь брань, то молиться нужно так, будто или тебя убьют, или ты убьешь. Представь, что кто-то на тебя напал и хочет тебя убить. Ты, конечно, мобилизуешь все силы, а иначе, если допустишь хоть малейшую оплошность, тебя зарежут или задушат. Во время брани должно быть крайнее напряжение.

Во-вторых, бывает, что мы молимся, но одновременно принимаем греховные помыслы, не отбрасываем их. Усилие в молитве как будто бы есть, даже, может быть, особенное, чрезвычайное, но в то же время греховные помыслы, с которыми боремся, мы принимаем, услаждаемся ими, даем им свободу действовать в нас, и они укореняются. Страсть нашей душой овладевает, и мы не пытаемся отстраниться от этих помыслов, не пытаемся им противиться, а молитву произносим. Такой образ ведения брани, при котором в душе человека находится греховный помысел и одновременно действует молитва, уместен для человека, весьма преуспевающего, у которого благодать и сила молитвы столь могущественны, что постепенно и даже, может быть, очень быстро огонь благодати истребляет греховный помысел. У нас же происходит противоположное: ум наш постепенно-постепенно прилепляется к греховному помыслу, поскольку молитва у нас слабая, благодати в нас мало, мало и ревности, усердия, понуждения себя к молитве. Молитва становится формальной, а помысел все усиливается и усиливается, и совершенно побеждает молитву так, что мы либо произносим ее сухо, либо вовсе забываем о ней и полностью, так сказать, горим от страсти.

Третья ошибка, которую, правда, не все могут исправить (это зависит от степени преуспеяния), состоит в том, что у нас нет сокрушения сердечного. Крайне напрягая силы при молитве и пытаясь противиться помыслу, мы слишком

надеемся на себя, думая, что раз мы всё делаем правильно, то должен быть результат. Мы забываем, что если Бог нам не поможет, то никто и никогда нам не сможет помочь – ни молитва, ни какая-либо добродетель, ни человек.

Том II

О пути в Царствие Небесное⁶⁰

В древности один подвижник время от времени повторял, обращаясь к самому себе: «Где ты?» Этот вопрос напоминал ему о том, что он избрал монашеский образ жизни, оставил мир ради спасения своей души и должен жить, как того требуют святые отцы и как учит о монашеской жизни нравственное предание Православной Церкви, которое с течением времени развивалось в том смысле, что все полнее изъясняло сущность монашеского подвига. Оно основано, прежде всего, на Евангелии, а также на апостольских Посланиях и, конечно же, на устном предании и по сути своей является преданием святых апостолов.

Чтобы напомнить самим себе о том, где мы находимся, как мы должны жить, давайте обратимся к тому евангельскому чтению, которое имеет отношение в первую очередь именно к монашествующим, поскольку говорит о полном отречении от всего земного. Я буду приводить цитаты из книги «Евангельская история», составленной святителем Феофаном Затворником на основе всех Евангелий, тексты которых совмещены и представлены в хронологической последовательности – они как бы дополняют друг друга⁶¹. Я обращаюсь к этой книге ради удобства, чтобы не листать все время Евангелие, а сразу иметь перед глазами наиболее полное повествование.

Когда выходил Господь в путь, некто (юноша) из знатных подбежал, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Что доброго должен я сделать, чтобы иметь жизнь вечную? Этот знатный юноша вел добродетельный образ жизни, в чем мы и убедимся далее: Господь ответил ему не сразу, а нарочно стал задавать некоторые вопросы, желая обнаружить его добродетель перед всеми. Почему же юноша спросил Господа о вечной жизни? Видимо, его душа не удовлетворялась только внешним благочестием, по крайней мере у него оставался какой-то духовный голод. Уже в юном возрасте он ощутил

необходимость узнать нечто важное, с помощью чего можно правильно совершать свой путь к вечной жизни.

Господь Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Господь наш Иисус Христос прежде всего указывает этому человеку на то, что он неправильно к Нему обращается: юноша не должен был называть Спасителя благим, если Христос являлся для него лишь человеком. Именовать благим нельзя никакого земного учителя, даже самой праведной жизни, потому что благодать – это свойство только единого Бога. Если же юноша считал Спасителя благим, тогда он должен был понимать, что Христос есть истинный Бог.

Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди, – читаем мы далее. Казалось бы, это простой и ясный ответ. Но юноша полагал, что, может быть, есть какая-то особенная заповедь, которой он не знает. Он думал так, либо не до конца понимая закон, либо предполагая, что помимо закона может существовать еще нечто. Дело в том, что в те времена некоторые иудейские учителя, или раввины (по-еврейски «раввин» значит «учитель»; самого Спасителя называли *Равви*), считали, что необходимо еще некое дополнение к писаному закону, так называемые предания старцев. Впоследствии они были записаны в особой книге – Талмуде.

Отдельные части этой книги интересны и для нас, особенно те наставления, которые принадлежат учителям, жившим в эпоху до пришествия в мир Христа. Это очень мудрые, возвышенные, нравственные изречения, по духу своему соответствующие учению Господа Иисуса Христа, например размышления равви Гиллеля, а также Гамалиила – того самого праведника, который жил во времена Господа. Уже после вознесения Спасителя, когда члены синедриона замыслили убить учеников Христа, Гамалиил встал в собрании иудеев и сказал: *Смотрите, чтобы вам не оказаться богопротивниками* – и остановил таким образом их беззаконие (см. Деян. 5, 39). В дальнейшем он, по Преданию Православной церкви, стал христианином. Его имя внесено в святцы – это святой праведный Гамалиил.

Однако впоследствии, уже в христианскую эпоху, иудеи всячески противились истине, преподанной Господом, и внесли в текст Талмуда много нелепостей и даже откровенного кощунства и хулы. Поэтому в целом содержание этой книги противопоставлено истинному преданию и правильному пониманию Священного Писания, в особенности Ветхого Завета. Уже во времена Господа Иисуса Христа появлялись ложные предания, уклонявшиеся от здравого учения. Спаситель называл их «преданиями человеческими» и порицал.

Итак, этот знатный юноша, должно быть, ожидал услышать нечто вроде старческого предания, но Господь не сказал ему ничего нового. Обратимся вновь к евангельскому тексту: *Тот говорит Ему: какие? Господь Иисус сказал: ты знаешь заповеди: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; не обижай; почитай отца своего и мать свою; и: люби ближнего твоего, как самого себя (Исх. 20, 12–16; Лев. 19, 18).* В этих словах Спаситель не упоминает о любви к Богу – по той причине, что любовь к Богу в этом юноше, благочестивом представителе иудейского народа, как бы подразумевалась сама собой. Для того чтобы всем показать его нравственное достоинство, Господь говорит о нем именно то, что не было известно всем. И юноша, по-настоящему желая услышать ответ на мучивший его вопрос, совершенно искренне ответил: *Учитель! все это сохранил я от юности моей. Чего еще недостает мне?*

Если бы мы трезво, беспристрастно посмотрели на себя и на свою жизнь, то увидели бы, что по сравнению с этим юношей мы еще многого не сделали, или, напротив, во многом погрешили. *не убивай, не укради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца своего и мать свою, люби ближнего твоего, как самого себя...* Некоторые, может быть, скажут, что они не сделали никаких страшных грехов. Однако мы часто не совершаем нравственных преступлений только по той причине, что не имеем такой возможности или боимся позора перед людьми. Бывает, что желание удовлетворить какую-нибудь свою страсть у нас есть, но случая для этого не представляется, и мы, почитая себя праведниками, на самом

деле являемся преступниками: нарушаем Божественный закон. А знатный юноша действительно исполнял данные Господом заповеди: *все это я сохранил от юности моей*. Он был воспитан в благочестии, строго за собой следил и тем не менее чувствовал, что ему чего-то недостает.

Это очень показательно: именно тогда, когда у человека чистая совесть, у него обостряется жажда духовного, и он начинает искать большего совершенства. И наоборот: тот, кто живет в нерадении и грешит, имеет притупленное духовное чувство и ничего особенного не жаждет, даже и не знает, что существует нечто лучшее. Он заботится лишь о том, чтобы соблюсти основные заповеди, не нарушать их на деле. Допустим, для исполнения заповеди о почитании родителей ему постоянно приходится бороться с собой, чтобы уважать своих родных, чтобы любить их, служить им. Постоянно нарушая основные заповеди, он уже не стремится искать в духовной жизни чего-то большего и даже не подозревает о том, что такое стремление необходимо.

Вернемся к евангельскому повествованию. *Чего еще недостает мне? Услышав сие, Господь Иисус полюбил его и, взглянув на него, сказал ему: еще одного недостает тебе; если хочешь быть совершенным, пойди, продай все, что имеешь, и раздай нищим, и приходи, следуй за Мною, взяв крест; и будешь иметь сокровище на небесах*. Ревность юноши к большим добродетелям вызвала в Господе особенное к нему расположение. Именно от расположения, а отнюдь не с целью обличить его немощь и недостатки, Господь и говорит ему: *Одного недостает тебе; если хочешь быть совершенным, пойди, продай все*. В рвении юноши сделать что-то большее, чем исполнение основных заповедей, Господь усматривает стремление к совершенству: *Если хочешь быть совершенным...*

Следовательно, желать или не желать совершенства – во власти человека: он может довольствоваться лишь необходимым, а может сделать для своего спасения все возможное. Вот это «все возможное» и является для нас совершенством. Это совершенство не делает нас безупречными

существами, которым спасение, так сказать, обеспечено и которые еще в этой жизни могут быть спокойны. *Быть совершенным* в данном случае означает прилагать все силы без остатка к тому, чтобы подвигом на земле стяжать вечную жизнь. *Пойди, продай все, что имеешь, и раздай нищим*, – говорит Господь. То есть, любя ближнего, не только удели ему что-либо от своего избытка, но отдай ему все. А раздав всё, мы и сами становимся нищими. И про нас с вами, оставивших мир, можно сказать, что мы исполняем эту заповедь, отказавшись от всего земного, отдав все нуждающимся людям. Исполнив ее в отношении внешнего делания, мы должны устремлять внимание уже больше на то, чтобы внутри себя стяжать непоколебимую, постоянную любовь к ближнему.

Далее Господь говорит: *И приходи, следуй за мною, взяв крест*. Конечно, такое приглашение Спасителя говорит о Его необыкновенном расположении, любви к юноше, ведь Он звал его стать участником апостольского служения, хотел сделать одним из Своих избранных учеников. Но это приглашение подразумевает и следование Спасителю в духовном смысле, то есть подражание жизни и добродетелям Господа Иисуса Христа. И в этом смысле мы все обязаны следовать за Спасителем. «Взять крест» означает не просто идти за Господом, а быть готовым, если понадобится, потерпеть и скорби, и страдания.

И будешь иметь сокровище на небесах. Эти слова Господа означают, что, отказавшись от земного сокровища, мы приобретаем небесное. А что такое небесное сокровище? Это, конечно же, залог спасения, надежда на будущую жизнь. И как состоятельный человек может утешать себя какими-нибудь земными удовольствиями, так и богатый духовно, имеющий сокровище на Небесах, способен утешать себя духовными благами уже в этой жизни.

Услышав сие слово, юноша опечалился и, смутившись от слова сего, отошел со скорбью, потому что был очень богат, имел большое имение. Мы видим, что привязанность к богатству, надежда на него, привычка жить свободно, легко, удовлетворять все свои прихоти при помощи материальных

средств заставила этого юношу смутиться, и он отошел от Спасителя со скорбью: большое богатство, которым он обладал, внушило ему чувство любостяжания или, если хотите, жадности. В самом деле, нам бывает легко отказаться от малого, нищенского имущества, но когда мы владеем значительным состоянием, дарующим нам большие преимущества в мире, то отречься от него бывает чрезвычайно тяжело.

Господь Иисус, видя, что он опечалился, посмотрел вокруг и сказал ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное. Что такое Царство Божие, или Царство Небесное? Это то же самое, что и вечная жизнь, вечное блаженство. Конечно же, ученики в то время не совсем понимали, о чем идет речь. Они думали, что Спаситель подразумевал какое-то справедливое земное царство, в котором будут господствовать Божественные законы. Однако теперь мы знаем, что Господь имел в виду будущую жизнь.

Ученики ужаснулись от слов Его. Ужаснулись не потому, что переживали за себя, ведь на самом деле к тому времени они уже оставили всё, что имели, и сами следовали за Господом, поэтому непосредственно к ним это обличение Спасителя не относилось, – но потому, что беспокоились за других учеников, у которых было имущество и которые еще могли испытывать к нему привязанность. Такое учение Господа для многих было неожиданным, потому что богатство, земное благополучие всегда считалось признаком Божиего благословения, а земные скорби (болезни, смерть родных, лишение имущества) воспринимались как Божие наказание. Мы имеем подобное суеверие и сейчас, живя в христианскую эпоху, несмотря на то что Евангелие проповедуется уже почти две тысячи лет. Тем более странным казалось людям учение Спасителя в то время, когда такой взгляд на вещи был привычным. Как это неожиданно: человеку богатому, то есть, с общепринятой точки зрения, имеющему благословение от Бога, оказывается, очень трудно войти в Царство Божие!

Ученики ужаснулись от слов Его. Но Господь Иисус, ответствуя на сие, опять сказал им: дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царство Божие! В этих словах Господь уточняет Свою мысль: войти в Царствие Божие трудно не просто богатым, а именно надеющимся на богатство. Если человек богат, но надеется на Бога и использует свое богатство для служения Ему и ближним, то оно является не препятствием, а скорее даже средством для стяжания вечной блаженной жизни. Тем более это верно, если человек не имеет к своему богатству привязанности, связанные с ним скорби воспринимает как нечто само собой разумеющееся, считает их происходящими по воле Божией и поэтому пребывает спокойным, невозмутимым.

Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие! – продолжает Спаситель. Это изречение толкуется святыми отцами по-разному. Во-первых, его можно понимать буквально: верблюд не может пройти сквозь игольное ухо, потому что это для него невозможно. Во-вторых, «верблюдом» в старину называли корабельный канат. Конечно, его трудно продеть через игольное ухо, но все же такое толкование, если можно так выразиться, более снисходительно, поскольку говорит о вещах, в каком-то смысле друг с другом сопоставимых. И наконец, третье понимание (мне кажется, наиболее здоровое) основано на исторических открытиях. «Игольным ухом» или «игольными ушами» в древности назывались узкие пешеходные ворота в городских стенах Иерусалима. При наступлении вечера ворота, в которые днем вводили выючный скот, закрывались. Открытыми оставались только узкие калитки для пешеходов, чтобы люди могли ночью войти в город и быть в безопасности. Но некоторые торговцы, опаздывая к моменту закрытия больших ворот и не желая оставлять свой выючный скот без присмотра, особенно если он был нагружен какими-то ценными товарами, заставляли верблюда становиться на колени и таким образом пролезать в эти пешеходные ворота. Если принять последнее толкование, то оно может объяснить предыдущую фразу Спасителя: *Трудно надеющимся на богатство войти в*

Царство Божие. Нельзя сказать, что невозможно, но трудно – так же, как верблюду проползти в узкую калитку.

Услышав это, ученики Его весьма изумились и говорили между собою: так кто же может спастись? После объяснения Спасителя изумление учеников не прошло, они не успокоились после Его уточнения, потому что так и не поняли: если люди, живущие в достатке (а значит, имеющие на себе Божие благословение), едва-едва, с большим трудом могут войти в Царство Божие, то кто же тогда может спастись? Возможно, ученики задавали себе такой вопрос потому, что знали: на свою большúю или малую собственность надеются почти все. Ведь случается, что человек, хотя и почти нищий, все равно дорожит своим убогим имуществом и рассчитывает с его помощью поддерживать свое материальное благополучие, забывая о том, что самое главное – это молитва.

И говорили между собою: так кто же может спастись? Господь же Иисус, возрев на них, сказал им: человекам это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу. Невозможное человекам возможно Богу. Человек, надеющийся на богатство, сам по себе спастись не может, и помочь ему никто не в силах. Мы можем надеяться на спасение лишь в том случае, если сами захотим бороться со страстью любостяжания и, с Божией помощью, ее искореним (или хотя бы будем ей противиться). Под страстью любостяжания нужно понимать привязанность не только к какому-то великому богатству, но и к малому имуществу и вообще ко всему земному. Ведь именно пристрастие к материальному, вещественному и овладело этим весьма благочестивым юношей.

Тогда Петр, отвечая, начал говорить и сказал Господу: вот, мы оставили всё и последовали за Тобою; что же будет нам? Конечно, имущество, которое оставили ближайшие ученики Спасителя, было не таким уж значительным. Они не имели никакого особенного богатства, это были простые труженики: например, Петр был рыбаком, а Матфей – сборщиком податей (сама эта профессия говорит о том, что человек очень нуждался, раз решился на столь унижительное в глазах всех иудеев ремесло), и хотя мы не знаем точно, какими

ремеслами владели прочие ближайшие ученики Спасителя, однако все они были людьми бедными. Но они покинули свои семьи: например, апостол Петр, последовав за Господом, оставил жену. По преданию, Симон Кананит, который был женихом на браке в Кане Галилейской, увидев чудо претворения воды в вино, расстался со своей невестой и также отправился вслед за Спасителем. Иаков и Иоанн оставили своего отца с наемниками чинить сети, а сами пошли за Господом Иисусом Христом.

Нам кажется, что если апостолы не имели такого большого богатства, как этот знатный юноша, то как будто бы и не должны были иметь такого пристрастия к земному. Но на самом деле они отреклись от многого: от привязанности к родственникам, уюта, благополучия, тихой жизни. Ведь во время своего пребывания со Спасителем они терпели гонения, унижения, постоянно переходили с места на место и, конечно же, чувствовали приближение опасности. Незадолго до страданий Спасителя они уже понимали, что Его хотят убить и предполагали при этом, что такая же участь грозит и им. Когда Спаситель хотел пойти к уже умершему Лазарю, чтобы его воскресить, один из апостолов сказал: *пойдем и мы умрем с Ним (Ин. 11, 16)*. До этого они говорили Господу, предупреждая Его об опасности: *Равви ! давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда? (Ин. 11, 8)*. Таким образом, даже на время пребывания со Спасителем в течение Его трехлетней проповеди апостолы променяли свое земное благополучие на непрестанные скорби и лишения. А после вознесения Спасителя, проповедуя Евангелие по всему миру, они испытали еще и гораздо большие страдания.

Известно, что апостолы претерпели изгнание с родины – а ведь это совсем не мало! Мы относимся к их жизни как к чему-то само собой разумеющемуся, полагая: а как же должно было быть иначе? Но я думаю, если бы нас изгнали с нашей родины за то, что мы являемся христианами, истинными исполнителями Евангелия, это стало бы для нас очень большой и страшной скорбью, невыносимым душевным страданием, сопряженным со многими земными лишениями. Если человек вынужден жить в

другой стране, среди людей, которые говорят на другом языке, где другие обычаи и все слишком непривычно, – это для него очень тяжело. Вы, наверное, знаете, что многие люди, лишаясь родины, даже заболевают душевной болезнью (она называется ностальгией): начинают невыразимо страдать оттого, что они оставили свои родные места, и никто и ничто не может их утешить, даже если они при этом пользуются всеми земными благами. Бывает, переживания доходят до такой степени, что человек на почве душевных страданий заболевает и телесно. Поэтому ученики Спасителя действительно отреклись от всего, в том числе и от родины, ради служения Господу Иисусу Христу, ради служения Пресвятой Троице.

И вот апостол Петр, как самый простой и порывистый (можно даже сказать, по своей простоте порой несдержанный, отчего он часто терпел от Спасителя упреки и обличения), обращается к Нему с искренним вопросом, который может представиться нам нескромным, потому что так говорить с Богом, такого от Него ожидать и так к Нему относиться, казалось бы, нельзя. Он говорит о том, о чем думаем и мы, но что боимся высказать, страшась даже в молитве обратиться к Богу таким образом: *вот, мы оставили всё и последовали за Тобою...*

Обратите внимание на следующие слова, в которых особенно выразилась простота апостола Петра, его искреннее недоумение: *что же будет нам?* Когда мы хотим сделать что-то доброе, в особенности по отношению к Богу, нам неловко, стыдно даже думать: «Что нам за это будет?» Мы убеждены, что все надо делать бескорыстно, не заботясь ни о какой награде: мы должны служить Богу только потому, что это прекрасно само по себе. Может быть, это действительно так и есть, но почему же тогда апостол Петр, которого никто не может упрекнуть в каком-то неправильном, греховном, корыстном отношении к вознаграждению, задает такой дерзновенный вопрос? Если бы он был не прав, его обличил бы сам Спаситель. Мы помним, как Петр выразил неуместную жалость к Господу и сказал Ему: *будь милосерд, да не будет Тебе этого* (см. Мф. 16, 22), имея в виду предстоящие Спасителю страдания. Тогда Господь, еще недавно похваливший Петра и назвавший его «камнем веры»,

назвал его сатаной: *отойди от Меня, сатана (Мф. 16, 23)*. Здесь же ничего подобного не происходит, Иисус Христос никак не порицает апостола Петра, но спокойно отвечает ему на этот как будто бы неуместный, корыстный вопрос о том, что же они будут иметь за свое служение.

Господь Иисус сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. Толкователи говорят, что апостолы сядут на двенадцати престолах и станут вершить суд не в буквальном смысле, но будут судить нас всей своей жизнью, подобно тому как будет судить израильтян царица южная, приходившая учиться у Соломона. Она *приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой (Мф. 12, 42)*, а евреи пренебрегли мудростью Господа Иисуса Христа, Который больше Соломона. Подобным образом обличат евреев и ниневитяне, покаявшиеся от проповеди пророка Ионы, в то время как евреи не послушались, когда их призывал к покаянию Сам Бог. Так и апостолы, отрекшиеся ради Христа от всего земного, будут вершить суд над двенадцатью коленами Израилевыми, которые не захотели ради собственного спасения сделать и меньшего. Самой своею жизнью они осудят себялюбивую, сластолюбивую жизнь израильтян.

И далее Спаситель говорит то, что относится уже не к апостолам, избранникам Божиим, а к ученикам апостолов, живущим во все времена, то есть и непосредственно к нам: *И всякий (то есть не только апостол, не только церковнослужитель, допустим епископ или патриарх, а вообще всякий человек: мужского пола или женского, ученый или простой, нравственный или, может быть, в прошлом безнравственный. – Схиизум. А.), кто оставит дѣбмы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или зѣмли, ради имени Моего, получит во сто крат более и жизнь вечную наследует. Истинно говорю вам: нет никого, кто бы оставил что таковое ради меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди*

гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной.

Господь, взяв поводом разговор о привязанности благочестивого знатного юноши к имуществу, переводит наше внимание на все наши земные пристрастия. На имущество здесь указывают только два слова: *до мы* и *зе мли*, – а в остальном тексте говорится о родственниках. Впрочем, под словом «земля» можно понимать не только какой-либо земельный участок, но и определенную, конкретную местность, то, что мы называем родиной. *Кто оставит до мы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или зе мли...* Если мы соберем это вместе, то уже с уверенностью скажем, что все перечисленное объединяется словом «отечество» или «родина». Таким образом, нам нужно отказаться от всего земного в самом глубоком и полном смысле этого слова. Но это не значит, что мы обязательно должны отречься от своей родины: перестать любить Россию, а полюбить, допустим, Грецию. Речь идет о том, что если перед нами будет стоять выбор между исполнением заповеди и какой-нибудь самой возвышенной, самой благородной привязанностью (например, к своим родителям), то мы должны избрать заповедь. Мы должны избрать Евангелие: *Истинно говорю вам: нет никого, кто бы оставил что таковое ради Меня и Евангелия*, то есть не только ради веры в Господа Иисуса Христа, но и ради исполнения Его учения, Его заповедей.

Далее читаем: *И не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более.* Конечно, это не значит, что у нас в буквальном смысле будет во сто крат более домов, и братьев, и сестер, хотя не исключено и такое понимание: ведь истинные ученики Спасителя имеют в лице христиан братьев и сестер по всему миру, имеют как бы множество близких родственников, всегда готовых их принять и им послужить. Но если бы это было и не так, мы не должны думать, будто эти слова Господа не сбываются в отношении нас. *во сто крат более* мы получаем тогда, когда

еще в земной жизни имеем в душе любовь и благодать, приносящие нам утешение. И это утешение гораздо больше того, которое мы получали не только от привязанности к земному, материальному – скажем, к имуществу, – но и от того, что принято называть самым возвышенным и прекрасным: от любви к родине, родителям, братьям и сестрам. Благодать Божия, которую мы испытываем, отрекшись от всего земного, есть нечто во сто крат большее, чем человеческая любовь, пусть и чистая.

Истинный подвижник, ради Христа и Евангелия отказавшийся от всего, уже на земле получает во сто крат более, даже *во время сие, среди гонений*. Почему здесь употреблены такие слова? чтобы мы не думали, будто, получая всё это, мы тем самым лишаемся скорбей и, просто отрекшись от своего имения, получаем во сто крат больше, чем имущество. Мы должны понимать, что нас будут преследовать, ненавидеть, – иногда даже те люди, которые называются христианами, но которые не понимают, что такое настоящее отречение от мира и служение Евангелию. Нас будут презирать, осуждать, а иногда, может быть, и в буквальном смысле слова гнать, то есть лишать покоя. Что такое гонения? Гонимый человек лишается покоя и мира, поскольку ему нигде не дают укорениться и жить безмятежно. Но при всем этом утешение от Божией благодати, которое он внутренне испытывает, неизмеримо больше, чем скорбь от внешних горестей. Таким образом, во время гонений он получает то, чего не может иметь человек, привязанный к земному.

Однако самое главное, что мы обретаем, отказавшись от земных привязанностей, – это вечная жизнь, о которой спрашивал знатный юноша, говоря: *Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?* И вот мы получаем ответ: мы должны оставить всё. Если мы не только внешне, но и внутренне освободимся от своих земных пристрастий, тогда получим благодать, Божественное утешение – как бы некий залог, удостоверение того, что мы унаследуем вечную жизнь, или, как она еще называется, Царство Божие, Царство Небесное.

Интересно, что Спаситель начинает свою речь такими словами: *соблюдай заповеди... почитай отца своего и мать свою*, а заканчивает так: *кто оставит дома... или отца, или мать... получит во сто крат более*. Получается, что любовь к Господу и следование за Ним оправдывают нарушение заповеди о почитании родителей? когда мы нарушаем заповедь о любви к родителям ради своей собственной корысти, из эгоизма, тогда мы грешим, но если мы отказываемся от ее исполнения ради высшей заповеди, то есть ради любви к Богу, тогда в этом нет никакого греха. В самом деле, когда Иисуса Христа спросили: *какая первая и наибольшая заповедь?* – Он ответил: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею* (см. Мф. 22, 36–37) – и только потом сказал о второй: *Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 39). Как человек есть образ Божий, так и заповедь о любви к ближнему есть только образ заповеди о любви к Богу. Мы следуем за Господом не буквально, как шли за Ним ученики во время Его земной жизни, но духовно – подражая Его всеобъемлющей любви. Отказавшись от любви к немногим конкретным людям, своим родственникам, мы должны приобрести столь же сильную, а возможно и во сто крат более сильную, любовь ко всем людям вообще. Может быть, именно это и нужно понимать под вознаграждением, которое обещает нам Спаситель, потому что любовь к ближнему (когда под ближним мы понимаем всякого человека) есть не только результат нашего собственного усердия, но великая награда от Бога и Божие благодеяние.

Может возникнуть вопрос: что же такое Царство Божие, ради которого мы должны терпеть все скорби? Что такое вечная жизнь, ради которой мы обязаны от всего отречься, если хотим иметь твердую надежду на то, что когда-нибудь ее получим? Наиболее полно ответ на этот вопрос открывается нам не в притчах и поучениях Спасителя, а непосредственно в Его преображении на горе Фавор, то есть в некоем Божественном действии.

Обратимся вновь к Евангелию: Сию речь Свою Господь заключил так: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе, – увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем. После сих слов, по прошествии восьми или шести дней Господь Иисус взял Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел на гору высокую особо – их одних, – взошел с ними на гору сию помолиться.

Между тем как Он молился, Петр и бывшие с Ним отягчены были сном, но пробудились (от действия чрезвычайного света). Они увидели славу Господа, ибо Он, когда молился, преобразился весь: вид лица Его изменился, и оно просияло, как солнце; также и одежды Его сделались белыми, как снег, весьма белыми, как на земле белильщик не может выбелить, – сделались блистающими, как свет.

И вот, явились во славе два мужа, которые были Моисей и Илия, и начали беседовать с Господом Иисусом, и беседовали об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме.

При сем, когда они отходили, Петр сказал Господу Иисусу: Равви! Наставник! Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, мы сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии, сам не зная, что говорил; ибо не знал, что сказать, потому что они были в страхе.

В этих словах апостола Петра: Хорошо нам здесь быть; если хочешь, мы сделаем здесь три кущи – выразилось его ощущение Царствия Божиего, пришедшего в силе. Желание пребывать в бесконечном созерцании Божества Господа Иисуса Христа, бесконечном богообщении превозмогало в учениках страх, и они, наперекор здравому смыслу, хотели остаться на этой горе насовсем. Хотя, может быть, в этом и состоял настоящий здравый смысл, а наш «здравый смысл», то есть стремление выдавать всевозможные земные пристрастия за некую необходимость – просто безумие. Апостол Петр в то время как раз освободился от всех земных привязанностей и приобрел истинно здравый, Божественный

смысл и потому сказал правильно, мудро: «Хорошо нам всегда быть здесь».

Всякий из подвижников, испытавший состояние, подобное состоянию апостола Петра на горе Фавор, хотел бы, чтобы оно длилось бесконечно. И наступит такое время, когда все истинные христиане в большей или меньшей степени познают, Кто такой Сын Божий, что такое Царствие Божие и Слава Пресвятой Троицы. Ради этого познания мы, собственно, и отрекаемся от всего на земле, хотя, повторю, уже и в нынешней жизни нам даруется во сто крат более. И если мы столько получаем ныне, то в будущей жизни получим бесконечно больше, – разумеется, если будем следовать за Господом, подражая Ему во всем. Мы должны не только исполнять заповеди Господа Иисуса Христа, но и стараться подражать Ему в поступках, стремиться уподобиться Ему в праведности, ибо Он был идеальным, совершенным Человеком.

Вот как пишет о вечной жизни святитель Тихон Задонский⁶²:

«Душа, победившая врагов, с торжеством восходит туда

...С каким ликованием и торжеством воины, победившие неприятеля, возвращаются в отечество свое, и всяк по заслуге своей приемлет честь от царя своего: сколь бóльшим несравненно торжеством душа, которая zde подвизалася, противу мира, плоти и диавола, победивши тех врагов, восходит в отечество свое – небо и приемлет почесть тамо от Царя Небесного Христа? Радуется воин победою и честью от царя прославлен: как несравненно возрадуется душа, когда от Царя небесного за подвиг и победу прославится.

Духовно трудящиеся всегда получают воздаяние

Земледельцы и прочие трудящиеся ради земных благ, часто и обманываются в надежде своей; не всегда бо доброплодие бывает, и не всегда получают люди, чего желают и ради чего трудятся: но кто с верою, и надеждою и усердием ищет вечных благ, не обманывается, но получает их; ибо *верен есть обещающий* (Евр. 10, 23). Трудись убо и ты и сей ныне, сей с ВЕРОЮ, и НАДЕЖДОЮ... *Скрывай себе сокровище на небеси,*

идеже татие не подкопывают, ни крадут (Мф. 6, 19–20). Не опасайся! тамо сокровенное сокровище все цело будет и в последний день перед всем светом произнесется и объявится, и отдастся тебе, и будет неотлучно с тобою во веки веков.

В жизни будущей душа потрудившаяся находит покой

Видим zde, коль сладко и приятно человек упокоевается по трудах: тогда забывает всю свою скорбь и болезнь, в трудах подъятую: коль сладко и мирно упокоится душа святая в вечном животе, которая zde трудилась, боролась и подвизалась в деле благочестия, умножала таланты Господа своего, работала Господу своему со страхом и ближнему своему с любовью! Тогда *внидет в радость Господа своего (Мф. 25, 21);* тогда *вшедши в покой* оный, забудет все свои здешние труды, беспокойствия, скорби, печали и болезни (*Евр. 4, 10*). Откуда вечный живот в Писании Святом *покоем* называется (*Откр. 14, 13*). Зде бо, в мире сем, есть место торга, в котором таланты наши трудами умножать должны мы, а тамо место упокоения; zde путь и странствование, а тамо отечество и дом наш.

Ничто так zde людям не приятно, как согласие, мир и любовь между собою иметь. Бесспорна сия истина у всех, не токмо у христиан, но и у язычников: все того желают и ищут. Тамо будет между избранными Божиими совершенный мир, согласие и любовь, понеже будут вси совершенно друг друга любить, и все одинаго хотеть, чего един Отец небесный хочет, и не хотеть, чего Он не хочет. Тогда исполнится совершенно воля небесного Отца. – Всяк знает, как ныне радуется человек, снискавши себе друзей честных, постоянных и почтенных: тамо будет избранных Божиих дружество со святыми Ангелами: тогда будет едина церковь, едино стадо Ангелов и человеков, и едиными устнами и единым сердцем будем хвалить и петь Пресвятую Троицу, Бога и Создателя своего.

Там будет совершенная безопасность и тишина

И как приятно и любезно людям zde жить в безопасности, в тишине, никакого страха не бояться, от всех наветов вражиих свободным быть. Тамо будет совершенная

безопасность и тишина: всякий тамо страх места имети не будет, понеже всякая вражда и злоба оттуда удалена, враги и наветники в своем месте заключены будут, и между теми и сими *утвердится пропасть велика* (Лк. 16, 26).

Где ни живет человек, пока в мире сем живет, не без опасности живет. Человеку от утробы матерней до гроба непрестанная брань. Того ради прилично и правильно о вечном животе слово сие говорить нам должно, христианине: „Тамо нам воистину безопасно будет!“ Тамо ничего мы опасаться не будем; тамо будем жить без всякого страха, будем жить во граде покойном и мирном; тамо совершенный мир и покой будем иметь. Откуда вечный живот в Священном Писании называется *покой* (Мф. 11, 29; Евр. 4, 11)... Тамо мы не будем бояться ни брани, ни врагов, ни голода, ни пожара, ни моровой язвы, ни наветников, ни болезни, ни клеветников, ни ругателей, ни татей и хищников, ни диавола и злых его духов, ни соблазнов, ни смерти и ада, – словом: никакого неблагополучия. Ибо всякое неблагополучие оттуду удалено, и всякое совершенное благополучие, „совершенное“, но вечное будет тамо.

Жизнь вечная не имеет перемен, как временная

Не тако житие будущего века будет, якоже Божие слово и вера наша нас уверяет (имеется в виду, по сравнению с временной жизнью. – *Схиизгум. А.*). Тамо житие наше единожды начнется, но никогда не скончается, будет непрестанное и непременное. Тело наше не будет иметь немощи, дряхлости, старости, смерти и тления; но будет тело духовное, нетленное, бессмертное, здоровое, сильное, легкое и благоцветущее... Такожде слава, честь, покой, мир, утешение, радость, веселие и все блаженство тамо непрестанно будет; непрестанно будут видеть Бога лицом к лицу избранные Божии, и оттого непрестанно утешаться, радоваться, веселиться; непрестанно будут со Христом, яко уды с главою, царствовать. *Понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся* (Рим. 8, 17). То, что испытал Апостол Петр на горе Фавор, есть малая часть блаженства в жизни вечной.

В жизни будущей благодать Божия откроется в полноте

Хотя zde вкушаем и видим благодать Божию, но приизобильно вкушать и видеть, и наслаждаться будем в вечной жизни, по неотложному Его обещанию: *Око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человека не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1Кор. 2, 9).

Тогда увидят праведники Бога лицом к лицу

О, как возрадуются тогда люди Божии святии, когда станут пред Царем славы, и сами славы Его причастниками будут, *яко с Ним страждут, да с Ним прославятся* (Рим. 8, 17), и Которого ныне не сумнятся и не стыдятся веровати и исповедовати быти Бога своего, аще и родился от Девы, и яко человек на земли пожил, пострадал и умер, Того уже не верою, но лицом к лицу в Божественней Его славе увидят, – и ради Которого ныне поношение, бесчестие, гонение и страдание терпят, ради Того и с Ним, яко уды с главою, и яко меньшая братия и Сынове Божии, с единокровным Сыном прославятся, вознесутся, возвеличатся и увенчаются!.. *Его же не видевшие любят, и на Него же ныне не зряще, верующе же, радуются радостию неизглаголанною и препрославленною* (1Пет. 1, 8). Тогда в явление славы Его возрадуются *веселящиеся* (1Пет. 4, 13). Коль ненасытно желают люди Бога видети, которых сердце любовью Его уязвилось, которые с пророком поют Ему: *Имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе, Боже. Возжада душа моя к Богу крепкому, живому* (Пс. 41, 2–3). Тогда сию люди алчбу свою утолят, и жажду свою прохладят ненасытным видением прелюбезнаго Божества. Видим ныне, – глаголет Павел, боголюбивая душа, – *якоже зеркалом в гадании, тогда лицом к лицу* (1Кор. 13, 12). Ныне, *живуще в теле отходим от Господа. Верою бо ходим, а не видением* (2Кор. 5, 6–7). Тогда увидим Его лицом к лицу. Ныне создание Его видим, и от создания Создателя познаем, но Создателя не видим, тогда Самого Создателя лицом к лицу увидим. Ныне благодеяниями Его снабдеваемся, насыщаемся и утешаемся, но Благодетеля не видим: тогда Самого Благодетеля увидим. Ныне слышим святое слово Его, пророками и апостолами Его объявленное, но Глаголавшего не видим: тогда Самого Его увидим. Ныне дарования Его, от Него,

как ручьи от источника, на нас щедро изливаются, но Дарователя не видим: тогда Его увидим, и от Него Самого, как источника приснотекущего, почерпяти будем преизобильно, непрестанно, без сытости и без конца. Ныне посещающего нас и толкающего в двери сердец наших, наказующего и утешающего, яко Отца, опечаляющего и увеселяющего Его чувствуем, но Самого не видим: тогда самое лице Его святейшее, яко Отца дети, увидим, и, *возрадуется сердце наше, и радости наша никто же возмет от нас.* Ныне в молитве, пении, славословии и хвалении стоим пред Ним и молимся Ему, призываем Его, покланяемся Ему, поем Ему и хвалим Его, но Самого, Ему же молимся, покланяемся и поем, не видим, *верою бо ходим, а не видением*; тогда Самого лицом к лицу увидим, и будем видеть во веки: и поклоняться; будем петь и хвалить без труда и видеть без сытости, и *узрим Его, якоже есть* (1Ин. 3, 2); тогда придем и явимся лицу Божию (Пс. 41, 3). Тогда *насытимся, егда явится слава Его* (Пс. 16, 15). Тогда исполнится слово оное: *Якоже мати утешает дитя свое, тако Аз утешу вас; узрите и возвеселитесь сердце ваше* (Ис. 66, 13 и 14). Тогда *будет Бог всяческая во всех* (1Кор. 15, 28).

Праведники просветятся, как солнце

Когда смотрим на солнце, христианине, вспомняем о том, что Христос Господь сказал: *Тогда праведницы просветятся яко солнце, в Царствии Отца их* (Мф. 13, 43). В так великую и чудную славу облекутся избранныи Божии, что как солнце будут сиять. Да взираем убо душевными очами на оную славу, и презрим прелестную мира сего славу и честь.

В жизни будущей блаженству праведных не будет конца

К блаженству избранных Божиих и сие присовокупится: что они так уверены будут о непрестающем и вечном своем блаженстве, как уверены будут, что Бог, с Которым будут и Которого видеть будут, есть вечный и бесконечный и царствию Его не будет конца, и сами не захотят лишиться, что получили. Сам убо рассуди, какая радость, веселие и восклицание будет в сердцах их, когда в

таком блаженстве будут, како язык сказал, и ум вообразить, и сердце понять, и глаз видеть, и ухо слышать, zde не может, и будут во веки без конца в том. Утешатся избранныи Божии блаженством оных, но паче и паче утешатся тем, что без конца тое, что имеют, имети будут. Без конца видети Бога будут, без конца в славе будут, без конца, яко солнце в Царстве Отца их сияти будут, без конца в радости великой и веселии несказанном и непрестанном будут».

Мне хочется сделать к прочитанному нами отрывку из творений святителя Тихона Задонского одно примечание. Когда говорят о вечном блаженстве, то обычно описывают его очень просто – как созерцание славы Божией. И думается: неужели там вечно будет одно и то же? Мы привыкли к какому-то необыкновенному разнообразию впечатлений: поскольку они у нас дробные, постоянно меняющиеся, то нам кажется, будто они делают нашу жизнь очень интересной. На самом деле мы просто не знаем, что такое наслаждение духовными благами. Ведь если в этой временной жизни впечатления, получаемые нами от творений Божиих, столь многообразны, то гораздо более многообразными – даже можно сказать, бесконечно многообразными – будут ощущения от непосредственного общения с Самим Господом. Сейчас мы этого не чувствуем потому, что вообще воспринимаем духовное очень слабо, для нас оно почти не существует. Лишь иногда мы едва-едва прикасаемся к нему умом, но сразу же как бы отходим в некую тьму – в жизнь материальную, вещественную. Если бы мы уже испытали благодать Божию, то, конечно же, поняли бы, что именно в духовной жизни существует бесконечное многообразие переживаний. По сравнению с ней наша временная, суетная жизнь на самом деле скучна, просто мы сами придаем слишком преувеличенное значение тем впечатлениям и ощущениям, которые от нее получаем.

* * *

Вопрос. Мне кажется, что во время правила нам мешает молиться душевная сухость, и поэтому, не получив утешения, мы потом увлекаемся суетой послушания.

Ответ. Не нужно подходить к делу так примитивно: если сейчас у нас сухость, то все – никакой пользы от молитвы мы не получаем. Надо потрудиться! Мы должны понимать, ради чего отреклись от мира, стремиться к этому и этим вдохновляться, постоянно упрекать себя в нерадении. А иначе – к чему мы здесь собрались? Здесь ведь не женское общежитие, где можно, так сказать, жить и не тужить. Нужно понимать, что мы ведем особенный образ жизни, поскольку это удобный способ достигнуть вечной жизни. Мы выбираем этот путь именно потому, что он более удобный, а не потому, что он более легкий. Мы должны напоминать себе о вечности и в конечном счете стяжать постоянное чувство ее живого предощущения. Это предощущение вечности можно назвать и памятью смертной. Если же об этом не помнить, тогда наша деятельность становится бессмысленной. Теряя цель жизни, мы и вести себя будем, так сказать, нецелесообразно.

Что касается сухости в молитве, то, еще раз повторю, надо трудиться, не все дается сразу. Исполнение послушания – это одна из самых важных добродетелей, хотя некоторые и считают послушание препятствием к молитве. Им кажется, что если бросить работу, где-нибудь спрятаться и молиться, то они начнут испытывать утешение. Такой подход неправильный, потому что именно при помощи трезвения, внутренней борьбы и отсечения своей воли мы готовим душу к тому, чтобы правильно заниматься молитвой и стяжевать прочие духовные добродетели. Послушание, во-первых, служит средством ко смирению, а во-вторых – учит человека владеть собой.

Ответы на вопросы⁶³

Вопрос. Если я стараюсь непрестанно молиться, но иногда произношу молитву невнимательно, как бы автоматически, то не поминаю ли я имя Божие всуе? Что значит помянуть имя Божие всуе?

Ответ. Когда мы стараемся непрестанно повторять Иисусову молитву, то это не является нарушением заповеди, запрещающей произносить имя Божие всуе. Если иногда мы и произносим молитву невнимательно, механически, то делаем это не специально, не из пренебрежения, а по своей неопытности или, может быть, из-за недостатка благодати.

Произносить имя Божие всуе значит произносить его напрасно, как некую поговорку. Сейчас это довольно распространенный грех. Это очень нехорошая привычка, она говорит о том, что мы не понимаем, како е имя мы произносим и Кого призываем, пусть даже механически. Ведь когда мы, например, находимся рядом с каким-нибудь уважаемым человеком и нечаянно произносим его имя, а на его недоуменный взгляд не знаем, что ответить, то, наверное, у нас будут неприятности из-за такого непочтительного отношения к человеку. А когда мы всуе произносим имя Божие, то нам по недостатку веры кажется, что это ничего не значит. На самом же деле это оскорбительно для величия Божества, поэтому нужно произносить имя Божие с благоговением. Например, древние иудеи вообще считали невозможным произносить имя Божие вслух (конечно, это уже крайность, но я привожу это как пример). В некоторых мистических течениях иудейства считалось, что знающий имя Божие может творить чудеса. В некоторых памятниках раввинистической иудейской литературы чудотворения, которые совершал Господь наш Иисус Христос, кощунственно объясняются именно тем, что Он мог совершать чудеса не потому, что Он Сын Божий, и не потому даже, что Он праведник, но потому, что Он якобы узнал имя Божие и произносил его.

Я говорю это просто для того, чтобы показать, каким уважением у иудеев пользуется имя Божие. Конечно, иудеи отступили от правой веры, не приняли Христа, но все-таки у нас с ними есть общие корни – и они и мы принимаем истины, преподаваемые в Ветхом Завете. У иудеев было такое мистическое движение, последователи которого занимались размышлением над именем Божиим, углублением в него, его созерцанием. Сосредоточиваясь на имени Божием, они приходили в экстатическое состояние и считали, что таким образом познаю т истину. Вот пример того, с каким благоговением, пусть даже неправильно, люди относились к имени Божию. И поэтому просто так произносить «не дай Бог», «ой, Господи» – это нехорошо.

Вопрос. Когда я пою на богослужении, то у меня не получается вникать в слова песнопений, так как приходится постоянно думать о голосе. Мне кажется, что это неправильно, но иначе я не могу. Грешно ли так петь на службе?

Ответ. Для того чтобы внимательно молиться, когда поешь, нужно дойти в пении до некоторого автоматизма. Когда произнесение слов при пении будет происходить естественно, само собой, тогда ты сможешь заботиться и о внимании к самим словам. Если же о внимании ты заботиться будешь, а о правильном пении нет, то, может быть, сама ты и будешь внимательно молиться, но зато остальные люди, присутствующие на службе, молиться не смогут точно. Ты будешь петь «праведно», но все люди в церкви будут грешить. Поэтому, раз уж ты находишься на певческом послушании, нужно волей-неволей заботиться о внешней стороне пения, хотя в идеале она должна соединяться с внутренней.

Нужно научиться петь так естественно, просто и легко, чтобы можно было обращать внимание и на духовную сторону пения, чтобы твоё пение действительно было молитвой. Певчие как люди, от которых зависит молитвенный настрой всех находящихся в храме, в особенности должны обращать внимание на своё внутреннее душевное состояние. Если они, по недостатку опытности, не могут делать это во время пения, то должны готовиться заранее: перед службой внимательно

помолиться, не поддаться пустым, суетным и греховным помыслам. В какой-то степени это отразится и на пении.

Вопрос. Авва Дорофей толкует слова *в той день погибнут вся помышления его* (Пс. 145, 4) в том смысле, что после смерти душа забывает всех своих родных. Допустимо ли такое толкование?

Ответ. Может быть, он имеет в виду не то, что душа совершенно не помнит никаких своих земных связей, а то, что у нее, так сказать, меняются ориентиры, меняется отношение ко всему. Испытывая действие благодати, любовь Божию, душа чувствует привязанность к Богу и душам праведников, которые являются ей родными по духу, а земные связи теряют для нее значение и как бы бледнеют.

Сейчас для нас (конечно, не для всех, а для христиан нерадивых) земные, родственные связи являются более сильными, чем связи духовные. Любовь к родителям, детям, братьям, сестрам и другим родственникам в нас сильнее, чем любовь к братьям и сестрам во Христе, пусть это будут прихожане той церкви, в которую мы постоянно ходим, или сестры, живущие вместе с нами в монастыре. Это происходит по той причине, что земные чувства действуют в нас сильно, а благодатные, духовные – очень слабо. Духовно близкие нам люди для нас не столь родные, потому что мы не чувствуем той близости, которая существует между нами во Христе. Мы все крещены во имя Пресвятой Троицы, то есть мы родились от Бога. Мы все причащаемся единого Тела и Крови Христовых, то есть у нас как бы одна плоть – Плоть Христова, и одна кровь – Кровь Христова. Вот этой кровной связи во Христе мы не чувствуем, а кровная связь по плоти в нас сильна.

Вопрос. Можно ли сказать о мучениках, что они, претерпев телесные страдания, победили страсти? Или же они погибли, будучи еще страстными, но страсти прощены им за мужество в исповедании?

Ответ. Наверное, однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Конечно, мученики боролись со страстями во время тех страданий, которые они терпели. Конечно, они мобилизовывали все свои силы и отчаянно, истово молились, чтобы Господь их

укрепил в страдании. Конечно, они сподоблялись великой благодати. Как рассуждает об этом святитель Игнатий (Брянчанинов), тот путь, которым подвижники благочестия шли в течение десятилетий, мученики проходили за несколько часов крайнего напряжения сил.

В то же время мы знаем, что те из мучеников, которые оставались живы и которых в православной традиции принято называть исповедниками, впоследствии проявляли некоторые человеческие слабости. Известно, например, что во времена святителя Киприана в Карфагенской Церкви возник вопрос о так называемых падших – людях, которые во время гонений из страха или под пытками отреклись от Христа. Исповедники Христовы, полагая, что имеют особые заслуги перед Церковью и перед Господом, дерзали выдавать падшим разрешительные грамоты. Может быть, исповедники были связаны с этими людьми родственными узами или же те умели вызвать у них жалость к себе. Святитель Киприан Карфагенский воспрепятствовал этому и сказал, что давать разрешительные грамоты имеет право только епископ или священник с ведома епископа. Почему он так поступил? Потому что из-за неразумной жалости и милосердия исповедников падшие, которые должны были приниматься в Церковь через покаяние, не исполняли положенной епитимии и, таким образом, по мнению святителя Киприана Карфагенского, не очищались в достаточной степени от своего тяжкого падения – отречения от Христа. Мы видим, что эти исповедники (фактически мученики) ошибались, проявляли ложное, неуместное милосердие – то есть они не были бесстрастными. Значит, нельзя сказать, что мученики побеждают в себе страсти до такой степени, что становятся совершенно очищенными и не имеют даже никаких наклонностей к греху. Может быть, бесстрастие и не является единственным, так сказать, самым важным для спасения свойством. Человек может обладать некоторыми страстями и в то же время иметь наивысшую добродетель – любовь к Богу.

Вопрос. Мне непонятно изречение Исихия Иерусалимского: «Первое дело – внимание; потом, когда заметим, что подошел вражий помысл, бросим на него с гневом слова клятвы из

сердца; третье за тем дело – помолиться на него... чтобы иначе ум не пошел вслед этого мечтания»⁶⁴. Старица говорит, что нужно просто молиться против помыслов. Если можно, объясните на каком-нибудь примере.

Ответ. Старица правильно говорит, что нужно молиться против помыслов, но сначала помысел надо увидеть. Если у нас нет внимания, значит, мы и помысла не увидим. Как мы можем молиться против помыслов, когда, не имея внимания, мы принимаем все помыслы подряд и тут же их исполняем? У нас почти нет промежутка времени между принятием помысла и исполнением его на деле. Мы в этом похожи на животных: как собака увидит кусок мяса и сразу хочет его схватить, так поступаем и мы. Поэтому, конечно, внимание должно быть прежде всего. Человек смотрит внутрь себя, наблюдает, что в нем происходит. Если он видит какой-либо помысел, то должен определить, что этот помысел собой представляет: может быть, это хороший помысел, например практический. Если ты несешь послушание на кухне и тебе приходит помысел посолить суп, а ты этот помысел отвергаешь, то суп получится пресным. Или, например, если тебя кто-то оскорбил и тебе пришел помысел сказать «прости», а ты его отвергаешь и начинаешь на этого человека кричать, то это, конечно, неправильно, это не борьба с помыслами.

Итак, сначала ты должна помысел увидеть, а потом оценить. Если, как я сказал, во время послушания тебе приходит невинный житейский помысел, относящийся к твоей работе, то в этом ничего греховного нет, иначе мы под предлогом стремления к бесстрастию будем портить всякое дело. Но если тот же помысел приходит во время правила, то это уже грех – на правиле нужно забыть обо всем. Потом помысел нужно оценить с точки зрения нравственности: соответствует он Евангелию или нет. Но опять же нужно иметь в виду, что во время правила лучше не принимать никаких или почти никаких помыслов. Иногда во время молитвы приходят душеполезные помыслы; от самого действия молитвы могут появиться помыслы смирения и покаяния, но и к ним нужно

относиться с большой осторожностью и относительно них советоваться со старицей или духовником.

Далее. Если ты понимаешь, что помысел греховный, то должна против него вооружиться. Исихий Иерусалимский говорит, что нужно с гневом бросить в этот помысел слова клятвы. Но, конечно, этот его совет не нужно понимать буквально. Проклинать помысел словами «будь ты проклят! чтоб ты провалился! чтоб ты пропал!» – нелепо. Сколько ты его ни проклинай, лучше не будет. Но если понимать под словами «бросить с гневом слова клятвы» внутреннее противление греху, негодование на него, то это правильно и хорошо.

И потом мы сразу начинаем молиться против помысла. «Молиться против» значит молиться о том, чтобы Господь укрепил нас в борьбе с этим помыслом. Мы не можем отбросить помысел своими силами, даже если напряжемся и всей душой ему воспротивимся. Может быть, некоторые преуспевшие подвижники, укрепленные благодатью, и могут прогонять греховный помысел таким образом, но новоначальные едва ли. И поэтому мы должны воспротивиться и тут же призвать Господа на помощь. Однако если мы не будем сопротивляться, а станем только молиться, то мы можем принять помысел, вступить с ним в собеседование и одновременно молиться. Таким образом, у нас в душе останется и страстный помысел, которым мы будем всё более и более увлекаться, и молитва, которая, наоборот, будет все более ослабевать, потому что внимание будет постепенно перетекать в этот греховный помысел. Поэтому сопротивление, «слова клятвы, с гневом бросаемые из сердца», по выражению Исихия Иерусалимского, обязательно должно быть, хотя оно само, без молитвы, совершенно бессильно. Итак, важны внимание, оценка помысла, сопротивление и молитва. Конечно, можно в заключение добавить: легко сказать, да трудно сделать, – но другого способа вести брань с помыслами нет.

Вопрос. После вашей проповеди о заповеди о любви к Богу и ближним у меня появилось желание приобрести эту добродетель. Нужно ли стремиться к исполнению именно этой заповеди или стараться более о послушании и молитве?

Ответ. Я думаю, что мы должны стремиться к исполнению всех евангельских заповедей, и в том числе наивысшей из них – заповеди о любви, которая, как выражается апостол Павел, является соединением всех добродетелей. Но стремиться к этому нужно разумно. Мы не можем перескакивать сразу через несколько ступеней и мчаться к наивысшей заповеди. Если мы понуждаем себя к внимательной Иисусовой молитве, которая является не самой любовью к Богу, но как бы своего рода изображением, образом любви к Богу, то таким образом мы понуждаем себя к любви Божией. В древности некоторые подвижники так и называли непрестанную молитву – любовь Божия. Когда мы понуждаем себя к непрестанной молитве, – не просто занимаем ею всё свое время, но собираем свой ум, отвлекая его от всех земных пристрастий, – то мы понуждаем себя любить Бога, и благодать содействует нам. А когда появляется любовь к Богу, то от нее естественно, как свет от солнца, исходит любовь к ближнему. Не может быть любви к Богу без любви к ближнему. Любовь к ближним – это признак присутствия в человеке первой и наибольшей добродетели – любви к Богу.

Возможно и обратное: понуждая себя любить ближних, допустим терпя от них какие-то обиды, унижения, прислуживая людям, стараясь снисходить и угождать им, пусть даже в мелочах, мы приобретаем любовь к Богу, потому что это две взаимосвязанные вещи. Об этом говорит апостол Иоанн Богослов. Когда Спасителя спросили об одной заповеди: *Какая наибольшая заповедь в законе?* – Он, естественно, присовокупил к ней и вторую: *Вторая же подобна ей* – показывая, что они неразделимы (см. Мф. 22, 36 и 39). Он как бы сказал: «Вы не можете иметь любви к Богу, потому что вы не имеете любви к ближнему». Поэтому, понуждая себя к покаянной молитве, как будто бы эгоистичной, ведь содержание ее – это наше собственное покаяние, прощение только наших грехов, мы незаметно начинаем чувствовать, как по мере усугубления внимания и покаяния в Иисусовой молитве в нас появляется любовь к ближнему, сочувствие к нему,

предпочтение его себе, мягкость, снисхождение, смирение, приветливость.

Вопрос. Авва Дорофей пишет, что тот, кто подвизается ради того, чтобы получить воздаяние за свои дела, поступает неразумно, а тот, кто подвизается из любви к Богу и добродетели, поступает разумно и находится в сыновнем состоянии. Объясните, пожалуйста, его слова.

Ответ. По общепринятому учению святых отцов есть три степени духовного состояния христианина: рабская, наемническая и сыновняя. Те, кто подвизаются, чтобы избежать наказания, подвизаются как рабы. Те, кто подвизаются ради награды, – как наемники. А те, кто трудятся из любви к самой добродетели, достигли высшего состояния и подвизаются как сыны. Но Господь не всегда дарует человеку такую благодать, чтобы он сразу имел бескорыстную любовь к добродетели или к Богу. Чаще всего человек постепенно восходит от рабского состояния к высшему, но нужно сказать, что высшего состояния достигают немногие. Дай нам Бог приобрести хотя бы первое состояние – иметь настоящий страх Божий и не грешить. Судя по тому, как мы бесстрашно грешим, нельзя сказать, что мы имеем сыновнюю любовь к Богу. Для того чтобы достигнуть состояния любви, нужно пройти целый ряд этапов, да и не всякий, как я уже сказал, этой степени достигнет. Поэтому, чем мечтать о том, что мы имеем любовь к Богу, лучше приобретем сначала настоящий страх Божий. Это обязательно скажется на нашем душевном состоянии и поведении. Может быть, потом мы постепенно взойдем и на высшие степени.

Начинать нужно с чего-то малого, а то мы мечтаем о любви и при этом не имеем ни страха Божия, ни желания награды на Небесах. Кто желает получить награду? Тот, кто верит в будущую жизнь как в совершенно очевидную реальность. Можем ли мы о себе сказать, что мы ясно верим в вечную жизнь, что достижение вечного блаженства является для нас целью каждое мгновение нашей жизни? Разве в нас не возникает много разных призрачных, суетных целей: преуспеть в каком-то деле, получить похвалу от какого-то человека и так далее? Мы боимся, что о нас плохо подумают или накажут, а

Бога отнюдь не боимся. Желаем земных наград, например, чтобы нас перевели на лучшее послушание или еще как-нибудь поощрили. Ждем от других любви, хотим, чтобы независимо от нашего поведения нас любили духовник, настоятельница, старица. И получается, что все наши интересы не духовные, а земные. Давайте не будем мечтать о возвышенных добродетелях, а приобретем хотя бы самое низшее из описанных состояний, но так, чтобы оно изменяло нашу жизнь или по крайней мере на нее влияло. Тогда мы будем видеть, что мы действительно что-то приобрели.

В том, чтобы служить Богу из страха, нет ничего унижительного, как и в том, чтобы трудиться ради награды, потому что эта награда состоит не в деньгах и не в каких-то земных благах, а в вечном блаженстве, в общении с Богом.

Вопрос. Батюшка, а если человек вначале не имеет ни любви к Богу, ни страха Божия, что же им движет?

Ответ. Нельзя сказать, что в нас совсем нет любви к Богу и страха Божия. Поскольку мы получаем от Бога благодетения, чувствуем в себе благодать, которая дается нам в таинствах, то у нас есть и благодарность, и любовь к Богу, но действуют они в нас слабо. Нельзя сказать, что в человеке сначала бывает один только страх, а потом одна только любовь. Есть и то и другое, но что-то действует слабее, а что-то сильнее, и это заставляет нас двигаться к тому, чтобы приобрести нечто большее. Я не спорю, что кто-то, возможно, и приобретет любовь к Богу сразу, но, наверное, нужно рассчитывать на меньшее, а большее придет в душу помимо нашего ожидания.

Вопрос. Как нужно вести себя, чтобы претерпеть укор или обиду с пользой для души? Я хотя и промолчу, но в душе все горит и поэтому смущаюсь, что не получаю пользы от молчания.

Ответ. Промолчать – это уже хорошо, но надо еще внутренне побороться с грехом. Мы сдержали страсть, чтобы она не вышла наружу, но нужно ее победить внутри самого себя, то есть молиться так, чтобы прошло смущение от гнева и обиды. Если это произойдет, то мы получим пользу. Однако и то, что мы сдерживаемся (если это не проявление

скрытности, лукавства или коварства), уже является признаком некоторого преуспевания. Хотя бывают люди от природы молчаливые, которые строят всякие козни и планы о том, как отомстить. Конечно, в таком случае молчание не принесет пользы. А если ты сдерживаешься и потом пытаешься внутренне преодолеть страсть, по крайней мере скорбишь о том, что ты ей поддался, это уже какой-то результат.

Вопрос. Я очень довольна жизнью в монастыре и счастлива здесь. Говорит ли это о том, что я не желаю получить награды в будущей жизни?

Ответ. Всякий человек ищет счастья: кто в институт поступает, кто замуж выходит или женится, кто карьеру желает сделать, кто в монастырь идет. Искать счастья свойственно человеку, но в чем оно состоит – на это почти у всех людей разные взгляды. Я тоже считаю, что жить в монастыре очень хорошо и что, если бы даже нас не ожидала никакая награда, все равно здесь лучше, чем в миру. Когда мне говорят о том, как соблазнительна жизнь в миру, я даже недоумеваю, что там такого соблазнительного, если в миру все может вызывать у человека только отвращение, негодование и страх.

Монах в монастыре счастлив уже на земле, даже если он и не какой-то особенный подвижник. Это очень правильное чувство. Конечно, это не только оттого, что у нас беспечальный образ жизни, здесь и трудностей много, но и оттого, что мы получаем благодать, чувствуем, как происходит наше внутреннее очищение. От всего этого мы счастливы и до какой-то степени ощущаем блаженство. И это есть предвкушение вечного блаженства. Мы уже сейчас избрали образ жизни, про который Спаситель сказал: *Разве вы не знаете, что в будущей жизни не будут ни жениться, ни замуж выходить, а будут, как Ангелы на небесах?* (см. Мк. 12, 24–25). Мы стараемся подражать ангелам, и Господь нас укрепляет и утешает. Я думаю, что большинство сестер в монастыре счастливы, иначе и быть не может.

Вопрос. Спаситель говорит: *Кто не несет креста своего и идёт за Мною, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 27). А что значит не брать креста, но идти за Спасителем?

Ответ. Это значит желать быть учеником Спасителя, но в то же самое время не желать терпеть скорбей, которые естественно проистекают из следования за Христом. Тот, кто хочет идти за Христом, но при этом не хочет ради Него страдать, испытывать скорби, – не может стать Его учеником, то есть не может научиться от Него добродетельной жизни. Мы читаем Евангелие и воспринимаем учение Спасителя умом, а нужно научиться воспринимать его сердцем. Умом мы следуем за Господом, а сердцем ничего от Него не воспринимаем. Например, мы знаем, что нужно любить ближнего, но не можем любить его – Господь еще не научил наше сердце любить. И в этом смысле мы не сможем стать учениками Спасителя, если не захотим страдать за Него, то есть бороться с собой, терпеть обиды и так далее.

Вопрос. Во время приезда патриарха меня перевели на другое послушание: я три дня работала в трапезной с утра до позднего вечера, не успевала читать Евангелие и не была на правилах. А после трех дней вдруг обнаружила, что молюсь в несколько раз лучше, чем раньше, с такой теплотой и такими слезами, каких не было, когда я молилась в течение дня и на правиле. Почему так?

Ответ. Так и должно быть, потому что в это время ты слушалась и смирялась. Господь дает молитву не тому, кто дерзновенно и горделиво ее ищет, а тому, кто смиряется и отрекается от своей воли. И в этом нет ничего удивительного. Молитве мешает не наша занятость, а наша гордость, и больше ничего. Препятствия не снаружи, а внутри нас – только наши собственные страсти являются заслоном между нами и Богом, а не какие-то обстоятельства, суетное послушание и так далее.

В статье «О молитве Иисусовой» святитель Игнатий (Брянчанинов) описывает такой случай: один подвижник, зайдя в просфорню, поклонился трудящимся там братьям как-то особенно низко, и у него так начала действовать благодать молитвы, что он даже вынужден был уединиться в келии и не мог исполнять послушание. Старец Силуан имел дар непрестанной молитвы и молился за весь мир, при том что нес

послушание эконома. В Пантелеймонове монастыре тогда жило больше двух тысяч человек! Конечно, он был экономом не всего монастыря, а только его части, но все равно это огромное хозяйство. Множество рабочих, которые иногда его ругали. И все это ему не мешало. Почему? Потому что он был смирен.

Значит, это иллюзия, что нужно обязательно уединяться, что кто-то нам мешает спасаться, мешает молиться. Конечно, когда человек увлечется своим делом, он отвлекается от молитвы, но если он исполняет послушание со смирением, то готовит свою душу к молитвенному предстоянию. Целый день человек бегают, крутится, суетится, а потом встает на молитву – и вдруг его душа исполняется благодати. Об этом говорит и Лествичник – эта истина известна с VI века! А мы никак не хотим ее принять – нам все время мешают молиться. К уединению человек может перейти только из смиренного состояния, к которому его подготовит послушание в монастыре.

Знаменитый подвижник Онуфрий Великий подвизался в пустыне в полном уединении, но начал он с общежительного монастыря. Этот монастырь и сейчас известен, он находится в окрестностях Иерусалима. Сначала он подвизался среди братии, а потом уже ушел в пустыню, притом по откровению. Так что не нужно роптать на свое послушание, лучше ропщите на свою гордость, на свои страсти – они вам мешают.

О страсти любоначала⁶⁵

Когда человек приходит к Богу, в Церковь, он имеет, конечно же, самые добрые, искренние намерения. Иногда этот бескорыстный шаг можно справедливо назвать подвигом веры. Но, к сожалению, часто даже в самых ревностных христианах действуют такие страсти, которые при всей искренности этих людей делают их спасение почти невозможным или, скажем так, сомнительным. К таким страстям в первую очередь относится гордость.

Гордость может выражаться по-разному. Как любой предмет во взаимодействии с другими предметами проявляет разные свои качества, так и гордость в тех или иных ситуациях обнаруживает свои различные свойства. В данном случае я хочу сказать о гордости как о любоначалии, то есть о презрении к ближним и желании превосходства над другими людьми.

Евангелие рассказывает о том, что эта страсть действовала даже в ближайших учениках Спасителя – апостолах. А ведь они, как мы знаем, оставили всё и, не оглядываясь, последовали за Господом. Их отречение от мира – внешнее или, может быть, внутреннее, невидимое другим, – было совершено с необыкновенной искренностью. Однако, несмотря на это, и в них жила страшная страсть любоначала.

Евангелист Матфей описывает проявление, всплеск этой страсти в учениках и обличение их Спасителем так: *В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (Мф. 18, 1–3).* Ученики думали уже как будто бы не о земном величии, а о славе небесной, но Спаситель и в этом случае воспретил всякое тщеславие, всякую надменность. И вместо того чтобы дать ответ на их вопрос: *Кто больше в Царстве Небесном?* – Он говорит: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное.* Господь дал апостолам понять, что они вообще могут оказаться чуждыми того Царства

Небесного, в котором как будто бы должны иметь бо льшую или меньшую славу.

Спаситель призвал отрока и указал на него как на видимый образец неподдельного смирения: *Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном (Мф. 18, 4).* Дети бывают разные. К сожалению, есть и такие, которых нельзя поставить в пример. Но этот отрок, видимо, еще не достиг того возраста, когда страсти начинают проявляться, он имел искреннюю простоту и ничего о себе не мнил. Может быть, он даже и не думал о смирении (как думаем об этом мы, стараясь смиряться, видеть себя хуже всех) и непритворно считал себя обыкновенным, ничего не значащим существом. И Спаситель призывает нас, как говорится в славянском тексте, *смириться яко отрока сие*, то есть искренне, неподдельно, как это свойственно детям, не думать о себе ничего особенного. Он призывает нас ни в чем не считать себя лучше или превосходнее других – не только в отношении какого-либо земного преимущества, но и в отношении духовности, стяжания благодати.

Далее Господь говорит: *И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской (Мф. 18, 5–6).* Человек, смилившийся до такой степени, что стал искренне чувствовать себя малейшим из всех, никогда не будет искать первенства, преимущества перед другими, но всегда станет во всем уступать. Поэтому в глазах людей неопытных или страстных, а может быть, и лукавых, он будет презренным и ничтожным. Эти люди, действуя по страсти, начнут его различным образом искушать: притеснять, оскорблять, унижать. Господь же предупреждает, что человеку, который будет соблазнять *одного из малых сих* (не только своими страстями, например блудной, но и гонениями, обидами), было бы лучше, если бы его утопили. Так Спаситель предостерегает нас от презрения к ближнему.

Далее Господь говорит: *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих (Мф. 18, 10).* Под *малым* нужно понимать

не того человека, который действительно мал, – мы не можем знать, кто пред Богом мал и кто велик, – но того, который кажется ничтожным в наших глазах. Иногда мы презираем человека за то, что он не занимает в обществе никакого положения, неважно – в монастыре или в миру. А порой мы смотрим на человека свысока потому, что он кажется нам недуховным, или необразованным, или неумным, или не способным к какому-то делу. Мы можем относиться к человеку с презрением даже за его внешний вид – у нас находится много поводов для того, чтобы считать человека *малым* и по сравнению с другими ничего не значащим. Но Господь предупреждает: *Не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного (Мф.18,10)*. Презирая человека, который в наших глазах мал и ничтожен, мы презираем и ангела, который непрестанно молится о нем Богу и просит о помиловании и спасении души этого человека. Нам такой вывод может показаться неожиданным и странным, но об этом говорит Господь Иисус Христос.

Между тем Спаситель учит нас противоположному отношению к ближнему. Он говорит, что людям нужно служить, но не как обыкновенным или даже жалким существам, а с чрезвычайным уважением и благоговением. Часто мы выражаем нашим ближним такую же «любовь», какую проявляем, например, по отношению к животным: бродячей собаке мы из жалости бросаем сухарь.

Когда Спаситель при помощи притчи изображает Страшный суд, Он говорит об этом так: *Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на Престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был*

наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне (Мф. 25, 31–40). Обратите внимание, Спаситель здесь употребляет слово *меньший*, которое подобно слову *малый*: *Сих братьев Моих меньших*. Он говорит, что мы должны делать человеку добро не просто как меньшему нас в каком-либо отношении, но как Самому Христу. Служить ближнему так, будто мы служим Самому Богу, – с благоговением, уважением, а не с презрением. Некоторые считают, что человека можно презирать и любить одновременно, но это поверхностное рассуждение. Невозможно искренне полюбить человека, если мы не считаем себя хуже его, – это закон. Любовь рождается из смирения. И сохранить ее, как говорит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, также невозможно без смирения.

Спаситель не погнушался принять на Себя образ униженного человека. Он не постыдился назвать Себя алчущим, и жаждущим, и странником, то есть бездомным, а такие люди отнюдь не всегда выглядят благоговейными и прекрасными: униженные нищетой, лишенные жилища, они, как правило, бывают опустившимися. Господь не постыдился признать Себя нищим настолько, что даже назвал Себя нагим. В Евангелии нет упоминания о том, что Спаситель болел и страдал, кроме описания тех страданий, которые Он претерпел на кресте. Однако Он приписывает Себе и немощь, которая человека унижает и часто делает его в глазах других людей презренным, – бывает, что близких презирают и за отсутствие здоровья. Люди крепкие, жизнеспособные часто относятся к тем, кто физически их слабее, с презрением и негодованием, обвиняя последних в лени и лукавстве.

Спаситель говорит о Себе не только как о бездомном, голодном, нагом, больном, но и как о находящемся в тюремном заключении, которое также не всегда бывает несправедливым (да и в Евангелии нигде не сказано, что мы должны помогать только тем, кто заключен в темницу несправедливо): *В темнице был, и вы пришли ко Мне*. Спаситель Сам Себя так унижает, чтобы научить нас никого не презирать. Он не стыдится показать Себя уничиженным, а мы, к сожалению, стыдимся проявлять чувство любви к братьям и сестрам, которые ничуть не хуже нас. Если же, как нам кажется, мы его и проявляем, то с некоторым презрением, но это уже, конечно, не любовь. Итак, смиряться нужно перед всяким человеком и служить нужно также всякому человеку, потому что если мы не оказываем служения ближнему, то в его образе мы презираем Самого Христа.

В Евангелии есть еще одно повествование о том, как ученики Спасителя искали между собой первенства, не понимая, насколько такое желание недопустимо. *Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, в славе Твоей (Мк. 10, 35–37)*. Вместе с наивной простотой и прямоотой в учениках, безусловно, проявилась и гордость. Мы видим, что это греховное чувство возникало у апостолов неоднократно, под разными предлогами. И если такие великие избранники Божии были подвержены страсти любоначалаия, которая не могла сразу в них иссякнуть, несмотря на строгие обличения и вразумления Господа Иисуса Христа, то тем более мы должны быть осторожны, внимательны к себе, чтобы видеть эту страсть и противиться ей.

Сознавали апостолы до конца, о чем просят, или нет, понимали, что такое Царство Небесное и слава Божия, или не понимали, но они просили просто и искренне. Однако Спаситель показал им, что эта их просьба, казавшаяся им такой прямой и достойной внимания, есть проявление гордости. *Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите (Мк. 10, 38)*, другими

словами: «Вы говорите о славе Божией, но кто может сесть одесную и ошуюю славы Божией? Можно ли об этом думать? Достойны ли вы – именно вы – этого?» Некоторые толкователи понимают эти слова Господа так, что «одесную и ошуюю» должны были стоять апостолы Петр и Павел, как более достойные, более потрудившиеся ради Христа. Еще можно предположить, что «одесную и ошуюю» славы Божией стоят Божия Мать и Иоанн Креститель, поэтому-то в деисусном чине они изображаются справа и слева от Иисуса Христа. Но более мудрое толкование, как мне кажется, состоит в том, что на самом деле предстоять «одесную и ошуюю» славы Божией невозможно никому из людей. Апостолы не понимали (и мы также не понимаем), что означает такое предстояние. Уму человека это непостижимо.

Господь спрашивает апостолов: *Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?* (Мк. 10, 38). Спаситель говорит здесь о Своих страданиях. Но ученики, по толкованию святителя Иоанна Златоуста, не совсем понимали, о чем идет речь, и поэтому, желая получить просимое, с горячностью отвечали: *Можем! Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано* (Мк. 10, 39–40).

Дальше происходит самое главное, ради чего мы, можно сказать, и читаем это повествование: *И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна. Иисус же, подозвав их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими* (Мк. 10, 41–42). Мне кажется, по-славянски смысл выражен более ясно и, если можно так выразиться, более выпукло: *Весте, яко мнящиися владети языки, соодолевают им*. Те властители, которые мнят о себе, что они владеют народами, заблуждаются, потому что на самом деле владеет народами и управляет их судьбами Господь. Эти люди считают себя владыками, полагая, будто исторические события совершаются по их воле. *И велицыи их обладают ими* – народами обладают те из людей,

кто имеет соответствующие качества, чтобы захватить власть (неважно, каким образом: путем выборов, переворота или, например, воздействия на людей через средства массовой информации).

И Спаситель говорит: *Но между вами да не будет так* (по-славянски: *Не тако же будет в вас.* – Схиизум. А.): *а кто хочет быть бóльшим между вами, да будет вам слугою* (Мк. 10, 43). Если мы действительно хотим превосходить в чем-то наших братьев и сестер, то должны превосходить их прежде всего в смирении. Причем не в таком смирении, при котором мы лишь в уме почитаем себя худшими, заставляя себя так думать, а в смирении, которое проявляется на деле. Истинная добродетель обязательно должна обнаружиться в делах, иначе можно усомниться не только в ее подлинности, но и в самом наличии ее и предположить, что это самообман, прелесть.

А кто хочет быть бóльшим между вами, да будет вам слугою. Начиная служить нашим братьям и сестрам, мы показываем, что являемся бóльшими их в смысле исполнения заповеди о совершенстве, данной нам Евангелием: бóльшими в смирении, любви. И далее: *И кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом* (Мк. 10, 44). Как раб, по определению древних римлян, был одушевленной вещью, так и человек, желающий исполнить Евангелие и быть бóльшим, должен всем служить и исполнять чужую волю, смиряться перед ближними и творить добро бескорыстно, то есть исполнять обязанность, а не делать одолжение. Человек должен быть настолько преданным этому служению, словно он как раб принадлежит своим ближним.

Далее Спаситель преподает ученикам необыкновенный урок смирения. Раньше Он говорил о том, что, презирая ближних, «малых», мы таким образом презираем и оскорбляем ангелов, которые молятся о них Богу, а также о том, что, не оказывая ближним помощи, мы не служим Ему Самому. Теперь Господь откровенно ставит в пример для подражания Самого Себя.

Многие рассуждают о подражании Господу, а иные даже пишут об этом книги: например, западный подвижник Фома Кемпийский – прельщенный, как говорит о нем святитель

Игнатий (Брянчанинов), – написал книгу, которая так и называется – «Подражание Христу». Безусловно, есть и справедливые рассуждения о подражании Христу. Люди желают и ищут этого подражания, но не знают точно, в чем оно состоит. Спаситель же прямо и ясно указывает, в чем именно мы должны Ему уподобиться – в смирении. А мы как раз этого и не хотим. Мы желаем подражать Христу в Его величии, славе, но не в Его уничижении. А Господь говорит: *Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мк. 10, 45). Этими словами Он открывает нам, что Его подвиг состоит прежде всего в служении, а не в желании господства. И Спаситель доказал это Своими страданиями, Своим уничижением, Своей смертью на кресте.

Вновь и вновь Господь Иисус Христос обличает Своих ближайших учеников, преданных Ему апостолов, желая научить их смирению. Среди них находился и Иуда Искаротский, который, надо полагать, был не в состоянии понять слов Господа о смирении. Впрочем, даже искренне любящие Его ученики также не могли принять Его слова сразу. Потому Господь наш Иисус Христос постоянно возвращается к этому важному поучению. Столь важному, что Он даже решил изобразить его в определенном действии, которое наглядно показало бы, как нужно смиряться и служить друг другу, и запечатлелось бы в памяти учеников. Замечательно повествует об этом апостол и евангелист Иоанн Богослов: *Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом (обратите внимание: явил делом. – Схиизум. А.), что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их* (Ин. 13, 1). Из дальнейших действий Господа можно сделать вывод о том, что признаком любви является смирение.

Читаем далее: *И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искароту предать Его...* (Ин. 13, 2). Евангелист Иоанн делает это примечание в самом начале повествования, показывая, что Иуда также был на вечери среди учеников, и Господь, таким образом, смирился и перед ним.

Дальше Иоанн Богослов особо подчеркивает: Господь знал, что происходит, и все до последнего мгновения совершалось Им осознанно и неслучайно. *Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан. Подходит к Симону Петру... (Ин. 13, 3–6).* Судя по последним словам, Спаситель уже омыл ноги некоторым ученикам, может быть и Иуде Искаротскому, а потом подошел к Петру. *И тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? (Ин. 13, 6).* Апостол Петр сказал так от любви и необыкновенного благоговения, которое испытывал к Иисусу. Но в данный момент это благоговение было неуместно – нужно было внимать уроку смирения. Ведь и принимающий служение тоже показывает некоторое смирение перед тем, кто ему служит, хотя не столь великое, как смирение самого служения.

Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь (по-славянски: Ты не веси ныне. – Схиизум. А.), а уразумеешь после (Ин. 13, 7). Когда же апостол Петр смог уразуметь эти слова? Наверное, когда Господь наш Иисус Христос воскрес из мертвых и тем доказал, что Он есть истинный Сын Божий, истинный Бог, и когда в день Пятидесятницы, или, как мы называем его по церковной традиции, в День Святой Троицы, на апостолов сошел Дух Святой. Иначе говоря, только тогда, когда ученики познали тайну Пресвятой Троицы, Петр до конца понял, что произошло и Кто умыл ему ноги. Он понял, сколь велико было смирение Сына Божия: Он, будучи Богом, не только воспринял на Себя естество сотворенного Им существа, человека, но и перед самими этими людьми – грешными людьми! – смирился настолько, что умывал их ноги.

Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною (Ин. 13, 8). Апостол Петр, как человек горячий и простой, сразу высказал мысль, которая была у него в душе: он находил

невозможным то, чтобы Иисус умывал ему ноги, и, поскольку Петр справедливо считал, что его чувство благоговения и любви к Иисусу истинно и правильно, осмелился Ему возражать. Но Спаситель, желая научить Петра смирению и заставить его послушаться, устроил его тем, что если он не подчинится, то не будет иметь награды, то есть общения с Господом Иисусом Христом в будущей жизни. *Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною. Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову (Ин. 13, 8–9).* После такого ответа апостол Петр, конечно же, смирился и позволил Иисусу сделать эту, как ему казалось, небывалую, невозможную вещь – умыть его ноги.

Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все. Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты. Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? (Ин. 13, 10–12). Теперь Спаситель объясняет, для чего Он умыл ноги Своим ученикам. Казалось бы, это омовение было ни к чему: им уже достаточно было преподано самых возвышенных уроков и показано великих чудес. Господь воскресил праведного Лазаря, Господь вошел в Иерусалим, и ученики, как и весь народ, слышали голос Небесного Бога Отца, подобный грому, сказавший о Сыне: *И прославил и еще прослаблю (Ин. 12, 28).* Но, оказывается, нужен был еще и такой урок, в виде странного поступка – омовения ног Своим ученикам. Спаситель хотел не только учить апостолов смирению, но и показать им пример истинного смирения, чтобы этот пример жил в их сердцах, чтобы они всегда помнили, как Сын Божий – их Творец – умыл ноги своему падшему творению. *Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то (по-славянски: есмь бо. – Схиизум. А.). Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам (Ин. 13, 12–15).*

Обряд омовения ног, о котором здесь идет речь, у древних христиан был очень распространен. Он совершался также и в некоторых древних монастырях, например в палестинских обителях. Иоанн Кассиан Римлянин рассказывает, что в этих обителях братия делилась на две «чреды»: одни несли послушания, а другие пребывали в молитве. Когда заканчивалась седмица, те братья, которые несли послушания, умывали ноги тем, которые молились, после чего они менялись местами: молившиеся вступали в свою череду служения, а остальные пребывали в молитве. И так братья смирялись друг перед другом.

Вам, конечно, известно, что обряд омовения ног совершается и сейчас: в Иерусалиме в Великий четверг патриарх умывает ноги митрополитам, епископам и архимандритам в воспоминание омовения Спасителем ног ученикам. После этого воспоминаются молитва Господа в Гефсиманском саду, сон учеников и предательство Иуды. Иногда этот обряд в Великий четверг в сокращенном виде совершается и некоторыми русскими православными архиереями. Такой обычай существовал раньше у многих верующих людей: когда к ним приходили гости или странники, то хозяева умывали пришедшим ноги и так смирялись перед ними. Главное заключается не в самом этом обряде, пусть даже и необычайно возвышенном, душеполезном и назидательном (который, может быть, имеет смысл возродить в нашей повседневной жизни). Главное – внутренне смиряться перед своими братьями и сестрами так, будто мы умываем им ноги. Как с ног человека смывается вся грязь, так и мы, смиряясь друг перед другом, должны пренебрегать всеми немощами и погрешностями, которые видим в своем ближнем. Ибо как человек, ступающий по земле, не может не замарать своих ног, так и все мы, живущие здесь, сталкиваясь с различными земными обстоятельствами, не можем не погрешить. Мы должны помнить об этом и снисходить к ближнему (но не к себе!).

Обратимся вновь к Евангелию. *Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то.*

Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете (Ин. 13, 13–17). Если мы хотим быть истинными рабами и посланниками Господа, то будем помнить: мы блаженны не тогда, когда знаем о необходимости смирения (впрочем, и это хорошо), но когда исполняем данную Господом заповедь. Повторю: Спаситель желает, чтобы мы подражали Ему прежде всего в смирении. Он много учил апостолов смирению друг перед другом и в конце концов преподавал им урок, безусловно потрясший их и запомнившийся им на всю жизнь.

Я уже говорил о том, что часто мы, когда Евангелие надо исполнить на деле, забываем о нем – оно будто бы уносится из нашего сердца. Вспомним притчу о сеятеле: иное зерно выклевали птицы, иное возшло и сразу засохло, а иное оказалось заглушено тернием. Так и евангельское учение о смирении в нашей душе по большей части погибает: либо исчезает совсем, – если мы предаем его полному забвению, либо не приносит никакого плода, – когда мы содержим его только в уме, никак не применяя на деле. Мы совсем забываем о том, для чего призваны, для чего пришли в монастырь: ради вечного блаженства, ради спасения души. А иначе зачем нам надо было бы вести такой странный образ жизни? Мы забываем, что отказались от возможности (по крайней мере, теоретической) преуспеть и утвердиться в земной жизни. Каждый из нас пришел в обитель, как бы добровольно признавая, что он ничего собой не представляет и ему нужно думать об одном только спасении. И вдруг в монастыре, месте, которое, казалось бы, предназначено сугубо для смирения, мы начинаем превозноситься друг над другом в каких-то ничтожных вещах.

Авва Дорофей обличает людей, которые отреклись от богатого имени, но начали испытывать пристрастие к ничтожным вещам, поскольку это действие той же самой

страсти любостяжания. Мы подобны этим людям: отказавшись от возможности преуспеть в миру, мы начинаем искать превосходства, каких-то преимуществ друг перед другом в монастыре. Мы стремимся друг друга обличить, поставить на место, желаем защитить свою позицию и переживаем оттого, что нас, как нам кажется, унижают, снимая, допустим, с какой-то должности, переводя с одного послушания на другое. Хотя все это делается исключительно с одной целью – ради нашей душевной пользы.

Нужно учиться смиряться не только перед настоятельницей, старицей или духовником, но и друг перед другом. Мы должны смиряться перед каждой сестрой, независимо от того, является ли она по сравнению с тобой большей или меньшей – пусть это будет сестра старая, или больная, или маленькая девочка, которая для нас ничего не значит, или, например, какая-нибудь неумеха, которую можно презирать за то, что у нее ничего не получается и все валится из рук.

К сказанному можно добавить еще и следующее: нужно всегда помнить изречение Спасителя: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). В любом богоугодном деле, особенно в исполнении евангельских добродетелей, мы должны надеяться не на себя, но на Господа Иисуса Христа, Сына Божия, непрестанно прибегать к Нему за помощью – просить Его о том, чтобы мы могли всегда содержать в памяти евангельское и святоотеческое учение. Но нужно не просто знать это учение теоретически, а вспоминать в нужный момент и применять его на деле, находить в себе силы противиться искушению. Конечно, все это трудно: духовный рост происходит не так быстро, как бы нам хотелось. Идет постоянная борьба: мы претываемся, потом восстаем, вновь претываемся... Но трудиться над собой все равно нужно.

Если мы будем забывать о столь важной вещи, как приобретение смирения, то любой монастырь может превратиться в сборище каких-то странных людей, которые, с одной стороны, от всего отказались, а с другой – вдруг вспомнили, что они все-таки кое-что из себя представляют. Это равносильно тому, как если бы нищие начали между собой

спорить, кто из них богаче. Решившись вести нищенский образ жизни, нужно забыть о богатстве; а если ты ищешь богатства, тогда нужно подумать, как и для чего ты оказалась в монастыре.

У одного подвижника монахи спросили: «Что нам делать, чтобы спастись?» Он говорит: «Вы Евангелие читали?» – «Да, читали». – «Вот и исполняйте его». Монахи подумали, что никакого ответа они не получили, и в следующий раз, по прошествии некоторого времени, опять спрашивают его: «Отче, что нам делать, чтобы спастись?» А тот вновь задает им тот же вопрос: «Вы Евангелие читали?» На этот раз они решили сказать по-другому: «Нет, не читали», на что подвижник ответил: «Тогда прочтите его и исполняйте». Все монашеское делание состоит в исполнении евангельских заповедей. Мы должны постоянно перечитывать Евангелие, чтобы оно содержалось в нашей памяти. Конечно, полезно читать и святых отцов, изъясняющих Евангелие. К сожалению, время от времени нам приходится напоминать о том, что жить мы должны по Евангелию, а не по своим собственным принципам.

Можно еще сказать немного о послушаниях и способностях. У людей бывают разные способности: у одного – вокальные, у другого – художественные и так далее. Иногда человек начинает превозноситься своими способностями и презирать других. Но ведь в монастырь приходят не петь и не рисовать, а спасаться. Я уверен, что подавляющее большинство сестер пришли сюда не думая о том, какое будут нести послушание. Нужно заботиться о самом главном и единственно важном – спасении души, о том, насколько очищено твое сердце, а не о том, достиг ли ты чего-либо в своем ремесле. Есть люди, которые не имеют талантов и ни к чему не способны, – ну и что же? Конечно, если тебе дано послушание, то его нужно исполнять старательно, сохраняя при этом и правильное душевное расположение.

Человек, думающий о монашестве, спасении души, должен быть самоотверженным и таким решительным, как будто идет на смерть. Если человек идет в бой и думает не о том, чтобы победить врага, а о том, как бы жизнь сохранить, то это уже не воин. Возвращаясь к теме нашей беседы, можно сказать, что

именно с такой самоотверженностью мы должны подражать Господу Иисусу Христу в смирении.

Спаситель многократно призывает нас к смирению, ясно и просто говоря: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Умывая ноги ученикам, Он призывает нас подражать Ему. Но мы не хотим этого. Еще раз повторю: нужно смиряться друг перед другом. Наш монастырь – это маленький мир, так давайте в этом маленьком мире жить по-евангельски. И, конечно же, если нам необходимо смиряться перед равными или перед теми, которые нам кажутся меньшими, как говорит Евангелие – *перед малыми сими*, то тем более мы должны смиряться перед бóльшими: духовником, настоятельницей, старицами, старшими по послушанию.

Будем, как сказал упомянутый нами в сегодняшней беседе старец, Евангелие не просто читать, а всегда его помнить и исполнять. Ибо и апостол Павел сказал: *Блаженны не слышатели закона, а исполнители его* (см. Рим. 2, 13).

* * *

Вопрос. Что делать, если послушание, на котором находишься, приносит душе большой вред?

Ответ. Надо прийти к старице и рассказать об этом. Делать выводы самой – это неправильно. Может быть, тебе только кажется, что послушание приносит тебе вред, а на самом деле оно доставляет тебе пользу. Если человек смиряется, то вреда быть не может. Не исключено, что при выборе послушания не учли какие-либо душевные свойства человека, например, ему нельзя выходить в мир: он там искушается, соблазняется. Нужно рассказать об этом старшим, и они будут искать выход из положения.

Если тебе кажется, что старица понимает тебя неправильно, можно обратиться к духовнику, настоятельнице. Но я думаю, что старицы лучше знают своих послушниц, ведь те постоянно им всё рассказывают, поэтому решение старицы едва ли будет ошибочным. В противном случае можно предположить, что сестра скрывала от старицы какую-то важную подробность, связанную с ее послушанием. Чаще всего ошибается сама

сестра и в действительности послушание не приносит вреда, просто ей самой не хватает смирения и терпения.

Вопрос. Как оценить такое состояние души, когда в ней равно есть и желание старшинства на послушании, и понимание того, что для меня это вредно?

Ответ. Если ты не сама стремишься к старшинству, а тебя назначают старшей ради монастырской пользы, тогда нужно нести это послушание, борясь с примешивающимися тщеславием и гордостью. Любое дело, которое мы делаем хорошо, подвергает нас опасности впасть в тщеславие. Иоанн Лествичник говорит, что тщеславие – это троерожник, который одним острием всегда падает вверх. Видимо, троерожник представлял собой оружие, которое бросали перед воинским строем противника. Пешие воины или боевые животные – лошади, слоны – наступали на эти искусственные колючки, и вражеский строй разрушался.

Человек всегда тщеславится. Занимает высокую должность – тщеславится, сняли с должности – он смирился, но от этого снова тщеславится и так далее. Но даже если в нас есть эта страсть, то мы должны осознавать ее, каяться в ней, противиться ей – и продолжать делать свое дело. А если мы захотим совершенно избежать опасности поддаться тщеславию или гордости, то никогда не совершим ничего доброго.

Вопрос. Совместимы ли трезвение и музыка (имею в виду пение в храме)? Почему старцам-молитвенникам мешало даже тиканье часов?

Ответ. Одно дело – тиканье часов, и другое – церковное пение. Кроме того, старцы-молитвенники подвизались по-разному. Если вы читали «Глинский патерик», то, наверное, помните повествование о схимонахе Архиппе. Он очень любил ходить на богослужение, поэтому каждый день посещал храм. При этом схимонах Архипп был прозорлив и имел высокое преуспевание именно в молитве. По его молитвам даже происходили чудеса. Однажды ночью он с отцом Н ехал в экипаже, а кругом была непроглядная тьма. Им нужно было проехать через опасное место, где дорога проходила по краю глубокого оврага. Старец Архипп начал молиться и вдруг

появился луч света, который осветил повозку. Когда они миновали овраг, старец прекратил молитву и луч исчез.

Нельзя сказать, что пение обязательно мешает трезвению. Мне, например, нравится пение. Более того, хорошее пение трезвению только помогает: оно вдохновляет, возбуждает человека к молитве. Конечно, есть высокопреуспевшие подвижники, которые при молитве предпочитают полное уединение и совершенную тишину. Однако по большей части люди, стремящиеся уединиться и получившие такую возможность, не знают куда себя деть: они начинают, например, много спать – словом, впадают в нерадение.

Вопрос. Как человек, ушедший в монастырь, может помочь больному, посетить заключенного, одеть нищего и так далее?

Ответ. Не надо воспринимать евангельскую притчу о любви к ближнему так, будто все в ней мы должны исполнять буквально. Любовь к ближнему у монаха проявляется совсем иначе, чем у мирянина. Зачем тебе бежать через монастырский забор в тюрьму, чтобы помочь заключенному, когда ты можешь помочь сестрам, которые находятся рядом? Ты можешь навестить их, снизить к их немощам.

Допустим, в келии живут четыре сестры: одной жарко, другой холодно, одна форточку открывает, другая встает и закрывает, одна прикрывает дверь неплотно, а другая с грохотом ее захлопывает. В данном случае «посетить заключенного» – это то же самое, что потерпеть и смириться, если сестра открыла, например, форточку или приоткрыла дверь, чтобы не было душно, а тебе кажется, что от этого получается сквозняк.

Вопрос. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что после причастия надо воздерживаться от пищи так же, как и до таинства, чтобы быть его достойным. Так ли это?

Ответ. Давайте прочтем, что именно он говорит: «Будем же и мы все внимать этим словам апостола, потому что и мы здесь приступаем к священной трапезе вместе с бедными, а вышедши отсюда не хотим и смотреть на них, но, предаваясь сами пьянству, их алчущих оставляем без внимания... Тогда-то, после причащения, тотчас и начинается

пьянство и пренебрежение бедных; тогда-то, после принятия Крови Господней, когда тебе следовало бы соблюдать пост и воздержание, ты и предаешься пьянству и бесчинию. Когда тебе случится съесть за обедом что-нибудь приятное, ты остерегаешься, чтобы другим дурным кушаньем не испортить прежнего; а, приняв Духа, предаешься сатанинским удовольствиям»⁶⁶.

Может быть, святитель Иоанн Златоуст нарочно утрировал свою мысль, чтобы сильнее воздействовать на слушателя. Существуют правила, которые говорят, что после причащения не следует предаваться чрезмерному сну или есть жирную пищу – чтобы не возникало нечистых помыслов. А чтобы после причастия усиливать воздержание в еде – такого нет, это личное мнение Иоанна Златоуста, не являющееся общепринятым правилом. Наоборот, существуют предписания Типикона, согласно которым в великие праздники (а в такие дни причащались все) приготавливалась обильная трапеза: «творим братии утешение велие».

Вопрос. Скажите, если мы раскаиваемся, но после этого снова и снова грешим, то возможно ли нам спастись?

Ответ. Если бы спасение получали только люди, достигшие бесстрастия, безупречной святости и совершенства, тогда, наверное, мало кто мог бы надеяться войти в Царствие Небесное. Мы спасаемся именно покаянием – умоляем Бога, несмотря на наши прегрешения, нас простить. Но есть определенные пределы, некая граница. Если мы выйдем за эти рамки, не будем исполнять некоторого минимума, тогда едва ли сможем спастись. Допустим, если мы будем искренне каяться, но постоянно совершать смертные грехи.

Вопрос. Не могли бы вы объяснить притчу о богатом хозяине и его управителе?

Ответ. Господин похвалил своего управителя за то, что он поступил мудро, сумев из безнадежного, казалось бы, положения найти выход: он сделал добро должникам хозяина, которые были тому милы. Эту притчу можно понять так: Господь желает, чтобы мы помогали, пусть даже и «несправедливо», тем, кто Ему «должен», кто трудится ради Него. Если мы сами

не в силах совершать добродетели, то можем помогать другим, у которых это получается – и тогда Господь нас похвалит. Эти «должники», то есть люди, которые должны совершить те или иные дела во славу Божию, являются любимцами и избранниками Господа. Ради молитв этих людей Господь помилует и тех, кто им помогает, участвуя в их трудах.

Вопрос. Вы сказали, что после причастия нельзя предаваться сну, но известно, что отец Кукша Одесский после причастия отправлял духовных чад спать, чтобы они много не разговаривали.

Ответ. Все нужно делать разумно. Если человек слабый, немощный, то пусть отдохнет. А крепкому и здоровому нужно заботиться о том, чтобы не объесться и не спать много, иначе могут произойти различные искушения.

Вообще, после причастия нужно напитать душу словом Божиим. Не просто формально выслушать благодарственные молитвы, но и, допустим, почитать Священное Писание, помолиться молитвой Иисусовой, чтобы таким образом укрепить полученную в таинстве благодать.

Вопрос. Батюшка, зачем ангелы и святые молятся за людей? Если Господь всегда всех любит, то разве может наша молитва повлиять на Его милость?

Ответ. Это рассуждение в протестантском духе. Во-первых, Господь – это не только Любовь, но еще и Справедливость. Господь – это Праведный Судия. Во-вторых, Он и Сам учил нас в Своих притчах молиться даже тогда, когда наша молитва не сразу бывает услышана, проявлять дерзновение в молитве.

Зачем мы Ему молимся, если Он и так нас любит? Конечно, мы не можем сделать так, чтобы любовь Бога к нам стала сильнее, чем она есть. Бог, как Существо совершенное, изливает на Свои творения всю полноту любви. Но молитва – это общение с Господом, в молитве мы стремимся к тому, чтобы быть Им услышанными. А если мы не молимся, то удаляем себя от Него.

А зачем нам нужно молиться за других людей? Из своего опыта вы хорошо знаете, что когда мы молимся за какого-либо

человека, то нередко в его жизни происходят изменения. Можно помолиться – и человек выздоровеет, можно помолиться – и у него изменятся какие-либо скорбные обстоятельства. Таким образом, мы видим, что молитва за других людей действенна. А если говорить об угодниках Божиих, то результаты их молитв иногда бывали просто потрясающими. Напомню пример: люди страдали от продолжительной засухи, а Иаков Отшельник помолился – и пошел дождь. Получается, что Бог любил этих людей несовершенной любовью, а после молитв Иакова любовь Бога к ним усилилась? Конечно же, это не так. Любовь Божия проявляется по-разному: и как милосердие, и как наказание.

Богу угодно, чтобы мы молились не только о себе, но и о других. Поскольку Господь молитву и любовь к ближнему превозносит как высочайшие добродетели, то из этого можно сделать вывод о том, что молитва за других людей – это угодное Богу выражение любви к ближнему. И ради этой любви Он меняет Свое праведное определение в отношении какого-то человека, меняет строгость на милость. Господь смягчает эту строгость ради того, что кто-то другой приносит Ему жертву, то есть молитву. Жертвой Богу являются и обеты. Скажем, мы даем какой-то обет и одновременно молимся за того или иного человека – и Господь изменяет Свое решение о нем.

Каждый, кто занимается Иисусовой молитвой, прекрасно понимает, какое великое значение имеет это всеобъемлющее делание для нашего спасения. Недаром знаменитый подвижник XVIII века схимонах Василий Поляномерульский говорил, что если все прочие духовные занятия подобны рекам, то умное делание подобно океану, в который все эти реки впадают. (Он имел в виду библейское повествование об океане, который обтекает и орошает всю землю.) Но, говоря об умном делании, об Иисусовой молитве, нельзя не сказать и о том приспособлении, которое помогает нам при этом занятии. Это приспособление было придумано святыми отцами – может быть, по откровению свыше, а может быть, просто благодаря тому, что их разум был очищен Божией благодатью.

За всю историю человечества люди создали множество разных устройств, машин, для того только чтобы облегчить свои земные труды, жить благополучно, а часто и из желания удобствами житейскими заменить утешения духовные. Но и люди, стремящиеся угождать Богу, также изобрели много прекрасных вещей, правда совершенно другого направления. Если мы обратимся к православной культуре, православным обрядам, то увидим особую, оригинальную архитектуру и живопись, особенные песнопения, специальные приспособления, утварь для совершения богослужения. И все это когда-то было изобретено богопросвещенными людьми для помощи в духовных занятиях.

На первый взгляд, такое святоотеческое изобретение, как четки – просто удобный предмет, с помощью которого мы совершаем счет при исполнении молитвенного правила. Обычно они состоят из ста узлов, и мы, прочитав определенное количество четок⁶⁸, понимаем, какую часть правила совершили. Конечно, четки имеют значение и потому, что напоминают нам о молитве: чтобы мы, держа в руках четки, или, как называли их по-славянски, «вервицу», перебирая их узлы, не забывали о том, что должны непрестанно молиться. Однако, несмотря на

это простое, очевидное назначение четок, можно усмотреть в них и некий духовный смысл, который никак не противоречит отношению к ним как к удобному, необходимому для занятия умным деланием предмету.

в истории Церкви часто бывало так, что сначала появлялась какая-либо вещь, а потом ей придавалось символическое значение. Наиболее очевидно это в отношении богослужения. Богослужение развивалось и изменялось в течение веков. И часто бывало так, что когда утверждалась какая-либо его форма, то вскоре появлялось и ее аллегорическое, символическое толкование, хотя те или иные моменты обряда имели исключительно функциональное происхождение. Скажем, малый вход во время Божественной литургии в VI–VII веках представлял собой торжественное вхождение в храм патриарха и императора, но впоследствии приобрел символическое значение. Иные стали толковать его как первое пришествие Христово, а иные – как выход Спасителя на проповедь во время Его земной жизни. Великий же вход появился в богослужении для перенесения хлеба и вина, приготовленных для преложения, из сосудохранительницы в алтарь, но потом и этому входу также было придано символическое значение. По одному толкованию, он обозначает несение снятого с креста тела Спасителя в гроб, а по другому, так называемому «космическому», – второе страшное пришествие Христово. Вот два толкования и самой литургии: согласно одному, которое восходит к Максиму Исповеднику, она символизирует всю мировую историю с момента пришествия в мир Христа; согласно другому, более позднему толкованию, принадлежащему патриарху Герману, – изображает всю жизнь Спасителя.

Я привел пример того, как некоторые священнодействия, которые сначала имели исключительно практическое значение, впоследствии приобрели какой-то особый символический смысл. И в этом нет никакой натяжки, потому что такое символическое понимание богослужения помогает человеку сосредоточиться, наполнить ум подобающими размышлениями. В особенности это важно для священнослужителей, потому что

содействует им в правильном переживании богослужения, однако и для мирян оно имеет не меньшее значение. Поэтому будет уместной и наша попытка посредством каких-то ассоциаций соединить на первый взгляд отличающиеся друг от друга значения четок – практическое и символическое. На такие ассоциации нас наталкивает также богослужебный обряд – пострижение в монашество. Когда новопостриженному монаху вручаются четки, то при этом произносятся слова, которые вы все хорошо помните: «приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий, ко всегдашней молитве Иисусове: всегда бо имя Господа Иисуса Христа во уме, в сердцы и во устех своих имети должен еси, глаголя присно: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Здесь используется изречение из Священного Писания – слова апостола Павла. Четки называются в данном случае «мечом духовным». И это очень справедливое и мудрое сравнение, хотя апостол Павел и относил эти слова не к четкам, и даже не к молитве Иисусовой, а к силе христианской проповеди. Но ведь, занимаясь Иисусовой молитвой, мы также проповедуем слово Божие – самим себе проповедуем истину, заставляя подчиниться этой евангельской проповеди все свои душевные и телесные силы, поэтому здесь нет никакого противоречия. Действительно, четки, необходимые нам для совершения Иисусовой молитвы, изображают собой духовный меч, поражающий невидимых врагов. Все, более или менее внимательно, усердно занимающиеся молитвой Иисусовой, знают, что в ней мы не только каемся, просим у Бога милости, прощения наших грехов и вечной блаженной участи, но и в момент духовной брани, восстания на нас демонов, поражаем их молитвой, как неким мечом. Это настоящее оружие, с помощью которого мы обороняемся во время нападения врагов и сами наносим им удары.

Опираясь на это существующее в церковной традиции сравнение, мы можем дерзнуть и на то, чтобы отыскать в Священном Писании другие изречения и повествования, которые помогли бы нам раскрыть символический смысл этого удивительного святоотеческого изобретения – четок. Прежде

всего, их внешний вид приводит нас к памяти евангельского повествования о том, что сделал Господь наш Иисус Христос, когда, войдя в иерусалимский храм, увидел в нем торговцев скотом и менял. Казалось бы, это важно и нужно: скот продавался для жертвоприношения, и деньги разменивались также для этой цели. Тогда жертвовать Богу можно было только специальные монеты иудейского происхождения, потому что монеты, принадлежавшие языческим государствам, в том числе и Римской империи, для этой цели не подходили – это было особо оговорено в законе. Иудейский храм, как вы знаете, состоял из дворов, находившихся под открытым небом, и только святое, а также святое святых – то, что у нас сейчас называется алтарем, – располагались в отдельном здании. И Господь возмутился тем, что во дворе храма, где люди должны были молиться Богу, благоговейно предстоя перед Ним, они отвлекались от этого благочестивого занятия торговлей и общей суетой, совершенно неуместной для дома молитвы. Иисус Христос, сделав, как сказано по-славянски, *бич от вервий* (Ин. 2, 15), стал опрокидывать столы у менял и изгонять из храма и самих торгующих, и скот, который они продавали. Четки как раз и ассоциируются с этим *бичом от вервий*. Эта ассоциация, мне кажется, имеет довольно серьезное обоснование, потому что, молясь, мы действительно изгоняем из своего сердца, из своей души «торгующих» (то есть всевозможные пороки) и «скот» (то есть плотские страсти); тело же и дух человека, по учению апостола Павла, есть храм Божий.

Теперь обратимся к другому евангельскому эпизоду. *Идяху же с ним народи мнози; и обращься, рече к ним: аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и мать, и жену и чад, и братию и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик; и иже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик* (Лк. 14, 25–27). Мы видим на четках изображение креста, который напоминает нам, что мы должны быть готовы потерпеть ради Господа страдания и истинно, ни в чем не извиняя себя, отречься от всего мирского, вплоть до того что возненавидеть своих родных и даже свою душу. Человек же, который не

отвергнется всего этого до конца и будет искать компромисса, не сможет, как говорит Господь Иисус Христос, быть Его учеником. Полное отречение необходимо как в христианской жизни вообще, так и, в частности, при молитве: если мы имеем пристрастие к чему-либо, кроме Господа, то мы не можем быть Его учениками, в том числе не можем научиться от Него и молитве.

Спаситель продолжает: *Кто бо от вас, хотяй столп создати, не прежде ли сед разчет имение, аще имать, еже есть на совершение, да не, когда положит основание и не возможет совершити, вси видящии начнут ругатися ему, глаголюще, яко сей человек начат здати и не може совершити? Или кий царь идыи ко иному царю снитися с ним на брань, не сед ли прежде совещаает, аще силен есть срести со десятию тысящ грядущаго со двемадесятма тысящамань? Аще ли же ни, еще далече ему сущу, моление послав молится о смирении. Тако убо всяк от вас, иже не отречется всего своего имени, не может быти Мой ученик (Лк. 14, 28–33).* Мы должны показать полное отречение от мира, чтобы нам не опозориться подобно неразумному строителю, который начал строить башню и не смог ее окончить. Не отрекшийся от мира до конца подобен человеку, не имеющему достаточно средств для возведения здания. Но эти слова Евангелия не нужно понимать в том смысле, что если мы не имеем средств, то и не должны приступать к строительству, как, наверное, объясняют себе эту притчу нерадивые люди. Имеется в виду другое: чтобы приобрести достаточные средства для возвышения своей души над всем земным (это и понимается под образом башни), мы должны отречься от всего до конца, так что и душу свою возненавидеть, еще и крест взять, и таким образом следовать за Господом. А иначе *вси видящии начнут ругатися*, то есть смеяться. А кто эти видящие? Демоны, окружающие нас.

Мы уподобляемся также и царю, у которого войско в два раза меньше, чем войско его врага. Это опять же не значит, что нам нужно струсить. Это значит, что нужно хорошо подготовиться к битве: правильно расположить войска,

продумать план сражения. И благодаря военному искусству победить численно превосходящего врага. Если же мы этого не сделаем, то нам придется примириться с нашим врагом, дьяволом, превосходящим нас в силах; примириться позорно, еще даже не вступив в сражение. Мы, по своей трусости, будем побеждены без всякого сопротивления с нашей стороны.

Добро есть соль; аще же соль обуюет, чим осолится? ни в землю, ни в гной потребна есть; вон изсыплют ю. Имеяй уши слышати да слышит (Лк. 14, 34–35). Тот, кто не совершит полного отречения от мира, не возненавидит мир и свою душу, не возьмет своего креста, но все же попытается следовать за Господом, будет подобен соли, потерявшей свою соленость. Соль делает соленой любую пищу, в которую добавляется, но если она теряет свою соленость, то ее уже ничто не осолит, она становится совершенно негодной. Например, навоз может послужить удобрением для растений, а такая соль даже и для удобрения не годится. В такое ничтожное состояние приходят христиане, не показывающие полного, истинного отречения, какого требует в Евангелии Господь Иисус Христос. И эту соль *изсыплют вон* – такие нерадивые христиане уже не могут пребывать в Церкви, в благодати Божией. Если по видимости они и остаются членами Церкви, то по сути, будучи совершенно пустыми и духовно неосоленными, они уже пребывают вне ее. *Имеяй уши слышати да слышит*, – заключает Спаситель. Понятно, что речь здесь идет о духовном слухе. Обо всем этом напоминает нам крест, вплетенный в вервицу.

Можно также найти некоторое сходство четок, точнее, их узлов, соединенных между собою, с узами, наложенными на Господа нашего Иисуса Христа, когда он был взят в Гефсиманском саду. В этих узах Он был веден на незаконный суд, на бичевание, уничижение и позорную смерть – распятие. поэтому, занимаясь молитвой Иисусовой, мы должны с сокрушением вспоминать страдания Спасителя и стараться подражать Его смирению, проявленному в те страшные страстные дни. И поскольку четки увенчиваются изображением креста, то, скорее всего, наше сравнение не напрасно и не искусственно, оно помогает понять значение и внутренний

смысл, который заложен в этом прекрасном предмете, изобретенном святыми отцами. Апостол Павел говорит: *прочее, труды да никтоже ми дает: аз бо язвы Господа Иисуса на теле моем ношу* (Гал. 6, 17). Под язвами Господа Иисуса можно понимать крест, который апостол Павел носил на себе, как и всякий христианин. Крест на четках тоже напоминает нам о страданиях Господа Иисуса Христа, и, нося их на своем теле (ведь мы их носим в руке, поэтому тут нет никакого преувеличения), мы не должны заниматься никакими прочими трудами, кроме единого угождения Господу, которое в особенности выражается в занятии Иисусовой молитвой. Это дело первое и наиважнейшее, а *прочее, труды да никтоже нам дает*, потому что все остальное напрасно, ненужно или, в лучшем случае, второстепенно. Таким образом, и само устройство четок, и крест, венчающий их, должны напоминать нам о Христовом смирении, с которым мы должны совершать это великое делание ума – моление Иисусовой молитвой.

Крест на четках оканчивается кистью – так называемым воскрилием. четыре таких воскрилия носили на своих одеждах древние иудеи, и эти кисти напоминали им о необходимости исполнения заповедей. И безусловно, нам эта кисть также должна напоминать, что молитва сможет стать успешной, угодной Богу и достигнуть своей цели в том случае, если вместе с усердием в ней мы будем проявлять и ревность к исполнению заповедей. Но кроме того, эта кисть напоминает нам и о воскрилии ризы Самого Спасителя. вы помните, как говорила себе кровоточивая жена: «если только прикоснусь к воскрилию риз Его, тотчас исцелю» (см. Мф. 9, 21). И по вере своей она получила просимое: едва прикоснувшись к кончикам воскрилия на ризе Господа, исцелилась от кровотечения. Так и мы должны верить, что только, так сказать, легким прикосновением к благодати Христовой, как бы к некоему *воскрилию ризы Его*, мы можем получить исцеление от страстей, которые мучают нас, может быть, на протяжении многих и многих лет. Конечно, если при этом мы будем иметь веру, подобную вере этой кровоточивой жены.

Какие еще символы есть в четках – этом привычном и, может быть, поэтому нами несколько пренебрегаемом предмете, к которому мы на самом деле должны относиться с большим благоговением? Прочтем еще один евангельский эпизод (слова, относящиеся к теме нашей беседы, находятся в самом конце). *И се, един некий, приступль рече Ему: Учителю благий! что благо сотворю, да имам живот вечный? Он же рече ему: что Мя глаголеши блага? никтоже благ, токмо един Бог. Аще ли хочеши внити в живот, соблюди заповеди. Глагола Ему: кия? Иисус же рече: еже, не убиеши; не прелюбы сотвориши; не украдеши; не лжесвидельствуеши; чти отца и мать; и: возлюбиши искренняго твоего яко сам себе. Глагола Ему юноша: вся сия сохраних от юности моя; что есмь еще не dokonчал? Рече ему Иисус: аще хочеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим; и имети имаши сокровище на небеси; и гряди влед Мене. Слышав же юноша слово, отыде скорбя: бе бо имея стяжания многа. Иисус же рече учеником Своим: аминь, глаголю вам, яко неудобь богатый внидет в Царствие Небесное; паки же глаголю вам: удобее есть велбуду сквозе иглине уши проити, неже богату в Царствие Божие внити. Слышавше же ученицы Его, дивляхуся зело, глаголюще: кто убо может спасен быти? Воззрев же, Иисус рече им: у человек сие невозможно есть, у Бога же вся возможна. Тогда отвещав Петр рече Ему: се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом; что убо будет нам? Иисус же рече им: аминь, глаголю вам, яко вы шедшие по Мне, в пакибытие, егда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своея, сядете и вы на двюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленом Израилевом. И всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею приимет и живот вечный наследит. Мнози же будут перви последнии, и последни первии (Мф. 19, 16–30).*

Итак, четки напоминают нам о сторичном воздаянии за отречение от мира и следование за Господом. Сто узлов как раз говорят нам о том, во сколько крат больше мы приимем, если истинно отречемся от всего земного, особенно в молитве – то

есть отречемся внутренне, а не только внешне, телесно. Мы прии́мем сторицею. Здесь можно вспомнить и притчу Спасителя о сеятеле. Подобно тому как растение, выросшее на каменистой почве, не имея корня, увядает от солнечного жара, а проросшее в тернии заглушается им и погибает, так молитва, совершаемая неправильно, неразумно, не приносит человеку никакой пользы. Правильное же упражнение в молитве (а наиболее полезной и плодоносной для нашей души является именно непрестанная молитва Иисусова) можно сравнить со стократным плодоношением. Если мы будем заниматься этим деланием усердно, то получим плод во сто крат больший по сравнению с тем усердием, которое приложим.

В Евангелии есть еще один эпизод, из которого мы также можем взять интересное сравнение. *В последний же день великий праздника стояше Иисус и зваше, глаголя: аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет. Веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе, егоже хотяху приимати верующии во имя Его: не у бо бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен (Ин. 7, 37–39).* Каким же образом и это показано в четках? Во-первых, Спаситель говорит: *Аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет*, то есть изображает Себя в виде источника текущей воды. Во-вторых, Он говорит о той благодати, которая наподобие живой воды истекает (должна истекать!) из искренне верующего: *Реки от чрева его истекут воды живы.* И само движение четок во время молитвы изображает эту приснотекущую воду благодати, которая исходит из сердца молящегося, или, если хотите, наоборот, которую он пьет из духовного Источника, каким является Сам Господь наш Иисус Христос.

Может показаться, что все эти сравнения – лишь внешние, искусственно привлеченные образы, в действительности не имеющие отношения к такому простому предмету, как четки. Но даже если четки появились исторически, в результате стечения внешних обстоятельств, все равно ничего случайного в Церкви быть не может. И поэтому рассуждение о том, что прикосновение к кисти, имеющейся на четках, символизирует

как бы невидимое прикосновение ума к краю ризы Христовой, к благодати Божией, также не является чем-то надуманным.

Мы видим, что четки устроены в виде замкнутого круга, который, безусловно, без всякой искусственности, легко ассоциируется в уме с бесконечностью, в данном случае – с вечностью. Апостол Павел говорит: *Видимое временно, а невидимое вечно* (2Кор. 4, 18). И четки, это гениальное изобретение святых отцов для помощи нам в занятии умным деланием, также изображают это *невидимое вечное*. Будучи внешне простым предметом, они отображают многие невидимые, возвышенные вещи, как бы обнаруживая их присутствие для нас во время молитвы Иисусовой.

Еще раз перечислю все те сравнения, о которых мы говорили: четки – это меч духовный, помогающий нам в сражении с демонами. Четки – это бич, которым мы изгоняем из своей души страсти. Четки – это утешительное напоминание о том, что если мы, истинно отрекшись от мира, будем усердно и разумно упражняться в Иисусовой молитве, то получим стократное воздаяние: в этой жизни сподобимся обильной благодати, а в будущей наследуем вечную блаженную жизнь. Четки напоминают нам о путях и страданиях Спасителя и таким образом научают нас смирению. Они учат нас помнить о заповедях и одновременно надеяться на милость Божию, потому что одно только прикосновение к славе Божией и благодати уже исцеляет нас от мучительного «течения» страстей в нашей душе. Четки напоминают нам, что мы должны быть истинными крестоносцами, готовыми пострадать за Христа. Они являются образом и символом вечности, к которой человек приобщается через занятие молитвой, в особенности непрестанной молитвой Иисусовой. А движение четок изображает тот поток благодати, который изливается в наше сердце и в нем самом как бы открывает источник воды живой.

Для чего я провел с вами беседу, в которой столько возвышенных слов о таком простом предмете, как четки? Для того, чтобы возбудить в вас ревность к занятию нужнейшим, можно сказать, единственно необходимым делом для спасения

нашей души. Ведь если даже четки символизируют такие возвышенные, глубокие и прекрасные понятия, то тем более сама молитва Иисусова плодоносна и весьма полезна для нашего спасения.

О том, что четки – это не просто механическое приспособление, говорит и очень интересный случай из жизнеописания одного глинского подвижника – иеродиакона Серапиона. Этот благочестивый, ревностный подвижник, всю свою жизнь избегавший посвящения в сан иеромонаха, несмотря на то что был достоин этого, просил, когда он скончается, три дня его не погребать. и когда он почил, братья увидели чудо: уже после своей кончины старец Серапион еще три часа перебирал четки. если бы четки были всего лишь пустым, неважным предметом, «вервицей», веревочкой в самом обыкновенном смысле слова, тогда этого чуда не произошло бы. внутреннее состояние этого подвижника благочестия, старца Серапиона, было обнаружено лишь благодаря восхитительному святоотеческому изобретению.

Все эти сравнения я привел еще и для того, чтобы возбудить в вас любовное отношение даже к тем предметам, которые связаны, казалось бы, лишь внешне с исключительно духовным, умственным деланием. Я думаю, вы сами знаете, что иногда стоит только взять четки в руки, и молиться уже легче. даже когда они просто намотаны на руку при занятии какой-то работой, они всё равно напоминают нам о молитве. некоторые подвижники, уже достигшие состояния непрестанной молитвы, по-прежнему использовали четки, чтобы не отвлекаться от молитвы, значит, они помогают даже и весьма преуспевающим. То, что после смерти диакон Серапион три часа перебирал четки, говорит о том, что он, возможно, имел дар непрестанной сердечной молитвы, и это выразилось в таком необыкновенном явлении.

Молитва есть мать всех добродетелей, тем более молитва непрестанная. Упражняйтесь в ней усердно, никогда не ослабевайте в этом делании, не успокаивайтесь, если чего-то достигли, потому что для преуспеяния в молитве нет границ. Не унывайте, если ваше преуспеяние пока скромно, потому

что и скромное как будто бы состояние на самом деле спасительно, оно в любом случае лучше, чем оставление молитвы, нерадение и душевная пустота. И помните, что вы непременно получите за свое усердие стократное воздаяние – если не в этой жизни, то в будущей.

* * *

Вопрос. Не могли бы вы сказать, каким должно быть правильное отношение к четкам, где их надо хранить?

Ответ. Отношение к ним должно быть благоговейное. Нужно, чтобы они лежали в том же месте, где хранятся евангелие и молитвослов.

Вопрос. Наверное, это нехорошо, что мы четки иногда надеваем на шею?

Ответ. если человек повесил четки на шею и стоит, засунув руки в карманы, то, наверное, это нехорошо. А если он надел их во время послушания, чтобы освободить руки для работы, то, я думаю, это не страшно. Одно дело, когда человек работает (хотя он и тогда должен творить Иисусову молитву – устами), и совсем другое – когда у него четки висят на шее или намотаны на руку, а сам он занимается чем-то пустым. Подобное поведение, конечно, весьма непохвально.

У меня был знакомый монах, который возмущался тем, что мы молимся по четкам. Я его как-то спрашиваю: «а для чего же четки нужны?» Он отвечает: «они напоминают нам о святых отцах». Многие так и считают, что четки – это часть монашеской формы: мол, они лишь должны быть намотаны на руку и больше никакого назначения у них нет. Но ведь даже из чина пострига любой человек мог бы сделать простой вывод о необходимости непрестанной молитвы. При постриге вместе с вручением четок нам дается заповедь о молитве Иисусовой, которую мы должны носить на устах, в уме и сердце всегда. Мы даем обет читать не каноны или псалтирь, а именно Иисусову молитву.

Вопрос. Батюшка, меня однажды упрекнули в том, что мы, монахи, молимся по четкам и тем самым не исполняем заповедь молиться тайно. Мы не скрываем свою молитву, показываем, что мы молитвенники, а это, мол, неправильно. Я не знала, что сказать.

Ответ. Ну а что же мы должны делать в храме? Повернуться спиной к алтарю и болтать, чтобы скрыть, что мы в храме молимся? И что тогда должен делать священник? Сидеть, развалившись в кресле или на стуле, и молиться про себя? Для чего тогда храм имеет особенную архитектуру, располагающую человека к молитве?

Заповеди о тайной милостыне, молитве и тайном посте, данные нам Спасителем, нужно понимать так: все это должно совершаться не в буквальном смысле скрытно от всех, а скрытно в смысле не тщеславно. Не всегда возможно тайно и подать милостыню, и молиться, и соблюдать пост. Настоятельница Леушинского монастыря игуменья Таисия, беседуя с отцом Иоанном Кронштадтским, однажды спросила его: «Как понимать заповедь о добрых делах? Их ведь необходимо утаивать?» Отец Иоанн же ответил, что утаивать добрые дела надо прежде всего от своего собственного самомнения и тщеславия.

Тайно мы не можем совершить фактически ничего, редко когда предоставляется такой случай. Но, конечно, если такая возможность есть, то какое-либо доброе дело лучше сделать скрытно. Святые отцы хранили втайне свои благодатные дары, свое молитвенное состояние. Иногда это обнаруживалось, как, например, произошло с Арсением Великим: один брат, подсмотрев, увидел его во время молитвы всего как бы огненным. Конечно, такое скрывать нужно. Но утаить сам факт, что мы молимся, просто невозможно. Как мы его утаим? Как я должен, например, скрывать свою молитву на службе? Если я буду удерживать свои чувства, чтобы они не прорывались наружу, то, скорее всего, и совсем их подавлю. Я их не только спрячу – я их уничтожу. Все будет скромно, смиренно, но молитвы-то не будет – одна скромность останется.

Я не говорю о том, что следует напоказ лить слезы, а то, пожалуй, кто-нибудь начнет себя щипать и плакать от этого, и все будут думать: «Вот какое у него покаяние...» Конечно, так поступать не нужно. Но нечаянные проявления чувств вполне возможны: допустим, выступили слезы. Да, лучше, чтобы этого никто не видел, но если ты стоишь на

службе, то куда денешься? Например, когда авва Филимон стоял на службе, у него потоки слез лились на пол, и все возле него было мокрое. А у нас в Одессе был Христа ради юродивый, его звали Иван Петрович. Он тоже плакал во время богослужений, причем платком вытирал не слезы, а пол. Да, он вел себя так, что можно было счесть его за сумасшедшего, но таким образом этот человек смирялся. И как он должен был таить свое молитвенное состояние? В молитве человек должен быть дерзновенным. Повторю: что возможно и уместно, лучше держать в тайне. Но как нам скрыть то, что мы молимся, перебираем четки, пытаемся как-то сосредоточиться?

Или, например, в состоянии ли человек, который строго постится, скрыть свой пост? В Евангелии сказано: *Когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое (Мф. 6, 17)*. Но ведь это не нужно понимать буквально! Это следует понимать в том смысле, что мы должны стараться совершать пост не с сетованием, а с радостью. И действительно, если человек относится к нему правильно, то он обязательно испытывает духовную радость. Пост окрыляет добродетели, и прежде всего молитву; благодаря посту человек получает облегчение в борьбе со своими страстями. Именно это и означают слова Спасителя – а не то, что мы должны во время поста пользоваться благовониями. Чтобы показать абсурдность примитивного, буквального толкования этих слов, приведу в пример подвижников, которые подвизались в египетской пустыне Скит. Разве они во время поста «умывали свое лицо»? Они вообще не мылись годами! Ходили оборванные, исхудалые, черные от солнца, иногда шатаясь от изнеможения – так строго они подвизались. Иоанн Кассиан Римлянин в своих творениях рассказывает, что во время чтения двенадцати псалмов, принятого в этой пустыне, то есть во время ночной молитвы, египетские монахи садились, потому что после тяжелых дневных трудов не могли стоять. И у них закрывались глаза: не оттого, что они дремали, а от слабости. Люди были измождены подвигом. Могли ли они скрыть свой пост? Как человек может утаить, что соблюдает пост, если он ест три сухаря один раз в день? Понятно, что это было

невозможно: все говорило об их подвижничестве. Может быть, у них были и какие-то особенные подвиги, которые они скрывали.

Поэтому не нужно так примитивно смотреть на заповедь о тайной молитве: мол, мы должны скрывать молитву, и поэтому молиться по четкам не будем. Это абсурд. Это такое нелепое, даже можно сказать, сектантское представление не только о молитве, а о Евангелии вообще. Люди, которые так говорят, просто невежественны.

Вопрос. Батюшка, а святой праведный Иоанн Кронштадтский не молился Иисусовой молитвой? Кажется, он не носил четок.

Ответ. Отец Иоанн занимался Иисусовой молитвой. Об этом говорит архиепископ Иоанн Шаховской в своей книге «Философия православного пастырства». В ней он высказывает следующую мысль: многие рассуждают о причинах духовного преуспевания, духовной силы отца Иоанна Кронштадтского, многие пытаются ему подражать, но при этом упускают из виду самую важную вещь – то, что он занимался непрестанной молитвой. И сам отец Иоанн об этом иногда упоминает. Например, говорит: «борьба со страстями научила меня тайной молитве». Что это означает? Конечно, он молился молитвой Иисусовой. Не знаю, какими именно словами. Произносил ли так, как мы обычно произносим, или, может быть, более кратко, допустим: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя»? Но он этим занимался – без непрестанной молитвы вести такой образ жизни, какой он вел, было бы невозможно.

По четкам он, конечно, не молился. По крайней мере, об этом нигде не упоминается. На портретах и фотографиях мы нигде не видим его с четками, потому что в то время они считались исключительной принадлежностью монашества. Лишь сейчас употребление четок распространилось за пределы монастырей, и на это смотрят более свободно. Тогда бы отца Иоанна просто не поняли. На него и так все смотрели, как на какого-то чудака, сумасброда, который делает вещи, не свойственные мирскому священнику. Даже святитель Феофан Затворник ему говорил: «То, что вы хотите делать, в миру делать невозможно». Но он, тем не менее,

подвизался, и Иисусова молитва, конечно, была его основным оружием в борьбе со страстями.

Вопрос. А у него был руководитель в этом делании?

Ответ. Иоанн Кронштадтский писал письма некоторым знаменитым подвижникам. Известно, что он имел переписку со святителем Феофаном Затворником и, если не ошибаюсь, поддерживал какие-то отношения с преподобным Амвросием Оптинским, но прямого духовного руководства у него не было. Он подвизался, движимый собственной ревностью. Я думаю, что он и обширного знания святых отцов не имел, кроме того, что получил в рамках академического духовного образования. Насколько мне известно, на него сильнейшее, потрясающее впечатление произвели труды святителя Иоанна Златоуста. Они, собственно, возбудили его к такой пламенной пастырской деятельности. Ревность к пастырству у него была всегда – он даже хотел принять монашество, стать миссионером и уехать проповедовать в Сибирь, на Алтай. А потом ему приснился храм (как впоследствии оказалось, Андреевский собор), и он принял решение вступить в брак. Как известно, этот брак был фиктивным, и на такой чрезвычайный шаг отец Иоанн решился потому, что в то время получить место священника можно было только в одном случае: если ты женился на дочери настоятеля какого-нибудь храма. Если у настоятеля не было сыновей, то он старался выдать свою дочь замуж за какого-нибудь кандидата в священники, который потом и наследовал его приход. Это было связано с церковными домами, с хозяйством. Конечно, такое положение вещей было неправильным, но до революции оно было общепринятым. Вот отец Иоанн Кронштадтский и женился на девушке из духовного звания, а после свадьбы сказал ей, что счастливых семей и без них много, а они будут служить Богу. Конечно, это вызвало сильное неудовольствие со стороны ее отца, но, тем не менее, они так и прожили в девстве всю жизнь.

Вопрос. Вопрос. Отчего приходит ощущение внутренней пустоты и как это преодолеть?

Ответ. Мы чувствуем пустоту в том случае, если нас оставляет благодать. Это происходит тогда, когда мы в чем-нибудь согрешили, допустим поддались сильнейшему

осуждению. благодать может оставить человека из-за гордости, даже из-за нерадения. Если мы мало молимся, не читаем Священного Писания, в храме не понуждаем себя к внимательному слушанию богослужения, то и в душе у нас соответственно возникает пустота. В такой момент мы должны заставлять себя трудиться более усердно, чтобы вернуть благодать. Хорошо было бы (если для нас это возможно) увидеть причину, по которой мы ее лишились, и в этом своем согрешении покаяться, исправиться и впоследствии внимательно за собой следить, чтобы его не повторять. Как говорит Исихий Иерусалимский, обучающее оставление благодати научает нас трезвению. Конечно, если человек совсем не молится или молится нерадиво, то ему все равно: поскольку никакой благодати он не чувствует, постольку и опустошенности своей души не видит и болезненно из-за этого не переживает.

Вопрос. В Евангелии от Марка говорится: Извнутри бо от сердца человеческого помышления злая исходят, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, татьбы, лихоимства, обиды, лукавствия, лесть, студодеяния, око лукаво, хула, гордыня, безумство (Мк. 7, 21–22). Совсем непонятно, что значат слова безумство и студодеяния(по-русски переведено как непотребство)?

Ответ. Что такое безумство? Безумство – это поведение, нерассудительное в духовном отношении. Например, когда человек проявляет страсть, совсем ее не удерживая, это выглядит безумством. И, конечно, можно сказать, что безумством является безбожие, или помыслы хулы, неверия. Ведь сказал же пророк Давид: рече безумен в сердцах своем: несть Бог (Пс. 52, 2). Я думаю, что Спаситель называет безумством прежде всего это.

Что же касается студодеяния, то это слово происходит от слова «студ», или стыд, – «стыдное деяние». Наверное, это имеет отношение к какому-то блудному греху, о котором даже неудобно говорить более конкретно, и поэтому он назван так деликатно – студодеяние. Для того чтобы понять смысл этих

изречений более точно, нужно обратиться к греческому тексту и узнать точный перевод этих слов.

Вопрос. Какое толкование Евангелия самое лучшее?

Ответ. Есть толкование на четыре Евангелия Феофилакта Болгарского, оно является для нас вполне авторитетным. Есть толкование архимандрита Михаила – тоже, в общем, хорошее, но больше с историческим уклоном. Существует также толкование Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна. Сейчас появилось и новое издание толкования Евфимия Зигабена. Это прекрасный толкователь; мне кажется, он лучше, чем Феофилакт Болгарский. К сожалению, на русский язык переведены только его толкование на Псалтирь и толкования на Евангелия от Матфея и от Иоанна. А вообще, он истолковал весь новый завет (кроме апокалипсиса). Это был замечательный экзегет XII века.

Есть книга Бориса Ильича Гладкова. Он истолковал евангелие, расположив события и поучения Спасителя в хронологическом порядке. Правда, хронологию он определял сам, и в этом отношении можно с чем-то не согласиться, но в принципе его толкование – святоотеческое, имеющее некоторый апологетический оттенок, потому что он писал в XIX веке и обращался к читателю той эпохи, когда было распространено неверие. Известен также сборник «Толковая библия» под редакцией Лопухина, но к нему надо подходить с осторожностью. Лопухин привлекал к составлению этой книги современных ему протестантских богословов, которые пользовались, так сказать, «последними достижениями» экзегетики, поэтому в ней иногда встречаются очень противоречивые толкования, явно расходящиеся со святоотеческими. Но если читать с умом, то и в этой книге можно найти что-то полезное.

Конечно, сначала нужно прочесть авторитетные, безупречные толкования, а потом уже обращаться к другим. У Лопухина есть еще и так называемая «Библейская история». Это не толкование, а обширное историческое повествование, составленное прежде всего на основе Евангелия с привлечением исторического материала. Правда, книга

написана не очень хорошим языком: хотя его и хвалят, но он мне кажется чересчур велеречивым. Однако исторических фактов в ней очень много; у кого хватит терпения прочитать эту книгу, тот может узнать для себя немало.

В «Библейской истории» автор высказывает интересную мысль о том, что притчи Спасителя основаны не просто на житейском опыте, а и на исторических событиях того времени. Так, он говорит, например, что притча о царе, о человеке, который пошел в дальние края получить свое царство, имеет следующее историческое основание. Когда Архелай отправился в Рим, чтобы получить от императора власть над Иудеей, то боявшиеся его тирании иудеи в это же время послали туда свою делегацию – сказать о том, что они не желают четвертовластника, а хотят быть непосредственно под управлением римской власти. Поэтому, по мнению Лопухина, иудеям эта притча была очень понятна, так как имела вполне конкретную для них ассоциацию. интересное толкование, правда, сугубо историческое.

Вопрос. Скажите что-нибудь о толковании Евангелия, которое предлагает в своей книге протоиерей Григорий Дьяченко.

Ответ. Ответ. Это толкование праздничных и воскресных евангелий, оно является пособием для проповеди. На чем оно основано, я не знаю, но, видимо, на каких-то популярных и авторитетных толкованиях его времени. Ничего оригинального в нем нет, потому что отец Григорий не был самостоятельным писателем, и даже не претендовал на это. Но он был необыкновенно плодовитым составителем. Он составил много сборников с текстами на разные темы, например «В утешение скорбящим», собирал проповеди, евангельские чтения. Его книги имеют ценность именно как пособия, в особенности для священников.

Вопрос. Батюшка, а какое толкование на Псалтирь читать лучше?

Ответ. Я думаю, что самое полное – это толкование Евфимия Зигабена. Еще есть толкование, составленное в XIX веке архиепископом Иринеем. Оно носит научный характер, в

нем наиболее полно раскрыт исторический аспект. И есть толкование Феодорита Киррского.

Вопрос. А почему у Иоанна Златоуста толкования не на все Евангелия?

Ответ. Может быть, он считал, что Евангелия от Марка и Луки в значительной степени повторяют евангелие от Матфея, а может быть, эти толкования не сохранились. Многие книги Иоанна Златоуста были уничтожены и до нас не дошли. Он жил в IV столетии, а с того времени было столько всяких исторических катастроф: крестоносцы, турки – так что многое было уничтожено. Говорят, что Иоанн Златоуст писал сочинение об Иисусовой молитве, но эта книга также до нас дошла, сохранились только цитаты из нее.

Вопрос. Батюшка, что делать, если после прочтения книг ничего не остается в памяти?

Ответ. Во-первых, я думаю, что-то все-таки остается. во-вторых, святоотеческие книги, особенно аскетические, понимаются по мере накопления опыта. Поэтому, если жития и какие-то повествования можно прочитать и один раз, то духовную литературу аскетического, догматического содержания, нужно читать по два и по три раза. Повторение – мать учения. И необходимо не просто читать, а изучать! Можно несколько книг прочитать и потом снова к ним вернуться, а можно прочитать одну книгу два раза подряд. иногда бывает трудно, но надо приучать себя относиться к чтению серьезно, не как к развлечению. Хотя, конечно, развлекаться чтением святоотеческой литературы лучше, чем, например, пустословием.

Вопрос. Что делать, если священник нашего храма не советует молиться по четкам? У меня было смущение: люди обращали внимание, спрашивали. Батюшка же объяснил мою молитву по четкам гордостью. Мне посоветовали сделать четки из десяти узлов, на палец. Но по таким четкам я буду путаться, сколько я прочитала; совсем же без четок в храме молиться труднее из-за рассеянности. Как быть?

Ответ. Батюшка неправ. Гордость может быть отчего угодно и где угодно: и от четок, и без четок, и в храме, и на

улице. По четкам молиться можно. Конечно, если мы молимся по четкам напоказ, чтобы окружающие видели, что мы чем-то от них отличаемся, то в этом есть гордость и тщеславие. Безусловно, так делать не нужно. Некоторые просто на руку четки наматывают и уже думают, что совершают нечто важное. Для того чтобы не было лишних искушений, и люди немощные, в том числе и ваш батюшка, не соблазнялись, лучше действительно сделать маленькие четки. Ведь во время богослужения нам не нужно исполнять правило. В храме мы молимся Иисусовой молитвой, чтобы собрать наш ум и действительно участвовать в молитве: хорошо слышать службу, а не рассеиваться. В этом случае считать нет необходимости. А дома, при исполнении правила, можно пользоваться большими четками.

Вопрос. Когда я из всех сил стараюсь молиться со вниманием, то через час наступает полное изнеможение ума. Просто отключаюсь. Что можно сделать, чтобы меня хватало не на часовую молитву, а больше?

Ответ. Конечно, какая-то усталость быть должна – иначе и быть не может. Для человека естественно утомляться от какой-либо деятельности. Одному, чтобы утомиться, хватает часа, другому – полутора, двух часов. Это зависит от навыка и от того, с какой интенсивностью мы молимся. Поэтому тут можно посоветовать только продолжать упражняться в этом. Постепенно, когда действие благодати усилится, человек сможет молиться и дольше. Час – это действительно минимальное время, за которое человек может утомиться. Это время может быть более длительным у тех, кто в этом делании преуспевает, имеет действительно глубокие навыки, стяжал внимательную благодатную молитву. Некоторые подвижники упражнялись в молитве Иисусовой по несколько часов подряд, как, например, старец Василиск Сибирский – по три, по пять, по шесть часов. Но это, конечно, удел людей очень преуспевших.

Молитва требует огромного напряжения ума и вообще телесных сил человека, и, безусловно, после этого чувствуется изнеможение. Если это не на правиле – думаю, на правиле молиться все-таки легче – и не во время службы, то нужно

давать себе отдых в виде такой деятельности, которая не сильно отвлекала бы от молитвы. Святые отцы, например, советуют заниматься рукоделием или чтением.

У нас такого послушания, которое не отвлекало бы от молитвы, пожалуй, нет. Швейное послушание требует большого внимания, иконопись – тоже. Работа на кухне тоже для этого не совсем подходит: если сильно сосредоточиться, можно обжечься или что-нибудь разбить. А вот чтение святоотеческих книг, я думаю, очень уместно, потому что оно и пользу приносит, и все-таки не отвлекает нас от нашего внутреннего делания. И наконец, при утомлении от молитвы можно делать поклоны. Это тоже какой-то отдых уму.

Но я хочу заметить, что через час утомляешься только тогда, когда молишься уединенно и напряженно. А при молитве во время послушания сильного напряжения нет. В то время, когда человек занят еще каким-то делом, значительно отвлекающим его внимание от молитвы, никакого изнеможения быть не может. В таком случае может быть просто какая-то ошибка, или это лень. Поскольку в вопросе не уточняется, наступает такое утомление на правиле или на послушании, то я вынужден сделать такое пояснение.

Вопрос. Постоянно забываешь о молитве; даже думаешь, как бы себе чаще напоминать о том, чтобы не отвлекаться мыслями. Почему-то четки не помогают. Надо как-то понуждать себя смотреть на них как на средство напоминания о молитве?

Ответ. Я думаю, в таких случаях, действительно, надо и на четки смотреть и, если есть возможность, произносить молитву вслух. А если это может кому-то помешать, то лучше просто беззвучно шевелить губами, то есть, как пишет святитель Игнатий, творить устную молитву, но не гласную: устами, но не вслух. В конце концов, можно взирать на икону, то есть всячески напоминать себе о внимании, о том, чем ты должна заниматься. Бывает такая степень рассеянности, что и четки не помогают. Мы настолько увлекаемся какими-либо помыслами, суетными или страстными, что ум от нас «отбегает»: руками мы перебираем четки, слова молитвы механически звучат в устах

или в уме, а все внимание приковано к нашим фантазиям, к действию воображения.

Вопрос. Батюшка, мне не хочется читать толкование на Псалтирь: мне это кажется непрактичным изощрением. Если на каждое слово и выражение псалма дается несколько противоположных друг другу толкований, то на чем же остановиться? Наверное, освоить это под силу только человеку духовно образованному, а не новонаначальному.

Ответ. Человек, участвующий в богослужении, должен понимать смысл псалмов, потому что это значительная часть службы. Псалмам в ней уделено места больше, чем даже евангелию (кроме страстной седмицы, когда евангелие читают очень много). Поэтому, конечно, желательно знать хотя бы краткое их толкование, чтобы понимать, что мы читаем и слушаем во время богослужения. При этом нужно сказать, что настоящее понимание псалмов приходит от духовной опытности, потому что в них, как учит святитель Игнатий (Брянчанинов), изображена духовная брань. По мнению святых отцов, Священное Писание, в том числе и псалмы, понимается не столько от чтения толкования, сколько от исполнения заповедей. Это, конечно, самое главное; но и теоретическое постижение смысла Священного Писания тоже весьма уместно и полезно.

Вопрос. Я тоже не хочу читать толкование псалмов. В толковании исчезает, так сказать, обаяние псалма, тем более что вряд ли их можно истолковать до конца, да и духовный возраст читающего должен быть соответствующим.

Ответ. Есть такая наука – экзегетика, толкование Священного Писания. Неужели это менее важно, чем, например, догматика? Как можно знать догматику, если ты не понимаешь смысла Священного Писания? Догматика ведь основана на Священном писании; во всяком случае, одно с другим связано.

Вопрос. Четки прикладывают к чудотворным иконам, мощам – имеет ли это какое-то значение? Получаем ли мы помощь от тех святых, к мощам которых были приложены четки? Как использовать эту помощь?

Ответ. Конечно, важнее всего наше усердие, смирение, любовь к Богу, пусть наши четки и не освящены. Некоторые миряне прикладывают к святыням даже свои платки, головные уборы и другие вещи и верят, что получают от этого освящение. А как это использовать? Надо с бóльшим благоговением молиться, видеть в этом (например, в четках) бóльшую святыню. Однако если наши четки будут освящены, а мы при этом станем молиться без ревности, то все равно никакого толку не будет. самое главное – это, безусловно, наша собственная ревность.

Вопрос. Может быть такое, что четки при сосредоточении, молитве, напротив, мешают? Меня вообще отвлекает каждое движение. Это правильно? Четки являются исключительно пособием для правильной молитвы или могут препятствовать ей? Меня также смущает, что некоторые на службе не делают поклоны.

Ответ. Действительно, при очень сосредоточенной молитве четки могут мешать. Об этом и святитель Игнатий пишет. Но это зависит от психологического состояния человека. Одним они и при непрестанной молитве помогают, а другим – как будто мешают. Но только не нужно отказываться от четок прежде времени, когда ты еще не стяжал самодвижной молитвы и неразвлекаемого внимания. В таких вопросах надо советоваться со старицей, которая знает тебя лично и то, что с тобой происходит. Общий же ответ я дать не могу. Теоретически – да, такое может быть, и это не значит, что ты обязательно делаешь что-то неправильно; но иногда человек отказывается от употребления четок преждевременно, ошибочно считая, что он молится уже настолько внимательно, что четки ему мешают. Не следует делать выводы самому: у меня, мол, непрестанная молитва, и четки мне мешают. Бывает, что человек одну молитву произнес, а про вторую вспомнил через полчаса... Старец Иосиф Оптинский, например, свое правило всегда исполнял по счету. У него лежали косточки от маслин; он четку прочитает – косточку отложит. Именно он и отметил, что мы молитву произносим лишь время от времени, а нам кажется, будто мы молимся непрестанно.

Что касается поклонов на службе, то я думаю, что у нас если кто-то и не делает поклоны, то только по благословению. Значит, им это разрешено, значит, им лучше молиться так. Пусть каждый следит за собой и ни на кого не обращает внимания – вот это будет по-монашески. а смотреть за тем, кто плачет, кто улыбается от радости, или кто голову как-то наклонил, не следует. Во-первых, это показывает, насколько «внимательно» молишься ты сам, а во-вторых, – это нехорошо, почти что осуждение. Духовная жизнь – тайна. Никто не должен лезть в чужую душу, никто не должен ничего знать, кроме старицы.

Вопрос. Батюшка, простите, я не совсем поняла, почему четки могут отвлекать от молитвы.

Ответ. Как правило, это бывает с теми людьми, у которых началась самодвижная молитва. Дело в том, что мы привыкли молиться по четкам с определенным ритмом. А когда начинается самодвижная молитва, то ритм, к которому мы привыкли, а связан он с механическим перебиранием четок, не соответствует тому ритму, который сверхъестественно образовался в нашей душе при самодвижной молитве, и мы своим собственным, искусственным ритмом как бы давим на этот, благодатный. И в этом случае нужно либо действительно оставить четки, либо перебирать их вслед за той молитвой, которая произносится в сердце. Но, еще раз подчеркиваю, это бывает исключительно с теми, у кого началась самодвижная молитва: человек молится, молится – и вдруг молитва начинает произноситься у него в сердце сама.

Также четки могут мешать, когда человек очень сильно собирается внутри себя, это уже бывает не просто при самодвижной молитве, а при огромном, сильнейшем сосредоточении. Тогда четки как что-то, вынуждающее его к внешней деятельности, отвлекают. Но это тем более не относится к большинству, это удел людей весьма и весьма преуспевших в молитве.

К сожалению, бывает, что человек преуспел в молитве, но не преуспел в бесстрастии, в исполнении заповедей. Как говорит Макарий Великий, некоторым по их младенченственности, простоте даруется молитва, но они не

имеют опыта борьбы со страстями. В данном случае я просто сделал оговорку, чтобы эти люди не думали, что если они преуспели в молитве, то, значит, они вообще преуспели. Иные всё делают, так сказать, законно: двигаются к цели, побеждая страсти и при этом совершенствуясь в молитве. А иным в молитве дано какое-то преуспевание, а в борьбе со страстями они отстают и потом это, так сказать, «подтягивают», подобно тому как происходит на войне: авангард войск уходит вперед, а основная их часть остается еще далеко-далеко позади. Но если основной части войска не удастся догнать авангард и укрепить те позиции, которые он захватил, то все войско может потерпеть поражение, несмотря на блистательную победу передового отряда. Такое тоже бывает.

Вопрос. А могут четки отвлекать во время молитвы, потому что человек неправильно молится?

Ответ. Да, и такое может быть. Представьте себе такую ситуацию: человек во время молитвы начинает воображать, допустим, райскую обитель, в которой он должен оказаться, или ту славу, которой сподобится от Господа за свое усердие в молитве, или еще что-нибудь. Человеку кажется, будто он испытывает духовное наслаждение, а четки мешают ему, отвлекают от столь сладостного делания.

Вопрос. Бывает, что во время молитвы думаешь о другом, а не о молитве.

Ответ. Необходимо понуждать себя изо всех сил сосредоточиваться на молитве, чтобы мысли, отвлекающие от нее, не захватывали нашего внимания. Следует с некоторым напряжением заставлять свой ум отвращаться от любого возникающего в нашем воображении предмета и устремляться к молитве. Тогда этот воображаемый предмет будет постепенно тускнеть и наконец исчезнет. А если мы будем продолжать содержать в уме и представившийся предмет, и молитву, то, как люди страстные, склонные более ко злу, чем к добру, постепенно переключим наше внимание на этот предмет и либо вовсе оставим молитву, либо будем совершать ее формально.

Вопрос. Часто бывает, что внимание приходит даже в суете, в очень краткий промежуток свободного времени, а на

правиле трудно или совсем не получается молиться со вниманием. Почему так происходит?

Ответ. Может быть, потому, что мы, занимаясь суетными делами, смиряемся, усердно выполняем послушание, и благодать нас посещает. Кроме того, если так называемая дневная суета не является следствием нашего произволения, и мы не предаемся ей добровольно, а отсекаем при этом свою волю, то во время исполнения послушания мы надеемся не на себя, а на Бога. Мы как бы ничего не делаем в молитве, и Господь нас посещает, показывая этим, что наше преуспевание в ней зависит от Него, а не от нашего усердия. А во время правила мы, наоборот, ожидаем каких-то особенных результатов, особенного внимания, благодати. Надеемся на себя, а не на помощь Божию, не смиряемся и благодати не получаем. Поэтому вывод такой: причина посещения благодати в суете – это смирение, проявляющееся в послушании и в ненадеянии на себя, а причина ее отсутствия во время правила – это самонадеянность и гордость.

Вопрос. На правиле бывает такое состояние, при котором почти что перестаешь пользоваться четками: еле-еле, с силой их перебираешь, и просто твердишь молитву, чтобы не оставить ее совсем. И это происходит неожиданно; а бывает, что непонятно почему начинает болеть рука.

Ответ. Возможно, это брань. Из этого случая мы как раз и видим, что четки – не такая пустая и формальная вещь. Дьявол может искушать человека столь сильно, что ему и четки трудно будет перебирать, или боль какая-то вдруг появится в руке – не из-за того ведь, что он так устал, перебирая четки! Это может быть такое искушение, дьявольское нападение. Бывает, человек устами молится, а язык у него чуть не немеет, челюсть болит, молитву произносить невозможно. А как начнет с кем-нибудь говорить о чем-либо пустом, то такая сила в языке появляется – просто необыкновенная. В таких случаях нужно превозмогать это, не обращать на такие явления внимания, хоть бы они и десять лет продолжались. Дьявол по-всякому может нападать, смущать, лишь бы отвести человека от молитвы.

Вопрос. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в своих письмах к мирянам говорит, что мирянин не должен вдаваться в тонкое разбирательство своих грехов и помышлений. Получается, что мирянам нельзя записывать помыслы и следить за ними?

Ответ. Человек, живущий в миру и постоянно пребывающий в суетных занятиях, конечно, не может наблюдать за собой так же внимательно, как тот, кто пребывает в монастыре: у него бесчисленное количество всяких впечатлений. Монаха же сам строй монастырской жизни располагает к тому, чтобы обратить свой внутренний взор на себя, следить за собой. Однообразие, размеренность жизни побуждает его внимательно относиться даже к малейшим движениям своей души. Для мирян это часто бывает непосильной задачей. В то же самое время есть некоторые миряне, ведущие особенно внимательный образ жизни: даже будучи семейными (а тем более те, которые одиноки), они фактически ведут жизнь полумонашескую. И в виде исключения можно было бы позволить некоторым из тех, кто подражает монахам, имеет ревность и усердие, заниматься таким делом. Хотя мой опыт говорит, что это очень трудно – этим людям, как говорится, не до того. Достаточной была бы подробная исповедь, и это уже хорошо.

Вопрос. Когда мы делаем земные поклоны, мы четками задеваем пол, да и в других случаях бывают похожие ситуации. Как вы думаете: может быть, лучше не прикладывать четки к мощам и другим святыням? Ведь таким образом мы относимся к святыне несколько непочтительно?

Ответ. Мне кажется, не нужно путать эти вещи – отношение к святыне и освящение от нее. Вот, например, на четках есть крест, и когда мы делаем поклоны, этот крест бьет по земле. Меня это в свое время смущало, я старался крест как-то подбирать, чтобы он не бился о землю, и однажды задал отцу Андрею вопрос: может быть, это нехорошо? Он же ответил: «да нет, ничего страшного; когда вот так делаешь поклоны с четками, то освящается земля». Можно ведь по-разному все объяснять. В принципе, всякий христианин должен все вещи освящать: например, подрясники, которые носят сестры, все

освящены. А в этом подряснике кто-то может, к примеру, спать. Ну и что же теперь делать с этим подрясником?

Вопрос. Кто-то из старцев пишет, что четки нельзя брать немытыми руками.

Ответ. В общем-то, да. Но с другой стороны, все зависит от ситуации. Я знал одного монаха из одесского монастыря. Его послушанием было обслуживание генератора, который вырабатывает электроэнергию. Поскольку генератор работал на мазуте, то руки у этого монаха очень часто были грязными. Однако молиться без четок ему было трудно, и он имел особые четки, которые использовал во время работы. Они были очень засаленные; на службу он с ними, конечно, не ходил. Я не думаю, что брать четки грязными руками – это грех, но на богослужение нужно приходить чистым и опрятным, в том числе и четки должны иметь соответствующий вид.

Вопрос. В чем должно выражаться дерзновение в молитве у новонаначального?

Ответ. прежде всего, дерзновение должно быть в том, чтобы побуждать себя к вниманию. Кроме того, необходимо также (конечно по силе, насколько получается) молиться с сокрушением сердечным, с покаянием. Хорошо было бы, если бы с этим могла соединиться еще и память смертная. Но самое главное, повторяю, иметь ревность к вниманию, при любом виде молитвы: устной ли, умной ли, произносимой вслух или беззвучно.

Вопрос. Часто смущаюсь при людях молиться более углубленно – это неправильно?

Ответ. В зависимости от ситуации. Если ко мне, скажем, пришли посетители, а я вдруг углубился в молитву, то они могут это неправильно понять. Хотя были некоторые подвижники, в которых молитва действовала так, что они не могли удержаться и забывались. Кажется, такое было у игумении Таисии: во время беседы с сестрами она иногда так погружалась в молитву, что теряла контроль над собой, а сестры знали это и ждали, когда она выйдет из такого состояния. А вообще, смущаться не нужно: если ничего от тебя не зависит, а просто кто-то рядом присутствует, то надо

молиться и не делать из человекоугодия какой-то легкомысленный вид; нужно думать прежде всего о своем духовном состоянии. Но если ты с кем-то общаешься, то необходимо сохранять благоразумие, чтобы не оскорбить человека своим к нему невниманием. А то некоторые из тщеславия углубляются в молитву в присутствии посторонних, а когда надо молиться наедине, теряют всякую ревность.

Вопрос. На прошлой беседе, говоря о своем отношении к творениям святителя Феофана Затворника, вы сказали, что предпочитаете руководствоваться творениями святителя Игнатия (Брянчанинова), упомянув при этом, что, впрочем, относительно некоторых моментов духовной жизни принимаете для себя учение других святых отцов, а не святителя Игнатия. Что же именно в его трудах вы не принимаете? Разве не все у этого писателя можно применять к себе на сто процентов?

Ответ. я не могу сказать, что категорически не принимаю тех или иных его слов. святитель Игнатий – писатель чрезвычайно осторожный, описывающий все виды, все моменты, даже все тонкости духовной жизни. Вы видите, что из всего того, чему мы вас учим, кардинальное, первостепенное значение мы придаем молитве Иисусовой, умному деланию. Святитель же Игнатий наряду с учением об умном делании говорит, допустим, и о том, как нужно читать псалмы, как совершать прочие молитвословия, проявляя тем самым некоторую умеренность и осторожность.

На меня в отношении молитвы сильно повлияло чтение таких, может быть, кратких, но чрезвычайно ценных по своему содержанию творений, как «Предисловия...» схимонаха Василия Поляномерульского, написанных им в качестве своего рода комментариев к некоторым сочинениям святых отцов и имеющих в своей основе учение об умном делании. Старец Василий говорит, что умное делание, молитва Иисусова, может заменить все правила. Сравнительно недавно, года два назад, я познакомился с «Описанием молитвенных действий старца Василиска Сибирского», подтверждающим это мнение. Сам старец Василиск Сибирский вначале сомневался, нужно ли заменять вычитываемое правило молитвой Иисусовой. Но когда

он решил провести такой «эксперимент», то получил необыкновенную пользу и даже сподобился откровения. Вот в этом смысле я немного расхожусь с мнением святителя Игнатия, поскольку считаю, что именно в наше время безумного делания, без Иисусовой молитвы, никакие подвиги, никакие даже добродетели ничего человеку не дадут; без Иисусовой молитвы все это останется пустым занятием – я испытал это на себе лично. Когда я спрашивал у своего духовника о том, как упражняться, например, в памяти смертной, он только махал на меня рукой и говорил: «Молись, и все». Действительно, как я ни старался, все равно никакой памяти смертной не имел, а только воображал, что имею.

Настоящие, неподдельные добродетели приходят прежде всего и более всего от занятия молитвой Иисусовой. И сам святитель Игнатий пишет, что при занятии этой молитвой сами собой приходят и терпение скорбей, и память смертная, и прочие добродетели. Преподобный Иоанн Лествичник справедливо называет молитву матерью всех добродетелей.

Некая осторожность святителя Игнатия могла происходить и оттого, что, возможно, он ставил своей целью помочь, услужить всем: и более ревностным, и менее ревностным, и усердствующим в Иисусовой молитве, и придающим ей второстепенное значение. Поэтому, когда мы читаем его некоторые статьи, например о самоукорении, то нам может показаться, будто это делание возможно и без Иисусовой молитвы. И тогда мы уклоняемся в некое многообразие духовных занятий, отвлекающее нас от самого главного, от самого плодоносного, без чего все остальное превращается чуть ли не в пустое времяпрепровождение. По этой причине в том, что касается молитвы Иисусовой, я придерживаюсь той традиции, которую проповедует схимонах Василий Поляномерульский.

Между прочим, сам святитель Игнатий желающим заниматься молитвой Иисусовой советует прочитать в первую очередь именно эти «Предисловия...» старца Василия. Как я

предполагаю, святитель, боясь смело, откровенно высказаться в пользу того, что без умного делания не может быть никакого преуспевания, и в то же время советуя прочитать именно эти творения, тем самым как бы говорит: в них вы найдете самое главное, что нужно для занятий молитвой Иисусовой. А там мы находим, что непрестанная молитва может заменить все келейное правило. И мне кажется, что святитель Игнатий в деликатной форме также об этом говорит. Поэтому я не то чтобы расхожусь со святителем Игнатием по этому вопросу, а просто принимаю дополнительную точку зрения старца Василия. Нужно иметь в виду, что святитель не мог высказываться откровенно: его творения и без того воспринимались с большой настороженностью, так как он учил исключительно по святым отцам, и учил смело и последовательно. Если вы читали его биографию, то знаете, что его книги и публиковали-то с трудом, поскольку они чрезвычайно отличались от того, что писали в его время, – и по стилю, и по содержанию.

Святитель Игнатий – это действительно святой отец XIX века, таких великих писателей у нас в то время больше не было, он является исключением. Если мы возьмем самых выдающихся российских богословов-проповедников того века, то увидим, что никто из них не может сравниться со святителем. Разве что Феофан Затворник. Но он жил гораздо позже, в конце XIX века, был уже младшим современником святителя Игнатия. По своим богословским произведениям святитель Феофан тоже представлял собой исключительное явление. Он был оригинальным богословом, однако как аскетический писатель, несомненно, уступал святителю Игнатию, он даже и сам это понимал. Когда афонские монахи просили его написать что-нибудь об Иисусовой молитве, он сказал, чтобы они довольствовались тем, что написал преосвященный Игнатий, то есть считал творения последнего в этом отношении достаточными.

Вопрос. А что вы скажете об отце Иоанне Кронштадтском как о писателе?

Ответ. Можно сказать, что его книга «Моя жизнь во Христе» – это также исключительное явление. Правда, нужно отметить, что размышления отца Иоанна Кронштадтского в его дневнике интересны только тому, кто знает его жизнь. Если бы мы не знали биографию отца Иоанна, то, может быть, и не отнеслись бы к его книге с таким вниманием. Хотя старец Силуан Афонский рассуждал об этом несколько иначе. Он говорил: если кто читает книгу «Моя жизнь во Христе» без всякого вкуса, тот не имеет в себе благодати Божией. Старец Силуан считал, что имеющий благодать должен понимать значение этой книги.

Но если сравнить Иоанна Кронштадтского, Феофана Затворника и святителя Игнатия, то значение святителя Игнатия будет несравненно больше. Без святителя Игнатия нельзя прийти к правильному пониманию аскетических произведений святых отцов вообще, в том числе творений современных ему писателей, таких как святитель Феофан, Иоанн Кронштадтский или оптинские старцы. Можно сказать, что он является одним из самых выдающихся русских духовных писателей всех времен.

Вопрос. Батюшка, есть люди, которые ходят по горячим углям, не обжигаясь. Это фокус или что-то бесовское?

Ответ. Да, есть такие люди, например, в Болгарии – нестинары. Они берут икону, читают «Отче наш» и ходят по горячим углям не обжигаясь. Это имеет какое-то отношение к ереси богомилов, очень распространенной среди болгар. Я думаю, что это, конечно, прелесть; нечто бесовское – не в смысле колдовства, а в смысле прелести. Зачем искушать Бога, ходить по горячим углям?

Вопрос. Получается, что природа человека может изменяться не только из-за святости (подвижники, например, ступали по воде), но и из-за прелести (как в случае хождения по углям)?

Ответ. Благодать Божия действительно может менять природу человека, претворить ее до какой-то степени в другую. Это подтверждает нетление мощей святых угодников, частичное проявление того нетления, которого человек сподобится в будущем веке. Дьявол же изменять природу человека не в

состоянии, он лишь какой-то силой ее поддерживает. В житии апостола Иоанна Богослова, например, описываются чары колдуна, который на несколько часов опускался в воду. Мы знаем случаи, когда некоторых йогов закапывали в землю, через сутки откапывали, и они оказывались живыми и невредимыми. Что это такое? Конечно, демоническое действие, колдовство или прелесть. Природа человеческая в подобных случаях не меняется, просто имеет место демоническое воздействие. И это доказывается, например, тем, что Симон волхв, с помощью колдовства поднявшийся на воздух, после молитвы апостола Петра упал и разбился, поскольку демон его оставил. Также и колдун Кинопс утонул после молитв Иоанна Богослова, когда демоны перестали ему помогать.

Вопрос. Скажите, пожалуйста, что представляет собой ересь богомилов?

Ответ. ересь богомилов, как предполагают, происходит от ереси манихеев. Манихеи учили, что есть два бога – добрый и злой. Добрый сотворил дух и все духовное, а злой сотворил материю. Между этими двумя началами существует постоянная вражда. Что-то в этом учении взято из язычества, что-то – из христианства, но основная доктрина заключается в том, что зло является самостоятельной субстанцией и отождествляется с материей. Соответственно все материальное и чувственное презирается и считается греховным.

С течением времени манихейство как таковое, под собственным именем, исчезло, но, немного изменившись, продолжало свое существование под видом ереси павликиан, названной так то ли по имени апостола павла, которому еретики приписывали свое учение (как они это часто делают), то ли по имени одного из ересиархов, ее распространявших. В особенности она процветала в Болгарии, где и получила название богомильства. Почему она названа именно так – точно не знаю, возможно, потому, что богомилы считались особенно угождающими Богу. А впоследствии эта ересь перешла даже во Францию, куда-то на Запад, где было подобное же движение

альбигойцев – еретиков, проповедовавших взгляды, подобные коммунистическим. У них было общее имущество, и жили они чуть ли не отдельным государством. одно время под их влиянием находился весь юг Франции. Но потом папа Римский объявил против них крестовый поход и воины жестоко их истребили.

Вопрос. Я понимаю, что не права, но не знаю, как поступить. Мне кажется, что молитва не помогает, и веры в силу молитвы нет. Думаю, что если буду молиться без веры, то это не поможет. Как мне быть?

Ответ. Что значит «молиться без веры»? Я не понимаю. Вот ты молишься и говоришь: «Господи, помилуй меня грешную» и думаешь, что Господь тебя не помилует, – так, что ли? Если при молитве у тебя нет какого-то живого чувства, потому что в тебе мало благодати, то это не означает, будто вовсе не нужно молиться. Нет, нужно молиться, нужно искать внимания, и все придет. Обрести плоды молитвы прежде, чем помолишься, невозможно. Нельзя войти в здание, если прежде не заложишь его фундамент и не выстроишь стен. Мы хотим иметь веру раньше, чем потрудимся для ее приобретения. А ведь для того, чтобы стяжать в молитве настоящую, живую веру, надо много поработать. Прежде всего, нужно заботиться о внимании, и больше ни о чем не думать. Вы же, наоборот, начинаете философствовать, а вся ваша философия – это просто оправдание нерадения. Нужно молиться, и все.

Вопрос. Хорошо ли, что у нас в киоске храма продается много четок и их покупают люди, мало знающие об Иисусовой молитве и неопытные в духовном отношении? Не опасно ли это для них?

Ответ. Сами по себе четки – это ни хорошо, ни плохо. Но человек все равно должен подойти к какому-нибудь опытному священнику, взять благословение на занятие Иисусовой молитвой, получить соответствующие разъяснения. Лично я, когда миряне обращаются ко мне за таким благословением, советую им обязательно прочитать некоторые святоотеческие сочинения (как правило, творения святителя Игнатия) и только после этого благословляю. К тому же этот человек должен

вести нравственную жизнь, соблюдать заповеди – тогда можно благословить молиться по четкам.

А Иисусова молитва, с четками или без четок, с одной стороны, всем одинаково полезна, с другой стороны, для всех одинаково опасна. Четки в этом смысле ничего не прибавляют и не убавляют. Разве что могут повредить человеку, если он будет их носить исключительно ради тщеславия: повесит себе на руку и станет думать, будто делает что-то великое.

Вопрос. один человек мне сказал, что если кто-то приобретает четки, то он тем самым бросает вызов дьяволу, показывая, что теперь намерен молиться молитвой Иисусовой. это на самом деле так?

Ответ. Конечно же, дьявол не такой глупец, чтобы, увидев, как человек покупает четки, сразу и испугаться. Допустим, держит человек в руке четки или намотал их себе на руку, – какое дьяволу до этого дело? Пусть тот хоть митру наденет – ему-то что? Между прочим, мне рассказывали о таком интересном эпизоде. Один митрофорный обновленческий священник, а может быть, епископ (не помню точно его сана), выходил говорить проповедь в костюме и митре. Можно себе представить, как это выглядело. Они же, обновленцы, шли навстречу современности. Только представьте себе: выходит человек в галстуке и в митре. Вот зрелище-то было! Так что можно и четки взять, и митру надеть, и все что хочешь сделать, только пользы от этого не будет никакой. И, конечно, дьявола это напугать не может. Но когда человек молится, тогда он действительно возбуждает гнев, ненависть и зависть дьявола, и тот начинает на молящегося нападать.

О необходимости постоянной молитвы⁶⁹

Сегодня мне хотелось бы сказать о самом важном делании в монастыре. Я считаю, что самым важным для нас является Иисусова молитва, или умное делание. Проводя аналогию с историей сотворения мира, описанной в книге Бытия, старец Василий Поляномерульский все прочие делания сравнивает с реками, а умную молитву – с океаном, в который впадают все реки. Простое на первый взгляд занятие – повторение Иисусовой молитвы – оказывается самым важным, всеобъемлющим деланием монашествующих, потому что является не только молитвой, но и внутренней борьбой. Внешняя жизнь человека полна всевозможных событий: приятных и неприятных, радостных и скорбных, счастливых и трагических, – внутренняя, духовная жизнь так же разнообразна и переменчива. Повторяя Иисусову молитву и, может быть, до конца не понимая, к чему это приведет, мы неожиданно для себя приходим в особое состояние: начинаем изнутри просвещаться светом. Я имею в виду не тот благодатный свет, который посещает преуспевших подвижников, а свет ведения, позволяющий познать самих себя. Мы видим, что представляет собой человек, замечая прежде всего собственные греховные наклонности и немощи; но, наблюдая за собой, мы видим также и возвышенные свойства человеческой души. Таким образом, познавая самих себя, мы начинаем понимать других людей. Получается, что человек, занимающийся как будто бы несложным делом: непрестанно, словно умалишенный, повторяющий одни и те же восемь слов (конечно, слова эти не простые, ведь в них содержится имя воплотившегося Сына Божия, Господа Иисуса Христа), постигает тайны внутренней жизни. Он знает людей гораздо лучше, чем тот, кто имеет обычный житейский опыт и постоянно пребывает в общении с людьми, потому что последний судит о них, наблюдая со стороны, а мы, если живем правильной жизнью, судим о людях по самим себе, знаем человека изнутри. Надо сказать, что мы мало отличаемся друг от друга, у нас

гораздо больше общего, чем различного. Часто мы преувеличиваем значение собственной индивидуальности.

Познание самого себя, происходящее от упражнения молитвой Иисусовой, необходимо нам не для получения какого-то отвлеченного знания (вѣдения ради вѣдения нам не нужно), а для того, чтобы через это познание совершить подвиг покаяния. Этот подвиг начинается с сердечного сокрушения, плача о себе, по крайней мере с духовного плача, при котором человек, может быть и не имея слез, сетует о своем падшем состоянии. А продолжение покаяния – борьба с грехом. В сопротивлении постоянно действующим в нас страстям мы и совершаем истинное покаяние. Бывает, что человек осознаёт свою греховность, огорчается этим, но со страстями не борется. Нельзя назвать это покаянием, в лучшем случае это только его начало. Если же человек закосневает в таком состоянии, не начинает борьбу со страстями, значит, в нем можно заподозрить духовный изъян, например лукавство. Нужно обязательно вступить в борьбу с грехом.

Начиная заниматься Иисусовой молитвой, человек ожидает быстрых результатов, благодатных ощущений, но видит лишь свою греховность. Даже если теоретически он знает, что так и должно быть, все равно для него это печальное зрелище. Однако, если в нас действует благодать, Господь не только дает нам возможность увидеть свою греховность, но и вразумляет нас, внушая самое главное – решимость бороться с грехом.

Если мы осознаём свою греховность, но не стремимся к идеалу (может быть, знаем о нем теоретически, но не имеем его своей жизненной целью), то едва ли можно говорить о настоящем покаянии. Не познав всю тяжесть и горечь напряженной борьбы со страстями, мы не сможем стяжать глубокого сердечного сокрушения, того плача о своих грехах, который имели святые отцы. В нас не может быть, выражаясь не совсем аскетическим языком, подлинного огорчения из-за своих согрешений и немощей, потому что мы не вступаем в борьбу. Кто-то оправдывает себя тем, что не совершает тяжких смертных грехов, другой находит иное более или менее убедительное оправдание, но на самом деле человек притупил

лишь первую горечь, притупил, так сказать, жало греха и, почувствовав некоторое спокойствие, уже не хочет вести ожесточенную борьбу со страстями. Допустим, он немного возвысился над блудной страстью и уже не боится падений или едва преодолел страсть уныния и больше не страшится отчаяния, неверия. Человеку кажется, что он живет правильно, что этого минимума достаточно для его спасения, однако это не так, потому что идеалом для христианина является Евангелие. Если мы, подобно пророку Давиду, который попытался облечься в воинские доспехи Саула, примерим на себя евангельские заповеди, то увидим, что они для нас тяжелы, непривычны, поэтому, облекшись в них, сражаться мы не можем. (Я сейчас говорю о евангельских заповедях в смысле внешней деятельности.) Деятельная жизнь по Евангелию без помощи Божией, одними собственными усилиями для человека невозможна. Пророк Давид выступил против могучего единоборца Голиафа с пращей и пятью камнями, надеясь на то, что Бог его не оставит. Так и мы, приступая к жизни по Евангелию, должны всю свою надежду возложить на Господа и усиленно молиться Иисусовой молитвой. Между прочим, в сокращенном варианте Иисусовой молитвы («Господи Иисусе Христе, помилуй мя») пять слов, поэтому мы вполне можем уподобить Иисусову молитву тем пяти камням, с которыми Давид не побоялся выйти против Голиафа.

Дух Иисусовой молитвы – это смирение, ненадеяние на себя. Я думаю, что блаженный Нифонт, предвидя именно такой образ духовного подвига, сказал, что в последние времена монахи пойдут путем делания, растворенного смирением (то есть соединенного с ним), удобно скроют свои дарования и в Царстве Небесном окажутся выше отцов, прославившихся чудесами. Ему же принадлежат слова о том, что подвижники последнего времени будут благоговеть даже перед Божиими попусками. Мне кажется, что сейчас и наступило то время, когда другого способа вести духовную жизнь не существует. Конечно, вряд ли мы будем выше отцов, прославившихся чудесами, но, может быть, кто-то из среды людей, живущих подобным образом, и достигнет такого состояния (всегда есть

те, кто возвышается над средой). Я говорю это не для того, чтобы вызвать в вас высокоумие или внушить вам, что мы занимаемся чем-то особенным. Мне просто кажется, повторю, что другого пути нет.

Мне приходится слышать о монашествующих, которые не молятся Иисусовой молитвой, и я не понимаю, как же они тогда борются с помыслами. Становится даже страшно. Мне кажется, что без молитвы человек безоружен и беззащитен. Тяжело бывает даже тому, кто молится Иисусовой молитвой, а что же делать человеку, который не молится?! Нужно понимать, что и в начале, и в середине, и, наверное, в конце подвига самым главным является ненадеяние на себя и деятельное (то есть проявляемое на деле) упование на Господа Иисуса Христа, Сына Божия, выражающееся в молитвенном призывании Его.

Я уже сказал, человек, просвещаясь, видит вначале свою греховность, и это зрелище бывает для него весьма печальным и даже страшным. Иногда это приводит к малодушию. Однако за этим должно последовать и действие благодати, внушающее решимость бороться со своей греховностью и одновременно подающее силы. Бывает, что от действия молитвы Иисусовой даже новоначальные чувствуют некоторое утешение, но мы должны понимать, что борьба со страстями – это не какое-то приятное занятие, а жестокая, кровавая схватка, требующая крайнего напряжения сил даже тогда, когда, казалось бы, ничего сделать нельзя. Если человек понуждает себя: простите за светский язык, мобилизует все свои внутренние ресурсы, то и благодать начинает ему содействовать. Без усиленного, крайне напряженного призывания имени Господа Иисуса Христа никакую страсть победить невозможно. Нужно помнить непреложные, истинные слова Спасителя (ведь это Откровение получено не через пророка, а от Самого Господа): *И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну (Мф. 5, 30).* Иисусова молитва и является тем мечом, при помощи которого мы можем отсечь соблазны, столь же естественные и привычные для нас,

как члены нашего тела. Трудно представить человека, который сам отсек бы себе руку, тем более правую. Но именно такого внутреннего напряжения требует от нас Господь Иисус Христос. Если же мы не хотим этого делать, значит, пренебрегаем заповедью Божией.

Заповеди Божии – это не только *не убий, не прелюбодействуй, блаженны нищие духом...* Заповеди – это все учение Господа Иисуса Христа, содержащееся в Евангелии. Если мы не в силах, как нам кажется, справиться со своими страстями, то это означает, что мы не соблюдаем заповедь о мужественной борьбе с самим собой и уповании на единого Бога. *Без Мене не можете творити ничесоже,* – сказал Господь наш Иисус Христос (Ин. 15, 5). Мы же думаем, что мы способны сделать что-то и без Бога, что можем спастись, не отсекая соблазны, страсти. Рассмотрим любую нашу греховную привычку, будь то гнев, блудная страсть или такие пороки, как многословие, пустословие, и мы увидим, что наше поведение по страсти столь же для нас естественно, как, например, владеть двумя руками или смотреть двумя глазами. И мы не представляем, что можно вести себя так, чтобы эти страсти не проявлялись.

Если человек хочет взять какой-либо предмет – он, не задумываясь, протягивает к нему руку, чаще правую. Так и мы, увидев что-то соблазнительное, действуем по страсти, будто так и нужно поступать, хотя именно в этот момент и следовало бы отсечь этот кажущийся нам естественным, а на самом деле противоестественный нарост на своей душе. Но мы не сможем сделать этого, иначе как призыванием имени Господа Иисуса Христа.

Всем известны слова апостола Павла, которые говорят новопостриженному при вручении четок: *Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий* (см. Еф. 6, 17). Этот духовный меч мы должны направлять против своих страстей, уметь с жестокостью, безжалостностью к самим себе отсекал им греховные члены своей души. Лучше в «противоестественном» состоянии войти в Царство Небесное, не удовлетворив своих желаний, чем, осуществив все, что нам

кажется естественным, дозволенным, быть ввергнутыми в геенну огненную. Этому учит нас молитва Иисусова. Учит не столько словами, которые в ней содержатся (ведь она очень лаконична), сколько благодатью, которая через нее действует при усердном в ней упражнении.

Мой покойный духовник игумен Андрей (Машков), когда я спрашивал у него, как мне приобрести память смертную или какую-нибудь другую добродетель, отвечал: «Молись, и все». Я слушался, но не понимал, почему он так говорит. Он не умел объяснять; может быть, молился, чтобы Господь меня вразумил, иногда я это чувствовал. Его простые слова о молитве означали то, что все приходит именно от нее. Спустя много лет я прочитал об этом у святителя Игнатия (Брянчанинова). Он пишет, что от молитвы приходят и терпение скорбей, и память смертная. Иоанн Лествичник называет молитву матерью всех добродетелей. Это не означает, конечно, что мы ни о чем ином не должны заботиться, но предпочтение необходимо отдавать именно этой высочайшей добродетели. Под молитвой мы подразумеваем всеобъемлющее внутреннее делание, которое на вид может показаться одним лишь повторением краткой Иисусовой молитвы. Однако молитва – это целый мир, в который человек должен погрузиться так, чтобы почти не обращать внимания на что-либо внешнее.

Только при помощи самоотверженной борьбы с собой можно исполнить Евангелие. Может быть, вы надеетесь сделать это иным способом. Я не могу сказать, что это невозможно, но как это сделать – я не знаю. Все вы – мои духовные чада и в деле спасения своей души должны меня слушаться. Я преподаю вам то, что знаю сам, по крайней мере теоретически. Возможно, кто-то подвизается иначе, знает другие способы борьбы с собой, но нам рассуждать об этом бесполезно, поскольку эти способы нам неизвестны. Чтобы не получилось как в русской сказке: пойдя туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что. Некоторые люди свое нерадение и скромное преуспевание оправдывают тем, что их наставники недостаточно мудры. Разумеется, мы не можем сравнивать себя с великими русскими старцами XIX или XX веков. Но вы и сами знаете уже

очень много, знаете самое главное и если бы имели ревность, то скромного руководства, которым вы располагаете, было бы достаточно, чтобы со временем преуспеть и достичь высоких духовных состояний. Есть люди, которые говорят, что ничего нового они здесь не слышат, что все им уже известно, но эти люди забывают об одной простой вещи: все, что им сейчас известно о духовной жизни, они узнали от нас, Промыслом Божиим оказавшись в духовной среде нашего монастыря.

Еще находясь в миру, я сказал об Иисусовой молитве одному своему знакомому, а он ответил, что все наши друзья уже и так знают об Иисусовой молитве и молятся ею, и назвал нескольких человек. Но все эти люди узнали про молитву от меня, а сам я по-настоящему узнал о ней от отца Андрея; раньше же только краем уха слышал об умном делании, но не придавал этому особого значения. Вообще, это знание, это ведение правильной духовной жизни и осознание истинного значения Иисусовой молитвы – большая редкость (несмотря на то, что сейчас издаются книги, из которых можно об этом узнать. Мы уже привыкли к умному деланию и воспринимаем его как нечто само собой разумеющееся, но у других людей отношение к нему совсем иное. Я спрашивал у отца Андрея, молится ли кто-нибудь Иисусовой молитвой в N-ском монастыре в городе N, в ответ он только пожимал плечами. Я был самонадеянным юношей, не имел рассуждения, опыта, и мне казалось, что все должны молиться Иисусовой молитвой. С удивлением я спрашивал отца Андрея: «Неужели они не читали книг?» А он снова пожимал плечами: мол, не знаю. Я забывал о том, что извлечь из множества книг самое важное, первостепенное можно только с помощью наставника, каким для меня был отец Андрей.

В наше время знанием о необходимости молиться Иисусовой молитвой и вести внутреннюю борьбу нужно дорожить как особой Божией милостью. И надо не только быть благодарным тем людям, которые преподали нам умное делание, но и деятельно подвизаться, уметь применять приобретенное ведение (намеренно использую такое возвышенное слово) в каждом конкретном случае, чтобы оно не

лежало в памяти, как запылившаяся библиотечная книга, которую никогда не раскрывают.

Только занимаясь умным деланием, человек может надеяться на то, что исполнит Божии заповеди и сумеет уничтожить свои душевные и телесные страсти. Если же он мало преуспевает, значит, либо придает недостаточное значение умному деланию, пребывая в нерадении, либо считает, что молитва Иисусова хотя и хорошее, но не единственно важное делание, а есть много других, не менее значимых добродетелей, при помощи которых можно духовно преуспеть.

Я говорю это для того, чтобы вдохновить и подбодрить вас, чтобы вы занимались умным деланием и не думали, что спасаетесь только благодаря моему присутствию. Если у вас будет усердие к Иисусовой молитве, значит, мы близкие по духу люди, если же его не будет, то даже частое личное общение ничего не даст.

* * *

Вопрос. Чем окрадывается молитва?

Ответ. Молитва окрадывается любым грехом: гневом, злопамятностью, завистью, тщеславием, гордостью. Господь снисходит к неопытным новоначальным, и они не претерпевают справедливого оставления благодати. Труднее бывает тем, кто духовно более опытен и способен отразить действие страсти, но не делает этого, добровольно ей поддаваясь. Эти люди чувствуют лишение благодати даже за малейшее уклонение ума от заповедей Божиих.

Вместе с тем оставление благодати обучает человека вниманию к себе, постоянному хранению христианской совести: он бывает чрезвычайно щепетилен и строг к себе. Те же, кто себя жалеет, постоянно лишаются благодати, может быть даже не понимая, почему так происходит. Допустим, человек ропщет оттого, что болеет. Конечно, болезнь – подлинная скорбь, но это не значит, что можно роптать или унывать. Перенося телесные страдания, ты мог бы испытывать благодатные утешения, а поддаваясь ропоту, наоборот, чувствуешь сверх того душевные

мучения, пустоту. Подобное можно сказать и о любой другой страсти.

Вопрос. Скажите, что обозначают слова «расслабление телесных членов при духовном утешении»?

Ответ. Наверное, по-настоящему это знает человек, испытавший подобное состояние. Оно бывает при обильном действии благодати. Если во время молитвы на человека нападает лень, сонливость или расслабление членов, это не значит, что его посетила благодать. Как описывают святитель Игнатий (Брянчанинов) и другие отцы, благодать изливается из сердца на все члены тела, словно переливаясь через край некоего котла или сосуда. Это значит, что благодать из-за чрезвычайного обилия наполняет не только средоточие души, где находятся основные ее силы, то есть сердечное место, но и всю душу, которая содержит в себе все тело. Таким образом, сначала человек чувствует полное душевное утешение, а потом оно переходит на телесные члены, и человек испытывает нечто подобное опьянению. Конечно, такое состояние нельзя сравнивать с алкогольным опьянением (это лишь отдаленное подобие). По словам преподобных отцов, человек испытывает «легкое упоение», благодать действует на телесные члены, в целом умиротворяет, и он испытывает некоторое расслабление, блаженство, становится неспособен к обычной деятельности.

Такое особенное духовное состояние бывает, как правило, у людей весьма преуспевших, а иногда, по особенному Промыслу Божию, и у новоначальных: иной раз и грешному человеку может быть показано особенное благодатное состояние, ради того чтобы побудить его к покаянию, исправлению своей жизни. Однако, как я уже сказал, в основном это бывает у преуспевших в умном делании подвижников, которые обладают даром непрестанной молитвы: углубившись в нее, сосредоточившись, они достигают высоких духовных состояний. Стремление достичь этого состояния искусственно есть заведомое заблуждение, прелесть, искусственным образом действие благодати вызвать невозможно. В молитве нужно искать только внимания и понимать, что при нашем скромном преуспении

едва ли возможно достичь столь возвышенного духовного состояния. Оно начинается лишь с того момента, когда в человеке рождается непрестанная молитва. Подчеркиваю: только начинается!

Вопрос. Можно ли молиться за умершего человека, который вел нехристианский образ жизни?

Ответ. Молиться можно за любого умершего человека, какой бы греховной жизнью он ни жил. При этом нужно помнить, что это тяжелый духовный труд и мы должны рассчитывать свои силы, как рассчитываем их, занимаясь физическим трудом, иначе можно надорваться. Усталость от духовного труда выражается в особенных искушениях, наплыве тех или иных греховных помыслов, унынии или отчаянии, поэтому молиться за другого человека можно только по благословению, хорошо подумав, обсудив со старицей, нужно ли это делать.

Я знаю о таком случае: новообращенный молился за свою умершую родственницу, которая была баптисткой и в этом заблуждении умерла. На него нашло сильнейшее отчаяние, уныние, были даже мысли о самоубийстве. Он не видел связи между этими явлениями, не понимал, в чем причина его подавленности. Однажды он рассказал о своем состоянии приснопамятному отцу Андрею, и тот сразу догадался, а может, прозрел. «Ты за кого молишься?» – спросил он. Этот человек рассказал, что молится за свою родственницу, баптистку. Тогда отец Андрей объяснил ему, в чем причина его отчаяния. Он прекратил молиться, и тягостное состояние довольно быстро прошло. В житейских делах мы понимаем причинно-следственную связь между явлениями, а в духовных нет: не хватает здравого смысла, рассуждения. Мы молимся и думаем, что ничего особенного не происходит, будто бы все легко: тяжелого не поднимаем, не потеем, телесно не напрягаемся. Многие люди, даже монашествующие, относятся к молитве очень легкомысленно. Но если бы мы трезво посмотрели на свои возможности и имели бы при этом истинную веру в вечную жизнь, то, пожалуй, забыли бы обо всем и со слезами, днем и ночью молились бы только за себя.

Как говорится, сердцу не прикажешь, но в случае молитвы за кого-либо дело не только в любви, но и в смирении. Желание молиться за близких людей может быть проявлением любви, но в иных случаях – одного лишь пристрастия. Пусть даже это будет объективное, непредвзятое отношение к тому, за кого ты собрался молиться, тем не менее необходимо иметь смирение и оценивать свои возможности правильно, понимать, способен ли ты на такой подвиг. Может быть, мы и не принесем пользы тем, за кого молимся. В результате и человека, за которого молились, не спасем, и сами, пожалуй, упадем. Любая добродетель начинается со смирения, и подлинная любовь без смирения невозможна: вначале наше чувство будет искренним, а потом под влиянием гордости обернется для нас каким-нибудь грехом.

Вопрос. Что означает выражение Петра Дамаскина: «Смиренномудрие бо есть порождение разума, разум же порождение искушений»⁷⁰?

Ответ. Похожую мысль высказывает Григорий Синаит. Выражаясь более современным языком, можно сказать: смиренномудрие есть порождение понимания. Смиренномудрие появляется у того человека, который обрел естественное понимание вещей, прежде всего понимание самого себя. А слова о том, что разум, то есть понимание, есть порождение искушений, означают, что истинный, трезвый взгляд на вещи появляется тогда, когда человек пройдет через многочисленные искушения и приобретет опыт. Григорий Синаит перечисляет виды смирения и постепенно приходит к высшему, истинному смирению. Одна из необходимых ступеней, через которую человек должен пройти, – это смирение от бесов. При многочисленных падениях, преткновениях, ни от кого не получая помощи, человек думает о себе смиренно, даже униженно. И без этого невозможно по-настоящему смириться. Может быть, некоторые люди (в виде исключения) обретают смирение иначе, получают какую-то особенную благодать, в их душе все меняется, но здесь речь идет о естественном, обычном порядке. Мне кажется, то же самое имеет в виду и Петр Дамаскин, говоря, что разум – это порождение

искушений: понимание истинного положения вещей, ведущее к смирению, происходит от многочисленных искушений, преткновений, при которых человек на опыте видит свою немощь, свое ничтожество.

Вопрос. Если сейчас невозможно иметь такое смирение, какое было у христиан в древности, то поможет ли нам спастись смирение от бесов?

Ответ. Я не говорил, что сейчас невозможно иметь смирение, подобное тому, какое было у христиан в древности. Мы не можем совершать телесных подвигов, на какие были способны древние подвижники, пребывать в таком же беспрекословном послушании, как они, потому что сейчас нет великих старцев; не можем так же уединяться и так далее. Пусть даже мы не обладаем знанием святоотеческого предания, но смирение мы можем и должны иметь. Оно никогда не станет невозможным и недоступным. Через умное делание, послушание, покаяние можно достичь такого же смирения, какое имели древние подвижники. Внешнее делание изменилось, а внутреннее осталось тем же. Поэтому нелепо утверждать, что в наше время невозможно иметь такое же смирение, какое было у христиан в древности. Речь идет о том, каким путем оно достигается. Григорий Синаит, живший в XIV веке, говорил, что смирение от бесов, то есть от наших падений, является одной из ступеней восхождения к истинному, глубочайшему и полному смирению.

Под падением подразумевается не блуд или убийство, а мысленное падение, которого люди, живущие невнимательно, чаще всего не осознают. Человек тысячу раз на дню падает, но не видит этого. Мысленное падение может замечать лишь тот, кто предъявляет к себе строгие требования и понимает, что он эти требования многократно нарушает, а это свойство людей, живущих очень внимательно. Кроме того, если человек не достигает глубочайшего и полного смирения, это еще не значит, что он не спасается: мы спасаемся покаянием, и не всем дано достигнуть совершенства. Иногда человек подвергается падениям от гордости, которая обычно сопутствует духовному преуспеянию. В этом случае ему попускается действие

страстей, для того чтобы он смирялся и через смирение и покаяние спасался, хотя Господь Своей всеильной благодатью мог бы сделать бесстрастным всякого человека.

О том, как вернуть ревность⁷¹

Я решил провести беседу о том, что время от времени бывает со всеми, – об охлаждении ревности. Любого верующего человека волнует вопрос: как вновь возбудить в себе ревность? Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что если огонь ревности покинул тебя, ты должен узнать, за какой грех он тебя оставил, и только после этого сможешь его вернуть.

Что такое ревность? Это не обыкновенное человеческое чувство, не энтузиазм, вызванный делом, которое нам нравится, пробуждает в нас интерес и стремление достигнуть в нем результата. В духовной жизни ревность – это действие Божественной благодати. Наверное, именно в таком смысле можно понимать слова Спасителя: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!* (Лк. 12, 49). Действительно, без действия Божественной благодати человек не способен к евангельскому деланию. В самом человеке нет не только сил и вдохновения, чтобы приступить к жизни по Евангелию, но и понимания того, что делать это необходимо. Наша православная вера – живая, действенная, истинная – сама по себе есть действие благодати. Бывает вера и умственная, при которой здравомыслящий или мудрый человек путем логического рассуждения доходит до истинного представления о бытии Божиим. Иногда люди, имеющие изощренный ум, додумываются до некоторых истин, близких к истинам Откровения, например приходят к мысли о единобожии. Некоторые философы в своих рассуждениях приближались к истине о Троичности Божества, хотя понимали это не совсем так, как учит Православная Церковь. Однако настоящей верой подобные рассуждения назвать нельзя, поскольку это только плод человеческого ума. Итак, есть вера умственная и есть вера живая. Под одним и тем же названием имеются в виду разные явления. Таким образом, мы должны понимать, что не только ревность, но и вера – это действие благодати. Без благодати мы не имели бы представления о том, что такое истина, даже не знали бы, что она существует.

Оставаясь в неведении, мы жили бы как некие разумные животные, пользующиеся разумом только для удовлетворения своих телесных нужд.

В связи с этим следует иметь правильное представление о том, что такое оставление ревности и каким образом мы можем ее вернуть. Конечно, утрата ревности – это прежде всего оставление нас благодатью. И поэтому возвращение того состояния, при котором человек понуждает себя или, правильнее сказать, имеет желание служить Господу, – это возвращение благодати. Есть вспомогательные средства, для того чтобы вернуть покинувшую нас благодать, такие как чтение, исповедь, но самое главное средство, как все вы прекрасно понимаете, – это молитва. Иногда человек, едва ли не случайно приступивший к монашеской жизни, но старательно исполняющий святоотеческие наставления о непрестанной молитве, понуждающий себя к этому, приобретает пламенную ревность. Он и не ожидал, что подобное чувство может владеть его душой и увлекать к евангельскому подвигу. И наоборот, тот, кто перед вступлением в монастырь имел ревность к монашескому образу жизни, теряет благодать, если проявляет к главной добродетели – непрестанной молитве – некоторое безразличие. Человек охладевает, ему иногда кажется, что он напрасно здесь находится, он даже не понимает, что его сюда привело. Но охладевает он не потому, что в нем что-то переменялось, а потому, что его оставила благодать. Мы не до конца понимаем значение Божественной силы, посещающей и оставляющей нас, многое приписываем себе – как доброе, так и греховное, суетное. Когда благодать действует в человеке, он чувствует в сердце утешение, мир, смирение, кроме того, Господь просвещает разум человека, и он на все смотрит другими глазами. Божественный свет указывает на правильное ко всему отношение. Ревность проявляется подобным образом: благодать показывает человеку то, что ему необходимо делать, вызывает влечение к намеченной цели, будь то добродетель, евангельская заповедь или конечная цель нашей жизни – спасение, Царство Небесное. И человек устремляется к этому всеми силами тела и души.

Если благодать оставляет человека, то вера умалывается, и все, что сегодня казалось близким, приводило в страх и трепет или, наоборот, вызывало духовное вожделение, вдруг становится безразличным, почти несуществующим, перестает быть значимым и действенным. Непрестанная Иисусова молитва – это основное средство, которым всегда располагает даже самый грешный человек и которое необходимо для того, чтобы очистить сердце и душу и умолиить Бога о возвращении благодати, то есть приблизиться через молитву к Богу, а может быть, и соединиться с Ним. Как металл от соприкосновения с пламенем раскаляется, так и человек от соединения с Богом приобретает нечто сверхъестественное, не свойственное своей, если можно так выразиться, дебелий, материальной, приземленной природе: он вдруг меняется и, подобно раскаленному железу, из мрачного, темного состояния переходит в состояние огненное. То, что вчера казалось человеку нужным, важным, обязательным – все то, чем он себя извинял и оправдывал, не исполняя заповеди, сегодня кажется ему ничтожным, почти несуществующим, эфемерным. И наоборот, то, чего он недавно не замечал, то, что как будто не существовало для него (я имею в виду духовные истины или тайны Царствия Небесного), становится открытым, действенным, живым, ощутимым и единственно важным. И хотя Господь справедливо наказал нас за наше нерадение, лукавство и грехолюбие, оттолкнул нас от Себя и, можно сказать, удалился от нас, но мы, понуждая себя к молитве и «борясь с Богом», будто насильно заставляем Его вновь приблизиться к нам и соединиться с нашей душой. Эта благословенная борьба с Творцом, Спасителем подобна той, какую вел святой патриарх Иаков, боровшийся ночью с Богом и получивший за это имя Израиль, которое обозначает и «борющийся с Богом», и «видящий Бога».

Соединяясь с Господом, мы приобретаем силы для духовной жизни. Как в материальной жизни для совершения обычных действий человеку необходима пища, укрепляющая его, так и в жизни духовной необходима некая сверхъестественная сила – та, что укрепляет человека или,

образно говоря, дает крепость его духовным мышцам для духовного труда. Молитву можно назвать самым лучшим, простым и одновременно действенным способом для возвращения утраченной ревности, то есть благодати, которая давала нам силу и желание жить по Евангелию. Благодать покидает человека из-за перемен в его умственном состоянии, а правильнее сказать, человек оставляет благодать, то есть Бога. От Бога невозможно удалиться физически, в пространстве, потому что Он вездесущий и в каждом месте пребывает во всей Своей полноте. Человек удаляется от Бога только в том случае, если изменяет свое душевное, умственное, нравственное состояние. И тогда, естественно, возникает потребность вернуться в прежнее состояние, переменить свое отношение к духовным предметам. Для этого можно применить несколько средств, прежде всего откровение помыслов и исповедь. Беседуя со своими руководителями, мы можем открыть им сердце, помыслы, чувства и понять, что наибольшим образом повлияло на наше охлаждение, а также получить совет. И тогда человек будет знать, что конкретно ему необходимо делать, в чем проявить особенное усердие, чтобы вернуться в прежнее духовное состояние. Это очень действенное средство, в особенности для людей нерадивых в молитве и для тех, кого оставила ревность до такой степени, что они и к молитве не могут себя понудить.

И, наконец, есть еще одно очень полезное средство – чтение. Прежде всего следует читать Священное Писание. Ничто не может так возбудить ревность в человеке, как чтение Евангелия. Однако иногда наше сердце до такой степени охладевает, что, читая Евангелие (подобное бывает и по отношению к Иисусовой молитве), мы не чувствуем в сердце никакого огонька, евангельское повествование нас не задевает, не вызывает сопереживания. Мы просто пробегаем текст глазами. При чтении Евангелия нужно особенное участие нашего ума, нашей души. Если же этого нет, текст остается для нас холодным и чужим. Возможно, кто-то испытывает более сильные чувства, читая другие книги Священного Писания, например Псалтирь.

Если мы не заставим себя читать Священное Писание с особенным вниманием, напряжением – пользы будет мало. Для немощных, духовно ослабевших людей полезно чтение святоотеческих, аскетических книг, а если и наставления святых отцов не помогают, можно читать жития святых. Это, конечно, совсем для «младенцев». Впрочем, люди духовно крепкие иногда впадают в такое состояние, что становятся расслабленными, как младенцы. Поэтому нельзя из опасения показаться младенцем пренебрегать и таким способом. Читая жития святых, человек умиляется, в нем возбуждается ревность или просыпается стыд за свое нерадение, и он исправляется. На монашествующих в особенности должны действовать описания подвигов тех святых, которые подвизались в монашеском чине. Видя их ревность, мы в хорошем смысле слова завидуем им и по своим силам пытаемся им подражать. Конечно, подражание должно быть разумным.

Участие в таинствах также возвращает ревность, хотя таинства, наоборот, должны быть целью, а ревность – преддверием к ним. Мы чувствуем ответственность перед великим таинством причащения Тела и Крови Христовых, готовимся к нему, каемся, и это уже возвращает нас к потерянному нами усердию. Кроме того, я думаю, после причащения все ощущают духовные изменения, и пока человек не рассеется, не согрешит, не поддастся суете, благодать действует в душе так, что ему и молиться легко, и тяжесть трудов пропадает, и уныние проходит. Благодать святого таинства очищает и просветляет душу и, конечно же, укрепляет силы человека, необходимые для прохождения монашеского пути, то есть возвращает ему ревность (силу, дающую возможность жить по Евангелию, а также правильное понимание того, что такое духовная и вообще человеческая жизнь). Это позволяет человеку приступить к исполнению возвышенных евангельских заповедей и, как нам иногда кажется, неисполнимых святоотеческих советов.

Что еще может возбудить ревность и напомнить нам об усердии, необходимом для прохождения нашего подвига? Весьма действенным способом является такая добродетель, как

память смертная. Здесь нужно сделать оговорку: нашего понуждения себя к памяти смертной недостаточно. Настоящая память смертная, как и многие другие добродетели, приходит от действия благодати, которую мы получаем прежде всего в молитве Иисусовой. Приобретенное в молитве мы должны сохранить, уберечь, так сказать, взлелеять, а не относиться к этому так: благодать подается в молитве, в следующий раз помолюсь, и она вновь явится. Нужно понимать, что новые ощущения, испытываемые нами в молитве, допустим страх Божий, память смертная или некоторое смирение, – это своего рода вехи, указывающие на то, что мы идем по правильному пути. Однако мы не должны пренебрегать вехой, которой уже достигли, потому что можно сбиться с этого пути. Допустим, мы живо почувствовали при молитве страх смерти, значит, нужно держаться за это спасительное для нас открытие. Если же мы будем пренебрегать этим чувством, то, конечно, оно может умалиться и исчезнуть. В таком случае, естественно, пользы мы не получим. При внимательной молитве у человека возникает живая вера в загробную жизнь – это и есть память смертная. Неверующие люди испытывают противоположные чувства, я имею в виду животный страх исчезновения: для человека противоестественно представлять себя несуществующим. Если мы, ощутив некоторое, так сказать, веяние памяти смертной, начнем прилежать этой добродетели, конечно вместе с молитвой Иисусовой, лелеять и беречь эту память, тогда она, несомненно, станет уязвлять, устрашать нас, возбуждать покаяние и ревность к исправлению, потому что, как сказал преподобный Иоанн Лествичник, кто не уверен в своем спасении, тот не может быть спокойным. Безусловно, никто из нас не может быть окончательно в этом уверен. Память смерти – еще один, сильнейший способ для возбуждения ослабевшего в нас усердия, хотя новоначальным он не подходит. К этому деланию можно отнести и размышление о вечных муках или, наоборот, представление райского блаженства, Царства Небесного. Однако делать это нужно осторожно, потому что наш ум еще не очищен от страстей, и мы, напрягая воображение, подвергаем себя большой опасности впасть в прелесть.

Известно, что основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола – знаменитый прельщенный, если можно так выразиться, – в мгновение ока мог представить себя в аду или в раю. Не нужно думать, что такие способности обязательно от Бога, это может быть просто действие человеческого воображения. Именно поэтому всё в духовной жизни должно соединяться с Иисусовой молитвой. Это верный признак того, что наши духовные занятия не являются плодом воображения или следствием действия бесовского, но имеют Божественное происхождение.

В Послании святого апостола Иоанна Богослова есть такое изречение: *Испытывайте духов, от Бога ли они. Всякий дух, исповедующий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, от Бога. И всякий не исповедующий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но есть дух антихриста* (см. 1Ин. 4, 1–3). В буквальном смысле эти слова относятся к пророкам, духовным проповедникам первого века христианства. Апостол Иоанн советует христианам их испытывать. Видимо, было много иудействующих проповедников, отрицавших Божество Иисуса Христа, или еретиков, появившихся уже в апостольские времена. Но в духовном, таинственном смысле эти слова можно отнести и к нашей внутренней жизни. Если какая-либо добродетель уводит нас от внутреннего исповедания Иисуса Христа, можно сказать, от живого, внимательного пребывания в имени Господнем, то мы можем усомниться: от Бога ли этот дух, это настроение и состояние? Если чувства, которые кажутся нам духовными, уводят нас от единения с Господом Иисусом Христом, то от Бога ли они? Если память о смерти увлекает наше воображение в потусторонние миры и вызывает сильные переживания, но в то же время заставляет забыть об Иисусе Христе, значит, мы допускаем какую-то ошибку или даже находимся в опасном положении. Мы, не имея тонкого духовного опыта и рассуждения, должны остерегаться двусмысленных вещей. Есть хорошая поговорка: «Береженого Бог бережет». Лучше всегда держаться спасительного имени Иисусова, что бы мы ни делали: размышляем ли мы о смерти, думаем ли о вечном блаженстве, пытаемся укорять себя или совершаем какую-либо иную добродетель. Другими словами,

всякое духовное состояние, уводящее нас от внимательного пребывания в Иисусовой молитве, подозрительно и потому нежелательно, а возможно, даже является прелестью. У человека могут быть плач и покаяние, живая память смерти и нечто подобное смирению, но все это, если заставляет забыть о молитве, скорее всего, неправильно.

Если говорить о памяти смертной, то представление будущих мук или будущего блаженства допустимы только для тех людей, которые преуспели в Иисусовой молитве, достигли постоянного внимания в ней и способны соединить с молитвой возвышенные размышления. Я рассуждаю теоретически, и каждый, конечно, должен посоветоваться об этом на откровении помыслов со старицей или на исповеди с духовником, потому что какой-либо обобщенный совет может и не подходить тому или иному человеку, например, потому, что он новоначальный.

Я рассказал об основных способах, с помощью которых мы можем вернуть себе исчезнувшую ревность, устранить из своей души охватившее нас охлаждение, потому что без желания и усердия очень трудно совершать монашеский подвиг. Необходимо сделать примечание: если кто-то думает, что он всю жизнь будет иметь пламенное желание служить Господу, никогда не угасающую и не изменяющуюся по силе ревность, то это, конечно, глубокое заблуждение, даже, можно сказать, прелесть. Человек, полагающий, что это чувство всегда должно быть в нем, а если его нет, то, значит, и спастись уже невозможно, сильно ошибается. Периоды охлаждения, сопровождающиеся опустошением, сухостью, безразличием, иногда могут длиться годами. Настоящий христианин в период духовной слабости, по крайней мере умственно осознавая важность того, что с ним происходит, должен изо всех сил понуждать себя исполнять все так, как будто ничего не изменилось. Таким образом он не просто вернет то, что утратил и, как ему кажется, навсегда, но вернет сторицею.

Надо сказать, что периоды охлаждения и возгорания ревности бывают у всех. Эти перемены происходят более или менее часто, но они всегда должны быть, не потому, что это

хорошо, а потому, что так обычно проходит наша духовная жизнь: мы проявляем лукавство, леность – благодать нас оставляет; мы вынуждены опомниться и вновь устремить все силы на то, чтобы вернуть ее, прийти в прежнее состояние. Как я уже сказал, молитва Иисусова – это самое могущественное средство для возвращения утраченного усердия. Теряя желание духовного подвига, мы должны именно молитвой Иисусовой, пусть с некоторой скукой, сухостью, неотступно умолять Бога о милости, и она обязательно вернется. Иногда это происходит через несколько минут, иногда борьба длится часами или днями, а иногда, к сожалению, и годами, но не нужно этому удивляться.

Брани бывают разные. Брань «сухости» означает, что на протяжении долгого времени Господь испытывает наше произволение. Блудная брань – это брань, при которой противоположным, отвратительным чувством, вытесняющим Божественное вожеление из нашего сердца вожелением плотским, особо испытывается наша любовь к Богу. На протяжении многих лет может длиться борьба с унынием. При образе жизни, который мы ведем, это естественное положение вещей. Трудно себе представить предпринимателя, который с каждым днем обогащается и при этом не испытывает никаких трудностей, допустим, в конкурентной борьбе; также и в производстве бывают спады и подъемы. Вообще, в любой деятельности не может все идти ровно, бывают удачи, а бывают и трудности, которые нужно преодолевать, – и в духовной жизни нельзя ожидать другого порядка. Мы устремили свои силы, внимание на внутреннюю жизнь, нам кажется, что на нас навалилась груда всевозможных трудностей и скорбей, но если бы мы все силы своей души устремили на какую-нибудь внешнюю деятельность, то обнаружили бы, что и там происходит то же самое. Человеческая жизнь сопряжена с трудом. Когда Адам был изгнан из рая, Господь сказал ему: *В поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3, 19). Это касается не только телесной жизни, но и внутренней. Свой духовный хлеб человек должен есть также в поте лица. Слово «трудность» происходит от слова «труд». Мы должны это

осознавать и не ждать, что наша духовная жизнь превратится в гладкую, ровную, широкую дорогу.

Сам Господь Иисус Христос заповедал нам идти тесным путем, на котором, может быть, иногда даже трудно удержаться. Это не только заповедь Господа, но и предсказание того, что должно происходить в нашей жизни, если мы хотим угодить Ему. Наша жизнь – это тесный, трудный, неудобный путь, а каждый из нас воображает, что именно для него должно быть сделано исключение, и рассуждает приблизительно так: «Евангелие, конечно, относится ко всем, но мы что-нибудь придумаем, изобретем или так приспособимся, что к нам оно относиться не будет, и нас эта чаша минует». Однако чаша сия никого не минует. И мы должны быть к этому готовы, хотя лучше и легче совершать свой путь, когда в нас действует благодать, возбуждающая вожделение духовных благ, вечной жизни и стремление исполнить Евангелие в точности и до конца.

* * *

Вопрос. Может ли за ревностью скрываться природное трудолюбие, добросовестность при выполнении любого дела? Есть люди, которые с одинаковым усердием будут и канаву рыть, и молиться. Можно ли эту черту характера называть ревностью, вызванною благодатью?о:р

Ответ. Я не думаю, что человек, который с удовольствием роет канаву, будет так же усердно молиться, потому что здесь требуются совсем другие качества. Конечно, вначале природное трудолюбие может помочь, но, когда человек столкнется с трудностями молитвенного делания, оно может иссякнуть. Некоторые готовы с удовольствием делать что угодно, лишь бы не молиться. К сожалению, есть люди, которых нельзя заставить ни канаву рыть, ни молиться. Это худший вариант. Другие говорят: мы будем молиться, лишь бы канаву не рыть. Но приходит время молитвы, и они вспоминают, например, о своем здоровье.

Можно ли трудолюбие назвать действием благодати? Трудолюбие – природная или приобретенная черта. Оно может пригодиться человеку, когда он вступает на монашеский путь.

Иоанн Лествичник говорит, что хорошее воспитание сказывается и в монастыре. Трудолюбие, я думаю, хорошая черта. Если человек сумеет применить его к духовному деланию, оно может принести пользу. Если же он не сумеет этого сделать, то получится так, что он работать будет, а молиться не сможет.

Вопрос. Может ли ревность происходить от трусливости характера, боязни попасть в ад?

Ответ. Нельзя путать один страх с другим. Представим, что нам угрожает опасность: кто-то хочет нас избить, – возможно, мы даже начинаем кривить душой, лишь бы только не испытать этой человеческой скорби. Как правило, в этот момент мы забываем о том, что можем попасть в ад. Таким образом, страх перед адскими мучениями оказывается совершенно противоположен страху земной скорби. Нельзя полагать, что трусливый от природы человек обязательно боится попасть в ад. Это не совсем правильное рассуждение.

Вопрос. Были ли в истории подвижничества примеры, когда Бог лишал человека ревности для получения им венца?

Ответ. Конечно, были. Подвижники переживали оставление благодатью и даже лишались разума. Блаженный Нифонт испытывал сильнейшую хульную брань, так что на четыре года потерял рассудок. Дьявол внушал ему мысль, что Бога нет. Однажды вместо иконы подвижник увидел Самого Господа. Разум к нему вернулся, кроме того, он стяжал необыкновенную благодать.

Подвижник Глинской пустыни отец Исаия рассказывал, что схииархимандрит Серафим (Романцов) в молодости имел дар непрестанной молитвы. Однажды ему явилась во сне молитва в виде отроковицы и сказала: «Я тебя покидаю, но потом вернусь к тебе». И сердечная молитва его оставила. Я думаю, это произошло для того, чтобы он стяжал опытность. Ведь если в человеке действует обильная благодать, то дьявол не может приступить к нему, и человек, таким образом, не обретает опыт борьбы со страстями, необходимый духовнику. Говорят, отец Серафим был строгим духовником, но очень опытным. Когда он

лежал на смертном одре (ухаживал за ним отец Исаия), благодать вернулась к нему, причем обильнейшая: грудь у него трепетала, он задыхался, изнывал от благодати. Отцу Исаие он говорил, что к нему пришло то, о чем он мечтал всю жизнь. Подобные молитвенные ощущения были и у старца Василиска Сибирского, и у многих других подвижников. Известны слова Ефрема Сирина, цитируемые Иоанном Лествичником: «Господи, утиши волны благодати Твоей». Человек, сказавший это, изнемогал от обилия благодати, ему казалось, что человеческая природа не выдержит столь сильного напряжения. В таком состоянии отец Серафим и отошел в мир иной. Ему было девяносто лет. Много он испытал за свою жизнь: с приходом советской власти монастырь закрыли, он где-то скитался, затем снова вернулся в Глинскую пустынь, а после второго ее закрытия переехал в Сухуми – и только на смертном одре Господь утешил его благодатью.

Вопрос. Как преодолевать уныние при впадении в грех?

Ответ. Прежде всего нужно заставлять себя молиться. Если человек согрешил, а потом к этому добавилось еще и уныние – что в этом толку? Конечно, нельзя совсем не печалиться о грехе, как о чем-то пустом, неважном, – люди не печалятся о грехе только при каменносердечии, бесчувствии. Печаль должна уязвлять человека, заставлять его усилить свой подвиг, а не обессиливать. Кроме этого можно прибегать и к тем средствам, о которых я говорил: к чтению, откровению помыслов, к молитве, памяти смертной.

Вопрос. Как преодолеть привычку к празднословью и шуткам?

Ответ. С одной стороны, нужно себя удерживать, следить за своим языком, с другой – необходимо набраться терпения, потому что это пройдет не сразу. Если человек почувствует, что благодать его оставляет, когда он болтает и шутит, то, конечно, он будет вести себя иначе. Если же у человека пусто в душе, то он никакой разницы в своем состоянии не заметит, молчит он или болтает.

Вопрос. Как избежать уныния, когда начинаешь видеть свою греховность и думать о смерти? Молиться, не думая ни

о чем?

Ответ. Если ты молишься и чувствуешь при этом печаль о своих грехах и страх перед своей загробной участью, то это не уныние. Оно узнается по тому, что у человека пропадает желание духовного делания. Печаль может быть болезненной, мучительной, однако в тебе возбуждается ревность к молитве, покаянию, смирению, появляется мужество в борьбе с помыслами и так далее. Поэтому не нужно огорчаться. Да, это неприятное чувство, но оно приводит к возвышенным духовным утешениям.

Вопрос. Я боюсь смерти: не вечных мучений, а именно физической смерти, телесной боли. Это маловерие?

Ответ. Имея память смертную, мы, конечно, должны представлять и саму смерть. В христианском понимании смерть – это болезненный переход от временной жизни к вечной, разлучение души и тела, именно это должно представляться нам страшным. Это не просто боль, угасание сознания и исчезновение человека, то есть не то, что понимают под смертью неверующие люди. Действительно, боязнь физической смерти может происходить от маловерия. Поэтому я и говорю, что память смертная приходит от действия благодати. Тогда она является христианской добродетелью, а не просто воспоминанием о том, что мы умрем.

Вопрос. При молитве возникает боль в сердечном месте. Трудно не обращать на это внимания, так как боль давящая и довольно сильная. При оставлении молитвы боль проходит, но не совсем. Что делать?

Ответ. Возможно, ты неправильно сосредоточиваешься и с чрезмерным усилием устремляешь ум к сердцу. Однако некоторые святые отцы пишут о том, что от напряжения может появиться головная боль, боль в плечах, шее (древние подвижники молились в неестественной, неудобной позе, сидя на низких стульчиках). Говорят святые отцы и о боли сердечной.

Если вы читали «Повествование о действиях сердечной молитвы старца Василиска Сибирского», то знаете, что он также

испытывал боли в сердце, но это был особенный человек, предуготовленный к молитвенному деланию подвигом пустынножительства и, кроме того, необыкновенно смиренный. Мы должны сосредоточиваться мягко, с осторожностью: не давить на сердце, а как бы легко его касаться. К человеку можно легко прикоснуться, а можно толкнуть, однако в широком смысле слова и то и другое будет прикосновением. Лучше не опускать ум в сердце, а смотреть умом в сторону сердца или в сердечное место – тогда это будет легким усилием, а не сильным напряжением. Чрезмерно стараясь, мы можем допустить ошибку.

Вопрос. Мы причащаемся той плоти Спасителя, которая в свое время страдала на кресте, была погребена и воскресла. Как же тогда причащались апостолы в Сионской горнице, ведь Христос еще не был распят, погребен, не воскрес и не вознесся на небеса?

Ответ. После воскресения Христа Его плоть приобрела некоторые новые свойства, но воскрес Тот же самый Христос. Причащаясь той плоти Спасителя, которая была преподана нам через апостолов до Его страданий, мы с Ним «спогребаемся» и воскресаем, получая залог спасения. Смерть не смогла победить Христа, значит, она и нас не сможет победить, поскольку мы соединились с Ним через причащение. Я думаю, невозможно дать этому рациональное объяснение – это таинство. Перед причащением священник раздробляет агнца и говорит: «Раздробляется и разделяется агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогда же иждиваемый, но причащающийся освящаяй». Эту антиномию можно постичь только духовно, верой. Здесь действует особая логика Священного Писания, а не обычная, человеческая. «Раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогда же иждиваемый» Христос до и после страданий один и Тот же. Если так, то нет разницы в том, причащаемся ли мы Тела Христова, которое еще не претерпело страданий, или Тела Христова, которое уже претерпело страдания. Это – Тело Богочеловека. Мы причащаемся Тела Христова и одновременно соединяемся с

Божеством, значит, Божественная сила, благодать, действует на нас не извне, как через молитву, а освящает нас изнутри.

О стяжании благодати Духа Святого⁷²

Преподобный Серафим Саровский в беседе с Мотовиловым, которая раскрывает одновременно и богословские и нравственные вопросы, говорит, что целью христианской жизни является стяжание благодати Духа Святого и ради этого совершаются все христианские добродетели. Кажется, что здесь есть некоторое противоречие с учением святых отцов о том, что мы должны искать не духовного наслаждения, а прежде всего спасения души, заботиться о своем спасении в вечности. На самом деле это несоответствие только видимое, поверхностное, а по сути и святые отцы, и преподобный Серафим Саровский, опытно познавший эту истину, говорят одно и то же, но в разной форме. Стяжание благодати Духа Святого – это образное выражение, заимствованное преподобным Серафимом, как он сам об этом говорит, из мирской жизни. Как в миру люди стремятся к стяжанию, то есть приобретению богатства, так и мы должны приобретать богатство благодати, стяжевать Духа Святого.

Тот, кто приобрел Духа Святого, одновременно приобрел и Царство Божие внутри себя. Фарисеи, искушая Господа нашего Иисуса Христа, спрашивали: *Когда придет Царствие Божие?* (Лк. 17, 20). Господь ответил: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21), имея в виду, конечно, не то, что оно уже есть в каждом человеке, тем более в этих лицемерных и потому чуждых Богу фарисеях, а то, что его нужно искать и оно откроется внутри самого человека. Поэтому и Царствие Божие, которого мы желаем, и благодать, которую, по словам преподобного Серафима, мы стремимся приобрести подобно тому, как любостяжательные люди стремятся к приобретению имущества, не могут быть противопоставлены друг другу. Это одно и то же.

Апостол Павел говорит, что мы здесь, на земле, приобретаем обручение Духа, которое мы могли бы сравнить с обручением жениха и невесты за много лет до их вступления в

брак. Нарушение этого обручения рассматривалось как прелюбодеяние и судилось строго. Мы, сейчас обручившись с Духом, в будущей жизни приобретем полноту благодати Духа Святого или, что то же самое, войдем в Царство Божие, Царство Небесное, которое тогда откроется уже совершенно ясно. Но многим из нас, знакомым с благоразумными и весьма уместными предостережениями святых отцов, в особенности святителя Игнатия (Брянчанинова), просить Духа Святого в молитве кажется слишком дерзновенным. Это неправильно, и дерзновение в молитве все же нужно. Стремление к приобретению благодати, существование в благодати совершенно необходимо для всякого христианина, тем более для монашествующих, которые всю свою жизнь посвятили молитве.

Здесь нет никакого противоречия: действительно, человек, обручившийся с Духом, впоследствии должен обрести Царство Небесное, и без этого присутствия в нашей душе Духа, благодати в Царство Божие войти невозможно. Для того чтобы это увидеть, достаточно обратиться к диалогу Спасителя с Никодимом: *Бе же человек от фарисей, Никодим имя ему, князь жидовский. Сей прииде ко Иисусу нощю и рече Ему: Равви! вем, яко от Бога пришел еси учитель; никтоже бо может знамений сих творити, яже Ты твориши, аще не будет Бог с ним. Отвеща Иисус и рече ему: аминь, аминь глаголю тебе, аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия (Ин. 3, 1–3).* В следующих словах Господь ясно открывает Никодиму, что такое рождение свыше: *Глагола к Нему Никодим: како может человек родиться, стар сый? Еда может второе внити во утробу матере своя и родиться? Отвеща Иисус: аминь, аминь глаголю тебе, аще кто не родится водою и Духом, не может внити во Царствие Божие (Ин. 3, 4–5).*

Мы видим, что совершенно ясно и просто сказано: *Кто не родится водою и Духом, не может внити во Царствие Божие.* Конечно, это место нельзя толковать подобно тому, как это делают сектанты, которые разделяют рождение от воды и рождение от Духа. Они утверждают, что крещение – это

одно, а последующее рождение от Духа – совсем другое. Мы, безусловно, понимаем, что в этих евангельских словах речь идет о святом крещении, при совершении которого, во время погружения человека в воду, на него сходит Дух Святой. Человек таким образом действительно рождается от воды и Духа. Вода – внешняя сторона омовения, а Дух омывает внутреннего человека.

Далее Господь говорит: *Рожденное от плоти плоть есть, и рожденное от Духа дух есть (Ин. 3, 6)*. Итак, человек должен родиться от Духа, и он рождается в крещении. Мы верим, что крещение действительно делает человека духовным существом. Но, к сожалению, даже для нас самих, людей, как будто бы имеющих большую ревность к христианской жизни, чем миряне, эти слова по большей части остаются только теорией. Теоретически мы родились от Духа, теоретически мы являемся Духом, согласно евангельским словам: *Рожденное от плоти плоть есть, и рожденное от Духа дух есть*. Но ощущаем ли мы это в себе, чувствуем ли мы себя таковыми? Ведь по большей части мы заняты чем-то земным и суетным, а иногда откровенно греховным.

Когда я говорю о крещении и в то же самое время рассуждаю о стяжании Духа Святого, то в этом нет противоречия. По учению святых отцов, благодать, явившаяся в подвижниках благочестия, была не чем-то посторонним, заимствованным извне, а проявлением той благодати, которая была дарована им в таинстве святого крещения. Ни Серафим Саровский, ни Сергей Радонежский, ни Симеон Новый Богослов, ни Силуан Афонский, ни Софроний (Сахаров) ничего большего, чем то, что они получили в крещении, не имели.

Вспомним, как действовала благодать Святого Духа в первых христианах, например в святых апостолах в день Пятидесятницы или даже в язычниках, когда в дом Корнилия сотника пришел апостол Петр: на язычников сошла благодать, и они говорили разными языками, подобно святым апостолам. Не было никакой разницы между апостолами и простыми христианами – все имели великую благодать Божию. То, чего мы, как и знаменитые древние

подвижники, стремимся достичь подвигами, молитвами, даруется христианам сразу. Значит, подвижники лишь раскрывают то, что обрели во время святого крещения и что по какой-то причине в них не действовало, оставалось нераскрытым. Конечно, в этом есть вина самого человека. Поэтому, имея благодать святого крещения, мы одновременно должны – если употребить простое выражение, заимствованное из обычного человеческого опыта, – стараться стяжать благодать Духа Святого, стараться приобрести эту благодать, как если бы она нам не принадлежала. По сути, мы должны раскрыть то, что насаждено в нас святыми таинствами, дать ему свободно действовать в нас.

Господь наш Иисус Христос так говорил иудеям о действии благодати, которая тогда еще не была явлена: *В последний же день великий праздника стояше Иисус и зваше, глаголя: аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет. Веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе, егже хотяху приимати верующии во имя Его: не у бо бе Дух Святой, яко Иисус не у бо прославлен (Ин. 7, 37–39).* Итак, Господь сказал про действие благодати, действие Святого Духа: *Веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы.*

Совершенно честно можно сказать, что мы ничего подобного не испытываем и не ощущаем, хотя мы должны были родиться от Духа и стать обильными источниками воды живой, из которых истекают не ручей и даже не река, а реки. Мы такими источниками и детьми Божиими не стали, по крайней мере пока. Мы видим в себе отсутствие того, о чем говорил Господь Иисус Христос и что обязательно должно быть в истинных христианах. Отсюда следует простой вывод: если мы этого не имеем, хотя должны иметь, значит, наша задача – приложить усилия к тому, чтобы приобрести это благодатное состояние (не будем употреблять слово «вернуть», потому что мы, может быть, никогда этого состояния не испытывали), стать истинными христианами.

Что и как нужно делать, чтобы стяжать благодать Духа Святого, ощутить действие Святого Духа в своей душе?

Ответом может послужить евангельское повествование о том, как ученики просили Господа научить их молиться: *И бысть внегда быти Ему на месте некоем молящуся, и яко преста, рече некий от ученик Его к Нему: Господи, научи ны молитися, якоже и Иоанн научи ученики своя* (Лк. 11, 1). Мы много и часто рассуждаем о молитве (и это действительно необходимо): как нужно молиться, с каким настроением, какими словами? Что является конечной целью молитвы, что на самом деле достойно того, чтобы просить об этом? На последний вопрос мы не можем ответить вразумительно, потому что не понимаем, чего мы должны просить в первую очередь и о чем единственно и должны заботиться всегда. Ответ на этот вопрос дает нам Сам Господь. В Евангелии от Луки есть слова Спасителя о том, чего следует просить в молитве. Мы этих слов не замечаем и пренебрегаем ими – то ли по невнимательности, то ли, правильнее, потому, что наше сердце не откликается на это поучение Спасителя. Мы безразлично пробегаем эти слова глазами, не сочувствуем им и потому, конечно, не задумываемся над ними. (Само поучение Господа мы рассмотрим чуть ниже.)

Итак, когда ученики просили Господа о том, чтобы Он научил их молитве, Господь сначала преподал им слова са мой великой христианской молитвы – «Отче наш». Я не буду останавливаться на этом подробно, потому что это не является главной целью моей беседы. Однако надо сказать о том, что с самых первых своих слов молитва «Отче наш» учит нас прежде всего любви. Уже в этих двух кратких, но необыкновенно мудрых словах «Отче наш» заключено поучение о любви к Богу и ближнему. Называя Бога Отцом, мы тем самым говорим, что должны любить Его, как дети любят отца. Произнося не «Отче мой», но «Отче наш», мы показываем, что Он, будучи нашим Отцом, является и общим Отцом всех людей, и, значит, все остальные люди – это наши братья и сестры. В таком духе любви построено все это молитвословие, которое является также учением о молитве, потому что представляет собой образец молитвы и объясняет, о чем и как можно просить Бога.

Господь наш Иисус Христос, преподав текст молитвы, далее говорит о том, как мы должны молиться, и учит нас тому, что молитва должна быть неотступной и дерзновенной. Это рассуждение Евангелия непосредственно касается самой цели молитвы. Та мысль, с которой мы должны молиться, желание того, что мы должны искать в молитве, уже являются необыкновенно дерзновенными. Казалось бы, то, чего мы просим, настолько высоко, что надо просить со смирением, но Спаситель учит, что и желание нужно иметь дерзновенное, и сама просьба должна быть дерзновенной и потому неотступной: *Кто от вас имать друга, и идет к нему в полунощи, и речет ему: друже, даждь ми взаим три хлебы, понеже друг прииде с пути ко мне, и не имам чесо предложити ему. И той извнутри отвещав речет: не твори ми труды, уже двери затворены суть; и дети моя со мною на ложи суть, и не могу востав дати тебе. Глаголю же вам, аще и не даст ему востав, зане друг ему есть, но за безочьство его, востав даст ему, елика требует (Лк. 11, 5–8).*

Скажу немного о сути этой притчи, не истолковывая ее подробно. Нужно представить себе эту ситуацию: сейчас люди ведут нездоровый образ жизни и в полночь многие не спят, а в старину это время было глубокой ночью, когда все уже спали крепким сном. Подобная просьба могла причинить чрезвычайное беспокойство, тем более что не только сам человек, к которому пришел проситель, спал, но и его дети с ним спали, и он не хотел вставать, чтобы их не беспокоить. Всякий деликатный человек, если бы с ним такое произошло, еще и еще раз подумал бы, стоит ли беспокоить друга. Спаситель приводит этот пример для того, чтобы мы поняли: в молитве мы должны идти и стучать до тех пор, пока нам не отворят и не дадут просимое, даже если бы это было столь же неудобно, столь же немыслимо, как прийти глубокой ночью к человеку и начать будить не только его, но и его детей, только ради того чтобы угодить своему другу.

Три хлеба, которые просит человек в этой притче, можно истолковать по-разному. Некоторые говорят, что это спасение духа, души и тела человеческого, некоторые – что это учение о

Пресвятой Троице, познание догмата о Пресвятой Троице, но есть и такое мнение, что три хлеба – это благодать Пресвятой Троицы. Это как раз близко к главному смыслу нашей беседы о том, чего мы должны ждать, чего просить в молитве, подчеркиваю, просить дерзновенно, до тех пор пока не получим. Эти слова не мои и даже не святых отцов, а Самого Господа нашего Иисуса Христа.

В жизни бывает, что дерзновение подобного рода вызывает у людей отвращение, а иногда даже враждебность, но в отношении к Богу происходит прямо противоположное: эта неотступность, наоборот, является залогом того, что человек получит просимое. Сам Господь говорит: *И Аз вам глаголю: просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам, всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется* (Лк. 11, 9–10). Конечно, все это произойдет с теми людьми, которые просят того, что угодно Богу. А что Ему угодно? Об этом говорится в молитве «Отче наш», ею ограничены наши желания – вот чего мы должны желать в молитве.

Но более краткий, ясный, однозначный ответ дает, как я уже говорил, Сам Господь Иисус Христос, само Евангелие в следующих словах: *Котораго же вас Отца воспросит сын хлеба, еда камень подаст ему? Или рыбы, еда в рыбы место змию подаст ему? Или аще попросит яица, еда подаст ему скорпию?* (Лк. 11, 11–12). Здесь приведен очевидный пример: отец дает детям только доброе. Что же представляет собой это доброе, изображенное в Евангелии под видом хлеба, рыбы, яиц, то есть обычной пищи человека? *Аще убо вы зли суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец, Иже с небесе, даст Духа Святаго просящим у Него?* (Лк. 11, 13). Обратите внимание на эти последние слова, к которым я подвел вас. Вот что оказывается целью молитвы, вот о чем мы должны просить.

Нужно сказать, что все прошения молитвы «Отче наш» являются, в том или ином виде, прошениями о ниспослании Духа Святого. И Царство Небесное – это Дух Святой, и волю Божию без Духа Святого невозможно исполнить и даже только

познать, и хлеб наш насущный, под которым святитель Игнатий (Брянчанинов) и некоторые из древних отцов понимают хлеб сверхсущественный, то есть Тело и Кровь Христовы, и прощение грехов, и избавление от искушений – все это дается, совершается и познаётся в Духе Святом и Духом Святым.

Мы как будто бы со смирением считаем себя недостойными благодати Духа Святого, полагаем, что если мы будем о ней просить, то поступим дерзновенно, горделиво. Однако Господь наш Иисус Христос учит иначе, и получается, что Евангелие для нас – какая-то новость, что-то неожиданное и странное, внезапно представшее перед нашим сознанием. Может быть, поэтому многие из нас и ведут такой теплохладный, спокойный образ жизни. Мы не ищем того, что заповедал нам искать Сам Господь Иисус Христос.

Когда Евангелие говорит о том, что всякий смотрящий на женщину с вожделением уже прелюбодействовал с ней в сердце своем, – это нам понятно. Когда сказано, что всякий гневающийся на брата своего всуе уже повинен суду, – это тоже понятно. На самом деле справиться с этими страстями мы не можем, но понимаем, что упомянутых поступков совершать нельзя. Слова Евангелия, которые их запрещают, мы действительно считаем заповедями Божиими. А когда то же самое Евангелие говорит, что мы должны просить Духа Святого и это, собственно, и является целью молитвы, что всякий христианин должен быть рожден от Духа и источать из своего сердца реки воды живой, – то нам представляется, что к нам эти слова не относятся. Нам ясно, что нужно бороться с блудной страстью, со страстью гнева, и невдомек, что нужно иметь в себе благодать Духа Святого, для того чтобы эти страсти победить. У нас нет дерзновения, чтобы стать истинными христианами, а от нас это особенно требуется, потому что мы ради этого отреклись от мира.

Для чего мы, можно сказать, мучаемся и страдаем, для чего мы избрали такой странный образ жизни? Неужели только для того, чтобы тихонько прожить жизнь и умереть? Нет, именно для того, чтобы нам легче было исполнить главную заповедь –

стяжать Царство Божие внутри себя, соединиться с Богом в Духе Святом. Наше мнимое смирение, неуместное терпение и, как нам кажется, долготерпение – на самом деле безразличие, равнодушие, каменносердечие. При таком отношении к духовному деланию, естественно, и результат у нас весьма скромный. Это не значит, что человек должен пренебрегать борьбой с грехом и, подобно пятидесятникам, молиться о том, чтобы на него немедленно сошел Дух Святой. Речь идет о том, что пламенное желание быть с Богом вызывает в человеке соответствующую ревность и по отношению к борьбе со своими пороками. А если у нас скромные требования к своему духовному преуспеянию, то мы извиняем себе нерадивую жизнь и разрешаем себе спокойно относиться к своим дурным наклонностям, терпим их, снисходим к себе и считаем, что это нормальное положение вещей.

Мы как будто бы имеем скромное, смиренное мнение о себе, мы ничего не достойны, – но разве в начале многих молитвословий, в том числе и на богослужении, мы не взываем о том, чтобы Дух Святой пришел, и вселился в нас, и очистил нас от всякой скверны? Разве во время евхаристии мы не призываем с дерзновением Духа Святого? С одной стороны, мы читаем Евангелие и знаем, что нужно стремиться к стяжанию благодати, во время Божественной литургии волей-неволей призываем Духа Святого, а с другой – при келейной молитве на нас вдруг нападает необыкновенное «смирение». На самом деле это подавленность, уныние, безразличие, каменносердечие.

Вернемся к чинопоследованию Божественной литургии. Во время ектении «Исполним молитву нашу Господеви» священник в алтаре тайно читает такую молитву: «Господи Боже Вседержителю, Едине Святе, приемляй жертву хваления от призывающих Тя всем сердцем, приими и нас грешных моление, и принеси ко святому Твоему жертвеннику, и удовли нас приносить Тебе дары же и жертвы духовныя о наших гресех и о людских неведениях». Далее следует откровенное, дерзновеннейшее призывание благодати Духа Святого: «И сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе

благоприятней жертве нашей, и вселиться Духу благодати Твоея благому в нас, и на подлежащих дарех сих, и на всех людех Твоих».

Священник молится о том, чтобы Дух Святой сошел на Святые Дары, священнослужителей и всех молящихся в храме. Если каждый священник, хороший он или плохой, женатый или монах, обязан так молиться, значит, в этом нет греха и это нужно и необходимо. А мы так боимся, так робеем! Почему же? Потому что если мы будем с дерзновением молиться о стяжании благодати (необязательно молитвой «Царю Небесный» – разумнее, правильнее молиться с этой же целью молитвой Иисусовой), то это нас обязывает к исправлению, изменению своей жизни, внутреннему вниманию не только к своим поступкам и словам, но и к движению наших мыслей и к малейшим чувствам, возникающим в нашем сердце. А нам-то это кажется страшным, нам этого не хочется, мы боимся и потому отступаем от Бога, как бы отворачиваемся от Него, потому что тот, у кого дела злые, не хочет прийти к свету, чтобы не было видно, что его дела лукавы. Под злыми делами нужно понимать не только явные отвратительные поступки, но и страсти. В ярком свете благодати обнаружится все наше убожество, поэтому мы предпочитаем находиться в сумраке.

С еще бóльшим дерзновением священник призывает Духа Святого во время самой евхаристии: «Еще приносим Ти словесную сию и бескровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем (то есть с умилением молимся. – *Схиизум. А.*), низпосли Духа Твоего Святаго на ны, и на подлежащая Дары сия». Я под словами «низпосли... на ны» понимаю не только священнослужителей, но и всех молящихся, которые присутствуют в храме. Повторю, всякий священник, каким бы скромным, может быть даже смиренным, человеком он ни был в личной жизни, если приступил к престолу, к совершению Божественной литургии, волей-неволей обязан с великим дерзновением просить о том, чтобы благодать Святого Духа излилась на него самого и на всех молящихся с ним в храме.

Само богослужение, Божественная литургия, доказывает нам, что дерзновение в молитве необходимо и проявляется оно не только по форме, то есть в том, что мы должны непрестанно молиться, но и в цели, в том, о чем мы должны молиться. Это дерзновение должно обязательно присутствовать в духовной жизни, иначе человек просто не понимает, к чему он стремится, и в конечном счете впадает в нерадение, лень, сам себе мешает стать действительно духовным человеком. Он, подобно блудному сыну, довольствуется рожками, хотя и их ему досыта не дают.

Эту беседу я провожу не для того, чтобы у нас возникло неразумное дерзновение, неразумная ревность, а для того, чтобы мы видели конечную цель молитвы, не робели и понимали: какими бы грешными мы ни были в прошлой жизни, какие бы ограниченные способности ни имели, мы должны стремиться к евангельскому идеалу, пусть даже мы совершенно искренне думаем о себе, что мы негодные, ничтожные, ни на что не способные люди. Господь всех призывает. В сегодняшнем евангельском чтении на литургии говорилось, что Он призывает и хромым, и слепым, и убогим, и бездомным. Какими бы падшими существами мы ни были, но, если мы пришли на этот зов, мы должны стремиться к тому, чтобы возлежать на этом пиру в брачной одежде, как сказал об этом Спаситель в другой притче.

Да, Господь призывает злых и добрых, да, мы злые, но на пиру мы должны присутствовать, повторю, в брачной, то есть праздничной, одежде. Никто не приходит на праздничный пир в одежде обыкновенной, будничной или рабочей, потому что этим он оскорбляет того, кто его пригласил. Чем выше сан приглашающего, тем бо льшим оскорблением для него является наш повседневный внешний вид. А мы почему-то думаем, что в этом состоит наше смирение! Но если мы не оденемся празднично, если мы не наденем соответствующую этому пиру, этому Божественному призванию брачную одежду, то нас изгонят. Наша одежда, скажу еще раз, должна соответствовать величию беспредельного торжества –

торжества добра над злом, Бога над смертью, торжества любви, и мы должны измениться подобающим образом. Что может нас изменить, сделать достойными пребывания на этом пиру, как не благодать Святого Духа, как не Дух Святой, о Котором мы должны просить с дерзновением и непрестанно? В словах, которыми оканчивается Иисусова молитва, – «помилуй мя грешного», в этом прошении о милости как раз и заключается просьба о благодати.

Можно провести аналогию между молитвой «Отче наш» и Иисусовой молитвой: как все прошения молитвы «Отче наш» являются по сути прошением о Духе Святом, так и молитва о милости сводится к просьбе о ниспослании нам Духа Святого. И прощение грехов, и победа над страстями, и все прочее приобретается только действием Духа Святого. О земных же человеческих потребностях Господь Иисус Христос в другом месте сказал так: *Не будьте многословны, как язычники, потому что Отец ваш Небесный прежде вашего прошения знает, в чем вы нуждаетесь* (см. Мф. 6, 7–8). Об этом мы не должны заботиться не только в своих обычных делах, когда мы по большей части полагаемся на самих себя, но даже и в молитве, когда мы стараемся возлагать свою надежду на Бога.

Мы должны заботиться о том, чтобы всегда пребывать в Духе Святом, всегда иметь благодать, иначе говоря, всегда пребывать в единении с Богом. Что бы человек ни делал: работает ли он, ложится отдыхать, участвует в богослужении, беседует с кем-то, – он всегда должен помнить о том, чтобы не потерять благодать Духа Святого, а приобрести ее.

Это никак не противоречит учению святых отцов, – наоборот: тот, кто имеет благодать, всегда смотрит на нее как на некую драгоценность, которую легко утратить. Если он согрешил чем-нибудь и благодать умалилась или, может быть, совсем оставила его, то он уже тревожится, беспокоится, размышляет о том, что нужно сделать, чтобы она вернулась. А кто не испытывает действия благодати, ничего не ощущает в своей душе, тот всегда остается безразличным и спокойным, даже если он совершает не только малый, но и тяжкий грех. Только в

том случае, если такой человек сделает уже что-то совсем страшное, отвратительное, совесть начнет в нем немножко шевелиться и упрекать его. А тот, кто имеет в себе благодать Святого Духа, всегда оглядывается на то, что происходит в его душе, и следит за тем, какие изменения он испытывает под воздействием окружающих обстоятельств и своих помыслов. Он следит за тем, чтобы благодать не умалилась, и старается увеличить ее, потому что, испытав сладость общения с Богом, он ищет еще большей сладости. Она увлекает его к поиску большего и ближайшего единения с Господом Иисусом Христом и со всей Святой Троицей.

Поэтому мы не должны считать себя такими грешниками, такими ничтожными, негодными, никчемными людьми, что нам уже не надо заботиться о стяжании благодати Духа Святого, не надо искать ее с дерзновением. Одно дело, когда мы ищем ее ради одного только наслаждения, другое – когда мы понимаем, что, не имея благодати внутри самих себя сейчас, мы не приобретем ее, не испытаем ее действия и в будущей жизни. Тот, кто имеет благодать сейчас, может надеяться и на спасение в будущем, потому что мы не сможем на самом деле познать, что такое будущая жизнь, если в нас не будет действовать Дух Святой. Даже настоящего страха смерти, настоящего страха наказания в будущей жизни за свои грехи мы тоже не сможем сейчас испытать, если в нас не будет действовать благодать Святого Духа. Все дается Духом Святым: и вера рождается в нас от действия благодати Духа Святого, и добродетели исполняются силою Духа Святого, и понимание тайн Царства Божия (я подразумеваю не утонченное богословское рассуждение, а живую веру, как бы предощущение этого Царства) также дается нам действием Духа Святого. Потому, оказывая безразличие к стяжанию благодати, мы тем самым со всей очевидностью показываем наше безразличие к собственной будущей участи, мы показываем то, что не заботимся о своем спасении. Ради того чтобы вы ревновали о своем духовном состоянии, состоянии благодатном и не считали, что в этом есть какая-то гордость, я провел эту беседу. Теперь можно задавать вопросы.

* * *

Вопрос. Вы сказали, что посредством молитвы в нас раскрывается благодать Святого Духа, насажденная при крещении. Когда Силуан Афонский молился перед иконой Спасителя и Он явился ему живой, преподобный Силуан ощутил такую благодать, что сказал: «Если бы еще секунда, я бы умер». Преподобный Серафим Саровский, еще будучи диаконом, во время служения Божественной литургии увидел Спасителя, шествующего с ангелами по воздуху. Он также исполнился такой благодати, что не мог даже продолжать литургию, его завели в алтарь, и лицо у него непрестанно менялось. Что происходит с подвижником при таких явлениях? Это посещение какой-то особой благодати, большей, чем та, что дана при крещении, или раскрытие внутренней благодати? Или вышеестественные благодатные дарования, которых сподоблялись подвижники (например, Каллист Ангеликуд, который в молитве созерцал единого и бесконечного Бога)? А дар пророчества или дар говорения языками – это проявление разных сторон той же благодати, которая была дана при крещении, или явление новой, сугубой благодати?

Ответ. Спаситель в беседе на Тайной вечери сказал Своим ученикам: *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя; а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам (Ин. 14, 21).* Итак, Господь дал обещание обязательно явиться тому, кто соблюдает заповеди. Но один из апостолов не понял сказанного, воспринял эти слова слишком буквально и подумал, что Спаситель явится только апостолам: *Глагола Ему Иуда не Искаротский: Господи! и что бысть, яко нам хоцещи явитися, а не миру? Отвеща Иисус и рече ему: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему прииде и обитель у него сотворима (Ин. 14, 22–23).* Сказано и о явлении в душе человека Господа Иисуса Христа, и о явлении Отца, и о явлении Святого Духа (хотя здесь прямо не говорится о Духе Святом, но, безусловно, нужно подразумевать и Его явление).

Подвижники видели Самого Безграничного Бога, созерцали Божественную славу, а в Евангелии ясно сказано, что тот, кто любит Спасителя, сподобится явления Небесного Отца, то есть Бога. Дарована ли нам такая возможность в таинстве крещения или это нечто новое? Конечно, не всем подвижникам является Господь так, как Он явился старцу Силуану и Серафиму Саровскому, но Он обязательно должен явиться в душе, в сердце всякого истинного подвижника, явиться не Своим человечеством (созерцать такое явление не всем дано, да это и необязательно), но Своим Божеством. Всякий из нас должен стремиться к этому и достичь такого состояния. Вот в чем заключается обетование Божие: каждый из нас должен созерцать внутри своей души явившегося ему Господа. И те, кто созерцал Его внутри себя, как Каллист Ангеликуд, и те, кто видел его явившимся в человеческом облике, как Серафим Саровский, по сути переживали одно и то же, хотя преподобный Серафим увидел Спасителя и человеческими глазами, а преподобный Каллист созерцал Его только духом.

Что касается таких дарований, как пророчество или другие, то они даются для служения людям. Это не является обязательным и нужным для нас, мы не должны к этим дарованиям стремиться. А то, например, кто-нибудь неправильно поймет нашу беседу и начнет молиться о том, чтобы стать чудотворцем... А это уже будет опасно для общества.

Надо отличать необязательные дарования, которые проявляются в людях по необходимости, от того, что должен испытывать всякий христианин. Однако обратите внимание, что Господь, уже по воскресении явившись ученикам, сказал: *Знамена же веровавшим сия последуют* (веровавшим, то есть не каким-то особенным людям, а всем обратившимся к вере. — Схиизгум. А.): *именем Моим бесы ижденут; языки возглаголют новы; змия возмут; аще и что смертно испиют, не вредит их; на недужныя руки возложат, и здрави будут* (Мк. 16, 17–18). Трудно определить, как правильно понимать эти слова: относятся они только к апостолам или ко всем христианам?

Если ко всем христианам, значит, и дарование также признак благодати. Имеем ли мы их? Нет, не имеем.

Созерцание Божества выше, чем пророчество и другие дарования. Значит, если человек созерцает Божество, то и дарования, наверное, у него должны быть. Истинный христианин, если он имеет такую близость к Богу, что уже соединился с Ним и имеет Его в своем сердце, думаю, может у Него попросить, чтобы Он что-то сделал для него, скажем: «Господи, исцели такого-то брата или такого-то человека!» И это простое внутреннее действие приведет действительно к тому, что Господь его исцелит. Как сказал преподобный Антоний Великий, святые простотой соединены с Богом.

Можно предположить, что и какие-то особенные дарования: чудотворение, пророчество – это необязательный, но, тем не менее, естественный признак того, что человек стал истинным христианином.

Вопрос. Можно ли во время молитвы, например при совершении вечернего правила, вспоминать грехи, повлекшие за собой оставление благодати, – нерадение или уныние, – для того чтобы особенно в этом покаяться и умолить Господа о милости?

Ответ. Я думаю, что во время правила лучше вообще не иметь никаких мыслей, просто искать в молитве внимания и, может быть, покаяния. Самое главное – это внимание, нужно его искать, и тогда все придет. Если действительно произошло умаление, оставление благодати, то благодаря внимательной покаянной молитве благодать может и вернуться. А что касается воспоминаний, перебирания в уме каких-то событий, то не знаю, уместно ли это во время правила. Пожалуй, так и будешь рассуждать, перебирать в уме, размышлять, и правило пройдет, а ты и не помолишься. Я думаю, что, наоборот, если мы внимательно будем молиться, Господь нас вразумит и откроет, в чем мы погрешили, и это будет надежней.

Вопрос. Многие братья на исповеди часто спрашивают, почему так болезненна борьба со страстями. Они как бы пытаются избежать этого, начинают даже упрекать Бога, роптать на Него: почему так больно просто терпеть гнев, уязвленное

самолюбие или блудную страсть? Возможно ли без боли бороться со страстями?

Ответ. Если человек будет иметь ревность к стяжанию благодати Духа Святого, то, естественно, он будет готов потерпеть ради этого и какие-то скорби. Он будет знать, что его целью является стяжание благодати и что он этого обязательно достигнет, если будет понуждать себя. Я как раз сейчас говорил именно об этом понуждении. А о том, что без этих страданий невозможно исполнить заповедь, Господь наш Иисус Христос сказал очень строго: *Если рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя* (см. Мф. 5, 30).

Страдание страданию рознь. Человек может страдать от неудовлетворенной страсти: допустим, хочет удовлетворить страсть гнева и не имеет возможности, у него все разрывается внутри от злобы, и он мучается на протяжении многих дней. Такое страдание, конечно, благодати не принесет. А когда человек противится гневу с крайним понуждением, с таким усилием, что от этого испытывает, можно даже сказать, страдание, тогда это мучение принесет пользу, в том случае если он из этой борьбы выйдет победителем. Не страдание ради страдания, а страдание ради результата.

Ради чего мы совершаем все подвиги? Все должно быть осмысленно, в том числе и строгость поста или какие-то другие аскетические упражнения. Например, если лишить какого-нибудь брата фруктов или других продуктов, а он и так слабого здоровья, то это страдание принесет ему не пользу, а только вред. Он потеряет умственные силы, необходимые для того, чтобы заниматься Иисусовой молитвой. Все должно быть разумно. Некоторые терпят какие-то болезни, некоторые вынуждены подвизаться, но не ради спортивного интереса, а потому что их вынуждают к этому обстоятельства, допустим подверженность блудной страсти или что-нибудь другое.

Когда я говорю, что нужно ревновать о стяжании благодати Духа Святого, это не значит, что я отрицаю борьбу с собой. Человек может внешне не испытывать никаких особенных скорбей, но во внутренней борьбе, конечно, должно быть какое-то понуждение, приводящее иногда к душевным страданиям.

Кому может прийти в голову мысль о том, что можно только молиться, обойтись без страданий и все будет хорошо? Неужели есть такие наивные люди? Все мы читали святителя Игнатия (Брянчанинова) и знаем его учение о скорбях: скорби – это, так сказать, неотъемлемая принадлежность истинных христиан, и в особенности монашествующих.

Вопрос. Сейчас в беседе вы сказали о том, что мы не идем к свету, чтобы не обличались наши злые дела. А когда он осеняет нас, то мы прячемся, чтобы не видно было нашего зла. И когда молишься, бывает такое состояние, что как бы всматриваешься в свои внутренние стремления, пожелания, видишь свою мерзость, и это начинает тебя просто пугать, и ты оставляешь молитву, чтобы этого не видеть. Как правильно поступать в таких случаях?

Ответ. Нужно иметь мужество, внимательно молиться, каяться. Когда человек мужественно стремится к свету благодати и этот свет обличает его внутреннее убожество, его мерзость, но человек тем не менее не останавливается, тогда поневоле в нем появляется покаяние. Он начинает оплакивать свое состояние, просить у Бога прощения, иногда со слезами, плачем, иногда с какими-то воздыханиями или чрезвычайным сердечным сокрушением (такое состояние некоторые отцы называют духовным плачем, и оно может и не сопровождаться плачем внешним, то есть слезами). Нужно иметь мужество идти дальше, не бояться этого состояния, не отвращаться от него.

Эти евангельские слова в первую очередь относятся, конечно, к неверующим людям. Но и у верующих людей, и даже у нас, монашествующих, когда мы приближаемся к источнику света, то есть к Богу, бывает такой страх. Нападает ужас, хочется как бы убежать, страшно идти дальше. Но нужно иметь мужество и молиться, лишь бы, конечно, в этом чувстве не было никакой прелести – здесь нужно советоваться с духовником. А если все идет правильно, то мы должны обязательно испытывать и страх, и стыд приближаться к Богу со своими мерзостями. Собственно, из этих переживаний и рождается покаяние.

О разумном послушании⁷³

Сегодня я хотел поговорить с вами о том, каким должно быть послушание.

Послушание – это великая добродетель, она в особенности приличествует монашествующим и почитается ими, потому что приводит к высочайшему преуспеянию. Григорий Синаит сказал, что послушание – это лестница из одной ступени, благодаря которой можно взойти на небо. Поэтому, говоря о послушании, мы, как правило, имеем в виду необходимость беспрекословного отсечения своей воли. Но, конечно, послушание этим не ограничивается. Да, это одна из его важных сторон, пример такого послушания показали прежде всего святые апостолы. Но есть и некоторые другие аспекты этой добродетели, о которых я и буду говорить.

В Евангелии есть примеры, показывающие, что не всегда и не всех мы должны беспрекословно слушаться. Нужно иметь ревность к тому, чтобы все открывать наставникам, отсекая перед ними свою волю, но это не значит, что при этом мы не должны думать, рассуждать. Сам Господь Иисус Христос иногда говорил так, что слушаться Его было нельзя, и тот, кто Его послушался бы, поступил бы неразумно. И конечно, мы должны с осторожностью относиться к словам обыкновенного человека, будь это старший по послушанию, духовник или настоятель.

Однако некоторые думать не хотят, желают, чтобы им объяснили раз и навсегда, дали, так сказать, рецепт на всю жизнь, как поступать в том или ином случае. Такого не будет. Разум дан человеку прежде всего для того, чтобы испытывать волю Божию и ей следовать, все остальные его возможности имеют второстепенное значение. Апостол Павел прямо говорит: *Всё испытывайте, доброго держитесь* (см. 1Фес. 5, 21). Я приведу примеры того, как Спаситель, казалось бы, давал приказание, но тем не менее слушаться Его было нельзя, потому что нужно было понимать Его слова разумно.

После того как апостол Петр исповедал Господа Иисуса Христа Сыном Бога Живого, Спаситель стал говорить о том, что Ему нужно пойти в Иерусалим и пострадать. Вот что после этого произошло: *Поем Его Петр, начат пререцати Ему глаголя: милосерд Ты, Господи! не имать быти Тебе сие! Он же обращься рече Петрови: иди за Мною, сатано! соблазн ми еси! яко не мыслиши яже суть Божия, но человеческая* (Мф. 16, 22–23). Господь, можно сказать, гнал от Себя апостола Петра: *Отойди от Меня, сатана!* Но отошел ли Петр? Нет, он продолжал следовать за Господом, был одним из самых преданных Его учеников. И, хотя по человеческой немощи, самонадеянности он отрекся, однако покался в этом и, более того, собрал и утвердил братию еще до явления воскресшего Спасителя. Все апостолы держались около апостола Петра как самого мужественного, любящего Спасителя, как самого преданного Ему.

Перед Своими страданиями Господь Иисус Христос молился в Гефсиманском саду. Три раза Он подходил к ученикам и упрекал их: *И пришед обрете их паки спящих, беста бо им очи отяготене. И, оставль их, шед паки, помолися третицею, тожде слово рек. Тогда прииде ко учеником Своим и глагола им: спите прочее и почивайте, се, приблизися час, и Сын Человеческий предается в руки грешников* (Мф. 26, 43–45). Неужели апостолы должны были послушаться Спасителя? Неужели всегда нужно буквально понимать слова тех, кто к нам обращается, кто нам что-то приказывает? Разве не может заключаться в словах какой-то другой смысл, может быть, просто скрытый за интонацией? *Спите прочее и почивайте.* Безусловно, этот намек на поведение учеников не что иное, как упрек.

Приведу другой пример того, как буквальное понимание слов было бы абсурдным. Как повествует евангелист Иоанн, в начале Своей проповеди Господь наш Иисус Христос изгнал из храма торгующих. Иудеи стали упрекать Его в том, что Он не имеет права делать это: *Кое знамение являеши нам, яко сия твориши? Отвеща Иисус и рече им: разорите церковь сию, и трети денми воздвигну ю. Реша же Иудее:*

четыредесять и шестию лет создана бысть церковь сия, и Ты ли трети денми воздвигнеши ю? Он же глаголаше о церкви тела Своего. Егда убо воста от мертвых, помянуша ученицы Его, яко се глаголаше, и вероваша Писанию и словеси, еже рече Иисус (Ин. 2, 18–22). Иными словами, Спаситель говорил: «Если вы хотите это узнать, то разорите церковь, то есть церковь Моего тела, убейте Меня, и Я воскресну». Это же не значит, что Его пророчество является приказанием совершить самое страшное преступление, грех богоубийства. Прямо понять слова Спасителя и послушаться их было бы не просто неправильно, но преступно.

После умножения хлебов в пустыне Господь, воспользовавшись случаем, проповедовал народу о таинстве евхаристии, которое Он должен был учредить, о той жертве, без вкушения которой люди не могут спастись. Многие соблазнились Его словами и отошли от Него. Господь, обращаясь к ученикам, как бы отгоняет их от Себя: *Рече же Иисус обеманадесяте: еда и вы хочете ити? Отвеща убо Ему Симон Петр: Господи! к кому идем? Глаголы живота вечнаго имаши: и мы веровахом и познахом, яко Ты еси Христос, Сын Бога живаго* (Ин. 6, 67–69). Тот, кто понимал послушание чересчур прямо, должен был бы отойти от Спасителя. Но Спаситель не мог желать гибели Своим ученикам и отгонять их, Он их испытывал. Потому нужно смотреть не только на слова, но и на намерение, которое стоит за словами.

Наконец, самый страшный пример. Во время Тайной вечери апостол Петр захотел узнать от Иоанна, кто предаст Спасителя. Вот что за этим произошло: *Бе же един от ученик Его возлежа на лоне Иисусове, егоже любляше Иисус. Поману же сему Симон Петр вопросити, кто бы был, о немже глаголет. Напад же той на перси Иисусовы, глагола Ему: Господи! кто есть? Отвеща Иисус: той есть, емуже Аз омочив хлеб подам. И омочь хлеб, даде Иуде Симонову Искаротскому. И по хлебе тогда вниде в онь сатана. Глагола убо ему Иисус: еже твориши, сотвори скоро* (Ин. 13, 23–27). Неужели и здесь нужно было проявить послушание? Неужели Иуда Искаротский

сотворил волю Божию? Да, конечно, он сотворил волю Божию, но как слепое орудие в руках Промысла. Можно ли сказать, что Иуда Искариотский послушал Спасителя, и не только послушал, но и быстро исполнил то, что Ему было приказано? Конечно же нет. Он был не просто непослушным, он был богопротивником, восставшим на Бога.

Потому нужно всегда смотреть не только на слова и внешнюю сторону события, но и на внутренний смысл. Конечно, эти примеры могут показаться вам чересчур буквальными. Кажется, что в жизни всё, так сказать, тоньше, запутанней, но тем не менее это дела не меняет. Иногда мы действительно должны беспрекословно слушаться, иногда же буквально понимать слова наставников нельзя, нужно смотреть на смысл, искать за словами и действиями человека волю Божию. Только так мы можем узнать, в чем необходимо слушаться. Только такое послушание – истинное. А иначе мы можем сделать какую-нибудь нелепость, иногда с очень серьезными последствиями для нашей духовной жизни.

Между прочим, во всех приведенных словах Спасителя мы можем заметить некоторую досаду. Ему, конечно, было досадно, что ученики заснули во время Гефсиманской молитвы, что Его оставили многие ученики, которые не могли вместить это казавшееся слишком жестоким слово о таинстве Тела и Крови. Как человек, Он с досадой и сказал Своим ученикам: *Не хотите ли и вы уйти?* Мы должны помнить, что Спаситель, хотя и был безгрешен, однако же имел естественные человеческие чувства, и поэтому, когда Ему было тяжело, Он испытывал естественное чувство, которое приблизительно можно было бы назвать досадой, Он говорил как бы с горечью. Это мы и видим во всех этих примерах. Иуде Искариотскому Он говорит *Еже твориши, сотвори скоро*, ученикам: *Спите прочее и почивайте*. Тут явно чувствуется огорчение, и нельзя из этих слов делать вывод о том, что нужно было беспрекословно Его послушаться.

Помимо этих примеров, когда Спаситель говорит как бы с огорчением, в Евангелии есть такие Его наставления, в которых нужно искать именно смысл сказанного, потому что буквальное

понимание приведет к тяжкому греху. Например, следующее поучение Господа: *Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, и иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. 16, 25). Спаситель говорит, что нужно погубить свою душу. Это можно понимать как угодно, вплоть до того, что Он призывает нас к самоубийству. Но, конечно же, речь идет не об этом – человек должен погубить свою душу в том смысле, что он должен жить не ради себя, а ради Бога.

Рассмотрим другое поучение Спасителя, еще более яркое: *Глаголаша Ему ученицы Его: аще тако есть вина человеку с женою, лучше есть не жениться. Он же рече им: не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть, суть бо скопцы, иже из чрева матерня родишася тако; и суть скопцы, иже скопишася от человек; и суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствия ради Небеснаго. Могий вместити да вместит* (Мф. 19, 10–12). Если все понимать буквально, нужно себя оскотить. Были такие еретики и даже иные православные христиане, которые по своему скудоумию, или, может быть, по ложной ревности оскотляли себя, но Церковь это всегда осуждала. Самооскотление считается членовредительством, одним из самых тяжких грехов, за который мирянин отлучается от Церкви, а священнослужитель лишается сана.

Вот, собственно, то, что я хотел сказать о послушании. Конечно, сказанное не является полным учением о великой добродетели послушания, но по крайней мере заставляет нас задуматься о том, как правильно себя вести, чтобы действительно исполнять волю Божию, а не быть посмешищем для своих братьев. Еще ничего, когда только для братьев, которые добродушно посмеются, и всё. Если примитивно понимать, что такое послушание, можно стать посмешищем для демонов.

Итак, послушание – это великая добродетель. Отсечение своей воли необходимо, но в то же время нельзя делать это без разума, рассуждения. Нужно не только вникать в слова, которые тебе говорит духовник, настоятель, эконо́м, но и искать волю Божию. Мало ли что бывает, может быть, человек действительно рассердится и с досадой что-нибудь скажет – не так, как говорил

Спаситель, а по-настоящему поддается страсти. Неужели нужно в этот момент послушаться и совершить какой-нибудь грех? Благоразумный человек, у которого есть сколько-то рассуждения, наоборот, постарается как-то угасить это действие страсти, промолчит. А потом скажет: «Отец духовник, знаете, вы неправильно сказали, не так было дело, а так-то и так-то». И все прояснится, встанет на свои места.

* * *

Вопрос. Батюшка, когда вы говорите о том, что нужно прежде всего рассуждение, то это меня смущает; кажется, что в послушании это все-таки не так.

– Мы же не старцы, правильно?

– Да, но когда вы говорите о рассуждении, то у меня какое-то не очень хорошее чувство возникает: «Ах так, хорошо, тогда я буду рассуждать». Получается, нужно не слушаться, а прислушиваться. Нельзя ли какую-то линию прочертить, где мы имеем право рассуждать, а где не имеем?

Ответ. Суть в том, что послушание как было, есть, так и до конца времен останется необходимостью. Монашествующие должны слушаться. Но исполнять все так буквально, как это делали древние подвижники, мы не можем, это было бы нелепо. Нельзя так прямо сказать, где слушаться, а где не слушаться. Это трудно. Суть в том, что нужно слушаться в духовных вопросах – это самое главное. Во внешних вопросах тоже желательно отсекай свою волю, но, если ты сомневаешься в правильности приказания, нужно это объяснить тому, кто тебе приказывает. Если тебе кажется, что исполнить это невозможно, надо пойти к старшему.

Вопрос. Рассуждение сопряжено с таким понятием как совесть?

Ответ. Конечно, и к совести нужно прислушиваться. Рассуждение необходимо, прежде всего, в отношении нравственной стороны жизни. Мы рассуждаем для того, чтобы исполнить волю Божию, вести себя нравственно. Если совесть тебя начинает упрекать, что благословение, которое тебе дали, толкает тебя на безнравственный поступок, значит, нужно как-то это проверить. Может быть, в тебе действует ложная ревность,

это часто бывает, или ты обманываешься, имеешь неправильное представление о духовной жизни. Как проверить? В обители, если это касается нравственных вопросов, лучше всего посоветоваться с духовником.

Хозяйственные вопросы, конечно, не так важны для спасения, но тем не менее и тут надо хранить совесть. Хорошо, что Господь посылает нам деньги через наших благодетелей, и мы можем себе позволить строить, осуществлять всякие планы и так далее. Но это не значит, что можно относиться ко всему безалаберно и пренебрегать чужим трудом. Это касается всего: и продуктов, и одежды, и вещей, всего быта. Нужно быть очень бережливыми. Авва Дорофей говорит о том, что мы должны беречь свою совесть в отношении вещей.

Нельзя сказать однозначно: веди себя так, и всё. С одной стороны, нужно беспрекословно слушаться, с другой – вникать, стараться понять, что собственно от тебя хотят, а не только внешне исполнять сказанное. Послушание должно соответствовать нашей христианской совести, святоотеческому учению, которое мы должны содержать в памяти, Священному Писанию, Евангелию. Дать универсальный совет нельзя. Конечно, хочется, чтобы все слушались беспрекословно, боишься дать повод для своеволия, но, оказывается, могут быть и другие крайности. Под предлогом беспрекословного послушания человек может сделать что-то абсурдное, вредное и для себя и для других. Этого допустить нельзя. Под действием ложной ревности можно и поститься чересчур строго, и слушаться неразумно или не того, кого нужно. Все что угодно можно сделать. Апостол Павел, например, до своего обращения, из ложной ревности, преследовал христиан. Он ведь тоже считал, что таким образом исполняет волю Божию, является охранителем закона. Поэтому ложная ревность – это очень опасное чувство, в том числе, когда оно проявляется под видом послушания.

Вопрос. Ученики слушались Спасителя, но они ведь чувствовали Божественную волю. А когда слушаешься старца, игумена – это совсем другое, это намного тяжелее: ведь у них,

как у всех людей, могут быть ошибки... Как настроить себя, чтобы доверять наставникам?

Ответ. Допустим, духовник дает какой-то совет в отношении духовной жизни – например, совет про молитву. Если он говорит не свои слова, а цитирует святителя Игнатия или какого-нибудь другого аскетического писателя и этот совет объясняет нам наше внутреннее состояние, то почему бы не послушаться? В данном случае мы слушаемся не духовника, а святых отцов. А слушаясь святых отцов, слушаемся Самого Господа. Но если мы чувствуем, что совет не соответствует учению отцов, мы должны об этом сказать, дать какие-то объяснения, и тогда либо убедимся, что мы не правы и должны послушаться, либо, наоборот, разъясним духовнику свое состояние, и он поймет, что этот совет неуместен, нужен какой-то другой. Ничего здесь удивительного нет. Еще раз говорю, если ученики Спасителя, апостолы, не стыдились рассказывать Ему о своих недоумениях, о недоверии, может быть, каким-то Его словам и от этой искренности обретали еще большую веру, то тем паче должны быть откровенными мы, общими усилиями, духовника и послушника, идти к цели. Врач тоже не всегда сразу ставит правильный диагноз, но остаться вовсе без лечения нельзя. Допустим, нет какого-то знаменитого врача, мы обращаемся к тому, какой есть. Одно лекарство не помогло, другое, диагноз постепенно уточняется, и, в конце концов, ставится правильный диагноз. Это не должно мешать доверию.

Вопрос. Допустим, благочинный будит ночью послушника, срочно надо что-то сделать. Но по ошибке будит не того человека: этому завтра надо ехать куда-то, а благочинный думает, что утром этот послушник выпится. Послушник понимает, что благочинный ошибся. Имеет он право отказаться или должен все-таки пойти за послушание?

Ответ. Если он так поступит, то это будет говорить о самоотверженности. Мы как-то испытывали одну сестру в монастыре. У нее утром было серьезное послушание, а ее будили, заставляли мыть пол, и она вставала, шла, и ничего. Могу только сказать, что этот человек преуспевает. Послушание, смирение – великая вещь. Смотришь иногда, у одного есть

возможность и молиться, и читать, но он какой-то обыкновенный. А другой, казалось бы, кругом в суете, минутки свободной не имеет, но везде всех слушается, и у него сердце само молится. Преуспевание в молитве зависит не столько от уединения или даже усердия, сколько от смирения и послушания.

– А в чем основа такого послушания? От чего оно зависит?

– Спастишься хочешь, так будешь слушаться.

Вопрос. Зачастую на послушании работаешь с мирскими людьми, приходится подстраиваться под чужие условия, потому что надо срочно все сделать. Приходится оставлять правило, келейную молитву, которую положено исполнять всей братии. А вечером братья приходят, что-то просят, спрашивают. Как тут быть?

Ответ. Нужно сделать так, чтобы после вечернего правила вообще никаких вопросов не решалось. Разве, не дай Бог, пожар будет, или наводнение, или тайфун, тогда будем предпринимать какие-то меры. После правила все должны молча идти в келии, чтобы сохранить ту благодать, которую должны были получить во время молитвы. Все вопросы нужно решать до правила. Вы сами прекрасно знаете, что диавол искушает человека, внушает ему во время или после правила какие-то мысли, занятия, как будто бы срочные, чтобы человека рассеять. Симеон Благоговейный говорит, что если ты из-за послушания не исполнил свое правило, считай это за великую потерю. По опыту могу сказать, что какой бы уважительной ни была причина, по которой ты не исполняешь правило, вред-то потерпишь ты. Если человек пропустил обед из-за того, что был занят, то голодным останется не тот, кто его отвлек, а он сам.

--

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Всяк возносяйся смирится, смиряя же себе вознесется (Лк. 18, 14). Слова Спасителя – это тайны, сокровенные от сложения мира (Мф. 13, 35), которые Он открыл людям, для того чтобы они унаследовали вечную блаженную жизнь, унаследовали Царствие Божие, уготованное людям от сотворения мира. И заповеди Его есть средство достижения вечного блаженства, для которого мы предназначены даже прежде, чем начало быть все, что начало быть.

Всяк возносящийся смирится. Всякий, то есть любой человек, имеющий основание для возношения, гордости, благодаря своей образованности, умственным или каким-либо другим способностям или преимуществам (например, земным: богатству, происхождению), а также преимуществам духовным (особенно добродетельной жизни или даже каким-то благодатным дарованиям). *Всяк возносящийся*, – сказал Спаситель (пусть даже повод для возношения будет весьма основательный, серьезный и очевидный для всех и для самого человека), – *смирится*.

Даже тот, кто возносит себя только в уме, в мыслях, обязательно смирится, ведь любой наш поступок, любое наше дело начинается с внутреннего решения, с внутреннего согласия, с мысли, а потом уже мы переходим к делу. Смирится не только тот, кто пытается достичь какого-то положения, преимущества перед другими, похвалы, одобрения, но и тот, кто превозносится внутренне, поскольку Бог видит сердце каждого человека.

Итак, всякий возносящий себя не только делами, но и умственно смирится, потому что благодать Божия оставит этого человека и он смирится поневоле, если не в этой жизни, ослепленный блеском мирской славы, то в будущей. И даже при переходе из временной жизни в вечную он обязательно смирится, увидит тщету и ничтожность того, чем он

гордился и превозносился. Я говорю «ничтожность» не потому, что добродетели сами по себе ничтожны, а потому, что гордый человек впадает в состояние, при котором он истинную добродетель лицемерно заменяет одной только видимостью, игрой, актерством. Об этом прекрасно рассуждает святитель Игнатий (Брянчанинов) в статье «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником».

И всякий *смирняяй себе вознесется*. Мы должны смирять себя не только внутренне, но и внешне. Но не всегда мы можем избрать смиренный образ жизни, так как по Промыслу Божию на человека может быть возложено служение, которое возвышает его над другими людьми, или ему может быть даровано преимущество, которому некоторые, пожалуй, позавидуют. Человек же, смиряющий себя внутренне, вознесется вне зависимости от того, занимает ли он высокое положение или нет, имеет ли перед ближними преимущества духовные или телесные или не имеет. Каким образом он вознесется? Не следует понимать это в том смысле, что человек, несмотря на свое смирение, займет все же какое-то высокое положение и все признают в нем добродетель, признают в нем некое превосходство и поставят его над собой начальником. Мы видим, что люди смиренные проводят всю свою жизнь в убогом состоянии, как, например, святой праведный Симеон Верхотурский, и, наоборот, люди, стремящиеся к славе и величию, как будто бы достигают их. Однако речь идет о смирении и возношении духовном: человек, смиряющий себя внутренне, внутренне и возносится – ум его, пребывающий в брэнном, немощном теле, возносится к Богу, соединяется с ним, и человек исполняется Божественного утешения.

Преподобные отцы наши понимали великое значение смирения и называли эту добродетель искоренительницей всех страстей. Преподобный Иоанн Лествичник учит: сколько подвижник преуспел в смирении, столько он преуспел в молитве. Подобное высказывание есть и у преподобного Исихия Иерусалимского. Он пишет, что смирение рождает молитву, а молитва – смирение. Благодаря этому подвигу, человек приобретает Царство Божие внутри себя еще в земной,

временной жизни, предвкушая вечное блаженство, предобручаясь Духом Святым с Богом, с благодатью Божией.

Как же научиться этой великой добродетели? Всякая истинная добродетель – это действие Божественной благодати, а если сказать просто и кратко – действие Божие. Поэтому, вспоминая заповедь Спасителя о том, что смирению нужно научиться именно от Него: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), будем учиться смирению не просто понуждая себя к нему, хотя и это необходимо, но прежде всего в молитве обращаясь за помощью к Самому Господу, так как наших немощных сил часто не хватает на совершение возвышенных евангельских добродетелей. А непрестанно молясь Господу Иисусу Христу, Сыну Божию, мы соприкасаемся с Ним умом и душевными чувствами. Через Иисусову молитву, как будто бы краткую и малосодержательную по сравнению со многими православными молитвословиями или древними псалмами, мы сподобляемся соединения с Господом через Его Божественное действие и, общаясь с Ним, неизреченным образом научаемся этой великой богоподражательной добродетели.

Мы часто по неопытности принимаем за смирение лишь внешнее подобие этой добродетели. *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*: научитесь не только поступками, речью и даже не только мыслями, а сердцем, то есть тем, что является самым сокровенным в существе человека, корнем, основой его душевной жизни. Если мы смиренны только поведением или даже мыслью, то в лучшем случае мы только идем к смирению, истинно же смиренны те, кто смирен сердцем.

Таким образом, как будто не совершая ничего особенного, значительного, а только погружаясь в себя, в невидимом делании взыскуя Господа Иисуса Христа внутри своей души, своего сердца, мы подражаем Ему, научаемся от Него и уподобляемся Ему своим сердцем. И насколько смирение водворяется внутри нас, настолько и Господь открывается нам и является внутри нас. Так что человек чувствует, что он полностью соединяется, сливается с

Господом и становится с Ним, по выражению преподобного Серафима Саровского, *един дух* (1Кор. 6, 17). Аминь.

О посте и воздержании⁷⁵

Сегодня мы побеседуем на очень приятную тему, поговорим о еде. Нет таких людей, которые бы не любили поесть. Если даже человек ест сухари с водой, то и это он делает с удовольствием. Когда теряется удовольствие при вкушении пищи, то это уже болезненное состояние. Правда, один подвижник говорил о себе, что он ест пищу как лекарство, только потому, что она необходима. Варсонофий Великий, преуспевший до такой степени (на это указывает и само его прозвище – Великий), что называл себя с дерзновением «братом Иисусовым», также говорил о себе, что он может вообще не вкушать пищу или вкушать ее очень редко – по смирению. Но это – редчайшее исключение. Настолько редкое, что о таком состоянии можно даже не говорить, тем более в наше время и в нашей обители. Нам нужно научиться правильно относиться к этому свойству человеческой природы, без которого невозможно продолжать нашу земную, временную жизнь. Если мы неправильно относимся к еде, злоупотребляя потребностью в ней, то можем причинить себе значительный вред.

Конечно же, для нас, православных христиан, высочайшим и, можно сказать, единственным Учителем является Господь наш Иисус Христос, как учивший о правильном отношении к еде, так и показавший пример такого отношения. Я пока не употребляю слово «чревоугодие», потому что не хочу сразу же акцентировать ваше внимание на страсти, а желаю показать именно правильное, естественное, разумное отношение к той части человеческой жизни, которая касается питания. Если взять обыкновенного человека, который ест три раза в день, то только на еду он тратит от двух до трех часов в день, на приготовление пищи – еще несколько часов, а уж на то, чтобы приобрести себе хлеб насущный, можно сказать, уходит чуть ли не вся жизнь человека. Поэтому нельзя рассматривать предмет нашей сегодняшней беседы как какой-то пустяк. Да, когда у нас все есть, когда мы сыты и живем в благополучии, мы можем

мечтать о том, что пища для нас ничего не значит и что человек настолько возвышенное существо, что ему вовсе не нужно думать о еде. Мы забываем о том, сколько трудов полагают люди на приобретение хлеба. У нас, как и во многих других монастырях, не столь очевидна связь между трудами и нашим пропитанием, которая тем не менее существует, и, к сожалению, из-за этого бывают различные злоупотребления, пренебрежения, как будто бы все достается даром. Но сказано: *В поте лица твоего будешь есть хлеб твой* (см. Быт. 3, 19), и мы должны понимать, что те люди, которые жертвуют нам деньги или что-либо еще для нашего существования, в частности для пропитания, такой, казалось бы, прозаической, обыденной, ничтожной вещи, добывают эти средства в поте лица.

Поэтому нельзя легкомысленно говорить, что пища – вещь ничего не значащая и что мы должны быть выше своей потребности в ней. Для того чтобы совсем забыть о хлебе насущном, нужно достичь такого состояния, какое было у Варсонофия Великого. Или у тех двух подвижников, о которых повествует некий философ. Однажды каждому из них было открыто Святым Духом, что другой подвизается на противоположном берегу озера, и вот они решили встретиться на середине. Пришли по воде друг к другу и беседовали. Потом один спрашивает: «А почему у тебя ноги совсем сухие, а у меня по щиколотку в воде?» Подвижник отвечает: «Давай помолимся». Они помолились, и тот ему объяснил: это потому, говорит, что зерна, которыми ты питаешься, ты складываешь под камень – боишься, что их птицы поклюют, и не надеешься на Бога. Он перестал так делать, полностью положился на Промысл Божий, и когда они встретились в следующий раз, то у обоих ноги были совершенно сухими. Вот если среди нас такие люди есть, то они, конечно, могут о пище совсем не думать. Известны еще и сирийские подвижники, которых называли «воски». Они вообще не имели никакого имущества, единственное, что у них было, – это серп, которым они жали дикую траву, еще они выкапывали корни и этим питались, жили в пещерах, подобно зверям, то есть очень жестоко

подвизались. Мы на это, разумеется, совершенно не способны. Поэтому мы не имеем права предаваться мечтательности, которая основывается, еще раз повторю, на том, что мы полностью обеспечены всем необходимым. Это своего рода прелесть: мечтать о каком-то невозможном для нас подвиге и пренебрегать Промыслом Божиим, милостью Божией, дающей нам возможность безмятежно жить, молиться и заботиться о своей душе.

Итак, я хочу начать свое рассуждение, основанное на Евангелии, с такого эпизода, который показывает, что, по крайней мере на первый взгляд, Господь наш Иисус Христос не был врагом естественной потребности человека в пище. Обратимся к эпизоду явления Господа Иисуса Христа по воскресении Своим ученикам на море Тивериадском. Я прочитаю его полностью до необходимого нам момента и остановлюсь на нем более подробно: *После того опять явился Иисус ученикам Своим на море Тивериадском. Явился же так: были вместе Симон Петр, и Фома, называемый Близнец, и Нафанаил из Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы, и двое других из учеников Его. Симон Петр говорит им: иду ловить рыбу. Говорят ему: идем и мы с тобою. Пошли и тотчас вошли в лодку, и не поймали в ту ночь ничего. А когда уже настало утро, Иисус стоял на берегу; но ученики не узнали, что это Иисус. Иисус говорит им: дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы. Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это Господь. Симон же Петр, услышав, что это Господь, опоясался одеждою, – ибо он был наг, – и бросился в море. А другие ученики приплыли в лодке, – ибо недалеко были от земли, локтей около двухсот, – таща сеть с рыбою. Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. Иисус говорит им: принесите рыбы, которую вы теперь поймали. Симон Петр пошел и вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три; и при таком*

множестве не прорвалась сеть. Иисус говорит им: придите, пообедайте. Из учеников же никто не смел спросить Его: кто Ты?, зная, что это Господь. Иисус приходит, берет хлеб и дает им, также и рыбу. Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своем из мертвых (Ин. 21, 1–14).

Мне всегда этот эпизод представлялся очень красивым, умилительным. Господь Иисус Христос с необыкновенной заботой спрашивает у Своих учеников: *Дети, еда что снедно имате?* (Ин. 21, 5). Конечно же, Спаситель не нуждался в пище, но они этого не поняли и подумали, что человек, который с берега кричит им, хочет есть. Однако Господь хотел показать Своей заботой, что печется о них и желает им не только того, чтобы они спасли свои души в вечности, но чтобы и в этой, земной, жизни по возможности были довольны и сыты, что естественно для человека. И когда ученики вытащили сеть на берег, – обратите внимание, – то увидели, что огонь уже был разложен и на нем пеклась рыба, и даже был хлеб. То есть Спаситель дал им не ту рыбу, которую они сами только что выловили. И этот чудесный лов рыбы нужен был только для того, чтобы удостоверить учеников, что перед ними – Тот же Самый, Который когда-то также через чудесный лов рыбы призвал их, как повествует об этом евангелист Лука. Таким образом Господь показал также, что не нуждается в их трудах, а Сам может всех пропитать. И вот Он предложил им эту печеную рыбу и хлеб. Можно себе представить: берег Тивериадского озера, раннее утро, легкая прохлада, ученики, сидя у костра, принимают рыбу и хлеб от воскресшего Своего Учителя и утешаются пищей, а в особенности – присутствием Своего Наставника, от Которого исходят доброта и сострадание.

Скорее всего, эта рыба, которая появилась откуда-то чудесным образом, и этот хлеб были чрезвычайно вкусными. Такой вывод мы можем сделать, если сравним этот эпизод о хлебе и рыбе с повествованием евангелиста Иоанна о претворении воды в вино в Кане Галилейской. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, – а он не знал, откуда это вино, знали только слуги, почерпавшие

воду, – тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: *всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе* (Ин. 2, 9–10). Вино, сотворенное Спасителем из воды, было гораздо вкуснее того, которое предлагалось на этом пиру раньше. Оно было настолько лучше, что распорядитель, который не знал, откуда это вино взялось, даже сделал замечание жениху: «Почему ты не предложил сначала лучшее вино? Когда гости немного бы напились, стали бы уже безразличными к вкусу, тогда можно было бы предложить худшее. А ты сделал наоборот. Сначала дал худшее вино, а потом лучшее». Мы видим, что вино Спасителя, вино из воды, оказалось вкуснее, чем настоящее, натуральное вино, полученное естественным образом. То же можно думать и о рыбе и хлебе: то, что было преподано ученикам чудесным образом, оказалось гораздо вкуснее обычных рыбы и хлеба. Эти примеры указывают на то, что желание человека к наслаждению пищей и даже вином законно.

Обратимся также к повествованию о чудесном умножении хлебов. Господь наш Иисус Христос, заботясь о том, чтобы люди не только удовлетворяли свои душевные нужды или исцелялись от болезней, но и могли удовлетворить столь обычную, повседневную нужду, как насыщение себя пищей, умножил хлеба: пять хлебов превратил в такое количество, которое насытило несколько тысяч человек. *Иисус, возведя очи и увидев, что множество народа идет к Нему, говорит Филиппу: где нам купить хлебов, чтобы их накормить? Говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать. Филипп отвечал Ему: им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу. Один из учеников Его, Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему: здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества? Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак возлегло людей числом около пяти тысяч. Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел. И когда насытились, то сказал ученикам Своим:*

соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало. И собрали, и наполнили двенадцать коробов кусками от пяти ячменных хлебов, оставшимися у тех, которые ели (Ин. 6, 5–13).

Однако такое объяснение (что Спаситель заботился о пропитании своих учеников) является только одной стороной дела. Другую же сторону, не менее, а может быть, и более важную, также объясняет Сам Господь Иисус Христос. Вот как повествует об этом евангелист Марк (заметим, что перед этим произошло чудо насыщения несколькими хлебами четырех тысяч человек): *И ели, и насытились; и набрали оставшихся кусков семь корзин. Евших же было около четырех тысяч. И отпустил их. И тотчас войдя в лодку с учениками Своими, прибыл в пределы Далмануфские. Вышли фарисеи, начали с Ним спорить и требовали от Него знамения с неба, искушая Его. И Он, глубоко вздохнув, сказал: для чего род сей требует знамения? Истинно говорю вам, не дастся роду сему знамение. И, оставив их, опять вошел в лодку и отправился на ту сторону. При сем ученики Его забыли взять хлебов и кроме одного хлеба не имели с собою в лодке. А Он заповедал им, говоря: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой. И, рассуждая между собою, говорили: это значит, что хлебов нет у нас. Иисус, уразумев, говорит им: что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните? Когда Я пять хлебов преломил для пяти тысяч человек, сколько полных коробов набрали вы кусков? Говорят Ему: двенадцать. А когда семь для четырех тысяч, сколько корзин набрали вы оставшихся кусков? Сказали: семь. (Мк. 8, 8–20).* Итак, Спаситель совершил чудо умножения хлебов и другие чудеса, подобные этому, не только с целью показать, что люди достойны заботы в этом отношении и что ничего греховного в потребности насыщения себя пищей нет, но и с целью вразумить нас, чтобы мы всегда предпочитали духовное, – Господь уже Сам позаботится о нашем пропитании. Когда ученики стали понимать слова Спасителя слишком буквально – мол, они взяли с собою только

один хлеб и потому Господь упрекает их в том, что они проявили забывчивость и не позаботились о своем пропитании, – Он с укоризной напоминает им о двух случаях чудесного умножения хлебов, показывая Своим ученикам, что они должны заботиться о своем душевном состоянии, о том, чтобы не поддаться страсти лицемерия, лукавства, а отнюдь не о том, чтобы найти себе пропитание. Ведь если нужно, то и в самой безвыходной ситуации, когда, казалось бы, неоткуда ждать помощи, Господь силен каким-либо образом их пропитать.

Самым откровенным, ясным учением о том, что заботу о душе нужно предпочитать заботе о теле, является повествование об искушении Господа Иисуса Христа в пустыне. Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: *если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами* (Мф. 4, 1–3). Казалось бы, Господь наш Иисус Христос впоследствии сделал нечто подобное, ведь умножить пять хлебов, чтобы насытить ими несколько тысяч человек, или из ничего сотворить ученикам пищу в виде хлеба и рыбы, или претворить воду в вино – это то же самое, что и камни превратить в хлебы. Никакой принципиальной разницы нет. Подобное же чудо, превращение камней в пищу, совершали даже подвижники Христовы, то есть не только Сам Господь мог это сделать, но и Его ученики уже спустя много веков, как, например, украинский подвижник блаженный Феофил. Желая накормить богомольцев, шедших издалека, он помолился о том, чтобы разжегся огонь, положил в котелок с водой несколько камешков и велел своему ученику бросить туда мелкой травы. Тот из послушания это сделал. Феофил, помолившись, благословил котелок и размешал. Потом говорит ученику: «Пробуй». Он попробовал и изумился: «Отче! Каша!» Таким образом, если это мог сделать подвижник благочестия, живший в XIX веке, то, конечно же, и для Того, Кто дал ему эту силу, для Господа Иисуса Христа, Сына Божия, ничего невозможного не было. Но Он не захотел, чтобы камни сии сделались хлебами, по той причине, что одно дело заботиться о других людях, а

другое дело – заботиться о Себе. Он не захотел этого сделать, хотя и взалкал после того, как сорок дней и ночей ничего не ел и не пил, что для человеческого естества является крайним пределом возможного. Вообще, без благодати Божией столько времени не пить человек практически не способен. Хотя были немногие подвижники благочестия, такие как Симеон Столпник, весьма строго постившиеся, но даже для человека, укрепляемого благодатью, сорок дней без пищи и без воды – это предел, это пребывание на грани жизни и смерти. Тем не менее Господь Иисус Христос не захотел удовлетворять Своего голода и ответил диаволу: *Написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4, 4). Этому примеру Христа мы и должны следовать. Конечно, мы имеем право заботиться о своем пропитании (и если с удовольствием вкушаем дозволенную пищу, в этом нет никакого греха), но необходимо понимать, что мы живем не столько подкреплением своего тела едой, сколько исполнением воли Божией, то есть следованием *всякому слову, исходящему из уст Божиих*. Именно это мы должны всегда предпочитать, заботясь о своей душе.

Разительный пример насыщения благодаря следованию воле Божией также показал Сам Господь Иисус Христос. Это чудо (при чтении евангельского повествования оно часто остается нами не замеченным, поскольку в том же отрывке рассказывается о гораздо бóльших, как нам кажется, чудесах) произошло во время беседы Господа с самарянкой, вернее, когда Спаситель уже почти закончил беседу с ней. *В это время пришли ученики Его и удивились, что Он разговаривал с женщиною; однакож ни один не сказал: чего Ты требуешь? или: о чем говоришь с нею? Тогда женщина оставила водонос свой и пошла в город, и говорит людям: пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос? Они вышли из города и пошли к Нему. Между тем ученики просили Его, говоря: Равви ! ешь. Но Он сказал им: у Меня есть пища, которой вы не знаете* (Ин. 4, 27–32). Обратите внимание: действительно, у Господа есть пища, которой не знают люди, живущие только земными

интересами. *Посему ученики говорили между собою: разве кто принес Ему есть?* (Ин. 4, 33). Ученики, как люди простые (вы знаете, что большинство из них были рыбаками), часто воспринимали слова Спасителя слишком буквально. И Его намеков, того глубокого значения, которое содержалось в Его словах, не понимали. Так же произошло и сейчас: ученики спросили: *Разве кто принес Ему есть?* зная, что, когда они пошли в город покупать пищу, у Иисуса ничего не было. *Иисус говорит им: Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его* (Ин. 4, 33–34), то есть исполнять волю Божию, сподобляясь за это действия Божественной благодати. Тем самым Господь наш Иисус Христос поставил Себя в пример всем нам. Конечно, нельзя сказать, что Он получал благодать, потому что Он Сам есть источник благодати, но можно выразиться более тонко, по-богословски: человеческая природа в нас или в Господе Иисусе Христе, наполняясь благодатью Божества, теряет свои естественные потребности, они словно исчезают. Благодать Божия делает человека способным быть выше своего естества.

Есть два пути христианской жизни по отношению к посту: первый – это путь, показанный Господом Иисусом Христом, а второй – проповеданный жизнью величайшего из пророков, Иоанна Крестителя. Вот как об этом сказал Сам Господь: *Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее* (Мф. 11, 18–19). Итак, есть два пути: снисходительный, состоящий более в заботе о спасении ближнего, и подвижнический, строгий, предлагающий как одно из средств спасения строжайший пост. Однако нельзя сказать об этих двух способах, что один больше приличествует монашествующим (то есть что подражают Иоанну Крестителю только монашествующие), а другой более подходит мирянам (потому что Господь Иисус Христос жил посреди мира). Мы видим, что и в монашеской среде существует разное отношение к подвигу поста. В наше время, когда душевная и телесная

немощи в человеке становятся более глубокими, мы почти не имеем возможности прибегнуть к такому строгому посту, какого придерживался Иоанн Креститель, или уподобиться подвижникам, которые не то что обыкновенную пищу ели в скудости, но иногда даже питались землей, как преподобный Марк Фраческий. И потому нам больше подходит тот образ пощения, какой показал нам Сам Господь Иисус Христос: Он вкушал ту пищу, которую Ему предлагали; когда же не имел пищи, то не заботился о ней и всегда предпочитал духовное телесному. Можно привести и несколько примеров того, как Господь Иисус Христос всегда вкушал пищу с людьми, которые Его приглашали, ради того чтобы на совместной трапезе проповедовать им и через Свое снисхождение, любовь к ним привлечь их к вечному спасению, привлечь их к вере в Себя.

Из приведенных примеров некоторые могут сделать неправильный вывод: будто бы Господь учил нас равнодушному отношению к посту и будто бы пост никакого значения не имеет. Но такое заключение опровергает, во-первых, сам невероятный, нечеловеческий подвиг Спасителя, совершенный Им перед выходом на проповедь (как мы уже говорили, сорок дней и сорок ночей Он не только не вкушал никакой пищи, но и не пил воды), и, во-вторых, Его учение о том, что пост имеет в определенное время очень большое значение. Тогда приходят к Нему ученики Иоанновы и говорят: *почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся? И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься. И никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небеленой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое (Мф. 9, 14–17).* Обратите внимание на слова Господа: *Могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься.* Эти слова, сказанные по

отношению к апостолам, которые, пребывая с Господом Иисусом Христом и наслаждаясь общением с Ним, не постились, в духовном смысле относятся ко всем православным христианам. И Святая Православная Церковь именно по этому принципу учредила посты и праздники. В день совершения какого-либо праздника, особенно великого, бывает либо полное разрешение поста, либо его ослабление, а после самых великих – Пасхи и Рождества – следуют сплошные седмицы. Когда мы с Господом, когда мы чувствуем, что Божия благодать приближает нас к Нему, и мы через созерцание тех или иных событий Его жизни как бы пребываем вместе с Ним, тогда *не могут поститься сыны чертога брачного*. То есть когда в нашем сердце происходит духовный пир, тогда и в телесном отношении Церковь снисходит к нашей человеческой немощи. В дни же подвига покаяния (особенно это видно в Великий пост) отнимается у нас Жених, мы плачем о своих грехах, плачем о потере благодати, и теперь уже нам естественно и законно поститься. Так премудро и разумно, именно по Евангелию, по заповедям Господа Иисуса Христа, устроен весь год, упорядочена вся жизнь христианина, в том числе и его отношение к пище.

Кроме того, нужно обратить внимание и на другой важный момент в отношении поста. Мы не можем поститься, если не будем относиться к посту правильно, если у нас не будет еще и других добродетелей, как говорит Господь в приведенной нами выше цитате: *Никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже*. Господом Иисусом Христом приведен житейский пример, понятный всем людям, в особенности женщинам, занимающимся обычно домашним хозяйством. Представьте себе: новую ткань пришили к старой одежде. Эта крепкая заплатка еще больше стянет на себя край старой ткани и раздерет ветхую одежду. Так же и пост: если настоящий христианский пост (а мы знаем, что некоторые подвижники постились чрезвычайно строго) будет представлять собою единственную добродетель, тогда как вся остальная «риза» нашей жизни будет ветхой, гнилой, то он принесет только

вред. Для неопытных людей пост часто является поводом для гордости, самомнения и прелести. Человек, ничего особенного не совершая, а просто очень мало принимая пищи, предполагает, что делает нечто великое и особенным образом угождает Богу. Когда в человеке действует ложная ревность, он, как правило, ищет строгого поста: ему кажется, что именно этого ему и не хватает. Однако сам по себе пост человеку ничего не дает, он должен быть соединен с остальными добродетелями, прежде всего духовными – молитвой, трезвением, смирением, покаянием.

Далее Спаситель сравнивает добродетель поста с молодым вином, которое обычно сразу после изготовления еще некоторое время бродит и потому, находясь в каком-либо сосуде, может его разорвать. В древности вино хранили в так называемых мехах, своего рода мешках, сделанных из кожи животных. И если добродетель поста поместить в ветхие, уже использованные *мехи*, то, когда она начнет «бродить» (то есть возникнут какие-то непредвиденные, неучтенные моменты, часто бывающие в жизни человека, который берет на себя непосильную ношу), *мехи* прорвутся и душа человека может погибнуть. Таким образом, и пост пропадет, то есть ничего нам не даст, и душа человека потерпит сильнейший вред, – будет как бы разорвана подобно мехам. Поэтому надо сначала подготовиться: обновить свою душу, взойти на некоторую духовную высоту, а потом уже брать на себя строгий подвиг.

Если подвести итог этого краткого, основанного на Евангелии рассуждения о том, как человек должен правильно относиться к пище, то можно сделать следующие выводы: с одной стороны, нет ничего греховного в том, что человек имеет к ней естественное влечение, а с другой – никогда не нужно ставить это влечение выше духовных интересов, духовной пользы. Прежде всего необходимо заботиться о душе и понимать, что и сама пища, и вообще вся наша жизнь, и тем более жизнь вечная, бессмертная, зависят от исполнения нами воли Божией, а не от того, что мы сами заботимся и суедемся, чтобы добыть себе хлеб насущный. И еще нужно, чтобы пост был разумно соотнесен с духовным

преуспеянием человека: он не должен быть строже, чем человек готов понести в духовном смысле, но должен быть соразмерен его смирению, покаянию и внутреннему вниманию. Наконец, необходимо разумное чередование поста и некоего изобилия, послабления в пище. Все эти предписания есть в Евангелии. Поэтому, строго придерживаясь традиционного православного годового круга однодневных и многодневных постов, мы таким образом действительно исполняем Евангелие. Все учение святых отцов в отношении поста не является выдуманным, как бы добавленным к Евангелию – оно основывается на их собственном опыте исполнения евангельских заповедей и есть следствие их христианского подвига.

Так сложилось, что в прошлой беседе мы мало говорили о посте и больше внимания обращали на умное делание и те духовные добродетели, которые заключаются в этом обширном понятии. Однако нельзя совершенно пренебрегать правильным отношением к воздержанию и считать, что пост вообще ничего не значит. Тот, кто строго постится и пренебрегает молитвой, – надеется на себя, и тот, кто совсем не постится и уповает только на молитву, тоже надеется на себя. Поэтому нужно, во-первых, ориентироваться в этом отношении на церковный Устав, а во-вторых, каждый должен выработать для себя – конечно, под руководством более опытного человека – правильное отношение к пище: сколько он должен вкушать, когда и что ему можно, а когда и что нельзя. Такое разумное, взвешенное отношение как раз и явится признаком смирения. А если человек полностью пренебрегает постом и думает, что если он молится Иисусовой молитвой, то ему можно есть когда угодно, что угодно и сколько угодно, то он подвергает себя большой опасности. Некоторое время Господь терпит и снисходит к такому человеку, предавшемуся, откровенно сказать, чревоугодию, но потом благодать Божия отступает, потому что Господь видит его нераскаянность, и человек подвергается какой-либо сильнейшей брани – чаще всего, конечно, блудной, реже – гневу, лени. Эти три страсти так или иначе связаны с чревоугодием и с излишней, как выражаются святые отцы, дебелостью тела.

Исключение можно сделать только для больных людей, но и они должны в определенной степени воздерживаться в пище. Случается, что в каком-то отношении ты болен, а в том отношении, в каком тебе хотелось бы быть больным, ты бываешь очень даже здоров. В частности, святой Иоанн Лествичник говорит, что он видел людей, которые и в тяжелой болезни страдали от действия блудной страсти. Или у человека может быть астения, но если он разозлился, то начинает бегать по келии, махать руками, возбужденно говорить, – и куда только делись и утомление, и слабость, и сонливость! Все прошло. Поэтому и чрезмерное воздержание, и пренебрежение воздержанием, повторю, одинаково неразумны и являются признаками самонадеянности человека.

Можно сказать еще и о некоторых других моментах в отношении к пище. Когда больной, немощный человек вкушает пищу, даже немного, то его организм начинает с ней как бы «бороться». Все силы организма идут на переваривание съеденного, и человек даже чувствует некоторую слабость. Такое состояние не означает, что надо есть больше или, наоборот, что ты поел слишком много; это просто естественное следствие человеческой немощи. Человек крепкий, напротив, может долгое время воздерживаться от пищи, даже когда он чрезмерно строго постится, но организм потом все равно «сломается», и человек заболеет. Мы говорим сейчас о тех ошибках, которые бывают у больных и здоровых людей при неправильном отношении к еде. Поэтому, когда мы постимся, мы должны обращать внимание не на то, что с нами происходит в настоящий момент, но, так сказать, «смотреть в будущее». Пост сказывается и в хорошем, и в плохом смысле лишь спустя некоторое время. Один может несколько дней очень строго поститься, а потом слечь; другой, думая, что он чересчур много ест, поскольку после еды на него нападают слабость и сонливость, решит есть меньше, а через несколько дней тоже сляжет и вообще никак не сможет трудиться (хотя спустя некоторое время, когда организм справился бы с перевариванием пищи – а это тоже работа, – человек почувствовал бы обычный прилив сил). И тот, кто чересчур

строго постится, может, и не будет, как ему кажется, в тот момент, когда он поест чуть больше обычного, чувствовать благодати, но зато впоследствии он ощутит уверенное и равномерное присутствие сил и ревности к молитве. Нельзя допускать, чтобы сегодня человек пламенно молился, а завтра лежал чуть ли не в обморочном состоянии.

В отношении борьбы со страстями также можно сделать некоторые замечания. Если человек очень строго постится, ничего не ест несколько дней или неделю, то его, например, может оставить блудная страсть – просто потому, что ему сейчас не до нее: он, может быть, лежит и еле-еле языком шевелит или ходит по коридору, держась за стену, – какая уж тут блудная страсть? Зато на него нападет другая страсть – лень, уныние, и неизвестно еще, что хуже: или поневоле бодро молиться, к чему вынуждает борьба с нечистыми помыслами, или пребывать в таком состоянии, когда твоя мысль едва-едва, лениво ворочается и ты не способен ни на чем сосредоточиться. Да, блудная страсть тебя оставила – но ничего особенного, духовного здесь не произошло, просто слабость и все. Поэтому не нужно стремиться к быстрым успехам: «Ничего не буду есть три дня или неделю, и все у меня пройдет!» Эта страсть пройдет, но останутся другие, и еще неизвестно, что хуже и опаснее, в особенности если человеком овладеет гордость.

Я уже не говорю о том, что неразумный пост может быть поводом для нападения лукавого. Человеку, строго постившемуся в течение нескольких дней, недели или в течение Великого поста и ослабевшему до такой степени, что его как будто бы оставило всякое плотское влечение, даже всякие естественные движения в этом отношении, может казаться, что он приобрел полный покой, – и вдруг на него нападает диавол. Не просто от своего естества он чувствует некоторые нехорошие движения в теле, а уже диавол нападает. И самым противоестественным, самым невероятным образом человек с изможденной плотью может начать испытывать сильнейшую блудную страсть, не имея, однако, уже никаких сил противостоять ей молитвой, потому что стал не способен к ней

из-за слабости ума, из-за вялости телесной. Тот, кто пытается подобным способом победить свои плотские страсти, поступает нелепейшим и глупейшим образом. И не думайте, что глупость – такая уж извинительная вещь. Преподобный Максим Исповедник говорит, что есть четыре самых главных порока: глупость, трусость, распущенность и несправедливость, – и первым среди них он называет глупость. Соответственно самые главные добродетели – это мудрость, мужество, целомудрие и справедливость. Поэтому не нужно думать: «Бог не дал мне ума и потому мне можно делать все что угодно». Конечно, необходима не такая мудрость, чтобы, например, суметь защитить кандидатскую по экономике и работать в монастыре бухгалтером или сделать что-нибудь в таком же роде, – речь идет о глупости и мудрости в духовном отношении. Не всем дано иметь рассуждение, чтобы назидать других, но каждый должен иметь достаточно рассуждения для того, чтобы мудро управлять самим собой. Всякий заботится о том, чтобы, например, правильно надеть платок, и поэтому не надевает его так, чтобы затылок оголился, а лицо было закрыто, и очки не надевает так, как мартышка в басне Крылова, которая не знала, как их приладить, – все стараются выглядеть более или менее прилично. Так же и в духовном отношении: мы должны приобрести элементарный здравый смысл, чтобы «выглядеть прилично», а не совершать совсем уж дикие, безумные, смешные поступки. В частности это относится и к такой важной добродетели, как пост.

Разумное воздержание в пище необходимо всем. Нормы поста определяются, во-первых, уставом, который может быть или несколько ослаблен, или исполнен строго. Во-вторых, нужно учитывать здоровье и конкретные обстоятельства каждого человека. Но я думаю, что людей, которым совершенно не требуется воздержание в пище, почти нет (за исключением, может быть, тяжелобольных, чуть не умирающих). Например, по церковному Уставу, если женщина родила на Страстной седмице (вы понимаете, что это очень тяжело: большая потеря крови, ослабление сил), то ей разрешается вкушать вино и елей. И все, больше ничего: ни молока, ни рыбы, ни

мяса, а только вино и елей. Вот как строго церковный Устав относится к нарушению поста. А знаменитый комментатор церковных правил, Никодим, епископ Далматинско-Истрийский (сербский ученый конца XIX–начала XX века), высказывает мнение, что в Великий пост человек не имеет права вкушать мясо даже на смертном одре. Я, правда, отношусь к этому вопросу более мягко, но так к нему подходили святые отцы и ревнители православия. По церковным правилам, нарушение поста в среду, в пятницу и в Великий пост делает человека повинным: если этот человек священнослужитель, то следует извержение его из священного сана, если мирянин – отлучение от Церкви. Поэтому не будем считать, что пост – это нечто маловажное, но будем всегда всё делать разумно, предпочитать духовное телесному, не впадая, однако же, и в чрезмерную, ложную ревность. Так, держась золотой середины, с помощью воздержания будем совершать дело своего спасения, потому что пост есть основание добродетели (как справедливо говорит святитель Игнатий вслед за другими святыми отцами). Через нарушение поста человек пал и был изгнан из рая, и снова войти в рай он сможет не иначе, как только через соблюдение поста. Но, еще и еще раз подчеркиваю, все должно быть разумно и соответствовать евангельскому учению.

* * *

Вопрос. Охлаждение ревности у меня часто доходит до того, что не помогает ничего, кроме откровения помыслов. В это время и понуждать себя к молитве почти невозможно, и на книги смотреть не хочется, а старица все не зовет. Так и мучаешься до следующего откровения помыслов. Как с этим справиться?

Ответ. Тут можно впасть в крайность. Если бы некоторых сестер старица принимала чаще, то они бы вообще ничем больше не занимались в монастыре, кроме откровения помыслов: утром приходили бы и рассказывали их до вечера – с перерывом на завтрак, обед и ужин (от них же невозможно отказаться), а вечером шли бы спать. Нельзя доходить до такой нелепости. Конечно, откровение помыслов нужно, но у нас это

превращается в какую-то страсть: охота поговорить, рассказать, чтобы тебя пожалели. Никому не хочется напрягаться, что-то делать самому – пусть лучше другие за тебя всё сделают. На самом деле во время брани нужно учиться усиленно молиться, а не надеяться только на то, что старица разрешит все вопросы. И так каждый день. Старица учит еще и молиться, а вы не хотите: вы принимаете всё, кроме того, что является самым существенным.

Вопрос. На меня порой нападает столь сильная расслабленность, что трудно вести духовную жизнь. Например, нужно выполнять дневное или вечернее правило, приступаешь – и вдруг появляются срочные дела. Или иногда так хочется спать, что совсем не до душеполезного чтения – готова положить книгу под подушку и заснуть. Если поддашься этому, то после оказывается, что совесть омрачена, и унываешь. Если же нет подобных искушений, то молишься легко, читаешь с желанием и ревностью, но именно в тот момент, когда нападает уныние, не хочется трудиться в духовном делании. Как все же заставить себя выполнять положенное?

Ответ. Заставлять себя, и все! Не нужно поддаваться чувствам, которые кажутся нам исходящими из соображений здравого смысла, а приучить себя обязательно исполнять правило до конца: нравится или не нравится, хочется спать или нет, плохо себя чувствуешь или хорошо, внимательно ли молишься или рассеянно, но все должна выполнить. И постепенно от этого постоянства появится привычка все исполнять, а потом добросовестность перейдет и в качество: во внимание, ревность, покаяние и другие духовные чувства и ощущения, которые должны быть при молитве.

Вопрос. Я общалась с людьми, которые говорили, что нужно, если не причащаешься, уходить с литургии верных, – и уходила. От этого было смущение и пустота. Тогда я тайком от этих «руководителей» стала оставаться в храме. Это приносило утешение, и я была спокойна. Правильно ли я поступала?

Ответ. Правильно. Все равно на службе благодатно, в особенности на литургии, даже если и не причащаешься.

Конечно, лучше причащаться, но мало ли какие обстоятельства бывают. Когда я был совсем молодым и о молитве Иисусовой, может быть, только слышал, но не занимался ею, то время часто проводил праздно: много разговаривал, ходил по гостям и соответственно чувствовал сильное опустошение в душе; мне как будто чего-то не хватало. И я придумал себе такое занятие: по утрам ходить в церковь, что была недалеко от дома. Там людей по будням было мало, может, трое-пятеро человек стояли. Я становился за колонну, молился, пока литургия шла, и уходил. Я даже и молиться толком не умел, можно сказать, просто стоял и слушал. В голове кавардак, всякие мысли, суета, – я и половины не слышал, но когда уходил из церкви, все равно чувствовал, что на душе у меня как-то чище и легче, хотя это была самая обыкновенная приходская церковь, где служили обыкновенные священники, никакие не подвижники, и пели самым скромным образом. Нельзя так примитивно рассуждать: либо причащаться, либо уходить.

Вопрос. Когда одолевают помыслы уныния, то хотя и стараешься усиленно молиться, но все же сочувствуешь этим помыслам. Отчего это происходит?

Ответ. Страсть сильно действует, поэтому одновременно и молишься, и сочувствуешь помыслам. Так бывает не только с помыслами уныния, но и с любыми другими. Я уже говорил, что внимание наше как бы обольщается, притягивается каким-нибудь греховным помыслом: уныния, блуда или гнева, – и хотя мы противимся ему при помощи молитвы, но, однако же, и как бы озираемся на него. Если бы в нас было мужество решительно отвратить умственный взор от этого вожделения и устремить его в молитву, то, во-первых, отнятие внимания от помысла ослабило бы его и он бы зачах, а во-вторых, усиленная молитва, милость и благодать Божия, действующая через молитву, его бы в нас истребили. А поскольку мы услаждаемся помыслом и не хотим мужественно отвратить от него свой умственный взор, то получается, что мы одновременно и молимся, и оскверняемся грехом уныния или каким-либо другим.

Вопрос. Как лучше сохранить внимание и собранность, если по послушанию приходится суетиться перед службой и после нее?

Ответ. Конечно же, читать Иисусову молитву и не отвлекаться ни на что постороннее. Часто на послушании под предлогом необходимых занятий мы делаем то, что на самом деле не нужно: говорим что-то лишнее, поддаемся раздражению, осуждению или ропоту. Именно из-за этих грехов, а не из-за того, что мы исполняем послушание, и возникает рассеянность. Рассеянность – это состояние, при котором человек предается, но в малой степени, своим обычным страстям и отвлекается на многие соблазнительные помыслы одновременно. Таким образом, действует здесь та же самая страстность. Если мы будем стараться ничего кроме необходимого не делать и при этом молиться, то у нас не будет рассеянности и сохранится внимание. Я не говорю, что это легко, но если мы не будем понуждать себя, то никогда не достигнем правильного душевного состояния.

Вопрос. Я стараюсь выполнять послушание в киоске как можно лучше и в результате погружаюсь в многозаботливость, огорчаюсь и даже гневаюсь, что дело идет плохо. Что вы посоветуете?

Ответ. Конечно, мы должны старательно исполнять любое послушание, но при этом нужно и на волю Божию полагаться, а не думать, что только от нашего умишка, например, пойдет торговля. Люди гораздо более серьезными делами занимаются – и то Богу молятся и просят за них помолиться, чтобы дела шли успешно. Во-первых, нужно смиряться, укорять себя, например, так: сию, как торгующий в храме, меня надо гнать бичом, я такая-сякая, как мытарь на мытнице... А ты думаешь наоборот, будто ты что-то важное делаешь. Если будешь смиряться, то тебе будет легче. А во-вторых, нужно положиться, как я уже сказал, на волю Божию и думать: как Богу угодно, так пусть и будет. Конечно, мы стараемся, но лишь до какой-то степени, ведь все зависит не только от нас, а от того, как Господь устроит. Ты молись изо всех сил – и дело пойдет, и покупатели будут, и ты станешь думать: откуда столько

народу, ведь мы не успеваем, давайте быстрее товар подносите! Отец Андрей мне говорил так: «Молись – и тебе всё принесут: и пареное, и жареное». Так и есть. Нам, повторю еще раз, нужно смиряться, молиться и предаваться воле Божией. Надеяться не столько на свой разум, сколько на помощь Божию.

Вопрос. Святые отцы наставляют, что во время трапезы нужно думать о смерти. Подходит ли нам этот совет?

Ответ. Действительно, нужно понуждать себя думать о смерти – тому, у кого это получается. Вообще, память смерти – это великая добродетель. Святые отцы говорили, что она нам нужна как хлеб, но приобрести ее можно с большим трудом. Святитель Игнатий пишет, что память смерти приходит сама собой от молитвы Иисусовой. Если мы будем во время трапезы стараться молиться и вообще всегда будем усердно молиться, то к нам придут все добродетели: и терпение скорбей, и смирение, и память смертная. А если мы будем просто изобретать ее от своего ума, то она будет в лучшем случае непрочной или кажущейся, эфемерной.

Вопрос. В книгах по голоданию пишется, что оно очень хорошо влияет на ум, память и мышление. Полезно ли оно для духовной жизни?

Ответ. Я, конечно, в этом вопросе не разбираюсь, но слышал, что длительное голодание вредно. Вообще, голодание – это серьезное потрясение для организма, поэтому к нему надо относиться с большой осторожностью и если проводить, то только под наблюдением врачей-диетологов. Длительное голодание приводит к резкому похуданию, которое опасно для здоровья, а иногда и для жизни. Американские диетологи считают, что самым полезным является перемена время от времени мясной пищи, скоромной, как мы говорим, на растительную, то есть тот образ питания, которого православные христиане придерживаются уже давно. В наше время диетологи признают полезными кратковременные голодания. Но каким бы ни было голодание – многодневным или однодневным, – не думаю, что оно (или вообще какая-либо диета, употребляемая для оздоровления) приносит пользу в духовной жизни. Здоровье – это одно, а духовное состояние

человека – совсем другое. Все, что делается для здоровья, благотворно действует на тело, но то, что полезно телу, совсем не обязательно полезно и душе. Когда у человека избыток здоровья, он часто искушается, например, плотскими страстями. Больному человеку легче бороться с собой, поэтому христианский подвиг имеет в виду ослабление здоровья до некоторой степени, чтобы избавиться от избытка сил и таким образом уметь справляться со своим телом. Голодание же ставит своей целью возвращение полноты здоровья, и поэтому эти две вещи я считаю несовместимыми.

Голодание сильно отличается от поста. Пост – это духовный подвиг, для которого человеку нужны силы. Голодать в пост нельзя, иначе духовная составляющая поста исчезнет: человек будет так ослаблен, что не сможет, например, молиться.

Вопрос. Вы говорили, что человек, желающий идти путем юродивых, не понимает, что он делает. Почему?

Ответ. Тот, у кого есть такое желание, можно сказать, уже юродивый. Стремиться к этому просто глупо, это может привести человека к безумию и гибели. Юродство – подвиг, который предполагает в человеке всю совокупность добродетелей. Юродивый – и чрезвычайно строгий постник, и подвижник, и молитвенник, и человек, терпящий осмеяние, поэтому он должен иметь необыкновенное смирение. Это совокупность всех подвигов и, может быть, самый тяжелый из подвигов. На это нужно иметь особенное благословение Божие, а то сначала можно стать юродивым Христа ради, а потом просто юродивым, то есть безумным или, попросту говоря, сумасшедшим. Поэтому браться за такой высочайший подвиг немощному человеку, не находящему в себе сил исполнить даже обыкновенных вещей, конечно, нелепо. Иоанн Кущник, память которого мы сегодня празднуем, фактически был юродивым. Прожив некоторое время в монастыре, он достиг такого преуспевания, что взял на себя исключительный, особенно мучительный подвиг: скрывая родство с родителями, которые любили его и плакали о нем как о пропавшем, он стал жить неузнанным, в униженном состоянии в шалаше возле их

дома, таким образом изнуряя себя необыкновенным смирением. Благодаря этому подвигу он и сподобился великой благодати.

Вопрос. Я читала, что благодать сначала дается, а потом отнимается, и мы должны снова привлечь ее к себе. Всегда ли Господь отнимает ее с той целью, чтобы мы потрудились, или это происходит и как наказание?

Ответ. Бывает как наказание, бывает и окончательное лишение благодати за полную нераскаянность человека, бывает, что благодать оставляет и с некоей обучающей целью за какую-то невнимательность, нерадение или умственное прегрешение; человек становится более внимательным и строгим к себе – таким образом благодать учит его добродетели. Когда мы не молимся непрестанно, когда мы не чувствуем в душе своей никакой благодати, тогда очень трудно, почти невозможно подвизаться. Человек не имеет в себе никакого критерия, никакого осязаемого, явного мотива, чтобы бороться с собой и совершенствоваться. Он хоть нагрешит, хоть добро сделает, все равно у него в душе пусто. Поэтому он не чувствует потребности в совершении добродетели и не ощущает лишения благодати, если согрешает. Об учительном действии благодати особенно хорошо рассуждает Исихий Иерусалимский. Но это обучающее действие бывает, повторяю, именно тогда, когда человек занимается непрестанной молитвой, а иначе он просто не уследит за тем, что происходит в его душе. Некоторые люди имеют об этом настолько туманное представление, что, как говорит святитель Игнатий, принимают за благодать действие разных страстей, допустим тщеславия, гордости. Если они сделают что-нибудь хорошее, и в душе у них возникает оживление (а возникает оно потому, что они представляют, как их за это будут хвалить, как они прославятся), то им кажется, что это оживление и есть благодать, – настолько люди бывают неопытны. Человек, не занимающийся Иисусовой молитвой, ничего о своей внутренней жизни не знает и то, что читает у святых отцов, не понимает, – все это для него китайская грамота. Если он и пытается толковать, цитировать, объяснять какие-то святоотеческие изречения, то делает это произвольно и совершенно нелепо. Он

с таким же успехом мог бы пересказывать романы Достоевского или повести Марка Твена, и этот пересказ имел бы такое же отношение к святым отцам, как и его мнимое толкование, потому что он не имеет опыта общения с благодатью. А это внутренне переживаемое общение возможно только при упражнении в непрестанной молитве, при занятии умным делом; хотя даже и при нем не всегда, так как, к сожалению, бывают люди, занимающиеся нерадиво и Иисусовой молитвой.

Вопрос. Если плачешь, раскаиваешься после падения, совершенного делом или помыслом, как можно узнать, простил ли Бог мое падение, и как долго нужно молиться о помиловании?

Ответ. Если в душе человека водворился некоторый мир, значит, Господь простил этому человеку его согрешение. А полное прощение бывает тогда, когда человек в этот грех уже не впадает, – так рассуждают святые отцы. Допустим, человек постоянно побеждался чревоугодием. О прощении ему этого греха будет свидетельствовать то, что он больше им не побеждается, стал свободен от страсти или по крайней мере не совершает греха на деле. Так же можно сказать о других страстях, например о гневе.

Вопрос. Можно ли, когда я готова уже согрешить на деле, напоминать себе о том, что я сгнию, или думать о том, что могу попасть в ад? Или нужно только молиться и стараться не иметь никакого помысла?

Ответ. Святые отцы предлагают два способа борьбы со страстью: во-первых, бороться можно при помощи молитвы, а во-вторых – можно внушать себе добрые мысли, противоположные греховным. Допустим, хочется тебе поесть, а ты помышляешь о том, что сгниешь, или представляешь (извините за такую грубость, но это не я выдумал), во что эта пища скоро превратится. Может, и аппетит пропадет. Правда, есть люди, которым все равно, что думать и как думать, лишь бы есть и все. И вообще, страсть иногда так сильно действует, что добрая мысль не помогает, тут нужна только усиленная молитва.

Вопрос. Скажите немного о мужестве в молитве.

Ответ. Мужество состоит в том, чтобы сохранять стойкость, когда нападают демоны, а они нападают именно на человека усердно молящегося. Бесы внушают человеку разнообразные помыслы и уводят от молитвы: иногда смущают его нечистыми мыслями, чтобы отвлечь сладострастием от духовной, Божественной сладости, потом гневом, чтобы лишить его благодати, осуждением и прочим. Кроме того, необходимо мужество и в самом удержании внимания, потому что преодолеть собственное естество трудно, и нужно чрезвычайное усилие, чтобы постоянно понуждать себя к вниманию при молитве. А иногда бывает, что человек как бы переступает некоторую грань и испытывает страх просто от самого приближения к Богу – душа его будто сжимается, ему хочется прийти в прежнее спокойное, «аморфное» состояние, потому что новое положение слишком ко многому его обязывает. И человек отступает, не делает мужественный шаг вперед. Иногда демоны, когда человек приближается к возвышенному духовному состоянию, к внимательной молитве, начинают устрашать его, внушая, что он лишится рассудка и нечто подобное. Здесь также необходимо мужество.

Но, конечно, мужество при молитве должно соединяться с благоразумием, а не доходить до совершенного безрассудства, когда, например, человек при возникновении у него блудных помыслов по зависти бесовской, относится к ним совершенно беспечно. А иначе дело может дойти и до падения. Мужество, соединенное с благоразумием, требует от человека соответствующих мер по отношению к трудностям, которые у него возникают. В особенности же при сосредоточении: если мы будем вести себя неблагоразумно, то можем вместо настоящей, внимательной молитвы обрести прелесть или сумасшествие.

Вопрос. Почему часто не получается, несмотря на все усилия, увидеть самое начало помысла, то есть прилог?

Ответ. Потому что это, конечно же, дар Божий, хотя он и приходит через понуждение. То есть, с одной стороны, необходимо понуждение себя, а с другой – содействие благодати, тогда образуется своего рода благодатный навык и человек научается владеть собой и замечать помыслы.

Но даже если кто-либо, не заметив прилога, заметил уже помысел, когда поддался ему до некоторой степени, то ничто не мешает ему все-таки бороться с ним, отбросить его и победить, хотя это, может быть, и труднее. А чтобы замечать прилоги, нужен значительный опыт и некоторое преуспеяние.

Вопрос. Как вести себя в том случае, если наказывают несправедливо?

Ответ. Пусть даже тебя накажут и несправедливо, все равно, в конечном счете, правильно и для тебя полезно. Если бы ты искала пользы для своей души, то в том случае, когда тебя наказали правильно, ты не стала бы оправдываться, а когда наказали ошибочно, даже радовалась бы этому. Ведь Евангелие не учит нас справедливости, но учит нас смирению. А если будешь все время оправдываться, в результате ты же и потеряешь: останешься с пустой душой, ничего не приобретешь. Ну, будешь ты права – и что? А смиренный будет неправ, зато благодать Божию получит, и Господь будет с ним. Многие начинают оправдываться, справедливости искать, возмущаться, плакать и прочее. К чему все это? Нужно слушаться и, правильно наказывают или неправильно, смиряться. Можно искать справедливости только в том случае, когда неправильное замечание вредит делу, допустим пению на клиросе. Тогда нужно отстоять правду ради пользы дела, но ни в коем случае не делать этого ради своей защиты.

Вопрос. Существует мнение, что женщинам в алтаре находиться нельзя. Но известно, что, например, святитель Нектарий благословлял двух сестер монастыря выполнять обязанности его иподиаконов. И Серафим Саровский строго заповедовал сестрам, чтобы пономарскую должность исполняли только они сами. Значит, в каких-то случаях женщинам входить в алтарь все же можно?

Ответ. В женских монастырях действительно обычно пономарят сестры. Есть правило, которое говорит, что монахиням разрешается входить в алтарь, чтобы следить за чистотой и зажигать лампы. Запрещено же входить в алтарь не женщинам, а вообще всем мирянам, будь то женщина или мужчина. Однако сложился обычай, что мужчинам заходить все

же можно, хоть бы они были и непосвященные, а женщинам категорически нельзя, прежде всего потому, что у них бывают определенные физиологические состояния. Хотя в древности существовало служение диаконисс. Они прислуживали при совершении некоторых таинств, в особенности при крещении женщин. И рукополагали их возле престола: если священник рукополагается стоя на двух коленях, – это означает, что он имеет полноту благодати, диаконы на одном – в знак меньшей благодати, то диаконисса рукополагалась стоя на ногах, но тоже у престола. Правда, она не участвовала в совершении таинств и в богослужении так, как участвуют диаконы в литургии. Потом институт этот был отменен, но Великая княгиня Елизавета Федоровна пыталась его восстановить. Это пример того, что женщины могли входить в алтарь и что это не было категорически запрещено. Другое дело, что возраст диаконисс ограничивался сначала шестьюдесятью годами, потом возрастной ценз был снижен до сорока, а в более позднее время возникло правило, как я уже говорил, согласно которому в алтарь имеет право входить и монахиня.

О ревности к преуспеянию в молитве⁷⁶

Сегодня я хотел бы провести беседу о молитве, точнее о ревности к преуспеянию в ней. Мы часто этим пренебрегаем, а многие неопытные монашествующие безразличие к преуспеянию в молитве даже считают проявлением смирения.

Сначала я приведу два примера из Евангелия, повествующие о том, как молился наш Подвигоположник Господь Иисус Христос. Эти примеры в известном смысле контрастны: в одном из них рассказывается о необыкновенном явлении духовной силы, а в другом – об оскудении, обнищании Господа Иисуса Христа. Я привожу их для того, чтобы показать, что молиться усердно нужно не только во время духовного, благодатного утешения, но и во время так называемой сухости, оскудения благодати.

Первый пример – это молитва Господа Иисуса Христа на Фаворе. Обратимся к евангельскому тексту, повествующему о преображении Спасителя. *После сих слов, дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошел Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею. И вот, два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия (Лк. 9, 28–30).* Я хочу обратить ваше внимание на то, что чудо преображения, то есть явление ученикам Божественной славы, произошло с Господом Иисусом Христом во время молитвы. Сказано, что *вид лица Его изменился*. Молитва Спасителя была настолько напряженной и усиленной, что изменилась даже Его внешность. Другие евангелисты пишут о том, что *лицо Его светилось, как солнце* (см. Мф. 17, 2). Я думаю, что подробности, указанные евангелистами Лукой и Матфеем, не противоречат друг другу. Матфей говорит о явлении Божественного света, а Лука – о внутреннем напряжении, об усердной, упорной молитве, от которой выражение лица Спасителя изменилось настолько, что это стало очевидно для присутствовавших на Фаворе святых апостолов. Итак, молитва Господа Иисуса Христа на горе Фавор

является для нас образцом молитвы во время благодатного утешения.

Другой пример – молитва Спасителя в Гефсиманском саду. Для того чтобы лучше понять этот эпизод, нужно прочитать два евангельских повествования: от Матфея и от Луки. Подробности того и другого повествования дополняют друг друга и составляют полную, ясную картину того, что происходило и как Господь молился. *И, взяв с Собой Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты (Мф. 26, 37–39).* Мы знаем, что эта молитва не была услышана Богом Отцом и просьба Спасителя *да минует Меня чаша сия* не была исполнена. Такую молитву можно сопоставить с бесплодной молитвой, не приносящей утешения, – более того, усугубляющей скорбь своей безысходностью.

И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: та к ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна (Мф. 26, 40–41). Обратите внимание на слова Спасителя о необходимости понуждать себя, бодрствовать и молиться, более повиноваться духу, который по своей природе бодр, а немощью плоти пренебрегать. *Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя. И, придя, находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели. И, оставив их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово (Мф. 26, 42–44).* Как видим, Спаситель молился трижды. Усердие в молитве выражалось в многократном повторении просьбы, хотя Он и не получил того, что просил в Гефсиманском саду, то есть чаша страданий Его не миновала. Я привел вам два примера напряженной молитвы Спасителя: во время благодатного утешения (как мы могли бы сказать об этом в отношении самих

себя) и во время оскудения благодати, так называемой душевной сухости.

Об упорстве Спасителя в молитве евангелист Лука сообщает нам поразительную подробность. Матфей и Марк говорят о троекратной молитве и показывают одну сторону усердия, а Лука говорит о том, с какой напряженностью молился Спаситель. *Придя же на место, сказал им: молитесь, чтобы не впасть в искушение. И Сам отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился, говоря: Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет. Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его (Лк. 22, 40–43).* Обратите внимание на следующие за этим слова: *И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю (Лк. 22, 44).* Усердие Спасителя было столь великое, напряжение столь неимоверное, что все Его тело покрылось кровавым потом, об этом свидетельствуют и результаты исследований Туринской плащаницы. Тело Спасителя, снятое с креста, было облечено в плащаницу, на которой отпечатались следы всех Его страданий, начавшихся, можно сказать, еще в Гефсиманском саду. Капельки кровавого пота также оставили на плащанице свой след. Мельчайшие сосуды лопались, и через потовые железы капли крови выступали по всему телу, что говорит о чрезвычайном нервном напряжении, усилии, сопровождавших необыкновенную внутреннюю собранность. Это еще один, наиболее разительный пример усердия в молитве, совершаемой в то время, когда, казалось бы, надеяться не на что. Последовало не оставление молитвы, а еще большее понуждение себя.

Вы можете сказать, что нас нельзя сравнивать с Сыном Божиим. Единосущный Отцу и Духу Святому, Сын Божий ни в какой молитве, конечно, не нуждался, но молился Он как человек, и Его напряжение тоже было человеческим. Пот был настолько обильным, что не просто покрывал тело Спасителя, но, как говорится в Евангелии, *был пот Его, как капли крови, падающие на землю.* И нам необходимо иметь такое же усердие в молитве. Об этом прекрасно рассуждает преподобный Исаак

Сирин. В Ветхом Завете Адаму было заповедано, чтобы он *в поте лица ел хлеб свой* (см. Быт. 3, 19), то есть тяжким трудом добывал себе пропитание, а в Новом Завете пот трудовой заменяется потом молитвенным. С тех пор человек призван добывать хлеб духовный, то есть благодать Божию, потом, проливаемым во время молитвы. Конечно, это не значит, что человек обязательно должен молиться до пота. Впрочем, известно, что при очень напряженной молитве, при действии благодати бывает, как описывают некоторые подвижники, обильное потоотделение. Совершая молитвенное правило с многочисленными земными или поясными поклонами, человек также покрывается потом. Однако суть состоит в том, что нужно трудиться для приобретения духовного хлеба, насыщающего нашу душу и утоляющего духовный голод, а не в том, что человек должен обязательно покрываться потом от поклонов или от усердной, внимательной, благодатной молитвы.

Многие монашествующие считают, что достаточно совершать положенное правило. Это неплохо, если в человеке есть ревность делать правило. Если во время правила мы боремся за внимание, понуждаем себя к вниманию, тогда это является тем подвигом, который более всего доставляет нам преуспевание в молитве. Если же у нас нет такого понуждения, какое было у Спасителя и на Фаворе, и в Гефсиманском саду, то есть и во время утешения, и во время сухости, мы ничего не приобретаем. Мы не подражаем Господу в молитве, а формально исполняем правило. И пусть даже оно будет состоять не из молитвы Иисусовой, а молитвы мытаря: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18, 13), покаяния при этом не будет. Человек станет превозноситься тем, что исполняет большое правило. Неважно, состоит оно из какого-либо канона, молитвословий, псалмопения или Иисусовой молитвы. Необходимо напряжение, крайнее понуждение себя.

Некоторые мнимо смиренные, безразличные к преуспеванию в молитве люди могут сказать, что от них ничего не зависит, главное – трудиться, а Господь подаст благодать, если захочет. А если Он не подает, то поделать ничего нельзя. Однако это всего лишь оправдание, которое не имеет никакого основания.

В Нагорной проповеди есть такое поучение Господа: *И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6, 5–6). По мнению некоторых толкователей, выражение *вниди в клеть твою*, или *войди в комнату твою*, обозначает вхождение внутрь себя. Для того чтобы войти внутрь себя, необходимо усиленное самопонижение. И там, в клетке своей, то есть в душе, в сердце, человек должен сотворить молитву. Тайная молитва (тайная не в смысле внешнего уединения, а в глубоком духовном смысле) должна принести плод, потому что, пребывая *втайне*, в сердце, мы становимся видимыми для Бога. *Помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно*. Явная, внешняя молитва Богу как бы не видна (можно так сказать для понятности), а тайная – видна. Такая молитва бывает услышана Богом. Когда же мы молимся явно, то есть только внешне, рассеянно, тогда Он не видит нас и не воздает нам.

Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. Если мы совершаем молитву нетщеславно, входим внутрь себя, то мы должны получить явное воздаяние. Явное, конечно, не для других людей, но для нас самих, то есть осязаемое, реальное, а не мнимое, которое состоит в том, что мы надеемся получить награду в будущей жизни, хотя сейчас ничего не ощущаем. Господь наш Иисус Христос словно говорит нам: «Если ты правильно молишься, значит, должен явственно ощущать плоды молитв». Если же их нет, значит, мы молимся неправильно.

Некоторые думают, что если они в течение дня стараются непрестанно повторять молитву (неважно, внимательно или невнимательно, усердно или нет), присутствовать на келейном правиле и вычитывать положенное количество четок, то свой долг они исполняют и больше от них ничего не требуется. (Я говорю сейчас о тех людях, которые имеют представление о

непрестанной молитве, стараются сохранять ее в течение дня, аккуратно исполняют правило.) Однако такое безразличие, самоуспокоение не соответствует духу Евангелия. Все православные христиане, тем более монашествующие, должны жить по Евангелию. Учение о молитве – это также заповедь Спасителя. Можно даже сказать, что многие заповеди относятся к учению о молитве. Мы обязаны исполнять их так же, как и прочие заповеди: не смотреть с вожделением на лиц противоположного пола, не гневаться и так далее. Если мы пренебрегаем ими, значит, являемся наглыми, дерзкими нарушителями Евангелия. Повторю: мы должны чувствовать плод от молитвы. Если мы его не чувствуем, значит, нужно пересмотреть свое отношение к молитве, понять, в чем мы ошибаемся, исправиться и взяться за молитвенный труд, чтобы *в поте лица своего*, проливая, так сказать, духовный *пот*, приобрести духовный *хлеб*. В Евангелии от Иоанна, в прощальной беседе Господа с учениками, есть слова о том, что в молитве нужно обязательно ощущать духовный плод. Здесь не говорится напрямую о молитве, но всякому человеку, пусть даже немного понимающему Евангелие, ясно, что речь идет о единении с Господом, и не только о единении в таинствах, но и о духовном, умном единении, то есть о молитве.

Вот эти слова: *Аз есмь лоза, вы же рождие: и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже (Ин. 15, 5)*. Если мы действительно пребываем в Господе и пытаемся умом соединиться с Господом Иисусом Христом через сладчайшее Его имя в непрестанной Иисусовой молитве, то, безусловно, должны принести много плода, то есть мы должны ощущать в своей душе плодоношение. Пусть этот плод пока мал и другие его не видят, но мы сами должны что-то ощущать. Если этого нет, значит, мы пребываем вне Господа. *Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают. Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам (Ин. 15, 6–7)*. Здесь ясно говорится о молитве. Приводится различие между пребыванием умом в

молитве (если пребудете во Мне) и пребыванием в заповедях (слова Мои в вас пребудут). Итак, если мы чувствуем, что никакого плода не приносим, значит, мы должны ужаснуться, потому что тогда, по словам Спасителя, мы *извергнемся вон, как розга, и иссохнем*. Человек, привыкший к состоянию сухости в душе, которое святые отцы называют окамененным нечувствием, никаких изменений в себе не ощущает. Он подобен сухой ветви, через которую уже не поступает живительная влага, дающая возможность виноградной лозе плодоносить.

Рассмотрим две притчи Господа Иисуса Христа о непрестанной молитве. Как я уже говорил, для нас усердие к молитве выражается в частом, непрестанном произнесении молитвы Иисусовой и в чрезвычайном, крайнем понуждении себя к вниманию. *Сказал также им притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать (Лк. 18,1)*. Обратите внимание – *не унывать*, или по-славянски: *не стужати си*. Это сказано для того, чтобы мы не унывали, не оставляли молитву, не ослабевали в ней, если чувствуем, что не сразу получаем необходимое, но творили ее с усердием и многократно. *В одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне. И сказал Господь: слышите, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? сказываю вам, что подаст им защиту вскоре. Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18, 2–8)*. Я думаю, что это сказано об оскудении в последние времена людей, имеющих веру непрестанно молиться, докучать Господу. Видимо, их почти не останется, потому что непрестанная молитва – это дело искренней, полной веры. Человек верит, что Господь ему обязательно поможет, и поэтому он не устает молиться, как бы долго это ни продолжалось, как бы трудно это

ни было. Усердие в молитве имеет две стороны: внимание и непрерывность. Эти вещи взаимосвязаны. В этой притче говорится о непрерывности молитвы. Кто этот судья, который Бога не боялся и людей не стыдился? Под ним подразумевается Сам Бог, поскольку Он делает то, что считает нужным. Кроме того, когда мы докучаем Ему своей молитвой, просим защиты от страстей, Господь иногда также представляется нам несправедливым Судьей, на Которого, так сказать, никак нельзя подействовать: Он ни от кого не зависит, нельзя Его умолить или повлиять на Него. Это болезненное ощущение «несправедливости» Бога по отношению к нам изображено Господом Иисусом Христом в этой притче.

Вернемся к евангельской притче. *В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего.* Под вдовой изображается наша душа. В древности вдовы были беззащитны, их каждый мог обидеть, и у них не было никакой возможности отстоять свои интересы. Наша душа так же беззащитна. Кроме того, под вдовством нашей души можно подразумевать и то, что она не состоит в браке, то есть лишена благодати, поэтому нашими душевными свойствами равно являются и одиночество, и беззащитность. Под соперником нужно понимать либо грех, либо самого дьявола, того, который вводит нас в грех, угнетает, поработачивает себе. Господь нас не защищает, хотя мы многократно приходим к Нему, молимся. Однако если даже этот несправедливый приточный судья, который не боится ни Бога, ни людей, все же сжалился над вдовицей, желая избавиться от ее посещений, просьб, вынес справедливый приговор и защитил ее, то тем более Бог должен защитить *избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь*. Обратите внимание на то, что здесь уже ясно сказано о непрерывной молитве: *вопиющих к Нему день и ночь*. Так мы и должны молиться. Избранный есть тот, кто день и ночь вопиет к Богу. Он будет защищен и спасен Богом от соперника, то есть дьявола, желающего его погубить.

Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре, – говорит Спаситель. Нам кажется, что Бог медлит защищать нас, но по сравнению с вечностью и нашим малым усердием, это – скорая

защита. Если человек не поддастся, перетерпит это мнимое промедление, будет уповать на Бога и молиться, несмотря на невыносимые душевные скорби (иногда человеку кажется, что он уже на грани падения, отчаяния, что грех его вот-вот победит), тогда этому терпеливому молитвеннику *вскоре* подается *защита* от Бога. Но много ли таких людей, которые имеют веру в то, что нужно усердно, непрестанно молиться даже в период самой тяжелой душевной скорби и что Господь их не оставит и в конце концов поможет? Как правило, мы некоторое время молимся, потом впадаем в нерадение и начинаем относиться к молитве Иисусовой в лучшем случае как к обязанности. Это значит, что мы теряем веру в то, что Господь нам обязательно поможет, как бы долго и тяжело ни проходила наша борьба.

Разберем еще одно поучение Господа Иисуса Христа о молитве, преподанное ученикам по их просьбе. Можно сказать, здесь целое учение о молитве: *И сказал им: положим, что кто-нибудь из вас, имея друга, придёт к нему в полночь и скажет ему: друг! дай мне займы три хлеба, ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему; а тот изнутри скажет ему в ответ: не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе. Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит (Лк. 11, 5–8).* Обычно эту притчу понимают как поучение о непрестанной молитве, но мне кажется, что здесь речь идет именно о сохранении внимания, собранности при молитве. Человек не должен отступать, пока не получит просимое. Здесь говорится не о том, чтобы приходить многократно, как это делала евангельская вдовица, но о единичном обращении. Этот приточный персонаж стучал и, может быть, как это бывает в жизни, даже усиливал стук до тех пор, пока ему не отворили и не подали (точнее, были вынуждены подать) просимое. Хотя и время было неподходящее, и другу могло быть обидно, что его беспокоят ночью, но просящий неотступностью, усердием заставил исполнить свою просьбу. Здесь речь идет о внимании.

Приступив к молитве, мы не должны отступать от нее, даже если не получаем духовного плода, но должны усиленное молиться. Конечно, притча – это иносказание, и мы не можем в точности исполнить действия евангельского персонажа, но если мы будем придерживаться такого образа молитвы, то рано или поздно это принесет свой плод. В молитве должна быть как непрерывность, так и неотступность. Именно такая молитва должна быть у нас во время правила, потому что это время преуспевания, стяжания благодати, внутреннего перерождения. Никогда человек не преуспевает в молитве так, как во время правила. Конечно же, иногда благодать посещает человека внезапно, однако сейчас мы говорим о том, что бывает всегда, а не о каком-то редком явлении.

Далее Господь ясно говорит о том, как нам нужно молиться. *И Я скажу вам: проси те, и дано будет вам (Лк. 11, 9)*. Мы знаем, что просить нужно, ходим на правило, стараемся молиться в течение дня, а о том, что просимое должно быть нам дано, мы забываем. *Ищите, и найдете (Лк. 11, 9)*. Мы знаем, что нужно искать, молимся, но о том, что мы должны найти то, что ищем, мы также забываем, а именно это и является следствием правильной молитвы. *Стучите, и отворят вам (Лк. 11, 9)*. Мы стучим в дверь своего сердца, но не ждем, что эти двери отворятся, не ждем того, чтобы ум наш сошел во внутреннюю горницу и втайне помолился Богу. Нами овладевают безразличие, безысходность, уныние, и мы молимся не так, как заповедал нам Господь, а как подсказывает нам наша страсть – лень, или уныние. Духовная лень – это и есть уныние. Мы не хотим слышать слов Господа и потому не трудимся как положено. *Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят (Лк. 11, 10)*. Мы не желаем находить и не находим; нам никто не отворяет, потому что мы не ждем и не хотим этого. Мы оправдываем себя неопытностью, греховностью, неблагоприятными обстоятельствами, отсутствием опытных в молитве старцев, суетным времяпрепровождением. Но заповеди нужно исполнять везде и всюду, ничто не может нас извинить, если мы пренебрегаем Евангелием.

Какой из вас отец, когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень? (Лк. 11, 11). «Почему вы не просите? Если обыкновенный человек подаст хлеб своему ребенку, то неужели Я вам не подам?» – упрекает нас Спаситель. *Или, когда попросит рыбы, подаст ему змею вместо рыбы? Или, если попросит яйца, подаст ему скорпиона? (Лк. 11, 11–12).* Это же невозможная вещь! Родители любят своих детей, несмотря на то что те их часто огорчают, они всё им прощают, всегда стараются делать им добро, даже если дети на добро отвечают злом. *Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него,* – говорит Спаситель (Лк. 11, 13). Если даже люди, будучи злы, умеют делать добро своим детям, то тем более Бог дает Духа Святого, преуспевание в молитве тем, кто у Него просит. Однако наше усердие не выражается ни в непрестанности молитвы, ни в собранности ума – у нас нет ревности к тому, чтобы в течение дня непрестанно молиться, и в особенности к тому, чтобы преуспевать во внимании. Мы молимся по привычке, хотя Иисусова молитва, казалось бы, заставляет человека видеть свою невнимательность, свое неумение молиться, она как будто обличает человека, показывает его истинное духовное преуспевание и призывает к усилению молитв. Но мы этим пренебрегаем и пребываем в нерадении, извиняя себя глупыми вещами, вплоть до неуместного здесь смирения. В чем состоит смирение? Разве в том, чтобы не молиться? В чем выражается смирение человека, который не желает при молитве изо всех сил сосредоточиваться? В том, что он думает: «Я этого недостойн» или «Куда мне, грешнику, сосредоточиться»? Это абсурд. Тем не менее этот абсурд является для нас неким «догматом». Имея такое «смирение», противоречащее и учению Спасителя, и примерам Его молитвы, мы начинаем разными способами оправдывать свою холодность и, таким образом, закосневаем в нерадении, делая для себя исправление невозможным.

Как говорят святые отцы, молитва Иисусова может из са мого окаянного, падшего человека сделать пламенного

подвижника. Читая Евангелие, мы видим, что больше и легче калялись именно окаянные грешники. Вспомним блудницу, которая слезами умывала ноги Спасителя, вытирала их волосами, мазала миром, целовала. Грехи не помешали ей приблизиться к Господу и совершить этот подвиг, ради которого она получила прощение грехов. Ей сказано: *Прощаются тебе грехи* (Лк. 7, 48). Мытарь Закхей также был прощен за то, что желал приблизиться к Господу. А что значит «приблизиться к Господу»? Мы совершаем это в молитве. Мытарь и блудница сделали это телесно и духовно, а мы можем сделать это только духовно, но суть остается та же. Нам ничто не мешает приблизиться к Господу, Который, как известно, *пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9, 13). Почему же мы, прикрываясь нелепыми самооправданиями, отворачиваемся от усиленного подвига молитвы? Ведь без Господа мы, как Сам Он нам открыл, не можем сотворить ничего. Только пребывая в Господе и соединяясь с Ним умом, мы можем совершить что-либо духовное, нравственное.

К сожалению, я наблюдаю безразличие к тому, что считаю самым главным в духовной жизни, тем более в монашеской, – к непрестанной молитве, поэтому приходится говорить об элементарных вещах (кто-то утром хочет спать, кто-то не хочет выполнять порученную работу, считая, что вместо него ее должен сделать другой). Если бы вы молились, тогда об этих глупостях, об этих ничтожных вещах и говорить бы не пришлось.

Преподобный Иоанн Лествичник главу о молитве в своей знаменитой книге назвал так: «О матери добродетелей, священной и блаженной молитве». Действительно, от нее рождаются все добродетели, но из-за нашего холодного, даже ледяного отношения к этому духовному занятию, мы не только не получаем никаких плодов в других добродетелях, но и в самой молитве почти не преуспеваем. А прикрываемся мы, повторяюсь, нелепым «смирением»: мол, нам это не дано, мы грешные, живем в XXI веке, времена святых отцов прошли и поэтому нам невозможно преуспеть в молитве. А чем мы отличаемся от древних подвижников? Да, мы не можем подвизаться так же, как они, – не можем совершать телесных

подвигов, поститься, умерщвлять свою плоть, потому что у нас нет для этого физических сил. Однако в духовном отношении мы ничем не меньше их. У нас такая же душа, как и у них. Духовные добродетели – молитву, смирение, покаяние – мы тоже должны приобретать. Суть монашества не изменилась, и заключается она в умном делании.

Поэтому, братья, не будем всячески оправдывать себя, в особенности ложным смирением. Истинно смиренные люди собирают ум как бы невольно, и смирение рождает молитву независимо от человека. Некоторые даже удивляются тому, что в них действует молитва, которой они, как им кажется, недостойны и к достижению которой они как будто не прилагали никаких усилий. Но есть люди, которые считают, что от них ничего не зависит. А смирение, как они полагают, выражается в том, чтобы не сосредоточиваться, будто это процесс, на который мы не можем повлиять, подобный восходу и заходу солнца. Конечно, такой человек будет топтаться на месте не только десять лет, но и двадцать, и тридцать, и всю жизнь.

Есть книга «Непрестанно молитесь», в первой части которой рассказывается о двух русских подвижниках на Афоне. Один из них, ученик, занимался так называемым художественным деланием, то есть пытался сводить ум в сердце. Некоторые осуждали его за это, считая, что он прельщенный, но он, для того чтобы избежать этих упреков, отдал себя в подчинение одному знаменитому духовнику. А тот хотя и занимался Иисусовой молитвой, то есть аккуратно исполнял правило (на Афоне большое четочное правило), но умным деланием не занимался. Через некоторое время ученик, читая старцу отрывки из творений святых отцов, стал убеждать его в том, что необходимо заботиться о внимании, преуспейнии в Иисусовой молитве. (Это и есть умное делание. Неважно, что мы читаем: семь сотен Иисусовых молитв или три канона.) И тот за несколько лет перед смертью под влиянием своего ученика стал трудиться над вниманием в молитве. Старец стал усердствовать во внимании, стараться сосредоточиться, используя разные способы, в том числе искусственные, например соединение слов молитвы с сердцебиением. Вскоре

они отложили этот способ, как не святоотеческий, а вновь изобретенный, и стали соединять молитву с дыханием. И старец почувствовал некоторое преуспеяние, изменение в молитве, хотя и не достиг особенных высот, может быть, потому, что времени уже не было. Таково различие между аккуратным исполнением правила и умным деланием.

Мне бы хотелось, чтобы из этой беседы все братья сделали вывод о том, что забота о преуспеянии в молитве – это наше главное занятие, без которого и откровение помыслов, и послушание, и пребывание в монастыре превращается в фарисейство. Как сказал преподобный Серафим Саровский, монахи, которые не занимаются умным деланием, или Иисусовой молитвой, не монахи, а черные головешки. Если вы хотите быть истинными монахами, а не только называться ими, то имейте усердие к непрестанности молитвы, к собранности ума, и это весьма скоро принесет свои плоды, притом не только в молитве, но и в приобретении многих других добродетелей.

* * *

Вопрос. Батюшка, у меня часто бывает уныние, сухость в молитве в течение нескольких дней. Чего должен ожидать человек, когда он встает на молитву?

Ответ. Ожидать как раз ничего не нужно. Говоря об ожидании, я имел в виду цель, к которой мы должны стремиться. На примере молитвы Спасителя в Гефсиманском саду я хотел показать, что даже в неблагоприятных обстоятельствах мы должны понуждать себя к чрезвычайному сосредоточению, трудиться, образно говоря, до кровавого пота, то есть с крайним напряжением. Конечно, существует покаяние, есть и другие духовные ощущения, необязательно скорбные, иногда они бывают радостные. Но прежде всего мы должны искать в молитве внимания. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что во внимании и состоит ценность молитвы. Можно сказать, что внимание – это и есть плод. Внимания нужно искать и при благодатной молитве, когда мы ощущаем утешение, и при молитве бесплодной, сухой, когда мы как будто ничего не ощущаем. Если так делать, то изменение обязательно

последует: произойдет внутреннее преображение души человека, а сухость рано или поздно исчезнет. Ревностных подвижников Господь иногда испытывает долговременной сухостью. Это очень тяжелая брань, в особенности для тех, кто вначале сподобился благодатного озарения, а потом потерял его. Об этом рассказывает старец Силуан Афонский.

Вопрос. Святые отцы говорят, что при действии благодати молитва идет легко. Приводя пример того, как молился Спаситель в Гефсиманском саду, вы сказали о необходимости физического напряжения. Если нет действия благодати, то уместно ли для нас в буквальном смысле физическое напряжение?

Ответ. Это подходит не всем. Физическое напряжение может выражаться в более строгом пощении, долгом стоянии на молитве, поклонах. Однако все нужно делать осторожно, постоянно контролировать свое состояние, советоваться с духовником. Напряжение ума при внимательной молитве тоже телесное, ведь мы напрягаем мозг. При сосредоточении бывает даже напряжение в мышцах. Если человек сидит на низком стуле, у него напрягаются рамена, то есть плечи. Об этом говорят святые отцы.

Без физического напряжения обойтись нельзя, ведь человек состоит из души и тела. Занимаясь умным деланием, сосредоточиваясь в молитве, человек чувствует усталость, пусть даже он не делает поклонов, не стоит на коленях. От сильнейшего умственного напряжения может появиться утомление, может быть головная боль и так далее. Обо всем, что связано с молитвой, надо, как я уже сказал, советоваться с наставником. Кто-то может себе позволить больше, кто-то меньше. Духовник должен быть в курсе не только душевного, но и физического состояния каждого насельника монастыря, для того чтобы знать, что человеку доступно, а что нет.

Вопрос. На что больше обращать внимание в начале правила? Пытаюсь вкладывать ум в слова молитвы, но рассеиваюсь. Что делать, если не получается сохранять внимание при молитве?

Ответ. Нужно понуждать себя отсекал все помыслы. Когда молиться не получается, тогда себя и заставляю, ведь если все получается, то и заставлять себя не нужно. Знаменитое поучение о том, что при молитве нужно вмещать ум в слова молитвы, современному человеку иногда кажется неудобопонятным. Вмещать ум в слова молитвы – значит не иметь в уме никаких иных слов, мыслей, кроме молитвы. Как этого достигать? Отбрасывать все помыслы, которые мешают тебе молиться. Перебирая крупу, мы постепенно очищаем ее от всякого сора. То же самое мы делаем со своим умом, отмечаем все мысли, не только явно греховные, но и мнимо добрые. Постепенно наш ум сосредоточивается на словах молитвы. Пусть мы не достигли на правиле необыкновенного внимания, но мы трудимся над тем, чтобы наш ум был собранным. К концу правила собранность должна быть больше, чем в начале. Это признак того, что происходит что-то доброе.

Вопрос. Бывает, что сердечная молитва теряется и начинается молитва умная. Иногда в молитве появляется сухость, несмотря на то что еще недавно получалось молиться с соединением ума и сердца. Почему происходят такие перемены и как правильно к ним относиться?

Ответ. Все зависит от присутствия благодати. Приобретенный навык станет бесплодным и бесполезным, если благодать нас оставит, – то, что вчера получалось легко, сегодня не будет получаться совсем. Это всегда нужно иметь в виду и быть смиренным, помнить, что все от Бога. Благодать может оставить человека из-за разных грехов, в особенности из-за гордости, лени, и даже из-за таких, казалось бы, мелких прегрешений: проспал, объелся, на кого-то рассердился.

Когда мы встаем на молитву и чувствуем, что в нас нет того, что было вчера, или, может быть, даже час назад, тогда, конечно, нужно смириться и усердно трудиться. Не получается опускать ум в сердце, что, может быть, получалось вчера вечером, значит, будем собирать его в слова, будем молиться умом, отбрасывая все постороннее. Надо просто молиться как бы в пространство и вообще не думать о том, в каком месте сосредоточиваться. Не получается молиться умом, молись

устаи. Если ты на правиле, то можно беззвучно шевелить губами. Это также помогает.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) разделяет молитву устную и молитву гласную. Это разумное, тонкое разделение. Новоначальным нужно учитывать эти тонкости. Конечно, также помогают и четки. Будешь молиться с сокрушением сердечным, понуждением себя, и благодать вернется. Она может вернуться быстро, а может быть, придется потрудиться. Если вспомнишь грех, который лишил тебя благодати, то даже при мысленном раскаянии благодать может вернуться, в особенности когда откроешь эти помыслы духовнику на исповеди. Заповедь Спасителя о том, что Царство Небесное нудится, относится как раз к тем, у кого молиться не получается. Понуждение необходимо именно тогда, когда нет желания и все дается с трудом.

Вопрос. На правиле стараюсь как можно сильнее сосредоточиться, естественно, возникает усталость. Вы рассказывали, что ваш духовник говорил так: «У других есть правило во время правила, а у меня все время правило». Возможно ли всегда молиться так же напряженно, как на правиле?

Ответ. Он говорил не о том, что он молится всегда одинаково напряженно. Он противопоставлял свое отношение к молитве, которая должна быть непрестанной, такому представлению: человек прочитал положенное правило, допустим три канона, и потом вообще никак не молится. Речь идет не о том, чтобы молиться всегда одинаково внимательно и усердно, потому что это невозможно, а о том, что о молитве нужно всегда помнить. Мы не должны поступать так, как поступают люди, которые не имеют представления об Иисусовой молитве и которые, исполнив правило, молитву оставляют.

Вопрос. Обычно человек после внимательной, напряженной молитвы чувствует усталость. Бывает, наоборот, после того, как помолишься, появляются силы.

Ответ. Дело в том, что если человек во время молитвы почувствовал благодать, то, естественно, у него появляется

душевная бодрость, которая сообщается и телу. И наоборот, плохое душевное состояние, скажем уныние, сообщается телу – человек чувствует утомленность, вялость. Действительно, такая связь существует. Правда, бывает и такое, что чрезмерная телесная бодрость, так сказать, чрезмерное здоровье плохо влияет на душу. В таких случаях мы должны регулировать свое состояние при помощи подвигов.

Вопрос. Что означают слова отца Андрея: «У свободного все свободны»?

Ответ. Это означает, что смиренный человек никого не осуждает и ни к чему не понуждает. Он дает совет, но не заставляет исполнять. Отец Андрей находился именно в таком душевном состоянии. Если кто-то не исполнял его благословений, советов, он не огорчился, по крайней мере никого не понуждал. Однако такое состояние очень опасно для немощных людей, для духовных чад, потому что подвижник не понуждает их следовать своим разумным, мудрым советам, а оставляет свободными. Таким образом, может получиться, что человек, полагаящий, будто он находится в послушании, оказывается, живет по своей воле.

О правильном отношении к родственникам⁷⁷

Сегодняшнюю беседу я хотел бы провести о правильном, согласно Евангелию, отношении к родственникам. Говоря на эту тему, нельзя не коснуться и другой – евангельского учения об отречении от мира. Обратимся к тому моменту повествования, в котором Господь наш Иисус Христос обличает фарисеев в неправильном, нелюбовном отношении к своим родителям и попытаемся объяснить это поучение Спасителя, сравнивая с другими Его поучениями.

Потом же вопрошаху Его фарисее и книжницы: почто ученицы Твои не ходят по преданию старец, но неумовеными руками ядят хлеб? Он же отвещав рече им, яко добре пророчествова Исаия о вас лицемерех, якоже есть писано: сии людие устнами Мя чтут, сердце же их далече отстоит от Мене, всуе же чтут Мя, учаще учением, заповедем человеческим. Оставльше бо заповедь Божию, держите предания человеческая, крещения (то есть омовение. – Схиизум. А.) чваном и сткляницам, и ина подобна такова многа творите. И глаголаше им: добре отметаєте заповедь Божию, да предание ваше соблюдете. Моисей бо рече: чти отца твоего и мать твою; иже злословит отца или мать, смертию да умрет. Вы же глаголете: аще речет человек отцу или матери: корван, еже есть дар, иже аще пользовался еси от Мене; и не ктому оставляете его что сотворити отцу своему или матери своей, пресупающе слово Божие преданием вашим, еже предасте, и подобна такова многа творите (Мк. 7, 5–13).

Господь упрекает фарисеев в том, что ради предания человеческого они нарушают заповедь Божию, которая состоит в почитании родителей: и в отношении того, чтобы питать их, и в отношении того, чтобы почитать их как высших себя, и даже грозит смертью нарушителям закона. Фарисеи изобрели уловку: если человек пожертвует Богу то, что положено родителям, он освобождается от обязанности почитать отца и мать. Может быть, фарисеи преследовали корыстную цель отнять у родных

то, что потом будет служить для пропитания живущих при храме, а может быть, и не преследовали, но учение они толковали превратно.

Аще речет человек отцу или матери: корван, еже есть дар, иже аще пользовался еси от Мене... В чем здесь загадка? Почему обличение фарисеев не может иметь отношения к тем, кто ради Бога отрекается от мира и, в частности, от своих родителей? Как правило, те, кто жертвовали Богу положенное на содержание родителей, оставляли для себя необходимое и пользовались этим, а те, кто уходили от мира ради Господа, отрекались от всего своего имущества.

В ином месте Господь говорит: *Кто возненавидит свою душу в мире сем, тот сохранит ее в животе вечном* (см. Ин. 12, 25). Это поучение объясняется другим Его рассуждением: *Идяху же с Ним народи мнози; и обращься рече к ним: аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и мать, и жену и чад, и братию и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик* (Лк. 14, 25–26). Обратите внимание: Господь требует возненавидеть не только родителей, всех родственников, но и душу свою. Евангелие порицает того, кто пренебрегает родителями, любит свою душу и живет для себя; и восхваляет того, кто обнищал ради Бога и *возненавидел душу свою, служа Ему*.

И иже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик. Кто бо от вас, хотяй столп создати, не прежде ли сед разчет имение, аще имать, еже есть на совершение, да не, когда положит основание и не возможет совершити, вси видящии начнут ругатися ему, глаголюще, яко сей человек начат здати и не може совершити (Лк. 14, 27–30). Итак, тот, кто не может отречься от своих родных и возненавидеть их святой, чистой ненавистью, кто не *возненавидит душу свою* и не захочет нести своего креста, то есть терпеть скорби ради Господа и ради исполнения Его заповедей, подобен тому неразумному, который, заранее не рассчитав средств, пытается построить башню (столп). Таким образом, отречение от мира – одно из средств, позволяющих человеку исполнить заповеди, на деле послужить Господу, а не

только выразить ничем не подтвержденное желание. Человек, изображенный в притче, конечно же, будет подвергнут осмеянию, так как, начав строить, он пренебрег необходимыми вычислениями, то есть показал себя неразумным, легкомысленным. Хотя строящий башню и является символом возвышения над всем человечеством, но смысл этой притчи в другом: прежде чем приступать к строительству, мы должны тщательно все взвесить и просчитать, чтобы успешно завершить начатое.

Или кий царь идый ко иному царю снитися с ним на брань, не сед ли прежде совещаваает, аще силен есть срести с десятию тысящ грядущаго со двемадесятма тысящама нань? аще ли же ни, еще далече ему сущу, моление послав молитися о смирении. Тако убо всяк от вас, иже не отречется всего своего имени, не может быти Мой ученик (Лк. 14, 31–33). Таким образом, тот, кто идет на брань с дьяволом, силы которого намного превосходят наши, *не сед ли прежде совещаваает, аще силен есть срести с десятию тысящ грядущаго со двемадесятма тысящама нань?* Если бы он был хорошим полководцем, то подготовил бы свое войско; эта подготовка как раз и является образом разумной духовной расчетливости, которая поможет нам отречься от мира. Человек, которому есть что терять, постоянно, в любом деле оглядывается назад. А тот, кто сжег за собой все мосты, смело идет вперед. Откуда появилось выражение «сжечь мосты», я думаю, многим известно. Когда Юлий Цезарь – на тот момент проконсул, полководец – захотел захватить единоличную власть, он повел свое войско к Риму. Перед решительным сражением, переправившись через реку Рубикон, Цезарь сжег за собой все мосты, чтобы отрезать путь к отступлению. И воины, понимая, что они либо победят, либо погибнут, сражались необычайно мужественно. Значит, и великие полководцы понимали, что мужеством наделен человек ни к чему не привязанный, даже к своей жизни, который знает, что у него только один путь – вперед. Подобный образ Господь Иисус Христос использует в притче, сравнивая отречение от мира с

подготовкой войска к победоносной битве с превосходящим по силе противником.

Как понимать слова о том, что нужно возненавидеть отца и мать, жену и детей? Конечно же, не должно быть ненависти в собственном смысле слова. Ненависть – чувство неприличное для христианина. Христианин должен ненавидеть только грех. Христианин может ненавидеть демона, но вообще всякого человека, в том числе и родных, он ненавидеть не может. Под «ненавистью» подразумевается такое отношение ко всему земному (родителям, детям, дому, душе), которое обычно бывает у людей, испытывающих ненависть. У нас другие мотивы. Наоборот, мы движимы любовью к Богу. Но такое наше поведение со стороны воспринимается как ненависть. Евангелие говорит об этом конкретно и определенно: *Не мните, яко приидох воврещи мир на землю; не приидох воврещи мир, но меч, приидох бо разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку домашнии его* (Мф. 10, 34–36).

Что это значит? Нередко мы предполагаем, что, следуя евангельским заповедям, мы станем счастливы во всех отношениях, обретем не только внутренний мир, но также и мир в отношениях с другими людьми. Но Господь сказал о том, что мира между людьми быть не может, потому что, следуя за Ним, мы становимся врагами людям – не потому, что мы желаем им зла, а потому, что они не могут нас понять и поневоле становятся нашими противниками. Думая, что делают добро, они приносят нам вред. Вражда между людьми, принадлежащими земному миру, и людьми, стремящимися к Небу, настолько сильна, что разделение происходит даже внутри семьи, там, где, казалось бы, господствует природная любовь. *Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку домашние его.* Наши родные становятся нам врагами: желая нам «добра», то есть земного преуспевания, они препятствуют нашему спасению, мешают исполнять заповеди Божии.

Далее Господь говорит: *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10, 37)*. Любовь к родителям не запрещена, но она не должна быть больше любви к Богу. Если любовь к отцу и матери начинает мешать нам любить Бога, мы должны эту естественную любовь превратить как бы в ненависть. Еще раз говорю, ненависть не в смысле внутреннего чувства, а в смысле поведения, которое со стороны воспринимается так, как будто мы ненавидим своих родственников. В действительности же в нас действует истинная христианская любовь. *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин; и иже не приимет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин (Мф. 10, 37–38)*. Если мы всё-таки любим своих родных больше Господа (об этом нужно судить не по словам – все мы понимаем, что Господа должно любить больше всех, – а по тому, как мы себя ведем, по ощущениям сердца), тогда к нам относятся следующие слова Спасителя: *Обретый душу свою погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю (Мф. 10, 39)*. Привязанность к родственникам на самом деле есть любовь к своей душе. Ведь мы любим их не потому, что они какие-то особенные или, может быть, достойные люди, а потому, что они наши родственники. Нас окружают люди, которые ничем не хуже их, которые также достойны любви и помощи. Но от пристрастия мы направляем свое сострадание именно на родных по плоти, выделяя их из всех людей, пренебрегая всеми остальными. На самом деле в них мы любим себя – не желая терять родственников, мы таким образом не хотим *погубить* свою душу, не хотим лишиться тех земных пристрастий, которые в ней есть. Если мы *не возненавидим* свою душу в мире сем, то мы погубим ее. А *возненавидеть* свою душу в мире сем значит возненавидеть все земные связи ради небесного.

Господь Иисус Христос заповедал нам положить вражду между нами и нашими родными, отречься не только от земных родственников, но даже и в духовном отношении не считать кого-либо на земле достойным этого наименования. Не запрещается, конечно, называть своих родителей

«родителями»: отца – «отцом», мать – «матерью», духовных отца и мать – соответствующими именами. Однако называть не в прямом смысле слова, а как бы по образу: наш кровный отец, так же как и духовный, является лишь образом Отца Небесного, а собственно Отцом нашим является Единый Отец наш Небесный, то есть Бог. *Вы же не нарицайтесь учителя, един бо есть ваш Учитель – Христос, вси же вы братия есте. И отца не зовите себе на земли, един бо есть Отец ваш, Иже на небесех* (Мф. 23, 8–9). Не называйте своим отцом ни того, от которого вы произошли по плоти, ни того, от которого вы родились духовно, потому что настоящий Отец один – это Бог, Который является Творцом всего существующего и дает всякому человеку бытие (телесную и духовную жизнь) и благобытие, то есть будущую жизнь.

Ниже нарицайтесь наставницы, един бо есть Наставник ваш – Христос. Болий же в вас да будет вам слуга: иже бо вознесется, смирится, и смиряйся вознесется (Мф. 23, 10–12). Нельзя эти слова понимать так, как это делают сектанты, которые упрекают православных в том, что они называют священников отцами: «отец Николай», «отец Авраам». Это изречение Спасителя надо понимать в духовном смысле. Святитель Василий Великий говорит о том, что Небесный Отец является родоначальником, как бы образом всякого отцовства на земле. Мы знаем, что Господь наш Иисус Христос употреблял это слово по отношению к Богу, называя Его нашим Отцом. И единственная молитва, которую Он нам оставил, являющаяся образцом всех молитв, – это всем известная, чрезвычайно часто повторяемая молитва «Отче наш». В этой молитве мы обращаемся к Богу, называя Его даже не своим Отцом, а Отцом нашим, и этим самым не только усыновляемся Богу, но и всех людей называем своими братьями – по крайней мере всех верных, то есть всех православных христиан. *Отче наш, Иже еси на небесех*, то есть наш Отец – на Небесах; на земле у нас истинного отца нет – ни духовного, ни плотского. Конечно, до времени мы должны повиноваться родителям (разумеется, если они учат нас нравственным истинам), впоследствии – духовным руководителям. Но и те и другие

являются как бы только изображением Единого, истинного Отца и несут на себе отблеск этого Божественного Отечества; они являются нашими отцами лишь постольку, поскольку приводят нас к Отцу Небесному. Но если они препятствуют этому, сознательно или бессознательно, как это часто бывает с плотскими родителями, а иногда, к сожалению, и с духовными, то мы не должны им повиноваться. Они перестают быть для нас родителями. Мы стремимся к Единому Богу Отцу, Который пребывает не на земле, а на Небесах, мы отказываемся от всего земного: от дома, родителей, родственников. Многим кажется, что отказаться от жилища очень легко, но на самом деле человек, не имеющий дома, фактически лишен всего, даже родины, поскольку родиной для каждого человека является его жилище – в том или ином месте, городе или деревне. Само слово «родина» имеет общий корень со словом «родители», а слово «отечество» – со словом «отец». А христианин ради того, чтобы стать истинным чадом Божиим, ради того, чтобы по-настоящему, в действительности, а не номинально, не только на словах называть Бога своим Отцом, должен быть готовым отказаться от всего земного, будь то родственники, отечество, даже духовный отец, если, повторю, он станет препятствием на пути к Отцу Небесному.

В заключение хочу привести два примера, которые показывают отношение Господа нашего Иисуса Христа к Своей Матери. Эти примеры как бы уравнивают друг друга и объясняют, как мы должны относиться к своим близким.

Еще же Ему глаголющу к народом, се, Мати Его и братия Его стояху вне, ищуще глаголати Ему. Рече же некий Ему: се, Мати Твоя и братия Твоя вне стоят, хотяще глаголати Тебе. Он же отвещав рече ко глаголющему ему: кто есть мати Моя, и кто суть братия Моя? И простер руку Свою на ученики Своя, рече: се, мати Моя и братия Моя; иже бо аще сотворит волю Отца Моего, Иже есть на небесех, той брат Мой, и сестра, и мати Ми есть (Мф. 12, 46–50). Кажется, что Господь в тот момент отказался от Своей Матери, но это не так: она, может быть, в то время бессознательно препятствовала Ему совершать дело Его служения – проповедь. И Он Ей не

повиновался, сказав, что только тот является Ему родственником (братом, сестрой и даже матерью), кто исполняет волю Божию: *Иже бо аще сотворит волю Отца Моего*. Братом и сестрой потому, что вместе с Ним они усыновляются Богу Отцу и становятся по благодати сынами и дочерьми Божиими. А матерью в том смысле, что в душе человека, который исполняет волю Божию, появляется Господь Иисус Христос, как бы рождается внутри него самого.

Обратите внимание на следующие слова: *Иже бо аще сотворит волю Отца Моего, той брат Мой, и сестра, и мати Ми есть*. На тот момент Мать Божия, молча следовавшая за братьями Спасителя, тогда еще не понимавшими, Кто Он Такой, подверглась нареканию. Господь проявил в этом совершенную беспристрастность. Но впоследствии Пресвятая Богородица всегда исполняла волю Божию и была Храмом Небесным на земле; многие люди только от одного Ее созерцания обращались к вере или укреплялись в ней. Братья Спасителя, как, например, Иаков, брат Господень, или другие Его братья по Иосифу Обручнику, мнимому Его отцу, впоследствии были первыми и ревностнейшими служителями Господа. И таким образом, исполняя волю Божию, они становились Ему братьями не столько по крови, сколько по духу. Нельзя сказать, что, например, апостол Петр должен был отречься от апостола Андрея потому, что тот был его родным братом, а Иаков по той же причине от Иоанна, – все они были едиными по духу. Но в то же время апостолы Иаков и Иоанн оставили своего отца Зеведея в лодке с наемниками, когда он чинил сеть, и последовали за Господом, нимало не думая о том, что для отца будет тяжело и даже унизительно то, что родные дети оставили его с наемными работниками.

И другой пример, по видимости противоположный предыдущему. *Стояху же при кресте Иисусове Мати Его и сестра Матере Его Мария Клеопова и Мария Магдалина. Иисус же виде Мать и ученика стояща, егоже любляше, глагола Матери Своей: Жено, се, сын Твой. Потом глагола ученику: се, Мати твоя. И от того часа поят Ю ученик во своя си (Ин. 19, 25–27)*. Господь проявил заботу по

отношению к Своей Матери, потому что Она в этом нуждалась, потому что нужно было, чтобы кто-то Ее опекал и охранял Ее покой, а может быть, даже и утешал своим присутствием. Он поручил это Своему любимому ученику, апостолу Иоанну Богослову, который совершал это служение вплоть до славного Успения Божией Матери, даже не выходя на проповедь.

Противоречие этих двух приведенных мною примеров лишь видимое. Не нужно думать, что тогда Господь отказался от Своей Матери, а сейчас проявил любовь Божию, – Он велел заботиться о Ней потому, что Она была величайшей праведницей и Божией угодницей (поэтому она и стала Матерью Божией), а не потому, что она являлась Его Матерью как человека. И служение апостола Иоанна Богослова было не столько телесным, сколько духовным. Пребывая всегда возле Пресвятой Богородицы, он как бы прислуживал величайшей на земле Праведнице, одновременно он и сам научался от Нее – от Ее слов или только от созерцания Ее святой жизни. Таким образом, это вручение было со стороны Господа заботой не только о Матери, но и о Своем любимом ученике – апостоле Иоанне Богослове.

Угождая Богу, мы постоянно должны решать сложные вопросы. Нельзя раз и навсегда принять какое-то решение. Господь дал человеку разум, чтобы, по словам апостола Павла, мы *всё испытывали и доброго держались* (см. 1Фес. 5, 21). Мы должны рассуждать о том, как правильно угодить Богу в той или иной ситуации. Есть такое апостольское правило (его можно отнести ко всем православным христианам, хотя оно и касается только епископа): епископ имеет право определенным образом распоряжаться церковным имуществом в своей епархии. Церковное же имущество – в древности это особенно ясно осознавалось – было, как его называли, имуществом бедных, то есть оно использовалось для помощи неимущим. Епископ в известных пределах имел право пользоваться им и для содержания себя и своих клириков. Он мог потратить это имущество и на своих родственников, но не по причине родства, а только в том случае, если они нуждались в помощи так же, как и прочие бедные люди. Причем, нуждались в самых

необходимых вещах (пище, одежде), а не в улучшении условий жизни. Если же острой нужды не было, а епископ помогал родственникам, поскольку была такая возможность, то это считалось греховным. Такой епископ погрешал против апостольского правила. Этот пример может стать для нас «закваской» правильного отношения к нашим родственникам. Если они нуждаются в помощи так же, как и другие бедные люди, и есть возможность им помочь (об этом тоже еще нужно рассудить), тогда можно это сделать, конечно по благословению, а не по собственному произволению. Если же мы хотим всего лишь улучшить положение родных, то это уже будет грехом. Мы должны не сравнивать себя с кем-то другим, а думать о том, как сохранить чистой собственную совесть.

Приведу отрицательный пример. В некотором монастыре родственники помогают своим чадам материально, поскольку в обители о них не очень хорошо заботятся. И те, у чьих родных есть такая возможность, живут лучше, а те, у чьих родных такой возможности нет, вынуждены, как говорится, затянуть пояса. А у нас наоборот: многие думают, что если мама, папа, бабушка, дедушка, прабабушка, внуки, двоюродные, троюродные братья заболели, то монастырь должен всех лечить, а сестры – помогать. Это тоже неправильно. Можно, конечно, помочь действительно нуждающимся людям, не важно, являются ли они нашими родственниками или нет, например человек тяжело болен, и некому за ним ухаживать. А помогать только близким – это эгоизм. Наши сестры по монастырю часто бывают нам безразличны – мы не думаем о том, что с ними происходит. Заболел ли кто? Чем ему можно помочь? Однако именно наши братья и сестры во Христе должны быть нам гораздо ближе, чем наши кровные родственники. Мы должны ощущать по отношению к ним любовь, чувствовать наше с ними единство. В монастыре это особенно сильно должно проявляться, поскольку в обители для этого созданы все условия. Скажем, миряне приходят в церковь лишь в воскресные и праздничные дни, встречаются на несколько часов, а потом расходятся. Им, обремененным суетой, труднее осознать связь всех православных христиан в едином организме, Теле Христовом.

Для монашествующих же это гораздо проще, поскольку в монастыре все всё время вместе. Но если мы, монашествующие, этого не понимаем и предпочитаем наши телесные, земные связи духовным, то это говорит о нашей малоблагодатности: рождение от родителей переживается нами сильнее и является для нас более важным, чем рождение от Бога, от купели святого крещения.

Апостол Иоанн Богослов говорит: *Елицы же прияша Его* (то есть Господа Иисуса Христа. – *Схиизум. А.*), *даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его* (то есть в нашей власти быть чадами Божиими или пренебречь этим великим даром. – *Схиизум. А.*), *уже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася* (Ин. 1, 12–13). Иоанн Богослов подчеркивает, насколько выше наше рождение от Бога. Он как бы говорит: «Ну почему вы так привязаны к земному рождению, почему оно так важно для вас? Неужели рождение от Бога ниже, чем рождение от крови, от похоти плоти и хотения мужа?» Ведь оно нас до некоторой степени унижает. Рождение же от Бога нас возвышает, очищает и дает нам возможность быть чадами Божиими. Теоретически мы согласны с этими доводами, но в действительности все выглядит иначе: наши мысли, чувства, поступки говорят о том, что к рождению от Бога мы относимся как к чему-то второстепенному. Конечно, мы понимаем, что любовь к Богу должна быть выше всего, но в действительности ее в нас нет. Поэтому нам нужно научиться любить Бога и наших братьев и сестер во Христе по-настоящему. В нас же очень живо и сильно действует привязанность к нашим родственникам, мешая приобрести великую, всеобъемлющую любовь к Богу и всякому человеку. Мы подобны тому законнику, который все знает, но желает оправдаться. Когда он подошел к Спасителю и спросил: *Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?* (Лк. 10, 25), Спаситель ответил: *Закон читаешь? Как говорит Закон?* (см. Лк. 10, 26). Тогда законник сказал, что первая, наибольшая заповедь есть заповедь о любви к Богу, а вторая – подобная первой: о любви к ближнему. Спаситель сказал: *Вот знаешь*

это, и исполняй, и будешь жить (см. Лк. 10, 27–28). Законник же, как бы мы сейчас сказали, желая выкрутиться, спросил: *А кто мой ближний?* (Лк. 10, 29). И мы так же говорим. Каждый из нас знает, что надо любить Бога и ближнего, но если скажешь кому-нибудь об этом, он спросит: «А кто мой ближний? Папа – да, ближний, мама – ближняя, брат, сестра – ближние...» То же самое имел в виду и законник. Кто его ближний? Родственников он и так любит. Может быть, ему нужно любить своих соплеменников – евреев? Евреи очень сплоченный народ, всегда друг друга стараются выручить. А в нас нет любви даже к единоверцам, православным христианам, а есть одно только полное безразличие. Мы оправдываемся подобно этому законнику, который все знает, но задает лукавый вопрос: «Разве может быть моим ближним этот самарянин, который неправильно верит и неправильно живет? Я не могу его любить».

Если мы хотим приобрести истинную любовь к Богу, христианскую, а не земную любовь к человеку, хотим заменить любовь к нескольким людям на любовь ко всем людям (или по крайней мере к братьям и сестрам во Христе), тогда мы должны отказаться от меньшего ради большего. Никто не может любить Бога, если он не любит ближнего. И не может человек, имея любовь к Богу, не иметь любви к ближнему. Чувство, направленное горе , на Небеса (любовь к Богу) и направленное на человека (любовь к ближнему), – это одно и то же чувство. Любовь, направленная к Небесам, – это любовь к Первообразу, а любовь, направленная на землю, – любовь к образу, изображению. Мы любим Бога, а в человеке, если мы истинные христиане, – образ Божий, пренебрегая всеми его недостатками, этот образ искажающими. Тот же, кто стремится приобрести истинную любовь к Богу, но мнит при этом сохранить ущербную, частичную любовь к своим родственникам, не сможет совместить эти два исключаящих друг друга желания. Господь ясно сказал: «Кто любит родных своих больше Меня, тот Моим учеником быть не может». Об этом необходимо помнить. Важны даже не столько поступки, сколько наше внутреннее состояние. Мы должны внутри, в своем сердце иметь правильное ко всему

отношение. Бывает, что человек ничего сделать не может, а только ропщет, смущается, и уже это неправильное его внутреннее состояние, даже если внешне человек никак его не проявляет, служит препятствием для исполнения основополагающей заповеди о любви. Можно сказать, что вообще есть только одна заповедь – о любви. Тот, кто имеет любовь, будет любить и Бога, и ближнего – в зависимости от того, в каком он будет находиться положении: общаясь с Богом, он будет любить Его, общаясь с ближним – любить ближнего.

* * *

Вопрос. Почему убийство, блуд, отчаяние называют смертными грехами? На занятиях по богословию нам говорили, что смертный грех – это упорное противление воле Божией, непринятие истины. А если, например, верующий человек впал в искушение, согрешил, но после раскаялся, будет ли считаться такой грех смертным? Или для кающегося человека смертных грехов нет, поскольку ему все прощается?

Ответ. Смертный грех – это грех, который убивает душу человека; он лишает ее благодати, после чего наступает душевная смерть. Покаяние возможно после всякого греха, но это не значит, что мы можем грешить, поскольку потом всё равно покаемся. Это уже будет цинизмом и злонамеренностью, да и человек, который сознательно так себя ведет, конечно, не сможет совершить настоящее покаяние. Смертный грех, совершенный человеком, делает покаяние очень трудным, потому что покаяние – это действие благодати, а смертный грех лишает человека благодати, опустошает его.

Вопрос. В каких случаях родительское проклятие действует, а в каких случаях человек от него не зависит – в смысле духовной жизни прежде всего? На исповеди некоторые говорят о проклятии матери за невыполненное повеление или нанесенное оскорбление, обиду.

Ответ. Как-то отец Андрей благословил мне поехать на приход в глухую украинскую деревню, где меня должны были рукоположить, но прежде мне предстояло стать псаломщиком. Там был один батюшка, который все время меня проклинал на украинском языке. Он делал это через каждые пять минут: «А

шоб ты провалывся, шоб ты сказывся, а шоб тобі и тэ, и тэ...». Постоянно меня ругал. А ели мы с ним вместе. Однажды сидим, едим. Я спрашиваю: «Можно чеснок взять?» А он говорит: «Я – чеснок, и вин – чеснок, як та мавпа», «мавпа» – это значит «обезьяна». В общем, он меня упрекал и ругал без меры. Примерно месяц я там пробыл, приехал домой, как говорит Н., скромный-скромный – даже маме боялся полслова сказать. Потом постепенно стал отходить. Не знаю, приносили мне вред его проклятия (по-украински – «проклины»), или нет. Думаю, что нет. У него была такая манера речи: он их беззлобно говорил; хотя и не стеснялся в выражениях, но нецензурного ничего не говорил. А для смирения мне было полезно.

Поэтому я не знаю, действует проклятие или нет, но думаю, что если, например, несдержанная женщина из-за какой-то житейской неприятности проявила неадекватную реакцию – прокляла своего ребенка, то на человеке верующем это не должно сказаться. Проклятие может быть действительным только тогда, когда оно выражает материнское осуждение греха. Если же проклинают из-за того, что человек решил служить Богу и пошел в монастырь, над этим «проклятием» можно только посмеяться и пренебречь им. Сейчас в нашем монастыре родители подавляющего большинства сестер – верующие люди, но неужели те, чьи родители являются маловерующими или неверующими совсем, должны обращать внимание на то, что скажут их родители? Пусть говорят что хотят – подобное проклятие ничего не значит. Есть такое изречение в псалмах: *Прокленут ти и, и Ты благословиши* (Пс. 108, 28), и Спаситель говорит: *Благословляйте проклинающих вас* (Мф. 5, 44). Таким образом, мы не должны бояться проклятия, наоборот, должны отвечать добром на зло. Если люди проклинают нас несправедливо, с нами от этого ничего не случится, иначе Спаситель не сказал бы: *Благословляйте проклинающих вас*, а сказал бы что-нибудь другое, например: «Просите у них прощения, пока не простят вас и не снимут своего проклятия».

Вопрос. Батюшка, расскажите, пожалуйста, об учении Льва Толстого о непротивлении злу насиліем? Он согласен в этом вопросе с православием?

Ответ. Нет, он слишком буквально толковал Евангелие. При этом он отрицал самое важное – Божество Спасителя и хулил Его. Он рассортировал Евангелие, отделив в нем то, что, по его мнению, сказали апостолы, от того, что сказал Господь, и создал свое представление о Евангелии. То, что ему нравилось, он принимал: на зло нужно отвечать только добром. Но жизнь так устроена, что добрых людей иногда приходится защищать силой. Апостол Павел говорил: *Князья не даром меч носят, но для того, чтобы обуздывать безумных и людей невежества* (см. Рим. 13, 4). Значит, иногда требуется применение силы, иначе безумные и люди невежества беспрепятственно совершали бы беззакония, и в мире воцарился бы хаос. Порядок необходим. В этом смысле апостолы проявляли здравый подход, признавая государственную власть и государственные институты.

Вопрос. Батюшка, в каких случаях проклятие все же имеет духовное действие? Ведь в Писании есть такие слова: *Клятва матери разрушает дома* (см. Сир. 3, 9).

Ответ. Наверное, когда мать проклинает детей верующих, но нарушающих закон Божий. Приведу такой пример. Один еврей, обратившийся в православие, стал заслуженным протоиереем, очень хорошим священником. Он являлся православным миссионером и был знаком с отцом известного писателя и революционера Н. Чернышевского. Однажды он должен был ехать в Петербург. Отец Чернышевского сказал ему: «Если вы будете у моего сына, то передайте ему, что, если он не вернется домой, не будет ему моего родительского благословения». Этот человек выполнил просьбу: пришел к Чернышевскому, передал слова его отца, на что тот ответил: «А что мне проку с его благословения?» По-моему, речь шла даже не о благословении, а чуть ли не о проклятии. Он, видимо, уже начал заниматься революционной деятельностью, и отец это осуждал. Тогда священник стал цитировать ему из Талмуда, что нужно делать с непокорными детьми: сокрушать им зубы и так далее. А Чернышевский ему говорит: «Хорошенький же ваш Талмуд!» На этом их разговор закончился. Не знаю,

подействовало ли на него родительское проклятие. Думаю, что подействовало, потому что судьба у него была незавидная.

Вопрос. Насколько сильно можно углубляться во внутреннюю молитву, присутствуя на службе? Старица советует держаться середины с некоторым доминированием Иисусовой молитвы. Есть желание особенно углубиться в себя, так как во время молитвы у меня часто бывает сильная брань.

Ответ. Я думаю, нужно делать так, как сказали: держаться середины с некоторым доминированием Иисусовой молитвы. Если же настолько углубиться во внутреннюю молитву, что совсем ничего не слышать, зачем тогда присутствовать на службе? Кроме того, я думаю, что так погрузиться в молитву не получится – это иллюзия. Нужно и службу слушать, и Иисусову молитву читать.

Вопрос. Отречения в жизни монаха постоянны? Или есть некая граница, после перехода которой они уже не требуются?

Ответ. Святые отцы говорят о трех степенях отречения: сначала отрекаются от мира, затем от страстей, и в конце – от всего земного. Человек все время должен отрекаться от меньшего и стремиться к отречению от большего. Если же он успокоился, удовлетворился чем-то меньшим, значит, он не будет развиваться, не будет идти вперед. Апостол Павел пишет: *Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели (Флп. 3, 13–14)*. В этом смысле можно сказать, что отречения должны время от времени повторяться.

Вопрос. Как совместить любовь к ближнему со странничеством ради любви к Богу?

Ответ. Странничество предполагает беспристрастную любовь ко всякому человеку, когда подвижник ни к кому не привязан и готов в любой момент переменить обстоятельства своей жизни, если это будет необходимым для служения Богу. Но я думаю, что для нас, немощных, это все-таки очень высокая степень, потому что если сейчас мы рассуждаем о том, как правильно относиться к своим родственникам, то странничество предполагает уже совершенно чистое, правильное отношение вообще ко всему – беспристрастие. Мне кажется, любви к

ближнему это не противоречит. Если мы возьмем в качестве примера святых апостолов – совершенных христиан, то увидим, что они готовы были ради Господа претерпеть любые скорби и самым необыкновенным и различным образом меняли свою жизнь. Например, апостол Павел говорит, что он терпел всякие скорби – гонения, наготу, голод; привык быть и в довольстве, и в лишениях; *Был для всех всем, чтобы хотя некоторых приобрести* (см. 1Кор. 9, 22). В то же самое время любовь к ближнему в апостолах действовала необыкновенно сильно. Здесь нет никакого противоречия. Бывает, мы привязываемся к каким-то людям и ради этой привязанности, чем бы мы ее ни оправдывали, не хотим совершенствоваться, исполнять заповеди. Это неправильная, ограниченная любовь: привязанность, пристрастие. Она противоречит учению о странничестве, то есть о беспристрастии. Странничество нужно понимать не в том смысле, что человек обязан странствовать, а в том, что, где бы он ни находился, он не должен ценить ничего земного, думая только о духовном, небесном.

Вопрос. В последнее время я постоянно испытываю тревогу: думаю, что если вдруг нашего монастыря не станет, то что я буду делать, ведь у меня нет никаких родственников. Очень унываю оттого, что появляется чувство одиночества (оно появляется именно из-за того, что нет родственников по плоти). Надо, конечно же, полагаться на Бога, но не получается. Что вы посоветуете?

Ответ. Я думаю, что такие мысли неверны. Мы не должны так думать – это действие страха. Будет монастырь, не будет монастыря – на все воля Божия. Но если мы хоть чему-нибудь здесь научимся, будем стараться хоть что-то приобрести, это станет «закваской», которая позволит нам жить духовной жизнью везде. Мы никогда не забудем того, что здесь приобрели, это будет залогом нашего спасения, нашим духовным «стержнем».

Приведу в пример Глинскую пустынь, которая возобновила свою деятельность в 1942 году (особенно много братьев приходило после войны), а в 1961 году уже окончательно закрылась. Некоторые монахи, проведя в ней около десяти лет,

усвоили духовные традиции монастыря, отличавшие их всюду, где бы они потом ни оказывались. Отец Андрей, вспоминая Глинскую пустынь и те монастыри, где он жил после нее, всегда называл последние колхозами, – для отца Андрея колхоз был символом того места, где много работают, а толку мало.

Поэтому, если даже нам поневоле придется уйти из обители, мы должны будем помнить те уроки, которые здесь получили. Может, опять начнутся гонения и все монастыри закроют. Но я думаю, этого не произойдет – времена тяжких гонений прошли. В наше время они могут быть воздвигнуты только на отдельную личность, а гонения на Церковь вообще, я думаю, уже не возобновятся. Хотя люди сейчас так перепуганы, что никому уже не верят и чуть ли не каждый день ждут, что их начнут гнать. Некоторые без этого ожидания жить не могут: конечно, ни к каким гонениям они не готовы, но в состоянии такого стресса они чувствуют себя как рыба в воде. Им постоянно нужно и самим ходить перепуганными, и других пугать: «Скоро конец света – если не завтра, то послезавтра; уже родился антихрист – если не там, то здесь. Вчера, нет, сегодня или год назад». Так они ходят и «бредят»: один конец света «прошел», они новый назначают. Вроде и православные христиане, но по духу сектанты. Они всё время чего-то ждут. Но если на самом деле будут гонения, то все разбегутся по кустам – не так-то просто все это выдержать, как нам кажется.

Когда мы читаем про мучеников, то восхищаемся ими. А сколько было отрекшихся? Гораздо больше, чем мучеников. Из архивных документов НКВД, ставших для нас доступными в последние десятилетия, можно увидеть, что очень немногие вели себя достойно. Под угрозами, пытками, из-за побоев люди отрекались от Христа; если не отрекались, то друг друга предавали, порой даже люди знаменитые. А самые скромные неожиданно проявляли стойкость, например отец Иоанн (Кевролетин)⁷⁸. Он был обыкновенным иеромонахом, ничем не выделялся, но во время гонений и допросов повел себя очень твердо – имело все-таки значение то, что люди вели духовную жизнь. Именно те, кто жили духовной жизнью, проявили твердость.

Вопрос. Часто переживаю из-за своих родственников. Когда они испытывают какие-то скорби, хочется им помочь. Мне кажется, что с моей стороны жестоко оставаться безучастной.

Ответ. В миру очень много нуждающихся в человеческом участии – это не только наши родственники, но и люди совершенно незнакомые, которые ничем не хуже. То, что нам хочется помочь именно нашим родным, говорит не о том, что они особенно достойны помощи и действительно в ней нуждаются как терпящие скорби, а о том, что мы по-человечески их любим, имеем привязанность, пристрастие к этим людям. Желая им помочь, мы тем самым удовлетворяем собственное самолюбие, это, во-первых. Во-вторых, если мы начнем думать о тех людях (пусть даже и не о своих родственниках), которые нуждаются в нашей помощи, то будем вынуждены, оставив монашеский подвиг, вернуться в мир и стать, например, сестрами милосердия. Получается, любовь к ближнему, проявляющаяся в таком простом виде, для нас значит больше, чем любовь к Богу. Такое неправильное, примитивное понимание любви к ближнему, в сущности, перечеркивает смысл монашеского подвига. Так можно упрекнуть любого подвижника: вместо того чтобы «эгоистически спасти свою душу», достигать великих высот святости, молиться, как, например, это делал Арсений Великий (во время стояния на молитве он становился как бы огненным – настолько он был пронизан действием Божественной благодати), лучше бы он помогал каким-нибудь больным, прокаженным и тому подобное. Но Арсений Великий не только не помогал никаким больным, но, даже если к нему за наставлением приходили монахи, он редко когда отверзал уста, а чаще всего даже ничего им не говорил, поскольку ему было сказано Богом: «Бегай людей и спасешься». Поэтому те, кто посещал его, молча уходили со скорбью. Получается, что Арсений Великий, хотя и был образцом уединения, жил неправильно? Кому же нам тогда следовать? Если мы избрали уединенный образ жизни, считая его более удобным для своего спасения, значит, не должны сворачивать с этого пути. Допустим, кто-то из вас видит недостаток монастырской жизни в невозможности помогать ближним. Но помогать ближним очень

тяжело. Больной, например, может роптать: мы ему помогаем, а он нас ругает, и такое бывает. В результате мы можем прийти к такому образу жизни, который покажется нам легким. Как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Монашество существует издавна. Если брать во внимание не точку зрения Православной Церкви, согласно которой уже апостолы были монахами, а точку зрения церковных историков, более рационалистично оценивающих события, то получится, что монашество существует с IV столетия, то есть уже тысячу шестьсот или тысячу семьсот лет. В православии монашество существует тысячу семьсот лет, являясь образом жизни, который Церковь не только одобряет, но и рекомендует своим чадам, желающим его избрать. В течение тысячи семисот лет Антоний Великий, Сергей Радонежский, Антоний и Феодосий Печерские, Серафим Саровский и многие другие уединялись, подвизались, спасались. А у нас вдруг появились сомнения: может быть, лучше ближним помогать? Такого сомнения быть не должно.

Вопрос. Когда я молюсь, призывая имя Господа, то одновременно из сердца исходит целый «фонтан» страстей и злых помышлений – помыслов лжи, злопамятности, – и я начинаю злиться. Объясните, пожалуйста, что происходит. Может быть, это бес так уводит от молитвы?

Ответ. Здесь никакого противоречия нет: действительно, бес может уводить от молитвы. Помышления и страсти выходят из сердца, но пребывают они лишь на его поверхности, так как в глубине сердца живет Господь, Который соединился с нами через таинство святого крещения. Если у неверующего, некрещеного человека, не могущего справиться с собой, страсти находятся внутри сердца, потому что там живет сатана, то у православного христианина страсти из глубины сердца изгнаны – там пребывает Господь, но они приражаются к сердцу снаружи. Поэтому тот человек, который, углубившись в себя, находит там Господа, соединяется с ним, естественно освобождается от страстей, так как проходит через тот слой, где они существуют; и Господь, благодаря такому соединению, начинает действовать все могущественнее, сильнее и пожигает

страсти. Конечно, это происходит не сразу – страсти не могут исчезнуть сами собой, для их уничтожения нужно наше усилие, сопротивление страстям.

Вопрос. Во время молитвы у меня часто становится горячо в сердечном месте. Я устремляюсь умом в этот жар и как бы «проваливаюсь» в него умом. Иногда жар появляется в сердце без молитвы. Я сомневаюсь: не увлекаюсь ли я внутренними ощущениями, так как покаяние при этом имею слабое, даже когда молюсь в уме. Может быть, нужно отбросить эти мысли, а молиться и ждать, когда Господь даст покаяние?

Ответ. Очень хорошо об этом состоянии сказано у святителя Игнатия (Брянчанинова) в статье «Слово о молитве Иисусовой» и у старца Василия Поляномерульского в его «Предисловиях». Жар может быть вызван разными причинами: он может появиться от более сильного движения крови, когда мы пытаемся сосредоточиться в сердце; от прелести; в результате неправильной молитвы может появиться какое-то вредное разгорячение, порой соединяющееся со сладострастием; иногда – это действие благодати. Существует несколько духовных признаков: жар обязательно должен сопровождаться всевозможными духовными ощущениями – тишиной, миром, покаянием, сокрушением сердца, которые могут и исключать друг друга: например, иногда пребываешь в сильнейшем покаянии, сокрушении, а иногда – в необыкновенном мире.

В духовной жизни великое многообразие ощущений и переживаний, нельзя всё сводить к одному только покаянию – это уместно лишь тогда, когда мы говорим о покаянии в широком смысле слова – как борьбе с грехом. Если же говорить о покаянии как о некоем настроении, то одним таким покаянием все многообразие духовной жизни, конечно же, не исчерпывается. В какой-то момент в душе мир, тишина и любовь, но собственно покаяния нет, в какой-то момент – сильнейшее покаяние, а все другие чувства отходят на второй план или почти исчезают; бывает и другое: благодать действует, а покаяние в той степени, в какой его хочется иметь, еще не приобретено.

Таким образом, покаяние покаянию рознь; оно есть начало, середина и конец духовной жизни: имеет покаяние и тот, кто только пришел в церковь и не знает, как молиться, а лишь кается да вздыхает, и тот, кто следит за своими грехами и часто исповедуется. Такие подвижники, как Арсений Великий, которые «таяли» от слез, также имели покаяние, но совсем другое. Через покаяние можно достигнуть и бесстрастия. Как говорил преподобный Паисий Величковский, если бы человек слезами мог омыть свое тело, то оно стало бы нетленным. Поэтому нужно искать внимания, принимая свое покаяние таким, какое оно есть. Если тепло, которое действует в сердце, правильное, соответствует описанию этого ощущения у святых отцов (у них эти ощущения особенно точно описаны) и, конечно, если старица находит его непрелестным, тогда не нужно думать о том, слабое ли у тебя покаяние. Нужно всегда заставлять себя внимательно молиться, внимать молитве изо всех сил, всячески понуждая себя к сосредоточению. А там, как Господь даст, так и будет.

Вопрос. Хорошо ли, живя в монастыре, читать много духовной литературы и есть ли какая-то норма?

Ответ. Определенной нормы нет: объем прочитанной литературы зависит от свободного времени и от того, кто как читает. Но святые отцы говорят, что чтение книг в большом количестве расстраивает ум. В любом случае нельзя читать в ущерб молитве. Однако хорошо много читать с целью постоянного насыщения святоотеческими изречениями, чтобы всегда держать их в памяти, исполнять, проверять себя по ним, а также возбуждать ими в себе ревность, – польза от чтения святоотеческих книг многообразна. Конечно, нам, монашествующим, прилично читать преимущественно аскетическую литературу, но не только: неплохо было бы освоить исторические и догматические труды. Таким образом, аскетическую литературу мы должны читать всегда, остальное – в меньших количествах, потому что в первую очередь нам нужны те книги, которые учат нас жить по-христиански. Но с другой стороны, когда человек прекрасно знает, как бороться со страстями, не понимая, что такое Пресвятая Троица, это

выглядит нелепо, и чтобы самостоятельно не изобретать и не доказывать догматы, необходимо изучать их по творениям святых отцов. Самостоятельно размышлять о богооткровенных истинах опасно, их нужно усваивать из книг.

У русских православных считается, что если человек пришел в церковь, то ему уже и знать ничего не надо, и думать даже нельзя, а если как-нибудь думаешь, то это уже подозрительно и считается чуть ли не ересью. Это неправильно. Я говорю не о том, чтобы иметь какие-то самостоятельные взгляды и уклоняться от православного учения, а о том, что люди совершенно не хотят мыслить. Например, почему такая вещь, как ИНН, наделала столько шуму? От нашего дремучего, дикого невежества. Кто-нибудь скажет какую-нибудь нелепость, и начинается «брожение спящих умов». Почему, например, квартиру, размер обуви можно нумеровать, цену можно написать в цифрах, а штрих-кодом пользоваться нельзя? Тогда почему мы пользуемся арабскими цифрами, а не старославянскими, ведь мы не магометане? Люди, читавшие сочинения святых отцов, не относятся к этой проблеме всерьез.

Вопрос. Как правильно вести себя с сестрами, особенно во время послушания? У меня получается так: с кем я общаюсь очень близко, отношения складываются плохие, а с малознакомыми сестрами все происходит по-другому. Можно ли иметь такой помысел, как будто ты никого не знаешь?

Ответ. Если мы хорошо относимся лишь к тем людям, которых не знаем, то получается, что как только мы с человеком познакомимся немного поближе, так сразу же «садимся ему на голову». Может быть, нужно в определенном смысле «держаться дистанцию» – не входить в непринужденные отношения, чтобы у нас не появился соблазн вести себя дерзко, свободно (что называется свободным обращением). Святые отцы советуют ни с кем особо не сближаться именно по этой причине. Но их совет об ограничении общения не относится к подобным случаям: когда у человека от сближения с другими возникают злопамятность, раздражение, гнев. Это действие страстей, требующее упорной борьбы.

Вопрос. Часто стала замечать в ближних действие страстей. Доверяя своим мыслям, объясняю себе мотивы их поступков и верю этим объяснениям.

Ответ. Конечно, такие помыслы нужно отвергать, стараться не вникать в них. Правильно мы толкуем поступки окружающих или неправильно, – этого знать не нужно. Мы должны видеть всех святыми, чистыми, действующими по самым благородным мотивам. И не надо кого-то подозревать или видеть в человеке что-либо такое, чего в нем, может быть, и вовсе нет. Своей подозрительностью мы будем только бесконечно изматывать и изнурять себя и никаких серьезных результатов никогда не достигнем.

Вопрос. Как научиться не замечать недостатков сестры?

Ответ. Почему мы прощаем родителей со всеми их грехами и немощами, а сестер судим строго? Потому что у нас нет к ним настоящей любви. Родителей мы любим и снисходим к ним во всем, а к тем, к кому мы равнодушны, относимся придирчиво. Если мы любим человека по-настоящему, то все ему прощаем, если же не любим – видим только его недостатки.

Вопрос. У Нила Мироточивого сказано, что Бог прощает грех, но не забывает. Что это значит?

Ответ. Дальше из текста становится ясно, что речь идет о том, как человек должен относиться к своему греху: о нем необходимо помнить, чтобы вновь в него не впасть. Эти слова нужно понимать не в мистическом смысле, будто Бог буквально не забыл нашего греха. Их смысл состоит в том, что мы сами должны вести себя так, чтобы не забыть своих преткновений, падений и не повторить их вновь; раз однажды мы уже уязвились, то во второй раз должны стараться пребыть твердыми, не поддаваться искушению. Необходимо все время быть внимательными: если мы много раз уязвлялись, а потом эта борьба прекратилась, это не значит, что мы вновь не подвергнемся какому-либо нападению. Нил Сорский говорит, что воспоминанием греха мы можем себя смирять. Если же мы, победив какой-то грех, предадимся беспечности, то можем опять в него впасть.

Вопрос. Можно ли молиться, например, Божией Матери о даровании усердной молитвы? Мне кажется, когда надеешься только на свои силы, то ничего не получается.

Ответ. Молиться Божией Матери о даровании молитвы, как делали некоторые святые подвижники, например Максим Кавсокаливит, это все-таки уже какое-то дерзновение, которое нам не приличествует. Лучше мы будем просто трудиться, но трудиться усердно, а там как Бог даст. Когда же мы делаем что-либо чрезвычайное, то в этом уже есть повод к гордости и опасность прелести, поэтому лучше все делать как положено.

Вопрос. Хорошо ли иметь такое состояние, когда, кроме молитвы, в монастырской жизни больше ничего не интересует?

Ответ. Конечно, хорошо – что же еще должно интересоваться?

Вопрос. Если в наше время такое странничество, как у апостолов, недостижимо, поскольку кажется слишком тяжелым, тогда каким же оно может быть, к примеру, у нас в монастыре?

Ответ. Странничество для нас – это беспристрастие. Когда говорится о странничестве, речь не идет о путешествиях, – берется только образ странника: как странник ни к чему не привязан, так и человеку, живущему в монастыре, ни к чему нельзя иметь пристрастий, он по отношению ко всем должен быть радушен, но в то же время ни к кому не привязан.

Вопрос. Может ли иноверец, не знающий о православии, наследовать Царствие Небесное?

Ответ. Люди спасаются не собственными заслугами и не добродетельной жизнью, а верой во Христа. Поэтому утверждение, что человек может наследовать Царствие Небесное без веры во Христа и без жертвы Христовой, то есть реального соединения, общения со Спасителем, которое имеет место только в Православной Церкви, было бы отрицанием одного из основных догматов Христианства. Получается, что мы можем спастись без Христа, – но как спастись вне Его?! Некоторые люди спрашивают, почему Господь не сделал ничего, чтобы спасти всех людей, ведь Он же всемогущ? Но жертва Христова как раз и есть то самое, что Господь Иисус

Христос совершил для спасения всех людей. Если раньше надежду на жизнь вечную имели только иудеи, то отныне, с того времени, как пришел Христос, всякий человек, у которого есть свободное произволение и деятельное стремление ко спасению, может достичь Царствия Небесного через приобщение к жертве Христовой. Это и есть Божие всемогущество и Его всеобъемлющая любовь, проявившаяся через спасительные страдания Господа Иисуса Христа.

О важности знания догматов Православной Церкви⁷⁹

В сегодняшней беседе я хотел затронуть тему, которая на первый взгляд кажется отвлеченной, не имеющей отношения к духовной жизни. Я хотел поговорить о знании православных догматов. На самом деле это очень важная сторона умного делания и молитвы вообще. Если мы будем неправильно мыслить, сознательно или бессознательно погрешим в понимании догматов или же, теоретически рассуждая правильно, пренебрежем своими знаниями и теми сведениями, которые присутствуют в нашем уме, и никак не свяжем их с нашей жизнью, то в молитве мы можем допустить грубые ошибки, приводящие к серьезным последствиям. Из-за неопытности, по причине новоначала, некоторым кажется, что догматы имеют лишь косвенное отношение к духовной жизни, будто это две независимые области. Однако это не так.

Наша духовная жизнь строится на правильном исповедании догматов, и от неверного их понимания, искажения рушится все здание духовной жизни. Мы можем это видеть не только на примере иноверцев, имеющих неправильное представление о Боге, образе бытия Божия, мироздании и прочем, но и на примере тех, кто считает себя христианином. Сейчас распространено мнение, будто духовная жизнь – это нечто туманное, аморфное, не имеющее конкретного описания, и поэтому любой человек, даже «стихийно» верующий или принадлежащий к какой угодно религии, допустим индуист или магометанин, может преуспевать в духовной жизни (выражаясь иронически, лишь бы человек был хороший). В ответ на такое мнение нужно сказать: аскетическая, духовная жизнь строится в зависимости от тех или иных догматов, то есть положений религии, а буддисты, православные христиане, магометане и представители других религий ставят перед собой разные цели.

Однако искажения внутренней жизни бывают и у нас, православных христиан, – от нашей неопытности, от того, что

мы недооцениваем значение вероисповедных положений. Нам представляется, что поскольку мы не занимаемся богословием специально, профессионально, то нам вообще не нужно знание догматических истин, и мы должны только соблюдать нравственные нормы или в лучшем случае бороться со страстями. Именно по этой причине, когда в нашей внутренней, духовной жизни возникают какие-либо недоумения, мы, по невежеству, допускаем грубые ошибки и терпим вред.

В творениях преподобного Иоанна Кассиана Римлянина рассказывается о ереси антропоморфизма (представление Бога в образе человека), которая в его время распространилась среди египетских монахов, казалось бы ревнителей благочестия, строгих подвижников, преуспевших настолько, что они и по сей день во всем православном мире считаются образцом духовного преуспевания. Столь нелепое заблуждение в то время разделяли многие. Когда патриарх Феофил издал указ против этой ереси – папское послание ко всем монашествующим и членам Александрийской Церкви, то, по словам Иоанна Кассиана, лишь некоторые из монахов согласились с ним, а большинство сочло, что патриарх сам впал в ересь. Со временем все встало на свои места, но нежелание прислушаться к догматическому посланию архипастыря какое-то время все же было. Одного из монахов, высокопреуспевшего подвижника, едва удалось убедить в том, что Бог не может быть подобным человеку и что слова о том, что Бог создал человека по образу и по подобию Своему нельзя понимать в обратном смысле: если человек создан по образу Божию, значит, и Бог имеет образ человека. Когда этот монах пришел в церковь и стал каяться в своем заблуждении, то внезапно из его уст вырвались следующие слова, исходившие из глубины души: «Вы отняли у меня моего Бога!» Он даже сказал, что не знает теперь, как и кому он будет молиться. Получается, что этот человек вообще не думал о догматах; конечно, он заботился о спасении своей души, но по своей простоте, по невежеству запутался и молился неправильно, представляя во время молитвы Бога как существо, имеющее некий вид.

И сейчас многие христиане по наивности полагают, что Бог имеет подобие некоего благообразного старца. Действительно, пророку Даниилу было откровение: он видел Бога в виде Ветхого днями, то есть старца, к которому шел Сын Человеческий. Однако это видение имеет определенное толкование, и нам не следует считать, что если в откровении было что-то показано, то это есть истинный облик Божий. Все видения, в которых Бог являлся пророкам, имеют назидательное значение. Они были необходимы для того, чтобы принести пользу тем или иным людям в определенных обстоятельствах. Эти символические видения нельзя считать равнозначными Первообразу и делать вывод о том, что Он имеет тот самый вид, в каком был показан пророкам. Так же как, например, слова *из уст Господа выходит меч обоюдоострый* (см. Откр. 1, 16) понимать буквально было бы нелепостью.

В сегодняшней беседе я хотел бы показать, как Господь Иисус Христос учит о Боге. Конечно, в одной беседе невозможно рассказать на основе Евангелия обо всех Божественных свойствах, поэтому мы коснемся только одного, а именно: *Бог есть дух* (Ин. 4, 24), Он превыше всякого образа и не имеет предела.

Начнем с изречения апостола Иоанна Богослова, известного нам по евангельскому чтению в первый день Пасхи: *Яко закон Моисеом дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть* (Ин. 1, 17). Далее апостол делает некое примечание, чтобы мы не думали, будто Моисей, которому были необыкновенные Божественные явления, открыл нам образ бытия Божия и будто слова *благодать и истина Иисус Христом бысть* означают, что мы познали Бога в той мере, в какой можем познать что-либо земное. Иоанн Богослов говорит: *Бога никтоже виде нигдеже, Единородный Сын, сый в лоне Отчи, Той исповеда* (Ин. 1, 18). Никто никогда не видел Бога не потому, что не было достойных людей, а потому, что это невозможно. Ни Моисей, ни какой-либо другой великий пророк, никакие праведники – никто никогда из сотворенных существ не мог созерцать Бога как Бога по той причине, что Он есть Существо безграничное, беспредельное и превышающее все

сотворенное. Мы способны воспринять Бога только тогда, когда Сам Сын Божий открывает нам Его, и только в той мере, в какой Он нам Его открывает. Прежде всего здесь, конечно же, имеется в виду то теоретическое знание, которое нам необходимо для правильного служения Богу.

Рассуждение о том, что Бог есть Существо, превосходящее всякую сотворенную вещь, что Он совершенно безобразный, беспредельный Дух, можно продолжить словами Спасителя, обращенными к самарянке: *Но грядет час, и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною: ибо Отец таковых ищет поклоняющихся Ему* (Ин. 4, 23). Понятно, почему эти слова были сказаны именно ей, ведь самаряне не были свободны от идолопоклонства и, следовательно, представляли Бога имеющим некий вид. Необходимо было открыть ей, что поклонение Богу не должно быть связано с каким-то определенным местом, ибо Бог Существо беспредельное, вмещающее в Себя всю вселенную, и, значит, правильно поклоняться Ему можно только осознавая одно из Его Божественных свойств: Он ничем не ограничен, все в Себе содержит, все Собой проникает и одновременно является превосходящим все, в чем пребывает. Последнее следует отметить еще и потому, что есть такое религиозное учение, как пантеизм, то есть «всебожие», согласно которому все существующее есть Бог: каждое существо есть проявление или даже часть Божества. Очень важно осознавать, что Бог все наполняет, но, однако же, ни с чем не смешивается, все пронизывает, но ни с чем не соединяется, дает всему жизнь и бытие и вместе с тем остается в Своей запредельной Сущности, самобытности.

Грядет час, и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною – поклонение должно быть исключительно духовным, а не каким-то земным, чувственным. Из этих слов можно сделать следующий вывод: чтобы правильно поклоняться и молиться Богу, нужно иметь правильное о Нем представление. Понятие о Боге как Существе чувственном кажется сейчас нам, христианам, хоть сколько-нибудь знакомым с православным вероучением, чем-то

абсурдным, противоестественным, но в древности, наоборот, мнение о Едином Боге, и притом как о Существе духовном, казалось противоречащим здравому смыслу. Многие язычники, идолопоклонники обвиняли христиан даже в безбожии, поскольку им казалось, что отрицание чувственных, видимых, ограниченных богов противно здравому смыслу. Впрочем, не все язычники настолько примитивно понимали учение о своих божествах, что отождествляли их с идолами, стоящими в храмах или других священных местах. Некоторые из них мыслили более абстрактно, считая своих богов некими духовными существами, но ограниченными как в пространстве, так и в определенных свойствах. Каждое божество действовало в известных пределах, например руководило той или иной стихией или способностями человека. И поэтому православное евангельское учение о Божестве как Существе духовном, беспредельном, единственном, все наполняющем и одновременно превосходящем все, что Оно наполняет, а скорее, все в Себе вмещающем казалось им странным. *Ибо Отец таковых ищет поклоняющихся Ему. Дух есть Бог; и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться* (Ин. 4, 23–24). Правильное поклонение Богу совершается лишь тогда, когда мы осознаём, что есть Бог, какова Его природа. Это должно вызывать в нас правильное к Нему отношение. Если же мы не понимаем и не чувствуем, что такое Бог, тогда соответственно и наше поклонение Ему бывает только формальное, внешнее, телесное.

Несмотря на то, что все мы являемся православными христианами и исповедуем Символ веры, что многие из нас читали и другие вероучительные тексты, а также святоотеческие книги догматического характера, – в действительности в нашем повседневном опыте мы очень часто забываем о том, что Бог есть Дух и поклоняться Ему нужно духовно, то есть при молитве не иметь в уме и душе никакого образа. Некоторые даже пытаются представлять себе Бога или какие-то Его качества, что является отступлением от истины об абсолютной духовности Божества, поскольку тем самым мы придаем Его качествам некий вид. Само слово «дух» указывает на

Божественную беспредельность, а человек пытается представить ее в уме: например, мыслит беспредельность как некое бесконечное пространство, но и это уже является некоторым отступлением от истины, потому что – повторю – Божественное свойство нельзя вообразить и отождествить с Божеством. Святые отцы употребляли иногда образные выражения для того, чтобы мы поняли, например, учение о Пресвятой Троице или воплощении Сына Божия. Они говорили, что соединение во Христе двух естеств, Божеского и человеческого, можно сравнить с раскаленным клинком, в котором есть одновременно и огонь и железо. Однако, если кто-то попытается буквально отнести это сравнение к Самому Господу Иисусу Христу, перестав осознавать, что это всего лишь пример, и пожелает увидеть в этом точное изображение таинства воплощения, а не образную аналогию, тот, конечно, погрешит. *Дух есть Бог*. Что такое дух? Это выражение, конечно, образное, его нельзя понимать буквально. Дух есть некое дуновение, движение воздуха. Это слово, используемое в Священном Писании, взято из нашего мира, житейского, земного опыта как подобие нематериальности. Так, иногда Бог сравнивается со светом как еще одним наименее материальным явлением нашего вещественного мира, служащим образом абсолютной духовности, невещественности.

Богом и духом в приведенном тексте, конечно, назван Отец, и некоторые придирчивые слушатели могли бы сказать, что это не относится к Сыну Божию и Святому Духу – Второму и Третьему Лицам Пресвятой Троицы. Поэтому мы обратимся к словам Господа Иисуса Христа, сказанным Им на Тайной вечери: *Имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя; а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). Эти слова вызвали у апостолов недоумение. Один из них задал вопрос (это был Иуда не Искаротский, слова Господа он понял буквально: как Он общался с ними во время Своей проповеди, так и впоследствии будет являться избранным Своим ученикам): *Господи, и что бысть, яко нам хоцещи явитися, а*

не миру? Отвеща Иисус и рече Ему: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидема и обитель у него сотворима (Ин. 14, 22–23). Из ответа Господа можно сделать вывод о том, что явление это исключительно духовное. Господь Иисус Христос не обещал являться всем Своим ученикам чувственно (впрочем, некоторые, например Серафим Саровский или преподобный Силуан Афонский, сподобились и такого видения). Здесь речь идет о том, что всякий соблюдающий заповеди сподобится духовного явления Господа внутри самого себя. Отец с Сыном и Святым Духом вселятся в душу человека, и он будет духовно созерцать в себе невидимое присутствие Божества – невидимое для телесных глаз, но вполне осязаемое, явственное для духовного ока.

Так же и о Духе Святом Господь Иисус Христос сказал: *Егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину: не от Себя бо глаголати имать, но елика аще услышит, глаголати имать, и грядущая возвестит вам. Он Мя прославит, яко от Моего приимет и возвестит вам (Ин. 16, 13–14).* Все, что имеет Сын, Он имеет от Отца. Дух Святой, исходящий от Отца, имеет то же, что Отец и Сын, и поэтому свойство беспредельности, абсолютной духовности, надмирности одинаково присуще и Отцу, и Сыну, и Духу Святому. Повествуя о крещении Господнем, при котором было явление Пресвятой Троицы, апостол Лука делает интересное замечание: *Отверзется небо, и сниде Дух Святой телесным образом, яко голубь, Нань (Лк. 3, 21–22).* Евангелист подчеркивает: *телесным образом* – и этим дает понять, что Дух Святой не имеет вида и формы и только в данном случае Он сошел в образе какого-то тела, на этот раз – голубя. Известно, что Он принимал и другие образы: например, когда Святой Дух сходил на апостолов в день Пятидесятницы, Он принял вид огненных языков; когда апостолы Иаков, Иоанн и Петр созерцали на Фаворе преобразившегося Господа, тогда Святой Дух сошел на них в виде светлого облака. Однако вид голубя, огня или облака не имеет отношения к существу Божественному, существу Третьего Лица Пресвятой Троицы. Мы

не должны отождествлять это явление Святого Духа с истинным образом Его бытия. А Бог Отец, Который в Новом Завете никогда не являлся ни в каком виде, дает о Себе знать только голосом с неба. Уже это указывает на то, что Он никакого вида и образа иметь не может.

И наконец, обратимся к тому, с чего начали, то есть свяжем это вероучительное рассуждение с учением о молитве. Когда Господь Иисус Христос открывал Своим ученикам, как нужно молиться, Он произнес следующие слова: *Молящиеся же не лишше глаголите, якоже язычници: мнят бо, яко во многоглаголании своем услышани будут (Мф. 6, 7)*. Это многоглаголание касается и описания Божества, когда Его восхваляют и приписывают Ему те или иные свойства. Допустим, язычники называли своих богов быстроногими, то есть представляли их антропоморфно, считали, что они обладают некоторыми человеческими свойствами.

Господь открывает нам наименование Божества (в ветхозаветное время еще неизвестное) и тем самым избавляет нас от многоглаголания, которое выражается, в частности, в том, что мы о Боге мыслим нечто неприличное для Него, и говорит: *Не подобитеся убо им: вестъ бо Отец ваш, ихже требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитесь вы: Отче наш...* (Мф. 6, 8–9). Господь Иисус Христос называет Бога Отцом не потому, что Он подобен каким-либо земным родителям, но потому, что это имя указывает на Его необыкновенную любовь ко всему творению, в особенности к человеческому роду. *Отче наш, Иже еси на небесех (Мф. 6, 9)*. Несомненно, эти слова имеют глубочайший смысл, и мы чаще всего понимаем их так: наш истинный Отец, Небесный Родитель, любящий нас более всех, находится на небесах, и поэтому мы должны отрешиться от всего земного. Однако эти слова можно понимать несколько иначе, и между двумя этими толкованиями нет противоречия, скорее, второе служит дополнением к первому. Согласно второму толкованию, слова *Иже еси на небесех* означают, что Отец наш не подобен ничему земному: ни тому, что мы видим и знаем по чувственному опыту своей жизни, ни тому, что можем

представить себе в своем человеческом, земном и потому ограниченном воображении. Здесь указывается на то, что Бог наш выше всякого представления, образа, вида. Эти слова мы можем понимать, наконец, и в том смысле, что Бог есть Существо абсолютно духовное.

Молитва «Отче наш», как вы понимаете, является не только собственно молитвой, но еще и учением о правильной молитве. Из этого мы должны сделать вывод о том, что учение о беспредельности Божества, Его абсолютной духовности, надмирности имеет первостепенное значение именно в молитве. Если же мы этого не осознаем и будем допускать в своем уме какие-либо представления, то, конечно же, это уведет нас от истинной молитвы. Формально оставаясь православными, мы уподобимся язычникам, то есть будем либо представлять Бога в образе человека, либо приписывать Ему те или иные человеческие свойства.

Ты же, егда молишия, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве (Мф. 6, 6). В этих словах Спасителя также содержится учение об абсолютной духовности Божества. Мы должны заботиться не о том, чтобы поклоняться Ему в определенном месте, но о том, чтобы правильно совершать свое служение. Даже если понимать эти слова буквально, то есть в том смысле, что необходимо затвориться в какой-нибудь тайной комнате и там уединенно молиться и что это будет более богоугодно, чем молитва на виду, в том числе и в храме (если, конечно, речь идет о молитве человека преуспевшего), то мы снова убедимся, что Бог не имеет никакого образа, не соединяется ни с каким местом, видом служения, но требует именно духовного поклонения, как Он Сам сказал самарянке, *духом и истиною*. Главное, чтобы молитва совершалась правильно. Уединившись и помолившись в убогой, скромной комнате, мы можем больше угодить Богу, чем если молимся напоказ в храме, как это делал фарисей из евангельской притчи. Если же мы будем символически понимать слова о внутренней клетке, то есть в том смысле, что человеку нужно уединиться внутри самого себя, то тем более из этих

слов Спасителя можно сделать вывод о том, что Бог есть Существо безвидное. Даже когда мы молимся Иисусовой молитвой и обращаемся к Господу Иисусу Христу, Который облекся в человеческое естество, плоть и, как человек, конечно же, имел вид, то мы должны понимать, что одно дело – созерцание Его телесными глазами, и другое – духом. Как сказал апостол Павел, *мы уже ныне не знаем Его по плоти* (см. 2Кор. 5, 16). Действительно, Своим телом Господь Иисус Христос вознесся на небеса, и с тех пор мы можем созерцать Его только духовно. Мы поклоняемся иконам, изображающим лик Спасителя, но прекрасно понимаем, что перед нами лишь напоминание, образ, который мы не отождествляем с Самим Божеством, как поступали язычники. Икона – это образ, а честь, воздаваемая образу, возносится к Первообразу. Это лишь напоминание и некоторая помощь немощному человеку в том, чтобы он мог духовно соединиться с Господом.

Перед вознесением Господь сказал ученикам следующие слова: *Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам: и се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 19–20). Господь Иисус Христос вознесся на небеса на глазах у Своих учеников. Апостолы долгое время с изумлением смотрели на небо, находясь в некотором оцепенении или, как бы мы сейчас сказали, шоке. Однако Господь обещал им, что пребудет с ними *во вся дни до скончания века*, то есть всегда, каждый день. Это также указывает на то, каким образом Господь пребывает с нами, Его учениками, – пребывает духовно, Своим Божеством. Если во время земной жизни и проповеди Спасителя те, кто Его окружал, через общение с Ним как с человеком вступали в общение с Его Божеством, поскольку в Нем ипостасно соединились Божеское и человеческое естества, то сейчас происходит противоположное: общаясь со Спасителем как с Богом, мы вступаем с Ним в общение как с человеком, хотя уже не можем говорить с Господом так, как друг с другом. Таким образом, и общение с Господом Иисусом Христом, Который вочеловечился и, конечно же, и по воскресении не совлёкся

Своего человеческого естества, но вознес его на небеса, – происходит духовно. Вступая с помощью Иисусовой молитвы умно в соединение с Господом, мы должны остерегаться, чтобы не создать в своем воображении какое-либо представление не только об Отце и Духе Святом, не имеющих никакого облика, но и о Господе Иисусе Христе, Который хотя и воспринял человеческое естество, однако же в нас присутствует действием Своего Божества. Поэтому учение об образе Божеского бытия – о том, что Бог есть Дух, чрезвычайно важно в нашей духовной жизни. Те, кто этого не понимают и молятся, напрягая воображение и наполняя ум земными образами, конечно же, не приближаются к Богу, но, наоборот, удаляются от Него и воздвигают между собой и Господом препятствия в виде мысленных идолов, хотя этим людям, может быть, иногда и кажется, будто у них появляется умиление и возникают еще какие-то чувства. Так многие православные христиане, считая себя истинно верующими людьми, уклоняются в язычество и представляют Бога имеющим тот или иной вид.

Приведу, может быть, несколько смешной пример. Один очень искренний человек, обратившийся к вере в то время, когда вокруг царил атеизм, много лет сохранял православную веру и вел праведный образ жизни. Для того чтобы возбудить в себе молитвенный дух, он по простоте своей представлял Бога огромным человеком, удерживающим мир на кончике иглы, которую он держал в руке. От возмущения я терял дар речи, не зная, что ему сказать на такую нелепость, а он говорил: «Но я же представляю Его великим...». Этому человеку казалось, что такое представление ему помогает. Конечно, молитвой это не было и ум его не приближался к Богу, а, наоборот, отдалялся от Него из-за нелепых детских фантазий.

Наше воображение, как учат святые отцы, должно ограничиваться тем, что представлено церковным искусством: архитектурой, утварью, иконами, богослужебными текстами. За пределы этого никто из нас не имеет права простирать свой ум, потому что это может закончиться весьма и весьма печально, в особенности когда речь идет о таком возвышеннейшем

предмете, как абсолютная непостижимость, беспредельность, надмирность Божества.

* * *

Вопрос. Что обозначает символическое изображение Святого Духа в виде голубя и Бога Отца в виде старца?

Ответ. На иконе, называемой «Новозаветная Троица», Бог Отец изображается в виде старца, Господь Иисус Христос в том облике, в каком Он воплотился (по стилю это изображение не каноническое), а Бог Дух Святой – в виде голубя. С древнейших времен в православной традиции были очень распространены разнообразные изображения Духа Святого в виде голубя. Известно, что когда святитель Василий Великий совершал Божественную литургию (раньше, как вы знаете, над престолом была сень – навес, укрепленный на колоннах), то в момент схождения Святого Духа на Святые Дары во время евхаристии трижды позвякивал находившийся под сенью серебряный объемный голубь, указывая на то, что благодать сошла. Если же этого не происходило, то святитель понимал, что таинство не совершилось. Однажды произошел такой случай: служивший с ним диакон во время литургии рассеялся, и позвякивания не было. Святитель Василий стал наблюдать за происходившим вокруг него и увидел, что диакон отвлекся и смотрит в сторону. Святитель сделал ему замечание, снова начал молиться, и голубь трижды звякнул. Об этом случае говорится в материалах VII Вселенского собора.

Изображения Бога в виде старца тоже появились давно, хотя и позднее. Тем не менее нельзя все древнее считать обязательно истинным. Подобные изображения осуждались: VI и VII Вселенские соборы запретили символическое изображение Бога; VI Собор запретил изображать Господа Иисуса Христа в виде агнца, VII (посвященный иконопочитанию) подтвердил это запрещение и утвердил то, что богословы нашего времени называют иконописным реализмом: иными словами, изображение только тех событий, которые имели место в действительности. Так, изображения Господа Иисуса Христа возможны потому, что Он воплотился. Символическое изображение Бога в виде старца, обозначающее Его вечность,

безначальность, является отступлением от соборных правил и постановлений. Тем не менее оно имело место и особенно распространилось после того, как западный католический мир, допустивший многие искажения, стал оказывать влияние на православную церковную культуру, в частности искусство. Сначала такие изображения приняли греки, затем они стали распространяться и у нас в России начиная с XVI века, и особенно в XVII-м, когда влияние православного Востока, захваченного турками, ослабело и усилилось влияние на Русскую Церковь Запада. Это изображение неправильное, однако мы можем принимать его, осознавая, что оно символично. Бог изображается в виде старца потому, что в видении пророку Даниилу Он был явлен как Ветхий днями. Ветхий днями не в смысле «старый», а в том смысле, что дни Его бесчисленны, бесконечны. Больше ничего общего между бытием Божиим и образом благолепного старца нет, тем более что в видении пророка Даниила Ветхий днями, по толкованию святых отцов, символизирует не Бога Отца, а Божественное естество Господа Иисуса Христа. Не будем осуждать изображения, отступающие от православных канонов, но в то же время будем понимать их правильно.

Что касается изображения Святой Троицы, Отца в виде старца, Сына в Его человеческом облике и Духа Святого в виде голубя, каким Он явился один раз – во время крещения, то оно, конечно, совершенно неуместно, поскольку пытается передать то, что изобразить невозможно – надмирное бытие Пресвятой Троицы. Оно никак не может отразить ни Ее единосущия, ни других основополагающих Божественных свойств. Изображение это, скорее, путает людей: сидит старец, рядом находится Некто младше Его и над Ними парит голубь, хотя Ветхим днями можно назвать и Отца, и Сына, и Духа Святого, ибо Они совечны. Здесь возникает искажение: есть старший и младший, а изображение голубя вообще можно понять по-разному.

На некоторых иконах Бог изображен также в виде старца, но есть надпись «Иисус Христос». Это догматически более правильное изображение. В видении пророку Даниилу были показаны Ветхий днями и идущий к Нему Сын Человеческий.

Святые отцы истолковывают это как откровение о соединении Божеского и человеческого естеств в Иисусе Христе, то есть Ветхий днями указывает на Божественную природу Господа Иисуса Христа, Сын Человеческий – на человеческую. Тогда все становится ясным: изображая Господа Иисуса Христа или Бога Троицу в виде старца, мы тем самым в символической форме подчеркиваем Его вечность (впрочем, и это не совсем уместно). А если мы только Бога Отца изображаем как Ветхого днями, хотя Он не имеет вообще никакого вида, тогда надо и другие два Лица изображать также символически. На иконе «Новозаветная Троица» Бог Отец изображен символически, Сын – таким, каким Он был во время Своей земной жизни и пребывает сейчас одесную Отца, а Дух Святой – в образе, в котором Он один раз явился на Иордане. И это вносит, как я уже сказал, путаницу, искажает представление людей о Боге. Некоторые простые люди так и представляют Бога – восседающим на облаках.

Вопрос. Когда Господь вознесся на небо, то Он поднялся вверх – не вправо или влево, а именно вверх. Значит ли это, что Он находится в каком-то конкретном относительно земли месте?

Ответ. Господь Иисус Христос как человек, естественно, может находиться только в определенном месте, поскольку как человек Он ограничен телом и не может быть беспределен. Мы не знаем, где в точности находится это место, но знаем, что оно вверху, на небесах. Наши представления в этом отношении опираются только на откровения, которые были святым мужам. Например, Андрей Христа ради юродивый видел Господа на третьем небе и поклонился Ему. Как Бог Господь Иисус Христос беспределен, а как человек Он находится в определенном месте. Всем известен тропарь: «Во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог, в раи же с разбойником, и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй (то есть все наполняя. – Схиизгум. А.) Неописанный».

Вопрос. Какое изображение Святой Троицы является каноническим?

Ответ. Каноническим считается изображение явления ангелов Аврааму. Это не есть собственно изображение Пресвятой Троицы, но поскольку явление трех ангелов – трех странников – прообразовывало Святую Троицу и приоткрывало праведному Аврааму учение о Ней, то и мы, вспоминая это событие, видим в нем некий намек на учение о Пресвятой Троице. Андрей Рублев не первый так изобразил Троицу, подобные иконы существовали с древнейших времен.

Вопрос. В книге «Великие русские старцы XX века» рассказывается о видении одного подвижника. Он молился Иисусовой молитвой и увидел Троих, то есть Пресвятую Троицу. Потом Двое ушли, и остался только Сын Божий, Которому он и молился. Старец, увидев все это, сделал вывод, что Иисусовой молитвы недостаточно и надо чаще молиться всей Пресвятой Троице. Что вы об этом думаете?

Ответ. Я скорее поверю в то, что этот старец находился в прелести, чем в то, что святые отцы говорили неправду. Святитель Игнатий (Брянчанинов) и все древние отцы учат, что Иисусова молитва, в особенности когда начинается ее благодатное действие, заменяет все другие молитвы. Кто молится Иисусовой молитвой, тот, наоборот, приближается к Святой Троице, ибо Спаситель сказал: *Никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною* (Ин. 14, 6). Я приведу вам в пример одного афонского подвижника XIX века. Молясь в храме со своими учениками (у них был обычай вместо бдения молиться Иисусовой молитвой), он вдруг воскликнул: «Пресвятая Троице, помогай мне!» – а потом опять замолчал. Когда рассвело и пора было заканчивать бдение (обычно оно заканчивалось на рассвете), ученики стали слегка покашливать, чтобы привлечь внимание старца и вместе с тем не испугать его, но он никак не реагировал. Они подошли к нему и увидели, что старец сидит с открытыми глазами в исступлении. Тогда они сели и продолжили молиться. Примерно через час старец зашевелился, а ученики вновь стали покашливать, делая вид, будто ничего не заметили. Мы видим, что Иисусова молитва, наоборот, привела подвижника к созерцанию Пресвятой Троицы.

Вопрос. Если Бог безграничен, то почему мы при молитве опускаем ум в верхнюю часть сердца?

Ответ. Бог, конечно, безграничен, но Он соединен с человеком в таинстве святого крещения и пребывает внутри нас. Спаситель открыл нам эту истину, сказав, что *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21), и поэтому нам легче найти Бога внутри самих себя. Этот способ молитвы не единственный, но он наиболее легкий, правильный и точный. Мы соединяем ум с сердцем не потому, что Господь не пребывает в любом другом месте, а по той причине, что Он является нам именно в нашем сердце, где, по учению святых отцов, находится словесная, разумная сила души. Соединяя разрозненные грехопадением части человеческого естества, мы в то же время соединяемся и с Богом. Соединение разрозненных сил человека, возвращение его к естественному состоянию, в каком он был создан, возможно только в Боге. Таким образом мы возвращаемся к тому райскому блаженству (конечно, в меру наших немощных сил), когда Адам непрестанно созерцал Бога и общался с Ним.

Вопрос. Может быть, на службе лучше молиться с перерывами: немного помолиться Иисусовой молитвой, а потом слушать службу? Иначе богослужение проходит для меня впустую.

Ответ. Это происходит от неопытности. Когда мы молимся Иисусовой молитвой, мы удерживаем ум при себе, а делая так, можем следить за тем, что происходит на службе. Отгоняя при помощи Иисусовой молитвы все посторонние помыслы, человек постепенно приобретает навык ощущать богослужение более остро и живо, начинает ему сопереживать. (Я сейчас говорю о людях обыкновенного, среднего здоровья; к больным людям нужен особый подход, поскольку им вообще все делать тяжело.) Если же мы будем просто слушать богослужение, и даже, как нам кажется, внимательно, но не станем молиться Иисусовой молитвой, то произойдет следующее: во-первых, мы будем беседовать с помыслами и лишь иногда слушать службу, во-вторых, мы будем воспринимать ее отстраненно, как некий текст, совсем не

чувствуя, не осознавая того, какое великое таинство происходит в храме и что значит общение человека с Богом или со святыми, не будем сопереживать тому, что слышим. Иногда наши мысли всё же будут возвращаться к службе, и у нас создастся впечатление, что в целом мы богослужение слушаем.

Если же мы начинаем молиться Иисусовой молитвой, тогда наступает напряженная борьба: в нашем уме борются три вещи: Иисусова молитва, суетные или греховные помыслы и богослужение. Мы можем либо стараться молиться Иисусовой молитвой и при этом иметь помыслы, либо иметь помыслы и поверхностно слушать службу, но лучше было бы молиться Иисусовой молитвой, с усилием отгоняя помыслы, и при этом вникать в богослужение. По неопытности мы, может быть, и отвлечемся, но зато все, что воспримем, оставит глубокий отпечаток в душе и принесет благодатное переживание, поскольку мы действительно будем молиться с благоговением, страхом Божиим, а не просто будем присутствовать на службе и рассеянно, с некоторым безразличием видеть и слышать происходящее. Иногда мы находимся в каком-нибудь обществе, люди разговаривают, но нам их разговор неинтересен, мы слушаем неохотно, и на нас он не производит никакого впечатления – то же самое бывает, когда человек слушает службу, но при этом не молится Иисусовой молитвой и таким образом не заставляет себя воспринимать ее благоговейно.

Вопрос. Слышала мнение, что после смерти душа будет и дальше совершенствоваться, обожествляться. Но если после смерти нет места для покаяния, то как же душа сможет совершенствоваться?

Ответ. В святоотеческой литературе есть два мнения. Некоторые отцы говорят, что душа будет совершенствоваться в меру того, какое нравственное движение она приобрела в этой жизни. Но для этого не обязательно покаяние, оно имеет место тогда, когда у человека еще есть грехи, а движение от меньшего к большему необходимо всегда. Это мнение имеет основание, поскольку известно, что все сотворенное изменяется и изменение может быть либо к худшему, либо к

лучшему. В данном случае – относительно будущей жизни – святые отцы предполагают, что если мы получим прощение, то изменение будет к лучшему: душа станет все более и более совершенствоваться, обожествляться, а поскольку совершенство Божие безгранично, то и движение это будет также бесконечно. Другие отцы, например преподобный Максим Исповедник, предполагают, что люди прощенные, помилованные Богом сразу получают всю полноту обожения.

Я считаю, что мы с вами находимся в таком состоянии, когда не нужно думать, будем ли мы совершенствоваться постепенно или сразу получим всё, – нам надо думать о спасении. Если кто-то хочет выяснить для себя этот вопрос, пусть прочтет книгу «Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния». В ней помещены его труды, в частности направленные против учения католиков о чистилище, существование которого он на основании творений святых отцов опровергает. Каким бы чистилище ни изображали, это будет неправдой, потому что если кого-то Бог милует, значит, действительно милует, а если наказывает, то поистине наказывает. Предполагать же, что существует некое среднее место, где бы человек отмучился за свои грехи, например, лет за двести, – абсурд. Получается, что милость Божию можно измерить, например, определенным количеством времени.

Вопрос. Некоторые говорят, что если в вечности будет развитие, то будет и некое время. Действительно ли это так?

Ответ. Существует мнение, что в ангельских мирах есть подобие времени, но оно не такое, как в материальном мире. Ведь под временем мы понимаем изменения не духовного характера, а материальные, каких в будущем веке не будет. Значит, времени в том смысле, в каком оно существует сейчас, там нет и быть не должно. Если же под временем понимать некоторое духовное развитие, то оно, наверное, будет, хотя описать это едва ли возможно.

Вопрос. Если Адам должен был, совершенствуясь, стать сыном Божиим, то почему же он не был создан совершенным сразу, зачем нужен был весь этот путь?

Ответ. Прежде всего надо сделать оговорку, что сыном Божиим он должен был стать, конечно, не в том смысле, в каком Им является Господь Иисус Христос, Вторая Ипостась Пресвятой Троицы, а сыном Божиим по усыновлению. Ведь Спаситель открыл нам Божественное имя – назвал Бога Отцом, чтобы мы все понимали, что призваны стать Его детьми – сыновьями, дочерьми Божиими. Почему был избран такой путь? Потому что человеку нужно было показать свою любовь к Богу, ведь человек – существо свободное. Он сразу был создан совершенным, но ему открывался путь к большому совершенству – приобщиться к бесконечным совершенствам Божиим и таким образом обогащаться и обожествляться. Другого пути быть не могло: каким бы совершенным человек ни был создан, он все равно должен был приобщаться к большему. Невозможно представить ограниченное существо, соединенное с безграничными совершенствами. Чем бы это существо ни обладало и какими бы ни были его совершенства, всё равно большие совершенства оказались бы для него недоступны. Допустив противоположное, мы должны были бы предположить, что Бог ограничен и является постижимым или что есть степень духовного развития, при которой Он полностью постижим, и первое и второе одинаково абсурдно.

Вопрос. Батюшка, в Священном Писании часто встречаются изречения, говорящие об уподоблении человека Богу. Например, в Псалтири: *Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси* (Пс. 81, 6). Спаситель также призывает нас к уподоблению Богу, говоря: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). Как это понимать? Разве мы можем быть равны Богу в каком бы то ни было смысле?

Ответ. О равенстве можно говорить только в том смысле, в каком Господь называет Своих учеников братьями. Это равенство по дару любви: Он сделал нас сыновьями Богу Отцу. О равенстве в полном смысле слова – будто бы нам доступно все, что имеет Сын, – говорить нельзя, поскольку мы не можем этого иметь в силу своей природы. Можно предполагать некоторое условное равенство: как Он сообщает все Свое Божество Сыну, так сообщает и нам Свои Божественные

свойства, бесконечно дарует нам Свои блага, насколько это доступно для твари. Однако нельзя назвать это полным равенством, потому что в противном случае мы стали бы такими же лицами Пресвятой Троицы, как Сын и Дух Святой, что звучит, конечно, кощунственно и что невозможно по определению.

Вопрос. Рассейте, пожалуйста, недоумение, возникшее по поводу следующего рассуждения. Бог сотворил человека и поместил его в рай как в некотором промежуточном месте между небом и землей, где ему надлежало своими трудами при содействии Божией благодати начать восхождение к Творцу. Попадая в рай, люди оказываются у той же отправной точки, что и наши прародители: те, кто удостоился спасения, пускаются в путь восхождения к Богу, и восхождение это бесконечно. Значит, человек будет изменяться и совершенствоваться с течением времени. Возникает вопрос: а не повернет ли он свою волю вспять? Ведь праотцы наши именно с этого духовного уровня и ниспали.

Ответ. Что касается утверждения, что люди восходят лишь к тому состоянию, в котором пребывали Адам и Ева до падения, то оно неправильное. Если мы на земле достигли некоторого совершенства, показали себя достойными имени христианина и помилованы Богом, то по смерти уже никакое ниспадение для нас невозможно, так как мы уже сделали окончательный выбор. Адам, имея до грехопадения возможность выбора, отпал от Бога. Так же и мы сейчас, во время нашей земной жизни, делаем свой выбор. И если мы не теоретически, а деятельно, то есть всей своей жизнью, показали, что стремимся исполнить волю Божию, – после этого никакого изменения в нас произойти не может. И мы не только возвращаемся в то состояние, в каком был Адам до грехопадения, но и приобретаем то, к чему он должен был стремиться и чего достиг бы, если бы не пал.

Вопрос. Можно ли сказать, что попавшие в ад будут там бесконечно совершенствоваться во зле?

Ответ. Если попавшие в рай будут совершенствоваться в добре, то это совсем не значит, что попавшие в ад будут

совершенствоваться во зле. Есть разные мнения о том, что представляют собой адские мучения. Некоторые святые отцы говорят, что это будут реально испытываемые муки, хотя в полемике с католиками православные богословы отрицают вещественность этих мучений и говорят об их духовной природе. Однако духовность тоже можно понимать по-разному: либо как сожаления, угрызения совести, то есть душевные мучения, либо как мучения хотя и не физического характера, а духовного, но приходящие извне. Возможно, людей будут истязать демоны (они ведь существа духовные), а может быть, Божественная слава, не воспринимаемая падшими людьми, вообще изуродованным человеческим естеством, окажется для души и даже для тела неким страшным истязанием. Для святых людей Божественная слава будет светом, для падших – огнем. Однако все это догадки святых отцов, в большей или меньшей степени основанные на Священном Писании и Предании, но точного учения о том, какими будут адские муки, не существует. Определенно можно сказать только то, что мучения обязательно будут и что они будут вечными.

Предположение о том, что в аду люди станут совершенствоваться во зле, абсурдно. Допустим, если человек был развратником, неужели он будет становиться все бóльшим развратником? Каким образом он будет это делать? Есть еще такое понимание адских мучений: страсти человека, которые он здесь удовлетворял и насыщал, в будущей жизни, не имея, чем насытиться, обратятся на самого человека и, оставаясь всегда голодными, лишенными пищи, будут терзать его душу невыносимыми страданиями. Поэтому трудно себе представить, чтобы страсть там развивалась: ведь развивается то, что имеет пищу для своего развития и укрепления, а в аду никакой пищи для страстей не будет.

Вопрос. Что означает выражение «человек, одержимый страстью»? Можно ли в буквальном смысле говорить, что он одержим бесом?

Ответ. Нет, так сказать нельзя, потому что одержимость, беснование – это присутствие демона в теле человека. До какой-то степени он овладевает сознанием, иногда полностью

потемняет рассудок человека, доставляя страдания и телу. Когда же говорится «одержимый страстью», то этим образным выражением указывается на бесовское происхождение страсти и на тот вред, который человек от нее получает. Однако нельзя эти слова понимать буквально, потому что в человеке, одержимом страстью, демон действует только своей силой, тогда как при бесновании он находится в нем непосредственно.

Вопрос. Что означают слова преподобного Иоанна Дамаскина о том, что ангелы неподвижно пребывают в добре? Они не имеют способности совершенствоваться или уже не могут ниспасть во зло?

Ответ. Думаю, Иоанн Дамаскин имеет в виду то, что они уже не способны к падению, то есть непáдательны, поскольку один раз, во время восстания дьявола против Бога, они уже сделали свой выбор. Восставший Денница искушал всех сотворенных духов и некоторую часть из них увлек за собой, соблазнил. Однако те, кто избрал служение Богу и откликнулся на призыв Архангела Михаила сохранять твердость, так и пребывают неподвижно в добре – в том смысле, что они уже не способны к падению, а не в том, будто бы они не могут совершенствоваться. У святых отцов есть разные мнения. Некоторые предполагают, что пребывание ангела в той или иной иерархической степени уже есть его неизменяемое природное свойство. Ангел всегда пребудет ангелом, архангел архангелом, а херувим никогда не станет серафимом. Другие отцы считают, что ангелы могут совершенствоваться и восходить от низших степеней к высшим, как полагал, например, Иоанн Лествичник, который говорил, что ангелы не могут успокоиться, пока не придут в превыспреннее устройство серафимов, а монах не может успокоиться, пока не придет в устройство ангела. Это сказано относительно монашеского совершенствования, но из этих слов можно сделать вывод о том, что ангелы, по мнению Иоанна Лествичника, способны изменяться и восходить к высочайшему совершенству, высшей иерархической степени. Точного, определенного мнения о бытии ангелов, которое было бы догматом, не существует, поэтому оба мнения можно

принимать – это не имеет непосредственного отношения к нашему спасению.

Вопрос. Когда именно происходит преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы? В момент чтения священником слов молитвы «Преложив Духом Твоим Святым» или это происходит постепенно, с самого начала литургии, с первого возгласа? Можно ли вообще говорить о каком-то особенном моменте?

Ответ. В этом вопросе между православной и католической традициями есть разногласие. Православные считают, что в момент произнесения слов: «Сотвори убо хлеб сей Честное Тело Христа Твоего. А еже в чаши сей, Честную Кровь Христа Твоего» – преложение еще не совершается. А когда священник в третий раз благословляет одновременно и чашу, и дискос со словами: «Преложив Духом Твоим Святым» (как это бывает на литургии Иоанна Златоуста), тогда и происходит преложение. На литургии Василия Великого читаются несколько иные молитвы: «Хлеб убо сей, самое Честное Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Чашу же сию, Самую Честную Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, излианную за живот мира». Вместе с тем иерей благословляет дискос и чашу, и в этот момент совершается таинство. Католическая Церковь, в отличие от Православной, учит (как об этом пишет архимандрит Киприан (Керн) в своей книге «Евхаристия»), что молитвы призывания Святого Духа для освящения предложенных хлеба и вина не нужны. По учению католиков, совершителем таинства является священник, замещающий Христа во всем, а потому не имеющий нужды призывать Святого Духа. Католики считают, что освящение Даров совершается исключительно при словах «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое...». Опровержение этому мы можем найти в молитвах литургии Василия Великого. Перед преложением Святых Даров священник произносит: «Предложше вместообразная Святаго Тела и Крове Христа Твоего». Хлеб и вино – это пока только символ, образ. Молитва заканчивается тем, что «вместообразное» пресуществляется уже в действительные Тело и Кровь Христовы. Значит, есть

какой-то определенный момент. Иначе зачем говорить о хлебе и вине «вместообразное», а после уже поклоняться им как истинным Телу и Крови?

Существует также мнение, что вся литургия есть постепенное пресуществление, преложение. Но почему же тогда святые отцы запретили во время Херувимской песни совершать земное поклонение выносимым предложенным Честным Дарам? Именно по той причине, что эти Дары еще остаются простым хлебом и вином – это еще только символы Христа, а не Сам Христос. Кроме того, поскольку сектанты, еретики обвиняли нас в том, что мы «хлебопоклонники», постольку и было установлено это правило. Точку зрения о постепенном пресуществлении я считаю неправильной. Она возникла в полемике и является компромиссной, как бы примиряющей, сглаживающей разногласия между православными и католиками. Вообще, это предположение кажется неудачным, идущим от ума, а не от опытного переживания литургии.

Вопрос. Святые – это наши предстатели, ходатаи пред Богом. Но если сразу сотни людей обращаются в молитвах, например, к святителю Николаю, то как же он всем им помогает? Неужели он и в Царстве Небесном непрерывно трудится, и служение, начатое им на земле, продолжается и в будущей жизни?

Ответ. Если человек имел любовь к ближним на земле, то тем паче он должен иметь ее в будущей жизни: в этом и состоит служение человека – любить. Здесь святитель Николай молился лишь о тех немногих, кто был известен ему лично или через откровение от Бога, а в Царствии Небесном он слышит просьбы огромного числа людей и, внимая им, умоляет Бога с неизмеримо бóльшим дерзновением, чем то, какое было у него прежде. Любовь, которую он приобрел там, неизмеримо сильнее той, какой он обладал здесь, и в молитве за людей для него нет труда. Любовь, являясь также сочувствием, состраданием к ближнему, хотя и приносит некоторое мучение (как говорит и само слово «со-страдание»), но в этом мучении есть необыкновенная сладость. Тот, кто испытал подобное, уже не

захочет с этим расстаться. Кроме того, относительно будущего века, когда во всей полноте станет действовать благодать Святого Духа, слово «труд» разве может быть употребляемо в том смысле, в каком оно употребляется здесь, на земле? А что касается молитвы одновременно за многих людей, то если даже обыкновенный священник молится во время литургии сразу за всех, то почему же святитель Николай не может молиться за всех на Небесах действием Святого Духа?

Вопрос. Каким образом мы, причащаясь Тела и Крови Христовых, становимся участниками Голгофской жертвы? Не могли бы вы кратко это объяснить?

Ответ. Во время литургии священник произносит такие слова: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». Что значит «ломимое»? Не только преломляемое нами во время таинства, но и мучимое, страдающее за нас «во оставление грехов». Поэтому, причащаясь Тела и Крови Христовых, а богословски более правильно сказать – причащаясь Самого Христа, мы таким образом становимся причастными и всему тому, что Он сделал, той искупительной Голгофской жертве, которую Он принес.

В ветхозаветные времена участники жертвоприношения вкушали мясо приносимых в жертву животных, но не из чревоугодия, а для того, чтобы таким образом самим стать участниками жертвы. Для иудеев смерть животного имела искупительный характер и очищала от содеянных беззаконий. Это было образом истинной искупительной жертвы Спасителя. Так и мы, причащаясь Тела и Крови Христовых, участвуем в Его искупительной жертве, только тогда эта жертва нас очищает. Если мы верим, но не причащаемся, значит, не доводим дело до конца: делаем какой-то шаг, но не проходим путь до его завершения – не принимаем настоящего, деятельного участия в искупительной жертве. Если человек причащается, то показывает этим, что вера действительно его спасает, поскольку она выражается в делах. Дела веры – это не только те или иные добрые дела, но и прежде всего мистические, таинственные деяния, дела таинств. К ним мы относим крещение, миропомазание, исповедь и причащение. Здесь в особенности

нужна вера, именно благодаря ей человек получает благодатные дарования, помогающие ему совершать свой спасительный путь в Царствие Небесное. Таким образом, я думаю, мы и становимся участниками жертвы – не страдаем, как Христос, но воспринимаем искупительную силу Его жертвы.

Вопрос. Макарий Великий пишет, что ангелы имеют тонкое тело, образ и вид. Верно ли это, ведь другие отцы говорят о бестелесности ангелов?

Ответ. Святые отцы, говоря о бестелесности ангелов, сравнивают их с нами. Конечно, таких тел, как у нас, у них нет. Однако по сравнению с Богом всякое сотворенное существо ограничено, потому что только Бог есть Дух в полном смысле слова, абсолютный Дух, одним из свойств Которого является вездесущие, или безграничность. А все сотворенные существа: и духовные, и вещественные (телесные), и состоящие из двух естеств, как человек, имеющий духовно-телесную природу, то есть душу и тело, – все они ограничены. Если же предположить, что в существах сотворенных нет ограниченности, следовательно, они обладают противоположным свойством – безграничностью. Это значило бы, что каждый ангел обладает свойством вездесущия, что является абсурдом. Ангел все же ограничен в пространстве, а это и есть телесность: если находится в одном месте, значит, в другом его нет, и если он переместился (каким образом – мы не знаем, но не так, как мы, хотя принцип остается тот же самый) из одного места в другое, естественно, в прежнем месте его уже нет. В этом смысле ангелы телесны, однако они не имеют вещественного тела, но только духовную природу. Повторю, слово «дух», как и многие слова, которые мы употребляем, когда пытаемся описать сверхъестественную реальность, имеет условное значение. Употребляя это слово, мы пытаемся при помощи наших земных понятий описать (сделать представимым, насколько это возможно) то, что в нашей земной жизни обычно люди не ощущают и не понимают. Поэтому используется образное сравнение: «дух» в значении «дуновение, движение ветра» как нечто наименее материальное в нашем мире. Если мы говорим «абсолютный

Дух» и «сотворенный дух», то нужно усматривать разницу между этими выражениями. Абсолютный Дух – Существо или, иначе говоря, Божество, Которое не имеет никаких вещественных признаков, выше всего вещественного, сотворенного, выше даже умопредставляемого. А когда мы говорим «сотворенный дух», то слово «дух» употребляется здесь в другом смысле: дух по сравнению с плотью, веществом. По сравнению же с абсолютным Духом он также является в каком-то смысле вещественным, потому что ограничен в пространстве и имеет зависимую природу. Если Бог существует Сам по Себе и является Сам для Себя источником бытия, то ангелы так же, как и другие сотворенные существа, допустим животные, растения, люди, имеют началом, источником своего бытия Божество, как сказано в псалме: *Отымеши дух их, и исчезнут и в персть свою возвратятся* (Пс. 103, 29). В этом смысле ангелы телесны.

О бескомпромиссном служении Господу⁸⁰

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Брат Лонгин! Ты принял начаток ангельского образа. Ты еще не давал обетов, но обратного пути уже нет. Постриг в рясофор – это подготовка к принятию малой схимы, к обетам пред Богом, к жизни только ради Бога.

Святые отцы говорят, что монашеский образ жизни возник тогда, когда стала охладевать первохристианская ревность. В самом начале Церкви Христовой, по мнению преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, все христиане были подобны монахам. Они отрекались от своего имущества, отдавая его в распоряжение святых апостолов, непрестанно служили Богу, совершали добрые дела и таким образом исполняли до конца всё Евангелие, не извиняя себя тем, что какие-то обстоятельства этому препятствуют.

В скором времени ревность христиан стала ослабевать в связи с тем, что в Церковь начали приходить люди, которые не имели в себе столь сильного духа ревности, какой был в первых христианах, слышавших проповедь Спасителя, видевших своими глазами Его страдания и непосредственно общавшихся со свидетелями Его воскресения. И тогда ревнители благочестия стали отделяться от тех христиан, которых почитали нерадивыми (говорим мы это не ради осуждения, а ради собственного назидания). Таким образом, эти первые небольшие общины, находившиеся, как правило, возле городов или селений, положили начало монашеству. Эти люди своим образом жизни подражали первой христианской общине, описанной в Деяниях апостольских.

По мнению святых отцов, монашество – это евангельский образ жизни. Люди, избравшие его, живут только ради Евангелия и не желают идти на компромисс с совестью, не желают вступать в сговор с обстоятельствами, якобы объективно препятствующими человеку стать – не говорю святым или чудотворцем, – а просто христианином, тем, кем он

должен быть, исполнителем заповедей Господа, исполнителем Евангелия.

Мы, монашествующие, не делаем ничего особенного по сравнению с тем, что должны делать все христиане. Мы просто объявляем – самим себе, Богу, прочим людям, – что всегда и на всяком месте мы хотим жить только по Евангелию.

Откуда возникает в людях такая решимость, такая пламенная ревность? Не от каких-то чудесных явлений или сверхъестественных откровений, но от веры. Вера заставляет воспринимать духовными чувствами то, что для телесных чувств недоступно, и человек не видя – видит, не слыша – слышит. Видит духовным зрением и слышит духовным слухом. Когда он созерцает перед собой истинное Евангелие, зрит очами веры истину воплощения, земной жизни, проповеди, унижений, страдания, воскресения и вознесения Господа нашего Иисуса Христа на небеса, это заставляет его оставить свои прежние привычки, прежний образ жизни и устремиться всеми силами души на служение Господу, устремиться бескомпромиссно, бесповоротно, без оглядки.

Всякий, – сказал Спаситель, – положивший руку свою на плуг и озирающийся вспять, не благонадежен для Царствия Божия (см. Лк. 9, 62). Есть люди не благонадежные для государства, не благонадежные в отношении своих политических взглядов, а есть, оказывается, люди не благонадежные для Царствия Небесного, так сказать, плохие граждане Царствия Небесного. Монашеский образ жизни – это образ жизни христианина, не оглядывающегося назад. Он стремится только к Господу, идет вслед за Ним и думает здесь, на земле, только о Царствии Небесном.

Ты, брат Лонгин, получил имя в честь святого мученика Лонгина сотника, «иже при Кресте Господнем». Он был римским воином и, надо думать, поскольку он дослужился до звания сотника, центуриона, был жестоким, воинственным человеком, думавшим только о военной карьере, а может быть, и о грабежах и обогащении, как это бывало во время древних войн. И этот грубый сотник оказался по действию Промысла Божия свидетелем необыкновенного события – распятия Господа

нашего Иисуса Христа. Он стоял при Кресте и командовал теми, кто распинал Спасителя. И вдруг во время самих страданий природные явления – солнечное затмение, землетрясение – ясно показали ему: Тот, Кто только что умер на Кресте, есть Сын Божий.

Лонгин сотник увидел, что чрезвычайные страдания и унижения Спаситель перенес необыкновенно мужественно и одновременно с любовью к Своим распинателям, а это бывает редко или, можно сказать, никогда не бывает в людях обыкновенных. Он слышал, как Господь наш Иисус Христос воскликнул: *Отче, в руке Твои предаю дух Мой* (Лк. 23, 46). И после этих слов, когда, казалось бы, нужно было разувериться, потому что Тот, про Кого говорили, что Он Мессия, Христос, умер, – Лонгин сотник воскликнул: *Воистину Он был Сын Божий* (Мф. 27, 54). Видимо, в голосе Спасителя, в Его словах была такая необычайная убедительность, что они проникли в душу этого человека, не до конца развращенного грехом, как мы понимаем из его обращения и дальнейшей жизни. Он уверовал в тот момент, когда апостолы смутились и колебались в вере. Впоследствии он стал проповедником и послужил благовестию Христову.

И ты, брат Лонгин, также должен по примеру своего небесного покровителя всегда глазами веры созерцать Господа Иисуса Христа и как бы вслушиваться в Его речения, преподаваемые нам через Евангелие. Повторяя Иисусову молитву, ты всегда должен помнить, что в ее словах заключено исповедание не только апостолов Петра и Павла, но и мученика Лонгина, воскликнувшего: *Воистину Он был Сын Божий*.

Это созерцание Господа Иисуса Христа, Сына Божия, даст тебе силу исполнять все повеления Спасителя. Это даст тебе ревность, если не будет хватать твоих собственных сил, просить у Бога, как сказано в псалме, пищу себе, и Господь даст тебе духовную пищу и насытит твою душу, для того чтобы она окрепла и приобрела силы сверхъестественные. Ведь наших сил, человеческих, естественных, ограниченных, часто не хватает для того, чтобы следовать за Господом Иисусом Христом.

Никогда не нужно себя оправдывать тем, что сейчас якобы не те времена, или тем, что какие-либо обстоятельства – социальные, исторические или, может быть, связанные с нашей душевной жизнью – препятствуют исполнению Евангелия. Даже наше собственное тело по отношению к душе есть нечто внешнее, и человек волен не покоряться и телу с его болезнями и страстями. Более того, в самой душе есть некие вещи, которые по отношению к нашему сокровенному «я», к нашей личности также являются чем-то внешним. Поэтому мы должны научиться быть свободными от всего того, что в душе, в теле и вне тела препятствует евангельской жизни.

Мы абсолютно свободны, лишь бы только в нас была ревность устремиться всей душой к Богу и с Его помощью победить все эти обстоятельства и показать на деле, а не только на словах, что мы – христиане. Брат Лонгин! Ничем себя никогда не оправдывай, взирай на Господа Иисуса Христа, проси Его, умоляй Его, следуй за Ним, и Господь поможет тебе стать истинным, евангельским христианином. Аминь.

Сегодня я хотел бы поговорить о чтении святоотеческой литературы. Нам часто кажется, что главное – жить духовной жизнью, а книжным учением можно пренебречь, однако мы забываем о том, что богооткровенное учение преподано нам именно через книги. Пророки и апостолы либо сами писали книги, либо их поучения записывали другие. Хотя Евангелие, казалось бы, и обличает книжников, но само оно также является книгой. Поэтому в каком-то смысле человека, внимательно изучающего, например, Новый Завет, тоже можно назвать книжником.

С одной стороны, Священное Писание Нового Завета, как правило, порицает фарисеев и книжников. В Евангелии от Матфея приведена речь Господа нашего Иисуса Христа в обличение этих людей, в которой звучат прямые и жестокие слова в их адрес: *Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко одесятствуете мятву и копр и кимин, и остависте вящшая закона, суд и милость и веру; сия же подобаше творити, и оных не оставляти. Вожди слепии, оцеждающии комары, велблуды же пожирающе! Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко очищаете внешнее сткляницы и блюда, внутрьду же суть полни хищения и неправды. Фарисее слепый! очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее им чисто. Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко подобитея гробом повапленным, иже внеуду убо являются красны, внутрьду же полни суть костей мертвых и всякия нечистоты; тако и вы, внеуду убо являетесь человеком праведни, внутрьду же есте полни лицемерия и беззакония. Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко зиждете гробы пророческия, и красите раки праведных, и глаголете: аще быхом были во дни отец наших, не быхом убо общницы им были в крови пророк; темже сами свидетелствуете себе, яко сынове есте избивших пророки; и вы исполните меру отец*

ваших. Змия, порождения ехиднова! како убежите от суда огня геенскаго?» (Мф. 23, 23–33)

Казалось бы, столь суровые, страшные обличения позволяют сделать однозначный вывод: эти люди стали олицетворением заблуждения. Спаситель постоянно называет их лицемерами: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры...* Но вдруг после всех разоблачающих слов Господь говорит: *Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город (Мф. 23, 34).* Именно книжники были оппонентами Спасителя во время Его проповеди, как повествуют о том евангелисты, и, тем не менее, Господь говорит собравшимся перед Ним фарисеям и саддукеям, что пошлет к ним пророков, премудрых и книжников. Заметьте: тех, кто всецело посвятил себя изучению Священного Писания, священных книг, избрав для себя такое служение, Он ставит даже наравне с пророками. Итак, мы видим, что дело не в образе жизни, а в духовном и умственном направлении, которое у книжников, входящих в фарисейскую секту и исповедующих фарисейскую ересь, конечно же, было неправильным. Однако само отношение к изучению книг как к занятию чрезвычайно важному и для собственного спасения, и для назидания ближних, никак не порицается. Наоборот, для спасения заблуждающихся книжников будут посланы другие книжники – знающие истину и, как сказано в другом месте Евангелия, наученные Царствию Небесному.

Есть еще одно убедительное свидетельство того, что Спаситель не всегда порицал книжников, а иногда даже восхвалял их и ставил в пример. Наиболее подробно об этом случае рассказывает евангелист Марк (прочту славянский перевод): *И приступль един от книжник, слышав их стязающихся и видев, яко добре отвеща им, вопросы Его: кая есть первая всех заповедий? Иисус же отвеща ему: яко первейши всех заповедий: слыши, Израилю, Господь Бог ваш Господь един есть; и возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею: сия есть первая заповедь. И*

вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего яко сам себе. Большая сею ина заповедь несть (Мк. 12, 28–31). Это замечательные слова, которые могут быть назиданием и даже руководством всякому человеку в течение всей его жизни, могут стать нашей жизненной целью. И рече Ему книжник: добре, Учителю, воистинну рекл еси, яко един есть Бог, и несть ин разве Его; и еже любити Его всем сердцем, и всем разумом, и всею душою, и всею крепостию: и еже любити ближняго яко себе, боле есть всех всесожжений и жертв (Мк. 12, 32–33). Действительно, сказанное Спасителем необыкновенно мудро и правильно. Иисус же виде, яко смысленно отвеща, рече ему: не далече еси от Царствия Божия (Мк. 12, 34).

Итак, мы видим, что этот книжник сподобился необыкновенной похвалы: *Не далече еси от Царствия Божия*. Значит, не всегда и те, кто пытались испытывать Господа, делали это с лукавым умыслом. Иногда они поступали добросовестно: спор, диспут был тем принятым в их среде методом, который позволял отстаивать определенную точку зрения или доискаться до нее.

В Евангелии от Матфея также есть одобрительные слова Спасителя о книжниках. Священное Предание говорит нам, что апостол Матфей был человеком грамотным, образованным по сравнению с большинством ближайших учеников Спасителя. Может быть, поэтому он как бы оправдывает тот образ жизни, который вели книжники. В отличие от других апостолов, которые не придавали образованности особенного значения, апостол Матфей подчеркивает, что интеллектуальная деятельность (конечно, ведущаяся в правильном направлении) не предосудительна. Он приводит слова Господа, с которыми Тот обратился к ученикам, после того как сказал им много притч о тайнах Царствия Небесного: *Глагола им Иисус: разуместе ли сия вся? Глаголаша Ему: ей, Господи! Он же рече им: сего ради всяк книжник, научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая (Мф. 13, 51–52).* Здесь мы уже видим явное восхваление образа жизни людей, избравших для себя путь, о

котором мы ведем сейчас речь, ведь тот, кто научился Царствию Небесному, сделал это не только для себя, для собственного спасения, но и для спасения ближних. Подобно хозяйственному, богатому человеку, сумевшему собрать большое имущество, он теперь уделяет всем остальным многое из своих сокровищ – износит от него *новая и ветхая*. Однако прежде этот книжник должен познать все открывающиеся перед ним тайны, все учение Господа не теоретически, просто занимаясь чтением, а на собственном опыте. Только тогда его, как следует из всего духа евангельского повествования, можно будет назвать научившимся Царствию Небесному, знающий же это только умом, безусловно, не может считаться истинным учеником Спасителя.

Господь Иисус Христос многократно говорил, что тот, кто не отречется от отца и матери, не может быть Его учеником, то есть требовал деятельного исполнения, а не только умственного изучения и исследования заповедей, которые Он нам оставил. И понятно, что под книжником, научившимся Царствию Небесному, здесь имеется в виду тот, кто опытно, благодаря своей христианской жизни, пусть и при помощи Священного Писания Ветхого и Нового Завета или других книг, понимаемых святыми отцами Писанием в широком смысле – творений великих учителей Церкви, таких как, допустим, Василий Великий или Григорий Богослов, – постиг тайны Царствия Небесного.

Такой домовитый человек, то есть хозяйственный, богатый, мудрый, собравший большое сокровище, способен износить от этого своего огромного умственного имущества *новая и ветхая*. Что следует понимать под этими словами? Прежде всего, можно видеть их простой, лежащий на поверхности смысл, понимая под *ветхим* и *новым* пережитое на опыте истолкование Ветхого и Нового Завета. Действительно, тот, кто, подобно книжникам, которых Спаситель называл лицемерами, не научился Царствию Небесному, конечно же, не может понимать Священное Писание. Естественно, его попытки использовать теоретическое знание Библии окажутся не только бесполезными и безуспешными, но даже вредными и опасными. Мы видим много таких лжеучителей, в особенности среди

сектантов, которые признают только Священное Писание и поэтому уделяют ему исключительное внимание, часто цитируют – порой уместно, порой неуместно. Такие люди вполне подходят под именование книжников в том смысле, в каком Спаситель обличал последних. И такие книжники, разумеется, ничему доброму научить не могут, ведь сами они научились Священному Писанию, но не Царствию Небесному.

Кроме того, слова о *новом и ветхом* могут означать учение о новой, благодатной жизни и о борьбе с ветхим человеком, то есть со страстями. И то и другое для нас необходимо. Под *новым*, которое износит книжник от своих сокровищ, можно понимать догматическое учение Церкви, повествующее о возвышеннейших предметах – тайне Пресвятой Троицы и образах бытия Божия, воплощении Его Единородного Сына, домостроительстве нашего спасения, тайнах будущего века, воскресении из мертвых и прочем. Это, конечно, все *новое*. Под *новым* можно понимать и благодатные ощущения и переживания, которые обязательно должен испытывать всякий истинный христианин. В таком случае книжником должны быть точно описаны молитвенные состояния, состояния духовного экстаза, восхищения ума, признаки этих благодатных состояний, такие как мир, тишина или покаяние, плач, любовь к Богу и ближним – все, что характеризует более или менее высокое духовное состояние. Все это можно понимать под словом *новое*. Под *ветхим* же нужно подразумевать не менее важные для нашего спасения вещи (для новоначальных они, может быть, даже более необходимы) – борьбу со страстями, умение отвергать свои помыслы и средства этой борьбы, такие как пост, непрестанная молитва, откровение помыслов. И *новое*, и *ветхое* нужны не для научения нас некоей теоретической науке, не для удовлетворения нашего любопытства, но для нашего спасения и обновления нашего падшего естества.

Мы видим, что с древнейших времен многие и многие святые отцы, самые знаменитые учителя Церкви, которыми мы назидаемся сегодня, были именно книжниками: Ириней Лионский, Иустин Философ, Дионисий Ареопагит, Василий

Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Афанасий Великий, Максим Исповедник, Кирилл Александрийский, Макарий Великий, другие египетские и греческие подвижники, такие как, например, Иоанн Лествичник, память которого мы совершаем сегодня... Сонмы книжников писали на самые разные темы, объясняли истины, необходимые для нашего спасения. Господь Промыслом Своим воздвигал их для защиты православного учения, для сохранения Предания как о внутренней жизни, так и о правильном исповедании православной веры и правильном ее сохранении. Все эти люди действительно были научены Царствию Небесному, и предположение о том, что они узнали его только из книг, было бы умалением их заслуг. Но и сказать, что они были лишь обученными грамоте подвижниками, которые смогли изложить свой духовный опыт, тоже будет несправедливо. Учители Церкви, безусловно, имели опыт духовной жизни и при этом были, как правило, людьми весьма образованными.

Знаменитое изречение Григория Богослова, сказавшего, что хорошо рассуждать о Боге, но лучше подвизаться ради Бога, свидетельствует, надо думать, о том, что он таким образом и поступал. Мы знаем, что высказывание святителя соответствует тому, как он жил с юных лет. То же можно сказать и о других церковных писателях – все они на первое место ставили нравственный, духовный образ жизни. Большинство из них были монахами, некоторые становились мучениками, такие как Иустин Философ или епископ Киприан Карфагенский. И так было с древнейших времен: не только книжное учение, но и подвиг веры, а вместе с тем и образование в этих людях соединялись необыкновенным образом, что принесло обильную пользу Православной Церкви.

У нас существует богатая святоотеческая литература. Смотришь на множество святоотеческих книг и понимаешь, что изучать их можно всю жизнь и все равно, даже если будешь делать это по-настоящему глубоко, едва ли успеешь постичь всё до конца. Святые отцы стали наставниками многих поколений и сегодня назидают нас. Во время собственной земной жизни они уже изнесли свое сокровище –

новая и ветхая. Нужно понимать, что подвигами для этих людей являлись не только молитва, коленопреклонение, уединение или пост. Само писание духовных трудов для святых отцов также было подвигом. Ведь они создавали свои тексты не в обыкновенных условиях, их деятельность не походила на занятия ученых, чьи исследования порой оказываются никому не нужными. Нет, церковные подвижники защищали православие. Те из них, кто писали на догматические темы, как Василий Великий или Афанасий Великий, часто за свои слова подвергались жестокому преследованию. Обратите внимание: в первые три столетия христианства, когда языческой Римской империей воздвигалось гонение на Церковь, при аресте и допросе у тех, кто подозревался в исповедании христианской веры, требовали отдать книги. Следовательно, враги Церкви понимали, что, если не будет книг (не только Священного Писания, но и богослужебных, и всех других текстов, которыми жили христиане того времени), искоренить христианское учение они смогут гораздо быстрее. Поэтому мы должны ценить подвиг святых отцов – авторов многочисленных догматических и нравственных поучений.

Многие подвижники, отрекшиеся от мира и уже и не обращающие внимания ни на что земное, пренебрегающие славой человеческой, такие как Макарий Великий, Иоанн Лествичник, Марк Подвижник, не ради признания и похвалы, а ради любви к ближним оставили для нас назидательные книги о нравственной жизни и о борьбе внутреннего человека за свое обновление, за свое спасение. Известно, что наставления Антония Великого, не знавшего грамоты, записали его ученики и почитатели, одним из которых был Афанасий Великий. И благодаря этому подвигу людей, которые сами уже ни в чем не нуждались, но, исполняя заповедь о любви, оставили нам свои книги, мы имеем такое обильное назидание. Для многих и многих поколений сохранено предание древних монахов-подвижников о духовном совершенстве – вот какое большое значение имеет подвиг православных книжников, одни только имена которых можно было бы перечислять, наверное, на протяжении часа. Соответственно и мы должны относиться к

изучению книг правильно, а не с пренебрежением, думая, что мы уже всё знаем, «сами с усами», а читать святых отцов нам ни к чему. Станем лишь молиться Иисусовой молитвой, и Господь пошлет нам благодать. В таких мыслях – пагубная самонадеянность!

Отмечу, что я говорю о важности чтения книг не только аскетических, которые нам нужно знать в первую очередь, но и догматических, или вероучительных. Приведу один смешной и страшный пример – расскажу о событиях, произошедших во время VI Вселенского собора, который был созван для осуждения монофелитства. Последователи этой ереси считали, что во Христе, хотя и две природы, но одна воля и одно действие. В сущности это было продолжением монофизитства. По православному вероучению, во Христе в одной Ипостаси соединены две природы, соответственно каждая природа имеет свойственные ей волю и действие: Божеская – Божественные, человеческая – человеческие. И вот после того, как участвовавшие в Соборе святые отцы с помощью рассуждений и свидетельств древних отцов (чему придавалось очень большое значение: чтобы доказать правильность своего мнения, учителя Церкви всегда старались найти подтверждение ему у авторитетных авторов более раннего времени), рассмотрели и осудили монофелитское учение, вдруг перед собравшимися захотел выступить некий монах и пресвитер Полихроний. Он предложил имевшуюся у него некую запечатанную бумагу, содержащую исповедание его веры, положить на грудь усопшего и помолиться. Если мертвец воскреснет, отцы Собора распечатают грамоту и прочитают в ней, какое же вероисповедание правильное. Однако святые отцы всё-таки уговорили Полихрония раскрыть грамоту и обнаружили, что там записано монофелитское вероисповедание. Оказывается, ему явился некий величественный, страшный муж, по виду которого можно было заключить, что это ангел Божий, и пообещал, что если он сделает именно так, то мертвец воскреснет, а Полихроний таким образом докажет «истину православия». Стало понятно, что

этот монах был в прелести. Тем не менее святые отцы согласились на предложенный эксперимент.

Вскоре нашли усопшего – в Константинополе, где проходил Собор, сделать это было несложно. Город, где тогда проживало свыше двухсот тысяч человек, для того времени был просто гигантским – его и называли мегалополисом, то есть «великим городом» (сейчас мы тоже употребляем это слово, но в несколько измененном виде: «мегаполис»). Полихроний положил свое писание мертвецу на грудь, начал молиться, что-то приговаривать, шептать на ухо покойнику. Так продолжалось в течение трех часов, народ с интересом следил за происходящим, никто этого человека не прерывал. В конце концов он сам сказал: «Я не могу воскресить мертвеца». Отцы Собора и сановники снова собрались в зале заседания. Полихрония спросили: «Раз ты не смог оживить человека, то наверняка уже понял, что твое вероучение ложное?» – «Нет, – ответил он, – я остаюсь при своем мнении». Так он и не раскаялся, несмотря на явно обнаружившееся губительное обольщение, нелепость и смехотворность своего поступка, и был предан анафеме вместе с другими еретиками, среди которых был и патриарх Антиохийский Макарий.

Таков ужасный пример невежества, соединенного с прелестью. Между тем если мы будем пренебрегать чтением святых отцов, то как бы и нам не оказаться в таком же положении. С одной стороны, мы понимаем, что нужно молиться, спасаться, с другой – у нас, как нам кажется, нет времени (а на самом деле – желания), чтобы изучать святоотеческую литературу. Но когда в один прекрасный момент к нам, как к Полихронию, тоже кто-нибудь явится и скажет какую-нибудь «истину», мы точно так же станем посмешищем если не для людей (об этом, может быть, никто не узнает), то, несомненно, для демонов. Поэтому не нужно уклоняться от чтения святоотеческих книг, ведь их авторы как раз и есть те самые книжники, научившиеся Царствию Небесному.

Конечно, вы можете сказать: «Зачем нам читать догматические произведения? Для нас достаточно аскетической литературы». Но, к сожалению, и ее у нас не все усиленно

изучают. Избирают наиболее простое, интересное и легкое чтение – жития древних и современных подвижников – и тем довольствуются. Текстами же серьезными, требующими умственного напряжения (а чтение аскетической и тем паче догматической литературы – это самый настоящий труд), пренебрегают, считают это для себя необязательным. Так возникает опасность сочетания невежества и прелести, пример чего мы только что разобрали.

Но бывает и так, что в вероучительных истинах ошибаются люди духовно преуспевшие, снискавшие благодать. В «Луге духовном» рассказывается о пресвитере, который совершал Божественную литургию в сослужении ангела. В то же время при чтении тайных молитв он произносил слова, в которых заключалась ересь. Обличил его в этом диакон, который ангела не видел, особенных даров благодати не имел и в духовном отношении был, по-видимому, христианином заурядным. Известен и такой пример: некий старец думал, что Мелхиседек – это не пророк, а воплотившийся Сын Божий. Тогда блаженный Кирилл, архиепископ Александрийский, желая показать старцу его заблуждение, употребил хитрость: он попросил старца помолиться, чтобы ему было открыто, кто такой Мелхиседек. Старец, не подозревая хитрости архиерея, помолился и сказал архиепископу, что Мелхиседек – это пророк.

Итак, мы видим, что неприятие догматического учения Церкви, пренебрежение им как якобы не нужным тому, кто не собирается становиться писателем, может привести нас к ошибкам и в вопросах духовных, аскетических. Ни в коем случае нельзя считать, что догматика и аскетика между собой не связаны. Учение Церкви о как будто бы отвлеченных предметах формирует правильную аскетическую практику. Например, если основное положение индуизма заключается в том, что Бог есть некое безграничное, безличное существо и что все существующее, в том числе и человек, есть его проявление, то отсюда происходит и соответствующая аскетическая практика: человек должен прийти в такое состояние, чтобы ощутить себя этим беспредельным существом, собственно, – Богом. С христианской точки зрения, здесь присутствует сатанинская

гордость, поэтому и переживания будут явно неправильными. Буддисты считают, что мир – это призрак, случайное сочетание некоторых частиц, и сознание каждого человека есть некая ошибка природы. То есть, если бы мы (не дай Бог!) были буддистами, то должны были бы прийти в такое состояние, при котором поняли бы, что нас не существует, а все существующее – абсурдно. Соответственно и все их духовные приемы направлены на то, чтобы постичь абсурдность материального и даже индивидуального существования.

У буддизма и индуизма есть нечто общее, но присутствуют и отличия. Есть они и между христианскими конфессиями. У католиков по сравнению с православными совсем другие переживания и ощущения. Католическая аскетическая практика стала меняться после того, как там начало распространяться лжеучение об исхождении Святого Духа «и от Сына» (лат. *ilioque*), которое, например, великий учитель Церкви писатель Марк Эфесский считал корнем и главным заблуждением западной ереси. Согласно этому догмату Дух Святой исходит не только от Отца, но и от Сына – такая путаница в учении о Пресвятой Троице, может быть, и привела к тому, что в западных странах стало вырабатываться иное учение о духовной жизни, не соответствующее древней общехристианской аскетической практике. Если мы сравним духовные переживания Франциска Ассизского с теми, которые испытывали православные подвижники, например Григорий Палама, то увидим кардинальную разницу, хотя те и другие – христиане. Так произошло потому, что с искажением вероучения в католицизме исказился и весь строй жизни – аскеза, богослужение и все прочее.

Поэтому мы можем оказаться в таком положении, что, будучи формально православными, из-за своего невежества, незнания православного догматического или аскетического учения, примем какое-либо заблуждение. Да, каждый из нас исповедует православие, ходит в храм, но то или иное заблуждение, едва ли не языческое суеверие, может вкрасться в наше сознание из-за того, что мы не испытываем постоянно

свое мышление и не сверяем его со святоотеческим учением. Это касается наших взглядов на все вопросы, с которыми мы сталкиваемся, – историю, вероучение, аскетику, литургику... Так что можно заблуждаться и оставаясь в лоне Православной Церкви.

Что такое прелесть? Мы привыкли считать, что это состояние подвижника, живущего неправильной духовной жизнью, допускающего ошибки в аскетической практике. Но такое представление слишком узкое. Под прелестью святые отцы понимали всякое заблуждение, и если среди православных монахов она исключение, то среди людей, находящихся вне Православной Церкви, это правило и закон. Что заставляет людей отрицать бытие Божие или неправильно думать о Боге, о вечной жизни, как не прелесть, которая имеет источником своим бесовские внушения? Поэтому, когда мы в лоне православия следуем ошибочному мнению, впадаем в так называемую бесовскую прелесть, то принимаем те заимствованные или, может быть, возникшие в нас стихийно черты лжеучения, которые свойственны людям, находящимся вне Церкви. Чтобы правильно ориентироваться, остерегаться этих ложных взглядов и не уподобиться злополучному и одновременно смешному монаху Полихронию, мы и должны читать творения святых отцов, которые очень часто обличают, критикуют, выводят на свет те или иные заблуждения.

Сейчас я сделал упор на необходимости чтения догматической литературы, однако то же самое нужно сказать и об аскетических сочинениях. Я предполагаю, что в монастыре никто не нуждается в напоминаниях о пользе изучения последних, но если и здесь есть те, кто пренебрегает таким чтением, не считая его для себя необходимым, то это уже верх беспечности. К человеку, считающему, что догматические книги для него не столь обязательны, как аскетические, еще можно снизойти, но никак нельзя извинить того, кто, пожелав отречься от мира, живет в монастыре и вместе с тем пренебрегает самым необходимым, тем, что для него является хлебом насущным, – аскетическим святоотеческим учением. Он

должен этими текстами питаться, не только читать, но и перечитывать их. Часто книга, к которой мы возвращаемся через несколько лет после первого прочтения, понимается нами иначе. Тогда одни моменты показались нам неважными, и мы опустили их по своей неопытности, другие, может быть, действительно были неактуальными, поскольку чувства, о которых там шла речь, еще не были пережиты нами. А через некоторое время все незамеченное прежде для нас оживает и кажется жизненно важным и первостепенным. Поэтому – повторю свою мысль – мы должны аскетических писателей читать и перечитывать. В голове у нас должна быть целая библиотека, к которой мы будем обращаться в случае необходимости. И тогда наша память услужливо подскажет нам то или иное изречение или поучение древних подвижников, подходящее к нашему сегодняшнему душевному состоянию или переживаемому нами событию. Это касается и Священного Писания, которое тоже нужно читать правильно, руководствуясь святоотеческим толкованием, а иначе очень легко можно в нем запутаться.

Итак, изучение трудов учителей Церкви есть наша жизненная необходимость, а потому мы тоже должны быть книжниками – если не как святые отцы, которые *износили от сокровища своего новая и ветхая*, то по крайней мере как тот книжник, о котором говорит евангелист Марк. Он задал Спасителю вопрос, услышал ответ и подтвердил его правильность. Мы ведь, читая, тоже спрашиваем у автора ответ на важные для нас вопросы и должны получать в душе подтверждение правильности ответов, которые нам даются. Но если мы чтением будем пренебрегать, то ничего и не приобретем.

Еще раз говорю: даже благодатные люди ошибались так, что подвергали свое спасение опасности. Кроме того, можно впасть и в незаметную, тихую, скрытую, никому не понятную и не известную ересь. Любой послушник или монах может думать, что все в его жизни правильно, а потом обнаружится обратное. Одна раба Божия, которая много лет ходила в церковь, на вопрос, что такое Троица, ответила, что

это Бог Отец, Бог Сын и Пресвятая Богородица... И таких смешных и одновременно печальных примеров можно найти много. Так что мы не должны пренебрегать чтением, должны помнить, что наряду с молитвой оно есть, как говорит святитель Игнатий, существенное делание монаха.

Некоторые, чувствуя при молитве благодать и утешение, думают: «Лучше я помолюсь еще дополнительное время, больше, чем предписано правилом, а уж без чтения как-нибудь обойдусь». И в первое время такому человеку, может быть, действительно будет лучше. А потом возникнут вопросы, ответов на которые получить будет негде. Вы скажете, что в монастыре есть духовник, к которому всегда можно обратиться за помощью, но ведь вопрос нужно еще уметь правильно задать. А главное, нужно сопоставить свое состояние со святоотеческими наставлениями и понять, правильное оно или неправильное. Наконец, важно уметь его описать, а если мы не знаем святоотеческой терминологии, то просто не сможем пересказать наставнику то, что в нас происходит. Иногда люди, не знакомые с трудами святых отцов, используют такие выражения и обороты, что хочется просто хохотать. Один верующий, благочестивый, ревностный человек, который при советской власти очень стойко вел себя при многочисленных искушениях, говорил мне, когда у него Иисусова молитва начала сама произноситься в душе, в сердце, что это похоже на колбасу, которую отрезают ломтиками – раз, раз. Он просто не мог иначе объяснить свои ощущения и вообще допускал много ошибок, потому что ничего не знал (да и знать-то было неоткуда). Ну а в отношении молитвы, хотя направление его и было верным, описание получилось совершенно нелепым. И все потому, что он не знал творений святых отцов.

Вы тоже можете оказаться, а порой и оказываетесь, в таком положении – рассказываете о себе так, что понять ничего нельзя. Иногда человек настолько не умеет грамотно выразиться, описать происходящее с ним, что можно подумать, будто он уже не только прельстился, но и лишился рассудка. Только опыт заставляет меня в таких случаях терпеливо выслушивать и тщательно расспрашивать обратившегося ко

мне, и порой оказывается, что ничего страшного нет, просто человек не умеет верно передать свои ощущения. Бывает и противоположное: человек описывает их будто бы правильно, а начнешь расспрашивать его подробнее – и услышанное окажется нелепостью, бредом. У одного раба Божия непрерывная молитва, как он говорил, совершалась в сердце, но – с правой стороны. Он прочитал, что молитва должна утвердиться именно в сердце, но почему-то думал, что этот орган находится справа, и сводил молитву туда. Так что всякое может быть, и все это от невежества. Ничего прекрасного и возвышенного в человеческой глупости нет.

Незнание простительно человеку неграмотному или тому, кто действительно не имеет возможности читать книги, например не имеет доступа к духовной литературе, как это было во времена советской власти. Но когда все нам открыто, а мы при этом смотрим на святоотеческие писания как на траву под ногами и ими пренебрегаем, такое поведение, конечно, предосудительно, и нам предстоит за него отвечать. Нельзя сравнивать нас с людьми, которые были невежественны по объективным, независящим от них причинам, поэтому будем благоразумны, не станем нелепо предполагать, что в наше время возможно самосовершенствование и достижение высоких духовных состояний без чтения трудов святых отцов. Таких наставников, как великие старцы древности, сейчас, можно сказать, нет, по крайней мере непосредственно и часто общаться с ними мы не можем. Но это общение нам заменяют святоотеческие творения. Собственно, для того древние учителя и брались за перо.

Прежде всего следует обращаться к аскетической литературе, но и догматические тексты нам также необходимы. Сейчас нет или почти нет, к сожалению, таких наставников, которые преподавали бы народу вероучительные истины, а значит, мы должны сами черпать из книг всё для того, чтобы и сохранять себя в православии, и придерживаться правильной аскетической ориентации, и иметь возможность при необходимости сказать кому-то нужные слова. Не обязательно проповедовать с амвона – можно наставить наших ближних и в

простой беседе. Допустим, братья, общаясь с людьми, помогающими монастырю, или с теми, с кем мы сотрудничаем по каким-то вопросам, могут дать им необходимое назидание, ведь те ожидают его от нас, предполагают, что мы знаем православное учение. Поэтому мы должны, по словам апостола Петра, быть всегда готовы дать отчет о нашем уповании. А какой мы сможем дать отчет, если ничего не будем знать?

* * *

Вопрос. Батюшка, стоит ли при чтении книг сразу же их конспектировать или делать пометки в текстах?

Ответ. Не знаю, есть ли в этом польза. Во-первых, книги, которые вы читаете, всё равно находятся все здесь, в монастырской библиотеке. Зачем же конспектировать то, что можно просто перечитать? Во-вторых, человек, пишущий конспект, выбирает те фрагменты, которые ему нравятся, но нравящееся еще не значит полезное. Оно может (я сам испытал это на себе) льстить нашим неправильным убеждениям, даже страстям. Вот мне в молодости нравилось выписывать изречения Исаака Сирина о возвышенном делании, о любви, а на самом деле они были для меня тогда преждевременны.

Прибегать к конспектированию стоит, когда человек не имеет возможности пользоваться нужными текстами постоянно, допустим, миряне берут книги в библиотеке, выписывают наиболее важные места и возвращают обратно. Тогда это еще можно понять, и то могут возникнуть ошибки, о которых я сказал. А для нас это зачем? Я знаю одну рабу Божию, которая выписывает изречения и только что не вешает их на стенку. Раньше, впрочем, она так и делала: прикрепит на стене листок с понравившимся изречением, потом меняет его на другой. Ты смотришь на эти слова, потом на нее и думаешь: какое они имеют к ней отношение? Ничего этого она и близко не исполняет. Судя по изречениям, привлечшим ее внимание, она отшельница, подвижница. А на самом деле она совершенно не владеет собой, может и нагубить, и обидеть. Молится она лишь тогда, когда хорошо выпитая и когда ей совершенно нечего делать. Сейчас она, правда, изменилась в лучшую сторону. Сейчас она не записывает полюбившиеся изречения, а

запоминает. Но ей это все равно не приносит никакой пользы. Нам же с вами, повторю, подобные записи в любом случае не нужны и даже опасны.

Вопрос. Батюшка, я встречал у одного из толкователей мнение о том, что ветхозаветные пророки во время молитвы имели не внешние видения, а умозрительные откровения. А мне казалось, что умозрительные, созерцательные откровения в молитве стали доступны людям только с дарованием новой благодати, через пришествие в мир Спасителя и Его крестную смерть. Разве мы сейчас имеем не бóльшую благодать, чем ветхозаветные праведники?

Ответ. О том, что нам дана бóльшая благодать, нежели пророкам ветхозаветных времен, говорит и Макарий Великий. (Конечно, преподобный имел в виду не таких нерадивых христиан, как мы, а истинных подвижников.) Однако то, что пророкам видения давались умозрительно, не означает, что это были только мечты. В данном случае слово «умозрительный» следует понимать как «невещественный, нематериальный». Видения всё же давались этим людям извне, они созерцали их, так сказать, со стороны.

Что же касается подвижников благочестия новозаветного времени, то они получили возможность достичь высочайшего богообщения и созерцать славу Пресвятой Троицы – соединиться с Богом, чего древние праведники сделать не могли. Например, пророку Моисею в ответ на просьбу увидеть Бога было сказано: *Узриши задняя Моя, лице же Мое не явится тебе* (Исх. 33, 23). Другой пророк – Илия – созерцал Господа лишь в веянии тихого ветра. А ведь то были пророки величайшие, имевшие у Бога необыкновенное дерзновение! Между тем христианские богословы уже рассуждают о богообщении и полагают целью своего подвига восхождение ума и пребывание его в Боге, как о том говорят Максим Исповедник, Макарий Великий и многие-многие святые отцы, почти все, кто писал о высочайших духовных состояниях. И в этом смысле, конечно, можно сказать, что православные подвижники и вообще всякий христианин по своим возможностям находятся выше, чем ветхозаветные пророки.

Тем печальнее и плачевнее наше состояние: потенциально мы богаче наших предков – имеем то, чего не было дано им, однако в действительности мы намного беднее их и стоим неизмеримо ниже. Того, что нам даровано в таинствах крещения, миропомазания, и в особенности в таинстве евхаристии, мы не реализуем.

Вопрос. Если у ветхозаветных пророков сердце не было очищено Божественной благодатью, следовательно, у них не было такого восхождения к Богу, как у современных подвижников? Ведь всякое созерцание начинается через сердечную молитву.

Ответ. Созерцание Божественной славы в лучшем случае лишь начинается в сердце, но это не значит, что только там все и происходит: если подвижники восхищались умом, так что тело их пребывало без движения, как бы в оцепенении на протяжении нескольких дней, то разве только в сердце у них это происходило? Или когда Арсений Великий весь огненный стоял на молитве, или когда лицо Серафима Саровского просияло ярче солнца перед Мотовиловым – это совершалось лишь у них в сердце?!

А очищается сердце прежде всего таинствами. Да, ветхозаветные праотцы не имели того, что есть у нас, однако конкретно мы с вами не приводим свой потенциал в действие. А такие подвижники, как Макарий Великий или Антоний Великий, это сделали, и по своим индивидуальным переживаниям они действительно поднялись в деле богообщения выше, чем древние пророки. Но если смотреть на роль тех и других в деле спасения всего человечества и рассматривать их как орудия Промысла Божия, мы, конечно, не можем говорить, что, допустим, Макарий Великий стоит выше, чем пророк Моисей или пророк Исаия. Разумеется, это абсурд.

Вопрос. Значит, для ветхозаветных пророков сердечная молитва была невозможна?

Ответ. Наверное, так. Григорий Палама говорит, что Божия Мать, когда Она пребывала во Святая Святых, явилась возобновительницей и изобретательницей умного делания. Отсюда можно сделать вывод о том, что эта практика

была утеряна после грехопадения прародителей и возобновлена Пресвятой Девой.

Вопрос. Батюшка, вы говорили, что у католиков аскетическая практика стала меняться после того, как на Западе стало распространяться учение о «филиокве». Не могли бы вы объяснить, какова связь между духовным устройством человека и ересью?

Ответ. Когда мы говорим о буддизме, индуизме, проследить такую связь очень просто, когда же речь идет о христианских ересьях, то, поскольку отличия очень тонкие, проанализировать их и сделать точные выводы трудно. Из русских философов мысль о том, что ересь влияет на нравственную жизнь, высказывал Алексей Степанович Хомяков. Но вряд ли правильно будет утверждать, что каждая ересь вызывает строго определенную страсть. Можно сказать, что ересь всегда грешит против любви и против смирения, враждует с ними, потому что эти добродетели соединяют людей, а она приводит к разделению. На литургии священник или диакон возглашает: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы» – значит, правильное исповедание и единомыслие есть следствие любви. Если еретики отъединились от Церкви, какая же тут любовь? Там, где произошло разделение, любви нет. Она ведь выражается не в том, чтобы смотреть на другого человека и плакать, а в том, чтобы любить всех христиан древних времен, апостолов, святых отцов, хранителей и защитников предания. Если я от предания уклонился, значит, я не люблю их, не люблю Бога. Когда же при этом остается какая-то видимость любви, то нужно предполагать в этом духовную прелесть или, в лучшем случае, любовь человеческую.

Вопрос. Как избежать высокоумия от чтения?

Ответ. Думаю, высокоумие преследует нас при всяком добром деле. Если мы совершаем что-то доброе, за этим обычно следуют гордость и тщеславие. Поэтому вопрос можно несколько расширить: «Как избежать высокоумия от того, что мы делаем что-либо доброе, что-либо правильное?»

Чтобы избежать этой болезни, нужно укорять себя, понимать, что если мы что-то прочитали, то само по себе это еще ничего не значит, мы должны прочитанное исполнить. Осознавая это, мы будем избегать высокоумия. Вообще, при всяком случае, когда мы делаем что-то доброе, нужно помнить, что мы умрем и за все, чего достигли на земле, будем отвечать перед Богом, там наше умственное развитие ничего не будет значить.

Как мы боремся с гордостью обычно, так нужно бороться с ней и тогда, когда она возникает от чтения духовной и вообще любой литературы. Конечно, человеку свойственно гордиться своими знаниями, из-за этого люди очень превозносятся друг перед другом. Но ведь мы читаем не для того, чтобы что-то узнать, а для того, чтобы получить руководство ко спасению. И поэтому знания, которые мы не применяем в жизни, будут нам скорее во осуждение.

Бог – помощник в бранях на пути исполнения Евангелия⁸²

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогой брат! Ты принял малую схиму, ангельский образ. Ты дал обеты невидимо присутствующему здесь Господу пред лицом Божией Матери, святых ангелов, святых мучеников, преподобных отцов.

Преподобный Иоанн Лествичник сказал, что монах есть тот, кто на всяком месте и во всякое время думает только об исполнении евангельских заповедей. Поэтому Евангелие, лежащее на аналое перед тобой, символизирует то, что здесь невидимо присутствует Господь Иисус Христос. И ты пообещал Спасителю, что, раскаявшись в своем прежнем греховном житии, отныне будешь руководствоваться не какими-то человеческими мнениями и суевериями, не своими страстями, а Евангелием.

Но когда человек берет на себя, как сказал Господь, иго Евангелия, его падшее естество противится, восстает против этого ига. Жизнь по Евангелию – это смерть для ветхого греховного человека, хотя одновременно и воскресение для человека нового – того, в котором прояснен образ Божий и который должен жить, уподобляясь Христу, по словам апостола Павла, сказавшего: *Подражайте мне, как я Христу (1Кор. 4, 16)*. У человека, стремящегося исполнять евангельские заповеди, начинается жестокая брань. Никто из нас, естественно, не желает мучений и страданий, однако эта брань неминуема, если мы, христиане, стремимся достичь царства Небесного, если хотим жить по Евангелию, хотим исполнить свой долг, то есть вернуться к тем крещенским обетам, которые мы по неведению, нерадению, а может быть, даже и по лукавству нарушали и которыми пренебрегали. И тогда благодать Божия, дарованная всякому христианину в таинстве крещения, вновь получает в нас, если так можно выразиться, свободу, возможность действовать во всей полноте – конечно, с нашей помощью.

Когда мы умственным взором смотрим на преподобных отцов, на мучеников Христовых, показавших непостижимую для нас пламенную любовь к Богу, нам кажется, что это были не люди, а ангелы во плоти. но это не так. Они нередко имели сильнейшие страсти, но подвизались против них всеми силами своей души. Они были обыкновенными людьми, такими же, как мы, но благодать, дарованная им в таинствах крещения, миропомазания, причащения, действовала в них, а не была как бы погребена. Святые совершали великие добродетели. Я уж не говорю о творимых ими чудесах, потому что любовь к Богу и ближнему – это высшее чудо и высшая добродетель. Апостол Павел говорит, что *любовь есть совокупность всех совершенств* (см. Кол. 3, 14), это *путь превосходнейший* (см. 1Кор. 12, 31) – даже больший, чем творение чудес, говорение на ангельских языках, пророчества и любые другие, как нам кажется, необыкновенные духовные дарования. Любовь выше всего.

Эти люди, исполнившие заповедь о любви, не получили извне чего-либо нового, особенного, но в них, благодаря их усердию, понуждению себя, стала действовать благодать крещения. хотя диавол и противился им, возбуждая страсти, внушая соблазнительные мысли, искушая их душу, дух и тело, хотя он подвергал святых тяжким испытаниям и от демонов и от людей, через которых действовали демоны, но они вышли победителями, стали тем, кем должны были быть. Не какими-то особенными людьми, как нам кажется из-за нашего нерадения, а теми, кем должны были быть, – настоящими христианами. Они жили по Евангелию, не оправдываясь тем, что какие-то обстоятельства мешают им повиноваться Христу.

Мы почти всегда находим оправдания своим душевным немощам, действующему в нас греху: мол, обстоятельства ныне не те, окружающие люди нас искушают, нет благоприятных условий для молитвы, нет возможности уединиться. Мы жалуемся на то, что обязанности, возложенные на нас, препятствуют нам помнить о Евангелии и наши мысли отвлекаются на суетное. Говорим, что исполнять заповеди препятствует нам само наше тело: болезни, плотские страсти,

действующие в нас будто бы против нашей воли и желания. наши душевные чувства, мысли, умственные способности, сложившиеся мнения также якобы мешают нам исполнять заповеди.

И мы видим, что наше тело, душа, жизненные обстоятельства — как будто бы противятся исполнению Евангелия, делают это исполнение невозможным. Но человек является существом абсолютно свободным в выборе пути. Если бы он был одинок, если бы Бог не был ему помощником, то человек, может быть, и не смог бы одолеть всех этих препятствий. Но поскольку Бог содействует нам и, как говорится в чинопоследовании пострига, «встает и ложится» вместе с нами, — конечно, если мы являемся ревностными монахами, — то есть находится рядом с нами непрестанно, то нет нам никакого извинения. Мы свободны в своих желаниях и, соединяя при помощи Божией свою волю, свое неможное усилие со всемогущей силой Божией, можем преодолеть все эти, казалось бы, непреодолимые препятствия, как внешние, так и внутренние. Кроме того, в нашей душе есть склонность к добру, ведь человек, в отличие от демонов, не является существом абсолютно злым — в нем осталось много доброго. Если мы будем действовать по своему естеству, то с Божией помощью и в душе, и в теле, и в том, что вокруг нас, найдем многочисленных союзников для исполнения заповедей Божиих, для жизни по Евангелию.

Поэтому не будем смущаться, когда на нас, может быть, с новой, большей силой восстанут любые живущие в нас страсти, плотские или душевные: гордость, гнев и прочие тьмочисленные — все, о которых говорят святые отцы. Не будем ужасаться этому — с нами Бог. Если мы от него не отступим, если мы с крайним напряжением всех наших сил, *всей крепостью своей* (см. Мк. 12, 30), как заповедал нам Господь Иисус Христос, приступим к нему и будем держаться за Него, то он нас также никогда не оставит. В книге пророка Исаии, цитата из которой сегодня была прочитана в чине пострига, Господь сравнивает себя с любящей матерью, говоря так: *Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати исчадия чрева своего?* (Ис. 49, 15).

Действительно, кажется невозможным, чтобы мать забыла свое дитя. Но окончание этой фразы еще поразительнее: *Аще же и забудет сих жена*, – говорит пророк от лица Божия, то есть говорит сам Господь, – *но Аз не забуду тебе* (Ис. 49, 15). Поэтому, если только мы сами не отступим от Бога (я сейчас говорю даже не о страшном грехе отречения, а о том, что мы можем отвернуться от Господа своим нерадением, теплохладностью, лукавством), то и Он никогда нас не оставит и всегда нам поможет.

Так, в борьбе с диаволом, в борьбе со своими собственными немощами и страстями, мы с Божией помощью достигнем незаходимого дня. Уже и в этой жизни мы будем предвкушать вечные блага, а в будущей сподобимся вполне царства Небесного, ради которого (о чем мы должны всегда помнить) отреклись от мира. Отреклись не потому, что мы лучше других и не для того, чтобы быть лучше других, а чтобы сделать все, что в человеческих силах, и через такое понуждение себя улучшить царство Божие – восхитить то царство, которое *в нас есть* (см. Лк. 17, 21) и которое в полной своей силе откроется каждому помилованному Богом христианину в будущем веке. Аминь.

Об ИНН и христианском трезвомыслии⁸³

Я хочу провести с вами беседу на тему, которая не столько актуальна (актуальной в духовном отношении я ее не считаю), сколько болезненна. Связана она с распространением разнообразных мнений об ИНН – индивидуальном номере налогоплательщика. Цель нашей беседы – уяснить святоотеческое учение на этот счет и выработать здоровое отношение к этой проблеме. У нас в монастыре этим вопросом не интересуются, поскольку стараются заниматься своей внутренней, духовной, жизнью, и это вполне разумно, но обстоятельства могут сложиться так, что вы столкнетесь с этой соблазнительной темой и, будучи неподготовленными, смутитесь. Чтобы предварить подобное искушение, мы и поговорим об этом.

Конечно, мнение обыкновенных людей не должно на нас влиять и приводить в смущение – мы можем им просто пренебречь. (Если каждого слушать и опровергать, то на это уйдет слишком много времени и сил.) Но есть такие люди, которые претендуют, может быть справедливо, на звание духовных; они имеют благодать, обладают духовными дарованиями, какой-то силой молитвы и, возможно, некоторой прозорливостью. И когда мнение об ИНН как о печати антихриста исходит от них, тогда оно бывает уже опасным, по той причине что один только авторитет такого человека заставляет нас принять его взгляд – без всякого с нашей стороны рассуждения. Даже если такой человек говорит нечто ошибочное, мы, считая его святым, ему верим.

Обратимся к изречению Спасителя о том, как мы должны относиться к духовным руководителям. *А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос (Мф. 23, 8–10).* Отсюда не следует, что мы не должны никого почитать и что нам надо, подобно сектантам, бояться

употреблять по отношению к священникам слово «отец». Это не значит также, что нельзя называть кого-либо учителем (например, святых отцов, которые являются учителями Церкви) или наставником (например, духовника или старицу). Речь идет о том, что всякий наставник или учитель лишь постольку вправе претендовать на это возвышенное наименование, поскольку проповедует и учит тому, чему учил Христос. Но бывает, что тот или иной наставник по немощи (не по злонамеренности, потому что тогда он был бы явным лжеучителем) отклоняется от евангельского учения. Ведь не все человек духовный говорит от Бога – иногда он прибегает и к чьему-либо авторитету, например каких-нибудь светских ученых. А возможно, он поучает чему-либо от себя, поддавшись общепринятому мнению, не проверив его молитвой и не сверив со святоотеческим взглядом на данный предмет, – и порой ошибается.

Мы знаем, что многие, даже великие святые отцы ошибались в серьезных вопросах. Святитель Иоанн Златоуст относил кончину мира к 400 году: он полагал, что не погрешит, если назовет эту цифру. Иоанн Златоуст говорил также, что антихрист придет тогда, когда будет разрушено Римское царство. Но даже если его формальной гибелью считать падение Константинополя (середина XV века), то Римского царства не существует уже более пятисот лет. А если говорить о действительном разрушении Римской империи, то нужно заметить, что на христианские страны она не оказывала никакого влияния и того раньше: в западной своей части – приблизительно с середины V века, в восточной, – наверное, после падения Константинополя от крестоносцев. Предполагалось, что римская власть должна была удерживать мир от хаоса и не давать возможности в буре этого хаоса прийти антихристу. Но Римского царства, повторю, давно уже нет, и предсказание Иоанна Златоуста, как мы видим, не сбывается. Попытки же истолковать слова «римская власть» в смысле монархического государственного устройства вообще, например имея в виду русскую православную монархию, натянуты. Ведь если власть русского монарха и распространялась на огромную территорию, то это не

значит, что он мог предотвратить пришествие антихриста в других частях мира, в особенности тех, которые традиционно являлись источниками человеческой культуры и законодателями образа жизни, мыслей, – как сейчас говорят, «законодателями мод». На территорию, входившую в состав Римской империи, власть русского государя никогда не простиралась. Поэтому считать, что русский царь был тем, кто удерживал мир от беззакония, предупреждал пришествие антихриста, было бы большим преувеличением. Итак, слова Иоанна Златоуста в этом отношении оказались неправильными.

Еще один пример. Преподобный Иоанн Дамаскин, который, конечно, является великим учителем Церкви и чье учение никогда не устареет, в своем предсказании о кончине мира также погрешил. Он считал, что мир должен просуществовать семь тысяч лет, а восьмое тысячелетие – это уже будущий век. По традиционному византийскому летосчислению, которое было известно Иоанну Дамаскину и признавалось им, сейчас идет 7509 год. С того времени, как должна была, по его мнению, наступить кончина мира, прошло более пятисот лет. Таким образом, и Иоанн Дамаскин в этом отношении ошибся. И всякий человек, который делал попытки указать точную дату кончины мира, пусть даже облеченный авторитетом святости или необыкновенно мудрый в духовном смысле, в своих предположениях неизбежно ошибался. Иоанн Дамаскин, говоря о восьмой тысяче лет как о начале будущего века, опирался на мнение других отцов, живших прежде него. Так как этим людям казалось, что семь тысяч лет – это огромный срок, то они и предполагали, что этого хватит для того, чтобы существование мира подошло к своему завершению. Но все оказалось не так. Кроме того, нужно иметь в виду, что люди, которые жили в смутное время, конечно же, ожидали близкой кончины мира, а те, кто жили в спокойное, – отодвигали ее. Для человека это естественно. Например, Иоанн Дамаскин жил в VIII веке. Жил он на православном Востоке, уже захваченном мусульманами, – сначала в Сирии, потом, уйдя в монастырь, – в Палестине, в Лавре Саввы Освященного, был и в Иерусалиме. Естественно, ему казалось, что конец света

близок, потому что христианский мир разрушается. Однако после его смерти прошло более тысячи двухсот лет (после кончины Иоанна Златоуста – более полутора тысяч), а мир до сих пор существует. Тем не менее авторитет названных мною отцов от этого не умаляется.

И если ошибались Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, то тем более может ошибаться современный, пусть даже благочестивый и опытный духовник или старец. Так, один из известных духовников заявляет о том, что ИНН нельзя принимать по той причине, что в нем якобы содержится нечто кошунственное, как бы «предпечать» антихриста, то есть печать предварительная, подготавливающая к настоящей. Хотя ни о какой предваряющей печати в Священном Писании ничего не сказано. Из-за такого своего мнения этот человек не перестал быть опытным духовником. Мне говорили, что как духовный наставник он действительно очень опытен и дает дельные, ценные советы. Однако когда он вступает в ту область веры, в которой погрешали даже учителя Церкви, то ему естественно ошибиться – и он ошибается.

То же самое можно сказать и о гораздо более авторитетном старце, назовем его отец N. Мне очень не хочется брать на себя дерзость судить такого знаменитого и уважаемого человека, но приходится, поскольку он выражал, по крайней мере до определенного момента, мнение о том, что ИНН принимать нельзя. Конечно, отец N окончил семинарию и академию, но те, кто общались с ним, знают, что человек он очень простой. Мы знаем и про святого праведного Иоанна Кронштадтского, что он тоже имел академическое образование, однако не был ни выдающимся богословом, ни выдающимся проповедником. Он прославился своей жизнью, и самые знаменитые его книги – это дневники, в которых он в простой форме изложил свои мысли и чувства, то есть личный духовный опыт. Вот что ценно. Проповеди же у него весьма заурядные, а богословских трудов вообще нет. И как проповедник он был не лучше, чем многие другие его современники, – хороший, но обычный. Он имел образование, но весь интерес его жизни был устремлен к другому. Прежде всего – к молитве: к молитве личной, к

служению литургии (чем он особенно прославился), к молитве о ближних. И отца Н можно сравнить со святым праведным Иоанном Кронштадтским. Он, наверное, и опытейший духовник, и молитвенник, потому что нельзя достичь такого духовного состояния без этого подвига. Но когда речь заходит о вопросах, требующих здравого взгляда на них и знания святоотеческого предания, то он не может рассуждать о них правильно по той простой причине, что он этим предметом специально никогда не занимался.

То же самое можно сказать, я думаю, и об афонском старце Паисии⁸⁴, тем более что он, насколько мне известно, даже серьезного образования не имел, только школу окончил. Но отсюда не следует, что он плохой, потому что окончил только школу, а я хороший, потому что окончил даже техникум. Я говорю об этом с большой осторожностью; не подумайте, что я этих людей осуждаю, – я пытаюсь объяснить причины их невольных ошибок. Мы не должны терять уважение к духовным людям по той причине, что они в чем-то могут ошибаться. Но я хочу напомнить о том, что наш Учитель и Наставник – единый Христос. И когда кто-то говорит что-либо, правильно истолковывая или просто сообщая учение Христа, мы должны к нему прислушиваться. Когда же он уклоняется от этого учения, кто бы он ни был, мы должны его наставлением пренебречь.

У Варсонофия Великого есть рассуждение о том, почему святые отцы иногда ошибаются. «Итак, послушайте, что Бог открыл мне за три дня до того, как вы написали мне свой вопрос. Все отцы, угодившие Богу, святые и праведные, и верные рабы Божии да помолятся о мне! Не думайте, чтобы люди, хотя и святые, могли совершенно постигнуть все глубины Божии; ибо апостол говорит: *Отчасти разумеваем и отчасти пророчествуем (1Кор. 13, 9)* – и еще: *Овому убо дается Духом то и то, но не все дарования одному человеку. Ов убо сице, ов же сице. Вся же действует один и тойжде Дух (см. 1Кор. 12, 8–11)*. Зная, что действия Божии непостижимы, апостол воззвал: *О глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его и неисследовани путие Его! Кто бо разуме ум*

Господень? Или кто советник Ему бысть? (Рим. 11, 33–34), и прочее. Святые, сделавшись учителями или сами собой, или принуждаемые к тому другими людьми, весьма преуспели, превзошли своих учителей и, получив утверждение свыше, изложили новое учение, но вместе с тем сохранили и то, что приняли от прежних учителей своих, то есть учение неправое. Преуспев впоследствии и сделавшись учителями духовными, они не помолились Богу, чтобы Он открыл им относительно первых их учителей: Духом ли Святым внушено было то, что они им преподали, но, почитая их премудрыми и разумными, не исследовали их слов; и таким образом мнения учителей их перемешались с их собственным учением, и святые сии говорили иногда то, чему научились от своих учителей, иногда же то, что здраво постигали собственным умом; впоследствии же и те и другие слова приписаны были им. Принимая от других, преуспев и сделавшись лучшими, святые Духом Святым говорили то, что вверялось им с утверждением от Него; говорили и то, что им было преподано прежними учителями их, не исследывая слов их, тогда как им до лжно было исследовать оные, и через молитву к Богу и вопрошения просвещенных Духом удостовериться, справедливы ли они. Таким образом перемешались учения, и все, что говорили сии святые мужи, их имени приписывалось. Итак, когда слышишь, что кто-либо из них говорит о себе, что он от Духа Святого слышанное поведает, то сие несомненно, и мы должны тому верить. Если же святой муж и говорит о вышеупомянутых мнениях, то не найдешь, чтобы он подтверждал слова свои, как бы имел утверждение свыше, но они проистекли из учения прежних его учителей, и он, доверяя знанию и премудрости их, не вопрошал Бога, истинно ли сие. Вот, вы слышали все мое неразумие; безмолвствуйте отныне и упражняйтесь о Боге»⁸⁵.

Тот, кто спрашивал об этом, решил задать еще один вопрос, касающийся той же темы, – видимо, ответ святого Варсонофия не до конца его вразумил. Далее читаем: «Поистине, отец мой, вы – вожди слепых и о Христе свет омраченных, и чрез вас открыта нам истина. И в сказаниях старцев находим, что был один старец, по простоте своей говоривший, будто хлеб,

которого мы причащаемся, не есть истинное Тело Христа, но только образ его. И если бы он не помолился о сем Богу, то не познал бы истины. И другой, также великий старец, думал, что Мелхиседек есть Христос, и когда помолился о сем Богу, то Бог открыл ему истину. Господа ради, прости меня, отец мой, что осмеливаюсь спросить о том, что превыше меня. Но так как Бог наш твоею святынею наставил нас на непогрешительный путь истины, то прошу тебя вполне объяснить нам сие, чтобы ум и немощное сердце наше были чисты от сих исследований. Почему Бог попустил таким мужам иметь неправильные мнения, хотя они не просили о сем разумении, но почему не дано оно им *туне* для отвращения вреда, который могут получить впоследствии читающие? – Ибо хотя они сами и не преткнулись ни в правой вере, ни в добродетели, но подобные мне, слабые и нерадивые, веря им несомненно, легко могут получить через то вред, в неведении сказанного вами, что и святые не могли постигнуть всех таинств и что они не помолились Богу об удостоверении, справедливы ли оные мнения или нет. Снисходя моей немощи, объясни мне и сие, милостивый отец мой!»⁸⁶

Ответ преподобного Варсонофия был таким: «Сын мой! Бог не оставил таких мужей в заблуждении, потому что тот оставляет другого в заблуждении, кого спрашивают о пути, но он не говорит истины. Святые же не вопрошали Бога о сем, чтобы узнать от Него истину. Если же говоришь, почему Бог благодатию Своею не воспрепятствовал им в том для пользы других, которые впоследствии будут читать их писания, то можешь сказать и о всяком грешнике: почему Бог не воспрепятствовал ему Своею благодатию, когда знал, что он грехами своими соблазнит многих и многие получают через него вред? В таком случае и жизнь человеческая будет уже не свободная, но подверженная насилию. И кто может воспрепятствовать Богу спасти таким образом всякого человека? Что же, разве в Писании не находятся такие изречения, о которые претыкаются неведущие и неразумющие духовного смысла Писания? Итак, должны ли мы сказать, почему Бог не открыл всем духовного смысла Писания, чтобы люди не получали вреда, но предоставил святым, бывшим в

различные времена, труд изъяснить нужное? Для того-то и постановлены учителя и истолкователи, как говорит апостол (см. 1Кор. 12, 28 и 30). Не заблуждайся же относительно тех мужей, о которых ты вопрошал: если бы они просили Бога, то получили бы вразумление, ибо Он сказал: *Всяк просяй приемлет, и ищай обретает* (Мф. 7, 8). Но как Господь явил нам путь жизни через пророков и апостолов, хотя каждый из них говорил частно, и Бог не вещал исключительно чрез одного из них, а оставленное одним по воле Божией сказано другим, так творил Бог и со святыми, после них бывшими: о чем одни говорят сомнительно, то истолковывают следующие за ними, чтобы Бог всегда прославлялся чрез святых Своих. Ибо Он есть Бог первых и последних: Ему слава во веки, аминь»⁸⁷.

Из этого ответа преподобного Варсонофия видно, каким должно быть правильное отношение к некоторым заблуждениям отцов. Как видите, мы находим порой ошибки и у великих учителей Церкви, – а ведь они были людьми не просто образованными, а духовными. Не можем же мы предполагать, что святитель Иоанн Златоуст был всего лишь красноречивым оратором или что преподобный Иоанн Дамаскин был просто ученым человеком, изучившим всю философию и догматику своего времени и знавшим писания всех отцов. Нет, эти люди были подвижниками и говорили от разума, очищенного Божией благодатью, хотя нельзя сказать, что они вещали, как пророки или апостолы, непосредственно от Духа Святого. И поскольку они все же говорили хотя и от очищенного, но человеческого разума, то, естественно, в чем-то могли ошибаться. А если даже они порой допускали ошибки, то тем более может ошибаться и афонский старец Паисий, и наши российские старцы, даже известные и уважаемые. Эти люди, несмотря на их духовный опыт, не являются учителями Церкви. Их послушание лежит совсем в другой области, и им вообще не следовало бы вторгаться в область догматическую, вероучительную. Послушание этих старцев – наставлять людей в том, что касается внутренней, нравственной жизни. А когда они вторглись в область вероучительную, то преткнулись, как неопытные в данном отношении.

Каждому дано определенное служение. Защищать истины веры – это, конечно, служение преимущественно епископов, хотя в жизни Церкви часто бывало так, что хранителями Православного Предания в этой сфере являлись и не епископы, как, например, Максим Исповедник, который не был священником, или Иоанн Дамаскин, бывший только пресвитером. Дело даже не в том, в каком сане находится человек: епископ он, пресвитер или монах, а в том (и он должен это понимать), какое служение он несет в Церкви, какое дарование дано ему от Бога. Если у человека есть дар рассуждения духов, то есть дар рассуждать, в каком духе действует человек, откуда то или иное внушение – от Бога или от бесов, то он не имеет права вторгаться в другую область, дарование в которой ему не дано. Например, он не вправе быть учителем. (Под учительством, я думаю, апостол Павел подразумевает преимущественно учительство в вопросах веры.) Бывает, конечно, что в одном человеке сочетается несколько дарований. Если мы посмотрим на учение того же преподобного Максима Исповедника, то увидим, что он был и аскетическим писателем, наставлявшим в нравственно-духовных вопросах, и догматическим, был он и экзегетом – дарований у него было много. Однако же не всем все дано в равной степени; каждый, повторю, должен нести свое служение и не вторгаться в ту область, которая не является преимущественно его поприщем.

Все это было лишь предисловием к нашей теме. Я хотел объяснить, почему люди духовные могут допускать ошибки, а люди малодуховные могут говорить правду. Духовный человек погрешает иногда оттого, что не обращается к святоотеческому авторитету. А малодуховный бывает прав потому, что он знает святоотеческое предание.

Теперь, наверное, нужно перейти к критике взглядов старца Паисия, очень сильно повлиявших на то, что у нас сейчас происходит. Речь пойдет о числе 666, которое якобы содержится в индивидуальном номере налогоплательщика, в штрихкоде.

Прежде всего, надо сказать, что числа 666 в штрихкоде нет. Мнение же это проистекает от невежества тех людей, которые

пытались штрихкод расшифровать, так сказать, по-человечески, не зная его специфических свойств, например того, как считывает его компьютер. И самое главное: здесь видно просто болезненное желание усмотреть в современной цивилизации что-либо, явно содержащее в себе признаки пришествия антихриста. И сама эта апокалиптическая настроенность (в плохом смысле слова) делает человека чрезвычайно внимательным ко всяким мелочам и излишне опасливым.

Но поскольку люди всё же усматривают в штрихкоде «число зверя», то мы рассмотрим этот вопрос более подробно. Вот как говорится об этом числе в тринадцатой главе Апокалипсиса. *И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть (Откр. 13, 16–18).* Обязательно нужно обратить внимание на такие слова: *Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя.* Кто может о себе сказать, что он имеет мудрость – такую, чтобы понять это изречение Священного Писания, тем более что оно в особенности загадочно? Пусть это число человеческое, но кто имеет такой ум? Дерзающий приступить к толкованию, наверное, предполагает, что такой ум у него есть, и здесь уже присутствует некоторая самонадеянность. Если Священное Писание особо подчеркнуло (в других местах подобных оговорок нет), что понять это может тот, кто имеет мудрость, то нужно было бы очень и очень остеречься и хорошо подумать, имеем ли мы право дерзать истолковывать это число. А вот как пытается объяснить его старец Паисий (хотя я предполагаю, что ему такое объяснение могут просто приписывать): дело в том, что в Третьей книге Царств, там, где рассказывается о Соломоне, один раз также упоминается число 666. В каком смысле? Там говорится, что царю Соломону присылали дани из разных стран и каждый год цари приносили ему шестьсот шестьдесят шесть талантов золота. И вот это

совпадение с Апокалипсисом (я считаю, что это просто совпадение) старец Паисий использует для того, чтобы дать объяснение числу 666.

Между прочим, число это есть еще и в другом месте Священного Писания, но почему-то наши «толкователи» пока не захотели его использовать. Употребляется же это число в отношении потомков некоего Адоникама, вернувшихся из вавилонского плена, – их тоже было шестьсот шестьдесят шесть (см. 1Езд. 2, 13). Но вернемся к разбору предлагаемого толкования. Считается, что в штрихкоде есть число 666, то есть три шестерки под видом разделительных линий, и что евреи не хотят менять эти разделительные линии на какие-нибудь другие. Естественно, предполагается, что существует всемирный еврейский заговор, – это как бы аксиома, хотя на самом деле это совсем не аксиома. Но поскольку в умах людей он существует, то они утверждают, что тайное еврейское правительство принципиально не хочет отказываться от трех разделительных штрихов – по той причине, что ими обозначены три шестерки, символизирующие славу Еврейского царства, и для евреев они представляют собой напоминание о том могуществе, которое оно имело во времена Соломона.

Но совсем другое мнение о числе 666, содержащемся именно в Апокалипсисе, высказывают святые отцы. Никому из них никогда не приходило в голову вспоминать шестьсот шестьдесят шесть талантов, хотя, я думаю, все они читали Священное Писание (вспомним, например, архиепископа Андрея Кесарийского и прочих святых отцов). Подозрительно: почему вдруг в наше время появились такие мудрые истолкователи Священного Писания, а за предыдущие почти две тысячи лет подобных не находилось? Более чем странно, что во времена упадка православия, в том числе и православного богословия и экзегезы, внезапно нашлись мудрецы, обнаружившие то, что древним отцам было неизвестно. Возражение это, конечно, скорее эмоциональное, и тем не менее нельзя им пренебречь.

Самое же главное то, что святые отцы под числом 666 понимали некий шифр; они по-разному пытались его раскрыть,

хотя всегда делали оговорку: необходима осторожность! Может быть, данное число обозначает то, а может быть, это. Они подчеркивали, что мы не вправе утверждать что-то одно. Вот как говорит об этом святой Андрей Кесарийский: «Тщательное испытание числа печати, а также и всего остального, о нем написанного, откроет здравомыслящим и бодрствующим время искушения. Но если б была необходимость знать, какое у него имя, то, как сказали некоторые учителя, видевший (то есть апостол Иоанн Богослов. – *Схиизм. А.*) открыл бы его; Божественная же благодать не соизволила, чтоб в Божественной книге было написано пагубное сие имя. По мнению Ипполита и других, при исследовании слова можно найти множество имен, соответствующих этому числу, и собственных, и нарицательных. Собственные, например: Лампетис, Титан, Латинник, равно – Венедикт, что означает «благословенный», быть может, в подражание воистину благословенному Христу, Богу нашему; нарицательные же: худой руководитель, древний завистник, истинно вредный, неправедный агнец. Таковыми именами противопоставшие обольщению назовут того, который полагает славу свою в стыде»⁸⁸.

Вы видите, что вариантов много, и мы не имеем права утверждать что-либо, пока все не совершится. Если бы Богу было угодно, чтобы мы знали имя зверя, то Он бы открыл его. А такое примитивное толкование, согласно которому содержащиеся в штрихкоде три шестерки будто бы являются «числом зверя», – абсурдно, даже если бы они там на самом деле и были. Но пусть бы они там были. Шесть – это такая же цифра, как и все остальные. Мы можем и в Библии найти 666-ю страницу. И что нам тогда делать? Испугаться и пропустить ее или вырвать? Можем найти число 666 и в зарплате священника, который не хочет принимать ИНН. В таком случае нужно сказать ему: «Батюшка, давайте мы вам будем платить 665 рублей, а дальше – уже опасно; будет кощунственно, если вы возьмете такую зарплату». Но никто из подобных ревнителей на такое не согласится.

Получается, что те, кто предостерегает против ИНН, опасаются не имени, а самого числа. Но число 666 существовало и до того, как был написан Апокалипсис, и после его написания существует и употребляется в различных случаях жизни. Страх перед ним подобен суеверию, при котором люди боятся, например, числа тринадцать: не хотят жить в тринадцатом номере гостиницы или ездить на тринадцатом автобусе. Зато «тринадцатую зарплату» получить желают, так же как и сумму, бо льшую шестисот шестидесяти шести рублей. Хоть и говорят про шестьсот шестьдесят шесть талантов, но когда дело касается шестисот шестидесяти шести или более рублей, то все о своих рассуждениях забывают и никто не хочет в данном случае проявить ревность.

Итак, дело не в числе, но в том, что под ним зашифровано. А что именно – нам неизвестно. Потому отождествлять две вещи – число и само имя, под ним зашифрованное, неправомерно. Тем не менее мы видим многих и многих людей, поддавшихся этому заблуждению. Я думаю, связано это с тем, что мы живем в обществе, в котором за открытое выражение тех или иных взглядов – глупых, неправильных или оппозиционных – никому ничего не бывает, разве что посмеются над человеком. И поэтому появилось очень много «смелых» людей, а в недавнее время – при советской власти – эти же люди побоялись бы, как говорится, глаза поднять от земли.

В свободном обществе могут быть «брожения», которые людей, в них участвующих, ни к чему не обязывают. Люди говорят, что они пойдут против антихриста, что никогда не поддадутся ему, проявят твердость. Однако все эти слова свидетельствуют об их гордости и самонадеянности. Мы знаем, что происходило в недавнее время. Наверное, многие из вас посетили выставку в Архиве⁸⁹; из представленных там документов можно было узнать страшные вещи. С одной стороны, люди проявляли необыкновенную стойкость, а с другой – малодушие. И порой люди, обладавшие большим духовным авторитетом, те, от которых можно было ожидать проявления стойкости, оказывались малодушными и слабыми, а люди будто бы невидные показывали твердость и мужество.

Рассказывают, что Екатеринбургский архиепископ Григорий (Яцковский) – так называемый митрополит Григорий, основатель названного его именем григорианского раскола – после революции выступил с пламенной речью, в которой говорил о том, что Россия восходит на свою Голгофу, произносил прочие возвышенные и правильные слова. Но когда он побывал в тюрьме, то стал другим человеком: начал относиться к советской власти подобострастно. И своим соглашательством с советской властью он многих увлек и соблазнил. Куда же делись его правильные взгляды? Не нужно обольщаться насчет своей твердости и видеть кругом какие-то гонения. Гонений сегодня нет. В самом худшем случае человека могут уволить с работы. Но на самом деле это и не гонения: увольняют и за пьянство, и за недисциплинированность. Я считаю, что непринятие ИНН можно отнести именно к недисциплинированности. Конечно, человека могут уволить и потому, что начальник, например, оказался к нему несправедлив, но считать это гонением за Христа по меньшей мере глупо – хотя потеря работы, без сомнения, вещь неприятная и создает жизненные трудности.

Повторю: сейчас никаких гонений нет, но поднимается необыкновенный шум, создаются мнимые, несуществующие враги и гонители, появляются и мнимые мученики. Никто никого не преследовал, никто никого в землю живым не закапывал, как было при советской власти, не топил в проруби, не расстреливал, а уже явились мученики. Говорят, сторонники ИНН воздвигают гонение на противников ИНН. А где же оно? Были лишь какие-то отдельные случаи увольнения с работы, по причине того, например, что начальник проявил в отношении человека, не принимающего ИНН, неразумную строгость. Но вокруг этих людей создается ореол мученичества, ореол преследования. Всемирное еврейское правительство, которого никто никогда не видел (и не увидит, потому что его не существует), заставляет русских патриотов принять ИНН, а они не поддаются. Вот какие они мужественные! Если же мы этот миф уберем, то увидим, что ничего, собственно, не происходит, кроме одной сплошной болтовни. Ведь ничего нет. Человек сам

себя напугал и сам боится, подобно детям. Сидит ребенок, смотрит в темный угол и думает, что там «бабайка», а потом дрожит и зовет: «Мама, где ты, мама? Возьми меня за руку!» Вот что происходит на самом деле.

Трудно найти причину бедствий, которые свалились на Россию, трудно увидеть в этом козни дьявола, осознать духовную подоплеку происходящего. Легче «материализовать духов» и вместо демонов представить себе каких-то конкретных людей, например «демонизированных» евреев. Хотя доказательств существованию сионистского заговора нет, но поскольку людям очень хочется в это верить, они верят. А само отсутствие доказательств воспринимается как лишнее свидетельство таинственности и заговора еврейской организации. Таким образом все это переходит уже на уровень душевного состояния, так что человек везде видит врагов, у него возникает маниакальная подозрительность. Он думает так: есть всемирное еврейское правительство, оно готовит пришествие антихриста, поэтому пока что – на первый случай – оно навязывает нам ИНН с тремя шестерками; к тому же евреи принципиально не хотят отказываться от этих трех шестерок, потому что слава еврейского народа – шестьсот шестьдесят шесть талантов, которые приносили Соломону.

Подобные рассуждения чрезвычайно примитивны и не выдерживают никакой критики со святоотеческой точки зрения. Святые отцы, конечно, осуждали иудаизм, и против него было написано много книг – такие творения есть у Иоанна Златоуста, Иустина Мученика и многих других. И речь сейчас идет не о том, чтобы оправдать иудаизм, а о здоровом отношении к действительности. Никакого еврейского правительства мы не обнаружим, никакого заговора не уничтожим, но, увлекаясь этим мифом, мы уклонимся в ложное направление и перестанем обращать внимание на свою внутреннюю жизнь. Если человек занимается какой-либо общественной деятельностью, то, борясь со «всемирным еврейским заговором», он также идет по ложному пути и никакой пользы своему отечеству принести не может, потому что вместо действительного преобразования общества в духе христианства занят пустым. Я уж не говорю о

том, что подобного рода поведение вызывает презрение у людей думающих, соблазняет их и отвращает от принятия православия, поскольку православные кажутся им какими-то чрезвычайно глупыми.

Кроме всего прочего, мы должны понимать, что те или иные люди, будь то иудеи как враги Христа, будь то язычники, безбожники, атеисты – кто угодно, действуют в мире как слепые орудия Промысла Божия, то есть невольно, не осознавая этого, они исполняют волю Божию и являются совершителями судеб Божиих. Особенно наглядно показано это в Евангелии: враги Господа, желая убить Его и стремясь к тому, чтобы Его учение было уничтожено, тем самым поневоле послужили Его прославлению. Так же и в человеческой истории – все, что ни совершается, совершается исключительно по воле Божией, и поэтому предполагать, что некоторые люди могут сознательно ускорить кончину мира или сделать так, чтобы пришел антихрист, нелепо. Это никак не соответствует взглядам Православной Церкви на данный предмет. Если мы каемся, живем добродетельно, то Господь ради нашего покаяния отодвигает кончину мира и изменяет обстоятельства таким образом, что они служат к распространению христианства и к покаянию большего количества людей. Если наше нерадение, наше грехолюбие умножается, то соответственно мы ускоряем кончину мира, пусть это и не очевидно. По мнению святых отцов, наше нравственное состояние влияет даже на природные явления, даже на стихии, хотя, с точки зрения людей неверующих, чуждых святоотеческого духа, такой прямой связи нет. Но так утверждали древние отцы, так говорил и святой праведный Иоанн Кронштадтский.

Неправильное отношение к истории, незнание ее как раз и подготавливает почву для страха перед такими вещами, как,

ИНН,
паспорт с каким-то кодом и так далее. Поскольку мы предполагаем, будто существует всемирный заговор, то какое-либо развитие политических или экономических технологий или вообще технический прогресс нам кажется проявлением этого

заговора. Безусловно, наша цивилизация – мы не можем этого не признать – не способствует распространению христианства и развитию христианского духа; она, как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), делает все для того, чтобы человек удобнее устроился на земле, как будто он будет пребывать на ней вечно. Цивилизация нацелена только на земное. В этом смысле она антихристианская, более того, она собирает, спланирует людей не на почве единения их в духе, а на почве земного благополучия. И все технические средства: сообщения, коммуникации (когда-то – железная дорога, как об этом писал и святитель Игнатий, в наше время – компьютер, а в последующие времена еще какое-нибудь изобретение) являются инструментами объединения человечества против Христа. Вместо благ духовных людям даются блага земные, обещается рай на земле. Идею создать рай на земле люди пытались осуществить всегда. У коммунистов это получилось неудачно, а у американцев получается более успешно, но цель и у тех и у других ложная. В этом смысле, повторю, цивилизация наша не христианская и даже антихристианская. Но говорить о том, что кто-то намеренно клеймит нас какими-то печатями, о которых ничего определенного мы не знаем, было бы смешно и по-детски. Такая версия предполагает, что всем человечеством руководит какая-то группа людей. Но это просто нереально по той причине, что каждый человек движим собственным интересом, собственными страстями. Все эти многочисленные интересы сталкиваются, и невозможно предсказать, куда в результате их столкновения в тот или иной момент направится вектор силы. Нужно, как я сказал, еще учитывать, что в каждой ситуации действуют не только естественные человеческие интересы, но и Промысл Божий, направляющий наши усилия и стремления туда, куда захочет Господь. И тот, кто говорит, что некая группа людей руководит всем миром, просто не верит во всемогущество Божие. А приняв веру в заговор, люди уже легко верят и в иные нелепости.

Я думаю, что после того как миф об ИНН разоблачат, появится что-то еще. Через год-два все успокоится. (В Москве,

говорят, уже все унялись, а у нас в провинции все еще «волны», «колыханье». В том месте, где бросят в воду камень, через некоторое время бывает все спокойно, а по воде еще долго расходятся круги. Так и у нас. В Москве камень уже на дно ушел, а в Екатеринбурге волна еще только поднялась.) Повторю: пройдет время, и вместо ИНН появится что-то другое: паспорт, или трудовая книжка, или значок, или еще что-нибудь, например новая марка часов, про которую скажут, что это печать антихриста. А то, что эта «печать» будет не на правой руке, а на левой, – это не так уж и важно⁹⁰. Так как люди хотят в это верить, они постоянно будут принимать разные мнения, возникающие при поверхностном взгляде на Священное Писание. Будут бороться с жидомасонским заговором. Раньше человек недоумевал: где же он, жидомасонский заговор, где же враги? И вдруг (как здорово!) враг появился, вот он – ИНН. И начинается борьба. Человек даже успокаивается, получает утешение: раньше он не знал, откуда беды ждать, а теперь знает. Когда шум вокруг ИНН утихнет, все подумают: может быть, мы здесь немножко ошиблись, но это неважно: все равно надо еще чего-то ждать.

Некоторые из присутствующих здесь сестер помнят, как на Украине не хотели принимать паспорта с трезубцем. Говорили, что это тоже от антихриста, от дьявола, некоторые из-за этого даже из монастырей уходили. Священники убеждали отказываться от таких паспортов, а потом их приняли и они и народ.

Люди доходят до того, что говорят, будто спасение в наше время состоит только в том, чтобы не принять ИНН. За это тебе все простится. Главное, чтобы человек ИНН не принял, а дальше может «гулять» – Бог все простит. А вот тому, кто молится, ходит в церковь, но ИНН принял, ничто уже не поможет. Однако святые отцы говорят как раз противоположное. Святитель Феофан Затворник говорит, что антихрист придет в то время, когда христианство будет христианством лишь по видимости, когда люди, может быть, и будут соблюдать обряды, но отрекутся от самого христианского духа. Апостол Павел говорит, что *в последние времена люди будут иметь вид*

благочестия, а силы его отрекутся (см. 2Тим. 3, 5). А в чем состоит сила благочестия? В нравственности, в молитве, в любви. Если ничего этого нет, то какой смысл имеет христианство? А у нас, оказывается, ничего этого и не нужно – только бы ИНН не принять. Есть нецерковные люди, которые не верят в Бога, но от ИНН отказываются. Выходит, они уже спасены?

Вместо борьбы с грехом, с дьяволом – апостол Павел говорит, что *наша брань не против крови и плоти, а против духов злобы поднебесных* (см. Еф. 6, 12), – мы устремляемся на борьбу как раз с плотью и кровью. Было бы прекрасно, если бы мы сражались действительно с врагами отечества, но мы сражаемся с призраками. В бывшем Советском Союзе евреев осталось не так уж много (по некоторым данным, среди всех народов, населяющих современную Россию, евреи составляют всего 0, 16 %), все давно уехали в Америку, в Израиль, а с ними всё воюют и воюют. Такая настроенность делает людей падкими на различные ложные мнения. Я считаю, что дело даже не в ИНН. Как противники ИНН говорят, что дело не в ИНН, а в глобализации, так и я могу сказать, что дело не в ИНН, а в «евреизации». Не в европеизации, а в «евреизации». Бороться надо не с глобализацией, а с склонностью повсюду видеть материализацию духов. Если завтра откажутся от нелепой версии о еврейском заговоре, то послезавтра скажут, что на самом деле заговор устроили американцы, или немцы, или татары. Найдут группу мнимых заговорщиков и будут говорить, что те вредят всему человечеству, поэтому с ними нужно бороться.

Но в этом случае люди сражаются не *против духов злобы поднебесных*, как требует апостол Павел, а против людей же. И конечно, борьба эта бывает бесплодной, потому что, вооружаясь против людей, мы таким образом подчиняемся этим самым *духам злобы поднебесным*. Мы поддаемся страсти гнева, ненависти, злопамятства, коварства, подозрительности и считаем, что в отношении «врагов человечества» можно допустить любое беззаконие. Это видно на примере фашистской Германии, в которой под предлогом

борьбы с жидомасонским заговором евреев уничтожали. У нас в России, конечно, в меньшей степени, но было то же самое. Во время еврейских погромов, как рассказывают очевидцы, детям в головы вбивали гвозди и делали прочие ужасные вещи. Палачи считали, что евреи не люди, а изверги, поэтому с ними можно делать все. «Материализация духов», о которой мы сказали, ведет к тому, что люди начинают вести бесчеловечную борьбу с той или иной категорией человечества. В данном случае – с евреями, но на их месте может оказаться и кто-то другой. Вот какова подоплека войны с ИНН.

Теперь поведем речь о том, что Священное Писание говорит об антихристе. Наиболее подробно и ясно сказал о нем, как ни странно, не апостол Иоанн Богослов в своем Откровении, а апостол Павел во Втором послании к фессалоникийцам. Он обращается к ним так: *Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов (2Фес. 2, 1–2)*. Апостол говорил эти слова в I веке, но их можно отнести и к нашему времени. И сейчас мы тоже должны *не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания*. Что значит *от духа*? Православные толкователи объясняют это так. Во времена апостола Павла были люди, обладавшие пророческим даром. Часто эти люди в собрании верующих вставали и пророчествовали – так, как говорил им Дух. И апостол Павел утверждает: даже если бы такой человек, имеющий дар пророчества, встал и от Духа, внушившего ему, изрек нечто о скором пришествии Христа, то его не надо было бы слушать. А слова *ни от слова, ни от послания* относятся уже к самому апостолу Павлу, потому что ему самому приписывали некоторые высказывания: будто он некогда где-то что-то говорил.

Недавно газета «Русский вестник» заявила о том, что отец Иоанн (Крестьянкин) выступает против принятия ИНН. Подобные слухи ходили и об отце Николае Гурьянове. Потом

отец Иоанн публично это заявление разоблачил и засвидетельствовал, что никогда и никакой газете он такого не говорил. Что касается отца Николая, то он даже изумлялся в свойственной ему простой манере: «Что такое ИНН? Я ничего не знаю, дорогие мои. Там ведь не сказано, что нужно пить да воровать, и поэтому ничего страшного в этом нет». И он говорил, что надо делать то, что положено, то есть исполнять закон. Отец Иоанн, между прочим, сказал о том, что если люди прибегли к подлогу, то уже одно это говорит о нравственной подоплеке такого явления, как борьба с пресловутым ИНН. К такому приписыванию старцам каких-либо высказываний и можно приложить слова апостола Павла *ни от духа, ни от слова, ни от послания*. Пусть какой-нибудь старец был бы даже пророком, но если он говорит нечто противоречащее учению апостола Павла, то слушать его не следует. Если какому-то духовному человеку приписывают слово или послание, возвещающее, что нельзя, например, принимать ИНН, – иными словами, склоняющее к мнению о том, что не сегодня завтра будет второе пришествие Христова (а его должно предварить пришествие антихриста), то не нужно этому внимать. Вот о чем ведет речь апостол Павел, и его слова очень актуальны.

Вернемся к его посланию: *Не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак (2Фес. 2, 2–3)*. Вновь звучит ясное предупреждение: никто, никаким образом не должен нас обольщать. Мы не должны *спешить колебаться умом*, потому что есть определенные, ясные признаки, по которым можно узнать о скорой кончине мира. Не может появиться печать антихриста, пока антихрист не пришел. Не может быть имени антихриста, когда он еще не родился. Как заранее можно знать его имя, когда Апокалипсис о том умолчал?

Итак, апостол Павел предупреждает: *Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели (2Фес. 2, 3)*. Под отступлением некоторые понимают

общее отступление от православия: охлаждение веры, отречение от Христа или следование Ему формальное, внешнее, что по сути есть отречение от силы благочестия, как говорит апостол Павел. Но большинство отцов предполагает, что здесь имеется в виду отступление самого антихриста, который, когда придет, и сам отступит от веры, и других увлечет. Есть мнение о том, что он будет воспитан в среде по видимости православной, то есть наружно будет православным, а внутренне – совершенно чуждым правой веры. И в конце концов он сознательно и явно отречется от Христа и увлечет за собой многих и многих людей.

Он назван здесь *человеком греха*, или по-славянски: *человеком беззакония*, по той причине что он не будет делать ничего законного, но все – против законов, Божеских и человеческих. Он станет противиться всякой нравственности, всему доброму, что есть в людях верующих, и, может быть, даже тому хорошему, что есть от природы в людях неверующих. Возможно, потому он в Апокалипсисе и назван зверем, что в нем уже не будет ничего человеческого, ибо зверь – это символ одной только злобы. Хотя это не значит, что антихрист всегда будет действовать прямо, при помощи одного насилия. Не менее (если не более) часто он будет употреблять и обольщение.

Далее читаем: *Человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею (2Фес. 2, 3–4)*, или, как сказано по-славянски, *глаголемаго Бога или чтилища*. Антихрист как будто бы станет противиться ложным богам и отрицать всякое многобожие. Ефрем Сирин считает, что он будет по видимости ревнителем православия, как бы желающим истребить всякую ересь и всякое заблуждение. Но закончится это тем, что он заставит поклоняться себе, как Богу: *Так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога (2Фес. 2, 4)*. На этот счет есть два толкования. По одному из них, более известному (до революции в нашей стране распространялось именно оно, поскольку православному государству было не совсем удобно проповедовать иное мнение), под храмом Божиим здесь

подразумевается восстановленный иудейский храм. По мнению же некоторых святых отцов, слова о том, что антихрист *сядет в храме Божию*, или, по-славянски, *в церкви Божией*, означают, что он воссядет именно во Вселенской Православной Церкви: ибо какой смысл ему господствовать над евреями, которые и так отпали от Бога? Ему нужно победить и обольстить тех, кто поклоняется истинному Богу, как сказал Сам Господь, *прельстить по возможности и избранных* (см. Мф. 24, 24), – вот чего нужно опасаться. Мы должны бояться допустить антихриста в Церковь, должны бояться того, что он предварительно покорит наши умы, образовав в нас такое душевное состояние, при котором мы будем способны его принять. Если мы будем иметь вид благочестия, а силы его отречемся, то есть в нас не будет благодати, то мы окажемся способными прельститься.

Далее апостол Павел говорит: *Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время* (2Фес. 2, 5–6). Здесь он делает намек не совсем нам понятный, потому что обращается к тем, кто слышал его раньше. Но святые отцы высказывают догадку, что здесь речь идет о том, что удерживает явление антихриста. По-славянски, поскольку церковно-славянский текст более близок к греческому оригиналу, это будет звучать, наверное, яснее: *И ныне удерживающее весте*. Что же такое удерживающее? Некоторые святые отцы думают, что это благодать Святого Духа. Иные же полагают, что здесь подразумевается действие Промысла Божия, не допускающего совершиться тому, что должно произойти в свое время. И наконец, существует мнение (его придерживался и святитель Иоанн Златоуст), что удерживающее – это Римское государство. Но государство это, как мы знаем, уже давно пало.

Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь (2Фес. 2, 7). По-славянски: *Тайна бо уже деется беззакония, точию держай ныне Дóндеже от среды будет*. Некоторые монархисты предполагают, что поскольку

римский царь уже *взят от среды*, то антихристу дана свобода действовать. Но такое предположение наивно. Получается, будто антихристу была способна воспротивиться только римская власть. Это смешно! Неужели человек, которому диавол дал всю свою силу и власть, не смог бы победить римского царя?

К тому же среди римских царей мы видим многих еретиков и вообще врагов Божиих. Ведь апостол Павел, заметим, писал свои послания христианам в то время, когда царями римлян были не православные правители, а язычники. Среди них были и жестокие гонители Церкви, например Нерон. Кроме того, уже в христианское время среди императоров также было много гонителей Церкви (то есть покровителей различных ересей), например: император Феодосий II Младший, покровительствовавший монофизитству, императоры-ариане, императоры-иконоборцы, императоры-монофелиты... Как мы можем предполагать, будто эти императоры удерживали пришествие антихриста, когда они сами, преследуя православие, в каком-то смысле являлись антихристами?

Если же мы будем считать, как считали некоторые дореволюционные толкователи, что под Римским государством нужно понимать власть русского царя, то наше мнение также будет недостаточно обоснованным. Во-первых, уже давным-давно не только в России, но и ни в одном православном государстве царя нет, поэтому удерживать пришествие антихриста он не может. Во-вторых, ни один русский царь не обладал властью над большинством культурных европейских народов. Если мы обратимся к Римскому царству времен Иоанна Златоуста – а толкование о том, что пришествие антихриста удерживается Римским государством, существовало уже тогда, – то увидим, что православие и государственная римская власть распространялись на все культурные европейские народы. За пределами же Римской империи обитали народы, по мнению римлян (и вообще тех, кто жил в Римской империи), варварские и дикие. Римляне горделиво называли свое государство «вселенной». А под вселенной, повторяю, понимали не что иное, как подчинившееся римской

государственности Средиземноморье. Итак, последнее из приведенных мнений недостаточно обоснованно, хотя монархисты очень любят прибегать именно к нему. Но ведь царя сейчас нет – и антихриста, тем не менее, тоже нет. Значит, это мнение показало свою несостоятельность, так же как в свое время – мнение о том, что приходу антихриста препятствует римский царь.

Вспомним, что происходило в России при правителях, которые как будто бы считались православными. Что мы можем сказать, допустим, о Екатерине Великой, которая гнала Церковь, которая считала, что епископы должны быть женатыми, а все монастыри нужно закрыть? Что мы можем сказать о Петре Великом? Или, например, об Анне Иоанновне, при которой какая-либо полемика с лютеранами или кальвинистами в защиту православия заканчивалась для православных архиереев лишением сана и заключением? Разве можно считать, что такие цари удерживали явление антихриста, не давая совершиться беззаконию? Наоборот, они были в той или иной степени, сознательно или неосознанно орудиями дьявола в борьбе против православия. Мы сейчас не говорим о государственных заслугах этих людей, а ведем речь об их отношении к Церкви. Та же Екатерина Великая была гениальной государыней, а император Ираклий, покровительствовавший монофелитской ереси, – великим правителем. Но ведь пришествие антихриста – явление не государственное, не политическое, а прежде всего духовное. Поэтому оценивать его нужно с позиции вероучения, а не рассуждать о том, что Российское государство при императрице Екатерине процветало, значит, время ее правления было порой нашего величия. При Екатерине Великой монахи, чтобы жить монашеской жизнью, бежали из России на Украину или в Молдавию. Ученики Паисия Величковского, например, смогли возвратиться в Россию только после смерти императрицы. Вот какое было время.

Поэтому мнение, будто под *удерживающим* нужно понимать монархическую власть – римскую ли или русскую, как наследницу римской власти, – абсолютно несостоятельно.

Впрочем, и то, что Россия является наследницей римской власти, тоже весьма сомнительно, потому что русские никогда не обладали территориями, входившими в Римскую империю, за исключением ее окраин. Самые южные, благодатные наши места – Крым, Сухуми, которые считаются курортами, – для римлян были окраинами их империи, северными странами, куда ссылали людей неблагонадежных. Например, Иоанна Златоуста в свое время сослали в Кукуз, а потом в Пициус (то есть в современную Пицунду, находящуюся недалеко от Сухуми); папу Мартина Исповедника – в Крым, преподобного Максима Исповедника – в Западную Грузию. Итак, русская царская власть по сути не является наследницей римской власти. Даже если не принимать во внимание все прочие аргументы, то русская власть не могла противиться пришествию антихриста хотя бы потому, что территория бывшей Римской империи находилась вне влияния Российского государства.

Таким образом, под *удерживающим* нужно понимать либо благодать Святого Духа, либо Промысл Божий. Теперь посмотрим, какое из этих толкований больше соответствует следующему фрагменту из послания апостола Павла: *Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь*. Что значит *удерживающий теперь будет взят от среды*? Сказать так о Промысле Божиим, наверное, нельзя. А вот предположить о Духе Святом, что Он будет *взят от среды* христиан, можно. Это толкование похоже на правду, оно как раз совпадает со словами апостола Павла: *В последние времена люди будут иметь вид благочестия, а силы его отрекутся*. Из такой среды и должен явиться антихрист, такие люди ему и подчинятся.

Чтобы было яснее, вспомним пример, который я уже приводил: недавние гонения, репрессии против духовенства и верующих в нашей стране. Не выдерживал тот, кто имел лишь вид благочестия, а силы его в себе уже не содержал, то есть в ком не было благодати Святого Духа. Людям этого видно не было, испытания же обнаруживали, кто имел благодать, а кто не имел. Здесь дело не в том, что один

был мужественным, а другой малодушным, но в том (скажу еще раз), что в одном человеке действовала благодать, придававшая ему мужество и силу, а в другом ее не было, потому что он жил нерадиво и имел только вид благочестия.

Вот так будет и в последние времена. И в этом смысле ничего нового в преддверии кончины мира происходить не будет, разве только то, что антихрист явит всю силу сатаны, станет действовать всеми способами, к каким за историю Церкви прибегали его предтечи, слуги дьявола, антихристы с маленькой буквы. Он станет применять многообразные обольщения и всевозможные методы насилия, всячески склоняя людей к отречению от Христа. Но он сможет делать это тогда, когда отступит благодать, а пока она действует, он ничего не в состоянии совершить. Обратимся к примерам из церковной истории. Разве нельзя назвать, допустим, Ария антихристом? Можно. Развивал он деятельность против Христа? Развивал. Но Церковь ему не подчинилась. Почему нельзя назвать антихристами Савеллия, Диоскора и прочих еретиков, в том числе даже императоров, которые насаждали какую-либо ересь при помощи государственной власти, пользуясь могучим государственным аппаратом Римской империи, например императоров-иконоборцев? Но они не смогли победить православие, потому что был еще *удерживающий*. А *удерживающий* – это Дух Святой, Который придавал людям силу и мужество, так что они могли противиться ересям даже до смерти. Когда же таких людей не станет или их будет очень мало, тогда антихрист получит свободу. К тому времени останется лишь горстка истинных православных христиан, вынужденных, может быть, где-то спастись, бежать из городов, из обителей, как это было во времена иконоборцев.

Мы отнюдь не должны заботиться о том, чтобы высчитывать время пришествия антихриста, притом наиглупейшим образом, какой только можно себе представить. Мы являемся посмешищем не только для демонов, радующихся нашему безумию, но и для всего человечества, которое смотрит на нас с крайним изумлением. Когда мы оцеживаем комара в виде ИНН, мы поглощаем верблюда в виде безнравственности,

нерадения и невежества, в смысле незнания святоотеческого предания.

Конечно, мы должны готовиться ко второму пришествию и обязаны о нем думать. Мы вспоминаем о нем на каждой литургии. Во время евхаристического канона, почти перед самым преложением Даров, произносятся такие слова: «Поминающе убо спасительную сию заповедь, и вся, яже о нас бывшая: крест, гроб, тридневное воскресение, на Небеса восхождение, одесную седение, второе и славное паки пришествие». И в самом Символе веры разве мы не говорим о втором пришествии Спасителя и о том, что «Егоже Царствию не будет конца»? Разве не исповедуем: «Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века»? Мы и должны в это верить, но делать это правильно, должны иметь веру, а не суеверие. Мы же больше верим в антихриста, чем во Христа. Стремимся не к тому, чтобы соединиться со Христом, а к тому, чтобы уберечься от антихриста. Как будто мы убережемся от него тем, что проявим необыкновенную смекалку и высчитаем число зверя или ловко вычислим еще что-нибудь! Пусть бы мы точно знали, что антихрист придет в таком-то году, в таком-то часу, что это точно будет именно вот этот человек и он станет нам говорить то-то и то-то, а мы должны, чтобы спастись, ему ответить то-то и то-то, но если у нас не будет благодати, то мы просто не выдержим и все наше знание никакой пользы принести нам не сможет.

О чем апостол Павел говорит дальше? *И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих, и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду (2Фес. 2, 8–12).* Итак, что нам нужно делать, чтобы противостоять антихристу? Мы должны иметь любовь к истине. Тут даже сказано не «любовь к истине», а

любовь истины. Можно толковать это выражение двояко. Во-первых, под словом «истина» можно разумеать православие и понимать это выражение как любовь к истине. Во-вторых, можно понимать его и в том смысле, что истина являет нам любовь. Не поддастся антихристу тот, кто имеет любовь к Богу, кто исповедует православие, а эти вещи не противоречат друг другу. Вспомним, что говорится на литургии перед пением Символа веры: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы. Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную». Значит, если в нас есть любовь, то мы имеем и правильное православное единомыслие. А то, что мы имеем единомыслие, свидетельствует о том, что в нас есть любовь. Поэтому допустимы оба толкования. Но мне кажется, что правильнее слова *любовь истины* понимать именно как любовь к Богу. Кто имеет истинную любовь к Богу – не декларативную и умственную, а сердечную, благодатную, – тот устоит против искушения и сможет выдержать все испытания. А у кого ее нет, тому, как сказано, Господь пошлет действие заблуждения, так что он будет верить лжи.

Стало быть, если мы не имеем благодати, нам не помогут вычисления, но мы заблудимся и запутаемся. И если бы ИНН действительно был от диавола и представлял собой печать антихриста, то, уверяю вас, те люди, в которых нет благодати и которые сейчас ИНН не принимают, под действием давления или лжи приняли бы его. А если у человека благодать есть, но он чего-то недопонимает, то Господь найдет способ его вразумить: либо непосредственно – через душу, ум, либо через людей, способных к этому, называемых сосудами Божиими. Такими людьми были учителя Церкви, предостерегавшие ее от различных ересей и заблуждений, например святители Афанасий Великий и Василий Великий, преподобный Максим Исповедник и прочие великие и малоизвестные. Поэтому, повторю, средством для противостояния всеобщему заблуждению, грядущему на вселенную, является не вычисление имени зверя и не толкование пророчеств о кончине мира (потому что к этому способны немногие), а стяжание

благодати. Кто будет ее иметь, тот сможет всему противостоять. В ком ее не будет, тот, хотя бы он был и семи пядей во лбу, споткнется и упадет.

Приведу последний стих еще раз: *И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду.* Что есть для нас истина? Предание Православной Церкви. Что преданию противоречит, то мы отвергаем; что ему соответствует, то принимаем; про что оно умалчивает, то мы считаем нейтральным. Нигде Православное Предание не учит, что нужно отвращаться от каких-либо технических средств, созданных цивилизацией, будь то телега или компьютер – совершенно неважно. Это сейчас телега кажется нам чем-то допотопным, а некогда изобретение колеса и средств передвижения, а также орудий земледелия и прочего тоже было новшеством. Никогда Церковь не говорила и не говорит, что от всего этого нужно отвращаться, хотя, конечно, и не одобряет стремления к земному. И пресловутый ИНН – всего лишь технологическое средство для более удобного собирания налогов, или, как раньше говорили, «податей».

Если бы какой-нибудь экономист изобрел новую компьютерную программу для бухгалтерского учета или для расчета рентабельности предприятия, то мы ведь не считали бы его за это антихристом. Так же и государство: оно в лице своих чиновников изобретает какие-то средства, которые кажутся удобными для того, чтобы ему функционировать. Государство функционирует за счет сбора налогов: содержит армию, чиновников. Существует, конечно, и другой тип государственного устройства, когда все работают бесплатно, а государство выделяет человеку минимум на содержание. Тогда никаких налогов собирать не нужно, наоборот: государство вначале все у граждан отбирает, а затем некоторую часть выдает. Таким образом, есть два основных варианта. Например, при социализме в нашей стране хотя формально и собирали налоги, но по сути все у людей отбирали и давали им очень мало, в особенности во времена сталинские. Подобная практика существовала и в Китае. Люди работали, а государство все у

них отнимало и свободно распоряжалось этими деньгами. В Китае при Мао Цзэдуне население ходило в спецодежде. Нищий Советский Союз был способен осваивать космос, создавать мощное вооружение, а граждане получали семьдесят-восемьдесят рублей и были счастливы; тот, кто получал зарплату в сто рублей, считал, что у него не жизнь, а малина. Фактически это один из вариантов рабовладельческого государства.

Если мы хотим жить в государстве свободном, то мы обязаны платить налоги. Если мы не желаем их платить, то должны сказать: «Милиция мне не нужна, защищать меня не надо. Я сам за себя постою». Не хотим подчиняться государству – можем отдать себя в рабство или уйти в лес, жить по закону джунглей. Но если мы вместе со Священным Писанием признаем необходимость государства и говорим, что *князья*, по слову апостола, *недаром меч носят, но в наказание злым людям* (см. Рим. 13, 3–4), то, следовательно, мы должны этих людей содержать, чтобы они нас охраняли и чтобы в обществе был порядок. Иначе просто невозможно будет жить. Хотя мы и живем в плохом государстве, но все-таки некоторый порядок в нем есть, а так не было бы никакого.

Раз мы соглашаемся с самой идеей государства, то мы должны, по словам Самого Господа, платить подати: *Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22, 21). Иначе «кесарь», будь то президент, или царь, или премьер-министр, или губернатор, не сможет исполнять свои функции. Мы его содержим, отдаем ему часть своих доходов. И для того чтобы разные «хитромудрые» люди не уклонились от платы, государство изобретает более или менее удобные способы собирания налогов. Например, в древности, во времена Рождества Христова, в Иудее для этой цели был придуман очень простой метод: в определенное время каждого обязывали на какой-то срок вернуться в тот город, откуда он был родом, и там прописаться. Это тоже был своеобразный ИНН, то есть удобная форма собирания налогов. Поскольку не имелось более совершенной формы учета, ибо она развивалась так же, как и другие средства цивилизации, то и была придумана вот

такая примитивная. Иначе было бы неизвестно, кто откуда происходит, кто где живет. Люди, конечно, мигрировали, переселялись в те места, где им жить удобнее, и нужно было как-то все упорядочить. Поэтому Иосиф Обручник и вынужден был вернуться в Вифлеем. В это время произошло Рождество Христово, и благодаря тому, что Иосиф повиновался государственным законам Римской империи, повелению кесаря Августа (который был отнюдь не православным царем, а язычником-идолопоклонником), сбылось пророчество о том, что Мессия родится в Вифлееме.

Таким образом, древняя примитивная форма учета принципиально ничем не отличается от современной – ИНН. Та была несовершенна, и эта тоже, может быть, несовершенна, но цель-то остается одна и та же: проследить за миграцией граждан. Ведь люди переезжают, каждый живет там, где ему удобно. Невозможно сейчас сказать: давайте каждый вернется туда, где родился, и там вас всех учтут. Например, в Екатеринбурге живут люди из разных областей, сюда съехалось множество людей – кто откуда. И представьте себе, что все должны были бы возвращаться в свои города, чтобы их учли. Конечно, во времена Спасителя вести такой учет было проще: людей было гораздо меньше, жили они более оседло, к тому же власть была, возможно, более твердой и могла заставить людей так себе повиноваться. Люди делали то, что им предписывали власти в лице императора или его чиновников. Сейчас это неосуществимо. Никто не скажет, например, американцу: «Знаешь что? Вот сейчас ты живешь в Нью-Йорке, но ты должен вернуться на ферму к своему папе и там прописаться, тогда мы тебя обложим налогом». Он ответит: «Да какое мне дело до всего этого? Никуда не хочу возвращаться, я свободный человек, живу в свободном мире». Потому, я думаю, потребовалось придумать форму учета, не стесняющую свободы человека и одновременно не позволяющую ему уклониться от уплаты налогов. К тому же если раньше людям определенные имя и фамилия присваивались на всю жизнь, то сейчас я могу заплатить какую-то сумму и стать вместо Ивана Петрова Петром Ивановым. Напишу в газете объявление для

своих знакомых, что отныне телефон мой переменялся и имя тоже переменялось. А ведь можно этого и не объявлять, но адрес, имя и номер телефона присвоить себе новые. Более того, я могу сделать пластическую операцию и изменить внешность. Все – меня нет, никаких налогов с меня никто не возьмет, хотя я, может быть, украл сейчас миллион долларов.

Именно в связи с тем, что у современного человека есть возможность не только мигрировать, но и менять атрибуты своей жизни, возникла необходимость ввести в обиход атрибут неизменяемый – в виде номера. Хорошо это или плохо, нравится нам это или не нравится – другой вопрос. Мне, допустим, тоже не хочется быть пронумерованным, но здесь от меня ничего не зависит, волей-неволей приходится на это соглашаться. Вернемся к примеру из Евангелия: когда в Римской империи производилась перепись населения, то людей также некоторым образом исчисляли. Если мы возьмем загадочное латинское слово «номер» и посмотрим его значение в толковом словаре, то увидим, что в русском языке это слово означает «порядковое число». Таким образом, понятие «номер» не есть что-то непере译имое и русскому человеку непонятное – это просто порядковое число. И в Римской империи во времена, о которых повествует апостол Лука, при счете людей тоже каждому приписывалось порядковое число – хотя и не на всю жизнь, но, по крайней мере, на момент переписи. Только сейчас оно приписывается более совершенным способом: указывается номер области, региона, а раньше исчисление было примитивным.

Господь наш Иисус Христос Своим примером и учением велел в данном отношении подчиняться государству, так как оно не претендует на наше духовное – на *Божие*. *Кесарю кесарево* мы воздаем и обязаны воздавать. Это совершенно нормально и естественно, жить в человеческом обществе иначе невозможно. Если мы не будем *воздавать кесарю кесарево*, то Бог нас накажет. Когда к Спасителю пришли и рассказали, что Пилат смешал кровь галилеян с их жертвами, то Он не сказал: «Какие бедные, несчастные люди, пострадали от этих жестоких язычников», а предупредил пришедших: *Если вы не покаетесь*,

то все так страдаете (см. Лк. 13, 1–3). Некоторые толкователи говорят, что эти галилеяне не желали подчиняться римским законам, не хотели приносить жертву за кесаря. Их не заставляли совершать жертвоприношение идолам, но обязывали в храме Божиим – в истинном храме, в котором они молились, – приносить жертву за кесаря. Они отказывались это делать, и поэтому Пилат смешал их кровь с кровью их жертв.

Господь, повторяю, этих людей не защитил, а осудил и сказал, что их постигло наказание Божие. Это наказание было им послано за то, что они не хотели подчиняться светской власти, хотя она была отнюдь не правоверная, а, наоборот, богопротивная, идолопоклонническая. Но поскольку власть эта законным, допустимым способом требовала лояльности к себе, то, естественно, галилеяне должны были эту лояльность проявить. И кара от рук римских солдат явилась для галилеян не мученичеством, но наказанием Божиим. Поэтому всякий, кто в отношении подобных светских предметов станет противиться власти и страдает от нее, например за непринятие ИНН, страдает справедливо. Это будет ему наказанием Божиим за его глупость. Как я говорил вам в одной беседе (мне кажется, многим это понравилось, а может, и заставило призадуматься), преподобный Максим Исповедник считает глупость одним из четырех главных пороков, препятствующих нашему спасению, и проявлением в нас ветхого человека, которого нужно умертвить, уничтожить благодатью Божией.

Между прочим, обратите внимание, как уважительно Спаситель относился к сборщикам податей и к самому институту сбора налогов. Посмотрите, Он сказал: *Кесарю кесарево*; Он подчинился римской власти, внушив Иосифу Обручнику спасительную мысль оказать ей повиновение, прийти в Вифлеем (иначе Он предостерег бы его от этого) и таким образом исполнить свой долг. Более того, когда к Петру обратились собиратели дидрахм, прося жертву на храм, Господь ему сказал: *Сыны царские свободны, но, чтобы нам не соблазнять этих людей, пойди, брось удочку, поймашь рыбу и в устах ее обнаружишь золотую монету и дашь им за*

Меня и за себя (см. Мф. 17, 26–27). Хотя они в тот момент не располагали деньгами и Господь мог бы уклониться от уплаты и сказать: «Мы не будем давать» (этот сбор податей был добровольным), но Он тем не менее заплатил, чтобы не соблазнять людей. И мы тоже должны платить. Даже если мы считаем, что это не нужно, должны так сделать, чтобы не соблазнить окружающих нас людей.

А мы как себя ведем? Каким образом ведут себя противники ИНН? Один чиновник, работающий в Администрации нашей области, беседуя со мной об ИНН, рассказывал следующее. Некоторые неверующие люди возмущаются, говоря: «Почему верующих надо освобождать от ИНН? Получается, что я, неверующий, должен быть учтен, а они нет? Выходит, что я второго сорта? Почему у них должно быть такое преимущество?» Действительно, почему? Если верующий человек может уклониться от того, чтобы ему присвоили ИНН, тогда и неверующий скажет: «И я не хочу». – «По каким же мотивам?» – «Просто мне не нравится ИНН, и все. Не нравится такое сочетание букв: „ИНН“. Вот если б было „НИН“, тогда я бы принял». И кто что сможет ему сказать? У одного один мотив, у другого – другой. Получается, что люди неверующие или не христиане становятся людьми второго сорта. А мы – первого, мы избранники Божии; мы ИНН принимать не хотим, а им пусть присваивают, пускай пропадают, все равно они пропащие люди. В таком случае и мусульмане, и буддисты, и кто угодно тоже начнут говорить: «И мы не хотим». Таким образом, мы, православные христиане, явимся виновниками, катализаторами возмущения против государства.

Теперь я хотел бы сказать о том, какое духовное состояние у нас должно быть для того, чтобы мы правильно подготовились к пришествию Христову. В двадцать первой главе Евангелия от Луки приведена беседа Спасителя о кончине мира. Господь говорит о признаках второго пришествия, предлагая напоследок притчу (ее я приведу ниже), а потом вдруг как бы уклоняется от темы и учит о том, какое внутреннее состояние мы должны иметь. Ведь при неправильном душевном устройении мы будем

неспособны увидеть и внешние признаки кончины мира. Почему? Потому что все внешние, так сказать, исторические признаки откроются нам только тогда, когда нас будет вразумлять благодать Божия, а не тогда, когда мы будем заниматься какими-то вычислениями, упражняться в смекалке, отгадывать шарады и ребусы. Последнее ничего нам не даст, хотя бы даже мы делали это, начитавшись святоотеческих книг. Я уже не говорю про разные апокрифы нашего времени вроде «Протоколов сионских мудрецов»⁹¹ и прочих мифов.

Итак, притча: *И сказал им притчу: посмотрите на смоковницу и на все деревья: когда они уже распускаются, то, видя это, знаете сами, что уже близко лето. Так, и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко Царствие Божие. Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все это будет; небо и земля прейдут; но слова Мои не прейдут (Лк. 21, 29–33).* Казалось бы, все ясно: нужно наблюдать, и когда мы увидим признаки сбывающимися, значит, уже наступает весна. Но далее следует неожиданный пассаж: *Смотрите же за собою. По-славянски сказано более емко; я позже приведу и русский перевод этого отрывка, но сначала зачитаю его по-славянски. Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той: яко сеть бо приидет на вся живуция на лица всея земли. Бдите убо на всяко время молящися, да сподобитесь убежати всех сих хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим (Лк. 21, 34–36).* Русский перевод: *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно. Вот что, оказывается, нужно! Не столько наблюдать за внешними признаками, сколько внимать себе. Спаситель как бы предостерегает нас: смотрите более за собою, нежели вокруг, потому что если вы не будете внимать себе, то день тот придет внезапно, хотя бы вы и распознали все его признаки. Он будет для вас неожиданным не столько оттого, что вы его не угадаете и не сможете предвидеть, сколько оттого, что вы будете внутренне к нему не готовы.*

Спаситель говорит: *Ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному.* Никто того дня не избежит, но он, как сеть, найдет на всех и всех уловит. Чтобы не попасться в эту сеть, нужно быть готовым. Господь предостерегает нас от того, чего мы не должны делать: нам надо беречься того, чтобы сердца наши не отяготились объедением, пьянством и житейскими заботами, потому что в этом заключается корень всех зол. От объедения и пьянства происходят и блудная страсть, и лень, и гнев, и еще много чего. Посмотрите: стремясь к земным благам, отстаивая свои интересы, мы поддаемся гневу. Для того чтобы приобрести эти блага, мы впадаем в страсть сребролюбия. От богатства, от услаждения земными благами возникают гордость и тщеславие. Печали житейские, даже если мы не совершаем явных, тяжких грехов, опустошают душу, рассеивают ее, делают человека неспособным к восприятию каких-либо духовных явлений. Тем более они не позволяют ему предвидеть такой великий день, как день второго пришествия Христова, и, естественно, предваряющие его события, связанные с появлением антихриста.

Итак, Господь наш Иисус Христос, предостерегая, показывает нам корень зол: объедение, пьянство и печали житейские, чтобы пресечь и побеги. А далее Он говорит, что мы должны делать. Сначала нам указан корень зол, который мы должны уничтожить, потому что он – корень всякого добра: *Бдите убо на всяко время молящися.* Русский перевод: *Итак, бодрствуйте на всякое время и молитесь.* Бодрствование над собой и непрестанная молитва являются средством, которое делает нас способными подготовиться к тому дню, чтобы встретить его с радостью, а не со страхом от предчувствия мучений и наказаний. Это, повторю, корень всякого добра. Отсюда происходят все христианские добродетели, и без этого едва ли возможно исполнить какую-либо заповедь – не только приобрести такие великие добродетели, как любовь или смирение, но даже удержаться, например, от гнева или осуждения.

Вот какое настроение необходимо иметь людям, которые думают о втором пришествии Христовом правильно, по-православному. Не должно быть объедения, пьянства, земных забот и печалей. Должны быть бодрствование и непрестанная молитва. А отнюдь не гадание, не вычисление, не толкование.

Конечно, среди нас есть много людей простых, отнюдь не богословов. И я тоже, разумеется, не считаю себя человеком, который говорит от Бога. Что же нам тогда делать, чтобы не отпасть от истинной веры во время искушений? Остается только одно: молиться. Непрестанно, со страхом молиться о своем спасении. И тогда мы сможем надеяться, что Господь нас, скудоумных, нравственно немощных, убережет от гибели и спасет. Другого способа у нас нет. Для большинства, почти для всех людей, единственный способ противостоять соблазну – это бодрствование и молитва. И даже те люди, которым дано быть учителями других, истинными пастырями, дано предостерегать свою паству, вести ее за собой в Царствие Небесное – будь то епископы, или старцы, или монашествующие – могут познать истину о втором пришествии Христовом двумя способами, вернее одним, так сказать, нераздельным способом: верность Православному Преданию, бодрствование и молитва.

Между прочим, под бодрствованием нужно понимать хранение себя не только от греховных помыслов против нравственности, но и от греховных помыслов против правого учения Церкви. А для того чтобы бдеть в данном отношении, нужно хотя бы несколько знать это учение. Поэтому мы должны стремиться к познанию истины и молитвой, и изучением Священного Предания. Молитва и бодрствование над своей душой необходимы для всех, изучение же Священного Предания, конечно, также желательно для всех, но, может быть, не все могут это делать в полной мере, глубоко. Однако же, надеясь не на себя, не на свой разум, а на Бога, мы не погрешим, и Господь нас сохранит. Вразумит ли Он нас действием благодати или через людей, которым дано наставлять других, но Он нас сохранит, если мы, повторю, не

будем надеяться на себя. Вот этим, пожалуй, можно закончить беседу на очень животрепещущую, к сожалению, тему.

* * *

Вопрос. Вы сказали, что Спаситель с уважением относился к сборщикам податей. Отсюда можно видеть, что Господь благоволит к строгому порядку в обществе. У меня в связи с этим возникло вот какое предположение. Раз диаволу важно, чтобы отречение от Бога было добровольным, то во времена антихриста общество, вероятно, будет сугубо демократическим? Можно ли сделать вывод, что обязательным условием пришествия антихриста является полная свобода?

Ответ. Действительно, существует такая точка зрения. Перед возникновением тоталитарного режима, тирании антихриста, должна быть свобода, доходящая до хаоса, как сейчас выражаются – до атомизации общества, когда каждый будет сам по себе. Нил Мироточивый высказывает мнение о том, что в городах и селах к тому времени не останется управителей, будет безвластие. У святителя Феофана Затворника есть такое рассуждение: поскольку царская власть в то время уже прекратит свое существование, то, естественно, будет нечто противоположное, то есть демократия или республика, и тогда «антихристу действовать будет просторно»⁹². Но такой взгляд связан с тем толкованием отрывка из послания апостола Павла, согласно которому явление антихриста удерживается царской властью, а это лишь одно из мнений, и, как мы уже говорили, недостаточно основательное. Царская власть бывает разная. Православные на территориях, захваченных мусульманами, долгое время существовали под властью мусульманских монархов – халифов, а затем султанов. Монархия была, но какая? Позволительно ли сказать, что она удерживала явление антихриста, если и султана, и халифа, и самого Магомета можно скорее причислить к служителям антихриста? Некоторые даже считали, что Магомет и есть антихрист, потому что он извратил христианство – не полностью опровергал его, а именно извратил. Я не отрицаю мнения о том, что в последние

времена наступит свобода вплоть до хаоса, но и не считаю, что эту точку зрения нужно принимать обязательно.

Вопрос. Если человек примет печать антихриста под действием насилия или обмана, будет ли это преступлением против веры?

Ответ. Не нужно печать антихриста представлять себе только как некий штамп. Суть состоит в том, что от человека потребуют отречения от Христа, а не в том, что ему поставят какой-то штамп. Если, допустим, поймают какого-нибудь пьяного, поставят ему печать, а потом он протрезвеет и скажет: «Я ничего не знаю, я был в нетрезвом виде», то принятие печати, я думаю, не вменится ему в вину. Тем более человек будет невиновен, если его заставят принять такую печать насильно. Так было в нацистских и советских лагерях: заключенным делали татуировку с номером или пришивали номер на бушлат, и таким образом человек был пронумерован. Был ли этот номер на правой или левой руке или на шапке, но он не являлся печатью антихриста или числом антихриста, раз человек принимал его поневоле и при этом от него не требовали отречься от Христа.

Каким образом будет ставиться печать? Может быть, будут использоваться какие-нибудь технические средства, допустим «чипы», как сейчас говорят, или что-то новое, например лазерная татуировка. Может быть, это будет средство, которого сейчас еще не существует, оно еще не изобретено... Это не имеет принципиального значения. Принципиально то, что человек, получающий печать, должен будет сознательно отречься от Христа и принять антихриста.

Некоторые считают, что слово «печать» аллегорично и выражает мысль о том, что человек, имеющий печать, служит дьяволу. Если рука – это символ человеческой деятельности, а голова – символ образа мыслей, то, значит, такой человек должен будет мыслить, или если и не мыслить, то действовать по воле дьявола. Ведь бывает так, что люди втайне сохраняют какую-то особую точку зрения, но ради карьеры, ради каких-либо земных благ лицемерно подчиняются власти. Так, при советской власти многие делали

карьеру и притом совершенно не принимали коммунистических убеждений. Я думаю, и при многих тиранических режимах конформисты, или приспособленцы, шли на это ради достижения земного благополучия, поэтому можно предполагать, что в последние времена тоже будут такие люди, не исповедующие убеждений, проповедуемых антихристом, но служащие ему. Это одно из мнений. Есть и другое мнение: «печать» будет представлять собой некое духовное явление, и слова о том, что она будет ставиться на чело или на руку, нужно понимать в том смысле, что человек не сможет помолиться, не сможет наложить на себя крестное знамение. И такое предположение мы не имеем права отрицать. Мы не вправе, конечно, отвергать и буквальное понимание слов Апокалипсиса, согласно которому печатью будет что-то материальное. Но оно, скажу еще раз, должно явиться выражением духовного состояния человека, то есть его отречения, отпадения от Христа.

Кроме того, есть мнение, что под числом 666 нужно понимать некое символическое число, которое показывает духовную сущность антихриста. Английский святой Беда Достопочтенный (это святой неразделенной Церкви, православный, хотя и малоизвестный у нас) говорил, что число 666 означает тройное отрицание седьмого дня творения, то есть дня покоя, который мы должны посвятить Богу, иными словами, отрицание богопочитания. В таком случае возникает мысль: не является ли служение антихристу чем-то вроде атеизма или человекобожия – возвеличения человека вместо поклонения Богу? Последнее очень близко к современной гуманистической культуре, возвеличивающей и, так сказать, обоживающей человека. И такую точку зрения мы не вправе исключать. Но обо всех подобных вещах мы можем говорить только предположительно.

Мы должны понимать, что какой бы ни была эта печать, но если нам поставят ее помимо нашей воли, то она не будет иметь никакого значения. Приведу в пример таких знаменитых святых, как Феофан и Феодор Начертанные. Такое странное они носили прозвище – возвышенное, очень красивое, а связано

оно с величайшим их унижением. Святые Феофан и Феодор, по благословению Иерусалимского патриарха, ревнителя иконопочитания, пошли к византийскому императору-иконоборцу, чтобы обличить его в заблуждении. Придя, они дерзновенно обличили его – не ругали, а показали его заблуждение. Но он так прогневался из-за их противления ему, что приказал заклеить их – вырезать у них на лицах издевательские стихи. После этого они и получили прозвище «Начертанные». Означает ли это, что они имеют на своем челе печать антихриста? Или, наоборот, вырезанные надписи – символ величайшей славы и мужества этих людей? Конечно же, правильно второе утверждение. Поэтому не нужно думать, что унижение от нанесения печати против нашей воли что-то значит.

Если даже считать ИНН чем-то вроде лагерных номеров, инструментом порабощения человека, то и в этом случае он не унижит нашего христианского достоинства. Если мы порабощаемся каким-то режимом, хотя бы он был даже сатанинским, против воли и терпим эту скорбь, то это нас только возвышает, – как и всякое унижение возвышает христианина, переносящего его достойно, по-христиански. Иначе нужно было бы сказать, что и рабы, которым апостол Павел говорил, чтобы они подчинялись своим господам и служили им по совести, также поступали неправильно, и апостол Павел давал им ошибочный совет. А ведь рабы эти могли быть и заклеяменными своими господами. И вообще, в Римской империи раб считался одушевленной вещью, господа были вправе сделать с ним что угодно: помиловать, отпустить на волю, использовать по своему усмотрению, убить... И все это не могло быть для истинного христианина унижением, поскольку смирение ни в каком случае его не унижает.

Повторю: если бы даже ИНН действительно был подобен рабскому клейму, то и тогда мы не должны были бы от него отвращаться. Лишь бы только от нас не требовали идти на компромисс со своей христианской совестью. А для принятия ИНН никакого компромисса с совестью не требуется, о чем очень просто сказал великий наш старец – отец Николай

Гурьянов с острова Залит. Он спросил: «Разве там сказано, что нужно бить или воровать? „Бей да воруй“ – там же этого не говорится?» Ему отвечают: «Нет, не говорится». – «Значит, нужно принимать». Сказано, кажется, по-детски просто, но в этих словах заключена великая мудрость. Мы не должны идти на компромисс с совестью, но, если от нас его не требуют, значит, в том, что нам предлагается, нет ничего предосудительного. Пусть это будет даже унижительно, но не предосудительно. Отец Николай был в лагере, и ему присваивали номер; и отец Иоанн (Крестьянкин) находился в заключении – у него тоже был номер. Эти люди знают, о чем говорят. И то, что у них были номера, их не унижает, а возвышает, потому что отцы эти – исповедники. А мы перепугались. Да на самом деле мы и не перепугались, но только делаем вид, потому что нет советской власти. Если б она была, никто не произнес бы ни одного возражения. Все бы приняли ИНН и два, и три, и сколько угодно раз. Еще и сказали бы: «Спасибо. Когда прийти в следующий раз?» А сейчас все такими храбрыми стали!

Вопрос. Может быть, русские решили не принимать ИНН, последовав примеру греков, не принявших электронные карточки? Ведь греческий народ искони был православным, и до сих пор у этой нации сохраняются устои православия. Греки считаются людьми, более других утвержденными в правой вере...

Ответ. Давайте не будем апеллировать к авторитетам, а обратимся конкретно к теме беседы. Доводы, которые я привел, имеют значение или не имеют? Если те или иные из них неправильны, то надо их опровергнуть и привести противоположные – контрдоводы. Если же эти доводы опровергнуть нельзя, то мы не можем из ничего сделать вывод, что греки правы, потому что они умнее, а мы не правы, потому что мы глупее. Невозможно, чтобы человек в силу местонахождения был автоматически прав или не прав: живет ли он на Афоне или, скажем, в Псково-Печерском монастыре. Например, отец Иоанн (Крестьянкин) высказал об ИНН мнение, с которым я абсолютно согласен. И он для меня является не

меньшим авторитетом, чем отец Паисий, а, может быть, даже и большим, тем более что его мнение совпадает с учением Священного Писания и святых отцов. А то, что говорит отец Паисий, основано на апокрифических «Протоколах сионских мудрецов», которые к святым отцам никакого отношения не имеют. Никогда никто из святых отцов не говорил о всемирном заговоре.

Мы не можем говорить, что греки правы, потому что они греки, а мы не правы, потому что мы русские. Если бы у нас по-настоящему православных было, допустим, пятьдесят процентов населения, то, конечно, они заставили бы правительство сделать все что угодно: ввести ИНН, отменить ИНН... Справедливо они просят или нет, но за ними сила. Сейчас у нас сложилась такая ситуация, когда сопротивление введению ИНН и нежелание власти пойти на кардинальные уступки, такие как в Греции, вынудили людей определить для себя, что это за явление – ИНН и как к нему правильно относиться. И некоторые нашли правильное решение, хотя и немногие, такие как отец Иоанн или отец Амвросий (Юрасов), очень здраво высказывавшиеся на этот счет. (Я уже не говорю об отце Николае Гурьянове, который говорит не от своего ума, а от Бога.)

В Греции такой ситуации сложиться не могло. Народ воспротивился – хочешь не хочешь, но властям пришлось слушать. Это не значит, что православные греки правы. Это значит, что их много. Я уже сказал, что в России православные по сравнению с основной массой населения представляют собой ничтожную группу и как-то повлиять на ситуацию не могут. Даже если бы у нас была православная партия и все православные проголосовали бы за нее, то мы едва-едва набрали бы пять процентов голосов, чтобы пройти барьер в Думу. У греков все совсем по-другому: когда народ чего-то захочет – правильно то или неправильно, – он сможет на своем мнении настоять.

Вопрос. Батюшка, напрашивается вопрос: люди, которые убеждают простой народ не принимать ИНН, помогают ли им чем-то дальше? Ведь человек, отказавшийся от ИНН, может

оказаться в очень трудном материальном и социальном положении.

Ответ. Когда на епархиальном собрании один помощник депутата нес околесицу про всемирный заговор, кто-то из священников (я думаю, он мудро поступил) задал ему вопрос, рассказав предварительно следующее: «У нас произошел такой случай. Одна бабушка давно хочет продать свой дом, в связи с этим ей нужно принять ИНН, чтобы сделка была зафиксирована. Но она этого сделать не может и, таким образом, остается без средств к существованию. Как ей быть?» Выступавший ответил: «Я не знаю. Наверное, эта бабушка должна пожертвовать собой ради верности православию». И больше ничего не сказал. Ну что он может еще сказать?

Вопрос. Духовник моей подруги не благословил ее принимать ИНН, поскольку номер, по его мнению, обезличивает человека. Что вы об этом думаете?

Ответ. Духовник и будет за это отвечать перед Богом. Что значит «обезличивает»? Допустим, я пошел к сапожнику, и он мне сшил обувь точно по ноге (если, конечно, у меня есть деньги и сапожник хороший) – это прекрасно. Или пошел к портному – раз у меня индивидуальный заказ, то сшили мне все до миллиметра точно. Но если у меня таких денег нет, я иду в магазин и покупаю одежду или обувь определенного размера. Это тоже, можно сказать, обезличивание, ведь когда шьют костюм, то не предполагают, что куплю его именно я, а шьют просто на высокого полного человека. Получается, меня обезличили?

Так думать глупо. Пусть будет номер, пусть будет глобализация, приватизация – что угодно. Мне-то что до этого? Как все это может меня обезличить? Обезличить человека может только его отказ от собственных убеждений. Если мы, охая и ахая, будем смотреть какой-нибудь фильм, в котором бегут, бьют друг друга, стреляют, в котором кровь хлещет рекой, то это и будет обезличиванием, потому что от просмотра такого фильма мы, грубо говоря, становимся дураками. Обезличивание будет происходить тогда, когда мы будем пьянствовать, предаваться разврату, ходить в ночные клубы,

потому что все это лишает человека истинной личности, одурманивает, приводит его в скотоподобное состояние. Наркотики, алкоголь, разврат, всевозможные суетные развлечения превращают человека в робота, он становится таким существом, которое живет только для того, чтобы потреблять. Товаропроизводители заинтересованы в том, чтобы были потребители. А что должен делать потребитель? Он должен любить товары. И он любит то, что нужно любить. Ему внушили, например: «Покупай жевательную резинку», и он, хочет или не хочет, покупает. Вот это – обезличивание.

Если же у человека есть стержень, в особенности если это человек религиозный, православный христианин, то как его можно обезличить? Только при одном условии – лишить его православия. Ну, купил я такую же обувь, как какой-нибудь другой человек, и вот мы ходим с ним в одинаковых сандалиях. Что с того? Я же должен во что-то обуваться. Ведь обувь надевается на ноги, а не на личность, правильно? Вот если я «приобретаю» нечто, искажающее мою личность, например: смотрю телевизор, предаюсь развлечениям, не молюсь – вот тогда я обезличиваюсь.

В наше время, когда на земле живет несколько миллиардов человек, отказаться от промышленных способов производства было бы просто абсурдом. Невозможно будет прокормить такое огромное количество людей. Таким образом, существование промышленности и конвейера можно оправдать, потому что иначе невозможно было бы всех одеть, обуть, накормить. Если уж говорить об обезличивании, то нас, монашествующих, тоже можно в этом обвинить: например, у всех сестер одинаковые подрясники, одинаковые апостольники, одинаковые пояса... Посмотришь и с первого взгляда не различишь – все сестры одинаковые. Но это обезличивание нужно затем, чтобы человек смирился. Мы лишаем его всего того, что позволяет ему выделиться при помощи своих грехов, допустим тщеславия, когда человек любит одеться и выглядеть не хуже других, а то и лучше. У нас одинаковый образ жизни, мы все встаем в одно и то же время, едим одну и ту же пищу. Это ведь тоже можно назвать обезличиванием. Но человеческая личность при

этом, наоборот, глубочайшим образом развивается, освобождается от всяких ненужных, суетных пут, связывающих ее с землей.

Вопрос. Батюшка, некоторые считают, что отец Николай Гурьянов юродствует, когда говорит, что в принятии ИНН нет ничего страшного.

Ответ. Юродствовать означает что-то недосказать или сказать в какой-то при точной, аллегорической форме. Но ведь отец Николай выразился вполне определенно и ясно. Если, например, что-то делать нельзя, а я скажу: можно, – будет ли это юродством? Это обман, а не юродство. Просто люди настолько поддались заблуждению относительно ИНН, что они уже никого не хотят слушать: ни отца Иоанна (Крестьянкина), ни отца Николая. Если бы отец N, который высказывался против ИНН, сейчас передумал, они и его не стали бы слушать, потому что им нравится собственная позиция. Они же герои! Их никто не преследует, а они почти мученики. Они никому не нужны, а почти что страдают. Мученик – и это ничего тебе не стоит, – это ж прекрасно! Нужно же в чем-то обнаружить свою, так сказать, твердость, ревность. А проявить ее не в чем. Что обычно делают неопытные люди? Они проявляют свою христианскую ревность в строгом посте или в чем-нибудь подобном. А тут даже и поститься не надо, можно есть что хочешь, можно смотреть телевизор и говорить: «Я человек немощный, да – но ИНН не принял!» Проявить такую ревность очень просто, и ты как будто уже что-то из себя представляешь. А некоторые простые люди боятся принять ИНН из какого-то суеверного страха – просто потому, что они вообще ничего не знают о духовной жизни.

Вопрос. У преподобного Серафима Саровского есть предсказание о том, что перед концом мира будет расцвет православия. Честно говоря, очень хочется в это верить: сейчас быть христианином (особенно в миру) очень трудно. В наше время открываются и восстанавливаются храмы, монастыри. Можно ли думать, что этот расцвет наступил? Последние ли мы люди?

Ответ. Мы, конечно, люди последние. Но не в том смысле, что живем в последние времена, а в том, что ничего собой не представляем. Нужно помнить, что жить по-христиански всегда было трудно. Не думайте, что, допустим, в I или II столетии ситуация была иной, – нет. А что касается предсказания, то мы не знаем, можно ли ему верить и на самом ли деле оно принадлежит преподобному Серафиму. Поэтому не нужно на него особенно полагаться. Впрочем, другие русские подвижники также предсказывали некоторый духовный расцвет России, хотя при этом они не связывали его с кончиной мира. Например, Порфирий Глинский говорил, что в России люди, ослепленные блеском мирской славы, свергнут веру, но восстанут из народа неизвестные миру и восстановят попорченное.

Может быть, сейчас как раз и происходит это восстановление, вернее, только начинает происходить, наподобие того как ранней весной набухают почки и иногда слегка раскрываются. Пока у нас приблизительно такое время, собственно весна еще не наступила, но человек мудрый, как мне кажется, уже в состоянии увидеть ее признаки. Правда, Бог может все переменить, повернуть вспять за наши грехи, за наше нерадение. Все возможно. Откровенно скажу, что лично я верю в возрождение Православия и покаяние русского народа, хотя, наверное, такие вещи не происходят за один год. Даже человеку трудно перемениться за такое время: чтобы он обратился к вере, укоренился в Церкви, чтобы для него все это стало родным, привычным, нужно лет пять-десять. А мы говорим о целом народе, – конечно, в этом случае потребуется как минимум несколько десятков лет. Представьте себе то, как происходит строительство монастыря. Я с удовольствием сделал бы все за год, на деле же постоянно что-нибудь случается: то денег нет, то иконописца, то еще что-нибудь. Так все это растягивается и растягивается, а тут не один монастырь нужно возвести. По всей стране столько монастырей, храмов, школ – сколько всего предстоит поднять! Для этого необходимо очень много времени и средств.

А вообще, показателем расцвета православия является не столько открытие монастырей и храмов, сколько расцвет духовной жизни. Не во всяком монастыре эта жизнь расцветает, к сожалению. Очень часто бывают неопытные настоятели, неопытные духовники и соответственно неопытные послушники и послушницы. То же можно сказать и в отношении храмов. Храмы открываются, но бо льшая часть нашего населения остается не церковной, – нельзя сказать, чтобы совсем неверующей, но не церковной. По данным современной статистики, православными можно называть максимум пять процентов нашего населения. То есть из всех этнических православных (православных по происхождению), лишь пять процентов являются таковыми и на самом деле: ходят в церковь, соблюдают в большей или меньшей мере церковные обряды, участвуют в Таинствах. Расцвет будет тогда, когда все остальные этнические православные, – то есть те, чьи предки исповедовали православную веру (русские, украинцы и прочие славянские народы) придут в Церковь и начнут жить христианской жизнью; когда в монастырях будут воспитываться настоящие монахи и монахини, угождающие Богу и могущие, может быть, принести пользу и другим людям. Сейчас же, в лучшем случае, лишь начало духовного расцвета.

Вопрос. Господь сказал, что о дне и часе кончины мира никто не знает, кроме Отца Небесного. Почему же тогда святые отцы дерзали предсказывать даты?

Ответ. Во-первых, таких попыток было не так уж и много – все-таки люди проявляли благоразумие. Во-вторых, отцы, которые пытались предсказать дату кончины мира, считали, что сбываются признаки последних времен. И кроме того, слова о том, что никто не знает дня и часа, некоторые отцы понимали буквально, то есть дня и часа мы не знаем, а вот, например, год (хотя бы приблизительно) угадать можем.

Вопрос. Господь в Евангелии говорит: *Наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу (Ин. 16, 2).* Если отнести это пророчество к концу света, то получается, что в конце времен гонители будут преследовать истинных христиан, как людей Богу не угодных?

Ответ. Может быть, да. Конечно, прежде всего это пророчество нужно относить к самым первым временам христианства. Они кажутся нам очень далекими, и мы полагаем, будто там все было прекрасно. В действительности дело обстояло не так. Представьте себе такую ситуацию: мы – истинные христиане, благодатные, ревнители благочестия, несем всем истину, любовь, а нас никто не принимает. Более того, нас ненавидят до такой степени, что гонят, из-за чего мы должны бежать и даже оставить родину. У первых христиан так и было. Кого-то убивали, а те, кто спасались бегством, жили всю жизнь на чужбине. Люди, которых они любили: родные по плоти и те, кто говорили с ними на одном языке, – их ненавидели, презирали, преследовали по всему миру. Изгнанники никогда не имели возможности вернуться к себе на родину, поскольку знали, что это грозит им смертью, как было с апостолом Павлом, которого иудеи хотели убить. И это в то время, когда иудеи считались ему как будто бы единоверцами и прежде всех должны были обратиться к Богу, поскольку благовествование было обращено в первую очередь к ним. Поэтому не нужно преуменьшать значение первых гонений и скорбей, испытанных апостолами и первыми христианами, – они были очень страшными и тяжелыми. О том, что он и прочие апостолы были изгнаны из отечества, апостол Павел говорит как об одной из самых тяжелых скорбей, ими перенесенных. Представь себе, что ты говоришь только на русском языке, а тебе пришлось бежать, допустим, в Северную Корею и мучиться там всю жизнь. Разве это не скорбь, когда человека лишают отечества? Когда его преследуют те, кому он больше всего желает добра?

Но процитированные слова вполне допустимо отнести и к последним временам. Наверное, можно предположить, что люди, которые будут почитать антихриста богом, станут преследовать православных как изуверов, противящихся всеобщему благу. Нечто подобное было и в другие времена, когда гнали православных христиан, например во времена иконоборчества, монофизитства или других ересей. Притом эти еретические учения заражали даже государственных

правителей и пользовались их покровительством. Поэтому гонения были такими, от которых практически невозможно было укрыться. От этих гонений почитатели икон, например, бежали на окраины Римской империи: кто в западную ее часть, кто в отдаленные уголки, такие как Крым. Некоторые спасались бегством на Ближний Восток – хотя он в то время и был завоеван магометанами, но там никто не боролся против православия.

Вопрос. Если в жизни возникнет ситуация, подобная ситуации с ИНН, а совета спросить будет не у кого, как поступить в таком случае?

Ответ. Как же я могу дать вам совет сейчас относительно той ситуации, которая возникнет потом? Допустим, появится не ИНН, а какой-нибудь АБВГД... Я думаю, что в любом случае нужно следовать святым отцам. Вот мой друг, отец А., хотя у него нет современной литературы на эту тему и доступа к таким источникам информации, как Интернет, имеет на этот счет трезвые взгляды, поскольку обладает здравым смыслом, молится Иисусовой молитвой и читает святых отцов.

Люди, начитанные в творениях святых отцов, приобретают здравый смысл – не свой, а церковный, святоотеческий, иначе говоря, приобретают разум Христов. Таким образом, они смотрят на все правильно, все умеют оценить и разобрать безо всяких откровений. И вообще, личного откровения мы не достойны. Мы прежде всего должны обращаться к тому Откровению, которое было дано всем людям. Если будем ему следовать, то, может быть, кто-то из нас сподобится откровения и сам по себе, лично. Но тогда только, когда его опыт, совпадающий с опытом святых отцов, будет развиваться не произвольно, а по их учению. Вот так мы можем распознать те или другие явления.

Вы хотите услышать от меня какой-то определенный совет, но я ведь не являюсь учителем Церкви или пророком, который может предсказать будущее. Предсказать, например, что через три года с вами произойдет подобное искушение – будет АБВГД, и вы смотрите: АБВ можно, а ГД – уже нельзя. Поэтому нужно заниматься изучением святых отцов и очищать свой

разум молитвой. Кроме того, я думаю, если человек желает узнать истину, то Господь все равно через кого-то эту истину ему явит. Найдется какой-нибудь здравомыслящий человек, который поможет разобраться в затруднительной ситуации.

В 1970 году в журнале «Посев» была впервые опубликована статья Аркадия Столыпина – родного сына П. А. Столыпина – «„Диалог в аду“ и „Протоколы сионских мудрецов“», в которой он свидетельствует о том, как была разоблачена фальшивка в Российской империи: «Отец мой, бывший тогда главой правительства, назначил комиссию по расследованию дела о происхождении „Протоколов“. Комиссия эта – надо отдать ей должное – работала добросовестно. Искать исходную точку дела пришлось не в Петербурге, а в Париже. По заключениям, представленным комиссией, „Протоколы“ появились в рукописи на французском языке в 1897 или 1898 году в парижских кругах, в которых господствовал антисемитизм. Несколько позднее французский текст „Протоколов“ попал в руки опытного и не очень брезгливого русского полицейского офицера Рачковского, который решил использовать рукопись как оружие политической борьбы. ...Данные, собранные комиссией, были весьма вескими. Когда мой отец поехал с докладом по этому делу к императору Николаю II и сообщил, что на основании заключений комиссии намерен запретить распространение „Протоколов“ в России, монарх был потрясен. Он одобрил доклад моего отца, содержащий запрет „Протоколов“, осудив применение „порочных методов“» (см.: Посев. 1998. № 11. С. 16–17).

За прошедшие сто лет неоднократно было доказано (в печати, в суде и независимыми исследователями), что «Протоколы сионских мудрецов» являются фальсификацией. Однако использование их в антисемитской пропаганде продолжается и по сей день. Остается только сожалеть, что эта фальшивка, оказывающая столь губительное влияние на умы людей, продолжает находить своих читателей.

Подробнее об истории фабрикации «Протоколов» смотри: Бурцев. В. Л. В погоне за провокаторами: «Протоколы сионских мудрецов» – доказанный подлог. М., 1991; Кон Н. Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов» М., 1990. См. также: Кон Н. Лицензия на геноцид: Миф о всемирном еврейском заговоре и «Протоколах сионских мудрецов». М., 2000.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие сестры! Вы приняли начаток ангельского образа, запечатлели себя для того, чтобы подготовиться к умным духовным подвигам и, приняв впоследствии полный постриг, дать обеты перед Господом, Божией Матерью, ангелами, святыми и всеми сестрами нашей обители жить только ради Господа и всегда иметь в уме Его спасительные повеления.

Для чего люди оставляют мир? Для чего избирают этот особенный, странный, непонятный даже многим верующим людям образ жизни? Почему мы не хотим принести пользу в миру? Почему не стремимся, например, познавать глубины премудрости, изучая творения великих людей? Почему мы даже не желаем умственно, отвлеченно усвоить предание святых отцов, как это делают те, кто стремится – и мы не будем порицать эту благую цель – получить богословское образование? Ответ на все эти вопросы мы находим в словах Самого Господа нашего Иисуса Христа: *Что пользы человеку, если он весь мир приобретет, а душу свою отщетит?* (см. Мф. 16, 26). Мы не сможем принести пользу другому человеку, прежде не доставив ее самому себе; не сможем привлечь к плодоношению других людей, если в своем собственном сердце не почувствуем плодов духовных. Апостол Павел говорит апостолу Тимофею, что он должен прежде сам вкусить плодов от того учения, которое преподает. Тем более это справедливо в отношении тех людей, для которых помощь ближним не является их прямой обязанностью и которые не несут ни священнического служения, ни подвига наставничества. Мы должны позаботиться в первую очередь о себе, принести пользу своей душе, сделать ее пригодной для жизни вечной.

Священник на каждой литургии читает в алтаре тайные молитвы, в которых говорится: «Поддай нам в настоящем веке познание Твоя истины, и в будущем живот вечный даруй». Мы, священники, с дерзновением молимся о том, чтобы те, кто в

святом храме соединяет с нами молитву, да и вообще все православные христиане, еще в этом веке познали истину. Познавание истины не есть результат человеческой мудрости, это и не умственное только усвоение святоотеческого предания. Познавание истины – это ее опытное переживание. Познавание истины – это богообщение.

Господь наш Иисус Христос сказал: *Аз есмь путь и истина и живот (Ин. 14, 6)*. Когда Спаситель, исповеднически стоя перед Понтием Пилатом, сказал ему, что Он *на сие родился в мир, да возвестит истину*, то Пилат, желая оправдать себя и показать, что познание истины – это туманная, абстрактная цель (так думали многие язычники), спросил у Него: *Что есть истина?* (см. Ин. 18, 37–38). После этого, как повествует Евангелие, Пилат вышел, не дожидаясь ответа. Он считал, что ответа на этот вопрос не существует, а между тем перед ним стояла Сама Истина.

Иногда святые отцы называют Господа Иисуса Христа Само-Истиной, потому что Он есть живая Истина. Истина не есть какая-то отвлеченная мысль, пусть самая мудрая, правильная, полезная и даже духовная. Если мы будем останавливаться лишь на созерцании таких мыслей, то не придем к более высокому состоянию – богообщению, то есть к созерцанию Того, Кто является бесконечным, преизобильным источником всякой доброй, разумной и полезной мысли. С православной точки зрения, в особенности с точки зрения монашествующих, познание истины – это, как я уже сказал, богообщение. Истина живет в нашем сердце, говорит в нас, руководит нами; не мы сами, а Она через нас и вместе с нами исполняет заповеди, делает добро. А мы можем лишь бесконечно благодарить благодать Божию за то, что она сделала нас орудием этой Всесвятой Истины, Само-Истины – Господа Иисуса Христа. Поэтому гораздо более мудрым можно назвать того человека, который хотя имеет скромные, ограниченные знания, но в своем сердце, в своей душе содержит *Сына Бога Живаго* – Господа Иисуса Христа.

Истину можно выразить всего лишь несколькими словами. Спаситель спросил апостолов: *За кого вы почитаете меня?*

Святой апостол Петр от лица всех прочих ответил: *Ты есть Христос, Сын Бога Живаго* (см. Мф. 16, 15–16). Это есть истина. Однако отвлеченное теоретическое знание приносит мало пользы, хотя и это можно назвать откровением свыше. Опытное же знание того, что Иисус Христос есть *Сын Бога Живаго*, – это наше спасение. Значит, Церковь справедливо молится и взывает к Богу о своих чадах: «Поддай нам в настоящем вещи познание Твоея истины, и в будущем живот вечный даруй». Если мы в этой жизни опытно познаем истину, познаем ее в своих сердцах, всей своей жизнью, всем своим существом, тогда она преобразит нас и сделает пригодными для будущей жизни, для Царствия Небесного. Поэтому вы, сестры, должны всеми силами, со всею ревностью стремиться к познанию истины, и прежде всего через понуждение себя к молитве Иисусовой. Молитва – это не просто одно из монашеских деланий, а это вступление в общение с Богом. Как говорит некий преподобный отец, молитва есть океан, обтекающий всю землю и орошающий ее. Так и про умное делание можно сказать, что оно объемлет всю добродетельную жизнь и все заповеди. Вслед за этим имейте послушание, отсечение своей воли, смирение. Помните о заповедях, содержите их всегда перед глазами и не забывайте, что делание ваше – это прежде всего исполнение заповедей.

В любом месте, при любых обстоятельствах, работаете ли руками, занимаетесь ли умственным трудом или с кем-то беседуете, вы должны помнить о том, что исполняете свою самую главную, великую и, может быть, единственно важную работу – трудитесь над исполнением Евангелия с помощью Господа нашего Иисуса Христа, Который всегда рядом и помогает вам. Это и есть умное делание, которое приведет вас к познанию истины в этом веке и даст вам надежду обрести Царствие Небесное в будущей жизни. Аминь.

О стяжании внутреннего целомудрия⁹⁴

Сегодня мы проведем беседу о блудной страсти на основании Евангелия. Мы увидим, что из самого евангельского текста, из самого поучения Господа Иисуса Христа можно сделать выводы о том, как следует вести себя по отношению к этой страсти и как нужно с ней бороться. Если мы внимательно прочитаем соответствующие заповеди Спасителя и вникнем в них, то увидим, что Он не только запрещает нам следовать блудной страсти, но и указывает средства для того, чтобы мы могли уничтожить ее и сделать свое сердце чистым. Блудная страсть, действующая в большей или меньшей степени, есть практически у всех людей. Одни как-то терпят ее, другие ужасно страдают. Не зная, что с собой делать во время нашествия или усиления брани, конечно, небезопасно.

Не нужно думать, что аскетическое учение святых отцов является неким дополнением к Евангелию. Святые отцы, рассуждая на самые разнообразные темы и преподавая нравственные уроки, черпали вдохновение в Евангелии – этом неиссякаемом источнике мудрости для всякого истинного христианина, а в особенности для учителей Церкви. Святые отцы не привнесли в евангельское учение ничего нового. Терминологию, правда, они заимствовали у различных философских школ, переработав ее в соответствии с богооткровенным учением, но суть христианского учения – это Евангелие, Божественное Откровение, учение Господа Иисуса Христа. В разные времена и в разных народностях его воспринимали по-разному: христиане первых веков – одним образом; учителя Церкви III–IV веков – другим; сирийцы, египтяне, греки, русские – в соответствии со своим национальным характером. Но суть всегда была одна и та же, незыблемая, неизменная, – Евангелие. Сегодня мы не будем рассматривать аскетические творения святых отцов, а обратимся к Евангелию, чтобы непосредственно в нем увидеть учение о борьбе с блудной страстью.

Нужно сказать, что выражение «блудная страсть» не употребляется в Евангелии. Само слово «страсть» заимствовано из учения стоической философской школы. В Евангелии содержится лишь конкретное запрещение блудного греха, и в нем нет тех обобщений, которые делают святые отцы. Например, они выделяют восемь главных страстей и четыре главные добродетели. Поскольку такая систематизация страстей помогает нам в нашей борьбе с грехом, мы и пользуемся традиционным учением отцов и их терминологией.

Вот как Сам Господь Иисус Христос говорит о грехе блуда: *Слышасте, яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши* (Мф. 5, 27). Вполне очевидно, что под словами *прелюбы сотвориши* подразумевается всякий грех, связанный с блудом, в каком бы виде он ни совершался. Даже теперь, в новозаветные времена, когда обильно действует Божия благодать, людям бывает трудно соблюсти во всей полноте эту заповедь – не грешить на деле. Но Господь Иисус Христос требует от нас большего. Как Он говорит до этого, наша праведность должна превзойти праведность книжников и фарисеев: *Глаголю бо вам, яко аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 5, 20). Это не значит, что праведность книжников и фарисеев была мнимой, а у нас должна быть подлинная. Но их праведность была ветхозаветной, то есть ограничивалась запретом совершать грех на деле. Здесь недаром употреблено наименование «книжники»: *Аще не избудет правда ваша паче книжник* – то есть паче тех, кто знает о праведности из книг. Спаситель требует, чтобы мы усугубили требования к себе в отношении сладострастия. Мы должны не только не прелюбодействовать на деле, но и изгнать вожделение из самого сердца. *Аз же глаголю вам, яко всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцах своем* (Мф. 5, 28). Несмотря на свою лаконичность, это очень емкое, глубокое по смыслу изречение. Мы боремся со страстью, чтобы не совершить грех на деле. Но, оказывается, мы любодействуем уже в том случае, когда,

поддавшись вожделению, бросаем неосторожный взгляд на лицо другого пола. Мы думаем, что если мы на деле не нарушили запрещение прелюбодействовать, то мы невинны, а в действительности грех уже совершен: в намерении, в душе, в мыслях, в чувствах. Возможно, мы не привели его в исполнение по причинам, от нас не зависящим или неуважительным: из страха наказания, страха перед неприятными последствиями. Спаситель обращается к нам очень строго и требует от нас совершенной безупречности. Истинно целомудренный человек стремится к тому, чтобы прелюбодеяния не было даже в его сердце. Заметьте, что смотреть на женщину с вожделением можно не только глазами, но и умом. Видим ли мы ее прямо перед собой, или только воображаем, или извлекаем из памяти какой-либо образ – суть остается неизменной.

Показав нам наше нравственное состояние, обличив нас во внутреннем прелюбодеянии, Господь Иисус Христос предлагает и средства к тому, чтобы избавиться от этого греха. Речь идет о борьбе не только с грехом любодеяния на деле, но и с грехом мысленным, который проникает в нас прежде всего через зрение. Проводниками соблазна могут быть и другие телесные чувства: осязание, слух, обоняние. Но Спаситель говорит о наиболее сильном, господствующем чувстве. *Аще же око твое десное соблажняет тя, изми е и верзи от себе (Мф. 5, 29)*. Это отнюдь не означает, будто Спаситель предлагает заниматься членовредительством, которое к тому же ничего бы нам не дало. Даже если бы мы вырвали у себя глаз, то страсти остались бы в душе и продолжали бы беспокоить и мучить нас через другие органы чувств. Речь идет, во-первых, о том, чтобы мы избавились от того, что нам столь же дорого и близко, как собственные члены тела. Если человек или какое-нибудь занятие соблазняют нас и ведут к мысленному, духовному прелюбодеянию, мы должны отвергнуть их, как бы это ни было больно. Во-вторых, под оком или рукой подразумевается наше отношение к чему-либо. Око – образ мысленного воззрения, а рука – символ делания: когда мы желаем получить какую-либо вещь, то овладеваем ею при помощи рук, через них проявляется наша разумная воля. *Уне бо ти есть, да*

погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну огненную (Мф. 5, 29). Помимо жестокого отсечения помыслов и желаний, которое изображено столь необыкновенным образом, как извержение ока или отсечение руки, Господь Иисус Христос дает нам еще одно средство борьбы с грехом: воспоминание о будущем наказании. Лучше нам лишиться чего-то дорогого (а самое дорогое для нас – это следование своим желаниям, в том числе греховным), чем быть вверженными в геенну огненную. Когда мы боремся со страстью и делаем над собой усилие, чтобы отсечь помысел, вспомнить об этом – самое действенное.

И еще десная твоя рука соблажняет тя, усецы ю и верзи от себе: уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну (Мф. 5, 30). Если мы не приобретем такого строгого, жестокого отношения к себе, то никогда не избавимся вообще ни от какой страсти, тем более блудной. Эта страсть наиболее мучительная, наиболее сильная, наиболее сродная человеку, поскольку союзником в блудном грехе и проводником мучения является наше собственное тело, от которого мы избавиться не можем. Дух наш борется и с самой страстью, и с телом. Спаситель указал нам основные средства для борьбы. Во-первых, ненависть к своей душе, то есть к тому, что в ней есть греховного, и решительное, жестокое отсечение греховных помыслов и желаний. Во-вторых, воспоминание о муках, которые ждут нераскаянного грешника после смерти. Мы должны понимать, что хотя бы перед своими телесными очами мы и не имели никакого соблазнительного предмета, но в нашем воображении и памяти достаточно пищи для того, чтобы нарушить заповедь Спасителя. Мы способны смотреть на женщину с вожделением, не видя ее в буквальном смысле. И наоборот, если мы избавимся от этой страсти внутри себя, если научимся при помощи напряженной внутренней борьбы очищать себя от помыслов и желаний, увлекающих нас к греху, – то, даже если предмет соблазна будет находиться прямо перед нами, мы сможем смотреть на него чисто. (Забегая вперед, нужно сказать, что главным нашим орудием – духовным мечом, который помогает нам «извергнуть око и отсечь руку», –

является Иисусова молитва.) Господь Иисус Христос показывает нам, что необходима прежде всего внутренняя борьба с грехом. Поскольку праведность наша должна превзойти праведность книжников и фарисеев, мы должны не только отказаться от прелюбодеяния, но и уничтожить грех внутри нас. Иначе может случиться, что мы будем избегать внешнего соблазна, но будем содержать соблазн в собственном воображении или извлекать его из памяти, а может быть, и диавол станет искушать нас, внося соблазны в нашу душу. Вспомним жития святых: диавол иногда пытался соблазнить подвижников, воочию являясь им в образе женщины. Так было с Иларионом Великим: демоны в виде обнаженных, глумящихся женщин появлялись у него на циновке и сладострастными движениями пытались вызвать в нем блудную страсть. Мы должны понимать, что никак не избежим борьбы. Более того, мы непременно поддадимся страсти, если не победим себя внутренне, если в сердце своем не избавимся от мысленного прелюбодеяния тем способом, который изобразил Господь Иисус Христос в Своем Божественном учении, воистину Божественном по мудрости своей.

В другом поучении Господь говорит о блудной страсти с особенной прямоотой, можно даже сказать, с вызывающей откровенностью. Фарисеи, искушая Его, спросили, можно ли человеку по всякой вине разводиться, и Господь дал им справедливый ответ, а потом продолжил разговор с ближайшими учениками. Но если фарисеям Спаситель сказал, что разводиться нельзя, и тем пресек грех на деле, то ученикам Он преподал возвышенное учение о внутренней борьбе с грехом. *Иже аще пустит жену свою, разве словесе прелюбодейна, и оженится иною, прелюбы творит; и женяйся пущеницею прелюбы деет. Глаголаша Ему ученицы Его: аще тако есть вина человеку с женою, лучше есть не жениться. Он же рече им: не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть (Мф. 19, 9–11).* Ученики сделали здравый вывод: если нельзя разводиться с женой, лучше не жениться. Сколько разных изменений может произойти за много лет совместной

жизни! Зачем же терпеть такую тяжесть? Но Господь поправляет их, сказав, что не все могут вместить это. Сама тяжесть брака не является достаточной причиной для безбрачной, целомудренной жизни. Многие осознают, что брак – это тяжелый крест, но не могут удержаться от того, чтобы вступить в него.

Он же рече им: не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть, суть бо скопцы, иже из чрева матерня родившася тако; и суть скопцы, иже скопишася от человек; и суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствия ради Небеснаго. Могий вместити да вместит (Мф. 19, 11–12). В словах *суть бо скопцы, иже из чрева матерня родившася тако* речь идет о тех, кто от рождения не способен к браку, деторождению и, соответственно, не имеет блудной страсти. Выражение *и суть скопцы, иже скопишася от человек* надо понимать так: в древности было очень много людей, оскропленных по разным причинам. Поскольку скопцы были безопасны в определенном отношении, их использовали для служения в женских покоях у знатных людей. Некоторые из них делали необыкновенную карьеру, становились первыми людьми в государстве, министрами, приближенными высокопоставленных особ, как правило, женского пола. Хотя, конечно, постоянства в их положении не было, так как они зависели от своих покровителей. При некоторых болезнях оскропление применялось ради выздоровления. Древняя медицина была довольно примитивной и использовала даже такой грубый способ.

Наконец, третьи слова – *суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствия ради Небеснаго* – означают такое оскропление, которое необходимо всем нам. Конечно, речь идет не о буквальном оскроплении. Это запрещено церковным правилом. Те, кто добровольно оскропил себя, кроме случаев болезни, признаю тся тяжкими преступниками, покусившимися на свою жизнь. Бороться со страстью нужно иначе: оскропляясь мысленно, то есть духом делая себя не способным к сладострастию, к блудному греху. Когда мы убеждены, что блуда для нас не существует, и при помощи молитвы ведем себя как

люди бесполое, не знающие разделения полов, – это и есть мысленное оскотпление, искажение своей природы. *Царствия ради Небеснаго* – вот тот мотив, который может заставить человека вести целомудренную жизнь наперекор природе. Такой человек не только ожидает Царствия Небеснаго как будущей награды, но и чувствует его присутствие в своей душе. Можно сказать, блаженны скопцы, отрехшиеся от тела ради духа. Не всякий может это вместить. Но Спаситель говорит об этом не для того, чтобы разделить людей на способных и не способных, а для того, чтобы поощрить тех, кто может: *Могий вместити да вместит*. То есть если ты можешь вместить, но не хочешь этого, то ты уже погрешил против истины, против заповедей Спасителя.

Одновременно Спаситель дает нам другой способ борьбы, поскольку указывается другой источник брани. Ранее говорилось о том, что соблазнительные образы проникают в нас через чувства и вызывают в душе страсть. Здесь же речь идет о непосредственных ощущениях, о том, что само наше тело является источником и носителем мучительного сладострастия. Поэтому если мы не откажемся от своего тела, точнее, от наслаждения как невозможного и потому не существующего для нас, то мы не исцелимся. Итак, диавол действует тремя способами (все три изображены в Евангелии): во-первых, внося соблазн через органы чувств, во-вторых, возбуждая страсть непосредственно в нашем теле, в-третьих – через помыслы. Во втором случае, когда в нас беспричинно, точнее, по диавольскому действию (или по действию нашей падшей природы, на деле это не столь важно) возникает вожделение, то есть всевозможные сладострастные телесные ощущения, то мы должны поступить с собой наподобие оскотпляющих себя, как чрезвычайно точно изобразил это Сам Господь. Мы должны мысленно сделать себя бесполоыми существами, забыть об ощущениях, испытываемых в данный момент. Тогда эти ощущения либо вовсе пройдут (конечно, при помощи Иисусовой молитвы), либо превратятся из сладострастных в болезненные – такие же, как в любом другом члене тела, от природы не способном к сладострастию, например в руке.

Куда направлено наше внимание, там вскоре появляется и сочувствие. Если мы посмотрели, как сказано в первом поучении Спасителя, на женщину с вожделением или даже просто нечаянно засмотрелись на женщину, то чаще всего в нас начинает возбуждаться сочувствие и страсть, и мы уже прелюбодействуем в сердце своем. Нечто подобное происходит, когда мы взираем на собственные телесные ощущения. По отношению к душе и духу наше тело также есть нечто постороннее, внешнее. Телесное ощущение привлекает внимание, вызывает сочувствие, а благодаря сочувствию страсть усиливается все более и более. Начав с нечаянного удивления: «Почему со мной вдруг это происходит?» – а часто это бывает по действию сатанинскому, – мы увлекаемся так, что совершенно теряем самообладание и впадаем в панику. Это приводит к различным мучительным состояниям и даже может довести до греха. Если же мы искажаем сами себя Царствия ради Небесного, то есть отвлекаем свое внимание от половых ощущений так, как будто они не существуют и не действуют в нас, и погружаемся в молитву, то через некоторое время преодолеваем их. Оставляя эти ощущения без внимания, как бы питающего их, дающего им силу и возможность распространяться и овладевать нами, мы иссушаем их, как растения, которые, будучи вырваны из почвы, не могут питаться живительными соками. Одновременно мыжигаем их огнем молитвы. Вот как происходит духовное оскпление – оскпление Царствия ради Небесного, – которое так премудро и кратко изобразил Господь Иисус Христос.

Наконец, скажем о борьбе с помыслами, о том, как они появляются в нас без всякой внешней причины и оскверняют нашу душу, а иногда и тело. Господь Иисус Христос говорит: *Послушайте Мене вси и разумеите: ничтоже есть внеуду человека входимо в онь, еже может осквернити его; но исходящая от него, та суть сквернящая человека. Аще кто имать уши слышати, да слышит. И егда вниде в дом от народа, вопрошаху Его ученицы Его о притчи. И глагола им: тако ли и вы неразумливи есте? Не разумеете ли, яко все, еже извне входимое в человека, не может осквернити его? Яко*

не входит ему в сердце, но во чрево, и афедром исходит, истребляя вся брашна (Мк. 7, 14–19). Господь говорит: *Яко не входит ему в сердце, но во чрево, – значит, то, что входит в сердце, а не во чрево, может осквернить душу человека. Если мы смотрим с вожделением на женщину и мысленно прелюбодействуем с ней, значит, греховные образы вошли в наше сердце. Иначе они не вызвали бы в нас страсти и не произошло бы внутреннего прелюбодеяния, и общение с особами другого пола было бы для нас безгрешным и безвредным. Глаголаше же, яко исходящее от человека, то сквернит человека. Извнутри бо от сердца человеческа помышления злая исходят, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, татьбы, лихоимства, обиды, лукавствия, лесть, студодеяния, око лукаво, хула, гордыня, безумство. Вся сия злая извнутри исходят и сквернят человека (Мк. 7, 20–23).* Нас оскверняет не только то, что мы смотрим на кого-либо с вожделением, не только буйство плоти, но и помыслы, исходящие из сердца. Нам не удастся избавиться от блудной страсти, даже если мы перестанем общаться со всеми, кто вызывает, как нам кажется, соблазны в нашей душе, но будем сохранять действие греха внутри себя: прелюбодеяние, любодеяние, студодеяние (то есть то, что стыдно даже именовать, некий чрезвычайный разврат). Когда мы даем возможность этим помыслам исходить из нашего сердца в виде каких-либо мечтаний, или воспоминаний, или мыслей, облеченных в словесную форму, то они оскверняют нашу душу, а вслед за тем – и тело. Всякая страсть оскверняет, но в особенности блудная. Как говорит апостол Павел, всякий грех вне тела, блуд же оскверняет и душу, и тело. Принимая эти помыслы, не пресекая их возникновение в своем сердце, мы без всякой внешней причины изнутри оскверняемся и душой, и телом и приходим в ужасное состояние. Когда мы испачкаем в чем-то гадком одежду, а тем паче руки, нам бывает противно и хочется поскорее отмыться. А если это что-то несмывающееся или издающее смрад, то мы испытываем еще бо льшую брезгливость. С таким же чувством нам надо относиться и к своему внутреннему состоянию. Мы

должны понимать, что нас оскверняет не столько телесная нечистота, сколько внутренняя, душевная, в особенности отвратительный грех блуда: прелюбодеяние, любодеяние, студодеяние.

Все три поучения Господа Иисуса Христа с очевидностью показывают, что нам необходимо очищать свое сердце. Конечно, по немощи своей мы должны, насколько возможно, избегать внешних соблазнов, а также воздерживаться в пище и вести такой образ жизни, чтобы несколько изнурить свою плоть. Но самое главное – мы должны очистить свое сердце. Если бы не было прелюбодеяния в сердце, мы не могли бы даже посмотреть на женщину с вожделением и никакие ощущения в детородных членах не вызывали бы в нас ни малейшего сочувствия: либо они вообще не имели бы места, либо воспринимались бы как боль в любой другой части тела. Господь Иисус Христос показал нам, что необходимо сделать для достижения сердечной чистоты. Вообще, Он уделяет довольно много внимания блудной страсти: специально говорит о ней в Нагорной проповеди, касается этого вопроса в беседе с учениками о браке и безбрачии, упоминает о трех видах действия этой отвратительной страсти: прелюбодеянии, любодеянии, студодеянии (то есть говорит о ней больше, чем о других злых помыслах, исходящих из сердца). *Вся сия злая извнутри исходят и сквернят человека.* Прежде всего мы должны очищать свое сердце, чтобы оно не осквернило нас изнутри, – тогда и все внешнее будет для нас безопасно. Повторюсь, это не значит, что мы не должны ограничивать себя, то есть не должны избегать соблазнительных впечатлений или как-либо удручать свою плоть.

Каким образом очищается наше сердце? Борьбой с помыслами, Иисусовой молитвой. Господь Иисус Христос сказал: *Аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю (Ин. 14, 14).* В первую очередь мы должны просить Его о помиловании. Это не значит, что сейчас мы можем свободно грешить, а потом в будущей жизни Он нас простит, и мы, несмотря на свои грехи, войдем в Царство Небесное. Наше спасение состоит в том, что мы очищаемся уже в этой жизни, во время нашего подвига. В

особенности это касается тех, кто посвятил себя исключительно угождению Богу. Тот, кто избрал, по крайней мере формально, оскотление ради Царства Небесного, должен сугубо прилежаться борьбе, подвигу. Помилование заключается в том, что уже сейчас мы чувствуем умаление страстей. Господь начинает нас прощать, очищать и спасать во время земной жизни. А если изменений в нас нет, значит, мы что-то делаем неправильно: либо пренебрегаем воздержанием в пище, либо отказываемся от других телесных подвигов, даже скромных, доступных нам, либо не избегаем греховных или, скажем так, опасных впечатлений, – то есть ничего не делаем для очищения своего сердца.

Один подвижник, блаженный Нонн, был совершенно бесстрастен и чист. Однажды знаменитая в городе блудница из любопытства вошла в храм. Она была одета весьма соблазнительно, так что несколько присутствовавших там по какому-то делу епископов опустили глаза. А епископ Нонн, наоборот, стал смотреть на нее, не отрывая глаз, а потом заплакал. Когда блудница удалилась, другие епископы спросили у него, почему он так нескромно смотрел на нее. Блаженный Нонн ответил, что, во-первых, он удивлялся, насколько прекрасно это Божие создание (видите, ее красота была для него не соблазном, а поводом для прославления Бога). Во-вторых, говорил епископ, я сравнивал ее с нами: она так украшает себя для прельщения людей, а мы ничего не хотим делать для того, чтобы украсить свою душу и послужить Богу. Наконец, он оплакал ее падение. Впоследствии блаженный Нонн стал молиться за нее, и молитва его была услышана. Блудница разыскала его и просила крестить ее. Всю оставшуюся жизнь она провела в глубоком покаянии и сподобилась святости. Вот пример чистого человека. То, что для других было поводом для возникновения страсти, для него стало причиной усиления любви к ближнему и прославления Бога за человеческую красоту. Конечно, в настоящем нашем состоянии было бы безумием брать пример с этого подвижника. Это говорило бы о нашей гордости и самонадеянности. Но нам необходимо взирать на

этот, если можно так выразиться, неподражаемый пример как на доказательство того, что достигнуть полной чистоты возможно.

Известны и другие примеры. Один человек, живший в городе, занимался поденной работой и на весь заработок нанимал блудницу и проводил с ней ночь. Все думали, что это совершенно развращенный, погибший, бесконечно упивающийся блудом человек. Но когда он умер, на погребение неожиданно явилась огромная толпа блудниц, с которыми, как думали, он предавался блуду. Они стали оплакивать этого человека, и тогда выяснилось, что всех этих женщин он привел к покаянию. Каждую ночь он приходил к блуднице, как будто нанимая ее, но в это время молился об ее спасении. Таким образом он привел к чистой жизни множество падших женщин. Вот еще один пример совершенного бесстрастия. То, что другим служит погибелью, для этого человека стало средством не только его собственного спасения, но и спасения ближних.

Все зависит от нашего внутреннего состояния, а не от того, есть ли соблазн снаружи или нет. Поэтому мы должны понимать, что прежде всего нам нужно обратить внимание на свою душу. Достигнем внутренней чистоты – и все нам будет чисто. Как сказал апостол, *для чистых все чисто* (Тит. 1, 15). В наше время монашествующим, к сожалению, почти невозможно избежать общения с особами женского пола, как это делали древние монахи. Но и в древности даже те, кто совершал невероятные, нечеловеческие подвиги, не всегда могли избежать соблазна. В «Луге духовном» описан следующий эпизод из жизни одного воска⁹⁵. К нему по какой-то нужде пришла монахиня, такая же пустыница. Он оказал ей необходимую помощь, а когда монахиня ушла, у него вдруг началась сильнейшая блудная брань по отношению к ней. Не думаю, что эта подвижница была так уж привлекательна. Но на воска напал диавол. Некоторое время подвижник боролся, но все-таки не выдержал и поддался страсти. Когда он уже, не владея собой, пошел искать эту монахиню, Господь ради его прежних молитв и подвигов спас его. Вдруг земля под его ногами стала как будто прозрачной, и подвижник увидел на глубине нескольких метров гниющие, разлагающиеся трупы

людей. Это зрелище так потрясло его, что он опомнился и вернулся к своим прежним подвигам. Значит, и в древности диавол находил способ прельщать людей. Поэтому мы не должны говорить, что наше время очень неудобно для подвига, потому что мы не можем находиться в подобающей для монашествующих изоляции. Все зависит от нас самих. *Вся сия злая извнутри исходят и скверняют человека.* Если мы будем очищать свое сердце теми способами, которые изображены в Евангелии, то ничто внешнее: будь то телесное ощущение, воспоминание или образы, проникающие через телесные чувства, в особенности через зрение, – ничто не сможет принести нам вреда, ибо мы закроем наше сердце для соблазнов и будем иметь внутри себя Царство Небесное, Царство Божие.

* * *

Вопрос. Можно ли предположить, что древним подвижникам, удалявшимся в пустыни или в общежительные монастыри, но все-таки жившим вдалеке от мира, было легче бороться с блудной страстью по сравнению с монахами нашего времени, которые живут посреди мира и вынуждены общаться с женщинами, тем более что соблазны сейчас умножились? Современный человек немощен, ему труднее бороться с впечатлениями, которые он получает в миру.

Ответ. Судя по искушениям, описанным в житиях святых, брань этих подвижников была гораздо более сильной, чем у современных монахов. Вообще, сила брани зависит не столько от внешних впечатлений, сколько от нападений сатанинских. Например, у аввы Памво была такая сильная брань, что он искал себе смерти. Желая умереть, он брал в руки ядовитую змею и хотел, чтобы она его укусила, но змея отворачивала голову в сторону. В другой раз он разделся донага и залез в берлогу к медведю, а тот стал его облизывать. Тогда авва Памво понял, что Господь милует его. Словом, он желал лучше умереть, чем грешить. Я сомневаюсь, есть ли еще такие подвижники в наше время. Поэтому нельзя говорить, что монахам того времени было легче. Если бы мы молились так же, как они, то и нам было бы тяжело. К тому же, брань – это

одно, а страсть – другое. Не надо их путать. Страсть, если мы подчинились ей, может действовать в нас сильно, а брань – это борьба со страстями, и ее сила зависит от нашего желания им сопротивляться. Когда мы в значительной степени подчиняемся страсти (хотя и не совершаем греха на деле), то, естественно, очень слабо боремся с ней. Значит, если мы не восстаем против греха так, как следовало бы, то диаволу мы подвластны больше и благодати в нас меньше.

Вопрос. Батюшка, если мы будем подвизаться с такой же силой, что и древние подвижники, то могут ли быть и в наше время демонские нападения, подобные тем, которые были в древности?

Ответ. Когда мы вступаем в спасительную вражду с грехом, брани против нас усиливаются. В этой борьбе человек совершенствуется, очищается от греха, приобретает духовную крепость и может противостоять греху. Причем это относится к любой страсти, а не только к блудной. Во время брани и благодать нам содействует сильнее. Поэтому не нужно бояться того, что диавол начнет нападать усиленно. Конечно, могут быть искушения такие же, как и в древности. Диавол же не смотрит, кто ты: монах или мирянин, в древности ты подвизался или подвизаешься сейчас. Ему нет никакой разницы. Он смотрит на твое душевное состояние, и мало искушает тех, кто слабо подвизается. Зачем ему это делать, если с ним не борются?

Вопрос. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, толкуя слова апостола Павла: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12), пишет, что, если человек победил в себе, то есть во внутреннем человеке, действие страстей, то он выходит на брань с падшими духами. Как это понимать?

Ответ. Наверное, он имеет в виду то, что пока мы не победили страсти, или демонов, действующих в нас скрытно, мы не можем выйти с ними на открытую брань, как подвижники, которых демоны устрашали видениями. Однако в любом случае

против нас воюют демоны. Падшее естество восстает на нас, но это тоже не без содействия нечистой силы.

Вопрос. Как известно, нельзя просить, чтобы Господь избавил от брани, плотской или любой другой. В чем состоит разница между сопротивлением страсти до крови и тем, когда просишь, чтобы Господь избавил от брани?

Ответ. От брани тебя никто не избавит. От блудной брани можно избавиться только женившись, и то неизвестно, поможет это или же страсть еще больше разгорится. Святые отцы говорят, что лучше молиться не о том, чтобы избавиться от брани, а о том, чтобы мужественно себя вести во время ее действия. В этой борьбе мы и от страсти избавляемся, и от греха очищаемся. Когда же мы молимся о том, чтобы страсть от нас совсем ушла, то мне кажется, это даже бесполезно. Возможно, в древности и были подвижники, которые могли умолить Бога о том, чтобы Он освободил их от какой-либо страсти. Хотя в исключительных случаях, когда страсть сильно одолевает и есть опасность согрешить на деле, то, может быть, лучше помолиться, и Господь облегчит брань.

Вопрос. Правильно ли говорят, что блудная брань чаще возникает от уныния?

Ответ. Уныние можно назвать одним словом – лень. Существует лень к телесным подвигам, то есть ко всему, что удручает нашу плоть. Сюда относятся поклоны, присутствие на богослужении, бдение и так далее. Есть лень к работе, которая тоже удручает плоть. Унынием же можно назвать лень к духовным занятиям: молитве, чтению Священного Писания, борьбе с помыслами, трезвению, вниманию к своим словам и поступкам.

Когда мы поддаемся лени, то, естественно, вслед за нею начинает действовать блудная страсть. Если человек лежит, тело его покоится, не избавляется при помощи трудов от лишней энергии, и если он вдобавок еще и умом ленится, не хочет отсекаать помыслы, то, конечно, блудная страсть будет действовать в нем свободно.

Вопрос. Вы привели в беседе евангельское изречение о том, что из сердца исходят злые мысли. Но ведь когда мы

молимся, то также углубляемся в сердце. Получается, сердечное место – это, с одной стороны, престол, на котором возносится молитва, а с другой – источник страстей. Как это совместить, объяснить?

Ответ. Сердце человека должно быть престолом Божиим, но оно не является таким от рождения. Если бы человек, родившись, был таким же, как Адам до грехопадения, тогда ему и не нужно было бы сводить ум в сердце, поскольку ум и сердце у него и так были соединены естественным образом. Мы должны очистить свое сердце, чтобы оно стало не источником страстей, а источником благих помыслов, молитвы, славословия и так далее. Сердце – это средоточие мыслительной, разумной, духовной жизни человека. Поэтому оно источник и страстей, и добродетелей, и молитвы, и вообще всего.

Вопрос. Можно ли сказать, что, влагая в сердце молитву, мы делаем его источником добродетелей?

Ответ. Конечно, в известной степени многое зависит от нас, но не все так легко дается: мыслить о греховном легко, а о добром – трудно. Поэтому сердце человека очищается с понуждением. *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Мы должны убрать скверну из сердца и сделать его чистым, и тогда, как сказано в Евангелии, узрим Бога. С одной стороны, *от сердца исходят помышления злая* (см. Мф. 15, 19), с другой – *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (см. Мф. 5, 8). Когда мы очищаем сердце от злых помыслов, исходящих из него, тогда оно становится способным видеть Бога, и человек видит Его внутри себя.

Вопрос. Иногда во время молитвы стараешься закрыть сердце от какого-то страстного помысла, не пускать его туда, не соглашаешься сердцем с ним, то есть возникает такое ощущение, что помысел появляется не изнутри, а снаружи. Как это объяснить?

Ответ. Страстные помыслы могут и входить в сердце, вызывая соответствующую реакцию, и исходить из него – в том смысле, что наше сердце, наше падшее естество уже склонно ко греху. С одной стороны, мы должны препятствовать

помыслам войти в сердце, когда они приходят как бы извне: через чувства, память, воображение, через что-то внешнее по отношению к сердцу. С другой стороны, из самого сердца исходит стремление ко злу, которое свойственно падшему естеству человека, соединено с его умственно-сердечной деятельностью.

Мы не знаем, что точно означает выражение *от сердца исходят помышления злая*: конкретные ли это мысли или смутные стремления к какому-либо греху, не оформившиеся в определенный образ; сразу же они появляются или ищут пищу для страстей в наших чувствах, воображении, памяти. Это и неважно: в душе человека все очень тесно связано. С одной стороны, мы молимся так, чтобы воображение, внешние впечатления, воспоминания не вызвали в нас страсти, с другой – подавляем страсти, действующие в сердце, вне зависимости от внешних источников.

Вопрос. Святые отцы советуют во время молитвы сосредоточивать внимание ума на верхней части сердца и следить, чтобы внимание не опускалось вниз, потому что могут возникнуть нежелательные явления: например, начнет действовать вожделение. Можно ли думать, что страсти покоятся в нижней части сердца?

Ответ. Когда говорят о сведении ума в сердце при молитве, то рассуждение о верхней части сердца уместно. Схимонах Василий Поляномерульский говорит, что в верхней части сердца находится мыслительная сила души, в средней – раздражительная, в нижней – вожделевательная. Однако это не значит, что гнев, например, сосредоточивается в средней части, а блудная страсть – в нижней, и если мы не коснулись умом средней части, то никогда не рассердимся. Такое деление имеет значение для правильной молитвы. Во время же действия страсти размышления об этом делении вряд ли принесут нам какую-либо пользу. Всё равно мы не можем реально ощутить, откуда страсть выходит. Если мы неправильно молимся, то бывают явно видимые, ощутимые последствия. Когда же страсти выходят наружу, то мы не можем с уверенностью сказать, что блудный помысел вышел у нас из нижней части

сердца, раздражение – из средней, а гордость – из верхней. С практической точки зрения нам это ничего не дает. Возможно, блудный помысел и выходит как-то из нижней части сердца, но все равно он осознаётся нами, только когда облекается в какой-то вид, пусть даже в самый смутный. Мы же не ощущаем, откуда он выходит, а должны его осязать, так сказать, мысленно.

Вопрос. Когда действует блудная страсть, то человек так или иначе оскверняется греховными помыслами, даже если и борется против них. Можно ли определить, в какой момент мы согрешаем и в какой момент борьба с помыслами вменяется нам в очищение?

Ответ. Конечно, никто не может так безупречно бороться, чтобы совсем не увлекаться помыслами или ощущениями, разве только какие-то необыкновенные, ревностные и пламенные подвижники. При сильной брани, когда очень смущают помыслы, в душе чувствуется опустошение, ощущается как будто какая-то скверна. Это состояние души можно назвать очень подходящим по смыслу словом – «нечистота». Однако если мы противимся помыслам, с бо льшим или меньшим успехом, сразу или со временем опомнившись и отбросив их, прекращаем действие страсти, то мы также получаем за это награду и совершенствуемся. Нами эти помыслы воспринимаются как скверна, но в то же самое время мы приобретаем венцы и, главное, учимся молиться. Истинный монах в борьбе с грехом, в том числе и с блудной страстью, приобретает две добродетели: преуспеяние в молитве и смирение. И то и другое является плодом борьбы. Молитва – наиневобходимейшая вещь в борьбе со страстью, потому что без помощи Божией мы ничего сделать не можем. А опытное переживание своей немощи приносит человеку истинное смирение. Без этого опыта человек судит о себе отвлеченно, пытаясь уничтожить себя «смирненными» мыслями.

Конечно, в осквернении души греховными помыслами есть и наша вина. Если мы хотя бы в малейшей степени приняли греховный помысел, усладились им, то уже виноваты. В большей степени приняли, значит, больше виноваты.

Замедлили, долгое время предавались помыслу, следовательно, усилилась степень вины. Конечно, мы оскверняемся, но тут же можем и очиститься. Ведь когда мы молимся Иисусовой молитвой, то не только просим Бога о помощи, но и каемся, вымаливаем прощение за прегрешения. При искреннем покаянии Господь очищает нас от этой страсти и прощает наше увлечение. Однако я говорю это не к тому, чтобы вы думали, что в конечном счете ничего страшного в увлечении помыслами нет, что мы, мол, потом помолимся, и все простится. Можно зайти так далеко, что потом молись не молись, а уже не сможешь с собой справиться. Страсти в нас действуют мощно, а молитва – слабо. Поэтому нужно быть чрезвычайно осторожными, не давать страсти свободу, не позволять ей завладеть нами.

Вопрос. В «Добротолубии» в словах преподобного аввы Исаии к его ученикам есть такое поучение: «Авва Серапион, когда спросил его один старец, кому подобным он себя видит, отвечал: я кажусь себе подобным человеку, на башне находящемуся, который мановением руки дает знать подходящим, чтоб не приближались к нему. Старец же, спросивший его о том, сказал ему: а я кажусь себе похожим на человека, который устроил себе большую ограду, как крепость, и двери ее заложил железными засовами; так чтоб, если кто станет стучать, не слышать и совсем не думать о том, кто там, откуда пришел и чего хочет, чтоб тот и уходил, не дождавшись, когда этот сойдет к нему»⁹⁶. Какой вариант молитвы и борьбы с помыслами предпочтительнее?

Ответ. Второй вариант лучше. Зачем тебе видеть эти помыслы и как ты будешь их гнать, когда тебя самого гонят со всех сторон? Другое дело, когда мы не можем пребывать в такой как бы «ограде», тогда мы молимся против приходящих греховных помыслов, просим Бога, чтобы Он избавил нас от них и таким образом как бы прогоняем их. Однако было бы лучше, если бы мы углублялись в молитву так, чтобы переставали вообще ощущать, есть помысел или нет его. Нам это знать незачем. Иоанн Лествичник говорит, что лучшее

состояние – это такое, при котором какой-то помысел пришел, а мы и не знаем: приходил он или не приходил и зачем приходил.

Вопрос. Батюшка, а может человек молиться, не прогоняя помысел, а как бы держа его на дистанции, не принимая его, не услаждаясь им?

Ответ. Держать помысел на дистанции невозможно. Если я его вижу, значит, я его на дистанции уже не держу. Когда кто-то залез ко мне в квартиру, он уже вор, а если он находится снаружи, то откуда я знаю, кто прошел мимо окна: вор или честный человек? Некоторые делают именно такую ошибку. Они вроде бы и молятся, и помысел у них находится «на дистанции». Однако человек не может смотреть одинаково внимательно сразу на две вещи, у него глаза так устроены, что он смотрит ими в одну сторону. Поэтому, если я, образно говоря, смотрю полностью на молитву, то я, конечно, кроме нее ничего не вижу. Я просто не знаю, что и на какой дистанции находится. Если же я вижу помысел на дистанции, значит, я отвратил свой мысленный взор от молитвы и обратил его на помысел. Я начинаю всматриваться в этот помысел, дистанция все сокращается и сокращается, и наконец оказывается, что помысел близко, а вот молитва уже на дистанции.

Вопрос. Батюшка, но, может быть, это поучение надо понимать так, что человек ощущает греховный помысел и одновременно молится? Ведь можно молиться усиленно, чтобы вообще его прогнать, а можно прикладывать более или менее усилий и держать помысел на расстоянии, ведь есть в Священном Писании такое выражение: *У дверей грех лежит* (Быт. 4, 7).

Ответ. Этими словами Бог обличил Каина, когда тот намеревался совершить грех. Господь вразумлял его, чтобы он покался, но Каин пренебрег этим вразумлением и к одному греху прибавил еще больший. Однако подобное бывает не с каждым человеком: должно быть какое-то откровение или внушение свыше о том, что тебе грозит некая опасность, допустим, совершить тяжкий грех. Если говорить в широком смысле, то для нас таким предупреждением, откровением,

является Евангелие, в котором сказано, какие грехи «лежат у дверей».

А держать помысел на расстоянии, как я уже сказал, невозможно. Конечно, прилоги могут появляться, но мы как раз не должны обращать на них внимания, и тогда они исчезают, потому что именно наше внимание питает помыслы, дает им жизнь. Именно благодаря ему помыслы развиваются и усиливаются. Когда же мы отнимаем от них внимание, то они сразу же задыхаются.

Вопрос. Батюшка, это нормально, естественно, когда человек во время молитвы не видит помыслов?

Ответ. Для святого человека это естественно, а для нас такое состояние – идеал. Во время брани нужно иметь в виду, что нельзя одновременно и видеть помыслы, и внимательно молиться. Это только какой-нибудь благодатный подвижник может принять прилог, греховный помысел и удержать его в уме. Однако благодать в таком подвижнике столь могущественно действует и молитва столь сильна, что они уничтожают помысел, он пожигается их действием, а человек еще более укрепляется в бесстрастии. Он как бы нарочно себя искушает: допускает врага внутрь сердца и там его побеждает. Мы к этому совершенно не способны. Более того, такие великие подвижники, как в древности Исаак Сирин или в наше время старец Силуан, говорят, что лучше так не делать. Иначе, по слову Исаака Сирина, наш мысленный воздух оскверняется греховным помыслом, тем более если этот помысел блудный.

Поводом для нашей сегодняшней беседы послужило чрезвычайно неприятное событие – уход из обители одного брата. Нужно, конечно, объяснить причину того, что произошло. Я не могу с уверенностью сказать, что знаю истинные мотивы его поступка, но поводом послужило то, что его второй раз сняли с должности. Сначала с должности благочинного, поскольку он не справлялся, а самое главное – поступал по своей воле, многое делал без благословения. А потом, когда подобное же нерадение обнаружилось в исполнении пономарского послушания, его сняли и с этой должности. Это оказалось для него таким потрясением, что он решил уйти из обители. Таким образом в нем обнаружилась сильнейшая гордость.

Многие из вас меняли послушания, многих снимали с должности. Ничего особенного в этом нет. И просто диким и невозможным кажется то, что человек оставляет обитель из-за того, что его снимают с какого-то послушания, унижают (пусть даже и несправедливо). В связи с этим я хочу прочесть фрагмент из правил Василия Великого: *Аще хочет кто оставит обитель в нюже зван бысть, отца и братию, кроме ереси* (то есть помимо той причины, что в монастыре стала распространяться какая-либо ересь. – *Схиигум. А.*): *но за укоризну, или язву, или яко видел есть на час смутившуюся обитель* (то есть видел даже в обители какое-то смущение, непорядок. – *Схиигум. А.*), *или бдения ради, или низу легания, или неумывания* (здесь имеется в виду строгий подвиг: некоторые подвижники в древности не умывали своего тела. – *Схиигум. А.*), *или яко мний есть всех* (обратите внимание, это уже относится к нашему случаю, брат меньше всех – по должности или по отношению к нему. – *Схиигум. А.*), *или яко желает мира, и яже в мире, или яко преогорчи его отец его игумен, или брат его* (то есть настоятель или один из братий нанес ему огорчение. – *Схиигум. А.*), *и сего ради хочет изыти,*

горе ему, кому его уподоблю: токмо Иуде предателю, разлучившемуся от Христа и учеников Его.

Вот как говорит Василий Великий. И мы все должны это помнить и не считать, что какое-то унижение, справедливое или несправедливое, является поводом для того, чтобы покинуть обитель. Это не является поводом даже для того, чтобы смутиться или огорчиться. Я сейчас не буду говорить об унижениях справедливых, когда нас наказывают за какую-то провинность, – это даже и не унижение. Но если нас унизили несправедливо, допустим по какой-то ошибке или пристрастному отношению к нам, то неужели мы должны воспринимать это как вред себе? Наоборот, нужно видеть в этом пользу, потому что благодаря такому унижению мы можем приобрести нужнейшую для спасения добродетель – смирение. Ведь каждый такой случай дает нам возможность внутренне подвизаться; не только остаться спокойным внешне, когда нас кто-то смиряет, но согласиться с этим и в душе, смириться по-настоящему, искренне. Смириться всем сердцем, по словам Спасителя: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Поэтому всякая несправедливость, досада от старших, равных или даже меньших, это, повторю, повод к приобретению смирения.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Если ты борим блудной страстью, пей унижения как воду, потому что они помогают тебе исцелиться от этой грязи»⁹⁸. И Господь часто попускает блудную брань именно для того, чтобы человеку было удобнее смириться, – ибо лучше ему, как говорят отцы, бороться с навозом, чем поддаться сатанинской страсти гордости. Василий Великий сравнивает человека, из-за гордости или малодушия покинувшего обитель, с Иудой, разлучившимся со своим Учителем Христом и Его учениками, апостолами.

В Евангелии есть несколько примеров того, как Спаситель обличал Своих учеников, в том числе и Иуду Искаротского. Но Иуду, как немощного, колеблющегося, Господь обличал очень мягко, лишь намеками – вплоть до того самого момента, когда Иуда уже лобызал Его в Гефсиманском саду. А к тем апостолам, которые были Ему преданы, и прежде всего к апостолу Петру,

Господь Иисус Христос относился строго. Порой он грубо обличал их в лицо, зная, что это пойдет им на пользу. Я говорю это для того, чтобы мы не смущались строгим, грубым отношением к нам, справедливым или несправедливым. Ведь мы все служим Господу, и человек, допускающий по отношению к нам некоторую несправедливость, совершает это не без воли Божией. Таким образом, мы, смиряясь перед этим человеком, смиряемся перед Богом. Тем более не следует смущаться, если обличение справедливо.

Как Господь наш Иисус Христос учит нас относиться друг к другу? Конечно, все помнят евангельское повествование о том, как Спаситель умыл ноги ученикам. Это образ того, как мы должны смиряться друг перед другом. А в эпизоде, о котором я сейчас хочу вам прочитать, Господь прямо сказал, что мы должны быть друг другу слугами и рабами. *Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь? Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано. И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна. Иисус же, подозревая их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть бо льшим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мк. 10, 35–45).* Вот чему учит нас Господь. Мы не должны искать начальства, как делают это люди в миру. Вы знаете, что почитающиеся князьями народов

господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. По-славянски, как мне кажется, сказано более мудро: Весте, яко мнящиися владети языки, соодолевают им, и велицыи их обладают ими. Мнящиися владети языки, то есть те, которые думают, что они владеют народами, в то время как на самом деле народами владеет Господь. Соодолевают им, то есть употребляют какое-то усилие, чтобы овладеть людьми. И велицыи их обладают ими – как бы захватывают их.

Мы не должны быть такими. Но, к сожалению, эта мирская закваска в нас действует. По своим умственным воззрениям мы – православные христиане, а с точки зрения нравственности часто имеем в себе фарисейскую и саддукейскую или мирскую закваску. Можно быть по взглядам апостолами, а по душе – фарисеями. А ведь Господь нас предупредил: *Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской (Мф. 16, 6)*. Мы же эту мирскую закваску привносим в Церковь, желаем господствовать, желаем обладать, властвовать. Конечно, не всегда нам это удастся. Властвовать – это удел немногих: все не могут стать, например, епископами или архимандритами. Но многие не могущие этого добиться внутренне скорбят и мучаются. Посмотришь на человека – он как будто бы ничего из себя не представляет и не может ничего достигнуть, нет у него для этого ни способностей, ни каких-то особенных качеств, но внутри он снедается скорбью, завистью, мучается оттого, что ни над кем не господствует. Терзается так, будто он лишен чего-то жизненно важного, будто у него отняли пищу. Тот факт, что мы ничего собой не представляем, не занимаем никаких должностей, еще не обеспечивает нам спокойствия. Вполне может быть, что в нашей душе живет червь, который нас грызет, не дает нам покоя, отвлекает от мысли о спасении и, по сути, делает нас нарушителями заповеди Спасителя о том, что мы должны друг перед другом смиряться, быть друг другу рабами и слугами.

Но между вами да не будет так: а кто хочет быть бо льшим между вами, да будет вам слугою. Мы должны воспринимать других как господ, а себя считать слугами. Так должен делать каждый христианин, какую бы должность он ни

занимал, пусть он будет даже священником, епископом или патриархом. Правильное устройство человека состоит в том, чтобы быть слугой ближних – слугой Божия народа, прихожан своего храма, братии монастыря и так далее. И кто хочет быть бо льшим, конечно в духовном смысле, кто хочет приобрести бо льшую благодать (а это единственно ценно, ибо наши представления о том, будто мы чего-то добиваемся, занимая какую-либо должность, – это просто «галлюцинации»), тот должен быть всем слугой. Если мы говорим о монастыре, то такой человек должен относиться ко всем братьям так, будто они – его господа; и не только братья, но и прихожане, и работники монастыря. И тогда, если бы такого человека перевели на другую должность, как ему кажется более низкую, он не почувствовал бы никакой потери, не заметил бы никакой перемены, а может быть, увидел бы даже и пользу от того, что обстоятельства его смиряют. *И кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом.* Кто хочет быть первым в духовном отношении, кто хочет быть ближе всех к Богу, тот пусть будет всем рабом, то есть не только служит ближним как господам, но и принадлежит им. Пусть он смиряется перед всеми людьми, отсекает перед ними свою волю, пусть он не принадлежит себе.

Таково учение Спасителя о том, как мы должны относиться друг к другу. Повторю: нам нужно, с одной стороны, не бояться обличений, даже радоваться им, потому что в этом мы уподобляемся преданным ученикам Христовым. Пусть нас часто обличают люди, не имеющие перед нами такого авторитета, какой имел Господь Иисус Христос перед своими учениками, но мы должны понимать: в конечном счете обличения, унижения являются для нас спасительными и допускаются по воле Божией, хотя бы мы и не видели за всем этим Господа. С другой стороны, мы должны бояться того малодушия, которое уподобляет нас Иуде Искаротскому. Ведь ему ничего нельзя было сказать прямо, только намеками, но и намеки на него тоже никак не действовали. Мы не должны также, подобно Иуде Искаротскому, поддаваться обиде. Вспомните: когда его греховную волю ущемляли, то это вызывало в нем вместо

покаяния обиду, злопамятство и желание мести, которую он в конце концов и совершил. Нам нужно стремиться исполнять заповедь Спасителя о том, чтобы друг перед другом смиряться, быть друг другу слугами, рабами.

Мы должны уподобляться Господу: как Он умывал ноги ученикам, так и нам следует унижать себя под ноги тех, кто, как нам кажется, меньше нас. Тогда мы и Евангелие будем исполнять, и в монастыре нам будет спокойно и легко, тогда и скорбей у нас не будет, потому что на самом деле их нет, они существуют только в нашей душе. Все зависит от того, как мы относимся к тем или иным обстоятельствам. В одной и той же ситуации один радуется, а другой скорбит, один получает пользу, а другой – вред: все зависит от внутреннего устройства человека. Если у человека больные глаза, то яркий солнечный свет, который обычно людям полезен, для него будет мучительным, так как его воспаленные глаза от этого света будут страдать. Но в этом виновато не солнце, не хорошая погода – виновата его болезнь. Нужно исцелить болезнь, и человек будет радоваться весне, как и все остальные люди.

* * *

Вопрос. Часто бывает так, что у брата несколько послушаний, большой объем работы, и он, для того чтобы успеть исполнить эти послушания, проявляет дерзость, грубость и стремится к независимости. Можно ли в этом случае оправдать подобное стремление?

Ответ. Знаешь, где бывает независимость? В демократическом обществе. В монастыре независимости быть не может. Я по этому поводу могу сказать следующее. В XIX веке жил такой подвижник, Парфений Киевский, современник Льва Оптинского, очень рассудительный духовник, большой молитвенник, имевший множество видений. Этот старец про себя рассказывал, что в молодости, когда он пришел в Киево-Печерскую лавру, у него было два правила: побольше работать и непрестанно молиться. Он работал на послушании в просфорне, а тогда это был тяжелый труд, так как там почти все делалось вручную. Он работал день и ночь, молился, и все,

больше он ни о чем не думал. Не было у него никакого молитвенного правила, так чтобы для него выделять специальное время – у него и времени-то, собственно, не было. Тем не менее, он преуспевал. Парфений Киевский довольно рано, в сорок шесть лет, принял схиму и с этих пор был освобожден от всех послушаний. Хотя времени у него все равно было очень мало, потому что он принимал очень многих духовных чад, и поэтому он даже хотел уйти в затвор. Но потом ему приснился сон, будто на него напал какой-то дикий зверь, а духовные чада его от этого зверя спасли. Он истолковал этот сон так: он спасется благодаря своим духовным чадам. Он каждый день прочитывал трех евангелистов, служил Божественную литургию и, повторю, принимал множество духовных чад.

Феофан Затворник вспоминает, что когда его постригли в иноки (он тогда учился на последнем курсе Киевской Духовной академии), то он пришел за благословением к отцу Парфению, как к знаменитому старцу, а ведь тот даже семинарию не закончил – ушел с первого или со второго курса. (Преподобный Паисий (Величковский) тоже, между прочим, бросил семинарию и ничего от этого не потерял.) И Парфений, когда к нему пришли Феофан и другие студенты академии, тоже новопостриженные иноки, сказал им: «Вы монахи ученые, набрали себе разных правил, но знайте одно: важно непрестанно молиться».

Был еще такой знаменитый подвижник – Кирилл Белоезерский. Он нес послушание на кухне, в поварне, непрестанно молился и имел благодать. Потом он умолил Божию Матерь (не сам попросил, не проявил свою волю), чтобы ему дали другое послушание, более уединенное, и стал в келии переписывать книги. Вы знаете, что в то время искусство переписывания книг было редким, нужно было не просто уметь писать, то есть быть грамотным, а необходимо было знать шрифт, каллиграфию, иметь особенное мастерство. Но Кирилл Белоезерский на этом послушании потерял ту благодать, которую имел на кухне, и стал молиться, чтобы перейти на прежнее место. Он перешел, и тогда в суете, среди

тарелок и кастрюль, к нему вернулась благодать. Известно, что знаменитые подвижники, написавшие книгу о безмолвии, Каллист и Игнатий Ксанфопулы, тоже подвизались на кухне. Дар непрестанной молитвы они стяжали именно там, а потом уже ушли на безмолвие.

Посмотрите, люди преуспевали именно от послушания. А вы хотите независимости. Если вы получите эту независимость, то вместе с нею приобретете столько всяких соблазнов, что не рады ей будете. Вспомните, что вам эта независимость давала в миру. Она вас только губила. А в монастыре вы как бы в общей упряжи, вы поневоле идете правильной дорогой; нравится вам идти или нет, ропщете вы или унываете, но все-таки движетесь. Почему вы считаете, что вы стали способны к независимости? Это самонадеянность – детская по своей неразумности и губительная, страшная по своим последствиям.

Не нужно гоняться за этой эфемерной «независимостью». Лучше было бы всем служить, перед всеми смиряться, и Господь за послушание подал бы благодать. Как духовник я знаю, что благодать часто дается именно тем, кто имеют беспрекословное послушание и смирение, даже если у них и мало свободного времени. Я знаю людей, которые заняты с утра до вечера и очень преуспели в молитве, именно по той причине, что они беспрекословно слушаются. Такой человек слушается действительно как животное, которое не имеет разума. Возьми и поведи его за веревку туда или сюда – все будет делать. И Господь такого человека не оставляет. Поэтому не нужно клеветать на Бога, будто бы Он к нам несправедлив.

Вопрос. Может быть, Иуда думал, что когда Иисус станет царем в Иудее, то апостолы, как приближенные ученики Господа, станут богатыми людьми, получают значительные должности, а когда он увидел, что это не сбудется, тогда и решил предать Спасителя?

Ответ. Может быть, и так. Дело в том, что такое страшное преступление является для нас загадкой. Мы можем только предполагать, почему Иуда пошел на это. Безусловно, им владела страсть сребролюбия. Желание власти, богатства – это ведь тоже страсть сребролюбия. Когда Иуда понял, что его

мечты о получении земной власти не сбудутся, тогда, может быть, он и решился на предательство. Но это только предположение. Самое главное, что им владела страсть, и при этом он не открывал своего греха Спасителю, в отличие от апостола Петра, который иногда тоже заблуждался, но все рассказывал своему Учителю. Страсть в Иуде развивалась и в конце концов заставила его совершить это безумное преступление. Безумное с логической точки зрения, а с аскетической точки зрения закономерное: страсть, овладев человеком, заставляет его совершать самые нелепые и ужасные поступки, губительные для самого этого человека. Он, ослепленный страстью, не понимает того, что делает. И неважно, что предмет страсти ничтожный – каких-то тридцать сребреников. Важно то, что страсть сребролюбия чудовищна и если она человеком овладеет, то он под ее действием может совершить все что угодно.

Мне кажется, это объяснение самое правильное, а какое-то другое, не противоречащее этому главному объяснению, может быть учтено как одно из мнений. Повторю еще раз: страсть действовала в Иуде до такой степени, что он собой уже не владел. Это и означают слова *вошел в него сатана* (Ин. 13, 27). Дьявол вошел в него не так, как бес входит в душевнобольного (потому что Иуда действовал сознательно), но вошел в него своим действием, то есть страстью сребролюбия. Он к этому моменту поддался страсти до такой чрезвычайной степени, что не мог удержаться и воровал.

Вопрос. Батюшка, на протяжении всего евангельского повествования мы видим, что ученики испытывали чувство страха. Например, когда Иуда предал Спасителя, придя в сопровождении воинов с мечами и кольями, то апостолы, испугавшись, убежали. И Сам Спаситель, когда Иуда Его поцеловал, может быть, ужасался и испытывал чувство страха перед страданиями. Но я прочел у кого-то из святых отцов о том, что страх есть разновидность злобы. Как вы на это смотрите? Все же страх – это естественное проявление человеческой природы или свойство злобы, то есть страсть, которая вошла в природу человека после грехопадения?

Ответ. Господь как человек, конечно, испытывал страх. Но страх безгрешный, как и вообще все чувства, которые Им владели. Ведь Он чувствовал, например, скорбь при гробнице Лазаря, гнев, когда изгонял торгующих из храма или обличал фарисеев, страх в Гефсиманском саду. И, может быть, даже уныние или отчаяние, когда возопил на кресте: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мф. 27, 46). Все эти чувства были безгрешны, потому что Он дал свободу Своему человеческому естеству испытать все скорби, свойственные людям – конечно, не переходя границу греха. Значит, человек может и должен испытывать самые разнообразные чувства. Под бесстрашием имеется в виду не полное отсутствие всяких чувств, как понимали его некоторые античные мыслители или восточные мудрецы, а отсутствие злых страстей.

Есть чувства чистые и есть подобные им, но уже переходящие грань греха. Евангелие проповедует нам Господа Иисуса Христа не только как Сына Божия, но и как святого, безгрешного Человека. И в Его поведении мы видим как бы пределы чистых человеческих чувств, ту свободу чувств, которую мы можем себе позволить. Вернее, к которой мы должны стремиться, потому что нам нужно очиститься до такой степени, чтобы чувства у нас стали безгрешными. Ведь Спаситель в Гефсиманском саду, например, смущался и боялся, но подчинил Свою человеческую волю воле Божественной. Да, Он возопил на кресте: *Боже Мой, Боже Мой, почему ты Меня оставил?* – но, тем не менее, не сошел с креста и умер на нем, исполнив до конца Свое служение.

Вопрос. Получается, если человек достигает бесстрастия, то в нем соответственно появляется и бесстрашие?

Ответ. Нельзя сказать, что такой человек совсем не будет чувствовать опасности. Но он, конечно, уже не будет вести себя малодушно. Не будет бояться гонений или чего-то подобного. У него обязательно будет мужество.

Вопрос. Мужество появляется от благодати Божией или это черта, которую можно в себе воспитать?

Ответ. Конечно, здесь имеет место и благодать, и человеческий навык. Благодать не придет,

если для нее не приготовлен сосуд. Если ты подготовишь свою душу, то и благодать будет в ней обитать. Ведь добродетель – это не только действие благодати Божией, но изменение человеческой души. Что такое страсть? Страсть – это отсутствие добродетели, некоторая ущербность, болезнь души. Соответственно добродетель – это возвращение к нашему естественному состоянию, – конечно, при содействии Божией благодати.

Вопрос. По Евангелию получается, что сначала против неразумной траты драгоценного мира возражал один Иуда (в доме Лазаря, когда его сестра Мария помазала миром ноги Спасителя). А через несколько дней в доме Симона прокаженного, где женщина возливала миро на голову Господа, вознегодовали уже все ученики. Как это может быть?

Ответ. Считается, что было три помазания – в доме у Симона фарисея, в доме у Лазаря и в доме Симона прокаженного. Я думаю, что неважно, какое из них было первым, а какое – последним. Мы можем только предполагать, точно ведь никто не знает. Могло быть так, что первыми высказали недоумение ученики, а Иуда потом этим воспользовался и упрекнул Спасителя, а могло быть и так: первым вознегодовал Иуда, а ученики, не поняв его умысла, стали за ним повторять. То, что Господь остановил Иуду и показал, что его упрек несправедлив, а ученики в следующий раз высказали тот же упрек, вполне могло быть. Ведь было, например, так, что ученики проявляли какую-то гордость, желание первенства, Спаситель их обличал, а они через некоторое время опять делали нечто подобное.

Конечно, ученики поступили так без умысла – они, зная простоту своего Учителя, его нелюбовь к роскоши, удивлялись этому возлиянию мира как напрасной трате денег и думали, что это ни к чему. Иуда же Искаротский высказался с умыслом: может быть, он, также зная простоту Господа, предполагал, что Тот на его замечание скажет: «Да, напрасно потратили деньги». А довод он позаимствовал у других учеников, когда те высказали его раньше. Но даже если предположить, что Иуда все же высказался первым, то он все равно преподносил свой

довод в том ключе, в каком его могли понять и принять. Все ученики заботились о бедных и нуждающихся. Помните, как они говорили Господу, когда Он учил людей в пустынном месте: *Господи, им здесь нечего есть, отпусти их в окрестные селения, чтобы они купили себе пищи* (см. Мф. 14, 15). Им было свойственно заботиться о людях, они к этому привыкли, и поэтому Иуда, зная об этом их общем настроении, мог сказать такие слова. А потом ученики повторили это, точнее даже не повторили, а просто сказали от себя, потому что для них говорить такое было обычно.

Вопрос. Батюшка, а почему произошло так, что ученики не могли догадаться, что предатель – это Иуда? Ведь он же наверняка очень выделялся такой своей черствостью?

Ответ. Видимо, они не обсуждали друг друга и не думали об этом. Им и в голову не могло прийти, что предательство возможно среди тех, кого избрал Сам Спаситель. Апостолы ведь были люди простые, а простые люди обычно непроницательны, они не вглядываются друг в друга. И они не смели себе позволить такого.

Вопрос. Самоубийство Иуды было следствием того, что он предал Спасителя, или это произошло по какой-то другой причине?

Ответ. Одно влекло за собой другое. Неверие привело к предательству, а вслед за предательством пришло отчаяние. Иуда, удовлетворив свою страсть, на самом деле не получил от этого никакого утешения, а только еще бо льшие мучения. Поскольку в нем жило неверие, то его постигло отчаяние. Если бы он, как апостол Петр, имел веру, то, наверное, думал бы о покаянии. Рассуждая теоретически, можно, наверное, сказать, что Господь простил бы Иуду, если бы тот покался. Но в таких людях покаяние невозможно, потому что в них уже есть как бы неужджимое стремление к большему и большему злу.

О явлении Господа любящим, ищущим и не теряющим надежды⁹⁹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогая сестра, отныне ты носишь имя святой равноапостольной Марии Магдалины. Евангелие от Марка говорит про нее такие слова: *Воскрес же Иисус завтра в первую субботу, явися прежде Марии Магдалины, из неяже изгна семь бесов (Мк. 16, 9)*. Мария, одна из преданнейших учениц Господа Иисуса Христа, в свое время была не только далека от Бога, но и одержима даже не одним, а семью бесами. Господь Иисус Христос не презрел ее душевную нечистоту, а призвал Марию на Свое служение и исцелил. Она, как об этом подробно повествует Иоанн Богослов, одной из первых увидела воскресшим своего возлюбленного Учителя.

Во едину же от суббот Мария Магдалина прииде завтра, еще сущей тме, на гроб, и виде камень взят от гроба. Тече убо и прииде к Симону Петру и к другому ученику, егоже любляше Иисус, и глагола има: взяша Господа от гроба, и не вем, где положиша Его. Изыде же Петр и другой ученик и идяста ко гробу. Течаста же оба вкупе, и другой ученик тече скорее Петра и прииде прежде ко гробу, и приник виде ризы лежаща, обаче не вниде. Прииде же Симон Петр вслед его, и вниде во гроб, и виде ризы едины лежаща и сударь, иже бе на главе Его, не с ризами лежащ, но особь свит на едином месте. Тогда убо вниде и другой ученик, пришедый прежде ко гробу, и виде и верова. Не у бо ведяху Писания, яко подобает Ему из мертвых воскреснути (Ин. 20, 1–9).

Они уверовали не тому (как можно было бы предположить), что Спаситель воскрес, а словам Марии Магдалины о том, что Его нет во гробе, – ведь сначала это казалось им совершенно невозможным. Но они не проявили терпения и в растерянности ушли: *Идоста же паки к себе ученика (Ин. 20, 10)*. Мария же, как говорит Евангелие, *стояше у гроба вне плачущи. Якоже плакашися, приниче во гроб (Ин. 20, 11)*. Конечно, сейчас мы

прекрасно знаем это повествование, предвидим, что будет, но Мария, находясь в тот момент у гроба, не имела никакой надежды. У нее не было даже того утешения, которое она предполагала найти в оказании последней услуги своему возлюбленному Учителю – в помазании Его миром. И Мария плакала в безысходном отчаянии, но не ушла от гроба. Мы не знаем, какие чувства она испытывала. Возможно, она, паче чаяния, на что-то надеялась, а может быть, ее заставляла там пребывать, и плакать, и приникать ко гробу любовь к Господу Иисусу Христу, не объяснимая никакими умственными рассуждениями.

И виде два Ангела в белых ризах сидяща. И, когда, казалось бы, уже не на что было надеяться и нечего ожидать, эта любовь к Господу Иисусу Христу сделала ее достойной лицезреть ангелов, своим явлением возвестивших ей о воскресении Спасителя или по крайней мере показавших, что здесь произошло не какое-то обычное человеческое событие и что ее не постигла, так сказать, дополнительная скорбь помимо смерти возлюбленного Учителя. *И виде два Ангела в белых ризах сидяща, единаго у главы и единаго у ногу, идеже бе лежало тело Иисусово. И глаголаста ей она: жено, что плачешися? Глагола има: яко взяша Господа моего, и не вем, где положиша Его (Ин. 20, 12–13).*

Но человек, любящий Господа Иисуса Христа, не может утешиться даже духовными явлениями, пока не сподобится созерцания Того, к Кому он стремится всей своей душой, – Самогó возлюбленного нашего Учителя и Господа. *И сия рекши обратися вспять и виде Иисуса стояща, и не ведяше, яко Иисус есть (Ин. 20, 14).* Возможно, Мария Магдалина не могла узнать Господа потому, что это не было ей духовно открыто, или же по той простой причине, что глаза ее были застланы слезами, ведь она не ожидала увидеть живым Того, Кого она, как ей казалось, не могла увидеть уже и мертвым. *Глагола ей Иисус: жено, что плачеши? кого ищеши? Она же мнящи, яко вертоградарь есть, глагола Ему: Господи, аще ты еси взял Его, повеждь ми, где еси положил Его, и аз возму Его (Ин. 20, 15).* Этим она показывала свою необыкновенную любовь к

Иисусу Христу и преданность Ему и упрашивала «садовника», не боясь унизиться, смириться перед ним – для того только, чтобы послужить своему Господу и по смерти Его. Но вместо этого неожиданно поняла, что говорит с Господом: услышала Его голос и свое имя. Узнала Господа по произношению и знакомой интонации (а может быть, еще и с помощью духовного действия).

Глагола ей Иисус: Марие. Она же обратившись глагола Ему: Раввунни, еже глаголется Учителю. Глагола ей Иисус: не прикасайся Мне, не у бо вздых ко Отцу Моему (Ин. 20, 16–17). Спаситель сказал: *Не прикасайся Мне.* Но не потому, что Мария была хуже прочих учеников, которые дерзали прикасаться к Его телу, – ведь Он даже и Сам призывал к этому, дабы они убедились, что Он воскрес из мертвых, что им явился не призрак, не дух, но воистину совершенный Человек, обладающий душой и телом. Господь сказал так потому, что Мария имела веру бóльшую, чем другие. Ей достаточно было только одного слова и не нужно было прикосновений, как апостолу Фоме, или другим апостолам, или женам-мироносицам, которые припали к Его ногам и обняли их. Не нужно было, потому что эти слова всё ей объясняли: *Не у бо вздых ко Отцу Моему*, то есть: «Не нужно ко Мне прикасаться и проверять, Я ли это. Я еще не взшел к Богу, поэтому подлинно Я стою перед тобой».

Иди же ко братии Моей и рцы им: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему (Ин. 20, 17). Так закончилось это необыкновенное явление. Господь здесь назвал Себя братом всех Своих учеников, потому что сказал: *Восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему.* И конечно же, усыновил Богу Отцу и равноапостольную Марию Магдалину и сделал ее Своей сестрой по благодати, подобно тому как Сам Он был Сыном Божиим по природе.

Мария всегда оставалась преданной Господу Иисусу Христу, искала Его тогда, когда уже, казалось бы, не на что было надеяться, ведь она нашла даже не мертвеца, но только пустой гроб. Так бывает и в нашем сердце, когда мы не просто молимся с некоторой сухостью, но ощущаем в душе

совершенную пустоту. Конечно, в этом случае больше нашей вины, но провести аналогию мы, тем не менее, имеем право. И если мы будем приникать к этому «гробу», к нашему пустому сердцу, и все же не отходить от него, и плакать, и молиться, и искать Господа, то вдруг неожиданно благодать Божия посетит нас и мы увидим, ощутим в сердце своем то, чего никак не ожидали: присутствие Живого Бога. Живого, потому что Он, умерший из-за наших грехов, воскреснет ради нашей любви, ради нашей преданности Ему.

Вот в этом подражай святой равноапостольной Марии Магдалине, никогда не теряй надежды, ищи Бога тогда, когда найти Его кажется уже невозможным. Ищи Его, плачь, кайся, молись – и Он утешит тебя невидимым для других, но истинным явлением Своим. Аминь.

Сегодня мы поговорим о молитве. Это тема очень важна, поскольку иметь правильное представление о молитвенном делании необходимо каждому человеку. Основой же нашей беседы будет учение о молитве Самого Господа нашего Иисуса Христа. Я буду пользоваться славянским текстом Евангелия: он точнее и выразительнее, чем русский перевод.

И бысть внегда быти Ему на месте некоем молящуся, и яко преста, рече некий от ученик Его к Нему: Господи, научи ны молитися, якоже и Иоанн научи ученики своя (Лк. 11, 1). Ученики Господа Иисуса Христа, конечно, понимали, что молитва есть одна из наиважнейших добродетелей, необходимых для спасения и угождения Богу. Видя, как продолжительно и истово молился их Учитель, они желали, чтобы Он преподавал им это возвышенное, нужнейшее делание. Здесь сказано: *Господи, научи ны молитися, якоже и Иоанн научи ученики своя*. Фарисеи и ученики Иоанна Крестителя упрекали учеников Спасителя в том, что они не постятся и не молятся. Ученики же обращались к Господу Иисусу Христу с такой просьбой по неопытности или из-за недопонимания того, что общение со Спасителем уже само по себе выше всякой молитвы. Ведь что такое молитва, как не общение с Богом?

Господь не отверг их просьбу, выраженную хотя и наивно, однако же искренне. *Рече же им: егда молитесь, глаголите: Отче наш* (Лк. 11, 2). Он преподавал им молитву, которую мы обычно называем молитвой Господней или, по первым ее словам, «Отче наш». Из слов Спасителя *егда молитесь, глаголите* можно видеть, что Он преподает не просто молитву, а учение о молитве, говорит о том, с каким настроением, Кому и как следует молиться. В нашей беседе мы будем основываться именно на таком подходе к словам Господа. Истолковывая молитву «Отче наш», мы сделаем для себя практический вывод о том, как нужно молиться.

Отче наш – в этих двух словах уже содержится все богословие и великая духовная наука. Спаситель учит нас

обращаться к Богу и называть Его Отцом. Когда-то в древности было известно несколько имен Божиих, в течение веков постепенно открывавшихся израильскому народу через избранных пророков, таких, например, как Моисей. Обращаясь к Богу, Его называли различными именами. Эти имена, конечно, имели в себе глубокий смысл и приоткрывали тайну Пресвятой Троицы, тайны бытия Божия, однако же не были столь ясными и не предполагали столь дерзновенного обращения к Богу. В книге Бытия, например, Бог назывался Элохим, что значит «Боги», при этом глаголы, относившиеся к этому имени, имели форму единственного числа. Святые отцы усматривают в этом намек на тайну Пресвятой Троицы и, кроме того, на некое, выраженное в этой грамматической форме, учение о всемогуществе и безграничности Божества. В книге Исход встречается еще одно имя Господне, которое считается наиболее полно выражающим тайну бытия Божия – Иегова, то есть «Сущий» (по-еврейски, «Яхве»). Затем появилось имя Адонаи, которое переводится с еврейского как «Господь». Если же быть более точным, то это слово означает «господин мой».

Евреи верили в единого Бога, но им было приоткрыто и то, что Бог, хотя и един, но, по выражению Григория Богослова, «не одинок». Бог не должен быть слишком расширен или слишком замкнут. В первом случае это будет пантеизм или многобожие, а во втором – иудаизм или магометанство, в которых Бог как бы замкнут Сам в Себе и представляет из Себя Существо, лишенное любви, поскольку в Самом Себе распространять ее Ему не на кого, в отличие от истинного Бога – Троицы, Лица Которой связаны Божественной любовью и распространяют ее друг на друга.

Впоследствии стало известно еще одно имя Божие, произносимое обычно как Саваоф, хотя это не совсем точное еврейское произношение. Смысл этого имени таков – «всемогущий, всесильный», причем слово «сила» в точном переводе также нужно передать с помощью формы множественного числа – «силы». Таким образом, стоит обратить внимание на то, что уже с древних времен в именах Божиих,

таких как Элохим и Саваоф, приоткрывалось учение о Пресвятой Троице.

Теперь же Господь Иисус Христос открывает нам новое имя Бога, учит нас дерзновенно обращаться к Богу как к Отцу. Если в Ветхом Завете говорилось о всемогуществе, безграничности Божества, Его всевластии, то здесь речь идет о любви. Бог называется просто Отцом. Люди знакомы с устройством человеческой семьи и, естественно, понимают, что отец – это источник любви. Однако это имя вызывает и некий благоговейный страх, который обычно испытывают перед отцом дети (особенно в патриархальных семьях). Итак, в этом обращении соединяются страх и любовь. И мы учимся взывать к Богу, прежде всего, с дерзновенной любовью и доверием, понимая, что Он, как Отец, всегда желает нам одного только блага.

Но любовь не может быть сосредоточена только на Боге, она должна распростираться и на подобных нам людей. Поэтому, обращаясь к Богу, мы говорим: *Отче наш* – не «мой», а «наш». Если в имени Адонаи Господь называется «моим», то теперь Бог – «наш». Никто не вправе считать Бога по преимуществу Богом своим, но – Богом нашим, Отцом нашим. Значение слова «наш» человек понимает в той мере, в которой он приобрел любовь. Один подразумевает под этим своих близких, другой – родственников, третий – единоверцев, а четвертый – все человечество. Последнее понимание – самое полное и правильное. *Отче наш* означает «Бог всех», «Отец всех». И, молясь так, мы уже волей-неволей призываем те блага, о которых дальше говорится в этой молитве, не только на себя, но и на всех людей, которых имеем в виду, произнося слово «наш», а может быть, – и на все человечество. Вот как Иисус Христос уже первыми двумя словами (таким необыкновенно мудрым и тонким способом) учит нас любви к Богу, любви к людям. Это первое, что необходимо для правильной молитвы.

Отче наш, Иже на небесех или, как мы привыкли говорить, *Иже еси на небесех*. Это не значит, что Бог пребывает только на Небесах, а на земле Его нет. Мы должны понимать это так: наш

Отец – это не тот отец, от которого мы родились, и родным для нас является не то, что кажется нам таковым на земле. Все истинно родное для нас находится в Царствии Небесном, а истинным Отцом является наш Бог, Который на Небесах. Поэтому наша любовь должна отвращаться от всего земного, от всего человеческого, пусть даже и не греховного, пусть сравнительно невинного и нейтрального, но отвлекающего нас от любви к Богу. Вот в каком смысле сказано *на небесех*.

Да святится имя Твое. Какое имя Божие нужно здесь подразумевать? Конечно же, то, которое названо в этой молитве: Отец, Отче наш. Его имя – это любовь, которая распространяется на всех людей, и она должна святиться. Это значит, что в наших душах, в наших сердцах, в наших отношениях, в наших поступках должна действовать любовь – вот чего нам следует просить. Бог не может освящаться, потому что Он свят и выше всякой святости, но Его имя, то есть то, что в нас именуется, то, что мы понимаем, то, что мы мыслим, – то должно освящаться, благодаря нашим делам, поступкам, мыслям, молитвам, ощущениям. Должно освящаться нашей жизнью, святиться в нас. Однако смысл имени Отец шире понятия любви, потому что любовь только свойство, а Отец – это носитель всех Божественных свойств, всех совершенств, в том числе и любви.

Да приидет Царствие Твое. Какое Царствие? Чего мы желаем, о чем просим? Конечно же, речь идет о Царстве Отца, всеобъемлющем, на всех распространяющемся Царстве всепрощающей любви. Мы должны желать того, чтобы повсюду воцарилась любовь. Государь, воцарившись в своей державе, налагает на всех подданных определенные законы и не терпит нарушений его воли. Так и нам необходимо стремиться к тому, чтобы воля Небесного Отца восторжествовала, а любовь как закон, преподанный Царем Небесным, распространилась на всех – прежде всего на нас, а через нас и на других людей. Вот чего мы должны просить в молитве.

Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли. Чья воля? Воля Отца нашего Небесного. В чем же она может состоять? В любви всепрощающей и желающей спасения любому человеку,

даже самому, с нашей точки зрения, презренному, отвратительному и далекому от Бога. *Яко на небеси, и на земли.* Как на небе все ангелы исполняют только Божию волю и потому имеют единую волю, а не каждый свою, в отличие от нас, так должно быть и у людей – нужно жить согласно одной воле, стремиться только к спасительной любви. А если в человеческих отношениях действует любовь, то в них, конечно, проявляются кротость, всепрощение, снисхождение, смирение друг перед другом, послушание друг другу и подобные добродетели, потому что никто не стремится к своеволию, а желает исполнять только волю единого Небесного Бога Отца. Напомню еще раз: все эти чувства необходимы нам во время молитвы для того, чтобы она была истинной, чтобы мы молились так, как научил нас Господь Иисус Христос, а не так, как нам представляется правильным по неопытности и ограниченности нашего разума.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь. – Хлеб наш насущный подавай нам на всяк день (Лк. 11, 3). Эти слова молитвы можно понимать чрезвычайно возвышенно. Например, святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что под хлебом насущным надо понимать хлеб сверхсущественный, то есть Тело Христово, которое всякий искренний христианин должен желать вкушать ежедневно. Если же мы по разным причинам не имеем такой возможности, то должны иметь хотя бы желание этого, некий духовный голод по этому сверхъестественному, сверхсущественному хлебу. Возможно и другое толкование: может быть, с некоторой натяжкой допустимо подразумевать под хлебом насущным благодать, которая питает человека. Как хлеб делает нас способными к обычной жизнедеятельности, так и благодать дает силы для жизни во Христе. Но можно понимать эти слова и совсем просто: хлеб насущный – это собственно хлеб или вообще пища. Таким образом, мы должны желать хлеба как пищи жизненно необходимой, которой мы поддерживаем свои силы. Эти слова Иисуса Христа очень соответствуют тому настроению, которое требуется при молитве: хотя человек не может не желать земного, потому что он нуждается в поддержании своей жизни, но он должен свести

такие желания к минимуму, просить самого необходимого (что и подразумевается под словом «хлеб») и только на сегодняшний день. Если мы не будем заботиться о завтрашнем дне, то сразу отсечем все лишние заботы, что весьма и весьма нужно для того, чтобы совершать молитву внимательно, правильно.

И остави нам грехи наша, ибо и сами оставляем всякому должнику нашему (Лк. 11, 4). Человек, имеющий хотя бы минимальный молитвенный опыт, понимает: если мы имеем на кого-то зло, кого-то осуждаем или испытываем к кому-то неприязнь, то этим как бы пресекаем действие благодати и молитва наша падает подобно раненой птице, потому что чувство неприязни лишает нас дерзновения.

Одной из самых главных целей нашей молитвы к Богу является просьба о прощении грехов. Нет человека, который «жив будет и не согрешит», как сказано в богослужебных текстах, и всякий из нас – даже тот, кто по своим делам почитался бы святым (совершал чудеса, имел дар пророчества и стяжал прочие сверхъестественные великие добродетели), – должен сознавать, что он человек грешный и нуждается в милости Божией. Если мы хотим получить прощение грехов, то и сами обязаны всё простить должникам нашим.

Многие из нас удивляются тому, что не преуспевают в молитве. Одной из причин медленного преуспевания или даже полного его отсутствия является то, что мы испытываем по отношению к нашим ближним неприязнь, не хотим прощать им то, что почитаем за долги перед нами. Неважно, в действительности они виноваты или это нам только кажется, – мы должны всем и все простить. Только тогда мы можем рассчитывать на то, что Бог в молитве услышит нас и отпустит нам грехи. Он простит нас в такой степени, в какой мы сумели или, вернее, захотели простить наших должников.

И не введи нас во искушение (Лк. 11, 4). Испытание приходит к нам как бы извне, искушая нас прежде всего через ум. Например, если нас постигла какая-либо болезнь, а мы от этого пришли в ропот, – это значит, что мы поддались

искушению. Если же мы испытываем даже очень тяжкую скорбь, но при этом сохраняем кротость, смирение, благодушие, то искушение не приносит нам вреда. Таким образом, результат нашей борьбы с искушением зависит от того, как мы умом отнесемся к приходящему испытанию.

Не введи нас во искушение. Мы должны просить у Бога, чтобы нам именно не войти в искушение. Когда оно находится вовне, когда это, как говорят святые отцы, «прилог», тогда нам еще можно выйти победителями. Когда же мы уже вошли умом в искушение и начали соблазняться сладостью греха или, наоборот, роптать и унывать (неважно, искушает нас враг сладостью или горечью), то мы уже оказались побежденными. Когда мы ропщем или унываем, то хотя скорбь и кажется нам чем-то горьким, но в самом ропоте или унынии также есть сладость греха, которой мы и прельщаемся. Поэтому-то, повторяю, мы должны желать и просить у Бога, чтобы Он не попустил нам войти в искушение, то есть принять помыслы и оказаться умом внутри соблазна.

Но избави нас от лукаваго (Лк. 11, 4). В этих словах, конечно, проявляется наше смирение. Мы должны молиться Богу с чувством ненадеяния на себя, должны просить Его о том, чтобы Он избавил нас от лукавого, – потому что человек, который дерзновенно ищет испытаний, поддался гордости. Он проявляет самонадеянность и, как правило, падает. А человек, который постоянно просит Бога, чтобы Он сохранил его от греха, имеет надежду на то, что благодать Божия действительно его сохранит и будет помогать в борьбе с диаволом. В этих словах молитвы звучит также и предостережение против непонимания того, что сопротивление соблазнам и искушениям – это не просто борьба с самими собой, как может показаться неопытным людям. Да и мы сами, читающие святых отцов и знающие о существовании нечистых духов, забываемся и думаем, что боремся только с собой. Когда же мы читаем эту молитву, мы должны постоянно вспоминать, что все искушения происходят от диавола, и нужно непрестанно молиться Богу, чтобы Господь защитил, избавил нас от него, так как сделать это своими силами мы не можем.

Кроме того, диавол, который в Священном Писании называется и сатаной, и клеветником, и другими именами, здесь зовется лукавым для того, чтобы мы поняли: искушения и соблазны лукавы, диавол соблазняет нас, вводя в заблуждение, и поэтому нужно быть чрезвычайно внимательными. Диавол всякий раз искушает нас, изображая зло под видом добра: как изначально человек пал через обман, так и поныне каждый день падает из-за того, что его обманывает лукавый. Например, нам представляется справедливым наше негодование против тех людей, которые нас обижают – в этом и состоит лукавство диавола: он показывает справедливость нашей досады. Другие соблазны действуют так же, заставляя нас видеть запретное древо как *доброе и приятное в пищу* (см. Быт. 3, 6). Итак, мы должны быть чрезвычайно внимательны и при помощи Божественной простоты отвергать сатанинское лукавство, то есть следовать заповедям, не раздумывая о том, что препятствует их исполнению, не размышляя о якобы справедливых причинах, позволяющих эти заповеди нарушить.

Такие чувства и мысли мы должны иметь при любой молитве: «Отче наш», Иисусовой молитве (которую мы должны совершать непрестанно) или каком-либо другом молитвословии. Будет ли это личная, келейная или богослужебная молитва – смысл остается один и тот же. Молитва Господня – это универсальное учение Господа нашего Иисуса Христа, из которого произошли все молитвословия Православной Церкви. Богослов в любом нашем богослужебном тексте сможет найти мысли и чувства, которые содержатся в молитве «Отче наш». Они заложены в ней так же, как в маленьком семени какого-либо дерева или злака заключено будущее растение.

Но этим учение Господа Иисуса Христа о молитве не ограничивается. Сказав нам о тех чувствах, какие должен испытывать христианин, то есть истинно верующий человек, ученик Христов во время молитвы, Спаситель научил нас и тому, как важно молиться непрестанно. *И рече к ним: кто от вас имать друга, и идет к нему в полунощи, и речет ему:*

друзе, даждь ми взаим три хлеба, понеже друг прииде с пути ко мне, и не имам чесо предложити ему (Лк. 11, 5–6). В жизни мы можем попасть в самую неприятную, неудобную для молитвы жизненную или душевную ситуацию, когда Бог не должен, казалось бы, нас слышать, хотя мы и почитаем Его своим другом, надеемся на Него и обращаемся к Нему. Нечто подобное изображено в этой притче: полночь, люди предаются сну и уже не хотят беспокоиться. Но нужда все-таки заставляет нас обратиться к Богу, и мы приходим к Нему и просим, чтобы Он дал нам три хлеба. Под тремя хлебами можно подразумевать, конечно, и просто такое количество пищи, которое необходимо, чтобы с избытком насытить нашего друга. А если искать более глубокий, таинственный смысл, можно предположить, что хлеба означают благодать, исходящую от Пресвятой Троицы: с одной стороны, хлебов три и каждый имеет свой вкус, с другой – сущность их одинакова, то есть три хлеба – это Божественная энергия, Божественное действие, происходящее от всех трех Лиц Пресвятой Троицы.

«Друг пришел с дороги» – это можно понимать так, что нас посетил Господь (под дорогой можно подразумевать путь ко спасению) и мы, начав испытывать духовный голод, обращаемся к Богу с молитвой для того, чтобы утешиться, насытиться Божественной благодатью вместе с нашим Другом – с Господом, явившимся нам в действии веры. Под тремя просимыми хлебами, изображенными в притче, можно понимать и какую-то житейскую, земную нужду. Бывает, что на жизненном пути возникают такие обстоятельства, что мы нуждаемся в помощи Божией, а Бог, казалось бы, в этот момент нас слышать не может: ночь, мы погрузились во тьму греха, удалились от Бога и не имеем права ни на какое дерзновение. Но в то же время мы знаем, что это единственный Друг, Который может нам помочь. И мы обращаемся к Нему, несмотря на то, что, может быть, и стыдимся и боимся, – другого выхода у нас нет.

И той извнутри отвечава речет: не твори ми труды, уже двери затворены суть, и дети моя со мною на ложи суть, и не могу, востав, дати тебе. Глаголю же вам: аще и не

даст ему, встав, зане друг ему есть, но за безочьство его, встав, даст ему, елика требует (Лк. 11, 7–8). Этот единственный Друг как бы отвечает нам: «Не утруждай Меня напрасно, потому что время неподходящее: ты весь в грехах и пребываешь в духовной тьме. Сейчас уже поздно – ты не пришел вовремя, не позаботился о своей нужде заранее, когда был день, и теперь не имеешь права на что-то надеяться. Те, которых Я люблю, уже со Мной, а ты не оказался в их числе, остался за дверью, ты Мне чужой». Но даже если и не по дружбе (из-за наших грехов мы не имеем права претендовать на дружбу), то ради нашей неотступности Друг даст нам просимое.

В притче говорится, что из-за дерзости и твердости просителя хозяин дома был бы вынужден встать и дать хлеба, чтобы от него отстали, потому что лучше таким простым способом избавиться от надоедливого человека, чем терпеть, пока он будет неотступно просить. Господь призывает нас именно к такой дерзости. Не нужно думать, что мы должны проявлять подобную дерзость по отношению друг к другу – она необходима по отношению к Богу: просить, стучать, «надоедать» Богу нужно до тех пор, пока Он пусть не по дружбе, которой мы не достойны, но за *безочьство*, за нашу неотступность не даст нам три хлеба, чтобы мы насытили своего друга (под словом «друг» можно понимать нашу совесть, веру или жизненную нужду).

И Аз вам глаголю: просите, и дастся вам (Лк. 11, 9). Еще раз говорится о том, что в молитве необходимо просить неотступно. Если мы будем просить не утомляясь, то обязательно получим. *Ищите, и обряцете (Лк. 11, 9)* – иногда нам кажется, что все потеряно, и мы не знаем, как вернуть благодать, поэтому в данном случае уместнее было сказать не «просите», а «ищите» то, что вами потеряно. И тогда мы обрящем. *Толцыте, и отверзется вам (Лк. 11, 9).* Когда мы чувствуем перед собой как бы запертую дверь, преграду между нами и Богом, мы должны толкать, стучать, и эта преграда разрушится, и мы войдем, как в некий чертог, в общение с Богом. *Всяк бо просяй приемлет (Лк. 11, 10),* то есть всякий

просящий получает, – неважно, добрый он или злой, грешный или праведный, ученый или простой, опытный в молитве и начитанный в святых отцах или несведущий в этом. Каждый, исполняющий эту заповедь Спасителя о молитве, обязательно будет услышан: *И ищай обретает, и толкущему отвержется* (Лк. 11, 10).

Далее Спаситель взывает к нашему здравому смыслу. От общения с Богом мы имеем по большей части отрицательные впечатления: нам кажется, что мы много молимся, но не видим никакого результата, – и часто, к сожалению, поддаемся ропоту и приписываем это не своим ошибкам и страстям, а Богу, Который якобы несправедливо к нам относится. Поэтому Спаситель говорит о том, что понятно всем людям, – о любви родителей к детям, и еще раз напоминает нам, что Бог – это наш Отец. *Котораго же вас отца воспросит сын хлеба, еда камень подаст ему? или рыбы, еда в рыбы место змию подаст ему? или аще попросит яйца, еда подаст ему скорпию?* (Лк. 11, 11–12). Конечно, любящий отец, каким бы непослушным и дерзким ни был сын, никогда не подаст ему, например, вместо хлеба камень. Значит, и Бог не может, когда мы просим у Него чего-то доброго, дать нам злое. Он не может подать нам камень, то есть проявить некую жестокость, холодность, или тем более вместо рыбы или яиц подать змию или скорпию, то есть причинить нам вред. Это абсурдно и невозможно, потому что если земные родители делают своим детям добро, то тем более будет творить его Бог Отец, родоначальник всего существующего, Который Сам является источником любви и вообще всякого добра.

Аще убо вы зли суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец, Иже с небесе (в Котором нет ничего земного и тем более ничего злого. – Схиигум. А.), *даст Духа Святаго просящим у Него* (Лк. 11, 13). Это последний и очень важный момент учения о молитве, преподанного ученикам в данной беседе (мы говорим пока только о ней, хотя Спаситель, конечно, в Своих беседах многократно возвращался к наставлениям о молитве). *Даст Духа Святаго просящим у Него* – вот, оказывается, чего мы должны у Него просить, вот

что является истинным благом. Если мы просим у Бога чего-нибудь злого, Он нам этого никогда не даст, и не надо изумляться и представлять Его не исполняющим наши прошения. Что для нас всегда полезно, нужно и спасительно – так это благодать Святого Духа, которую мы и должны с дерзновением просить у Бога, конечно, при соблюдении условий, изложенных Господом Иисусом Христом как в самой молитве «Отче наш», так и в учении о непрестанности, необходимой при молитве. Не надо ложно смиряться, но нужно дерзновенно просить благодати Святого Духа, и если мы будем делать это неотступно, с любовью к Богу и людям, то благодать Божия нас обязательно посетит. Мы ни под каким предлогом не должны терять этого дерзновения.

Вот в чем состоит учение Спасителя о молитве. Если же мы не получаем просимого, значит, мы нарушили одно из условий молитвы, преподанных нам не просто кем-либо из людей, опытных в молитвенном подвиге, а Самим Господом, Который наши молитвы слышит и знает, как надо молиться, чтобы они до Него дошли, были Им услышаны и принесли нам пользу. Поскольку нас учит молитве Тот, Кто ее слышит, то в Его учении не может быть никакой неполноты.

Сам Господь Иисус Христос говорит нам: *Отец, Иже с небесе, даст Духа Святаго просящим у Него.* Хочется возразить тем людям, которые под предлогом ложного смирения теряют дерзновение в молитве, успокаиваются и ждут, когда благодать Божия их посетит сама. На самом деле они таким образом впадают в нерадение. Я не говорю о том, что мы должны просить такой благодати, какую имел, например, преподобный Серафим Саровский или другие великие подвижники благочестия, но быть безразличными к тому, чтобы в нас жил Дух Святой, – это не только ошибка, но даже и кощунство. Невозможно быть христианином без благодати Святого Духа.

Во время Божественной литургии священник неоднократно просит Господа о даровании этой благодати, иногда даже очень откровенно. Я приведу в пример молитву, которую иерей читает перед самым началом евхаристии. Во время ектеньи

«Исполним молитву нашу Господеви», перед пением Символа Веры, он произносит такие слова: «Господи Боже Вседержителю, едине Святе, приемляй жертву хваления от призывающих Тя всем сердцем, приими и нас, грешных, моление, и принеси ко Святому Твоему жертвеннику, и удовли нас приносить Тебе дары же и жертвы духовныя о наших гресех и о людских неведениях; и сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней жертве нашей и вселитися Духу благодати Твоея благому в нас, и на подлежащих Дарех сих, и на всех людех Твоих».

Обратите внимание на то, о чем молится священник в конце этой молитвы. А некоторые считают себя до такой степени «недостойными», что даже молиться не хотят; так человек «смирятся», что даже четки в руках не хочет держать, я уж не говорю об усилении для сосредоточения. Но это же глупо. «Я недостойн перебирать четки, я недостойн сосредоточиваться, читать вслух Иисусову молитву». Зато достоин высыпаться, вкусно есть, дышать свежим воздухом и отдыхать до полного восстановления сил. Во время самой евхаристии перед благословением Святых Даров произносятся следующие слова: «Еще приносим Ти словесную сию и бескровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем, ниспосли Духа Твоего Святаго на ны». Кто здесь подразумевается под словом «ны»? Все мы или только священнослужители? А если священник служит один, что бывает очень часто, кого же он имеет в виду? Я думаю, конечно же, всех тех, кто вместе с ним молится. «...Ниспосли Духа Твоего Святаго на ны и на подлежащая Дары сия» – и далее уже следует благословение Святых Даров.

То, что мы должны в молитве испрашивать благодать, не является моим субъективным мнением, поскольку эта мысль содержится в тексте Божественной литургии – самого главного богослужения Православной Церкви. Все мы должны просить Бога о том, чтобы пребывать в Святом Духе, – это единственное, что всегда нам нужно. Поэтому не будем терять дерзновения. Однако при этом необходимо сохранять и смирение, которое состоит в том, что мы не знаем,

когда придет благодать, и нуждаемся в терпении. Мы не знаем также, с какой силой благодать будет в нас действовать, – и тут тоже необходимо смирение и осознание своего ничтожества, своего убожества. Но быть безразличным к стяжанию благодати, как будто это не имеет никакого значения, уже кощунство и, можно сказать, хула на Духа Святого. Безразличием к Нему мы показываем, что не любим Бога.

Такого не должно быть ни в коем случае, потому что при подобном ложном смирении человек постепенно остывает, забывает о цели своего пребывания в монастыре и в конечном счете поддается действию тех страстей, от которых он, казалось бы, отрекся и ради борьбы с которыми ушел из мира. Вместо того чтобы искать преуспевания и возвышения пред Богом, он начинает искать возвышения пред людьми: например, думает о том, какую бы должность ему занять, чтобы не быть униженным и обиженным. Он забывает о том, что как раз унижения и оскорбления его смиряют, а смирение является наилучшим средством приготовить свою душу, свой дух для принятия Божественной благодати.

Думаю, к тому, что я сейчас говорил, следует добавить еще одно важное требование к правильному совершению молитвы, которое мы находим в Евангелии от Матфея. Господь наш Иисус Христос излагает это требование всё в той же молитве «Отче наш». Но, видимо, эта беседа Господа происходила при других обстоятельствах, потому что текст Евангелия от Матфея во многом не сходится с тем текстом, который приведен евангелистом Лукой: *И егда молишия, не буди якоже лицемери, яко любят в сонмищах и в стогнах путей стояще молитися, яко да явятся человеком. Аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою (Мф. 6, 5)*. Это значит, что мы не должны уподобляться тем людям, которые молятся так, чтобы все видели, – ради человеческой славы. Встречается совершенно откровенное проявление страсти тщеславия, действующей в человеке настолько сильно, что он молится напоказ: нарочно истово крестится и вообще чувствует вдохновение в молитве только тогда, когда на него смотрят. Нередко человек ждет, что люди заметят плоды его молитвы. Я

говоря не про внешние признаки, – например, что его лицо будет сиять, как у Моисея, когда он спускался с горы Синай. Тщеславие здесь может выражаться, допустим, в таких мыслях: вот я помолюсь, и вы увидите, каким я стал кротким, смиренным, молчаливым. Таким образом, мы вновь молимся ради человеческой похвалы и совершаем то самое, от чего предостерегает нас Евангелие, пусть не столь примитивно и явственно. Страсть тщеславия здесь действует несколько прикровенно, однако это гораздо опасней, поскольку в таком случае ее труднее увидеть. Люди, которые молятся ради того, чтобы заслужить похвалу окружающих (во время самой молитвы или за ее плоды), свою награду уже получили, потому что утешились действием страсти. От Бога им уже ждать нечего. Очень часто бывает, что мы, усердно и долго молясь, не ощущаем никакой благодати, ибо сами себя окрадываем, поддаваясь этой отвратительной страсти.

Ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу Твоему, Иже в тайне: и Отец Твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве (Мф. 6, 6). Можно понимать эти слова буквально: надо молиться по возможности тайно, особенно когда у нас есть какие-либо плоды молитвы – плач, умиление или другие внешние ее проявления, которые желательно скрывать. Однако самое главное здесь то, что мы должны молиться втайне от своего собственного тщеславия. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что тяжело выдержать похвалу от людей, но гораздо тяжелее, почти невозможно, выдержать похвалу от демонов. Что это значит? Похвала от людей – это когда нас хвалят в лицо или за глаза, и в таком случае еще можно себя как-то смирить, но если нас через помыслы начинают хвалить демоны, если страсть тщеславия действует непосредственно внутри нас самих – вот тогда бывает чрезвычайно трудно. Поэтому мы должны заботиться прежде всего о том, чтобы не хвалить самих себя, вернее, чтобы внутри нас самих не принимать похвалы от демонов. Сотворить молитву втайне – значит сотворить ее не тщеславно, то есть тайно от самих себя. В этом и состоит еще одно очень важное свойство молитвы, без которого едва ли возможно

преуспеяние в такой величайшей и нужнейшей для нашего спасения добродетели.

* * *

Вопрос. Дерзновение в молитве проявляется только в неотступности или в чем-то еще?

Ответ. Настойчивость – это одно из свойств дерзновения, которое для неопытного человека, может быть, является наиболее доступным. Но по возможности нужно стремиться также и к вниманию, то есть стараться понуждать себя ко вниманию изо всех сил.

Вопрос. Внимание бывает преимущественно от благодати или от того, что человек себя понуждает, делает усилия?

Ответ. Стремлением ко вниманию мы, конечно же, проявляем наше усердие. С одной стороны, без благодати внимания в молитве не будет, это ведь не чтение книги. Здесь нужно именно особенное внимание, которого может не быть даже у человека, привыкшего к сосредоточенной умственной работе, так как молитва – это деятельность своеобразная, не поддающаяся естественным законам. С другой стороны, должно быть и наше усердие, которое как бы осеняется благодатью Божией, и мы приобретаем, я бы сказал, навык действовать в благодати. Вообще, в любой добродетели действуют и наше усердие, и благодать.

Подобный вопрос можно задать и про кротость, и про любовь к ближнему, и про смирение, и про целомудрие, и про мужество. Можно спросить: «Чтобы стать целомудренным, нужно только усердие или благодать Божия? Чтобы стать мужественным, нужно только усердие или благодать Божия?» Если сказать, что только усердие, то это будет пелагианская ересь; если же ответить, что только благодать Божия, получится ересь противоположная¹⁰¹.

Вопрос. Помыслы тщеславия мы отгоняем Иисусовой молитвой, но что делать, когда начинаешь тщеславиться от самой молитвы?

Ответ. Надо от тщеславных помыслов бежать, стараться их не рассматривать, не вступать с ними в собеседование. Это, конечно, очень трудно – избавиться от тщеславия при всяком

добром деле, в частности при молитве. Архимандрит Софроний (Сахаров) пишет, что когда у него в молитве возникали благодатные ощущения, то его тут же начинали посещать тщеславные помыслы, и он знал: если он им поддастся, то лишится благодати. Он так этого боялся, что приходил в келию и начинал там рыдать и молиться, чтобы, как он их называет, «тати» (то есть воры) ушли. Действительно, тщеславные помыслы очень сильно окрадывают человека. Почему, например, мы не должны никому рассказывать о том, что с нами происходит? Потому что мы окрадываемся тщеславием, даже незаметно для самих себя.

Отец Софроний приводит такой интересный пример. В нем сильнейшим образом действовала благодать: он целыми днями пребывал в Божественном свете, даже когда читал обычные молитвы ко Причащению или готовился к службе (он тогда был иеромонахом), и дневной свет таким его ощущениям не мешал. Однажды некий монах, прочитав гимны преподобного Симеона Нового Богослова, где описывается подобное состояние, спросил: «Что это такое?» Что описывает Симеон Новый Богослов, отец Софроний знал по опыту, а монах не мог этого понять даже теоретически. И тогда отец Софроний, с осторожностью и по видимости со смирением, сказал ему: «Я, конечно, не знаю точно, но мне кажется, что это так и так», – и описал свои ощущения. После этого благодать его оставила. А ведь до этого он несколько недель пребывал в столь возвышенном состоянии! Так тонко действует тщеславие, окрадывая угождающих Богу.

Поэтому нужно быть очень осторожным: никогда, никаким намеком не выдавать своего духовного состояния никому, кроме старицы или духовника. Но и им раскрывать все со смирением и не для того, например, чтобы похвастаться, а для того, чтобы проконтролировать себя: когда мы себе не доверяем, значит, мы смиряемся. А если мы начинаем хвалиться: вот, мол, чего я достиг, вот что я испытал, то даже к откровению помыслов может примешаться тщеславие.

Как избавиться от тщеславия во время молитвы? Конечно, это чрезвычайно сложно. Надо молиться со слезами, думать о

смерти, помнить, что наша участь за гробом нам неизвестна, несмотря на то что здесь мы, может быть, чувствуем обильную благодать. Падали даже люди, достигшие высочайшего духовного преуспевания, – что уж говорить о нас! Вспомним про Адама, который пал, пребывая в блаженном состоянии; про диавола, который, будучи одним из светоносных ангелов, преисполненных благодати, возгордился своим состоянием, пал и в страшном падении увлек за собой многих. Мы также не знаем, чем кончим и что с нами будет. Может быть, с нас спросится еще больше, тем более если мы благодать имеем, а жизнь свою не исправляем. Необходимо себя смирять, в особенности памятью смертной и теми размышлениями, которые из нее проистекают. И не отдельно от молитвы, а вместе с ней. Не получается? Когда-то у тебя и ходить не получалось: пройдешь пару шагов – и упадешь, а мама тебя поднимала, опять ставила. Но сейчас же ходишь, не падаешь. Сразу ничего не получается, во всем нужен навык.

Вывод такой: конечно, опасаться тщеславия нужно так же, как и всякой другой страсти. Но бояться так, чтобы этот страх мешал молитве, нелепо. Мы должны молиться, а если тщеславие пришло, вступать с ним в борьбу. Противиться ему при помощи внимания, памяти смертной, самоукорения, воспоминания о своих каких-то в особенности позорных грехах, унижающих нас, о своих недостатках (оговорюсь, что блудные грехи в памяти лучше не возобновлять). Лучше всего, повторю, обезоруживает эту страсть память смертная. А если мы все время будем бояться, что вот сейчас придет тщеславие или любая другая страсть, то никогда не сможем сосредоточиться.

Вопрос. А разве можно, молясь, допускать, как вы сказали, мысли о смерти? Мне кажется, кто-то из отцов говорил, что во время молитвы нельзя думать даже и об этом.

Ответ. Если тебя в молитве одолевают греховные помыслы, то мысли о смерти могут помочь в борьбе с ними. Если уж иметь в молитве помыслы, то те, которые избавляют от страстей, а не те, которые усиливают страсть.

Если какое-либо размышление способствует сосредоточению, то в нем нет ничего плохого. Впрочем, многое

зависит и от твоего состояния. Если ты, предположим, так углубилась в молитву, что уже ничего вокруг не ощущаешь, не помнишь, в теле ты или вне тела, тогда, наверное, не нужно думать ни о чем. А если тебя одолевают тщеславные помыслы, то почему бы не прибегнуть к такой помощи? Ведь и думать можно по-разному. Одно дело – предаться фантазии и даже воображать вечные муки чувственно, как делал, например, Игнатий Лойола, – это будет душе во вред, и совсем другое – иметь простое помышление о смерти, не мешающее молитве.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Некоторые прославляют больше память Иисусову (то есть молитву Иисусову. – *Схиизгум. А.*), другие – память смертную, я же славлю два естества в одном лице»¹⁰², то есть в настоящей молитве должно соединяться и то и другое, тогда она действительно будет искренней и поможет нам избавиться от гордости. Пусть мы и не сразу преодолеем столь сильную страсть, но все же такая молитва поможет нам приобрести истинное покаяние и поправить тщеславные помыслы. Да и чем нам тщеславиться, если все мы превратимся в прах, а где будет пребывать наша душа, мы точно не знаем? Таким образом, молитва, соединяясь с памятью смертной, становится сильной. Молитва же без памяти смертной, как правило, бывает очень уязвимой для действия страстей и подчас неглубокой: в ней нет уже необходимой серьезности, потому что мы не понимаем, ради чего молимся.

Вопрос. Что вообще собой представляют страсти душевные и телесные, действие которых ощущает человек?

Ответ. Страсть, как и зло, не есть что-то положительное. Зла в собственном смысле слова не существует: не потому, что такого явления нет, а потому, что оно не является самостоятельной сущностью. Оно есть отсутствие чего-то, как некое искажение, как болезнь. (Даже современные научные взгляды позволяют сделать вывод о том, что болезнь – это нарушение естественного состояния человеческого организма).

Что такое, например, блудная страсть? Отсутствие целомудрия. Что такое гнев? Отсутствие кротости. И вообще страсть, грех – это отсутствие добродетели. Естественное

состояние человека – добродетельное. Имеется в виду естественное состояние с библейской точки зрения, то есть такое, в каком человек создан изначально, а не такое, в каком он пребывает сейчас. Человек сотворен существом добрым, потому что Бог не был Творцом ничего злого. В Библии сказано, что когда Бог создал мир, в том числе и человека, то сказал, что все *весьма хорошо*, или, по-славянски, *добра зело* (см. Быт. 1, 31). Поэтому и человек был «добрым» – в том смысле, что в нем не было никакого изъяна. Но после грехопадения человеческое естество исказилось. Это искажение, эта болезнь, ненормальность и называется злом. Но такое нарушение не может существовать само по себе, как и болезнь существует только в организме. И если болезнь побеждает организм, то он разрушается и умирает, а вместе с ним, естественно, исчезает и болезнь. Так же и зло: вне разумных существ его нет, оно существует в самих разумных существах.

Нельзя называть злом страдание, боль и тому подобные состояния. Зло – это нарушение правильной деятельности разумного существа, это отступление его от своей природы – как в случае с падшими ангелами и людьми. Зло вообще может быть только в сознательном существе, которое способно осознанно отклоняться от добра. Поэтому нельзя, например, назвать собаку злой. Обычно мы проецируем свои страсти или добродетели на каких-либо животных или на растения: говорим, что собака злая, свинья прожорливая, лисица хитрая и так далее. На самом-то деле они действуют лишь сообразно своей природе, а понятия «добро» и «зло» приложимы, как мы сказали, только к существам разумным. Таким образом, страсти являются нашим личностным проявлением, так как мы более или менее сознательно уклоняемся от того, что предписывают нам наша совесть и евангельские заповеди.

Вопрос. Батюшка, а как же относиться к различным стихийным бедствиям, разрушениям, которые приносят смерть?

Ответ. Даже смерть сама по себе не является злом, так же как и болезнь. Зло – это только то, что безнравственно. А то, о чем ты говоришь, в зависимости от нашей реакции на случившееся может быть и добром, – то есть может оказаться

полезным для нашей нравственности, души, нашего спасения. Можно сказать также, что природные катастрофы являются механическим следствием греха. Ведь до тех пор, пока люди не согрешили, стихии не были враждебны человеку, а после своего грехопадения человек как бы поссорился с видимым миром: то, что раньше ему подчинялось, восстало против него.

Что же касается дьявола, то он, хотя и «изобрел» зло, является разумным существом, уклонившимся от своего предназначения. И даже те искушения, которые приходят со стороны дьявола, нельзя назвать злом, потому что, если мы правильно на нихотреагируем и покажем свою любовь к Богу, для нас они послужат к лучшему. Таким образом, еще раз следует сказать о том, что зла не существует. Оно живет только во мне самом. Я могу сказать, что во мне есть зло, а вот, например, про другого я так говорить уже не имею права. В этом смысле каждый из нас должен думать о себе и всегда признавать свою вину, а не искать какие-то причины и обстоятельства, оправдывающие наш грех: меня мол соблазнили, напугали и так далее.

Вопрос. На меня во время молитвы находит сильное расслабление, а от сосредоточения в молитве болит голова. Как мне быть?

Ответ. Смотри когда и как заболела голова. Если ты только начал молиться и тут же появилась головная боль, то можно заподозрить, что ты неправильно сосредоточился. А если утомление наступает спустя некоторое время, то это естественное явление. Если будем все время обращать внимание на то, что у нас заболела голова или зачесалось ухо, то мы никогда не сосредоточимся. Старайтесь лучше не обращать внимания на боль, но если уж она нестерпимая, тогда, конечно, можно себя пожалеть. Во время молитвы надо по возможности пренебрегать всякими телесными ощущениями, в том числе и болезненными. Иначе разовьется мнительность, из-за которой человек будет сильно преувеличивать свою боль. Он все время будет опасаться за свое самочувствие и ему трудно будет сосредоточиться.

Вопрос. Мне кажется, что когда я исповедую помыслы, то они еще сильнее нападают, как бы укореняются. Из-за этого мне не хочется ходить на откровение помыслов, боюсь усиления браней. Я неправильно рассуждаю?

Ответ. Думать, что помыслы от исповеди укореняются, нелепо. Бывает так, что после исповеди усиливается борьба с помыслами, но это не значит, что их нужно скрывать. Когда мы помыслы открываем, пусть они даже и начинают действовать сильнее, то они находятся под контролем более опытного человека. Пусть этот человек имеет опыт такой же, как у нас, или даже меньший, то все равно он может судить о нас более трезво, чем мы сами о себе. Со стороны виднее.

Даже великие подвижники, такие как Антоний Великий, обращались за советом не только к тем, кто был выше их или равен им, но и к тем, кто в духовной жизни был менее опытен, чем они, например к своим ученикам. Значит, даже люди высокой духовной жизни нуждаются в совете, в контроле над собой. Будучи советниками и учителями других, они не всегда могут разобраться в своих собственных внутренних переживаниях, не всегда могут понять, в чем состоит воля Божия о них самих в тех или иных конкретных обстоятельствах.

Когда мы исповедуем греховные помыслы и брань от этого усиливается, то эти помыслы все же воспринимаются нами как нечто внешнее, мы видим их со стороны. А когда мы помыслы не исповедуем, то исполняем их, привыкаем к ним и даже не замечаем, что действуем по страсти. Это часто бывает даже у тех людей, которые стараются следить за собой, и тем более у людей неверующих. Человеку, например, кажется, что он справедливо реагирует на какой-то неправильный поступок ближнего, а на самом деле он предается страсти гнева. В такое состояние приходит тот, кто скрывает помыслы, чтобы они якобы не укоренялись. Таким образом он просто перестает за собой следить. Ему спокойно по той причине, что он не борется с грехом: он следует осуждению, гневу, унынию и прочим

страстям. А если он исповедует свои помыслы, то в нем начинается борьба и ему, естественно, кажется, что помыслы усилились. Но эта борьба спасительная. Лучше нам пребывать в мучительной борьбе с грехом, чем услаждаться им, погрузиться в него до крайней степени и даже не осознавать, что мы живем не по заповедям.

Вопрос. Батюшка, скажите, как правильно переносить постоянную неприязнь, пренебрежение или даже вражду со стороны кого-либо, в особенности близкого человека?

Ответ. За этого человека надо молиться. Это прямое исполнение заповеди Спасителя молиться за врагов. Кроме того, нам надо молиться против своей обидчивости, чтобы с нашей стороны в таких случаях не возникало ответной вражды и чтобы мы смогли по евангельской заповеди отвечать на зло добром, любить врагов. Тем более, как сказано в записке, это не враг, а близкий человек.

Действительно, бывает, что кто-то из близких начинает испытывать к нам неприязнь. Мне кажется, это даже хорошо: в таких искушениях обнаруживается наше внутреннее состояние. Если бы их не было, то страсти в нас дремали бы, мы оставались бы беспечными. И в какой-то момент та или иная страсть могла бы обнаружиться с такой свирепой силой, что мгновенно погубила бы нас, наподобие пожара, который в один миг охватывает дом, так что человек не успевает ничего спасти из имущества и сам едва спасается. Когда есть повод, страсти выходят наружу, – и мы приходим в состояние бодрости, внимания к себе, напряженности. В книгах Ветхого Завета написано о том, для чего Господь не истребил сразу всех иноплеменников, когда израильтяне вошли в землю обетованную. Для того чтобы евреи не впали в беспечность и не расслабились. Находясь в постоянной борьбе с иноплеменниками, они вынуждены были постоянно, так сказать, закаляться в преданности Богу. Когда они в чем-то согрешали, иноплеменники тут же наказывали их войнами, порабощали их. Когда же израильтяне каялись, то вновь выходили победителями. Нечто подобное происходит и в духовном отношении. Если бы мы сразу преодолели в себе все страсти –

в данном случае неприязнь, обидчивость, – то могли бы впасть в худшую из страстей, гордость. Или, что еще хуже, в беспечность. А потом, при внезапном искушении, не умея бороться с собой, пали бы безо всякого сопротивления. Потому нужно радоваться случаям, которые обнаруживают в нас страсти и дают нам повод к борьбе. В этой борьбе мы по-настоящему очищаемся. Нужно искать не такой тишины, которая бывает, когда искушение прекращается, а такой, которая достигается победой над страстью.

Вопрос. Я постоянно всем и всему завидую. Не знаю, что мне делать. Что вы посоветуете?

Ответ. Апостол Павел говорит: *Любовь не завидует* (1Кор. 13, 4). Вот так прямо, ясно, очень просто сказано. Тот, кто имеет любовь к ближнему, не может ему завидовать, наоборот, он радуется о другом человеке, если тот имеет нечто, чего у него самого нет. Допустим, радуется тому, что его ближний более духовный, благодатный. (Думаю, что человек, стремящийся к спасению души, не будет придавать значение земным преимуществам, они для него ничего не значат.)

Преподобный старец Силуан высказывает очень интересную мысль. Как он говорит, Бог открыл ему, что меньшие в Царствии Небесном станут радоваться тому, что они меньшие. Надо предположить, что они от великой любви будут рады своему как бы униженному или второстепенному положению и, конечно же, никакой зависти испытывать не будут.

Где есть любовь, там, повторяю, нет зависти. Родители ведь не завидуют своим детям, когда те в жизни достигают каких-то успехов. Скажем, отец был рабочим, а сын стал инженером или директором завода. Не будет же отец огорчаться: «Что это такое?! Я всю жизнь рабочим проработал, а этот... Я его учил-учил, а он взял, да и директором стал». Наоборот, он станет радоваться о своем сыне и хвалиться им. Родители радуются за своих детей совершенно бескорыстно, потому что они их любят. Поэтому нужно стараться приобрести добродетель любви. Приобретается же она, как и прочие добродетели, через покаяние.

Вопрос. Одна моя знакомая сказала мне о своих проблемах, и я предложила ей обратиться за советом к опытному духовнику, которого я лично знаю. Однако ее смущает мысль: разве можно менять духовного отца? По ее мнению, если она один раз избрала духовника, то всю жизнь придется быть его духовным чадом. А как действительно должно поступать мирянину?

Ответ. Человек должен искать своей духовной пользы. Конечно, без причины менять духовника нельзя. Но иногда, оставляя своего духовника постоянным руководителем, можно обратиться за помощью к более опытному священнику. Например, я являюсь вашим духовником. Однако в каких-то важных случаях мы обращаемся к отцу Николаю Гурьянову и исполняем его благословение. Он является для нас авторитетом, и даже если по какому-то вопросу у нас другое мнение, то мы смиряемся и следуем тому, что говорит отец Николай. В этом нет ничего предосудительного. Это во-первых. Во-вторых, можно и поменять духовника, если мы ищем пользы и хотим перейти к более опытному священнику. Подчеркиваю, ради спасения души, а не из-за того, что мы, например, обиделись на духовника за обличение и перешли к «более доброму». В данном случае это будет ошибкой.

Вопрос. Иногда страсть охватывает с такой силой, что кажется, противиться ей невозможно. А когда действие страсти проходит, то я, хотя и понимаю, что надо каяться и молиться, не чувствую в себе никаких сил, никакой ревности. В душе одно лишь отчаяние, что опять упала, в молитве сухость и холодность. Такое невыносимое состояние может длиться неделями. Что делать?

Ответ. Если оно длится так долго, то это, чаще всего, твоя собственная вина. Если бы ты проявила ревность к покаянию, то подобное состояние прошло бы очень быстро, может быть, и сразу, через несколько часов, в крайнем случае – через день, два. Если же оно длится неделями, это означает, что человек упивается страстью, не хочет проявить усердие, во-первых, в исповеди, во-вторых, в усиленной молитве. Нужно помнить евангельские слова о том, что если рука твоя или нога

твоя соблазняет тебя, то нужно их *отсечь и бросить от себя* (см. Мф. 18, 8). Если бы мы с такой же ревностью отсекали все соблазны, приходящие извне или возникающие внутри нас, то не испытывали бы столь долгого мучения.

Брань – это одно. А отчаяние от преткновения – совсем другое. Брань, действительно, может длиться и неделями, и годами, и даже десятками лет. Но в брани человек должен чувствовать утешение. А если мы испытываем отчаяние, то это, еще раз говорю, наша вина.

Вопрос. У меня суетное послушание, и при бранях я испытываю трудности, так как не могу помолиться против помысла – нет времени сосредоточиться. Получается, что не могу оказать должного сопротивления страсти. Борюсь вяло, и это меня смущает. Посоветуйте, что делать?

Ответ. Все же понуждать себя непрестанно молиться. У святого Иоанна Лествичника есть замечательное, мудрое изречение: «Одной ногой мы устремляемся на послушание, а другой непрестанно стоим на молитве»¹⁰⁴. Если у нас такое послушание, что внимание постоянно уклоняется от молитвы, очень уместно молиться вслух. Если нет возможности молиться вслух – допустим, человек занимается умственной деятельностью, требующей сосредоточения, – тогда нужно искать возможности уединиться и от всей души сказать хоть несколько молитв, может быть, с поклонами. Далее, если мы будем усердно молиться в то время, когда у нас такая возможность есть, – на правиле или в периоды, свободные от послушания, – то Господь будет сохранять нас и во время суеты. А у нас получается так, что во время послушания мы как будто бы не имеем времени помолиться, но когда у нас появляется время для молитвы, тогда мы предаемся суетным размышлениям, не можем сосредоточиться и желаем заняться чем-то другим. Либо вовсе не молимся, либо молимся рассеянно. Поэтому будем использовать то время, которое у нас есть, и Господь покроет нас тогда, когда у нас возможности для молитвы не будет.

Вопрос. Может быть, человеку, который находится на таком суетном послушании, было бы полезно в свободные минуты

что-то почитать?

Ответ. Вместо молитвы? Чтение помогает в том смысле, что возбуждает ревность. Но в данном случае речь идет о том, что у человека нет времени молиться и поэтому во время послушания он предается действию страстей. Мы говорили о том, что когда у человека брань, то краткие периоды свободного времени нужно использовать для молитвы. А как он будет противиться брани чтением? Чтение может возбудить ревность, собрать ум. Но если у человека нет возможности молиться, то что тогда делать с собранным умом?

Вопрос. Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Таково свойство усвоившегося умного делания, осененного Божественною благодатию. Оно не престаёт действовать в сосуде своем при всех внешних занятиях и хранит ум в духовной свободе. Напротив того, ум, не получивший этой свободы, не может не увлекаться пристрастием к самым мелочным предметам»¹⁰⁵. Означает ли это, что к внимательной молитве на суетном послушании способны лишь совершенные или преуспевшие?

Ответ. Нужно стяжать такое состояние, при котором можно было бы сохранять сосредоточенность на любом послушании. Оно приобретается внимательной молитвой. А преуспевание в молитве, в свою очередь, приобретается преимущественно во время усердной молитвы. Неважно, совершается ли эта усердная молитва во время богослужения, обязательного правила или в неурочное время – тогда, когда у человека появляется возможность помолиться. А потом при помощи непрестанной молитвы внимание лишь сохраняется и поддерживается. Мы пользуемся в течение дня тем, что приобрели во время правила. Хотя, конечно, есть и обратная связь: если мы днем понуждали себя к молитве, то и во время правила нам будет легче сосредоточиться. Но преуспевание, повторю, мы приобретаем именно тогда, когда молимся сосредоточенно, а не в течение дня. В последнем случае такое происходит разве что в виде исключения, – если осенит Божественная благодать.

Таким образом, когда мы понуждаем себя к вниманию в часы молитвы, тогда как раз и приобретаем то, что благодать нас осеняет и содействует нашей молитве в течение нашей дневной суеты, при всех внешних занятиях, как сказал святитель Игнатий.

Вопрос. Во время брани бес влагает помыслы так, что трудно от них отстраниться, поскольку кажется, что это не бесовские помыслы, а мои личные убеждения. Может быть, посоветуете, что прочесть на тему о бесовских мысленных приражениях, чтобы постоянно об этом помнить?

Ответ. Дьявол скрывает себя – действует втайне, чтобы мы приняли его внушение за собственную мысль. Но даже если мы убеждены, что это наша мысль, то это не означает, что мы в любом случае имеем право ее принять. Иными словами, даже наш собственный образ мыслей для нас не является идеальным – не нужно думать, что если он наш, значит, он правилен. Правильным образом мыслей и чувств для нас является евангельское учение. На него мы должны равняться. Если наши помыслы от него отклоняются (неважно, внушены ли они бесом или происходят от нашего падшего естества), нам необходимо их отвергать и влагать себе в ум мысли евангельские.

Конечно, легче бороться с грехом, когда мы осознаём, что это сатанинское действие. Сама мысль о том, что, приняв греховный помысел, я вступил в собеседование с демоном, уже облегчает борьбу, – осознав это, я отстраняюсь от услаждения помыслом. Как помнить о том, что помыслы внушаются нам бесами? Мне кажется, что об этом пишут все святые отцы, которые учат трезвению: Макарий Великий, Исихий Иерусалимский, Иоанн Лествичник...

Вопрос. Я не согласна с тем, что от внимательной молитвы может появиться тщеславие. У меня при внимании в молитве, наоборот, появляется чувство собственного ничтожества и великого долга перед Богом, слезы. Какое же тут тщеславие? Не думаю, что я достигла высокого преуспевания, но мне кажется, что если внимание в молитве вызывает тщеславие, то либо это внимание в самой начальной форме

(тщеславиться тут нечем), либо человек преувеличивает степень своего внимания. Может ли быть еще причина?

Ответ. Это не совсем так. Бывает, что и тот, кто много преуспел, поддается тщеславию. Например, архимандрит Софроний (Сахаров) рассказывает о себе, что хотя он и имел дар непрестанной молитвы и созерцал Божественный свет, однако же тщеславие к нему подступало. Хорошо, если молитва вызывает в человеке смирение и покаяние. Но, может быть, написавший эту записку еще не совсем осознаёт, что к его покаянию примешивается тщеславие, он, вероятно, его не видит. Если, допустим, он действительно склонен к такому смирению, то это прекрасно. Однако не у всех все бывает одинаково. Случается, что высокое преуспеяние, благодатные ощущения как раз и являются поводом для возникновения гордости. Об этом учит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Он говорит, что гордость приходит уже после всех духовных даров, после победы над всеми страстями. Поэтому изложенный в записке взгляд неправильный, слишком узкий.

Вопрос. Нужно ли при возникновении какого-либо смущения пытаться разобраться, что с тобой происходит, чтобы противиться страсти? Старица советует просто молиться. А если я не разберусь, то не могу молиться несмущенно. Потом смущение не раз возвращается, пока не захлестнет. Почему так бывает и как с этим бороться?

Ответ. Я не знаю, отчего это происходит... Совет старицы правильный. Нужно, действительно, смущению не поддаваться и молиться. Если мы будем его анализировать, оно от этого будет только усиливаться. Надо относиться ко всему просто. Как говорит Иоанн Лествичник, даже тонкоразборчивым в помыслах желательно в этом отношении стяжать простоту. Не нужно излишне копаться в себе, иначе поводов для смущения будет весьма много. При простоте отразить смущение легче.

Вопрос. Бывает, что я дерзко отвечаю кому-нибудь из старших. На душе после этого становится тяжело; постоянно помню, что согрешил, и боюсь опять подобным образом надерзить. Такую тяжесть в душе испытываю целую неделю. Вы сказали, что если проступок загладить искренним

покаянием и молитвой, тогда брань пройдет за несколько часов. Но мне кажется, что дерзость за такое время побороть невозможно.

Ответ. Я думаю, человек, который написал записку, страдает мнительностью. Ему кажется, что он сделает какие-то выводы, и все – грешить уже никогда не будет. Пусть выводы окажутся и правильными, но страсть-то все равно будет действовать. И бороться с ней придется, может быть, еще очень-очень долго – годами. А успокоиться, умиротвориться можно именно покаянием, то есть осознанием своей греховности, своей немощи, ничтожества. Можно и осознавать себя грешником и немощным, и быть при этом спокойным, полагаясь на Бога и надеясь на Его милость.

Вопрос. Скажите, как бороться с хульными помыслами? Никак не могу от них избавиться. Когда они приходят, стараюсь усиленно молиться, но они не уходят. После этих помыслов чувствую страх и отчаяние.

Ответ. Я думаю, что бороться с ними не нужно. Следует прочитать у Иоанна Лествичника в конце главы «О гордости» раздел «О неизъяснимых хульных помыслах». Различные советы на эту тему дает святитель Димитрий Ростовский. У него есть подборка из святоотеческих высказываний о хульных помыслах.

Лучше всего не обращать на них внимания. Ведь хульные помыслы – это не наши мысли, а бесовские ругательства. И если они звучат в нашем уме, мы не должны придавать этому никакого значения, не должны отчаиваться и вообще об этом думать. Когда мы начинаем бороться с ними молитвой, то тем самым обращаем на них внимание. Если приходят, скажем, блудные помыслы или гнев, то против них действительно нужно усиленно молиться. А по отношению к хульным помыслам никакого напряжения быть не должно – надо ими просто пренебрегать. Если я сижу у себя в келье, а за окном кто-то ругается, я ведь не виноват, что я это слышу. Так и человек, которому приходят хульные помыслы, не виноват в том, что ум его слышит эту бесовскую ругань.

Вопрос. Что делать, если внутри меня сидит твердое убеждение, что дьявола нет?

Ответ. Что значит «сидит твердое убеждение»? Существует учение святых отцов о потустороннем, духовном мире, и мы ему верим. Есть люди, у которых твердое убеждение, что Бога нет, есть люди, у которых твердое убеждение, что нет бессмертия души. О чем это говорит? О том, что эти люди не имеют веры. О том, что им нужно смирить свой разум перед разумом Церкви, перед святоотеческой мудростью. Само Евангелие свидетельствует о существовании дьявола, рассказывая о том, что он воочию являлся Спасителю, искушал Его. Выходит, мы и Евангелию не верим. А если мы не верим Евангелию, что остается сказать? Нужно каяться и молиться, чтобы Господь даровал истинную веру.

Вопрос. Когда не читаешь молитвы, то чувствуешь себя незащищенной – кажется, что упадешь на ровном месте, в чем-либо ошибешься. А когда молишься, чувствуешь себя в безопасности, не страшит ни брань, ни ответственное послушание. Это правильно?

Ответ. Да, но при этом не должно быть самонадеянности. Действительно, когда мы не молимся, тогда остаемся беззащитными, а когда молимся – уповаем на помощь Божию и чувствуем себя в большей безопасности. Однако сказать, что мы в полной безопасности, было бы неправильно.

Вопрос. У преподобного Иоанна Лествичника в слове «О послушании» говорится: «Веру и искреннюю любовь твою к отцу мысленно возвещай Богу; и Бог неведомым образом известит его о твоей к нему любви, и равным образом расположит его к тебе и сделает благосклонным»¹⁰⁶. Правильно ли понимать это в прямом смысле, то есть, любя свою старицу, духовника и молясь за них, ожидать, что слова Иоанна Лествичника на мне исполнятся?

Ответ. Смотря чего ты ожидаешь. Это не значит, что духовник со старицей начнут тебе улыбаться при каждой встрече, или дарить тебе конфеты, или обнимать все время. Слова эти исполнятся в том смысле, что наставники будут внимательны к твоему душевному состоянию, будут чутко,

тщательно тобой руководить, усердно тебе помогать. Хорошо и нужно искать именно этого, а не расположения в смысле хорошего к тебе отношения.

Вопрос. Когда я на исповеди помыслов говорю о каком-то своем греховном поступке, то признаю , что поступила плохо. Но когда старица это подтверждает и осуждает мой поступок, то начинаю скорбеть. Хочется оправдаться, сказать, что я ведь уже сама все поняла и не сочувствую этому греховному помыслу. Почему я смущаюсь при обличении?

Ответ. Это происходит от гордости. Ты рассказываешь, что ты, допустим, рассердилась. Тебе делают замечание, а ты возмущаешься. Получается, что раз ты пришла и призналась, то тебя уже за одно это похвалить должны? «Ой, какая ты молодец! Какое ты проявила покаяние, такое покаяние не всякий может проявить!» Естественно, старица должна сделать тебе замечание, объяснить, почему это с тобой происходит, дать какой-то совет. Ничего странного в этом нет. Смущаешься ты, повторяю, от гордости. Тебе хочется, чтобы тебя все время жалели, хвалили...

Вопрос. Когда читаю Евангелие, то вижу, что никаких заповедей не исполняю, но сокрушения от этого не чувствую. Знаю, что *горе смеющимся, горе пресыщенным, горе, егда добре рекут вам человецы* (см. Лк. 6, 25–26), но меня это почему-то не устрашает. Как возбудить в себе ревность к исполнению Евангелия?

Ответ. Когда в душе человека появляется благодать, то она как бы оживляет для него Евангелие. А благодать приходит более всего от молитвы. Вообще, с усилением веры усиливается и страх. Если мы будем верить в то, что по Евангелию Господь будет нас судить в последний день, то, естественно, захотим его исполнять, чтобы отклонение нашего образа мыслей, нашего образа действий от Евангелия не стало нам когда-то в укор и осуждение. А поскольку мы этого не чувствуем, то в нашей душе появляется некое окаменение, безразличие.

Кроме того, конечно же, нужно понуждать себя к исполнению заповедей. По мере понуждения себя усиливается

осознание важности заповеди, тогда появляется и страх. Должен быть и страх, и смирение. Когда мы читаем Евангелие и видим, что не исполняем его, то от этого мы должны, по крайней мере, смиряться, осознавать свою немощь, убожество. Как говорит преподобный Симеон Новый Богослов, исполнение евангельских заповедей прежде всего научает нас нашей немощи.

Вопрос. Мне бывает трудно произносить четко слова Иисусовой молитвы в уме. Мне кажется, что это из-за блудных помыслов, которые у меня бывают. Правильно ли я предполагаю?

Ответ. Четко произносить в уме слова молитвы – это некая минимальная степень внимания. Когда внимание совсем ослаблено, тогда приходится читать молитву устами. Отчего это происходит? Оттого, что оставляет благодать, рассеивается внимание. Это может быть как от блудных, так и от других греховных помыслов, которыми мы увлекаемся.

Вопрос. Святые отцы советуют стараться ходить на общемонастырскую трапезу, не уклоняться от нее без серьезных на то причин. Скажите, какая духовная польза бывает от посещения общей трапезы и какой вред, если по разным причинам ее пропускаешь?

Ответ. Если причина уважительная, допустим занятость по послушанию, тогда, конечно, вреда от того, что пропустишь общую трапезу, не будет. А если причина другая, – скажем, ты избегаешь общения с сестрами, – то это непохвально и душевредно. Польза от присутствия за общей трапезой та, что ты не ешь особо; польза та, что соблюдаешь режим; польза та, что получаешь духовное назидание – питаешься одновременно и телесно и духовно. Твой ум питается духовными наставлениями, которые читают на трапезе, примерами из житий святых. Кроме того, общая трапеза дает возможность проявить любовь к ближнему. Все друг перед другом смиряются, все вместе начинают есть, вместе заканчивают. У нас не бывает такого, что если на блюде лежит два яблока, хорошее и плохое, то ты берешь себе хорошее, а плохое оставляешь. Или лежит, допустим, на двух

человек четыре абрикоса: ты три съедаешь, а один оставляешь. У нас такого нет, поэтому мы на общей трапезе проявляем любовь к ближнему, уступаем друг другу, худшее берем себе, лучшее оставляем сестрам. Таким образом, мы всюду имеем возможность следить за собой, исполнять заповеди даже в мелочах.

Вопрос. Когда много работаешь, иногда бывает такое, что словно забываешь о себе и начинаешь любить всех подряд. Как к этому относиться?

Ответ. Это бывает от смирения. Когда отсекаешь свою волю, трудишься, хотя бы тебе это и не нравилось, тогда появляется любовь к ближнему. Это говорит о том, что понуждающий себя к исполнению заповедей получает пользу не только от молитвы, не только от уединения, но и от суеты. Вот только что кто-то задавал вопрос, жаловался, что он находится на суетном послушании и не может молиться. Если бы он это суетное послушание исполнял со смирением, с чувством уничижения перед тем, кому он служит, тогда получал бы от этого, может быть, даже бóльшую пользу, чем иногда во время молитвы.

Вопрос. При молитве часто ловлю себя на том, что обращаюсь к Богу так, как если бы Он был вне меня, на Небесах. Я ничего при этом не воображаю, это происходит как-то неосознанно. Может, надо следить за собой, чтобы этого не было?

Ответ. Я думаю, что с этим не нужно ничего делать. Если получается, то нужно ум вводить в сердце. А если само собой происходит, что ты обращаешься к Богу, как если бы Он был вне тебя, пусть будет так. Главное, чтобы ум вмещался в слова молитвы. Ощущения могут быть разными. Сейчас тебе кажется, что Бог на Небесах, а в какой-то момент ты почувствуешь, что Он внутри тебя, в другой момент – что Он все наполняет, и так далее. Я думаю, что в этом ничего страшного нет, лишь бы только от этого не развивалось воображение. А то начнем глядеть на небеса, представлять себе что-то... Это уже опасно.

Вопрос. Батюшка, если человек уже вкусил сладость такой страсти, как цинизм, что может ему помочь?

Ответ. Если человек пришел с такой страстью в монастырь и понимает, что это плохо, борется с собой, то он может от нее исцелиться. А если он, наоборот, приобрел ее в монастыре и на всех смотрит цинично, всех, как говорится, видит насквозь, то я не знаю, что ему тогда в обители делать. Например, я говорю ему какое-то наставление, а он думает: «Мораль читаете. Конечно, что же вам остается, сами-то вы этого не делаете». Рассуждает приблизительно в том же духе, что и атеисты: «Попы народ обманывают, чтобы хорошо жить».

Я и сам, правда, был таким. Однажды я со своими друзьями приехал к отцу Иоанну (Маслову). Он давал нам какие-то наставления, а я почему-то про себя подумал: «А сам-то ты это делаешь?» Вслух я, конечно, ничего не сказал, а он вдруг говорит: «Ну вы меня простите, братцы, я и сам Евангелие не исполняю» – и ушел, потом принес Библии и подарил нам всем. Между прочим, он сказал мне, что надо читать святых отцов. Я тогда считал, что если есть духовник, то это необязательно, потому что духовник сам все тебе объяснит, как это и было в древности. Но отец Иоанн ответил, что святоотеческие книги читать всё равно нужно.

Расскажу, кстати, и случай, свидетельствующий о прозорливости отца Иоанна. Двое из моих друзей, с которыми я к нему приехал, были женатыми, а один, как и я, неженатый. Мне отец Иоанн посоветовал пойти в монастырь, а тому парню посоветовал жениться и рассказал следующий случай. В Московской Духовной семинарии был преподаватель, который во время хрущевских гонений на Церковь поддался малодушию, так что у него даже были мысли отречься от сана. А его жена, очень верующая, его подбодрила, утвердила, и впоследствии он был ей очень благодарен. Отец Иоанн привел этот пример, чтобы показать, что в браке и такое может быть. А я тогда считал, что все должны идти в монастырь: женатые – расторгнуть брак и разойтись по монастырям, а о неженатых даже и говорить нечего. Но отец Иоанн все говорил правильно, он был прозорливым и мудрым. Впоследствии этот парень действительно женился, – как говорится, «любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не

ждешь». Сейчас он протоиерей, благочинный, у него шестеро детей.

Да, я тоже раньше был таким, но мне простительно. Мне было тогда двадцать четыре – двадцать шесть лет и мне никто ничего не объяснял. Мой духовник, отец Андрей (Машков), был человеком простым. Конечно, он дал мне очень много. Но все равно он не мог ответить на все мои вопросы и не мог меня переспорить. Когда я настаивал на своем, он уступал, смирялся. Если его не слушали, он замолкал.

Вопрос. Мне по послушанию часто приходится общаться с людьми, и бывает, что я в это время увлекаюсь, забываю о молитве и заповедях. Как научиться блюсти себя и внимать своему внутреннему человеку?

Ответ. О заповедях нужно помнить всегда. Конечно, не всякий может с кем-то говорить и одновременно молиться. Но в общении ты все равно должен себя контролировать: говоришь ли ты под действием гнева, тщеславия или кротко и смиренно; как ты себя ведешь, – может быть, ты встал в горделивую позу, подбоченился и смотришь на собеседника свысока: мол, кто ты такой, что ты из себя представляешь?

Очень действенно вспоминать Евангелие и применять к своему поведению соответствующие изречения и поучения Спасителя. Почему? Потому что евангельские слова очень благодатны и несут в себе могущественную силу. Само воспоминание евангельских слов уже преображает ум. Это все равно что молитва. Святитель Игнатий советует тем, кто находится под действием гнева, вспоминать слова Спасителя: *Всякий, гневающийся на брата своего всуе, повинен суду* (см. Мф. 5, 22). Одно воспоминание этой заповеди уже может во многих случаях избавить нас от гнева.

Однако если мы не будем читать святых отцов, то и Евангелие не сможем правильно понять и применить. Поэтому нужно вспоминать и то и другое: иногда евангельские изречения, иногда их толкования, иногда святоотеческие советы о борьбе со страстями. Наш ум должен быть насыщен всем этим, и в нужный момент – не в том смысле, чтобы кому-то это сказать, а в том смысле, чтобы применить это к ситуации, в

которой мы находимся, – мы должны извлекать из памяти то, что необходимо.

Вопрос. Батюшка, с каким чувством нужно читать Евангелие? Честно признаюсь, когда я читаю Евангелие, то у меня бывает чувство, что мне уже давно все это известно.

Ответ. Мне один человек рассказывал, что в последнее время он чувствует преуспеяние в молитве и если раньше он некоторое время не читал Евангелие по той причине, что все уже знакомо, то сейчас стал читать его с таким чувством, будто он читает в первый раз.

Мне кажется, Евангелие не может надоесть. Это все равно что хлеб. Если, допустим, ты каждый день будешь есть одно и то же блюдо из рыбы, то в конце концов оно тебе надоест и ты скажешь: «Я уже не могу это есть, дайте что-нибудь другое». А хлеб же тебе не надоедает?

Можно привести и другие примеры. Например, в чинопоследовании литургии почти все неизменно, однако же она нам не надоедает. Так же и Евангелие. Если мы читаем его внимательно, с верой и благоговением, если мы воспринимаем его как нравственное руководство, а не как отвlecенную книгу, то оно не может наскучить. Более того, оно должно все больше и больше нас увлекать.

Евангелие можно сравнить еще с Иисусовой молитвой. Может ли надоесть Иисусова молитва? Тому, кто не чувствует благодати, она, конечно, надоест. Но если ты чувствуешь в словах Иисусовой молитвы благодать, то она становится тебе приятнее, чем все прочие, пространные молитвы. И если сравнить Евангелие с другими книгами Священного Писания, тем более со святоотеческой литературой, то мы увидим, что от чтения Евангелия мы ощущаем больше утешения и получаем больше пользы, чем от чтения других душеполезных книг. Я считаю, что это какая-то ошибка или изъян духовной жизни, если скучно читать Евангелие. Этого не должно быть.

Мне кажется, что Евангелие – это книга, которая постоянно меняется. Сегодня ты читал одно, а завтра это же самое становится другим. Там все живет своей жизнью. И я могу объяснить, почему так происходит. Потому что меняемся мы.

Если Евангелие производит на нас глубокое впечатление, то мы каждый раз воспринимаем его по-новому. Само Евангелие, так сказать, открывается нам разными смыслами. Божественное Откровение – это неисчерпаемая глубина. Не только то, что сказал Спаситель, но и все Евангелие – это Откровение Святого Духа, данное апостолам-евангелистам Матфею, Марку, Луке и Иоанну. Смысл его столь многообразен, что практически бесконечен.

Можно даже не понимать Евангелие, и даже иногда хочется его не понимать, ведь когда все понятно, то неинтересно. Мне представляется, что Евангелие полностью понять невозможно, разве что в основных моментах, но полностью в него вникнуть – это все равно что познать волю Божию, получить полное Откровение. И пророки такого знания не имели, и апостолы знали только частично, потому что человек может обладать этим знанием только в будущей жизни.

Притом важно не то, что ты прочитал толкование и узнал, как нужно понимать тот или иной стих, а важно другое – дошло это до твоего сердца или нет. Допустим, ты прочитал внимательно Феофилакта Болгарского, все запомнил, все тебе понятно, но до сердца ничего не дошло. А завтра ты будешь читать Евангелие, и тебя неожиданно поразят какие-нибудь слова Спасителя, которые ты уже знаешь наизусть, например: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя (Мк. 12, 31)*. Вдруг тебя пронзит мысль: «Ведь я должен его любить точно так, как самого себя!» И тебя это впечатлит хотя, может быть, к сожалению, и не до такой степени, что ты начнешь вести себя соответственно этому впечатлению, но, по крайней мере, оживит твою душу, как бы свежий ветер пронесется в затхлой комнате твоей души, и в ней уже будет лучше.

Вопрос. Вы говорили, что, когда появляются помыслы неверия и сомнения, очень полезно чтение Евангелия. Как вы посоветовали бы читать: выборочно или все подряд?

Ответ. Я думаю, что лучше читать все подряд.

Вопрос. Батюшка, мне очень трудно бороться с осуждением. Во время действия какой-либо страсти стремлюсь оправдать себя, облегчить свое внутреннее

состояние, и помыслы осуждения напрашиваются как бы сами собой, естественно. Как быть?

Ответ. Кого-то мы должны осуждать, поэтому мы будем осуждать либо себя, либо другого человека. Когда мы укоряем себя, то оправдываем другого. Когда мы себя оправдываем, тогда другого осуждаем. Это взаимосвязанные вещи.

Вообще, мне кажется, что наше нерадение, наша вялость и малодушие в духовной брани происходят в конечном счете от саможаления, от того, что мы не хотим бороться до конца. Если бы мы думали так: «В этом случае виноват я один, я нарушил Евангелие. Никто в этом больше виноватым быть не может», тогда, по крайней мере, мы осознавали бы, что поддались страсти и обязаны с ней бороться. Если же мы находим причину, извиняющую нарушение заповеди (а «причина» – это, как правило, наш ближний), то осуждаем ближнего.

Если бы мы не любили себя чересчур и неправильно, если бы боролись с собой изо всех сил, тогда у нас не было бы повода осуждать другого. Тогда бы мы осуждали и исправляли себя, а не думали бы о том, что в исправлении нуждается наш ближний.

О необходимости исполнения заповедей¹⁰⁷

Господь Иисус Христос во время Нагорной проповеди сразу сказал о том, что Он пришел не разрушить Моисеев закон, который являлся основой нравственности еврейского народа, можно даже сказать – основой нравственности всех верующих людей, но дополнить его. *Да не мните, яко приидох разорити закон или пророки: не приидох разорити, но исполнити* (Мф. 5, 17). Слово *исполнити* имеет в церковно-славянском языке два значения. В первом значении оно синонимично русскому «сделать», «исполнить». Во втором – соответствует русскому «дополнить», «восполнить». И мы должны понимать, что евангельский закон, преподанный нам Господом Иисусом Христом и относящийся ко всем христианам, тем более является обязательным для тех, кто посвятил или хочет посвятить всю свою жизнь Богу.

Да не мните, яко приидох разорити закон или пророки: не приидох разорити, но исполнити. Нельзя думать, что если мы избрали какой-то особенный образ жизни, то это позволяет нам нарушать заповеди. Наоборот, мы должны дополнить то, что в Ветхом Завете было преподано лишь отчасти. *Аминь бо глаголю вам: Дóндеже преїдет небо и земля, иота едина, или едина черта не преїдет от закона, Дóндеже вся будут* (Мф. 5, 18). Это, конечно, касается не таких обрядовых предписаний, как обрезание, разделение пищи на чистую и нечистую, жертвоприношение и тому подобное, – эти обряды уже устарели и потеряли смысл. Слова Господа касаются самого главного – нравственности. *Дондеже преїдет небо и земля, иота едина, или едина черта не преїдет от закона*, то есть ничто из того, что было преподано Моисеем, не изменяется, но только, можно сказать, усугубляется; то, что было сказано ему отчасти, то в полной мере, как бы в усиленной степени должно быть исполнено нами через заповеди, данные Господом Иисусом Христом.

Иже аще разорит едину заповедий сих малых и научит тако человеки, мний наречется в Царствии Небеснем; а иже

сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем (Мф. 5, 19). Конечно, все мы понимаем, что эти заповеди не являются малыми в том смысле, что они легки для исполнения. Если человек действительно пытался когда-то применить Евангелие в своей жизни, то он, несомненно, должен был убедиться в том, что некоторые евангельские предписания удается исполнить иногда с большими трудом. Поэтому назвать заповеди легко исполнимыми, повторю, никак нельзя. По крайней мере, для нас, несовершенных людей. Хотя апостол Иоанн Богослов и говорит: *Заповеди Его тяжки не суть (1Ин. 5, 3),* но это, наверное, нужно понимать так: когда человек их исполняет, то они приносят ему облегчение и утешение. Они не являются тяжким ярмом, а, наоборот, доставляют человеку духовное наслаждение.

Наверное, здесь можно применить еще одно толкование. Очень часто мы легко пренебрегаем заповедями. «Что особенного, – думает человек, – если я нарушу ту или иную заповедь, когда сама ситуация меня вынуждает?» И очень часто мы пренебрегаем заповедями, презираем их, не находим их для себя обязательными. Многие из нас, наверное почти все, к этим нравственным законам относятся неправильно. Если мы возьмем для примера заповедь о том, что нужно сохранять безгневие, то должны будем честно себе признаться, что эта заповедь для нас действительно малая. Мы ее презираем и очень часто нарушаем, даже не считая нужным как-то оправдаться в этом нарушении. То же самое касается заповеди о том, что нам нельзя не только прелюбодействовать, но даже и смотреть на женщину с вождением. Мы этой заповедью также очень легко пренебрегаем, почитая ее за некую малость. Подобное можно было бы сказать и о многих других заповедях. Поэтому слова Спасителя о малых заповедях, мне кажется, легче всего понять с точки зрения нашего внутреннего к ним отношения. Слово «малый» очень часто употребляется в Евангелии именно в таком смысле. Иногда малыми в Евангелии называются люди, которых мы почитаем таковыми, которых мы презираем. Но в данном

случае это относится не к людям, а к нравственным предписаниям.

Господь говорит: *Иже аще разорит едину заповедий сих малых и научит тако человеки, мний наречется в Царствии Небеснем.* Но как можно этому научить? Научить можно и словами, и каким-либо учением, и примером. Примером мы можем научить и доброму и злему. Когда люди, видя наши дела, находят в них подтверждение евангельскому учению, это значит, мы учим доброму. Если же мы учим чему-то хорошему, но совершаем плохое, то учим злу. Таким образом, повторю, пример может служить или доказательством, или опровержением нашего учения, как будто бы и правильного. И конечно же, мы учим и непосредственно: часто даем людям те или иные житейские советы; общаясь со своими друзьями, поддерживаем их в чем-то или, наоборот, пытаемся от чего-то удержать. И если мы в этих случаях следуем Евангелию, тогда мы, как сказано в дальнейших словах Спасителя, *творим и учим* тому, что Он велел. Если же мы *разоряем* евангельские заповеди в поступках и вдобавок еще и учим этому, тогда, конечно, в Царствии Небесном мы наречемся меньшими. Может быть, это значит, что мы едва-едва спасемся и будем меньшими в том смысле, что не показали никакой ревности, никакого усердия. Но не исключено и такое, что мы вовсе не окажемся в Царствии Небесном.

А иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем, – читаем мы далее. Действительно, это великое дело – прежде сотворить самому, а потом научить. Здесь нужно иметь в виду: научить других чему-то, чего мы не делали сами, невозможно. Не просто бесполезно, а невозможно. Как я могу научить человека тому, что сам не испытал? Тому, в чем я не имею никакого опыта, никакого конкретного, настоящего знания? Если я буду учить чему-то в общих чертах, сам никогда этого не исполняя, то может выйти так, что я думаю, будто говорю правильно, а на самом деле искажаю действительность и что-то преподаю человеку превратно. И он, полагая, что следует нравственному учению, будет грешить. Пример того, как нужно *сотворить и научить*, нам подают

святые отцы. Учителями нравственности для нас являются те, кто сам исполнил евангельские заповеди, например святитель Иоанн Златоуст, преподобный Иоанн Лествичник и так далее. И если кому-то из нас приходилось читать научно-богословские книги на нравственные темы, то мы могли увидеть громадную разницу между тем, что пишут святые отцы, и тем, что пишут светские ученые-богословы. По содержанию их творения как будто бы совпадают, потому что богословы также основываются на святых отцах. Но в богословских сочинениях нет жизненного переживания, не чувствуется непосредственного опыта, человек не понимает, как конкретно нужно делать то, о чем в этих книгах написано. И поэтому они бывают скучны, неинтересны и, что самое печальное, не полезны. В лучшем случае, они питают ум, но не дают никакого конкретного руководства для исправления человека, для покаяния, для нравственной жизни. А тот, кто *сотворил и научил*, получив опыт от творения воли Божией, тот справедливо наречется великим, потому что этот человек смог с Божией помощью и себя спасти, и другим принести пользу.

Я, конечно, не имею возможности сейчас истолковывать всю Нагорную проповедь, я хочу сказать именно об обязательности, важности исполнения заповедей для всех нас. К сожалению, мы под разными предлогами извиняем себе уклонение от исполнения заповедей, пренебрегаем этим. Господь сказал: *Всяк убо, иже слышит словеса Моя сия и творит я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени; и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и нападоша на храмину ту; и не падеся, основана бо бе на камени (Мф. 7, 24).* Всяк – всякий человек, ученый или простой, нравственный или в прошлом безнравственный, ревностный или нерадивый и так далее. Кто слышит словеса сия, то есть читает Евангелие, знает учение Господа и творит его, тот действительно мудрый человек. Он мудрый, потому что правильно относится, прежде всего, к самому себе, к спасению своей души, потому что он создает свою храмину на камне, то есть на заповедях. Храмина – это наша жизнь: подвижническая, монашеская жизнь или христианская жизнь в миру. Она должна быть *создана на камне*, то есть основана на заповедях, а не на

каких-то, как говорит святитель Игнатий, произвольных подвигах. Подвиги есть лишь средство, а не цель. Это некий инструмент, используемый нами для того, чтобы следовать нравственному учению. И когда мы свою жизнь основываем на заповедях, а не на том, что является человеческим изобретением, тогда наш спасительный образ жизни становится прочным и основательным, потому что мы положили для этого правильное, разумное основание.

И тогда все те скорби и искушения, которые нам приходится испытывать, – а без внутренних и внешних скорбей спасение невозможно – не приносят нам вреда. А они, как следует из этого поучения Спасителя, должны быть обязательно. Испытывают эти скорби не только люди нерадивые и неразумные, но и ревностные и мудрые. *И сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри.* Можно попытаться найти в этих стихийных бедствиях, изображающих нравственную борьбу человека, какой-то конкретный смысл. Наверное, под дождем можно понимать те испытания, которые посылаются нам от Бога. Под реками – различные земные скорби. Под ветрами, наверное, можно подразумевать демонские нападения. А можно и просто, не вникая в такие тонкости, видеть в этих стихийных бедствиях обязательные, неминуемые беды, постигающие всякого человека, желающего жить по Богу. И поскольку у человека разумного дом стоит на фундаменте, на камне, то не падает, потому что основан на мудром душевном расположении – на исполнении заповедей. Если в жизни этого человека что-то изменяется, то он следует этому главному, основному принципу, а второстепенное, временное, частное может без вреда для себя оставить.

Вернемся к поучению Спасителя. *И всяк слышай словеса Моя сия, и не творя их, уподобится мужу уродиву* (то есть безумному. – Схиигум. А.), *уже созда храмину свою на песце* (Мф. 7, 26). *На песце*, то есть на «песке» каких-то человеческих изобретений (будь то даже подлинные монашеские подвиги или тем более подвиги мнимые). Например, человек придумал себе теорию, согласно которой ему нужно так-то молиться, так-то себя вести и тогда все у него будет хорошо и он не потерпит

никакого вреда. И когда его постигают неминуемые искушения, то, конечно, дом этого человека падает и он оказывается как бы погребенным под развалинами собственных измышлений, собственных построений, не основанных на евангельском учении. Поэтому всякий монах – находится ли он в монастыре или, может быть, вынужден временно находиться в миру – если он правильно, по-евангельски себя ведет, то пребывает невредимым. Если же он терпит какой-то вред, то должен понимать: причина этого в том, что он оставил принцип, данный Самим Господом. Принцип, касающийся, во-первых, того, что мы должны исполнять все заповеди, не пренебрегать ими, не считать их малыми и ничтожными. А во-вторых, того, что строить всю свою жизнь нужно на этих заповедях. Мы не должны думать так, что в стенах монастыря, мы, так сказать, в безопасности, а выйдя за стены, мы уже за себя не отвечаем и ни в чем не виноваты. Это какое-то нелепое рассуждение. Многие оправдывают себя тем, что им приходится общаться с мирянами, находясь в монастыре или выходя в мир, – или вообще заниматься какими-либо суетными послушаниями и что это мешает им исполнять заповеди, для них это становится невозможным. Это когда-то, может быть в I столетии по Рождестве Христовом или в лучшем случае в IV веке в Египте, – думают они, – люди еще как-то исполняли заповеди, а сейчас это уже невозможно и даже думать об этом излишне. Нынче нужно думать о том, как бы отстоять свое место под солнцем. Некоторые думают о том, чтобы их не нагрузили лишней работой, другие – о том, чтобы их не раздражали и оставили в покое, третьи – чтобы их не порицали. И получается, что мы оказались в монастыре для спасения души лишь теоретически, а на практике мы заботимся о своем благополучии. Мы принесли из мира в своей душе все мирские страсти, то есть мир как бы вместе с нами пришел в монастырь. Все мирские понятия, желания, интересы – они все с нами, отличает нас только то, что мы оделись в черную одежду. И все эти недостатки, пороки в нас действуют, мы их защищаем, оправдываем, а к заповедям относимся, во-первых, бездумно, потому что не хотим строить на них свою жизнь, а во-вторых, с

презрением, потому что считаем их чем-то малым, ненужным, чем можно легко пренебречь. Некоторым людям чуть ли не каждый день приходится напоминать о том, что нужно, например, смиряться или терпеть. На следующий день они это уже забывают, да еще и не от всех принимают такие замечания.

Конечно же, при таком образе жизни, а правильнее сказать, образе мыслей, ни о каком настоящем монашестве речи быть не может. Преподобный Иоанн Лествичник сказал, что монах – это тот, кто во всякое время и на всяком месте думает о том, чтобы исполнять евангельские заповеди. В этом суть монашества. И преподобный авва Дорофей говорит, что святые отцы изобрели монашеский образ жизни для того, чтобы удобнее было исполнять Евангелие. Но даже если этих удобств не будет, суть остается: монах – это тот, кто думает только о том, чтобы жить по Евангелию. Это его жизненная цель в каждое мгновение его жизни. Прежде всего исполнить Евангелие и потом уже то или иное дело, а не наоборот. Тем более не должен монах защищать себя, проявлять себялюбие.

Апостол Павел говорит, что есть три важнейшие добродетели: вера, надежда, любовь. Так же можно сказать, что есть три страшнейших порока, противоположные им: самоуверенность, самонадеянность и самовлюбленность, или самолюбие, при которых мы свое внимание отвлекаем от Бога и обращаем на самих себя. Мы во всем ищем своей пользы, – но не той пользы, которая будет пребывать с нами вовеки, то есть пользы для спасения своей души, а пользы телесной, при которой мы удовлетворяем свои временные, плотские желания и интересы.

Я уже сказал о том, что, по словам преподобного Иоанна Лествичника, монах – это тот, кто во всякое время, на всяком месте думает только о евангельских заповедях. В этом, повторю, суть монашества. Не в том даже, что мы молимся Иисусовой молитвой, не в том, что мы ушли из мира и живем в каком-то особом обществе, по особенному уставу. Ведь все это может измениться, как это было, например, в сравнительно недавние исторические времена, когда произошла революция. Со времени революции монастырей не было вплоть до Второй

мировой войны, когда они вновь стали открываться. И те, кто были истинными христианами, выдержали испытания и искушения, а те, кто надеялись только на свой образ жизни, спотыкались и падали. Не наше дело их осуждать, потому что испытания у них были невыносимо тяжелые. Но, тем не менее, мы должны действительно устрашиться слов Господа Иисуса Христа: *Иже еще разорит едину заповедий сих малых и научит тако человеки, мний наречется в Царствии Небесном*. А нам иногда представляются малыми не только заповеди, скажем, о гневе, но и самые важные. Уже не только евангельские, но даже ветхозаветные заповеди, такие как *не убий, не прелюбодействуй, не укради*, кажутся нам ничтожными, и мы с бесстрашием их попираем.

Господь говорит: *Глаголю бо вам, яко еще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 5, 20). Если наша праведность не будет больше праведности книжников и фарисеев... А какова была праведность этих людей? Они изучали закон Моисеев и старались, по крайней мере внешне, его исполнять, то есть они строго исполняли такие заповеди, как *не прелюбодействуй* или *не убий*, как об этом сказано в притче Господа о мытаре и фарисее. Наша праведность должна быть больше этой праведности, потому что если мы не будем вести себя строже фарисеев, то не войдем в Царствие Небесное. А наша праведность меньше праведности фарисеев. Если интерпретировать эти евангельские слова по отношению к монахам, то можно было бы сказать так: если ваша праведность не будет больше праведности мирян, то вы в Царство Небесное не войдете. Но больше ли наша праведность праведности наших прихожан?

У Антония Великого, когда он однажды по делам Церкви оказался в Александрии, спросили: «Отец, тебе, наверное, здесь суетно, шумно?» Он говорит: «Не более суетно и шумно, чем в пустыне». Когда его стали расспрашивать, что он имел в виду, то оказалось, что его каждый день искушает толпа демонов, которые являются ему зримым образом и изображают перед ним все пороки. И среди такого гомона, шума – даже не

человеческого, а бесовского — он спасался и совершенствовался. Поэтому когда он находился в городе, то не чувствовал никакого изменения. Пожалуй, в пустыне ему было даже суетней, чем среди людей. Нечто подобное происходит у каждого ревностного монаха. Когда он ведет настоящий ревностный образ жизни, когда он молится, следит за своей внутренней жизнью, за своими помыслами, движениями души, то внутри него возникает такая борьба с искушениями, которые он должен постоянно преодолевать и побеждать, что у него уже нет сил на то, чтобы смотреть на что-то внешнее, постороннее. А кто смотрит на все внешнее, тот, значит, не ведет напряженной внутренней жизни. Монах должен, так сказать, на все смотреть изнутри. Он должен видеть вещи не так, как их видят обычно, глазами, а так, как они отображаются в его душе. Когда он, допустим, смотрит на женщину, то видит не саму женщину, а то, что возникает в его душе по отношению к ней. Он не столько обращает внимание на то, что воспринимают его чувства — зрение, слух и так далее, сколько на то, как реагирует на это его душа. Если человек находится в таком устройении, то он везде и всюду может пресечь неправильное движение души, в чем бы оно ни выражалось, и таким образом оставаться, если не совсем бесстрастным, то хотя бы до некоторой степени беспристрастным и невозмутимым, то есть сохранять самообладание. А кто этому не научился или не хочет учиться, тот везде и всегда будет возмущаться чем угодно.

Мы должны монастырь приносить с собой, куда бы мы ни приходили. Должны стараться, чтобы монастырь был всегда внутри нас. А мы, наоборот, мир принесли с собой в монастырь. Поэтому, конечно же, осудимся больше, чем книжники и фарисеи, больше, чем миряне. Мы должны учиться жить по Евангелию, а не рассчитывать на монастырские стены. Сейчас таких монастырей, где можно было бы спрятаться от мира, практически не существует. Сейчас нужно прятаться за стенами евангельских заповедей, а не за каменными стенами монастыря. Конечно, мы будем стараться создавать условия, максимально удобные для духовной жизни. Но надеяться на то,

что наступит такое время, когда мы будем жить, как Антоний Великий или как Павел Фивейский, в пустыне и не видеть людей сорок лет, не стоит.

* * *

Вопрос. Святитель Иоанн Златоуст в толковании на Евангелие от Иоанна Богослова пишет, что при сотворении Господь поселил человека в раю, а после Своих крестных страданий открыл человеку Небеса. Из его толкования следует, что рай находился на земле. А святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что рай находился на Небесах, точнее, на первом Небе. Он ссылается на свидетельства апостола Павла и Андрея Христа ради юродивого о созерцании ими рая.

Ответ. Сам святитель Игнатий говорит, что на этот счет есть разные мнения. Некоторые считают, что рай был на земле и был уничтожен потопом, другие, – что он был на Небесах. Лишь бы мы попали или в рай, или на Небо.

Вопрос. Я просто подумал, что у святителя Иоанна Златоуста какое-то примитивное толкование относительно того, что рай находится на земле.

Ответ. Святитель Иоанн Златоуст – один из первых основательных толкователей Священного Писания, никто не был таким выдающимся экзегетом, как он. Все остальные толкователи отталкивались от него. В каких-то моментах он мог допускать и ошибки второстепенного характера. А уже впоследствии эти ошибки могли исправляться последующими толкователями Писания, которые исследовали его более внимательно. Иоанн Златоуст, если можно так выразиться, вспахал целину.

Вопрос. Посредством подвига Христова произошло примирение Бога с человечеством, так как Христос представил Богу Отцу безгрешное человеческое естество, и через десять дней по вознесении Христа человеку была ниспослана Божественная благодать Святого Духа. Почему для ниспослания благодати потребовалось время? Ведь Бог совершен и всемогущ, Он находится везде и соответственно благодать Ему везде сопутствует?

Ответ. Я могу дать совет почитать толкования на Деяния апостольские, там об этом сказано. Конечно, эти десять дней были нужны не потому, что Господь не имел времени. Так можно спросить и почему Господь сотворил мир в шесть дней, а не в одно мгновение? И почему Господь сотворил мир именно тогда, когда сотворил, а не раньше? Если Он есть вечное неизменное Существо и всегда содержал в Своем Божественном уме замысел творения, то почему Он сотворил мир именно в определенное время? Это тайна, в которую мы проникнуть не можем, если не хотим, конечно, сойти с ума. Слишком вникать в эти вопросы опасно для ограниченного человеческого разума, который может этого не выдержать. Это первое. Второе, – нужно было, чтобы к сошествию Святого Духа внутренне подготовились апостолы. Они должны были собраться вместе, рассказать друг другу о вознесении Спасителя, должны были молиться, настроиться на определенный лад. Прийти, в конце концов, в состояние какого-то ожидания. Они должны были желать этого, ведь, когда проходит время, человек начинает желать чего-либо все больше и больше. Может быть, они должны были от этого даже смириться. Или, наоборот, должны были приободриться, воспрянуть от того уныния, которое было у них еще совсем недавно.

Наконец, этому есть и внешняя причина. Сошествие Святого Духа произошло в день Пятидесятницы. Ведь в это время, после Пасхи, все евреи собирались в Иерусалиме, а нужно было, чтобы апостольская проповедь прозвучала сразу после сошествия Святого Духа, чтобы апостолов слышало множество людей. Вспомните: когда возле Сионской горницы, в которой собрались апостолы, сделался шум, то туда сбежалось множество народа. В Деяниях апостольских говорится, что только уверовало три тысячи человек – это очень много. Притом там были представители разных народов. Они между собой говорили об апостолах: вот, мол, они, будучи галилеянами, говорят на нашем языке. Это тоже очень важная причина.

Вопрос. В творениях святителя Игнатия есть такой образ. Он сравнивает мирян и монахов с полевыми и оранжерейными цветами и говорит, что полевые цветы растут при любой погоде,

переносят различные климатические изменения, им это вреда не приносит. А растения оранжерейные, более красивые, нуждаются в благоприятных условиях. Значит, соприкосновение с миром для монахов все же не безвредно?

Ответ. Конечно, монашествующим желательно жить в уединении. Но мы свой монастырь пока еще строим... Вот мы думаем про египетских подвижников, что они жили в каком-то необыкновенном уединении, но они, например, на жатву ходили в мир, потому что таким образом должны были зарабатывать себе на пропитание. А там они, конечно, встречались с женщинами, их могли подстергать и разные другие соблазны. После жатвы они получали часть урожая, и это часто служило им пропитанием на целый год.

В любом случае, в каких бы обстоятельствах мы ни находились, мы должны помнить о цели. Уединение – это средство, а цель – это исполнение заповедей. Мы должны сохранить, так сказать, суть монашеской жизни, по возможности, конечно, пользуясь теми средствами, которые доступны в наше время. А если мы будем оправдывать себя тем, что не можем осуществлять свой подвиг, не можем стремиться к своему идеалу по той причине, что у нас нет необходимых средств, то мы погибнем.

Вопрос. Появление враждебных помыслов к духовнику – нормальное явление?

Ответ. Конечно, это явление ненормальное. Но такая брань может иметь место, и к ней нужно относиться разумно, как мы относимся, допустим, к появлению блудной брани или какой-нибудь другой. Сказать, что блудная страсть – это нормально, было бы, конечно, безумием. Так же и в отношении враждебности к духовнику. Но такое искушение может быть. Святитель Игнатий говорит, что одной из причин, возбуждающих брань и являющихся поэтому поводом для покаяния, является послушание духовнику (если, конечно, как замечает сам святитель Игнатий, имеется более или менее опытный духовник). Поэтому удивляться этой брани не нужно.

Вопрос. Батюшка, я очень сильно увлекаюсь послушанием, иногда даже забываю, что живу в монастыре. Как с этим

бороться? Арсений Великий себе постоянно повторял: «Арсений, зачем ты вышел из мира?» Может, тоже таким образом напоминать себе о том, где находишься?

Ответ. Необходимо всегда помнить о Евангелии. Каким образом? Самое простое средство – это почаще его читать. И не только Евангелие, но и святых отцов – кому что больше помогает. Для чего мы читаем святоотеческие писания? Чтобы помнить о том, что мы должны делать, чему мы должны следовать. Допустим, авва Дорофей или Иоанн Лествичник не толкуют евангельский текст непосредственно, но они изображают перед нами евангельский образ жизни, и мы должны постоянно содержать его в уме. Чтением святоотеческой литературы мы постоянно освежаем память, наполняем ее нравственным учением Церкви и возбуждаем в себе ревность. Этим мы живем, поэтому должны постоянно этим дышать. Собственно, чтение святых отцов и напоминает нам о том, где мы находимся.

И конечно же, самое главное – это молитва. Благодать, которая приходит к нам через молитву, приводит нас к памяти изречения Священного Писания, возбуждает нашу совесть и так далее. Но помимо этих внешних средств должно быть понуждение себя. Мы должны помнить, что следовать Евангелию, заповедям нужно везде и во всем. Скажем, у тебя на певческом послушании возник какой-то конфликт. Братья не слушаются: один решил отдохнуть, а у другого вдруг заболело горло – да так, что он непременно прямо сейчас должен попасть к врачу. Ты должен, с одной стороны, как-то преодолеть эти трудности, чтобы исполнить послушание, а с другой – сохранить самообладание, не разгневаться. Заповеди-то нужны нам именно при деятельности. Общение друг с другом, казалось бы для нас вредное, на самом деле полезно по той причине, что обнаруживает наши внутренние немощи. Ведь брат не виноват, что ты рассердился. Он, так сказать, за себя отвечает, а ты отвечай за себя. Как бы он себя ни вел – ленился бы или что-то другое делал, пусть бы даже убежал с клироса, ты все равно не должен поддаваться страсти.

Вопрос. На одной из бесед вы сказали, что человек «обвенчан» с Господом благодатью и если теряет ее, значит, он согрешил и потому должен покаяться. Я читал у преподобного старца Силуана Афонского, который пребывал в возвышеннейших духовных состояниях (например, когда он молился, у него возникало ощущение, что если действие благодати продлится еще хотя бы секунду, то он умрет), что и его иногда оставляла благодать, он испытывал сухость в сердце и очень скорбел. Возникает вопрос: какое должно быть ощущение благодатного действия, чтобы быть уверенным, что ты не потерял обручение с Господом?

Ответ. Нам не сравниться со старцем Силуаном. Дай нам Бог достигнуть такого состояния, какое имел он, когда ему было хуже всего от удаления благодати: в то время его не оставляла непрестанная молитва, а это для нас почти несбыточная мечта. Не всем дано в равной мере испытывать действие благодати, но всё равно человек должен чувствовать в себе ее присутствие. (Это можно определить по многим разным признакам, о которых я сейчас не буду говорить: об этом пишет святитель Игнатий (Брянчанинов), преподобный Серафим Саровский и другие святые отцы; наверное, все об этом читали.) Нельзя равняться на святых и думать, что если мы не имеем той благодати, какая была у старца Силуана или Серафима Саровского, то у нас ее нет совсем. Она присутствует в каждом в разной степени. Если мы чувствуем умаление благодати, тогда надо постараться вернуть ее.

А бывает, что Господь дает бóльшую благодать, тогда у человека больше надежды на милость Божию. Когда действует такая обильная благодать, как в Серафиме Саровском во время беседы с Мотовиловым, то человек не боится и суда Божия – он уже сейчас на самом себе чувствует милость Божию. Конечно, все хотят быть уверенными в своем спасении, но и в этом есть разные степени: кто-то имеет надежду, кто-то кается и чувствует, что Бог прощает ему грехи, а кто-то имеет дерзновение. Если мы сейчас не сияем, как Серафим Саровский во время беседы с Мотовиловым, – это не значит, что мы погибнем. Но бóльшая надежда, уверенность в своем

спасении, конечно, у того, кто имеет обильную благодать. Когда старец Силуан искренне, от всей души считал, что он достоин быть в аду, в то же самое время за его смирение в нем присутствовала и великая благодать, и ради нее он не отчаивался. Если кто-то, не имея такой благодати, стал бы думать, что он попадет в ад, то он не выдержал бы: испытал бы страшное, глубочайшее отчаяние и просто погиб. Для старца Силуана потеря благодати была действительно скорбью – такой человек готов даже и умереть, лишь бы неразлучно пребывать с возлюбленным Господом. Апостол Павел говорил (безусловно, он был облагодатствован не меньше, чем старец Силуан), что для него смерть – приобретение, потому что он желал соединиться со Христом, но ради апостольского служения вынужден был, так сказать, удаляться от Бога. Он понимал, что в этой жизни невозможно окончательно соединиться с Господом, поэтому смерть для него была вождеделенна. Я думаю, это испытывали все апостолы и все угодники Божии, достигшие той же меры духовного совершенства.

Вопрос. У меня сейчас такое послушание, что волей-неволей приходится кого-то ругать, кому-то приказывать... Когда брат согрешит и я ему делаю замечание, то, бывает, испытываю действие гнева, раздражения. Может быть, иногда лучше не заметить оплошности брата, чем настоять на правильном исполнении работы и поддаться страсти?

Ответ. Нужно и бороться с собой, со своими страстями, и исполнять послушание. Если мы станем избегать ситуаций, в которых по своей немощи можем прогневаться, то, пожалуй, будем вынуждены отказаться от многих послушаний и вообще ничего не делать. Говорю в особенности начальствующим: нужно заботиться прежде всего о пользе дела, о благе ближнего и в то же время следить за собой. А если вы будете думать только о себе, замкнетесь в себе ради собственного спасения, то как раз и проявите презрение к ближнему.

Вопрос. А как быть, когда с кем-либо не можешь найти общий язык: человек тебя или не понимает, или просто не хочет слушать?

Ответ. Вообще-то у нас такого не должно быть. Каждому необходимо понять, что нужно смиряться, бороться с самомнением. В теории все мы – святые, а когда доходит до дела – заповеди для нас исчезают, будто их не существует. Например, кто скажет про себя, что он праведный? Никто – на словах мы все смиренные. Но если нас кто-нибудь обвинит, назовет даже не негодяем, а просто грешником – в нас уже все возмутится. Значит, смирение у нас существует только в уме, а сердце наше не смиренно. Также и прочие добродетели: пока нет искушений, мы еще как-то держимся, а как только искушение придет – оказывается, что все у нас непрочное. Вот мы и видим, что Евангелие для нас малó и когда доходит до дела, мы его отставляем в сторону.

Вопрос. Когда слушаю беседу – все понятно, а когда нужно исполнить на деле или проходит некоторое время, то все забывается.

Ответ. Так ведь от беседы еще никто никогда не исправлялся! Правда, в «Афонском патерике» об одном подвижнике, Косме равноапостольном, говорится, что он приходил в какое-нибудь селение (это происходило во время турецкого владычества), воздвигал крест, начинал проповедовать и что даже от самой его проповеди люди исцелялись. У меня не такая проповедь, чтобы вы после нее вдруг стали бесстрастными. Нужно себя заставлять, бороться с собой. Совет тогда приносит пользу, когда его исполняют, а не просто выслушивают.

Вопрос. Как относиться к просьбе ближнего? Помогать каждому независимо от того, о чем просят: срочно или не срочно, важно или не важно?

Ответ. Надо быть внимательными друг к другу, но нужно и подумать: не в ущерб ли это твоему основному послушанию и действительно ли человек нуждается в помощи или это его каприз. Смотря какая просьба: если нужно что-нибудь поддержать, поднести или пойти кому-то что-то сказать – это можно сделать. Если что-то очень важное и срочное – все бывает, – тогда нужно помочь и в ущерб основному послушанию.

И просьбы надо выполнять щепетильно, тщательно, не быть безразличным. Например, тебя попросили принести требник, чтобы служить молебен для ктиторов, а ты не посмотрел и принес часослов. Собрались люди, обстановка торжественная, священник открывает книгу, а там – час первый. Какая нелепость! Начинается суета, и уже у всех смущение. Или священник, не глядя, открыл и читает: «Благословен Бог...», а потом оказывается, что это не молебен, а, например, вечерня... Мелочей нет: ты принес другую книгу и уже искусил *одного из малых сих*. Надо быть внимательным, никому не досаждать.

Такое случается, конечно, от безразличия. Именно потому, что все кажется ерундой. Мы не понимаем того, что, если выполнить свое дело хорошо, – всем братьям будет лучше. Когда бы вы работали на заводе или служили в армии – узнали бы почему фунт лиха: не будешь работать – нечего будет есть. У нас не видно этой зависимости, кажется, что живем мы сами по себе, а еда и всё житейски необходимое само по себе откуда-то появляется.

Вопрос. Бывает, я подхожу к кому-нибудь из братьев и даю задание по послушанию. Он один раз, скажем, пренебрег, во второй раз отказался, потом сослался на другое благословение. В следующий раз я просто не подхожу к нему, перестаю ему что-то поручать. Подскажите, как вести себя в этой ситуации?

Ответ. Надо этого брата перевоспитывать. Сказать ему раз, другой, и, если брат не послушается, – доложить настоятелю. Если вопрос, как тебе кажется, нравственного характера, можно сказать духовнику. Всем говорю: если вы хотите быть истинными монахами, вы должны вскакивать и не просто идти, а бежать на послушание. Тогда у вас появится такое душевное расположение, что вы и в молитве Иисусовой будете преуспевать.

Надо изо всех сил стараться бороться с собой. Вы должны понимать, что все происходящее с вами в монастыре, всякое искушение – это испытание вашего внутреннего состояния. Если у тебя на послушании какое-то искушение, ты должен его преодолеть. Зачем придумывать какие-то фантастические способы для того, чтобы смириться и стать таким, как

евангельский мытарь, когда есть очень простой способ – послушание. Сказали – иди и делай. Если есть какая-то серьезная причина, чтобы не пойти, – скажи. А из-за того что человек постоянно выкручивается, становится непонятным: есть серьезная причина или он хитрит. Если бы вы были пустынниками – другое дело: там человек предоставлен сам себе. Но вы находитесь в общежительном монастыре, здесь другие порядки и законы: на первом месте – послушание, на втором – взаимопомощь.

Поймите вы простую вещь: когда смиряешься, когда работаешь, устаешь, терпишь оскорбления, то делаешь это для спасения своей души; а отказываясь от этого, – отказываешься от своего спасения. Мы ведь добровольно пришли в монастырь. Мы не в армии, не в тюрьме. Даже в миру на работе человек вынужден что-то терпеть: ему не нравится, но он терпит. А здесь что бы с тобой ни происходило – всё ради твоей души. И никто тут не хочет тебя обмануть!

Вот, например, при советской власти наместников не избирали, их ставил архиерей, причем он не мог назначить того, кого хотел, – все кандидатуры проверялись. Если он как-то умудрялся, то ставил своего человека, а если нет – ставил кого сказали. И, особенно в больших обителях, братья почти наверняка знали, что их наместник – «кагебист». Через него советская власть, коммунисты преследовали какие-то свои интересы. В то время в монастырь приходили действительно ревнители православия – те, кто, без сомнения, имел терпение и веру. Они благодарили Бога, что попали хоть в какой-то монастырь, – мужских монастырей всего-то было пять или шесть на весь Советский Союз. Наверное, поступить туда было труднее, чем устроиться работать в КГБ или в дипломатический корпус. И братья терпели всё от самых недостойных людей ради спасения своей души. А у нас вроде бы все свои, ничему плохому никто не учит, если заболеешь – к тебе всегда снисходят. Так что нам, наоборот, нужно себя ломать. Вы все сразу почувствовали бы великую пользу, если бы приняли такой простой совет: когда тебя зовут на

послушание или кто-то из братьев просит помочь, вскакивай и быстро иди или даже беги.

Вопрос. Есть желание исполнять все, но, когда начинается какое-то искушение, пусть небольшое, уже кажется, что это слишком тяжело, просто невыносимо. Появляется помысел о том, что ты и не способен к этому послушанию, тогда отступаешь и ничего не делаешь. Как себя переубедить в таких случаях?

Ответ. Не надо оправдываться ни искушениями, ни тем, что бесы нас соблазняют. Искушение – это испытание, которое нужно преодолеть, выйти из него достойно. А не считать, что если искушение пришло, то ему обязательно надо поддаться. А дело, мол, исполню потом, когда искушения не будет. Я не думаю, что у нас есть искушения, которые мы не могли бы преодолеть простым понуждением себя. Нужно заставлять себя, делать наперекор – как говорится, назло себе или, выражаясь словами Евангелия, *возненавидеть свою душу в мире сем* (см. Ин. 12, 25). Когда не хватает сил – прибегай за помощью к Богу через молитву. Если брань сильная, мысли путаются и ты не можешь молиться умом, тогда нужно молиться вслух. Молись – и иди на послушание. Еще раз говорю, это совсем не маловажно. Не нужно ничем оправдываться. Тебя благословили – ты должен пойти и сделать.

Со мной был такой случай. Я был уже священником и приехал в отпуск к отцу Андрею (Машкову) в Александровку¹⁰⁸. Он говорит: «Надо молебен служить». Меня только рукоположили, я на память ничего не знал и взял с собой требник, а отец Андрей закрыл его и говорит, будто с раздражением: «Не нужен тебе требник – давно уже должен служить без него». Я думаю: «Ну что ж? Сказали без требника, – значит, без требника». В храме прихожан, по-моему, не было, были две или три монахини певчие, но все равно неловко: люди посторонние. Я служил, а отец Андрей подсказывал мне каждые полфразы. Подскажет половину возгласа ектеньи – я повторяю, еще подскажет – я дальше скажу. Так я и стоял. Может быть, отец Андрей меня испытывал, не знаю.

Сказали тебе – не думая, иди выполнять. Если не получится – отвечать будет тот, кто тебе приказал. Если считаешь себя неспособным сделать какое-то дело, но тебя благословили, иди и делай, ничего страшного не случится. Получится, – значит, ты принесешь пользу обителю или себе самому. Не получится, опозоришься – приобретешь другую пользу: смиришься. Вот если бы тебе сказали: «Сунь руку в огонь», тогда, пожалуй, надо было бы подумать, слушаться или нет.

Вопрос. Духовник мне советует: «Смирись, даже пусть это будет в ущерб делу». Например, я два, три, пять раз смирюсь, но, если мне все-таки будет казаться, что он не прав, можно ли мне посоветоваться с ним еще раз?

Ответ. Бывает, что тебе дают правильный совет, ты некоторое время понуждаешь себя его выполнять, потом начинается смущение. Переспрашиваешь – тебе говорят то же самое, тогда ты приободряешься и продолжаешь так делать. Не нужно бояться переспрашивать. Допустим, ты веришь духовнику, но если начал смущаться и удерживаешь сомнение в себе, то потом ты перестанешь исполнять благословение просто потому, что у тебя, так сказать, иссякнет сила духа. Поэтому лучше еще и еще раз прийти и спросить – ничего страшного. Если ты один раз исповедовал, к примеру, блудные помыслы и тебе сказали, как нужно себя вести, это не значит, что тебе больше никогда не надо открывать блудные помыслы. Ты будешь снова и снова о них рассказывать, тебе будут говорить то же самое, и, приободрившись, ты вновь и вновь будешь бороться и в конце концов почувствуешь благотворное действие этой борьбы. Так в любом деле.

Что касается ущерба делу – ущерб ущербу рознь. Прежде всего, нужно думать о душе, так учит авва Дорофей. Конечно, нужно заботиться и о послушании, чтобы не вышло большого ущерба делу. У нас регулярно собирается духовный собор: настоятель, духовник, эконо́м, казначей, – они обговаривают и решают все вопросы. Каждый, выражаясь советским языком, докладывает свой участок работы, и тогда

все всё знают. Так что духовник, дающий тебе совет, знает, где можно допустить ущерб делу, а где нельзя.

Вопрос. Я не чувствую, когда говорю по страсти, то есть не замечаю, что оскорбляю людей. Бывает так: я вижу, что брат на послушании допустил какую-то ошибку, и стараюсь ему намекнуть, как можно это исправить. При этом у меня нет намерения оскорбить, даже наоборот – мысль как-то подбодрить брата, помочь ему, а он обижается. Что вы мне посоветуете?

Ответ. Конечно, если человек грубый, то он может так подбодрить, что другой в уныние впадет. Раз тебе высказывают замечание о твоей грубости, значит, ты должен принять его к сведению и стараться исправиться: следить за языком, воспитывать в себе доброе расположение, избегать фамильярности. Наверное, это от свободного обращения.

А насчет того, что хочется подбодрить брата, чтобы он лучше работал... Поскольку ты рядовой послушник и не являешься старшим на каком-нибудь послушании, то ты обязан доложить старшему, пусть он принимает меры. Ты можешь сказать об этом духовнику, – конечно, прежде всего, в связи с твоим внутренним состоянием. Можешь сказать эконому или, если дело серьезное, даже настоятелю. Но ты не имеешь права никому лично делать замечание. Расспросить, разузнать ты можешь, но свое мнение ты должен сказать старшему по послушанию.

Мы, с одной стороны, не должны презирать ближнего, пренебрегать его заблуждениями и его прегрешениями, с другой стороны, как немощные, мы не имеем права обличать сами – должны докладывать старшим. Таким образом, мы и сами не погрешим (а мы обязательно поддались бы страсти) и не оставим человека без исправления. Поэтому, когда кто-то о ком-то рассказывает старшим, это не нужно рассматривать как донос. Можно, конечно, с разным чувством это делать: один расскажет, просто заботясь о брате или о благосостоянии монастыря, а другой – для того, чтобы досадить брату, чтобы его наказали. И если такое чувство есть, это, конечно, нехорошо.

Вопрос. Батюшка, мне иногда кажется, что со мной поступают несправедливо, в чем-то обделяют, обходят. Как относиться к таким помыслам?

Ответ. В Глинской пустыни жил такой старец Феодот. Он всю жизнь был только рясофорным. Кельи своей не имел, жил на кухне, где нес послушание. Сами знаете, что это самое суетное и тяжелое послушание, какое может быть в монастыре. А на старости лет его даже выслали из монастыря: началась перепись населения, а у него не было паспорта. Архимандрит Илиодор, воспитанник Глинской пустыни, который в то время был настоятелем другого монастыря, помог ему вернуться в обитель. В мантию старца Феодота постригли лишь в последние дни перед смертью.

А ведь этот старец имел многие благодатные дарования. Например, он был прозорливым. Когда у какого-либо брата было искушение, он приходил к нему в келию, просил, чтобы его угостили чаем, и начинал беседу на пользу этому брату. На стул никогда не садился – сидел на полу, пил чай из полоскательной чашки и, чтобы не обжечь руку, надевал рукавицу. Однажды архимандриту Илиодору (тогда еще иеродиакону Иоанникию), когда он задремал, было видение, будто он в раю и видит там старца Феодота. Проснувшись, он нашел Феодота на дворе, где экононом бил его веревкой. В другой раз благочинный, выйдя из церкви во время утреннего богослужения, заметил над кухней столп света. Заглянул в щелку двери и увидел Феодота, который молился с воздетыми руками и из уст которого выходил пламенновидный свет. Такой был человек – действительно подвижник.

Кто тебя обделит, если ты Богу угождаешь? Благодать ведь раздаем не мы. Допустим, здесь все несправедливые, пристрастно, корыстно относятся к тебе, но Бога-то нельзя обмануть. Если ты смиренный, усердный в Иисусовой молитве, отсекаешь свою волю, угождаешь Богу, так кто отнимет у тебя твою благодать?

Вопрос. Вы сказали, что есть два средства для стяжания благодати – непрестанная Иисусова молитва и исповедь помыслов. Но бывает, что ты так загружен послушанием, что не

можешь внимательно помолиться и нет времени исповедовать помыслы. Может быть, есть еще третий способ стяжать благодать – через терпение скорбей?

Ответ. На самом деле никаких скорбей у нас нет, это преувеличение. Как мы относимся к чему-то, так оно и выглядит – или скорбью, или обыкновенным делом. Если бы даже были скорби, то терпение в них мы приобретаем как раз Иисусовой молитвой. А при откровении помыслов бывает облегчение всякой брани, всяких искушений. Все это прекрасно знают, поэтому когда человек говорит: «Я такой голодный, что у меня даже нет времени поесть», это просто глупо. Именно через эти два делания мы восстанавливаем свои силы. А если мы не хотим прибегать к ним – сами виноваты.

Из Евангелия мы знаем, что некоторые современники Господа Иисуса Христа, будучи людьми верующими, принимали и исповедовали истины, которые мы справедливо считаем сугубо евангельскими, христианскими, но, тем не менее, оставались враждебно настроенными по отношению к Христу и отвергали благовестие о своем спасении. Такое представление об этих людях нам кажется настолько странным, непривычным, что, читая Священное Писание, мы не придаем значения тем местам, которые свидетельствуют об их вере (в отдельных вопросах не только правой, но и твердой).

Например, Ирод – тот самый Ирод, который убил Иоанна Крестителя, – твердо верил в воскресение мертвых, о чем мы узнаём из Евангелия от Марка. Однако, несмотря на свою веру, он совершил в своей жизни столь страшные дела, что его имя стало таким же печально нарицательным, как имя Хама или Иуды. Так, человека грубого мы называем хамом, предателя – иудой или искариотом, а человека жестокого – иродом. Поэтому не нужно думать, что наша правильная и даже твердая вера в христианские истины спасает нас сама по себе, так сказать автоматически.

Современникам Господа были хорошо известны и понятны также и нравственные стороны истинной веры: из Евангелия мы знаем, что разные люди, искушая Спасителя, неоднократно спрашивали, какая заповедь в законе является наибольшей. Иногда они и сами отвечали на этот вопрос совершенно правильно. Об одном из таких эпизодов рассказывает евангелист Лука: *И се, законник некий воста, искушая Его и глаголя: Учителю, что сотворив живот вечный наследую? (Лк. 10, 25).* В Евангелии говорится, что законник именно искушал Спасителя, потому что, как мы увидим далее, на самом деле знал, что ему необходимо делать. *Он же рече к нему: в законе что писано есть? како чтеши? Он же отвещав рече: возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всея души твоея, и всюю крепостию*

твоею, и всем помышлением твоим; и ближняго своего яко сам себе. Рече же ему: право отвечаал еси: сие сотвори и жив будешь (Лк. 10, 26–28).

Обе эти заповеди – о любви к Богу и ближнему – находятся в разных местах Священного Писания. Однако мы видим, что фарисеи и законники так же, как и Господь Иисус Христос, соединяли их, видя их неразрывную связь и понимая, что одна следует из другой. Значит, и такое таинственное учение, как учение о любви, эти люди знали совершенно определенно и твердо. Однако в данном случае законник стал оправдываться, пытаясь понятие о ближнем сузить или сделать его туманным. Он не мог спросить: «Кто есть мой Бог?», потому что все иудеи верили в единого Бога, а вот кто есть его ближний – это уже, казалось бы, непонятно. Поэтому, задав такой вопрос, законник надеялся уйти от необходимости не только декларировать учение о любви как основе спасения, но и исполнять эту заповедь о любви к ближнему на деле.

Итак, мы видим, что даже такие возвышенные истины, как воскресение из мертвых или учение о любви как непереносимом, может быть, единственно необходимом условии для спасения человека, фарисеям и книжникам теоретически были известны, но они, тем не менее, сделали это знание для себя праздным и бесполезным.

Интересно, что в Евангелии от Марка эти два учения – о воскресении из мертвых, жизни будущего века и о любви к ближнему – соединяются, поскольку события, через которые они раскрываются, следуют в его повествовании непосредственно одно за другим. Сначала Господа Иисуса Христа искушали саддукеи: *И приидоша саддукее к Нему, иже глаголют воскресению не быти, и вопросиша Его, глаголюще: Учителю! Моисей написа нам: яко аще кому брат умрет и оставит жену, а чад не оставит, да поймет брат его жену его и воскресит семя брату своему. Седьмъ братий бе: и первый поят жену и умирая не остави семене. И второй поят ю и умре, и ни той остави семене; и третий такожде. И пояша ю седьмъ и не оставиша семене. Последи же всех умре и жена. В воскресение убо, егда воскреснут, которому их*

будет жена: семь бо имеша ю жену? И отвечав Иисус рече им: не сего ли ради прельщаетесь, не ведуще Писания, ни силы Божия? Егда бо из мертвых воскреснут, ни женятся, ни посягают, но суть яко Ангели на небесех. О мертвых же, яко встают, несте ли чли в книгах Моисеовых, при купине яко рече ему Бог, глаголя: Аз Бог Авраамов и Бог Исааков и Бог Иаковль? Несть Бог мертвых, но Бог живых: вы убо много прельщаетесь (Мк. 12, 18–27). Так Спаситель при помощи простого примера из книги Бытия – повествования о том, как Бог явился при купине Моисею, объяснил, что существует бессмертная душа и вечная жизнь для каждого человека.

И приступль един от книжник, слышав их стязającychся и видеv, яко добре отвеча им, вопросы Его: кая есть первая всех заповедий? (Мк. 12, 28). В любом вероучении есть много важных моментов, но обычно мы обращаем внимание не столько на самые существенные из них, сколько на те, которые оспариваются противниками данного вероучения. Эти моменты мы защищаем с бóльшим усердием, бóльшим жаром. Так произошло и в данном случае: основополагающая для иудеев истина – о воскресении из мертвых – являлась основным предметом спора между фарисеями и саддукеями. Это разногласие между ними обращало на себя особое внимание. И поэтому книжник, или законник, что одно и то же, увидев, что вера в этом важнейшем пункте исповедана Спасителем правильно, захотел узнать и о нравственности – о том, что на деле необходимо исполнять каждому человеку, чтобы наследовать жизнь вечную.

Иисус же отвеча ему: яко первейши всех заповедий: слыши, Израилью! Господь Бог ваш Господь един есть (Мк. 12, 29). Здесь, конечно, также присутствует вероучительный момент. Господь Бог ваш Господь един есть – это учение о единственности Божества. Язычники считали, что существует множество богов, которым следует оказывать почтение. Но поскольку Господь один, то и всю свою душевную силу, всю любовь необходимо устремить к Нему одному: И возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею

твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею: сия есть первая заповедь! И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего яко сам себе. Бо льшая сею ина заповедь несть (Мк. 12, 30–31).

Если в Евангелии от Луки мы видели, что законник, искушающий Господа, был вынужден сам объяснить, в чем состоят главные заповеди, то в данном случае на этот же вопрос ответил Спаситель, сказав как будто бы то же самое. Но почему одни и те же слова, сказанные Господом Иисусом Христом и законником, имеют для их последователей разное значение? Ведь и у законников, конечно, были последователи. Нам известно, что люди, позже ставшие родоначальниками традиций талмудического иудаизма, правильно понимали учение о любви, правильно его объясняли, однако результат был, можно сказать, едва ли не противоположный.

И книжник, о котором сказано в Евангелии от Марка, когда услышал слова Спасителя, тоже подтвердил их, сказав: *Добре, Учителю! воистинну рекл еси, яко един есть Бог, и несть ин разве Его; и еже любити Его всем сердцем, и всем разумом, и всею душою, и всею крепостию: и еже любити ближняго яко себе, боле есть всех всесожжений и жертв. Иисус же видев, яко смысленно отвеща, рече ему: не далече еси от Царствия Божия. И никтоже смéяше ктому Его вопросити (Мк. 12, 32–34).* Как мудро ответил этот книжник! Он не оправдывался, но подтвердил истинность учения о любви, признав таким образом, что все те всесожжения и жертвы, конечно же аккуратно приносимые им Богу, ничего не значат по сравнению с этим духовным служением. И Спаситель похвалил этого человека: *Видев, яко смысленно отвеща, рече ему: не далече еси от Царствия Божия.*

Законник же, о котором говорит евангелист Лука, повел себя иначе. Спаситель подтвердил правильность его ответа – *Рече же ему: право отвещал еси: сие сотвори и жив будеши (Лк. 10, 28).* Но тот захотел оправдаться и задал вопрос, ответа на который, по его мнению, не существовало. А может быть, он надеялся услышать ответ, который позволил бы ему каким-то образом облегчить бремя этой заповеди, которая, как он сам

понимал, боле есть всех всесожжений и жертв, больше всякого ритуала и богослужения. Он же хотя оправдится сам, рече ко Иисусу: и кто есть ближний мой? Отвещав же Иисус рече: человек некий сходяше от Иерусалима во Иерихон и в разбойники впаде, иже совлекше его и язвы возложше отидоша, оставльше едва жива суща. По случаю же священник некий сходяше путем тем, и видев его, мимоиде. Такожде же и левит, быв на том месте, пришед и видев, мимоиде. Самарянин же некто грядый, прииде над него, и видев его, милосердова: и приступль обвяза струпы его, возливая масло и вино; всадив же его на свой скот, приведе его в гостинницу и прилежа ему; и наутрия изшед, изъем два сребреника, даде гостиннику и рече ему: прилежи ему; и еже аще прииждивеши, аз, егда возвращуся, воздам ти (Лк. 10, 29–35).

Конечно, после такой притчи, вполне ясной, определенной, неправильного ответа дать было нельзя, потому что она апеллировала к здравому человеческому смыслу. И Господь задает этому лукавому законнику вопрос: *Кто убо от тех триех ближний мнитися быти впадшему в разбойники? Он же рече: сотворивый милость с ним* (Лк. 10, 36–37). Некоторые толкователи утверждают, что законник не захотел произнести слово «самарянин», так как иудеи эту народность презирали. *Сотворивый милость с ним*. Не тот, кто является ближним по видимости, пусть он даже почитаем: не священник или левит, а презренный самарянин, сотворивший с этим человеком милость, – вот кто действительно имеет основания называться его ближним.

И затем Господь наш Иисус Христос произносит неожиданные слова, на которые, из-за их неожиданности и одновременно логичности и последовательности, законнику возразить уже нечего. *Рече же ему Иисус: иди, и ты твори такожде* (Лк. 10, 37). Хотя бы к тебе относились с презрением, хотя бы тебя не любили, ненавидели, считали совершенно чужим человеком, подобно тому как этот израненный иудей, конечно, считал чужим всякого самарянина, ты поступай так, как поступил этот

милосердный самарянин: оказывай любовь даже тем людям, которые испытывают к тебе неприязнь. Так Господь пресек лукавство этого законника и показал ему, кто есть его ближний.

Нашим ближним является не только тот, кто, допустим, одной с нами веры или национальности, не только тот, кто относится к нам с любовью и уважением, но всякий человек, нуждающийся в помощи, пусть даже он нас и не любит. И мы должны делать добро всем людям, проявлять любовь к каждому человеку, без всяких предварительных условий, независимо от его отношения к нам.

Важно не только иметь правильную веру, хорошо знать нравственное учение, но и понимать необходимость его исполнения, как понимал это тот самый книжник, который воскликнул, что заповедь о любви *боле есть всех всесожжений и жертв*. Он осознавал, что это есть самое первостепенное, самое важное.

Мы должны уяснить себе, что для древних иудеев богослужение было чем-то чрезвычайно важным, тем более что у них был лишь один храм – единственное место на земле, где они могли совершать свое богослужение единому истинному Богу. Один храм как символ единого Божества. Поэтому признание того, что заповеди о любви к Богу и ближнему есть *более всех всесожжений и жертв*, значило для иудея не принижение богослужения, а возвышение учения о любви даже над богослужением, то есть над самым священным из того, что только могло быть у верующего человека. Если бы в наше время мы говорили с кем-либо о главной заповеди и воскликнули: *Воистинну рекл еси, яко един есть Бог, и несть ин разве Его: и еже любити Его всем сердцем, и всем разумом, и всею душою, и всею крепостию: и еже любити ближняго яко себе, боле есть всех всесожжений и жертв*, то эти слова означали бы, что, по нашему мнению, это более всех богослужений, и обрядов, и Таинств.

Это действительно так и есть, потому что мы принимаем участие во всех Таинствах ради исполнения заповеди о любви: в них мы получаем сверхъестественную Божественную помощь

именно для того, чтобы любить Бога всем сердцем и любить ближнего, как самого себя. Необходимо научиться любить его на деле: не следует уподобляться иудеям, которые считали ближним родственника или, в лучшем случае, соплеменника. Мы должны видеть ближнего в каждом, пусть даже чужом или враждебно относящемся к нам человеке. Если мы взглянем на самих себя трезво, то увидим, что любовь к человеку, относящемуся к нам плохо, для нас чрезвычайно затруднительна, почти невозможна. На доброе отношение мы, как правило, отвечаем благодарностью, а когда к нам проявляют какую-то неприязнь, в нашей душе тут же непроизвольно рождается ответное нерасположение, враждебность, иногда даже мстительное чувство. А Евангелие, повторю еще раз, учит нас любить всех, понимая под ближним вообще всякого человека.

Един есть Бог, и несть ин разве Его (Мк. 12, 32). Есть только одно совершенное святое Существо – Бог, и поэтому только Он один достоин любви. Всякий благоразумный человек, осознав, что, кроме Бога, нет ничего святого (святого в полном смысле этого слова), будет стремиться отдать всю свою любовь этому Существо, возлюбить Его всем сердцем. Можно с уверенностью сказать, что только то, что человек принял сердцем, является его настоящим убеждением. Поэтому в другом месте, например, Спаситель призывает нас смириться сердцем, а здесь говорит: *И возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим.*

И всею душею твоею. Душа – это синоним жизни. Поэтому мы должны проявлять любовь к Богу во всех своих поступках, не разделяя их на более важные и менее важные или несущественные. А если мы проявляем любовь к Богу только в том, что нам кажется важным (хотя, как правило, это оказывается только мечтой), а в нашей повседневности со всеми ее мелкими бытовыми ситуациями о Нем забываем, тогда, конечно, заповеди о любви к Богу мы не исполняем.

Необходимо возлюбить Господа *всем умом*, то есть отвлечь свое внимание от разнообразия жизненных переживаний и впечатлений и полностью устремить его к Богу.

Возлюбить Бога всем умом означает также рассуждать и мыслить о Нем правильно, а не произвольно. Мы должны любить Его именно так, как Он этого требует: стараться, так сказать, объять Его всеми силами своего ума – в той мере, в какой мы вообще способны понять тайны бытия Божия.

Следует любить *Бога всею крепостию своею*, то есть не только душою, но и всем нашим существом, в том числе и крепостью тела. Совершение каких-либо посильных телесных подвигов, допустим соблюдение постов или напряжение ума в молитве, – все это также есть проявление крепости. И эту крепость мы должны полностью обратить на служение Богу, понуждая себя любить Его изо всех наших телесных и душевных сил.

Сия есть первая заповедь. И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего яко сам себе (Мк. 12, 30–31). Под ближним, как уже было сказано, мы должны понимать всякого человека, нуждающегося в нашей любви. Но любить его нужно не произвольно, не так, как хочется нам самим, – нельзя вторую заповедь отделять от первой. Подобно тому как причина заповеданной всецелой любви к единому Богу есть единосущие Божества, единобожие, так и причиной любви к ближнему является то, что этот ближний – образ Божий. Поэтому, если мы любим человека не за то, что он есть образ Божий, то своей неправильной, мнимой любовью можем принести ему вред и погубить его душу. Примером этому может служить современный гуманизм. Хотя, конечно, любовь приверженцев этого течения по большей части декларативна, но даже если этим лицемерием пренебречь и считать, что рассуждения на этот счет лучших представителей гуманизма вполне искренни, серьезны и жизненны, то в этом случае мы с еще большим опасением должны будем высказать мнение об их ошибке. Они не могут любить ближнего правильно, потому что не любят Бога. Их любовь и сострадание часто развращают человека и приводят его к душевной гибели.

Истинная любовь, например та, которую родители проявляют к своим детям, иногда бывает строга: ради правильного воспитания, ради спасения чад, они прибегают и к

устрашению, и к наказанию. В духовном отношении Господь, ради нашего спасения, проявляет к нам такую же строгость. И мы, любя ближнего, также должны иметь к нему подобную строгость. Когда же мы к человеку во всем снисходим, потворствуя его страстям, покрывая их, то это уже не любовь, а скорее ненависть, имеющая лишь вид любви.

Как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), для того чтобы правильно исполнить заповедь о любви к ближнему, нам необходимо сначала правильно возлюбить самих себя, потому что это поставлено условием исполнения заповеди. Если мы любим себя со всеми своими страстями и грехами, то, конечно, и к другим людям будем относиться так же. А если мы любим себя по-христиански: боремся со своими греховными наклонностями, желаем себе спасения, то такой же чистоты, целеустремленности, любви к Богу будем желать и нашему ближнему. Иначе говоря, истинно любит ближнего тот, кто желает ему, чтобы он полюбил Бога. А кто не знает этой заповеди о любви к Богу, тот не имеет и критерия, определяющего истинность любви к ближнему, и, удаляя человека от Бога, своей неразумной любовью, жалостью и состраданием приносит ему вред.

Научиться любить ближнего правильно мы сможем только тогда, когда поймем, что как человек есть образ и подобие Божие, так и заповедь о любви к нему есть образ и подобие заповеди о любви к Богу. Тогда мы перестанем замечать в каждом человеке все то, что является в нем случайным: неприязнь по отношению к нам, его грехи, даже самые страшные его падения, а будем видеть в нем нечто постоянное, незыблемое, а именно образ Божий.

Кто из вас читал книгу преподобного старца Силуана Афонского, тот знает, что он молился обо всех людях, всех народах, желая им не какого-то земного благополучия, а именно того, чтобы они возлюбили Бога. «Господи, сделай так, чтобы Духом Святым познали Тебя все народы земли», – вот чего он просил и о чем переживал. Конечно, такие переживания и рассуждения для нас, по немощи нашей, слишком возвышенны, но они, по крайней мере, дают нам

правильное понятие о том, какие чувства испытывают люди, имеющие истинную любовь к ближнему.

Давайте будем стараться проявлять подобное чувство если и не ко всему человечеству, то хотя бы к тем, кто нас окружает, с кем мы общаемся, – будем желать им всем, чтобы они пришли в единение с Богом. Такая любовь, конечно, есть *больше всех всесожжений и жертв*. Ради этой любви и совершаются все новозаветные *всесожжения и жертвы* – не только Таинства и богослужения Православной Церкви, но также и христианские подвиги: пост, затвор, пустыничество, бдения, отречение от мира, нищета – все, что в вольных и невольных скорбях приходится переживать людям ради спасения своей души. И если все это не приведет нас к любви, то вся наша жизнь, которую мы принесли Богу, окажется напрасной жертвой. Апостол Павел говорит, в самом буквальном смысле истолковывая эти евангельские слова: *И если я отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (см. 1 Кор. 13, 3).

Мы должны осознавать, что цель всего нашего служения, наших жертв Богу состоит, можно сказать, в исполнении только одной заповеди – о любви. Она проявляется иногда в сугубо духовных добродетелях, невидимо – как любовь по отношению к Богу, а иногда в конкретных делах – как любовь по отношению к ближнему.

Не может быть такого, чтобы человек любил Бога и не любил ближнего. Например, хорошее настроение обязательно проявляется внешне: в выражении лица или каких-нибудь добрых словах, сказанных человеком. Плохое настроение также всегда очевидно, хотя бы человек и пытался его скрыть. Так и любовь, в особенности искренняя, истинная любовь, которая, как сказано, должна быть от всей крепости, то есть от всех сил человека, от всего человеческого понуждения, не может не проявляться в каких-то внешних поступках. И конечно, она будет обнаруживаться в нашем отношении к ближнему, потому что он есть образ и подобие Божие.

Мы никак не можем послужить собственно Богу, чтобы доказать Ему свою любовь, потому что Он ни в чем не

нуждается. Естественно, что эту любовь, это горение сердца искренне любящий Бога человек изливает на того, кто рядом с ним и кто является нерукотворенным изображением Божества. Нерукотворенным, – потому что сотворен Богом, а не создан людьми, как, например, иконы или какие-то другие предметы, имеющие духовный, символический смысл.

Православным христианам, а в особенности монашествующим, необходимо всеми силами стремиться приобрести эту величайшую добродетель любви к Богу и ближнему. Мы сейчас говорим не о конкретных делах, приличных монашескому или мирскому званию, а о чувстве, которое является признаком истинного христианства: где нет любви, там нет христианства. У нас должно быть хотя бы какое-то сокрушение, покаяние в нашем охлаждении, в отсутствии у нас любви. А если мы живем спокойно, полагая, что эти *всесождения и жертвы* имеют какое-то значение сами по себе, тогда мы, в сущности, не понимаем христианства.

В чем эта любовь может проявляться в повседневной жизни? Она может выражаться даже не в положительных, а только в «отрицательных» действиях: например, тогда, когда я не гневаюсь, не осуждаю, не обижаюсь, стараюсь ни перед кем не гордиться, не проявляю своеволия не только в отношениях со старшими, начальниками, но и с равными себе, и даже с меньшими. Если я не делаю ближним ничего плохого и не думаю о них плохо – это уже проявление любви. Чтобы ее осуществить, не нужно обладать никакими особыми возможностями: не требуется ни денег, которые нужны, например, чтобы творить милостыню, ни каких-то выдающихся способностей. Необходимо только не делать другому зла – и это уже много. Но часто мы, делая какое-либо зло, оправдываем себя тем, что оно мелкое: мол, я же ничего не украл, никого не ударил, а если и ударил, то не сильно – не убил же! И такими оправданиями мы разрешаем себе постоянно досаждать людям, с которыми общаемся.

Мы думаем по большей части не о других, а о себе. Иногда и сама наша «любовь» приобретает такую форму, что досаждают ближним. Если бы мы выполняли хотя бы это

минимальное требование – не делали друг другу зла, так сказать, в повседневных мелочах, не принимали зла на ближнего в свое сердце, то в нашей душе уже произошли бы большие изменения к лучшему, хотя, конечно, это еще не совершенное исполнение заповеди, а только самое его начало.

Я уже многократно об этом говорил, но буду повторять еще и еще: нам необходимо внимательнее относиться к мелочам, нельзя думать, что если поступок или слово кажутся нам незначительными, несущественными, то мы можем их себе позволить. Если мы будем щепетильны, внимательны к своим мелким поступкам и словам, то сможем приобрести и развить чувство любви, которое впоследствии, может быть, достигнет такой степени, что станет побуждать нас к каким-то самоотверженным подвигам. В общем, заповедь о любви к Богу и к ближнему надо стараться исполнять, начиная с самых простых вещей.

Итак, я говорил больше о любви к ближнему, а теперь хочу сказать о том, как у нас проявляется любовь к Богу. Допустим, нам нужно помолиться, а мы увлекаемся суетным разговором. Это кажется нам пустяком, и мы этот разговор чем-то для себя оправдываем, а на самом деле мы в этот момент пренебрегаем любовью к Богу. Памятуя о том, что нужно исполнить какую-нибудь заповедь, и тем не менее нарушая ее (потому что считаем это чем-то извинительным), мы также пренебрегаем любовью к Богу. Когда мы поступаем против требований своей совести, то также грешим против первой заповеди. И такие повседневные, многочисленные случаи показывают, что мы постоянно пренебрегаем как любовью к ближнему, так и любовью к Богу.

Не нужно думать о чем-то великом. Необходимо заставлять себя внимательно, тщательно исполнять эту заповедь в самых как будто бы незначительных ситуациях – и мы увидим, что в нас начнет появляться любовь и к Богу и к ближнему. Понуждение себя к вниманию при келейном правиле, во время богослужения, усердие к непрестанной молитве в течение дня, внимательное чтение Священного Писания, аккуратное посещение общего правила – всё это, казалось бы, мелочи, но

они перевоспитывают душу человека, и его сердце постепенно превращается из каменного, как сказано в Писании, в плотное. Камень превращается в живую плоть.

Так же мы должны вести себя и по отношению к ближнему: смиряться перед ним, исправлять не его, а исправляться самому, терпеливо переносить мелкую обиду или какое-то неудобство, снисходить к другому и проявлять строгость к себе. Благодаря таким незначительным и легким проявлениям понуждения себя к любви у нас начнет согреваться сердце, и мы станем испытывать это чувство на самом деле. Но при этом, конечно, нужно всегда помнить, что без непрестанной молитвы, без помощи Божией никто не может исполнить ни одной добродетели.

Итак, мы должны понимать, что любовь к Богу и ближнему, согласно Евангелию, *больше всех всесождений и жертв*, то есть вообще всех наших дел; к ней одной нужно стремиться всей своей крепостью, ее иметь целью своей христианской жизни. Ведь как мы сможем исполнить заповеди, если не имеем любви к Богу? Сам Господь наш Иисус Христос сказал: *Кто любит Меня, тот и заповеди Мои соблюдет* (см. Ин. 14, 21). Поэтому будем стремиться к этой возвышенной и одновременно весьма удобоисполнимой добродетели, возможность для совершения которой в человеческом обществе есть всегда. А кто станет любить ближнего, которого видит, тот, конечно, приобретет и любовь к Богу, Которого не видит; он будет ясно ощущать Его присутствие в своем сердце.

* * *

Вопрос. У меня смущение по поводу ваших слов о том, что нужно возлюбить ближнего как образ Божий, – это звучит так высоко и по-философски. Мне кажется, что лучше пользоваться евангельской формулировкой *возлюби ближнего, как самого себя*. Вообще, все старцы любили всякое творение одинаково: и животных, и растения, и людей.

Ответ. Как это одинаково – и человека и животное? Вот сидит сестра Анна, она хоть и маленькая, но все-таки лучше, чем муравей. Положим, я все люблю одинаково: квашеную капусту, пение птичек, сестру Наталью... Это же неправильно!

Духоносные люди, конечно, без нужды не повредят даже травинку, но они ведь, тем не менее, едят растительную пищу. Только манихеи считали, что и в растениях есть душа и уничтожать их нельзя. Сами они вообще не работали. Когда же их почитатели приносили им хлеб, они благодарили, а после их ухода произносили такие слова: «Хлеб, я тебя не сеял, я тебя не жал, будь проклят тот, кто это сделал». Таким образом, они тех, кто им приносил хлеб, тихонько проклинали, считая, что нельзя наносить природе вред. Не можем же мы уподобляться манихеям!

Есть большая разница между образом и подобием Божиим, то есть человеком, и существом, несущим на себе только отблеск свойств Божиих: премудрости, любви и так далее. Растения, например, своего бытия не осознают, существуют бессознательно, это свидетельствует о том, что они созданы для человека. А человек создан для Бога: он осознает свое бытие, сознательно прославляет Творца и благодарит Его не только своим существованием, но и своим произволением.

Вопрос. Но тогда получается так: ты заботаешься о человеке, проявляешь к нему любовь, а на самом деле видишь не его самого, а образ Божий в нем. Значит, в действительности личность человека нас не интересует?

Ответ. Христиане должны видеть в человеке не личность (зачем вообще нам это слово употреблять?), а образ и подобие Божие. Святые отцы говорят о том, что образ Божий есть в каждом человеке и он неистребим. А приобретение подобия Божия, по словам некоторых учителей Церкви, зависит от того, богоугодна жизнь человека или нет. Как осознать, живо почувствовать образ Божий в ближнем? Мы не выискиваем этот образ во внешности, в манерах человека – нет, но когда мы молимся, то чувствуем в душе какую-то благодать, сердце наше растепливается любовью и мы начинаем восхищаться каждым человеком, видя в нем как бы отблеск Божества. Мы перестаем обращать внимание на то, что, как я сказал, можно назвать в человеке случайным, то есть на грех. Он случаен не потому, что человек за него не отвечает, – он является таковым по отношению к Божью намерению. Ведь Бог сотворил человека

для того, чтобы сделать его причастником Своей славы, а он уклонился во зло, хотя не принуждался к этому никакими обстоятельствами. Мы же видим в человеке изначальное, то есть образ Божий, несмотря на его поведение, на его тяжкие грехи (я, конечно, говорю о том, как должно быть). Истинный христианин должен любить ближнего даже тогда, когда тот совершает преступление по отношению к нему. Но такая любовь возможна лишь в том случае, если этот христианин всей душой любит Бога.

Вопрос. А может быть так, что человек по благодати Божией испытывает любовь к ближним, но при этом не осознает, что в каждом из них – образ Божий? Или он не осознаёт этого от недостатка благодати?

Ответ. Что значит «не осознаёт»? Может быть, он этого просто не понимает. Святые отцы как люди богомудрые, всё называют, определяют, описывают. А простой человек может чего-то не понимать и даже не знать богословия и святоотеческого учения. Однако он, сам того не понимая, следует этому учению в нравственном отношении и достигает такого душевного состояния, при котором ощущает любовь к ближнему. Он смотрит на ближнего с восторгом, умилением, не замечает его грехов, не видит в нем никакого зла, все ему прощает, всегда находит для него какое-нибудь оправдание, всегда ему сострадает.

Примером любви к ближнему может послужить отношение матери к своим детям: как бы плохо сын ее ни поступал, что бы ни делал, она все равно его жалеет. Даже если он совершит преступление, она хочет, чтобы его оправдали. Именно так относится к своему ближнему истинный христианин: он видит в нем прекрасное, необыкновенное существо, любит его, желает ему добра и даже благоговеет перед ним. Человек может не осознавать в себе присутствия этой добродетели, не уметь своего состояния описать, но испытывать такие чувства он должен.

Именно такое отношение к другим людям, а не какое-то умственное, «книжническое», «законническое» изъяснение заповеди о любви к ближним и есть почитание в человеке

образа Божия. Ведь можно и здесь уклониться в «книжничество»: правильно и подробно описывать, что есть в человеке образ Божий (свободная воля, разум и другие свойства), а самому этого образа ни в ком не чувствовать. И такое часто бывает. Недаром святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что нынче христианство изучают не по заповедям, а по книгам. Конечно, он и сам читал святых отцов и такое чтение поощрял, но сетовал на то, что их творения изучают теоретически, а к исполнению написанного в них на деле никто не стремится. Повторю: пусть человек не умеет объяснить своего состояния, но он обязательно должен в каждом чувствовать что-то такое, о чем я говорил, – нечто неизменно прекрасное. Именно в каждом, потому что если один ему нравится красотой лица, другой – своим умом, а третий ему не нравится вообще из-за его невоспитанности, то в этом уже есть некоторое пристрастие.

Правда, Иоанн Кассиан Римлянин, отличает любовь к человеку вообще от некоторой расположенности, связанной с общностью взглядов, единодушием. Это понятно: должны же больше понимать друг друга, например, все православные христиане. Монашествующие также имеют между собой большее понимание: они лучше знают стремления, образ жизни друг друга. Естественно, что, благодаря этому взаимопониманию, единообразию жизни, имеется и некая особая расположенность. Но это не противоречит тому, что мы должны любить всех. Есть люди, близкие нам, а есть – чужие и даже враги, которых мы также должны любить.

Спаситель говорит: *Возлюби врагов твоих* (см. Мф. 5, 44). И враги у нас действительно есть, по крайней мере есть те, кто к нам враждебно относятся или придерживаются иных взглядов, например еретики или безбожники. Мы не можем иметь с ними взаимопонимания в вопросах веры, но в смысле приятия каждого человека и желания ему спасения, мы не должны делать никакого различия между верующим и неверующим, безбожником или подвижником. Наоборот, как говорит само Евангелие, Господь радуется о кающемся грешнике больше, чем о праведниках, не имеющих нужды в покаянии.

Вопрос. Фарисей спросил Господа о том, кто есть его ближний. Господь привел ему притчу и в ответ задал вопрос: *Кто есть ближний впадшему в разбойники?* (см. Лк. 10, 36). Тот сказал: *Сотворивый милость с ним* (Лк. 10, 37). Значит, ближний – это тот, кто «творит милость», кто делает тебе добро?

Ответ. Нет. Я говорил, что Спаситель дал ответ неожиданный, на который законник не мог возразить. Естественно, он ждал следующего ответа: тот, кто оказывает тебе милость, тот тебе ближний. Все ясно. А Спаситель вдруг ему говорит: «Иди и ты делай так же», то есть переносит акцент с пострадавшего еврея на самарянина и отождествляет этого законника именно с самарянином.

И мы также должны отождествлять себя не с израненным евреем, который нуждался в помощи, а с самарянином, который помогал людям, делал им добро вне зависимости от того, как они к нему относились. Тогда мы действительно будем свободны. А иначе мы являемся людьми зависимыми: к тому, кто делает нам добро, мы относимся хорошо, а к тому, кто делает зло, – плохо. На самом же деле необходимо, чтобы мы сами были для всех ближними, а то, как к нам относятся окружающие, нас беспокоить не должно.

Можно рассмотреть вопрос и с другой стороны. Ты сам можешь сделать ближним любого человека: кому ты будешь делать добро, тот и будет твоим ближним. Относись к людям так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе. Если я хочу, чтобы все люди были моими ближними, значит, я сам ко всем должен относиться по-доброму.

Вопрос. Если человек, оказав милость другому, стал ему ближним, значит, и принявший милость ответил ему, тоже став его ближним? Например, если он был врагом, то он перестает им быть?

Ответ. Далеко не всегда. Если он продолжает делать тебе зло, как же он перестает быть тебе врагом? Допустим, ты за него молишься, а он тебя хочет убить. Мы знаем, что когда Спасителя распинали, Он говорил: *Отче, прости им, не ведают бо, что творят* (см. Лк. 23, 34). Разве от этого враги

Господа Иисуса Христа стали Его любить? Они над Ним только еще больше смеялись.

Например, римляне говорили совершенно противоположное тому, чему учит Евангелие. Но действительность они оценивали здраво, и в этом смысле их высказывания справедливы. Они считали, что «человек человеку волк». И на самом деле в жизни так и бывает. К сожалению, даже если ты относишься к врагам с любовью, в большинстве случаев они всё равно остаются врагами. Церковь всегда была в меньшинстве, ее очень часто преследовали. Несмотря на это, христиане всегда должны были исполнять заповедь, то есть любить своих гонителей; иногда они своей любовью обращали врагов Церкви к вере, но чаще – сделать это не удавалось. У тебя же получается, что все мы друг другу ближние. Мы не можем быть ближними друг другу, потому что это предполагает взаимозависимость, а такого быть не должно. Но мы сами должны видеть ближних во всех людях, независимо от того, враги они нам или нет. Вы требуете логики там, где она совершенно неуместна. Повторю: из евангельского текста видно, что Спаситель дал законнику ответ, которого тот совсем не ожидал. Он надеялся услышать, что его ближний – это самарянин, то есть тот, кто к нему хорошо относится. А Спаситель говорит законнику о том, что он сам должен проявлять любовь к другим людям, не ожидая от них ответного чувства.

Мы все ждем любви друг к другу, то есть взаимного доброго расположения, а надо требовать любви только от себя одного. Конечно, если люди друг друга любят – это хорошо, но это не значит, что в жизни бывает только так.

Вопрос. Батюшка, мне кажется, что людям лучше со мной не общаться, потому что они получают от этого вред. Права ли я, что так думаю? Можно ли мне уклоняться от дружбы с сестрами?

Ответ. Уже в самом этом вопросе присутствует некоторое высокоумие: человек думает, что способен жить, не имея никаких друзей, быть одиноким подвижником, не получая ни малейшего утешения от земной дружбы. Может быть, такое одиночество и хорошо, но реально ли? Способен ли человек

выдержать такой подвиг? Я думаю, что это очень нелегко. Когда люди надеются проявить какое-то особенное самопожертвование, в данном случае – отказаться от общения с окружающими, чтобы никому не приносить вреда, то можно предположить, что они преувеличивают свои душевные силы. В результате этот подвиг одиночества, уединения окажется для них неисполнимым. Попробовать ни с кем не общаться, конечно, можно, но я почти уверен, что из этого ничего не получится. А вообще-то все нужно делать с благословения.

Вопрос. Если человек терпит скорбь, смирятся, может быть сам этого не осознавая, то вменится ли такое его поведение в добродетель на Страшном суде?

Ответ. Если человек не понимает, что с ним происходит, то какая ему от этого польза? Ведь главное, чтобы он смирился сознательно, а не волей-неволей терпел неприятности, – дескать, все их испытывают.

Вопрос. Раньше простые люди были лучше: смиреннее, нестяжательнее, исполнительнее. Может быть, это потому, что они жили при крепостном праве и к смиренному поведению их обязывали помещики?

Ответ. Крестьяне на Руси всё понимали и терпели скорби сознательно. Они были людьми малограмотными, но являлись истинными христианами и следовали христианским идеалам. У них был гораздо более тяжелый образ жизни, чем у современных людей: помещики обращались с ними как с рабами, порой как с собаками, и жили они преимущественно в нищете. Известно описание крестьянской трапезы во время поста: квас с редькой и каша. При этом они работали в поле по четырнадцать часов. Поэтому нельзя сказать, что внешние обстоятельства жизни у них были более благоприятными для исполнения заповедей, чем у нас. У людей было очень много скорбей и поводов для ропота, уныния и отчаяния, но они, тем не менее, всё терпели.

Митрополит Вениамин (Федченков), описывая жизнь простых крестьян, говорит, что наш народ был воистину святым. Например, не все в то время могли позволить себе выстроить отдельную избу сыну с семьей. Жили несколько семей в одной

избе, спали по лавкам, получалось – как в коммунальной квартире, но вели себя со смирением, по-христиански. У них действительно были христианские идеалы. Потом, когда народ стали развращать, да и сами люди начали отходить от Церкви, то уже не смогли терпеть и гораздо меньшие скорби: появились ропот, уныние, бунт и прочее. Поэтому говорить о более благоприятных условиях для стяжания добродетели смирения можно лишь в том смысле, что в те времена общество было поистине христианским, вере в Бога учили с детства, но это скорее внутренняя, духовная причина, нежели внешнее обстоятельство.

Вопрос. Кажется, что заповедь о любви к ближнему до конца исполнить невозможно, даже если стараться всю жизнь, – как же мы будем отвечать за исполнение этой заповеди на Страшном суде?

Ответ. Нужно понуждать себя к ее исполнению. Когда мы заповеди Христа считаем для себя необязательными, тогда наше душевное состояние бывает безмятежным и спокойным, как будто бы у нас все в порядке. Когда же мы, несмотря ни на что, боремся с собой и пытаемся исполнить заповеди, может быть при этом тысячекратно спотыкаясь и падая, то в конце концов приходим к осознанию своего ничтожества, своей беспомощности, начинаем больше и искреннее молиться, смиряться, и в нашем отношении к ближнему может произойти какое-то благотворное изменение. Таким образом, смирение приобретается в борьбе, при крайнем напряжении сил. Нельзя пренебрегать исполнением заповедей, отговариваясь тем, что, мол, исполнить их невозможно. Если мы будем себя понуждать, то наше сердце смягчится и в нем появится любовь.

Вопрос. Как нужно правильно понимать слова из последования литургии: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы»?

Ответ. Это только первая часть фразы, произносимая диаконом: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы», а во второй части, которую поет хор, как раз и объясняется, Кого мы должны «единомыслием» исповедовать: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу

единосущную и нераздельную». Это восклицание исполнено глубокого смысла. Оно говорит о том, что подлинное единомыслие, основанное не на общности каких угодно взглядов, а на полном познании истины, происходит от любви. Когда мы возлюбим друг друга, тогда только сможем принести и правильное исповедание Пресвятой Троицы. В этом моменте литургии показано единство нравственного и догматического принципов: где нет любви, там не может быть истинного исповедания. И наоборот, где нет истинного исповедания, там нет любви.

Об этом рассуждали некоторые богословы, даже пытались найти какую-то взаимосвязь между некоторыми пороками человека и его уклонением в ту или иную ересь. Может быть, не стоит так уж математически точно определять взаимосвязь между той или иной страстью и заблуждением в вопросах веры. Но можно сказать, что подобные заблуждения основаны прежде всего на страсти гордости, а прелестные состояния, которые при этом бывают, основаны на тщеславии, а также на утонченном сладострастии (попросту говоря, на блудной страсти). Конечно, могут примешиваться и действия каких-то других страстей. Но там, где есть гордость, дошедшая до своей крайней степени, там, безусловно, никакой любви быть не может – только взаимная неприязнь и ненависть.

Вопрос. Преподобный Нил Сорский дает такой совет: если во время молитвы тебя искушают помыслы, то не обращай на них внимания, а если изнеможешь, то встань и помолись против них. Объясните, как это сделать на практике?

Ответ. Совет «не обращать внимания» не нужно понимать так, что к тебе пришел, например, блудный помысел, занимает тебя, а ты целый день им услаждаешься и не борешься с ним. Что значит не обращать внимания на помысел? Правильнее было бы сказать – отвратить от него внимание. Но у нас не получится отвратить внимание от блудного помысла тем, что мы будем внимательно рассматривать, например, березу. А вот при помощи молитвы это сделать можно. Конечно, не у всех и не всегда это получается, это зависит от соотношения силы молитвы и силы соблазна. Если у тебя есть молитвенный опыт, умение сосредоточиваться, то ты можешь не смотреть умом на пришедший помысел и углубиться в молитву. Тогда помысел, так сказать, остается вне твоего ума, то есть перестает быть помыслом, исчезает. Но для человека неопытного это трудно. Он не может углубиться в молитву: страсть действует в нем сильнее, чем благодать, и греховный помысел отвлекает его ум от молитвы. Человек поневоле, как бы гипнотизируемый силой страсти, увлекается этим помыслом, а тот постепенно разрастается и овладевает сознанием.

Если у нас нет сил уйти от греховного помысла в молитву, если он уже привлек наше сознание и как бы не отпускает его (мы и мучаемся этим, но ничего не можем с собой сделать), тогда мы должны молиться против помысла. Молиться «против» – значит умолять Господа о том, чтобы Он избавил меня от помыслов. Например, на меня напала раздражительность, и я не могу себя сдерживать, или осуждение, или другие навязчивые греховные помыслы. Впрочем, бывают просто суетные помыслы, которые по виду будто бы и ничтожны, но отвлекают человека от молитвы. А если пустяк отвлекает от молитвы, то

это уже не пустяк. В таком случае нужно усердно молиться и против этого по видимости пустякового помысла.

Вопрос. Объясните, как умолить Бога, чтобы Он избавил от помысла? Произнося молитву Иисусову, думать о том, чтобы Господь избавил от этого помысла? Молиться с таким настроением?

Ответ. Да, ведь слова «помилуй мя, грешного» имеют чрезвычайно широкий смысл, и поэтому в них можно вкладывать любую мысль. Таким образом можно молиться о чем-то земном, допустим о своем исцелении или об исцелении другого человека, о духовном – все наши просьбы выражаются в слове «помилуй». Как сказал Спаситель, Бог знает нужды наши прежде нашего прошения, поэтому не обязательно формулировать их в словах, к тому же этот процесс будет отвлекать нас от внимания в молитве. Мы говорим одно и то же: «Помилуй мя, грешного», – семь бед, один ответ.

Вопрос. Это и называется молиться против страсти?

Ответ. Молиться против греховного помысла и молиться против действия конкретной страсти в данный момент – это одно и то же. А вот молиться о совершенном избавлении от страсти, чтобы она тебя больше никогда не мучила, – это совсем другое. И многие святые отцы не советуют этого делать. Мы ведь не знаем: может быть, борьба с этой страстью принесет нам пользу, например смирит нас, а избавившись от страсти, мы впадем в тщеславие или гордость, то есть в другую, худшую страсть.

Вопрос. Если душа во время молитвы из-за сластолюбия волей-неволей наслаждается каким-либо страстным помыслом, стоит ли после этого мысленного падения укорять себя, молиться с осознанием своей ничтожности и окаянства, вкладывать в молитву чувство того, что ты грешный? Или лучше просто молиться, не обращая ни на что внимания?

Ответ. Если человек искренне будет думать о себе, что он грешный, то ему больше ничего не нужно будет вкладывать в молитву. А слово «грешный» есть в молитве Иисусовой. И даже если человек не думает об этом слове (например, в древнем варианте Иисусовой молитвы этого слова нет), то когда он

говорит «помилуй мя», он уже естественным образом смиряется. Ведь кто нуждается в помиловании? Человек осужденный, чего-то лишенный.

Нужно ли укорять себя и каким образом это делать? Если ты принял какой-то греховный помысел, конечно, нужно каяться. Покаяние это может выражаться в той же самой Иисусовой молитве. Ее слова достаточны для выражения покаяния, они, так сказать, всеобъемлющи, а многословие развлекает ум. Если мы говорим себе какие бы то ни было слова, оскорбительные или, наоборот, назидательные, все равно они будут нас отвлекать. Безвредное, всегда уместное самоукорение – это воспоминание евангельских заповедей. Когда мы вспоминаем заповеди, допустим, *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28) или *всякий, гневящийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 22) – и сравниваем их со своим внутренним состоянием, то это и есть лучшее самоукорение. С одной стороны, заповеди напоминают нам о том, какими мы должны быть, что мы должны делать, с другой – обличают наше отступление от Евангелия.

Вопрос. Батюшка, если помысел представляет уму красоты мира, разные греховные удовольствия, то как лучше поступать? Приводить себе на память евангельские заповеди или молиться против этого помысла Иисусовой молитвой? Я пробовал вспоминать слова Спасителя: *Кая польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит?* (см. Мф. 16, 26), и тогда помысел удалялся от меня.

Ответ. И прекрасно. Если мы не будем вспоминать Евангелия, то зачем тогда оно нужно? Что же мы будем в таком случае исполнять? Молиться Иисусовой молитвой и больше ни о чем не думать? Но это хорошо, может быть, тогда, когда мы сидим в келье в уединении, да и то нам приходят в голову какие-то мысли, и мы должны проверять, от Бога ли они, согласны ли они с Евангелием.

Ты вспоминаешь евангельские слова, и они прогоняют помыслы. Это как раз и есть то, о чем говорит Нил Сорский, когда советует плохие мысли заменять добрыми. Но добрые

мысли, опять же, желательно не придумывать самому, а заимствовать либо из Священного Писания (что лучше), либо из святоотеческих творений. Так что вспоминать о заповедях необходимо. А то может выйти по пословице «заставь дурака Богу молиться, так он лоб расшибет»: будет так молиться, что про Евангелие забудет, как будто его и нет.

Вопрос. Батюшка, я часто пропускаю утреню из-за того, что много забот по послушанию. Но все равно многое не успеваю и впадаю в уныние: получается, я и дело не исполняю, и на молитву времени нет. Что вы посоветуете?

Ответ. Надо учиться беречь свое время и не слишком увлекаться послушанием. Когда исполняешь послушание со страстью, то начинаешь тратить много времени попусту: говорить лишнее, чрезмерно суетиться. Кроме того, нужно стараться не пренебрегать молитвой, а то постепенно под предлогом занятости впадешь в нерадение и забудешь о своем спасении. У нас есть братья, которые действительно много заняты, но это не значит, что они могут забыть о молитве. А иначе можно стать хорошим администратором, да кем угодно – вплоть до хорошего духовника, а собственную душу опустошить. Тогда к нам действительно будут приложимы слова: *Кая польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит?* В то же время мы не должны пренебрегать послушанием, мы должны учиться делать всё быстро, четко, расторопно и при этом не забывать о своей душе.

Вопрос. Батюшка, чувствую, что в течение дня теряю огонек в духовной брани, в молитве и даже привыкаю к этому. Мне это неприятно. Как этого избежать?

Ответ. Сохранять горячую ревность весь день, конечно, очень трудно. В течение дня человек волей-неволей охлаждается. Едва ли можно найти человека, который совершенно не поддавался бы этому. Нужно стараться находить какие-то паузы, пусть небольшие, прочитывать одну-две главы Евангелия или несколько страниц святоотеческой книги, которая возбуждает в тебе ревность. Находить время помолиться Иисусовой молитвой, допустим прочесть сотню, – и то уже хорошо. Ведь небольшие паузы в течение дня все равно

бывают. А мы в это время обычно просто сидим; если даже и молимся, то формально, рассеянно, у нас не хватает сил мобилизоваться.

Вопрос. Когда богатый юноша не решился раздать свое имение и пойти за Христом, взяв крест, то Спаситель сказал: *Трудно богатому войти в Царствие Небесное* (Мф. 19, 23). А потом, когда ученики от этих слов стали ужасаться и говорить: *Кто же может спастись?* – Господь им ответил: *Человекам это невозможно, Богу же все возможно* (см. Мф. 19, 25–26). Допустим, монах сознает, что у него есть пристрастие, от которого он не может отказаться. Можно ли понимать эти слова Спасителя таким образом, что человек, несмотря на свое пристрастие, все равно может спастись?

Ответ. Здорово ты придумал. Хорошую базу ты подвел под свое нерадение. Допустим, мы и в самом деле можем спастись, даже имея какие-то пристрастия и грехи. Но ведь это же страшно, если мы знаем, что должны в чем-то исправиться, и не исправляемся. Никому не известно, какая нас ждет участь. Мне кажется, что благоразумный человек, который действительно верит в справедливый Божий суд и вечную жизнь, должен сделать все, что ему возможно. А уж в том, что ему сделать не удалось, он будет надеяться на милость Божию. Если так спокойно пренебрегать своим исправлением, можно многое оправдать: «Ну что ж, есть у меня пристрастие, допустим, к вину. Что я могу с этим сделать? Люблю выпить. Господь милостив». Так оправдываться нельзя, тем более монашествующим. В миру люди связаны многочисленными узами и поневоле испытывают пристрастие к домашним, к имуществу, необходимому для семьи. Но чем можем оправдаться мы? Мы имеем пристрастия и при этом еще говорим: «А что можно сделать?» Мы должны бороться с ними изо всех сил, а если не видим их, должны молиться, чтобы Господь просветил наши душевные очи.

Изречение Спасителя не оправдывает пристрастий. Понимать его нужно не в том смысле, что наше нерадение будет прощено, а в том смысле, что человек должен, с одной стороны, смириться и осознать свое совершенное бессилие, с другой –

надеяться на Бога, Который может совершить и невозможное, то есть превозмочь даже самую глубокую человеческую немощь.

Вопрос. Вы говорили, что преуспевание в молитве приобретается преимущественно на правиле. Имеется в виду именно погружение во внимательную молитву? А если человек, допустим, устремляет свое внимание на борьбу с греховным помыслом или просит у Бога помощи в каком-то деле, он в такие моменты преуспевает или топчется на месте?

Ответ. Если мы боремся с грехом, то мы не топчемся на месте. Даже если и топчемся, то это не самый плохой вариант: можно ведь и назад маршировать. Бывает, что люди, живя в монастыре, становятся еще хуже, чем были раньше. Если сравнивать духовную жизнь, допустим, с войной, то боевые действия ведь бывают разные. Иногда войско наступает, иногда окапывается, удерживает позиции, или, как ты говоришь, топчется на месте; иногда ему приходится делать тактические отступления, лишь бы они не были паническим бегством. Не всегда нужно стремиться только вперед. Если войско будет только наступать и наступать, то от него ничего не останется, оно будет уничтожено из-за своей неразумной храбрости.

Что касается борьбы с помыслами, то как раз во время нее и приобретается опытность. Нам хочется такого преуспевания, чтобы мы испытывали всё бо льшую и бо льшую благодать, скажем всё большее и большее внимание в молитве. Однако преуспевание состоит и в том, что мы приобретаем искусство в борьбе со своими страстями, учимся различать их, противостоять им и стяжеваем противоположные им добродетели. И это преуспевание, может быть, даже более значимое, ведь если мы преуспеваем в молитве, но не имеем опыта в борьбе со страстями, то мы фактически не имеем опыта в евангельской жизни.

Вопрос. Святые отцы, особенно первых веков, пишут о богомыслии, в том числе и во время молитвы. Приемлемо ли это для нас?

Ответ. Святитель Игнатий относится к богомыслию с осторожностью и не рекомендует им заниматься. Лучшее

богомыслие – это внимательное чтение Священного Писания. И во время этого чтения не надо ни о чем размышлять, лишь бы только была вера и благоговейное чувство. Чтение творений святых отцов, занимавшихся богомыслием, например святителя Тихона Задонского, также является тем видом богомыслия, которое нам позволительно. Допустим, мы читаем книгу святителя Иннокентия Херсонского о последних днях жизни Спасителя, принимаем читаемое всем сердцем – для нас это уже богомыслие. А самостоятельно размышлять на эту тему опасно.

Вопрос. Может быть, богомыслие помогает при молитве сосредотачивать внимание?

Ответ. Если вспоминать сочинения святых отцов, тогда это помогает, а если размышлять о Боге самостоятельно, то это может плохо кончиться, в особенности у людей малообразованных, как об этом пишет святитель Игнатий. Я думаю, что допустимым и самым лучшим видом богомыслия во время молитвы является память смертная. Об этом говорит тот же святитель Игнатий. Все остальное может вызвать некоторое надмение и гордость, даже если мы будем размышлять, например, о страданиях Спасителя, как это делали древние отцы.

Кроме того, чтобы при занятии богомыслием остаться в рамках святоотеческой традиции, надо иметь глубокое образование, прекрасно знать догматическое учение Церкви, толкования Священного Писания. Если толковать Писание самому, можно впасть в какую-нибудь ересь. Хотя некоторые отцы и занимались богомыслием и их творения нас умиляют, но это очень опасно. Лучше делать так, как говорит Иоанн Лествичник, – соединять молитву Иисусову с памятью смертной: просто, без всяких пространных размышлений помнить о смерти, а внимательная молитва дополнит это нужными ощущениями. Отсюда будет и искреннее покаяние. А то начнешь думать о вечной жизни, мечтать, как ты попадешь в райские обители... Отправишься гулять по райскому саду, – глядишь, подойдет к тебе змей и скажет то же, что сказал Еве, этим все и закончится.

Вопрос. Когда ты произносишь слова молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий», нужно ведь понимать, что значит «Сыне Божий», то есть осознавать, что Бог воплотился ради тебя. Это не считается богомыслием?

Ответ. Иисусова молитва – это, конечно, слова, пусть даже и краткие. Это изречение, фраза. Над этой фразой можно размышлять, но когда мы над ней размышляем, то мы уже не молимся. Скажем, в греческом «Добротолюбии» существует богословское толкование слов молитвы Иисусовой, в котором говорится, что в этих кратких словах есть опровержение разных ересей. Хорошо, конечно, это знать, но если мы во время молитвы будем отвлекаться пусть даже на самые возвышенные размышления, то это уже не будет молитвой.

Из предположения: если я не буду об этом размышлять, то я не буду этого понимать – следует то, что молитва приносит пользу не потому, что действует благодать, а потому, что ты понимаешь ее содержание. Но когда в тебе будет действовать благодать, когда ты в молитве приблизишься к Богу и войдешь с Ним в общение, прикоснешься своим умом к ризам Божественной благодати, к Божественным действиям, тогда тебе не нужны будут объяснения, Кто такой Сын Божий, ты почувствуешь это своим духом. Иначе выходит, что если нам не объяснить истину в каких-то словах, то мы и познать ее не сможем.

– А если просто пытаешься вложить смысл в каждое слово, чтобы понимать, что такое «Господи, Иисусе Христе...»?

– Не так надо! Надо вкладывать не смысл, а ум.

– А если вкладывать смысл, что будет?

– Прелесть или гордость. Мне известны такие случаи, когда некоторые люди молились, размышляя о том, что означает слово «Господи», что означает слово «Иисусе» и так далее. Но это ничего не давало – только тщеславие. Никакой молитвы, собственно, не было.

Вопрос. Получается, что можно повторять молитву просто как заклинание, как набор слов?

Ответ. Еще раз говорю: понимание и внимание – это разные вещи! В заклинании не придают значения вниманию,

просто повторяют нужную формулу – в этом смысле мы должны читать молитву не так, как заклинание. А если иметь в виду то, что не нужно размышлять над словами, то да, можно читать как заклинание, только со вниманием. Если мы будем повторять молитву со вниманием, то увидим, что Господь есть Сын Божий, увидим, что Он Христос, увидим и почувствуем, что Он нас милует. Увидим не потому, что поймем смысл слов, а потому, что будем беседовать с Самим Господом, то есть познаем это непосредственно.

Когда нет внимания, не надо размышлять над словами молитвы, надо сосредоточиваться. Иначе ты еще больше отвлечешься.

Вопрос. Я думал, что внимание и состоит в том, что мы понимаем слова молитвы.

Ответ. Если мы православные христиане, то мы, конечно, понимаем и знаем, Кто такой Иисус. Если мы не читали Евангелия и не знаем, Кто такой Иисус, а нам говорят: читай Иисусову молитву, то наша молитва будет заклинанием. Да и то она может принести нам пользу, если мы будем молиться искренне. Даже если у нас весьма скромное, туманное представление о христианстве, но мы имеем чистое сердце, чистую совесть и от всей души молимся, то мы можем познать Господа и помимо книг. Ведь те, кто нам открыл истину, допустим апостолы, познали истины христианства не из книг, а из опыта. Когда есть непосредственный опыт, тогда и книги не нужны, как говорят святые отцы.

Во время молитвы надо отвергать все мысли, даже благочестивые. Тогда ты, собственно, и будешь молиться и тебе не нужно будет объяснение, Кто такой Христос. Представь себе: я хочу познакомиться с неким человеком. Когда мне подробно описывают его внешность, я пытаюсь вообразить, как этот человек выглядит. Может быть, описали мне точно, и я имею о нем какое-то представление, но ведь гораздо проще и лучше я его узнаю, если войду с ним в общение. Лучше мне сделать усилие, для того чтобы с ним познакомиться, чем тратить время на разговоры о нем. А у тебя так получается, что если я буду

много размышлять о внешности человека, то мне, пожалуй, и ходить к нему не нужно будет.

Вопрос. Бывает, что на послушании сильно погружаешься в суету, а возможности почитать Евангелие нет. Можно ли в этом случае вспоминать о жизни Спасителя, о Его крестной жертве за нас, чтобы прийти в себя и начать молиться?

Ответ. Допустимо, конечно, вспомнить о чем-то духовном, но это может принести как пользу, так и вред, потому что ты рискуешь поддаться фантазии и уклониться от правильного пути. Это – во-первых. Во-вторых, ты вместо того, чтобы понудить себя к вниманию, просто возбуждаешь в себе ревность благочестивой мыслью. Конечно, эта благочестивая мысль может вызывать у тебя какое-то чувство. Книги, иконы и церковные песнопения тоже вызывают в нас чувства. А дальше что? Надо заставлять свою мысль вместить в слова молитвы. Отцы ведь не говорят: размышляй о молитве, а дают ясный совет: вмещай ум в слова молитвы.

Вопрос. Батюшка, некоторые советуют при молитве акцентировать внимание на каком-то слове или словах, допустим «Иисусе Христе». Бывает, когда чувствуешь потребность покаяния, то, молясь, больше внимания уделяешь слову «грешного». Можно ли так делать?

Ответ. Специально сосредоточиваться на слове «Господи», или «Христе», или «грешного» не следует, потому что мы таким образом вносим в молитву нечто человеческое, подчас чуждое действию благодати и нарушающее его. Да, бывает иногда, что один человек под особым действием благодати в благоговейном ужасе повторяет: «Господи, Господи!», другой повторяет: «Иисусе!» или, как говорит старец Василий Поляномерульский, «Иисусе мой!», иные говорят только: «Иисус Христос», потому что не могут произносить молитву полностью. Какие-то отдельные слова, допустим «помилуй» или «помилуй мя грешного», иногда могут вызывать особенное покаяние. Но такое, как я сказал, бывает произвольно, когда действует благодать Божия и вызывает в нас то или иное настроение. От нас это не зависит.

Нужно, конечно, помнить, что настроение молитвы должно быть прежде всего покаянное, но еще больше мы должны думать просто о внимании. Как говорит святитель Игнатий, ценность молитвы – во внимании, а остальное все придет. Если у нас будет настоящее внимание, то, конечно же, будут и чувства. Как мы можем бесчувственно молиться, когда приближаемся к Господу? Конечно, у нас будет и умиление, и покаяние, и страх, и любовь, и благодарность, и много-много самых разнообразных чувств.

Вопрос. Со мной бывает такое: я молюсь и чувствую, что молюсь осмысленно. Как к этому относиться?

Ответ. Если ты понимаешь, что ты говоришь и Кому ты говоришь, то это не значит, что ты молишься осмысленно, – это значит, что ты молишься внимательно. Ты путаешь размышление о Боге с молитвой Богу. Дионисий Ареопагит, например, различает размышление о Боге и молитву. Молитва – это, по его выражению, кругообразное движение ума, а размышление о Боге – спиралеобразное, размышление же о вещах видимого мира – это движение по прямой. Размышление о Боге соединяется из кругообразного и прямого движения.

Ты отождествляешь общение с Богом и понимание слов молитвы. Это неправильно. Мы все молимся осмысленно: осмысленно молится человек, который во время молитвы становится весь как огонь, осмысленно молился преподобный Симеон Новый Богослов, который в каждом своем члене видел Христа, и осмысленно молится какой-нибудь послушник, который счастлив уже оттого, что у него выступила слеза умиления. Но ведь дело не в том, что мы молимся осмысленно, а в том, что мы реально входим в общение с Богом. И тогда нам не нужно искать в учебнике по богословию, Кто такой Сын Божий и что такое воплощение, потому что мы знаем это непосредственно. Если мы пришли в такое благодатное состояние, как Симеон Новый Богослов, Силуан Афонский, Софроний (Сахаров) и другие древние и новые подвижники, то мы имеем ту же благодать и те же знания, какие имели апостолы. А ты путаешь эти две вещи: понимание и непосредственное общение. Хотя бы ты все

понимал и мог прекрасно объяснить, Кто такой Сын Божий, то само по себе это тебя к Богу не приблизило бы. А старец Силуан пусть даже и не мог объяснить, что такое воплощение, потому что не знал догматического богословия, но зато он был в общении с Богом.

Понимание слов молитвы, может быть, и уместно, и мы должны знать, хотя бы в минимальных формах, догматическое учение Церкви – это нам молиться не помешает, а поможет, но в самой молитве никаких размышлений, в том числе и о тексте молитвы, быть не должно. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что рассуждение о догматах опасно для ума безмолвника. Слово «безмолвник» по-гречески звучит как «исихаст», а исихаст – это человек, занимающийся умным деланием. Поэтому никаких размышлений о воплощении Сына Божия совершенно не нужно. Нужно, наоборот, внимательно молиться, чтобы хоть что-то почувствовать самому. Что лучше: тебе будут рассказывать о прекрасном обеде в роскошном ресторане, а ты будешь сидеть голодный или ты съешь хотя бы что-нибудь, пусть и не такое роскошное? Ты же прекрасными рассказами не наешься!

Вопрос. В одной из бесед вы хорошо сказали, что *время всякой вещи под небом* (Еккл. 3, 1). То есть, если нужно возбудить ревность, можно что-нибудь почитать, а если дело касается молитвы, нужно отложить всякие посторонние мысли и искать только внимания.

Ответ. Действительно, *время всякой вещи под небом*. Если ты хочешь разогреть свою душу, тогда можно что-нибудь почитать, а если нет возможности почитать, то что-нибудь вспомнить. Некоторые для этой цели учили наизусть, допустим, псалмы или евангельские тексты, чтобы они всегда были в памяти. Можно чисто теоретически допустить использование для такого благочестивого размышления слов Иисусовой молитвы, но я бы не советовал этого делать. А так – кому что помогает: чтение Евангелия, например, помогает прийти в себя при унынии. Чаще всего читают творения святых отцов: эти книги и ревность возбуждают, и дают какие-то конкретные

советы. Можно читать и жития святых. Конечно, все должно быть с благословения, а не произвольно.

О том, как относиться к своим преткновениям¹¹¹

У многих ревностных христиан, особенно у тех, которые избрали монашеский образ жизни, время от времени возникает уныние, переходящее иногда даже в отчаяние. Связано это с тем, что им с трудом дается исполнение заповедей, им кажется, что борьба со страстями безуспешна и они никогда не смогут себя победить. Вспомним рассуждение святителя Игнатия (Брянчанинова) о том, какие условия необходимы для того, чтобы в человеке возникло истинное покаяние. Он говорит, что покаяние является правильным следствием брани, если человек борется. Но может быть и неправильное, плохое следствие брани – в том случае, если человек поддается страсти и падает.

Брань возникает по нескольким причинам. Святитель Игнатий называет четыре причины, вызывающие брань: упражнение в молитве Иисусовой, чтение Евангелия и понуждение себя к исполнению заповедей, послушание старцу и, наконец, терпение скорбей. Если человек живет правильно, все исполняет, то невозможно, чтобы у него не было браней.

Господь наш Иисус Христос сказал: *Горе миру от соблазнов, ибо надлежит прийти соблазнам* (см. Мф. 18, 7). Под миром здесь подразумевается все человечество, живущее в земном, временном мире. Мы же предполагаем, что у нас соблазнов не будет и, следовательно, горя мы испытывать тоже не будем. Слова *горе миру от соблазнов* говорят о том, что человек, борющийся с соблазнами, испытывает сильнейшие переживания и душевные мучения, то есть пребывает в состоянии, которое мы обычно называем горем, несчастьем. Но скорби неминуемы, *ибо надлежит прийти соблазнам*. Святые отцы много рассуждают о том, что скорби необходимы нам для того, чтобы обнаружилась наша ревность, наша любовь к Богу. У нас нет возможности самим выбирать себе скорби, которые представляются нам более уместными и полезными, и желать этого было бы слишком по-детски. Мы должны принимать такие

скорби, какие посылает нам Господь Бог. И конечно же, в первую очередь это скорби, связанные с внутренней жизнью. Есть ли у человека внешние, то есть телесные, скорби или нет, но внутренние, душевные скорби у всякого желающего жить по Евангелию обязательно должны быть.

Возьмем для примера какую-нибудь внешнюю скорбь, скажем болезнь. К ней можно относиться по-евангельски, а можно, так сказать, согласно естественному разуму. По-евангельски мы относимся тогда, когда не поддаемся страсти печали и, принимая скорбь как некое обстоятельство, не испытываем чувства скорби, отвергаем его и даже среди несчастья, среди страдания можем благодарить Бога и наслаждаться Божественным утешением. Иногда это утешение бывает до такой степени обильным, что и сама болезнь перестает приносить страдания. Благодать настолько утешает человека, что боль уже не чувствуется.

Мы должны понимать, что все зависит от того, как мы сами относимся к происходящему, в том числе и к нашим внутренним искушениям и испытаниям. Для человека, желающего исполнять заповеди, события внутренней жизни являются гораздо более важными, чем всё внешнее. Поэтому он как бы всматривается внутрь себя и, если он истинный христианин, скорбит о преступлении заповедей и порой испытывает сильнейшие душевные страдания от безуспешности своей борьбы за следование Евангелию.

У Григория Синаита есть замечательное рассуждение о том, для чего нужны душевные страдания, поражения, вызывающие в нас некую печаль. Эта печаль в определенном смысле является для нас естественной, потому что, если бы мы, претываясь и нравственно падая, пребывали в каком-то спокойном, беспечном состоянии, это говорило бы о нашем нерадении и безразличии, о нашем сластолюбии. В таком случае мы показали бы себя людьми, для которых нравственное падение не является чем-то достойным переживания и печали. Потому вполне естественно, что, падая, претываясь, чувствуя свою беспомощность, гневаясь на себя за собственное лукавство, за предательство самих себя, мы

испытываем скорбь. Так обязательно должно быть, но скорбь эта не должна переходить в отчаяние, она должна быть умеренной и разумной, то есть такой, которая заставляет нас с большей ревностью и одновременно с бóльшим смирением вновь и вновь устремляться на борьбу со злом в себе самих.

Вот как говорит о смирении, рождающемся от такого состояния, преподобный Григорий Синаит: «Есть семь взаимно входящих и друг от друга порождающихся, но различных способов, ведущих и руководствующих к ниспосылаемому Богом смирению: молчание, смиренномудрие, смиреннословие, смиренная одежда, самоунижение, сокрушение духа и отнесение себя всюду к последним»¹¹². Смиренномудрие – это смиренное о себе мудрование, размышление. Смиреннословие – это смиренное о себе высказывание (не всегда этот термин употребляется в плохом смысле слова: говорить о себе смиренно, а внутренне оставаться гордым). Смиренная одежда нужна постольку, поскольку внешность человека часто его смиряет. Самоунижение также может принести человеку некоторое смирение, сокрушение духа, если человек искренне старается унизить себя не ради того, чтобы его другие за это хвалили, а внутренне, перед самим собой.

Далее Григорий Синаит пишет: «Разумное молчание рождает смиренномудрие. От смиренномудрия истекают три вида смирения: смиренное словопроизношение, смирение и нищета в одежде и постоянное самоукорение. Эти три образа смирения дают начало сокрушению, производимому попусшением испытаний и называемому промыслительным наказанием и смирением посредством демонов»¹¹³. Если в нас нет предварительного смирения, то и сокрушение не может в нас возникнуть – по той причине, что на свои собственные падения мы будем реагировать неправильно, допустим роптать, возмущаться духом, унывать или, наоборот, не обращать никакого внимания на свои преткновения, не видеть в этом ничего особенно страшного, всячески находить себе извинения и оправдания. Таким образом, мы будем жить жизнью, хотя и страшно это сказать, неверующего человека, который если и согрешит, то греха в этом не увидит. Он думает

только о сугубо внешних последствиях греха, опасается, что ему придется испытывать скорби от людей или что он повредит свое здоровье, но он не думает о своем нравственном состоянии и о последствиях духовных.

Что значит «смирение посредством демонов»? Действительно, демоны нас смиряют. Они делают это не ради нашей пользы, но они поневоле толкают нас в такое состояние, пребывая в котором мы (если правильно на него реагируем) приобретаем возвышеннейшую добродетель смирения. Постоянно претыкаясь, падая, не имея сил бороться с грехом, мы, приобретая такой печальный опыт, смиряемся волей-неволей, а правильнее сказать, добровольно, потому что из любого обстоятельства можно сделать как правильный, так и неправильный вывод. Смирение, сокрушение – это правильные выводы, а ропот или нерадение, конечно же, неправильные.

Читаем далее: «Сокрушение самым делом легко поставляет душу в ее чувстве ниже всех и последней из всех, как раболепствующую всем»¹¹⁴. Человек начинает искренне думать о себе, что он хуже всех, потому что чувствует себя немощнее всех окружающих его людей и даже, как говорит Григорий Синаит, самих демонов, ведь они всегда его побеждают. «Два этих вида приносят совершенное и богодарованное смирение, называемое силой и совершенством всех добродетелей. Оно свое исправление приписывает Богу»¹¹⁵. Это уже высшее состояние, и пока мы об этом не говорим. Когда человек приобретает это высшее состояние, тогда, действительно исполняя евангельские заповеди, он уже не способен поддаться гордости и думать о себе, будто бы он своими силами достиг исполнения добродетелей или нравственного исправления. И от действия благодати, и от твердого, непоколебимого осознания своей немощи он всегда все приписывает Богу. Приписывает не потому, что это какая-то полезная, разумная игра, а потому, что это и есть сама жизнь, сама действительность.

Это возможно только в том случае, если человек понуждает себя к добродетелям. Если же он ни к чему себя не понуждает,

то и бессилия своего не чувствует, потому что ему не представляется случая в этом убедиться. Когда мы делаем то, что хотим, или то, что легко нам дается, мы всё более и более утверждаемся в той мысли, будто мы что-то из себя представляем. Когда же делаем то, что для нас трудно или почти невозможно, – таким является для нас следование Евангелию, – тогда, постоянно претыкаясь, чувствуя вторжение некой посторонней силы, мешающей, препятствующей исполнению заповедей, мы приходим в состояние, которое и описывает преподобный Григорий Синаит. Постепенно, от ступени к ступени (здесь ступени ведут не вверх, а вниз) мы приходим к глубочайшему, искреннему смирению и, чувствуя содействие Божие в исполнении заповедей, одновременно осознаем свою полную немощь и искренно все приписываем Богу.

«Итак, первый из всех образов смирения – молчание, от которого рождается смиренномудрие. Это производит три вида смирения; три образуют один – сокрушение. Сокрушение рождает седьмой вид, или подчиненный всем образ первого смирения, которое называют промыслительным. Промыслительное же смирение приносит в душу ниспосылаемое Богом совершенное истинное, необразное смирение»¹¹⁶, то есть то смирение, о котором преподобный Иоанн Лествичник говорит, что тот, кто пытается его описать, совершает дело безумное, а преподобный старец Силуан Афонский, – что истинное смирение является подражанием Самому Христу. Но нельзя прийти к этому высшему Христову смирению, христоподражанию, если мы не пройдем через промыслительное смирение. Преподобный Григорий Синаит пишет о нем так: «Первое, то есть промыслительное смирение, возникает при таких условиях. Если человек, предоставленный самому себе, нравственно побежден, поработчен и испытывает над собой господство всякой страсти и помысла, то, не встречая помощи ни от дел, ни от Бога и совершенно ни от кого и почти впадая в отчаяние, не может, угнетаемый отовсюду, не сокрушиться. Он считает себя низшим всех и последним рабом, худшим самих демонов, как побеждаемый ими и подпавший их

тиранству. Это и есть промыслительное смирение. После него Богом подается свыше второе – высшее – смирение, которое представляет собой Божественную силу, действующую во всем и производящую все. Благодаря ей человек, всегда видя себя орудием Божественной силы, совершает с ее помощью удивительные Божии дела»¹¹⁷. Мы сейчас говорим о первом, промыслительном смирении, рождающем второе, высшее, или, если так можно выразиться, полное, подлинное смирение. И всякий здравомыслящий человек, истово понуждающий себя к исполнению заповедей, замечает в себе состояние промыслительного смирения, которое описывает Григорий Синаит.

Конечно, если мы не будем вести борьбу с самими собой, если будем пребывать в полном нерадении и падать, но падать не в борьбе, то можем сделать неправильные выводы: нам будет казаться, что мы потому не исполняем заповедей или евангельских добродетелей, что просто не заставляем себя. Вот захотели бы, понудили себя, тогда исполнили бы, но мы или не хотим, или не пришло еще время, или какие-то обстоятельства мешают, или мы считаем это для себя необязательным, думая, что для нас достаточно и того, что мы не совершаем грубых грехов. Ветхозаветные заповеди мы исполняем, а о новозаветных не думаем, пренебрегаем ими.

Может быть еще худшее состояние, при котором мы совсем не хотим ничего делать, считаем, что в грехах, мысленных преткновениях (осуждении, нечистых помыслах, гневе и прочем) ничего страшного нет и в общем-то вполне можно так прожить. Такие выводы не имеют ничего общего с промыслительным смирением. По видимости эти состояния в чем-то сходны: и там и здесь человек чувствует, что его попирают демоны, и там и здесь чувствует порабощенность греху, но в первом случае он действительно ощущает это как рабство, хочет из него вырваться, но не может, а во втором случае никаких серьезных, чрезвычайных усилий он не делает и поэтому думает, что это можно легко преодолеть. Естественно, смириться он не будет, потому что не ощущает своего бессилия.

Некоторые люди доходят до явного неразумия. Приведу, может быть, утрированный пример, но, тем не менее, он взят из жизни. Один человек, оттого что у него были трудности в воспитании детей, упрекнул другого, пытающегося вести аскетический образ жизни: «Тебе легко, у тебя детей нет». Тот ответил ему: «Что же тебе мешало избрать такой легкий образ жизни?» Многим представляется, что если бы они только захотели, то с легкостью все исполнили бы, но они, мол, просто не хотят. Конечно, никакого смирения здесь нет: оно возникает в борьбе со страстями, при крайнем напряжении сил. Когда мы чувствуем, что во всем терпим неудачи, чувствуем безысходность, когда нам кажется, что мы никогда не сможем победить зло и в таком неисправном состоянии отойдем в вечную жизнь, — это и есть промыслительное смирение. Григорий Синаит говорит, что это неминуемая стадия в борьбе с грехом. Поэтому те, кто предполагает, что возможно достичь каких-то духовных состояний, в особенности приобрести истинное смирение, минуя внутренние скорби, страдания, душевные мучения, и что возможны исключения, совершенно не имеют духовного опыта. Исключений нет.

В Евангелии также говорится об этом. Спаситель требует от нас крайнего понуждения и даже на примере некоторых Своих учеников промыслительно показывает, что невозможно достичь совершенства, если ты не страдал душевно. Возьмем, например, такое изречение Евангелия: *Горе миру от соблазн, нужда бо есть приити соблазном, обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит (Мф. 18, 7)*, то есть невозможно прожить эту жизнь, не испытав горя от действия соблазнов. Но горе испытывает тот, кто борется с соблазнами, а тот, кто поддается им, чувствует во время земной своей жизни, что он как будто бы счастлив. Далее говорится о том, как нужно вести себя в этой борьбе: *Аще ли рука твоя или нога твоя соблажняет тя, отсецы ю и верзи от себе: добрейше ти есть внити в живот хрому или бедну, неже две руце и две нозе имущу ввержену быти во огнь вечный; и аще око твое соблажняет тя, изми е и верзи от себе: добрейше ти есть со едином оком в живот внити, неже две оце имущу ввержену*

быти в геенну огненную (Мф. 18, 8–9). В борьбе с соблазном Спаситель призывает нас к необыкновенной жестокости по отношению к себе – к такой жестокости, которую можно сравнить только с отсечением собственных членов. Конечно же, тот, кто вырывает свой глаз или отсекает руку или ногу, не может не испытывать страдания, притом страдания жесточайшего, но и тот, кто борется с грехом, также испытывает необыкновенное душевное страдание и мучение. И тот, кто через это не проходит, вернее, не хочет этого испытать, конечно, соблазнов никогда не победит.

Господь наш Иисус Христос открыл нам этот духовный закон, и мы не имеем права дерзновенно отрицать его обязательность и утверждать, что возможны случаи, когда его исполнения не требуется. Бытует такое мнение, что смирение помогает избавиться человеку от действия страстей: смирись, и тогда тебе будет легко, ты победишь любую страсть или она совсем не будет действовать. Это правильно, но только смирение приобретается, как говорит Григорий Синаит, в жестокой борьбе, после многочисленных, можно сказать постоянных, опытов собственной немощи, и никак иначе. Если бы кто-то смог приобрести смирение каким-то иным образом или оно было бы у него от природы (а такие случаи – это редчайшие исключения), то ему не нужно было бы это испытывать.

Некоторые говорят, что святой праведный Иоанн Кронштадтский имел природное смирение. Может быть, в какой-то степени это и так, но и он испытал жесточайшую борьбу с собой, что можно видеть по его дневниковым записям. У него была сильнейшая хульная брань – брань неверия. Она мучительным, ужасным образом нападала на него во время совершения Божественной литургии, так что у него вдруг мрачнело лицо и он как бы застывал, что замечали некоторые свидетели. Но, мужественно ведя эту борьбу и победив демона неверия, отец Иоанн Кронштадтский приобрел великую, небывалую во времена рационализма и вольнодумства веру. Он совершал многочисленные чудеса, которые удивляли людей

даже неверующих и обращали к вере тех, кто был совершенно безразличен к религии и чужд ее.

Интересно, что сразу после учения о том, что нужно с жестокостью отсекаать соблазны, следует рассуждение Господа о смирении по отношению к ближнему. Спаситель сначала говорит о том, что нужно отсекаать руку, ногу, извергать глаз, а потом: *Блюдите, да не презрите единого от малых сих (Мф. 18, 10)*. После борьбы с собой в человеке естественно возникает смирение перед ближними, и он начинает считать их лучшими или, по крайней мере, равными себе. А мы, если трезво на себя посмотрим, увидим, что считаем себя лучше тех, кто нас окружает, потому что всегда предпочитаем себя другим людям.

На примере апостола Петра можно проследить ту борьбу, которая постепенно приводит человека к смирению. Конечно, мы многого не знаем о его переживаниях, но, обратившись к некоторым событиям его жизни, мы можем догадаться о том, что он испытывал внутренне. *Бе же Андрей, брат Симона Петра, един от обою слышавшею от Иоанна и по нем шедшею. Обрете сей прежде брата своего Симона и глагола ему: обретохом Мессию, еже есть сказуемо Христос. И приведе его ко Иисусови. Возрев же на нъ Иисус рече: ты еси Симон сын Ионин; ты наречешися Кифа, еже сказуется Петр (Ин. 1, 40–42)*. Господь наш Иисус Христос призвал апостола Петра, но Петр не последовал за ним сразу. Окончательное его призвание описано в Евангелии от Луки. После чудесного лова рыбы апостол Петр сказал Спасителю: *Изыди от Мене, яко муж грешен есмь (Лк. 5, 8)*, то есть проявил неподдельное смирение, и после этого вновь был призван Спасителем на служение. *И рече к Симону Иисус: не бойся; отселе будеши человеки ловя (Лк. 5, 10)*. Тогда он последовал за Господом. Мы привыкли идеализировать святых, не понимая, что для того, чтобы достигнуть состояния, которое мы называем святостью, необходима борьба, а где борьба, там и сопротивление.

Итак, мы видим, что апостол Петр не сразу преодолел некоторое нерадение. Спаситель сказал ему, что он избранный апостол, но Петр, тем не менее, не следовал за Господом, продолжая заниматься своими обычными делами. И только

после необыкновенного чуда нашел в себе мужество и ревность все оставить. Но и потом у него не было все беспреткновенно, спокойно и ровно. Апостол Петр проявлял ревность, горячность в вере, показывал, что он действительно искренне любит Господа, и одновременно совершал грубые ошибки, претыкался.

Пришед же Иисус во страны Кесарии Филипповы, вопрошаше ученики Своя, глаголя: кого Мя глаголют человецы быти, Сына человеческого? Они же реша: ови убо Иоанна Крестителя, инии же Илию, друзии же Иеремию или единого от пророк. Глагола им Иисус: вы же кого Мя глаголете быти? Отвещав же Симон Петр рече: Ты еси Христос, Сын Бога Живаго. И отвечав Иисус рече ему: блажен еси, Симоне, вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец Мой, Иже на небесех (Мф. 16, 13–17). Обратите внимание на слова Господа: Яко плоть и кровь не яви тебе (по-русски, ибо не плоть и кровь открыли тебе). Но буквально через несколько мгновений, как мы увидим, апостол Петр последовал плоти и крови. Аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей; и дам ти ключи Царства небесного: и еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесех, и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех (Мф. 16, 18–19). Казалось бы, такая великая похвала, такое восхваление веры Петровой, но Господь ради пользы апостола Петра потом и обличил его, причем очень строго. Тогда запрети Иисус учеником Своим, да ни кому же рекут, яко Сей есть Иисус Христос. Оттоле начат Иисус сказовати учеником Своим, яко подобает Ему ити во Иерусалим и много пострадати от старец и архиерей и книжник, и убиену быти, и в третий день востати. И поемь Его Петр, начат пререцати Ему глаголя: милосерд Ты, Господи! не имать быти Тебе сие! Он же обращься рече Петрови: иди за Мною, сатано! соблазн Ми еси! яко не мыслиши яже суть Божия, но человеческая (Мф. 16, 20–23). Апостол Петр, движимый любовью, но любовью человеческой, и жалостью к Господу, в данный момент совершенно неуместной, а может быть, и некоторой жалостью к

себе, – ведь если нужно пострадать Христу, то придется пострадать и Его ученикам, – пытался Его отговорить. Спаситель назвал апостола Петра сатаной по той причине, что он *мыслил не Божие, но человеческое*, то есть в данном случае последовал не тому, что внушал Отец Небесный, а тому, что говорила ему плоть и кровь. Мы видим серьезное преткновение апостола Петра в вере, такое преткновение, за которое Спаситель, несмотря на недавнюю похвалу, обличил его строго и жестоко перед всеми учениками.

Можно было бы, наверное, найти много подобных эпизодов, но мы рассматриваем самые яркие. Первый эпизод показывает недостаток ревности апостола Петра с самого начала, второй эпизод – его колебания в вере, потому что он не хотел все понимать так, как открыл Бог, но вносил нечто человеческое, за что и назван был сатаной, а третий, который мы рассмотрим сейчас, – неповиновение Господу из-за собственного, ложного представления о духовности и смирении. *Прежде же праздника Пасхи, ведый Иисус, яко прииде Ему час, да преидет от мира сего ко Отцу, возлюбль Своя сущия в мире, до конца возлюби их. И вечери бывшей, диаволу уже вложившу в сердце Иуде Симонову Искаротскому, да Его предаст, ведый Иисус, яко вся даде Ему Отец в руце, и яко от Бога изыде и к Богу грядет, воста от вечери и положи ризы, и приемь лентион, препоясая: потом вляя воду во умывальницу и начат умывати ноги учеником и отирати лентием, имже бе препоясан. Прииде же к Симону Петру, и глагола Ему той: Господи, Ты ли мои умыеши нозе? Отвеща Иисус и рече ему: еже Аз творю, ты не веси ныне, уразумеши же по сих* (Ин. 13, 1–7). Петр, уже наученный опытом, должен был знать, что нужно повиноваться Господу, а не проявлять самоуверенность и самонадеянность. Но в данном случае, имея, как ему казалось, правильное представление о почитании Спасителя и о собственном смирении, Петр отказался от того, чтобы Спаситель смирился перед ним и умыл ему ноги, хотя Господь и предупредил его, что сейчас он этого понять не может, а поймет позже.

Глагола Ему Петр: не умыеши ногу моею во веки (Ин. 13, 8). Петр, проявив все же необыкновенную самоуверенность, самонадеянность, воспротивился Господу в том, в чем совсем не следовало бы оказывать сопротивления. И тогда Господь ответил ему чрезвычайно строго (хотя для нас это звучит как нечто обыкновенное, привычное, как и многие слова Евангелия, не воспринимаемые нами остро): *Аще не умою тебе, не имашши части со Мною, или по-русски: Если не умою тебя, не имеешь части со Мною (Ин. 13, 8).* Таким образом, Он как бы отлучал Петра от Себя: «Ты мне чужой». Для апостола Петра, как для всякого искренне верующего человека, это было самым страшным, что он мог услышать. И тогда апостол Петр, испугавшись, раскаялся. *Глагола Ему Симон Петр: Господи! не нозе мои токмо, но и руце и главу (Ин. 13, 9).* Хотя и здесь он говорит нечто излишнее. *Глагола ему Иисус: измовенный не требует, токмо нози умыти, есть бо весь чист; и вы чисти есте, но не вси (Ин. 13, 10).* В том эпизоде, в котором Спаситель назвал апостола Петра сатаной, не упоминается о раскаянии Петра. Но из того, что в дальнейшем он следовал за Господом и был в числе избранных Его учеников, стал свидетелем фаворского преображения, ясно, что апостол Петр, конечно же, раскаялся.

И наконец, самое страшное преткновение апостола Петра: троекратное отречение. *Тогда глагола им Иисус: вси вы соблазнитесь о Мне в ночь сию, писано бо есть: поражу пастыря, и разыдутся овцы стада; по воскресении же Моим варяю вы в Галилеи. Отвещав же Петр рече Ему: аще и вси соблазняются о Тебе, аз никогдаже соблажнюся. Рече ему Иисус: аминь глаголю тебе, яко в сию ночь, прежде даже алектор не возгласит, трикраты отвержешься Мене. Глагола Ему Петр: аще ми есть и умрети с Тобою, не отвергуся Тебе. Такожде и вси ученицы реша (Мф. 26, 31–35).* Может быть, другие просто соблазнились: бежали, проявили малодушие, но апостол Петр не только проявил малодушие, что ранее казалось для него самого совершенно невозможным, но и трижды отрекся. *Емше же Его ведоша и введоша Его во двор архиереев. Петр же вслед идяше издалеча. Возгневшим*

же огонь посреде двора и вкупе сидящим им, сядяше Петр посреде их. Узревши же его рабыня некая сядяща при свете, и воззревши нань, рече: и сей с Ним бе. Он же отвержеся Его, глаголя: жено, не знаю Его. И помале другой видево его, рече: и ты от них еси. Петр же рече: человече, не смь. И мимошедшу яко часу единому, ин некий крепляшеся глаголя: воистинну и сей с Ним бе: ибо галилеанин есть. Рече же Петр: человече, не вем, еже глаголеши. И абие, еще глаголющу ему, возгласи петель (Лк. 22, 54–60). Петр еще не понял, что произошло... И обращься Господь воззре на Петра: и помяну Петр слово Господне, якоже рече ему, яко прежде даже петель не возгласит, отвержешися Мене трикраты. И изшед вон, плакася горько (Лк. 22, 61–62).

Теперь порассуждаем над всеми примерами, которые были приведены. Когда Господь призвал апостола Петра, он последовал за Ним не сразу, а только после чудесного лова рыбы, то есть проявил некоторую медлительность. Потом Господь призвал его к покаянию, и Петр сказал: *Выйди от меня, ибо я человек грешный* – и последовал за Ним. Таким образом, сначала было некоторое преткновение, а затем исправление. В следующем эпизоде апостол Петр сначала исповедал Господа Сыном Бога Живаго, потом допустил некоторое человеческое рассуждение, проявил неуместную жалость, а может быть, и неверие и стал уговаривать Спасителя, чтобы Он избег страданий, которые были необходимы для спасения человеческого рода, и тогда услышал: *Отойди от Меня, сатана*. Но мы видим, что через некоторое время Спаситель призывает апостола Петра на Фавор вместе с учениками Иоанном и Иаковом и говорит, что *есть некоторые из здесь стоящих, которые не вкусят смерти, прежде чем увидят Царствие Божие, грядущее в силе* (см. Мк. 9, 1). Мы наблюдаем и преткновение Петра, и его восстание. На Тайной вечери апостол Петр под предлогом смирения отказывался от того, чтобы Господь умыл ему ноги. Я думаю, отказывался он от самонадеянности и своеобразной гордости, прикрытой видом смирения, как это часто у нас бывает. Но Спаситель укорил его, и апостол Петр сразу исправился. Наконец, самое страшное

преткновение, можно сказать падение, апостола Петра – троекратное отречение. И Господь Иисус Христос необыкновенным образом вновь его восстановил: оглянулся на него и напомнил ему о Своем пророчестве и о его самоуверенности. И апостол Петр горько плакал. Мы видим пример всё углубляющегося смирения, того промыслительного смирения, о котором говорит преподобный Григорий Синаит, смирения, при котором человек смиряется поневоле и которое называется смирением от демонов.

Истинное покаяние, преткновения и восстания апостола Петра обнадеживают всех нас, показывают нам пример великого милосердия Божия и опыт внутренней борьбы, иногда заставляющей человека осознать свое ничтожество. Противоположностью этого состояния является нераскаянное состояние Иуды Искаротского. Да, он раскаялся, но его раскаяние не было покаянием перед Богом, он отпал от Господа. Иуда думал о себе, а не о Господе, а апостол Петр, хотя и падал, но всегда думал о том, чтобы не разлучиться со Спасителем. Перед кем раскаялся апостол Петр? Перед Господом Иисусом Христом, можно сказать в Его присутствии, под Его взглядом. А перед кем раскаялся Иуда Искаротский? Перед богоубийцами-иудеями, сказав им, что он предал кровь невинную. И мы не видим слез покаяния, какие были у апостола Петра, – Евангелие об этом не говорит. Но видим отчаяние, приведшее к полной, бесповоротной гибели. Апостол Петр является для нас живым доказательством того, что волей-неволей все мы должны пройти через испытания, которые нас смиряют. Совсем необязательно, конечно, доходить до серьезных, грубых нарушений и грехов или до такого падения, какое было у апостола Петра, но обязательно должна быть душевная борьба.

На Тайной вечери Спаситель, обращаясь ко всем ученикам, сказал: *Аминь, аминь глаголю вам, яко восплачетея и възрыдаете вы, а мир возрадуется, вы же печальни будете, но печаль ваша в радость будет. Жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея. Егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися*

человек в мир. И вы же печаль имате убо ныне. Паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости ваша никтоже возьмет от вас. И в той день Мене не воспросите ниче соже (Ин. 16, 20–23). Здесь предсказываются душевные страдания, которые испытают ученики после того, как Господь наш Иисус Христос будет предан и распят. Но слова, сказанные ученикам, могут быть отнесены ко всякому человеку: когда Господь от него удаляется, он чувствует совершенное отчаяние и безнадежность, но когда Господь вновь является в его душе, он испытывает радость, которую никто у него отнять не может. Однако это происходит только при условии, если человек никогда не перестает любить Спасителя и к Нему стремиться, подобно апостолу Петру.

Господь наш Иисус Христос снисходительно отнесся даже к троекратному Петрову отречению и тем самым показал, что и каждому из нас, если только мы будем любить Его, Он простит всякий грех, всякое душевное падение и возведет в достоинство Своего истинного ученика. Егда же обедоваше, глагола Симону Петру Иисус: Симоне Ионин! любиши ли Мя паче сих? Глагола Ему: ей, Господи! Ты веси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси агнцы Моя. Глагола ему паки второе: Симоне Ионин! любиши ли Мя? Глагола Ему: ей, Господи! Ты веси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы Моя. Глагола ему третье: Симоне Ионин! любиши ли Мя? Оскорбе же Петр, яко рече ему третье: любиши ли Мя? И глагола Ему: Господи! Ты вся веси; Ты веси, яко люблю Тя. Глагола ему Иисус: паси овцы Моя (Ин. 21, 15–17). Так Господь через любовь к Нему апостола Петра восстановил его в апостольстве и даже велел ему пасти стадо Христово, стадо мысленных, словесных овец.

Если внимательно читать Евангелие, то даже из слов апостола Петра можно понять, что он окончательно смирился. Он уже не говорит с такой уверенностью, с какой говорил раньше: Господи, да не будет этого или не умоешь ног моих вовек. Но смиренно говорит: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Смирившись после всех своих преткновений и восстаний, он стал, как говорят святые отцы, непа дательным. Он уже не может пасть, потому что смирение

делает человека совершенно непобедимым. Именно смирение, но смирение истинное, не от ума идущее, не смиренномыслие или смиренномудрие (это только некий шаг к этой добродетели), а смирение опытное. И от опытного, промыслительного смирения, от осознания своего полного ничтожества, своей немощи, мы сможем прийти к смирению Христову. Тогда мы сможем приступить к тому, к чему призывает нас Господь Иисус Христос: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11, 29)*. Тогда мы уже сможем подражать Господу Иисусу Христу: страдать ради людей, как Он страдал ради нас, терпеть все унижения, радоваться о том, что нас изгоняют, говорят о нас всякое злое слово, клеветуют, и показать прочие признаки истинного, неподдельного смирения. А вместе с тем и всех добродетелей, которые невозможно стяжать и сохранить без этой основополагающей, правильнее сказать, охраняющей добродетели. Без нее всякая, и самая высочайшая, добродетель будет потеряна, даже любовь. Мы не должны отчаиваться, а должны, взирая на евангельские примеры и на учение святых отцов, мужественно следовать за Господом, несмотря на то что испытываем много неудач, получаем душевные раны, унываем, страдаем из-за своих грехов, из-за того, что оскорбляем Господа и предаем самих себя. В конечном счете, если мы, подобно апостолу Петру, сохраним любовь к Богу, то Он обязательно восстановит нас в нашем истинном ученичестве, как восстановил апостола Петра в его апостольстве, в его пастырском служении.

* * *

Вопрос. Батюшка, объясните, пожалуйста, как человек, испытывая скорби и отвергая при этом уныние, может испытывать утешение? Я не понимаю.

Ответ. Возьмем для примера мучеников. Ты же не думаешь, что, когда их строга́ли железными орудиями, раздробляли им кости, жгли их на огне, им было приятно? Разве это была не скорбь? Сильнейшая скорбь, нечеловеческая. Но они при этом испытывали и благодатное утешение, по той причине что отвергали чувство скорби и видели в своих страданиях радость, потому что они страдали ради Христа. Это,

конечно, самый яркий пример. И вообще при всяких скорбях мученики, исповедники Христовы, в частности новомученики Российские, пребывая в лагерях, испытывая, можно сказать, сверхчеловеческие страдания, отвергали чувство скорби и поэтому пребывали беспечальными. То же происходило и с юродивыми Христа ради. Но можно так вести себя и обыкновенным христианам: стараться не унывать, когда они болеют или испытывают нужду.

Вопрос. Получается, что мы не можем перенести искушений из-за того, что в нас действует страсть уныния?

Ответ. Нил Сорский определяет это как страсть печали. Хотя, может быть, и уныние действует. Всякая страсть имеет определенный соблазн, например, при блудной страсти человек соблазняется красотой человеческого тела. В красоте нет никакого греха: человека создал таким Бог и плохого в этом ничего нет. Истинный христианин, бесстрастный, чистый, должен бы был восхищаться этим, прославлять Бога так же, как он прославляет Его, когда созерцает природу и даже, может быть, гораздо больше. Пророк Давид говорит: *Хвалите Господа юноши, девы, старцы...* (см. Пс. 148, 1 и 12). Но диавол так устроивает, что мы смотрим на вещи превратно: красота человеческого тела вызывает в нас нечистую страсть.

Другой пример. Допустим, кто-то на наших глазах что-то делает неправильно. Мы должны бы были посочувствовать этому человеку, что-то подсказать ему или, по крайней мере, внутренне помолиться за него, а мы реагируем на это гневом. Если бы мы смотрели на все чистым оком, то это заставляло бы нас совершать добрые поступки или вызывало добрые мысли и чувства.

Итак, если мы реагируем неправильно, это вызывает в нас действие страстей: в первом случае – блудной, во втором случае – гнева. То же самое можно сказать и о скорбных обстоятельствах. Например, болезнь должна вызывать в нас покаяние, смирение, терпение, а она вызывает ропот, печаль, уныние, отчаяние. Почему? Потому что мы опять же неправильно смотрим на события и из-за этого соблазняемся. Если бы мы отсекли действие помысла уныния, печали или

ропота, то, естественно, в нас стала бы действовать добродетель, потому что человек сохранил ту доброту, которая была дарована нашим прародителям еще при сотворении (добродетель, так сказать, естественна для нашей души); тем более стала бы действовать благодать, дарованная нам в таинстве крещения. Тогда, отвергнув страсть, мы восприняли бы чистым оком то или иное явление, в данном случае скорбь, и даже благодарили бы Бога, как, например, это делал Иоанн Златоуст, не только великий учитель, но и великий подвижник. Он всегда, при самых скорбных обстоятельствах говорил: «Слава Богу за все!» И даже перед смертью, будучи совершенно больным, пребывая в самом униженном состоянии, вдали от родины он говорил: «Слава Богу за все!»

Вопрос. Батюшка, у меня часто появляются помыслы о том, что в монастыре никого так не обижают, как меня. Как относиться к этим помыслам?

Ответ. Пусть бы даже так оно и было. Что из того? Какими глазами ты смотришь на ситуацию, такой ее и видишь. Если человек смиренный, то он не замечает, что его обижают, он думает: «Какие все добрые!»

Глаза у всех как будто бы одинаковые, но мы видим не только телесными глазами, но и душевными. Можно сказать иначе: все зависит от того, как мы оцениваем ситуацию. Я повторю: одну и ту же скорбь можно оценить по-разному. Один воспринимает ее как промыслительную, необходимую для его спасения, а может быть, нечаянную. Другой думает о том, что его нарочно смиряют ради его спасения и что он должен благодарить этих людей. Третий видит вопиющую несправедливость по отношению к себе. Четвертый – издевательство. То, как мы видим и оцениваем происходящее, зависит от нашей страстности. Человек оскверняется не только через язык, – как сказал Спаситель, *то оскверняет человека, что выходит из уст* (см. Мф. 15, 18), – но и через глаза. Не потому, что внешнее его оскверняет, а потому, что помыслы искажают действительность. Смотрю я, например, на Ирину и вижу, что это добрая, милая девочка, а сам думаю: «Какая она вредная, противная, хитрая, упрямая». Все

искажилось, и я уже стал относиться к Ирине плохо. Когда мы относимся к какому-то человеку хорошо по причине того, что это наш родственник, то мы всё ему прощаем и, что бы он ни сделал, всё сходит ему с рук. Пообижаемся немного, а потом опять начинаем о нем заботиться. Если то же самое сделает человек нам чужой, мы его строго осудим. Значит, мы оцениваем происходящее в зависимости от нашего сердечного отношения к людям. А если бы мы относились ко всем как к своим братьям и сестрам, то всех бы прощали.

Вопрос. Батюшка, правильно ли я поняла из ваших слов, что чем больше у человека самонадеянности, тем большему он поддается отчаянию после преткновения? Испытывал ли апостол Петр отчаяние после троекратного отречения от Господа?

Ответ. Если преткновение является для человека совершенно неожиданным, он отчаивается. А если он знает свою немощь, тогда, конечно, он не поддается отчаянию. Отчаяние может быть еще и оттого, что человек забыл о Боге, как, например, Иуда Искариотский. Петр же не отчаялся, несмотря на то что падения их были близкими, так сказать, по степени преступности.

Ученики страдали оттого, что их Учитель был убит, они испытывали тяжкую душевную муку. Они не понимали, что Он должен был воскреснуть. Как говорил апостол Клеопа, они думали, что Он пришел избавить Израиля (см. Лк. 24, 21). Клеопа выразил мысли всех учеников. Спаситель же еще до падения апостола Петра сказал: *Но ты, обратившись, соберешь братьев* (см. Лк. 22, 32). Действительно, вокруг апостола Петра все группировались, даже после его отречения. И везде мы видим, что апостол Петр – первый: апостолу Петру явился Спаситель, потом апостол Петр с апостолом Иоанном первыми побежали ко гробу. Так что у него мы не видим отчаяния – мы видим покаяние.

Вопрос. Однажды у меня был такой случай. Помня совет одного из оптинских старцев: «Если нет любви, то делай дела любви», я решила улучшить отношения с одной родственницей. Я предложила ей встретиться, но ничего, кроме взаимного

раздражения, наша встреча не принесла. Понуждая себя к исполнению какой-либо заповеди, надо, наверное, знать свою меру?

Ответ. Конечно, надо свои силы рассчитывать и совершать добродетели в такой степени, в какой это для нас возможно. Но это не значит, что если у тебя совсем нет любви, то, так сказать, сиди дома и никого не люби. Совет оптинского старца очень правильный и разумный. Просто нужно понимать, что, общаясь с некоторыми людьми, мы должны учитывать их особенности. Например, если я знаю, что с каким-то человеком говорить бесполезно и что я не смогу его убедить, что бы я ему ни говорил, то я и не буду с ним разговаривать, а, может быть, помолюсь за него. Тут нужно учитывать не только свои силы, но и состояние людей, здраво смотреть на вещи.

Какие дела любви имеются в виду? Например, кто-то косо на меня посмотрел, а я постарался, хотя у меня к этому человеку сердечного чувства любви нет, победить в себе неприязнь, которая у меня возникла в ответ. Если же мы говорим, что любви у нас нет, а дела любви мы делать не можем: у нас нет на это сил, то мы таким образом утверждаем, что заповеди о любви совершенно неуместны и нам невозможно их исполнить, то есть мы отрицаем Евангелие.

Вопрос. Батюшка, в начале беседы вы говорили, что тот, кто встает на христианский путь и пытается исполнить добродетели, испытывает скорби. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин говорит об этом подробнее: сначала подвижник испытывает скорби из-за своих телесных страстей, а потом выходит на более высокий уровень – на брань с падшими духами. С помощью Божественной благодати он их прогоняет и достигает духовного совершенства, святости. Скажите, испытывает ли такой человек скорби? Например, преподобный Серафим Саровский через подвиг пришел в такое состояние, что все время пребывал в пасхальной радости.

Ответ. Против таких подвижников диавол воздвигает людей. Например, на Серафима Саровского было много всяких гонений, клеветы, даже братья Саровской обители, не понимавшие его подвига, соблазнялись тем, что он не ходил в

Церковь, причащался в пустыне, что он общался с дивеевскими сестрами. Хотя он был уже стариком, тем не менее, братья этим соблазнялись. Скорбеть подвижник может и от своих мысленных грехов, но не потому, что он страшится наказания, а потому, что боится огорчить Господа, то есть в нем действует страх, но страх высший, страх оскорбить Божественную любовь. Это тоже в каком-то смысле скорбь.

Вообще, человек не может быть безупречным. Я думаю, что те подвижники, которые оплакивали свои грехи, такие как Арсений Великий и другие, достигшие истинного покаяния, оплакивали не только свое прошлое, но и настоящее. У них в прошлом могло и не быть ничего такого, что нужно было бы оплакивать. Среди подвижников хотя и были покаявшиеся грешники, как Моисей Мурин, но были и такие, как авва Виссарион, останавливавший солнце, – он был девственником, человеком совершенно чистой жизни. Что же они оплакивали? Они оплакивали свои мысленные уклонения от евангельских заповедей, внутренние преткновения, о которых никто не знал и которых никто не видел. Но они так строго себя судили и так любили Господа, что их малые прегрешения были для них источником сильнейшего покаянного плача, неиссякаемого плача. Таким образом, нельзя сказать, что у подвижников, достигших совершенства, не было скорбей.

В своем непостижимом для нас смирении они осуждали себя на адские муки, как, например, авва Пимен Великий, преподобный Силуан Афонский или даже сам Антоний Великий. Известен так называемый помысел Антония Великого: «Все спасутся, один я за свои грехи погибну». Разве этот помысел не доставлял человеку скорбь? Конечно, доставлял. Но благодаря этой скорби, смирявшей его, он так изнурял свою душу, что извлекал из нее обильный плач, очищавший его от всяких мысленных уклонений от Евангелия и одновременно сохранявший в нем благодать Божию, которая приближала его к Богу. Это была сильнейшая душевная скорбь, для нас она, может быть, и непостижима, мы не способны ее понять.

Вопрос. Антоний Великий говорил: «Все спасутся, один я погибну» – и в то же время: «Я уже не боюсь Бога, я люблю

Его». Как эти два противоположных чувства, с одной стороны страх, с другой – любовь, могли сосуществовать? о ах? бы сильнейший страхуже люблю Его. одр

Ответ. Почему страх? Это сокрушение, а не страх. Глубочайшее смирение. Смысл изречения: «Все спасутся, один я погибну» – состоит в том, что человек всех оправдывает, а себя осуждает. Нужно иметь в виду и то, что человек, сказавший это, вел святую жизнь, а те, кого он почитал спасенными, часто даже и веры не имели. Мы обычно других осуждаем, презираем, а себя оправдываем, возвышаем над другими, предпочитаем себя другим. В этой же фразе содержится одновременно оправдание всех людей и принижение себя.

Страх присутствует тогда, когда человек боится наказания, стремится избежать его, а когда он полностью предал себя в волю Божию, осудил себя и считает себя настолько виноватым, что не пытается даже в мыслях оправдываться перед самим собой, тогда в нем нет страха. В таком осуждении себя, безусловно, присутствует и надежда на бесконечную, безграничную милость Божию. Иначе человек не мог бы этого понести. И в самом этом смирении подвижники испытывали необыкновенную близость Бога к себе, единение с Богом. Они считали, что достойны ада, а на самом деле у них в сердце был рай.

Вопрос. Господь во всем был подобен нам, кроме греха. В Евангелии сказано, например, что Он скорбел: *Воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их* (Мк. 3, 5). Могут ли у нас быть подобные безгрешные чувства?

Ответ. В беседе мы говорили о такой скорби, поводом к которой является наша безнравственность, поэтому сравнивать это с тем, что переживал Спаситель, нельзя. Он скорбел от любви, а мы скорбим оттого, что согрешили. Если бы мы достигли такого состояния, что беспокоились бы за других людей и плакали, молились за них, как, например, старец Силуан и другие, подобные ему, тогда, конечно, можно было бы сказать, что мы приблизились к нравственному совершенству.

Вопрос. Батюшка, может ли быть покаяние с примесью отчаяния или уныния? Или чувство покаяния – это всегда

чистое чувство?

Ответ. Конечно, когда человек кается, он испытывает какую-то горечь, но эта горечь растворяется утешением, надеждой. И чем сильнее горечь, тем обильнее должно быть утешение. Например, те люди, которые дерзали смиряться таким образом, что говорили о себе: «Все спасутся, один я погибну» или «Где сатана, там и я буду», безусловно, имели и благодатное утешение, которое позволяло им переносить страдание, происходящее от такого смирения. А если кто-нибудь из нас вздумал бы пользоваться таким рассуждением – это, конечно, привело бы к отчаянию. Поэтому нужно смиряться в меру своего опыта, как Господь дает, то есть иметь покаянное настроение, помнить о смерти, и по мере нашего духовного роста будет усугубляться и смирение.

Вопрос. Сильнейшая скорбь смирит, вразумит, но несколько дней в смиренном состоянии побудешь – и опять гордость, надмение. Бывает так тяжело, что и пяти минут не можешь продержаться в смирении. За этим Господь снова посылает скорбь. Что вы посоветуете?

Ответ. Если человек пяти минут не может продержаться в смирении, значит, у него смирения вообще нет. Иоанн Лествичник говорит, что мудрый подвижник из самих своих падений извлекает пользу, так как падения смиряют. Делая разумные выводы, в следующий раз он будет уже несколько больше подготовлен к искушению. А пока человек не убедится в своей немощи, он не смирится.

Вопрос. Когда тебя смешит сестра, бывает, не знаешь, что и делать. Кажется, нахмуришься, не ответишь – смутишь сестру. По своему опыту знаю: когда скажешь что-нибудь смешное по немощи и человек бежит от тебя, наклонив голову, то бывает неприятно. Как быть в таких ситуациях?

Ответ. Конечно, лучше все-таки быть серьезным, но смех смеху рознь. Можно пошутить, чтобы подбодрить человека, а можно пошутить и при этом посмеяться над человеком, унижить его. Это совсем другое. Можно пошутить для того, чтобы сгладить острую ситуацию: ты пошутила – и ссоры нет. Но если

все время шутить, становится непонятно, где мы находимся: в монастыре или в комнате смеха?

Впрочем, во всех случаях нужно избегать чрезмерности. Есть даже такой признак психического расстройства: человек никогда не смеется. А у преподобного Иоанна Дамаскина написано, что смех является одним из признаков человека, потому что он свойствен только людям как разумным существам. Хотя и у животных бывает некое подобие смеха, – например, обезьяны гримасничают, но они, конечно же, не понимают, что смешно, а что нет. И собаки, когда «подлизываются» к своим хозяевам, так разевают пасть, что получается некое подобие улыбки.

Вопрос. В «Отечнике» содержатся очень строгие высказывания отцов возвышенной жизни относительно смеха. Они говорят о том, что смех невозможен для человека, который плачет о своих грехах.

Ответ. Есть такое повествование об Антонии Великом. Однажды охотник увидел, как Антоний Великий шутит с монахами¹¹⁸, и соблазнился. Святитель Игнатий в комментарии пишет, что Антоний Великий не мог пошутить, потому что это воспрещено заповедями. Мне кажется, здесь имеет место некоторая тенденциозность святителя Игнатия. Неплохо, конечно, придерживаться такой традиции и такого взгляда, если у человека получается, но это не всегда уместно и не для всех посильно. Я думаю, что святитель Игнатий это неудобное для него место перетолковал. А в чем же еще могло состоять утешение? В том, что Антоний Великий на глазах у этого охотника накормил братьев? Я скорее поверю в то, что Антоний Великий их рассмешил, чем в то, что он их накормил, потому что как раз в этом отношении египетские монахи были чрезвычайно строгими. Как мы видим из книги Иоанна Кассиана Римлянина, никакого послабления они себе не делали, даже когда к ним приходили гости. У них специально был отложен для этого сухарь, который они могли разделить с гостями, чтобы не нарушить обычного своего устава пищи.

Вопрос. Как тогда понимать слова Спасителя: *Горе вам, смеющиеся ныне* (Лк. 6, 25)? Это о чем-то другом?

Ответ. Наверное, это нельзя распространять на смех в буквальном смысле слова. Здесь имеются в виду те люди, которые услаждаются земными радостями *ныне*, то есть сейчас, во время земной жизни. *Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете.* То есть если в нынешнем веке вы будете искать радости только в земном, то в свое время, когда придется отвечать за прожитую жизнь, вы возрыдаете и восплачете. Может быть, если кто-то имеет душевные силы, может исполнить эту заповедь и буквально, то есть не допускать смеха совсем, но я думаю, это почти неисполнимо. Лучше не ставить перед собой такой задачи, а просто стараться вести покаянный образ жизни, и тогда, может быть, через какое-то время человек достигнет и этого. А так себя ограничить, сказав, что я, мол, никогда не буду смеяться... Потом не выдержишь, сорвешься (еще и не один раз) и будешь унывать: «Вот, я смеюсь. Горе мне!»

Вопрос. Архимандрит Софроний (Сахаров) пишет, что, начав исповедовать мирян, он поразился тому, что они очень сильно страдали от каких-то небольших испытаний (по сравнению с тем, что терпела афонская братия). Это вызывало в нем недоумение. Можно ли сделать вывод о том, что для новоначальных, которые еще не имеют смирения, скорби гораздо более тяжелы, нежели для преуспевших?

Ответ. Если человек является новоначальным (по своему духовному состоянию, а не по сроку своего пребывания в монашестве или в Церкви), то он, естественно, видит все в преувеличенном виде. Ничтожные неприятности из-за гордости, нетерпения он воспринимает как тяжкие скорби. А смиренные люди, или благодатные, какими были Российские новомученики, терпели невероятные скорби.

Один священник (впоследствии он стал епископом) рассказывал, что, когда советская армия вошла в Сербию, он попал в лагерь и тяжелая лагерная работа и сама обстановка его сильно изнурили. Семья его осталась на территории Советского Союза – так сложились обстоятельства. Он очень беспокоился о семье, потому что ему ничего не было о ней известно. И на него напало такое отчаяние, что он стал думать

о самоубийстве, и не просто какие-то мысли в голове мелькали – он поддался этому помыслу и думал о том, как покончить с собой. И ему во сне явился преподобный Серафим Саровский и сказал: «То, что ты терпишь невольно, я терпел добровольно: ты носишь камни – и я носил камни, ты испытываешь недостаток в пище – и я постился, но гораздо строже, чем ты». Под конец Серафим Саровский ему сказал, что он скоро получит письмо из дома. Он проснулся, и на душе у него было мирно, радостно, он совершенно успокоился. Страшная мысль о самоубийстве от него отошла. Вскоре чудесным образом ему передали письмо, в котором было известие о том, что с семьей все благополучно. Это яркий пример того, как разные люди воспринимают одни и те же вещи. Все зависит не от количества скорбей, а от того, как мы к ним относимся, действует в нас страсть или нет.

Вопрос. Как можно применить к себе слова святых отцов «облобызайте ваши немощи»?

Ответ. Это очень хорошее изречение. Действительно, нужно облобызать свои немощи, потому что они спасают нас от ужасного греха – гордости. Пусть лучше у нас будет тьма немощей, чем одна-единственная гордость. Поэтому немощи, которые нас избавляют от такого страшного заблуждения, такого грехопадения, как гордость, мы должны любить, смиряться от них, радоваться им, а не поддаваться унынию и отчаянию.

Вопрос. Батюшка, в повествовании о крещении Господнем есть такие слова: *Тогда приходит Иисус от Галилеи на Иордан ко Иоанну крестится от него. Иоанн же возбраняше Ему, глаголя: аз требую Тобою креститься, и Ты ли грядеши ко мне?* (Мф. 3, 13–14). Как понять это сомнение Иоанна Крестителя?

Ответ. Никакого сомнения тут нет. Просто Иоанн Креститель, видимо, не знал еще, что перед ним Мессия. Ему было сказано, что, на кого он увидит сходящим Духа Святого в виде голубя, Тот есть крестящий Духом Святым. Сначала он каким-то внутренним чувством понял, что перед ним праведник, который не нуждается ни в каком покаянии, ни в каком омовении от своих грехов. И поэтому пытался Его не допустить

ко Крещению, но когда Спаситель сказал ему: *Так надлежит нам исполнить всякую правду* (Мф. 3, 15), напомнив Иоанну о том, что ему нужно крестить всех, кто к нему приходит, тогда тот уступил, совесть подсказала ему, что он должен это сделать. И когда он смирился, подобно тому как смирился апостол Петр, позволив Господу умыть ему ноги, тогда ему было откровение о том, что перед ним Сын Божий, Мессия. Так что никакого сомнения у него не было.

Вопрос. В Евангелии есть еще такие слова: *Иоанн же слышав во узилищи дела Христова, посла два от ученик своих, рече ему: Ты ли еси грядый, или иного чаем?* (Мф. 11, 2–3) Разве это не выражение сомнения?

Ответ. Такой вывод делают от невнимательности, при поверхностном чтении. Иоанн Креститель послал двух учеников к Спасителю после того, как разнесся слух о чуде воскрешения сына Наинской вдовицы. После этого чуда не могло остаться никакого сомнения. Те, кто говорят, что Иоанн Креститель сомневался, хотят приписать ему чувства и мысли современного человека, которых у него, как у величайшего из пророков, быть не могло. Кроме того, он ведь был свидетелем великого откровения: Дух Святой в виде голубя сошел на крестившегося Спасителя, и Иоанн услышал голос из разверзшихся небес: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих* (Мф. 3, 17). Как он мог после этого усомниться?

Он хотел, как объясняют это святые отцы, чтобы Спаситель явно сказал о Себе, что Он Христос, Мессия. Иоанн Креститель посчитал, что, когда Господь воскресил сына Наинской вдовицы, весть о чем разнеслась по всей Иудее, пришло время открыто объявить о пришествии Христа. Но Спаситель этого не сделал, потому что открытая проповедь о Нем должна была начаться после того, когда Он Сам воскреснет из мертвых.

Вопрос. Батюшка, а в нашем храме на праздники Иоанна Крестителя не раз читали проповедь, в которой говорится о том, что он действительно несколько колебался...

Ответ. Просто современные проповедники желают найти подход к современному маловерующему человеку: ты, мол, не

робей, смотри, Иоанн Креститель и то колебался, но уверился, вот и ты тоже. А на самом деле это не так. Иоанн Креститель колебаться никак не мог. Как он мог колебаться, когда он еще во чреве матери взыграл? Как он мог колебаться, когда видел великое, немыслимое откровение? Да и учеников к Спасителю он послал после чуда воскрешения сына Наинской вдовицы. Почему? Разве это вызвало в нем сомнения?

Люди обычно сосредоточивают внимание на тексте Евангелия от Матфея. На основании этого текста можно с натяжкой сделать вывод о колебаниях Иоанна Крестителя. Но они забывают, что этот же эпизод более подробно описывает евангелист Лука, который рассказывает о воскресении сына Наинской вдовицы. И тогда все выстраивается в один ряд, все становится понятно: Иоанн Креститель подумал, что пришло время открытого исповедания. Кроме того, нужно учитывать состояние учеников Иоанна Крестителя. Оставшиеся при нем ученики ревновали о его славе, по-человечески завидовали тому, что Господь Иисус Христос теперь славен больше, чем их учитель. Поэтому он их послал к Спасителю, чтобы и им было объявлено о том, что Он есть Христос. А вспомните эпизод из Евангелия от Иоанна. Ученики Иоанна Крестителя стали говорить ему: *Вот, все к Нему идут, и Он их крестит* (см. Ин. 3, 26). Что сказал на это Иоанн Креститель? *Ему надлежит возвеличиваться, а мне умяться* (см. Ин. 3, 30). Из каких же слов можно предположить, что он усомнился? Об этом в Евангелии нигде не сказано.

Вопрос. Можно ли понимать слова Спасителя *иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11, 30) как призыв изменить свое отношение к несению скорбей?

Ответ. Да, но вообще-то тут речь идет не о скорбях, а об исполнении заповедей, об иге заповедей. *Иго Мое благо*. Мы делаемся как бы рабами Господа, исполняем Его волю, как рабы исполняют волю своего господина. Вот это рабство для нас благо, а бремя – тяжесть трудов, которые нам приходится терпеть ради этого, оно легко. Не потому, что заповеди исполнить легко, а потому, что их исполнение делает нашу жизнь легкой и счастливой.

Вопрос. Но оно ведь становится легким только со временем, не сразу...

Ответ. В чем-то и сразу. Вот, например, ушла ты в монастырь и не горюешь, а, наоборот, радуешься. То, что ты в обители, ты воспринимаешь с радостью. А ведь для многих людей уход в монастырь кажется совершенно немыслимой вещью. Они не понимают, что это такое. Не то чтобы осуждают – просто вообще не понимают. А нам это не только понятно, но и легко, мы даже над ними посмеиваемся: вот чудаки!

Вопрос. Как человек приобретает любовь к Богу? Почему Бог не дал человеку такую любовь к Себе, какую имеет ребенок к своей матери?

Ответ. Любовь не является природным свойством. Любовь – это действие. Это все равно что спросить: почему Бог не сделал так, чтобы человек всегда видел перед собой, допустим, одно только море? Если у человека есть зрение, то взгляд его, конечно, обратится или на море, или на берег, или на чаек и так далее. А если человек всегда видит перед собой только море и никуда от него не может отвести глаза, то это уже не зрение, а своего рода рабство. Свободы тут нет. Любовь должна возникнуть естественно, в ответ на те благодеяния Божии, которые нам сообщены через творения, и на все прочие, нам ведомые и неведомые, как сказано в молитве евхаристического канона, «явленные и неявленные благодеяния, бывшие на нас». Почему человеку изначально не дана была любовь к Богу? Таких вопросов можно задавать множество. Почему Бог не допустил, например, чтобы мы родились с чувством благодарности? Получилось бы: хочешь не хочешь, а благодарность у тебя уже есть. Но что это за благодарность, если она является нашим неотъемлемым свойством, а не действием в ответ на благодеяния Божии?

Вопрос. Может ли человек, живя в миру, любить скорби и радоваться, когда его оскорбляют и унижают? Моя бабушка говорит: «Жди скорбей как дорогих гостей», – так и поступает. Это дар Божий или что-то другое?

Ответ. Это может быть и оттого, что человек разумно себя ведет. Евангелие универсально. Нигде не говорится о том, что

нужно уйти из мира, чтобы исполнить ту или иную заповедь, – мы должны исполнять их всюду. Мы и в монастыре часто оправдываем свое отступление от заповедей тем, что якобы есть препятствия: суета, разные люди и прочее.

Возможно, это и дар Божий, но, безусловно, имеет место и заслуга этой женщины – она в этом отношении настоящая христианка. Да и пословица эта христианская. Святые отцы говорят, что, для того чтобы не скорбеть из-за каких-то неприятностей, мы должны ждать еще бо льших неприятностей.

Вопрос. Вы говорили, что настоящее смирение приобретается в жесточайшей борьбе с грехом, но я за собой замечаю, что бороться с грехом не умею. Помысел мгновенно овладевает умом, после чего уже прогоняешь его и раскаиваешься в своем согрешении. Как же научиться этой жестокой борьбе? Может быть, нужно стараться быть бдительнее и усерднее заботиться о непрестанной молитве?

Ответ. Да, конечно, именно так. Нужно понимать, что мы должны не только молиться и просить Бога о помощи, но и проявлять чрезвычайное понуждение, подобное отсечению своих собственных членов, как говорил Спаситель. Если мы не будем так жестоко себя понуждать, то, конечно же, смирению не научимся. Мы должны усвоить, что другого пути, кроме того, который указал нам Сам наш Учитель и Подвигоположник, как называет Его апостол Павел, нет. А мы всё хотим изобрести какой-то особенный способ, которым можно было бы достигнуть нравственного совершенства или, по крайней мере, преуспевания без исполнения Евангелия.

Святые отцы никогда ничего не говорили вопреки Евангелию и не предлагали никаких других путей, кроме тех, которые в нем указаны. Если бы кто-то и предложил, то это было бы неправильно. Они лишь изъясняют Евангелие, и потому мы не должны искать у святых отцов оговорок, разрешающих нам обойти какую-нибудь евангельскую заповедь, – их на самом деле у них нет, просто мы так превратно всё понимаем. В молодости я прочитал, что добродетель смирения – искоренительница всех

страстей, и подумал: вот приобрету смирение – и всё, никаких страстей не будет, бороться с ними не надо будет, – блаженство! Но от таких ложных выводов приобретение истинного духовного плода только замедляется, потому что смирение, повторю, приобретается в борьбе со страстями.

Вопрос. Апостол Иоанн Богослов говорит, что *совершенная любовь изгоняет страх (1Ин. 4, 18)*. Батюшка, совершенная любовь страх наказания тоже изгоняет?

Ответ. Да, изгоняет. Святые отцы говорят, что есть два страха: начальный, страх наказания, и совершенный, страх лишиться любви Божией, страх оскорбить Бога, потерять благодать. Впрочем, «потерять благодать» – выражение несколько эгоистичное, любящие Бога люди страшатся не этого. Они думают лишь о том, чтобы не потерять Бога. Именно про такой страх в Священном Писании сказано: *Страх Господень чист, пребываяй в век века (Пс. 18, 10)*. Этот чистый страх, пребывающий в век века, то есть никогда не прекращающийся, и есть страх совершенных подвижников.

Вопрос. Спаситель сказал, что на Страшном суде отделит овец от козлищ. И одним скажет: «Я алкал, Я жаждал, Я был наг, Я был бездомен, Я был болен, Я был в темнице, и вы Мне помогли». Они ответят: «Когда же, Господи, мы это сделали»? – «Когда вы сделали это одному из малых сих». Затем Господь обратится к другим, говоря им, что они не помогли Ему, когда Он был в трудном положении, и те ответят: «Когда же мы тебе не помогли?» – «Когда не помогли кому-то из ближних». Возникает вопрос: разве люди, которые делали добрые дела, не читали Евангелия? Они должны были знать этот ответ: если мы помогли ближнему, мы помогли Христу.

Ответ. Все мы читаем Евангелие не так, как положено: читаем и забываем. Многие читают Евангелие и знают, что нужно быть готовым умереть за Христа, но не многие на это способны. Даже в храме иногда осуждаем друг друга, а когда выходим из храма, сразу про Евангелие забываем. Оно не содержится в нашей памяти так, чтобы вовремя вспомнить. Когда закон Божий будет написан не на каменных скрижалях, а на *плотяных скрижалях сердца* (см. 2Кор. 3, 3), тогда мы

действительно станем истинными христианами. При искушении мы не вспоминаем вовремя о том, что нельзя гневаться, нельзя смотреть с вожделением и прочее. Отсюда можно сделать вывод: мы Евангелия не читали.

Ведь это же притча. Это сказано в виде предупреждения. Может, какой-то человек Евангелия и не читал, поскольку был неграмотным, как, например, в XIX веке крестьяне, но исполнял эту заповедь, жил по-христиански. А мы – грамотные, читаем его, но, когда дело доходит до исполнения, оно совершенно исчезает из нашей памяти, как будто оно нам совсем неизвестно. Не нужно думать, что все будет именно так, как описано в притче, – придет Царь, отделит одних людей от других, как козлов от овец. Мы не знаем, как все будет происходить на Страшном суде. Это сказано для того, чтобы открыть нам глаза, чтобы в тех, кто нуждается в нашей помощи, мы видели Христа и, помогая им, служили как бы Самому Христу.

О самооправдании¹¹⁹

Сегодня речь пойдет об очень известной и распространенной страсти – самооправдании. Всем ясно, что самооправдание – это порок, мешающий спасению, а самоукорение – необходимейшая добродетель. Преподобный Пимен Великий сказал, что своеволие – это медная стена между человеком и Богом, а если к этой страсти присоединяется самооправдание, то для человека уже нет спасения.

К сожалению, нужно сказать, что пороком самооправдания страдают очень многие люди. Часто, вместо того чтобы обвинять в собственных грехах самих себя, мы находим причину в чем-то постороннем: в людях, которые нас искушают, в затруднительных обстоятельствах. Таким образом, вместо плодотворного пути самоукорения мы встаем на бесплодный и душевредный путь самооправдания. Если я, согласно Евангелию, всегда и во всем вижу свою вину и обвиняю в нарушении заповедей только себя, тогда, как подсказывает сама логика вещей, я начинаю искать средства для того, чтобы изменить самого себя. Я никак не пытаюсь повлиять на то, что меня окружает. Но если я буду, как сказано в Священном Писании, роптать и упрекать, оправдывать себя, я никогда не исправлюсь. Мне все будет мешать: люди, воспитание, плохое здоровье, собственный характер, дурные привычки.

Когда человек становится на этот порочный, гибельный путь, у него естественно возникает мысль о том, что нужно исправить эти обстоятельства. Тогда он развивает нелепую, совершенно не христианскую, по крайней мере не монашескую, деятельность, направляя все свои усилия не на самого себя, а на то, что его окружает. Возможно и другое: он впадает в отчаяние, убедившись, что ничего не может изменить: ни свой характер, ни тем более людей и обстоятельства, поскольку они находятся не в его власти. Это тупиковый путь. Евангелие нигде не говорит о том, что помимо любви мы должны направлять на

людей еще какую-то деятельность. Спаситель ставит нам в пример Небесного Бога Отца, который изливает дождь на злых и добрых. Мы также должны проявлять любовь к каждому человеку, невзирая на то, добрый он или злой, друг или враг. Таким образом, мы примиряемся с тем, что наш ближний не такой, каким нам хотелось бы его видеть. Не в нашей власти изменить людей. Каждый человек является совершенно свободным существом, и в лучшем случае мы можем лишь несколько повлиять на него. А изменить его, если он этого не хочет, если он сам себя к этому не понудит, никому не удастся.

Как мы уже говорили, самоукорение – это добродетель, необходимейшая в деле спасения. Я имею в виду не то простое, даже примитивное проявление самоукорения, при котором мы сами себя в душе оскорбляем, уязвляем, уничижаем какими-то словами. Под самоукорением нужно понимать нечто более глубокое – такое расположение души, при котором человек во всем видит свою вину и не пеняет на внешнее. Он не оправдывается тем, что его плохо воспитали, потому что знает: он свободен и, если бы захотел, вел бы себя иначе, избирая доброе и отвергая то, чему его неправильно научили в детстве, допустим, в школе. Он не станет ссылаться на то, что его искушают друзья, а будет либо удаляться от них, либо, наперекор их соблазнительному поведению, стараться самостоятельно изменить самого себя. И на все остальное, что является внешним по отношению к свободной воле человека, он не будет обращать внимания, зная, что только его вина в том, что он своей свободной волей уклонился ко злу. Ничто не может заставить человека сделать зло, если он этого не хочет, в особенности если речь идет о христианах – людях, которых Господь Иисус Христос освободил Своими крестными страданиями и через таинства сделал неподвластными греху. Со времени Христова пришествия человек грешит уже совершенно произвольно, а не под натиском обстоятельств, как это было (и до некоторой степени могло быть оправдано) до пришествия Христа.

Но мы знаем, что и в древние времена ветхозаветные праведники, а иногда даже язычники, совершали героические

поступки, проявляли свободу и силу воли, несмотря на самые невыносимые обстоятельства. Приведу в пример знаменитого языческого героя – римлянина Муция Сцеволу, то есть Муция Левшу. Почему его так называли? В глубокой древности, во времена Римской республики, враждебное племя осадило Рим и городу грозила неминуемая гибель. Тогда Муций, прозванный впоследствии Сцеволой, задумал убить царя враждебного племени, чтобы внести смятение в войско и избавить Рим от опасности. Он пробрался во вражеский лагерь, и поскольку не знал царя в лицо, избрал жертвой человека в самой роскошной одежде и убил его кинжалом. Но это оказался всего лишь царский писец. Муция тут же схватили, привели к царю и стали угрожать ему пытками и смертью. Но Муций, не дожидаясь пыток, положил правую руку на жаровню с горящими углями и продолжал спокойно беседовать с царем. Рука его в это время не просто горела, а медленно испепелялась. Враги римлян поняли, что этого человека пытать бесполезно. А Муций сказал, что в лагере находится еще триста юношей, таких же, как он, которые поклялись убить царя. Тогда царь, убоявшись сражаться с таким народом, свернул свой лагерь и увел войско от Рима. Вот пример язычника, который из любви к Родине, не имея истинной веры и благодати, показал силу свободной воли человека. Конечно, не многие способны на такие героические поступки, но приведенный мною факт – это доказательство человеческой свободы. Каждый из нас создан свободным существом, способным на самые неожиданные, героические, независимые поступки. Тем более это касается христиан, освобожденных Господом Иисусом Христом от власти диавола и греха.

Поэтому всякий из нас в нарушении заповедей всегда должен обвинять не какие-то не зависящие от него обстоятельства, а самого себя, всегда видеть свою вину. В этом состоит сущность самоукорения. Два образа мысли, два душевных состояния – самооправдание и самоукорение – изображены в Евангелии, хотя они не называются там именно этими словами – терминами аскетической литературы, которыми мы привыкли оперировать. Нужно сказать, что как

аскетическая, так и догматическая литература заимствовала многие определения из античной философии (конечно, переработав их и вложив в них христианский смысл). Догматические писатели, в основном, обращались к философии Аристотеля и до некоторой степени – Платона; аскетические – заимствовали терминологию у философской школы стоиков, преимущественно занимавшихся нравственными проблемами. Поэтому, когда мы читаем Евангелие, то не всегда находим в нем те слова, которые стали для нас привычными. Например, в Священном Писании отсутствует догматический термин «единосущный». Ариане упрекали православных в том, что те изобрели термин, которого нет в Писании. То же самое можно было бы сказать о некоторых аскетических определениях. Но святоотеческая терминология, хотя и не происходит прямо из Евангелия, все же изъясняет и систематизирует именно евангельское учение. Пытаясь рассуждать о самооправдании по Евангелию, мы не станем искать собственно слово «самооправдание» (хотя в одном месте встречается похожее выражение), а будем говорить о том, как вели себя люди. Конечно, нам будет понятно, какой поступок подпадает под понятие самооправдания, а какой – самоукорения.

Что значит «самооправдание»? Уже по своему строению это слово обозначает такое поведение, при котором человек оправдывает себя, приписывает себе правду или праведность, иначе говоря – почитает себя праведником. Теоретически все мы считаем себя грешниками, каемся на исповеди каждую неделю, а то и чаще. Но когда доходит до конкретных дел, мы оправдываем себя: в данном случае я не виноват, в этом отношении я веду себя праведно... Если сложить все эти бесчисленные случаи, к нашему удивлению и стыду окажется, что мы лишь называем себя грешниками, а на деле считаем себя праведниками. Естественно, думая о себе так, мы в то же время унижаем тех, кто нас окружает, считая, что они не умны или они нас соблазняют, заставляют грешить.

Рассмотрим известную притчу о мытаре и фарисее, которой посвящено одно из воскресений перед Великим постом – Неделя о мытаре и фарисее. Господь наш Иисус Христос *рече*

же и ко другим уповающим собою, яко суть праведницы, и уничижающим прочих, притчу сию (Лк. 18, 9). Естественно, кто сам себя оправдывает, тот делает виноватыми других, то есть уничижает их в нравственном отношении. Человека два внидоша в церковь помолитися: един фарисей, а другой мытарь. Фарисей же став, сице в себе моляшеся: Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несмь якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь: пощуся дважды в субботу, десятину даю всего елико притяжу (Лк. 18, 10–12). Этот человек себя оправдывал и не видел своих грехов. Такое самооправдание (если пользоваться аскетическими терминами) удалило его от Бога. Далее в Евангелии говорится: Мытарь же издалеча стоя, не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше перси своя, глаголя: Боже, милостив буди мне грешнику. Глаголю вам, яко снуде сей оправдан в дом свой паче онаго: яко всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется (Лк. 18, 13–14). Получается, что оправдывающий себя возносится, укоряющий себя смиряется.

Что означают слова мытаря: Боже, милостив буди мне, грешнику? Или слова Иисусовой молитвы (по сути те же самые): «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»? Грешный – это тот, кто виновен в нравственном отношении. Таким образом, произнося Иисусову молитву, мы постоянно укоряем себя перед Богом: «Прости меня, виновного в нарушении нравственных заповедей». Так мы говорим, но чувствуем ли мы это? Вникаем ли мы в смысл этих слов, участвует ли в их произношении наше сердце или остается холодным? Или, может быть, произнося слова мытаря: Боже, милостив буди мне, грешнику, мы на самом деле рассуждаем, как фарисей: «Благодарю Тебя, Господи, что я не таков, как прочие люди, и молюсь молитвой Иисусовой. Они, несчастные, живут в миру или в неустроенных монастырях, ничего не знают, ничего не понимают, во тьме ходят. Благодарю Тебя, что я не таков, как все они»? Мы произносим слова покаяния и самоукорения, а мысли у нас фарисейские, мешающие настоящей, внимательной, искренней молитве. Мы оправдываем себя и перед самими собой, и перед другими

людьми, потому что такое настроение не может не вырваться наружу. Иногда мы смиряемся напоказ, потому что знаем, что в определенном обществе: в монастыре или вообще в христианской среде – смирение одобряется и почитается чем-то значимым. А мытарь сказал о себе всего одно слово – «грешник», и если человек говорит подобное искренно, от всей души, значит, он приобрел добродетель самоукорения.

Когда человек всегда и всюду считает себя грешником, это проявляется в любой житейской ситуации. Мы при всяком конфликте оправдываем себя, а он говорит: «Да, я виноват, я согрешил». Святитель Тихон Задонский однажды в разговоре с неким вольнодумным дворянином стал доказывать, что тот неправильно рассуждает о Боге. А дворянин, вспылив, дал святителю Тихону пощечину. Тогда святитель сделал перед ним земной поклон и сказал: «Простите меня Бога ради, что я вас соблазнил». Это так подействовало на этого возмущенного человека, что он сам упал в ноги святителю и просил у него прощения, а впоследствии стал хорошим христианином. Казалось бы, святитель Тихон в этом случае ни в чем не был виноват, но, как смиренный человек и истинный христианин, он и здесь увидел свою вину. Если бы мы искренне считали себя грешниками, если бы искренне произносили слова Иисусовой молитвы: «Помилуй мя, грешного», то в любой ситуации находили бы вину в себе, а не в окружающих людях, вещах, обстоятельствах, состоянии и прочем.

В Евангелии от Луки мы видим еще один пример самооправдания: *Законник некий воста, искушая Его [Господа Иисуса Христа] и глаголя: Учителю, что сотворив, живот вечный наследую? Он же рече к нему: в законе что писано есть? Како чтешу? Он же отвещав рече: возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоя, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим, и ближняго своего яко сам себе. Рече же ему: право отвещал еси: сие сотвори и жив будеши. Он же хотя оправдитися сам (то есть буквально: хотел сам себя оправдать. – Схиизгум. А.), рече ко Иисусу: и кто есть ближний мой? (Лк. 10, 25–29).* Итак, этот человек знал заповеди и ответил

правильно. Господь Иисус Христос сказал, что если он исполнит их, то есть сумеет возлюбить как до лжно Бога и ближнего, то обретет жизнь вечную. Законник сам себя поставил в такое положение, что вынужден был исполнить слова Спасителя, премудро уловившего его при помощи его же собственного тщеславия. Тогда, желая оправдаться и найти выход из этой ситуации, он сказал: *Кто есть мой ближний?* – пытаюсь этим показать: он якобы не любит ближнего по той причине, что не знает, кого нужно любить. Подобно этому законнику, мы знаем всё: как молиться Иисусовой молитвой, как открывать помыслы, как смиряться, как слушаться, как понуждать себя к любви к ближнему, как всегда предпочитать другого себе. Мы знаем, что необходимы терпение, безропотность и прочие добродетели, описанные в Священном Писании и святоотеческом предании. Но так же, как и этот законник, вместо того чтобы устремиться к исполнению заповедей и действительно обрести живот вечный, мы спрашиваем: «Кто есть ближний наш?» – или говорим что-то подобное, то есть притворяемся не знающими и потому не исполняющими того, что необходимо.

Очень часто мы оправдываем себя, предпочитая евангельским заповедям и велению нашей совести так называемые требования здравого смысла. Нужно сказать, что «здравый смысл» (не истинный, конечно, а тот, которым пользуется мир) с годами, а тем более со сменой эпох меняется. Один «здравый смысл» был у язычников античного времени, другой – у теплохладных христиан времен господства христианства в цивилизованном мире, третий – у современных материалистов и атеистов, четвертый – у магометан, пятый – у буддистов... Но все эти разнообразные «здравые смыслы» единодушно восстают против христианской нравственности. Иногда это видно очень ясно – борьба происходит между людьми: одни защищают позицию Церкви и Церковного Предания, другие относятся к ней враждебно, – например, с позиций атеизма или житейского материализма, который выражается в том, что человек особо не задумывается о духовных истинах и печется только о своем материальном благополучии. В этих случаях дело обстоит проще. Но, к

сожалению, очень часто бывает, что мы, православные христиане, принимаем в себя нечто от мира и держимся этого мнимого здравого смысла, сами того не замечая и не понимая. Тогда борьба между мирским «здравым смыслом» и истиной христианства происходит внутри нас. К несчастью, она часто заканчивается победой этого «здравого смысла»: мы уступаем ему и попираем свою христианскую совесть. Об этом также сказано в Евангелии. Конечно, Священное Писание не прибегает к таким определениям, какими я сейчас воспользовался, но по сути говорит то же самое и, пожалуй, гораздо более мудро: *И собравшася к Нему [Господу Иисусу Христу] фарисее и нецыи от книжник, пришедшии от Иерусалима: и видевше неких от ученик Его нечистыми руками, сиречь неумовенными, ядущих хлебы, ругахуся. Фарисее бо и вси иудее, аще не трыюще умыют рук, не ядят, держаще предания старец, и от торжища, аще не покуплются, не ядят. И ина многа суть, яже прияша держати: погружения сткляницам и чваном и котлом и одром* (Мк. 7, 1–4).

Итак, фарисеи, следуя преданиям старцев, придерживались определенных обычаев. Об этих обычаях не упоминается в Священном Писании, в законе Моисеевом. Они привнесены в предание человеческим суемудрием, искаженным толкованием Писания и неправильным духовным опытом. Нельзя отрицать, что, щепетильно исполняя малейшие предписания так называемых старцев (чьи творения впоследствии составили сущность иудейской религии и были собраны в книге Талмуд), фарисеи искали какого-то духовного результата. Точно следовать не только закону, но и истолкователям закона – в этом для них заключалась истинная духовная жизнь.

Дело не в том, что предания старцев исходят от людей, а в том, правильны они или ложны, проникнуты они подлинным духом и смыслом Священного Писания или истолковывают его превратно. Господь наш Иисус Христос упрекнул одного законника: *Яко взясте ключ разумения: сами не внидосте, и входящим возбранисте* (Лк. 11, 52). Из-за превратного объяснения закона толкователи и сами

погибают, и затемняют смысл Писания для других людей, которые, возможно, поняли бы его, если бы читали непредвзято, без ложных, кривых толкований и претенциозных подходов. Под преданиями старцев можно понимать разные учения: как святоотеческое (собственно оно и есть единственно правильное предание старцев), так и различные ложные учения – учение иудейских раввинов, составивших книгу Талмуд, или философию тех или иных «учителей», повлиявших на современную идеологию. Скажем, до недавнего времени большинство населения нашей страны волей-неволей находилось под влиянием философии Маркса. И в наше время многие ей следуют, хотя, возможно, и не замечают связи между своими поступками и этой идеологией. До сих пор огромное влияние на человечество оказывает философия Фрейда. Можно назвать множество философов, писателей, кинорежиссеров, которые так или иначе формируют современное человеческое сознание. Они являются для нынешнего поколения гораздо более авторитетными, чем Священное Писание, хотя при этом многие современные люди считают себя христианами, в особенности на Западе. Там нет открытой борьбы с Церковью, какая недавно была у нас, но распространен такой индифферентный подход: я христианин, однако это не мешает мне жить согласно преданию моих «старцев» – философов, политических деятелей или даже кинорежиссеров.

В 1970-х, кажется, годах был очень популярен фильм «Беспечный ездок». Главный герой фильма по своим убеждениям был кем-то вроде хиппи, то есть вел беззаботный образ жизни и попадал в разные приключения, но от обычных хиппи отличался тем, что везде ездил на мотоцикле. Этот фильм, наверное не такой уж и содержательный, так сильно повлиял на молодежь, что возникло и до сих пор существует целое движение байкеров. Десятки тысяч людей оказались под влиянием этой идеологии, этого современного «предания старцев».

В нашем сознании очень много таких положений, которые мы не перепроверяем. Одно мы усвоили от родителей, другое – в школе, третье – из произведений искусства, четвертое – от

друзей... Это кажется нам естественным положением дел, вполне здравым подходом, но по сути это учение, враждебное Евангелию. Когда нужно сделать выбор между евангельской заповедью и так называемым здравым смыслом, а иначе говоря – «преданием старцев» той или иной эпохи, мы чаще всего выбираем то, что кажется нам естественным. Мы не хотим принести жертву, не желаем, как говорит схииерхимандрит Софроний (Сахаров), взойти на крест ради исполнения заповедей.

Мы должны при помощи Евангелия критически пересмотреть свои убеждения, принципы, свою идеологию. Когда мы следуем мнимому здравому смыслу, мы тоже проявляем самооправдание. Нарушая что-то из евангельского учения и Православного Предания, мы оправдываемся тем, что здравый смысл подсказывает нам поступить именно так: проявить человекоугодие или малодушие, или иную страсть, для того чтобы не потерпеть вреда или какой-нибудь скорби. Оправдывая себя «здравым смыслом», мы постоянно и потому нагло, дерзко, вызываяще отступаем от евангельского учения. Пусть бы мы лучше грешили, чем оправдывали себя! Мы должны осознавать, что поступаем греховно, например из страха, и просить у Господа прощения. Но мы утверждаем, что поступаем не по-евангельски потому, что это правильно: мол, в данном случае Евангелию лучше предпочесть «предание старцев», чуждых истинного православия. У нас есть нехристианский, неевангельский опыт, и мы пользуемся этим опытом и сведениями, заимствованными из нехристианского опыта других, и часто доверяем всему этому гораздо больше, чем учению Евангелия.

Вернемся к евангельскому повествованию: *Потом же вопрошаху Его фарисее и книжницы: почто ученицы Твои не ходят по преданию старец, но неумовеными руками ядят хлеб? Он же отвечава рече им, яко добре пророчествова Исаия о вас лицемерех, якоже есть писано: сии людие устнами Мя чтут, сердце же их далече отстоит от Мене. Все же чтут Мя, учаще учением, заповедем человеческим (Мк. 7, 5–7).* Человеческие заповеди (в одну эпоху – одни, в следующую –

другие) всегда враждуют против заповедей Божиих. Заповеди человеческие могут касаться и серьезных вещей, и мелочей. Например, мы внимательно следим за тем, чтобы на людях выглядеть аккуратно. Нам кажется неприличным, когда человек ходит в грязной одежде или от него дурно пахнет. Но мы совсем не думаем о том, что от нашей души тоже может дурно пахнуть: безнравственностью, пороком, скверными мыслями. У современных цивилизованных людей сложились определенные представления о внешнем виде человека, но нет представления о том, каким должен быть человек внутри. И мы следуем этим человеческим заповедям и презираем заповеди Божии.

Всё же чтут Мя, учаще учением, заповедем человеческим: оставльше бо заповедь Божию, держите предания человеческая, крещения чваном и сткляницам, и ина подобна такова многа творите (Мк. 7, 7–8), – этими словами Спаситель обличает только некоторые суеверия и ошибки, бытовавшие среди иудеев в то время. Но мы можем отнести Его слова к заблуждениям и ошибкам нашего времени. Слова Спасителя своевременны и актуальны всегда. *И глаголаше им: добре отметае заповедь Божию, да предание ваше соблюдете (Мк. 7, 9).* Мы не имеем права отметить заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание, то есть собственное мнение, общепринятые взгляды, расхожие представления о том, что правильно. Но мы делаем это почти всегда. Оправдывая «здравым смыслом» свое отступление от Евангелия, мы оправдываем свои страсти и дурные наклонности.

Далее Спаситель говорит: *Моисей бо рече: чти отца твоего и мать твою: и иже злословит отца или мать, смертью да умрет. Вы же глаголете: аще речет человек отцу или матери: корван, еже есть дар, иже аще пользовался еси от Мене, и не ктому оставляете его что сотворити отцу своему или матери своей, преступающе слово Божие преданием вашим, еже предасте: и подобна такова многа творите (Мк. 7, 10–13).* Господь Иисус Христос привел вопиющий пример наглого попрания заповедей: люди оскорбляют родителей и в это же время наслаждаются всеми

земными благами. Спаситель добавляет: *Подобна такова многа творите*. Это сказано и о нас. Мы *отмечаем заповеди Божии* и предпочитаем им наши представления о том, что такое хорошо. При этом нам кажется, что по-другому поступить невозможно, потому что иначе выйдет какая-нибудь беда или неприятность. Мы не думаем о своей душе, о вечной жизни, а заботимся только о том, чтобы люди нас ни в чем не обвинили. Подобно тому законнику, который знал заповеди о любви к Богу и ближнему, мы говорим себе: *«И кто есть ближний мой? Я бы полюбил его, но я не знаю, кто он, кому делать добро»*. С нашей точки зрения, книжник задал глупый вопрос. Да, он глупый, но часто его задаем и мы – не вслух, а про себя, внутренне оправдываясь. Наше глупейшее, нелепое, безумное самооправдание представляется нам мудрым и весьма убедительным. Нам этого достаточно: ведь мы не хотим ни с кем спорить, нам бы только исполнить свою волю. Скрытность, самооправдание в этом отношении являются послушными рабами своеволия и верно ему служат. С их помощью мы можем позволить себе все.

На примере фарисеев и законников мы видим, к чему может привести страшная страсть самооправдания – к отвращению от Христа и к гибели. Как я уже говорил, в одних случаях борьба происходит между людьми, в других – внутри самого человека. Внутри самих себя мы имеем и мытаря и фарисея. Мытарь себя укоряет, фарисей оправдывает. Один и тот же человек в одно мгновение кается – и становится мытарем, а через несколько минут оправдывает себя – и превращается в фарисея. Если мы вознерадим в этой борьбе, если склонимся к самооправданию, то, подобно фарисеям и законникам, удалимся от Христа и лишимся Божественной благодати. Мы не получим помощи в исполнении заповедей и останемся бесплодными.

Итак, нам необходимо приобрести добродетель самоукорения и как огня бояться самооправдания. Самоукорение, напоминаю, нужно понимать не в примитивном смысле (хотя иногда бывает полезно и оскорблять себя, унижать какими-то низкими прозвищами). Укорять себя – значит всегда и во всем видеть только свою вину, понимать, что

мы нарушаем Евангелие лишь по одной причине – по нашему своеволию и нерадению. Только такое настроение будет приносить плод. А если мы будем оправдывать себя, то останемся пустыми, хотя бы прожили в монастыре восемьдесят лет.

* * *

Вопрос. Когда старица меня в чем-то обличает, то чувствую, что я не могу укорить себя, сразу искренне признать себя виноватой. Хотя я понуждаю себя попросить прощения, но только спустя некоторое время понимаю, что она была права. Выходит, что я перед старицей веду себя неискренне, лицемерю?

Ответ. Что значит «не могу себя укорить»? Получается, что ты не умеешь смириться сразу, а начинаешь размышлять и со временем все-таки приходишь к сознанию своей вины, убеждаешься в ней. Это говорит не о том, что не нужно себя укорять, а о том, что у тебя не хватает смирения. К нему нужно стремиться и понуждать себя.

Один мой приятель, который как будто бы пришел к Церкви, но одновременно увлекался восточными религиями, говорил, что молитва «Отче наш» неискренняя. Как пример искренней молитвы он приводил текст какого-то индийского философа, где говорилось примерно следующее: «Я обращаюсь к тебе, неведомое существо, не знаю, кто ты, что ты» – и далее в том же духе. Для него эта молитва была искренней, потому что он не знал Бога, для него Бог был неведомым существом. А для истинного христианина Бог является Отцом, и потому для христианина молитва «Отче наш» искренняя.

Если у тебя что-то не получается, то это не значит, что ты должна лицемерить – ты должна все делать искренне. Есть лицемерие, а есть понуждение себя, эти две вещи нельзя путать. Приведу простой пример: допустим, у меня есть старица и она меня укоряет за то, что я много ем. Она мне говорит: «Ели бы вы не так много. Сладкого поешьте, но немного, а вы едите много и не то, что нужно». Я старицу боюсь – вдруг она меня накажет, заставит поклоны делать, а мне тяжело – и поэтому говорю: «Да, я все понял, простите меня,

никогда больше не буду много есть». А сам думаю: «Скорее бы она закончила, сейчас пойду и как наемся рыбы! Никакого сладкого есть не буду, а съем здоровенную, большущую рыбу». Таким образом я лицемерю, показываю вид, что я с ней согласен, ради того чтобы она ко мне хорошо относилась, – это одно дело, другое – когда я искренно понуждаю себя. В данный момент я не понимаю ее правоты, но если старица сказала, значит, нужно слушаться, она права. Я буду стараться в этом отношении исправиться: хотя мое сердце пока не отзывается, но я проявляю послушание и понуждение.

Понуждение действует тогда, когда у нас, может быть, что-то не получается, но мы себя заставляем. А лицемерие – это когда мы только делаем вид, что соглашаемся с какими-то наставлениями, а по сути остаемся при своих прежних взглядах и ничто в нас не изменяется.

Вопрос. Надо сразу говорить старице, что ты ее слова не понимаешь и потому с ней не соглашаешься?

Ответ. У нас есть одна послушница, которая, когда ей дают какое-то наставление, отвечает: «Не понимаю». Ей говоришь: «Ну как же, это вот так и вот так». В ответ опять: «Не понимаю». Ее поведение показывает не ее искренность, а ее упрямство. Что значит «не понимаю»? Русский язык понимаешь? Смысл слов понимаешь? Понимаешь. Ты с ними не согласна – вот это действительно может быть. А в то, что человек не понимает, я никогда не поверю. Мы же не пользуемся какой-то специальной философской терминологией, не прибегаем к разным диалектическим приемам, а, как правило, говорим очень просто.

Ведь дело не в том, что ты не понимаешь, когда тебе объясняют, а в том, что не признаёшь своей неправоты и проявляешь какое-то упрямство. Нужно смириться и исполнить приказание, хотя бы даже и не понимая. Вопрос не в том, чтобы понять или не понять, а в том, чтобы послушаться или не послушаться.

Например, я не хочу подчиниться, я хочу исполнить свое желание. Мне объясняют, что оно неправильное, а я так подвержен страсти, что не могу это принять. Хорошее мое

желание или плохое – оно не такое, какое угодно моему руководителю, настоятельнице или старице. Однако я хочу его исполнить, и в этом случае, конечно, я ничего не буду понимать, потому что всякий довод, объясняющий неправильность моего желания, одновременно есть средство прекращения желания. Поскольку я не хочу отвергнуть его, то я ничего и не буду понимать, будь я даже семи пядей во лбу. Это просто своеволие.

Другой пример: кто-то любит болтать. Ему говорят: «Тебе не полезно это послушание, потому что ты много говоришь пустого», а человек возмущается: «Так я же для дела говорю!» И он не понимает наставления, потому что ему хочется поболтать.

Вопрос. Мне старица говорит, что я читаю книги только для того, чтобы отыскать в них то, что может оправдать мои поступки, и то, что меня устраивает. От этого появляется помысел вообще оставить всякое чтение. Что мне делать?

Ответ. И Священное Писание, и святоотеческие книги составлены для того, чтобы мы самих себя исследовали и укоряли. А мы, читая Евангелие, говорим: «Вот смотри-ка, этот осуждает, а этот гневается, а эта смотрит с вожделением, а этот сребролюбивый». Но святые апостолы описали жизнь и проповедь Спасителя не для того, чтобы мы друг друга обвиняли, а чтобы каждый из нас исправлялся и не взирал на чужие грехи. Так же и святоотеческие книги: мы читаем их совсем не для того, чтобы находить оправдание своим страстям, поступкам и словам, а для того, чтобы себя обвинить.

В «Отечнике» рассказывается про одного монаха, который жил в городе, вел себя нерадиво, ходил по баням. Один старец увидел, что вокруг него вьются демоны, и решил его обличить, а тот ему ответил: *Аще бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (см. [Гал. 1, 10](#)). И еще сказал: *Не осуждайте, и не будете осуждены* ([Лк. 6, 37](#)). Старец попросил у него прощения: что еще сказать человеку, если он отвечает словами Священного Писания? Впоследствии тот монах впал в блуд, его избили, и от побоев он скончался, то есть умер без

покаяния. Саддукеи, например, применяли изречение закона Моисеева о браке к вечной жизни, к воскрешению из мертвых. Дьявол, искушая Спасителя в пустыне, употреблял слова девяностого псалма. Всегда можно найти и неправильно применить к себе какие-либо изречения из Священного Писания, чтобы оправдать какой-то греховный поступок или заблуждение. Это означает не то, что не нужно читать Священное Писание, а то, что его нужно читать с целью научиться самому, а не с целью учить других.

Вопрос. Вы недавно приводили нам изречение Григория Синаита о том, что человек может прийти в такое состояние, что будет испытывать тиранию всех страстей и помыслов, ниоткуда не сможет встретить помощи, и именно это состояние является источником истинного смирения. Бывает, что во время брани во мне настолько сильно действуют страсти, что я действительно как будто не в силах им противиться. Такое может быть?

Ответ. Может, но все равно человек борется с собой. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит о том, что если святые отцы пишут о падениях как неизбежных, то речь идет о падениях мысленных. И даже мысленные падения обнаруживают наше произволение: мы падаем не потому, что согрешаем как бы против воли, а потому, что наша воля уклоняется от Бога. Мы смиряемся оттого, что познаём самих себя, а не оттого, что с нами происходит нечто выше наших сил. Мы познаём себя, видим свою греховность, свою нравственную немощь. Нравственная немощь – это как раз лукавство, уклонение от следования Божественной воле, колебание нашей воли.

Вопрос. Я читала, что гордому человеку посылаются искушения выше силы. Как это понимать?

Ответ. Преподобный старец Силуан Афонский говорит, что брань бывает у нас до тех пор, пока мы не смиримся. Приблизительно то же самое говорит Григорий Синаит. Можно сказать, что любая брань происходит оттого, что человек имеет гордость. Но бывает гордость, как бы переходящая все границы, и ради нее человеку попускается падение в грехи на деле, чтобы человек, как бы вывозившись в навозе, хотя бы от

этого смирился. Под навозом святые отцы чаще всего имеют в виду блудную страсть.

Вопрос. Что ответить человеку, если он говорит, что не слушается, чтобы не человекоугодничать: к послушанию у него якобы примешивается человекоугодие, и он боится согрешить?

Ответ. У меня был один знакомый, который как-то раз решил следить за своими помыслами. Как это делать, он понял совершенно превратно. Он сидел на стуле и боялся пошевелиться. Ему приходил помысел почесать голову, и он думал: чесать или не чесать, чтобы не согрешить? И так целыми днями он сидел на стуле и «боролся с помыслами».

Не нужно понимать все так примитивно. Допустим, меня мучает тщеславие. Что бы я ни сделал, оно начинает во мне действовать. Что бы ни сделал, у меня гордость. У меня тогда только нет тщеславия и гордости, когда я ем. Здесь-то я смиряюсь! Буду-ка я побольше есть и ничего не делать, буду преуспевать, буду все толще и все смиреннее. Это же нелепость!

Что значит «человек слушается из человекоугодия»? Конечно, когда мы совершаем что-то доброе, как правило, примешивается какая-нибудь страсть, но мы должны и добро делать, и страсть отвергать. А если мы будем «бороться» со страстями при помощи бездеятельности, тогда мы вообще никогда ничего не будем делать, в том числе и совершать добродетели. Так можно дойти до абсурда: сидеть в комнате и бороться с помыслами и в этом вся жизнь будет проходить.

Мы не можем вести бездеятельную жизнь. Одно дело, когда мы совершаем добрый поступок и к нему примешивается, скажем, человекоугодие или тщеславие, а другое – когда движущим мотивом нашего поступка является сама страсть, то же тщеславие. Вот это плохо. Однако иногда бывает, что возникает необходимость что-то сделать и по страсти. Допустим, человек умирает от голода. Я подаю ему милостыню или даю еду, спасаю его от голодной смерти – и делаю это из тщеславия. Может быть, я и не сделал бы этого поступка, но, если я его не сделаю, человек умрет с голоду. Так что лучше?

Чтобы я потщеславился и человек остался жив или чтобы я смирился, а человек умер? Пимен Великий говорит, что лучше есть хлеб с плесенью, чем умереть от голода. Лучше оказать пользу брату, хотя бы и несколько поддавшись тщеславию, чем оставить его без всякой пользы.

Вопрос. Если выполняешь послушание и приносишь людям много пользы, но не отвергаешь страсти, будет ли польза для души? Ведь и в Евангелии говорится: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26). Может быть, лучше оставить это послушание, если чувствуешь, что при его исполнении страсти усиливаются?

Ответ. Если я исполняю послушание и при этом поддаюсь страстям, то что мне нужно делать? Оставить послушание и не предаваться страстям – или, может быть, послушание исполнять, а страсти всё же отвергнуть? А мы думаем: «Я уже целый месяц борюсь, и ничего не получается, все пропало». Но как подвижники годами боролись с такими мучительными страстями, что иногда искали смерти?

Со страстями надо бороться, не избегая искушений, а стараясь не поддаваться им. От искушений все равно не уйдешь. Отец Андрей (Машков) рассказывал про одного монаха, который молился Иисусовой молитвой. У него начались, кажется, хульные помыслы, и он решил от этих помыслов спрятаться в подвал. Залез туда, а бесы стали вслух над ним хохотать. Подобным образом и у нас получается. Мы поступаем смешно и наивно, пытаюсь «спрятаться» от бесов. Как это возможно? Бес тебя на службе искушает, ты быстро убежала и закрыла перед ним дверь, а он за тобой не успел? «Эх, – думает, – упустил я ее, теперь придется кого-нибудь другого искушать». А ты в это время будешь в другом месте молиться без искушений...

Допустим, я отверг человекоугодие таким примитивным способом: ушел в келию, закрылся и не общаюсь с сестрами на послушании. Но ведь я поддамся другой страсти – гордости, которая гораздо хуже, чем человекоугодие. Преподобный Серафим Саровский говорит, что в общежитии монахи борются с демонами, как с голубями, а в пустыне – как со львами. Когда

мы находимся среди людей, то искушения приходят к нам по большей части через них. Мы друг друга обижаем, соблазняем и одновременно тут же смиряемся, выявляются наши недостатки. Когда же мы уходим в уединение, тогда на нас нападают наши разъяренные страсти, которые уже не имеют никаких препятствий для того, чтобы свободно в нас действовать. Таких неопытных подвижников, как мы, они могут вмиг уничтожить, стереть в порошок.

Если ты думаешь, что уединение, даже в такой примитивной форме, как бегство в келию, спасет тебя от искушений, то ты подвергаешь себя искушениям гораздо бóльшим. На самом деле, когда ты убегаешь, ты уже поддаешься большей страсти. Ты думаешь, что ты в келии помолишься лучше, чем на общем правиле или на литургии. А что это, как не гордость? Некий подвижник сказал, что лучше в церкви произнести один раз «Господи, помилуй», чем дома прочесть всю Псалтирь. Великие подвижники любили богослужение. Уединенная молитва предлагается либо больным, в виде исключения, либо людям весьма преуспевающим.

Если твои страсти выходят наружу, это еще не значит, что они увеличиваются, – не надо так пугаться. Святитель Игнатий толкует слова псалма *прозябоша грешницы яко трава, яко да потребятся в век века* (см. Пс. 91, 8) так: вначале, когда человек вступает в молитвенный подвиг, греховные помыслы увеличиваются и усиливаются для того, чтобы человек их истребил. Страсти должны выявиться.

Если я думаю про себя, что я хороший человек, это не значит, что я хороший на самом деле. Если я думаю про себя, что я плохой, то это не значит, что я плох для других. Как раз те люди, которые видят свои грехи, свои страсти и расценивают их как страсть, а не как невинное удовольствие, подобно многим грешникам в миру, как раз и ведут себя смиренно, кротко, всегда уступают. С такими людьми, которые искренне думают о себе плохо, легко жить, и их считают хорошими. А те, которые считают себя хорошими и достойными всех преимуществ, именно поэтому всегда и везде стремятся занять первое место,

оттолкнуть ближнего, взять все лучшее себе, предпочитают себя всем другим. С ними людям как раз бывает очень тяжело.

Вывод такой: если мы видим свои грехи, то это не значит, что мы становимся хуже и что нам надо куда-то бежать.

Вопрос. Святитель Игнатий в «Отечнике» приводит рассказ о трех монахах, которые выбрали разные пути: первый решил примирять ближних, второй – служить ближним и больным, а третий ушел в уединение. Первые два не выдержали, а последний восхвалял уединение и говорил, что человек не может увидеть своих грехов вне уединения. А вы сейчас говорили, что мы усматриваем свои страсти именно в общении с людьми. Что же правильно?

Ответ. В общении с людьми – имеется в виду в общежитии, а эти братья избрали подвиг любви, к которому не были готовы.

Уединение уединению рознь. Уединение – это не всегда плохо. Один способен к более высокому пути, а другой – к менее высокому. В рассказе святителя Игнатия сравниваются не уединение и общежительный монастырь, не отшельничество и общежитие, а служение ближним посреди мира и монашеская жизнь. Монашеская жизнь более благоразумна, а служение ближним подвергает человека многим опасностям, и он впадает во всякие грехи и не выдерживает того подвига, за который взялся.

Служение ближним требует терпения, кротости. С одной стороны, общаясь с людьми, мы не должны оскверняться их пороками, а с другой стороны, нужно им помогать. Это очень тяжело и к этому нужно быть готовым. Монашеский подвиг приводит к бóльшим результатам. Почему уже с IV века на епископское место очень часто избирались монахи? Потому что люди видели, что монахи превосходят добродетелью верующих, живущих в миру. Епископы обычно были безбрачными. Если кто-то, состоявший в браке, избирался для епископского служения, он был обязан расторгнуть брак, хотя в то же самое время не становился монахом. А потом стали предпочитать монахов, по той причине что они показывали бóльшую добродетель и, подготовившись в монашеской жизни, затем уже могли

ревностно выступить на служение ближним, как, допустим, святители Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов и многие другие, знаменитые и малоизвестные.

Вопрос. Батюшка, как себя укорить в том случае, когда ты дело сделал, все необходимое предпринял, а дело не получилось? И недоумеваешь: а почему, ведь все сделано хорошо?

Ответ. Может быть, Богу не угодно, чтобы это дело совершилось. На все воля Божия. Вероятно, в подобном случае уместно не укорять себя, а просто смириться, предаться воле Божией. Если я говорил об укорении, то это не значит, что нужно себя укорять везде и всюду, где нужно и где не нужно. Всегда укорять себя – это значит всегда видеть в нарушении заповеди свою вину.

Том III

Сегодня я хочу коснуться очень возвышенной темы, поговорить о степенях духовного преуспевания. Мы привыкли слишком просто понимать степени духовного преуспевания и судим о них примитивно: едва-едва достигая первой степени, мечтаем о высшей и считаем первые шаги чем-то едва ли не презренным.

Итак, какие же степени духовного преуспевания имеет в виду святоотеческая традиция и какими мотивами руководствуется человек на каждой из них? Первая степень, находясь на которой человек служит Богу из страха, – это степень раба. Вторая – наемника, исполняющего волю Господа ради награды, ради будущего Царствия. И наконец, третья – степень сына, бескорыстно служащего Отцу. Однако согласно Священному Писанию эти три стадии не следуют друг за другом в жесткой последовательности, по крайней мере, вторая и третья из них не противоречат друг другу и степень наемника не стоит ниже степени сына. Желание получить награду, или, по-славянски, мзду, никак не противопоставляется нашему усыновлению Богу. Многие стыдятся такого мотива, считая, что Богу нужно служить совершенно бескорыстно (порой это бескорыстие оказывается преждевременным, порой – неразумным), но Священное Писание, или, можно прямо сказать, Господь наш Иисус Христос, учит об этом предмете иначе: обещает нам эту мзду и призывает нас к тому, чтобы мы стремились получить ее. Так что нельзя считать это стремление чем-то презренным, ведь в словах Спасителя обещанная награда соединяется с высшей степенью духовного преуспевания. Тот, кто желает достичь второго, отнюдь не должен забывать о первом.

Евангелист Матфей передает нам данные Господом так называемые заповеди блаженства, и в последней, высшей из них, говорится: *Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех: тако бо изгнаша пророки, иже беша прежде вас* (Мф.

5, 11–12). От человека требуется необыкновенное смирение и терпение, когда он терпит поношения, клевету, гонения, – не ради собственных недостатков, а ради имени Христа. *Избави мя от клеветы человеческия, и сохраню заповеди Твоя*, – говорит пророк Давид (Пс. 118, 134). А здесь Господь наш Иисус Христос призывает радоваться и веселиться, когда нас поносят, гонят, клеветуют на нас... Конечно, тот, кто в такой ситуации способен на это, имеет необыкновенное обилие Божественной благодати, и основанием подобного душевного состояния, этой необыкновенной радости может быть ожидание mnogой мзды на Небесах: человек торжествует, потому что уже сейчас отчасти вкушает то, что в будущей жизни получит в полной мере. Можно ли про него сказать, что он находится всего лишь на второй степени духовного преуспеяния и что он не сын, а только наемник? Никак нельзя.

Несколько позже в той же самой Нагорной проповеди Господь прямо говорит о получении будущей награды человеком, который тайно, нетщеславно совершает добродетели поста, милостыни, молитвы, и о его усыновлении Небесному Богу Отцу: *Внемлите милостыни вашае не творити пред человеки, да видими будете ими: аще ли же ни, мзды не имате от Отца вашего, Иже есть на небесех* (Мф. 6, 1). Это предложение не допускает никакой двусмысленности: если Бог – наш Отец, то мы, естественно, Его чада, дети, но уже никак не наемники. И нам вновь и вновь обещается мзда, – конечно же, не в этой жизни, а в будущей. Слово «мзда» встречается и далее, когда речь идет о молитве: *И егда молишия, не буди якоже лицемери, яко любят в сонмищих и в стогнах путей стояще молитися, яко да явятся человеком. Аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою* (Мф. 6, 5).

Таким образом, нет ничего греховного в мыслях о предстоящем вознаграждении на Небесах. Более того, это ожидание должно вдохновлять нас на ревностные подвиги, помогать терпеть поношения, клевету, гонения, побуждать к совершению великих добродетелей не ради похвалы и человеческого одобрения, а ради Царствия

Небесного. И потому мы не имеем никакого права унижать желание человека получить в будущем веке духовную мзду.

Несколько позже мы еще скажем, в чем она состоит, сейчас же отмечу, что это определенно не предмет воображения, но вполне ощутимое для человека воздаяние. Однако получают его те, кто не ждет награды сейчас, например в виде похвалы, и совершает добродетели втайне: *Егда убо твориши милостыню, не воструби пред собою, якоже лицемери творят в сонмищих и в стогнах, яко да прославятся от человек. Аминь глаголю вам, восприемлют мзду свою. Тебе же творящу милостыню, да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя, яко да будет милостыня твоя в тайне, и Отец твой, видяй в тайне, Той воздаст тебе яве* (Мф. 6, 2–4). Конечно же, здесь сказано о духовном, небесном воздаянии. Не может быть такого, что мы, отказавшись от человеческой похвалы, получим другую, но также земную награду. Обрести же небесное на земле – все равно что получить сокровище на небесах. *Лицемери, яко любят в сонмищих и в стогнах путей стояще молитися, восприемлют мзду свою* (см. Мф. 6, 5). Если они получают свою мзду, получим ее и мы, но мзду иную – от Бога: *Ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве* (Мф. 6, 6). Опять здесь сказано о воздаянии, и нигде не говорится о желании получить его как о чем-то постыдном. Напротив, стремление к духовной награде за свои труды укрепляет человека, вдохновляет его и делает способным переносить многие скорби, о чем и говорится в последней заповеди блаженства.

Нечто подобное сказано и о посте: *Егда же поститесь, не будите якоже лицемери сетующе: помрачают бо лица своя, яко да явятся человеком постящиеся. Аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою. Ты же постяся помажи главу твою, и лице твое умый, яко да не явишия человеком постяся, но Отцу твоему, Иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве* (Мф. 6, 16–18). Что значит воздаст? Разве «воздаяние» – это не синоним мзды? Не применительно

ли к нашему тщеславию говорится: *Не скрывайте себе сокровищ на земли, идеже червь и тля тлит, и идеже татие подкопывают и крадут, скрывайте же себе сокровище на небеси, идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкопывают, ни крадут: идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше (Мф. 6, 19–21)*? Да, нам разрешается стремиться к тому, чтобы собрать некое сокровище, стремиться к стяжанию, но к стяжанию благ духовных – их демоны тщеславия украсть или растлить не могут. Не нужно искать похвалы, славы, вообще какой бы то ни было награды от людей. Мы должны ожидать награды и благодарности только от Бога, а это и есть действие Божественной благодати.

Слова Господа Иисуса Христа об этом передает евангелист Иоанн. Спаситель сказал их Своим ученикам, когда те подошли к Нему после Его беседы с самарянкой. Чтобы смысл этого высказывания стал понятен, я приведу этот фрагмент полностью: *Между же сим моляху Его ученицы Его, глаголюще: Равви, яждь. Он же рече им: Аз брашно имам ясти, егоже вы не весте. глаголаху убо ученицы к себе: еда кто принесе Ему ясти? Глагола им Иисус: Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дело Его. Не вы ли глаголете, яко еще четыре месяцы суть, и жатва приидет? Се, глаголю вам: возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже; и жнй мзду приемлет и собирает плод в живот вечный, да и сеяй вкупе радуется и жнй: о сем бо слово есть истинное, яко ин есть сеяй, и ин есть жнй. Аз послах вы жати, идеже вы не трудитесь: инии трудишася, и вы в труд их внидoste (Ин. 4, 31–38)*. Здесь опять обещается мзда – плата, вознаграждение, и получают ее за свои апостольские, проповеднические труды те, кто будут трудиться на ниве Божией.

Углубляться в толкование этого евангельского текста мы не будем, для нас сейчас важно то, что в разных случаях Спаситель вполне определенно, откровенно, ясно говорит о мзде и ничего постыдного, как вы видите, в этом понятии нет. Мзда обещается тем, кто совершает самый возвышенный и трудный подвиг в Церкви – подвиг

апостольский, подвиг проповеди. Редко кто на него способен, не многим дается на это благословение свыше. За такой труд на ниве Божией истинным служителям Господа: апостолам и их духовным потомкам, епископам и пресвитерам, обещается воздаяние. А уж апостолы, конечно, никак не могут считаться наемниками. Поэтому мы не должны считать, что нам не нужно иметь никакой корысти. Чрезмерная бескорыстность, идущая порой от нелепого, нежизненного, непрактичного советского воспитания, делает человека бездеятельным. И так происходит как в житейских, так и в духовных вопросах. Когда мы бескорыстно трудимся и от Бога ничего не ждем: никакой награды, никакой благодати, – то ничего и не получаем, потому что, как это чаще всего происходит, теряем всякую ревность и усердие.

Говоря о воздаянии, Господь привлекает нас, дает понять, что Он нас не обманет. Мы должны верить этому, но мы или никак не отзываемся на Его слова, или, может быть, утешаем себя, успокаиваем, а правильнее сказать, оправдываем: «Мол, это сказано для людей, которые совершили великий подвиг. Они и получают великую награду, а я не могу ничего великого совершить, я едва-едва удерживаюсь от тяжких грехов, мне-то уж никакой mzды не получить. Я человек немощный, ничтожный, грешный, ни к чему особенному не способный, и поэтому слова Господа ко мне не относятся. Конечно, не буду спорить – Евангелие призывает нас к тому, чтобы получить великую mzду, но это не про меня». Но это не так, это самооправдание.

Господь говорит, что и те люди, которые сделали малое доброе дело, получают свою mzду, пусть и малую. Даже если мы сделаем что-то нетрудное, немногое, потому что наша немощь не позволяет совершать бо льшие дела, то и мы не лишимся своей награды. *Приемляй пророка во имя пророчо, mzду пророчу примет; и приемляй праведника во имя праведничи, mzду праведничу примет. И иже аще напоит единого от малых сих чашею студены воды токмо, во имя ученика, аминь глаголю вам, не погубит mzды своея (Мф. 10, 41–42).* Даже если мы не совершим сами дел пророка или какого-либо праведника, а только примем этих людей – всё равно получим

мзду. Сделаем совсем ничтожное дело, дадим чашу холодной воды – и тогда не лишимся своей награды. Нужно помнить, что за всякое доброе дело, за всякий подвиг, совершенный ради Евангелия, ради спасения своей собственной души, мы получаем мзду.

А теперь рассмотрим еще один евангельский эпизод с этой неожиданной точки зрения: подумаем, что нужно делать, чтобы получить от Господа воздаяние, и в чем это воздаяние состоит. *И се, един некий приступль рече Ему [Господу Иисусу Христу]: Учителю благий, что благо сотворю, да имам живот вечный? Он же рече ему: что Мя глаголеши блага? Никтоже благ, токмо един Бог. Аще ли хочеши внити в живот, соблюди заповеди* (Мф. 19, 16–17). Наследовать жизнь вечную и получить многую мзду на небесах – это в общем-то одно и то же. Можно даже сказать, что мзда, о которой говорит Спаситель, – это не просто обещание вечной жизни и спасения, но некая особенная духовная награда, так что евангельское повествование о богатом юноше, безусловно, имеет отношение к рассматриваемой нами теме. Что же необходимо сделать, чтобы обрести эту награду – вечную жизнь? *Соблужи заповеди. Глагола ему: кия? Иисус же рече: еже, не убиеши, не прелюбы сотвориши, не украдеши, не лжесвидетельствуеши, чти отца и мать, и возлюбиши искренняго твоего яко сам себе* (Мф. 19, 18–19). Это те заповеди, которые указывают нам на отречение от всего земного, от явного греховного наслаждения, от услаждения тем, что противостоит естественной человеческой природе.

Всякая страсть, как бы это ни казалось странным на первый взгляд, приносит человеку наслаждение – такова, например, и страсть гнева, в крайнем своем проявлении приводящая к убийству. Не доставляй она нам удовольствия, мы никогда не стали бы приводить себя в такое ужасное состояние – настоящее душевное расстройство. Мы увлекаемся гневом потому, что он нам приятен. Если мы возьмем нашу печальную человеческую историю, то увидим, что многие великие полководцы и завоеватели упивались этой страстью и видели в ней смысл своей жизни. Конечно, и слава

для этих военачальников имела значение, но, безусловно, без любви к столь противоестественному состоянию, как наслаждение от убийства, невозможно было бы совершить многие и многие, с человеческой точки зрения, великие дела – такие, какие совершали, например, Чингисхан или Александр Македонский. И совсем не важно, осуждаем мы их или одобряем, считаем их страшными людьми или преклоняемся перед ними. Чингисхан, например, уже в старости спрашивал своих приближенных: «В чем состоит счастье?» Они говорили о всевозможных вещах, а он утверждал: «Счастье в том, чтобы убивать своих врагов и насиловать их дочерей и жен». Представляете, человек прожил всю жизнь и дошел до такой мысли! Страсть гнева была движущей силой его великих завоеваний, в убийстве было его счастье.

Не нужно думать, что к нам это не относится, поскольку мы не стремимся к убийству в буквальном смысле слова. Многие люди не совершают этого страшного греха просто потому, что боятся возмездия со стороны закона, то есть уголовного преследования. И отречение от страсти гнева – это отречение от наслаждения, доставляемого одной из самых губительных и самых мощных страстей. Она заставляла многих людей и даже многие народы совершать великие дела, вершила судьбы человечества. Так что не нужно думать, что это некий пустяк.

Следующая заповедь: *Не прелюбы сотвориши*. В наше время весь мир погружен в эту страшную, отвратительную страсть, которую никто не почитает грехом, напротив, все уверены, что смысл жизни человека состоит в том, чтобы наслаждаться действием этой страсти, хотя для человека, живущего по естеству, все это излишне. Для наших современников брачная жизнь из-за присущих ей многих забот и трудов отступает на второй план, теряет почти всякое значение, и человек дает себе свободу в прелюбодеянии – в преступлении против супружества, против естественного порядка. Блуд разливается как некая река, вышедшая из берегов, как смертоносная зараза, чума, бесконечно распространяющаяся и заражающая одного, другого, третьего.

Блуд становится губительным и для того, кто ему предается, и для всех тех, с кем этот блудник соприкасается. Мы видим, как весь мир утопает в грехе, люди совершают множество отвратительных злодеяний, почитая их даже не просто чем-то невинным, а вообще смыслом жизни. Всем известно, что многие страшные преступления нередко совершаются ради прелюбодеяния. Так что запрещен человеку не брак – запрещено нарушение его устоев, нарушение естественных границ.

Третья заповедь гласит: *Не украдеши*. Понятно, что избыток имущества создает для человека многие удобства, позволяет ему наслаждаться жизнью. Сребролюбие, как вы знаете по учению святых отцов, вмещает в себя остальные грехи, потому что оно служит средством для удовлетворения всех человеческих страстей. А воровство – это желание приобрести богатство, и приобрести незаконным образом, через нарушение прав собственности, через обиду другого человека. Значит, исполнением данной заповеди вновь пресекается незаконное наслаждение, неправильное стремление к тому, чтобы получить средство для удовлетворения своих греховных желаний.

Не лжесвидетельствуеши. Лжесвидетельство, или ложь, употребляется для прикрытия преступлений. Мы лжем, чтобы не потерпеть скорби из-за своих прегрешений против других людей, лжем, чтобы жить безмятежно, беспечально, сохранять свою независимость и свободу для совершения греха.

Чти отца и мать. Эти слова не столь очевидно говорят о необходимости пресечь нашу страсть к наслаждению. Однако мы видим, что если люди с уважением относятся к своим родителям, которые учат их закону Божию, жизни по преподанным Господом заповедям, то они, как правило, послушны велениям собственной совести. Да, эти заповеди были даны людям, жившим в верующей среде, но и сейчас те, кто почитают и уважают своих отца и мать, обычно выделяются в обществе своим благонравием. Те же, кто полностью предаются греху, иногда доходят до того, что забывают о родителях, презирают их, оставляют без всякого попечения и заботятся только об удовлетворении своих

страстей. Эта жестокость по отношению к тем, кто тебя родил и воспитал, есть крайнее проявление греховности. И в наше время это, к сожалению, встречается довольно-таки часто.

И, наконец, последняя заповедь: *Возлюбиши искренняго твоего яко сам себе*. Опять ограничивается наше самолюбие – корень всех зол, – и ограничивается любовью к ближнему. Мы готовы любить себя безраздельно и уверены в том, что достойны этой любви, какой бы тяжкий грех, преступление ни совершили, какому бы пороку ни предались. Только иногда на краткое время у человека появляется некоторое отвращение к себе, к собственным изъясам и прегрешениям, но потом сильнейшее самолюбие вновь побеждает его, овладевает им, и он опять служит себе как некоему идолу. Однако тот, кто понимает, что должен любить других людей, это самолюбие ограничивает премудрой богооткровенной мерой, которую Спаситель указал в Своих заповедях. Как мы должны любить ближних? Мы не знаем, не умеем этого понять, но нам сказано: *Как самого себя*. Себя любишь, – значит, люби и ближнего, себя жалеешь – жалей и его, к себе снисходишь – снизойди и к другому человеку.

Так ограничивается в нас тяга к наслаждению, пресекается сладострастие в широком смысле слова, понимаемое не только как склонность к блудной страсти, но и вообще как любое греховное наслаждение. Мы должны отречься от этого влечения, оградить себя от грубого, явно греховного сладострастия, чтобы получить *живот вечный*. Святые отцы часто говорят, что необходимо беречь все чувства, в особенности осязание – самую низшую человеческую способность к восприятию окружающего мира. Именно ее изощренному удовлетворению служит блудная страсть. Человек предается ей, как некое животное, как кошка, которая любит, когда ее гладят. Воспаляющаяся жажда удовлетворения чувственных желаний заставляет забыть, по крайней мере на некоторое время, о вечности, о будущем блаженстве, общении с Господом. Человек даже готов отречься от вечной жизни – и ради чего! Глупо, стыдно, но так оно и есть.

То же можно сказать и о других чувствах – зрении, слухе. С их помощью мы можем наслаждаться чем-то возвышенным и прекрасным, а можем – низменным и отвратительным. Через них приходят в наше сердце все упомянутые выше страсти и грехи: не только блуд, но и гнев, и зависть, из-за которых человек совершает воровство и убийство, а также прочие грехи, пусть и мелкие, но более многочисленные, пусть не изображенные в заповедях, но происходящие от нарушения их. Предаваясь, подобно животным, грубейшим утехам, мы забываем о вечности. Как зверь, влекомый своими инстинктами, не способен мыслить, так и мы, превращаясь на какое-то время в животных, утрачиваем способность думать о чем-то возвышенном, на время перестаем быть людьми.

Вернемся к евангельскому повествованию. *Глагола Ему юноша: вся сия сохраних от юности моея; что есмь еще не dokonчал? (Мф. 19, 20).* Этот молодой человек, совесть которого была изощрена благодаря исполнению заповедей, чувствовал, что не выполнил самого важного и главного. Он понимал, что мало отречься от противоестественных наслаждений, нужно сделать нечто сверх этого. Святой апостол и евангелист Марк, описывая то же событие, которое мы с вами сейчас рассматриваем, после этих слов юноши говорит: *Иисус же возрев нань, возлюби его (Мк. 10, 21).* Смирение, осознание того, что для спасения еще недостаточно пресечь свои страсти в их грубых проявлениях, желание больше потрудиться ради жизни вечной сделало этого юношу достойным Божественной любви. И вот этому искреннему человеку Господь открывает, что еще необходимо ему исполнить: *Рече ему Иисус: аще хочеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим; и имети имаши сокровище на небеси; и гряди вслед Мене (Мф. 19, 21).* Итак, вновь Спаситель верным Ему обещает дать сокровище на Небесах. Ясно, что речь идет не о материальных, а о духовных благах. Обретет же их тот, кто не только отречется от греховных наслаждений, но и пресечет даже невинную привязанность к земному, откажется не только от прелюбодеяния, но даже и от брака; не только от убийства,

но и от самого гнева, как заповедал Господь Иисус Христос в Нагорной проповеди. Отрекающийся от богатства лишается возможности жить для себя, в свое удовольствие, совершать многие, пусть и совершенно невинные, поступки, приносящие человеку утешение в земной жизни. Нищий думает о том, как бы насытить себя и не умереть от голода, а не о том, как насладиться пищей. Но человек, лишивший себя земного, может надеяться на то, что получит небесное.

Опять мы видим, что желание совершенства не препятствует тому, чтобы искать и ждать награды от Бога. Господь и привлекает нас обещанием награды. Послушайте, как Он говорит: *Аще хочеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим; и имети имаши сокровище на небеси*. Значит, если мы хотим быть совершенными и при этом нам обещается сокровище на Небесах, то ясно, что никакого противоречия между этими духовными явлениями нет и ничего постыдного в духовной корысти также нет. Наоборот, желанием небесной награды Господь привлекает нас к тому, чтобы мы отказались и от самого невинного и даже, казалось бы, доброго. Исполнение заповедей о любви к ближнему, как представляется на первый взгляд, легче совершить при помощи богатства. Как может бедный человек оказать любовь к ближнему, если он не может не только подать милостыню, но и помочь человеку каким-либо иным образом? Значит, отречение от имущества есть нечто более высокое, чем буквальное исполнение заповеди о любви к ближнему, нечто более возвышенное, чем любовь к отцу и матери. Отрекаясь от имущества и становясь нищими, мы теряем в том числе и возможность чем-то материальным послужить отцу и матери. Таким образом, мы отрекаемся не только от наслаждения, но даже и от исполнения меньших заповедей ради исполнения заповеди большей – о любви к Богу.

Когда юноша отошел со скорбью, *бе бо имея стяжания многа* (Мф. 19, 22), Господь приоткрыл ученикам, исполнившим заповедь об отречении, в чем состоит эта награда и что приобретает человек, если он совершает подвиг полного отречения – «подвиг совершенства», как говорит святитель

Игнатий (Брянчанинов). *Иисус же рече учеником Своим: аминь глаголю вам, яко неудобь богатый внидет в Царствие Небесное; паки же глаголю вам: удобнее есть велбуду сквозе иглине уши проити, неже богату в Царствие Божие внити. Слышавше же ученицы Его, дивляхуся зело, глаголюще: кто убо может спасен быти? Воззрев же Иисус рече им: у человек сие невозможно есть, у Бога же вся возможна. Тогда отвечае Петр рече Ему: се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом; что убо будет нам? Иисус же рече им: аминь глаголю вам, яко вы шедшии по Мне, в пакибытие, егда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своея, сядете и вы на двюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленом Израилевома (Мф. 19, 23–28).* Видите, Петр спрашивает: «Какая нам будет награда?» Он был человеком простым, откровенным и порывистым, часто совершал необдуманные поступки, произносил необдуманные слова. (Необдуманные не значит глупые, но идущие из сердца, не проверенные рассудком.) Иногда Господь порицал Петра из-за этого, но он своей натуры изменить не мог: ему хотелось спросить о чем-то – и он спрашивал. Так и здесь: он просто и открыто задает вопрос и не боится выглядеть корыстолюбивым, как боимся мы.

Мы оставили всё и последовали за Тобою, – говорит Петр. Может быть, сам он оставил немного: только лодку с рыбой. Да, он покинул жену, но она потом, как говорит предание, всегда следовала за ним и служила ему. Как бы то ни было, этот человек отказался от того, что было ему дорого, ради Бога. Он прямо спрашивает Спасителя: «Скажи, какую мы награду получим, раз уж о ней зашла речь?» И здесь Господь не высказывает Петру никакого порицания, как сделал это, когда тот проявил по отношению к Нему неразумную жалость. Тогда Спаситель сказал ему: *Отойди от Меня, сатана! (Мф. 16, 23).* А сейчас Господь отвечает прямо, определенно и даже, можно сказать, подробно: *Аминь глаголю вам, яко вы шедшии по Мне, в пакибытие, егда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своея, сядете и вы на двюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленом Израилевома.* Это обещание необыкновенной духовной высоты дано именно апостолам

(конечно, его нельзя понимать в том смысле, что они буквально будут сидеть на двенадцати престолах), но дальнейшие слова могут быть отнесены ко всякому из нас, если, конечно, мы совершим это отречение на деле, а не будем его только декларировать: *И всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею примет и живот вечный наследит* (Мф. 19, 29).

Представьте себе такую ситуацию: человек нанимается на работу и ему обещают очень большую плату, лишь бы только он в эту организацию пришел. Говорят: «Ты получишь в сто раз больше, чем получал раньше. Получал три тысячи рублей, а у нас будешь получать триста тысяч». Представляете? Он бы сразу сказал: «Всё, иду немедленно. Когда? Что мне нужно делать? Куда идти?» В обыденной жизни все это понятно, но почему-то мы не понимаем этого, когда речь идет о жизни духовной.

Обещание *сторицею примет*, конечно же, не означает, что у нас будет всего во сто раз больше: больше жен (мы же не магометане), больше людей, которые нас любят или нам служат (впрочем, некоторые святые отцы, например Иоанн Кассиан Римлянин, понимают эти слова и в таком смысле). И все же, я думаю, речь идет о том, что мы уже здесь, на земле, будем многих любить так же крепко, как обычно человек любит своих самых близких родных. Необыкновенная награда! Сначала человек отсекает противоестественные страсти, потом отказывается от привычных наслаждений и тем самым не только впоследствии наследует вечную жизнь, но и сейчас получает во сто крат большее – любовь, неизмеримо большую, чем любовь даже к друзьям и родственникам. Это прежде всего действие Божественной любви, единение нашей души с той любовью, которая является действием Божества. Мы, присоединяясь к этой любви, сами становимся как бы малыми источниками Божественного света. Как луна отражает солнечный свет, так и мы, воспринимая в себя Божественную любовь, распространяем ее и освещаем ею других людей. Вот в

чем преимущественно состоит обещанная награда, но в любом случае она, безусловно, духовна.

Завершить нашу беседу я хочу словами Спасителя, чтобы еще раз доказать, во-первых, что именно любовь как величайшую награду обещает Господь Иисус Христос тем, кто исполняет Его заповеди, а во-вторых, что стремление к совершенству не противоречит желанию получить мзду от Бога и прийти в состояние богосыновства: *Обаче любите враги ваша, и благотворите, и взаим дайте, ничесоже чающе; и будет мзда ваша многа, и будете сынове Вышняго; яко Той благ есть на безблагодатныя и злыя. Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 35–36). Итак, мздой нашей как раз и будет то, что мы станем сыновьями Господа и сможем проявлять нашу любовь даже по отношению к людям неблагодарным и злым, потому что приобретем такое милосердие, которое имеет всесовершенный Бог ко всему Своему творению и всему человеческому роду.

Эта мзда ожидает тех, кто всей душой стремится исполнить заповеди, всей душой отказывается от наслаждений – и противоестественных, греховных, и даже естественных – ради следования за Господом Иисусом Христом. Поэтому не будем считать чем-то унижительным для себя духовную корысть, наоборот, пусть она возгревает нашу ревность. Будем пламенно стремиться получить от Бога великую награду, потому что она состоит не в некоем преимуществе перед людьми, а в безграничной, беспредельной любви к Богу и ко всякому человеку.

* * *

Вопрос. Батюшка, вы сказали о трех степенях духовной жизни: рабство, наемничество и сыновство, а в предисловии к творениям Варсонофия Великого сказано, что он достиг такого духовного состояния, что мог называться уже не сыном Божиим по благодати, а братом Иисуса. Нет ли здесь противоречия?

Ответ. Господь называет тех, кто будет исполнять волю Небесного Бога Отца Своими братьями и сестрами, так ведь? Кроме того, Спаситель в Евангелии называет людей, которые стремятся жить по заповедям, сыновьями Бога Вышнего. А раз

они сыновья Вышнего Бога, то есть сыновья Бога Отца, то, естественно, они по благодати братья Иисусу. Речь идет не о том, называться ли братом или сыном, а о том, чтобы не бояться мыслей о небесной награде, чтобы иметь ревность.

Вопрос. Что нужно понимать под духовной мздой – только любовь к ближнему? Разве нельзя некоторое утешение, которое человек получает от внимательного молитвенного обращения к Господу, считать сокровищем, обретаемым на Небесах? Но святитель Игнатий пишет, что не следует искать наслаждения в молитве, и Феофан Затворник говорит, что при сухости в молитве, унынии нужно думать, что это твое естественное состояние, и не считать себя достойным утешения. Что же тогда подразумевать под мздой?

Ответ. Многие новоначальные утешение в молитве понимают как некую сладость, кровавое разгорячение. Естественно, таких людей нужно предостерегать от этого, призывать стремиться не к наслаждениям, а к действительно духовным плодам, которые перечисляет святитель Игнатий, – к вниманию и покаянию. Но ведь когда человек проливает покаянные слезы, он испытывает душевное облегчение. Даже когда он просто сокрушается о своих грехах, выпускает хоть один вздох сожаления о них, это тоже приносит утешение, а значит, и наслаждение. И наоборот, без покаяния трудно молиться, а ведь святитель Игнатий призывает стремиться к покаянию. Значит, речь идет не о том, чтобы мы боялись благодати, – напротив, мы все стремимся к ней, все хотим быть с Богом и ее стяжание как раз и есть близость к Господу.

Благодать – не какая-то субстанция или стихия, подобная воде или воздуху, невозможно наполнить ею сосуд так, как мы наполняем его водой. Если мы считаем, что приобрести этот дар можно просто «зачерпнув» его, это не что иное, как духовное сладострастие. Благодать – это Божественное действие, слава Божия, Божественный свет, который тем больше освещает нас, чем ближе мы становимся к его источнику. И когда мы стремимся к Богу (а делать это нужно терпеливо, в течение длительного времени, смиряясь, если у

нас что-то не получается или происходит медленно), такая любовь не может порицаться.

Важно не то, чтобы мы вообще не думали о будущей великой награде, а то, чтобы мы не стремились к быстрым результатам, к наслаждению ради наслаждения. Да, оно сопутствует богообщению, но не является его главной целью. В этом смысле предостережение святителя Игнатия очень важно, особенно для новоначальных. В то же время преподобный Серафим Саровский (а он, конечно, для нас не меньший духовный авторитет, чем святитель Игнатий) говорит, что цель христианской жизни – это стяжание благодати. Неужели их мнения противоположны? Святитель Игнатий говорит, что не нужно искать наслаждения благодатью, а преподобный Серафим Саровский говорит, что благодать необходимо обрести. Но противоречия здесь нет: нужно искать благодати, но не ради наслаждения.

Духовная же мзда есть богообщение. Господь Иисус Христос сказал Своим ученикам, что некоторые из стоящих рядом с Ним *не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе (Мк. 9, 1)*. И состояло оно не в том, что горний Иерусалим спустился с неба к апостолам, а в том, что Господь Иисус Христос преобразился и показал апостолам Свою Божественную славу. Показал настолько, насколько они, как говорится в тропаре, могли ее вместить.

Вопрос. Преподобный Варсонофий Великий говорил, что нельзя вменять себе в заслугу ничего: никаких подвигов, никаких трудов. Нет ли противоречия в том, что мы должны думать о мзде и в то же время не задумываться о своих трудах?

Ответ. Конечно, человек не должен думать, что за конкретный труд, допустим за столько-то поклонов, он получит конкретную награду. Он должен трудиться, ожидая великой награды от Бога, и он ее получит. Хотя в своей беседе я уделил немного внимания тому, как нужно вести себя, чтобы получить награду: быть нетщеславным, втайне совершать добродетели и так далее, но в целом говорил скорее о том, что не нужно стыдиться и бояться самого ожидания мзды, ведь оно возбуждает нашу ревность. Награду мы не должны

понимать как католики: за столько-то поклонов нам прощается столько-то грехов – это абсурд. Но мы должны осознать, что мы делаем все, что в наших силах, и получим награду, которая неизмеримо больше наших трудов.

Вопрос. Старец Паисий Афонский пишет, что ради духовного преуспевания монах должен оставить рассудочность, смириться и поработать сердцем, а монахиня – отместить зависть, духовно возмужать и руководствоваться рассудком, сердце же, наоборот, по его выражению, «притормаживать». Почему такая разница между монахом и монахиней, почему им даются противоречащие друг другу советы?

Ответ. Видимо, старец Паисий считал, что мужчины больше руководствуются рассудком, а женщины – сердцем. Первые слишком холодны в своих суждениях, вторые, напротив, слишком поддаются чувствам. Я не знаю, так ли это, а потому делать подобные обобщения не берусь, могу только объяснить смысл слов этого подвижника. На самом деле, думаю, мужчины тоже следуют своим чувствам, просто у женщин это проявляется иногда более откровенно. Психологи изучали реакцию мужчин и женщин на различные скорбные происшествия и заметили, что, когда мужчина находится на людях, он не позволяет себе слез, но без свидетелей большинство будут плакать так же, как и женщины. Многие в нашем поведении связаны с расхожими представлениями о том, как каждый из нас должен себя вести: мужчина должен быть мужественным, а женщина – женственной (сейчас, правда, появились люди, которые поступают наоборот, но мы про них говорить не будем).

Нельзя однозначно говорить о том, что женщинам больше свойственна чувственное восприятие, а мужчинам – рассудочное. Да, женщины плачут при каждом удобном случае – это факт очевидный, однако мало о чем говорящий. Быстро появляющиеся слезы могут быть физиологической реакцией, ведь телесное строение женщины отличается от мужского не только наличием половых признаков. Женское тело устроено более тонко, и это естественно: организм женщины должен быть приспособлен к тому, чтобы носить нежного и уязвимого

младенца. Точно так же мы имеем и разное строение нервной системы, что, впрочем, вряд ли позволяет называть мужчин более рассудочными, а женщин – более чувствительными. Последние порой обладают очень холодным рассудком. Разве женщины не выходят замуж по расчету? Не кокетничают и не делают многое другое весьма расчетливо, руководствуясь отнюдь не чувствами? С приведенным рассуждением старца Паисия я не могу полностью согласиться, но и не хочу его отрицать. Может быть, я в этом не разбираюсь.

Что касается того, что женщины не способны ни на какую работу мысли, то в наше время мы видим, что это не так. Женщины эмансипировались, они могут работать и инженерами, и водителями автобусов, и экономистами. Мужчины и женщины показывают в общем-то равные способности. Все дело в образе жизни. Почему женщина раньше не могла заниматься тем же, чем и мужчина? Потому что она была занята семьей. Не было такого, чтобы она и в браке состояла, и в то же время никаких результатов брачной жизни у нее не было или чтобы она блудила – и тоже без всяких последствий. У женщины были дети, много детей, она вообще ничем не могла заниматься, кроме их воспитания. Таким все видели предназначение женщины.

Есть единственный путь безгрешной безбрачной жизни – монашество. Здесь человек может проявить свои способности, но и в Церкви женщине не дается первенствующее место, она не может ни быть возведенной в священный сан, ни получить каких-то особенных должностей. Максимум, что может женщина в Церкви, это занять должность игумении в женском монастыре. И то в древности были женские обители, настоятелями которых были священники, но потом эта практика изменилась.

Вполне естественно, что женский ум (постепенно это сочетание даже стало устойчивым выражением) формируется образом жизни. Если женщина отказывается от монашеского пути, она получает свободу, но опять же в известных пределах. По крайней мере, там, где женщин брак не стеснял, они показывали не меньшие успехи, чем мужчины, например в

политике. История знает немало выдающихся государственных деятелей.

Вопрос. Неужели христианин совершенно свободен в выборе зла и добра? Почему апостол говорит: *Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю* (Рим. 7, 15)?

Ответ. Во-первых, можно предположить, что апостол Павел произносит эти слова от лица всех нас (хотя преподобный Иоанн Кассиан Римлянин считает, что так думать неправильно). Апостол говорит это искренне, но ведь можно по-разному делать то, чего не хочешь. Один совершает грех, порой и самый тяжкий, на деле, другой борется с ним, третий лишь в мыслях допускает его на малое время и затем отвергает. А четвертый и самые прилоги отсекает. Степени борьбы со страстями различны: апостол Павел мог испытывать борение с грехом на таком уровне, о существовании которого мы даже и не подозреваем, – на уровне тончайших движений души и ума. На этом мысленном уровне он испытал то, что мы часто познаём на деле, совершая определенные поступки, поэтому нельзя слова апостола Павла понимать буквально – будто он действительно делал не то, что хотел.

Что касается выбора между добром и злом, то мы реально выбираем между тем, чтобы совершить или не совершить греховное действие, а те, кто достигли высокого духовного преуспевания, всё это наблюдают в виде душевных изменений, притом тончайших и незаметных для нас, хотя и у нас, конечно, существует этот уровень душевной жизни. Такие люди достигли свободы от греха в том смысле, что они не могут совершить его на деле, в них, как говорит преподобный Исаак Сирин, страсти остаются как бы праздными. Эти подвижники по сравнению с нами свободны от греховных деяний, но полной, абсолютной свободы никто на земле достичь не может. На одном из Соборов даже было принято постановление: тот, кто считает, будто святые, говоря о себе как о великих грешниках, делают это только из смирения, а на самом деле у них нет никакого греха, впадает в ересь. Во всяком, даже самом великом, человеке, будь то Иоанн Креститель или Серафим Саровский, происходит борьба с грехом. Мы знаем только одного человека, который

достиг полного, абсолютного, совершенного бесстрастия, – это Пресвятая Дева Богородица, других таких людей не существует. Поэтому апостол Павел и говорит, что мы, с одной стороны, свободны (для одного эта свобода сохраняется на уровне поступков, для другого – на уровне слов, для третьего – на уровне мыслей; может быть, есть и еще более высокий, непостижимый для нас уровень), а с другой стороны, каждый из нас в той степени, в какой подвержен власти греха, делает не то, что хочет. Всякий борется с собой: один удерживает себя, чтобы не ударить собеседника, другой – чтобы не накричать на него, третий – чтобы на лице не показать своих чувств, четвертый – чтобы и мысли о гневе выбросить из головы... Но сама борьба идет во всех людях.

Вопрос. В учебнике по догматическому богословию говорится о том, что Бог предузнал, что те, кто раньше не знали о Христе, а теперь стали христианами, хорошо воспользуются своей свободной волей, и потому дал им благодатный дар восприимчивости к благовествованию о Нем, тем самым как бы предопределив их вступление в спасительную христианскую жизнь. Получается, что одних Господь предузнал, а других – нет, одни более способны к спасению, а другие – нет. Значит, есть избранники Божии, которым изначально дано больше благодати?

Ответ. Почитайте о предопределении у преподобного Иоанна Дамаскина. Предвидение не есть предопределение: если я что-то предвижу, вовсе не значит, что я это сам предопределяю. Если я изучил какого-то человека и знаю, что он очень надежен, то, естественно, поручу ответственное дело ему. Это не означает, что я поступлю несправедливо, не возложив это дело на того, который наверняка все провалит.

В высказывании, на которое вы ссылаетесь, ничего неправильного не сказано, сама мысль совершенно здравая, но она неправильно вами истолкована. Думаю, в книге должно быть и объяснение этих слов. Предопределение существует в том смысле, что Господь, предвидя наше произволение, позволяет ему действовать в определенных пределах. Мы делаем не то, что хотим, а то, что Бог нам предопределил,

потому что знал, к чему мы будем склонны. Есть такая пословица: «Бодливой корове Бог рогов не дает». Наполеон, например, собирался завоевать Россию и открыть путь в Индию, а кончил жизнь на острове Святой Елены. Что-то из задуманного он выполнил, а что-то у него не получилось. Так бывает и в добрых делах: человек предпринимает усилия, а Господь Своими неведомыми судьбами не дает этому совершиться. Сколько в России было прекрасных богословов, подвижников благочестия, которые многие-многие годы могли бы приносить пользу тысячам и даже десяткам тысяч людей! Но произошла революция – и большинство из них погибли, очень часто злой, несправедливой смертью. Они погибли в лагерях и ничего не успели сделать. Почему так? Мы не знаем, но в этом есть Промысл Божий.

Бывает, Господь пресекает злое, а бывает – не дает совершиться чему-то доброму, возможно, для того, чтобы наказать людей, недостойных благодеяний. Это нужно принимать с верой: мы просто должны верить в Промысл Божий, а не пытаться понять, почему происходит так, а не иначе. Антоний Великий, смущаясь царящей в мире несправедливостью, однажды в молитве попросил у Бога, чтобы Он открыл ему причины этого. И услышал голос: «Антоний! Внимай себе и не подвергай твоему исследованию судеб Божиих, потому что это душевредно».

Вопрос. Если Господь Сам всех нас создает, как же получается, что люди ведут греховную жизнь? И откуда у неверующих родителей верующие дети?

Ответ. Что значит «Господь нас создает»? Разве вас Бог непосредственно создал, у вас нет папы и мамы? Разве вы вместе с Адамом и Евой пребывали в раю? Конечно же, Господь не Сам всех нас создает, Он даровал первым людям бытие и способность производить себе подобных так же, как даровал ее и животным и растениям. А поскольку человек – существо разумное и имеющее бессмертную душу, то его воспроизведение происходит не только на телесном, но и на духовном уровне. Господь поддерживает наше бытие, но если мы будем думать, что каждый из нас в отдельности создан

Господом, то действительно получится, что на Боге и лежит ответственность за то, что мы грешим. Не виноват, например, человек, что он такой сердитый, – почему Бог его кротким не сделал?

Если же говорить о вере родителей и детей, то что значит «верующие»? Вера – это действие не природы, а свободной воли человека, которое не передается по наследству. Каждый из нас сам совершает конкретный выбор.

Вопрос. Святитель Игнатий пишет: «Воздавай почтение ближнему как образу Божию, – почтение в душе твоей, невидимое для других»¹²¹. Как воздавать почтение ближнему невидимо – в своей душе?

Ответ. Я думаю, это значит уважать его, благоговеть перед ним как перед образом Божиим, не презирать другого человека, а, наоборот, ставить его выше себя. С таким же благоговением, с каким мы относимся к иконе, потому что на ней изображены святые лики, следует относиться и ко всякому человеку, потому что он есть изображение Божества – икона Божия. Насколько возможно в ограниченном существе воссоздать Бога, настолько Он там воссоздан, и, конечно, кто научился так смотреть на ближнего, тот по-настоящему и любит его. Иначе любовь наша соединяется с некоторым презрением, напоминает жалость к какому-то низшему страдающему существу: мы жалеем людей, как жалеем покалеченных животных, но это никак нельзя назвать истинной христианской любовью.

Естественно, если человек почитает ближнего внутренне, это и внешне будет проявляться – не в том смысле, что он будет креститься на собеседника и целовать его, как икону, а в соответствующем поведении. Если же кто-то говорит, что внутренне ближнего почитает, а внешне это никак не проявляется, напротив, он ругает, унижает, осуждает, притесняет других людей, то, конечно же, никакого благоговения перед ближним на самом деле у такого человека нет.

Вопрос. Как нужно правильно расценивать желание наслаждаться красотами природы, живописью или музыкой?

Ответ. К природе можно относиться по-разному. Всякий нормальный человек любит ее красоту, это естественно. Но это чувство может быть утрировано, как, допустим, у японцев. Они каждый год любуются цветением вишни и превращают это в ритуал, основой которого служит языческое отношение к природе – ее обожествление. В этой религиозности есть элемент пантеизма, то есть всебожия: пантеисты не считают Бога отдельным абсолютным существом, а полагают, что все существующее и Бог – одно и то же. Естественно, они с восхищением относятся ко всякому проявлению божества – обоготворяют природу, животных... Так что даже любование природой может быть чрезмерным.

Что же касается произведений живописи и музыки, то это уже не естественные явления, не творения Божии, а плоды человеческого творчества. Соответственно здесь имеет место не одна чистая любовь к прекрасному – к ней примешиваются страсти. Не могут не примешиваться! (Надеюсь, что люди, разбирающиеся в музыке и живописи, не будут со мной спорить.) Произведение искусства должно обладать силой чувства, и чем она больше, тем более выдающимися являются картина, скульптура, музыкальная пьеса (конечно, при условии, что они отвечают эстетическим критериям). В противном случае эти произведения не будут интересны. Ну а какие чувства могут быть у грешного человека?

Святитель Игнатий говорит, что добро падшего человеческого естества всегда смешано со злом. Наши чувства неизменно имеют примесь страсти, потому что сейчас нет таких людей, какими Бог создал Адама и Еву. Для нас естественное состояние – то, в которое человек пришел после падения прародителей. Как очень тонко подмечает святитель Игнатий, первый человек создан по образу Божию, а уже потомки его произошли по образу Адамову, то есть по образу первого человека, но уже падшего. Естественно, что в любое произведение искусства человек (пишет ли он пейзаж или делает фотографический снимок) пытается вложить определенное чувство. Даже в самом выборе объекта фотографирования, предпочтении того или иного ракурса уже

выражается личность фотографа, а значит, к этому примешиваются и человеческие страсти.

При помощи внешнего человек, как правило, пытается изобразить свое внутреннее состояние, найти отклик собственным душевным движениям. Я нарочно привел в пример фотографию: фотоаппарат, казалось бы, бесстрастный предмет, – но на самом деле никакой бесстрастности, а точнее, беспристрастности в искусстве быть не может. К любой человеческой деятельности непременно примешиваются наши чувства, грехи и страсти. Таким образом, совершенно очевидно, что наслаждение человека искусством – это не просто любовь к прекрасному, но и удовлетворение страстей.

Поэтому при восприятии произведений светского искусства нужно быть очень осторожным. Оно учит прекрасному, в чем-то воспитывает человека, но может и увлечь его в области недопустимые. Искусство, повторю, не может быть нейтральным, беспристрастным и всегда передает нам человеческие чувства, а стало быть, и греховные ощущения. Они тем сильнее, чем сильнее произведение. Этот закон касается и церковного искусства, только чувства там чистые. Церковь создала свою культуру, воспитывающую, возвышающую дух и душу человека. Пение в храме не сопровождается игрой на музыкальных инструментах, но это тоже музыка, тоже искусство, как и иконопись, церковная архитектура, литература.

Вопрос. Все исполнить нам почти невозможно, но ведь это не значит, что мы не получим блаженства, Царствия Божия? Рассказывается же в книгах об одном нерадивом монахе, которому после смерти явились два ангела и показали все его грехи. Однако, когда он сказал, что никого никогда за всю свою жизнь не осудил, они разорвали список его грехов. Неужели Господь и нас не может так помирловать? Или думать так – это гордость?

Ответ. А вот попробуйте никого не осудите! Человек, который приобрел добродетель никого не осуждать, уже достиг очень высокого преуспевания. Кроме того, зачем нужно равняться на нерадивого монаха? Лучше, пока есть время, пока

еще молоды, старайтесь изо всех сил, а не успокаивайте себя тем, что, мол, нам это невозможно, поэтому мы ничего делать не будем. А кто мешает вам быть ревностными монахами? Если человек не хочет исполнять заповеди, допустим не хочет бороться с гневом, думает: «Разорву всех на части, умру, а смиряться не буду», кто в этом виноват? Пришли как-то к Антонию Великому монахи, он стал им давать наставления, они отвечают: «Нет, этого мы не можем сделать». Он стал помягче: «Вот это сделайте». Они говорят: «И этого мы не можем исполнить». Преподобный тогда обратился к ученику: «Свари им похлебку, они немощные». Действительно, что еще таким людям можно сказать? Вы сами знаете, что у египетских монахов вареная пища считалась верхом невоздержания, чем-то невозможным.

И потом, нужно еще понять, что имелось в виду под нерадивым монахом. Может быть, этот человек много ел или сравнительно много спал – в древности такого монаха сочли бы нерадивым. Но если сравнивать с древними подвижниками нас, так мы все нерадивы: не можем ни подвизаться так, как подвизались они, ни поститься, ни уединяться, ни иметь такого послушания. Зачем нам брать с них пример нерадивости, если любой может взять его с нас? Самый ревностный из нас был бы нерадивым в то время, поэтому нужно не оправдывать себя историями про нерадивых монахов, а стараться изо всех сил. Возможно, тогда мы хоть что-нибудь исполним, хотя бы научимся не осуждать. Но если будем успокаивать себя вот такими неудачными примерами, тогда не исполним совсем ничего.

Вопрос. Я пришла в монастырь, ища спасения, а теперь вы мне открыли, что еще нужно искать награды – любви. Что же мне теперь делать, чтобы получить ее? Я запуталась.

Ответ. Думаю, что искать нужно, конечно, спасения, но спасение как раз и состоит в любви. Не может человек, который спасается или уже достиг спасения, ее не испытывать. Как же Господь его помилует без этого, если Бог Сам есть любовь? И как можно спастись, если мы не исполняем заповедь о любви к Богу и ближнему? Пусть даже мы ее часто нарушаем, но само

стремление к столь возвышенной добродетели уже, собственно, и есть покаяние. Ведь покаяние – это не просто сожаление о своих грехах, а изменение в сторону совершенства. Пусть мы совершенства пока не достигли, но мы идем к нему. Пусть мы еще не достигли полноты любви, но мы стремимся к ней, и это уже спасительно для нас. Поэтому никакого противоречия нет. А если сразу поставить себе весьма скромные задачи, состоящие в том, чтобы не убить и не украсть, и этим ограничиться, то можно потерять ревность в самом начале. Что же вы будете делать потом, с годами, если у вас в самом начале движение к совершенству прекратилось и даже инерции уже никакой нет? Равняться на нерадивых монахов?

Мы должны стремиться к этой награде – Господней мзде. Знать, что даже за самые маленькие наши труды – примем ли мы одного из малых сих, дадим ли ему чашу холодной воды – маленькую мзду получим. Наш образ жизни, наше старание, понуждение не останутся без воздаяния. Конечно, хорошо получить великую награду – мзду многую на Небесах, но если мы не будем к ней стремиться, то не обретем вообще никакой. Вот для чего я говорил о поиске любви к Богу и ближнему, а не для того, чтобы вы подумали, что вам предъявляются слишком высокие требования, а значит, можно, как нерадивые монахи, ничего не делать.

Я могу привести вам другой, противоположный рассказ о нерадивом монахе. Один человек, будучи еще мирянином, уговаривал свою мать, чтобы она его отпустила подвизаться в обитель. Еле-еле та дала свое согласие: это был у нее единственный сын. Тот ушел и стал жить нерадиво, очень спокойно. Потом прошло какое-то время, он заболел, был в исступлении, ему показалось, что он умер. И вот он стоит среди тех, кому назначено отправиться в ад, и видит свою мать, которая говорит ему: «Сын мой, ты ведь ушел в монастырь, как же ты оказался здесь?» Тут на него напал страшный стыд, он пришел в себя и стал каяться. Поэтому берегитесь, чтобы с вами не произошло так, что вы, оставив мир, по смерти окажетесь в худшем положении, чем миряне.

Вопрос. Афанасий Великий перечисляет пять душевных страстей: гнев, страх, зависть, печаль, попечительность. Почему здесь не упоминается гордость? Она есть уже следствие перечисленного или наоборот?

Ответ. Мы привыкли к аскетическому делению на восемь главных страстей, хотя на самом деле это условность. Некоторые святые отцы говорили, что страстей три: славолюбие, сребролюбие и сластолюбие. Другие говорили, что две: славолюбие и сластолюбие. Есть и те, кто возводят все к самолюбию, поскольку от него происходят все остальные грехи. В иных книгах говорится о тьмочисленных, то есть бесчисленных, страстях. Тем не менее подобные систематизации составлены святыми отцами для того, чтобы удобнее совершать подвиг. Поэтому такое деление более или менее условно.

Например, Иоанн Лествичник, рассуждая о гордости, ссылается на мнение некоторых святых отцов о том, что есть гордость и есть тщеславие. Сам он больше согласен с мнением Григория Богослова, который считает их одной страстью, но, тем не менее, Лествичник предлагает говорить о них в отдельности, чтобы безумно (так смиренно преподобный о себе заявляет!) не нарушить порядка премудрых. Как видите, даже Иоанн Лествичник, которого можно назвать классиком аскетической литературы, считает деление страстей довольно-таки условным.

Вопрос. Что делать, если не могу избавиться от страсти празднословия? Не могу бороться со своим слабоволием, все время увлекаюсь, говорю много, а часто просто болтаю.

Ответ. Значит, нужно чем-то заняться: читать, молиться, избегать лишнего общения. Через внешнее ограничение эта страсть постепенно будет ослабевать. Понятно, что следует молиться об избавлении от нее, но в особенности необходимо избегать общения. Просто стараться безмолвствовать побольше. Прежде чем сказать – подумать: а обязательно ли говорить об этом? Может быть, промолчать?

Конечно, необходимо набраться терпения, потому что это пройдет не сразу. Если человек почувствует, что благодать его оставляет, когда он болтает и шутит, то, конечно, он будет вести

себя иначе. Если же у человека пусто в душе, то он никакой разницы в своем состоянии не заметит, молчит он или болтает.

Вопрос. Старец Паисий Афонский говорит, что нужно всегда и на все иметь хороший помысел. Как на деле это можно исполнить? Ведь приходится искусственно искать хороший помысел в той или иной ситуации. Мы с одной сестрой даже ходили друг к другу с просьбой его придумать.

Ответ. Ну да, и в особенности трудно сделать это какому-нибудь злому человеку, который думает: «Где бы взять хорошую мысль? Меня она уже давно не посещала». А если серьезно, придумывать помыслы друг другу – совсем лишнее, ненужное дело. Хорошие помыслы – это евангельские заповеди, вот о чем нужно всегда помнить и чему следовать. Необходимо противопоставлять евангельские заповеди или святоотеческие изречения греховным помыслам. Об этом старец Паисий говорит в согласии с отцами древней Церкви – с тем же Исааком Сириным. Из наших русских подвижников рассуждает об этом Нил Сорский. Да и святитель Игнатий тоже указывает на такое противопоставление хорошего помысла греховному как на один из способов борьбы со страстями. Но этот способ подходит лишь в том случае, если у нас не слишком тяжкая борьба.

Вопрос. А нам не подходят слова святых отцов о том, что новонаначальному полезнее в уме опускаться в преисподнюю, чем подниматься на Небеса?

Ответ. На Небеса нам не нужно подниматься в том смысле, что не нужно мечтать, искать каких-то высоких дарований прямо сейчас. Но это не значит, что не надо вообще думать о награде. Потом, опускаться умом в преисподнюю – это тоже дар Божий. Такое смирение, покаяние, память о вечных муках, страх перед ними тоже даруется от Бога.

Вопрос. Батюшка, в одних книгах говорится, что иночество последних времен будет слабым, в других – что за скорби оно окажется выше иночества первых веков. Где же истина?

Ответ. Как мы станем себя вести, таким оно и окажется. Если начнем оправдываться историями про нерадивых монахов, еще что-нибудь выдумаем, упорно не желая бороться

со своими страстями, тогда и иночество будет слабым. Хотя если мы все-таки претерпим в иночестве до конца, то не лишимся своей награды. Но я от вас хочу и желаю вам – вне зависимости от того, сколько вы прожили, – монашеской ревности о Господе. Если мы будем ее иметь, то несмотря ни на что сможем оказаться в виде исключения не среди слабых, а среди ревностных. Пусть даже вокруг нас все будут слабыми, но зачем нам на таких монахов равняться? Давайте станем исключением из общего правила, ведь помешать этому никто не может, каждый человек свободен в своих духовных стремлениях.

Вопрос. Верно ли мнение о том, что нельзя не исполнять советы своего духовника, а если нет сил следовать словам наставника, то нечего и спрашивать, нужно поступать самостоятельно?

Ответ. Все зависит от того, к какому духовнику обратились. Если к такому, как отец Николай Гурьянов, то противление его словам может стать противлением Богу. Обыкновенный священник может и ошибаться, однако тому, кто обращается к нему с верой и упованием, Господь через этого наставника открывает Свою волю. И тогда пренебрежение полученным ответом уже будет греховным непослушанием.

Суть же моих рассуждений не в том, будто лучше не спрашивать, а в том, что лучше исполнять. Одна раба Божия подошла ко мне с вопросом: что ей делать? Я ответил: «Не знаю, может быть, стоит поступить так или вот так». А она: «Да нет, вы скажите, что мне делать». Я и сказал: «Идти в монастырь». Так эта женщина отпрянула от меня: «Зачем вы такое говорите?» – и после боялась ко мне даже подходить. Главное, сама из меня вытянула эти слова, я не хотел их произносить, а потом сама же и перепугалась.

О духовном практицизме, или трезвом взгляде на себя¹²²

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие новопостриженные сестры! Для всех христиан, а в особенности для иночествующих, то есть живущих иначе, чем миряне, руководством в жизни является святое Евангелие. Творения святых отцов лишь поясняют Божественное Евангелие, но ничего к нему не добавляют. Через Евангелие Сам Господь Иисус Христос обращался не только к Своим современникам, но обращается и к нам, и ко всем грядущим поколениям, ибо Он как всеведущий Бог знал, что Его слова будут записаны для миллионов людей и не перестанут звучать до скончания века.

Господь наш Иисус Христос сказал: *Внемлите милостыни ваша не творити пред человеки (Мф. 6, 1)*. Обратите внимание на слово *внемлите*. В данном случае речь идет о том, чтобы мы внимали себе в отношении тщеславия, но в Священном Писании есть еще несколько изречений Спасителя о внимании к себе. Пророчествуя о кончине мира, Господь говорит: *Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той (Лк. 21, 34)*. Чтобы не отяготиться этими страстями, мы должны внимать своему сердцу. В ином месте Спаситель сказал ученикам: *Внемлите себе. Аще согрешиш к тебе брат твой, запрети ему: и аще покается, остави ему (Лк. 17, 3)*. Чтобы не поддаться страсти памятозлобия, мы также должны внимать себе. Заповедь о внимании к себе мы должны соблюдать в отношении любых пороков, страстей и дурных наклонностей – всего злого, чему мы подвержены.

Пророк Моисей сказал: *Внемли себе, да не будет слово тайно в сердцах твоих беззакония (Втор. 15, 9)*. К сожалению, мало кто рассматривает эту данную еще в Ветхом Завете заповедь как руководство к действию, обычно ее пропускают мимо ушей, не вдумываясь в смысл. Между тем, в том, чтобы

внимать себе, заключается наше спасение. Прежде всего мы должны научиться видеть себя такими, какие мы есть. Обольстившись неправильным взглядом на себя, мы можем подойти неподготовленными ко дню нашей кончины – к тому моменту, когда совершится суд над нашей душой и из временной жизни мы перейдем в вечную. А ведь мы для того и отрекаемся от мира, чтобы подготовиться к вечности. Уже сейчас, на земле, мы живем по большей части интересами, связанными с будущей, загробной жизнью. Для нас она является реальностью более важной и серьезной, чем та временная и суетная жизнь, которую мы познаём через телесные ощущения. Поэтому нам необходимо оценивать себя трезво. Мы можем представить себя добродетельными перед людьми, но если окажемся нечистыми перед собственной совестью, значит, окажемся такими и перед Богом. Апостол Иоанн сказал: *Аще зазирает нам сердце наше, яко болий есть Бог сердца нашего и весть вся* (1Ин. 3, 20).

Фарисеи сводили исполнение Божественного закона к соблюдению внешних предписаний и считали, что достаточно сохранить праведность во внешних поступках, чтобы стать достойными милости Божией и называться чадами своего родоначальника и великого праведника Авраама. Господь, обращаясь к ним, сказал: *Егда узрите облак восходящъ от запада, абие глаголете: туча грядет, и бывает тако; и егда юг веющъ, глаголете: зной будет, и бывает. Лицемери, лице небу и земли весте искушати, време же сего како не искушаете?* (Лк. 12, 54–56). Если мы не причисляем себя легкомысленно к ученикам Христовым и не относим к себе только похвалы, то мы поймем, что Господь этими словами обличает и нас. Мы хорошо разбираемся в житейских вопросах и трезво судим обо всем, что касается наших телесных потребностей, поскольку придаем этому большое значение. Мы внимательны, как сказал Спаситель, к *лицу неба и земли*, но не распознаём времени. Речь идет не только о времени первого пришествия Христа, но и о времени окончания нашей земной жизни. Как говорит апостол Павел, *дни лукавы* (Еф. 5, 16): мы и не заметим, как наша жизнь окончится, поэтому

мы должны здраво оценивать данное нам время. Если мы не будем судить о состоянии своей внутренней жизни и не будем делать соответствующие выводы о своей будущей участи, то окажемся даже легкомысленнее, чем люди, способные к простым умозаключениям относительно погоды. Мы должны научиться оценивать себя беспристрастно, без лукавства и лицемерия. В этом состоит истинная мудрость, высший духовный практицизм. Человек, пренебрегающий этим, отнюдь не ведет себя благоразумно – он просто мечтатель.

Что же и о себе не судите праведное? (Лк. 12, 57). Почему мы не хотим судить о себе справедливо? Для чего мы все время ищем оправдания и хвалимся перед самими собой? Зачем успокаиваем себя? *Егда бо грядеши с соперником твоим ко князю, на пути даждь делание избыти от него: да не како привлечет тебе к судии, и судия тя предаст слуге, и слуга всадит тя в темницу (Лк. 12, 58).* Кто этот соперник? По одному толкованию, это наша собственная совесть, которая нас постоянно упрекает и с которой мы должны примириться. А можно сказать, что этот соперник – диавол, постоянно нас порабощающий. Пока мы не отдадим ему все, что в нас есть принадлежащего ему, то есть не избавимся от страстей и всей скверны, привнесенной диаволом в нашу душу, – до тех пор он будет иметь над нами власть: в будущей жизни он сможет предъявить нам требования, перед которыми мы останемся безответными и в результате будем посажены в темницу, то есть лишимся Божественного света. *Глаголю тебе: не изыдеши оттуду, Дóндеже и последнюю медницу воздаси (Лк. 12, 59).* Эти слова не означают, что мы сможем выйти из темницы, когда все отдадим. Здесь имеется в виду, что долг наш не будет прощен – мы ответим даже за *последнюю медницу*, то есть за самый малый грех. Но если мы станем отвечать за все наши грехи, то никогда не освободимся от наказания: будем вечно пребывать в кромешной тьме вне Божественного общения, Божественной благодати и славы Божией. А это и есть величайшая и страшнейшая мука для человека, в природе которого заложена жажда богообщения. Вот о чем говорит нам Спаситель в заповеди: *Внемлите себе.*

Дорогие сестры, новоначальные инокини, научитесь этой монашеской добродетели. Непрестанно внимайте себе, непрестанно устремляйте взор внутрь себя и беспристрастно, жестоко оценивайте то, что происходит в ваших душах. Без внутреннего внимания невозможно спасение, а тем паче совершенствование, духовное возрастание. *Внемлите себе!* Аминь.

Сегодняшняя беседа будет о прелести – ложном духовном состоянии. Я хотел бы провести ее на основе Евангелия. На первый взгляд кажется, что в Евангелии об этом ничего не сказано, но это не так. Если мы внимательнее в евангельский текст и немного порассуждаем, то найдем несколько мест, в которых хотя и не употребляется слово «прелесть», но все же говорится о ложном духовном состоянии. И это естественно: ведь Евангелие является источником истины и в нем должно быть упомянуто о таком важном предмете.

Прежде всего, о прелести говорится в повествовании об искушении Спасителя в пустыне. Этот эпизод рассказывает о попытке диавола прельстить Самого Господа Иисуса Христа. Святые отцы, утешая и подбадривая нас в нашей духовной брани, много говорят о том, что брань от диавола испытывал даже Сам Господь Иисус Христос. Но если к нам диавол приступает по большей части через помыслы, поскольку мы существа падшие и наш ум, поврежденный грехопадением, доступен для сатанинских внушений, то Спаситель, как безгрешный Человек, не мог быть искушаем подобным образом. Диавол, искуситель (евангелист Матфей так его и называет – искуситель), не имея возможности приразиться к уму Господа, приступил к Нему воочию и пытался возбудить в Нем желание суетной славы, желание видимым образом показать Свою духовность, Свое Божественное происхождение. Конечно, искушения Спасителя в пустыне можно рассматривать с разных точек зрения. Можно говорить о том, что диавол внушал Ему мысли о чревоугодии, славе, власти, но мы должны обратить внимание на следующий момент. Когда искуситель приступал к Господу, он говорил Ему: *Если Ты Сын Божий...* Таким образом, Он убеждал Спасителя в том, что Ему необходимо прославить Самого Себя чудом: сначала превращением камней в хлебы, а после этого – тем, чтобы на глазах у всех броситься с крыла храма и остаться невредимым. Напоследок диавол стал искушать Спасителя уже самым откровенным образом:

требовал поклонения себе, обещая Ему за это все царства мира, показанные во мгновение ока – *в часе временно*, как сказано в славянском тексте Евангелия (Лк. 4, 5).

Для тех, кто читал аскетические писания святых отцов и повествования об их жизни и подвигах, во всем вышеописанном нет ничего удивительного. Мы знаем, что иногда диавол по попущению Божию имеет особенное дерзновение в искушении некоторых подвижников: показывает им необыкновенные, обольстительные видения, устрашает ужасными призраками, являясь им сам или посылая полчища демонов. Людей, достигших высокого преуспевания и способных отражать помыслы, диавол пытается прельстить уже не через мысленные приражения, а через обольстительные картины, которые он изображает перед их телесным взором. И если мы рассмотрим то, что испытывал Спаситель, с аскетической точки зрения, то увидим, что диавол хотел Его обольстить. Нам это кажется безумным, но Евангелие не может исказить истину. И если диавол приступал к Самому Господу Иисусу Христу с целью Его обольстить, то тем более он может приступить к нам – и приступает. Он внушает нам, прежде всего, горделивые мысли, притом имеющие под собой основание. Как Спаситель действительно являлся Сыном Божиим, так и мы часто видим в себе нечто действительно доброе, истинно духовное и поэтому искушаемся помыслами гордости.

Тогда Иисус возведен бысть Духом в пустыню искушиться от диавола (Мф. 4, 1). Испытание человека угодно Богу, оно обязательно должно быть, и миновать его, избавиться от него невозможно. Как Господь был искушаем, и Дух Святой для этого вел Его в пустыню, так и искушения, которые бывают с нами, законны и неминуемы. Мы не должны прельщать себя той мыслью, что при каких-то обстоятельствах можно обойтись без искушений. Не должны думать, что, если мы станем вести себя благоразумно, диавол перестанет нас соблазнять и не будет пытаться прельстить нас гордостью, возбуждаемой в нас какими-либо внушениями, а иногда даже видениями.

И постився дний четыредесять и нощий четыредесять, последи взалка. И приступль к Нему искушитель, рече: аще

Сын еси Божий, рцы, да камене сие хлебы будут (Мф. 4, 2–3). Конечно, нельзя полностью отождествить то, что испытывают при искушении обычные грешные люди, с тем, что испытывал Господь Иисус Христос. Если нам диавол внушает совершить нечто, чего мы на самом деле совершить не в силах, то Спасителя он хотел заставить сотворить чудо, которое было для Него возможным, – и впоследствии Он умножал хлебы, чтобы накормить людей. Но когда Господь насыщал хлебами алчущий народ, то делал это из милосердия, а диавол желал, чтобы Господь сотворил это чудо из тщеславия, ради доказательства Своей Божественности.

Он же отвещав рече: писано есть: не о хлебе едином жив будет человек, но о всяцем глаголе, исходящем из уст Божиих. Тогда поят Его диавол во святей град, и постави Его на криле церковнем, и глагола Ему: аще Сын еси Божий, верзися низу: писано бо есть, яко Ангелом Своим заповесть о Тебе сохранити Тя, и на руках возмут Тя, да не когда преткнеши о камень ногу Твою (Мф. 4, 4–6). Здесь искушение состояло в том, чтобы Господь сотворил чудо при множестве народа, всегда наполнявшем и окружавшем Иерусалимский храм. Но Спаситель вновь ответил диаволу изречением из Писания, вновь отверг суетную славу. *Рече же ему Иисус: паки писано есть: не искусиши Господа Бога твоего (Мф. 4, 7).*

Паки поят Его диавол на гору високу зело, и показа Ему вся царствия мира и славу их, и глагола Ему: сия вся Тебе дам, аще пад поклонишися (Мф. 4, 8–9). Обратите внимание на то, что диавол, искушая Спасителя, имел необыкновенное дерзновение. Некоторые толкователи говорят об этом эпизоде с большой осторожностью: им кажется неудобопонятным, как диавол мог взять Господа и перенести Его на храмовую гору. Но если мы посмотрим на это повествование с аскетической точки зрения, вспомним жизнеописания подвижников благочестия, то увидим, что подобное вполне возможно – иногда диавол получает некоторую власть даже над телом человека. В данном случае, поскольку борьба происходила между Самим Сыном Божиим и непосредственно диаволом, то последнему и попущено было больше. В этот раз диавол

искушает Спасителя видением, что тоже очень часто бывает у тех подвижников благочестия, которые сумели очиститься от греховных помыслов и к которым диавол не может приражаться через ум. Вспомним, например, житие Киево-Печерского подвижника Исаакия, которого демоны обманом заставили поклониться диаволу. Как существо чрезвычайно гордое, изобретатель гордости и, можно сказать, само ее воплощение, диавол желает, чтобы ему поклонялись, хотя бы и будучи обманутыми. Господь отвергает это искушение так же, как и прочие, словами из Священного Писания. *Тогда глагола ему Иисус: иди за Мною, сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклониши и Тому единому послужиши. Тогда остави Его диавол, и се, Ангели приступиша и служаху Ему (Мф. 4, 10–11).*

Мы видим, что диавол хотел и в Самом Господе Иисусе Христе найти некое основание для своих искушений. Имея порочный опыт, веря в зло и человеческую немощь, он думал, что и в Спасителе найдет какой-то отклик на соблазны, ожидал, что и в Нем должно проявиться обычное свойство человеческого естества – гордость, но ушел посрамленным. А если диавол искушал Спасителя, то тем более искушает нас, и мы, повторю, должны быть осторожными и бодрыми, должны чрезвычайно бояться любых помыслов тщеславия и гордости, хотя бы они были основаны на наших истинных добродетелях и присутствии в нас благодати Божией.

Спаситель предупреждает Своих учеников о том, что такое явление, как прелесть, будет весьма распространено в их среде, а вернее, в среде тех, кто мнит называться Его учениками. Он говорит: *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное; но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех. Мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас: отыдите от Мене, делающие беззаконие (Мф. 7, 21–23).* Некоторые толкователи, изъясняя это место, говорят, что на самом деле такого не должно быть, но если бы и были люди, пророчествующие или

творящие чудеса и при этом не исполняющие Божественный закон, то это ничего бы не значило, поскольку они не из числа учеников Христовых. На самом же деле мы видим множество (не только сотни, но и тысячи) людей, которые мнят себя ближайшими учениками Спасителя и исполнителями Его воли, а на самом деле противятся Ему. Это и так называемые инославные святые (которые, как доказывает в своих творениях святитель Игнатий (Брянчанинов), находились в прелести), и всякие ложные старцы и прозорливцы, встречающиеся в православной среде. К сожалению, иногда таких ложных старцев даже причисляют к лику святых, хотя в их поведении есть явные признаки прелести. Тот же святитель Игнатий считал прельщенным одного человека, некоего Ивана Яковлевича, которого в его время почитали за Христа ради юродивого, прозорливого и угодника Божия. Святитель упоминает о нем в «Приношении современному монашеству».

В наше время жажда найти какого-нибудь прозорливца заставляет людей ездить по всей России. Часто за прозорливцев почитаются люди убогонькие, больные и психически нездоровые: само желание непременно увидеть старца лишает человека здравого смысла. Он видит святость там, где человек здравомыслящий может увидеть одну глупость и юродство не Христа ради, а юродство в буквальном смысле, то есть безумие. Среди «прозорливцев» встречаются, конечно, и шарлатаны, но бывают и люди, искренне верящие в свою святость и пророчествующие. Что-то из их пророчеств сбывается, а что-то нет. К счастью, в наше время прельщенные не обладают какими-то особенно убедительными свойствами своей «святости»: ни даром чудотворения, ни настоящей прозорливостью – и поэтому их легче разоблачить. В древности, когда люди были более ревностные, прелесть также была гораздо более сильная и потому соблазнительная.

В упомянутом нами месте Евангелия как раз говорится о прельщенных людях. Такие могут быть как в православной среде, так и в среде тех, кто почитает себя христианами, – католиков или протестантов. Между последними в XVII – XVIII веках были такие знаменитые духовидцы, как Эмануэль

Сведенборг и Яков Бёме. Расскажу об одном интересном случае, связанном с именем мистика Якова Бёме, которым увлекался наш русский религиозный философ Бердяев. Один христианин, протестант¹²⁴, очень интересовался мистикой каббалы и общался с каббалистами. Желая усвоить их практику и думая, что ее могут применять и христиане, он пытался узнать о ней у одного иудея-каббалиста. А тот ему говорит: «Зачем вам это нужно? У вас же есть свой мистик, Яков Бёме. У него все то же самое, что у нас»¹²⁵. И оказывается, что, хотя Яков Бёме как будто бы христианин, а каббалисты – иудеи, духовная практика у них, по сути, одна и та же. Ясно, что если христианин достигает такого же экстатического состояния, как иудеи, то он находится в прелести, потому что вне Христа истинного богопознания быть не может, как сказал об этом Сам Спаситель: *Отвергающийся Меня отвергается Пославшего Меня* (Лк. 10, 16).

Вернемся к словам Евангелия: *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное; но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех. Мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас: отыдите от Мене, делающии беззаконие*. Итак, здесь идет речь о всевозможных лжепророках, будь они инославные или православные, из среды монашествующих или из среды мирян (сейчас очень много прельщенных просто из-за того, что люди невежественны). Получается, что если человек даже пророчествует, творит чудеса и изгоняет бесов, как он мнит, Христовым именем, то все это может совершаться не силой Христа, Который этого человека никогда не знал, а силой сатаны. Поэтому чудотворения и пророчества не являются признаком святости, как справедливо рассуждают об этом святые отцы, и с наибольшей ясностью – преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Признаком святости является любовь и, в особенности, смирение, конечно, при правой вере.

Но нас прежде всего должны волновать не лжепророки, а наше собственное душевное состояние. Нам необходимо

понимать, что внешние признаки святости, даже такие как пророчество, которое апостол Павел называет высочайшим дарованием, не должны быть для нас привлекательны сами по себе. Нам нужно быть чрезвычайно осторожными даже тогда, когда мы видим в себе некоторые духовные изменения. Конечно, дара пророчества мы вряд ли достигнем, но и гораздо меньшие духовные достижения также могут приниматься нами за признак высокого преуспевания. Бывает так, что человек приобретает какую-то истинную добродетель и она же служит поводом для возбуждения в нем чрезвычайной гордости. Сделав как будто бы справедливый вывод о своем духовном росте, человек и приобретенную добродетель теряет, и, самое главное, падает в страшный ров гордыни. Он думает, что именем Христовым изгоняет бесов, пусть не из других, а из себя, что он исцеляет себя от страстей, а на самом деле Господь его никогда не знал. Поэтому мы, повторю еще раз, должны быть очень осторожны. Если люди, достигшие высоких дарований, оказывались совершенно чуждыми Христа, то гораздо бо льшая осторожность и даже страх должны быть у нас, людей с весьма заурядными способностями и малой ревностью.

О ложной духовности много говорится в пророчестве Спасителя о кончине мира. Обратимся к Евангелию от Матфея: *И изшед Иисус идяше от церкви. И приступиша к Нему ученицы Его показати Ему здания церковная. Иисус же рече им: не видите ли вся сия? Аминь глаголю вам, не имать остати zde камень на камени, иже не разорится. Седящу же Ему на горе Елеонстей, приступиша к Нему ученицы на едине, глаголюще: рцы нам, когда сия будут? и что есть знамение Твоего пришествия и кончина века? И отвещав Иисус рече им: блюдите, да никтоже вас прельстит (Мф. 24, 1–4).* Обратите внимание на слова *никтоже вас прельстит*. Понятно, что мы должны остерегаться лжепророков и лжехристов, но нужно бояться и самим впасть в прелесть. Сами лжепророки тоже ведь откуда-то появились, может быть, и у них когда-то было доброе духовное устройство, изменившееся в ложное. *Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: аз есмь Христос, и мнози*

прельстят (Мф. 24, 5). Следующие несколько стихов мы опустим, поскольку они не относятся к предмету нашей беседы, а вот далее Спаситель говорит: И мнози лжепророцы встанут и прельстят многия (Мф. 24, 11), – и потом опять: Тогда еще кто речет вам: се, zde Христос, или онде, не имите веры: встанут бо лжехристи и лжепророцы и дадят знамения велия и чудеса, якоже прельстити, еще возможно, и избранныя (Мф. 24, 23–24). Обратим внимание на слова: Тогда еще кто речет вам: се, zde Христос, или онде, не имите веры. Мы часто ищем Христа не там, где нужно. И если мы будем иметь неразумную жажду достижения высших духовных состояний, будем стремиться к ним без смирения, то можем подвергнуться прелести, потому что сказано, что диавол захочет прельстить, если возможно, и избранных – людей, истинно угождающих Богу.

Человек прельстившийся или находящийся в опасности прельщения часто имеет правильные понятия о тех или иных весьма важных для спасения духовных предметах, и это дает ему повод для гордости, делает его в своих глазах особенным, значительным. А когда доходит до дела, то оказывается, что он не понимает элементарных вещей, о которых только что с уверенностью говорил. Поэтому мы не должны успокаивать себя тем, что имеем правильный взгляд на Иисусову молитву, смирение, покаяние, послушание, откровение помыслов и прочее. Правильное понимание не есть еще исполнение, не есть еще деятельность. И более того: верное, как нам кажется, но теоретическое понимание каких-либо истин на деле часто оказывается несостоятельным. По сути, мы в данном случае и не имеем верного представления об этих истинах, а только кажемся мудрыми в глазах человеческих, и, прежде всего, кажемся такими самим себе.

Пример этого мы видим в Евангелии: *И се, законник некий воста, искушая Его и глаголя: учителю, что сотворив живот вечный наследую? Он же рече к нему: в законе что писано есть? како чтеши? Он же отвещав рече: возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всея души твоя, и всею крепостию твоею, и всем помышлением*

твоим, и ближнего своего, яко сам себе. Рече же ему: право отвецал еси, сие сотвори, и жив будеши (Лк. 10, 25–28). Ответ этого законника был совершенно правилен. Но обратите внимание на его следующие слова, приведенные им в свое оправдание и обнаруживающие непонимание им той истины, которую он только что провозгласил. *Он же хотя оправдится сам, рече ко Иисусу: и кто есть ближний мой? (Лк. 10, 29).* Только что он правильно рассуждал, что нужно любить Бога и ближнего, а когда Спаситель сказал: *Сделай это, и будешь жив*, он вдруг показал, что не знает, кто есть его ближний, то есть показал, что на самом деле не имеет никакой любви. Понятие о любви имеет, но даже и не думает о том, что эту заповедь нужно осуществить. Ведь человек, который любит ближнего, не будет спрашивать: «Кто есть ближний мой?» Он переживает это на опыте. Таким вопросом законник обнаружил свою, как бы мы сейчас сказали, духовную пустоту.

И наконец, примером человека, который, по классификации святителя Игнатия, находится в прелести под названием «мнение», является фарисей из притчи Господа Иисуса Христа о мытаре и фарисее. Вспомним эту притчу: *Человека два внидоша в церковь помолитися: един фарисей, а другой мытарь. Фарисей же став, сице в себе моляшеся: Боже, хвалу Тебе воздаю, яко не смь, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь: пощуся двакрыты в субботу, десятину даю всего, елико притяжу. Мытарь же издалеча стоя, не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше перси своя, глаголя: Боже, милостив буди мне грешнику. Глаголю вам, яко сниде сей оправдан в дом свой паче онаго: яко всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется (Лк. 18, 10–14).* Мы видим прельстившегося фарисея, который презирал всех окружавших его людей: и тех, кого он в тот момент не видел, и тех, кто находился у него перед глазами, как мытарь, – и считал себя праведником только потому, что совершал некоторые добродетели, самые элементарные. И мы также часто приобретаем ложное представление о своей мнимой праведности в связи с тем, что совершаем какие-то добрые дела, например аккуратно

исполняем правило, слушаемся и прочее. Ведя себя исправно, мы исполняем гордости, а от нее недалеко и до прелести в самом ужасном смысле слова, прелести, при которой человек имеет ложные духовные переживания. Ведь те, кто пророчествовали именем Иисуса Христа, а на самом деле оказались чуждыми Ему, наверное, имели какие-то откровения и видения, а не просто измышляли свои пророчества, то есть они в своем прельщении, можно сказать, зашли очень далеко.

Хотя Господь Иисус Христос отделял Своих учеников от заблуждающихся фарисеев и саддукеев, а также прочего народа, который под влиянием этого правящего класса пребывал в невежестве, но в то же самое время Он предостерегал их: *Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской* (Мф. 16, 6). Значит, можно быть учеником Спасителя и иметь в себе закваску гордости, мнимой праведности, тщеславия и хвастовства. В крайних случаях это приводит к откровенно ложному духовному состоянию, когда человек мнит себя пророком и чудотворцем и, будучи совершенно чужд Господа, считает, что он настолько близок к Нему, что Его именем совершает чудеса.

В заключение приведу слова Спасителя о том, как должно открываться Царствие Божие. Прежде всего, из самой притчи о мытаре и фарисее понятно, что дух настоящего христианина – это дух покаянный. Где есть покаяние, там есть сосредоточенность, собранность, внимание, там возможно и истинное оправдание. Если фарисей мнил себя праведником и унижал прочих, то мытарь, по словам Спасителя, ушел из храма на самом деле праведным, ушел более оправданным, чем этот, так сказать, самопровозглашенный праведник – фарисей. Прочтем слова Евангелия о том, как нам должно открываться Царство Божие: *Вопрошен же был от фарисей, когда приидет Царствие Божие, отвечав им рече: не приидет Царствие Божие с соблюдением, ниже рекут: се, zde, или: онде. Се бо, Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 20–21). В этом случае Спасителя опять вопрошали люди, которые не имели никакого

понятия о духовной жизни и мнили, что одни их внешние поступки, часто соединенные с тщеславием и гордостью, спасают их и делают избранниками Божиими. Объясняя слова *не приидет Царствие Божие с соблюдением*, преподобный Исаак Сирий говорит, что, когда мы ждем Царствия Божия и ищем его, оно не приходит, но когда мы смиряемся и почитаем себя совершенно недостойными его, тогда оно открывается внутри нас самым убедительным образом, так что мы живо ощущаем его и не нуждаемся уже ни в каком доказательстве, ни в каком внешнем подтверждении нашего духовного опыта.

Я говорю это не для того, чтобы мы доверяли себе, а для того, чтобы мы знали: когда человек испытывает ложное духовное переживание (если даже он при этом творит чудеса), он всегда колеблется. Примером этого может служить основатель одной из мировых религий, пророк Магомет, или, как его называют сами мусульмане, Мухаммед. Когда ему, как он сам себе представлял, являлся ангел Джабраил, то при этом периоды восторга сменялись у него периодами чрезвычайного отчаяния, так что он даже делал попытки самоубийства, но Джабраил его спасал. Понятно, что спасал он его потому, что человек, который готов убить себя, уже фактически принадлежит дьяволу и, если останется в живых, будет его верным слугой и рабом, а правильнее сказать, слепым орудием в его руках, что и произошло с Мухаммедом. Мы видим, что у него были и духовные переживания, и откровения, но в то же самое время величайшие сомнения в их справедливости. Он даже обращался к своей жене, Хадидже, чтобы она узнала, действительно ли являющийся ему – ангел Джабраил, и она выяснила это чрезвычайно нелепым и кощунственным образом.

А когда мы имеем истинное духовное переживание, тогда Царство Божие открывается именно внутри нас. Если некоторые подвижники и сподобляются каких-то видений, то при этом они, прежде всего, ощущают веяние благодати в своем сердце, в душе. Говорить о том, каковы признаки истинной благодати, сейчас, наверное, неуместно, потому что нужно было бы сказать слишком много, но я скажу кратко, только самое главное. Когда

Господь наш Иисус Христос явился по воскресении Своим ученикам, Он сказал им: *Мир вам* (Лк. 24, 36). Мир является самым главным, первым и обязательным признаком действия благодати. И тогда, когда ты плачешь и каешься, и тогда, когда ты радуешься и благодаришь Бога, душевный мир все равно присутствует, и это отличает истинное духовное переживание от ложного. Нужно, конечно, сделать оговорку, что этот совет не для всех. Новоначальные вообще не могут различать своих переживаний и настроений и точно их определять. Они могут перепутать мир Христов с телесным спокойствием, вызванным не присутствием благодати, а совсем другими причинами. Допустим, у человека все хорошо, никто его не трогает – у него на душе мир, а поставили его на какое-то неприятное послушание – мир сразу испарился. Понятно, что это был не мир Христов. Спокойствие может происходить и от того, что человек удовлетворил свои страсти. Приведем простой пример. Человек вкусно поел на праздник, и у него в душе такое спокойствие, что кажется: вот он, мир. Но это, конечно, не имеет ничего общего с истинным миром. Бывают и более грубые проявления страстей, не такие невинные. Скажем, кто-то тебя рассердил, ты поддался страсти гнева, весь кипишь и никак не можешь найти себе покоя, пока, наконец, не выскажешь этому человеку все, что ты про него думаешь. После этого у тебя в душе как будто бы покой, но он опять же не оттого, что внутри тебя воцарился мир Христов, а оттого, что ты удовлетворил свою страсть, насытил ее. Новонаначальному бывает очень трудно отличить эти состояния. Я сейчас сказал о мире Христовом в значительной степени теоретически, чтобы вы имели какое-то общее представление об истинном духовном состоянии в отличие от прелести.

Есть, конечно, и внешние признаки прелести, о которых говорят святые отцы в «Добротолюбии», святитель Игнатий (Брянчанинов) и другие. Например, человек при молитве может чувствовать благоухание или видеть некие красные огоньки в дымовой среде, как говорит один из отцов. Между прочим, о таких же явлениях говорит Вивекананда, знаменитый йогин, прославившийся в конце XIX века в Европе и Америке,

указывая на них как на признаки истинной духовности. Описание этих явлений святыми отцами и Вивеканандой совершенно совпадают, только оцениваются по-разному. Отцы говорят, что это бесовская прелесть, а он – быстрое духовное продвижение. Будучи в прелести, человек может слышать при молитве какие-то звуки или испытывать, как выражается кто-то из отцов, «сладость мокротную». Очень часто демоны используют такую сильную страсть, как блудная, для того чтобы обмануть неопытного подвижника. Поскольку он никогда не испытывал настоящего духовного наслаждения, то бесы предлагают ему действующую в скрытой форме блудную страсть, и он принимает это тонкое сладострастие, так как оно не выражается в грубой похоти, за ощущение благодати.

Тщеславие и гордость также очень утешают человека, приносят ему мнимый покой. Иногда человек желает одобрения со стороны, а иногда поддается гордости до такой степени, что презирает мнение других людей, столь упивается своей гордостью, что легко переносит оскорбления и унижения. Неопытный христианин может счесть такого человека за смиренного и терпеливого. Преподобный авва Дорофей приводит такой пример. Однажды он увидел молодого монаха, переносившего оскорбления и унижения с большой легкостью, совершенно невозмутимо. Он удивился, что в столь юном возрасте человек достиг такого смирения, подошел к нему и спросил: «Скажи мне, брат, как у тебя получается так спокойно реагировать на оскорбления, которые тебе наносят?» Он же ответил: «А что мне до них? Пусть эти псы лают на меня». Тогда авва Дорофей, не желая его осудить, отошел от него со словами: «Этот брат нашел свой путь», – но путь, конечно, ложный. Этот брат всех презирал, и потому оскорбления от людей для него как бы не существовали. Итак, еще один признак прелести – гордость, которая делает человека как бы неуязвимым.

Иногда признаком ложного духовного состояния становится мнимое бесстрастие. Как говорит Иоанн Лествичник, бывает, что одна страсть – он имел в виду прежде всего гордость – заменяет в человеке все прочие. Действительно, случается, что

демоны отступают от гордого человека, для того чтобы он не забеспокоился, не начал борьбу. А когда человек вдруг осознаёт, что он был в прелести, то после этого у него, наоборот, нередко начинается сильнейшая брань. Очень часто это бывает блудная брань, потому что она очень унижает человека и он поневоле смиряется. Святые отцы говорят, что лучше бороться с нечистотами, чем поддаться гордости. Под нечистотами они как раз имеют в виду отвратительную блудную страсть.

Какие внешние признаки прелести существуют еще? Иногда человек мнит о себе, что он имеет непрестанную молитву. Будучи неопытным и не зная по-настоящему, что такое непрестанная молитва, не имея о ней даже теоретического правильного представления, он начинает нечто мнить о себе и рассказывать о своей «непрестанной молитве» другим. Бывает, что такой неопытный христианин встречается с опытным духовным человеком, по крайней мере знающим что-то теоретически, и рассказывает ему о своем духовном состоянии, а тот отождествляет его слова с тем, что написано у святых отцов. А надо такого человека тщательно расспросить, потому что какая-то на первый взгляд несущественная деталь в его словах может показать, что на самом деле он не испытывает никаких высоких духовных переживаний. Он, сам этого не понимая, фантазирует о себе. Один человек отождествляет свое состояние с духовным от невежества, а другой – благодаря богатому воображению. Начитавшись творений святых отцов и не представляя, что на самом деле имеют в виду отцы, такой человек соотносит их описания молитвенных действий со своим неправильным состоянием и рассказывает словами святых отцов не то, что он на самом деле переживает, а то, что прочел в книге и запомнил. Он и сам прельщается, и людей, даже духовных, вводит в заблуждение. Поэтому при общении с теми, кто рассказывает о своих духовных переживаниях, нужно иметь особенное внимание и тщательно расспрашивать их даже обо всех мелочах. Один не умеет описывать и, бывает, правильное духовное состояние объясняет неправильно, а другой, наоборот,

усвоив святоотеческую терминологию, изображает свое прелестное состояние как истинно духовное или преподносит плод своего воображения как нечто значимое. Нужно быть чрезвычайно осторожным, чтобы не запутаться в этих тонких и одновременно жизненно важных предметах.

Я не буду подробно повторять учение святителя Игнатия о том, что самым лучшим и безопасным состоянием для новонаначального является покаяние. Достаточно того, что в притче о мытаре и фарисее мы имеем пример как мнимой, так и истинной духовности и праведности. Истинная праведность, как мы видим из этой притчи, бывает основана исключительно на покаянии и, можно сказать, молитвенном покаянии. Будем держаться этого пути, будем изучать писания святых отцов, относясь к своим духовным переживаниям чрезвычайно осторожно и сдержанно, со здравым смыслом, всегда тщательно себя проверяя и памятуя о том, что православная аскеза отличается от аскетической практики инославных христиан и тем более от аскетического учения других религий. И тогда мы будем безопасно, или, правильнее сказать, мудро совершать свой путь спасения. Назвать его безопасным было бы, конечно, легкомысленно – он чрезвычайно опасен, поэтому здесь необходима мудрость, осторожность, здравый смысл и одновременно ревность, дерзновение, пламенная любовь к Богу.

* * *

Вопрос. Что значат слова «смиренно стремиться к высшему духовному дарованию»?

Ответ. Это значит действовать согласно своему устройению, знать его и стремиться к совершенствованию, трезво себя оценивая. Понуждать себя, но в то же самое время знать, что в твоих силах. Нужно понимать, что мы не можем понудить себя к непрестанной молитве или бесстрастию, я уже не говорю о чудотворении. В то же время бывают такие люди, которые под предлогом смирения теряют ревность. Это тоже неправильно.

Иногда Господь посещает человека сверх его меры, но к этому состоянию нужно относиться правильно и понимать, что

благодать даруется не по заслугам. Если мы считаем, что недостойны благодати, значит, предполагаем, что еще не заслужили ее, а когда сделаем нечто особенное, то заслужим. Иногда благодать дается человеку сверх всяких заслуг и как бы наперед, и потому нужно оценивать духовные состояния не по своему достоинству, а по описаниям святых отцов: совпадает ли то, что мы испытываем, с изъяснениями святых отцов о том или ином духовном переживании или не совпадает. Не нужно думать, достойны мы духовных дарований или нет, потому что мы, если говорить искренне, недостойны не только того, чтобы быть в монастыре, но и того, чтобы вообще жить. Поэтому мысли о том, что мы пока не заслужили благодати, – это скрытое проявление гордости.

Вопрос. Святитель Игнатий говорит, что если кто-то считает себя свободным от прелести, тот прельщен. Как это понимать?

Ответ. Мы все в какой-то степени подвержены духу прелести: в нас есть гордость, тщеславие. Кроме того, мы прельщены различными делами, вообще миром. Мы забываем о том, что есть вечность, – она как бы уходит от нас на второй план, и мы погружаемся в суету. Все это можно назвать состоянием прелести. Когда мы это осознаём, то, по крайней мере, смотрим на себя критически, а когда думаем, что у нас все нормально, тогда с нами могут быть всякие превратности.

Значит, прелесть – пусть не в прямом смысле, а некое прелестное состояние – может быть у любого человека. Поэтому мы должны внимательно следить за собой и постоянно освобождаться от этого «налета». Тот же святитель Игнатий сказал, что лучшее предостережение от прелести – это сознание того, что мы в ней находимся. Мы должны отдавать себе отчет в том, что прелесть в нас в какой-то степени действует, но в то же самое время стремиться к духовному росту, прежде всего через покаяние, в наибольшей степени предохраняющее нас от ложных состояний. И притом нужно помнить, что и в покаянии тоже возможно прельститься. Были даже секты, проповедавшие покаяние, например наша русская секта покаянников (может, смешная, но, тем не менее, имевшая своих последователей). У них был такой девиз: «Не согрешишь

– так не покаешься». Они шли кого-нибудь грабили, потом сдавались в полицию, и их посылали на каторгу.

Вопрос. Может ли Господь скрывать от человека его духовное состояние, чтобы он не возгордился?

Ответ. Святые отцы говорят, что бывают очень простые люди, от которых утаивается их духовное состояние, и приводят этому примеры. Так, один старец имел послушника. Однажды он дал послушнику какое-то задание, а тот что-то напутал и рассердил старца. Старец, не подумав, сказал ему: «Умри» – и тот упал и умер. Старец ужаснулся: он даже не думал, что в его словах есть такая сила, и стал просить Бога, чтобы Он воскресил его послушника; обещал, что больше никогда не будет неосторожно произносить таких слов. По его молитвам послушник воскрес. Отсюда можно видеть, что этот простой человек имел такую благодать, которую сам в себе не видел и не осознавал. Но у нас, я думаю, наблюдается прямо противоположная картина: и простые и непростые думают, что они имеют благодать, а у них ее на самом деле нет. Это более опасная ситуация. Я боюсь, чтобы вы не стали думать, будто Господь и от вас утаивает ваше высокое духовное состояние по вашей простоте.

Вопрос. Может ли человеку попускаться какая-то брань, например лени или блуда, чтобы он не гордился?

Ответ. Конечно, может. Но если брань попускается, то это не значит, что ей надо поддаваться. Надо бороться. В этой борьбе как раз и приобретается смирение. Не нужно считать, что раз у меня лень, значит, это Господь попустил – буду сладко спать и смиряться. От этого не смиришься. Бывает, конечно, что человек поневоле смиряется, претываясь, но в таком смысле можно назвать смиренным и пьяницу, который лежит под забором. На него все плюют, а он не может встать и даже ответить не в силах. Понятно, что он в каком-то смысле смиренный, но я не думаю, что нужно стремиться к такому состоянию.

Вопрос. Вы сказали, что нельзя искать духовных дарований, но недавно в другой беседе вы говорили, что нам нужно помнить о духовной мзде и стремиться ее получить. Так ждать

ли этой самой награды, о которой говорится в Евангелии, или не ждать, так как это прелесть?

Ответ. Я вас запутал. В одной беседе говорю, что нужно стремиться к награде, в другой – что это может быть признаком прелести. Но на самом деле надо иметь и ревность и осторожность. Все нужно делать правильно, а не безумно. Имея ревность, но не имея рассуждения, осторожности и трезвения, мы можем запутаться, можем споткнуться, упасть и разбиться насмерть. Представьте себе, что мы, например, спелеологи и нам нужно залезть в пещеру. Если мы с самого начала станем бояться, нас просто парализует от страха, и все. С другой стороны, когда мы лезем в пещеру, мы должны соблюдать какие-то правила. Если мы будем их нарушать, то застрянем, и тогда все кончится очень плохо.

Или, скажем, альпинист взбирается на гору. Я сейчас не говорю о том, нужная это деятельность или ненужная, разумная или нет, я просто привожу пример. Апостол Павел тоже приводит примеры из спорта. Он говорит: *Бегущие на ристалище бегут все, но только первый получает венец* (см. 1Кор. 9, 24). Это не значит, что апостол одобряет спортивные состязания, – он просто говорит о том, что знакомо его читателям. Я также не одобряю спелеологию или альпинизм, я считаю это безумным времяпрепровождением – человек напрасно рискует своей жизнью, – но говорю об этом просто для примера. Итак, если альпинист ставит перед собой цель достигнуть вершины горы, он должен иметь смелость, ревность, можно даже сказать, дерзость, но в то же время он должен соблюдать правила, иначе он не только не взойдет на гору, но и сорвется в пропасть с первого же обрыва. Так и мы должны, с одной стороны, иметь дерзновение, а с другой – осторожность. Осторожность не такую, чтобы, образно говоря, только сидеть внизу горы, и дерзновение не такое, чтобы совсем не продумывать свои действия. Если альпинист не будет иметь осторожности, то он, повторю, никогда не достигнет вершины. И спелеолог, не имея осторожности, может застрять в

пещере, куда-нибудь провалиться или даже утонуть. Таких трагических примеров очень много.

Вопрос. Как прелесть может проявляться на первых порах?

Ответ. Если иметь в виду проявления прелести в нравственности, то это гордость, тщеславие, презрение ближних, самоуверенность, или, как называют ее святые отцы, самость. Все это проявляется в поведении. Но иногда прелесть может скрываться под личиной смирения, и в глазах неопытных людей очень гордый человек может выглядеть смиренным. А признаки уже развившегося прелестного состояния – это неправильные ощущения в молитве, виде ния, может быть, какие-то сны. Что это за неправильные ощущения в молитве, объяснить не так просто. Прелесть потому и прелесть, что она обманывает человека. Ложные духовные состояния чем-то напоминают истинные, и как раз поэтому неопытный человек запутывается. А точно сказать, что то или иное состояние прелестное, а другое – истинное, трудно. Если вдруг новонаначальная послушница придет в такое состояние, которое ей не должно быть свойственно, то это уже, по крайней мере, подозрительно (не говорю, что неправильно), и тут нужна тщательная проверка.

Вопрос. Батюшка, если нам известно, какие состояния при молитве правильны, допустим смирение, любовь к Богу, можно ли попытаться при помощи воображения и каких-то образов представлять их себе? Кажется, что таким образом мало-помалу начнешь чувствовать все это и на самом деле. Или это тоже прелесть?

Ответ. Не нужно образов и ничего другого. Надо молиться внимательно, и все. Должно быть внимание. Если оно будет, то от него произойдут и такие правильные духовные ощущения, как смирение, любовь к Богу и так далее, хотя, как правило, это бывает не сразу, а после долгих трудов. Впрочем, это может произойти и быстро, если человек к этому предрасположен, подготовлен своей прежней жизнью. Признаки правильной молитвы должны быть для нас не целью, а, скорее, ориентирами. По ним ты сравниваешь свои молитвенные переживания с тем, о чем пишут святые отцы: допустим, у меня

в душе тишина, и святые отцы говорят о тишине, значит, все правильно; у меня в душе мир – да, правильно; я чувствую, что я хуже всех, – да, правильно, и святые отцы об этом говорят. А стремиться к таким состояниям не нужно, их появление от нас не зависит. От нас зависит только понуждение себя к молитве и к вниманию в ней. А будешь воображать, кто знает, что ты там навоображаешь?

Вопрос. Можно ли понуждать себя иметь в молитве покаянное чувство? Так бывает легче удержать внимание.

Ответ. Конечно, это делать нужно, только умеренно: если благодати нет, то насильно покаянного чувства мы, естественно, не получим. Поэтому самый лучший подход – это искать внимания и по силе понуждать себя к покаянию и к памяти смертной. Но, подчеркну еще раз, понуждение должно быть разумное. Без благодати Божией эти добродетели всё равно не проявятся в нас по-настоящему.

Вопрос. Если во время каких-то критических ситуаций у новонаначального в душе появляется мир, то это прелесть или все же благодать?

Ответ. Такое может быть. Если человек преодолел какое-то искушение, допустим не поддался гневу, то, естественно, у него после этого в душе мир. И так происходит после победы над любой страстью. Отверг помысл осуждения – в душе мир, вытерпел обиду – мир. Но я сейчас говорю в целом, а вообще о таких состояниях нужно рассказывать старице и советоваться с ней.

Вопрос. Если новонаначальному не нужно стремиться к непрестанной молитве, то к чему же ему стремиться?

Ответ. Нужно стремиться к тому, чтобы ум всегда был занят или молитвой или чтением и при этом сохранял внимание. Остальное – дар Божий. Каким образом мы можем стремиться к непрестанной молитве? Напряжением воли? Но от этого ничего не зависит. Единственное, что мы можем делать, – это посвящать молитве все свое свободное время. Если наше тело может быть праздным, когда мы отдыхаем, то ум праздным не должен быть никогда. Мечтать о непрестанной молитве бессмысленно, это ничего не даст. Ее стяжание зависит от

многих причин, связанных с нашим душевным состоянием, в особенности с наличием или отсутствием смирения.

Вопрос. Некоторые святые отцы советуют молиться о том, чтобы научиться молитве. Как к этому относиться? Преподобный Максим Кавсокаливит, как известно, молился о том, чтобы Господь сподобил его дара непрестанной молитвы.

Ответ. Есть такое изречение: *Бог даяй молитву молящемуся* (см. 1Цар. 2, 9). Если мы молимся, говорим Богу: «Помилуй мя грешного», то в этой краткой просьбе заключено все, а Бог Сам знает, как нас помиловать. Если же мы будем просить непрестанной молитвы, то может выйти так, что мы ее получим, но это послужит поводом для гордости и принесет вред, а не пользу.

Вопрос. Если человек в ответ на замечание обижается и уходит, это признак прелести?

Ответ. Это признак гордости. Конечно, гордость является почвой для прелести, но нельзя эти состояния полностью отождествить.

Вопрос. Если человек отходит от православия, то можно ли сказать, что причина этого – прелесть? Например, Тертуллиан отпал от православия и перешел в секту. Значит, вначале он каким-то образом прельстился? Можно ли ересь назвать прелестью?

Ответ. Думаю, да. Любое отступление от православия, любое заблуждение – это прелесть, потому что основой заблуждения обязательно является неправильное духовное состояние души человека, ложная духовность. В канонах, в богослужебных текстах язычество часто называется прелестью. Что касается Тертуллиана, то он перешел в ересь монтанистов, а руководителями этой секты были откровенно прельщенные лжепророки Монтан, Прискилла и Максимиλλα. Тертуллиан, видя, как ему казалось, охлаждение христианской ревности в церковном обществе, движимый ложной ревностью, перешел в их секту. Правда, есть мнение, что под конец жизни он покался.

Вопрос. Действуют ли молитвы монахов на вражескую силу в целом? Умалается ли эта сила? Если нет, то тогда в чем

смысл монашества?

Ответ. Что значит «вражеская сила в целом»? Ты хочешь спросить, действуют ли молитвы монахов на мировое зло? А почему мы обязательно должны бороться с мировым злом? Я сам хочу спастись – и все. Или если мировое зло от моих молитв не умягается, то мне тогда и молиться нечего? Вот смотри: люди погибают в неведении, в грехах, так? Сейчас осталось очень мало просто людей православного вероисповедания, а по-настоящему ревностных, наверное, даже и среди них не так много. И вот в каком-то монастыре, допустим в нашем, собрались грешницы, и каждая из этих грешниц спасается. Раньше они погибали, а сейчас спасаются. Пусть мировое зло при этом осталось на прежнем уровне или уменьшилось микроскопически, почти незаметно, но зато люди идут к спасению. Для чего уходят в монастырь? Чтобы самим спастись, а не других спасать.

От монахов всегда чего-то хотят. Монахи должны спасать людей, должны бороться с мировым злом, должны, должны, всё должны. Но монах должен спастись сам, и все. Он монах, он один¹²⁶. Он больше ни о ком и ни о чем не думает, живет только для спасения, для вечности. Он, как говорится, выбыл из игры.

Вопрос. Но ведь может быть такое, что какой-нибудь высокопреуспевший монах своей молитвой разгоняет бесов?

Ответ. Никого он не разгоняет. Он их из себя изгоняет, и больше его ничего не волнует. Это все не так просто. Получается, если человек в монастыре, то он уже спасен и теперь должен разгонять мировое зло, как будто какие-то клубы дыма! Каждый должен думать о своем собственном спасении. Конечно, матушка, как настоятельница, волей-неволей вынуждена заботиться о спасении тех, кто вверен ей Промыслом Божиим; также и я, как духовник, также и старица, которой при постриге вручается инокиня или монахиня. Но если мы волей судьбы вынуждены отвечать за вас, своих духовных чад, то вы ни за кого не отвечаете – дай Бог, чтобы вы за себя ответили. А думать о борьбе с мировым злом – это слишком большие претензии. Конечно, есть подвижники, которые достигают высоких духовных состояний и молятся за весь мир,

но это удел немногих. Если в одном поколении найдется несколько таких человек, то это уже нужно считать за милость Божию.

Вопрос. Батюшка, но почему мы тогда называемся воинством Христовым? Воинство ведь должно одерживать победу над врагом.

Ответ. Это просто мечта. «Должно одерживать победу над врагом»... Мы одержим победу, когда какая-нибудь сестра, имеющая страсть гордости, гнева или любую другую, победит ее. Вот она и будет воин Христов.

Как мы боремся с мировым злом? Допустим, кто-то уходит из мира в монастырь. Здесь он получает бо льшую надежду на спасение, бо льшие возможности для того, чтобы готовиться к переходу в вечность. Если этот человек совершенствуется, становится истинным христианином и с покаянием, с извещением о том, что он будет помилован Богом в будущей жизни, переходит в вечность – это значит, что мы в лице одного данного человека победили мировое зло. И не нужно думать, что это какой-то пустяк, если один человек спасся, – это не так легко. У нас такое представление: раз мы пришли в Церковь, перекрестились, поклонились, икону поцеловали, то уже спаслись. А вы почитайте, как святые отцы устрашают монахов и говорят, что тот, кто не достиг бесстрастия, не может надеяться на вечную жизнь. Почитаешь, как они мыслили о том, кто спасается, – уныние нападает.

Если, допустим, какая-то девушка ушла из мира в монастырь, то зло немножко умалилось в том смысле, что она перешла из одного лагеря в другой. Стала она бороться со своими страстями, совершенствоваться – зло еще уменьшилось, в ней самой, потому что она является носителем зла, как всякий грешный человек. Вот здесь сидят сто человек, и если все эти сто человек спасутся, то это очень много. Как сказал Сам Господь Иисус Христос, на небесах даже об одном кающемся грешнике радуются несказанной радостью. Как вы не понимаете, что речь идет о вечности и что если погибающий человек вдруг спасся, то на небесах бывает великое торжество? Спасти очень трудно, на это нужно всю

жизнь положить, пролить пот, кровь и слезы. А мы тут своей молитвой якобы умаляем мировое зло. Если это мировое зло уменьшится на одного человека, на десять человек, на сто человек, так это уже много. А зачем мы будем миллиарды считать? Это не наше дело.

Вопрос. Батюшка, но ведь вы говорили, что ваш духовник, отец Андрей, молился за весь мир. Значит, кто-то может это делать?

Ответ. Да, отец Андрей молился за весь мир. Я, впрочем, не буду сейчас говорить об отце Андрее: он не рассказывал о своих духовных состояниях, поэтому мне трудно судить об этом. Но конечно, есть монахи, достигшие высокого духовного преуспевания, которые молятся за весь мир, и молитва их чрезвычайно действенна. Допустим, старец Силуан Афонский, архимандрит Софроний (Сахаров), другие подвижники молились за весь мир, но это люди особенные, и их опыт выше нашего понимания. Нельзя те мерки, которые прилагаются к людям орлиного полета, прилагать к обыкновенным монахам и монахиням, думающим только о своем спасении и не имеющим права дерзать ни на что большее.

Вопрос. Батюшка, некоторые люди говорят, что мы должны служить миру, например помогать больным. Часто приводят в пример католических монахинь, говорят об апостольском служении, призывают возрождать Россию. Что вы об этом думаете?

Ответ. Это как в анекдоте: один человек посадил утром картошку, а вечером уже выкапывает ее. Ему говорят: «Что ты ее выкапываешь, у тебя земля так быстро родит?» А он отвечает: «Да нет, просто кушать очень хочется». Так и с монахами получается: не успел человек отречься от мира, как от него уже требуют духовных дарований, молитвы за весь мир, помощи страждущим. Он еще не успел отвыкнуть от мира, а его уже опять посылают в мир. И все вокруг недоумевают, почему монахи ничего не делают. Они должны идти проповедовать в школы, в больницы, должны возрождать Россию и при этом еще молиться за весь мир. Когда же все это делать?

Вопрос. Вы сказали, что мы должны спасать только самих себя и не проповедовать другим. Как же тогда быть с людьми, которые приходят к нам в храм и ищут какого-то совета или ответа на свой вопрос? Разве мы не должны делиться с ними теми знаниями, которые получаем в монастыре?

Ответ. Я не говорил, что не нужно делиться. Ты просто сделала далеко идущие выводы. Если люди обращаются к нам за советом, то мы в меру сил должны им помогать, хотя давать советы может не всякий. Кому-то мы это благословляем, а кому-то нет, – мы сами рассуждаем, кто и до какой степени на это способен. Но одно дело, когда мы даем совет человеку, который сам к нам обратился, и совсем другое – когда нас посылают навязываться людям, которые часто не желают нас слушать. У Эзопа есть одна хорошая басня. Некий пастух имел небольшое стадо коз. Как-то раз он нашел в пещере на зимовке диких коз и решил за время зимы приручить их, чтобы увеличить свое стадо и разбогатеть. Он начал подкармливать этих коз и ухаживать за ними, но так получилось, что у него не хватало времени и корма и на своих коз и на диких. Он начал пренебрегать своими козами, пинать их, если они чего-то просили, а диких коз подкармливал. Когда же наступила весна, дикие козы ускакали в горы, а его стадо подохло. Вот так и у нас может быть. Людьюми, которые к нам приходят, мы будем пренебрегать, а пойдем к тем, которые нас и слушать не хотят, – и останемся без тех и без других.

Поэтому заботиться нужно прежде всего о тех, кто к нам приходит. Вообще, когда человек берет на себя миссию, намного превосходящую его силы, – идти кого-то спасать, то это тоже своего рода прелесть. Об этом ясно говорит Иоанн Лествичник: диавол внушает монахам, чтобы они шли проповедовать в мир. Но если к нам в храм приходят люди и мы даем им, что можем, то это разумно и здраво. Я и не имел в виду, что мы сейчас все должны уйти в пустыню, я говорил о монашестве вообще, о том, как должно быть в идеале.

Вопрос. Я слышала такое высказывание, что христианин должен себя истощать или расточать, то есть отдавать себя

людям до конца. Относится ли это к монахам? Ведь, например, апостолы жили именно так...

Ответ. Тот, кто это говорит, не понимает, что он говорит. Что значит отдавать? Если у человека ничего нет, кроме, может быть, каких-то знаний, то ему что дать, что не дать – все одно, он не почувствует никакого ущерба. А если у человека есть благодать в душе и он начнет себя истощать, то ему потом будет плохо, он побежит от этого «истощания». Нам надо каяться. Мы никому ничего не можем дать – мы сперва должны сами получить. И дай Бог, чтобы к концу жизни мы что-то получили, чтобы могли с надеждой перейти в вечность. Мы не понимаем, что нам нечего расточать. Обыкновенный христианин, даже очень верующий, ведущий праведную и безупречную жизнь, – это одно, а апостолы или подобные им люди, имевшие такую же благодать, – это совсем другое. Им действительно было что давать.

У Спасителя есть такое изречение: *Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко преходите море и сушу, сотворити единаго пришельца, и егда будет, творите его сына геенны сугубейша вас (Мф. 23, 15).* Даже проповедь и обращение других людей к истинной вере не всегда являются добрым делом, потому что потом можно и развратить человека. Или человек молится, молится за всех, а потом сходит с ума. И такие случаи мне известны. Поэтому нельзя слишком много на себя брать. Нужно быть трезвыми и действительно смиренными. Надо понимать, что спасение нашей собственной души – это тяжкий труд, подвиг, и неизвестно еще, чем он окончится. Нужно, как говорится, мобилизовать все свои силы и даже сделать то, что сверх наших сил, чтобы едва-едва спастись, *как бы из огня*, как говорит апостол Павел (1Кор. 3, 15). А мы рассуждаем так, будто у нас уже все в порядке, как баптисты, которые думают, что они уже спасены и теперь им осталось только других спасать.

Вопрос. Батюшка, но ведь мы должны исполнять заповеди, должны любить людей. Как же совместить это с вашими словами?

Ответ. Вот они, люди, – сидят здесь. Их и люби. Это правильно. И больше тебе не о чем думать. Ты полюби эти сто человек, а про весь мир мы потом будем говорить. Ты любишь их всех?

– Нет.

– Нет? Ну и всё. Ты обижаешься, унываешь, так?

– Но я же должна стремиться к евангельской любви?

– Ты должна стремиться исполнять заповеди на деле, а не сидеть мечтать о победе добра во всем мире: пить чай и воображать, как мировое зло побеждается. Ты победи мировое зло в себе. Тебе скажут грубость, а ты говори: «Простите». Тебя обличат, а ты не унывай, – наоборот, радуйся, что тебе подсказали.

Вопрос. Преподобный Симеон Новый Богослов говорит, что если человек не чувствует в себе залога, извещения о своем спасении еще при жизни, то пусть он себя не обольщает: он не войдет в жизнь вечную. Этот же отец говорит, что если человек избавился от всех страстей, а одна в нем осталась, то он не войдет в Царство Небесное. Как нужно относиться к таким высказываниям?

Ответ. Вот что говорят святые отцы! Вот как мы должны подвизаться! Если мы не чувствуем в себе залога спасения, то должны пребывать в страхе. Люди, которые достигли состояния, описанного Симеоном Новым Богословом, действительно достойны войти в Царствие Небесное, а остальные войдут в него (может быть!) через многое покаяние, надеясь на милость Божию. И поэтому монахам рассуждать о социальном служении совсем не подходит. Мы потому и монахи, что ищем уединения. А что касается помощи ближним, то это больше служение мирян. Конечно, и мы посильно его несем, но так, чтобы не выхолостить собственного подвига, чтобы не перестать быть монахами.

На съезде монашествующих в 1909 году настоятели лучших монастырей и духовные старцы пришли к выводу о том, что богатые монастыри могут содержать благотворительные учреждения, но монахи и монахини не должны в них работать, потому что они таким образом отвлекаются от своего служения.

Жизнь современных монахов и так далеко отстоит от монашеского идеала: обстоятельства мешают этой жизни принять правильную внешнюю форму, при которой монашество расцветает внутренне. А при социальном служении монахи устремляются в еще бо льшую суету. Если говорить о добрых делах, то наше доброе дело – это покаяние.

О стяжании внутреннего целомудрия¹²⁷

Сегодня мы проведем беседу о блудной страсти на основании Евангелия. Мы увидим, что из самого евангельского текста, из самого поучения Господа Иисуса Христа можно сделать выводы о том, как следует вести себя по отношению к этой страсти и как нужно с ней бороться. Если мы внимательно прочитаем соответствующие заповеди Спасителя и вникнем в них, то увидим, что Он не только запрещает нам следовать блудной страсти, но и указывает средства для того, чтобы мы могли уничтожить ее и сделать свое сердце чистым. Блудная страсть, действующая в большей или меньшей степени, есть практически у всех людей. Одни как-то терпят ее, другие ужасно страдают. Не знать, что с собой делать во время нашествия или усиления брани, конечно, небезопасно.

Не нужно думать, что аскетическое учение святых отцов является неким дополнением к Евангелию. Святые отцы, рассуждая на самые разнообразные темы и преподавая нравственные уроки, черпали вдохновение в Евангелии – этом неиссякаемом источнике мудрости для всякого истинного христианина, а в особенности для учителей Церкви. Святые отцы не привнесли в евангельское учение ничего нового. Терминологию, правда, они заимствовали у различных философских школ, переработав ее в соответствии с богооткровенным учением, но суть христианского учения – это Евангелие, Божественное Откровение, учение Господа Иисуса Христа. В разные времена и в разных народностях его воспринимали по-разному: христиане первых веков – одним образом; учителя Церкви III–IV веков – другим; сирийцы, египтяне, греки, русские – в соответствии со своим национальным характером. Но суть всегда была одна и та же, незыблемая, неизменная, – Евангелие. Сегодня мы не будем рассматривать аскетические творения святых отцов, а обратимся к Евангелию, чтобы непосредственно в нем увидеть учение о борьбе с блудной страстью.

Нужно сказать, что выражение «блудная страсть» не употребляется в Евангелии. Само слово «страсть» заимствовано из учения стоической философской школы. В Евангелии содержится лишь конкретное запрещение блудного греха, и в нем нет тех обобщений, которые делают святые отцы. Например, они выделяют восемь главных страстей и четыре главные добродетели. Поскольку такая систематизация страстей помогает нам в нашей борьбе с грехом, мы и пользуемся традиционным учением отцов и их терминологией.

Вот как Сам Господь Иисус Христос говорит о грехе блуда: *Слышасте, яко речено бысть древним: не прелюбы сотвориши* (Мф. 5, 27). Вполне очевидно, что под словами *прелюбы сотвориши* подразумевается всякий грех, связанный с блудом, в каком бы виде он ни совершался. Даже теперь, в новозаветные времена, когда обильно действует Божия благодать, людям бывает трудно соблюсти во всей полноте эту заповедь – не грешить на деле. Но Господь Иисус Христос требует от нас большего. Как Он говорит до этого, наша праведность должна превзойти праведность книжников и фарисеев: *Глаголю бо вам, яко аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 5, 20). Это не значит, что праведность книжников и фарисеев была мнимой, а у нас должна быть подлинная. Но их праведность была ветхозаветной, то есть ограничивалась запретом совершать грех на деле. Здесь недаром употреблено наименование «книжники»: *Аще не избудет правда ваша паче книжник* – то есть паче тех, кто знает о праведности из книг. Спаситель требует, чтобы мы усугубили требования к себе в отношении сладострастия. Мы должны не только не прелюбодействовать на деле, но и изгнать вожделение из самого сердца. *Аз же глаголю вам, яко всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцах своем* (Мф. 5, 28). Несмотря на свою лаконичность, это очень емкое, глубокое по смыслу изречение. Мы боремся со страстью, чтобы не совершить грех на деле. Но, оказывается, мы любодействуем уже в том случае, когда,

поддавшись вожделению, бросаем неосторожный взгляд на лицо другого пола. Мы думаем, что если мы на деле не нарушили запрещение прелюбодействовать, то мы невинны, а в действительности грех уже совершен: в намерении, в душе, в мыслях, в чувствах. Возможно, мы не привели его в исполнение по причинам, от нас не зависящим или неуважительным: из страха наказания, страха перед неприятными последствиями. Спаситель обращается к нам очень строго и требует от нас совершенной безупречности. Истинно целомудренный человек стремится к тому, чтобы прелюбодеяния не было даже в его сердце. Заметьте, что смотреть на женщину с вожделением можно не только глазами, но и умом. Видим ли мы ее прямо перед собой, или только воображаем, или извлекаем из памяти какой-либо образ – суть остается неизменной.

Показав нам наше нравственное состояние, обличив нас во внутреннем прелюбодеянии, Господь Иисус Христос предлагает и средства к тому, чтобы избавиться от этого греха. Речь идет о борьбе не только с грехом любодеяния на деле, но и с грехом мысленным, который проникает в нас прежде всего через зрение. Проводниками соблазна могут быть и другие телесные чувства: осязание, слух, обоняние. Но Спаситель говорит о наиболее сильном, господствующем чувстве. *Аще же око твое десное соблажняет тя, изми е и верзи от себе (Мф. 5, 29)*. Это отнюдь не означает, будто Спаситель предлагает заниматься членовредительством, которое к тому же ничего бы нам не дало. Даже если бы мы вырвали у себя глаз, то страсти остались бы в душе и продолжали бы беспокоить и мучить нас через другие органы чувств. Речь идет, во-первых, о том, чтобы мы избавились от того, что нам столь же дорого и близко, как собственные члены тела. Если человек или какое-нибудь занятие соблазняют нас и ведут к мысленному, духовному прелюбодеянию, мы должны отвергнуть их, как бы это ни было больно. Во-вторых, под оком или рукой подразумевается наше отношение к чему-либо. Око – образ мысленного воззрения, а рука – символ делания: когда мы желаем получить какую-либо вещь, то овладеваем ею при помощи рук, через них проявляется наша разумная воля. *Уне бо ти есть, да*

погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну огненную (Мф. 5, 29). Помимо жестокого отсечения помыслов и желаний, которое изображено столь необыкновенным образом, как извержение ока или отсечение руки, Господь Иисус Христос дает нам еще одно средство борьбы с грехом: воспоминание о будущем наказании. Лучше нам лишиться чего-то дорогого (а самое дорогое для нас – это следование своим желаниям, в том числе греховным), чем быть вверженными в геенну огненную. Когда мы боремся со страстью и делаем над собой усилие, чтобы отсечь помысел, вспомнить об этом – самое действенное.

И еще десная твоя рука соблажняет тя, усецы ю и верзи от себе: уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну (Мф. 5, 30). Если мы не приобретем такого строгого, жестокого отношения к себе, то никогда не избавимся вообще ни от какой страсти, тем более блудной. Эта страсть наиболее мучительная, наиболее сильная, наиболее сродная человеку, поскольку союзником в блудном грехе и проводником мучения является наше собственное тело, от которого мы избавиться не можем. Дух наш борется и с самой страстью, и с телом. Спаситель указал нам основные средства для борьбы. Во-первых, ненависть к своей душе, то есть к тому, что в ней есть греховного, и решительное, жестокое отсечение греховных помыслов и желаний. Во-вторых, воспоминание о муках, которые ждут нераскаянного грешника после смерти. Мы должны понимать, что хотя бы перед своими телесными очами мы и не имели никакого соблазнительного предмета, но в нашем воображении и памяти достаточно пищи для того, чтобы нарушить заповедь Спасителя. Мы способны смотреть на женщину с вожделением, не видя ее в буквальном смысле. И наоборот, если мы избавимся от этой страсти внутри себя, если научимся при помощи напряженной внутренней борьбы очищать себя от помыслов и желаний, увлекающих нас к греху, – то, даже если предмет соблазна будет находиться прямо перед нами, мы сможем смотреть на него чисто. (Забегая вперед, нужно сказать, что главным нашим орудием – духовным мечом, который помогает нам «извергнуть око и отсечь руку», –

является Иисусова молитва.) Господь Иисус Христос показывает нам, что необходима прежде всего внутренняя борьба с грехом. Поскольку праведность наша должна превзойти праведность книжников и фарисеев, мы должны не только отказаться от прелюбодеяния, но и уничтожить грех внутри нас. Иначе может случиться, что мы будем избегать внешнего соблазна, но будем содержать соблазн в собственном воображении или извлекать его из памяти, а может быть, и диавол станет искушать нас, внося соблазны в нашу душу. Вспомним жития святых: диавол иногда пытался соблазнить подвижников, воочию являясь им в образе женщины. Так было с Иларионом Великим: демоны в виде обнаженных, глумящихся женщин появлялись у него на циновке и сладострастными движениями пытались вызвать в нем блудную страсть. Мы должны понимать, что никак не избежим борьбы. Более того, мы непременно поддадимся страсти, если не победим себя внутренне, если в сердце своем не избавимся от мысленного прелюбодеяния тем способом, который изобразил Господь Иисус Христос в Своем Божественном учении, воистину Божественном по мудрости своей.

В другом поучении Господь говорит о блудной страсти с особенной прямоотой, можно даже сказать, с вызывающей откровенностью. Фарисеи, искушая Его, спросили, можно ли человеку по всякой вине разводиться, и Господь дал им справедливый ответ, а потом продолжил разговор с ближайшими учениками. Но если фарисеям Спаситель сказал, что разводиться нельзя, и тем пресек грех на деле, то ученикам Он преподал возвышенное учение о внутренней борьбе с грехом. *Иже аще пустит жену свою, разве словесе прелюбодейна, и оженится иною, прелюбы творит; и женяйся пущеницею прелюбы деет. Глаголаша Ему ученицы Его: аще тако есть вина человеку с женою, лучше есть не жениться. Он же рече им: не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть (Мф. 19, 9–11).* Ученики сделали здравый вывод: если нельзя разводиться с женой, лучше не жениться. Сколько разных изменений может произойти за много лет совместной

жизни! Зачем же терпеть такую тяжесть? Но Господь поправляет их, сказав, что не все могут вместить это. Сама тяжесть брака не является достаточной причиной для безбрачной, целомудренной жизни. Многие осознают, что брак – это тяжелый крест, но не могут удержаться от того, чтобы вступить в него.

Он же рече им: не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть, суть бо скопцы, иже из чрева матерня родившася тако; и суть скопцы, иже скопишася от человек; и суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствия ради Небеснаго. Могий вместити да вместит (Мф. 19, 11–12). В словах *суть бо скопцы, иже из чрева матерня родившася тако* речь идет о тех, кто от рождения не способен к браку, деторождению и, соответственно, не имеет блудной страсти. Выражение *и суть скопцы, иже скопишася от человек* надо понимать так: в древности было очень много людей, оскропленных по разным причинам. Поскольку скопцы были безопасны в определенном отношении, их использовали для служения в женских покоях у знатных людей. Некоторые из них делали необыкновенную карьеру, становились первыми людьми в государстве, министрами, приближенными высокопоставленных особ, как правило, женского пола. Хотя, конечно, постоянства в их положении не было, так как они зависели от своих покровителей. При некоторых болезнях оскропление применялось ради выздоровления. Древняя медицина была довольно примитивной и использовала даже такой грубый способ.

Наконец, третьи слова – *суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствия ради Небеснаго* – означают такое оскропление, которое необходимо всем нам. Конечно, речь идет не о буквальном оскроплении. Это запрещено церковным правилом. Те, кто добровольно оскропил себя, кроме случаев болезни, признаю тся тяжкими преступниками, покусившимися на свою жизнь. Бороться со страстью нужно иначе: оскропляясь мысленно, то есть духом делая себя не способным к сладострастию, к блудному греху. Когда мы убеждены, что блуда для нас не существует, и при помощи молитвы ведем себя как

люди бесполое, не знающие разделения полов, – это и есть мысленное оскотпление, искажение своей природы. *Царствия ради Небеснаго* – вот тот мотив, который может заставить человека вести целомудренную жизнь наперекор природе. Такой человек не только ожидает Царствия Небеснаго как будущей награды, но и чувствует его присутствие в своей душе. Можно сказать, блаженны скопцы, отречшиеся от тела ради духа. Не всякий может это вместить. Но Спаситель говорит об этом не для того, чтобы разделить людей на способных и не способных, а для того, чтобы поощрить тех, кто может: *Могий вместити да вместит*. То есть если ты можешь вместить, но не хочешь этого, то ты уже погрешил против истины, против заповедей Спасителя.

Одновременно Спаситель дает нам другой способ борьбы, поскольку указывается другой источник брани. Ранее говорилось о том, что соблазнительные образы проникают в нас через чувства и вызывают в душе страсть. Здесь же речь идет о непосредственных ощущениях, о том, что само наше тело является источником и носителем мучительного сладострастия. Поэтому если мы не откажемся от своего тела, точнее, от наслаждения как невозможного и потому не существующего для нас, то мы не исцелимся. Итак, диавол действует тремя способами (все три изображены в Евангелии): во-первых, внося соблазн через органы чувств, во-вторых, возбуждая страсть непосредственно в нашем теле, в-третьих – через помыслы. Во втором случае, когда в нас беспричинно, точнее, по диавольскому действию (или по действию нашей падшей природы, на деле это не столь важно) возникает вожделение, то есть всевозможные сладострастные телесные ощущения, то мы должны поступить с собой наподобие оскотпляющих себя, как чрезвычайно точно изобразил это Сам Господь. Мы должны мысленно сделать себя бесполоыми существами, забыть об ощущениях, испытываемых в данный момент. Тогда эти ощущения либо вовсе пройдут (конечно, при помощи Иисусовой молитвы), либо превратятся из сладострастных в болезненные – такие же, как в любом другом члене тела, от природы не способном к сладострастию, например в руке.

Куда направлено наше внимание, там вскоре появляется и сочувствие. Если мы посмотрели, как сказано в первом поучении Спасителя, на женщину с вожделением или даже просто нечаянно засмотрелись на женщину, то чаще всего в нас начинает возбуждаться сочувствие и страсть, и мы уже прелюбодействуем в сердце своем. Нечто подобное происходит, когда мы взираем на собственные телесные ощущения. По отношению к душе и духу наше тело также есть нечто постороннее, внешнее. Телесное ощущение привлекает внимание, вызывает сочувствие, а благодаря сочувствию страсть усиливается все более и более. Начав с нечаянного удивления: «Почему со мной вдруг это происходит?» – а часто это бывает по действию сатанинскому, – мы увлекаемся так, что совершенно теряем самообладание и впадаем в панику. Это приводит к различным мучительным состояниям и даже может довести до греха. Если же мы искажаем сами себя Царствия ради Небесного, то есть отвлекаем свое внимание от половых ощущений так, как будто они не существуют и не действуют в нас, и погружаемся в молитву, то через некоторое время преодолеваем их. Оставляя эти ощущения без внимания, как бы питающего их, дающего им силу и возможность распространяться и овладевать нами, мы иссушаем их, как растения, которые, будучи вырваны из почвы, не могут питаться живительными соками. Одновременно мыжигаем их огнем молитвы. Вот как происходит духовное оскпление – оскпление Царствия ради Небесного, – которое так премудро и кратко изобразил Господь Иисус Христос.

Наконец, скажем о борьбе с помыслами, о том, как они появляются в нас без всякой внешней причины и оскверняют нашу душу, а иногда и тело. Господь Иисус Христос говорит: *Послушайте Мене вси и разумеите: ничтоже есть внеуду человека входимо в онь, еже может осквернити его; но исходящая от него, та суть сквернящая человека. Аще кто имать уши слышати, да слышит. И егда вниде в дом от народа, вопрошаху Его ученицы Его о притчи. И глагола им: тако ли и вы неразумливи есте? Не разумеете ли, яко все, еже извне входимое в человека, не может осквернити его? Яко*

не входит ему в сердце, но во чрево, и афедром исходит, истребляя вся брашна (Мк. 7, 14–19). Господь говорит: *Яко не входит ему в сердце, но во чрево, – значит, то, что входит в сердце, а не во чрево, может осквернить душу человека. Если мы смотрим с вожделением на женщину и мысленно прелюбодействуем с ней, значит, греховные образы вошли в наше сердце. Иначе они не вызвали бы в нас страсти и не произошло бы внутреннего прелюбодеяния, и общение с особами другого пола было бы для нас безгрешным и безвредным. Глаголаше же, яко исходящее от человека, то сквернит человека. Извнутри бо от сердца человеческа помышления злая исходят, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, татьбы, лихоимства, обиды, лукавствия, лесть, студодеяния, око лукаво, хула, гордыня, безумство. Вся сия злая извнутри исходят и сквернят человека (Мк. 7, 20–23).* Нас оскверняет не только то, что мы смотрим на кого-либо с вожделением, не только буйство плоти, но и помыслы, исходящие из сердца. Нам не удастся избавиться от блудной страсти, даже если мы перестанем общаться со всеми, кто вызывает, как нам кажется, соблазны в нашей душе, но будем сохранять действие греха внутри себя: прелюбодеяние, любодеяние, студодеяние (то есть то, что стыдно даже именовать, некий чрезвычайный разврат). Когда мы даем возможность этим помыслам исходить из нашего сердца в виде каких-либо мечтаний, или воспоминаний, или мыслей, облеченных в словесную форму, то они оскверняют нашу душу, а вслед за тем – и тело. Всякая страсть оскверняет, но в особенности блудная. Как говорит апостол Павел, всякий грех вне тела, блуд же оскверняет и душу, и тело. Принимая эти помыслы, не пресекая их возникновение в своем сердце, мы без всякой внешней причины изнутри оскверняемся и душой, и телом и приходим в ужасное состояние. Когда мы испачкаем в чем-то гадком одежду, а тем паче руки, нам бывает противно и хочется поскорее отмыться. А если это что-то несмывающееся или издающее смрад, то мы испытываем еще бо льшую брезгливость. С таким же чувством нам надо относиться и к своему внутреннему состоянию. Мы

должны понимать, что нас оскверняет не столько телесная нечистота, сколько внутренняя, душевная, в особенности отвратительный грех блуда: прелюбодеяние, любодеяние, студодеяние.

Все три поучения Господа Иисуса Христа с очевидностью показывают, что нам необходимо очищать свое сердце. Конечно, по немощи своей мы должны, насколько возможно, избегать внешних соблазнов, а также воздерживаться в пище и вести такой образ жизни, чтобы несколько изнурить свою плоть. Но самое главное – мы должны очистить свое сердце. Если бы не было прелюбодеяния в сердце, мы не могли бы даже посмотреть на женщину с вожделением и никакие ощущения в детородных членах не вызывали бы в нас ни малейшего сочувствия: либо они вообще не имели бы места, либо воспринимались бы как боль в любой другой части тела. Господь Иисус Христос показал нам, что необходимо сделать для достижения сердечной чистоты. Вообще, Он уделяет довольно много внимания блудной страсти: специально говорит о ней в Нагорной проповеди, касается этого вопроса в беседе с учениками о браке и безбрачии, упоминает о трех видах действия этой отвратительной страсти: прелюбодеянии, любодеянии, студодеянии (то есть говорит о ней больше, чем о других злых помыслах, исходящих из сердца). *Вся сия злая изнутри исходят и сквернят человека.* Прежде всего мы должны очищать свое сердце, чтобы оно не осквернило нас изнутри, – тогда и все внешнее будет для нас безопасно. Повторюсь, это не значит, что мы не должны ограничивать себя, то есть не должны избегать соблазнительных впечатлений или как-либо удручать свою плоть.

Каким образом очищается наше сердце? Борьбой с помыслами, Иисусовой молитвой. Господь Иисус Христос сказал: *Аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю (Ин. 14, 14).* В первую очередь мы должны просить Его о помиловании. Это не значит, что сейчас мы можем свободно грешить, а потом в будущей жизни Он нас простит, и мы, несмотря на свои грехи, войдем в Царство Небесное. Наше спасение состоит в том, что мы очищаемся уже в этой жизни, во время нашего подвига. В

особенности это касается тех, кто посвятил себя исключительно угождению Богу. Тот, кто избрал, по крайней мере формально, оскотление ради Царства Небесного, должен сугубо прилежаться борьбе, подвигу. Помилование заключается в том, что уже сейчас мы чувствуем умаление страстей. Господь начинает нас прощать, очищать и спасать во время земной жизни. А если изменений в нас нет, значит, мы что-то делаем неправильно: либо пренебрегаем воздержанием в пище, либо отказываемся от других телесных подвигов, даже скромных, доступных нам, либо не избегаем греховных или, скажем так, опасных впечатлений, – то есть ничего не делаем для очищения своего сердца.

Один подвижник, блаженный Нонн, был совершенно бесстрастен и чист. Однажды знаменитая в городе блудница из любопытства вошла в храм. Она была одета весьма соблазнительно, так что несколько присутствовавших там по какому-то делу епископов опустили глаза. А епископ Нонн, наоборот, стал смотреть на нее, не отрывая глаз, а потом заплакал. Когда блудница удалилась, другие епископы спросили у него, почему он так нескромно смотрел на нее. Блаженный Нонн ответил, что, во-первых, он удивлялся, насколько прекрасно это Божие создание (видите, ее красота была для него не соблазном, а поводом для прославления Бога). Во-вторых, говорил епископ, я сравнивал ее с нами: она так украшает себя для прельщения людей, а мы ничего не хотим делать для того, чтобы украсить свою душу и послужить Богу. Наконец, он оплакал ее падение. Впоследствии блаженный Нонн стал молиться за нее, и молитва его была услышана. Блудница разыскала его и просила крестить ее. Всю оставшуюся жизнь она провела в глубоком покаянии и сподобилась святости. Вот пример чистого человека. То, что для других было поводом для возникновения страсти, для него стало причиной усиления любви к ближнему и прославления Бога за человеческую красоту. Конечно, в настоящем нашем состоянии было бы безумием брать пример с этого подвижника. Это говорило бы о нашей гордости и самонадеянности. Но нам необходимо взирать на

этот, если можно так выразиться, неподражаемый пример как на доказательство того, что достигнуть полной чистоты возможно.

Известны и другие примеры. Один человек, живший в городе, занимался поденной работой и на весь заработок нанимал блудницу и проводил с ней ночь. Все думали, что это совершенно развращенный, погибший, бесконечно упивающийся блудом человек. Но когда он умер, на погребение неожиданно явилась огромная толпа блудниц, с которыми, как думали, он предавался блуду. Они стали оплакивать этого человека, и тогда выяснилось, что всех этих женщин он привел к покаянию. Каждую ночь он приходил к блуднице, как будто нанимая ее, но в это время молился об ее спасении. Таким образом он привел к чистой жизни множество падших женщин. Вот еще один пример совершенного бесстрастия. То, что другим служит погибелью, для этого человека стало средством не только его собственного спасения, но и спасения ближних.

Все зависит от нашего внутреннего состояния, а не от того, есть ли соблазн снаружи или нет. Поэтому мы должны понимать, что прежде всего нам нужно обратить внимание на свою душу. Достигнем внутренней чистоты – и все нам будет чисто. Как сказал апостол, *для чистых все чисто* (Тит. 1, 15). В наше время монашествующим, к сожалению, почти невозможно избежать общения с особами женского пола, как это делали древние монахи. Но и в древности даже те, кто совершал невероятные, нечеловеческие подвиги, не всегда могли избежать соблазна. В «Луге духовном» описан следующий эпизод из жизни одного воска¹²⁸. К нему по какой-то нужде пришла монахиня, такая же пустыница. Он оказал ей необходимую помощь, а когда монахиня ушла, у него вдруг началась сильнейшая блудная брань по отношению к ней. Не думаю, что эта подвижница была так уж привлекательна. Но на воска напал диавол. Некоторое время подвижник боролся, но все-таки не выдержал и поддался страсти. Когда он уже, не владея собой, пошел искать эту монахиню, Господь ради его прежних молитв и подвигов спас его. Вдруг земля под его ногами стала как будто прозрачной, и подвижник увидел на глубине нескольких метров гниющие, разлагающиеся трупы

людей. Это зрелище так потрясло его, что он опомнился и вернулся к своим прежним подвигам. Значит, и в древности диавол находил способ прельщать людей. Поэтому мы не должны говорить, что наше время очень неудобно для подвига, потому что мы не можем находиться в подобающей для монашествующих изоляции. Все зависит от нас самих. *Вся сия злая извнутри исходят и сквернят человека.* Если мы будем очищать свое сердце теми способами, которые изображены в Евангелии, то ничто внешнее: будь то телесное ощущение, воспоминание или образы, проникающие через телесные чувства, в особенности через зрение, – ничто не сможет принести нам вреда, ибо мы закроем наше сердце для соблазнов и будем иметь внутри себя Царство Небесное, Царство Божие.

* * *

Вопрос. Можно ли предположить, что древним подвижникам, удалявшимся в пустыни или в общежительные монастыри, но все-таки жившим вдалеке от мира, было легче бороться с блудной страстью по сравнению с монахами нашего времени, которые живут посреди мира и вынуждены общаться с женщинами, тем более что соблазны сейчас умножились? Современный человек немощен, ему труднее бороться с впечатлениями, которые он получает в миру.

Ответ. Судя по искушениям, описанным в житиях святых, брань этих подвижников была гораздо более сильной, чем у современных монахов. Вообще, сила брани зависит не столько от внешних впечатлений, сколько от нападений сатанинских. Например, у аввы Памво была такая сильная брань, что он искал себе смерти. Желая умереть, он брал в руки ядовитую змею и хотел, чтобы она его укусила, но змея отворачивала голову в сторону. В другой раз он разделся донага и залез в берлогу к медведю, а тот стал его облизывать. Тогда авва Памво понял, что Господь милует его. Словом, он желал лучше умереть, чем грешить. Я сомневаюсь, есть ли еще такие подвижники в наше время. Поэтому нельзя говорить, что монахам того времени было легче. Если бы мы молились так же, как они, то и нам было бы тяжело. К тому же, брань – это

одно, а страсть – другое. Не надо их путать. Страсть, если мы подчинились ей, может действовать в нас сильно, а брань – это борьба со страстями, и ее сила зависит от нашего желания им сопротивляться. Когда мы в значительной степени подчиняемся страсти (хотя и не совершаем греха на деле), то, естественно, очень слабо боремся с ней. Значит, если мы не восстаем против греха так, как следовало бы, то диаволу мы подвластны больше и благодати в нас меньше.

Вопрос. Батюшка, если мы будем подвизаться с такой же силой, что и древние подвижники, то могут ли быть и в наше время демонские нападения, подобные тем, которые были в древности?

Ответ. Когда мы вступаем в спасительную вражду с грехом, брани против нас усиливаются. В этой борьбе человек совершенствуется, очищается от греха, приобретает духовную крепость и может противостоять греху. Причем это относится к любой страсти, а не только к блудной. Во время брани и благодать нам содействует сильнее. Поэтому не нужно бояться того, что диавол начнет нападать усиленно. Конечно, могут быть искушения такие же, как и в древности. Диавол же не смотрит, кто ты: монах или мирянин, в древности ты подвизался или подвизаешься сейчас. Ему нет никакой разницы. Он смотрит на твое душевное состояние, и мало искушает тех, кто слабо подвизается. Зачем ему это делать, если с ним не борются?

Вопрос. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, толкуя слова апостола Павла: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12), пишет, что, если человек победил в себе, то есть во внутреннем человеке, действие страстей, то он выходит на брань с падшими духами. Как это понимать?

Ответ. Наверное, он имеет в виду то, что пока мы не победили страсти, или демонов, действующих в нас скрытно, мы не можем выйти с ними на открытую брань, как подвижники, которых демоны устрашали видениями. Однако в любом случае

против нас воюют демоны. Падшее естество восстает на нас, но это тоже не без содействия нечистой силы.

Вопрос. Как известно, нельзя просить, чтобы Господь избавил от брани, плотской или любой другой. В чем состоит разница между сопротивлением страсти до крови и тем, когда просишь, чтобы Господь избавил от брани?

Ответ. От брани тебя никто не избавит. От блудной брани можно избавиться только женившись, и то неизвестно, поможет это или же страсть еще больше разгорится. Святые отцы говорят, что лучше молиться не о том, чтобы избавиться от брани, а о том, чтобы мужественно себя вести во время ее действия. В этой борьбе мы и от страсти избавляемся, и от греха очищаемся. Когда же мы молимся о том, чтобы страсть от нас совсем ушла, то мне кажется, это даже бесполезно. Возможно, в древности и были подвижники, которые могли умолить Бога о том, чтобы Он освободил их от какой-либо страсти. Хотя в исключительных случаях, когда страсть сильно одолевает и есть опасность согрешить на деле, то, может быть, лучше помолиться, и Господь облегчит брань.

Вопрос. Правильно ли говорят, что блудная брань чаще возникает от уныния?

Ответ. Уныние можно назвать одним словом – лень. Существует лень к телесным подвигам, то есть ко всему, что удручает нашу плоть. Сюда относятся поклоны, присутствие на богослужении, бдение и так далее. Есть лень к работе, которая тоже удручает плоть. Унынием же можно назвать лень к духовным занятиям: молитве, чтению Священного Писания, борьбе с помыслами, трезвению, вниманию к своим словам и поступкам.

Когда мы поддаемся лени, то, естественно, вслед за нею начинает действовать блудная страсть. Если человек лежит, тело его покоится, не избавляется при помощи трудов от лишней энергии, и если он вдобавок еще и умом ленится, не хочет отсекаать помыслы, то, конечно, блудная страсть будет действовать в нем свободно.

Вопрос. Вы привели в беседе евангельское изречение о том, что из сердца исходят злые мысли. Но ведь когда мы

молимся, то также углубляемся в сердце. Получается, сердечное место – это, с одной стороны, престол, на котором возносится молитва, а с другой – источник страстей. Как это совместить, объяснить?

Ответ. Сердце человека должно быть престолом Божиим, но оно не является таким от рождения. Если бы человек, родившись, был таким же, как Адам до грехопадения, тогда ему и не нужно было бы сводить ум в сердце, поскольку ум и сердце у него и так были соединены естественным образом. Мы должны очистить свое сердце, чтобы оно стало не источником страстей, а источником благих помыслов, молитвы, славословия и так далее. Сердце – это средоточие мыслительной, разумной, духовной жизни человека. Поэтому оно источник и страстей, и добродетелей, и молитвы, и вообще всего.

Вопрос. Можно ли сказать, что, влагая в сердце молитву, мы делаем его источником добродетелей?

Ответ. Конечно, в известной степени многое зависит от нас, но не все так легко дается: мыслить о греховном легко, а о добром – трудно. Поэтому сердце человека очищается с понуждением. *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Мы должны убрать скверну из сердца и сделать его чистым, и тогда, как сказано в Евангелии, узрим Бога. С одной стороны, *от сердца исходят помышления злая* (см. Мф. 15, 19), с другой – *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (см. Мф. 5, 8). Когда мы очищаем сердце от злых помыслов, исходящих из него, тогда оно становится способным видеть Бога, и человек видит Его внутри себя.

Вопрос. Иногда во время молитвы стараешься закрыть сердце от какого-то страстного помысла, не пускать его туда, не соглашаешься сердцем с ним, то есть возникает такое ощущение, что помысел появляется не изнутри, а снаружи. Как это объяснить?

Ответ. Страстные помыслы могут и входить в сердце, вызывая соответствующую реакцию, и исходить из него – в том смысле, что наше сердце, наше падшее естество уже склонно ко греху. С одной стороны, мы должны препятствовать

помыслам войти в сердце, когда они приходят как бы извне: через чувства, память, воображение, через что-то внешнее по отношению к сердцу. С другой стороны, из самого сердца исходит стремление ко злу, которое свойственно падшему естеству человека, соединено с его умственно-сердечной деятельностью.

Мы не знаем, что точно означает выражение *от сердца исходят помышления злая*: конкретные ли это мысли или смутные стремления к какому-либо греху, не оформившиеся в определенный образ; сразу же они появляются или ищут пищу для страстей в наших чувствах, воображении, памяти. Это и неважно: в душе человека все очень тесно связано. С одной стороны, мы молимся так, чтобы воображение, внешние впечатления, воспоминания не вызвали в нас страсти, с другой – подавляем страсти, действующие в сердце, вне зависимости от внешних источников.

Вопрос. Святые отцы советуют во время молитвы сосредоточивать внимание ума на верхней части сердца и следить, чтобы внимание не опускалось вниз, потому что могут возникнуть нежелательные явления: например, начнет действовать вожделение. Можно ли думать, что страсти покоятся в нижней части сердца?

Ответ. Когда говорят о сведении ума в сердце при молитве, то рассуждение о верхней части сердца уместно. Схимонах Василий Поляномерульский говорит, что в верхней части сердца находится мыслительная сила души, в средней – раздражительная, в нижней – вожделевательная. Однако это не значит, что гнев, например, сосредоточивается в средней части, а блудная страсть – в нижней, и если мы не коснулись умом средней части, то никогда не рассердимся. Такое деление имеет значение для правильной молитвы. Во время же действия страсти размышления об этом делении вряд ли принесут нам какую-либо пользу. Всё равно мы не можем реально ощутить, откуда страсть выходит. Если мы неправильно молимся, то бывают явно видимые, ощутимые последствия. Когда же страсти выходят наружу, то мы не можем с уверенностью сказать, что блудный помысел вышел у нас из нижней части

сердца, раздражение – из средней, а гордость – из верхней. С практической точки зрения нам это ничего не дает. Возможно, блудный помысел и выходит как-то из нижней части сердца, но все равно он осознаётся нами, только когда облекается в какой-то вид, пусть даже в самый смутный. Мы же не ощущаем, откуда он выходит, а должны его осязать, так сказать, мысленно.

Вопрос. Когда действует блудная страсть, то человек так или иначе оскверняется греховными помыслами, даже если и борется против них. Можно ли определить, в какой момент мы согрешаем и в какой момент борьба с помыслами вменяется нам в очищение?

Ответ. Конечно, никто не может так безупречно бороться, чтобы совсем не увлекаться помыслами или ощущениями, разве только какие-то необыкновенные, ревностные и пламенные подвижники. При сильной брани, когда очень смущают помыслы, в душе чувствуется опустошение, ощущается как будто какая-то скверна. Это состояние души можно назвать очень подходящим по смыслу словом – «нечистота». Однако если мы противимся помыслам, с бо льшим или меньшим успехом, сразу или со временем опомнившись и отбросив их, прекращаем действие страсти, то мы также получаем за это награду и совершенствуемся. Нами эти помыслы воспринимаются как скверна, но в то же самое время мы приобретаем венцы и, главное, учимся молиться. Истинный монах в борьбе с грехом, в том числе и с блудной страстью, приобретает две добродетели: преуспеяние в молитве и смирение. И то и другое является плодом борьбы. Молитва – наиневобходимейшая вещь в борьбе со страстью, потому что без помощи Божией мы ничего сделать не можем. А опытное переживание своей немощи приносит человеку истинное смирение. Без этого опыта человек судит о себе отвлеченно, пытаясь уничтожить себя «смирненными» мыслями.

Конечно, в осквернении души греховными помыслами есть и наша вина. Если мы хотя бы в малейшей степени приняли греховный помысел, усладились им, то уже виноваты. В большей степени приняли, значит, больше виноваты.

Замедлили, долгое время предавались помыслу, следовательно, усилилась степень вины. Конечно, мы оскверняемся, но тут же можем и очиститься. Ведь когда мы молимся Иисусовой молитвой, то не только просим Бога о помощи, но и каемся, вымаливаем прощение за прегрешения. При искреннем покаянии Господь очищает нас от этой страсти и прощает наше увлечение. Однако я говорю это не к тому, чтобы вы думали, что в конечном счете ничего страшного в увлечении помыслами нет, что мы, мол, потом помолимся, и все простится. Можно зайти так далеко, что потом молись не молись, а уже не сможешь с собой справиться. Страсти в нас действуют мощно, а молитва – слабо. Поэтому нужно быть чрезвычайно осторожными, не давать страсти свободу, не позволять ей завладеть нами.

Вопрос. В «Добротолюбии» в словах преподобного аввы Исаии к его ученикам есть такое поучение: «Авва Серапион, когда спросил его один старец, кому подобным он себя видит, отвечал: я кажусь себе подобным человеку, на башне находящемуся, который мановением руки дает знать подходящим, чтоб не приближались к нему. Старец же, спросивший его о том, сказал ему: а я кажусь себе похожим на человека, который устроил себе большую ограду, как крепость, и двери ее заложил железными засовами; так чтоб, если кто станет стучать, не слышать и совсем не думать о том, кто там, откуда пришел и чего хочет, чтоб тот и уходил, не дождавшись, когда этот сойдет к нему»¹²⁹. Какой вариант молитвы и борьбы с помыслами предпочтительнее?

Ответ. Второй вариант лучше. Зачем тебе видеть эти помыслы и как ты будешь их гнать, когда тебя самого гонят со всех сторон? Другое дело, когда мы не можем пребывать в такой как бы «ограде», тогда мы молимся против приходящих греховных помыслов, просим Бога, чтобы Он избавил нас от них и таким образом как бы прогоняем их. Однако было бы лучше, если бы мы углублялись в молитву так, чтобы переставали вообще ощущать, есть помысел или нет его. Нам это знать незачем. Иоанн Лествичник говорит, что лучшее

состояние – это такое, при котором какой-то помысел пришел, а мы и не знаем: приходил он или не приходил и зачем приходил.

Вопрос. Батюшка, а может человек молиться, не прогоняя помысел, а как бы держа его на дистанции, не принимая его, не услаждаясь им?

Ответ. Держать помысел на дистанции невозможно. Если я его вижу, значит, я его на дистанции уже не держу. Когда кто-то залез ко мне в квартиру, он уже вор, а если он находится снаружи, то откуда я знаю, кто прошел мимо окна: вор или честный человек? Некоторые делают именно такую ошибку. Они вроде бы и молятся, и помысел у них находится «на дистанции». Однако человек не может смотреть одинаково внимательно сразу на две вещи, у него глаза так устроены, что он смотрит ими в одну сторону. Поэтому, если я, образно говоря, смотрю полностью на молитву, то я, конечно, кроме нее ничего не вижу. Я просто не знаю, что и на какой дистанции находится. Если же я вижу помысел на дистанции, значит, я отвратил свой мысленный взор от молитвы и обратил его на помысел. Я начинаю всматриваться в этот помысел, дистанция все сокращается и сокращается, и наконец оказывается, что помысел близко, а вот молитва уже на дистанции.

Вопрос. Батюшка, но, может быть, это поучение надо понимать так, что человек ощущает греховный помысел и одновременно молится? Ведь можно молиться усиленно, чтобы вообще его прогнать, а можно прикладывать более или менее усилий и держать помысел на расстоянии, ведь есть в Священном Писании такое выражение: *У дверей грех лежит* (Быт. 4, 7).

Ответ. Этими словами Бог обличил Каина, когда тот намеревался совершить грех. Господь вразумлял его, чтобы он покался, но Каин пренебрег этим вразумлением и к одному греху прибавил еще больший. Однако подобное бывает не с каждым человеком: должно быть какое-то откровение или внушение свыше о том, что тебе грозит некая опасность, допустим, совершить тяжкий грех. Если говорить в широком смысле, то для нас таким предупреждением, откровением,

является Евангелие, в котором сказано, какие грехи «лежат у дверей».

А держать помысел на расстоянии, как я уже сказал, невозможно. Конечно, прилоги могут появляться, но мы как раз не должны обращать на них внимания, и тогда они исчезают, потому что именно наше внимание питает помыслы, дает им жизнь. Именно благодаря ему помыслы развиваются и усиливаются. Когда же мы отнимаем от них внимание, то они сразу же задыхаются.

Вопрос. Батюшка, это нормально, естественно, когда человек во время молитвы не видит помыслов?

Ответ. Для святого человека это естественно, а для нас такое состояние – идеал. Во время брани нужно иметь в виду, что нельзя одновременно и видеть помыслы, и внимательно молиться. Это только какой-нибудь благодатный подвижник может принять прилог, греховный помысел и удержать его в уме. Однако благодать в таком подвижнике столь могущественно действует и молитва столь сильна, что они уничтожают помысел, он пожигается их действием, а человек еще более укрепляется в бесстрастии. Он как бы нарочно себя искушает: допускает врага внутрь сердца и там его побеждает. Мы к этому совершенно не способны. Более того, такие великие подвижники, как в древности Исаак Сирин или в наше время старец Силуан, говорят, что лучше так не делать. Иначе, по слову Исаака Сирина, наш мысленный воздух оскверняется греховным помыслом, тем более если этот помысел блудный.

О том, что делает веру спасительной¹³⁰

Сегодняшнюю беседу я хочу посвятить теме, которая нам, монашествующим, может показаться неактуальной, но на самом деле она чрезвычайно важна: мы поговорим о вере. Обычно мы делим людей на верующих и неверующих. Может быть, такое противопоставление возникло само собой из-за того, что мы жили в атеистической стране. Поэтому нам часто кажется, что человек искренне верующий уже спасен. Но из Священного Писания мы видим, что вера не всегда приносит плоды. Бывает, что человек принимает вероучительные истины искренне, всей душой, но в то же время это не приносит ему никакой пользы. Более того, такой человек может причинять людям великие скорби, быть просто злодеем. Сейчас мы сравним такую веру с верой настоящей – не только искренней, но и плодоносной. И объясним, какая вера необходима нам для того, чтобы мы получали от нее пользу, спасались, а не просто утешали себя той мыслью, что мы не безбожники.

Ярким примером искренней, но бесплодной и даже губительной для других веры является вера Ирода Великого. Обратимся к Евангелию от Матфея, в котором говорится о рождении Христовом. *Иисусу же родшуся в Вифлееме Иудейстем во дни Ирода царя, се, волсви от восток приидоша во Иерусалим, глаголюще: где есть рождейся Царь Иудейский? Видехом бо звезду Его на востоце и приидохом поклонитися Ему. Слышав же Ирод царь смутися, и весь Иерусалим с ним. И собрав вся первосвященники и книжники людския, вопрошаше от них: где Христос раждается? Они же рекоша ему: в Вифлееме Иудейстем, тако бо писано есть пророком: и ты, Вифлееме, земле Иудова, ни чимже менши еси во владыках Иудовых: из тебе бо изыдет Вождь, Иже упасет люди Моя Израиля. Тогда Ирод тай призва волхвы, и испитоваше от них время явльшиися звезды, и послав их в Вифлеем, рече: шедше испытайте известно о отрочати: егда же обрящете, возвестите ми, яко да и аз шед поклонюся Ему (Мф. 2, 1–8).* Ирод, как мы видим,

поверил волхвам. Правда, он не обрадовался, как радуемся мы в праздник Рождества, как радовались сами волхвы и пастухи, узнавшие от ангелов о рождении Спасителя, а смутился. И не только он сам, но и *весь Иерусалим с ним*. Приход волхвов, людей знатных, в сопровождении свиты, может быть воинского отряда, охраны, как это было принято в то время при путешествиях, не мог остаться незамеченным. Слух о нем распространился по всему Иерусалиму.

Реакция Ирода на этот слух была странной. Он призвал первосвященников и книжников, потому что надеялся услышать от них о том, где рождается Христос, но не ради того, чтобы поклониться Ему, а ради того, чтобы Его убить. Второй раз мы видим проявление веры этого человека, когда книжники и фарисеи открыли ему пророчество, и он им поверил. Кто усомнится в том, что Ирод был верующим человеком? Мы можем честно признаться себе в том, что не всегда столь открыто и последовательно принимаем как Священное Писание в целом, так и пророческие книги в частности. В этом смысле вера его была сильнее, чем наша, потому что он сделал из Священного Писания практический, хотя и страшный вывод о том, что необходимо устранить Христа как претендента на царский трон.

Его сын, Ирод Антипа, показал веру не меньшую, чем его великий в злодействах отец. Он показал, что верит ни много ни мало в воскресение мертвых, притом верит искренне. Вот как повествует об этом Евангелие: *И услыша царь Ирод, – яве бо бысть имя Его, – и глаголаше, яко Иоанн Креститель от мертвых воста, и сего ради силы деются о нем. Инии глаголаху, яко Илия есть; инии же глаголаху, яко пророк есть, или яко един от пророк. Слышав же Ирод рече, яко, егоже аз усекнух Иоанна, той есть: той воста от мертвых* (Мк. 6, 14–16). Ему пытались возражать и говорили о том, что это, может быть, кто-либо из пророков, но он утверждал, что это воскресший из мертвых Иоанн. Хотя Ирод и ошибался, но из этого эпизода мы видим, что для него воскресение из мертвых являлось совершенно реальным событием, которое вполне может произойти и оказаться частью нашей обыденной жизни.

Тем самым он показал, что вера его была сильнее нашей. Для нас воскресение из мертвых – это нечто далекое и непостижимое настолько, что практически мы воспринимаем его как некий миф, сказку.

Далее читаем: *Той бо Ирод, послав, ят Иоанна и связа его в темнице, Иродиады ради, жены Филиппа, брата своего, яко оженися ею. Глаголаше бо Иоанн Иродови: не достоит тебе имети жену Филиппа, брата твоего. Иродия же гневашеся на него и хотяше его убити, и не можаше. Ирод бо бояшеся Иоанна, ведый его мужа праведна и свята, и соблюдаше его (то есть берег его. – Схиизм. А.): и послушав его, многа творяше, и в сладость его послушаше (Мк. 6, 17–20).* Какая странная и противоречивая натура этот Ирод! Считал Иоанна праведным, святым, относился к нему с благоговением, во многом поступал по его совету, слушал его даже с наслаждением и тем не менее казнил.

Перед тем как осудить на крест Спасителя, Пилат послал Его к Ироду для того, чтобы избавиться от ответственности за Его осуждение, переложить ее на Ирода. Вот как говорит об этом евангелист Лука: *И разумев, яко от области Иродовы есть, посла его ко Ироду, суцу и тому во Иерусалиме в тыя дни. Ирод же виде Иисуса рад бысть зело: бе бо желая от многа времени видети Его (Лк. 23, 7–8).* Смотрите, этот человек желал видеть Господа Иисуса Христа. И зачем? *Зане слышаше многа о Нем: и надеяшеся знамение некое видети от Него бываемо (Лк. 23, 8).* Ирод хотел увидеть знамение и этим показал, что он верит и в чудеса. Он верил пророку, верил в чудеса, воскресение мертвых и тем не менее совершил страшное преступление, убив Иоанна Крестителя. Вера у Ирода была искренняя, но для него не спасительная, более того, не препятствующая ему совершать бесчеловечные, богопротивные дела.

Мы говорили сейчас только о вере, но нужно еще сказать и о глубоком знании Священного Писания, о знании, которое, безусловно, сопровождается верой. Вернемся к повествованию о Рождестве Спасителя. Те книжники, которые открыли Ироду Великому, где должен был родиться Мессия,

понимали смысл пророчеств и рассказали царю о них так, как бы в наше время политолог рассказал о реальных событиях политической жизни. Для них было совершенно очевидно, что Христос должен родиться в Вифлееме: *Тако бо писано есть пророком: и ты, Вифлееме, земле Иудова, ни чимже менши еси во владыках Иудовых: из тебе бо изыдет Вождь, Иже упасет люди Моя Израиля (Мф. 2, 5–6)*. Книжники, услышав от волхвов весть о рождении Христа и вспомнив пророчество, должны были бы устремиться в Вифлеем для поклонения Спасителю, но этого не произошло. Они остались к этой вести совершенно безразличными, более того, их слова подтолкнули Ирода к тому, чтобы попытаться убить Богомладенца Христа. Может быть, кто-то желает оправдать этих книжников: мол, они не знали о том, что родился Мессия, и сказали об этом пророчестве безотносительно данного события. Но несправедливость такого мнения можно увидеть из слов Евангелия: *Ирод царь смутился, и весь Иерусалим с ним, то есть смутились все жители Иерусалима*. Никто не мог остаться в неведении, тем паче люди, принадлежавшие к высшему классу: первосвященники и книжники. Безусловно, они знали о том, для чего пришли волхвы, но пренебрегли этим, потому что хотя и верили, но не имели того, что делает веру спасительной.

Приведу еще один пример из Евангелия: *Законник некий воста, искушая Его и глаголя: Учителю, что сотворив живот вечный наследую? Он же рече к нему: в законе что писано есть? како чтешу? Он же отвечаю рече: возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всея души твоя, и всею крепостию твоею и всем помышлением твоим, и ближняго своего яко сам себе. Рече же ему: право отвечал еси; сие сотвори и жив будешу. Он же хотя оправдитися сам, рече ко Иисусу: и кто есть ближний мой? (Лк. 10, 25–29)*. Этим вопросом он обнаружил, что знание, которое Господь назвал истинным и спасительным, не принесло ему никакого плода. Если человек действительно любит ближнего, то он не будет спрашивать: «Кто мой ближний?» Из этого вопроса книжника видно, что ему неизвестно и то, Кто его Бог. Если он не знает, кому делать добро и кого любить, значит,

он не имеет любви к Богу. А кто не имеет любви к Богу, не общается с Богом, тот, естественно, не знает Его. Знает учение о Нем, но не знает Его. Вот пример того, что и вера, и даже глубокое знание Священного Писания не приносят никакой пользы человеку, не имеющему самого главного, – того, что делает веру спасительной. Из слов книжника можно сделать вывод о том, что для настоящей веры необходим некий опыт. Какой? Это нам раскроют другие изречения из Евангелия.

Вспомним беседу Спасителя с другим книжником. Он также вопрошал Спасителя, искушая Его, однако испытывал Его с некоторой доброжелательностью: он, как говорит Евангелие, увидел, что Спаситель хорошо ответил тем, кто не верил в воскресение мертвых, – саддукеям. *И приступль един от книжник, слышав их стязающихся и виде, яко добре отвеща им, вопроси Его: кая есть первая всех заповедий? Иисус же отвеща ему: яко первейши всех заповедий: слыши, Израилю, Господь Бог ваш Господь един есть, и возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею. Сия есть первая заповедь. И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего яко сам себе. Бо льшая сею ина заповедь несть. И рече ему книжник: добре, Учителю, воистинну рекл еси, яко един есть Бог, и несть ин разве Его; и еже любити Его всем сердцем, и всем разумом, и всею душою, и всею крепостию, и еже любити ближняго яко себе, боле есть всех всесожжений и жертв (Мк. 12, 28–33).* Этот человек одобряет слова Господа Иисуса Христа, хотя в этом, как мне кажется, сквозит некоторая надменность. Он говорит Спасителю: *Добре, Учителю, воистинну рекл еси*, то есть считает себя имеющим право, как некий эксперт, судить о том, сказано хорошо или плохо, правильно или неправильно. В то же время в этом книжнике есть и здравый смысл: он понимает, что исполнение всех обрядов и даже богослужение – ничто по сравнению с исполнением заповедей. Однако он не постигает того, что заповеди эти приносят пользу тогда, когда мы вступаем в богообщение не мнимое, – когда мы просто верим в Бога, благоговеем перед Ним в своем уме, – а в богообщение

истинное, непосредственное. Это видно из дальнейшего повествования.

Спаситель хотя и одобрил этого книжника, но показал, что тому еще чего-то недостает для того, чтобы его вера, правильный взгляд на вещи, глубокое проникновение в смысл Священного Писания принесли ему пользу. *Иисус же виде, яко смысленно отвеща, рече ему: не далече еси от Царствия Божия (Мк. 12, 34). Не далече, но все же не в Царствии Божиим.* Далее Спаситель поясняет, чего не доставало этому книжнику. Он говорит об этом намеком, потому что ни книжник, ни присутствующие при этом слушатели не могли еще вместить всей полноты истины, но все же приоткрывает им тайну настоящего, необходимого для спасения духовного опыта. *И отвещав Иисус глаголаше, уча в церкви: како глаголют книжницы, яко Христос Сын есть Давидов? Той бо Давид рече Духом Святым: глагола Господь Господеви моему: седи одесную Мене, Дóндеже положу враги Твоя подножие ногама Твоима. Сам убо Давид глаголет Его Господа: и откуда Сын ему есть? И мног народ послушаше Его в сладость (Мк. 12, 35–37).* В этих словах приоткрывается тайна Божественного происхождения Самого Господа Иисуса Христа и даже, можно сказать, тайна Пресвятой Троицы.

Господь, отвечая книжнику, сначала напомнил Своим слушателям ветхозаветную заповедь: *Слыши, Израилю, Господь Бог ваш Господь един есть*, а, проповедуя в храме, привел слова пророка Давида: *Глагола Господь Господеви моему*. Если бы мы не знали учения о Пресвятой Троице, то усмотрели бы в словах Спасителя противоречие: получается, что есть два Господа, но в то же время утверждается, что *Господь един есть*. Для иудеев это было, конечно, камнем преткновения: они настаивали на единобожии, понимаемом примитивно, как бы на одиночестве Бога. Спаситель уже приоткрывает тайну единосущия Отца и Сына и даже дает некоторый намек на Третье Лицо Пресвятой Троицы, Духа Святого: *Той бо Давид рече Духом Святым: глагола Господь Господеви моему*. Ведь в Символе веры про Духа Святого сказано: «Глаголавшаго пророки», то есть Он говорил через

пророков. Можно сказать, что не Давид говорил Духом Святым, а Дух Святой говорил через Давида. И поэтому выражения *рече Духом Святым* и *глагола Господь* намекают на равенство Бога Отца и Бога Духа Святого.

Этому книжнику, как и многим прочим людям, имеющим веру, но не спасительную, не хватало живого познания, живого переживания того, что Иисус Христос есть Господь, Сын Божий. Если бы мы имели такое живое познание, тогда все враги Господа стали бы и нашими врагами, а это не столько люди, сколько демоны, вооружающие людей против служителей Бога. И эти враги были бы повержены под ноги и нам.

Слова Спасителя: *Слыши, Израилью, Господь Бог ваш Господь един есть*, – также имеют таинственный смысл. *Слыши, Израилью*, – это обращение относится не только к израильскому народу, к евреям, но и к новозаветному Израилью, то есть ко всякому христианину, который, подобно древнему патриарху Иакову, видел Бога и потому получил наименование «Израиль», то есть «зрящий Бога». Если бы этот книжник был «зрящим Бога», на что Господь Иисус Христос и намекает, тогда, конечно, вера его была бы спасительна, тогда бы он познал, что Господь Иисус Христос равен Богу Отцу и происходит от Него. Книжник познал бы, что перед ним стоит не просто человек, не просто пророк и великий учитель, но Сам сошедший на землю Бог.

Откровенно и ясно выразил эту истину святой апостол Петр, исповедав Спасителя Христом, Сыном Божиим. Вспомним этот эпизод: *Пришед же Иисус во страны Кесарии Филипповы, вопрошаше ученики Своя, глаголя: кого Мя глаголют человецы быти, Сына Человеческаго? Они же реша: ови убо Иоанна Крестителя, инии же Илию, друзии же Иеремию или единого от пророк. Глагола им Иисус: вы же кого Мя глаголете быти? Отвещав же Симон Петр рече: Ты еси Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16, 13–16). Посмотрите, какие замечательные слова! С первого взгляда они как будто бы понятны. Но Священное Писание похоже на медовые соты. И мы из этих сотов извлекаем сладчайшее Божественное учение, по словам пророка Давида, превосходящее мед своей

сладостью. Притом медовые соты содержат в себе ограниченное количество меда, а Священное Писание бесконечно источает сверхъестественную сладость. И если мы вдумаемся, вникнем в эти несколько слов, сказанных апостолом Петром, то увидим, что они открывают не только истину о Божестве Господа Иисуса Христа, но и то, как мы должны это переживать.

Прежде всего нужно обратить внимание на то, что Христос назван Сыном Бога Живого. Для нас Бог не живой, а далекий и неизвестный, хотя и великий. Живым может назвать Бога от всей души, от всего сердца тот человек, который Его жизнь ощущает в себе, который живет в Боге и Богом. Мы должны почувствовать, что Христос – Сын Бога Живого. А если Он Сын Бога Живого, то, конечно, Он также должен ощущаться нами как сверхъестественная жизнь, как и Сам Он сказал о Себе необыкновенно глубоко и в то же время кратко: *Аз есмь путь, истина и живот* (см. Ин. 14, 6). Вот что необходимо для того, чтобы вера наша была спасительна. Если мы просто осознаём и даже как будто бы искренне говорим, что Христос – Сын Божий, то мы ничем не отличаемся от тех бесноватых, которые говорили Ему: *Ты Сын Божий*. Овладевшие ими бесы в тот момент знали это, может быть, лучше, чем сами апостолы. Но в них не было стремления к богообщению, наоборот, они страшились этого и кричали: *Иисус, Сын Божий, зачем Ты пришел мучить нас прежде времени?* (см. Мф. 8, 29). Вынужденное богообщение было для них страданием, невыносимой мукой, которую они желали прекратить.

В словах апостола Петра: *Ты еси Христос, Сын Бога Живаго*, – есть еще один момент, на который мы тоже не обращаем почти никакого внимания, – это личное обращение ко Христу. В этом также приоткрывается сущность нашей веры: она есть живое, непосредственное общение с Богом, мы обращаемся к Нему на «ты». Конечно, это не значит, что в молитве нам нужно произносить именно эти слова апостола Петра, но мы должны переживать веру как общение с живым Христом, а не с идеей, пусть даже великой и потрясающей. Для одних Он – жизнь, а для других – идея, но не потому, что Он на

самом деле таков, а потому, что эти люди от Него удалились, и Бог, став для них далеким, превращается в их сознании в некую отвлеченную мысль.

Теперь мы рассмотрим условие, необходимое для того, чтобы сохранить живую, спасительную веру. Обратимся к дальнейшему повествованию евангелиста Матфея: *И отвечав Иисус рече ему [апостолу Петру]: блажен еси, Симоне, вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец Мой, Иже на небесех: и Аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей (Мф. 16, 17–18)*. Наша Церковь зиждется на камне этого исповедания, а правильнее сказать, реального богообщения со Христом, потому что, по словам Спасителя, никто не может прийти к Отцу, как только через Него, только Им. И поскольку мы пребываем в Церкви, то мы вместе с нею непобедимы, и даже если бы все адские силы восстали на нас, то ничего не смогли бы с нами сделать. Теряя живое, непосредственное богообщение, теряя связь со Христом, мы отпадаем от Церкви, и тогда слова о том, что врата ада не одолеют Церковь, к нам не относятся. Церковь они не одолеют, но мы, оказавшись вне ее, претыкаемся и падаем. Бывают даже случаи отпадения от веры православных христиан, в особенности из-за скорбей, внешних или душевных, да и соблазны многих губят. Слова Спасителя непреложны, но от нас зависит, распространится ли на нас это Его необыкновенное ободрение или нет.

Из дальнейшего повествования видно, что Петр не только жалел Спасителя, но и беспокоился о себе и своей участи: *Оттоле начат Иисус сказовати учеником Своим, яко подобает Ему ити во Иерусалим и много пострадати от старец и архиерей и книжник, и убиену быти, и в третий день востати. И поемь Его Петр, начат пререцати Ему глаголя: милосерд Ты, Господи, не имать быти Тебе сие. Он же обращься рече Петрови: иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши яже суть Божия, но человеческая (Мф. 16, 21–23)*. Сначала об апостоле Петре было сказано, что он камень, на котором созиждется Церковь, а потом совершенно

обратное – что он сатана. Такая перемена может произойти и с нами и происходит многократно в день. Когда мы начинаем думать о чем-либо по-человечески, то к этому, несомненно, примешивается сатанинское действие и наше общение с Богом прерывается.

Спаситель открывает, что мы должны делать, чтобы сохранить живую, действенную веру. *Тогда Иисус рече учеником Своим: аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет (Мф. 16, 24).* Вот что необходимо: отвергнуться себя, даже взять на себя крест, то есть быть готовым к страданиям, и идти за Господом. Не думать о своем будущем, как думали апостолы, когда, многого еще не понимая, мечтали воцариться вместе со Христом как с Иудейским Царем и как Его соратники наслаждаться властью. Для нас последование Господу состоит в том, чтобы подражать Его поступкам, не Божественным, что для нас, конечно же, невозможно, а человеческим: ходить, по словам апостола Иоанна Богослова, *якоже Он ходил (1Ин. 2, 6).*

Итак, необходимо живое, реальное общение с Господом Иисусом Христом. Это, собственно, и есть та вера, на которой стоит Церковь, но стоит до тех пор, пока существуют такие верующие. Не станет в том или ином народе подобных людей – и Церковь из этого народа уйдет. Да, врата ада не одолеют ее до кончины мира, но нас, если мы отпали от Церкви, они могут победить. Даже если целый народ отпадет от Церкви, как случилось со многими народами, впавшими в ересь или безбожие, то и он погибнет в вечности.

Простое исповедание, даже очень искреннее, сопровождаемое не только верой, не только глубоким знанием Священного Писания, но и чудесами, не принесет нам никакой пользы. *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на Небесех. Мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас: отидите от Мене, делающие беззаконие (Мф. 7, 21–23).* Здесь тоже открывается

истина богообщения: не только мы должны знать Бога, но и Он должен знать нас, а Он может знать нас тогда, когда мы приблизимся к Нему, будем общаться с Ним. Бывает, что мы слышим о человеке что-то доброе, но никогда с ним не общались, – мы про него знаем, а он нас не знает. Так какой-нибудь знаменитый, богатый человек не знает обыкновенных людей, если те сами не познакомятся с ним.

Итак, мы видим, что даже творящие чудеса не спасутся, если не будут иметь живого богообщения и исполнять волю Божию. А воля Божия состоит в том, чтобы мы соединились со Христом, вместили Его в себя. *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное*, то есть даже если мы будем творить чудеса (а ведь бывает и такое: прельщенные мнят о себе, что они служат Богу, пророчествуют, но Господь никогда не знал их), но не познаем Его, вера наша останется бесплодной. А куда уж больше той веры, которая пророчествует, изгоняет демонов, исцеляет больных и совершает прочие великие дела!

Обратимся еще раз к словам Спасителя *Аз есмь путь и истина и живот: никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною*. Далее в Евангелии говорится: *Аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо, и отселе познасте Его и увидите Его*. Глагола Ему Филипп: *Господи, покажи нам Отца, и довлеет нам*. Глагола ему Иисус: *толико время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе? Видевый Мене виде Отца: и како ты глаголеши: покажи нам Отца? Не веруеши ли, яко Аз во Отце, и Отец во Мне есть?* (Ин. 14, 6–10). В этих словах нам открыта истина о единстве Сына Божия и Бога Отца и о том, что через общение со Христом мы восходим к познанию Божества.

Спаситель продолжает: *И еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне: и аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14, 13–14). Иисусову молитву иногда называют исповеданием Петровым. Действительно, в словах «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий» и в словах *Ты еси Христос, Сын Бога Живаго* по сути один и тот же смысл. Можно даже сказать, что Иисусова

молитва раскрывает богословское значение исповедания Петрова. Впрочем, это не так важно, главное то, что мы обращаемся к Господу. Некоторые древние подвижники молились краткой Иисусовой молитвой: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», так и сейчас молятся в Греции. В акафисте Иисусу Сладчайшему приведена другая форма Иисусовой молитвы: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя». Поэтому не суть важно, какова внешняя форма этой молитвы, – важно то, что мы, обращаясь к Богу именем Иисуса Христа, можем надеяться, что всё от Него получим.

Но чего мы можем просить? Чего должен желать истинный христианин? Конечно же, не земных благ, потому что они ничего не значат, разве что дают возможность жить свободно и беспечно. Истинный христианин должен просить исключительно о благах духовных. Высочайшим, необходимейшим для нас духовным благом является, конечно же, богообщение. *Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте, и Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век, Дух истины, егоже мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его: вы же знаете Его, яко в вас пребывает и в вас будет (Ин. 14, 15–17).* Итак, мы видим, что за призывание имени Иисуса Христа к нам приходит Дух Святой и приносит Божественную благодать.

Не оставлю вас сиры: прииду к вам; еще мало, и мир ктому не увидит Мене, вы же увидите Мя, яко Аз живу, и вы живы будете. В той день уразумеете вы, яко Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас (Ин. 14, 18–20). И апостол Павел говорит: *Уже не я живу, но живет во мне Христос (Гал. 2, 20),* также открывая тайну богообщения. Многие воспринимают евангельские слова как некую притчу, образ. Но для человека, хотя бы теоретически знакомого со святоотеческой литературой, в которой описаны духовные состояния подвижников благочестия, ясно, что здесь идет речь о буквальном, точном переживании того, что всякий истинный христианин, достигший высокой степени преуспевания, должен испытывать.

Как мы узнаем, что Господь Иисус Христос во Отце? Общаясь с Господом Иисусом Христом, соединяясь с Ним умом,

мы видим и понимаем, что Он един с Богом Отцом и со Святым Духом. Праведный Иоанн Кронштадтский говорил о себе, что когда он причащался, то чувствовал внутри себя бытие Пресвятой Троицы. Он действительно непосредственно это переживал. *И вы во Мне, и Аз в вас*, – говорит Спаситель. Мы в Господе, когда пребываем в Нем своим умом, когда чувствуем, что мы как бы погрузились в Господа Иисуса Христа или, по крайней мере, соприкоснулись с Ним. А Он в нас, потому что Он в нашем сердце и в нашей душе.

Вера – это не умственное рассуждение, не просто некая идея, как кажется многим. Истинная вера, как говорят святые отцы, есть действие благодати Божией. Некоторые богословы отвлеченно рассуждают, что вера бывает естественная и сверхъестественная. Это умствования, не имеющие отношения к действительности. Нет благодати – нет веры, действует благодать – в человеке появляется вера. И эта вера есть богообщение (более или менее глубокое – это зависит от нашей ревности, от нашего преуспевания), что ясно из слов Спасителя: *Не плоть и кровь открыли тебе, но Отец Мой, Который на небесах*. Отступает благодать – умаляется вера, появляется сомнение. Усиливается благодать – мы всё более и более приближаемся к Богу. И настолько вера эта становится действенной, живой и всеохватывающей, что мы даже склонны употребить вместо слова «вера» слово «знание».

По сути, вера и является знанием. Если у человека вера только умственная, то можно сказать, что в нем нет никакой веры. В лучшем случае, он только приближается к ней. И все мы, православные христиане, призванные Господом в Церковь, должны понимать, что наша вера – это не просто какие-то правильные рассуждения и не то, до чего мы сами додумались, но действие благодати, просвещающее прежде всего сердце, а вслед за тем и разум. Будем грешить – благодать отступит от нас, и мы лишимся этого богообщения. Если мы, не дай Бог, лишимся его окончательно, тогда можем впасть в тяжкие смертные грехи, даже прийти в полное окаменение сердечное, бесчувствие и стать практически неверующими людьми.

Ирод Великий, Ирод Антипа, книжники, фарисеи имели веру и знали то, чего в то время еще не знали, например, апостолы. Но апостолы общались с Господом и пребывали с Ним в духовном единении, а эти люди были чужды Его. И если мы не отринем от себя закваску фарисейскую и саддукейскую, то можем, формально оставаясь православными христианами, уподобиться этим верующим людям, которые совершили столь страшные преступления, что их имена стали печально нарицательными.

Поэтому давайте будем трудиться над собой, будем исполнять заповеди, понуждать себя к молитве, к отречению от всего ненужного для спасения, не только греховного, но и просто человеческого. Тогда наше общение с Богом будет усугубляться, усиливаться, и в конце концов, как сказал Господь Иисус Христос, мы увидим, что Он во Отце, и мы в Нем, и Он в нас.

* * *

Вопрос. Если человек подвизается, пытается бороться со своими страстями, но все-таки пленяется, допустим, пристрастием к миру, воспоминаниями, привязанностью к вещам, не говорит ли это о том, что у него слабая вера?

Ответ. Ты сам дал ответ на свой вопрос. Конечно, если человек любит мир, это признак того, что в нем слабая вера. Если апостолу Петру запрещено было даже помыслить что-либо человеческое, проявить человеческую жалость, то понятно, что если мы не просто проявим такую жалость, а еще и согрешим, тогда Господь скажет нам: *Отойди от меня, сатана!* Таким образом мы удаляемся от Бога, теряем благодать, внимание, и, если не будем исправляться, это может закончиться печально.

Вопрос. А если человек услаждается греховными помыслами, это также говорит о его маловерии?

Ответ. Если мы любим Бога и правильно любим ближнего, который есть образ Божий, то ничего мирского мы любить уже не можем. Заповедь говорит: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим*, то есть в существе человека не остается места для любви к чему-то

иному. И по образу жизни подвижников благочестия мы видим, что они именно это и ощущали. Если человека привлекает что-то земное, значит, у него нет любви к Богу. А любовь к Богу, как мы говорили в беседе, – это соединение с Ним. Тот, кто соединился с Господом, действительно, как истинный Израиль, зрит Бога в себе и себя в Нем. И все, что отвлекает его от этой любви, кажется ему отвратительным. В миру ничего соблазнительного, то есть привлекательного, нет. Если что-то и кажется нам соблазнительным, то это от нашей немощи, от нашего лукавства. А на самом деле все, что принято считать соблазном, глубоко отвратительно и мерзко, и от него нужно бежать, а не стремиться к нему.

– Таким образом, батюшка, всякое падение человека даже не только на внешнем уровне, но и на мысленном – это проявление маловерия?

– Если понимать веру как благодатное действие, привлекающее человека к общению с Богом, то да. Ты отвлекаешься от созерцания Бога и предпочитаешь тленный предмет, – значит, ты проявляешь маловерие.

Вопрос. Вы сказали, что Ирод Великий имел веру. Можно ли допустить, что это была не вера, а суеверие? Ведь многие народы верили в явление умерших.

Ответ. Ирод Великий и Ирод Антипа верили так, как учила ветхозаветная Церковь. Скажем, саддукеи не верили в воскресение мертвых, а Ирод Антипа верил. Если говорить о суеверии как о предрассудке, то я не согласен: Ирод все же верил правильно. А если понимать суеверие как суетную веру, то есть веру, не приносящую никакой пользы, то можно сказать, что у него была суетная вера.

– Вы ставите нам в пример веру Ирода Антипы, но мне кажется, что мы сейчас верим гораздо сильнее, чем он. Наша вера имеет твердое основание: Христос уже пострадал за нас, мы находимся в Его Церкви, Он незримо поддерживает в нас веру...

– Вот представь: тебе сказали, что кто-то из твоих умерших знакомых воскрес. Что бы ты ответил? – «Да это же абсурд!» Ведь ты не веришь в воскресение так, как Ирод Антипа? Нет, не

веришь. И я тоже так не верю. Значит, у него была более сильная вера, чем у нас. Реальная вера. Он верил искренне, от всей души. Ему возражали, а он говорил: «Нет, это Иоанн Креститель». Вот о чем идет речь – об искренности веры. У нас такой веры нет, мы живем спокойно. Спаситель сказал: *Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5, 20). А наша праведность превосходит праведность книжников и фарисеев? Поэтому мы должны каяться, сердечно сокрушаться о своем печальном состоянии.

Можно было бы сказать и обо всем израильском народе, который имел искреннюю веру и в конечном счете не получил от нее пользы, отпал от Христа. Вот что должно нас ужасать! Правда, многие из фарисеев обратились в христианство: во время проповеди апостолов фарисеи оказались наиболее благоприятной средой для распространения веры во Христа, потому что верили в воскресение мертвых. Даже апостол Павел к ним взывал: *Я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят* (Деян. 23, 6). И это нашло у них отклик, они стали его защищать. Но все-таки большинство этой части израильского народа так и осталось при своем заблуждении.

Спаситель явился, если выражаться современным языком, среди православных. Вот мы – православные, мы гордимся тем, что исповедуем правую веру, а для того времени православными были иудеи, то есть они право славили Бога. Спаситель явился среди них, и эти православные Его не приняли. Как сказал пророк Исаия, устами они исповедовали Бога, *сердце же их далече отстояло* от Него (см. Ис. 29, 13). А каким глубоким у них было познание нравственного закона! Они знали, что самая главная заповедь – любить Бога и ближнего. У евангелиста Луки Спаситель спрашивает законника, который искушал Его вопросом о наибольшей заповеди: *В законе что написано? как читаешь?* (Лк. 10, 26). Тот, движимый тщеславием, был вынужден ответить, и ответил правильно. Это же поразительно!

В Талмуде есть такие изречения, в которых говорится о любви к ближнему, и есть мысли вполне созвучные с

христианским учением. И мы удивляемся: как же так, почему евреи до этого додумались? А почему нас не удивляет то, что об этом говорится в Евангелии? Да, евреи до этого додумались, но это не принесло им пользы. Так и нам может не принести пользы, если останется только в нашем уме.

Вопрос. Вы сказали, что вера появляется в душе от действия Божественной благодати. Но как же Ирод имел такую искреннюю веру, если на него не действовала благодать?

Ответ. Мы сегодня говорили о том, что истинная вера – это богообщение. У Ирода такой веры не было. Он верил искренне, но только, так сказать, в догматы. Искренне верить можно во что угодно. Современные люди верят в то, что человек произошел от обезьяны, – это считается нормальным. Верят, что вселенная безгранична, что животный мир развивался миллионы лет, хотя проверить это практически невозможно. Это все считается само собой разумеющимся.

В католических странах верят в то, что глава Церкви – папа Римский. Буддисты верят в то, что жизнь – это призрак, а наше сознание – это сочетание частиц. Для индуса перевоплощение – само собой разумеющаяся вещь. Я однажды смотрел телепередачу о путешествиях, и там один артист рассказывал о своей поездке в Индию. Однажды ему пришлось ехать по краю пропасти, водитель вел машину очень быстро. А внизу лежали разбитые автобусы, машины. Этот человек испугался, попросил сбавить скорость, а водитель ответил: «А чего бояться? Умрем, душа перевоплотится, ничего страшного».

Говорят, что у афганских военных есть пословица: «Аллах знает, когда послать пулю». В самый разгар перестрелки они ходят и не боятся, потому что «Аллах знает, когда послать пулю». Мусульмане верят в предопределение: не будет Аллаху угодно, значит, не умрешь, а если будет угодно, то ничего не сделаешь.

Начни с кем-нибудь спорить о теории эволюции – он будет возмущаться, говорить, что ты не признаешь науки, не веришь, что человек произошел от обезьяны. А откуда он сам это знает? Всего лишь прочитал в школьном учебнике. Но он привык так

думать, он верит в это. Сколько-то лет назад все верили в светлое будущее всего человечества, строили коммунизм...

Все эти люди верят в те или иные догматы, неправильно, но искренне. А Ирод верил и правильно, и искренне, но не имел общения с Богом, и вера его не была живой, спасительной.

Вопрос. Батюшка, вы однажды приводили слова кого-то из подвижников благочестия: «Хотел бы я иметь такую веру, как Фома в неверии». Как это понимать? Фома ведь действительно не верил в то, что Христос воскрес, а мы сейчас верим.

Ответ. Да у нас такая вера, что она нас никак не беспокоит! Судя по тому, как мы живем, мы никак не реагируем на то, что явился воскресший Христос. Мы не делаем выводов о том, что надо, скажем, до крови сражаться с грехом. Если бы нам сказали: «Вот, мы видели Иисуса», то мы ответили бы: «Ну и хорошо, ну и ладно». А для апостола Фомы это был вопрос жизненно важный, поэтому он говорил: «Пока не осяжу, не поверю». Его искренность, его переживание привели его к такой вере, что он сказал: *Господь мой и Бог мой!* И это его высказывание не допускает никакого двусмысленного понимания. Если слова «Сын Божий» можно было истолковывать по-разному, как это делали впоследствии еретики, то Фома сказал ясно и определенно: *Господь мой и Бог мой* (Ин. 20, 28). Перед ним стоял Человек, а он назвал Его Богом.

Вопрос. Человеческая душа по природе своей стремится к истине, к добродетели. Почему тогда человек часто верит откровенной и неприкрытой лжи, увлекается богопротивными учениями? Получается, демоны подсовывают человеку то, что им выгодно, а он думает, будто верит во что-то светлое?

Ответ. Конечно, демоны человека прельщают. Апостол Павел говорит, что в последние времена будут духи обольстители и учения бесовские. И мы это уже видим. Люди станут избирать учителей, которые будут льстить их слуху. Если говорить о вере буддистов, магометан или сектантов, то понятно, что их прельщают демоны. Бывает и так, что человек стремится к истине, уже приближается к ней – и тут появляются, например, баптисты, и увлекают его с того пути, который привел

бы его в Православную Церковь. Если сравнить Православную Церковь и другие вероисповедания, даже не брать во внимание различия в догматах, а посмотреть только лишь на мистическую сторону, то получится, что мы богообщение имеем, а они нет. Отец Андрей (Машков), например, говорил, что православные Бога знают, а католики в Бога только верят (конечно, верят умственно).

Вопрос. Во многих православных молитвословиях встречается прошение о том, чтобы Господь укрепил нашу веру. Я эти слова многократно слушаю и читаю, но все равно не чувствую явных изменений в душе, вера остается слабой, шаткой. Почему так?

Ответ. Любые слова можно говорить и искренне и формально. Даже слова апостола Петра можно произнести с настроением Иуды Искаротского, который предал Спасителя дружеским лобзанием. Все дело в искренности. Если правильные, нужные слова мы говорим формально, внешне, не переживая их, тогда это ничего не даст. А если мы понуждаем себя, хотя наше произволение и колеблется, то постепенно душа наша просвещается благодатью.

Вопрос. Почему для бесов богообщение является мучением? Ведь Бог Сам по Себе является благом.

Ответ. Бесы – злые существа, которые совершенно отпали от Бога и сознательно устремились против Него, сознательно Ему противятся. Божия благодать является для них мукой, потому что она их порабощает и действует против их злой воли, как бы принуждает их к поклонению Богу.

Почему для нас послушание – мучение? Потому что нам необходимо отказаться от своей воли, отречься от себя. Почему молиться – это мучение? Потому что нужно заставлять ум устремляться к Богу, вместо того чтобы наслаждаться пристрастием к греховным вещам, потому что нужно отказаться от всего греховного, к чему мы привязаны. Почему мы невнимательно молимся? Кто-то подумает: потому что мы рассеянны. Не будь у нас пристрастия к земному – ум мгновенно собирался бы, и даже не рассеивался.

Мы хотим богообщения, но порой не можем с собой справиться, наша воля колеблется. Демоны же не хотят этого никогда. Поэтому понятно, что для них общение с Богом – это мука.

– А для человека благодать в любом случае является благом?

– В человеке, как я уже сказал, происходит борьба. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что молитва – это добродетель, которая редко в ком достигает такой степени, что уже не требует понуждения. Если есть борьба, принуждение себя к чему-то, значит, есть и мучение. Так происходит даже у совершенных христиан. Почему святые отцы калялись? Потому что они видели отклонения своей воли от воли Божественной, и это вызывало в них душевное страдание. И чем больше они преуспевали, тем больше калялись.

Благодать не обязательно приносит только приятные чувства. Например, благодатные переживания старца Василиска Сибирского иногда сопровождались мучительными телесными ощущениями.

Вопрос. Некоторые святые отцы говорят о молитве как о предстоянии на судилище Христовом прежде Страшного суда. Это один из признаков совершенной молитвы?

Ответ. Если бы это была совершенная молитва, тогда не было бы страха и ощущения предстояния на Страшном суде. Тем не менее описанное ощущение – очень высокая степень молитвенного преуспевания. Человек, находясь в таком возвышенном состоянии, конечно, ощущает Бога, но еще переживает за то, что с ним будет после смерти и поэтому кается. А вот Антоний Великий говорил: «Я уже не боюсь Бога, потому что я люблю Его». Если человек достигнет такого состояния, тогда, конечно, страха у него не будет.

Если говорить про наш весьма скромный, я бы даже сказал убогий, духовный уровень, то дай нам Бог достигнуть этого возвышеннейшего состояния – приобрести настоящий страх Божий! Тогда мы действительно на молитве начнем чувствовать, что стоим пред Богом, судимся, и будем искренне каяться во всех своих прегрешениях.

Вопрос. Почему Тертуллиана почитают учителем Церкви? Ведь он под конец жизни уклонился в ересь.

Ответ. Дело в том, что и Тертуллиан, и Ориген, и любой другой человек могут высказывать правильные мысли. К авторитету Тертуллиана или Оригена прибегать нельзя, но что-то полезное из их сочинений извлекать можно. Только кто это будет делать? Для этого нужно быть не только мудрым, но и благодатным, уметь отличить пшеницу от плевел. Я не против того, чтобы цитировать высказывания этих мыслителей в научных трудах, но делать это нужно с большой осторожностью, щепетильно. Если мы свободно цитируем Василия Великого или Григория Богослова, авторитет которых для нас едва ли не приближается к авторитету Священного Писания, то в отношении Тертуллиана и Оригена подход должен быть иным: если их мысль достойна внимания, разумна, а главное, не противоречит учению Церкви, тогда мы можем на нее сослаться.

Вопрос. Батюшка, вы сегодня приводили слова Спасителя: *Мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас: отыдите от Мене, делающие беззаконие.* Правильно ли я понял, что этим людям только казалось, что они пророчествовали и изгоняли бесов, а на самом деле они были в состоянии прелести?

Ответ. Эти слова можно понимать по-разному. Можно понимать так: если бы человек имел даже высочайшие дарования, но при этом был беззаконником, то это не принесло бы ему никакой пользы. А можно видеть в этих словах тот смысл, о котором говоришь ты: люди прельщенные будут представлять, что они совершают чудеса именем Божиим (а в действительности силой сатанинской), и окажется, что на самом деле Господь этих людей никогда не знал.

Вопрос. В «Лествице» рассказывается о благодатном подвижнике Стефане, который даже кормил леопарда из рук. Однако перед смертью, за день до кончины, ему явились демоны и стали истязать его, напоминая ему о его грехах. Он

препирался с ними, говорил: «Нет, я не делал этого, вы лжете», но были моменты, когда он ничего не мог им ответить. Значит, он подвергся опасности погибнуть, несмотря на все свои духовные дарования. Кажется, этот случай подходит к упомянутым евангельским словам?

Ответ. Нет, не подходит. Демоны его истязали, но для него это было испытание. И это не значит, что он был безблагодатный подвижник и что не получил никакой пользы от того, что творил чудеса. Этот случай приведен в «Лествице» для того, чтобы показать, что умирать страшно, что даже благодатные люди умирают в страхе.

Вопрос. Как проявляется в человеке настоящая, истинная вера? Иногда ощущаешь присутствие Господа в молитве, но через какое-то время грешишь, в том числе и по отношению к ближнему. Не значит ли это, что истинной веры у меня нет?

Ответ. Нельзя рассуждать столь категорично. Вера может действовать могущественно, захватывать всего человека, а может действовать слабо. Думаю, что даже у тех, кого мы почитаем великими святыми, тоже бывали некоторые преткновения. Но в отличие от нас они осознавали отклонение своей воли от воли Божией даже в том, чего мы обычно не замечаем: в тончайших движениях души, в помыслах, и очень глубоко это переживали, искренне называя себя великими грешниками. Истинная вера – это живое богообщение. Именно такая вера спасает человека, а не та, при которой мы довольствуемся умственным исповеданием и в то же самое время свободно живем по своей воле. А если человек борется со страстями и пытается свою волю покорить воле Божией, хотя получается у него это не всегда и не сразу, так как в нем еще действует грех, то нельзя говорить о том, что этот человек не имеет истинной веры.

Вопрос. Вы сказали, что при общении с Богом человек не теряет своей индивидуальности. Может ли при молитве появляться страх как бы раствориться в Боге, потерять свое «я»? О таком чувстве говорит святитель Игнатий.

Ответ. Человек в живом богообщении не теряет индивидуальности. Однако, как говорит апостол Павел, он

может не помнить, в теле он или вне тела, то есть потерять ощущение реальности. Известно, что некоторые подвижники пребывали в созерцании даже по несколько суток. Когда человек находится в таком возвышенном состоянии, он боится как бы раствориться в Боге, но этого никогда не случится, это невозможно. От обилия Божественного света человек ужасается и одновременно наслаждается. С одной стороны, он как будто и хочет исчезнуть, а с другой – переживает невольный страх оттого, что он словно истает. Представьте, что сахар бросили в стакан с водой, где он все тает, тает и тает... Так и человеку кажется, что он как бы растаял и ничего своего не ощущает, только сознает себя. Видимо, об этом и говорит святитель Игнатий.

Для нас эта мера пока нереальная, но, возможно, кто-нибудь из нас и достигнет такого состояния. Нельзя сразу же на себе ставить крест и думать, что когда-то подобное было возможно, а в наше время такого быть не может. У того, кто так думает, точно ничего не получится. В то же время не нужно безумно стремиться к этому состоянию и, например, задаться целью трое суток пребывать в забытии. Необходимо делать реальный шаг вперед. Разумеется, нужна предусмотрительность, то есть мы должны видеть весь духовный путь, понимать, к чему мы стремимся, но прежде всего мы должны думать о следующем шаге. А что будет дальше, нам неизвестно. Может быть, Господь по какой-то причине не допустит нашего преуспевания. Однако мы должны делать все, что от нас зависит. И тогда, возможно, кто-нибудь и дойдет до такого высокого состояния – почему бы и нет? Нам ничто не мешает: *Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8). Препятствовать нам может только наше внутреннее состояние: грехолюбие, нерадение, лукавство и прочее. От любви Христовой нас ничто не может отлучить, если мы сами себя с нею не разлучим, не оставим эту любовь добровольно, не пренебрежем ею. Конечно, если мы будем отстаивать в монастыре свои интересы, искать себе «места под солнцем», то никакого духовного продвижения не будет.

Какие возвышенные слова содержатся в чине монашеского погребения – о богообщении, просвещении Божественным светом! Даже мне, священнику, страшно бывает их читать. А ведь они произносятся над каждым монахом, значит, мы все должны быть такими. Если человек сознательно не желает бороться со своими страстями (гневом, нерадением, чревоугодием и прочими), то он ничего не достигнет. Говорю послушнице: «Надо смиряться!» – а она мне отвечает: «Почему я должна смиряться, а другая не должна?» Конечно, с таким человеком говорить о Божественном свете как-то неуместно. Нужно помнить простую вещь: заповеди исполнять трудно, на это нужно время, терпение, но не исполняем мы их только по той простой причине, что не хотим их исполнять. Мы не ставим перед собой такой цели, потому и настроение у нас соответствующее. Мы, скорее, хотим иметь дар пророчества, чудотворения, но только не исполнять заповеди.

Вопрос. В жизнеописании одной подвижницы рассказывается о том, что она молилась с кровавыми слезами. Она наставляла, что так и нужно молиться. Возможно ли такое? Это вызвало у меня смущение.

Ответ. Настоящие покаянные молитвенные слезы даются с большим трудом. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что людям, которые склонны к сентиментальности, чувствительности, покаянные слезы даются труднее, чем людям от природы спокойным, и даже черствым. Слезы покаяния противоположны слезам от чувствительности, – а женщинам она свойственна в большей степени, чем мужчинам.

Покаянные духовные слезы требуют телесной крепости. Если немощный человек долго плачет, он теряет силы. А для того чтобы понуждать себя к покаянию, да еще к тому, чтобы плакать кровавыми слезами, тем паче нужна телесная крепость.

В Ветхом Завете сказано: *В поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. 3, 19). В Новом Завете подвигом молитвы в Гефсиманском саду Спаситель научил нас, что потом молитвы нужно приобретать себе хлеб духовный. Но у каждого своя мера, и все необходимо делать под руководством наставника. Нужно быть очень мужественным, чтобы молиться и плакать

кровавыми слезами. Я читал про одного подвижника, который совершал подвиг странничества, всегда нося вериги и железную шапку. Этим он повредил глазные оболочки и ослеп, но у него открылось духовное зрение: он стал прозорливым. Может показаться, что это неразумный подвиг, похожий на членовредительство, тем не менее, судя по тому, что он получил духовное дарование, мы видим, что Богу это было угодно. Но чтобы дойти до высочайшего духовного состояния, при котором такие подвиги являются оправданными, монаху понадобится немало времени.

Вопрос. Почему заповедь о любви к ближнему считается новозаветной, ведь она была дана иудеям еще до пришествия в мир Христа?

Ответ. Нужно учитывать, что ветхий закон не имел полноты истины. Господь сказал: *Не думайте, что Я пришел нарушить закон, но исполнить* (см. Мф. 5, 17), то есть восполнить. Только тогда заповедь о любви к ближнему и была дана во всей полноте. Более того, Спаситель сказал: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, якоже возлюбих вы* (Ин, 13, 34). Мы должны любить ближнего даже больше, чем самих себя, потому что Господь жизнь Свою принес в жертву и ближнего любил больше, чем Себя.

Вопрос. Почему книжники не пошли поклониться рожденному Спасителю, хотя знали пророчества? Не захотели или не придали рождению Христа значения?

Ответ. Трудно отвечать на подобные вопросы. А почему Ирод поступил так жестоко? Почему Иуда Искаротский предал Христа? Почему Понтий Пилат проявил малодушие? Иногда Спаситель дает нам ответы, например говорит про начальников фарисейских: *Они более возлюбили славу человеческую, нежели славу Божию* (см. Ин. 12, 43).

Почему смутился Иерусалим? Люди понимали, что их спокойная, «столичная» жизнь должна будет прерваться. Они знали, что живут не так, как должно, и смутились. Думаю, поэтому и книжники проявляли безразличие и даже враждебность. Евангелист Марк так описывает поведение людей в то время, когда Спаситель был распят: *И мимоходящи*

хуляху Его, покиваяще главами своими и глаголюще: уа, разоряяй церковь и трети денми созидаая, спасися Сам и сниди со креста. Такожде и архиерее ругающесе, друг ко другу с книжники глаголаху: ины спасе, Себе ли не может спасти, Христос, Царь Израилев, да снидет ныне со креста, да видим и веру имем Ему (Мк. 15, 29–32). Мы видим, что и книжники участвовали в этом осмеянии. И когда был суд над Спасителем, и когда Его предавали Пилату, книжники (иудейская интеллигенция того времени) тоже участвовали в этом. Трудно сказать, почему они не захотели поклониться Христу. В рамках нашей беседы можно дать такой ответ: в них не было истинной веры, а была только вера умственная.

Вопрос. Как нужно правильно понимать слова апостола Павла: *Уже не я живу, но живет во мне Христос*? Можно ли это отнести к истинной вере, к богообщению?

Ответ. Если толковать слова Священного Писания в духе аскетических творений святых отцов, то именно так и нужно понимать. Святые отцы, ученики апостолов, жившие спустя столетия, испытывали это благодатное состояние, чувствовали, что в них жил и действовал Христос. Он их утешал, укреплял и заставлял совершать дела по человеческим меркам, может быть, даже опасные для жизни. Однако они не могли поступать иначе, ибо жили уже не для себя. Тем паче такую благодать должен был иметь апостол Павел. Христос пребывал в нем всегда, а значит, общался с ним и вдохновлял на апостольские подвиги.

Вопрос. Смерть – это ангел или особое существо? Ведь ангел, если он служит Господу, является ангелом света, а смерть часто изображается в виде скелета с косой.

Ответ. Скелет с косой – это только символ смерти, который означает, что мы подобны траве и смерть косит нас. В псалмах сказано: *Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако отцветет* (Пс. 102, 15). Нельзя думать, что смерть – это особое существо. Не думаю, чтобы ангел Божий являлся в виде скелета с косой, явиться в таком образе может, скорее, демон.

Один монах пожелал увидеть смерть праведника и смерть грешника; ему было сказано, чтобы он шел в некоторый город, где умирал известный затворник. Когда настал час его смерти, монах услышал голос: «Ни одного дня он в себе Господа не упокоил» – и увидел, как диавол вонзил умирающему в сердце трезубец и мучил его несколько часов. Так в страданиях и умер этот затворник. После этого брат случайно увидел больного нищего, оставшегося без присмотра, пожалел его и решил за ним ухаживать. У монаха открылись душевные очи, и он увидел, что в час смерти нищего явились архангелы Гавриил и Михаил, желая забрать его душу. Они стали звать душу умирающего, но она не хотела оставить тело. Один из ангелов говорит: «Давай заберем ее», другой отвечает: «Нет, мы не можем забрать душу насильно, потому что нам велено сделать это только с его согласия». Тогда они призвали пророка Давида, который стал петь псалмы, и это так усладительно подействовало на нищего, что он с радостью предал свою душу в руки ангелов и они вознесли ее на небо. Это был неведомый праведник. А затворник, хотя и был славен, оказался недостойным того уважения, которым пользовался среди горожан. Мы видим, что у грешника диавол исторг душу, а к праведнику пришли ангелы. И никакой смерти с косой тут не было.

Вопрос. Апостол Павел сказал: *Никтоже может реши Господа Иисуса, точию Духом Святым (1Кор. 12, 3).* Если вера возникает в человеке от действия Божественной благодати, значит, и усиление веры зависит от стяжания благодати, от подвига. Каким образом проявляется свободное произволение человека, если сама вера подается Господом?

Ответ. Человек делает что-нибудь для Бога непременно с понуждением себя. Под действиями нужно понимать не только внешние поступки, но и понуждение себя к определенному внутреннему состоянию. Человек – существо телесное и духовное, поэтому поступки могут быть как внешними, так и внутренними. Например, читая книгу, мы не просто перелистываем страницы, но изменяем свое умственное состояние, которое в свою очередь влияет на душевное. Так и свою душу мы можем расположить к принятию истины или

отвратить от нее; жить по совести, прислушиваться к ее упрекам и становиться восприимчивыми к Божественному откровению или попираť свою совесть и таким образом удаляться от Бога.

Как люди приходят к вере? Благодаря определенному душевному расположению. Благодать действует на всех, Господь *просвещает всякого человека, грядущаго в мир* (Ин. 1, 9). От природы всем нам дано врожденное стремление к Богу и к богопознанию, но несмотря на это, как говорит евангелист Иоанн, *мир Его не позна* (Ин. 1, 10). Лишь немногие принимают богооткровенное учение Спасителя. В конечном счете все зависит от нашего произволения, и не умственного только, но и проявляющегося на деле.

Вопрос. Можно ли считать, что памяти смертной нет от слабости веры? Знаю, что если понуждать себя к внимательной молитве, то будет и вера, и память вечности, и прочие добродетели. А чем еще укрепляется вера?

Ответ. Память смертная – это память, прежде всего, о будущей вечной жизни. Если у человека нет веры, то как он может помнить о смерти? Напротив, он будет бояться умереть, будет дорожить своей жизнью, лечиться и так далее. Под памятью смертной понимается определенная добродетель, а не просто памятование о смерти в буквальном смысле.

Вера усиливается прежде всего благодаря молитве, кроме того, большое значение имеет чтение Священного Писания, святоотеческих книг, житий святых или книг, излагающих их духовный опыт. Иногда веру укрепляет чтение апологетических книг. Причем я имею в виду не только писания святых отцов-апологетов, но и научные труды, в которых подтверждаются истины Откровения. Например, исследования Туринской плащаницы или данные библейской археологии и историографии. Есть много средств, но главным, повторяюсь, является молитва.

Благодаря какой проповеди веровали ближайšie ученики апостолов и их современники? Четвероевангелие – это и есть проповедь апостолов. Именно так они и проповедовали. Апостол Матфей записал то, что говорил иудеям. Апостол Марк

записал то, что проповедовал апостол Петр; апостол Лука – то, чему учил апостол Павел. Иоанн Богослов написал свое Евангелие позднее всех, восполняя то, что было недосказано другими евангелистами. Он подробно описал некоторые чудеса, совершенные Спасителем, Его поступки. А в особенности ясно и отчетливо он изложил учение о Божественной природе Господа Иисуса Христа. Читая Евангелие, мы, можно сказать, слышим проповедь апостолов, от которой, разумеется, вера укрепляется. Ведь после такой проповеди люди и обращались к вере.

Когда вера становится более твердой, то соответственно усиливается и ощущение вечности. Вечность предстает перед нами как близкая, неизбежная реальность, и в человеке усиливается страх того, что мы можем перейти туда неготовыми, не успевшими покаяться.

Вопрос. В книге Иосифа Афонского я прочитала о том, какая великая польза бывает от бдения, ночной уединенной молитвы. При этом он пишет и о трудности этого подвига для тела. В борьбе с невидимым врагом он падал на землю от переутомления и изнеможения, от боли во всем теле становился подобным трупу. Иосиф Афонский пишет, что если человек встает ночью для молитвы, то его любит Бог. От подобного чтения желаешь стать хотя бы отчасти подражателем ему. Сокращаю сон всего лишь на один час, сплю пять часов в сутки, но на третий день сдаюсь (болит голова, в конце дня ни читать, ни думать не способна). Однако совесть напоминает мне о том, что афонскому подвижнику тоже было мучительно тяжело. Однажды он упал на землю оттого, что долго не спал, и до крови расшиб голову о камень. Постом, бдением и другими подвигами он причинял явный вред своему здоровью, но не обращал на это внимания и достиг совершенства. Иосиф Афонский пишет о себе, что вся его жизнь – сплошное мученичество. В какой мере необходимо подражать деланию святых отцов?

Ответ. Вы все читали святителя Игнатия (Брянчанинова), который пишет о соотношении телесных и духовных добродетелей, о том, что они должны быть соразмерны.

Человек может восходить к более строгим телесным подвигам в том случае, если он преуспел в духовных добродетелях. Сказано очень точно и мудро. Это совет на все времена, он универсален.

В книге архиепископа Антония (Голынского-Михайловского) «Путь умного делания» я недавно прочитал о том, что новоначальный может спать семь часов в сутки. Об этом, между прочим, говорит и преподобный Паисий Величковский, который был строгим подвижником. Почему? Архиепископ Антоний объясняет это тем, что для занятия умным деланием нужна бодрость ума. Когда же начнет действовать благодатная, сердечная молитва, человек будет спать столько, сколько позволит ему сама молитва. Иногда благодать действует так сильно, что человек не может уснуть, даже если и хочет. Разумный человек не будет искоренять из своего сердца молитву. Для того чтобы совершать телесные подвиги, нужно до них духовно дорасти. А мы сразу стремимся к телесным подвигам, а самыми главными духовными добродетелями пренебрегаем.

Вопрос. Чем отличается мужество обычных людей от мужества, которое проявляли христианские мученики?

Ответ. Потенциал человеческой личности огромен. Действительно, иногда и неверующие люди ведут себя необыкновенно мужественно. Но удивительно не то, что мужественный человек в определенной ситуации ведет себя достойно, а то, что некоторые малодушные и немощные люди проявляют несвойственное им по природе мужество, например мученицы Вера, Надежда и Любовь. Свойственно ли девочкам их возраста проявлять столь необыкновенное терпение? Младшей из них, Любви, было всего девять лет.

Святитель Игнатий рассказывает о мученице Филицитате, которая была беременна, когда ее арестовали, и родила в тюрьме. Удивительно уже то, что, находясь в таком положении, она не боялась исповедовать христианство. Роды были мучительными, она очень страдала, кричала. «Как же ты будешь терпеть мучения, когда ты и этого не можешь вынести?» – говорили ей темничные стражи. «Сейчас страдаю я, а завтра за

меня будет страдать Христос», – отвечала Филицитата. И действительно, все последующие страдания она достойно перенесла и мужественно исповедовала Христа.

Нет ничего удивительного в том, что смелый человек ведет себя мужественно. Но мужество мужеству рознь. Вспомним поведение апостола Петра в Гефсиманском саду. Когда пришли арестовывать Спасителя, Петр выхватил нож, бросился на стражников, на толпу вооруженного народа и, как вы помните, одному из рабов отсек ухо. А ведь у учеников Христа, которые никогда не носили с собой оружия, в этот раз, по словам евангелиста Луки, было только два ножа, которые они использовали для приготовления пасхального агнца. Нужно быть по-человечески мужественным, чтобы одному броситься против всех. Когда же потребовалось мужество христианское, духовное, апостол Петр проявил малодушие и трижды отрекся от Спасителя.

Агриппина, мать римского императора Нерона, жестокого и бесчеловечного не только по отношению к христианам, но и вообще ко всем людям, также проявила мужество. Нерон подозревал мать в том, что она составляет против него заговор, и, опасаясь государственного переворота, послал к ней убийц. Увидев солдат, Агриппина поняла, что они посланы сыном, и, раскаиваясь в том, что родила такое чудовище, сказала им, указывая на свое чрево: «Разите сюда», то есть разите чрево, родившее такого изверга.

Юлий Цезарь был убит заговорщиками-республиканцами из числа своих же сторонников. Они коварно напали с кинжалами на безоружного Цезаря во время заседания сената. Увидев среди заговорщиков Брута, которого он считал своим другом, Цезарь произнес известные слова: «И ты, Брут!» Поняв, что сопротивление бесполезно, он закрыл лицо тогой и дал себя убить. Разве это не мужество? Но что общего оно имеет с христианским мученичеством, с тем терпением, которое проявляли мученики во время страданий? Ничего. По большей части этим людям и не приходилось терпеть тех мучений, которые выпадали на долю христиан. Когда человек имеет твердые убеждения, одержим какой-либо идеей, то это помогает

ему переносить страдания. Так, из любви к Родине человек может пожертвовать своей жизнью. Но христианство – это совсем другое. Претерпевая мучения, не имеющий истинной веры человек проявляет свои страсти, а мученики Христовы исполнялись Божественной благодати, нередко становясь проповедниками истины, проявляли бесстрашие, кротость; часто люди по природе немощные оказывались очень мужественными, великодушными, терпеливыми.

Вопрос. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) пишет о том, что человек имеет веру, если способы достижения поставленной им цели согласуются с евангельскими заповедями. Если же цель достижима лишь неправедными путями, то человек отказывается от веры. Может быть, такое мнение подходит к ответу на вопрос, почему книжники не поверили Христу?

Ответ. Я не вижу здесь аналогии. У книжников была цель сохранить власть и влияние. В Евангелии мы хотим найти какое-то утонченное объяснение поступкам этих предателей и богоубийц, а обычных человеческих мотивов не замечаем. Евангелист ясно говорит о том, что Понтий Пилат хотел отпустить Иисуса, поскольку *знал, что предали Его из зависти* (Мф. 27, 18). Людьюми руководило сребролюбие, зависть, тщеславие, жажда человеческой славы. Все это кажется ничтожным, если смотреть со стороны. Но если мы обратим взгляд на самих себя, то увидим, что даже в монастыре нами руководят эти страсти. Мы забываем о том, ради чего отреклись от мира. Мы, например, желаем, чтобы к нам хорошо относились, то есть ищем человеческой славы. Пусть в нас нет сребролюбия, но есть чревоугодие, есть зависть и так далее. Читая Евангелие, мы недоумеваем: неужели люди могли совершить такое страшное преступление, руководствуясь, как нам кажется, столь слабыми, ничтожными мотивами? Но ведь мы сами почему-то не отрекаемся от этих страстей. Значит, эти «ничтожные» мотивы могущественно действуют и в каждом из нас. Нужно смотреть на Евангелие как на жизнь, а не так, как мы смотрим на художественное произведение. Ошибки автора здесь быть не может. Все изображено точно так, как было в действительности.

Мы не имеем права сомневаться в той мотивировке, которую предлагает Евангелие, напротив, должны вдуматься в происшедшее и тогда увидим настоящее положение вещей: современное общество, как правило, руководствуется теми же побуждениями. Нередко мотивом поступка того или иного политика является не стремление принести пользу народу, а желание сохранить свой руководящий пост. Ради этого он готов сделать все что угодно, даже во вред своим избирателям. Человек не задумывается о том, что будут страдать люди, может быть тысячи, сотни тысяч людей. Он думает только о своей выгоде. Всё это мы наблюдаем и в нашем обществе. Почему мы не хотим то же самое увидеть в Евангелии?

Вопрос. Когда думаешь, что нужно будет внимательно молиться всю службу, то руки опускаются и трудно себя понуждать. Может быть, есть какие-то вспомогательные приемы для того, чтобы внимательно молиться?

Ответ. Не нужно думать о том, что служба будет длинная и тебе предстоит долго молиться. Эти мысли нужно гнать, как искусительные, ведь по сути это уныние, лень, нерадение. Наоборот, надо радоваться тому, что ты находишься на богослужении, что у тебя есть возможность подольше помолиться и что тебя никто не будет отвлекать.

Существует немало вспомогательных приемов для того, чтобы внимательно молиться. Во-первых, нам помогают четки. Перебирая их, мы постоянно напоминаем себе о молитве. Во-вторых, важно напрягать ум так, чтобы и молиться внутренней молитвой, и в то же время слушать службу. Ведь само богослужение при внятном чтении и благоговейном пении вызывает желание молиться. В-третьих, есть совсем простые приемы – не смотреть по сторонам, закрыть глаза, а если чувствуешь дремоту, смотреть на иконы, лампы, свечи. Словом, необходимо ограничить внешние впечатления, быть собранным. Внутреннее убранство храма также располагает к молитве. У нас, конечно, скромная домашняя церковь, росписей нет, только иконостас и иконы в киотах, но ее внутреннее убранство все же отличается от обстановки в келии или на послушании. Вообще, в монастыре мы всюду видим иконы,

слышим молитвы, здесь все должно располагать к молитве больше, чем в миру.

Вопрос. Архиепископ Антоний (Голынский й-Михайловский) однозначно говорит о постриге: если человек приобрел умную молитву, то его можно постригать в мантию, а если умно-сердечную – в схиму. Что вы об этом думаете?

Ответ. Существуют разные подходы. Архиепископ Антоний придерживался такой тактики и шел своим путем. Между прочим, он считал, что нужно вычитывать богослужебный суточный круг, а Василий Поляномерульский полагал, что если человек преуспевает в молитве, то ему можно оставить келейное чтение псалмов и канонов.

Вопрос. Сознывая свою никчемность и непотребность, я надеюсь только на то, что Господь будет судить меня в том, в чем застанет. Поэтому стараюсь постоянно произносить молитву с покаянием, чтобы в случае внезапной смерти Господь застал меня в покаянии. Молитва удерживает от уныния. Но нет ли здесь лукавства?

Ответ. Это неплохо, но если тебя застанут в нерадении, рассеянности, в том, что ты ничего не достиг? Рассуждая таким образом, можно прикрывать свою лень, закапывать данный Богом талант в землю и говорить: *Господи, я знал, что Ты жестокий господин, собираешь, где не расточил*, и потому возьми Свой талант (см. Мф. 25, 24–25). Нас должны застать действительно в духовном труде. Однако трудиться нужно ради результата. У Крылова есть басня «Обезьяна». Однажды мартышка увидела, как трудится один крестьянин. У него все получалось очень ладно, все его хвалили: вот, мол, какой трудолюбивый! Мартышка позавидовала и решила тоже начать трудиться. Схватила какую-то колоду, давай ее туда-сюда таскать, переворачивать, валять. Вся вспотела, а ее никто не хвалит. Она удивляется: «Что ж такое, почему этого мужика хвалят, а меня нет?» Мораль этой басни такова: хвалят не тогда, когда ты только трудишься, а тогда, когда есть результат, польза.

Мы все никчемные, что тут удивительного? Настоящее смирение, осознание своего ничтожества бывает именно от

молитвы. А если человек до такой степени «осознаёт» свою ничтожность, что даже молиться не желает, то это неправильно. Мы должны каяться, а не просто произносить: «Господи, помилуй» – и этим ограничивать свое покаяние. Покаяние заключается в изменении, перерождении. Вспомним слова Иоанна Крестителя: *Порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойные плоды покаяния* (Лк. 3, 7–8). Мы каемся, а плодов нет; трудимся, как эта мартышка из басни, и хотим, чтобы нас хвалили.

Вопрос. Есть мнение о трех способах призвания к вере. Первое призвание от Бога, второе – через человека, а третье – от нужды. Конечно, результат от способа призвания не зависит, но все же первый способ дает больше шансов на спасение, поскольку вера, полученная от Божественного призвания, такова, что человек, получивший ее, уже не имеет сомнений: столь велико извещение об истине. Но ведь в отношении спасения не может быть допущена какая-то несправедливость? Объясните, пожалуйста.

Ответ. Я думаю, что вера, полученная от Божественного призвания, по своему действию больше, но главное все же – результат. Многие люди получили воспитание в благочестивых семьях. Такие святые Русской Православной Церкви, как преподобный Сергей Радонежский, преподобный Серафим Саровский, не были призваны к вере через откровение, но это не значит, что их вера была меньше, чем, например, у оптинского подвижника Николая Турки. Он отрекся от магометанской веры, претерпел за это мучения, едва не был убит, но бежал в Россию и в конце концов оказался в Оптиной пустыни.

Людей достойных, имеющих подобающее душевное расположение, Господь призывает Сам, но не потому, что такое призвание выше, а потому, что нет другой возможности для их обращения. Например, рядом с человеком нет людей, через которых можно было бы совершить призвание, либо ясно, что тот, кого Господь призывает, по какой-то причине не откликнется на человеческое усилие. Поэтому между разными способами призвания к вере по сути нет никакого различия.

Жертва богоугодная¹³¹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогой брат! Ты принял начаток ангельского образа и вступил в монашескую среду. Где бы ты ни подвизался: пребудешь ли в этой обители до конца своих дней, или, может быть, Промысл Божий как-то иначе устроит твою судьбу, – ты уже не можешь выйти из этого избранного стада Христова.

Господь всех призывает к покаянию и ревностной жизни. Многие должны были бы войти в Царствие Небесное, однако, как сказано в Евангелии, *много званых, но мало избранных* (Лк. 14, 24). Когда звание, как будто бы достойные люди, не откликаются на зов Божий, тогда Господь посылает Свою благодать и каким-либо образом призывает людей, которые подобны изображенным в евангельской притче слепым, хромым, нищим и увечным, – тем, кто не имеет крова или просит милостыню на перекрестках дорог и у изгородей. Господь призвал нас, убогих и негодных, только за один наш добрый ответ, за одно наше согласие прийти на этот Божественный зов. И мы, будучи недостойными, причисляемся к ликам избранных. Прекрасно и спасительно, если далее мы будем жить в покаянии, но если успокоимся, станем нерадивы, тогда уподобимся тому рабу, который осмелился прийти на брачный пир не в праздничной и не в брачной одежде. Тем самым он оскорбил Господа и был отринут, изгнан во тьму кромешную. Поэтому не нужно думать, что если мы вошли в это избранное стадо, то все уже сделали. Нет, мы положили только начало.

Ты принял имя в честь древнейшего из святых – праведного Авеля, который стал первым человеком, вкусившим смерть, потому что был кроток и незлобив и вызывал зависть у брата своего. Тем самым смерть Авеля прообразовала крестную смерть Господа Иисуса Христа. Почему этот праведник вызывал такую ненависть? Какое зло и кому он причинил? Мы не находим, чтобы об этом что-то говорилось в Священном

Писании. Но жертва Авеля, угодная Богу, вызвала зависть у его страстного брата, Каина, имя которого с тех пор стало символом жестокости, зависти и необузданного гнева. И ты, вступив на иноческий путь, должен понимать, что жертва, которую мы приносим Богу, как и вся наша жизнь, и в особенности душевные силы, собираемые воедино нашим усилием при помощи благодати Божией и возносимые Богу в молитве Иисусовой, также могут, когда они богоугодны, вызвать зависть у демонов, а иногда и у людей, наущаемых демонами. Мы должны быть готовы к этой брани: способны отразить ненависть дьявола, возбуждаемую именно тем, что мы не делаем никакого зла, что мы, подобно Авелю, хотим служить исключительно единому Господу. Как он принес Господу в жертву первородных из своего стада, так и мы от всех наших чувств и мыслей приносим Ему первородное – благоуханную жертву непрестанной молитвы Иисусовой. Подражая таким образом своему святому, подражай и той нравственной высоте, безупречности, которые он приобрел вместе с богоугодной жертвой, богоугодной молитвой, потому что жертва должна быть молитвенной, в какую бы форму она ни облекалась: будь то приношение животных, как это было в древности, или умная жертва, которую мы приносим Богу сейчас. Подражай праведному Авелю и в безупречной кротости и незлобии. Он даже перед лицом смерти не захотел ослушаться своей совести, того голоса Божия, который действовал в его душе. Трудно себе представить, чтобы Авель, когда Каин поднял на него руку, не имел никакой возможности защитить себя. Он предпочел умереть, но не причинить зла своему брату. И в этом он стал для нас всех неподражаемым, возвышенным образцом кротости и незлобия. Желаю тебе приобрести по молитвам этого великого праведника, твоего заступника, чье имя ты отныне носишь, эти две величайшие, нужнейшие добродетели – молитву и безраздельную преданность воле Божией. Аминь.

Сегодня мы поговорим о том, что волнует всех христиан, а в особенности тех, кто отрекается от мира, – о значении слова «мир». Об этом рассуждают многие святые отцы: Исаак Сирийский, авва Дорофей и другие. Моя беседа будет по сути пересказом учения святых отцов или, по крайней мере, будет вестись в святоотеческом духе.

Что означает слово «мир»? В русском языке оно имеет разные значения: мир как благодатный покой, душевная тишина и мир, в котором мы живем. О втором значении слова мы и будем сегодня говорить.

Когда человек созерцает какое-либо явление, размышляет о нем, то в зависимости от своего душевного состояния он видит ту или иную сторону этого явления, можно сказать, познаёт какую-то его часть. Иногда человек до такой степени доверяет своему восприятию, что ему представляется, будто он познал вещь такой, какая она есть. Однако он забывает, что определенная внутренняя предрасположенность делает его не способным увидеть то, что для другого очевидно. Бывает, что люди, глядя на одну и ту же вещь, говорят о разных сторонах ее существования. Когда мы размышляем о мире, происходит нечто подобное.

В Священном Писании слово «мир» также употребляется в разных значениях. В Ветхом Завете говорится о мире как бытии, как творении Божиим. Самым впечатляющим повествованием об этом для нас являются первые главы книги Бытия, где описывается сотворение мира. Моисей созерцал тот же мир, который видим каждый день и мы. Даже если кто-то живет в закрытом пространстве, затворе, то и тогда этот человек не может совсем не видеть мира: ведь даже он сам есть творение, часть мира. Однако подавляющее большинство людей, глядя на мир, совершенно не задумывается при этом о его сотворении, бытии. Конечно, вы можете сказать, что Моисей – это человек, которому было откровение, и потому его нельзя сравнивать с обыкновенными людьми. Но это не совсем так: к

тому состоянию, в котором он был способен получить откровение, он пришел не сразу, а постепенно. Судя по тому, как люди духовные обычно размышляют о видимом мире, называемом природой, мы можем предположить, что Моисей испытывал то же, что и всякий христианин, правильно относящийся к этой природе, пусть и в разной степени. Вспомним житие великомученицы Варвары: рассматривая природу, она пришла к мысли о том, что у видимого мира должен быть единый Творец. Есть предание о том, что святой праведный Авраам, созерцая природу, размышлял, как и многие язычники, не могут ли солнце, луна, звезды и так далее быть богом, пока наконец не сделал такой вывод: Бог не есть нечто из видимой природы, Он выше ее и вне ее. Мы видим, что опыт людей, приходящих через размышление о природе к познанию Бога, и опыт Моисея тождественны, хотя, конечно, Моисей испытал нечто гораздо более значительное, чем обыкновенный человек. Апостол Павел говорит, что язычники должны были бы через рассматривание природы прийти к познанию невидимого Бога, но осуетились и вообразили Бога подобным твари. Мы знаем, что язычники изображали своих богов не только в образе человека, но и в виде животных, то есть обожествляли природу, не понимая, что природа есть лишь Божие творение, а не Сам Бог.

Мы имеем правильный взгляд на мир, если, глядя на него, мы познаем Творца. Многие апологеты, доказывая истинность христианского вероучения о Боге-Творце, апеллировали к видимой природе. Ее совершенство они считали наиболее весомым доказательством существования Бога, доказательством, которым человек не может пренебречь. Некоторые из нас тоже, наверное, размышляли о порядке, красоте и гармонии в природе, о ее необыкновенном многообразии, и это заставляло нас задумываться о чем-то сверхъестественном, вечном. Действительно, как произведение художника показывает его мастерство, так и природа несет на себе, и даже в гораздо большей степени, след Творца и отображает всесовершенство Божие. Но в то же самое время многие люди видят во всем окружающем, во всех этих,

можно сказать, естественных чудесах лишь предмет наслаждения. К миру они относятся утилитарно: любят его красотами, услаждаются теми или иными чувствами, например таким возвышенным чувством, как эстетическое переживание. Иногда потакают своим самым низменным инстинктам. При этом они не задаются вопросом, для чего этот мир существует, какое место в нем занимает человек (тогда как человек является самым сложным и возвышенным существом, составляющим часть этого мира), – таких людей чрезвычайно много, гораздо больше, чем верующих. Да и многие верующие люди, к сожалению, забывают о том, что все окружающее нас и мы сами есть творение Божие, и видят в природе лишь нечто полезное и приятное. Это очень распространенный взгляд на мир.

Есть и другой подход, который ценится в особенности в наше время, – научный, претендующий на то, чтобы дать человеку истинное знание о мире. Люди видят в явлениях природы какую-то загадку и, исследуя эти явления, пытаются, как им кажется, раскрыть тайну природы. Но это не более чем самообман, потому что в своих размышлениях они не восходят от видимого к невидимому, а, наоборот, от невидимого всё более и более погружаются в материальное. Таким образом, вместо ответа на вопрос: «Откуда все это произошло и какой в этом смысл?» – они отвечают только на вопрос: «Как это существует?». Подобные исследования создают иллюзию всеобъемлющего, объективного знания, но по сути человек ничего не узнаёт, даже если какое-то явление природы объясняется формально правильно. Многие люди, иногда даже верующие, относятся к мнению ученых с необыкновенным уважением, считая данные наукой объяснения окончательными, неоспоримыми и непререкаемыми. Между тем человек – существо ограниченное, и выводы, которые он делает, могут быть ошибочными. Иногда люди ошибаются в духовном отношении, принимая ложные духовные явления за истинные. Впадая в прелесть, они иногда заблуждаются до такой степени, что становятся основателями сект или религиозных движений. Так и при исследовании видимого мира может возникнуть

множество ошибок, и то, что сегодня кажется нам совершенно очевидным, следующему поколению ученых будет казаться смешным, как это не раз бывало в истории человечества. Итак, мы назвали три подхода к познанию мира: духовный, утилитарный и научный. Мы все говорим об одном и том же мире, видим одну и ту же вещь, но по-разному к ней относимся и по-разному истолковываем.

Под словом «мир» можно понимать не только все существующее в целом: людей, животных, растения и так называемую неодушевленную природу, но и отдельно совокупность людей, движимых какими-то настроениями, чувствами и убеждениями. Эту совокупность людей тоже называют миром. Когда в Священном Писании говорится о том, что Господь пришел спасти мир, то имеется в виду прежде всего человечество. Животные и растения хоть и прекрасны, однако не имеют в себе индивидуальности. В свое время они, как сказано в Писании, сгорят: *Земля и все дела на ней сгорят* (2Пет. 3, 10), и Господь *сотворит новое небо и новую землю* (см. Ис. 65, 17). Каждый человек – неповторимое существо, и заново сотворить его невозможно, он является, так сказать, оригинальным образом Божиим, или, выражаясь более понятным языком, изображением Божества. И Господь пришел спасти именно этих неповторимых существ. Это еще одно значение слова «мир». Все люди, независимо от их отношения к миру (ко всему сотворенному): и верующие, которые рассматривают мир как творение Божие, и те, кто видят в нем предмет наслаждения, и ученые, усматривающие в нем средство получения единственно надежного знания, – в совокупности и составляют мир как человечество. Мы также являемся частицами этого мира. Надеюсь, все мы относимся к тем, кто познаёт и ощущает мир духовно, то есть через видимое восходит к мысли о невидимом.

Кроме того, Священное Писание понимает под «миром» тех людей, которые противятся Богу, пришедшему их спасти, людей, враждебных Богу и проповедникам истины: апостолам, святым отцам, вообще Церкви Христовой. Итак, мы видим, во-первых, самое различное отношение людей к миру, во-вторых,

целую совокупность разных представлений о том, что такое мир. Господь пришел спасти мир, *и мир Его не познал* (Ин. 1, 10). Люди, которые не познали Господа, настолько по количеству превосходят тех, которые Его познали, что мы отождествляем их с миром, потому что их подавляющее большинство.

Мы должны задуматься, правильно ли мы относимся к миру? Что значит любить мир? Как можно его любить и как нельзя? В Писании говорится, что Бог *так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (см. Ин. 3, 16). В то же время апостол Иоанн говорит: *Не любите мира, ни того, что в мире... Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская... И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек* (1Ин. 2, 15–17). Можно сказать, что речь идет об одном и том же мире, ведь в конечном счете человек входит в единство природы. С духовной стороны человек выше мира, но телом он однороден ему. Что же мы должны в этом мире любить, а что ненавидеть? Этому нас учит Священное Писание. Если бы мы любили мир так, как Бог или апостолы, стяжавшие любовь Христову, то желали бы миру спасения. Мир подчинился суете не добровольно. Господь сделал ни в чем не повинный совершенный мир подчиненным человеку, чтобы человек не чувствовал себя слишком ущемленным и мог действовать согласно законам своего падшего естества, а не уподобился нищему во дворце или беззащитному человеку посреди царского войска.

Известно, что некоторые святые отцы относились к природе с глубоким благоговением и, созерцая ее, занимались богомыслием. В этом смысле можно сказать, что они ее любили. Если же мы смотрим на природу бездуховно и не желаем восходить умом от видимого к невидимому, от творения к Творцу, от явления к сущности (это не совсем точно в догматическом смысле, но для ясности можно сказать и так), то мы любим мир неправильно. Роща, лес, плывущие по небу облака у человека благоговейного, который относится к природе по-христиански и способен к богомыслию, вызывают одни

мысли и сердечные ощущения, а у неблагоговейного – другие. Христианин, созерцая эту воистину божественную красоту, видя на творениях отпечаток Божия совершенства и вместе с тем сознавая свое внутреннее несовершенство, приходит в страх Божий, сердечное сокрушение и покаяние. Он желает бежать от всего, уединиться, умом соединиться с Богом, потому что через явления природы, как бы по неким ступеням, он восходит к Тому, Кто сотворил эту природу. Человек же недуховный, наоборот, забывает о невидимом и увлекается красотами природы, утешается ими. Одно и то же природное явление вызывает в разных людях противоположные душевные состояния. Одному хочется отречься от мира, чтобы быть с Богом, а другому хочется забыть о Боге, чтобы наслаждаться миром. И в монастыре человек может испытать нечто подобное. Сидишь за монастырской оградой, видишь, как проплыло облако, улетело куда-то вдаль, и думаешь: «Как там хорошо, люди гуляют, любят природу». А следовало бы, увидев то, что тебя окружает, углубиться внутрь себя. Нужно, чтобы природа – эта неописуемая красота, сотворенная Богом, – напоминала нам о том, что она представляет собой лишь слабый отпечаток красоты Божественной. И мы должны постичь ее в общении с Богом, а не через посредство того или иного творения.

Получается, что природа, будучи сама по себе невинна и чиста, может привести человека к Богу, а может, наоборот, соблазнить и увести от Него. Это происходит по той причине, что страсти заставляют нас смотреть на все превратно. То же самое можно сказать и о мире людей. Апостол Иаков говорит: *Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? (Иак. 4, 4).* Что подразумевается под этими словами? Конечно, общение с людьми. Нельзя дружить с растительным царством или фауной, ибо именовать это дружбой – абсурд. Здесь речь идет о неправильном отношении к людям.

Апостолы шли в мир и терпели от людей разные скорби, но никогда не поддавались влиянию мира, не соблазнялись его идеологией, которая была основана на стремлении к

наслаждениям – естественным, невинным, или даже противоестественным, греховным. Мы, общаясь с миром, то есть с людьми, чуждыми Церкви, находящимися вне ее, подвергаем себя опасности соблазниться теми или иными их пороками, потому что в нас нет той любви к Богу и той правильной, чистой любви к ближнему, имея которую мы при общении с людьми приносили бы им пользу, а сами не осквернялись и не заражались бы от них. Мы отделяемся от мира, уходим из него физически для того, чтобы нам легче было соблюсти себя в правильной любви к Богу и, как это ни странно, в истинной любви к ближнему. В этом смысле дружба с миром невозможна. Иное состояние было у святых апостолов, устремившихся во все концы мира проповедовать Божественную любовь, и иное состояние у нас, немощных, не имеющих той же благодати и того же действия веры, что и у апостолов. Свою слабую веру, ту малую благодать, которая в нас есть, – малую не потому, что Господь дал нам меньше, чем апостолам, а потому, что мы не умеем ее беречь и развивать, – мы должны охранять, отделяясь от тех людей, которые могут нас соблазнить. Господь сказал: *Горе миру от соблазнов, ибо надлежит прийти соблазнам* (см. Мф. 18, 7). Эти соблазны, приходя в мир, делают ту часть мира, которая принимает их и поддается им, враждебной Богу и Церкви. С этими людьми мы не можем общаться, однако не потому, что мы ненавидим их, а потому, что теряем к ним правильную любовь и приобретаем любовь не духовную, не христианскую. Напротив, мы приобретаем любовь к греху, такую любовь, которая нас оскверняет и лишает самого главного – любви к Богу.

Входя в соприкосновение с одним и тем же предметом, люди реагируют на него по-разному. Святые, бесстрастные люди к падшим и заблуждающимся испытывают жалость и сострадание, совсем иначе реагируем мы, когда поддаемся тем или иным страстям и порокам, которыми заражаемся от людей при общении с ними. Находясь в миру, среди мирских людей, мы соблазняемся и даже к природе начинаем относиться неправильно.

Приведу пример, может быть, несколько смешной. Мой покойный духовник, отец Андрей, рассказывал мне об одном случае. Какое-то время он подвизался в горах, и у него там была келия, что-то вроде избушки. Однажды подходят к нему турист с туристкой, и женщина дарит отцу Андрею букет. А он говорил мне: «Зачем мне ее букет?» Вот пример того, что люди, чуждые христианского восприятия природы, и монахи по-разному относятся к Божественному творению: одни ходят по горам и наслаждаются красотой природы, а другие спасаются и прославляют величие Божие. Часто люди едут на курорт, обычно туда, где природа более разнообразная, пышная, но едва ли они там будут заниматься богомыслием, разве что среди них найдется Христа ради юродивый, который и среди мира умудрится сохранить правильное душевное состояние.

У апостола Матфея сказано: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя (Мф. 22, 39)*, а у апостола Иоанна читаем: *Не любите мира, ни того, что в мире*. Апостол Павел говорит: *Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми (Рим. 12, 18)*, а апостол Иаков предостерегает, что *дружба с миром есть вражда против Бога (Иак. 4, 4)*. Как разрешить противоречие между дозволенной дружбой с миром и недозволенной? Я думаю, это ясно из предыдущих моих слов. Не любите мира, но любите ближнего, причем не то в нем, что является соблазнительным, противным Богу. Мы должны быть в мире со всеми людьми, но не поддаваться порокам, любви ко всему земному, временному, которая господствует в мире. Если же мы ведем себя иначе, то мы не только не являемся монашествующими, но и христианами нас назвать трудно. Мы должны относиться к вещам правильно, смотреть на них чистым оком. Есть евангельское выражение: *Из сердца исходят помышления злая*, среди которых далее названо *око лукаво* (см. *Мк. 7, 21–22*). Я думаю, что под этим можно понимать не только *завистливое око*, как переведено это выражение на русский язык, но шире: когда сердце у человека осквернено страстями, тогда он смотрит на вещи превратно, видит их не такими, какими они являются в действительности, а искаженными, как изображает их в его глазах страсть. У людей

все органы чувств одинаковы, но внутреннее отношение к миру заставляет каждого человека направлять свое внимание к тем явлениям, которые ему интересны. Если же сердце человека чисто, тогда он и на вещи смотрит правильно, и к людям относится бесстрастно.

Будучи особами женского пола, вы должны понимать, что ничего порочного в своей природе не имеете, так же, как и лица мужского пола. В том, что люди иногда относятся друг к другу с нечистым чувством, виновата не наша природа, а ее извращение – страсть. Человек – прекраснейшее Божественное творение. Господь творил мир и каждый день говорил о сотворенном: *Это хорошо*. А когда сотворил человека, сказал: *Хорошо весьма* (Быт. 1, 31). Действительно, человек является частью мира и в то же самое время превосходит мир, ибо соединяет в себе вещественное с духовным: имеет тело и бессмертную душу – частицу Божественного дуновения. Тело человека создано таким, чтобы быть достойным сосудом души. Многие люди, занимавшиеся искусством, в частности художники, восхищались человеком, хотя, конечно, не без примеси той или иной страсти.

Если в нас еще нет такой чистоты, чтобы на все смотреть по-евангельски, тогда мы должны уклоняться от общения с миром. Не потому, что творение плохо, а потому, что мы немощны и должны избегать тех сторон бытия, которые могут нас осквернить, увлечь к греху. Избегать того, на что мы смотрим неправильно, потому что в мире все прекрасно и нет ничего злого. Зло заключено в нас. Зло – это извращение нашего естества, оно заставляет нас те или иные предметы неправильно понимать и неправильно к ним относиться. Есть хорошая монашеская пословица, которая, может быть, мирянам не совсем подходит, однако и они могут применять ее к себе, – конечно, с благоразумием, с той оговоркой, что они все же часто общаются с людьми по нужде (да и мы, к сожалению, тоже не можем жить совсем замкнуто). Пословица эта следующая, вы, наверное, слышали ее: «Всех люби и от всех беги». Все выражено кратко и просто.

Почему, казалось бы, любя ближних, мы при общении с ними вдруг чувствуем раздражение, поддаемся осуждению и прочее? Причина может заключаться не только в том, что в нас на самом деле нет любви, но и в том, что, удаляясь от человека, мы растим в себе любовь, а сближаясь, — теряем ее, потому что страсти действуют в нас сильнее, чем благодать. Конечно, это неправильное состояние, признак нашего глубочайшего несовершенства и немощи, но, тем не менее, мы должны трезво на это смотреть, учитывать это для того, чтобы изменяться к лучшему, совершенствоваться.

Мы говорили о слове «мир» и рассматривали его с разных сторон: как люди воспринимают мир, что вкладывают в это понятие и как мы должны к нему относиться, согласно учению Священного Писания. Здесь нужно сказать и о слове «любовь», которое в русском языке также имеет разные значения. Есть любовь христианская, любовь к Богу, ближнему. Однако под этим же словом подразумевают любовь к какому-либо занятию, дружбу, иногда и нечистую любовь, то есть похоть. Мы должны различать эти понятия и стяжать любовь истинную. Апостол Иоанн Богослов сказал: *Бог есть любовь* (1Ин. 4, 8 и 16). Любовь является одним из имен, называющих Божественное совершенство. Из этого следует, что истинная любовь происходит от Бога, а не от вожделения чего-либо мирского, будь то лицо другого пола, красота природы, пища и тому подобное. Только стяжав истинную любовь, мы сможем правильно относиться к ближнему, любить его.

Не любите мира, ни того, что в мире (1Ин. 2, 15). Другими словами можно было бы сказать так: не имейте неправильной любви к миру, к людям, изгоняйте ее из своего сердца и имейте любовь правильную. Когда в душе человека водворяется такое состояние, хотя бы в начальной своей стадии, тогда он уже не может соблазниться ничем мирским. Он не видит в этом ничего интересного, приятного и вожделенного, наоборот, видит нечто отвратительное, ужасное и страшное, потому что все это с точки зрения Евангелия разлучает его с Богом и ближним. Может ли такой человек стремиться к приобретению чего-либо мирского, если понимает, что это губительно для его души?

Меня очень удивляет, когда кто-то говорит, что его привлекает мир. Мне кажется, что мир может вызывать только ужас, отвращение и желание из него удалиться. Одновременно с тем немногим приятным, что дает мир, он опустошает человека, лишает всего духовного, так что потом, когда подумаешь о последствиях, которые приносят удовольствия, уже сами они становятся отвратительными. В миру ничего вожделенного нет, это иллюзия, обман. Что-то представляется нам необыкновенно ценным, но когда мы это получаем, в то же мгновение видим, что ничего не приобрели, более того – потеряли некое душевное сокровище, опустошились и стали подобны людям, которые гонятся за призраком или миражом. (В пустыне, благодаря атмосферным явлениям, то, что далеко, представляется человеку близким. Ему кажется, что он пройдет несколько сот метров и там найдет источник воды, оазис, а в действительности там только песок.) Вся жизнь человека – это погоня за иллюзиями. Время проходит, и оказывается, что человек ничего не имеет, все, чего он достиг, ничего не значит, более того, по разным причинам он этого лишается и в конечном счете вместе со смертью теряет все. Когда у тебя уже есть богатство, семейное счастье, слава, ты понимаешь, что на самом деле ничего не имеешь. Пока стремишься к цели, все это как будто бы интересно, когда же достигаешь цели, оказывается, что ты ничего не приобрел. Трезвый человек иногда думает, что напрасно потратил силы и энергию на то, что в сущности ему не нужно.

Даже некоторые античные философы уходили от мира и в уединении предавались размышлениям. Таких людей ставит нам в пример преподобный Исаак Сирин. А преподобный Иоанн Лествичник удивляется тому, что некоторые из них видели смысл философии в размышлении о смерти. Естественная человеческая мудрость, даже без действия благодати Божией, приводит людей к правильным выводам о суетности всего земного. Таким образом, когда человек не увлекается преходящими явлениями и только в том смысле созерцает мир, что испытывает сострадание к людям, а глядя на природу, приходит в благоговение, прославляет величие Божие, тогда он

получает пользу оттого, что правильно размышляет о мире. Увидев суету всего земного, человек как бы за пеленою вещества начинает созерцать вечность. Он понимает, что все свои силы, всё, что даровано ему Богом вместе с бытием, он должен употребить на то, чтобы стяжать блаженную вечность еще в этой жизни, чтобы она стала действовать в его душе, проявилась еще до того, как он перейдет из временной жизни в будущую, вечную жизнь. Священное Писание открывает нам тайну загробного мира, поэтому человеку необходимо заботиться о будущей жизни. Однако делать это надо не только потому, что мы должны бояться Бога или, наоборот, желать от Него награды, но и потому, что в этом и состоит счастье и блаженство человека. Вспомним, с чего начинается Нагорная проповедь: *Блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3). Не сказано, что они будут блаженны только в будущей жизни, но сказано, что блаженны уже сейчас, потому что ощущают в своей душе, пусть не в полной мере, явление Царства Божия, которое, как учил Спаситель, есть внутри нас.

Отрекшись от мира, полного соблазнов, мы приобретаем в своей душе мир вечный, божественный, духовный, приобщаемся к сверхъестественному, несотворенному бытию. Когда происходит (пусть не в полной мере) соединение души с Богом, тогда неожиданно для самого себя человек вновь приобретает мир. Как сказал Спаситель, те, кто отказались от отца и матери, получают во сто крат в этой жизни, а в будущем – жизнь вечную. Отрекшись от неправильного отношения к миру, мы приобретаем правильное; отрекшись от неправильной любви, обретаем любовь истинную. Мы ничего не теряем, наоборот, неизмеримо обогащаемся, в отличие от тех людей, которые наслаждаются всеми земными благами. Некоторые подвижники говорят, что настоящему монаху служит весь мир. Люди, достигшие совершенства, именно так относились к тому, что их окружало. Конечно, это не значит, что человек становился богатым в буквальном смысле слова, приобретал какое-то земное благополучие. Часто эти люди были гонимы, преследуемы, истязаемы, терпели насильственную смерть.

Однако они считали себя неизмеримо богаче тех несчастных людей, которые, погружаясь в вещество, думали, что они что-то имеют, и, устремляя ум к земному и отвращая свое внимание от небесного, лишались самого главного, того, что может сделать человека счастливым, блаженным. Материальные блага, может быть, и не плохи, но поскольку ради их приобретения человеку приходится многим жертвовать, то он лишается возможности устремляться к духовному. Мы предпочитаем нищету, бедность, убожество ради того, чтобы приобрести Царство, не земное, конечно, не человеческое, а Царство Божие.

Обратите внимание на то, в каких значениях слово «царство» употребляется в Евангелии. Как диавол искушал Господа нашего Иисуса Христа, когда Он постился сорок дней в пустыне? Показал Ему во мгновение времени все царства мира и сказал: «Поклонись мне, и все они будут Твои». Господь, конечно, отверг это искусительное предложение и сказал сатане, чтобы он отошел от Него прочь. Выше мы приводили слова Спасителя: *Блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное*. Вспомним и другие Его слова: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21). Значит, для того чтобы приобрести Царство Божие и стяжать его внутри себя, необходимо отречься от царства земного. Не нужно, конечно, понимать эти слова в буквальном смысле. Наверное, никому из вас царства никто не предложит, даже если бы вы захотели. Речь идет об отношении к царству чувственности. Мы должны предпочесть ему царство духа. Можно сказать, что нам тоже предлагаются все царства мира, то есть вся чувственность мира, погружаясь в которую, человек, как ему кажется, что-то приобретает, в действительности же он теряет самого себя. Ибо что пользы человеку, если он весь мир приобретет, а душу свою погубит? Вот как правильно нужно относиться к соблазнам мира, которые мне даже не хочется так называть, потому что я не нахожу в них ничего соблазнительного (в смысле «привлекательного»).

Первая и наибольшая заповедь – это *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею* (Мк. 12, 30). Под

этими словами нужно понимать не только то, что мы должны любить Бога, но и то, что вместе с этой любовью мы приобретаем всё духовное, благодатное: друзей в лике святых и ангелов, новые, благодатные ощущения, которые у людей преуспевших весьма многообразны, богаты и которые полностью вытесняют из человека желание получать чувственные впечатления. И мы, возлюбив Господа Бога всем своим существом, приобретаем Царство Божие – в нашей душе воцаряется Бог. Царство – это образ величайшего многообразия. Как в обычном земном царстве есть много сокровищ, красот, радостей, так и в Царстве Божием их должно быть великое множество. Нам кажется странным: как может один Бог заменить нам многообразие мира? Однако Бог и является источником этого бесконечного многообразия. Люди, познавшие это, забывают всё земное и не желают наслаждаться даже невинными вещами.

Некий подвижник должен был на некоторое время отлучиться из келии. Он попросил своего старца, чтобы тот поливал дерево, которое находилось у входа в нее. Для того чтобы исполнить послушание, старец, выходя из келии, так надвигал куколь на глаза, что видел только землю. Когда его спрашивали, зачем он это делает, старец говорил: «Зачем мне видеть этот свет, в котором нет для меня никакой пользы?» Можно вспомнить также о Киево-Печерских подвижниках, проводивших десятки лет в подземных пещерах и не видевших на протяжении почти всей своей жизни даже дневного света. Почему они шли на такой подвиг? Конечно же, не потому, что они просто хотели истязать себя, а потому, что вместо всего мира (понимаемого в данном случае не только как совокупность соблазна и греха, но и как все видимое вообще) они хотели приобрести Бога и через общение с Ним войти в новый мир, превосходящий земной, – в мир небесный, названный в Евангелии Царством Небесным.

Таким должно быть правильное отношение к миру, и прежде всего у нас, монашествующих. Мы должны помнить, для чего ушли из мира: чтобы стяжать Царство Божие внутри себя. А сожалеть о ничтожных мирских радостях, даже невинных, и тем

более греховных, мы не имеем никакого права, это было бы с нашей стороны безумием. Мы должны, по словам Господа Иисуса Христа, вспоминать жену Лотову. Когда Лот, руководимый ангелами, со своим семейством бежал из Содома, его жена оглянулась, пожалев, что они уходят из такого удобного, прекрасного города и теряют земные радости. Как известно, она превратилась в соляной столп. Конечно, не оттого, что оглянулась, а оттого, что посочувствовала греху, земному наслаждению. Этот соляной столп, как говорят историки, еще в IV веке был известен, но до нашего времени он не сохранился (поскольку Палестина пережила много страшных потрясений).

Сама черная однообразная монашеская одежда должна напоминать нам о том, что мы от всего отказались. Одевание, которое вручается при постриге, также напоминает об этом, да и обряд пострига совершается для того, чтобы возбудить в нас ревность к отречению от мира, чтобы мы, отрекшись от него внешне, не имели его и в своей душе. Нужно не только уйти из мира телом, но также извергнуть мир и из своей души, поскольку от одного только внешнего отречения мы не получим никакой пользы.

* * *

Вопрос. В одном из ответов преподобных Варсонофия и Иоанна говорится, что, согласно апостольским правилам и правилам Лаодикийского собора, нельзя принимать подарки от евреев и язычников. Как относиться к тому, что иногда эти люди жертвуют что-нибудь на монастырь?

Ответ. Дело в том, что иудеи также имели постановление, запрещавшее им общаться с христианами, принимать от них даже продукты. И в то время отношения были такие, что для людей религиозные убеждения имели первостепенное значение, каждый желал уверить другую сторону в своей правоте. Конечно, евреи старались использовать любую возможность, чтобы переубедить тех христиан, с которыми они общались. Потому и были запрещены любые контакты. Но если помощь оказывается вполне бескорыстно, в том смысле, что человек не ждет с нашей стороны никакого компромисса в отношении веры,

то греха не будет, если мы это пожертвование возьмем. Более того, жертвователю вменится это в доброе дело, хотя бы по вероисповеданию он был даже язычником или иудеем. Как сказал Спаситель, *кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей* (Мф. 10, 42).

Вопрос. Какой вред наносит душе неправильное понимание того или иного догматического вопроса? Отражается ли это на духовном состоянии монаха, на его подвиге?

Ответ. Человек может в чем-то заблуждаться по своей простоте. Нужно иметь в виду, что одно дело – сознательное сопротивление истине, а другое – ошибка по незнанию. Мы должны знать основы нашей христианской веры. Невозможно, чтобы человек совсем не понимал, во что он верит. Но есть настолько тонкие оттенки мысли, что трудно удержать равновесие. Людям необразованным или малообразованным в догматическом отношении лучше не вникать в них, чтобы не споткнуться. Если же человек пренебрегает вероучением и совсем не хочет его знать, то, конечно, он погрешает. Но иногда нечаянные догматические ошибки не мешают духовной жизни. Святитель Игнатий (Брянчанинов) рассказывает следующий случай. Некий священник всегда служил литургию в сослужении ангела. Однажды во время литургии находившийся там тогда диакон обличил священника в ереси, в том, что он неправильно что-то говорит. Тот сразу же обратился к ангелу, который ответил: «Да, он правильно сказал». – «Почему же ты мне никогда не говорил?» – «Потому что Богу угодно, чтобы люди вразумлялись людьми». Тем не менее ангел не оставлял священника, значит, ради высоты его духовной жизни эта погрешность ему прощалась. Надо полагать, что он после этого исправил свою ошибку. Но все-таки, повторюсь, основы православной веры в доступной каждому человеку мере желательно знать.

Вопрос. Описывают ли святые отцы случаи, когда человеку, впавшему в прелесть, удавалось из этого состояния выйти и как?

Ответ. Конечно, были такие случаи. Во-первых, сам человек мог осознать, что с ним происходит. Во-вторых, подвижникам помогали наставники или сочувствовавшие им люди. Известен случай про одного впавшего в прелесть монаха. Сначала он был ревностным, а потом по неопытности впал в прелесть. Хотя он присутствовал на всех службах, молился, но одновременно с этим был раздражителен, как обычно бывает с прельщенными. Его наставник, увидев, что монах погибает, уговорил одного опытного игумена взять его к себе в монастырь, объяснив, что тот в прелести. Настоятель до такой степени загрузил его физической работой, что тот вообще не мог молиться. Он утром вставал, принимался за работу, работал до вечера и засыпал. Таким образом прелесть у него прошла. Его не то чтобы замучили, а он действительно смирился, понял свою ошибку, и все прошло. Даже таким простым способом человеку удалось выйти из прелести.

Вопрос. В кондаке акафиста ко причащению сказано: «Побеждающему обещал еси дати ясти от древа животного, еже есть посреде рая Божия, и от манны сокровенная. К сему вкушению на Небеси да будет ми приуготовлением на земли причащение Тела и Крове Твоя». Неужели древо животное и манна сокровенная выше и святее Тела и Крови Господа Иисуса Христа?

Ответ. Здесь подразумевается таинственное общение с Богом, а древо жизни и манна – это образы. Действительно, вкушая Тело и Кровь Христовы, мы в доступной для нас мере, частично вступаем в общение с Богом, а в будущей жизни мы придем к полному единению с Ним. Это и названо древом животным.

Вопрос. Господь Сам желает соединиться с человеком по Своей любви к нему. Поэтому редкое причащение не есть ли оскорбление Бога, Его человеколюбия?

Ответ. В Евангелии от Иоанна говорится: *Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье (Ин. 6, 55).* Это есть истинная пища, потому что укрепляет и душу и тело. Человек ест каждый день, потому в идеале всякий христианин должен причащаться каждый день,

но по разным причинам мы, к сожалению, не можем этого исполнить. В молитве Господней сказано: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Мф. 6, 11). Конечно, имеется в виду прежде всего истинный хлеб, который есть Тело и Кровь Христовы. Неслучайно на литургии мы почти перед самым причащением читаем эту молитву. Как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), обыкновенная пища есть только образ истинной пищи. А отец Иоанн Кронштадтский чувствовал, что когда он служит и причащается, то получает от этого большую пользу, и он стал служить каждый день. К этому его привел духовный инстинкт. Он делал так, как подсказывала ему душа, что бы вокруг ни говорили.

Вопрос. Получается, что редкое причащение – это грех?

Ответ. Если мы редко причащаемся по причинам, которые зависят от нас, то это признак нерадения, безразличия, холодности. Можно сказать, это охлаждение любви к Богу. Конечно, нам и физически бывает трудно. Отец Иоанн Кронштадтский находил в себе силы служить ежедневно. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в «Отечнике» приводит рассказ о монастыре аввы Аполлоса Великого, где монахи причащались каждый день. Для этого нужны не только возможности, но и соответствующее душевное состояние. Часто внешние обстоятельства мешают это исполнить. А вообще, нужно стремиться к частому причащению: как минимум раз в неделю, можно и чаще.

Вопрос. Кажется, что чем дольше находишься в монастыре, тем хуже становишься. Больше видишь в себе страстей, от этого уныние.

Ответ. Действительно, страстей может становиться все больше. А может быть, что постепенно человек сам начинает видеть свои страсти, на самом же деле больше их не становится. Это две разные вещи.

Когда страстей становится больше (к сожалению, и такое бывает), это признак того, что в нас нет покаяния. Если мы проводим свою жизнь в монастыре неправильно, то приобретаем еще и такие страсти, каких у нас в миру не было, – так об этом говорит святитель Игнатий (Брянчанинов). Это,

конечно, ужасно. Получается, что мы не боремся с собой и, в особенности, небрежем о покаянии.

Но может быть, как я уже сказал, мы обнаруживаем свои страсти. Представьте себе такую ситуацию: на работе человек ведет себя прилично, сдерживается, а дома показывает себя таким, какой он есть, не скрывает настроения, срывает зло на родных. Здесь мы все как одна семья. Спустя некоторое время человек привыкает к монастырской жизни. Через год, а может и меньше, страсти обнаруживаются со всей очевидностью. Оттого что мы понуждаем себя к строгому образу жизни, страсти приходят в действие, и потому кажется, что их очень много. Режим заставляет проявиться, допустим, лени. А предписания монастырского устава, необходимость послушания настоятельнице, старице обнаруживают наше греховное своеволие. Те или иные страсти выходят наружу, и мы выходим за рамки, в которые ставит нас монастырский образ жизни. Без этого мы спокойно жили бы по своей воле. К тому же от действия молитвы мы начинаем видеть в себе то, чего раньше не замечали, и зрелище это печальное.

Но если страсти обнаруживаются не потому, что мы не каемся, не боремся с собой, а по причине внешних обстоятельств и нашего внутреннего состояния (под которым я имею в виду молитву, внимание к себе), то в этом ничего плохого нет, поскольку мы познаём себя. Ведь истинное смирение – это не что-то искусственное, это познание себя таким, какой ты есть, то есть видение своих грехов. Как может человек исправиться, если прежде не увидит их? Это нормально, и унывать от этого не следует. Нужно только усугубить покаяние, молиться с бóльшим вниманием, сокрушением, ревностью, и тогда будут происходить изменения. Конечно, надо еще и противиться страстям, потому что покаяние – это не только сокрушение сердечное, но и борьба с грехом.

Вопрос. Читала у Ефрема Сирина, что сколько бы ты ни посекал похоть, она вдвое больше прозябнет, а надо из себя извергнуть корень похоти. Как это понять?

Ответ. Нужно отсечь те страсти, которые дают похоти свободу, в первую очередь это чревоугодие, лень, затем – гордость, тщеславие. Для молодых особенно важно сначала уничтожить плотские страсти и внимательно относиться к их проявлениям. С блудной страстью связана и страсть гнева: когда мы гневаемся, то приводим в движение свою плоть и, поскольку эти страсти родственные, может и похоть разгореться. Нельзя истребить похоть, не борясь с другими страстями.

Вопрос. Скажите, как мужественно отречься от себя? Только теперь, прожив несколько лет в монастыре, я пришла к выводу, что топчусь на месте, поскольку жалею себя, живу нерадиво, снисхожу к себе, оправдываю себя во всем. Смущает лукавый помысел: «Для чего я буду кровь проливать, что мне с того?»

Ответ. Я сам человек немужественный, поэтому не могу сказать, что нужно сделать, чтобы стать мужественным. Но давайте для начала будем иметь страх, а не мужество. Мужество – это преодоление страха. Мы же постараемся приобрести страх Божий, хотя бы страх наказания. Это может заставить нас думать о смерти, о своей будущей участи, преодолеть нерадение. Имея страх Божий, поневоле будешь мужественным, потому что если проявишь малодушие, то сам себе нанесешь страшный вред, просто навеки погибнешь.

Вопрос. Имя «Иисус» значит «спаситель», то есть Господь – это Спаситель мира, человечества. Но ведь невозможно даже представить себе, насколько больше тех людей, которые не познали Бога, чем тех, кто спасается. Допустим, многомиллионный город обречен на гибель и из него спасается только один человек. Можно ли из этого сделать вывод, что население города спасено? Значит, спасение – понятие относительное.

Ответ. Отнюдь не относительное. Приведу такой пример. Допустим, несколько человек тонут. Приплывает спасательная лодка, нормальный человек подает руку, его вытягивают, а кто-то так захлебывается, что уже ничего не понимает, начинает отбиваться или тянуть на дно того, кто его спасает (обычно хватают спасателя за горло и душат). Помощь человека,

который приплыл на спасательной лодке, – это спасение или нет? Спасение. Оно объективно присутствует? Объективно. Если от него отказываются, оно от этого не исчезает. Я закрыл глаза, но это не значит, что свет погас. Получается, что если мы явление воспринимаем, значит, оно есть; не воспринимаем, значит, его нет. В философии это называется субъективным идеализмом, или солипсизмом, согласно которому реальным признается только субъективное восприятие, а окружающая действительность таковой не признается. Человек думает, что существует лишь постольку, поскольку он воспринимает действительность, то есть реально существует только наше восприятие.

Вспомним, например, гибель Содома и Гоморры. Ангелы пришли к Лоту и сказали, чтобы он позвал своих зятьев, потому что город погибнет. Он позвал, но они ему не поверили. Спасение для них было возможным? Было. Или поскольку они его не захотели, то спасения как бы и не было? От этого ведь ангелы не исчезли. Получается, что если человек не верит, значит, и предмет веры исчезает? Если я верю в Бога – значит, Он есть, а если не верю – значит, Его нет? Имя «Иисус» означает не просто «спаситель», а «Бог спасает». Спасать может только Бог и больше никто. Если большинство людей отказалось от своего спасения, это не значит, что оно для них не произошло, просто они его отвергли, тем самым еще более усугубив свой грех. От этого спасение не перестало быть реальным.

Вопрос. В толковании Евфимия Зигабена на Евангелие написано, что когда Иисус учил народ в доме, то Богородица по действию тщеславия хотела, чтобы Он вышел к Ней. Возможно ли это? Ведь, по учению Церкви, как я думала, Богородица не принимала греховных помыслов, тем более не могла действовать по страсти.

Ответ. Впервые так истолковал этот эпизод Иоанн Златоуст. Потом его толкование повторили Феофилакт Болгарский, Евфимий Зигабен, поскольку они были не самостоятельные толкователи, а компиляторы. Кто-то из святых отцов рассуждал об этом эпизоде иначе. Недавно я читал, что

Божия Мать, находясь вместе с сыновьями праведного Иосифа, просто не имела возможности как-то их остановить и присутствовала молча, и потому посчитали, будто и в Ней действовало тщеславие. Если же мы вспомним другие евангельские эпизоды, в которых говорится, что Божия Мать молчала, но *соблюдаше вся глаголы сия, слагающи в сердцах Своих* (Лк. 2, 19), то увидим, что Она не находила возможным все откровенно высказывать, поскольку многие люди не способны понять Божественных тайн. Поэтому Она молчала, но выводы для Себя делала. Иногда евангелисты отмечают это, иногда – нет. Невозможно, чтобы Божия Мать поддавалась действию страсти тщеславия. Если внимательно читать Евангелие, то видно, что Она была человеком очень смиренным и такое поведение было невозможно. Не нужно удивляться тому, что в данном случае Иоанн Златоуст ошибся. А вслед за ним эту ошибку повторили и другие толкователи.

Вопрос. Вы говорили, что духовное устройство иконописца очень влияет на то, как он пишет, поэтому он должен непрестанно молиться, смиряться. Наверное, это касается и певчих? Мне один священник сказал, что голос есть, когда в душе – порядок.

Ответ. Сомневаюсь в справедливости этого изречения. Мне кажется, что есть люди, у которых в душе порядок, но голоса нет. И наоборот, бывает, что у человека голос есть, но порядка в душе нет. Взаимной неразрывной связи я здесь не вижу. Конечно, музыкальное искусство, в частности вокальное, предполагает гармонию. Но эстетический порядок не всегда сочетается с этическим. Есть такая пословица: «У кого голосок, у того и бесок». Действительно, человек может начать тщеславиться. Иконописание и пение тесно связаны с молитвой, поскольку направлены на то, чтобы вызывать у человека молитвенное настроение. Певчий на богослужении сам непосредственно молится и, может быть, в еще бóльшей степени, чем иконописец, должен иметь молитвенное состояние. Икону можно исправить, а певчий, если спел неправильно, уже ничего не переменит. Это искусство, действующее во времени. Если у тебя нет молитвы, как ты

сможешь петь молитвенно? Некоторые считают молитвенным заунывное, грустное, тоскливое пение. Но это не так. Чтобы петь молитвенно, нужно иметь опыт молитвы. Не всякий молитвенник может петь, но желательно, чтобы всякий певчий был молитвенником, потому что певчие молятся Богу от лица народа. Если священник является посредником между Богом и молящимися, то певчие олицетворяют народ. В древности в храме на богослужении пел весь народ, но позднее, когда богослужение стало усложняться, то ради большего порядка, красоты петь стали профессионально подготовленные люди – певчие. Поэтому если вы будете петь холодно, бездушно, бесчувственно (то есть без духовных чувств), то и молиться людям будет труднее. Певчие – это непосредственные участники богослужения. Вы должны понимать, что на вас лежит большая ответственность. Известно, что священник на богослужении должен внимательно молиться, не рассеиваться, служить со страхом, благоговением, быть собранным. Так же и певчим необходимо выполнять свое послушание. Мастерство в пении должно быть, но надо и душу вкладывать.

Вопрос. Почему монашеский постриг – это обряд, а венчание – таинство?

Ответ. Это не принципиально, не обязательно, чтобы над нами были совершены все таинства. (Постриг, между прочим, называют восьмым таинством. Конечно, это образное выражение.) Симеон Солунский изъяснение пострига поместил в раздел «О покаянии» – там же, где говорится о таинстве исповеди. Монашество включает в себя понятие покаяния, потому что постриг – это возвращение к той чистоте, которая была нам дарована в таинстве крещения, но впоследствии потеряна. Это возобновление крещенских обетов, второе крещение. И ради того что мы имеем ревность и обещаем вернуться к потерянной чистоте, нам прощаются грехи и дается благодать для совершения монашеского подвига. По учению Симеона Солунского, существует семь таинств (конечно, это учение он заимствовал у предшествовавших ему святых отцов). Он считает, что все таинства освящены Господом Иисусом

Христом во время Его земной жизни. Таинство венчания освящено тем, что Господь посетил брак в Кане Галилейской, то есть оно существовало с первых времен христианства. Может быть, не было такого термина, но важно то, что было само таинство, а не то, как оно называлось. Дело в том, что, состоя в браке, трудно удержаться в чистоте, в русле христианства, жить по-евангельски, тут необходимо особое содействие благодати Божией. Как видим, часто и это не помогает. Хочу подчеркнуть, что я сейчас высказываю свои собственные соображения, и если кто-то прочитает у святых отцов иные суждения, то святоотеческое мнение нужно предпочесть. А монашество – это второе крещение, ничего нового мы уже не получаем, просто отныне сознательно начинаем жить по-христиански, и для того, чтобы мы лучше это прочувствовали, оно имеет обрядовую сторону. Однако если монашеский постриг называется обрядом, то это не значит, что существует только внешняя сторона, а благодать здесь не подается. С прежней силой вновь начинает действовать та благодать, которая была дарована в таинстве крещения. Разве этого мало?

Сегодняшнюю беседу мы посвятим святоотеческому учению об Иисусовой молитве. Я приведу несколько цитат из творений святых отцов. Начнем с «Наставления для безмолвствующих» иноков Каллиста и Игнатия. В главе под названием «Начало всякого Богу угодного действия есть с верою призывание имени Господа нашего Иисуса Христа, и с ним воссиявающие из Него мир и любовь», в частности, говорится: «Начало всякого боголюбезного действия есть с верою призывание спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа, так как Он Сам заявил: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), и с сим призыванием мир и любовь: мир, ибо *молитися подобает*, как говорит Апостол, *без гнева и размышления* (1Тим. 2, 8); любовь, ибо *Бог любви есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем* (1Ин. 4, 16). Сии же – мир и любовь – не только благоприятной делают молитву, но и сами опять из сей молитвы рождаются и воссиявают, как неразлучные Божественные лучи, и возрастают, и в совершенство приходят»¹³⁴.

Действительно, как пишет святитель Игнатий об умном делании, Иисусовой молитве, один из наиважнейших признаков того, что мы правильно проходим молитву (и даже имеем некоторое преуспевание в ней) – это присутствие в душе благодатного мира. Мир – это свидетельство того, что человек испытывает действие благодати на самом деле, а не поддался бесовской прелести. Есть и другие признаки правильной молитвы: покаяние, смирение. Смирение и благодатный мир имеют в себе нечто родственное. Речь идет, конечно же, не о том мире, который бывает от насыщения плоти, удовлетворения наших естественных потребностей, например, оттого, что мы сыты, отдохнули, хорошо себя чувствуем. Благодатный мир в чем-то перекликается со смирением: смиренная тишина, смиренный покой воцаряются в душе человека. Любовь к Богу и ближнему – это также признак благодати. Может быть, у новонаначального мир и любовь проявляются не в полной мере:

он, например, может иметь снисхождение к людям, расположение к ним, добродушное отношение, однако это также признаки благодати, о которых говорится в «Наставлении...».

По учению преподобных Каллиста и Игнатия, человеку необходимы три вещи: Иисусова молитва и проистекающие от нее мир и любовь. Вот как они пишут об этом в следующей главе: «Каждым из сих трех и всеми тремя вместе подается нам и множится в нас обилие всех благ. Ибо с верою призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа твердо надеемся мы получить милость и жизнь истинную, в Нем сокровенную, кои при частом возгласении внутри сердца имени Господа нашего Иисуса Христа источаются из него, как из некоего божественного источника приснотекущего. Превосходящим всякий ум и никакого предела не имеющим миром сподобляемся примирения с Богом и друг с другом. Любовию, коей хвала несравненна, так как она есть конец и глава закона и пророков, так как и Бог именуется любовию, всецело сочетаваемся с Богом, при упразднении греха нашего правдой Божиею и предивно чрез любовь действующем в нас благодатном сыноположении. *Зане любовь покрывает множество грехов (1Пет. 4, 8); любви вся покрывает, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит, любви николиже отпадает (см. 1Кор. 13, 7–8)*»¹³⁵.

Третья из цитируемых нами глав называется: «И Господь наш Иисус Христос в дни спасительной страсти оставил их ученикам Своим, как окончательные заповеди и наследие Божественное, так же и по воскресении». В ней мы читаем: «Почему и Сам всеблагий и сладчайший Господь наш Иисус Христос, и когда приблизился к вольному за нас страданию Своему, и когда явился апостолам по воскресении, и еще когда имел взыти ко Отцу Своему по естеству и нашему по благодати, яко истинный и чадолюбивый Отец, оставил их всем своим, как последние некие заповеди и сладостные утешения, как дорогие и верные, так сказать, залоги, лучше же, как Богом подаемое наследие. Когда настало спасительное Его страдание, Он явил сие в следующих сказанных ученикам словах: *Аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю (Ин. 14, 14)*;

и: Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просите ничесоже во имя Мое: просите, и приимите, да радость ваша исполнена будет (Ин. 16, 23–24). Опять по воскресении говорил Он им: Знамена верующим сия последуют: именем Моим бесы ижденут, языки возглаголют новы и проч. (см. Мк. 16, 17 и д.). Согласно с сим возвещает и наперсник, Иоанн евангелист (наперсником называется апостол Иоанн Богослов, потому что он возлежал на персях Спасителя. – Схиизум. А.): Многа же и ина знамена сотвори Иисус пред ученики Своими, яже не суть писана в книзе сей. Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его (Ин. 20, 30–31). И святой Павел апостол: О имени Иисусове всяко колено поклонится и проч. (см. Флп. 2, 10). И в Апостольских деяниях написано: Тогда Петр исполнився Духа Свята, рече: разумно буди всем вам, и всем людям Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назорея, егоже вы распясте, егоже Бог воскресил от мертвых, о Нем сей стоит пред вами здрав. И немного спустя: И несть ни о едином же ином спасения: несть бо иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам (Деян. 4, 8–12). И опять Спаситель: Дадется Ми всяка власть на небеси и на земли (Мф. 28, 18). Это же явно и из того, что Богочеловек Господь сказал апостолам прежде креста: Мир оставляю вам, мир Мой даю вам (Ин. 14, 27); и: сия глаголю, да во Мне мир имате (см. Ин. 16, 33); и: Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга (Ин. 15, 12); и: О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 35); и: Якоже возлюбил Мя Отец, и Аз возлюбил вас: будьте в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей: якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох и пребываю в Его любви (Ин. 15, 9–10). И опять по воскресении в разные времена часто видится Он дающим мир, являясь своим и говоря: Мир вам (Ин. 20, 21). Петру же апостолу, которому вверил и первенство над учениками, до трех раз говорил Он: Если любишь Меня, Петре, паче других, паси овцы Моя (см. Ин. 21, 15), показывая тем, что вверение попечения о пастве есть некое воздаяние за

горячайшую любовь к Самому Господу Иисусу Христу. Недалеко будет от нашей цели или предмета нашего и то, если кто скажет, что от только что показанных трех добродетелей рождаются нам другие три дивные плода, именно: очищение души, просвещение и зрелость духовная»¹³⁶.

Преподобные Каллист и Игнатий дают чрезвычайно интересное толкование евангельскому эпизоду, в котором Спаситель трижды вопрошает Петра на море Тивериадском: *Любиши ли Мя?* – а тот отвечает: *Ей, Господи, Ты веси, яко люблю Тя*. По мнению Каллиста и Игнатия, истинное пастырство даруется за любовь к Господу Иисусу Христу. Только тот может быть истинным пастырем, кто любит Его и исповедует это, подобно апостолу Петру. Он все открывал Самому Всеведущему Господу, а мы должны, в сердце имея любовь к Господу, показывать ее своими делами. В особенности это касается священников. Только тот, кто любит Господа Иисуса Христа, может пасти словесных овец и – сделаем более широкий вывод, – только такой человек может иметь истинную, неподдельную любовь к ближнему, потому что невозможно всей душой заботиться о ближнем, если он тебе безразличен. На первый взгляд, это кажется странным, но духовный опыт подтверждает, что любовь к ближнему появляется в нас от любви к Господу. Простой и конкретный пример: когда в молитве Иисусовой мы чувствуем любовь к Господу Иисусу Христу, тогда в душе естественно рождается и любовь к человеку. А когда внимание в молитве ослабевает, тогда и любовь к ближнему умалывается или совсем исчезает. Поэтому и сказал апостол: *Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? (1Ин. 4, 20)*. Действительно, любя Бога, мы не можем не любить ближнего. А если мы не имеем любви к ближнему, то этим явно показываем, что в нас нет и любви к Богу, иначе говоря, нет настоящей молитвы. Настоящая молитва, по выражению некоторых отцов, есть любовь Божия.

В следующей главе, которая называется «В сих трех совмещены все добродетели», сказано: «Если кто захочет со

всем вниманием до точности исследовать, то найдет, что на этой треплетной и нерасторжимой верви висит из всех добродетелей Богом сотканная порфира. Ибо жизнь по Богу есть некая драгоценная златоиспещренная цепь, в коей одна добродетель тесно сочетается с другою и все сгармонировываются воедино: так как все они одно дело устроят, – именно то, что обоживают человека, искренне в них живущего, обогащая его как бы соединительными кольцами, – этим сладчайшего имени Господа нашего Иисуса Христа, с верою, если же хочешь, и с надеждою и смирением, спасительным призыванием, а также обогащая миром и любовью, кои суть воистину богонасажденное трехстебельное древо, жизнеподательное, которого благовременно касающийся и как подобает причащающийся, не смерть, как первозданный, а жизнь непрестающую и вечную собирает»¹³⁷. Из этих слов видно, какое огромное значение придавали Иисусовой молитве подвижники Каллист и Игнатий, ученики великого старца Григория Синаита. По их словам, именно от нее происходят все добродетели. По мере преуспевания в умном делании человек восходит от низших состояний к высшим, поэтому Иисусова молитва – это начальная, и в этом смысле наиболее важная заповедь: с нее начинается исполнение прочих. Одновременно эта заповедь является совершенной, поскольку она есть любовь Божия. Я думаю, вы знали это и раньше, но я хотел побудить вас к ревности и напомнить, что без усердного занятия Иисусовой молитвой ни одной заповеди исполнить невозможно.

Теперь рассмотрим два изречения из книги Иоанна Лествичника. Эту книгу нужно читать и перечитывать, она никогда не устаревает и всегда полезна любому человеку: по мере духовного преуспевания он будет открывать в ней все новые и новые для себя поучения. Как только у нас возникает вопрос в связи с изменениями в нашем душевном состоянии, мы тут же находим ответ в этой книге – поистине энциклопедии внутренней жизни. Совет, который мы сейчас читаем, относится преимущественно к новоначальным, но святитель Игнатий (Брянчанинов) считает, что он универсален, то есть

подходит даже совершенным. Во всяком случае, новоначальным преподанный здесь образ молитвы, несомненно, подходит. Совет же такой: «Старайся всегда возвращать к себе уклоняющуюся твою мысль, или, лучше сказать, заключай ее в слова молитвы. Если она, по младенченственности твоей, утомится и впадет в развлечение, то опять введи ее в слова молитвы; ибо непостоянство свойственно нашему уму. Но Тот, Кто силен все утвердить, может и уму нашему дать постоянство. Если ты неослабно в сем делании подвизаешься, то и к тебе придет *Полагаяй пределы морю ума твоего* и скажет ему в молитве твоей: *До сего дойдешь и не преjdeши* (см. Иов. 38, 10–11). Духа связывать невозможно; а где Создатель духа сего, там все Ему покорно»¹³⁸. Эта мысль вам знакома, но я хочу еще раз подчеркнуть: мы должны трудиться над возвращением нашего ума в молитву. В этом цель молитвы новоначального: ум убегает, мы его возвращаем, он вновь убегает, мы его вновь возвращаем, и так происходит в течение всего времени, пока мы молимся (имеется в виду преимущественно исполнение молитвенного правила). Если в начале правила мы молимся рассеяннo, а ближе к концу при помощи нудного, скучного, как нам кажется, делания наше внимание усиливается, значит, изменения происходят правильно. Конечно, нам хочется, чтобы сразу приходил духовный подъем, чтобы мы чувствовали некое утешение. На самом деле, утешение придет, если мы будем молиться, а если мы преждевременно захотим слишком многого, то не получим ничего. Вполне возможно, что если мы будем следовать этому принципу: заключать ум в слова молитвы, то есть вновь и вновь возвращать уклоняющиеся мысли в нужное русло, то достигнем высокого преуспевания.

Я хотел бы обратить ваше внимание еще на один момент в прочитанном тексте: «Если ты неослабно в сем делании подвизаешься, то и к тебе придет *Полагаяй пределы морю ума твоего*». Мы должны понимать, что от нас зависит только усердие в исполнении правила. Если мы хоть несколько владеем своим умом и умеем возвращать его в молитву – это уже есть действие благодати. А полное сосредоточение, когда

ум собран так, как море ограничено своими берегами (Иоанн Лествичник толкует здесь аллегорию из Священного Писания), – такое сосредоточение не в нашей власти. Оно может быть достигнуто лишь тогда, когда Господь захочет удержать наш ум в пределах молитвы. Если у нас еще нет благодатного навыка, нет Божественного действия даже в малой степени, то ничего у нас не получится, как бы мы ни напрягались. Более того, неумеренная ревность в этом случае будет признаком некоторой гордости, самонадеянности. Наше дело – терпеливо трудиться. Это очень важный совет. Мне кажется, он один стоит целой книги.

Рассмотрим еще одно краткое изречение Лествичника, может быть не столь известное, но весьма полезное. Руководствуясь им, можно придать молитве некую «остроту», чтобы она перестала быть безвкусной, пресной, чтобы из нудного занятия она превратилась в насущную, жизненную необходимость. «Некоторые говорят, что молитва лучше, нежели память о смерти; я же воспеваю два существа в одном лице»¹³⁹. Иоанн Лествичник сравнивает молитвенное делание с соединением двух природ Господа Иисуса Христа в одной Ипостаси, в одном Лице. Как в Господе есть и Божественная природа, и человеческая, так и в молитве есть нечто Божественное (то есть собственно молитва) и нечто человеческое (то есть память смертная). Сравнение весьма тонкое и точное. Если бы нам удалось приобрести навык при Иисусовой молитве ощущать память смертную, то наша молитва стала бы настоящей, серьезной, а не поверхностной. Память смертная заставила бы нас почувствовать насущную, глубокую нужду в молитве. Мы молились бы от всей души, понимая, что речь идет не только о каком-то преуспевании, а о вечном блаженстве или вечной гибели. Тогда нам было бы уже не до отговорок, и многое из того, что казалось нам важным, отошло бы на второй план. Если бы мы соединяли молитву с памятью смертной, то перестали бы придавать значение тщеславию, уязвленной гордости и прочему. У нас была бы иная постоянная, страшная забота: как мы будем отвечать перед Господом за свою нерадиво прожитую жизнь?

Неразумно откладывать свое исправление, говоря: «Сейчас мы сделаем то-то и то-то, а потом начнем заботиться о своей душе». Во-первых, ни один человек не знает, сколько он проживет. Во-вторых, даже если бы мы жили сто, или двести, или триста лет, при нерадении и долгая жизнь оказалась бы бесполезной, а смерть пришла бы неожиданно.

Обратимся вновь к тому изречению преподобного Иоанна Лествичника, в котором говорится, что мы должны возвращать свою мысль в молитву. Святые отцы опытно установили, что мысль отвлекается от молитвы и устремляется к иным предметам по определенным законам. Эти законы, выражаясь научным языком, были открыты в результате многочисленных опытов. Конечно, это не значит, что святые отцы намеренно экспериментировали, подобно ученым-психологам. Занимаясь своей душой, сталкиваясь с множеством разнообразных трудностей, отцы делали определенные выводы, после чего систематизировали их и излагали письменно для пользы своих духовных чад и вообще всех христиан. Книга Иоанна Лествичника приносит пользу людям в течение почти полутора тысяч лет. Вот что говорит преподобный Иоанн о том, как развиваются помыслы в душе человека: «По определению рассудительных отцов, иное есть *прилог*, иное – *сочетание*, иное – *сосложение*, иное – *пленение*, иное – *борьба* и иное – так называемая *страсть* в душе. Блаженные сии определяют, что *прилог* есть простое слово или образ какого-нибудь предмета, вновь являющийся уму и вносимый в сердце; а *сочетание* есть собеседование с явившимся образом, по страсти или бесстрастно»¹⁴⁰. Действительно, бывает, что человек беседует с помыслом бесстрастно. Это происходит либо тогда, когда в человеке нет данной страсти, либо тогда, когда он преуспел в умном делании и смотрит бесстрастно вообще на все, что изображается в его уме. Последнее к нам, конечно, не относится. Мы не имеем никакого права вступать в собеседование с помыслами, потому что, как правило, сразу погрешаем уже тем, что оскверняем свой ум.

«*Сосложение* же есть согласие души с представившимся помыслом, соединенное с услаждением»¹⁴¹. То есть мы

соглашаемся с тем, что какой-нибудь греховный образ или предмет нам приятны. Это касается не только блудных помыслов, но и, например, помыслов гнева. Допустим, я вспомнил, что какой-то послушник сделал что-то не так, и принимаюсь об этом размышлять. В какой-то момент я начинаю думать, что нужно было накричать на него, наказать и так далее, значит, я уже услаждаюсь гневом. Тот же самый послушник в другой раз возбудит во мне страсть уныния, и я буду думать: «Толку с него никакого, учим его, учим... Видимо, плохо я его наставляю». Предметом страсти, конечно, выступает не сам этот человек, а ситуация, в которой я поддаюсь гневу. Это и называется сосложением.

Вы можете возразить: какое же наслаждение может быть от гнева? Но все страсти, даже такие как уныние, отчаяние или ропот, приносят своего рода наслаждение. Гневливый человек раздражается по всякому поводу, потому что ему это приятно. По той же причине унылый от всего унывает. Бывает даже, что одна и та же вещь одного человека радует, а другого приводит в удрученное состояние. Дело не в самой вещи, а в том, как мы воспринимаем действительность. Допустим, скажешь ревностному подвижнику, который любит читать святоотеческую литературу: «Брат, мы купили „Добротолюбие“, возьми и читай!» – он обрадуется: «Как хорошо! Я так давно мечтал прочитать его! Наверное, пользу большую получу». А другой ответит: «Ой, какая толстая книга. И зачем ее читать? Все равно ведь ничего не выйдет. Что нового я оттуда извлеку? Я ведь, в принципе, и так уже все знаю, а толку...» Страсти приносят наслаждение, хотя, казалось бы, в них нет ничего приятного. Конечно, с духовной точки зрения, любые страсти все равно оканчиваются мучением, потому что они опустошают душу. Это касается не только уныния и гнева, но и блудной страсти и чревоугодия. Допустим, человек предался услаждению блудными помыслами – и благодать оставила его. Или он, скажем, объелся – и не может молиться, потому что сонливость напала. Но мы не думаем о конечном результате (или стараемся не думать) – в момент искушения нам кажется, что результатом будет удовлетворение страсти.

«Пленение есть насильственное и невольное увлечение сердца или продолжительное мысленное совокупление с предметом, разоряющее наше доброе устройство»¹⁴². Чем более мы поддаемся греховному помыслу, чем более позволяем ему развиваться, тем большую власть он приобретает над нами. В результате мы почти не имеем сил отторгнуть его от себя. Если мы дойдем до такого состояния, то помысел станет мучить нас в течение целого дня или многих дней, и нам будет очень трудно освободиться от его тирании. «Борьбою называют равенство сил борющегося и боримого в брани, где последний произвольно или побеждает, или бывает побеждаем»¹⁴³. Я понимаю это изречение так: при всех перечисленных состояниях человек имеет возможность бороться. От нашего произволения зависит, победим мы (хотя, может быть, и с некоторым вредом для себя) или поддадимся помыслам окончательно. «Страстию называют уже самый порок, от долгого времени вгнездившийся в душе и чрез навик сделавшийся как бы природным ее свойством, так что душа уже произвольно и сама собою к нему стремится»¹⁴⁴. Если человек привык, например, к унынию, он в любой ситуации ищет повод для уныния. Если гнев стал для него второй природой, то он ни на что не может реагировать спокойно. И это относится к любой страсти.

«Из всех сих первое [то есть прилог] безгрешно; второе же [сочетание] не совсем без греха; а третье [сосложение] судится по устройению подвизающегося»¹⁴⁵. Слова «по устройению подвизающегося» означают, что человек судится в зависимости от того, насколько он преуспел в умном делании. Если он имеет в себе некоторые начатки бесстрастия (или, по крайней мере, беспристрастия), если в нем действует благодать и он может отвергнуть помысел, но все-таки, предавшись нерадению, принимает его, он судится более строго. Если же человек поддался услаждению, будучи новоначальным и немощным, к нему проявляется некоторое снисхождение. «Борьба бывает причиною венцов или мучений»¹⁴⁶. Думаю, не нужно объяснять, что если человек выйдет в борьбе победителем, то получит венцы, то есть приобретет благодать, например дар внимательной молитвы. Под мучениями же здесь

подразумеваются мучения совести или вечные муки, которым мы будем подвергнуты, если не покаемся.

«Пленение же иначе судится во время молитвы, иначе в другое время»¹⁴⁷. При исполнении молитвенного правила мы бываем судимы более строго по той причине, что в это время мы свободны от сторонних впечатлений. Нас ничто не отвлекает так, как отвлекает в течение дня, когда мы занимаемся различными делами. Допустим, выполняя послушание, мы порой пленяемся гневом, думая, будто другой человек сделал что-то не так. Но если мы поддаемся гневу и во время молитвы, значит, мы совершенно с собой не боремся – и за это подлежим строгому суду. «Иначе в отношении предметов безразличных, то есть ни худых, ни добрых, и иначе в худых помышлениях»¹⁴⁸. К тем, кого пленил предмет безразличный, есть некоторое снисхождение: например, человек во время молитвы задумался о своем послушании, тогда как не должен помышлять ни о чем. Скажем, Анатолий думает: «Как бы мне завтра на стол накрыть, чтобы успеть к причастию?» Это еще не так страшно. А если он думает: «Этот Миша мне так надоел! Все время меня выводит из себя, придирается без конца. Чего он от меня хочет?» – то это уже предмет не безразличный.

«Страсть же, без сомнения, подлежит во всех или соразмерному покаянию, или будущей муке»¹⁴⁹. Тот, кто поддался страсти, должен принести покаяние и избавиться от нее. Мы же часто оправдываем себя: «Слава Богу, что я на деле этого не исполняю. В наше время и это уже много». Можно еще понять, когда мы говорим так о блудной страсти: мол, слава Богу, что у меня только помыслы. Или о чревоугодии: слава Богу, что я посты не нарушаю, а всего лишь ем с удовольствием. А как вы про уныние скажете? Слава Богу, что я не вешаюсь, не топлюсь, а просто унываю?

«Но кто первое (то есть прилог в мысли) помышляет бесстрастно (то есть не допускает до страстного впечатления, но отвергает оный), тот одним разом отсекает все последнее»¹⁵⁰. Отвергать помыслы, не допускать ум до страстного впечатления – это самый лучший, самый мудрый способ борьбы. Впускать в себя помыслы, а затем при помощи

молитвы или усилия воли побеждать их – удел не просто бесстрастных, а бесстрастнейших мужей, которых в наше время нет (да и в древности их было немного). Нам же, немощным, нужно следовать одному принципу – отсекаать прилог в самом начале, отвращать ум от предмета, который может вызвать в нас страстный помысел. И никакого рассуждения здесь быть не должно: если применишь логику, то, скорее всего, запутаешься. Например, некто начнет рассуждать: «Как я могу не отреагировать на его поступок? Если я буду вести себя смиренно, то он сядет мне на голову, а потом всегда будет угнетать меня, и все будут меня презирать, и я всегда буду самым последним». Или: «Как я могу на него не прикрикнуть, если иначе он ничего не понимает?» – размышляют некоторые «подвижники благочестия». Вообще, здравых доводов к тому, чтобы поддаться страсти, можно привести много. И получится, что нет другого выхода, как только согрешить. Конечно, примеры, которые я привел, не совсем в духе толкования Иоанна Лествичника: они не аскетические, а скорее сатирические. Таким способом я хотел изобразить нелепость любых оправданий.

Вот что говорит преподобный Исихий Иерусалимский о том, как должно бороться с помыслами: «Тому, кто подвизается внутри, в каждое мгновение надобно иметь следующие четыре делания: *смирение*, *крайнее внимание*, *противоречие* помыслам и *молитву*. *Смирение*, – чтобы, как брань у него идет с соперниками – гордыми демонами, всегда иметь в руке сердца помощь Христову: ибо Господь ненавидит гордых. *Внимание*, – чтобы всегда держать сердце свое не имеющим никакого помысла, хотя бы он казался добрым. *Противоречие*, – дабы, как только уразумев, кто пришел, тотчас с гневом воспротиворечить лукавому, как говорится: *И отвечаю поношающим ми слово (Пс. 118, 42), – не Богу ли повинется душа моя? (Пс. 61, 2)*. *Молитву*, – дабы после противоречия тотчас из глубин сердца возопить ко Христу с воздыханием неизглаголанном. И тогда сам подвизающийся увидит, как враг его поклоняемым именем Иисуса, как прах, ветром развеивается и гонится прочь, или, как дым, исчезает с своим

мечтанием»¹⁵¹. Новонаначальному или тому, кто мало читал творения святых отцов, кажется, что все названное невозможно иметь в уме одновременно. Но речь здесь идет не о том, чтобы просто помнить о четырех предметах (само по себе такое памятование ничего нам не даст), а о том, чтобы приобрести и хранить четыре состояния, которые, усвоившись нам, как бы сливаются воедино.

Что такое смирение? Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что высший вид смирения – это ненадеяние на себя. Когда мы боремся с дьяволом, грехом, мы должны испытывать чувство глубочайшей немощи, причем не только осознавать свою уязвимость, но и чувствовать ее всем сердцем, всем существом. Иначе мы не сможем искренне молиться, не сможем призывать Бога из всех сил. Осознание глубочайшей беспомощности, происходящее от ненадеяния на себя, – признак духовного опыта (пусть даже отрицательного). Человек должен понимать, что по человеческой ограниченности он не может самостоятельно справиться с грехом. Если же он надеется на себя, тогда молитва ему не нужна: зачем ему внимать себе, следить за своими помыслами? Если даже они и придут, он легко отвергнет их, да он и не может согрешить в том или ином отношении – так представляется самонадеянному человеку.

Итак, смирение тесно переплетается с вниманием и молитвой. «Всегда держать сердце свое не имеющим никакого помысла, хотя бы он казался добрым», – так говорит о необходимости внимания Исихий Иерусалимский. Мы должны не просто помнить о внимании, но усиленно стремиться к нему. Когда мы боимся и чувствуем свою беззащитность, наше внимание напряжено. Человек, сознающий свое достоинство, допустим физическую силу или иное превосходство над врагом, ведет себя небрежно и беспечно. А человек, чувствующий свою немощь и уязвимость, всегда бдителен. Поэтому из одного вытекает другое: из смирения – внимание.

Нельзя сказать, что обязательна именно такая строгая последовательность. Но эти добродетели, необходимые для того, чтобы сохранить ум и душу в чистоте, действительно

связаны между собой и, так сказать, вытекают одна из другой. Мы должны внимательно следить за тем, чтобы никакой помысел не изобразился в нашей душе. Эту стадию, повторю, Иоанн Лествичник называет прилогом и говорит, что самое мудрое было бы заметить прилог при самом его возникновении и тут же ему воспротиворечить. Это не означает, что необходимо словесное возражение, хотя иногда и оно бывает полезно. Святые отцы, например Нил Сорский, говорят, что на помысел нужно ответить доброй мыслью. Изречение из Священного Писания или святоотеческое наставление действительно могут вытеснить злую мысль. Но самое главное – это наше внутреннее сопротивление, нежелание принять греховный помысел. Вот в чем сущность «противоречия», о котором говорит Исихий Иерусалимский.

Наконец, как пишет Исихий Иерусалимский, подвижающемуся необходимо иметь «*молитву*, – дабы после противоречия тотчас из глубин сердца возопить к Господу Иисусу Христу». Может показаться, что указанные Исихием Иерусалимским состояния отделены одно от другого некоторыми промежутками времени. Но нужно понимать, что преподобный Исихий описал все так подробно лишь для нашего удобства, а на самом деле все происходит мгновенно. Это очень важная сторона дела. Если мы будем выполнять четыре делания в строгой последовательности, рассуждая так: сначала я смирюсь, потом посмотрю, есть ли помыслы, потом я им воспротивлюсь, а потом помолюсь, – тогда, боюсь, до последней стадии дело не дойдет. А если и дойдет, то не будет никакого результата. Смирение, внимание, противоречие, молитва слагаются в одно напряженное, собранное внутреннее состояние. Даже если мы попытаемся представить себе, как все это в нашей душе происходит, то увидим, собственно, только молитву. Остальное ей сопутствует, будучи своего рода настроением при ней. Исихий Иерусалимский кратко говорит о том же, о чем чрезвычайно пространно рассуждали другие святые отцы: Иоанн Лествичник, Иоанн Кассиан Римлянин, русский подвижник Нил Сорский.

Конечно, было бы хорошо, если бы мы всегда во всех подробностях, во всех тонкостях держали в уме Евангелие и даже весь Новый Завет. Но это очень трудно. К тому же в иных жизненных ситуациях греховные помыслы лукаво принимают вид добрых. Поэтому нам будет легче распознавать их, если мы будем помнить святоотеческое учение о восьми главных помыслах, или страстях, изложенное также Исихием Иерусалимским: «Восемь главных помыслов греховных, коими объемлется вся область таких помыслов и от коих все они имеют свое рождение... Все они подходят к дверям сердца и, нашедши его не охраняемым умом, один за другим входят в него, каждый в свое время. Когда какой из этих восьми помыслов, поднявшись к сердцу, войдет в него, то вводит с собою целый рой нечистых помыслов и, омрачив таким образом ум и сердце, раздражает тело и влечет его к совершению срамных дел»¹⁵². Каковы именно эти восемь главных страстей, вам, конечно, известно, особенно из описания Иоанна Лествичника. Это гордость, тщеславие, уныние, печаль, сребролюбие, блуд, гнев, чревоугодие. Если мы стремимся к тому, чтобы постоянно помнить о евангельских заповедях, если мы жаждем добродетельной жизни, то должны помнить эту азбуку аскетического учения святых отцов и по ней различать приходящие помыслы. Узнав горделивый, или тщеславный, или гневный помысел, мы не должны себя оправдывать, будто не можем не согрешить. Наоборот, нам следует с самоукорением, осознанием того, что только мы виноваты в собственных грехах, воспротивиться этому помыслу с помощью тех святоотеческих советов, о которых мы только что прочитали. Они кратки и легко запоминаются. Если мы будем стараться им следовать, то можем весьма преуспеть и в молитве, и во внимании, и даже в чистоте душевной и сердечной.

* * *

Вопрос. Батюшка, почему даже среди верующих людей одни принимают молитву Иисусову, понимают ее важность, а другие с чистой совестью ее отвергают, искренне борются против нее? Неужели это одно только лукавство, а не какое-то заблуждение?

Ответ. У человека могут быть убеждения, которые не соответствуют совести. Допустим, какой-нибудь фанатичный магометанин считает, что он должен убивать неверных и что ему можно иметь четырех жен. Что в данном случае можно сказать? Ему совесть позволяет иметь даже четырех жен, а нам, монахам, вообще ни одной нельзя. Получается, что каждый из нас живет по совести – и он и мы. Следовательно, надо допустить, что совесть есть нечто производное от убеждений человека, и тогда мы не найдем никакой общей основы для нравственности людей. Конечно, в известной степени совесть действительно зависит от убеждений, однако нравственное чувство у всех людей общее. Иначе можно сделать такой вывод: если я искренний христианин, то прекрасно – буду жить целомудренно, а если я магометанин, тоже прекрасно – буду иметь четырех жен. Убеждения человека влияют на совесть: заглушают или пробуждают ее. Но нельзя сказать: «В зависимости от того, во что я верю, такую я имею и совесть». Ведь, как заметил Тертуллиан, душа всякого человека по природе своей – христианка.

Вопрос. Батюшка, ведь Тертуллиан был признан еретиком, насколько он был неправ в своих взглядах?

Ответ. Я не берусь судить. Он придерживался ереси монтанистов, и там, где проявляются его монтанистские взгляды, он неправ. Когда же он этих взглядов не высказывает, мы имеем право обратиться к его рассуждениям так же, как и к рассуждениям любого другого человека. Конечно, совсем другое дело – учение Афанасия Великого или Григория Богослова, которые являются для нас авторитетами. То, что они сказали, даже без доказательств достойно внимания и чрезвычайного уважения и, можно сказать, является непреложной истиной, их труды стоят на втором месте после Священного Писания. Мнение же Тертуллиана или любого другого не православного мыслителя не является для нас безусловно авторитетным, и в этом случае каждую такую мысль нужно рассматривать в зависимости от того, соответствует ли она православному учению, не противоречит ли ему.

Вопрос. Во время молитвенного правила приходят помыслы о послушании. Я опасаюсь, что, если не подумаю о каком-то деле сразу, то потом забуду, и рассуждаю, что лучше подумать сейчас. Это неверное рассуждение?

Ответ. Дело в том, что когда ты закончишь молитву, то все равно забудешь все, о чем думал, потому что помыслы теряют свою актуальность, как только перестаешь молиться. Прекратил молитву – и оказывается, что больше ничего не нужно: делом, о котором ты думал, можно заняться и завтра. А когда молился, беспокоили, казалось бы, очень важные вопросы.

Вопрос. Сонливость на молитве – тоже следствие нерадения о внимании и принятия помыслов (за исключением случаев, когда человек действительно устал или не спал)?

Ответ. Во-первых, сонливость может быть природным свойством человека. Поэтому вначале надо исключить эту причину, а также причины физические: усталость, недосыпание, болезнь, немощь. Если мы всё это исключим, то надо будет искать духовую причину. Хотя, конечно, одно может накладываться на другое. Например, если у человека слабого здоровья или сонливого от природы к перечисленным качествам присоединится еще и уныние, то понятно, что его сонливость усугубится. Очень часто так и бывает: природные, естественные немощи как бы подталкивают человека к тому, чтобы он поддался каким-то страстям, в частности унынию. Однако мы должны помнить, что человек – существо совершенно свободное, он не зависит от своих недугов. Иной тяжело страдает – и переносит болезни с благодарением, а другой порезал палец – и уже оплакивает свою горькую судьбу.

Вопрос. Как конкретно бороться с сонливостью во время молитвы?

Ответ. В известном смысле здесь присутствует некая физическая сторона: поскольку мы сосредоточиваемся, наш ум обращен к самому себе – ничего развлекающего нет и человек начинает засыпать. У меня тоже такое бывает по вечерам: начинаю молиться по четкам – спать хочу, а как перестаю – так и сон проходит. В этом случае нужно себя как-то подбадривать. Способ борьбы здесь только один – усугублять

внимание во время молитвы. Понятно, что на правиле, когда братия собирается вместе, молиться легче, а когда ты один – тяжелее. Кому-то, может быть, можно во время молитвы прогуливаться на свежем воздухе. Внимание уже будет не такое сосредоточенное, но все же это лучше, чем спать.

К тому же у каждого организма свои особенности. Одному утром молиться тяжелее, а вечером легче, другому – наоборот. Здесь нельзя дать определенного совета. Я уже сказал, что одна из причин, по которой человек поддается сонливости, – это уныние. Если устранить эту страсть, бороться с ней, тогда и сонливость пройдет. Однако, повторю, есть много различных естественных причин сонливости. Кроме того, причиной сонливости может быть отсутствие у человека привычки бодрствовать в молитве, ее мы и стараемся в себе постепенно воспитывать.

Когда в человеке начинает действовать благодать, тогда он нуждается в гораздо меньшем сне. Отец Рафаил (Карелин) рассказывал про одну русскую подвижницу, которая подвизалась в Грузии и немного юродствовала. Мария – так ее звали – преодолевала много километров, чтобы прийти в храм на службу, и ничего не боялась: ни зверей, ни разбойников. Один раз на нее бросилась здоровенная овчарка. Все оцепенели, а Мария спокойно протянула к ней руку, и та стала вилять хвостом. Видимо, у этой девушки была такая чистая душа. Так вот, она рассказывала отцу Рафаилу, что когда в ней действовала непрестанная молитва, то она вообще не спала. Один раз она ночевала на паперти и не могла спать целую ночь от действия молитвы. Это пример того, что человек, в котором действует благодать, нуждается в отдыхе гораздо меньше, чем тот, кто только понуждает себя к бодрствованию. Можно даже сказать так: чем больше в человеке благодати, тем бодрее он себя чувствует. Тому, кто достигает определенного преуспевания, благодать особенным образом дает силы: он не только нуждается в меньшем отдыхе, но и в меньшем количестве пищи, может больше подвизаться. Об этом пишут святые отцы.

Вопрос. Вы говорили, что на молитве для усиления внимания не следует допускать каких-то взбадривающих

помыслов. Если принять во внимание учение Исихия Иерусалимского о четырех деланиях, то в какой степени именно на правиле допустимо как бы тонкое рассуждение по поводу того, чего не хватает для достижения внимания? Например, ты понуждаешь себя к вниманию, но чувствуешь, что не хватает силы противостоять помыслам, не хватает душевной бодрости, чтобы бороться за молитву.

Ответ. Разумеется, за собой нужно следить. Контроль перестает быть необходимым тогда, когда мы совершенно погружаемся в молитву, как бы влекомые благодатью Святого Духа. В других случаях мы все равно смотрим на себя немного со стороны. Конечно, бывает, что углубляешься в молитву и чувствуешь, что контроль над собой несколько мешает. Тогда надо быть смелее: не то чтобы отбросить эти помыслы, но пренебречь ими, если к ним влечется внимание. Если же все происходит обычным порядком, – тогда, конечно, нужно себя контролировать.

О двух главных заповедях Господних¹⁵³

И приступль един от книжник, слышав их [Господа с саддукеями] стязающихся и видеv, яко добре отвеща им, вопроси Его: кая есть первая всех заповедей? (Мк. 12, 28). В одной из своих бесед я говорил о том, что книжники иногда подходили к пониманию важнейших истин ветхозаветного закона сугубо теоретически. Книжник, о котором здесь говорится, имел правильный взгляд на догматические и нравственные положения Моисеева закона, при этом он, может быть, еще не прозревал скрывающихся за буквой закона истин Нового Завета. Услышав справедливые слова Спасителя о бессмертии души, о вечной жизни и воскресении мертвых, этот книжник решил задать Ему вопрос, желая выяснить, сможет ли Господь Иисус Христос, правильно ответивший на вопрос догматический, так же мудро ответить на вопрос нравственного характера, – *и видеv, яко добре отвеща им, вопроси Его: кая есть первая всех заповедей?*

Заповеди, о которых далее говорит Спаситель, содержатся в разных частях пятикнижия Моисеева. Но сами исследователи закона проводили между ними связь и понимали, что эти заповеди следуют одна из другой. Мы знаем об этом из рассказа евангелиста Луки о законнике, искушавшем Господа. Кроме того, наш собственный опыт свидетельствует, что из исполнения одной заповеди проистекает исполнение другой.

Иисус же отвеща ему: яко первейши всех заповедей: слыши, Израилю, Господь Бог ваш Господь един есть (Мк. 12, 29). Это – первейшая заповедь среди прочих, в особенности формальных, внешних, на исполнение которых иудеи обращали особое внимание. Именно в противовес такому формальному пониманию закона – соблюдению внешних предписаний и ритуалов (принесению жертв, соблюдению постов и так далее) – Господь указывает на самую сущность закона. И в наше время люди, пришедшие в Церковь (в особенности новоначальные), основное внимание обращают

именно на внешнюю сторону благочестия: на то, когда нужно креститься, когда кланяться, какие читать молитвы, даже на то, как одеваться. Женщины, например, придают особое значение тому, как надо одеваться в Великий пост. Существует обычай в Великий пост носить черные платки и одеваться более строго, и даже не просто строго, а так, как обычно одеваться не принято. Не знаю, откуда этот обычай происходит, Евангелие учит нас иному. И это совсем не пустяк. Мы слишком часто заботимся о внешнем и пренебрегаем внутренним, потому что нам кажется, будто исполнение внешних предписаний приносит пользу и спасительно само по себе. Об этом Господь сказал: *Вы оцеживаете комара, а верблюда поглощаете* (см. Мф. 23, 24). Это значит: «Вы обращаете внимание на ничтожные вещи, мелочи и бываете в отношении них щепетильны, а великими заповедями пренебрегаете». Поэтому вопрос книжника был не праздным, а чрезвычайно важным: сам исторический опыт привел иудеев к необходимости выяснить, какая заповедь является наиглавнейшей. И мы также не должны считать, будто нам давно все ясно. Если мы трезво посмотрим на самих себя, то увидим, что как раз главной заповедью мы часто и пренебрегаем, потому что все наше внимание и все силы уходят на соблюдение разнообразных внешних предписаний.

Слыши, Израиль, Господь Бог ваш Господь един есть – слова эти можно и нужно понимать буквально, но в них есть и таинственный смысл. Под Израилем понимается народ Божий. Во времена Спасителя это обращение относилось преимущественно к членам ветхозаветной Церкви, а в наше время – к новому Израилю, то есть к членам Святой Православной Церкви, какой бы национальности они ни были и в какой бы стране ни жили. *Господь Бог ваш Господь един есть* – это проповедь единобожия. Есть Всевсвятое, Всесовершенное Существо, Которым сотворен мир и дарованы заповеди, и Его мы должны почитать единым. Все те предметы и явления, которые у других народов именуются богами или святынями, для истинно верующих не имеет никакого значения.

Эту же заповедь, точнее ее вводную часть: *Слыши, Израилью*, можно понимать и в глубоком духовно-нравственном смысле. Под Израилем мы можем и должны подразумевать не только народ Божий, не только Церковь, но и каждого конкретного человека, который желает видеть Бога, быть созерцателем славы Божией, потому что слово «Израиль» означает «зрящий Бога». Это имя было дано праведному Иакову после того, как он боролся с Богом, явившимся ему в человеческом образе. Называться Израилем имеет право каждый, кто силится достичь духовного общения с Богом, подобно нашему духовному предку Иакову-Израилью. Именно к такому человеку – к тому, кто в своей молитве стремится вступить в созерцание Божественной славы, – и относится обращение: *Слыши, Израилью, Господь Бог ваш Господь един есть*.

Слово «Господь» можно понимать не только как одно из Божиих имен. Господь Бог – Господин в буквальном смысле слова, поэтому мы должны служить Ему единому. Это не значит, что мы не должны добросовестно исполнять свои обязанности перед людьми, будь то в миру или в обители, или что мы можем ими пренебречь, – это было бы странное понимание заповеди, хотя на первый взгляд и кажется вытекающим из нее. Свои обязанности перед людьми мы должны исполнять так, как будто мы служим Богу. Насколько добросовестно мы к этим обязанностям относимся, настолько и исполняем заповедь: *Господь Бог ваш Господь един есть*. Такое духовно-нравственное понимание заповеди должно служить для всех руководством к действию, и в первую очередь для монашествующих, которые даже во внешней жизни стремятся к тому, чтобы никто и ничто ими не руководило, кроме единого Бога. Те, кто стремится к преуспеянию в молитве и для кого молитва – главнейшее и важнейшее занятие (чем бы они кроме нее по необходимости ни занимались), должны последовательно и неуклонно исполнять эту заповедь: всегда и во всем повиноваться единому Богу. И никакие посторонние воздействия, будь то мнение людей или

общепринятые жизненные принципы, не должны на них влиять, уводя от этого служения.

Слыши, Израиль, Господь Бог ваш Господь един есть: и возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею: сия есть первая заповедь (Мк. 12, 29–30). Человек обязан стремиться именно к такому исполнению заповеди. Ни в коем случае мы не должны толковать ее только аллегорически и лишь поверхностно воспринимать слова о том, что Бог един, – потому что между догматическим и нравственным содержанием этих слов не может быть никакого противоречия. Тогда, исполняя эту заповедь, в особенности в молитве, мы сможем *возлюбить Господа Бога всем сердцем, и всей душою, и всем умом и всей крепостью.*

Возлюбиши Господа Бога всем сердцем, – думаю, вы и без меня хорошо знаете, что Священное Писание называет сердцем не телесный орган. В Священном Писании говорится: *От сердца бо исходят помышления злая (Мф. 15, 19)*, от сердца как от органа, который приводит в действие кровообращение, конечно, никакие помышления не исходят. Более того, место, в котором находится сердце, являющееся центром духовной жизни человека, не совпадает с местом, в котором расположено анатомическое сердце. Медицинские данные, свидетельствующие о том, что сердце находится совсем в ином месте, нежели описывают святые отцы, неоспоримы. Но и святоотеческий опыт также совершенно неоспорим – мы знаем это по результатам: тем ощущениям, которые мы испытываем, когда следуем учению святых отцов о местонахождении сердца. Иначе говоря, одним и тем же словом мы называем два разных сердца: одно – анатомическое, а другое – духовное. Если мы их отождествим, у нас возникнет много вопросов. А человек, который хорошо знает анатомию, может начать неправильно молиться, и результаты будут весьма плачевные. Конечно же, мы любим Бога именно тем сердцем, которое является центром нашей духовной сущности.

Любить Бога нужно не какой-то частью или половиной сердца, а *всем сердцем*. Исполнение этой заповеди возможно при усиленном духовном подвиге, в особенности молитвенном. Человек, преуспевший в этом отношении, уже не может любить никого — ни великого, ни малого, — кроме Бога. Ничто земное и временное, каким бы возвышенным и необыкновенным оно ни было для людей, уже не может вызвать в нем сердечную привязанность или хотя бы привлечь его внимание.

Часто нам кажется, будто мы любим Бога всем сердцем, — ведь мы понимаем, что это необходимо. Однако на деле оказывается, что иногда самые пустяковые вещи вызывают в нас такое пристрастие, что мы приходим в негодование, если они теряются или повреждаются. Получается, что эти вещи занимают часть нашего сердца и отнимают нашу любовь. Умом мы понимаем, что этого быть не должно, и оттого нам кажется, что этого нет. Но я приведу очень простой, всем известный и понятный пример. Часто бывает, что близкие люди, или домашние животные, или имущество, или какие-то занятия волнуют нас до такой степени, что ради них мы либо оставляем молитву, либо пытаемся молиться, но все равно испытываем сильнейшее беспокойство. Но если мы теряем внимание, устремляясь мыслями к тому или иному предмету, и оставляем молитву, то обнаруживается, как это ни ужасно звучит, что этот предмет мы любим больше, чем Бога. При трезвом и беспристрастном взгляде на себя мы увидим, что совсем не исполняем заповедь, которая, как сказал Спаситель, *есть первая* (в ином месте о ней говорится: *первая и наибольшая*). Самое страшное, что мы даже и не хотим ее исполнять и считаем такое состояние вполне нормальным. Мысль о том, что по сравнению с любовью к Богу все является ничтожным и что Бога ничто не достойно, мы отождествляем со своими сердечными ощущениями. Однако если ум лукавит и пытается сам себя в чем-то убедить, то сердце остается искренним: оно не скрывает, что в нем нет того, в чем мы убеждены умом. Сердце говорит страшные слова: «Я Бога не люблю, Он мне безразличен». Мы даже не можем

сказать, что любим Бога какой-то частью сердца и что в нас происходит борьба между любовью к Нему и иными привязанностями, например: к родственникам, друзьям, занятиям, к каким-нибудь вещам. Скорее, в нашем сердце вообще нет никакой любви к Богу.

Не раздумывая, сердце полностью устремляется к тому, что для него дорого, во что оно верит. Поэтому то, в чем мы убеждены сердцем, и есть наше настоящее убеждение. Все остальное – это в лучшем случае понуждение себя к исполнению заповеди, а в худшем – лишь некое благочестивое, возвышенное размышление, так сказать, верхний слой нашей душевной жизни. Так на поверхности моря может быть легкая рябь или тишина, а в глубине в это время может происходить что-то непостижимое. Другой пример: бывает, что снаружи дом выглядит красиво, а внутри творятся непотребства или он разорен. Тайное мнение сердца, по словам Иоанна Лествичника, обнаруживается через искушения. Происходит какое-то событие – и вдруг оказывается, что мы только думали, что любим Бога. Внимательный человек замечает это в себе очень часто. Такое видение нужно нам не для того, чтобы грустить и печалиться, ибо это совершенно бесполезно. Необходимо осознать свое неправильное состояние и понудить себя к тому, чтобы внедрить любовь Божию внутрь себя, в свое существо, в свою сущность, каковой является сердце.

Вслед за сердцем говорится о душе: *И всею душею твоею*. Понятно, что если человек любит Бога важнейшим, центральным органом, который служит источником человеческого духа, то чувство любви распространится на всю его душу (а душа – синоним жизни). Все жизненные проявления в нем будут проникнуты любовью к Богу, все будет делаться ради Бога и для Бога, все станет служением Ему. Именно тогда человек исполнит заповедь, которая требует, чтобы мы во всем, в великом и ничтожном, повиновались Господу Богу, Который есть единый наш Господин. Некоторым представляется, что в важных вещах мы должны покоряться Богу, а в ничтожных можем делать исключения: удовлетворять свои пожелания, потворствовать своим слабостям, отступать от принципа любви,

например, ради снисхождения к дорогим для нас людям или ради какого-то занятия или увлечения. Но, пренебрегая этой заповедью в мелочах (даже если нам кажется, что в главном мы ее исполняем), мы совершаем великое нравственное преступление. Мы должны любить Бога всем сердцем, а всего сердца у нас для Него нет: оно уже чем-то занято. Иногда оно занято множеством мелочей, которые мы считаем ничего не значащими, но которые отнимают всю нашу любовь и завладевают всей нашей душой.

Нам заповедуется любить Бога *всем умом*: ум предполагает наличие нескольких способностей, в том числе созерцания и рассуждения. Некоторые святые отцы слова *возлюбиши Бога всем умом* толкуют как необходимость внимания при молитве и таким образом относят их к созерцательной способности человеческого ума. Но есть еще одно справедливое толкование. Под *всем умом* можно понимать все способности ума, в том числе и рассуждение. Мы должны попытаться понять, как правильно любить Бога, как вести себя, чтобы не погрешить против главной заповеди. Некоторым представляется, что заповедь является неким однозначным принципом, поэтому можно слепо следовать ему и ни о чем не думать. Но Бог создал человека разумным, и это, по словам Иоанна Дамаскина, свидетельствует о том, что человек – свободное существо. Рассуждая о том, как мы должны поступать, мы следуем воле Божией и исполняем Его заповеди. Если бы все было раз и навсегда известно, то разум бы человеку был не нужен.

Мы, православные христиане, не придерживаемся мнения, будто человеком руководит рок или судьба. В каждой конкретной ситуации всякий из нас должен самостоятельно разобраться, как ему лучше поступить, чтобы исполнить волю Божию: главную и первейшую заповедь о любви к Богу, а также ее отражение – заповедь о любви к ближнему. Рассуждать человек должен всегда.

Послушание, откровение помыслов, отсечение своей воли есть то же рассуждение, но выраженное в особой форме. Старец, старица или духовник обладают бóльшим здравым

смыслом и рассуждением, чем мы. Учитывая свою неопытность, мы должны отсеять свои стремления и повиноваться тому, кто больше нас, по выражению Иоанна Кассиана Римлянина, предупел в монашеской жизни. Здесь нет ничего особенного, мы просто подчиняемся более опытному человеку. На этом держится настоящее монашество. В истории Церкви были периоды, когда послушание, если можно так выразиться, отступало на второй план, потому что не было опытных наставников. Но рано или поздно Господь воздвигал людей, которые возобновляли это делание, и монашество вновь входило в свое традиционное русло. Например, Паисий Величковский не имел постоянного старца, но благодаря собственному опыту достиг такого состояния, что сам стал старцем. А его учениками было насаждено старчество во многих обителях Российской империи.

Итак, *возлюбить Бога всем умом* – значит внимательно молиться и иметь духовное рассуждение. Под рассуждением же нужно понимать не обычный здравый смысл (хотя его иметь тоже неплохо), а именно следование воле Божией. Иной человек обладает многими навыками, умеет общаться с людьми и действовать дипломатично, может добиваться своих практических целей, но все это проявление того разума, о котором в Евангелии сказано: *Сыны века сего догадливей сынов света в своем роде* (Лк. 16, 8). Действительно, предприниматели или политические деятели *в своем роде* – в практическом отношении – умнее нас, мы по сравнению с ними простаки.

Под рассуждением подразумевается не просто теоретическое знание православного вероучения, а именно деятельный опыт исполнения воли Божией – заповедей. Он настолько ценен, что мудрые люди предпочитали опытных в этом отношении подвижников тем, кто имел лишь теоретические познания. В конце XIX – начале XX века в знаменитую Оптину пустынь приезжало множество паломников самого разного звания, чтобы получить совет опытных наставников. В то же самое время в Санкт-Петербургскую духовную академию, дававшую блестящее образование, никакие паломники не

приходили. Это и неудивительно: в повседневной внутренней жизни, в деле спасения нам важны не столько книжные истины, сколько умение следовать воле Божией, научить которому нас может только тот, кто сам имеет хоть некоторый опыт в этом отношении.

Возлюбить Бога всем умом – значит познавать волю Божию и, в частности, иметь послушание более опытному в этом отношении человеку. Если мы испытываем отвращение к тому, чтобы отсекал свою волю и разум, если для нас это трудно и мучительно, то этим мы обнаруживаем, что не любим Бога всем умом. Вспомним святителя Игнатия (Брянчанинова): часто бывало так, что он повиновался даже не наставникам, а старшим по послушанию, которые были гораздо менее опытны, чем он. Однажды из послушания он поздней осенью во время рыбной ловли бросился в холодную воду, чтобы распутать невод. Это подорвало его здоровье на всю жизнь, но такое безоговорочное послушание принесло плод в духовном отношении даже не сториичный, а, наверное, тысячекратный – святитель Игнатий приобрел необыкновенную, великую мудрость, по сей день питающую и наставляющую монахов. Как сказал преподобный Варсонофий Оптинский (в те времена, когда еще существовало старчество и духовное руководство), без творений святителя Игнатия (Брянчанинова) мы сейчас не могли бы даже понять, что такое монашество. Вот что значит любить Бога всем умом! Мы должны думать не о своей пользе, не об удовлетворении своих желаний (может быть, и невинных, но не соответствующих главной заповеди), а только о том, как любовь к Богу сделать руководящим принципом своей внутренней жизни.

Далее говорится: *И всею крепостию твоею*. Слово «крепость» также можно понимать двояко. Во-первых, под этим словом подразумевается телесная крепость, и это уже немало: человек – существо двусоставное, поэтому мы обязаны служить Богу не только душой, но и телом. Под телесным служением Богу подразумеваются пост, коленопреклонения и другие ограничения и стеснения плоти. Они в сильнейшей степени способствуют тому, чтобы мы возлюбили Бога духовно, поэтому

пренебрегать ими нельзя. К телесным подвигам относится и ограничение себя в общении, уединение: ведь уходя из мира, мы как бы обособляемся от него телом, изменяя, кроме всего прочего, и внешнюю сторону нашей жизни. Но этим не исчерпывается содержание заповеди. Возлюбить Бога *всею крепостию* – значит возлюбить Его, напрягая все наши силы. В противном случае мы эту заповедь не исполним. Любить Бога мы должны не частью наших сил, не настолько, насколько получается, а всей нашей крепостью, телесной и, самое главное, душевной. Когда мы достигнем крайнего, последнего напряжения и когда нам покажется, что это уже выше наших сил, – тогда мы сможем победить грех. Но если такого напряжения не будет, то мы обязательно преткнемся. Если мы не выработаем в себе привычку понуждать себя ради Бога, то останемся безуспешными, или, как еще говорят, будем топтаться на месте. Многие люди даже не осознают, что необходимо любить Бога именно всей крепостью, и удивляются, почему у них не получается исполнить заповеди, почему они продолжают грешить; они чуть ли не обвиняют Бога в том, что Он их несправедливо оставил. Но Бог никогда не оставляет человека. Мы сами не напрягаем всех своих сил, как должно, и потому не имеем успеха, не имеем результата.

Обратите внимание на повторение слова «всем»: *Всем сердцем, и всею душою, и всем умом, и всею крепостию*. Нужно напрячься не просто сильно, а изо всех сил. Когда же мы понудим себя на крайнее усилие: такое, которое превосходит наше обычное напряжение и потому кажется нам превышающим наши возможности, тогда придет и помощь Божия. Как говорит Пимен Великий, если мы боремся, то и Господь поборает за нас, а если не понуждаем себя, то и Господь нам не помогает. Конечно, бывают ситуации, когда соблазн не так уж силен и страсть действует не столь откровенно и могущественно, как какая-нибудь из наших главных страстей. Тогда нам хватает малого напряжения, чтобы преодолеть соблазн и побороть искушение. Но если в нас действует господствующая страсть, которая уже стала нашим естественным состоянием и повеления которой мы привыкли

выполнять, то победить ее мы можем только тогда, когда в точности, буквально исполним заповедь Спасителя: *Возлюбиши Господа Бога твоего всею крепостию твоею*. В этой заповеди есть и некоторое утешение: каждый любит Бога настолько, насколько у него хватает сил. Даже немощнейшему из всех людей Господь поможет победить грех, если этот человек приведет в движение все свои силы. И наоборот, человеку с огромной силой воли, если у него не будет этого крайнего внутреннего напряжения, не поможет ничто. Дьявол окажется сильнее его, грех и соблазн победят, и человек, хотя и могучий душевно, преткнется и упадет. Как говорит пословица, может быть, не совсем точно подходящая к данной ситуации, на всякого мудреца довольно простоты.

Сия есть первая заповедь – она действительно первая во всех отношениях, потому что имеет наибольшее значение и потому что из нее проистекают все прочие заповеди, в том числе и вторая, подобная ей: *Возлюбиши ближняго своего яко сам себе* (Мк. 12, 31). Если в нас не будет любви к Богу, действующей так, как преподано в первой заповеди (а не так, как нам хочется), то мы никогда не сможем возлюбить ближнего, потому что истинная любовь к ближнему естественно проистекает из любви к Богу. И, как сказал один подвижник, такую любовь водворяет в сердце молитва Иисусова. Это, безусловно, правильное суждение, исходящее исключительно из опыта, а не из отвлеченных размышлений. Действительно, когда мы внимательно, покаянно молимся, думая будто бы только о борьбе с собственными грехами и о прощении своих прегрешений, в нас неожиданно возникают чувства сострадания, жалости, любви к ближнему. Причем они не рождаются произвольно, от ума, а приходят как некое естественное состояние нашей души, нашего сердца. Может быть, это бывает лишь на минуту, на мгновение из-за нашей неопытности и несовершенства, но все же бывает.

Я думаю, все вы также испытывали то состояние, которое бывает после благодатной службы, например, в Великий пост или в большой праздник. Постояв на богослужении, исповедавшись и причастившись, мы испытываем доброе

расположение ко всем людям, с кем бы ни столкнулись: например, если к какому-то несправедливому замечанию мы в другое время отнеслись бы с раздражением, то тут бываем снисходительны, благородны и добры. Вот еще одно свидетельство того, что вторая заповедь (о любви к ближнему) подобна первой, наибольшей. Как Бог есть Первообраз, а человек – образ Божий, так и заповедь о любви к Богу – первообраз, а заповедь о любви к человеку – образ первой заповеди. То, как человек любит Бога, нельзя ни увидеть, ни почувствовать, ни изобразить: это его внутреннее достояние, его тайна. Но это непроизвольно обнаруживается во время общения с другими людьми. Конечно, бывают люди добрые от природы, и они часто проявляют снисходительность и участие. Но когда бывает затронута какая-то страсть этого человека (а страсти, конечно, есть у всех), то у него всякая снисходительность сразу же пропадает и появляется жестокость и грубость. Обнаруживается естественное состояние человека. В то же время сверхъестественное, благодатное состояние любви незаметно приводит человека к тому, что он с любовью, состраданием, участием относится ко всем людям, независимо от того, досаждают они ему или нет.

Заповедь о любви к ближнему можно сравнить с телом, а заповедь о любви к Богу – с душой. И как в поступках и даже в мимике, то есть в телесных движениях, человека проявляется свойственное ему душевное расположение, так и в поведении его по отношению к ближнему обнаруживается внутреннее состояние этого человека и то, в какой мере он исполняет заповедь о любви к Богу. Вспомним повествование евангелиста Матфея, в котором приведены слова Господа нашего Иисуса Христа о том, что, служа ближним, мы служим Ему Самому: *Речет Царь сущим одесную Его: приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира: взалкахся бо, и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; странен бех, и введосте Мене; наг, и одеясте Мя; болен, и посетисте Мене; в темнице бех, и приидосте ко Мне. Тогда отвещают Ему праведницы, глаголюще: Господи, когда Тя видехом алчуща, и напитахом?*

или жаждуща, и напоихом? когда же Тя видехом странна, и введохом? или нага, и одеяхом? когда же Тя видехом боляща, или в темнице, и приидохом к Тебе? И отвецав Царь речет им: аминь глаголю вам, понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе (Мф. 25, 34–40). Спаситель указывает, как нужно относиться к ближним: мы должны видеть в них меньших братьев Господа Иисуса Христа, более того – видеть Самого Христа. Творя добро людям, мы творим его Самому Христу.

Если о Боге мы не обладаем ясным представлением, поскольку еще не имели опыта богообщения, и Бог кажется нам непонятным, недоступным, непостижимым Существом, то Христос, Сын Божий, воплотившийся и живший в человеческом облике, представляется нам более конкретным. Поэтому нам проще видеть в каждом человеке не просто образ Божий, но Самого Христа. Икона, изображающая Господа Иисуса Христа, сделана руками человеческими, а человек, образ Божий, – это икона, сделанная руками Божиими, поэтому она неизмеримо более ценна и ей нужно оказывать гораздо большее поклонение. И поклоняясь человеку, мы не совершаем ничего унижительного для себя, если поклоняемся ему не как чему-то чуждому Христа, а как образу Христову, брату Христову или даже Самому Христу, присутствующему в этом человеке.

Конечно, при помощи одного рассуждения достигнуть такого состояния вряд ли можно. Мы должны долго, упорно трудиться (может быть, в течение многих лет), в особенности в молитве Иисусовой, чтобы действительно возлюбить Бога всем сердцем, всей душой, всем умом, всей крепостью. Исполнив первую, наибольшую заповедь, мы сможем исполнить и вторую, подобную ей. Конечно, не следует делать примитивный вывод, будто нужно понуждать себя только к первой заповеди, а ко второй до времени можно проявлять полное безразличие. По мере приобретения любви к Богу появляется и любовь к ближнему. Для того, кто испытал любовь к Богу, непонятно, как можно не любить человека. Апостол Иоанн говорит: *Не любящий брата своего* (изображение Божества, образ Божий, образ Христов! – Схиизум. А.), *которого видит, как может*

любить Бога, Которого не видит? (1Ин. 4, 20). Это не просто нравоучение, а изложение апостолом Иоанном собственного опыта. Он с изумлением спрашивает человека, как тот может совершать такую абсурдную вещь: выказывать безразличие к ближнему и при этом нелепейшим образом утверждать, что любит Бога.

Возлюбиши ближняго своего яко сам себе. Каждый человек любит себя. Иные считают это чувство неправильным, другие – естественным, но так или иначе оно в нас присутствует. Поскольку люди давно утратили мерило того, как нужно относиться к ближним, то этот критерий, заключенный в каждом из нас и преподанный еще в Моисеевом законе, Господь Иисус Христос нам называет вновь. Конечно, понятие «ближний» имеет уже более широкий смысл: под ближним подразумевается всякий человек, с которым мы вступаем в общение и который в нас нуждается. Он такой же, как и мы, наши различия непринципиальны. Нельзя сказать, что один человек по какой-то причине более подобен Богу и является более точным Его образом, чем другой. Это не зависит ни от пола, ни от образования, ни от национальности, ни от положения в обществе, ни даже от способностей человека, – и поэтому никакой человек не может иметь преимущества перед другим. Но мы, к сожалению, судим обо всем превратно. Мы часто думаем: почему этот человек имеет преимущество предо мной, почему он выше меня? А должны бы думать: почему я отдаю предпочтение себе, любя больше себя, чем его? Мы действительно любим себя больше, нежели ближнего, хотя Спаситель впоследствии заповедал нам любить ближнего даже больше, чем себя. Господь сказал: *Да любите друг друга, как Я возлюбил вас* (Ин. 15, 12), а Он отдал за нас Свою жизнь. Но для нас, немощных, будет чрезвычайно много и того, если мы будем любить ближнего столько же, сколько любим себя, – то есть исполним заповедь хотя бы отчасти.

Если мы посмотрим на себя внимательно, то увидим, что и этой меры любви в нас нет. Если в какой-то степени мы любим и ближнего, то отнюдь не больше, чем себя. Это проявляется часто в самых пустяковых бытовых мелочах,

особенно когда люди живут вместе, например в общежитии. Примеры этого ничтожны и смешны, но зато всем знакомы: мне холодно, значит, я комнату проветривать не буду и пусть другим будет душно. В нашей жизни тьма мелких случаев, которые показывают наше внутреннее состояние. Когда нужно выбрать между собой и ближним, мы почти всегда предпочитаем себя, причем без всякого стыда. Мы не только не хотим исполнять заповедь о любви к ближнему, не только нарушаем ее ежеминутно, но и нисколько не стыдимся этого, хотя нам следовало бы желать сквозь землю провалиться, потому что так нагло попирать заповедь – это позор!

На самом деле можно сказать, что мой ближний есть то же, что и я. Конечно, каждый из нас обладает индивидуальностью и неповторимостью, но это не делает нас лучше другого, – ведь и другой имеет свою неповторимость. Во всем же остальном у нас одна и та же человеческая природа.

Но это несколько отвлеченное рассуждение, а на самом деле любовь к ближнему приходит оттого, что в нас благодатно действует любовь к Богу. В какой степени она действует, в той мы и видим в ближнем образ Божий или Самого Бога, Которому мы должны служить. Это не значит, что мы, как пантеисты, думаем, что Бог – это все окружающее. Мы считаем, что каждый человек не часть Бога, а Его изображение. Если же мы не любим это изображение, то тем самым показываем, что не любим и Первообраз, с Которого это изображение «скопировано».

Возлюбиши ближняго своего яко сам себе – очень простая и короткая формула, но в ней заключена бездна мудрости и содержится руководство к бесконечному действию. Всю жизнь можно потратить на то, чтобы исполнить эти несколько слов. Преподобный Максим Исповедник в «Слове о подвижнической жизни» говорит, что тем, кому по немощи не удастся удерживать в памяти все Евангелие (хотя следовало бы это делать), достаточно помнить о двух главных заповедях: о любви к Богу и о любви к ближнему. Следовать им и трезвиться ради того, чтобы не отступить от них, – это внутренний маяк, помогающий правильно проводить духовную жизнь. *Большая*

сею ина заповедь несть (Мк. 12, 31). Бо льших заповедей, чем сии две, нет, – в них все заключено. Как говорит апостол Павел, *любовь есть совокупность всех совершенств* (см. Кол. 3, 14).

И рече Ему книжник: добре, Учителю, воистинну рекл еси, яко един есть Бог, и несть ин разве Его; и еже любити Его всем сердцем, и всем разумом, и всею душою, и всею крепостию, и еже любити ближняго яко себе, боле есть всех всесожжений и жертв (Мк. 12, 32–33). Больше всех всесожжений и жертв – это очень важные слова. Конечно, нам не нужно пренебрегать ни богослужением – а именно его можно подразумевать под словами «всесожжения и жертвы», – ни благочестием. Но мы должны понимать, что исполнение первых заповедей гораздо важнее всего остального. Аккуратное выполнение своего долга, допустим вычитывание правила, посещение богослужений, соблюдение постов и прочее, даже подвиги, даже внешнее отречение от чего-либо ради Бога (что тоже можно считать жертвой), – значит несравнимо меньше, чем любовь к Богу и ближнему. Целью служит не сам подвиг, каким бы он ни был, пусть даже это будет умное делание, а любовь к Богу и Его образу.

Краткой беседой Господа Иисуса Христа с книжником мы можем руководствоваться в течение всей жизни. Здесь заключена бездна мудрости и содержатся все требования, предъявляемые к человеку. Можно сказать, что это Евангелие в Евангелии. О двух главных заповедях можно бесконечно размышлять, постоянно стремиться к их исполнению и укорять себя за нерадение. В них открыто все, что необходимо нам не только для спасения, но и для совершенства.

Иисус же виде, яко смысленно отвеца, рече ему: не далече еси от Царствия Божия (Мк. 12, 34). Человек, понимающий, подобно этому книжнику, что любовь выше всех всесожжений и жертв, не далек от Царствия Божия. Это не значит, что нам не нужны никакие обряды, не нужны богослужения и правила благочестия, как считают сектанты. Но все внешние стороны веры – это лишь многообразные средства к достижению цели, а цель – это любовь. И если мы не имеем любви, которая нам необходима и которая является нашим

христианским, и в особенности монашеским долгом, то будем укорять себя и смиряться, и стремиться к ней, а не оправдываться нелепейшим образом, рассуждая, например, так: я не люблю ближнего своего, как самого себя, потому что он хлопает дверью.

В евангельском тексте: *Иисус же виде, яко смысленно отвеща*, – слово «смысленно» означает «разумно», «правильно». Но мы видим, что книжник отвечал не только разумно, но и с восторгом, с радостью, из глубины души: *Добре, Учителю, воистинну рекл еси*. Эта искренность очень важна (Спаситель не похвалил бы его, если бы он говорил лицемерно). Если мы вновь посмотрим на себя трезво, то с горечью заметим, что мы не можем утверждать, будто искренне в сердце своем принимаем эту заповедь как принцип, который ни при каких обстоятельствах нельзя отвергнуть или умалить и которому до лжно следовать без всякого оправдания, без всякого отступления и извинения. В своей душе мы не убеждены в его правильности, и потому, к сожалению, о нас нельзя сказать то, что сказал Господь об этом книжнике: *Не далече еси от Царствия Божия*. Человек, который всем сердцем принимает две главнейшие заповеди, очень близок к Царствию Божию: и к спасению в вечности, и к обретению Царствия внутри себя. *И никтоже смеяше ктому его вопросити* (Мк. 12, 34). Действительно, о чем еще нужно спрашивать? Ничто больше не должно интересовать человека, получившего глубочайшее, всеобъемлющее откровение о принципах жизни.

И отвещав Иисус глаголаше, уча в церкви: како глаголют книжницы, яко Христос Сын есть Давидов? Той бо Давид рече Духом Святым: глагола Господь Господеви моему: седи одесную Мене, Дóндеже положу враги Твоя подножие ногама Твоима. Сам убо Давид глаголет Его Господа: и откуда Сын ему есть? И мног народ послушаше Его в сладость (Мк. 12, 35–37). Ранее Господь приводил заповеди из Ветхого Завета, а теперь придает им новозаветный смысл. Мы не знаем в точности, сколько длился этот разговор, не опущены ли какие-то второстепенные подробности. Вероятно, прошло всего

несколько минут с тех пор, как Спаситель сказал: *Господь Бог ваш Господь един есть*. И вдруг Он говорит: *Глагола Господь Господеву моему*. Значит, есть два Господа? Казалось бы, здесь явное противоречие с только что приведенным изречением из Священного Писания. Но это противоречие существует только для иудеев или магометан, понимающих единобожие примитивно, верующих, как выражаются некоторые современные богословы, в одинокого Бога. А для нас, православных, никакого противоречия в этом нет, ибо здесь открывается тайна единосущия Божия. *Глагола Господь Господеву моему* означает: «Бог Отец говорит Богу Сыну». Сопоставив это с первой из всех заповедей: *Слыши, Израиль, Господь Бог ваш Господь един есть*, мы обнаружим, что Господа два, но Господь един. Спаситель преподавал здесь учение о единосущии Лиц Пресвятой Троицы, правда, пока еще в прикровенной форме, не так ясно, как впоследствии ученикам на Тайной вечери. *Уча в церкви*, Он упоминает и о Духе Святом, но лишь намеком, для желающих познать учение о Пресвятой Троице: *Той бо Давид рече Духом Святым*.

Помимо догмата о Пресвятой Троице здесь содержится наставление и о том, как мы должны на деле осуществить любовь к Богу: о молитве Иисусовой. *Глагола Господь Господеву моему: седи одесную Мене, Дóндеже положу враги Твоя подножие ногама Твоима* – Иисус Христос есть Сын Божий, такой же Господь, как Бог Отец и как Дух Святой. Любовь к Богу легче всего проявляется, когда мы призываем Сына Божия. Всех врагов Его Бог Отец положит к ногам Его, как делали это цари с покоренными и побежденными противниками. Отсюда следует, что если мы хотим победить всех врагов Божиих, – которые являются и нашими врагами, поскольку мы стремимся любить Бога, – то нам удобнее и легче всего призывать в молитве именно Господа Иисуса Христа. Тогда действительно все враги Божии, мешающие нам исполнить заповедь о любви к ближнему (в первую очередь, наши страсти и грехи), будут положены к ногам Его и ногам нашим.

Даже люди, понимавшие все это очень смутно, но принимавшие слова Господа к сердцу, испытывали

наслаждение, слушая Его: *И мног народ послушаше Его в сладость*. Действительно, как было не услаждаться таким возвышенным учением всем, кто имел хоть какое-то нравственное чувство и хоть некоторые возвышенные стремления, а тем более тем, кто понимал всю глубину или хотя бы основной смысл этого учения? Мы должны радоваться, что нам это открыто, и стремиться всё исполнить, а не выдумывать нелепые оправдания, обнаруживая пренебрежение к двум наибольшим заповедям Священного Писания, – к тем заповедям, которые святые отцы призывали всегда содержать в памяти как главнейшее руководство в жизни, и особенно в монашеской. Если мы будем понуждать себя к тому, чтобы любить Бога через непрестанное делание Иисусовой молитвы, отсекая помыслы, уводящих нас от нее (будь они явно греховными или по видимости нейтральными, но отвлекающими наше внимание и потому такими же вредными), то постепенно в нашей душе проявится действие этой любви: мы привьем ее к своему сердцу, подобно тому как ветку с культурного дерева прививают к дереву дикому, чтобы оно плодоносило.

В следующей беседе мы продолжим эту тему, однако поговорим о ней в другом ключе: сегодня мы говорили о том, как обрести любовь к Богу, а в следующий раз, если будет Божие благословение, поговорим о том, что этой любви мешает.

* * *

Вопрос. Трудно разобрать, подмечаю ли я мелочи, которые действительно мешают мне любить Бога всем сердцем, или впадаю в мелочность фарисейскую. Мне кажется, что на исповеди помыслов я каюсь в сущих пустяках, которые явно не заслуживают внимания.

Ответ. Каяться нужно и в пустяках и в серьезном, а различать, что серьезное и что несерьезное, должна старица. Иной человек обращает внимание на мелочи, а серьезных вещей не замечает. Другой, наоборот, размышляет о возвышенных предметах и думает, что ему нужно сделать что-нибудь особенное, например строго поститься, а от него требуют не раздражаться на соседей по келии. На все нужно

смотреть глазами старицы, для того мы и открываем ей свои помыслы.

Вопрос. Батюшка, отчего появляется мнительность и как с ней бороться?

Ответ. Мнительность – это свойство, которое выражается в том, что человек обращает особое внимание на второстепенные или ничего не значащие вещи. А это иногда вредит трезвению больше, чем полная невнимательность, так как мнительность есть перенос внимания с важного на неважное. Человеку кажется, что он видит существенные вещи, а в действительности это пустяки. Человек предается фантазиям, требуя от себя чего-то особенного, но повседневной борьбой с грехом совершенно пренебрегает. Бывает, люди подмечают какие-то мелочи, а заповеди Божии оставляют без внимания. Это своего рода фарисейство. Как с этим бороться? С помощью старицы необходимо расставить должные акценты.

Вопрос. Вы сказали, что после богослужения усиливается любовь к ближнему, а у меня – правда, не после богослужения, а после правила – все бывает иначе: я начинаю на все раздражаться. Может быть, я неправильно молюсь?

Ответ. Нужно заботиться о своем внимании, о том, чтобы сосредоточиться, собраться внутрь себя. Если ты молишься формально, то, конечно, тебе все надоедает. В этом отношении очень полезен совет Иоанна Лествичника вмещать ум в слова молитвы. Этот совет универсален и всем полезен. Если следовать этому принципу, то есть вновь и вновь возвращать ум к словам молитвы, то к концу правила должна быть бóльшая сосредоточенность, чем в начале, хотя она может сопровождаться и некоторым утомлением. В результате после службы или правила у тебя не появится раздражительности, а, напротив, будет доброе расположение духа. Кроме того, причиной раздражительности может быть брань. Иоанн Лествичник говорит, что после того как человек хорошо помолится, диавол прежде всего старается ввести его в гнев, чтобы быстро расхитить то, что он уже накопил. Это мы должны учитывать и трезвиться.

Вопрос. Святой Аммон учит, что каждый наш вздох, каждое движение мысли должны быть совершаемы как бы в присутствии Божиим. Он говорит, что нам надо быть всегда зрящими Бога. Когда я нахожусь на богослужении или правиле, то есть возможность понуждать себя держать себя словно в присутствии Божиим, как советует авва Амон. Однако в течение дня ум постоянно занят работой по послушанию. Как на деле можно, по словам святого Аммона, быть присно зрящим Бога?

Ответ. Потребуется много времени и усилий для того, чтобы привести себя в такое состояние. Как уже было сказано, послушание мы должны исполнять добросовестно. Если нет возможности молиться, значит, будем стараться все делать как бы в присутствии Божиим и помнить о том, что Господь всегда нас видит. Кроме того, понуждая себя к внимательной Иисусовой молитве, в особенности на правиле, мы можем стяжать и дар благодатной непрестанной молитвы, о которой святые отцы говорят как о высшей степени молитвы. Тогда, чем бы мы ни занимались, она всегда будет с нами. Это возможно, и надо себя к этому понуждать. Однако не нужно думать, что если нет быстрого результата, то ничего и не получится. На приобретение благодатной молитвы могут уйти многие годы.

Вопрос. Как утвердиться в мысли, что, оказывая послушание сестре, я оказываю послушание Богу? Вспоминаю прочтенный вами отрывок из Евангелия от Матфея, но как-то не верит сердце, что, повинувшись сестре, я исполняю волю Божию.

Ответ. Напоминание, конечно, поможет, но такую любовь и живое ощущение того, что все именно так, мы приобретаем лишь тогда, когда в нас действует Божия благодать. Если же благодати Божией нет, то какие бы изречения мы ни вспоминали, подбадривая себя, они не дойдут до сердца и будут холодно пребывать в нашем уме, как некие сведения ни к чему нас не обязывающие.

Вопрос. Можно ли давать себе бóльший отдых в том случае, если, выполняя трудное послушание, сильно устаешь и начинаешь болеть? Старица разрешает мне

выспаться, но возникает смущение, что я поступаю неправильно, поддаюсь саможалению.

Ответ. Если старица благословляет, значит, есть для этого причина. Я считаю, что выспаться можно, но лучше постараться сделать это за счет вечернего времени, а не утреннего. Допустим, ты переутомилась и тебе хочется выспаться – ложись спать раньше, а утром встань в обычное время. Конечно, бывают исключительные случаи. Если была очень тяжелая работа, можно полежать, отдохнуть, но не в праздности лежать, не спать, а читать или молиться.

Дело в том, что у молодых людей, несмотря на болезнь или усталость, блудная страсть все же продолжает действовать. Об этом нужно помнить и не давать себе полной свободы ни в пище, ни в отдыхе. Наша плоть, если мы ее пожалеем, оплатит нам черной неблагодарностью. Даже во время болезни необходимо трезвиться, то есть не слишком много спать, не слишком много есть под предлогом того, что нужно подкрепить свои силы, и, конечно же, не оставлять молитву, не терять бодрость ума. Бывает такое тяжелое состояние, например высокая температура, при котором человек себя почти не контролирует, но когда ты приходишь в себя и начинаешь владеть своим умом, сразу начинай бояться. Вообще, плоти своей верить нельзя. Как говорит Лествичник, не верь своему телу, пока не предстанешь Христу.

Вопрос. Часто, что-нибудь сделав или сказав, через некоторое время понимаю, что поступила по страсти. Это от нерадения или от новоначалия? И надо ли все внимательно исследовать, так как иногда приближаюсь к отчаянию: кажется, что все, что ни предпринимаю, делаю по страсти.

Ответ. Нужно следить за собой. Сначала по неопытности мы не замечаем своих страстей и бесконечно претыкаемся. Потом человек осознаёт свою греховность: его преуспеяние на первых порах состоит только в том, что он начинает видеть свое грехолюбие, множество своих страстей и немощей. Необходимо противиться страстям, а не оправдывать себя тем, что ты недавно поступила в монастырь. Иначе останешься на всю жизнь новоначальной. Нужно стремиться видеть

помыслы и сопротивляться им прежде, чем они овладеют тобой и приведут к греховным поступкам, а если все-таки согрешишь, нужно каяться. Понуждай себя к этому, и постепенно, при помощи советов старицы, при помощи молитвы будет продвижение, Господь поможет. Невозможно сразу почувствовать благотворное изменение. Для этого, как правило, необходимо долгое время.

Вопрос. Вы говорили, что уныние и лень – это одно и то же. Всегда ли это так? Если человек ленится, значит ли это, что он унывает?

Ответ. Лень и уныние одно и то же в духовном смысле. Если же человек ленив в работе, то унынием это не назовешь. Люди, подверженные унынию, могут быть веселыми, много говорить, смеяться. Часто внешняя веселость человека служит признаком того, что он старается погасить уныние. А тот, кто пребывает в благодати, напротив, совсем не нуждается в обычных человеческих радостях. Более того, они ему мешают. Уныние равнозначно лени, когда речь идет о духовных добродетелях, но если говорится об отношении к работе, о трудолюбии, то уныние здесь ни при чем, лень в таком случае является исключительно телесной страстью. Это, конечно, не значит, что ленивый человек может быть ревностным в молитве. Эта леность, как правило, переносится и в духовную жизнь.

Вопрос. Как понимать слова Иоанна Лествичника: «Конец же нечистых страстей – тщеславие и гордость всякому не внимающему себе. Истребитель же их – мысленный сей олень, то есть смиренномудрие, хранит сожителя своего невредимым от всякого смертоносного яда»¹⁵⁴.

Ответ. Знания древних о фауне были весьма скромными. Считалось, что олень находит нору со змеями, поедает их, затем его начинает палить жар, и он стремится быстрее напиться воды. Так пытались истолковать слова из псалма: *Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже* (Пс. 41, 2). В действительности, как вы понимаете, с оленями ничего подобного не происходит, тем не менее смысл этого образа навсегда останется справедливым. Если человек имеет смиренномудрие, то он,

подобно оленю, истребляет в себе все греховные помыслы, в особенности тщеславие и гордость. Поэтому святые отцы советуют в первую очередь приобретать именно смиренномудрие, то есть смиренное о себе мудрование, смиренный на себя взгляд.

Вопрос. Объясните изречение из «Отечника» о том, что находящийся в искушении греховными помыслами подобен «человеку, имеющему огонь по левую сторону себя и сосуд с водой по правую: когда он возгорится огнем, то берет воды из сосуда и погашает огонь. Огонь – семя врага, а вода – повергает себя пред Богом»¹⁵⁵. Почему святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что подобный способ борьбы можно употребить тогда, когда находишься один в келии?

Ответ. Это изречение нужно понимать так: в случае искушения необходимо предаться плачу и погасить им огонь страстей. Не следует делать это в присутствии людей, для того чтобы не поддаться тщеславию. Человек склонен тщеславиться даже такими добродетелями, как смирение и покаяние. Сначала ты будешь плакать, чтобы погасить свои страсти, а потом – чтобы тебя хвалили. Поэтому по возможности нужно уединяться.

Вопрос. Мне непонятно еще одно наставление из «Отечника»: «Когда братия выходили на жатву, авва Исаак говорил им: „Уже не даю вам никакой заповеди, потому что вы не сохраняете заповеданного“»¹⁵⁶. Значит ли это, что они не должны были выходить на жатву? Может быть, они излишне заботились о пище?

Ответ. У египетских монахов был обычай, сохранявшийся на протяжении многих десятков лет, может быть даже столетий. Известно, что Египет был очень хлебной страной; когда наступало время жатвы, рабочих рук не хватало, поэтому для уборки урожая нанимались, как мы сказали бы сейчас, поденные рабочие. Монахи, используя такую возможность, выходили на жатву, поскольку большинство из них происходило из крестьян, и за свою работу получали запас зерна, которого при их скромных потребностях хватало им на целый год. Другого способа найти себе пропитание, пожалуй, у них и не

было. Им давались заповеди о том, как себя вести: не общаться с женщинами, не вступать в споры, не предаваться многословию и так далее. Но поскольку их ревность охладела, авва Исаак говорил: «Уже не даю вам никакой заповеди». Это изречение приведено святителем Игнатием не для того, чтобы дать нам повод осудить египетских монахов, а для того, чтобы мы понимали, что если мы не сохраняем уже заповеданного, то обращаться к нам с новой заповедью нет никакого смысла.

Вопрос. Что такое духовное рассуждение? Я была уверена, что оно заключается в том, что человек видит свои грехи и грехи ближнего. Так ли это?

Ответ. Прежде всего это понимание того, что происходит с тобой. Имея духовное рассуждение, человек знает, как поступать в той или иной ситуации, что во внутренней жизни достойно внимания, а чем можно пренебречь, что есть проявление прелести, а что действие благодати и так далее. Такое духовное рассуждение приобретается вместе с опытом, в борьбе с грехом, и оно дает возможность помогать ближнему. Невозможно понимать других, не разбираясь в себе. Хотя бывает и так, что человек в себе разбирается, а другим помочь не может, не умеет свой духовный опыт применить к другим. Некоторые приобретают благодать особым образом, например благодаря своему смирению, незыблемой чистоте или необыкновенно пламенной ревности. Однако такой человек не в силах помочь другим, поскольку меряет других по себе. Случается, что высокодуховные люди, не имея рассуждения, дают неуместные советы. В «Отечнике» святителя Игнатия (Брянчанинова) есть повествование о том, как авва Пимен отменил совет одного, также знаменитого подвижника, сказав ему: «Ты на небе, а я на земле», поскольку тот судил других по себе и дал неподходящий совет иноку.

Иоанн Лествичник говорит, что страстные люди впоследствии могут стать для всех духовными врачами. Испытав на себе все многообразие душевной брани, они приобретают опыт, которым можно поделиться. В отличие от обыкновенного врача, который может хорошо лечить людей, но себя исцелить не может, духовный врач прежде всего должен

помочь себе. Рассуждение состоит не в том, что мы видим свои грехи или грехи ближнего, а в том, что мы понимаем, как помочь человеку измениться к лучшему, усовершенствоваться.

Я, например, не вижу грехов человека, пока он мне сам о них не расскажет. Можно, конечно, замечать поступки, в которых проявляется раздражительность и вообще страстность. А иногда человек ведет себя прилично, но внутри у него *гади, ихже несть числа, животная малая с великими* (Пс. 103, 25). Нельзя утверждать, что тот, кто видит чужие грехи, имеет рассуждение, скорее он имеет осуждение. А рассуждение – это желание помочь ближнему, соединенное если не с любовью, то хотя бы с сочувствием к нему. Испытав на себе тяжесть брани, человек сочувствует другому страдающему от нее и помогает ему каким-либо советом. Чаще всего совет дается в том случае, если тот, кто пребывает в брани, сам этого хочет. Однако иногда духовные люди делают попытку помочь человеку, даже если он и не обращается к ним за помощью. Здесь нужно быть очень осторожным.

Вопрос. Если любишь своего наставника как посредника между Богом и человеком, то не значит ли это, что Бога любишь не так, как Он заповедал любить Его?

Ответ. Напротив, когда начинаешь испытывать недоверие, неприязнь к духовнику, настоятельнице, старице, то благодать Божия оставляет. Такое отношение к наставнику очень мешает в духовной жизни, бывают до того сильные переживания, что человек едва не теряет рассудок. Промыслом Божиим наши наставники являются – не скажу посредниками между Богом и людьми – орудиями в деле нашего спасения. Без исключительно важных, чрезвычайно серьезных причин – таких, которые являлись бы препятствием к нашему спасению, – нельзя оставлять своих наставников. Удаляясь от них, формально мы уходим от человека, а в действительности – от Промысла Божия, устраивающего наше спасение.

Вопрос. Несколько раз я читала жизнеописание схиигумении Марии (Дохторовой), которая пешком обошла пол-Европы, и пыталась определить причину ее самоотвержения, источник ее пламенной любви к Богу. Создается впечатление,

что ей все было просто: и одежду только одну иметь, и спать под открытым небом, и ночи простаивать на молитве. Непонятно, откуда у нее такое горение духа?

Ответ. Есть люди, в которых Господь вложил ревность с детских лет. Другие, подобно Марии Египетской, совсем не имеют ревности к благочестию, напротив, проводят бурную, исполненную греховных наслаждений жизнь. Допустим, человек осознаёт, что монашеский образ жизни лучше мирского, но в сердце у него нет той ревности, которая, как он сам понимает, должна быть. Что делать этому человеку? Паисий Величковский говорит, что при помощи умного делания человек может разжечься пламенной, серафимской любовью к Богу и совершенно изменить свою жизнь.

Что такое ревность? Это благодать Божия. Если даже нерадивый и ленивый человек будет все правильно и аккуратно делать в отношении молитвы Иисусовой, борьбы со страстями, иначе говоря умного делания, то со временем благодать начнет действовать в нем сильнее и человек почувствует, что больше не может вести обычный образ жизни и пожелает как-то особенно угодить Богу. Схимонахиня Мария носила подрясник по нагому телу и летом и зимой, всегда ходила босиком, ночи проводила в молитве и так далее. Она говорила, что хотела чем-то угодить Богу. Значит, это было в ее силах.

Мы должны молиться, а когда Божия благодать начнет действовать в нашем сердце, появится и ревность. Однако проявляться она должна прежде всего в исполнении заповедей, а не в стремлении к подвигам, хотя и последнее может появиться. Если бы мы с особенной ревностью стремились приобрести кротость, послушание, смирение, любовь к ближнему, то это было бы прекрасно. Некоторые готовы, например, строго поститься, но в то же время не могут справиться со своим безудержным раздражением.

Вопрос. Не могли бы вы сказать несколько слов о том, как справиться с суетностью, которая отвлекает от любви к Богу? После богослужения чувствуешь просветление, помнишь о смерти. Но в дневной суете постепенно отягощаешься и в конце

концов ощущаешь подавленность, на правиле суетные помыслы часто не дают покоя.

Ответ. Необходимо как можно больше трезвиться, то есть при помощи Иисусовой молитвы отсекал все ненужные помыслы. Кроме того, во время правила молиться нужно чрезвычайно усердно. Некоторые считают, что смирение заключается в том, чтобы молиться, как получится, а если Бог пожелает, то подаст нам благодать. Но Господь *даяй молитву молящемуся* (1Цар. 2, 9). Я сегодня уже приводил слова Пимена Великого о том, что если мы будем молиться, то и Господь будет поборать за нас, если же мы не понуждаем себя, то и Он не помогает нам. Конечно, каждому необходимо знать меру своих сил и ту степень преуспевания, которой он достиг, и переходить, не перескакивая через ступеньки, а восходя к следующей степени. Однако такое восхождение не будет безболезненным и легким.

Если человек, достигший преуспевания в молитве, перестанет с чрезвычайным усилием себя понуждать, то начнет терять то, что уже приобрел и что казалось ему усвоившимся, постоянным и незыблемым. Суета преодолевается прежде всего усиленной Иисусовой молитвой в течение дня, и в особенности на правиле. Днем мы читаем Иисусову молитву для того, чтобы трезвиться и охранять свой ум от ненужных помыслов, чтобы стараться пребывать в общении с Богом.

Надо сказать, что человек не может совсем не иметь помыслов (даже отшельники заботились о своих нуждах, а в общежительном монастыре это просто неизбежно). Есть помыслы необходимые, связанные с работой, с послушанием, но есть и суетные, праздные и, конечно же, греховные. Суетные и греховные мы должны отвергать, необходимые для дела допустимы в определенное время. Вообще, суетные помыслы – это, как правило, мелкие грехи, которых мы не замечаем, а нам кажется, что эти помыслы невинны. Однако выглядят они невинными только потому, что не имеют явной греховной окраски. Если мне любопытно то, что меня не касается, – это грех. Если я испытываю хотя бы и мелкое тщеславие – это тоже грех. А нам кажется, что все это

суетно и ничего особенного здесь нет. Кто трезвится, тот и суете не поддается. Но если в течение дня мы рассеивались, чем-то бывали развлечены, то на правиле у нас есть возможность сжечь все это в огне молитвы. Для этого необходимо чрезвычайное понуждение себя к вниманию, а не просто формальное присутствие на правиле.

Вопрос. У меня нет влечения к дружбе, мне кажется, она только обременяет душу. Правильно ли это?

Ответ. Это хорошо. Однако если кто-либо ведет себя замкнуто, но не потому, что он молится, а потому, что он человек своевольный, скрытный, не испытывающий ни к кому доверия, а в результате всегда раздражительный и мрачный, то лучше бы ему с кем-нибудь дружить. А если иной имеет такую пламенную ревность, что ни в ком не нуждается: получил от наставника необходимый духовный совет – и его больше ничто не интересует, кроме молитвы, чтения, борьбы со страстями и угождения Богу, то это прекрасно, можно его поведение только одобрить.

О любви к ближнему и о том, что мешает исполнению этой заповеди¹⁵⁷

В прошлой беседе мы рассуждали о любви к Богу и ближнему, основываясь на разговоре Спасителя с книжником, спросившим Его о первой заповеди. Постоянно помнить о заповедях Господних, о которых говорится в Евангелии, руководствоваться ими на всяком месте обязан каждый христианин. В особенности это касается монашествующих, которые, по словам Иоанна Лествичника, должны всегда думать об одном только Евангелии. Исполнение заповедей иногда дается с большим трудом, понуждением себя, тяжелой борьбой: страсти восстают, и сердце противится любви к Богу и ближнему. Но мы должны победить себя в этом – такова цель христианской жизни. Апостол Павел называет любовь совокупностью всех совершенств. В прошлой беседе я говорил о том, что Бога необходимо любить всем сердцем. Но, к сожалению, от любви к Богу и ближнему нас отвлекают всякие мелочи. Даже самые ничтожные предметы занимают иногда в нашем сердце больше места и влекут нас к себе сильнее, чем Всесовершенное Существо, Каким является Господь Бог. Сегодня мы поговорим о том, что препятствует любви к ближнему и, в особенности, о том, что препятствует любви к Богу, – то есть рассмотрим, что мешает нам быть истинными монахами. А монах – это тот, кто стремится исполнять Евангелие бескомпромиссно, невзирая ни на какие препятствия – не только реальные, но и потенциальные.

Всяк убо иже исповестъ Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех: а иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех. Не мните, яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч (Мф. 10, 32–34). Эти слова важны для нас особенно. Стремясь исполнить заповедь о любви, мы предполагаем, что отовсюду встретим благодарность и даже похвалу, а на самом деле часто сталкиваемся с противоположным. Если любовь к ближнему (по

крайней мере, во внешних ее проявлениях) иногда находит одобрение, то любовь к Богу, как правило, остается непонятой: она «отвлекает» нас от ненужных, суетных вещей и человекоугодия, и это вызывает раздражение у людей, которые рассчитывали на общение с нами и нашу помощь (а в действительности, может быть, на соучастие в греховном времяпрепровождении). *Не мните, яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч.* Проповедь Евангелия водворяет между людьми не мир, но разделение – это не значит, что Господь проповедовал насилие; он не призывал обращать к вере при помощи насилия подобно тому, как это впоследствии делали Магомет и его последователи. Просто сама любовь человека к Богу и отречение ради нее от всего суетного и тем паче греховного часто вызывает у окружающих раздражение и ненависть – вот что подразумевается под словом «меч».

Как странно: Господь Иисус Христос говорит о том, что мы должны любить врагов, и в то же время утверждает, что *враги человеку – домашние его* (Мф. 10, 36). То есть мы должны любить тех, кто настроен к нам враждебно, и почитать врагами тех, кто нас вроде бы любит, но своей человеческой, земной привязанностью удерживает от истинной евангельской любви. Кто из нас хочет исполнить это? Кто может вместить эту истину? Да, любовь и уважение к родным – это добродетель, но только до тех пор, пока привязанность к родственникам не начинает препятствовать человеку любить Бога.

Мы должны быть готовы отречься не только от любви к родственникам, если она в каких-то своих проявлениях препятствует исполнять Евангелие, но и от разнообразных земных удовольствий и вообще от желания жить спокойно. *Иже не примет креста своего, – говорит Господь, – и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 38). Нам нужно отказаться от всяких мечтаний и предположений о том, что благодаря своей праведности и жизни по Евангелию мы удостоимся какого-то почета, похвалы, награды и тому подобного. Мы должны понимать, что нас ждет крест, должны быть готовы к страданиям ради Господа. *Обретый душу свою*

погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю (Мф. 10, 39). Если мы стремимся оградить душу свою, то есть жизнь, от всех скорбей и неприятностей и обрести ее для земного покоя и счастья, то мы губим ее для вечности. Но если мы исторгнем из нашей жизни все, что мешает нам любить Господа, если откажемся от этого и внешне, и в душе своей (так как слова Спасителя относятся более к внутреннему состоянию человека как источнику его внешней деятельности), если мы ради Христа погубим свою индивидуальность, все желания, расходящиеся с волей Божией, – то мы *обрящем душу свою*. Мы приобретем ее для вечности, а здесь, на земле, – для бесстрастной, святой, богоугодной жизни.

Мы должны помнить замечательное изречение Спасителя: *Врази человеку домашнии его*. Осознавать это особенно важно для монашествующих. На всякий случай замечу, что мы враждуем с домашними и тогда, когда они желают нам добра, наставляют к добродетельной жизни, а мы, наоборот, стремимся к греховной свободе. Но здесь, понятно, речь идет не об этом. Домашние становятся нам врагами, когда препятствуют бескомпромиссно исполнять волю Божию и любить Господа Бога *всем сердцем, всей душой, всем умом, всей крепостью* (см. Мк. 12, 30). Когда они не позволяют нам видеть в Боге единого истинного Господина нашего, Которому мы должны служить. Наконец, когда они противятся тому, чтобы мы любили ближнего не менее, чем самих себя. Мы должны понимать, что иногда вражда приносит больше пользы, чем неуместная привязанность. Как любовь порой превращается во вражду, так и вражда может обернуться добром, если помогает человеку спасти свою душу. Люди, настроенные по отношению к нам неприязненно, лишаящие нас земных преимуществ и удовольствий, делают нам добро. А те, кто из искренней любви (не разумной, не христианской) привлекают нас к чему-то земному, к тому, чтобы мы жили так называемой обычной жизнью, – становятся нашими врагами. Стремящиеся к монашеской жизни поступают мудро, заранее отрекаясь от всего, что может воспрепятствовать (и что в подавляющем большинстве случаев действительно препятствует) исполнению

основополагающих заповедей о любви к Богу и ближнему, на которых, как сказал Спаситель, *висят весь закон и пророцы* (см. Мф. 22, 40). Мы расторгаем связи с нашими близкими, которые мешают нам любить Бога и ближнего, и отвергаем то, что в будущем может еще в большей степени связать нас (об этом говорит и само слово «связи»). Мы отказываемся от брака, семьи, привязанности к детям (которая особенно сильно действует в женщинах: мало кто из них может переступить через этот порог). Как правило, все это подобно оковам, мешающим человеку свободно служить Богу, а потому отказаться от них благоразумно именно в свете евангельского изречения: *Врази человеку домашнии его*.

В ином месте Господь говорит еще более резко. И если люди более или менее понимают евангельскую заповедь о любви (вообще, Евангелие отождествляют с учением о любви; можно сказать, христианство и любовь – это синонимы), то о том, что Господь учил также и ненависти, они забывают. Между тем ненависть – обратная сторона любви. В жизни всегда бывает только так: если я кого-то люблю, значит, я должен от чего-то отказаться. Скажем, человек, вступающий в брак, отвергает всех людей, кроме одного. А если он этого не делает, то можно предположить, что настоящей любви у него нет. Это необъяснимо, но такова природа человека.

Всем знакомо чувство ревности, если не из личного опыта, то, по крайней мере, из наблюдений за другими людьми: оно есть признак любви, ее проявление. Если я кого-то люблю, то мне неприятно, когда он обращает внимание на другого. Человеческая ревность – это своего рода зависть: почему любовь этого человека не направлена только на меня? Однако еще в Ветхом Завете сказано: *Аз бо есмь Господь Бог твой, Бог ревнитель* (Исх. 20, 5). Ревнитель в том смысле, что Он требует любви только к Себе, – конечно, не потому, что Господь на самом деле ревнует. Как говорят святые отцы, мы приписываем Богу человеческие чувства и переживания и говорим о Нем с точки зрения человеческих отношений, чтобы хоть как-то представить себе неизъяснимое Божественное действие. Тайны бытия Божия

сокрыты от нас по причине их необыкновенной высоты и непостижимости, а также по причине нашего весьма скромного духовного опыта: о том, чего мы не пережили непосредственно, мы можем судить, руководствуясь только книжными примерами и земными, обыденными образами. Поэтому Священное Писание изображает Бога ревнующим из-за того, что люди любят не только Его. На самом деле любовь к Богу необходима не Ему, а нам. Если мы откажемся от всего постороннего, отвлекающего нас и станем на этот спасительный путь, то душа наша начнет преображаться по образу Божию. Устремляясь к Нему единому (ведь любящий думает только о том, кого любит) и вступая с Ним в общение, мы заимствуем от Господа Его свойства. Что такое добродетели, как не подобию Божественных свойств? В особенности таким подобием является добродетель любви. Поэтому Господь учит нас, чтобы мы никого не любили больше, чем Бога, и ненавидели тех, кто препятствует нашей любви к Нему. Мы должны любить врагов наших и вообще всех людей, так как они не мешают нам любить Бога. Но к людям, возбуждающим в нас пристрастие, мы должны относиться с чрезвычайной осторожностью и контролировать себя, чтобы не полюбить их больше, чем своего Творца. Мы должны даже ненавидеть этих людей, если они препятствуют нам стяжать величайшую добродетель – любовь к Господу.

Идяху же с Ним народи мнози: и обращься рече к ним: аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и мать, и жену и чад, и братию и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик (Лк. 14, 25–26). Многие как будто идут за Господом, многие считают себя искренне верующими людьми. Но немногие понимают, что нельзя быть учениками Спасителя только теоретически, нельзя научиться жить по-евангельски, ни от чего не отрекшись и не воспитав в себе чувства ненависти к родным. Это не значит, что мы должны желать зла своим родственникам. Но мы должны возненавидеть в них всё то, что может привлечь нас к обычному человеческому, земному, суетному образу жизни. А поскольку в большинстве случаев родственники желают друг другу добра

именно в земном смысле, то Спаситель говорит, что нужно *возненавидеть отца своего и мать, и жену и чад*, как бы обобщая отношение к ним, пренебрегая тем, что существуют такие родители и такие родственники, которые, наоборот, вдохновляют нас на спасительные дела. Обратите внимание: *и жену и чад*. Человеку, имеющему семью, очень трудно возненавидеть своих жену (или мужа) и детей так, чтобы отречься от них и свободно устремиться к единому Богу. Привязанность к семье препятствует нам любить не только Бога, но и близких. Когда есть выбор, кому сделать добро, мы, конечно, в первую очередь думаем о своих родных, а другими людьми пренебрегаем – их для нас будто не существует. Семейному человеку гораздо труднее жить по Евангелию, поэтому, если мы в настоящий момент свободны, почему бы нам заранее не отказаться от того, что впоследствии мы вряд ли сможем покинуть? Да, мы знаем, что были мученики, которые отвергли свою семью и пренебрегли своими родственниками ради исполнения христианского долга: они отдали жизнь, несмотря на то что их родные остались, скажем, без кормильца, без защиты и помощи (известно, что некоторые женщины, идя на муки, оставляли сиротами своих грудных младенцев), – но таких людей было совсем немного. Большей частью мы видим, что суета отвлекает человека от мысли о Боге. Апостол Павел говорит, что тот, кто женится или выходит замуж, думает о том, как угодить жене или мужу, а одинокий человек думает о том, как угодить Богу. Поэтому монашеский образ жизни можно считать наиболее предусмотрительным, мудрым, здравым и не то чтобы единственно спасительным, но гораздо более легким, хоть это и кажется странным. Конечно, человеку, избравшему одиночество, живется труднее в том смысле, что у него больше искушений, скорбей, внутренней брани. Но зато исполнять евангельские заповеди монашествующим намного легче: им ничто не препятствует, они свободны, не связаны ни мирскими заботами, ни семейными узами. Иоанн Лествичник говорит, что тот, кто занят мирскими делами, похож на человека со связанными руками, а тот, кто еще и в браке состоит, связан по рукам и ногам.

Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и мать, и жену и чад, и братию и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик. Обратите внимание на слова: *Еще же и душу свою*. Вот что препятствует нам любить Бога – наша душа. Мы должны не только быть готовы погубить душу свою ради Христа, но и постоянно ненавидеть в ней всё так называемое индивидуальное, всё устремляющееся к исполнению своей воли наперекор Евангелию. Если мы не стяжаем ненависти к своей душе, постоянного осторожного и строгого отношения к себе, то многократно будем нарушать заповедь об отречении от мира. Мы любим различные удовольствия, как грубые, чувственные, греховные, так и сравнительно невинные, как будто дозволенные Церковью (скажем, мечты о семейном счастье). Кто-то стремится к удовольствиям, связанным со своим любимым ремеслом, кого-то влечет искусство. Все это говорит о том, что мы любим свою душу. Мы желаем ей счастья, утешения (конечно, человек не может жить вообще без всякого утешения, но одно дело – утешаться общением с Богом, наслаждаться созерцанием славы Божией в своей душе и предвкушать блага будущей жизни, и совсем другое – устремляться к земным удовольствиям). Даже любя своих родственников, мы любим в них самих себя. Наша любовь ограничивается всего несколькими людьми. Любить же бесчисленное множество тех, кто нас окружает и кто ничем не хуже наших родственников, у нас не хватает духу. Мы не испытываем к ним такого же влечения, такого же расположения, как к своим родным, и этим обнаруживаем, что наша любовь к родственникам – это на самом деле себялюбие. И когда мы думаем о создании семьи – это тоже никакая не любовь: как можно любить того, кто еще не существует? Многие девушки говорят: «Ой, я так люблю детей!» А каких детей ты любишь, если их еще нет? А вдруг твои дети будут извергами? Получается, что эти девушки любят не детей, а самих себя. Конечно, стремление стать матерью заложено в природе женщины, но христианин должен быть выше природы.

И уже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик (Лк. 14, 27). Когда мы говорим о крестоношении, то обычно подразумеваем страдание за веру Христову. Но под этим нужно понимать и готовность следовать за Христом, претерпеть скорби ради Него, пострадать ради исполнения Его заповедей. Именно такой подход лежит в основе нашего монашеского образа жизни (конечно, если мы проходим его как должно). Мы отказались в принципе от всех земных радостей, кроме тех, которые связаны со скромным поддержанием жизни, например с принятием пищи. Мы отреклись от земного счастья ради того, чтобы соблюсти заповедь Господню, чтобы взять этот крест, потому что иначе мы не смогли бы стать учениками Христовыми, то есть не научились бы исполнять в жизни всё то, чему Он учил. Конечно, мы можем выучить наизусть Евангелие, прочитать все святоотеческие толкования и аскетические писания, стать профессорами богословия и так далее, но это не сделает нас учениками Спасителя, не научит жить по-евангельски. Мы, может быть, в какой-то степени поймем теорию, но для нас останется непостижимым то, что единственно необходимо. Поэтому мы должны быть готовы идти за Господом, неся свой крест, должны быть готовы пострадать за ту или иную заповедь, если нас к этому вынудят обстоятельства.

Кто бо от вас, хотяй столп создати, не прежде ли сед разчтет имение, аще имать, еже есть на совершение; да не, когда положит основание и не возможет совершити, вси видящии начнут ругатися ему, глаголюще, яко сей человек начат здати и не може совершити? (Лк. 14, 28–30). Многие понимают эту притчу Спасителя превратно: мол, если ты не можешь создать столп, то не иди за Господом. Если боишься, что в монашестве тебе будет тяжело, то не становись на этот путь – так будет лучше. Но эта притча не всеобъемлюща – она имеет узкое значение: при помощи всем известных земных образов изображает одну из сторон духовной жизни, одну из тайн Царствия Небесного. Притча, которую мы только что прочитали, говорит не о том, что мы должны избегать подвига, если не имеем для него сил, а о том, что нужно все рассчитать

перед тем, как устремляться к подвигу, – и это мы можем сделать. Эта притча учит нас мужеству и благоразумию, а не малодушию, как пытаются представить это некоторые люди, вероятно желающие оправдать себя. Человек, который берется за сложное дело, не обдумав его и не просчитав свои возможности, конечно, поступает неразумно. Но это не значит, что лучше вообще ничего не предпринимать. Мы должны сделать все необходимое, чтобы достигнуть успеха. Если мы хотим построить столп – крепость, в которой укроемся от вражеских сил, от демонов и искушений, или башню, при помощи которой возвысимся умом к Богу, – то мы должны отречься от всего. Вот в чем состоит благоразумие. Но мы желаем хотя бы частично сохранить привязанность к родственникам: родителям, братьям, сестрам... И даже к несуществующим, но якобы весьма милым и прекрасным детям, которые радовали бы нас и приносили бы пользу людям, потому что они были бы хорошими, воспитанными и культурными, стали бы полезны обществу и государству, были бы нам утешением, кормили бы нас в старости, порадовали бы нас внуками и так далее, и так далее. Все это на самом деле бывает чрезвычайно редко: сами мы своих родителей не всегда радовали. Если же мы будем такими пристрастиями размягчать свое сердце, то никогда не сможем полностью отречься от мира. А если не будет полного отречения, то у нас и не хватит средств на создание столпа – в этом и будет состоять наше безумие. Мы должны правильно рассчитать наши духовные силы. Когда человек устремляется к какой-либо труднодостижимой цели (возьмите любое человеческое дело, например стяжание богатства или окончание «трудного» вуза), то необходимо некое отчаяние, готовность от всего отказаться: человек посвящает главному делу все время и ни на что не отвлекается. Тем паче в духовной жизни – чтобы выполнить самое необходимое, нужно отречься от всего остального. Требование рассчитать и продумать все наперед не означает, что мы можем отказаться от христианской жизни, от исполнения заповеди о любви к Богу и о ненависти к родным. Нет, мы должны все исполнить, но для этого

необходимо отречься от всего, что нас удерживает: не только от пристрастия к людям, но в первую очередь от своей собственной души. Иначе мы окажемся людьми, которые взялись за сложное предприятие, но не подумали о том, что нужно для его завершения.

Или кий царь идый ко иному царю снитися с ним на брань, не сед ли прежде совещаает, аще силен есть сresti с десятию тысящ грядущаго со двемадесятта тысящама нань? (Лк. 14, 31). Казалось бы, всем ясно, что мудрый человек не пойдет с десятью тысячами воинов сражаться против двадцати тысяч. Но мы знаем из истории, что очень часто мудрые полководцы даже с небольшим войском побеждали гораздо более превосходящие силы противника. Великий русский полководец Суворов сказал: «Побеждай не числом, а умением». Суворову удалось взять штурмом неприступную крепость Измаил, при том что осаждающих было гораздо меньше, чем осажденных (а ведь именно у осаждающих всегда бывает больше потерь, так как они находятся в более уязвимом положении). Подобные примеры известны и из Библии. Иуда Маккавей с тремя тысячами воинов победил гораздо более многочисленное войско язычников. Причем воины Иуды ради того, чтобы прославить Бога, сражались без оружия, без мечей и щитов и победили язычников голыми руками. Итак, мы должны правильно понимать евангельскую притчу. Благоразумие заключается не в том, чтобы не идти с десятью тысячами войска против двадцати тысяч – в древности бывали и более удивительные победы, – а в том, чтобы хорошо все рассчитать перед битвой, в которой противник превосходит тебя в силе: продумать, как расположить войска, когда начинать атаку, какие совершить маневры, как воодушевить своих воинов.

В Библии описывается, как дочь одного греческого царя вдохновляла воинов перед сражением с сирийцами: она ходила перед войском, распустив волосы, убеждала солдат, чтобы они храбрее сражались за себя, за детей и жен, и обещала в случае победы вознаградить каждого. Воодушевление греков сыграло решающую роль в исходе этого сражения. Вообще, для победы

очень важен высокий боевой дух войска. Один наш политический деятель в публичном выступлении рассказал случай, происшедший во время чеченской войны: чеченцы взяли в плен русских воинов и повели их к себе, даже не отобрав у них автоматы и не потребовав разрядить их. Они видели, что наши бойцы совершенно деморализованы и что их можно не бояться. Вот как много значит наличие или отсутствие боевого духа!

Евангельские слова нельзя понимать, так сказать, арифметически. Если мы знаем, что нам предстоит серьезный бой и противник вдвое превосходит нас числом, мы должны как следует подготовиться к сражению, и здесь – эта мысль отчетливо видна в Евангелии – чрезвычайно важно наше отречение от всего остального. Представьте себе: во время боя солдат думает о том, что у него дома жена и дети, что они осиротеют и тому подобное. А он должен быть готов пожертвовать собой и думать только о победе – лишь тогда, собственно, она и может быть одержана. Боевой дух – это один из важнейших, наряду с верными расчетами полководца, факторов успеха. Точно так же в битве с дьяволом, превосходящим нас по силам, нам необходимо самоотречение – истинная мудрость настоящего полководца. А если не будет самоотречения, то еще до того, как мы вступим в сражение, нам придется *молить о смирении* (см. Лк. 14, 32). В данном случае речь идет не о том смирении, которое мы обычно подразумеваем, говоря о христианской жизни, а о смирении перед врагом. А враг наш – дьявол, и смиряться перед ним, подчиняться ему, покоряться, унижаться ни в коем случае нельзя. Наоборот, мы должны проявить, хотя это и звучит странно, гордость и непреклонность перед дьяволом, перед злом. Смиряться же нужно перед Богом и перед ближним.

Далее Спаситель поясняет обе Свои притчи: *Тако убо всяк от вас, иже не отречется всего своего имени, не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 33). Обратите внимание: *от всего своего имени*. Под именем нужно понимать не имущество (здесь, собственно, об имуществе как таковом, о доме или о земле, речи не было). Наше имя – это все, что мы имеем:

родственники, жизнь, стремление к благополучию и покою. Если мы не отречемся от всего этого, то не сможем быть учениками Спасителя, как бы ни старались. Каждый из нас должен пересмотреть в этом отношении свою совесть и проявить мудрость. Не мужество, а именно мудрость. Впрочем, мужество в принятии правильного решения тоже необходимо. Человек иногда ведет себя очень мужественно, потому что понимает, что это единственно правильный выход. Он видит, что опасность грозит ему со всех сторон, но в одном случае есть какие-то шансы на спасение, а в другом – никаких. Тогда он мужественно избирает опасный, но дающий некую надежду путь. И мы именно так должны вести себя. Спаситель открывает нам тайну: если мы не отречемся от всего, то окажемся посмешищем. *Да не, когда положит основание и не возможет совершити, вси видящии начнут ругатися ему.* Кто будет ругаться над нами? Ангелы? Нет. Люди? Но благонамеренные, благочестивые люди будут только сожалеть о нас. Для кого же мы станем посмешищем? Для демонов. Мы положили основание, заявив, что мы христиане, но больше ничего сделать не смогли, потому что не показали отречения, – и демоны над нами смеются. Мы еще не вступили в сражение с дьяволом, а уже смирились перед ним.

Мысли, вызванные пристрастием к родственникам, действительным или воображаемым, к земной славе и прочему, расслабляют и обезоруживают человека. Но если бы мы знали, что отступать некуда, путь выбран, мы должны сражаться до конца и никакие привязанности ничего не значат, то мы не позволили бы этим нелепым мечтаниям отбирать у нас душевную силу, необходимую для борьбы с дьяволом.

Тогда отвечае Петр рече Ему: се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом: что убо будет нам? (Мф. 19, 27). Мы должны помнить о том, что немалая награда ожидает тех, кто отрекся от всего ради Бога. Отрекся не только внешне, но и внутренне. Внешнее отречение совершить легче, внутреннее совершается иногда на протяжении многих лет. *Иисус же рече им: аминь глаголю вам, яко вы шедшии по Мне, в пакибытие, егда сядет Сын Человеческий на престоле*

славы Своея, сядете и вы на двюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленом Израилевом (это, конечно, относится к апостолам, но далее Спаситель говорит о том, что касается всех нас. – Схиизум. А.): и всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею приимет и живот вечный наследит: мнози же будут перви последнии, и последни первии (Мф. 19, 28–30). Обратите внимание: здесь говорится об отречении от имущества в буквальном смысле слова – от села, то есть земли. Нужно иметь в виду, что в Иудее земля была единственной собственностью, имевшей реальную ценность. Какая еще недвижимость могла быть у простых людей? Каждый иудей по закону Моисееву владел определенным земельным участком, который переходил по наследству из поколения в поколение, начиная с того времени, когда иудеи вошли в землю обетованную. Продажа такого участка в некотором смысле означала отречение от священного долга по отношению к своей родине, потому что этот удел был не просто собственностью, но частью земли обетованной. Если участок продавался, то через некоторое время его должны были вернуть исконному владельцу (правда, неизвестно, соблюдался ли этот закон во времена земной жизни Спасителя).

Интересно, что когда сионисты в конце XIX – начале XX века стали заселять так называемую «Эрец Исраэль», то есть землю Израйля, у них была похожая идея: евреи должны возделывать землю, а когда земля, возделываемая ими, станет их собственностью, тогда Израиль вновь будет родиной евреев. К тому времени евреи по всему миру совершенно оставили земледелие и занимались чем придется: бедные – мелкими ремеслами, кто побогаче – торговлей. Но первые сионисты, будучи энтузиастами, выкупали участки земли, осушали болота, старались их возделывать. Многие из них не имели никакого представления о земледелии, но считали, что освоение земли чрезвычайно важно для возрождения еврейского государства. Их учили земледелию специалисты из Европы, в частности из Франции. Евреи перенимали опыт даже у местных арабов (хотя у последних земледелие было на низком уровне). Как ни

странно, такая практика оказалась действенной. И это при том, что сионисты старались никого не нанимать для возделывания земли, считая, что сами должны на ней трудиться (хотя они могли привлечь к труду, например, арабов – это обошлось бы им дешевле). Их идеологическая установка сформировалась, конечно, под влиянием социалистических идей, но это пример того, что значила для евреев земля. Требование Спасителя оставить ее было равносильно требованию отречься от привязанности к родине. Нам сейчас это трудно понять: в России земли много, и мы ею не дорожим. А в Израиле, как я уже сказал, каждый клочок земли передавался из поколения в поколение на протяжении сотен лет, и отказ от него означал, что человек готов остаться вообще без всего, без привязанности не только к ближайшим родственникам, но и к своему народу. Такого же отречения Господь Иисус Христос требует и от нас.

Если мы проявим это отречение, то исполним заповедь о любви к Богу, а если не проявим, то домашние наши будут врагами нам. Не только те, которые на самом деле есть, но и те, о которых мы мечтаем. По сути, наша собственная душа будет нашим врагом: ведь мы любим не родственников, а себя самих в родственниках. Нас обличают в этом мечты о несуществующей семье. Казалось бы, всем понятна эта простая мысль, но приходится постоянно напоминать о ней. Нужно иметь в виду, что отречение от пристрастий и ненависть к своим родным не должны быть только внешними. Нам кажется, что если мы ушли из мира, сменили место жительства, то вопрос решен. Но отречение должно быть и внутренним. Если во время молитвы, когда нужно сосредоточиться и думать только о Господе, мы начинаем вспоминать своих родственников и беспокоиться о них или мечтать о том, что другой – семейный – образ жизни был бы для нас лучшим, то тем самым мы, вместо того чтобы освободить свой ум, прочными нитями привязываем его к земному. На этом простом примере ясно видно, что пристрастие к людям, которые по какой-то причине нам дороги, – родственникам, друзьям, – мешает нам любить Бога. А где нет истинной любви к Богу, там нет и любви к ближнему. Невозможно правильно любить

ближнего, если в твоей душе прежде не появилась любовь к Богу.

Как говорилось во вчерашнем евангельском чтении, в ближнем мы любим Христа, и делая добро нуждающемуся человеку, мы делаем его Христу. В этом случае нас привлекает в человеке не греховное, не суетное, не земное, не так называемое человеческое. Мы любим в нем образ Божий – все, что чисто от греха и что можно спасти. Мы любим ближнего, чтобы спасти его, – вот что значит любить в человеке Христа. А обычная человеческая привязанность мешает нам обрести такую любовь. Более того, пристрастие человека к действительной или мнимой семье несовместимо с любовью к Богу, и, чтобы возлюбить Бога, необходимо устранить это препятствие.

Конечно, было бы клеветой утверждать, что люди, живущие в миру и имеющие семью, совсем неспособны исполнить главную заповедь Господню. Мы знаем много случаев из истории Церкви, когда любовь к Богу оказывалась сильнее, чем любовь к своим близким. Приведу пример из жизни одного священномученика. Когда его арестовали, то пытались сломить его волю следующим доводом: «Как вы можете оставить свою семью?» На свободе оставались его жена и трое детей. Те годы были очень тяжелые, дети священников, а тем более репрессированных, подвергались дискриминации. Но этот священник ответил: «Господь не оставит детей мученика». Вместе с тем судьба у родственников мученика была несладкая. Матушку арестовали, и она тоже погибла. Сын отпал от веры, старшая дочь погибла во время войны, а младшая дожила до наших дней, но жизнь ей досталась нелегкая. Этот человек остался преданным Христу, он не пошел на компромисс со своей совестью. Подобных примеров, наверное, можно привести много, даже из нашего ближайшего исторического прошлого. Но все-таки совершать такие подвиги отречения гораздо труднее, чем заранее отказаться от всего и благоразумно облегчить свой путь. Поэтому, сделав один шаг, то есть внешне отрекшись от мира, мы должны сделать и второй – отречься от него внутренне. Мир для нас –

это не облака и деревья, а прежде всего люди, которые удерживают нас в суетном времяпрепровождении и мешают нам беззаветно, свободно любить Бога и ближнего.

* * *

Вопрос. Батюшка, а разве себя не нужно любить? Если не любишь себя, то не будешь и о спасении своей души заботиться. Или я неправильно рассуждаю?

Ответ. Конечно, все мы любим себя. Однако можно любить себя, то есть стремиться раскрыть в себе образ Божий, бессмертную душу, а можно – стремиться доставить себе удовольствие. Когда Спаситель говорил: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 39), то имел в виду естественное мерило, которое есть в каждом человеке. Поскольку мы потеряли чувство любви к ближнему, то Господь и обращает нас к самим себе, чтобы мы поняли, на что ориентироваться, потому что себя мы любим. Однако совесть должна говорить нам, что наш ближний не хуже, чем мы, и ничем от нас не отличается, поэтому мы должны любить его не меньше, чем себя. Впоследствии, уже на Тайной вечери, Господь преподал более возвышенную заповедь, сказав ученикам: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, якоже возлюбих вы* (Ин. 13, 34), то есть возлюби ближнего больше, чем самого себя, до самопожертвования. *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*, – сказал Он (Ин. 15, 13).

Да, сказано, что нужно любить ближнего, как самого себя, но это сказано для того, чтобы немощные, у которых нет любви, имели ориентир. А кто приобрел любовь, тот должен стремиться развить в себе эту добродетель в такой мере, чтобы исполнить уже новозаветную заповедь. Возлюбить ближнего, как самого себя, кажется нам возвышенным, неисполнимым, но это всего лишь ветхозаветная заповедь, а новозаветная – возлюбить ближнего более, чем самого себя. Поэтому тем, кто не умеет любить, дан критерий, а тем, кто любит, критерия не надо: они любят ближнего больше, чем себя; по крайней мере, должны так любить.

Вопрос. Когда видишь, что родные находятся в духовной нужде или скорби, то хочется помочь им, поддержать их. Правильно ли это?

Ответ. Если есть возможность их поддержать, то, посоветовавшись со старицей, можно это сделать, например выслать какую-нибудь книгу. Если родители к вам прислушиваются, можно, чтобы вы сами что-нибудь им написали. Однако так поступать надо в исключительных случаях и обязательно брать на это благословение.

Вопрос. Как воодушевлять себя на борьбу, если часто ослабеваешь? Иногда кажется, что можно немного отдохнуть, а получается, что впадаешь в нерадение и потом еще труднее вернуться к борьбе с собой.

Ответ. Мне непонятно, что значит «отдохнуть от борьбы»? Отдыхать можно, если ты утомился, перетрудился. Каждую ночь мы спим, чтобы восстановить свои силы, потому что без этого нельзя. Конечно, есть и другие случаи, когда можно дополнительно отдохнуть, если у тебя есть благословение. Однако отдыхать от духовной борьбы – это абсурд. Это невозможно: нельзя отдыхать от любви к Богу или от любви к ближнему, от смирения или от целомудрия. Что я должен делать, чтобы отдохнуть от целомудрия? Предаваться нечистым помыслам? Как я буду отдыхать от смирения? Поддаваться гордости? Представьте себе такое рассуждение: сначала я буду смиряться, говорить, что я ничтожная, ничего не значу и хуже всех, а затем скажу: да нет, я лучше всех, я то-то и то-то умею. Немного отдохну от смирения, а потом начну все заново. Или: какое-то время буду кроткой, затем решу отдохнуть, накричу на кого-нибудь – и снова стану кроткой...

Тот, кто отдыхает от духовной борьбы, отдыхает от добродетели.

Вопрос. Может ли существовать дружба у монахов? Как ее понимать, ведь в Евангелии говорится только о любви, значит, дружба – это мирское понятие? Если хочется с кем-либо дружить, чувствуется близость по духу с каким-либо человеком, взаимопонимание, то является ли это страстью, которую следует искоренять?

Ответ. В греческом языке есть несколько слов для обозначения разных оттенков любви: любви к Богу, любви к человеку, которая отождествляется с дружбой, любви к родителям, родственникам и любви как страстного влечения, но в русском и славянском переводе Евангелия употребляется только слово «любовь». Иногда, правда, слова используются не в прямом значении, немного меняется в них смысловой акцент: например, святые отцы говорят о Божественном вожделении. У греков очень богатый язык, поэтому неслучайно то, что у них возникла такая удивительная философия.

Вспомните слова Спасителя: *Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам (Ин. 15, 14)*, ведь Он и Лазаря называл Своим другом. Поэтому дружба тоже возможна. Однако Антоний Великий говорит, что можно иметь одного, самое большее двух друзей, а лучше всего иметь другом одного Бога. В жизни, конечно, человек всегда нуждается в какой-нибудь поддержке. Неслучайно Господь сказал, когда сотворил Адама: *Не хорошо человеку быть одному, сотворим помощника, подобного ему (см. Быт. 2, 18)*. Разумеется, нам бывает необходимо с кем-то пообщаться, чтобы нас поддержали. Однако дружба может быть полезной, а может быть и вредной. Если подруги собираются для того, чтобы заниматься пересудами, обсуждать монастырские порядки, роптать и так далее, то это, конечно, недопустимо, а если для того, чтобы поддерживать и приободрять друг друга, то это неплохо. Однако лучше всего иметь одного друга – старицу. В этом заключается самое прекрасное и мудрое душевное расположение.

Вопрос. Батюшка, вы рассказали, как нужно любить родных, но мне непонятно, относится ли сказанное к старице? Не могли бы вы объяснить, как нужно любить старицу?

Ответ. Во-первых, если общение с человеком приносит тебе душевную пользу, ты не можешь не испытывать к нему чувства благодарности. Я даже не буду говорить о старице в отдельности. Здесь, хотя нас сравнительно немного, мы учимся любить ближнего по-настоящему. Мы и есть те ближние, которые должны друг друга любить. Это не значит, что люди,

которые находятся за монастырской оградой, для нас уже не существуют. Сама жизнь соединила нас так, что мы, будучи чужими друг другу по плоти, стали родными по духу. По крайней мере, должны стать родными. Мы братья и сестры во Христе. Если это чувствуется даже в приходском храме, то в особенности должно чувствоваться в монашеской общине. Именно здесь возникает настоящая любовь. И плохо, если ее нет. Допустим, человек очень любит своих родных, а в монастыре ведет себя раздраженно, относится к сестрам пренебрежительно. Этим он обнаруживает свое внутреннее состояние, делает явным то, что настоящей любви у него нет.

Если сравнить нашу монашескую общину с семьей, то старица – это родитель (не будем уточнять, кто она: отец или мать), а вы – дети, сестры. У нас, как мне кажется, есть очень хороший обычай называть матушкой только настоятельницу. Она мать, а вы все дети. Есть родители: настоятельница, старицы, духовник; есть старшие сестры и младшие. Вот и получается семья, хотя не всё, конечно, в монастыре можно отождествить с семьей в обычном понимании этого слова. У нас семья духовная, в которой должны действовать евангельские законы. В действительности мы должны были бы любить друг друга больше, чем своих родственников по плоти, потому что нас соединяет Христос и мы все произошли от Него. Наши же сродники часто далеки от веры. Но если духовная близость и полное понимание между нами и сродниками есть, тогда они не могут быть нам чужими и являются такими же духовно родными, как и прочие братья и сестры во Христе. Я уже говорил, что бывают случаи, когда родственники укрепляют нас в вере, монашеском подвиге, даже подбадривают. Однако, к сожалению, чаще случается обратное.

Любовь покрывает множество грехов¹⁵⁸

В одной из прошлых бесед мы говорили о цели христианской жизни, рассматривая заповеди о любви к Богу и ближнему. Затем была беседа о том, что мешает осуществить эти заповеди и как нужно относиться к встречающимся препятствиям. Сегодня я хотел рассказать о наиболее могущественных средствах избавления от искушений и соблазнов. Но мы немного отступим от плана. Среди присутствующих есть люди, которые слегка поддались унынию, и им уже не до теории. Поэтому мне показалось уместным провести беседу без особенного нравоучения – просто показать примеры любви, изображенные в Евангелии. Конечно, эти примеры являются для нас неподражаемыми, но они же одновременно служат как бы образцом поведения для всех истинных христиан во все времена. Даже исследуя жития святых, мы можем испытывать сомнение, видя там нечто человеческое, историческое, какие-то стороны не безусловно богоугодные. В Евангелии же тот или иной поступок, если он не осужден, а, напротив, одобрен, является действительно непререкаемым, неоспоримым, безукоризненным примером для подражания. Несколько таких примеров любви к Богу я и хочу привести. Мы не будем подробно разбирать поучения Спасителя, а просто посмотрим, как проявлялась любовь к Нему в реальной жизни.

Моляше же Его некий от фарисей, дабы ял с Ним; и вшед в дом фарисеов, возлеже. И се, жена во граде, яже бе грешница, и уведевши, яко возлежит во храмине фарисеове, принесши алавастр мира, и ставши при ногу Его созади, плачущися, начат умывати нозе Его слезами, и власы главы своея отираше, и облобызаше нозе Его, и мазаше миром (Лк. 7, 36–38). Обратите внимание, это не притча, а действительное происшествие. Грешница оказалась противопоставлена тому, кто почитал себя праведником и, наверное, в действительности был таковым. Спаситель нигде не упрекает его в лицемерии, хотя мы имеем расхожее представление о том, что фарисеи –

непременно лицемеры. Такое значение приобрело это слово. Однако в данном случае наименование «фарисей» – просто признак принадлежности к определенному течению в иудаизме, представители которого отличались щепетильным исполнением закона и многих других дополнительных требований – так называемого предания старцев. Если Спаситель вошел в дом фарисея, то, надо полагать, это был праведный человек. И вот, когда Господь Иисус Христос находился в доме у этого всеми почитаемого гражданина, туда пришла грешница. Евангелист не объясняет, что он подразумевает под этим словом, но понятно, что речь идет о блуднице. Причем имеется в виду не просто единичное падение (хотя в то время для иудеев это тоже было чем-то немыслимым) – она была известна всему городу как живущая блудом. В наше время это стало нормой жизни, а некоторые вообще в безумии своем утверждают, будто в этом состоит смысл жизни. Но тогда это было необыкновенно позорным, особенно для женщин.

И се, жена во граде, яже бе грешница, и уведевши, яко возлежит во храмине фарисеове, принесши алавастр мира, и ставши при ногу Его созади, плачущися, начат умывати нозе Его слезами. Чтобы представить себе, как все это происходило, нужно знать обычаи того времени. Сказано, что Спаситель возлежал в доме фарисея. Как вы, наверное, знаете, в древности ели лежа. Люди возлежали на специальных ложах, левой рукой они опирались на подушку, а правой – вкушали пищу. И вот грешница, известная всему городу, вошла в дом праведника, видимо не менее известного (здесь даже имя его называется – Симон), и, став на колени позади Иисуса, принялась омыwać слезами Его ноги. Какой странный поступок! Уже то, что она вошла в дом этого человека, было необыкновенной дерзостью. Фарисей не посмел ее выгнать только по одной причине: здесь присутствовал Господь Иисус Христос. При постороннем человеке, тем более таком уважаемом, Симон не мог вести себя как в обычной ситуации. Да и эта женщина не посмела бы войти в дом фарисея, если бы там не было Господа Иисуса Христа. Она, несомненно, понимала, как к ней могут там отнестись и как к ней вообще

относятся все приличные люди. Еще удивительней то, что блудница не просила Спасителя о прощении грехов. Она вообще ни о чем не просила Его и не говорила ни о каких своих телесных или душевных скорбях. Возможно, она чувствовала, что Он и так все знает, или по-человечески предполагала, что кто-нибудь расскажет Ему о том, что она собой представляет. Как бы то ни было, эта женщина не произнесла никаких слов, уместных в данном случае. И вот на протяжении почти двух тысяч лет люди читают евангельское повествование о ней, неизменно удивляясь и умиляясь ее поступку и, конечно же, благодати нашего Спасителя.

Ставши при ногу Его создади, плачущися, начат умывати нозе Его слезами. Конечно, женщины более склонны к слезам, чем мужчины, – видимо, по душевной нежности, да и более нежному телесному строению. Но как же все-таки эта грешница должна была плакать, если ее слезами можно было омыть ноги! Это был не просто плач, но потоки слез. *И власы главы своея отираше.* Слез было столько, что можно было вытирать влагу с ног Спасителя, а чтобы все это сделать, наверняка нужно было опуститься на колени, ведь ложе было довольно-таки низким. И все то, что совершила эта женщина, было необыкновенным дерзновением! Как же объяснить ее поступок? Мы знаем из Евангелия еще один такой случай. Как повествует евангелист Лука, Мария, сестра Лазаря Четверодневного, испытывала необычайную привязанность к Спасителю. Она сидела у ног Господа и не хотела ничего иного делать, как только непрестанно слушать Его. А евангелист Иоанн рассказывает, что вскоре после воскрешения Господом ее брата Мария поступила подобно тому, как поступила эта безымянная женщина. Итак, мы видим, что обе они имели необыкновенно сильную любовь к Господу Иисусу Христу. Разница только в том, что Мария, может быть, совершая такой поступок, испытывала чувство благодарности, а та женщина, имени которой мы не знаем, желала, но не смела попросить о прощении грехов. (Возможно, евангелист Лука не назвал ее имени, потому что не хотел открывать тайну прошлого той, которая была известна в первохристианской общине своей праведностью.) Омывая

слезами ноги Спасителя, эта женщина показала глубокое осознание своей греховности. Ее поступок не требовал никаких объяснений, потому что всем было ясно, что она кается. Притом покаяние ее было настолько сильным, что она уже не думала о приличиях, не думала о том, одобрят ее или осудят. Она поступала так, как велели ей чувства. Мир она приготовила заранее, но «приготовить» столь великий плач невозможно: человек не может до такой степени управлять собой. Скорее всего, она собиралась только помазать Господа миром, но, увидев Его, вдруг разрыдалась. Все происходило стихийно и непредвиденно, – конечно, только для нее, а не для всеведущего Бога.

И власы главы своея отираше, и облобызаше нозе Его. Лобзание – это тоже признак любви. Таким действием люди выражают и благородную, братскую любовь, и любовь нечистую. Почему это так, я не могу объяснить. Эта женщина, лобызая ноги Спасителя, тоже выразила любовь. Но в том, что она омывала, вытирала волосами и целовала именно ноги, было, несомненно, некоторое унижение для нее. Чтобы понять это, спросите себя: смогли бы вы сами это сделать? Когда мы читаем об этом в Евангелии, нам кажется, что все обыкновенно, потому что этот эпизод нам давно известен и мы уже привыкли к нему. А если представить, что мы участвуем в нем? Окажется, что для нас такой поступок невозможен. Нам помешали бы так называемые приличия или предрассудки, а на самом деле – гордость и человекоугодие. Но у той женщины ничего этого не было. Только любовь и крайнее смирение. Надо полагать, так происходит не только тогда, когда любовь выражается внешне. Во внутренней жизни истинная любовь к Богу также всегда соединяется с глубочайшим смирением и осознанием своего полного ничтожества.

Грешница лобызала ноги Спасителя – в этом поступке было одновременно и дерзновение и смирение. Смирение делает дерзновение богоугодным, а дерзновение без смирения неуместно и даже может вызвать гнев Божий. Благочестивые люди, прикладываясь к святым иконам, всегда целуют их нижний край. Может быть, мы и не испытываем таких уж

глубоких чувств, но все равно у нас считается дерзким целовать лик Господа, Божией Матери или святого. Однако если нельзя целовать лик, изображенный на иконе, то тем более дерзко было бы проявлять такую необыкновенную любовь без смирения. Вспомните: кто дерзнул лобызать Спасителя? Иуда Искаротский! В Гефсиманском саду он подошел ко Господу, облобызал Его и лицемерно сказал: *Равви! Равви!* (Мк. 14, 45). Спаситель упрекнул его: *Лобзанием ли Сына Человеческого предаешь?* (Лк. 22, 48) – то есть обличил его особенную дерзость. Иуда использовал знак любви для предательства. А эта грешница, наоборот, лобызая ноги Господа, показала истинную любовь, потому что истинная любовь неразрывно соединена со смирением. Можно даже сказать, что это одно и то же. Мой духовник, покойный приснопамятный отец Андрей, говорил, что любовь, смирение и простота – это одно и то же. Его спрашиваешь, чем же отличается одно от другого, а он: «Да это одно и то же!» Правда, он не мог этого объяснить, но было видно, что отец Андрей говорит так, исходя из собственного опыта. Он осознавал: эти добродетели соединены настолько неразрывно, что превращаются в одну. Можно сказать, что это разные проявления одного и того же душевного свойства.

И облобызаше нозе Его, и мазаше миром. Только теперь она вспоминает о сосуде с миром, который принесла с собой. Но в этот момент возникает конфликт. *Видев же фарисей воззвавый Его, рече в себе* (он не посмел сказать это Спасителю, так же как раньше не посмел прогнать эту женщину, потому что чувствовал, что при Господе не может вести себя свободно. – *Схиизум. А.*), *глаголя: Сей аще бы был пророк, ведел бы, кто и какова жена прикасается Ему, яко грешница есть* (Лк. 7, 39). По мнению фарисея Симона, Иисус Христос должен был знать, что эта женщина известна во всем городе как развратница, и отнестись к ней соответствующим образом. Чтобы понять Симона, представим себя в этой ситуации. Подошла бы к нам женщина, о которой все знают, что она блудница, а рядом с нами приличные люди, мнением которых мы дорожим. Пожалуй, мы и не заговорили бы с ней. Видимо,

фарисей ожидал и от Спасителя подобной реакции, поскольку рассуждал так: если бы Он знал, что она развратница, то не позволил бы ей столь дерзко вести себя – прикасаться к Его ногам, омыв их слезами и так далее, тем более что все это длилось не одно мгновение. Наверное, пока эта женщина плакала и омывала ноги Спасителя, прошло несколько минут, еще столько же, пока вытирала, и столько же, пока лобызала и мазала миром. За это время человек мог понять, что происходит. Пятнадцати-двадцати минут достаточно для того, чтобы отреагировать как нужно – запретить этой женщине так себя вести, а может быть, и выгнать ее вон, так как ей, строго говоря, нельзя было даже присутствовать там. Вообще к женщинам на Востоке было гораздо более строгое отношение, чем к мужчинам. Женщины не осмеливались находиться в обществе мужчин, а тем паче есть с ними за одним столом. У женщин была своя половина в доме, у мужчин – своя. И когда к хозяину дома приходили гости, то женщины могли, в лучшем случае, только прислуживать. А эта грешница повела себя столь дерзко, да еще при постороннем человеке, и Спаситель никак не отреагировал! Значит, Он не угадал, кто она такая, значит, Он не пророк? Симон даже и подумать не мог, что Спаситель может все знать об этой женщине и в то же время относиться к ней не так, как все. И вот Господь открывает ему тайну любви.

И отвечав Иисус рече к нему: Симоне! Имам ти нечто рещи. Он же рече: Учителю, рцы (Лк. 7, 40). Симон повел себя, как бы мы сейчас сказали, культурно. Он не предполагал, что Господь может знать о той мысли, которая только что у него промелькнула. Симон, вероятно, думал, что Спаситель хочет сказать какое-нибудь поучение, например истолковать что-либо из Священного Писания, что особенно ценили иудеи того времени. Спаситель начинает с притчи. Поскольку евреи – народ очень здравомыслящий, практичный (я думаю, не только в наше время, но и тогда они были такими), Спаситель всегда апеллирует именно к их здравому смыслу. Они просто не могли идти против собственного разума и вынуждены были, пусть и нехотя, соглашаться с поучениями Господа. Впрочем, здравомыслие присуще не одним евреям. Человеку вообще

свойственно во всех вопросах обращаться к своему житейскому опыту (так как духовного опыта люди в большинстве случаев не имеют). Все мы волей-неволей соглашаемся со словами Спасителя, признавая их разумность. Другое дело, что Его притчи, может быть, были более понятны Его современникам, потому что основывались на реалиях того времени. Некоторые вещи, впрочем, незначительные, второстепенные, с тех пор изменились.

Иисус же рече: два должника беста заимодавцу некоему: един бе должен пятиюсот динарий, другой же пятиюдесят: не имущема же има воздати, обема отда. Который убо ею, рцы, паче возлюбит его? (Лк. 7, 41–42). Ситуация, понятная всем: нормальный человек испытывает бóльшую благодарность, когда ему прощают бóльший долг. Симон признал эту самоочевидную вещь, но ответил осторожно. *Отвещав же Симон рече: мню, яко емуже вящше отда (Лк. 7, 43).* Вроде бы все ясно, но на всякий случай нужно сказать сдержанно, как будто смиренно: «Наверное, тот, которому более простил». А вдруг Спаситель скажет что-нибудь неожиданное? В таком случае можно будет отступить. Мне кажется, Симон проявил здесь то самое еврейское благоразумие, о котором мы говорили, своего рода житейскую мудрость или даже хитрость. Что же сказал на это Спаситель? *Он же рече ему: право судил еси (Лк. 7, 43).* Господь подтвердил его решение и, уже обезоружив Симона его собственным ответом, объяснил ему духовный смысл «странного» поступка этой женщины, а также показал истинную цену поведения и самого Симона, и мироносицы, омывшей слезами ноги Спасителя.

И обращься к жене, Симонови рече: видиши ли сию жену? (Лк. 7, 44). Эта женщина все еще стояла сзади Него. Может быть, до этого Спаситель на нее не смотрел, поскольку был обращен лицом к возлежащим за столом, а теперь Он оглянулся и таким образом привлек к ней внимание Симона. Если мы на кого-то или на что-то смотрим, то наш собеседник обращает взгляд в ту же сторону, тем более если разговор переходит на этот предмет. *И обращься к жене, Симонови рече: видиши ли сию жену? Внидох в дом твой, воды на нозе Мои не*

дал еси, сия же слезами облия Ми нозе и власы главы своея отре (Лк. 7, 44). Симон проявил невнимательность. Видимо, он считал, что Спаситель не настолько знатен, чтобы обязательно омыть Ему ноги. Надо сказать, что это был общепринятый обычай на Востоке – омыwać ноги уважаемым гостям, тем более что в этом была насущная необходимость. В то время, как правило, носили сандалии. Ноги странников постоянно были в пыли. В Иудее почти всегда жарко и пыльно: это каменистая местность, дожди там бывают редко, и после них земля высыхает мгновенно. Зелень бывает только весной, в течение всего нескольких недель, а потом она иссушается зноем. Поэтому неважно, было это зимой или летом, ноги Спасителя даже после самого краткого пути должны были быть в пыли. Но Симон не считал нужным дать Ему воды на ноги, а эта грешница омыла их собственными слезами. Это не просто красивые слова – «омыла слезами». Она плакала так обильно, что действительно смыла грязь с ног Спасителя, и затем отерла их своими волосами. *Лобзания Ми не дал еси, сия же, отнелиже внидох, не преста облобызаючи Ми нозе (Лк. 7, 45).* Симон не посчитал необходимым показать свою любовь к Господу. Он мог хотя бы ради приличия облобызаться с ним. У христиан, магометан, иудеев принято лобызать друг друга при встрече; русские целуются троекратно; монашеский обычай – целовать в рамена, то есть в плечи. Словом, это обычное приветствие, демонстрирующее любовь. Иногда, к сожалению, мы делаем это без особенного чувства, но Симон не сделал этого вовсе. А женщина лобызала ноги Спасителя не переставая.

Маслом главы Моея не помазал еси, сия же миром помаза Ми нозе. егоже ради, глаголю ти, отпущаются греси ея мнози, яко возлюби много (Лк. 7, 46–47). Некоторые из нас унывают из-за того, что у них много грехов и страстей, что они недостойны приблизиться к Господу (в частности, и сейчас, во время земной жизни, духовно), что всякое общение с Господом, попытка приблизиться к Нему, скорее, послужат им к осуждению, – молятся ли они Иисусовой молитвой, или причащаются Святых Таин, или понуждают себя к исполнению заповедей. Нам кажется, что Господь не помогает нам, что Он

оставил, забыл нас. Мы рассуждаем так же, как рассуждал Симон-фарисей о поведении Спасителя по отношению к блуднице: мол, если бы Господь знал, кто она такая, Он отверг бы ее. Мы думаем, что Господь отвергает нас, потому что знает точно, кто мы такие, знает о нас неизмеримо больше, чем те, кто нас окружает. От этого мы впадаем в уныние и отчаяние. Но вот у нас перед глазами не просто притча, не просто поучение, а нечто, как мне кажется, более убедительное – реальный жизненный случай, имевший место во время пребывания Спасителя на земле. Женщина, которая совершила множество грехов и была известна во всем городе как развратница, получила прощение благодаря своей любви к Спасителю – искренней любви, пренебрегающей человеческим мнением. Она проявила эту любовь так, как ей представлялось нужным, соединив ее с глубоким смирением и покаянием. Конечно, это не значит, что и мы можем поступать произвольно, – так, как нам кажется необходимым. Но если бы мы приобрели именно такую любовь – покаянную, смиренную, то могли бы дерзновенно приступить к Господу и, взирая на пример этой женщины, помня о том, как Спаситель объяснил это событие, нисколько не унывать и надеяться на милость Божию.

Егоже ради, глаголю ти, отпущаются греси ея мнози, яко возлюби много, а емуже мало оставляется, меньше любит (Лк. 7, 47). Видимо, Симон считал себя человеком праведным и думал, что грехов у него немного. Возможно, он замечал за собой лишь некоторые нарушения принципов нравственности, небольшие отступления от Моисеева закона и предания старцев. Поэтому Господь сказал, что ему мало оставляется – ведь он меньше любит, меньше кается. В действительности, между грехами, осуществленными на деле, и грехами, совершенными в мыслях, нет большой разницы. Я не имею в виду, что можно грешить на деле. Я только хотел сказать, что тот, кто грешит внутренне, должен каяться не меньше, чем тот, кто претворяет в жизнь все влечения своих страстей. Возможно, мы не грешим на деле только потому, что боимся наказания, притом вовсе не в вечности, а здесь, на земле, – или от людей в виде осуждения

(по закону), или от Бога в виде болезней и иных скорбей. Как говорится в великом каноне Андрея Критского, в уме мы согрешили всеми грехами, в нас живут все страсти. Если бы фарисей Симон относился к себе трезво, то понимал бы, что ему необходимо каяться так же искренне и глубоко, как каялась эта женщина, всем известная развратница. Разница только в том, что его грехов не знал никто, а ее – знали все. Нередко тому, кто согрешил на деле, легче покаяться, потому что он ясно видит свое падение. А когда человек грешит внутренне, то грех для него как бы неосязаем, он не понимает своего греха. Часто бывает, что, покайся и отстав от явных, телесных грехов, он перестает видеть грехи, которые совершаются его душой, – и теряет покаяние.

Рече же ей: отпускаются тебе греси. И начаша возлежащи с Ним глаголати в себе: кто Сей есть, Иже и грехи отпускает? Рече же к жене: вера твоя спасе тя, иди в мире (Лк. 7, 48–50). Присутствующие стали мысленно упрекать Спасителя, но Он на сей раз даже не пожелал им ответить, а обращался только к этой женщине. Он понимал, точнее сказать знал как Всеведущий, что она только что почувствовала мгновенное очищение от всего, что угнетало ее и заставляло столь обильно плакать. Поэтому Он просто успокаивал ее, чтобы она не обращала внимания на неприязнь к ней присутствующих. *Рече же к жене: вера твоя спасе тя, иди в мире* – «Ты чувствуешь, что с тобой произошло. Ты знаешь, что тебя спасла вера, проявившаяся в твоём необыкновенном поступке. Иди в мире, будь спокойна, не смущайся от того, как к тебе относятся невежественные, бездуховные люди».

Евангелие ничего не говорит о том, что было с этой женщиной дальше. Но конечно, она погрузилась в глубочайший благодатный мир и покой и совершенно исцелилась от своей страстности – не только от греха блуда, но, думается, и от уныния. Некоторые спрашивают: как избавиться от уныния, как избавиться от отчаяния? Вот как: любовью! Конечно, мы не можем буквально проявить свою любовь так, как проявила ее эта женщина, потому что Господь сейчас далек от нас. Как

говорит апостол Павел, мы уже *не знаем Его по плоти* (см. 2Кор. 5, 16), плотью Своей Пречистой Он находится на Небесах одесную Бога Отца. Но духовно мы можем поступить точно так же. Мы можем приблизиться к Богу умом, можем смиренно плакать. Можем *собственными волосами отереть Его ноги*, то есть признать себя едва-едва достойными прикоснуться к Нему. Мы можем *лобызать* ноги Господа, то есть проявить смиренную любовь к Нему. Мы можем *помазать их миром*, отдать Ему самое лучшее, самое благоухающее, что есть в человеческой душе, – добродетель. А главнейшая добродетель, или, как говорит Иоанн Лествичник, мать всех добродетелей, – это молитва.

Я хочу привести еще один пример любви к Богу. Он сильно отличается от предыдущего. Только что мы видели кающуюся грешницу, а теперь поговорим о великом праведнике (который сам почитал себя грешником) – об апостоле Петре. Интересно, что и тот и другой случай описывает евангелист Лука. Вот как он рассказывает об окончательном призвании апостола Петра и о том, какое тот имел покаянное, смиренное мнение о себе: *Бысть же належащу Ему народу, да быша слышали слово Божие, и той бе стоя при езере Геннисаретсте; и виде два корабля стояща при езере; рыбарие же отшедше от нею, измываху мрежи. Влез же в един от кораблю, иже бе Симонов, моли его от земли отступить мало, и сед учаше из корабля народы. Якоже преста глаголя, рече к Симону: поступи во глубину, и вверзите мрежи ваша в ловитву. И отвещав Симон рече Ему: Наставниче, об ночь всю труждшися, ничесоже яхом; по глаголу же Твоему ввергу мрежу* (Лк. 5, 1–5). Если мы внимательно читаем евангелистов, то знаем из Евангелия от Иоанна, что к этому моменту Петр уже был призван Господом. Но он не считал для себя обязательным постоянно следовать за Ним. Он признавал себя учеником Иисуса Христа, но при этом, видимо, занимался своими обычными делами и лишь время от времени посещал собрания, где учил Господь (как известно, Он начал свою проповедь с Галилеи – родины апостола Петра). Как опытный рыбак, Петр знал, что если ночью не удалось поймать рыбу, то утром это тем более невозможно. Но все же сказал: *По*

слову Твоему закину сеть. В описанном эпизоде он проявил послушание исключительно из уважения к Спасителю. А мы часто кажемся себе очень умными и всегда стараемся доказать, что наша точка зрения единственно правильная и иначе поступить никак нельзя. *И се сотворше, яша множество рыб много: протерзашеся же мрежа их. И помануша причастником, иже беху во друзем корабля, да пришедше помогут им: и приидоша, и исполниша оба корабля, яко погружатися има (Лк. 5, 6–7).* Вот результат послушания, которое, конечно, было основано на любви. Апостол Петр смиренно послушался Спасителя вопреки здравому смыслу, потому что испытывал к Нему глубокое уважение и сердечное влечение.

Видев же Симон Петр, припаде к коленама Иисусовома, глаголя: изыди от Мене, яко муж грешен есмь, Господи (Лк. 5, 8). Обратите внимание: здесь приблизительно так же, как в предыдущем примере (хотя, может быть, не столь ярко и впечатляюще) обнаружилась любовь, соединенная со смирением. Петр припал к коленям Господа и, наверное, обнял их, но в то же время сказал: *Выйди от меня, ибо я человек грешный.* С точки зрения здравого смысла, это должно было выглядеть странно. Но в этом поступке, несомненно, есть глубокая, истинно духовная логика. Петр обнимает ноги Господа и говорит: *Выйди от меня,* потому что осознает свое недостойнство и одновременно не хочет расставаться с таким великим чудотворцем. Понимал ли он в тот момент, что перед ним Сын Божий, или думал, что это пророк, посланник Бога? Несомненно одно: он испытал к Нему глубочайшую любовь. Притом, в отличие от Симона фарисея, Симон Петр почитал себя грешником. Именно за эту смиренную покаянную любовь Петр сподобился призвания к апостольству.

Ужас бо одержаше его и вся суция с ним о ловитве рыб, яже яша: такожде же Иакова и Иоанна, сына Зеведеова, яже беста обещаика Симонови. И рече к Симону Иисус: не бойся, отселе будеши человеки ловя (Лк. 5, 9–10). Господь умиротворил Симона так же, как и ту женщину. И тогда, бросив свои сети и лодку и нисколько не заботясь о том, что будет с

богатым уловом, апостол Петр проявил необыкновенную решимость и последовал за Спасителем. Вспомним для сравнения призвание Елисея пророком Илией. Елисей тоже проявил самоотречение, но перед тем как уйти, он порубил свои плуги, изжарил волов и накормил людей, которые с ним работали. А ученики Спасителя оставили рыбу в сетях. Следует учитывать такую психологическую деталь: человеку, привыкшему добросовестно исполнять свою работу, невозможно оставить ее недоделанной. А Петр, судя по некоторым его выражениям, был опытный рыбак. Об этом говорят и евангелист Лука, и евангелист Иоанн. Помните, с чего начинается повествование о том, как Господь после воскресения явился ученикам на озере Тивериадском? Апостол Петр говорит своим друзьям: *Иду рыбу ловить* (см. Ин. 21, 3), то есть для него это был самый простой способ добыть пищу. В Евангелии от Луки Петр тоже высказывает свой опыт: «Мы целую ночь ловили, значит, утром ничего не поймает». И вдруг этот опытный рыбак бросает только что пойманную рыбу и уходит! Это признак того, что человек не хочет даже на мгновение задерживаться среди мира и спешит последовать за возжеленным, любимым или, как говорится в акафисте, прелюбезным Господом.

В Евангелии есть еще одно повествование о ловле рыбы. В этом примере уже откровенно говорится о любви к Богу. И вновь мы видим, что любовь очищает от самых тяжких грехопадений, в том числе от греха отречения от Господа. Апостол Петр предстает перед нами как образец покаяния. Он был апостолом, пал и вновь стал апостолом благодаря покаянной любви. Поэтому у нас нет никакой причины для уныния: любовь может сделать нас благодатными и духовными даже после самых страшных падений. У нас есть пример не только апостола Петра, но и других людей, сначала впавших в грехи, а затем ставших праведниками: и Марии Египетской, и Марии, племянницы преподобного Авраамия Затворника, и многих других. Сейчас мы читаем отрывок из Евангелия о том, как Спаситель по воскресении явился ученикам на озере Тивериадском. Это повествование кажется мне не просто

любопытным, но даже захватывающим. В Евангелии несколько раз повествуется о призвании и уверении апостола Петра и его друзей через ловлю рыбы. Людям, не разбиравшимся в рыболовстве, эти чудеса казались чем-то обычным. Ну не поймали рыбы ночью, а утром поймали много, что же тут такого? Но рыбаки-то понимали, что произошло чудо! Мне это всегда представлялось умилительным, в особенности в том эпизоде, о котором мы сейчас читаем.

Посем явися паки Иисус учеником Своим, востав от мертвых на мори Тивериадстем. Явися же сице: бяху вкупе Симон Петр, и Фома нарицаемый Близнец, и Нафанаил, иже бе от Каны Галилейския, и сына Зеведеова, и ина от ученик Его два. Глагола им Симон Петр: иду рыбы ловити (Ин. 21, 1–3). Католики считают Петра князем апостолов, но здесь мы видим, что он был человек простой и не ставил себя выше других. Петр никому не приказывал, а просто сказал: «Иду ловить рыбу». Другие апостолы выразили желание пойти с ним. *Глаголаша ему: идем и мы с тобою. Изыдоша же и вседоша абие в корабль, и в ту ночь не яша ничесоже (Ин. 21, 3).* За целую ночь они ничего не смогли поймать, – конечно, это было промыслительно, чтобы произошло чудо уверения их в воскресении Спасителя. *Утру же бывшу, ста Иисус при бреге; не познаша же ученицы, яко Иисус есть. Глагола же им Иисус: дети! еда что снедно имате? Отвещаше Ему: ни (Ин. 21, 4–5).* Они были простыми добрыми людьми и, увидев незнакомца, подумали, что он просит у них есть. Подать же они ему ничего не могли, поэтому так и сказали: «Ничего нет». Вероятно, апостолы и сами были очень голодны, а потому и отправились на рыбную ловлю: другого способа зарабатывать на жизнь они не знали. Возможно, они собирались потом продать рыбу и купить другие продукты. *Он же рече им: вверзите мрежу о десную страну корабля и обрящете (Ин. 21, 6).* Как люди простые и потому склонные к послушанию, апостолы сделали так, как им сказал «незнакомец».

Ввергоша же и ктому не можаху привлещи ея от множества рыб. Глагола же ученик той, егоже любляше Иисус, Петрови: Господь есть (Ин. 21, 6–7). Апостол Иоанн

Богослов, о котором здесь идет речь, был очень чутким, догадливым и сразу понял, что это Господь. Видимо, он вспомнил ту первую рыбную ловлю, благодаря которой их уловили на апостольское служение (как мы только что читали, он был одним из *обещников*, то есть товарищей, Симона, трудившихся вместе с ним). *Глагола же ученик той, егоже любляше Иисус, Петрови: Господь есть.* Как мы знаем из Евангелий от Луки и от Иоанна, апостолы Петр и Иоанн были друзьями. Именно их Спаситель послал приготовить пасхальную вечерю. Затем на Тайной вечери, когда Господь сказал, что один из учеников предаст Его, апостол Петр жестом показал апостолу Иоанну, чтобы тот спросил у Спасителя, кто предатель. И Спаситель, омочив кусок хлеба, протянул его Иуде и тем самым дал знак, который, конечно, в тот момент поняли только эти двое друзей – Петр и Иоанн. Дочитав повествование, которое мы с вами сейчас разбираем, мы увидим, что апостол Петр заботился об Иоанне. Когда Спаситель сказал апостолу Петру: *Иди вслед за Мною*, тот оглянулся на апостола Иоанна и спросил: *А он что?* (см. Ин. 21, 19–21). Некоторые думают, видимо судя по себе, что здесь проявилась некая ревность (честно говоря, и я раньше так думал): мол, зачем он за нами идет, не позволяй ему. В действительности апостол Петр заботился о друге и будто спрашивал: «Почему Ты меня позвал, а его – нет? Пусть он идет с нами».

И вот во время чудесного лова рыбы на море Тивериадском апостол Иоанн говорит своему близкому другу: *Это Господь*. И апостол Петр тут же со свойственной ему горячностью, из-за которой он нередко совершал необдуманные и неуместные поступки, проявляет свою любовь к Господу. *Симон же Петр слышав, яко Господь есть, епендитом препоясая, бе бо наг, и ввержеся в море* (Ин. 21, 7). Он не смог утерпеть, ожидая, пока лодка дотащит рыбу, а потому, едва прикрыв свою наготу, бросился в море и поплыл к Господу. (Между прочим, из этого можно сделать интересный вывод относительно другого евангельского эпизода. Мы видим, что апостол Петр умел плавать, но когда он однажды пошел к Спасителю по воде, то,

как рассказывает нам евангелист Матфей, испугался и стал тонуть. Стало быть, случившаяся тогда буря была настолько сильной, что удержаться на поверхности не мог даже человек, который умел плавать).

А друзии ученицы кораблем приидоша, не беша бо далече от земли, но яко две сте лактей, влекуще мрежу рыб (Ин. 21, 8). Они поступили более благоразумно и приплыли на лодке, тем более что нужно было доставить улов на берег: кто-то сидел на веслах, кто-то тянул сеть. Но когда они вытащили лодку, то увидели необыкновенную картину. *Егда убо излезоша на землю, видеша огонь лежащъ и рыбу на нем лежащу и хлеб (Ин. 21, 9).* Кто разжег огонь? Откуда взялись эти рыба и хлеб? Ведь только что было сказано, что никто не имел ничего съестного. Апостол ли Петр приготовил трапезу или Сам Спаситель чудесным образом, неизвестно. Апостол Иоанн рассказывает только о том, что он видел: они тащили рыбу, а когда вышли на берег, оказалось, что рыба уже есть и костер разведен. Значит, эта чудесная ловля была нужна не для того, чтобы их накормить, а опять-таки для того, чтобы их уверить. Уверить в том, что Господь не оставил их и печется о них. Как раньше Он призвал апостолов, несмотря на их грехи, так и сейчас призывает, причем тем же способом, Он показал, что любовь Его не изменилась, несмотря на отречение Петра и малодушие прочих учеников. Господь внушил им надежду на то, что через покаяние, выражающееся в любви, они получают прощение своих преткновений.

И глагола им Иисус: принесите от рыб, яже ясте ныне (Ин. 21, 10). Для чего это было нужно, ведь рыба уже была на костре? Теперь уже апостол Иоанн Богослов проявляет свой, как сказали бы мы сегодня, профессионализм и сообщает подробность, для нас непонятную, но для рыбаков бывшую дополнительным доказательством необыкновенности чуда. *Влез же Симон Петр, извлече мрежу на землю, полную великих рыб сто и пятьдесят и три: и толико сущим не проторжеся мрежа (Ин. 21, 11).* Сеть должна была порваться от такого огромного количества крупной рыбы, но этого не произошло: рыба сама устремлялась к берегу. *Глагола им Иисус: приидите,*

обедуйте. Ни один же смеяше от ученик истязати Его: Ты кто еси? ведяще, яко Господь есть. Прииде же Иисус, и прият хлеб и даде им, и рыбу такожде (Ин. 21, 12–13). Такой была необыкновенная трапеза на берегу Тивериадского озера: огромные рыбы бились в сетях, чудесным образом на костре появились рыба и хлеб. И рядом с апостолами был их возлюбленный Учитель, восставший из мертвых, вернувшийся после страданий, смерти, погребения, после, казалось, непоправимой катастрофы, глубочайшего мрака и полной безысходности. Повествование об этом исключительном событии содержит описание бытовых подробностей, в которых проявилась необыкновенная доброта Спасителя. Как Он обратился к ним, спрашивая о том, есть ли у них еда? – *Дети!* Никакого упрека, никакого намека на их недостойное поведение во время Его страданий и того страшного искушения, которое Он пережил. Только доброта и ласковость. Этим Он показал, что их любовь к Нему может восставить их в прежнем апостольском достоинстве и вновь сделать ревностнейшими Его учениками.

Се уже третье явися Иисус учеником Своим, востав от мертвых. Егда же обедоваше, глагола Симону Петру Иисус: Симоне Ионин, любиши ли Мя паче сих? (Ин. 21, 14–15). Здесь можно увидеть некий намек на упрек. Но в церковной традиции существует иное мнение, принадлежащее святым отцам, которые, безусловно, лучше нас понимали Священное Писание: апостол Петр действительно больше всех любил Спасителя. Иоанн Богослов был больше всех любим Им, а апостол Иаков был самым ревностным Его учеником. Поэтому именно их троих Спаситель сделал свидетелями Своего преображения на Фаворе и Своего Божественного истощания – Гефсиманской молитвы. Только им троим Он позволил следовать за Собою, когда вошел в дом Иаира и воскресил его дочь.

И вот Спаситель спрашивает апостола Петра: *Любишь ли ты Меня больше, нежели они?* Апостол Петр отвечает со свойственной ему простотой, не думая о том, что, может быть, другим это будет досадно. Впрочем, я думаю, все ученики после своего падения очень смирились и никто уже не завидовал друг

другу и не обижался друг на друга, как это было раньше, когда они спорили, кто из них лучше и ближе к Спасителю. Во всяком случае, никакого возражения со стороны других учеников не последовало. Может быть, Спаситель обратился к апостолу Петру, потому что знал, что он один, как наиболее мужественный, сможет выдержать это троекратное вопрошение. Остальные же, внимая их разговору, внутренне соглашались с ответом апостола Петра и так же, внутренне, каялись. Так опытный наставник обращается не к тому, кто в действительности виноват, но к тому, кто способен выслушать упрек, а рядом стоящий понимает, что на самом деле это относится к нему. В данном случае Петр был виноват, наверное, больше других, но слова: *Любиши ли Мя?* – относились и ко всем прочим. Все ученики, кроме апостола Иоанна Богослова, проявили малодушие: они не смогли даже бодрствовать со Спасителем во время Гефсиманский молитвы и оставили Его одного после ареста, хотя до этого обещали пойти с Ним и в темницу, и на смерть.

Глагола Ему: ей, Господи, Ты веси, яко люблю Тя (Ин. 21, 15). Апостол Петр не говорит: «Да, Господи, я люблю Тебя больше, чем они». Он только подтверждает: *Ты знаешь, что я Тебя люблю*. Он не приводит никаких доводов и доказательств. Да ему и нечем доказать свою любовь, после того как он трижды отрекся. Он испытывает сильное искреннее чувство и знает, что Господу известно все, поэтому просто отвечает: «Да». *Глагола ему: паси агнцы Моя* (Ин. 21, 15). Господь призывает его к прежнему пастырскому служению. *Глагола ему паки второе: Симоне Ионин! Любиши ли Мя?* *Глагола Ему: ей, Господи! Ты веси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы Моя* (Ин. 21, 16). Я не берусь толковать, в чем здесь состоит разница между словами «агнцы» и «овцы», да это и не относится к теме нашей беседы. Важно то, что Спаситель вновь обратился к апостолу Петру, а тот и после второго вопрошения еще не почувствовал, что это был не просто вопрос. Но когда Господь спросил о том же в третий раз, Петр понял, что это намек на его троекратное отречение, и стал скорбеть. *Глагола ему третье: Симоне Ионин! любиши ли Мя? оскорбе же Петр,*

яко рече Ему третье: любиши ли Мя? – и глагола Ему: Господи, Ты вся веси; Ты веси, яко люблю Тя (Ин. 21, 17). Апостол Петр опечалился, потому что почувствовал, как ему показалось, недоверие Господа. В то же время, заглянув внутрь себя, он увидел, что любовь в нем живет, несмотря на то что он пал. Поэтому, хотя и со скорбью, апостол Петр сказал: *Господи, Ты вся веси.* Вот его единственный довод: «Ты знаешь все, и поэтому Ты должен знать, что я люблю Тебя». *Глагола ему Иисус: паси овцы моя; аминь, аминь глаголю тебе: егда был еси юн, поясался еси сам и ходил еси, аможе хотел еси. Егда же состареешися, воздежеши руце твои, и ин тя пошет и ведет, аможе не хочеши. Сие же рече, назнаменуя, коею смертью прославит Бога. И сия рек, глагола ему: иди по Мне (Ин. 21, 17–19).* Господь вновь призывает апостола Петра следовать за Собой и вновь, как во время первого призвания, привлекает его к Себе через покаяние. В чем выразилось покаяние на этот раз? В троекратном подтверждении апостола Петра, что он любит Спасителя. Любовь восставила его, трижды отрекшегося.

Тот, кто имеет любовь к Господу или стремится стяжать ее, покрывает этим свои самые тяжкие грехи. Что может быть страшнее таких грехов, как разврат той женщины, которая омыла слезами ноги Спасителя, и троекратное клятвенное отречение, совершенное апостолом Петром? Апостол Петр, кстати, тоже плакал о своем грехе и каялся, хотя это было раньше, чем он трижды подтвердил, что любит Спасителя. Но, тем не менее, он каялся. Покаянная любовь (не просто покаяние и не просто любовь, а покаянная, смиренная любовь) возвращает людям богоподобное достоинство, восставляет в них образ Божий. Поэтому никто не имеет права унывать. В Евангелии даже нет слова «уныние», зато есть примеры, которые показывают, что от самого повода для этой страсти избавляет любовь к Господу. Блудница прощена, в ее душе водворился мир. Отрекшийся ученик восстановлен в апостольском достоинстве. Это не притчи и не поучения, это жизнь. Кто после этого посмеет унывать? Кто дерзнет идти против Евангелия и богохульно утверждать, что он один есть

исключение и что благодать Божия не может его объять и очистить, умиротворить и спасти? Пусть никто не дерзает так не только говорить, но и думать.

А что такое любовь? Вы знаете святоотеческое изречение о том, что молитва есть любовь Божия. Когда мы понуждаем себя к непрестанной Иисусовой молитве, то самым прямым и последовательным образом стремимся приобрести любовь к Господу Иисусу Христу – такую, какую испытывали эта женщина, известная всему городу как блудница, и отрекшийся Петр, день и ночь чувствовавший свой позор. Они любили Бога именно такой любовью, сконцентрировавшейся на личности Господа Иисуса Христа. Поэтому Иисусова молитва в духовном отношении – тот же самый поступок, что и плач блудницы, что и исповедание любви апостола Петра. У грешницы любовь проявилась безмолвно, – когда она лобызала ноги Спасителя, омывала их слезами, отирала волосами и мазала миром. Апостол Петр сказал простую фразу, почти равную по бесхитростности безмолвию этой женщины: *Да, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя*. Но больше ничего и не было нужно. Ни слов, убеждающих в силе и правдивости любви, никаких витиеватых рассуждений. Пусть тот, кто поддается унынию – серьезный ли у него для этого повод или ничтожный, – всегда вспоминает, как Господь Иисус Христос любит всякого человека, даже самого падшего, и с каким благородством Он принимает кающихся, ни в чем их не упрекая и даже не намекая на их падение. Будем же с надеждой стремиться приобрести ту добродетель, через которую спаслись апостол Петр и эта безымянная женщина!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, брат, ты принял обручение ангельского образа. Ты дал обеты служить единому Богу и жить только ради Него. В душе ты давно уже старался в меру своих сил и разума их исполнять. Теперь ты принес их принародно, а самое главное – в присутствии Самого Господа Иисуса Христа, Которого символизирует находящееся здесь Евангелие. Все обещания, которые ты даешь мне, недостойному, приемлет Сам Спаситель.

Что такое монашество? Ради чего мы избираем этот странный, непонятный для большинства людей образ жизни? Преподобный Иоанн Лествичник сказал, что монах – это тот, кто на всякое время и на всяком месте думает только об исполнении евангельских заповедей. Казалось бы, просто. Все мы, православные христиане, ежедневно читаем Евангелие. Но иногда нам кажется, что ничего нового мы там уже не найдем. Иным даже представляется (конечно, несправедливо), что вообще незачем вновь и вновь перечитывать Евангелие. Лучше почитать какую-нибудь душеполезную книгу и из нее почерпнуть для себя нечто новое и важное. Однако никакая душеполезная книга не может сравниться со святым Евангелием. Любая из них имеет цену и значение только потому, что наполнена евангельским духом и так или иначе происходит из Евангелия, объясняя его, приспособлявая к нашему разуму. Ничего принципиально нового в этих книгах нет, а иначе это было бы противно нашей православной вере.

Читая святое Евангелие, мы вновь и вновь находим в нем изречения, мысли, вдруг озаряющие наш разум и указывающие нам путь к спасению в данных конкретных условиях. Через неизменное, давным-давно написанное и сохраняемое в точности с древнейших времен Евангелие, через его живой текст с нами говорит Господь Иисус Христос, призывая Своих избранников к безоговорочному следованию за Ним, к пламенной ревности.

Как был призван к монашеству отец отцов, преподобный Антоний Великий? Придя в храм на богослужение, он молился, и вдруг его потрясли евангельские слова о том, что Бога необходимо любить больше, чем отца и мать. Он, несомненно, знал эти слова и раньше: читал или слышал их во время богослужений. Но именно теперь Господь коснулся его сердца. Через слух и разум Господь проник в его душу и призвал жить только ради одного Евангелия, не входя в компромиссы с миром, со всеми теми обстоятельствами, которые под благовидными предложениями отвлекают нас от истинно христианского, то есть евангельского, образа жизни.

Мы не можем придумать ничего нового, ничего дополнительного к христианскому вероучению. И монашество не есть нечто вновь изобретенное, как будто прибавленное к тому, что было проповедано Спасителем. Монашество – это истинно евангельский образ жизни. Как говорит преподобный Иоанн Кассиан, в древности христиане имели пламенную ревность и жили только ради Бога, а в последующие столетия, в особенности после прекращения или ослабления гонений на последователей христианства, ревность стала ослабевать. Тогда ревнители стали удаляться от нерадивых христиан и селиться отдельно. Как правило, они избирали безбрачный образ жизни. Так появилось и начало распространяться монашество. Другой, не менее авторитетный писатель, ученик святого апостола Павла, священномученик Дионисий Ареопагит говорит, что все апостолы и ближайшие ученики Господа были монашествующими и все монашеские обеты существовали с древнейших, самых первых апостольских времен.

Монашество переживало периоды подъема и упадка, расцвета и оскудения монашеской ревности. Но это не значит, что мы должны поддаваться общему духу. Пусть вокруг нас будет охлаждение и безразличие, мы должны жить по заветам наших духовных учителей, святых отцов, и подражать им невзирая ни на какие внешние обстоятельства. В этом смысле справедливо изречение апостола Павла: *Подражайте мне, как я Христу* (1Кор. 4, 16). Мы должны подражать преподобным

отцам, как они подражали Господу. Можно сказать даже более дерзновенно, словами апостола Иоанна Богослова: если мы хотим пребывать с Господом Иисусом Христом, то должны *поступать так, как Он поступал* (1Ин. 2, 6), то есть подражать Самому Господу. Ибо Он не только заповедал нам, как нужно жить, но и показал пример правильной, идеальной, исключительно богоугодной жизни.

Славянский текст еще более емко передает это изречение апостола Иоанна: *Якоже Он ходил есть, и сей такожде да ходит*. Мы должны *ходить*, как Господь Иисус Христос. В этом состоит все монашество. Мы должны всей душой, всем существом своим прилепляться к Господу Иисусу Христу, подражать Ему, как бы сливаться с Ним. Для того мы и понуждаем себя к непрестанной Иисусовой молитве, для того и стремимся содержать в уме заповеди Господа Иисуса Христа и помнить о Его жизни, и прежде всего о Его страданиях ради нас. Мы должны любить богослужение (в особенности, Божественную литургию) и частое воссоединение с Господом, восстановление теснейшего союза и общения с Ним в таинстве причащения. Мы должны возлюбить Господа Бога всеми силами своей души, всем напряжением своего существа – *всею крепостию*, как заповедал нам Спаситель (Мк. 12, 30).

Любовь к Богу проще, яснее, откровеннее всего проявляется в нашем подражании Господу Иисусу Христу и в стремлении к соединению с Ним. Евангельская жизнь состоит не только в том, чтобы помнить о заповедях, но и в том, чтобы стремиться к соединению с Тем, Кто дал нам эти заповеди. Тогда уже не мы сами, а Господь будет таинственным образом совершать в нас дивные дела. Он покажет нам Свое всемогущество, соединенное с милосердием, победив наши грехи и немощи и сделав нас истинными христианами.

Молись, трудись, понуждай себя. Неудивительно, что в нас есть немощи и недостатки. Господь снисходит к нам, но Он не снизойдет, если мы не будем понуждать себя к борьбе, к брани, к труду для соединения с Ним. Прощаются грехи, но не прощаются нерадение, лень и уныние. Господь снисходит к нам в наших немощах, но не в нашей теплохладности. Поэтому

будем понуждать себя изо всех сил при благоприятных и неблагоприятных обстоятельствах, как внешних, так и внутренних, – и Господь покажет нам Свою милость, соединившись с нами. И мы с надеждой, радостью и душевным миром перейдем, когда придет время, в жизнь вечную. Аминь.

О внешнем и внутреннем отречении от мира¹⁶⁰

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие новопостриженные братья! Вы вступили сегодня на путь монашеской жизни. Вы еще не дали обетов, но приняли начаток ангельского образа, и обратного пути для вас уже не существует. Можно сказать, что вы готовитесь к битве, хотя еще не вступили в нее. Вы встали на путь подготовки к монашеству со всеми его обетами, всей его страшной ответственностью перед Богом, Божией Матерью и святыми ангелами. До вашего вступления в монашество должно пройти еще какое-то время, однако уже сейчас нельзя поворачивать вспять. Как сказал Господь наш Иисус Христос, *поминайте жену Лотову* (Лк. 17, 32).

Мы отрекаемся от мира в силу разных причин и обстоятельств: может быть, гонения вынуждают нас бежать от людей, которые желают разлучить нас со Христом, или же, не принуждаемые никакими внешними обстоятельствами, мы вступаем на этот путь сознательно, следуя только внутреннему влечению души. В миру очень трудно исполнять Божии заповеди последовательно и бескомпромиссно: всевозможные обстоятельства, кажушиеся извинительными, отвлекают человека от созерцания своей греховности, от следования по евангельскому пути, который открыл нам и проложил для нас Господь Иисус Христос. Этот путь – в нашей совести и в нашем сердце, потому что, по словам одного древнего мыслителя, душа любого человека по природе христианка.

Вы отрелись от мира. Спаситель сказал: *Кто на кровле, тот не сходи в дом и не входи взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, не обращай назад* (Мк. 13, 15–16). Бегите к Господу, когда Он вас призывает, не думая о том, чтобы взять с собой что-либо из мира. Ничто мирское не понадобится вам в будущей монашеской жизни, в жизни сугубо евангельской. Речь идет не только о каком-либо имуществе, которое хотелось бы частично перенести из прежней жизни в

новую, но и, скорее, о наших привязанностях, пристрастиях. Можно сказать точнее – о наших страстях.

Что такое страсти? По словам преподобного Исаака Сирина, когда мы говорим о всех страстях вместе, мы называем их словом «мир»; когда же говорим о каждом пороке в отдельности, то называем его именем той или иной страсти. Отречение от мира – это отречение от жизни по страстям. Мы не можем совершенно уйти из земной жизни, пока находимся в теле. Мы связаны многими узами с миром (миром как творением Божиим и как человеческим сообществом). Мы зависим от мирян, и они иногда тоже нуждаются в нашей помощи. Мы отрекаемся не от этого, а от той страстной жизни, которой наполнен мир. Мы отрекаемся от мира пороков и страстей, от той сферы человеческой жизни, которая противостоит естественной и которая привнесена в жизнь после грехопадения наших прародителей.

Как сказал преподобный авва Дорофей, отречение должно быть не только внешним, но и внутренним. Уходя в монастырь, мы отрекаемся от мира телесно – как бы обособляемся от него телом, – а потом должны отречься и душой. Это второе отречение гораздо более трудное, тяжелое, можно сказать кровавое. Оно достигается многими и многими трудами и при крайнем напряжении сил. Само собой разумеется, не без помощи Божией. Без Господа Иисуса Христа, по Его же собственным словам, мы не можем творить ничего.

В чем наиболее очевидно проявляется это отречение? Конечно же, в молитве. Молитва требует внимания. Молитва требует забвения помыслов, не только явно греховных, но и тех мнимо добрых, которые мешают нам сосредоточиться (может быть, и на самом деле добрых, но в данный момент неуместных). Молитва требует глубокого, жизненного, сердечного отречения от всего. Без отречения невозможно сосредоточиться в молитве. Молясь, отрекаясь от всевозможных помыслов, мы как раз и совершаем внутреннее, духовное отречение от мира, без которого внешнее не приносит никакой пользы.

При помощи Иисусовой молитвы, прибегая и к другим способам борьбы со страстями, среди которых, как говорит святитель Игнатий, для новоначальных наиболее важным является откровение помыслов; часто приобщаясь Святых Христовых Таин, участвуя с любовью в богослужении, смиряясь друг перед другом и перед всеми братьями, слушаясь всех разумно, по чину: прежде всего священноначалия, старцев и духовника, потом равных, если это не противоречит благословию, и даже младших, если это не душевредно и не противно монастырскому чину, – вы подготовитесь к тому, чтобы дать страшные обеты перед Самим Господом Иисусом Христом.

А ныне, как выражается Нил Мироточивый, вы выступили в поход, но еще не вступили в битву. Человек, находящийся в таком положении, безусловно, должен внутренне всячески готовиться и вооружаться, чтобы эта битва не оказалась для него неожиданной и не принесла гибель вместо венцов. Началось время вашей подготовки к вступлению в монашество. Но эта подготовка уже борьба, с напряжением, понуждением себя. Потому с радостью и одновременно с осторожностью вступайте на этот спасительный путь, повинувшись своим старцам, со смирением отвергаясь своего разума, надеясь не на себя, а только на Господа Иисуса Христа, с усердием призывая Его в Иисусовой молитве. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Возлюбленные во Христе сестры! Вы приняли начаток ангельского образа и вступили на стезю, уклонение от которой грозит человеку неминуемой гибелью. С точки зрения здравого смысла вы совершили шаг странный, необъяснимый, отчаянный. Мирянам, даже православным христианам, образ монашеской жизни по большей части непонятен. Одни относятся к нему с благоговением и уважением, другие – их большинство – с презрением, но тайна монашеской жизни для тех и других остается сокрытой. И нам самим, может быть, страшно оттого, что у нас нет возможности передумать и обратиться вспять, а вместе с тем нет и совершенной, полной надежды на то, что Господь нас помилует. Мы рискуем, не имея возможности избежать этого риска: отрекаемся от пути более скромного, но и более твердого, каким является путь брачной жизни, вступаем на путь, где много стремнин и опасностей, и не знаем, что нас ждет. Поэтому для того, чтобы уверить вас в том, что милость Господня беспредельна и Господь Иисус Христос спасает и милует всякого человека, притекающего к Нему (приходящего иногда, может быть, и поневоле, но с искренним душевным покаянием), я хочу прочесть вам евангельское зачало из повествования апостола Иоанна Богослова.

Иисус же иде в гору Елеонску: заутра же паки прииде в церковь, и вси людие идяху к Нему: и сед учаше их. Приведоша же книжницы и фарисее к Нему жену в прелюбодеянии яту, и поставивше ю посреде, глаголаша Ему: Учителю, сия жена ята есть ныне в прелюбодеянии: в законе же нам Моисей повеле таковыя камением побивати: Ты же что глаголеши? (Ин. 8, 1–5). Мы тоже по своим грехам и, в особенности, по своей душевной развращенности достойны побиения камнями, так как постоянно прелюбодействуем внутри себя со всевозможными греховными помыслами. И мы сами чувствуем

свое крайнее недостоинство, когда приближаемся в молитве ко Господу.

Сие же реша искушающе Его, да быша имели что глаголати Нань. Иисус же долу преклонься, перстом писал на земли, не слагая им (Ин. 8, 6). Разные толкователи всегда обращали внимание на странное поведение Спасителя. Например, Евфимий Зигабен говорит, что Спаситель вел себя как человек задумавшийся и как бы не желающий вникать в то, что Ему говорится, поэтому Он и чертил что-то на земле. Такое психологическое объяснение возможно. Один из современных толкователей утверждает, что Спаситель писал на земле грехи людей, которые пришли обличить взятую в прелюбодеянии женщину, и они, увидев написанными свои грехи, устыдились и ушли. Можно предположить, что Господь Иисус Христос чертил перстом на земле, давая понять, что Он есть Тот Самый, Кто дал Моисею скрижали, на которых перстом Божиим были написаны Божественные заповеди. Возможно, Он и писал на земле эти самые заповеди. Но, если там и не было написано ничего определенного, в таком поведении Господа Иисуса Христа люди проницательные могли увидеть указание на то, что Он и есть Тот, Кто дал заповеди Моисею. Тот же, Кто дал эти заповеди, выше их и может превзойти их Своим милосердием.

Якоже прилежаху вопрошающе Его, восклонься рече к ним: иже есть без греха в вас, прежде верзи камень на ню. И паки долу преклонься, писал на земли. Они же слышавше и совестью обличаемы, исхождаху един по единому, наченше от старец до последних: и оста един Иисус, и жена посреде сущи (Ин. 8, 7–9). Совесть – это голос Божий в человеке. Это не есть нечто приобретенное человеком вследствие того, что он является приверженцем той или иной идеологии, имеет те или иные убеждения. Совесть присутствует во всяком человеке, и Евангелие только пробуждает и просвещает ее. Есть, конечно, религии и человеческие учения, которые могут совесть заглушить, но никто и ничто не может убить ее. Совесть этих людей как бы говорила то же, что внушал этим людям

Спаситель, как Бог всеведущий, вездесущий и всемогущий, проникающий в глубины человеческого сердца, а может быть, Он даже и изображал это при помощи письма на земле.

Восклонься же Иисус и ни единого виде, точию жену, рече ей: жено, где суть, иже важду на тя? Ни кийже ли тебе осуди? Она же рече: никтоже, Господи (Ин. 8, 10–11). Если мы пришли к Господу, никто не смеет нас осудить, никто не смеет нас порицать, какими бы мы ни были. Хотя бы мы и не были готовы к соединению и общению с Ним, но Господь Своею милостью и безграничной любовью покрывает все наши грехи, даже самые тяжкие. Поэтому тот, кто сможет, несмотря на все препятствия, приблизиться к Нему, за одно это может иметь благую надежду, что милость Божия не оставит его, что Господь помилует его и в сей жизни, и в будущей.

Рече же ей Иисус: ни Аз тебе осуждаю: иди и отселе ктому не согрешай (Ин. 8, 11). Итак, избрав монашеский образ жизни, мы, когда приближаемся к Господу, в особенности в молитве Иисусовой, каждый раз испытываем нечто подобное: нас обвиняют наши помыслы, но Господь милостив, и мы уходим оправданными, лишь бы только в нас была решимость не согрешать. Но даже если мы вновь согрешим, то, не поддаваясь унынию и отчаянию, преодолевая всевозможные препятствия, мы должны снова возвратиться к Господу Иисусу Христу. И тогда опять услышим от Него эти бесконечно милостивые слова: *Ни Аз тебе осуждаю: иди и отселе ктому не согрешай.*

Итак, имейте благую надежду, сестры! Помните, что Господь Иисус Христос, возвестивший учение о любви, есть Сама любовь, как сказал апостол Иоанн Богослов. Он возлюбил нас до такой степени, что жизнь Свою отдал, распявшись за нас, каждого человека в то время созерцая в Своем всеведущем уме. Господь прежде нашего рождения знает все наши грехи, всю нашу жизнь. Он, конечно, помилует нас – только бы мы от Него не отступили и вопреки страху, который внушают нам наши падения, грехи и страсти, имели бы мужество прийти к Господу и вступить с Ним в духовное, сверхъестественное общение. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Промыслом Божиим, дорогая сестра, твое вступление в лик иночествующих, то есть тех, кто живет иначе, живет особенной, только евангельской жизнью, совершилось в канун воспоминания воскрешения из мертвых Четверодневного Лазаря. Это трогательное, хорошо известное всем православным христианам событие с умилением вспоминает всякий искренне верующий человек. Нет нужды вновь читать или пересказывать подробное, интересное, таинственное и одновременно простое евангельское повествование об этом. Святой апостол Иоанн Богослов рассказывает о самом, наверное, великом чуде, которое совершил Господь Иисус Христос перед Своими страданиями, перед окончанием Своего земного подвига.

Однако при чтении Евангелия мы – из-за простоты текста или из-за нашей сердечной черствости – не придаем значения очевидным вещам: они кажутся нам сами собой разумеющимися. Когда в окружающей нас жизни мы видим скорби и страдания людей, чувства, которые они проявляют, наблюдаем за собственными душевными переживаниями, – все они нам понятны и очевидны. На евангельское же повествование смотрим почему-то слишком отстраненно. Наверное, имеет смысл взглянуть на героев этого повествования как на обыкновенных людей, чтобы понять и сверхъестественную, чудесную, таинственную сторону евангельского рассказа.

Когда праведный Лазарь тяжело заболел, надежды на врачей, по-видимому, не было. Надо понимать, что успехи медицины в то время были гораздо скромнее, чем сегодня. Сестры Марфа и Мария и сам Лазарь, конечно же, ожидали помощи от своего Учителя и Друга, потому что сказано в Писании, что Господь Иисус Христос любил Лазаря и его сестер. Хозяйственная, практичная, как это видно из рассказов других евангелистов, Марфа и более самоуглубленная и мистически

настроенная Мария надеялись на единого Господа. Да и Лазарь, зная любовь Спасителя к ним, на кого должен был надеяться, как не на Него? И он надеялся, что Господь придет и обязательно поможет им. Они знали, что если бы их Учитель был с ними, то обязательно исцелил бы Лазаря. Господь исцелял многих людей, болевших неизлечимыми недугами, о чем Евангелие часто упоминает мельком, потому что подобных чудес было неисчислимое множество. Однако Спаситель медлил.

Ждал, не теряя надежды, Лазарь, ждали Марфа и Мария – и недоумевали, почему Спаситель не пришел вовремя, чтобы успеть помочь. И как казалось сестрам, надежда их была тщетной, потому что Лазарь умер. Конечно, можно предположить, что расстояние было слишком большое и Спаситель все равно бы не успел. Услышав о болезни Лазаря, два дня Он пробыл на месте. Затем отправился в Вифанию, – и когда пришел туда, Лазарь уже четыре дня находился во гробе. Однако из того же повествования евангелиста Иоанна мы узнаём, что Господь мог чудесным образом преодолевать большие расстояния. Было это, когда Спаситель шел по водам; ученики хотели принять Его в лодку – и внезапно оказались возле берега. И Он Сам, и ученики, бывшие с Ним, перенеслись неизъяснимым и непонятным образом через пространство, на преодоление которого обычным способом нужно было потратить много времени. Значит, если бы Господь захотел, Он и в этом случае мог бы перенестись через пространство, как Он сделал это тогда, увлечь за собой учеников, которые даже не смогли бы в точности осознать, как это произошло, и совершить чудо – исцелить Лазаря. Но Господь медлил не только для того, чтобы явить Свою славу и показать, что Он всемогущий Бог, Который в определенное время воскресит из мертвых всех людей (хотя бы они и были преданы тлению сотни или тысячи лет назад), но и для того, чтобы испытать веру, упование и надежду Своих друзей: Марфы, Марии и, в особенности, самого Лазаря.

Евангелие ничего не говорит нам о чувствах Лазаря, но надо полагать, что он переживал то же, что и Марфа с Марией.

Это видно из их слов: *Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат наш* (см. Ин. 11, 21 и 32). Ясно, что и Лазарь также с нетерпением ожидал прихода Спасителя. Ждал, молился Богу, но как будто бы не дождался... Однако Спаситель пришел и совершил то, чего уже не мог ожидать никто, даже те, кто любил Его и верил в Него. Он восставил из мертвых Четверодневного Лазаря, тело которого уже поддавалось тлению. И попустил Он это не только ради того, как было сказано выше, чтобы показать всемогущество Своего Божества, но и для того, чтобы смирить Своих друзей, близких Ему по духу; испытать их веру и упование и дать им через это чудо надежду, которую уже никто и никогда не сможет у них отнять; показать им, что Он может помочь любому человеку даже тогда, когда человеческому разуму это представляется совершенно невозможным, несбыточным, неосуществимым. Даже помыслить никто не мог о таком чуде, и сейчас не может, как не смогли это сделать в свое время Марфа и Мария.

Промыслительно, как мне кажется, постриг твой совпал с кануном воспоминания воскрешения из мертвых праведного Лазаря. Подобно ему нам нужно призывать в молитве Господа Иисуса Христа, надеяться, что Он придет и исцелит наши душевные болезни и страсти, неисцелимые человеческими способами и средствами. Нужно молиться и просить даже тогда, когда, казалось бы, все безнадежно, все кончено, душа наша погибла. Мы чувствуем в себе смрад духовной смерти. Но нам преподан урок: не терять надежду даже и в этом случае. Если мы будем иметь упование и веру в Спасителя, как имел ее до самого последнего мгновения своей жизни Лазарь, как имели ее Марфа и Мария (что мы видим из евангельского повествования), то Господь придет и восставит нашу омертвевшую душу, воскресит наше страстное, погибающее или, как нам кажется, уже погибшее сердце. Мы будем разрешены от уз страстей, как Лазарь был разрешен от смертных пелен. И Господь скажет: *Развяжите его, пусть идет* (Ин. 11, 44). Таким образом мы начнем духовную жизнь: начнем действовать и жить духовно, как бы умерев и восстав.

Описание подобного состояния не является образом, случайно взятым мною в преддверии праздника. Монах в своей жизни часто переживает такую борьбу, такую душевную муку, безысходность и страдание, что он воспринимает это как полную безнадежность и смерть, и тем не менее, он не должен терять надежды. Если мы не пройдем через умерщвление, которое наносят нам страсти и демоны, не переживем его и не смиримся, то и воскресения не произойдет. Нужно быть твердым в своей надежде, мужественным, иметь веру и любовь к Спасителю, несмотря на то что Он вовремя не пришел и не помог нам. Если мы не потеряем этого упования, то Господь не только исцелит (что кажется трудным или даже почти невозможным), но и воскресит нашу душу – воскресит ее нравственно еще в этой жизни и подготовит таким образом к воскресению в жизни вечной, в Царствии Небесном. Аминь.

«Мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донине»¹⁶³

Во имя отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие сестры! Поздравляю вас с принятием ангельского образа. Сейчас в миру даже среди верующих людей, а тем более среди маловерующих или вовсе не церковных бытует странное мнение, будто в монастырь идут люди, у которых по какой-либо причине не сложилась жизнь, – неудачники. И мы вынуждены оправдываться перед этими мирянами, чтобы не соблазнить их, чтобы они не мыслили превратно о таком великом деле, как спасительный монашеский путь, совершаемый по Божью избранничеству. На самом деле ни в каком оправдании мы не нуждаемся и прибегаем к нему нехотя (если, конечно, осознаём, что такое монашество) и исключительно из снисхождения к этим людям, а не наоборот, пытаюсь заслужить у них ненужное нам снисхождение. Если они считают нас неудачниками или негодными людьми, то пусть думают так. Пусть мы будем в их глазах самыми последними и никчемными людьми. В этом унижении, которое мы принимаем от людей, чуждых настоящего понимания христианства, сокрыта для нас великая честь, потому что оно уподобляет нас святым апостолам. Если мы не можем уподобиться им в благодати и дарованиях духовных, подвигах и добродетелях, то по крайней мере уподобимся им в смирении. И это – самое главное и великое. Святой праведный Авраам говорит: *Я, прах и пепел* (Быт. 18, 27). Пророк Давид: *Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и унижение людий* (Пс. 21, 7). Апостол Павел: «Доселе мы считаемся отребьем миру» (см. 1Кор. 4, 13). Лучше пусть мы окажемся самыми последними и негодными, но будем вместе с такими великими праведниками, уподобившись им хотя бы в этом унижении, чем станем пригодными на нечто чуждое Христу.

Для нас святые апостолы – это великие, славные люди. Взирая на их подвиг сквозь призму истории, мы видим, что они

повернули течение исторических событий в другое русло. Благодаря этим людям переменялась история. Но кем они были в глазах своих современников? Бездомными странниками, ничтожными, презренными еврейскими проповедниками. Цивилизованные народы – римляне, греки – вообще презирали евреев, как людей, которые придерживаются странных, непонятных обычаев. Но эти странные, в большинстве своем неграмотные люди с какой-то необыкновенной настойчивостью обходили весь мир и не стыдились проповедовать самым великим мира сего и прочим образованным людям, почитавшимся мудрыми. Движимые любовью к Господу Иисусу Христу, эти изгнанники, лишившись родины и родства, распространяли евангельскую истину по всему миру.

Мы не можем подражать апостолам в их подвигах. Едва ли мы сподобимся таких духовных дарований, какие имели они, но в отречении и смирении уподобляться им мы должны, и в этом нет никакой гордости или самонадеянности. Сегодняшнее евангельское чтение состоит из двух изречений Спасителя. В одном говорится об отречении, а в другом – о смирении. Рече Господь: *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин: и иже не примет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37–38). Здесь проповедуется пламенная ревность в сочетании с ненавистью и презрением даже к тому, что является самым чистым и добрым в человеческих отношениях, – любви к родственникам. Но кроме ревности говорится и о смирении, потому что ревность, в которой нет смирения, опасна и губительна. *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы: возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 28–30). Итак, мы обязаны совмещать пламенную ревность, заставляющую нас отречься от всего, даже от родственников, и глубокое, непостижимое, бесконечное смирение, потому что Господь Иисус Христос сошел на землю с безграничной Божественной

высоты. Его самоуничтожение, Его обнищание, или, как говорят древние богословы, кеносис, было столь глубоко, что если бы мы стяжали Христово смирение, то, без преувеличения, погрузились бы в Божественный покой; неразлучно пребывали бы с Самим Господом Иисусом Христом всегда и везде, при любых обстоятельствах, скорбях и бранях; нашли бы истинный, сверхъестественный, действительный покой.

Поэтому, испытывая презрение со стороны людей, не понимающих сущности христианства, не понимающих, что такое Святая Христова Церковь и в чем состоит суть церковной жизни, будучи, по их мнению, неудачниками, ничтожными людьми, будем радоваться, а не оправдываться, потому что оправдываться должны они, не совершившие того отречения от мира, которого требует Евангелие. По сравнению с людьми, живущими в мире, нас ничтожно мало, но оправдываться должны те, кто отвергает Евангелие, а не те, кто его исполняет. Пусть думают и говорят о нас всё что угодно: называют нас глупыми, неспособными, необразованными и так далее. Пусть они пренебрегают нами, но только не разлучают нас с Господом Иисусом Христом, не мешают нам соединиться с Ним через отречение от всего мирского, внешнего, через уподобление Ему в смирении, через любовь Божию, которую Он дарует нам, в особенности в непрестанной молитве.

Тогда любое человеческое мнение – будь то презрение или похвала – станут нам совершенно безразличны, потому что слава Божия, слава, которую Господь Иисус Христос дарует любящим Его в сердце их, неизмеримо превосходит все, что есть в мире человеческом, всю славу мирскую, все многообразие как греховных, так и невинных мирских удовольствий. Человек, познавший на опыте действие славы Божией, не только не пытается оправдаться, но, наоборот, старается не осудить, пожалеть тех, кто не пошел по этому спасительному пути, и посочувствовать им. Он стремится оправдать этих людей в своих глазах.

В сегодняшнем евангельском чтении на память апостола Фомы есть такие слова: *Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во*

имя Его (Ин. 20, 31). Если эти слова дословно перевести с греческого, то получится: «Сие все написано для того, чтобы мы пребывали в имени Его», то есть в имени Господа Иисуса Христа.

Я и желаю вам, сестры, того, чтобы вы непрестанно, день и ночь, пребывали в имени Иисус Христовом. Не только оно пребывало бы в вас, но и вы в нем пребывали и не выходили из имени Иисуса Христа ни своими поступками, ни мыслями, ни движениями души, даже малыми и как будто бы незначительными. Кто пребывает в имени Иисус Христовом, тот вкушает всегда соприсущую Божественному естеству энергию, или Божественное действие, неизреченно соединяется с Богом, все вменяет в сор и все презирает ради Господа Иисуса Христа. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Дорогие новопостриженные сестры во Христе! Вы восприняли начаток ангельского образа в радостные пасхальные дни. Покаяние является преимущественно делом монашествующих. Более того, монашество считается образом сугубого покаяния, поэтому всякий человек достоин монашества, как всякий достоин покаяния. Однако покаяние и радость пасхальная – это две стороны одного и того же чувства. Через покаяние мы приходим к радости сердечного понимания и ощущения воскресения Христова.

Как известно, преподобный Серафим Саровский посредством покаянных монашеских подвигов достиг такого возвышенного духовного состояния, что всякого человека в течение всего года, а не только в Пасху или Святую Пятидесятницу он с необыкновенной любовью встречал пасхальным приветствием: «Христос воскрес, радость моя!» Преподобный Григорий Синаит говорит, что покаянный плач монаха является плачем радостотворным, то есть творящим радость. Действительно, через покаяние мы достигаем такой глубокой неотъемлемой духовной радости, что все земные удовольствия и утешения кажутся ничтожными, жалкими, достойными всякого презрения. Они как бы не существуют для человека, постигшего истинную духовную радость о воскресшем Господе Иисусе Христе.

Сегодня канун праздника святых жен-мироносиц. Эти верные ученицы Спасителя, несмотря на то что, казалось бы, со смертью Господа все было кончено (как в те дни полагали все Его ученики), пришли ко гробу Спасителя, чтобы отдать Ему последний долг – помазать миром Его тело. Несмотря на свою женскую немощь, они в отличие от апостолов, которые боялись преследования иудеев, не поддались малодушию, но пришли на гроб рано утром, когда беззащитным женщинам вообще опасно выходить из дому. Однако мир оказался уже не нужным, потому что Господь Иисус Христос воскрес из

мертвых и не нуждался в погребальных обрядах. Жены-мироносицы являются для нас примером мужества, примером исполнения слов Спасителя, открытых апостолу Павлу: *Сила Моя совершается в немощи* (2Кор. 12, 9). И с того времени, на протяжении уже почти двух тысяч лет, многие девицы и женщины служат Богу различными подвигами, и в особенности угодным Богу полным отречением от мира, безраздельной преданностью Спасителю.

Мы знаем, что жены-мироносицы были проповедницами и совершали апостольское служение. Они были одними из первых, если не первыми, как Мария Магдалина, свидетельницами воскресения Христова. Поэтому пусть немощи женского естества, какими бы они ни были, не послужат вам препятствием к совершению иноческого подвига, не станут оправданием в том, в чем вы видите трудность, а может быть, и некую скорбь иноческой жизни. Во Христе Иисусе нет ни мужского пола, ни женского, но новое творение, как сказал апостол Павел. Принимая начаток ангельского образа, мы как бы проповедуем всему миру, что в будущей жизни люди не будут ни жениться, ни выходить замуж, но будут подобны ангелам на Небесах. Не будет ни мужского пола, ни женского.

Поэтому восприняв в эти пасхальные, радостные дни начаток ангельского образа, преодолевайте немощи и недостатки женского естества, в чем бы они ни состояли: будь то физическая слабость, или дурные склонности женской природы, или что-то иное, кажущееся непреодолимым природным свойством. Пренебрегая всем этим, служите Богу так же мужественно и ревностно, как совершали свое служение в ту Пасхальную радостную ночь святые жены-мироносицы. Поздравляю вас, сестры, и желаю вам быть ревностными служительницами, ревностными чадами возлюбленного Господа нашего Иисуса Христа, воскресшего из мертвых. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие новопостриженные сестры во Христе! Вы восприняли начаток ангельского образа в радостные пасхальные дни. Покаяние является преимущественно делом монашествующих. Более того, монашество считается образом сугубого покаяния, поэтому всякий человек достоин монашества, как всякий достоин покаяния. Однако покаяние и радость пасхальная – это две стороны одного и того же чувства. Через покаяние мы приходим к радости сердечного понимания и ощущения воскресения Христова.

Как известно, преподобный Серафим Саровский посредством покаянных монашеских подвигов достиг такого возвышенного духовного состояния, что всякого человека в течение всего года, а не только в Пасху или Святую Пятидесятницу он с необыкновенной любовью встречал пасхальным приветствием: «Христос воскрес, радость моя!» Преподобный Григорий Синаит говорит, что покаянный плач монаха является плачем радостотворным, то есть творящим радость. Действительно, через покаяние мы достигаем такой глубокой неотъемлемой духовной радости, что все земные удовольствия и утешения кажутся ничтожными, жалкими, достойными всякого презрения. Они как бы не существуют для человека, постигшего истинную духовную радость о воскресшем Господе Иисусе Христе.

Сегодня канун праздника святых жен-мироносиц. Эти верные ученицы Спасителя, несмотря на то что, казалось бы, со смертью Господа все было кончено (как в те дни полагали все Его ученики), пришли ко гробу Спасителя, чтобы отдать Ему последний долг – помазать миром Его тело. Несмотря на свою женскую немощь, они в отличие от апостолов, которые боялись преследования иудеев, не поддались малодушию, но пришли на гроб рано утром, когда беззащитным женщинам вообще опасно выходить из дому. Однако мир оказался уже не нужным, потому что Господь Иисус Христос воскрес из

мертвых и не нуждался в погребальных обрядах. Жены-мироносицы являются для нас примером мужества, примером исполнения слов Спасителя, открытых апостолу Павлу: *Сила Моя совершается в немощи* (2Кор. 12, 9). И с того времени, на протяжении уже почти двух тысяч лет, многие девицы и женщины служат Богу различными подвигами, и в особенности угодным Богу полным отречением от мира, безраздельной преданностью Спасителю.

Мы знаем, что жены-мироносицы были проповедницами и совершали апостольское служение. Они были одними из первых, если не первыми, как Мария Магдалина, свидетельницами воскресения Христова. Поэтому пусть немощи женского естества, какими бы они ни были, не послужат вам препятствием к совершению иноческого подвига, не станут оправданием в том, в чем вы видите трудность, а может быть, и некую скорбь иноческой жизни. Во Христе Иисусе нет ни мужского пола, ни женского, но новое творение, как сказал апостол Павел. Принимая начаток ангельского образа, мы как бы проповедуем всему миру, что в будущей жизни люди не будут ни жениться, ни выходить замуж, но будут подобны ангелам на Небесах. Не будет ни мужского пола, ни женского.

Поэтому восприняв в эти пасхальные, радостные дни начаток ангельского образа, преодолевайте немощи и недостатки женского естества, в чем бы они ни состояли: будь то физическая слабость, или дурные склонности женской природы, или что-то иное, кажущееся непреодолимым природным свойством. Пренебрегая всем этим, служите Богу так же мужественно и ревностно, как совершали свое служение в ту Пасхальную радостную ночь святые жены-мироносицы. Поздравляю вас, сестры, и желаю вам быть ревностными служительницами, ревностными чадами возлюбленного Господа нашего Иисуса Христа, воскресшего из мертвых. Аминь.

Вопрос. Святые отцы пишут, что чем ближе человек ко Христу и спасению, тем сильнее у него духовная брань. Мне казалось, что брань, наоборот, удаляет человека от Бога. Правильно ли я понимаю? Объясните, пожалуйста.

Ответ. Брань может быть разной. Иоанн Лествичник пишет, что брань бывает по трем причинам: первая – это нерадение, вторая – гордость, третья – зависть бесовская. Когда человек приближается к Богу, у него, как говорят святые отцы, усиливается брань. Это происходит от зависти бесовской. Демоны нападают на человека больше, но при этом усиливается и действие благодати; человек терпит невероятные искушения, однако получает от Бога благодатную помощь, вразумляющую и укрепляющую его в этой борьбе. Такая борьба бывает ему на пользу.

А когда у человека брань от нерадения (много ест, спит, молится рассеянно или пренебрегает молитвой), тогда никакой пользы быть не может, потому что брань является следствием его неправильного поведения, другими словами – лени. Это очень частое явление. Наверное, нет такого человека, который совсем не поддавался бы нерадению. К сожалению, часто нерадение становится нормой, и человеку кажется, что если он не блудит, не ворует (в наше-то время!), значит, как-нибудь спасается. Что еще с него требовать? Даже если и произойдет что-нибудь страшное, то человек думает, что покается, а Господь простит, Он – милостив. Таким образом человек оправдывает свое нерадение. Брань, связанная с нерадением, преодолевается сравнительно легко. Достаточно устранить причину, и, может быть, не мгновенно, но довольно быстро все становится на свои места. Например, чревоугодие за несколько месяцев или полгода исправляется постом.

Однако, если человек поддался гордости, это гораздо страшнее. Во-первых, гордость преодолевается с бóльшим трудом. Во-вторых, гордость лишает человека благодати, он становится безоружным. Ничтожное искушение оказывается для

него невыносимо тяжелым. Когда случается брань от зависти бесовской, наоборот, могут быть немыслимые искушения, которые в уме не укладываются, однако же Господь укрепляет человека. Конечно, нельзя механически разделить причины браней на три вида: нерадение, гордость и зависть бесовская. Если демоны нападают, значит, они находят к тому какой-то повод в нас самих, может быть гордость или нерадение. В противном случае они не смогли бы к нам приблизиться. Возможно, тогда они стали бы нападать на нас через людей, как, например, они возбуждали ненависть гонителей к мученикам Христовым, отчего те их преследовали. Если демон не может воздействовать на ум человека, он начинает воздвигать брань через людей.

Силуан Афонский говорит, что брань у нас будет до тех пор, пока мы не приобретем смирение. Здесь речь идет необязательно о брани от гордости. Гордость гордости рознь. Во всех нас она есть, и мы это осознаём. Иногда мы незаметно для себя поддаемся этой страсти, потом снова беремся за ум, следим за собой. Совсем иное, когда человек руководствуется гордостью, когда она является главным мотивом его поступков. То же самое можно сказать и о нерадении. В иной день человек поддался нерадению в молитве, например, по причине занятости, посчитал, что для него будет извинительным не слишком усердствовать, – это одно. Другое, когда человек пренебрегает своими монашескими обязанностями под таким распространенным предлогом, что сейчас не те времена и подвизаться уже невозможно. Странное объяснение. Неужели часы стали ходить иначе? Не те времена – это значит не те люди, то есть мы сами.

Вопрос. Читая жития древних мучеников, я сравниваю их с житиями новомучеников, и у меня возникает вопрос: почему в древности при страдании мучеников происходили разнообразные чудеса, о которых нам известно, например, из житий великомученика Георгия, великомучениц Екатерины, Варвары и многих других, а при страданиях новомучеников таких явных чудес не происходило?

Ответ. В древности, наверное, тоже не всегда происходили явные чудеса. Самое великое чудо, если человек выдержал страдания. Я председатель епархиальной комиссии по канонизации, и мне подготовили житие священника, отца Федора Распопова, который был родом из Тюменской области, но пострадал у нас, в Туринске (до революции этот город входил в состав Тюменской епархии). Его оклеветали, затем арестовали. Шел 1918 год. С ним было еще несколько человек. Всех вывели во двор тюрьмы и расстреливали по одному. Когда стреляли в этого священника, он крестился и говорил: «Да будем живы». Шесть раз стреляли, и он оставался жив. Все пули попадали в крест. Разве это не чудо? Большевики пришли в бешенство, а он только крестился и повторял: «Да будем живы». Потом с него крест сорвали и в конце концов убили. Несколько человек шесть раз стреляли залпом, и все попадали в крест. После него еще одного расстреляли, остальные согласились дать выкуп, и их отпустили. Священник был убит, но Господь показал чудо ради его благочестия.

Нам хорошо известны жития великих угодников Божиих, однако есть мученики, про которых мы знаем лишь то, что они пострадали. Допустим, несколько тысяч мучеников, сожженных в Никомидии, их закрыли в храме и сожгли. Никаких чудес как будто не было.

В лагерях также происходило много чудес, поэтому нельзя сказать, что в древности они были, а в наше время чудес нет. Например, когда умер священномученик Анатолий, митрополит Одесский, то схиархимандрит Пимен (Тишкевич), который также сидел в лагере (между прочим, он прожил долгую жизнь, умер, когда ему было больше ста лет) увидел, как над лагерным бараком поднялся огненный столп. Схиархимандрит Пимен подумал, что, наверное, умер праведный человек, и потом узнал, что скончался митрополит Анатолий. Чудо это или не чудо? Мне рассказывали об этом, когда еще он не был причислен к лику святых. Ведь и те мученики, про которых вы говорите, что с ними были чудеса, также погибли. Значит, чудо состоит не в том, что человек спасается от смерти, а в том, что

его мученическая кончина сопровождается знамениями, свидетельствующими о его праведности.

Преподобный Кукша Одесский, будучи в ссылке, в какой-то момент стал роптать: мол, как же так, сказано, что не забывает Бог и о птицах, а мы здесь умираем от голода. В это время солдатам из охраны привезли пирожки, и, когда их разгружали, вдруг появился ворон, схватил два пирожка то ли в клюв, то ли в когти, и, когда пролетал над преподобным Кукшей, уронил ему под ноги. Тот взял их, к нему тут же подбежал охранник, а он говорит: «Я сам ничего не брал». Ему оставили эти пирожки. Чудо это или не чудо? Конечно, чудо.

Я думаю, что если бы мы были более внимательны, то нашли бы много подобных случаев. Нужно иметь в виду, что римские чиновники всё очень точно фиксировали (как вы знаете, юриспруденция, вообще тип законодательства, которым мы сейчас пользуемся, произошли из Рима). Многие жития, по крайней мере, мученические, составлены на основе протоколов, которые велись при допросах и в которых фиксировались в том числе и необыкновенные случаи. Что касается большевиков, то они совсем иначе относились к фактам. Они старались обо всем необыкновенном, чудесном умолчать и все исказить, иногда и протоколы были поддельными. Чекисты, например, вменяли священникам в вину не только то, что те верят в Бога, но и предъявляли им нелепые, абсурдные обвинения: говорили, что они японские или немецкие шпионы и участвуют в контрреволюционном заговоре. Римские власти, как правило, такого не делали, и все исторические факты дошли до нас в неискаженном виде. В советское время информация искажалась, поэтому мы не знаем многого из того, что было в лагерях, на допросах, во время казни. Я думаю, что придет время, когда многие неизвестные сейчас факты станут общеизвестными.

Вопрос. Можно ли перед началом молитвенного правила на мгновение представить адские муки и рай для того, чтобы тронуть сердце, помочь себе внимательно молиться? Или это так же опасно, как и во время самой молитвы?

Ответ. Это называется богомыслием. Конечно, оно приводит человека в определенное духовное состояние, располагает душу к молитве. Однако святитель Игнатий (Брянчанинов) предостерегает нас от богомыслия и разрешает думать только о смерти, потому что это безопасно и даже полезно. Если же мы начнем размышлять о райских блаженствах или адских мучениях, прибегая при этом к воображению, то дадим свободу своей фантазии. Сначала, возможно, в молитве будет улучшение, но потом воображение начнет развиваться и в лучшем случае мы почувствуем бóльшую приятность от наших размышлений, чем от молитвы, будем ими увлекаться, а молитвой пренебрегать, в худшем – еще и в прелесть впадем. Поэтому надо относиться с большой осторожностью к подобным размышлениям. У человека память смертная должна быть, но без образов. Как советует Иоанн Лествичник, Иисусова молитва и память смертная должны соединиться в одно делание. Я опасаясь давать совет размышлять о чем-либо перед молитвой. Может быть, в виде исключения кому-то он будет полезен, но в подавляющем большинстве случаев, дав такой совет, мы подвергнем человека опасности. Нужно думать не только о пользе, которую получает человек в данный момент, но и о том, как все это будет развиваться.

Я думаю, самое лучшее богомыслие, в частности размышление о рае или аде, состоит в чтении святых отцов. Если мы читаем об этом что-то душеполезное и у нас создается определенное настроение, складывается православный взгляд на загробную участь человека – это прекрасно. Необязательно делать это именно перед тем, как заниматься Иисусовой молитвой. Чтение может быть нашим постоянным занятием, оно настраивает нас на то богомыслие, которое нам разрешено. Другой вид богомыслия, также весьма полезный, – внимательное слушание богослужения, в котором мы тоже можем найти для себя много нужного и полезного. Я отношусь с очень большой осторожностью к тому, чтобы самостоятельно заниматься богомыслием, чтобы дать себе в этом некоторую свободу.

Вопрос. Как бороться со страстями, если не хочешь? Как себя переломить?

Ответ. Если человек поддался страсти гнева, то он, разумеется, в тот момент не хочет с ней бороться. Но мы имеем установку противиться страстям. В данном случае уместно вспомнить, для чего мы находимся в монастыре, почему верим во Христа, ведем определенный образ жизни, к чему это нас обязывает, и, наконец, начать противостоять действующей страсти. Есть люди, которые вообще не хотят бороться со страстями, оправдывают себя и считают, что можно не бороться. Василий Поляномерульский в своих «Предисловиях» говорит, что некоторые рассуждают так: сейчас Евангелие никто не исполняет, поэтому и нам не нужно его исполнять. Это все равно что сказать, что не нужно бороться со страстями. Мы оправдываем себя тем, что в наше время трудно найти бесстрастного человека, поэтому и с нас спрос небольшой.

Евангелие говорит нам: *В нюже меру мерите, возмерится вам, и приложится вам слышавшим (Мк. 4, 24)*. Как мы сами к себе будем применять эти заповеди, какие требования будем предъявлять к самим себе, такую благодать и помощь Божию получим. Мы не должны горделиво надеяться на победу и пребывать в бездействии, мы обязаны понуждать себя и стремиться к исполнению заповедей, это наш долг.

Мы не хотим бороться со страстями от гордости, нерадения. Нерадение может проявляться по-разному: примитивно, когда человек объедается, много спит, ленив в монастырских трудах; более тонко, когда человек не понуждает себя к внимательной молитве, не радеет о правиле; и еще более тонко, когда человек молится, но не противится своим страстям, не следит за собой. Все это нерадение. Как с этим бороться? Для того чтобы бороться со своими страстями, нужно то же, что и для того, чтобы избавиться от нерадения. Надо возбуждать в себе ревность, здесь была бы уместна прежде всего память смертная, страх, заставляющий нас мобилизовать все свои силы. Более преуспевшие подвижники руководствуются не столько страхом, сколько любовью к Богу; уже не страхом наказания, а страхом оскорбить благодать Божию.

Это сказано о том, как избавиться от нерадения. Если же мы не желаем бороться в конкретной ситуации, например с гневом, значит, мы настолько увлечены страстью, что она ослепила нас и мы считаем, что гнев, исказивший наше восприятие действительности, представляет нам ее такой, какая она есть на самом деле. Мы думаем, что при данных обстоятельствах не гневаться невозможно, и так любая страсть сама себя оправдывает: в человеке действует страсть и внушает ему, что бороться с ней нельзя.

Для примера возьмем сестру N. Есть сестра N, и есть страсть гнева. Если сестра N будет отделять ее от себя, понимать, что одно дело она, а другое – гнев, это правильно. А если сестра N будет думать о том, что я гневливая сестра N и если я не гневливая, значит, это уже не я, потому что я не могу быть другой, то как она сможет бороться со страстью?

Мы знаем, что гнев, тщеславие и другие страсти – это плохо, но на практике мы отождествляем себя со страстями. Мы оправдываем действие страсти, как будто есть причина, позволяющая в данной ситуации грешить. Например, мы считаем, что наше поведение, которое трезвомыслящий человек оценивает как выражение тщеславия, грехом не является. Если мы бессознательно отождествляем себя со страстью, оправдываемся и говорим, что такое поведение единственно возможное в данной ситуации, значит, мы не хотим с ней бороться. Это и называется самооправданием. Оно состоит не в том, что человек сам себе устраивает суд и сначала говорит: «Я виноват», а затем: «Нет, я в этом не виноват, потому что...» Самооправдание – это постоянное душевное состояние, при котором человек не только находит себе извинение, но считает, что его поведение – нормальное. Естественно, такой человек не может с собой бороться, потому что у него даже нет такой установки. Как правило, человек оправдывает те страсти, которые действуют в нем постоянно, один больше склонен к гневу, другой к тщеславию, но в каждом человеке живут все страсти. Одни действуют слабо, другие – очень мощно. Человек, привыкший к какой-либо страсти, не замечает ее и живет уже не по закону Евангелия, а по закону

страсти. Это становится его естественным состоянием, и потому заметить в себе страсть ему очень трудно.

Есть очень важная добродетель – самоукорение, и есть страшная страсть – самооправдание, одна помогает, а другая мешает в духовной жизни. Укоряющий себя человек старается во всем видеть свою вину. Оправдывающий себя, напротив, всегда перекладывает вину на другого человека или на обстоятельства. Еще раз напоминаю, что самоукорение состоит не в том, чтобы ругать себя, это лишь одно из его проявлений, а в том, чтобы видеть свою вину, в этом суть самоукорения. И самооправдание заключается не только в том, что человек всегда придумывает себе формальное оправдание, но и в том, что его страстное поведение является единственной реакцией на какие-либо обстоятельства.

Вопрос. Страстная и Светлая седмица прошли спокойно, без особенных молитвенных переживаний. Как правильно возбуждать в себе подобные переживания и нужно ли это делать?

Ответ. Не следует выжимать из себя то, чего нет. Во-первых, надо внимательно молиться, во-вторых, на службе необходимо вникать в то, что слышишь. Если мы не будем этого делать, откуда возьмутся молитвенные переживания? Конечно, они могут быть следствием нашего личного настроения, но это бывает редко и у преуспевших подвижников.

Святые отцы оставили православным христианам богослужебные тексты, в них изложены те мысли, чувствования, которые должны быть и в нас. Если мы всё это внимательно воспринимаем, значит, не можем не переживать так же, как они, хотя бы и в малой степени. Бывают очень сильные переживания, а бывают не столь ярко выраженные. Главное: внимание к богослужению и усиленная Иисусова молитва, которая очищает ум, обостряет восприятие поучений святых отцов, преподаваемых нам через богослужебные тексты.

Вопрос. В одной из проповедей вы говорили, что апостолы не до конца понимали, Кто был Господь Иисус Христос и печалились от этого, хотя и видели Его великие чудеса. Однако апостол Петр исповедовал Его Христом, Сыном

Бога Живого, значит, апостолы отнюдь не пребывали в неведении.

Ответ. Они и понимали, и колебались, да и само понимание не сразу у них появилось. Апостол Петр сказал: *Ты – Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16, 16), на что Господь ответил ему, что на сем камне Он созиждет Церковь. Через несколько минут Спаситель начал говорить ученикам о Своих страданиях, но апостол Петр стал ему возражать: *Милосерд Ты, Господи: не имать быти Тебе сие* (Мф. 16, 22). Что ему сказал Спаситель? *Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16, 23). Так понимал апостол Петр, Кто перед ним, или не понимал? Во время одного и того же разговора он высказался противоположным образом. А во время и после страданий Спасителя, в Великую субботу, все, наверное, потеряли веру, кроме Божией Матери. Как можно говорить, что они всё знали?

Для того чтобы понять поведение людей, описанных в Евангелии, хорошо сравнивать его с тем, что обычно происходит с нами. Только делать это надо разумно. В некоторые моменты мы искренне молимся, испытываем благоговейный ужас, возможно, бывают слезы умиления. А в какой-то момент приходят помыслы неверия, или же мы увлекаемся нечистыми помыслами. Верим мы или не верим? Нельзя все разделять на белое и черное. Человек – это очень сложное и переменчивое существо, и эта переменчивость является главной трудностью, которую нам необходимо преодолеть. Обладая свободой, мы должны эту переменчивость направлять так, чтобы мы менялись (а человек не может не меняться) в сторону большего совершенства, а не уклонялись то к добру, то ко злу и постоянно пребывали в колебании.

Так и апостолы: иногда они понимали, Кто их Учитель, а иногда вели себя так, будто не понимают. Увидев идущего по воде Спасителя, апостол Петр сказал: *Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде.* Он же сказал: *иди.* И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу (Мф. 14, 28–29). Не так просто шагнуть за борт лодки и ступить на воду. Кто на это решится? Тем более это сложно для человека,

который с детства был рыбаком и прекрасно понимал, что такое водная стихия. Однако он перешагнул через борт лодки и пошел по воде, может быть, сделал несколько шагов, пока не испугался больших волн. Когда здравый смысл победил в нем веру, он тут же стал утонать и сказал: *Господи, спаси меня* (Мф. 14, 30). Так что же можно сказать про апостола Петра: верил он или не верил? Если не верил, то почему пошел по воде, а если верил, то почему стал утонать? Я привел два примера про апостола Петра. О нем говорить легче, поскольку это был простой человек, горячий, и его внутреннее состояние сразу выражалось в словах и поступках. Нельзя сказать, что апостолы всё знали. Как тогда объяснить, что они бежали, что апостол Петр трижды отрекся? Один даже нагим бежал. Представьте себе: человека схватили, а он оставил одежду и убежал голым. Какой же у него был страх! Верил этот человек или не верил? А ведь он тоже, видимо, был одним из близких учеников Спасителя, поскольку присутствовал при Его аресте.

Да, апостолы не пребывали в неведении, но нельзя сказать, что у них было полное ведение, которого они сподобились, когда на них сошел Святой Дух в день Пятидесятницы. Нельзя уклоняться к слишком упрощенному пониманию вопроса.

Вопрос. Я искренне верующий человек, но меня все сильнее смущают и мучают помыслы неверия, сомнения. Не понимаю, в чем причина и что со мной происходит?

Ответ. Не нужно полагать, что помыслы сомнения – это уже гибель. Митрополит Вениамин (Федченков) правильно говорит, что сомнение еще не есть неверие. Неверующий человек не испытывает никаких сомнений, он совершенно уверен в том, что верить нельзя (это тоже своего рода вера). У верующего человека сомнения появляются оттого, что в нем действуют страсти, требующие себе оправдания, прежде всего блудная страсть, любовь к миру – словом, все то, что мы можем свободно удовлетворять, живя в миру.

Можно ли грешить и при этом иметь веру в Бога? Для того чтобы оправдать грех, приходится думать, что Бога нет, душа – это выдумка, человек – существо смертное, загробного

наказания нет; человек бывает счастлив или несчастлив благодаря случайным стечениям обстоятельств, возможно, своим способностям, но не благодаря Промыслу Божию. Соответственно, человек получает свободу. Все это нелепо, но поскольку эти мысли вполне оправдывают нашу любовь к миру, то нам это подходит. Ведь люди выбирают убеждения исходя не из того, правильные они или неправильные, а из того, подходят они им или не подходят. Убеждения принимают так, будто костюм примеряют: один примерил – этот к лицу, другой примерил – не к лицу. Конечно, православное христианство так не примеришь, потому что оно заставляет человека очень сильно меняться. Люди выбирают то, что помогает легче устроиться в жизни. Отсюда и неверие.

Кроме того, это может быть просто хульная брань, подобная той, какую испытывал отец Иоанн Кронштадтский. У него была необыкновенная, пламенная вера и ревность, и диавол нападал на него жестоким образом именно в этом отношении. Из этой брани отец Иоанн вышел победителем, что мы видим по его необыкновенным делам. Когда отца Николая (Гурьянова) спрашивали об искушениях, он говорил: «Сила противодействия равна силе действия». Если у человека проявляется вера, значит, будет и неверие, если он в молитве чувствует благоговейный ужас, следом придут помыслы не только против Бога, но и прямо заявляющие, что Бога нет. Только что ты Его ощущал, видел, осязал, и тут же: «Его нет». Но если ты напряжешься, то снова ощутишь Его, с еще большей силой.

Так же могут прийти и блудные помыслы. Человек молится, ощущает благодатное утешение, сладость от общения с Богом, и тут же приходит омерзительный, нечистый помысел, пытаюсь похотливой сладостью вытеснить сладость духовную. Преподобный Иоанн Лествичник говорит о том, что после внимательной молитвы диавол искушает гневом, чтобы человек сразу потерял плоды молитвы. Человек испытывает мир, тишину, как это часто бывает после внимательной молитвы, и вдруг совершенно противоположное – раздражение. Диавол нападает, вызывая подобные ощущения для того, чтобы

разграбить человека, лишить той пользы, которую он получает от молитвы, вообще от христианской, духовной жизни.

Когда усиливается вера, нападает неверие; человек постепенно очищается, становится целомудренным, но тут же одолевают нечистые помыслы. Вот что имел в виду отец Николай, когда говорил, что сила противодействия равна силе действия. Мы действуем, а диавол противодействует, его и называют иногда противником.

Вопрос. Преподобный Серафим Саровский говорит, что одно дело – скука, а другое – уныние. Как их разделить и как бороться с тем и другим? Послушание выполнять не хочется, кажется, что надоело, не получается, неинтересно, не нравится (послушание творческое).

Ответ. Это неважно, творческое послушание или нетворческое. Например, иконописное послушание не является творческим в том смысле, в каком обычно понимают творчество. Если сравнить иконопись и живопись, то живопись – это творчество. Каждый художник стремится сделать что-то особенное, проявить свою творческую индивидуальность. В иконописи такой цели нет, поэтому творчеством это назвать нельзя, хотя для того, чтобы писать иконы, человек, конечно, должен иметь эстетический вкус и художественные способности.

А вообще, в монастыре все послушания творческие. И работа в трапезной, и торговля, потому что все нужно делать добросовестно, напрягать все свои силы. Не нужно считать иконописное послушание творческим, а послушание в трапезной нетворческим. Это неправильный подход. Какие у человека есть способности, теми он и служит сестринству. Главная способность – это способность к молитве; я думаю, ею обладают все в равной степени, только от личного усердия или нерадения одни преуспевают больше, а другие – меньше. Наше «творчество» состоит в том, чтобы бороться со своими страстями. Если человек ревностный, значит, преуспевает, если нерадивый, значит, остается бесплодным. Человек привык заниматься тем, чем ему хочется, а здесь нужно отсекал свою волю, потому и не нравится. При исполнении послушания

бывают разные периоды: иногда получается, иногда не получается, но мы должны всегда кропотливо трудиться.

Нужно понимать, что мы еще учимся и требовать высокого уровня иконописи преждевременно. Если человек будет постоянно над собой работать, то достигнет такой простоты письма, что будет возникать впечатление, будто икона написана одним взмахом кисти. Мастерство увеличивается, и человек с легкостью и изяществом делает то, что раньше стоило ему больших усилий, но это не плод легкого отношения к самому труду. Певчим, например, тоже нужно много трудиться, пока они овладеют своим голосом. Потом появляется легкость в пении, и все слушают, как они красиво, изящно поют. А достигается это многими трудами.

Скука может появиться оттого, что послушание дается с трудом, человек утомляется и уже не хочет чем-либо заниматься, теряет вкус к делу. Но никто не освободит человека от работы по той причине, что у него пропало вдохновение. Он должен трудиться и независимо от своего настроения делать все хорошо. А если поддаваться настроению, тогда, действительно, надо заниматься только живописью, но не иконописью, хотя, я думаю, настоящие художники тоже много трудились. Конечно, бывают люди особенно способные, которым все дается легко, но мастерство достигается трудом, – если есть возможность, в процессе обучения у более опытных мастеров, а иногда и через подражание им.

Не нужно обращать внимание на то, что иногда бывает скучно, иногда весело, иногда нравится работа, а иногда нет. Нужно трудиться. Если мы будем думать о том, чем отличается скука от уныния, более того, если мы будем предаваться этой скуке, она еще больше будет в нас развиваться. А если со спокойствием и твердостью продолжим заниматься послушанием, не уменьшая своих трудов, не оказывая себе снисхождения, то мы привыкнем к постоянству в усердии, и у нас постепенно выработается правильное отношение к своему делу.

Вопрос. В книге «Беседы о молитве Иисусовой», составленной на основании наставлений святых отцов:

святителя Феофана, святителя Игнатия и других, – говорится, что и новоначальным, и страстным возможно и должно молиться в сердце, опускать ум в сердце. Причем наставление святителя Игнатия о молитве при сочувствии сердца приравнивается к наставлению святителя Феофана о молитве в сердце, как будто это одно и то же в разных словах. Разъясните, пожалуйста.

Ответ. Я согласен с советом, что и страстный, и новоначальный, если приступил к умной молитве, то есть молитве творимой умом, может понуждать себя к тому, чтобы сводить ум в сердце, если только у него это делание получается. Иной пытается это делать, но не чувствует сердечного места, потому что сердце на молитву не отзывается. В таком случае опускать ум в сердце преждевременно. Бывает, что в какой-то день это получается, а на следующий день не получается, – по причине, может быть, наших грехов, в особенности гордости.

Действительно, не всегда получается сводить ум в сердце, здесь нужно подходить дифференцированно: у каждого это происходит по-разному, в зависимости от обстоятельств. У одного человека, только начавшего молиться умом, может и не получаться опускать ум в сердце, а другому сразу это удастся. Под руководством старицы нужно пробовать опускать ум в сердце, но в то же время быть готовым к тому, что преуспевание придет не так быстро. Человек может испытывать очень большие изменения в молитве, развиваться на протяжении многих лет. Умственная молитва – удел большинства людей, упражняющихся в молитве. Сердечной, самодвижной молитвы редко кто достигает, она есть дар Божий, а не собственная заслуга.

Вообще говоря, тому, кто молится устной молитвой, сводить ум в сердце преждевременно, ничего у него не получится, однако человеку, который уже приступил к умной молитве, допустимо и даже желательно пытаться это делать. Это очень помогает сосредоточиться.

Вопрос. Иногда бывает так тяжело, что хочется убежать с послушания, хлопнув дверью. Настолько невыносимо, что ни

слова, ни замечания не можешь потерпеть. Что делать, чтобы не хлопать дверью?

Ответ. Невыносимо на послушании бывает оттого, что человек не хочет терпеть и смиряться, когда ему делают замечания. Я думаю, что если человек будет делать себе такие послабления: хлопать дверью или бить посуду, то, конечно, лучше он не станет, а будет все больше и больше развращаться, поддаваться страсти, в нем будет развиваться нервозность, раздражительность. Представьте себе дикого зверя, который только крепнет оттого, что мы его насыщаем. Но если зверя можно все-таки накормить, чтобы он на какое-то время затих, то страсть никогда не успокаивается: чем больше ее насыщаешь, тем больше она требует пищи. Человеку на мгновение кажется, что он удовлетворил страсть, но в следующий раз уже мало будет хлопнуть дверью, захочется разбить стекло. Так можно дойти до того, о чем говорит святитель Игнатий (Брянчанинов): человек, придя в монастырь, не избавляется от страстей, а, напротив, развивает их и приобретает новые, потому что не имеет покаяния. Тот, кто имеет покаяние, дверью хлопать не будет. Ясно, что он находится не в таком душевном состоянии. Кто хлопает дверью, тот считает, что каяться должны те люди, которые довели его до этого состояния. Это как бы сигнал для их покаяния.

Вопрос. Когда меня ругают и наказывают, поддаюсь помыслам ропота, говорю себе, что я никому не нужна, только одному Господу, и тем успокаиваю себя. Объясните, в чем моя ошибка?

Ответ. Человек находится в монастыре, где его кормят, одевают, заботятся о его душевном состоянии, и он никому не нужен? Подобные мысли не успокоение, не победа над страстью, а, напротив, ее удовлетворение. Если тебя ругают, значит, ты кому-то нужна, а если бы не обращали на тебя внимания, то вырос бы из тебя распущенный, не владеющий собой человек.

В Евангелии сказано, что если брат твой согрешит против тебя, иди обличи его между тобою и им одним, потом с двумя или тремя свидетелями, затем скажи Церкви. Почему нужно

обличать? Эти слова Спасителя воспринимают отдельно от Его предыдущих слов: *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих* (Мф. 18, 10). Презрение может состоять и в том, что мы остаемся безразличными к человеку, когда он грешит. Дело не в том, что нужно обличать человека до трех раз, а в том, что мы обличаем его с целью исправления, поскольку не презираем его, а сочувствуем ему. Если же человек не хочет исправляться, тогда мы предоставляем его самому себе. Если человека обличают, делают ему замечания, в особенности старица, старшая по послушанию, настоятельница или духовник, то это не значит, что его презирают и он никому не нужен, напротив, о нем заботятся. Мне кажется, это очевидно.

Какое самое страшное наказание в Церкви? Отлучение. Сначала мы не допускаем согрешившего к причащению, накладываем на него епитимью, отлучаем от Церкви на некоторое время и, в конце концов, если видим, что он не исправляется, отлучаем окончательно. Выходит, самое страшное наказание заключается в том, что о человеке перестают заботиться. На все нужно смотреть правильно. Допустим, на послушании тебе делают несправедливые замечания. Это повод для того, чтобы смириться. Смирившись же, ты получишь душевную пользу.

Вопрос. В Евангелии от Луки написано: *Иисус, исполненный Духа Святого, возвратился от Иордана* (Лк. 4, 1). Как Господь мог исполниться Духа Святого? Объясните, что подразумевается под этими словами?

Ответ. Господь Иисус Христос исполнился Духа Святого не в том смысле, что сначала в Нем Его было меньше, а потом стало больше, но в том, что благодать, которая исходила от Спасителя, стала очевидной для всех. До этого Он вел, как сейчас сказали бы, частный образ жизни. До тридцати лет Его никто не знал. После крещения *Иисус, исполненный Духа Святого*, то есть при очевидном действии в Нем благодати, явился перед всеми, кто желал Его принять.

Вопрос. Батюшка, поясните изречение: «Человек едва сохраняет то, что ему естественно; Христос же крестом дарует усыновление»¹⁶⁷.

Ответ. Здесь все очень просто. Человек едва хранит естественные добродетели, то есть едва удерживается от совершения противоестественного греха. Господь дарует человеку усыновление, возможность совершать сверхъестественные добродетели, например любить врагов. Часто мы и своих близких не любим, а Господь учит нас любить врагов. Учит не только через наш рассудок, но и непосредственным действием благодати. Можно привести другой пример. Человек едва хранит супружескую верность, а Господь дарует ему возможность вести целомудренный образ жизни.

Вопрос. Когда прославляют святых, бывают явные чудеса. Можно ли полагать, что ради прославления святого Господь являет всем благодать?

Ответ. Я думаю, усиливается народное почитание святого, люди обращаются к нему с молитвой и потому происходят чудеса. До прославления к святому обращались немногие, лишь те, кто проявлял самостоятельность, независимость от общественного мнения.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) пишет про одного человека, мирянина, который очень радел о том, чтобы Тихона Задонского причислили к лику святых, много писал для этого, у него были даже неприятности. А потом благодаря его работе Тихона Задонского прославили, то есть этот человек подготовил материалы для канонизации. Некоторые люди самостоятельно почитают какого-либо святого вне зависимости от официальной точки зрения, но большинство прислушивается к общественному мнению, им нужно подтверждение того, что это действительно святой. Поэтому чудеса связаны не с канонизацией, а с тем, что происходит всплеск народного почитания. Чудеса – это плод молитвы.

Вопрос. Поясните совет Евагрия: «Когда помыслы начнут передвигать свои предметы, прежде чем выйдем из своего обычного состояния, нужно успевать сказать что-нибудь против них и подметить того, кто присущ в них»¹⁶⁸. Что означает «присущ» и как это надо подмечать?

Ответ. Это сказано не в том смысле, что помыслы передвигают предметы, как я рукой передвигаю записки. Помыслы передвигают свои предметы, то есть предметы ума. Видимо, если помысел начинает выдавать один предмет за другой (иными словами, в помыслах появляется лукавство), тогда нужно найти «того, кто присущ в них», кто эту путаницу вводит. Об этом яснее говорит Нил Сорский, а позднее святитель Игнатий (Брянчанинов) повторяет его мысль. Борьбa с помыслами можно возражая им, то есть противопоставляя злoму помыслу добрый. Здесь, скорее всего, имеется в виду рассуждение. Сначала мы распознаем, что кроется за этой подменой мысленных понятий, видим того, «кто присущ в них», то есть дiавола, и противимся ему. Я так это понимаю.

Вообще говоря, древних святых отцов читать необходимо, и «Добротолубие» тоже, там можно найти очень много полезного, в особенности во втором, третьем и пятом томах. Но поучения древних отцов нужно воспринимать через призму творений святителя Игнатия (Брянчанинова) и некоторых других русских подвижников, таких как Василий Поляномерульский, Паисий (Величковский), Нил Сорский. Для нас важно не теоретическое понимание, а то, каким образом мы можем применить это учение к себе. Всегда нужно помнить учение святителя Игнатия, для того чтобы разбираться в учении древних отцов. Это принципиальный подход, иначе можно запутаться. Если понимать изречение Евагрия именно так, как я сказал, то можно получить огромную пользу, почему и необходимо хорошо ознакомиться с аскетическими творениями древних подвижников, в особенности тех, которые писали о борьбе со страстями, об умном делании. Нельзя этим пренебрегать.

Вопрос. Мне запретили думать о любви к Богу и ближнему, так как по гордости впадаю в возношение от этих помыслов. Однако они помогали мне в период брани, победила благодаря им страсть уныния, появилось чувство ревности, радость о Господе в молитве. Я хочу жить ради этой заповеди Спасителя. Скажите, как избежать возношения и в чем моя ошибка?

Ответ. Конечно, заповедь о любви к Богу и ближнему исполнять надо, но размышлять и исполнять – разные вещи. Зачем об этом особенно думать? Действительно, можно впасть в мечтательность и получить вред от подобных размышлений. Если мы не думаем о любви, а приобретаем покаяние, сокрушение сердечное, то у нас даже без всякой мысли появляется, в особенности от внимательной молитвы, любовь к Богу и ближнему. Один современный греческий подвижник сказал: «Если хочешь найти любовь, ищи ее в Иисусе». Безусловно, это сказано человеком, имеющим опыт умного делания. Все мы творим Иисусову молитву, это и есть деятельная любовь к Богу. Зачем еще об этом думать? Если мы каемся и благодать Божия проникает в наше сердце, значит, появляется естественная любовь к ближнему, которая выражается в сочувствии, сострадании, снисхождении, соучастии и так далее. Затем это чувство может усиливаться, и человек начнет испытывать всё более возвышенные чувства по отношению к ближнему. Если же мы будем только думать об этом, то ничего не придумаем. Хочешь любить – читай Иисусову молитву. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что средство приобретения любви к ближнему – это смирение перед ним. Если мы молимся с покаянием, постоянно искренно говорим: «Помилуй мя грешного» – и у нас при этом появляется сокрушение сердечное, смирение, то мы, разумеется, ставим другого человека выше себя и, значит, любим его. Для того чтобы была любовь к Богу и, как ее естественное проявление, любовь к ближнему, нужно внимательно молиться Иисусовой молитвой. Можно сказать так: хочешь приобрести любовь – внимательно молись Иисусовой молитвой, и от этого все придет. А если о ней просто размышлять... Возможно, будет и радость, и ревность, но потом все пропадет. Запомните простую вещь: если у человека нет благодати, то любая возвышенная мысль, любое поучение, рассуждение, мудрое ли, полезное ли, – все приедается, выхолащивается, все становится ему совершенно безразличным, даже Евангелие (конечно, виною тому не Евангелие, но мы сами). Поэтому не нужно думать, что если в

нас возбуждает ревность какое-то изречение, то оно поможет нам само по себе, пусть даже такое возвышенное, как евангельское изречение о любви к Богу. Святоотеческое учение, Священное Писание перестает быть для нас отвлеченной теорией, оживает и становится действенным только в том случае, если мы внимательно, с сердечным сокрушением молимся Иисусовой молитвой. Тогда и слова о любви, и другие слова могут возбуждать в нас должную ревность и иные духовные чувства.

Вопрос. У меня не получается соединять службу с молитвой. Начинаю внимательно молиться и возникает ощущение, что меня на службе нет, а если погружаюсь в богослужение, то молитва дробит внимание и только мешает. Как быть?

Ответ. Я думаю, что нужно вникать в службу, прислушиваться и молиться, удерживать ум от рассеянности. Если мы не будем этого делать, значит, мы напрасно пришли на службу. Возможно, кто-то имеет особенное преуспевание и так углубляется в молитву, что забывает все внешнее, но я думаю, что скорее происходит все наоборот: человек не умеет справиться с вниманием. Ум рассеивается, отходит от молитвословий (к тому же и чтение может быть невнятным), поэтому вслушиваться в службу необходимо.

Человек редко полностью сосредоточивается на одном предмете и ни о чем больше не думает, все равно присутствуют еще какие-то мысли. Как минимум человек думает о двух вещах: о чем-то сосредоточенно, о другом, так сказать, второстепенно. Иначе мы и жить не смогли бы. Допустим, человек идет по коридору и думает, что ему нужно зайти в трапезную. Если он не вспомнит о том, что еще нужно спуститься по ступенькам, он собьется с пути. Он вынужден помнить о трапезной и реагировать на все, что встречается ему по дороге. Если же он будет думать только о том, что ему встречается, но забудет о трапезной, то наконец он подумает: «Куда же я иду? И зачем я сюда пришел?» Мы должны держать в уме два предмета: цель и средство, при помощи которого мы идем к этой цели. Допустим, человек говорит речь, желая что-то

доказать, но если он чересчур сосредоточится на доказательстве, тогда он забудет, что хотел сказать. Он должен помнить конец речи, к чему он ведет слушателя. Я привел очень простые примеры из жизни в доказательство того, что человек содержит в уме одновременно две мысли. Он может молиться, и в то же время в голове течет поток мыслей.

У нас бывает либо молитва и поток мыслей, либо поток мыслей и богослужение, а надо сделать так, чтобы была молитва и богослужение, а поток мыслей пресечь. Вместо потока мыслей должно быть восприятие богослужения.

Однако во время богослужения молитва Иисусова не может быть такой сосредоточенной, как на четочном правиле, поскольку мы должны вникать в смысл богослужения. Впрочем, можно предположить, что человек так сосредоточился, напрягся, что для него существуют только служба и молитва, что он даже себя самого не осознаёт. Ведь были такие подвижники. Допустим, авва Филимон, о котором из «Добротолюбия» известно, что он любил молиться и слушать богослужение, но служить он не любил, хотя был пресвитер. Схимонах Архипп, глинский подвижник, также очень любил богослужения и сильно страдал, когда из-за болезни ног не мог ходить в церковь. Для него богослужение было неотъемлемой частью духовной жизни, хотя он не был священнослужителем.

Сегодняшняя беседа будет посвящена не какому-либо отвлеченному духовному предмету, а конкретным людям. Мы прочтем несколько эпизодов из Евангелия, в которых описаны два человека, ставшие символами двух начал христианской жизни. Однако символы символами, но речь идет о реальных людях, которые жили два тысячелетия назад. Нужно отметить, что евангелисты Лука и Иоанн описывают их очень похоже. Казалось бы, разные эпизоды, разные, выражаясь светским языком, авторы (конечно, евангелистов нельзя назвать авторами в полном смысле слова), но характеры описаны одни и те же. Удивительное соответствие! Отсюда ясно, что те, о ком мы поведем речь, не были «вымышленными персонажами», как нагло заявляли некоторые атеистические критики Священного Писания.

Мы с вами будем говорить о Марфе и Марии. Сначала обратимся к тому эпизоду, который описывает евангелист Лука. *Бысть же ходящим им, и Сам вниде в весь некую; жена же некая именем Марфа прият Его в дом свой; и сестра ей бе нарицаемая Мария, яже и седши при ногу Иисусову, слышаше слово Его. Марфа же молвяше о мнозе службе (Лк. 10, 38–40).* Под многим служением здесь подразумевается забота о том, чтобы приготовить для возлюбленного Учителя достойное, как Марфе казалось, угощение и таким образом показать свое благоговейное уважение к Нему. *Марфа же молвяше о мнозе службе, ставши же рече: Господи, не брежеш ли, яко сестра моя едину мя остави служити? рцы убо ей, да ми поможет. Отвещав же Иисус рече ей: Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу. Мария же благу часть избра, яже не отыметя от нея (Лк. 10, 40–42).* Приседение Марии у ног Иисуса – символ духовного служения. Считается, что Мария избрала благу часть, к которой должен стремиться всякий христианин. В особенности же служение Мариино наиболее последовательно и явно избирают монашествующие: они предпочитают внешним

трудам, внешнему угождению Богу – через добрые дела, милостыни и тому подобное – внутреннее угождение, то есть приседение у ног Спасителя, которое, казалось бы, бездейтельно и бесполезно, но в действительности более угодно Господу.

Понятно, что здесь нужно сделать оговорку: речь идет не о том, что Мария в принципе была бездейтельной, а Марфа всегда трудилась. Конечно, Мария осознавала необходимость служить Спасителю и таким образом, как это делала ее сестра. Но любовь к Господу, желание не упустить ни одного слова, исходящего из Его уст, заставляли Марию без размышления, без колебания пренебрегать всем остальным. Влечение сердца было в ней сильнее, чем голос здравого смысла. Она не находила в себе сил отлучиться от Спасителя хотя бы на мгновение. Нужно еще оговорить следующее: Мария слушала Спасителя не потому только, что наслаждалась Его словами, а потому, что желала узнать, в чем состоит воля Божия, в чем заключается угождение Богу, как должен вести себя человек, любящий Бога. Иначе говоря, она желала получить руководство к действию. Поэтому нельзя сказать, что Мария была бездейственной. Она только хотела воспользоваться редким моментом беспрепятственного слышания слова Божия, чтобы впоследствии руководствоваться им в своей деятельности. В этом смысле она была более благоразумной и смиренномудрой, чем Марфа, так как осознавала свою несостоятельность и невозможность усилиями собственного разума постичь волю Божию. А Марфа в тот момент считала, будто ей известно, что она должна делать. И вот Спаситель, пренебрегая Своей человеческой потребностью в пище, похвалил Марию за ее богоугодную ревность.

В Евангелии от Иоанна есть похожий эпизод: там Спаситель тоже пренебрег пищей ради слова Божия. Правильнее сказать, слово Божие – проповедь – насытило Его. Он сказал об этом ученикам после Своей беседы с самарянкой у колодца, когда они принесли ему пищу. *Между же сим моляху Его ученицы Его, глаголюще: Равви, яждь. Он же рече им: Аз брашно имам ясти, егоже вы не весте. глаголаху убо ученицы к себе: еда*

кто принесет Ему ясти? Глагола им Иисус: Мое брашно есть, да сотворю волю пославшаго Мя и совершу дело Его (Ин. 4, 31–34). Мы видим, что Спаситель получал не только духовное, но и телесное удовлетворение от того, что творил волю пославшего Его, то есть волю Божию. Поэтому Он именно в такие моменты не нуждался в телесной пище. Нечто подобное бывает и с людьми. Например, человек, услаждаемый действием непрестанной молитвы, вынужден сокращать свой сон: молитва не дает ему спать, однако молитва же приносит ему отдохновение и укрепление, и он не чувствует усталости от того, что провел бессонную ночь. Но если бы ночь без сна случилась по другой причине, например из-за нервного перевозбуждения или болезни, – то организм реагировал бы на это совсем иначе: человек чувствовал бы изнеможение и неспособность к обычным дневным трудам. Значит, в малой степени нам известно это явление, когда благодать Божия насыщает и укрепляет вместо телесной пищи и телесного отдыха. Благодаря эпизоду с самарянкой мы можем предположить, что Спаситель пренебрегал пищей, когда чувствовал особенное душевное утешение от того, что принес кому-то пользу.

Марфе Господь говорит нечто похожее на то, что сказал ученикам после беседы с самарянкой. *Отвещав же Иисус рече ей: Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу.* Но мы не должны осуждать Марфу, превращая живого человека в ограниченный символ: нельзя сказать, что Мария заботилась только о духовном, а Марфа – только о земном. Из Евангелия от Иоанна мы знаем, что Марфа, Мария и брат их Лазарь были любимыми учениками Спасителя. Спаситель не считал бы Марфу Своей любимой ученицей, если бы она была таким человеком, каким изобразило ее аллегорическое толкование, отбрасывающее неизъяснимую, не поддающуюся рациональному объяснению жизненную сторону повествования. Служение Марфы также прекрасно и возвышенно. Как рассуждают некоторые отцы, если бы Марфа не служила Господу, Мария не могла бы присесть у

Его ног. И Марфа услышала упрек не за то, что она служит иначе, нежели Мария, а за то, что посмела укорить сестру.

Мне очень нравятся эти два персонажа Евангелия. А как приятно читать это трогательное повествование о двух сестрах! Нужно думать, что вся их семья была прекрасна, если Господь любил и их самих, и их брата. Откроем Евангелие от Иоанна: *Бе же некто боля Лазарь от Вифании, от веси Мариины и Марфы сестры ея. Бе же Мария помазавшая Господа миром и отершая нозе Его власы своими (Ин. 11, 1–2).* Видимо, среди христиан первого поколения Мария была известна именно этим поступком, о котором мы подробно поговорим впоследствии. *Бе же Мария помазавшая Господа миром и отершая нозе Его власы своими, еяже брат Лазарь боляше. Посласте убо сестре к Нему, глаголюще: Господи, се, егоже любиши, бо лит (Ин. 11, 2–3).* Они просят об исцелении Лазаря несколько наивным, но вполне понятным образом: желая тронуть сердце Спасителя, сестры напоминают Ему о том, как Он любит Своего ученика. Вспомнив об этой любви, надеются они, Господь быстрее поспешит на помощь, быстрее проявит сострадание. *Слышав же Иисус рече: сия болезнь несть к смерти, но о славе Божии, да прославится Сын Божий ея ради (Ин. 11, 4).* И здесь евангелист делает примечание: *Любляше же Иисус Марфу и сестру ея и Лазаря (Ин. 11, 5).* Не только Лазаря и не только Марию, которая проявила такую необыкновенную приверженность к учению Спасителя, что даже не могла отойти от Него и сидела у Его ног, слушая Божественную речь. Иисус любил также и Марфу, которую мы несправедливо считаем олицетворением суеты.

Я думаю, Марфа просто была человеком практичным, может быть, оттого, что она была старшей в семье и чувствовала особую ответственность. Это ее свойство проявляется в разных евангельских эпизодах. В Евангелии от Луки она заботится об угощении Спасителя. В Евангелии от Иоанна высказывает практическое замечание Господу, когда Он просит, чтобы отвалили камень от гроба Лазаря: *Уже смердит: четверодневен бо есть (Ин. 11, 39).* Конечно, говорить так о недавно умершем родном брате неприятно. Но в этих словах

Марфы проявилась ее житейская опытность. Надо заметить, Марфа имела здравый смысл не только в отношении быта, но и в отношении возвышенных богословских истин. Известно, что в то время женщины почти не получали религиозного образования. Считалось, что этого достойны только мужчины. Тем не менее Марфа выказывает знание учения о воскресении мертвых, говоря об этом правильно и, насколько мы можем судить, довольно подробно, хотя Евангелие очень кратко передает те или иные речи современников Спасителя. Мы продолжим чтение повествования о воскрешении Лазаря и скоро дойдем до этого момента.

Егда же услыша, яко болит, тогда пребысть на немже бе месте два дни. Потом же глагола учеником: идем во Иудею паки. Глаголаша Ему ученицы: Равви, ныне искаху Тебе камением побити Иудее, и паки ли идеши тамо? Отвеща Иисус: не два ли надесяте часа есте во дни? аще кто ходит во дни, не поткнется, яко свет мира сего видит: аще же кто ходит в нощи, поткнется, яко несть света в нем. Сия рече и посем глагола им: Лазарь друг наш успе: но иду, да возбужу его. Реша убо ученицы Его: Господи, аще успе, спасен будет. Рече же Иисус о смерти его: они же мнеша, яко о успении сна глаголет. Тогда рече им Иисус не обинуяся: Лазарь умре: и радуюся вас ради, да веруете, яко не бех тамо: но идем к нему. Рече же Фома, глаголемый Близнец, учеником: идем и мы, да умрем с Ним. Пришед же Иисус, обрете его четири дни уже имуща во гробе. Бе же Вифания близ Иерусалима, яко стадий пятьнадесять, и мнози от Иудей бяху пришли к Марфе и Марии, да утешат их о брате ея. Марфа убо егда услыша, яко Иисус грядет, срете Его (Ин. 11, 6–20). Здесь вновь проявляется житейская опытность Марфы. Она раньше всех узнала о том, что идет Иисус, и умудрилась тайно выйти из дома, так что иудеи ничего не услышали. Как мы увидим далее, Мария была не столь практична и так же сделать не сумела.

Марфа убо егда услыша, яко Иисус грядет, срете Его: Мария же дома седяше. Рече же Марфа ко Иисусу: Господи, аще бы еси zde был, не бы брат мой умерл (Ин. 11, 20–21).

Впоследствии эти слова повторила Мария, но в отличие от своей сестры она просто высказала свои сердечные чувства. А Марфа начинает рассуждать и проявляет некоторые познания в предметах веры: *Но и ныне вем, яко елика аще просиши от Бога, даст Тебе Бог (Ин. 11, 22)*. Итак, несмотря на то, что Спаситель не исцелил ее брата, она не стала сомневаться в Нем и не потеряла веру в Него как в Божественного Учителя. *Глагола ей Иисус: воскреснет брат твой (Ин. 11, 23)*. Марфа не понимает Его предсказания, которое должно исполниться в кратчайшее время, она воспринимает его слова как учение о воскресении из мертвых. *Глагола Ему Марфа: вем, яко воскреснет в воскрешение, в последний день (Ин. 11, 24)*. Она исповедует веру в Спасителя, хотя, может быть, недостаточно полную и откровенную, а затем – веру в воскрешение из мертвых.

Рече же ей Иисус: Аз есмь воскрешение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет, оживет: и всяк живой и веруяй в Мя не умрет во веки. Емлещи ли веру сему? (Ин. 11, 25–26). И Марфа вновь подтверждает свою веру, показывая уже бóльшую ее полноту: она называет Его Мессией, Христом, Сыном Божиим. Хотя, возможно, она не до конца понимает, о чем идет речь, и думает, что имеется в виду некое усыновление Божие. А может быть, в данный момент в ней действительно была вера в то, что Господь Иисус Христос – Сын Божий, воспринявший человеческое естество, Единородный и единосущный Богу Отцу. *Глагола Ему: ей, Господи: аз веровах, яко Ты еси Христос Сын Божий, иже в мир грядый (Ин. 11, 27)*. Мы видим, что здравый смысл Марфы простирался и на предметы духовные.

И сия рекши, иде и пригласи Марию сестру свою тай, рекши: Учитель пришел есть и глашает тя. Она же яко услыша, воста скоро и иде к Нему. Не уже бо бе пришел Иисус в весь, но бе на месте, идеже срете Его Марфа (Ин. 11, 28–30). Марфа пригласила сестру свою тайно, а Мария не смогла проявить выдержку и рассудительность. Может быть, это вообще было не в ее характере – она более руководствовалась сердцем, особенно теперь, когда ей овладела скорбь о брате. *Иудее же убо сущии с нею в дому и утешающе ю, видевше*

Марию, яко скоро воста и изыде, по ней идоша, глаголюще, яко идет на гроб, да плачет тамо (Ин. 11, 31). Мария желала поскорее увидеть Спасителя и не заботилась о том, как на это отреагируют окружающие. Хотя Марфе и Марии, как и прочим ученикам Спасителя, было известно, что иудеи стремятся убить Господа и что большинство из них настроены к Нему враждебно.

Мария же яко прииде, идеже бе Иисус, видевши Его, паде Ему на ногу, глаголющи Ему: Господи, аще бы еси был zde, не бы умерл мой брат (Ин. 11, 32). Здесь вновь проявляется порывистость Марии. Раньше она не могла отойти от Спасителя, несмотря на то что сестра ее Марфа по-человечески справедливо упрекала ее. Теперь Мария не смогла удержаться и быстро вышла Ему навстречу, не заботясь ни о каких предосторожностях. Более того, увидев Спасителя, она упала к Его ногам в отличие от сестры своей Марфы, которая довольно-таки долго спокойно с Ним разговаривала. (Обратите внимание, что Мария и тогда сидела у ног своего возлюбленного Учителя, и теперь припадает к ногам Его: ее любовь к Нему была растворена глубочайшим смирением.) Мария произнесла всего лишь одну фразу, повторив то, что ранее сказала Марфа (слова человеческого горя вообще просты, в такой момент человек не заботится о красивых выражениях), но, видимо, произнесла это так, что тронула Спасителя. Он едва-едва мог сдержать рыдание. *Иисус убо, яко виде ю плачущую и пришедшия с нею иудеи плачуща, запрети духу и возмутися Сам (Ин. 11, 33).* Дословно в переводе с греческого оригинала здесь говорится, что Иисус начал удерживать дыхание в груди. Вспомните: когда человек старается не заплакать, он подавляет рвущиеся наружу звуки, но они, хотя и не такие громкие, как при откровенном рыдании, всё же слышны.

И рече: где положисте его? Глаголаша Ему: Господи, прииди и виждь. Прослезися Иисус (Ин. 11, 34–35). Видя чувства Своей любимой ученицы и иудеев, Господь уже не удержал человеческой скорби и прослезился. *Глаголаху убо жидове: виждь, како любляше его. Нецыи же от них реша: не можаше*

ли Сей, отверзый очи слепому, сотворити, да и сей не умрет? Иисус же паки претя в Себе, прииде ко гробу. Бе же пещера, и камень лежаше на ней. Глагола Иисус: возьмите камень. Глагола ему сестра умершаго Марфа: Господи, уже смердит: четверодневен бо есть (Ин. 11, 36–39). Вот они, те неприятные слова, о которых я говорил прежде. Неприятные прежде всего, конечно, для самой Марфы. И все же, как человек здравомыслящий, она не могла удержаться от того, чтобы не предупредить Учителя. Может быть, она недоумевала: почему Он поступает так непрактично? Прощаться с любимым учеником уже поздно – тот умер уже четыре дня назад. Как в первом эпизоде она не удержалась и сказала Господу: *Не брежеш ли, яко сестра моя едину мя остави служити?* – так и теперь она не смогла смолчать. Хотя очевидно, что Спаситель понимал и то и другое: и что Мария оставила Марфу служить одну, и что тело Лазаря за четыре дня должно было подвергнуться тлению.

Глагола ей Иисус: не рех ли ти, яко аще веруеши, узриши славу Божию? Взяха убо камень, идеже бе умерый лежа (Ин. 11, 40–41). Здесь не говорится, исполнила ли Марфа просьбу Спасителя. В том эпизоде, где она готовила угощение для Господа, повествование тоже как бы обрывается, но поскольку после Его укора она смирилась и больше не упрекала Марию, значит, если можно так выразиться, вопрос был решен. Подразумевается, что в обоих случаях Марфа все же проявила послушание, несмотря на свои предыдущие упреки и возражения, которые были связаны с практическим складом ее характера. Евангелие часто оставляет недосказанным какое-либо повествование, подразумевая, что все было решено так, как требовал того Спаситель. Например, в повествовании о том, как Господь сказал апостолу Петру, чтобы он поймал рыбу и в устах ее нашел монету, не говорится, что Петр сделал это. Но, несомненно, он исполнил благословение Спасителя и совершил все по Его словам. Из повествования евангелиста Иоанна также очевидно, что Марфа послушалась Господа. *Взяха убо камень, идеже бе умерый лежа.* Конечно, отвалившие камень подчинились приказанию родственницы,

родной сестры умершего, старшей в семье, а не Иисуса, постороннего по отношению к Лазарю человека. Значит, несмотря на практичность и некоторую склонность к навязыванию своего мнения, Марфа, тем не менее, умела отречься от него, когда этого требовал Господь. Это еще раз говорит о том, что не нужно делать из Марфы символ практичности, которая якобы противоречит духовности.

Взяша убо камень, идеже бе умерый лежа. Иисус же возведе очи горе и рече: Отче, хвалу Тебе воздаю, яко услышал еси Мя: Аз же ведех, яко всегда Мя послушаеши: но народа ради стоящаго окрест рех, да веру имут, яко Ты Мя послал еси. И сия рек, гласом великим воззва: Лазаре, гряди вон. И изыде умерый, обязан рукама и ногама укроем, и лице его убрусом обязано. Глагола им Иисус: разрешите его и оставите ити. Мнози убо от Иудей пришедшии к Марии и видевшие, яже сотвори Иисус, вероваша в Него (Ин. 11, 41–45). Видимо, Мария все-таки была более известна, чем Марфа, потому что сказано: *Пришедшии к Марии*. Может быть, благодаря своему благочестию или другим, неизвестным нам качествам, она была, если можно так выразиться, человеком более популярным и имела больше друзей.

Мнози убо от Иудей пришедшии к Марии и видевшие, яже сотвори Иисус, вероваша в Него: нецыи же от них идоша к фарисеом и рекоша им, яже сотвори Иисус (Ин. 11, 45–46). Здесь мы уже затрагиваем тему, не касающуюся Марфы и Марии, и видим, насколько по-разному отреагировали люди на великое чудо воскрешения Лазаря. Некоторые уверовали в Господа Иисуса Христа, а некоторые пошли к фарисеям и сообщили им о том, что совершил Иисус. Надо полагать, они сделали это со злым или, по крайней мере, с нечистым умыслом. Но если даже эти люди пришли к фарисеям, думая, что и те теперь уверуют в Спасителя, сами фарисеи и архиереи отреагировали совершенно неадекватным образом. Вместо того чтобы испытать благоговейный ужас и веру, они воспылали ко Христу враждой и, окончательно решившись Его убить, составили против Него заговор. *Собраша убо архиерее и фарисее сонм и глаголаху: что сотворим? яко*

Человек Сей многа знамения творит; аще оставим Его тако, вси уверуют в Него, и приидут римляне и возмут место и язык наш. Един же некто от них Каиафа, архиерей сый лету тому, рече им: вы не весте ничесоже, ни помышляете, яко уне есть нам, да един человек умрет за люди, а не весь язык погибнет. Сего же о себе не рече, но архиерей сый лету тому, прорече, яко хотяше Иисус умрети за люди, и не токмо за люди, но да и чада Божия расточеная соберет во едино. От того убо дне совещаща, да убьют Его (Ин. 11, 47–53). Надо заметить, опасения иудеев по поводу того, что римляне захватят их народ, если они поверят в Иисуса, оказались прямо противоположными тому, что произошло в действительности. Именно потому, что они не приняли Иисуса и постоянно возмущались против римской власти, Иерусалим в конце концов был разгромлен, а иудеи, уцелевшие после расправы римских воинов с населением, были рассеяны по всему миру. О том же, как отреагировала на великое чудо Мария, повествует далее апостол Иоанн Богослов.

Иисус же прежде шести дний Пасхи прииде в Вифанию, идеже бе Лазарь умерый, егоже воскреси от мертвых. Сотвориша же Ему вечерю ту, и Марфа служаше: Лазарь же един бе от возлежащих с Ним (Ин. 12, 1–2). Какое великое чудо! Представьте себе трапезу, за которой сидит человек, несколько дней назад лежавший в гробу и уже почти полностью из-за жаркого южного климата подвергнувшийся разложению. Обратите внимание, происходит нечто подобное тому, что описывает евангелист Лука. Вновь Марфа проявляет свою практичность и желает угодить Господу Иисусу Христу, заботясь об угощении. Но теперь она понимает, что перед ней Мессия, Христос. Может быть, после чуда воскрешения Лазаря, она осознает, что Христос называется Сыном Божиим не по образному выражению – как великий человек, усыновленный Богом, – но что Он есть истинный Единородный Сын Божий. В этот раз Марфа вновь служит Господу так, как это ей свойственно, но уже, заметьте, отнюдь не упрекая Марию. А Мария делает нечто подобное тому, что она совершала раньше, но теперь ее служение выразилось в необыкновенном поступке.

Мария же приемши литру мира нарда пистика многоценна, помаза нозе Иисусове и отре власы своими нозе Его (Ин. 12, 3). Далее евангелист Иоанн сообщает живую подробность: Храмина же исполнися от вонн масти благовонныя (Ин. 12, 3). То есть помещение наполнилось благоуханием от благовония, которым были помазаны ноги Спасителя. Вновь мы видим смиренную любовь Марии. Сначала она сидела у ног Спасителя и слушала Его возвышенную речь, не отрываясь, стремясь не пропустить ни единого слова. Потом, когда Он пришел воскрешать ее умершего брата, она припала с плачем к Его ногам. И ныне она опять, на сей раз уже необычным образом, припадает к ногам Господа, совершенно не заботясь о том, что подумают об этом окружающие. В первом случае она не беспокоилась о том, что Марфа осудит ее, но делала то, что велело ей любящее сердце. Во втором – не боялась того, что скажут иудеи, и даже, вопреки здравому смыслу, не думала, что они могут подвергнуть опасности ее Учителя: не потому, что была легкомысленной, а потому, что такое здравомыслие не было свойством ее характера. Наконец, сейчас она совершает вовсе немыслимый, необыкновенный поступок: помазывает ноги Спасителя драгоценным благовонием и, более того, отирает их своими волосами. Раньше ее упрекала Марфа – вполне искренне и доброжелательно (между такими праведными людьми, как Лазарь, Марфа и Мария, не могло не быть любви). Но теперь ее упрекает, уже лукаво и совсем не доброжелательно, *един от ученик Его*.

Глагола же *един от ученик Его, Иуда Симонов Искаротский, иже хотяше Его предати: чесо ради миро сие не продано бысть на триех стех пенязь и дано нищым? Сие же рече, не яко о нищих печашеся, но яко тать бе, и ковчежец имеша, и вметаема ношаша* (Ин. 12, 4–6). Марфа действительно заботилась о практических вопросах: как лучше угодить Спасителю, как хорошо накрыть на стол, – потому что в тот момент ей представлялось это самым главным. Но Иуда только прикрывался здравыми рассуждениями: мол, надо бы позаботиться о нищих. Однако заметьте: оба они желают

отвлечь Марию от служения Господу, руководствуясь некими практическими соображениями. В обоих случаях Спаситель защищает ее: в первый раз – от любимой сестры, а теперь – от ученика-предателя. *Рече же Иисус: не дейте ея, да в день погребения Моего соблюдет е: нищия бо всегда имате с собою, Мене же не всегда имате* (Ин. 12, 7–8). Этими словами Господь не вразумил Иуду, но других учеников удержал от сочувствия предателю, чтобы они не согрешили, осуждая человека, стремящегося к духовному служению Богу. Марфа, наученная упреком Спасителя и, в особенности, чудом воскрешения из мертвых, молчала и в данном случае поступок сестры никакому осуждению не подвергала.

Каждый совершал свое служение Господу Иисусу Христу. Марфа заботилась о пище, а Мария пеклась о славе Спасителя, помазав Его ноги миром, отерев своими волосами и воздав Ему таким образом Божескую почесть. Поэтому противопоставлять Марфу и Марию можно только так: люди, занимающиеся внешними добрыми делами (раздачей милостыни или чем-либо подобным), не должны осуждать тех, кто занят сугубо духовным служением, к которому привел их Сам Господь, – прежде всего, не должны осуждать монашествующих и саму идею монашества. В то же время нельзя порочить Марфу и из одного эпизода, в котором Спаситель упрекнул ее, делать вывод, будто она заботилась только о земном. Каждый пусть занимается тем служением, к которому имеет склонность, не упрекая тех, кто служит Богу иначе.

Обычно мы рассматриваем поступок Марии во время трапезы в Вифании как символ духовного служения, так же как и ее приседение возле ног Господа. Но в данном случае духовен только мотив этого поступка – вера. Само же по себе помазание ног – это служение телесное. Возьмем обыденную ситуацию: человек умащает себя благовониями и тем самым заботится о своем теле, о том, чтобы от него исходил хороший запах, – что в этом духовного? Мария помазала ноги Господа миром, исполняя некий обычай, хотя, может быть, в несколько измененном виде: обычно миром мазали голову, как это сделала над Господом другая женщина, о которой говорят

евангелисты Матфей и Марк. Таким образом, в двух рассматриваемых нами случаях Мария поступила противоположным образом. Сначала она внимала слову Божию – потом послужила Спасителю телесно. Притом телесное служение в данном случае было не обязательно. Если в пище нуждается всякий человек, то умащение тела благовониями – это скорее излишество.

Марфа, желавшая угодить Господу угощением, упрекала Марию в бездействии. Иуда, осуждая ее, заботился (по видимости) о духовном – о нравственности, о соблюдении заповеди милосердия. Спаситель и в том и в другом случае защитил Марию. Значит, нельзя упрекать друг друга ни тогда, когда мы служим Господу телесно, через внешние добродетели, допустим через милосердие, ни тогда, когда мы служим Ему духовно, то есть внимаем слову Божию или вступаем в общение с Господом. Приседение у ног Спасителя – это не только слышание слов Божиих, но в некотором смысле и молитва. Сейчас мы обращаемся к Господу Иисусу Христу духовно, а ученики Его одновременно с этим общались с Ним телесно, то есть беседовали с Ним и внимали Его словам. Возможно, и Мария не только слушала, что говорит Спаситель, но и задавала Ему вопросы. Марфа укорила Марию за то, что духовное предпочитается телесному, Иуда Искариотский – за то, что телесное предпочитается духовному. Спаситель запрещает и те и другие упреки. Пусть каждый служит Господу так, как укажет ему воля Божия. Ни то, ни другое нельзя назвать предпочтительным. А на примере Марии мы видим, что один и тот же человек в разное время может послужить Богу и духовно, внимая словам Божиим, пребывая в общении с Господом, и телесно, но так, чтобы его поступок имел духовный смысл.

Итак, мы с вами уже сделали определенный вывод из повествования. Но я хочу еще раз обратить ваше внимание на характеры этих двух сестер, любимых учениц Спасителя, – практичной Марфы и порывистой, сердечной Марии. Обе они угождали Богу, обе любили Господа Иисуса Христа и были любимы Им. Только любовь их проявлялась по-разному. Мы

должны принимать и то и другое служение. Да, в какой-то момент Марфа поступила неправильно, но мы не должны делать из нее некий символ, а тем более символ отрицательный. Не считаем же мы, например, что апостол Петр, который трижды отрекся от Христа, – это символ предательства. Впоследствии он покался и потому стал для нас образцом покаяния и смирения. Всякий человек, даже так тяжко согрешивший, как трижды отрекшийся Петр, может быть восстановлен в своем прежнем служении, и ему может быть возвращена благодать. Апостол Петр, смевший из-за своей порывистости и непосредственности возражать Спасителю, часто подвергался укорам от Господа, однако же исправлялся и проявлял послушание. Так же мы должны думать о Марфе: она ошиблась, высказав необдуманый упрек, но была вразумлена Спасителем и, как мы видим, в дальнейшем, хотя и сохранила прежние черты своего характера, приобрела смиренную покорность своему Учителю – Господу Иисусу Христу. Вот такими мыслями я хотел поделиться с вами о своих любимых евангельских персонажах – Марфе и Марии. Не об одной Марии, а о Марфе и Марии. Без Марфы Марии было бы тяжело: кто о хлебе-то насущном заботиться будет?

* * *

Вопрос. Почему в Богородичные праздники читают Евангелие о Марфе и Марии и в конце присоединяют повествование о женщине, воздавшей хвалу Божией Матери?

Ответ. Я думаю, потому, что в служении Марии видят некое подобие служения Божией Матери. Пресвятая Дева Мария также служила Господу незаметно, тайно, внешне как будто бы ничего не делая. Как Мария, сестра Лазаря, сидела у ног Спасителя, так и Божия Мать внимала слову Божию и прилежала молитве. Поэтому Церковь прославляет образ жизни Пресвятой Богородицы.

Далее читают отрывок, в котором восхваляются Господь и Божия Мать: *Бысть же егда глаголаше сия, воздвигши некая жена глас от народа, рече Ему: блажено*

чрево носившее Тя, и сосца, яже еси ссал. Он же рече: темже убо блаженни слышащии слово Божие и хранящии е (Лк. 11, 27–28).

Блаженно чрево, носившее Тебя, то есть блаженна Та Женщина, Которая родила Того, Кто учит, что духовное выше телесного.

Вопрос. Насколько уместно монашествующим работать в благотворительных учреждениях?

Ответ. Лично я считаю, что те, кто отрекся от мира, не должны заниматься социальным служением – это развлекает. На съезде монашествующих в 1909 году эта проблема обсуждалась лучшими представителями монашества того времени. Был сделан вывод, что монастыри, если им позволяют средства, могут иметь при себе благотворительные учреждения, но работать в них должны не монахи. Хотя, конечно, это решение не было обязательным для исполнения.

Не знаю, как в наше время, но до революции некоторые обители могли позволить себе содержать какие-либо благотворительные учреждения: школы, приюты и так далее. Правда, дореволюционное правительство такими вещами злоупотребляло и, можно сказать, заставляло монастыри иметь подобные учреждения даже тогда, когда это было неуместно. В любом случае, благотворительное учреждение, если оно у монастыря есть, не должно отвлекать монашествующих от их собственной духовной жизни. Как вы сами видите, даже когда мы трудимся только для того, чтобы прокормить самих себя, то для молитвы остается не так уж много времени: буквально несколько часов в день. А что будет в приюте, где нужно еще и ухаживать за девочками?

Даже в общежительном монастыре, в котором нужно работать, на первое место все равно нужно ставить умное делание. А при нем необходимо если не полное отсутствие забот и различных попечений, то, по крайней мере, неимение пристрастий и приверженности к кому-либо. В благотворительных же учреждениях, соприкасаясь с миром, постоянно общаясь с людьми, сохранить такое устройство очень трудно. В общем, конечно, работать в таких заведениях

монашествующим неуместно, но, тем не менее, какая-то благотворительность со стороны монастыря тоже должна быть.

Вопрос. Можно ли сказать, что идущие монашеским путем должны ориентироваться только на образ Марии, а служение Марфы исполнять по необходимости?

Ответ. Почему только на образ Марии? Смотря в чем и до какой степени. Допустим, кто-то несет послушание церковницы. В каком-то смысле эта сестра служит людям, хотя и в храме: следит за чистотой и порядком, помогает во время службы и так далее. Сестры, несущие послушание в трапезной, также служат людям, и это совершенно естественно. Своими способностями мы служим друг другу. Неважно, у кого какие способности: в монастыре все равны и каждый делает то, что он может. Не то, что хочет, а то, что может. Один своим трудом, может быть, много зарабатывает для монастыря, другой – какие-то копейки. Однако если кто-то не будет готовить для тебя обед, накрывать на стол, мыть за тобой посуду, значит, ты должна будешь все это делать сама и у тебя не будет времени спокойно заниматься своим послушанием. Надо помнить, что наша основная цель заключается не в том, чтобы написать икону, красиво спеть или сделать перевод какой-нибудь душеполезной книги, а в том, чтобы созидать собственную душу для вечной жизни. И в этом смысле совершенно безразлично, чем занимается та или иная сестра: моет пол, пишет иконы, читает на клиросе или выполняет обязанности уставщицы. Один человек, может быть, прекрасно пишет иконы, но в духовной жизни оказывается нерадивым, а другой день и ночь моет посуду, однако стяжал непрестанную молитву.

По-настоящему духовный человек никогда не упрекнет того, кто несет более скромное послушание. Нельзя, подобно Иуде Искаротскому, упрекать другого в том, что его служение – напрасная трата времени, тогда как он мог бы сделать доброе дело; или, подобно Марфе, говорить, что нужно больше заботиться о практических вопросах, а духовное можно делать как бы между прочим. Спаситель порицает в этом случае позицию и Иуды, и Марфы, защищая тех, кто совершает

правильное служение, безразлично: телесное или духовное – лишь бы оно было уместным и своевременным.

Поэтому не нужно говорить, что монашество – это исключительно Мариино служение в том смысле, как оно описано в эпизоде, в котором Спаситель упрекнул Марфу. Монашество включает в себе и телесное и духовное служение, в зависимости от необходимости. Можно вспомнить два евангельских эпизода: Марию, которая слушала Спасителя, сидя у Его ног, совершая тем самым духовное служение, и Марию, помазавшую ноги Господа миром, что в некотором смысле можно назвать телесным служением.

О мужестве в борьбе с помыслами¹⁷⁰

Для тех, кто хотя бы из любопытства читает святоотеческую литературу, необходимость борьбы с помыслами – вещь, казалось бы, очевидная. Тем не менее некоторые думают, что к ним это не имеет отношения, что им не нужно бороться со своими помыслами. Такие люди отказываются видеть свои страсти, отказываются осознавать их, находят им оправдание, как будто это не страсти, а добрые чувства.

Однако сам факт того, что человек поддается действию этих «добрых чувств» и не может с собой совладать, говорит, конечно, о его страстности. Под страстностью я подразумеваю не силу чувства, а его, так сказать, греховную окраску. В человеке действует пристрастие к тому или иному предмету, и он оказывается во власти некоего неудержимого чувства. Если духовные руководители препятствуют ему исполнить это влечение, то он видит в этом не попытку избавить его от действия страсти, а воспринимает это как невозможную, нестерпимую скорбь. Он настолько дорожит своей страстью, настолько дорожит своим согласием с каким-либо греховным помыслом или соблазном, что ему представляется, будто невозможно жить, если его лишат этого чувства.

Страсти проявляются в человеке по-разному. Иногда так, что он ужасается им, страдает от их действия. А иногда так, что он воспринимает их как нечто естественное. Если в нас действует страсть, которой мы в основном не подчиняемся, которая нам отвратительна или которую мы хотя бы осознаём, тогда мы страдаем от ее действия. Скажем, если человек ведет целомудренный образ жизни и стремится к совершенному целомудрию и вдруг в нем откровенно, а не потаенно начинает действовать блудная страсть, то он, конечно, воспринимает это как мучение. Возможно, иной раз он и услаждается этой страстью, поддаваясь обаянию помыслов, но одновременно он испытывает и некую муку, дискомфорт и старается от нее избавиться.

Повторю: иногда страсть действует так, что человек неосознанно воспринимает ее как некое естественное движение своего существа. Можно поразмышлять над примером блудной страсти. Мы, собравшиеся в монастыре, отрекшиеся от брака и семьи, осознаём влечение к лицам другого пола как запретное, чуждое нам, как понуждающее нас стремиться к тому, чего мы не хотим, от чего мы отказались и что на самом деле нам отвратительно. Но в миру почти все люди стремятся к этому, за исключением, может быть, тех, кто от природы имеет холодный темперамент. Даже православные христиане, находясь в лоне Церкви и понимая, что такое блуд, стремление к браку считают естественным. Они оправдывают это влечение и считают, что его невозможно победить и необходимо ему покориться.

В нашей стране, по разным подсчетам, от пяти до десяти миллионов православных воцерковленных людей. Но из этого огромного числа христиан лишь небольшой процент стремится к монашеству. Повторю, что даже верующие люди в большинстве своем оправдывают влечение к противоположному полу, называя его любовью, стремлением к деторождению. (Я не говорю, что это плохо: Церковь это позволяет.) Однако мы можем избавиться от этого влечения своим собственным произволением, – конечно, с Божией помощью. Это пример разного отношения монашествующих и мирян к одному и тому же чувству, естественно присущему, как кажется, всякому человеку.

В отношении блудной страсти как будто все ясно. Но есть страсти, которые для нас не очевидны, потому что мы с ними срослись. Как миряне срослись с мыслью о том, что брак – это вполне законное и естественное явление, и даже не задумываются о том, что возможен иной образ жизни, так и мы представляем себе наши некоторые страсти чем-то естественным. В первую очередь, это гордость, тщеславие и уныние, понимаемое, с одной стороны, как грусть, скука, а с другой, как лень, нерадение. Иногда и блудная страсть также проявляется не в откровенной форме, а в каком-либо «приличном» виде. Пристрастие к человеку иного пола

прикрывается, скажем, необходимостью заботиться о его спасении.

Если даже такая откровенная и мучительная страсть может преобразиться в нашем сознании в нечто «приличное» и заслуживающее оправдания, что уж говорить о гордости! Гордости мы не замечаем совершенно. Надменность, высокоумие, самонадеянность, презрение к ближним и прочие проявления этой страсти стали для нас чем-то само собой разумеющимся. Мы даже не замечаем восстания этой страсти против нас, поэтому не ведем с ней никакой борьбы, ведь борьба бывает только тогда, когда мы видим своего врага. Мы вообще не отделяем себя от страсти гордости так, как отделяем, например, от такой очевидной и мучительной страсти, как блудная.

Когда нашу страсть пытаются пресечь (допустим, старица или старший по послушанию), мы воспринимаем это как посягательство на нашу личность, как вторжение в нашу внутреннюю жизнь, думаем, будто нам хотят сделать плохо. В действительности, если какой-то человек смирил нас, пусть и нечаянно, например обидев или унизив нас, то это нам полезно, — конечно, в том случае, если мы ищем, жаждем смирения, относимся к нашей нравственной жизни разумно. Однако мы ведем себя безумно, не отделяя страсть от своего существа, не разделяя себя с тем, что на самом деле противоестественно, что враждебно нам, разрушительно для нас. Поэтому в нашей монашеской жизни и бывают различные скорби.

Скорби находятся не то чтобы в нашем воображении, но в области, как выразились бы философы, субъективной жизни. На самом деле они не являются злом. В зависимости от нашего расположения, от нашего отношения к ним, скорби превращаются для нас в страдание или, наоборот, приносят нам пользу, избавляют от страсти и через смирение, через пресечение стремления к злу привлекают в наше сердце благодать Божию — и в конечном счете приносят утешение. Получается, что какое-либо событие для одного человека является средством к тому, чтобы стяжать благодать

Божью и испытать духовные чувства: покаяние, внимание в молитве, умиление, мир душевный, неземной покой, глубочайшее смирение, любовь к Богу и ближнему, – а для другого становится поводом к тому, чтобы в душе его начался раздор, чтобы он стал ощущать смущение, постоянное беспокойство, опустошение. Причина не в самом событии, а в нашем отношении к нему. Поэтому я назвал скорби областью субъективного.

Человек, который не отделяет себя от страсти и считает, допустим, свое достоинство чем-то важным, существенным, – конечно, будет страдать даже оттого, что его одернули, когда он опоздал на послушание. Или оттого, что кто-то на него косо посмотрел или, наоборот, проходил мимо и, задумавшись, не поклонился ему. Уже от одного этого в его душе начинается борьба. Нам нужно учиться замечать в себе страсти.

Иногда мы поддаемся страсти на протяжении многих лет, может быть, с того времени, как только начали осознавать себя. Возможно, существуют и врожденные страсти, потому что некоторые из них проявляются даже у младенцев, например своеволие. Ребенок кричит, требует своего, и мать вынуждена исполнять его капризы. Он еще ничего не понимает, а страсть в нем уже действует. Об этом говорит в своей «Исповеди» блаженный Августин, приводя, таким образом, очень тонкое доказательство существования в человеке первородного греха.

Итак, есть страсти, которых мы не осознаём, не чувствуем. Я говорю здесь именно о блудной страсти и о гордости, тщеславии, потому что первая является для нас примером очень явного действия, а вторая, наоборот, примером наиболее скрытого действия. В то же время гордость тоже в некотором смысле очевидна – очевидно, что мы не замечаем этой страсти.

Очень мудро сказал о скрытых страстях преподобный Иоанн Лествичник: некоторые искренне считают себя грешниками, но обличение обнаруживает тайное мнение сердца. Мы действительно думаем о себе, что мы грешники. Но вот нас кто-то обличил: сознательно, ради нашего смирения (как это могут сделать старица, духовник или настоятельница), или нечаянно, а может быть, и со злым умыслом – и тут вдруг

обнаруживается то, что мы думаем и чувствуем на самом деле, то, что является нашим настоящим убеждением. Убеждение – это достояние не ума (той части человеческого духа, которая находится в голове и действует через мозг), а сердца. Обличение обнаруживает то, в чем мы на самом деле убеждены: считаем ли мы себя грешниками или праведниками.

Все мы молимся целый день: «Помилуй мя грешную, помилуй мя грешную», а когда доходит до дела, то вдруг оказывается, что какая-нибудь ничтожная девчонка (извините, я так выражаюсь просто для того, чтобы подчеркнуть, что мы люди ничего не значащие) воображает, что она праведница. Это странно, но это пример, показывающий абсурдность нашего внутреннего устройства. Обличение выводит наружу то, что мы о себе думаем. Человек, который целый день говорит: «Помилуй мя грешную», кажется олицетворением евангельского мытаря. Но только скажи ему что-нибудь – и вдруг обнаруживается, что это не мытарь, а фарисей. Мало кто действительно может сказать о себе, что смирение стало его сердечным убеждением.

Осознавая, по крайней мере теоретически, свое сращение со страстями, мы должны научиться отстраняться от них и взирать на них со стороны. Мы должны посмотреть на себя, так сказать, свежим взглядом, увидеть себя в неожиданном ракурсе. Может быть, тогда мы осознаем в себе действие не только тех страстей, которые почти не осязаемы, – таких как гордость, тщеславие, – но и, неожиданно для себя, страстей грубых. Вполне возможно, что мы заметим, например, чревоугодие. А может, и блудную страсть, проявляющуюся в пристрастии к кому-либо или в странной мотивировке наших поступков. Окажется, что мы не такие уж хорошие. И тогда, собственно, наступит время борьбы.

Слава Богу, у нас в монастыре есть возможность откровения помыслов старице. Вы приходите к ней и, поскольку настроены искренне, рассказываете обо всем, что сами за собой замечаете. Конечно, нужно говорить не только о помыслах, но и о поступках. Вообще, под откровением помыслов нужно понимать исповедь подробную до такой степени, что мы рассказываем не только о поступках, но и о помыслах. А не

наоборот – рассказываем только о помыслах, а о поступках забываем. Подразумевается, что человек, который открывает помыслы, поступков почти не совершает: вся борьба происходит у него в душе, почти не выплескиваясь наружу. Как говорит об этом святитель Игнатий (Брянчанинов), у искусных подвижников нельзя даже угадать по лицу, что внутри них происходит борьба.

Итак, когда мы открываем помыслы, стараясь рассказать о себе беспристрастно (а этому нужно учиться), тогда старица может до некоторой степени судить о нашем состоянии. Нужно иметь в виду: как вы о себе расскажете, таким будет и вывод. Если старица ошибается, то это прежде всего потому, что вы сами рассказываете о себе неправильно. Иные же стараются себя всегда оправдывать. Как говорит Лествичник, некоторые даже исповедуются в грехах со страстью. Например, сестра с таким увлечением рассказывает о том, как поссорилась с другой сестрой, что тут же опять начинает гневаться на эту сестру. И если старица вдруг говорит, что так поступать не следует, то сестра воспринимает это как удар в спину: как же так, ведь ее должны поддержать, подтвердить, что она поступила верно, а другая сестра, наоборот, не права! А тут старица вместо ожидаемой духовной поддержки (то есть оправдания страсти) вдруг начинает укорять, и сестра выходит с исповеди совершенно расстроенная. «Нет мне пользы от откровения помыслов, – говорит такая сестра, – вместо ободрения одно укорение».

Подобное явление действительно очень распространено. Мы желаем самим себе оправдания, желаем утешения не в том смысле, чтобы нам простили наши грехи, а в том, чтобы их назвали добродетелями, а добродетели назвали соответственно если не грехами, то глупостью. Тот, кто ведет себя добродетельно, – глупый, а тот, кто ведет себя греховно, – справедливый. Приблизительно так. Мы всегда правы, значит, и старица должна проявить справедливость. Некоторые, наверное, сочли бы старицу особенно мужественной, если бы она пошла и устроила скандал обидчице. А когда мы не получаем ожидаемой реакции, то вместо того, чтобы осознать

свою греховность, начинаем думать, что старица настроена к нам неприязненно, враждебно, что она нас не понимает. А как она должна понимать человека, который согрешил? Разве она должна оправдать его грех? Или сама согрешить тоже? Но старица или духовник должны осудить греховный поступок, они имеют на это право. Конечно, осудить не в том смысле, чтобы отринуть и презреть свое духовное чадо, а в том, чтобы рассудить, что в его поведении плохо, а что хорошо, что правильно, а в чем ошибка, и таким образом, через осуждение греха, неразумия, ошибок, научить человека вести себя правильно.

Кроме того, старице нужно учитывать то, что она слышит о своем духовном чаде от других людей. Жизнь в монастыре замкнутая, и, конечно, послушницы говорят старице друг о друге. Также старшие сестры, прежде всего старицы и благочинная, совещаются о поведении сестер, так сказать делятся информацией и решают сложные вопросы. Таким образом, о сестре становится известно что-то еще. К этому нужно относиться с расположением, а не воспринимать как некое враждебное действие, своего рода агрессию по отношению к себе, которой ты должна постоянно противостоять, то есть отстаивать свою правоту и свое положение перед старицей. Нужно быть покорной, послушной и готовой вытерпеть все, даже если произойдет какая-то ошибка и несправедливость. Возможно, старица ошиблась – все равно это принесет пользу. Если эта ошибка касается не существенных вопросов духовной жизни, а того или иного нашего проступка, то пусть нас даже накажут за то, чего не было, и это принесет нам смирение. Некоторые мудрые духовные руководители даже нарочно клеветали на своих духовных чад, для того чтобы был повод их наказать и таким образом смирить. Такие случаи описывает Иоанн Лествичник. В «Отечнике» также есть повествование о том, как один монах страдал от блудной страсти. Никакие советы ему не помогали. Тогда старец предпринял такое действие: уговорил некоторых из братии, чтобы они оклеветали этого монаха, будто он вор. Те знали, что это неправда, но начали распространять такие слухи.

Все стали этого монаха презирать и упрекать. Раньше, когда он встречался со старцем и тот спрашивал его: «Ну как, помогают тебе мои советы, лучше тебе?» – он отвечал: «Да нет, ничего не помогает». После того как эта клевета разошлась, старец при встрече опять спросил у него: «Ну что, есть у тебя блудная брань?» «Какая, – говорит тот, – брань! До этого ли мне!» Таким искусным образом старец его исцелил.

Вы тоже должны быть готовы вытерпеть от своих стариц и от настоятельницы все что угодно: и справедливое и несправедливое. Вы должны приходить на исповедь, как осужденный на казнь: помилуют – хорошо, казнят, – значит, так и должно быть.

Понятно, что наши старицы не такие, как Амвросий Оптинский или древние преподобные матери: у них нет такого громадного духовного опыта и такой сверхъестественной мудрости. Тем не менее рассуждения и опыта у них гораздо больше, чем у вас, поэтому им нужно доверять. Они старшие – старшие по преуспеянию. Как хорошо об этом выразился Иоанн Кассиан Римлянин, менее опытные монахи подчиняются предупевшим. Может быть, когда-то вы и будете опытными и мудрыми, как Соломон, но в настоящий момент старицы опытнее вас. Вот их преимущество. Более опытных мы назначаем, чтобы они руководили менее опытными. Если вы стремитесь к духовному преуспеянию, то подчиняетесь им разумно, добровольно, сознательно, а не так, будто это ваше начальство. Если вы будете думать о них, как о начальстве, то это ничего не даст, потому что не будет доверия и соответственно не будет послушания. Итак, первое средство борьбы со страстями – это откровение помыслов и послушание.

Есть другое средство, не менее, а может быть, и более важное. Хотя святитель Игнатий говорит, что для новоначальных более важно откровение помыслов, потому что оно помогает увидеть ту страсть, которую человек в себе не замечает, к которой он привык так, что сросся с ней. Кроме того, откровение помыслов помогает обрести и другое средство борьбы, более могущественное, кардинальное, важное.

Собственно, ради него люди даже отрекаются от мира, и в нем состоит смысл монашества. Но для новоначальных это средство менее доступно. Я говорю о молитве.

Не нужно думать, что эти два средства противоречат друг другу. Человек, имеющий возможность открывать помыслы и таким образом получать назидание, никогда не пренебрежет этой возможностью, хотя бы он был весьма преуспевшим. А мы, глупенькие и убогонькие (самое глупое и убогое то, что мы не видим своих глупости и убожества), проявляем гордость, надменность, самоуверенность. В своей слепоте человек совершает нечто нелепое, но поскольку он одержим страстью, ему все представляется правильным. Еще раз повторю: в нас много страстей, которых мы не замечаем.

Преподобный Нил Сорский говорит, что есть несколько степеней действия греховных помыслов: сначала прилог, затем сочетание, сосложение, пленение и, наконец, страсть. Если человек на протяжении многих лет, по крайней мере в сознательном возрасте, принимает все помыслы той или иной страсти, соглашается с ними, то в конце концов они перерастают у него в страсть. Допустим, человек становится склонным к гордости, тем более что в школе нас учили быть гордыми, повторяя: «Человек – это звучит гордо». В нас якобы воспитывали чувство собственного достоинства. На самом деле нас учили не тому, что приводит к достоинству, а одному только голому, ничем не подкрепленному чувству достоинства. То есть человек может быть глупым, ничего не значащим, ничего из себя не представляющим, но при этом преисполненным чувства собственного достоинства – на основании того, например, что является представителем высшего класса человекообразных обезьян (с точки зрения дарвиновской теории). Такое горделивое человекообразное существо считает свое поведение совершенно нормальным и никаких страстей в себе не замечает, в то время как они определяют мотивы его поступков, вообще являются его вторым естеством. Когда он оказывается в таких условиях, в которых его страсти стеснены, для него начинается мучение. Хорошо, если человек осознаёт, что он мучается

оттого, что имеет в себе страсть. Но иногда ему кажется, что его угнетают, мучают, истязают – прежде всего, конечно, старица, потом старшие по послушанию и, наконец, настоятельница. Поэтому в монастыре и бывает трудно. Не потому, что здесь на самом деле тяжело, а потому, что наши страсти противятся такому образу жизни, который отсекает их от нашего естества. Сам монастырский режим, монастырские порядки уже до какой-то степени стесняют наши страсти.

Я немного отвлекся, вернувшись к описанию того, как действуют страсти. Теперь поговорим о втором способе борьбы со страстями, очень важном, очень действенном, но не всем доступном (в особенности это касается новоначальных). Речь идет о борьбе с помыслами через молитву. Здесь брань принимает совершенно откровенную форму. Человек фактически один на один вступает в борьбу с демонами, и они обнаруживают себя так, что едва только рога не показывают. А мы обнаруживаем перед Богом все свои немощи и, наоборот, все добрые стороны своего характера, допустим твердость, ревность, терпение. Более того, не только обнаруживаем, но и воспитываем их в себе.

Собственно, сама эта борьба и ведет к изменению человека. Откровение помыслов и послушание очень помогают в этом, но кардинальным образом меняет человека именно борьба с собой или с грехом, дьяволом при помощи молитвы. Неважно, что мы назовем нашим врагом: дьявола, плоть или мир, – в конечном счете мы боремся сами с собой. Ведь если бы в нашем естестве не было дурной склонности, то и демоны не могли бы приражаться к нам и искушать нас через помыслы, и мир также не мог бы соблазнить нас своими мнимыми прелестями. Или не мнимыми – в зависимости от того, как истолковать слово «прелесть». В христианском смысле, мирские соблазны, собственно, и есть прелесть, которой мы не должны поддаваться. А если толковать слово «прелесть» традиционно, как нечто красивое, приятное, то мир предлагает нам мнимую прелесть, мнимую красоту, мнимую приятность.

Мы говорили, что при откровении помыслов старице нам необходима полная искренность. Это потому и называется откровением, что мы открываем душу до дна и без остатка своему руководителю (у нас в монастыре это старицы, у других людей – духовник или, может быть, опытный в духовной жизни друг). Мы должны рассказать старице все, может быть, даже постараться до какой-то степени припомнить все помыслы (правда, тут есть опасность, что мы опять начнем ими увлекаться). Когда же мы боремся с грехом при помощи молитвы, необходимо нечто противоположное: перед Богом нужно все забыть, убрать из молитвы, из обращения к Богу все недостойное Его величия, Его славы, Его благодати и прочих Его Божественных свойств.

Однако мы часто ведем себя неразумно: во время молитвы вспоминаем те или иные грехи, якобы с целью рассказать их старице, и заканчиваем тем, что теряем всякое внимание. В молитве нужна сугубая сосредоточенность любой ценой. Иногда вплоть до подражания тем подвижникам, которые совершенно абсурдным образом утверждали, что того или иного греха не было, лишь бы только не отпасть от Бога в молитве, соединиться умом с Богом.

Любая действующая в нас страсть проявляется во время молитвы. Допустим, нам кажется, что мы ведем себя как должно: например, проявляем дерзость, потому что это якобы нужно для того, чтобы хорошо исполнить послушание. Но когда мы молимся, то видим эту страсть, потому что она начинает мешать молитве. Помысел становится навязчивым, требует к себе внимания, соблазняя нас своей мнимой справедливостью. Старец Силуан Афонский с глубочайшей мудростью сказал о том, что зло всегда прикрывается видом добра. Как когда-то диавол обманул наших прародителей, представив нарушение заповеди чем-то добрым, так и сейчас обманывает нас. По словам апостола Павла, преступление Адама и Евы было образом будущих преступлений. Диавол многое представляет нам добрым в соответствии с нашими страстями.

Условно можно выделить восемь главных страстей. В действительности, как выразился один святой отец, они

тьмочисленны. Страсти входят в различные сочетания и комбинации друг с другом и образуют бесконечные вариации греха – хитросплетенные сети дьявола. Иногда трудно определить точно, какая именно страсть в нас действует. Важно понимать, что если какое-либо чувство или мысль отвлекают нас от молитвы, значит, это страсть. Если во время Иисусовой молитвы я внимательно думаю о ближнем, например о том, что ему нужно помочь, то это не любовь, а пристрастие к ближнему, – по крайней мере, в данный момент. Противоречия между любовью к ближнему и молитвой быть не может. Любовь к ближнему не может мешать любви к Богу. Истинная любовь к ближнему раскрывает в человеке способность к молитве, дает ему внимание.

То, что я сейчас скажу о благодати Божией, возможно, покажется вам странным. Но это очень важный момент, хотя и простой. Это необходимое условие для правильного восприятия новоначальными своих духовных переживаний, в особенности при молитве. Мы руководствуемся учением святителя Игнатия (Брянчанинова) и считаем, что признаком правильной духовной жизни является покаяние. Безусловно, это так и об этом нужно помнить. Но для новоначального покаяние – это только ориентир, цель, к которой он должен стремиться, добродетель, которую на сегодняшний момент он еще не приобрел. Поэтому для новоначального благодать – это не покаяние, а внимание (я выражаюсь так утрированно для того, чтобы лучше запоминалось). Хочешь узнать, есть ли у тебя благодать? Есть внимание, – значит, есть благодать. Больше внимания – больше благодати, меньше внимания – меньше благодати. Можно еще так сказать: хочешь, чтобы тебя посетила благодать, – значит, хочешь, чтобы тебя посетило внимание. Я имею в виду, конечно же, внимание не друг к другу, а внимание в молитве, внимание к своей внутренней жизни.

О том, что внимание есть благодать, говорит и Евангелие. После откровения о судьбах мира Спаситель дал Своим ученикам назидание: *Блюдайте, бдите и молитесь* (Мк. 13, 33). В этих трех словах всеобъемлюще, прекрасно сказано о необходимости внимания к своей духовной жизни. Каждый

должен время от времени напоминать себе эти слова. *Блюдите, бдите и молитесь*: смотрите за собой, не засыпайте, то есть не погружайтесь в духовный сон, не поддавайтесь действию страстей, искажающих в наших глазах действительность. И молитесь, потому что без этого невозможно сохранить бодрствование. Как передает слова Спасителя евангелист Лука, *бдите убо на всяко время молящися* (Лк. 21, 36). Таким образом, Сам Господь Иисус Христос проповедует нам внимание.

Если вы хотите, чтобы благодать посетила вас так же, как Серафима Саровского во время беседы с Мотовиловым, то я за вас опасаюсь. А если хотите по-настоящему почувствовать благодать, то имейте такой критерий, как внимание. Это соответствует евангельскому учению. Конечно, это не значит, что должно быть только внимание. Будут и другие всевозможные, самые прекрасные духовные чувства, но самое первое и самое главное – внимание. Оно сопутствует молитве и вообще духовной жизни от начала и до конца. Внимание, постепенно развиваясь, в конце концов превращает человека в некий сосуд благодати, или, правильнее сказать, в чудное существо, внутри которого содержится Царство Небесное. Поэтому когда мы молимся, то должны понимать, что благодати можно искать, но не в смысле некоей сладости (хотя это тоже придет), а в смысле внимания. Вот несомненный, не прелестный, не обманчивый ориентир.

Когда происходит борьба и обнаруживаются страсти, мы должны сохранять внимание, потому что диавол борется прежде всего за наше внимание. Он отвлекает наш ум всевозможными соблазнительными помыслами. Иногда это бывает совершенная чепуха, нелепость: допустим, какая-нибудь конфета. Казалось бы, какой может быть грех в конфете, подумаешь, конфета! Но если мысль о конфете или, например, какая-нибудь мелкая обида всплывают во время молитвы и отвлекают нас от нее, от любви к Богу, то, значит, в нас очень сильно действует страсть, хотя предмет страсти действительно пустяковый. Если такой пустяк лишает нас Бога, значит, мы, образно говоря, любим свою страсть больше, чем

Бога. Поясню: допустим, если во время правила я вспомнил, например, как сестра бежала по коридору, толкнула меня и не успела попросить прощения, если вместо молитвы начинаю думать, почему же она так поступила, и ужасно страдаю, то я страдаю не от этой пустяковой обиды, а из-за гордости, которая лишила меня благодати Божией, лишила меня Бога.

Я уже говорил о том, что иногда соблазны являются нам под видом добра. Но, по сути, зло всегда нас искушает, прикрываясь личиной добра. Можно сказать, что одни из этих соблазнов прикрываются более искусно, а другие – менее. Так сказать, волки одеваются в овечьи шкуры и в таком виде являются нашему сознанию. В этом сила соблазна. Мы как будто бы устремляемся умом к добру. Если бы мы делали зло осознанно, то были бы демонами. Демоны сознательно восстали против Бога, их никто не обманывал. Вопрос о том, могут ли демоны покаяться, абсурден по той причине, что они уже сделали окончательный выбор. Они могли покаяться, но не захотели этого сделать и произвольно утвердились в своем состоянии. Демоны всегда стремятся к злу и сознательно делают зло.

Человек же, пусть даже самый страшный злодей, всегда ищет себе оправдания и хочет изобразить свое преступление добрым хоть в каком-то отношении, пусть даже добрым только для себя. На самом деле, если человек делает зло, то оно затрагивает и его самого. Если я совершаю убийство, то убиваю не только другого человека, лишая его жизни, но и свою душу, страшным смертным грехом лишая ее благодати и милости Божией. Но мы этого не видим. Когда преступник совершает такой страшный грех, он оправдывается тем, что ему это было необходимо, скажем, для того, чтобы потом сделать для себя что-то приятное (то есть удовлетворить какую-нибудь страсть). А приятное он отождествляет с добром. Человек всегда пытается более или менее убедительно придать греху вид если не добродетели, то чего-то нужного, полезного, прекрасного.

То же самое происходит в нашем сознании. Всплывают помыслы, кажущиеся добрыми. Но уже по тому, что они отвлекают нас от молитвы, мы видим, что это действует

страсть. Об этом говорит, например, Нил Сорский. Его книга весьма полезна, она никогда не устареет. Это своего рода лаконичное изложение святоотеческих сочинений, в особенности исихастских, написанных в период с IV по XV век. Можно сказать, это изложение исихастского учения для русских. Нил Сорский сам был опытейшим исихастом, или безмолвником, и потому очень точно изображает все основные моменты и тонкости внутренней брани. Он говорит о том, что помыслы бывают благословные и неблагословные, иначе говоря оправданные и неоправданные. Но во время молитвы даже благословные, то есть вроде бы оправданные, помыслы являются греховными. Если во время послушания человек думает о том, чтобы хорошо его исполнить: допустим, в швейной мастерской думает о том, как получше что-либо сшить, – то это уместно, прекрасно. А если он думает об этом во время правила, значит, в нем действует та или иная страсть: может быть, уныние, или какой-то страх, или любовь к суете. Я сейчас не использую традиционные термины, потому что трудно подвести какое-либо душевное движение под одну из восьми главных страстей известной классификации. Важно заметить именно действие страсти.

Мы видим, что молитва обличает в нас страсть, может быть, с еще большей силой, чем откровение помыслов. Более того, если в человеке не будет внимательной молитвы или по крайней мере понуждения себя к внимательной молитве, то ему, собственно, незачем открывать помыслы – он их не видит. Благодать Божия просвещает разум человека, чтобы он видел то, что обычно люди не видят, то есть свою душевную жизнь, чтобы он наблюдал за нею. Ведь душевная жизнь человека даже и с философской точки зрения является средоточием жизни вообще. Все, что мы знаем о мире, находится не в компьютере, а в нашей душе. Поэтому, если мы не следим за своей душой, то весь мир в наших глазах искажается. Все понимается превратно, иногда это может доходить до абсурда. Например, на Востоке существуют учения, согласно которым действительность призрачна. Будда учил, что сознание человека образовано случайным сочетанием неких психических

частиц, своего рода атомов, но не материальных, а духовных. Действительности как таковой нет, а есть только деятельность сознания. Когда человек осознаёт это, то пусть все вокруг плохо, все наполнено страданием, но частицы становятся на свои места, сознание прекращается и наступает блаженство. Правда, кто блаженствует, непонятно: ведь никого нет. Но внутри этой религии такое состояние считается блаженством – нирваной.

Это пример того, как можно прийти до столь абсурдного восприятия действительности – полного ее отрицания. Вот что может сделать с человеком страсть! В буддизме это настолько очевидно, что его даже называют религией отчаяния. Эта религия утверждает, что все плохо, что все – страдание, поэтому выход из положения только один – прекращение сознания. Это своего рода самоубийство, только не телесное (индусу не так просто себя убить, потому что он верит в перевоплощение душ): нужно сделать так, чтобы частицы души как бы распались, и тогда все будет прекрасно.

Каким человеком был Будда с точки зрения православного учения? Как он вел себя по сравнению с тем, как ведет себя христианин? Христианин – это человек, который старается вернуться к своему естественному состоянию, стать таким, каким сотворил его Бог, каким он был до грехопадения. Будда же был чрезвычайно гордым человеком и до того, как он получил свое мнимое знание, и тем более – после того. И поэтому, ослепленный страстью, он видел действительность искаженно.

Может быть, не в такой степени, но страсть и в наших глазах искажает действительность. Наши глаза и уши устроены одинаково, но видим и слышим мы по-разному, потому что в нас действуют разные страсти. Если бы мы все были исполнены Духа Святого, если бы Евангелие стало нашим существом, нашей жизнью, наполнило наше сердце, тогда мы на все смотрели бы одинаково, все видели бы правильно. Поэтому, наблюдая в себе страсть, мы не должны ее оправдывать. Если мы видим, что какая-либо мысль – ничтожная она или великая, красивая или безобразная – отвлекает нас от молитвы, от

любви к Богу, которая и любовь к ближнему делает правильной, подлинной, то мы должны воспротивиться этому всеми силами своей души.

Я скажу кратко о том, как нужно бороться с помыслами, хотя этот важный аспект проблемы и не относится к теме данной беседы. Остановлюсь на одном моменте, имеющем практическое значение. Допустим, в нашем уме изображается какой-либо помысел. Как именно он изображается, это для нас сейчас не так важно. Это могут быть воспоминания или впечатления, возбуждаемые в нас дьяволом, какой-либо образ (скажем, лицо другого пола). Это может быть, в конце концов, действие нашего воображения. Под воображением я подразумеваю способность не только представлять какие-то предметы, но и придумывать ситуации, которых на самом деле не существует и никогда не существовало. Например, голодный человек представляет себе всякие кушанья, а человек, у которого действует страсть гнева, представляет, как его обижают, – воображение тоже имеет очень большое значение в возникновении помыслов. И эти картины через чувства поступают в наше сознание, входят в душу.

Может быть, я говорю об этом примитивно или даже неправильно, но я вижу это именно так. Помыслы возникают в нашем уме через память, чувства, рассудок и воображение. Через них мы искушаемся. Как помыслы проникают в ум – дьявол ли их там возбуждает, или какой-то предмет сам по себе вызвал страсть, – это не так важно. Важно то, что наше естество пришло в движение и в нашем сознании возник некоторый мысленный предмет, который нас привлекает и к которому мы устремляемся. Допустим, в воображении гневливого человека (вернемся к нашему примеру) представляется, будто его кто-то оскорбил. Он вступил с ним в спор, потом началась драка, он убил обидчика, потом стал мстить его родственникам – и так далее и так далее, в зависимости от того, насколько сильна у человека страсть гнева. Иной может остановиться на том, что они как будто друг друга ударили, и хватит. А тот, у кого страсть действует сильно, может простираť свой гнев на целые поколения: мол, всех их

надо истребить, уничтожить. Бывает, люди ненавидят какую-то национальность. Например, кто-то столкнулся с евреем (больше всего у нас не любят именно их), и тот, как ему показалось, его обхитрил. Он на этого еврея обиделся. Но мало того, что он обиделся на конкретного человека – на Хаима, допустим, – он обиделся и на всех евреев: они, мол, все такие. И мало того что, по его мнению, все евреи такие – они вообще всегда такими были. Таким образом, гнев человека распространился на весь еврейский народ: на все поколения, которые когда-либо жили, живут и будут жить. Многим это кажется нормальным. Может быть, и среди нас есть люди, которые согласились бы с этим человеком. А на самом-то деле тут фактически действует страсть гнева.

Известно, что многие национальности традиционно ненавидят или презирают друг друга: например, у немцев и французов на протяжении столетий была вражда государственного, межнационального масштаба. Суть дела состоит в том, что начинается с малого, что обида на конкретного человека потом может разрастись, принять абсурдные размеры. То же можно сказать и о любой другой страсти: о блудной страсти, гордости, тщеславии. Страсть ненасытна. Она не может насытиться чувственными предметами, удовлетворить себя чувственно – ей этого мало, потому что страсть – это состояние души. Она есть как бы ненасытное чудовище, ей мало совершить реальный грех, она стремится к новым и новым грехам в воображении. Ей нужна какая-то пища, пусть даже и не грех на деле, а насыщение помыслами.

Страсть привлекает человека своей мнимой справедливостью и лишает его молитвы, лишает самого главного и основного ее признака – внимания. А ценность молитвы – во внимании, как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов). Нет внимания, – значит, практически нет и молитвы. Ум человека отвлекается от молитвы иногда на какой-то, как нам кажется, пустяковый предмет. На самом деле он не пустяковый, раз лишает нас Бога. Мы должны помнить, что Иуда Искаротский соблазнился ничтожной суммой –

тридцатью сребрениками. Как бы толкователи ни доказывали, что для того времени это довольно большая сумма, по отношению к тому преступлению, которое совершил Иуда, она все-таки ничтожна. И мы удивляемся: как же он мог за тридцать сребреников продать Христа?! Но дело не в сумме, а в том, что он был сребролюбив. Сумма-то маленькая, зато страсть могущественная, полностью завладевшая человеком. Иоанн Богослов пишет, что Иуда был вором. А раз он был вором, – значит, уже был подвержен страсти сребролюбия до такой степени, что не владел собой и поэтому совершил такое преступление. Ничтожный повод, таким образом, не извиняет действия страсти, потому что он может привести к ужасному преступлению.

У того, кто молится, есть прекрасный критерий для того, чтобы различать, что хорошо и что плохо. То, что мешает молитве, – плохо. Понятно, что не нужно впадать в крайности: есть время, которое мы должны посвящать каким-то своим делам и заботам. Тогда нельзя требовать полного, беспредельного сосредоточения на молитве. Но когда мы молимся на правиле или богослужении, тогда наши страсти вылезают наружу, и мы должны беречь от них свое внимание. По мере того как наше внимание перетекает от молитвы к помыслу, молитва становится все более и более пустой, почти перестает быть молитвой. И в конце концов мы либо повторяем слова механически, просто по привычке, без всякого внимания и чувства, либо совсем забываем о молитве. Тем, что наше внимание сосредоточилось на страсти, диавол выкрадывает у нас молитву. Если же мы, наоборот, будем всё внимание более и более погружать в молитву, отвращая его от греховного помысла (конечно, лучше по возможности сразу отвратить помысел, полностью отвернуться от него), тогда помысел будет слабеть, потому что он питается вниманием, как некими подземными токами воды. Внимание дает жизнь как молитве, так и любому другому помыслу, нейтральному или греховному. Вдобавок и сама молитва, – то есть благодать, проникающая в душу через молитву, – будет сжигать помысел, эту, так сказать, поросль греха. Так что помысел, во-первых,

будет лишен влаги, которая дает ему жизнь, во-вторых, будет попален лучами благодати. Это было небольшое отступление, краткая памятка о том, как нужно бороться с помыслами.

Итак, мы должны понять, что если в нас обнаруживается та или иная страсть, которая приходит в действие по какому-то пустяковому, ничтожному поводу, но не дает нам покоя; если в нас обнаруживается что-то непонятное, противящееся молитве и послушанию, то мы должны сразу заподозрить здесь действие страсти, которой мы раньше не замечали. Молитва требует любви к Богу, и на фоне этого требования проявляется все то, что этой любви противится. Послушание требует от нас покорности воле Божией – и опять же на фоне этого требования обнаруживается отклонение нашей воли. Тогда наши страсти начинают сами себя обличать. Может быть, мы не знаем, как их назвать, не понимаем, гордость это действует, или тщеславие, или гнев, – в этом мы со временем разберемся. Конечно, «разобраться» нам нужно не теоретически, а с тем, чтобы найти средство для удобнейшей борьбы с этой страстью. Когда наши страсти себя обнаруживают, мы должны сделать вывод, что нужно бороться с ними изо всех сил, с крайним понуждением себя. Мы должны осознавать, что борьба эта мучительна, ужасна, но неизбежна. Кто хочет избавиться от страсти, тот должен вступить в эту борьбу. Кто же не хочет от нее избавляться, тот должен хорошо подумать о том, к чему это его приведет.

Господь Иисус Христос сказал: *Горе миру от соблазн, нужда бо есть приити соблазном, обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит (Мф. 18, 7)*. Мы должны осознавать, что соблазны неминуемы. Кто хочет жить духовно, кто хочет спастись и при этом думает, что он избежит соблазнов, тот пытается пренебречь указаниями Божественного Откровения. Он пытается отречься от слов Спасителя, рассуждая, что в данном случае они не подходят. Спаситель же говорит о соблазнах как о некоей необходимости. Мы сейчас не будем рассуждать о том, какая от соблазнов бывает польза, поскольку это совсем другая, очень глубокая тема. Для нас важно понять, что соблазны будут всегда. Всем нам предстоит жестокая

борьба с соблазнами. Кто с этим не согласен, тот не согласен (и пусть он это осознаёт) с Самим Господом Иисусом Христом, Божественным Откровением, теми истинами, которые были сокрыты от сложения мира, а отныне через Господа Иисуса Христа явлены всем. Повторюсь: борьбы этой не избежать, и борьбы такой, что Спаситель говорит как бы с сочувствием: *Горе миру от соблазн, нужда бо есть приити соблазном*, то есть в них есть необходимость. Поэтому не думайте, что если мы физически, телесно обособились от мира, то и соблазнов у нас нет. Мы ушли из мира, но не ушли от самих себя, мы сами являемся частью этого мира и несем в себе мирские страсти – мир живет в нас. Мы облегчили себе борьбу тем, что отстранились от некоторых вещей, которые в миру преодолеть трудно. Тем не менее полностью, совершенно мы от них избавиться не сможем, если не будем вести внутреннюю борьбу с тем мирским, что в нас самих живет и рождает соблазны.

Спаситель призывает нас к жестокой борьбе: *Аще ли рука твоя или нога твоя соблажняет тя, отсецы ю и верзи от себе: добрейше ти есть внити в живот хрому или бедну* (то есть хрому или без руки. – Схиизгум. А.), *неже две руце и две нозе имущу ввержену быти во огнь вечный* (Мф. 18, 8). И кто хочет избежать соблазнов при помощи какой-то уловки, какого-то средства, пусть даже очень мудрого, – смирения, необыкновенной духовной рассудительности или пламенной молитвы, – тот должен понять, что это не удастся. Никакое духовное средство, даже предлагаемое святыми отцами, не избавит его от этой жесточайшей, нечеловеческой борьбы. Господь Иисус Христос призывает нас бороться так, чтобы отсекать эти соблазны, как собственные члены тела. Как же мы можем думать, что изобретем какую-то хитрость, избавляющую нас от этой необходимости?

Нужда бо есть приити соблазном. А раз есть нужда прийти соблазнам, значит, есть и нужда вести с ними борьбу. То, что соблазнам необходимо прийти, не значит, что мы все волей-неволей должны соблазниться. Я уже говорил о двух основных средствах борьбы со страстями – откровении

помыслов и Иисусовой молитве. Конечно, древние подвижники применяли для борьбы с соблазнами еще и пост, уединение, всевозможные телесные подвиги, различные молитвословия (помимо Иисусовой молитвы) и прочее. Я сейчас говорю не о конкретных средствах, а о принципе, которого должен придерживаться человек в духовной борьбе. В наших условиях надо использовать эти доступные и самые могущественные, действенные средства: откровение помыслов и Иисусову молитву.

Но нужно понимать, что даже при правильном выборе средств борьбы необходимо еще и необыкновенное, нечеловеческое мужество. Если у нас самих не хватает мужества, то вспомним о том, что Господь подает силы любому человеку, который к Нему прибегает, – даже, казалось бы, самому ничтожному или незрелому по возрасту. Мы знаем подвижников, пусть их немного, которые совершали подвиги, будучи еще детьми. Знаменитый, великий подвижник Православной Церкви Симеон Столпник Дивногорец стал на столп в семь лет, причем по совету и при поддержке своей матери. Мы знаем о подвиге мучениц Христовых Веры, Надежды и Любви. Они были маленькими девочками, совсем немощными существами, пострадали в таком нежном возрасте, проявив нечеловеческое мужество. Может быть, многим подвижникам и не придется проявлять такое мужество и такую твердость: понятно, что мученичество – это самый тяжелый, самый великий христианский подвиг.

Я привожу примеры всем известные, потому что хочу напомнить: ничто, в том числе и возраст, не является препятствием к тому, чтобы исполнять евангельские заповеди. Если мы не исполняли их с детства, то либо потому, что были неправильно воспитаны, либо сами устремлялись к греху и суете, а вовсе не потому, что это было невозможно. Об остальных наших доводах, например о том, что женщины слабее мужчин, и говорить не стоит. Женщина, конечно, не может поднимать тяжести, но исполнять заповеди она может. В отношении душевных сил у мужчин перед женщинами нет никакого преимущества. Мы помним, что мужественный Петр,

который поднялся с мечом на целую толпу тех, кто пришел арестовывать Спасителя, потом перед женщиной малодушно отрекся от Христа, – а немощные женщины, наоборот, следовали за Господом до самого конца, не страшась ничего. Поэтому женщины не должны себя оправдывать подобными доводами. Ни возраст, ни пол, ни что-то другое не могут помешать человеку совершить подвиг отречения от соблазнов так, как требует Евангелие.

Нужно осознать: если мы не будем проявлять самого крайнего напряжения сил, такого страшного, как бы сверхъестественного, превосходящего, как нам кажется, наши возможности, – мы не сможем преодолеть соблазнов. Это заповедал нам Господь, и мы должны это усвоить. Мы должны бороться не до тех пор, пока нам хочется или пока мы не устали, а до тех пор, пока не победим.

Если в житейских делах многое зависит от причин, которые находятся вне нашей власти, то в духовной жизни мы имеем совершенную свободу и безграничную помощь свыше. Главное, чтобы мы сами проявляли негибаемую твердость, шли против самих себя до конца. Настроение, которое имеет большую практическую важность для духовной жизни и в котором нам нужно всегда пребывать, чтобы облегчить, мотивировать это глубочайшее, сильнейшее напряжение, Господь описывает так: *Добрейше ти есть внити в живот хрому или бедну, неже две руце и две нозе имущу ввержену быти во огнь вечный*. Мы должны постоянно помнить о смерти – конечно же, не так, как об этом думают неверующие люди: якобы мы рассыплемся в прах и исчезнем. Мы должны думать о том, что ждет нас после смерти на самом деле, – о вечных муках, и это будет нас мобилизовать. Если даже самый немощный, самый слабенький человек будет помнить об ужасных последствиях, ожидающих его в случае несоблюдения евангельских заповедей, то это заставит его напрячься изо всех сил.

Чаще всего под заповедями Спасителя, под евангельским учением мы понимаем учение о любви – это стало уже расхожим выражением. Но вот мы видим другую евангельскую заповедь, которая показывает евангельское учение с обратной

стороны и говорит о ненависти к себе. Без этой ненависти невозможно стяжать никакой любви: ни к Богу, ни к ближнему. Иногда нам кажется, что у нас появляется любовь к ближнему, но на самом деле она потом часто трансформируется в пристрастие, нечистое или пусть даже и сравнительно невинное, но, тем не менее, уводящее от безраздельной преданности Господу Иисусу Христу. Пристрастие делает эту видимую любовь на самом деле ненастоящей любовью: не той, которая спасает человека, а, наоборот, той, которая мешает ему спастись. Она не способствует появлению в нем любви к Богу, а отвлекает от нее и лишает ее.

Пока мы не поймем этой непреложной евангельской истины, которую мы должны принять и исполнять, то есть, попросту говоря, пока мы не согласимся с Евангелием, мы, конечно же, не сможем избавиться от своих страстей. Отсюда вывод: мы не сможем освободиться от своих страстей потому, что не имеем решимости, которой требует Евангелие. И нет никакой разницы, работаем ли мы в швейной мастерской или живем в пустыне. Это совершенно неважно, непринципиально. Суть состоит в отношении к себе.

Итак, я сказал о слепоте по отношению к нашим страстям, о тех средствах, которые обнаруживают эту слепоту и помогают нам избавиться от страстей, и о том настрое, который мы должны иметь в этой борьбе. Настрой – это самое главное, самое важное, потому что все остальное является уже следствием.

Хочу привести еще такой пример. В книге «Великая стража» рассказывается про духовника, иеросхимонаха Иеронима. В юности, когда он уже собирался идти в монастырь (а отец его все время задерживал), на него напала страшная блудная брань. Он не знал, что ему делать, выбежал во двор и стал молиться под деревом. Благодать сошла на него, а это дерево высохло. Непонятно, то ли от действия этой сверхъестественной благодати, то ли, может быть, страсть юноши перешла на дерево. Мы знаем подобный случай: когда Иоанникий Великий был борим блудной страстью, он стал будить огромного змея, чтобы тот очнулся от зимней

спячки и его проглотил. Блудная страсть перешла на этого змея, и он издох.

Для чего я привел эти примеры? Важно, что отец Иероним в тот момент был человеком в духовной брани совершенно неопытным – просто ревностным христианином, который, кроме житий святых, почти ничего и не читал. Он хотел стать монахом, но о монашеских подвигах, об умном делании и многом другом он в то время не знал. Однако в нем была пламенная любовь к Богу и желание жить целомудренно ради Господа. И когда он, не умея правильно вести брань с блудной страстью, от всей души помолился Богу, то Господь избавил его от нее. Это пример того, что самое главное в борьбе с соблазнами – это евангельская решимость их отсекал. Если ваши духовные наставники вам все объяснят: как молиться, как открывать помыслы, как отсекал свои желания – и вы всё будете прекрасно знать и сможете даже прочитать лекцию по данному вопросу, но не будете иметь этой евангельской решимости, то эти знания вам не помогут. Вы просто струсите раньше времени и не сможете их применить.

Вы знаете, как татаро-монголы вели свои военные нападения, как они смогли завоевать полмира? Все почему-то думают, что их было очень много, но это не так. У них была очень жесткая дисциплина, мобильная конная армия, с помощью которой они очень быстро передвигались (у каждого было по две лошади, и они имели возможность пересаживаться с одной лошади на другую). В этом только и заключались преимущества их военной организации. Однако у них был свой способ нападения. Они кочевали с семьями – женами и детьми, которые в момент атаки поднимали неимоверный гвалт, визг и шум. И сами татары тоже нападали с громким криком. Поэтому всем казалось, что их очень много, что это с ревом несется огромная орда, и противник приходил в ужас. Правда, потом русские поняли эту хитрость и бояться перестали. Нечто подобное происходит с нами. Демоны тоже нападают на нас с визгом, а мы начинаем трястись от страха. А бояться нечего – они только шуму много поднимают.

Приведу еще пример, на этот раз из книги про Суворова – «Твой есмь аз». Я очень почитаю Суворова и как гениального полководца, и как благочестивого человека. Читая эту книгу, я понял одну необыкновенную вещь (может быть, и общеизвестную, но для меня она стала открытием). Мне всегда казалось, что настоящий гениальный полководец – это прежде всего организатор, некто вроде математика, который все вычислил, поставил на свои места, и это его гениальное вычисление делает его непобедимым. Как в шахматной игре: из двух игроков побеждает тот, кто умнее. Но в действительности все не так. Одно дело – деревянные фигурки, и совсем другое – люди. Оказывается, что в военном деле часто имеет решающее значение не гениальность расчетов полководца, а его мужество. Суворов, один из самых гениальных русских полководцев в нашей истории, часто старался своим личным примером вызывать в своих воинах воодушевление, мужество. Когда он видел, что его войска отступают, то сразу бросался в атаку, прямо в самую гущу битвы, не боясь ничего, можно сказать, шел на смерть – и солдаты, видя его мужество, не могли не следовать за ним. Конечно, он и молился всегда в таких случаях, но я сейчас привожу пример именно мужества.

Был случай, когда суворовские войска чуть-чуть не отступили – когда сражались с наполеоновскими. Правда, с самим Наполеоном Суворову воевать не пришлось, но с его генералами он сражался. Надо еще сказать, что Суворова часто предавали союзники, австрийцы. Там, где русские и австрийские войска должны были выступить совместно, австрийцы часто вдруг отказывались от своей миссии – то ли боялись, то ли просто подставляли русских под удар. И Суворов часто был вынужден вступать в сражение с французами в невыгодных условиях, с меньшими, чем планировалось, силами. Как-то, в сражении с войсками генерала Макдональда на реке Требии, русские оказались в отчаянном положении: их было пять батальонов, а французов – пятнадцать. Русские начали отступать. Тогда Суворов закричал солдатам: «Давайте, братцы, сейчас отступаем на новые позиции!» – хотя на самом деле они просто бежали. Но он их убедил, что они сознательно отступают

на новые позиции, и воины от этого успокоились. Когда Суворов увидел, что солдаты уже заметили его, поняли, что он здесь присутствует, тогда он повел их в атаку.

Подобные примеры можно привести и из жизни другого гениального полководца – Александра Македонского, хотя он, конечно, был отнюдь не православный. Этот древний полководец фактически открыл своими завоеваниями новую эпоху: когда греки покорили Восток, начался необыкновенный расцвет греческой культуры. При взятии одного города в Индии греки (правильнее сказать, македонцы; сейчас мы их отождествляем с греками, а тогда это была другая народность) долго штурмовали город, не могли его взять и начали отступать. Тогда Александр Македонский по штурмовой лестнице взобрался на стену и прыгнул вниз, к врагам. Один! Македонцы любили и почитали своего полководца, воодушевлялись его победами. И они, видя, что он оказался среди врагов (а его, конечно, сразу окружили вражеские воины с намерением убить, то есть он фактически шел на смерть), видя такой его шаг, стали тоже прыгать туда. Конечно, многие македонские воины там погибли, потому что они уже не щадили себя, защищая своего любимого полководца и царя, но таким образом была одержана победа.

Это также пример того, что победу приносит не только гениальное полководческое искусство, но и беспредельное мужество – мужество без всякого сомнения, безо всякой оглядки. Об этом необходимо помнить. Нельзя думать, что мы сейчас читаем святых отцов, а потом все произойдет легко, как в игре в шашки: раз-два – и мы в дамках. Такого не будет. И об этом говорит Евангелие. Все те средства, о которых нам говорят святые отцы, являются вспомогательными. Это своего рода «костыли» для немощных. Самое главное – это исполнение заповедей, и Спаситель требует от нас в нашей нравственной жизни такого необыкновенно твердого мужества, что Он вынужден употребить этот образ: *Если рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя*. Вот представьте себе, человек раздражен, рука ему мешает – он ее отсек и бросил от себя.

Про одного мусульманского воина рассказывают, что, когда во время сражения ему отсекали левую руку и она повисла у него на одной коже, он наступил на нее ногой, оторвал ее и продолжал сражаться. Я, конечно, не хвалю мусульманство, но привожу пример мужества. Этот человек, между прочим, выжил и потом еще много сражался – с одной рукой. Вот какие бывают мужественные люди! Известно, что, когда русские казаки воевали с янычарами, янычары тоже проявляли необыкновенное мужество. Янычары, надо заметить, набирались из христианских мальчиков – турки требовали с христианских народов такую страшную дань. Этих мальчиков турки обращали в ислам и воспитывали как религиозных фанатиков, и они становились гораздо более жестокими защитниками мусульманства, чем сами турки. Янычары ничего не боялись. Когда русские казаки с ними сражались, то пускали в ход пики (у них из холодного оружия были шашки и пики). Когда русский пронзал пикой янычара и тому, казалось бы, должен был прийти конец, он брал эту пикку, ею притягивал казака к себе и рубил его саблей. Такое необыкновенное мужество иногда проявляют безбожники, даже богопротивники.

Какой вывод мы должны из этого сделать? Мы должны понять, что, кроме знаний, которые мы черпаем из святоотеческих писаний, даже если мы и овладеваем ими практически, нам необходимо воодушевление и крайнее внутреннее напряжение. Наше отличие от людей, мужественных от природы, – язычников или мусульман, – состоит в том, что христианин, пусть он даже самый немощный человек, может получить помощь свыше, если прибегнет всей душой к Богу. У нас есть такое средство, которого нет ни у кого. И поэтому мы должны быть в борьбе с грехом гораздо более мужественными и твердыми, чем какие-нибудь великие полководцы или воины в сражениях.

* * *

Вопрос. Объясните, пожалуйста, изречение апостола Павла *Помолюся духом, помолюся же и умом. Воспою духом, воспою же и умом* (1Кор. 14, 15). Как его смысл можно применить практически, в молитве?

Ответ. Эти слова можно толковать по-разному. Если понимать слово «дух» как дыхание, то *помолюся духом* – значит помолюсь, произнося слова при помощи дыхания, голосом. *Помолюся умом* – значит помолюсь внутренне. Паисий Величковский так толкует эти слова. Он основывается на толковании древних отцов, оно правильное, но не основное. Святые отцы часто толкуют Священное Писание с аскетической точки зрения. В контексте всей главы этого послания апостол Павел рассуждает о таком состоянии человека, когда тот по внушению свыше говорит на иностранных или ангельских языках. Значит, под словами *помолюся духом* имеется в виду сугубо духовное моление, когда ум человека участвует в нем пассивно, как своего рода проводник таинственного Божественного действия. Тогда человек произносит слова, которые, возможно, не всегда осознаёт, он становится, по слову царя Давида, *тростью книжника скорописца* (Пс. 44, 2): Дух Святой произносит через него откровение. Слова *помолюся и умом* апостол Павел говорит, предостерегая людей от излишнего увлечения, злоупотребления этими духовными молениями. Видимо, и в то время бывали такие явления, как в наше, в частности прелесть, пример которой – распространенное сейчас харизматическое пятидесятническое движение.

А что значит *воспою умом*? Наверное, имеется в виду такое возвышенное состояние человеческого ума, когда он обращается к Богу с молитвой и говорит слова, описывающие непостижимые, сверхъестественные вещи, о которых нельзя сказать обычной, простой речью, но которые должны выражаться в песнопении. Когда во время евхаристической молитвы мы говорим: «Тя пети, Тя благословити...», то мы воспеваем Бога словами. Воспевание умом – это, я думаю, некоторое духовное состояние, а не собственно пение в буквальном смысле слова. Но лучше, конечно, прочесть толкование на это изречение.

Вопрос. Можно ли молиться со вниманием без покаяния?

Ответ. В начальной степени, наверное, можно. Когда человек только побуждает себя к молитве, какое-то внимание у

него есть. Внимание – понятие очень растяжимое. Оно есть у того, кто молится устной молитвой, и у того, кто – умной, у того, кто имеет сердечную молитву и кто – душевную. Того, кто восхищается умом на Небеса, к этому также привело внимание. Под вниманием нужно понимать не просто внимательность, а то состояние, при котором человеческим умом овладевает благодать Божия. Она может овладевать умом все больше и больше – и это все называется вниманием. На начальных степенях духовного подвига можно молиться и без покаяния, поскольку его еще нет. При высших степенях о покаянии в обычном смысле слова тоже говорить нельзя – тогда уже нет сокрушения о грехах, человек забывает о самом себе и пребывает в соединении с Божественной благодатью, Божественными энергиями.

Вопрос. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что невозможно слезно молиться без помыслов: слеза есть плод помышления. Значит ли это, что святые отцы признают законным принятие некоторых помыслов при молитве: память смерти в чувстве сердца и других? Или это относится только к преуспевшим подвижникам?

Ответ. Все равно какая-то мысль, пусть самая простая, при молитве есть. Допустим, память о смерти, которая может вызвать слезы. Или мысль о нашей греховности, когда мы говорим с чувством: «Помилуй мя грешного». Имеется в виду мысль не как движение ума, рассуждение. Сама молитва – это и есть движение ума, а все прочие его движения мы должны по возможности (а в идеале – полностью) прекратить. Подразумевается мысль как некое чувство, осознание какой-то вещи, которое может отразиться в нашем уме буквально в одном или двух словах. Допустим, мы говорим: «Господи» – и осознаём величие Того, Кого мы этими словами призываем. Такое осознание можно назвать мыслью, и от него могут быть слезы. При этом нужно понимать, что слезы – это нечто пограничное. Я так понимаю, что когда человек достигает высших степеней созерцания, он в это время плакать уже не может.

Вопрос. Бывает, что нет сил противиться воображению. Старица говорит: «Борись и молись до кровавого пота». Иногда мне кажется, что я с большим трудом могу обратиться к Богу: и ум, и сердце, и душа полностью покорились страсти. Даже если периодически пытаюсь противостоять этому, постоянно отступаю. Такое чувство, как будто голыми руками удерживаешь поток горной реки. Ненавижу эту страсть, хочу отсечь, но кажется, что не в силах. Я оправдываю таким образом свое нерадение или плохо борюсь?

Ответ. Когда я говорю, что человек в борьбе со страстями должен решительно им противостоять, отсекал помыслы с нечеловеческим мужеством, то это не значит, что у вас после беседы все сразу же будет получаться. Не все происходит так легко. Должна быть борьба с крайним напряжением. Практика показывает, что только очень немногие подвижники, в виде редчайшего исключения, достигают быстрого успеха в борьбе с помыслами. Для этого необходим навык. Но если не появится привычка к напряжению, то и навыка никогда не возникнет. А когда человек прибегает к такому средству, как крайнее напряжение, то у него вырабатывается еще и смирение: напрягаясь до конца, он чувствует, что его сил недостаточно. Он осознаёт свою немощь, заключающуюся в самой его природе, и искренне, от всей души обращается к Богу, то есть одновременно учится мужеству, смирению и молитве. Недаром Исихий Иерусалимский говорит, что в борьбе с помыслами необходимо содержать в уме сразу четыре вещи: смирение, внимание, сопротивление помыслам и молитву. Действительно, одно приводит к другому: внимание – к сопротивлению помыслам, сопротивление – к смирению, смирение – к молитве.

Кроме того, у человека бывают различные преткновения, падения (конечно, желательно, чтобы они были только в помыслах). И в конце концов человек и от напряжения в борьбе, и от своих преткновений осознаёт свою крайнюю несостоятельность: не просто теоретически понимает, а многократно в ней убеждается. И когда он по-настоящему начинает смиряться, тогда начинает действовать благодать Божия, и помощь Божия оказывается ощутимой. Но нельзя

сказать, что до этого в нас благодати не было. Наше желание сопротивляться страстям, достигнуть той или иной добродетели, внимания в молитве – все это действие благодати Божией, которая сначала действует скрыто, воспитывая нас, заставляя мобилизовать все свои силы, а потом, когда наша душа начинает раскрываться навстречу Богу, тогда благодать становится для нас явной.

Вопрос. Мне по послушанию иногда приходится делать замечания сестрам. Бывает, что я делаю их повышенным тоном, но мне кажется, что это не из-за раздражения на сестру, а из-за досады, что не выполнено задание. Моя старица говорит, что думать так – чуть ли не прелесть. А мне удивительно: неужели я не вижу своей страсти?

Ответ. Нет никакой разницы в том, что является причиной этого: послушание или какое-либо другое явление нашей жизни. Допустим, на тебя сел комар, пьет твою кровь, и ты с раздражением его прихлопнул. Если комар и виноват, то раздражение этим не оправдано, страсть остается страстью. Иначе получается, что если человек не виноват, то на него гневаться нельзя, а если он действительно совершил проступок, то на него можно и накричать. Это неправильно. Сказано: *Всяк гневаяйся на брата своего всуе повинен есть суду* (Мф. 5, 22). *Всуе* означает не то, что нельзя гневаться на брата без повода. Святые отцы говорят, что под суетным гневом нужно понимать вообще всякий гнев. Хотя бы нас кто-то и убивал, то и в таком случае наш гнев *всуе*. Единственно оправданным является гнев на грех – не на грешника, а на грех или ересь. Когда кто-то пытается соблазнить нас поддаться какой-нибудь страсти или старается склонить к греху, то мы имеем право гневаться. Когда кто-то пытается ввести нас в заблуждение, мы также имеем право гневаться. Но гневаться не так, как это делали инквизиторы: если еретик, – значит, на костер его, а противиться соблазну ереси или греха.

Поэтому раздражение никак не может быть оправдано. И что значит повышенный тон, о котором упомянуто в вопросе? Тон меняется в зависимости от того или иного чувства. Человек одним тоном читает «Я помню чудное мгновенье...» и совсем

другим говорит кому-то: «Уходи отсюда!» Что за чувство заставляет нас повысить тон, когда сестра что-то сделала не так? Наверное, не поэтическое настроение и не желание показать свои вокальные способности.

Вопрос. Где взять то великое мужество, о котором вы говорите, если жизнь, прожитая в миру, его не выработала, а жизнь в монастыре его как будто не требует?

Ответ. Дело в том, что мужество вырабатывается тогда, когда у нас есть какая-то цель, мы к ней стремимся и встречаем препятствие. Это препятствие может вызвать малодушие, когда человек отступает, или мужество, если он стремится его преодолеть. Конечно, мужество может быть и неразумным. Но в духовной жизни оно всегда разумное, если только мы не стараемся преждевременно достичь слишком высокой цели. Наша цель – это соблюдение заповедей. Когда мы к этому стремимся, тогда и становится необходимым мужество. А если мы перед собой эту цель не поставили, то и мужеству негде проявиться.

Монашеская жизнь вообще требует громадного мужества. Во-первых, то, что человек пришел в монастырь, отрекся от общепринятого, привычного образа жизни, – это уже мужество. Тем более в наше время, когда многие живут не просто нерадиво, а вопреки всем законам христианской нравственности. Для людей, которые с утра до вечера ищут только одних удовольствий – и запретных, и сравнительно невинных, – непостижимо, что кто-то может жить нравственно, для них непонятно стремление к монашеской жизни. И здесь необходимо мужество, чтобы, по крайней мере, внутренне отринуть этот якобы здравый смысл и жить так, как мы считаем нужным. Во-вторых, стойкость необходима также и для внутренней жизни: ведь мы стремимся достичь каких-то идеалов, жить по-евангельски. Об этом прекрасно сказал Иоанн Лествичник: «Монах – это тот, кто во всякое время и на всяком месте думает только об евангельских заповедях»¹⁷¹.

Конечно, нам не нужно преодолевать огненных или водных препятствий или прыгать с парашютом. Но разве от монахов не требовалось нечеловеческого мужества еще в недавнем

прошлом, когда их уничтожали самым зверским образом? Я читал о том, как монахинь расстреливали из пулемета. Или другой пример: монахинь Самарского монастыря согнали на баржу и на середине реки стали топить. Они погибали с пением. Мы не знаем, как сложится наша дальнейшая жизнь. Даже если в нашем отечестве все будет благополучно, православие будет все более укрепляться и отношение к монашеству со стороны мирских людей будет все более уважительным, это не значит, что мы не можем подвергнуться тому или иному испытанию.

А самое главное – нечеловеческого мужества требует собственно духовная жизнь. Мне духовник рассказывал такую историю. Один послушник приходит к своему старцу и говорит: «Отец, война началась!» А тот отвечает: «Да что мне война! У меня каждый день – война». Человек, привыкший к настоящей внутренней борьбе, испытывает такое напряжение сил, что даже большие внешние испытания становятся для него чем-то ничтожным по сравнению с тем, что он переживает внутри самого себя. Конечно, если это истинный монах.

Вопрос. Нужно ли различать, какая страсть действует в том или ином случае? Мне кажется, я понимаю, что во мне происходит что-то плохое, а что именно – не всегда осознаю.

Ответ. Действительно, человек не всегда может осознать свою страсть по разным причинам. Во-первых, оттого, что он неопытный. Другая причина – то, что страсти не действуют так, как написано в книгах, как говорится по арифметическим законам. Например, есть правила военного искусства, но это не значит, что на деле все всегда происходит точно так же, как описано в книгах по стратегии. И в духовной жизни такое многообразие страстей, что классификация святых отцов помогает только разобраться в них, но не может исчерпать всего того, что существует в реальности. Наверное, в медицине то же самое. Например, в гомеопатии не особенно стремятся классифицировать болезни. Лечат человека, а какая у него болезнь – это не так важно. Я не отвергаю традиционный подход в медицине, но мы видим, что классификация болезней становится такой огромной, что все их трудно удержать в памяти. Наверное, в медицине будут еще открытия. Но это не

значит, что врач не должен лечить. Он может не до конца понимать, что это за болезнь, но должен чувствовать, в каком направлении ему действовать. В юриспруденции, мне кажется, тоже не все можно подвести под законы, хотя там, казалось бы, приблизительность недопустима. Адвокаты и прокуроры затем и нужны, что есть какие-то, так сказать, свободные зоны, где можно принять решение в том или ином направлении.

Тем более нельзя выносить слишком категоричные определения о духовной жизни, такой, казалось бы, смутной и непостижимой. Она, конечно, не столь смутная, как хотят представить ее люди, которые смотрят на нее сугубо рационально или даже отвергают ее, но, тем не менее, в духовной жизни есть много таинственного, такого, что нельзя классифицировать однозначно. Да это и не нужно: классификация страстей, данная святыми отцами, а также их учение о внутренней жизни только помогают нам разобраться в себе. Поэтому, если в нас действует что-то противное Евангелию, то не так важно, как мы это назовем – унынием или ропотом, тем более что эти страсти близки, так же как тщеславие и гордость. Даже святые отцы иногда сомневались в точности классификации. Скажем, Иоанн Лествичник говорит, что он вместе с Григорием Богословом считает, что гордость и тщеславие – это одна и та же страсть. Тем не менее, говорит он, мы будем следовать традиционному распределению, чтобы не нарушать общепринятого порядка.

Некоторые святые отцы говорят о трех главных страстях: славолюбии, сребролюбии и сластолюбии, а некоторые – о двух: славолюбии и сластолюбии, считая все прочие страсти произрастающими от них. Иногда говорят, что все страсти в человеке происходят от гордости. Поэтому я не хочу отдавать предпочтение тому или иному виду классификации, поскольку любая из них, подробная или лаконичная, преследует цель только помочь нам разобраться в себе. Оттого что мы дадим страсти то или иное наименование, легче нам не станет. Мы опознаём страсть для того, чтобы знать, какие средства по отношению к ней нужно применить.

Кроме того, есть такое лекарство, которое помогает от всех болезней, – молитва и внимание к себе. Какая бы страсть ни действовала – блудная, гордость или гнев, – все равно способ сосредоточения в молитве один и тот же и он одинаково помогает против всех страстей. Правда, бывает иногда, что мы путаем страсти и употребляем неправильные средства. Тогда, конечно, бывает и необходимость различения страсти.

Я изложил теорию. За практическими советами лучше обратиться к старице и с ее помощью правильно определить свои страсти – не с целью какого-то отвлеченного познания, не с гносеологической или антропологической целью, а для борьбы с грехом.

Вопрос. Я не знаю своей главенствующей страсти и подозреваю, что не вижу многих страстей, с которыми срослась. Старица говорит, что пока их и не надо знать. Я согласна, но когда они себя обнаружат, то как их заметить, чтобы с ними бороться?

Ответ. Я думаю, что их нельзя будет не заметить. Заметишь, даже если и не хочешь, поскольку они в том или ином виде противятся Евангелию. Когда мы смотрим на евангельские заповеди как на руководство для нашей жизни, то видим, что страсти мешают нам их исполнить. Или мы вспоминаем святоотеческое учение (то есть то же самое Евангелие в опосредованном виде) и опять же замечаем, что какое-то душевное движение мешает нам исполнить тот или иной совет святых отцов. Таким образом можно понять, что действует страсть. Конечно, нужно рассуждать более или менее здраво, чтобы знать, к чему стремиться, где ложная, а где действительная ревность, где мнимое, а где истинное смирение. Дать такой совет, чтобы все сразу могли спокойно в себе разобраться, не получится. Разум дан человеку, по выражению апостола Павла, чтобы себя исследовать: *Все исследуйте, доброго держитесь* (см. 1Фес. 5, 21). Это не значит, что мы должны заниматься исследованием различных лжеучений, – мы должны исследовать себя: все движения своей души, поступки, мысли, обстоятельства жизни. И, исследовав все это, держаться доброго. Для этого нужен разум, поэтому святые

отцы говорят, что высшей добродетелью человека является мудрость, или рассудительность. Имеется в виду, конечно, рассудительность духовная, нравственная.

Вопрос. У некоторых людей множество врожденных страстей, и они должны бороться со своим естеством всю жизнь. У других этого практически нет, и им вести христианскую жизнь легче. Почему одним спастись вполне удобно, а другим это дается невероятным трудом?

Ответ. Допустим, Марии Египетской это далось невероятным трудом: человек был развращен до крайней степени. Но возьмем другой пример. Преподобный Серафим Саровский был из христианской семьи, от рождения был добродетельным. Но нельзя сказать, что ему спасение далось без невероятного труда. Для чего он тогда совершал все свои подвиги? Ведь он не для собственного удовольствия три года стоял на камне и днем и ночью, взывая: «Боже, милостив буди мне грешному!» Можно предположить, что у него была нечеловеческая брань, что он вел страшную борьбу.

Еще один пример. Преподобный Сергей Радонежский, как говорит предание, трижды прокричал в утробе матери, когда она была в церкви, – это уже свидетельствует о том, что он был избранником Божиим. Неужели у него не было нечеловеческой борьбы? Не нужно думать, что есть такие христиане, которые спасаются без всякого труда. Ни развращенность не может помешать спасению, ни богоизбранность совершенно избавить от трудов и подвигов. Скажем, Мария Египетская. Кто она? Избранница Божия или человек отвергнутый Богом? Мы говорим, что избранница Божия. Но что об этом свидетельствует? Свою молодость она провела в страшном разврате. Мы часто присваиваем человеку определение «избранник Божий» задним числом. Я не против употребления этого слова, когда мы восхваляем святых. Но когда мы оправдываем себя, говоря, что мы не избранники Божии, то это лукавство. Никто не виноват, что мы не каемся. Пусть мы не можем совершать такие подвиги, как древние отцы, но возможность стяжать духовные добродетели имеем такую же, как и они. Поэтому нельзя говорить, что кто-то предрасположен

к спасению, а кто-то – нет. Если ты не предрасположен, то потрудись, и Бог тебе подаст благодать.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогая сестра! Сегодня, в праздник Преображения, ты сподобилась принять иноческий постриг. Теперь ты не только в душе имеешь намерение начать иной образ жизни, но и объявила об этом.

В день Преображения мы вспоминаем явление во всей Своей Божественной славе Господа нашего Иисуса Христа трем избранным ученикам: апостолам Петру, Иакову и Иоанну. Событие это было столь удивительным, потрясающим и убедительным (хотя последнее слово слабо описывает то, что пережили ученики), что даже спустя многие годы и Петр, и Иоанн вспоминали его как величайшее доказательство Божественности Христа. Господь Иисус Христос совершил великие и бесчисленные чудеса, о которых апостол Иоанн сказал: *Суть же и ина многа, яже сотвори Иисус, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему миру вместити пишемых книг* (Ин. 21, 25). Часто евангелисты просто упоминают о том, что Господь исцелил многих, находившихся рядом с ним, и только о каких-то особенных случаях повествуют более подробно. Господь Иисус Христос воскрешал людей из мертвых, и воскрешение Лазаря Четверодневного – непостижимое, потрясающее чудо. Распятие Спасителя на кресте сопровождалось великими знамениями: солнце превратилось во тьму, церковная завеса разодралась, земля потряслась; после Его воскресения многие умершие восстали. Даже сотник-язычник воскликнул: «Воистину Человек этот праведник! Воистину Человек этот – Сын Божий!» (см. Мф. 27, 54). Наконец, само воскресение Христово из мертвых и Его вознесение с такою очевидностью и силой свидетельствуют о Его Божественности, что все остальное надо было бы отнести на второй план. Тем не менее спустя уже многие годы после вознесения Спасителя апостол Петр, еще раз убеждая своих учеников в том, что Иисус есть Сын Божий, говорит в своем послании: *Не ухищренным бо баснем последовавшие сказахом*

вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, но самовидцы бывшие величества Онаго. Приемь бо от Бога Отца честь и славу, гласу пришедшу к Нему такову от велелепных славы: Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже Аз благоизволих. И сей глас мы слышахом с небесе сшедшь, с Ним суще на горе святей (2Пет. 1, 16–18).

Иными словами, апостол Петр пережил преображение Господне как полное и несомненное познание того, что Господь Иисус Христос есть истинный Сын Божий, и он свидетельствовал об этом как очевидец. В славянском тексте говорится, что апостолы были *самовидцами*, а в русском переводе – *очевидцами Его величия*. Иначе говоря, Петр, Иаков и Иоанн стали очевидцами величия Сына Божия. Самое главное заключается не в том, чтобы стать свидетелем чудес, но в том, чтобы познать Божество Спасителя. Тысячи и тысячи людей видели чудеса, совершаемые Спасителем, и знали Его по плоти. Однако они не знали Его по-настоящему: за человеческим естеством скрывалось естество Божественное, через человеческое естество действовал Сам Бог. Апостолы же постигали и то и другое, видели и человеческое и Божественное. Мы не имеем сейчас возможности знать Господа Иисуса Христа по плоти, как говорит об этом апостол Павел, *ныне же не знаем Его по плоти* (см. 2Кор. 5, 16). Слова эти нужно понимать буквально, потому что мы живем уже спустя почти две тысячи лет после того, как Господь Иисус Христос вознесся Своею пречистою плотью на Небеса и воссел одесную Бога Отца. Однако мы можем знать Господа Иисуса Христа именно как Бога. Зная Его по Божеству, когда Он открывает нам Свою Божественную славу, мы воспринимаем Его человеческое естество, Его человеческое воплощение. Мы понимаем, что Тот, Кто открывается нам в нашей душе, в нашем внутреннем мире по Божеству, есть Тот же Сын Человеческий, когда-то явившийся людям, и проповедовавший, и творивший чудеса, и воскресший Своею пречистой плотью. Мы понимаем, что Один и Тот же есть Сын Божий и живший на земле Иисус Христос, познаём это опытно, хотя и не можем этого объяснить. Причем Он

открывается нам так, что об этом никто не знает, разве что по некоторым внешним признакам опытный человек может догадаться о внутреннем состоянии другого человека, стремящегося к богопознанию. В нашей телесной жизни есть много таинственных, сокрытых от нас вещей, которыми мы пользуемся, хотя не имеем возможности дать им объяснение. Если кто и пытается их как-то объяснить, правильно или неправильно, то обычно обращается к своему житейскому опыту, а не руководствуется догадками и гипотезами. Тем более в духовной жизни на первом месте стоит опыт – опыт богообщения, общения с Господом Иисусом Христом.

Апостол Иоанн Богослов в своем послании также упоминает о преображении Спасителя, хотя не столь откровенно, как апостол Петр. Однако человек, знающий аскетическую литературу, понимает, что речь идет об этом же событии. Иоанн Богослов говорит о Божественной славе Спасителя, о Божественном свете, который Он дал узреть апостолам не столько телесными глазами, сколько очами души: *Еже бе исперва, еже слышахом, еже видехом очима нашими, еже узрехом, и руки наша осязаша, о Словеси животнем: и живот явися, и видехом, и свидетельствуем, и возвещаем вам живот вечный, иже бе у Отца и явися нам (1Ин. 1, 1–2)*. Можно, конечно, понимать слова «явися нам» в общем, историческом смысле, но, наверное, каждый из вас, имея даже малый молитвенный опыт, понимает, что духовный человек говорит о том, что непосредственно переживал, а не о том, к чему пришел путем каких-то умозаключений.

Иже бе у Отца и явися нам: еже видехом и слышахом. Я думаю, что здесь говорится прежде всего о том, что видел и слышал апостол Иоанн Богослов на святой горе Фавор. *Еже видехом и слышахом, поведем вам, да и вы общение имате с нами: общение же наше со Отцем и с Сыном Его Иисусом Христом. И сия пишем вам, да радость ваша будет исполнена. И сие есть обетование, еже слышахом от Него и поведем вам, яко Бог свет есть, и тьмы в Нем несть ни единыя (1Ин. 1, 3–5)*. Разве эти слова не свидетельствуют о том знании, которое впервые получил апостол Иоанн Богослов

на горе Фавор? Хотя в дальнейшем, в особенности после сошествия на апостолов Святого Духа в день Пятидесятницы, он имел опыт богообщения, постоянно и неоднократно переживал близкое присутствие Бога, однако впервые он приобрел этот опыт, когда Спаситель преобразился.

Что же произошло на горе Фавор? Мы говорим привычные слова: «Господь преобразился». Однако святые отцы, более тонко и точно размышлявшие о сущности евангельского повествования и догматов, говорят, что в действительности преобразились ученики Спасителя. Вернее сказать, Спаситель преобразил своих учеников так, что они смогли увидеть Его присущую и вечную Божественную славу. Господь Иисус Христос как Сын Божий и Бог, как само совершенство не может стать более или менее славным, потому что Он неизменен. Если бы слава Его стала больше, значит, ранее Он был несовершенным, и наоборот, если бы Он умалил Свою славу, значит, из совершенного превратился бы в существо, потерявшее полноту совершенства. Следовательно, на горе Фавор преобразились сами ученики Спасителя.

Для обозначения этого события мы обыкновенно употребляем выражение «преображение Господне», называющее событие, но не претендующее на то, чтобы передать точный смысл происшедшего. Например, обычно мы говорим о том, что Господь Иисус Христос сошел с Неба на землю, но Он, строго говоря, не сходил на землю, потому что Он присутствует везде. Если говорить точнее, то Он воспринял в Свою Божественную Ипостась человеческое естество. В Ветхом Завете пророки употребляли такие выражения, как «Господь гневается» или «Господь забыл человека», потому что людям они понятны. Но в Божестве не может быть никаких изменений. Выражение «гнев Божий» употребляется для того, чтобы сделать понятным для нас следующее явление: если мы ведем себя противно заповедям Божиим, то именно из-за нашего греховного поведения обстоятельства становятся такими, что по-человечески это воспринимается как наказание, гнев Божий. Однако в действительности это не гнев Божий, но скорее следствие наших дурных поступков. То, что мы

воспринимаем иногда как гнев Божий или забвение нас Господом, есть, хотя и непонятное нам, проявление безграничной Божественной любви, которая никогда не может измениться. Так же и в описании события на горе Фавор: употреблено человеческое выражение о преображении Спасителя, хотя на самом деле изменилось душевное состояние ближайших учеников Господа.

Во время молитвы не Господь приближается к нам: в том смысле, что Он в большей или меньшей степени присутствует в нас и вокруг нас, но мы сами меняемся таким образом, что видим прежде закрытое от нас нашими грехами, страстями, суетой, и вообще всей плотской жизнью. Эта телесная жизнь увлекает нас и закрывает то, к чему мы должны стремиться всей душой: жизнь духовную, жизнь с Богом.

С этого праздника Преображения, дня твоего пострижения, дорогая сестра, когда ты восприняла начаток ангельского образа, ты должна подражать по мере своих сил тому святому, чье имя ты сейчас получила в постриге, – апостолу Иоанну Богослову. Причем подражать не настолько, насколько у тебя есть желания, а так, как говорит евангельская заповедь: *Возлюби Господа Бога твоего... всею крепостию твоею* (Мк. 12, 30). Степень крепости у каждого своя, но мы обязаны любить Бога именно всей своей крепостью. Как Иоанн Богослов безраздельно и преданно любил Господа, был послушен Ему и, смиряясь, редко выражал свое мнение, но всегда следовал за Ним, так и ты должна устремляться за Спасителем, как бы восходя вслед за Ним на гору Фавор.

Из повествования Евангелия следует, что апостол Иоанн Богослов как будто бы ничего не говорил на горе Преображения: от лица всех апостолов, выражая их чувства, говорил апостол Петр. Однако мы видим из послания апостола Иоанна Богослова, что его переживания и опыт богопознания в тот момент были не меньшими, чем у апостола Петра. Молись своему святому, подражай ему, люби Господа всеми своими душевными силами и знай, что какая бы толща веков ни отделяла нас от событий, которые описываются в Евангелии, мы в сравнении с апостолами ничем не обделены и имеем

возможность познать Господа так же, как познали Его они. Об этом говорит опыт наших святых отцов и преподобных матерей. Устремись же к этому познанию, не оглядываясь ни на что земное и мужественно устраняя все препятствия, встречающиеся на этом мысленном пути, – наши немощи и страсти, которые мы, восходя на святую гору Фавор, гору богопознания, должны оставить у ее подножия. Аминь.

«Мария же благую часть избра...»¹⁷³

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодня совершается празднование в честь иконы Божией Матери «Знамение». Почти в каждый праздник, посвященный Пресвятой Богородице, читается всем известное евангельское повествование о Марфе и Марии: *Жена же некая именем Марфа прият Его в дом свой. И сестра ей бе нарицаемая Мария, яже и седши при ногу Иисусову, слышаше слово Его. Марфа же молвяше о мнозе службе, ставши же рече: Господи, не брежеш ли, яко сестра моя едину мя остави служити? рцы убо ей, да ми поможет. Отвещав же Иисус рече ей: Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу; Мария же благую часть избра, яже не отыметя от нея (Лк. 10, 38–42).*

Всем вам известно, что монашество считается именно «Марииной частью»: мы, подобно этой древней святой, ученице Господа Иисуса Христа, стремимся сидеть у ног Иисуса и внимать Его слову. Если бы люди понимали, в чем на самом деле это делание выражается, и если бы оно давалось легко, думаю, многие возжелали бы подражать поведению Марии. Конечно, это не притча, все происходило в действительности, но можем ли мы подражать тому, что уже давно миновало и осталось в памяти людей только благодаря евангелисту Луке, записавшему это происшествие? Что означает приседение у ног Иисусовых? Это прежде всего постоянная память о Господе Иисусе Христе.

Многим кажется, что постоянно пребывать в памяти о Боге невозможно: этому мешают наши обычные земные занятия: работа, общение с людьми, забота о своем теле, пусть и необходимая. И если мы уделяем внимание подобным делам, то не уподобляемся ли Марфе, суевающейся и пекущейся о многом? Нет, ведь если бы мы решили подражать Марии буквально, то должны были бы прекратить свою обычную деятельность и заниматься одной только молитвой. Но это невозможно. Во-первых, потому, что мы обязаны служить друг

другу, во-вторых, потому, что даже самый ревностный подвижник должен хотя бы немного заботиться о своем теле. И в-третьих, наверное, очень немногие способны на то, чтобы исполнить эту заповедь буквально. Поэтому святые отцы учат нас подражать Марии мудро, то есть по сути, а не во внешнем поведении: телом пребывать на послушании, среди людей, а духом – у ног Господа Иисуса Христа, непрестанно молясь Ему и памятуя о Божественном Евангелии, стараясь, чтобы не только каждый наш поступок, но даже и движение души были сообразны с Его словами. Унижая себя, мы смиряемся перед Ним, следовательно, сидим у ног Спасителя, а благодаря молитве общаемся с Ним, как бы приближаем Его к себе или, скорее, сами приближаемся к Нему. Именно таким образом мы подражаем Марииному сидению у ног Господа Иисуса Христа.

Такой подвиг не только может, но и обязан совершать всякий христианин, а тем паче иночествующий, потому что самое главное для нас заключается не в том, что мы, монахи, имеем какое-то уединение или удалились от мира телом, а в том, что мы удалились от мирских привязанностей. Отрекшись от них, мы получили внутреннюю свободу, хотя внешне мы обязаны трудиться и заботиться о себе почти так же, как и миряне.

Внутренняя свобода – это самое прекрасное и, наверное, самое драгоценное, что у нас есть, и мы пользуемся этой свободой так, как хотим. Конечно, тот, кто живет нерадиво – а для монашествующих нерадение, вероятно, самый опасный грех, – тот употребляет свободу на праздное размышление и в результате поддается греховным впечатлениям и мечтаньям более удобно, чем мирянин, занятый непрестанными и многотрудными заботами о пропитании. А тот, кто употребляет эту свободу разумно, приобретает возжеленное приседение у ног Господа Иисуса Христа, внутренне всегда пребывает с Ним, внимает Ему и, можно сказать, имеет Его внутри себя.

Апостол Павел сказал: *К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти (Гал. 5, 13).* Эта свобода действеннее и полнее всего

осуществляется именно в непрестанной молитве Иисусовой. Кто свободен, как не тот, кто свободен внутренне и кого не могут поработить никакие внешние обстоятельства, никакие скорби, болезни или неприязнь к нему других людей? Человек этот свободен, потому что пребывает с Господом Иисусом Христом. Однако нужно помнить о том, что свобода наша не должна быть *поводом к угождению плоти*. Мы освобождены от рабства закону, но не для того, чтобы предаваться своим страстям. К сожалению, некоторые, не понимая смысла внутренней монашеской свободы, злоупотребляют ею. Они забывают о скорбях, которым, как сказал Спаситель, должен подвергаться мир: *Горе миру от соблазнов* (Мф. 18, 7). Забывая о таком горе, как борьба за существование, в котором мир пребывает всегда, они дарованную им Промыслом Божиим свободу от забот используют на то, чтобы предаваться ненужным и даже душевредным мечтаниям. Мы же должны эту свободу употребить на приобретение молитвы Иисусовой, на приобретение внутреннего внимания. Можно с уверенностью сказать, что самым страшным врагом монашествующих является страсть нерадения, а самой возделенной добродетелью – внимание. Приобретем это внутреннее внимание – и тогда увидим, что мы можем подражать Марии так, что почти не будет разницы между тем, что происходило в древности, когда она действительно сидела у ног Спасителя, и тем, что происходит в нашей душе, тоже подлинно, но уже только духовно. Аминь.

Исцеление от душевной проказы¹⁷⁴

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня за Божественной литургией читается Евангелие об исцелении Господом десяти прокаженных. Когда Господь Иисус Христос входил в одно селение, *встретили Его десять человек прокаженных, которые остановились вдали и громким голосом говорили: Иисус Наставник! помилуй нас* (Лк. 17, 12–13). Мы не будем умалять значения и величия этого необыкновенного чуда, благодаря которому десять прокаженных человек, видимо настолько больных, что они даже не смели близко подходить к здоровым людям, получили исцеление. Мы знаем о другом случае, подобном этому, когда прокаженный дерзнул упасть перед Спасителем на колени со словами: *Если хочешь, можешь меня очистить* (Мк. 1, 40), и Господь, прикоснувшись, исцелил его.

В то время существовало предписание об изоляции прокаженных, и по закону Моисееву они не имели права общаться со здоровыми людьми. Нарушить это предписание десять прокаженных не могли: проказа, видимо, так поразила их тела, что никто бы не потерпел их приближения. Проказа – это страшная болезнь, в наших краях почти неизвестная, а на юге в старину весьма распространенная. При ней тело человека покрывается страшными язвами, заживо разлагается и гниет до тех пор, пока смертельная болезнь не коснется жизненно важных органов и человек не погибнет. Мучение это длится долгие годы. Чудо исцеления десяти прокаженных имеет для нас, живущих спустя многие столетия после этого события, еще и некий таинственный смысл. Хотя у нас нет подобных телесных болезней, но наше душевное состояние можно совершенно обоснованно сравнить с проказой.

Действительно, мы больны страшной душевной проказой, и души наши разлагаются. Грехи овладели нашим сердцем, нашим существом до такой степени, что мы не смеем приблизиться к Господу: совесть не допускает нас к Нему, да и наши грехи стали как бы некоей стеной между

нами и Богом. По этой причине мы можем вопить к Нему только по слову Евангелия, *остановившись вдали*, причем делать это нужно *громким голосом*, то есть напрягая все душевные силы: *Иисус Наставник! помилуй нас!* – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!»

Увидев их, Он сказал им: пойдите, покажитесь священникам. И когда они шли, очистились (Лк. 17, 14). Неужели Господь Иисус Христос не знал о страданиях этих десяти человек или о мучениях всех остальных людей? Но своим воплем прокаженные обратили на себя внимание Спасителя и, можно сказать, убедили Его в том, что способны принять благоденствие Божие – исцеление. И мы, вопия ко Господу Иисусу Христу, достигаем того, что Он видит нас, хотя мы далеко отстоим от Него и едва ли сами видим Его – только неким смутным чувством веры скорее предугадываем Его присутствие, чем видим и знаем Господа. Но когда мы в молитве вопием к Нему *громким голосом*, напрягая все наши душевные силы и внимание, – потому что внимание есть как бы внутренний умственный вопль, – тогда Господь начинает видеть нас. Он обращает к нам Свой взор и вразумляет нас, проверяя прежде всего наши намерения и веру.

Пойдите, покажитесь священникам, – сказал прокаженным Господь. Из евангельского повествования мы знаем, что эти люди до священников не дошли, но они отправились к ним, поверив Господу, что это сделать необходимо: священники должны были засвидетельствовать, есть болезнь или нет. Прокаженные шли с надеждой на исцеление, хотя и не понимали, каким образом это должно произойти: возможно, они думали, что их исцелят священники, прочитав положенные молитвы и совершив соответствующий обряд.

И когда они шли, очистились, – так и мы, еще ничего не сделав, но только показав свое доброе намерение, повинувшись заповеди Господа, получаем очищение от своей проказы. Может быть, в нас и остаются некоторые душевные немощи и страсти, но в то же время мы исцеляемся от опасности погибнуть из-за бесчисленных грехов, разъедающих нашу душу.

Один же из них, видя, что исцелен, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Его, благодаря Его; и это был Самарянин (Лк. 17, 15–16). Многие люди, получив у Господа исцеление от смертельно опасных греховных язв, почувствовав некоторое успокоение и, как им кажется, безопасность, впадают в беспечность и нерадение, забывают о первоначальной ревности, благодаря которой Господь обратил на них внимание и исцелил их от грехопадений. И только весьма немногие, уже имея возможность дерзновенно приблизиться к Богу и пасть к Его ногам, возвращаются к Нему и опять вопиют громким голосом, но теперь благодарят Его.

Нам необязательно повторять какие-либо благодарственные молитвы, хотя это и естественно. Важно иметь благодарность и любовь, возникшие в нас в ответ на благодеяния, которые мы получили от Спасителя. Мы можем с чувством благодарения вопиять ту же самую молитву Иисусову. Первая часть Иисусовой молитвы и есть величайшее, прекраснейшее, самое возвышенное благодарение, которое мы можем принести Спасителю. Исповедуя Его Господом, Христом и Сыном Божиим, мы тем самым благодарим Бога за то, что Он послал к нам Своего Единородного Сына, Который Своей крестной смертью искупил нас от греховной проказы.

И это был Самарянин: у любого из нас могут быть некоторые недостатки, например неполное знание апостольского и святоотеческого предания, несовершенство разума или рассуждения, подобно самарянам, которые заблуждались, но если при этом человек искренен и испытывает необходимое чувство благодарности, то он достоин припасть к ногам Спасителя и благодарить Его; достоин вопиять к Нему громким голосом: внутренне напрягаясь и приближаясь к Спасителю, невидимо припадая к Его Божественным стопам, смираясь и одновременно благодаря.

Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять? (Лк. 17, 17). Как я уже говорил, многие слишком рано успокаиваются и довольствуются тем начальным очищением, которое даровал им Спаситель, когда они отстали от своей

прежней суетной, греховной жизни. Они не стремятся к большему, не стремятся благодарить Бога день и ночь за то, что Он избавил их от душевной проказы, хотя в этом благодарении заключается величайшее счастье для человеческой души.

Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменика? И сказал ему: встань, иди; вера твоя спасла тебя (Лк. 17, 18–19). Человек получает нечто гораздо большее, чем исцеление от душевной проказы, – он получает избавление от смертельной опасности: от угрозы гибели в вечности. Здесь уже, пожалуй, не нужно прибегать к таинственному аллегорическому толкованию, потому что произошедшее с самарянином, можно сказать, буквально совпадает с душевным состоянием каждого из нас, если мы ведем себя подобно ему. Мы встаем от своего грехопадения, становимся полноценными людьми, обретаем свободу. Более того, мы имеем в своей душе величайшее утешение – слышать: *Вера твоя спасла тебя*. И мы понимаем, что наша вера, которая заставила нас и вопиять ко Господу, когда мы были еще тяжкими грешниками, и благодарить Бога всей душой, – эта вера, как прекрасно говорит преподобный Иоанн Лествичник, спасает нас. Она может иметь различные проявления, но самым кратким, последовательным и глубоким образом выражается в словах Иисусовой молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Имея эту веру, будем вопиять ко Господу издали, не смея пока еще подойти к Нему; когда же получим некоторое исцеление, то приблизимся и припадем к Спасителю в смирении и одновременно благодарении. Не будем отходить от Него и полностью исцелившись. Не отойдем от Господа и тогда, когда обретем утешение и получим прощение грехов, но будем следовать за Ним непрестанно. Аминь.

Сегодняшнюю беседу я хочу начать с напоминания евангельского повествования о том, как Господь наш Иисус Христос после Тайной вечери молился в Гефсиманском саду в последнюю ночь перед Своими страданиями. Сама эта молитва, можно сказать, была началом страданий Спасителя. Евангелист Лука говорит, что Господь Иисус Христос молился до кровавого пота, и другие евангелисты также свидетельствуют о том, какое бремя Он переживал. В Богочеловеке Иисусе Христе действовали две воли: Божественная и человеческая (то есть колеблющаяся и боящаяся страданий). В конце концов Спаситель, хотя и не без помощи ангела, явившегося укрепить Его, победил Самого Себя, человеческая воля смирилась перед Божественной. Но Господь Иисус Христос в эту страшную ночь оставался настоящим, совершенным Человеком. В данном случае под совершенством мы подразумеваем не высшую ступень в развитии существа, а полноту человеческого естества Спасителя. Конечно, Он был совершенным и в смысле безгрешности, бесстрастия, святости, но для нас сейчас важнее, что в Нем в полной мере присутствовало все, что есть в человеке, кроме греха. Испытывая бремя и страх во время молитвы в Гефсиманском саду, Господь просил человеческой поддержки у Своих ближайших учеников – Петра, Иакова, Иоанна, тех, кто был свидетелем Его преображения на Фаворе и кто, как мы знаем из Евангелия, проявлял наибольшую ревность, пусть иногда неразумную, но все же искреннюю.

И вот Спаситель, вернувшись к ученикам после Своей первой молитвы, увидел, как вы помните, что они спят. Что Он им сказал, в чем упрекнул апостола Петра? *Симоне, спиши ли? не возмогл еси единаго часа побдети? Бдите и молитесь, да не внидете в напасть: дух убо бодр, плоть же немощна* (Мк. 14, 37–38). Мы видим, что самые ревностные ученики Спасителя, потеряв эту бдительность или, как выразился Спаситель, духовную бодрость, поддавшись телесной немощи,

не смогли достойно выдержать испытание, которое ждало их в ближайшем будущем. Апостол Петр, правда, показал некоторое мужество, выхватив нож и отсеки ухо рабу. Но когда нужно было проявить не воинственность, а истинно христианскую добродетель – мужество, соединенное со смирением, – он смалодушничал и трижды отрекся от Спасителя. Все прочие апостолы бежали. До конца при Спасителе остался один Иоанн Богослов. Сам он, всегда говорящий о себе очень искренне и скромно, рассказывает, что его впустили во двор первосвященника потому, что он был с ним знаком. По преданию, дом Иоанна Богослова находился рядом с домом первосвященника, то есть они были соседями. Как вы знаете, порой соседство, дружба решают многое в самых необыкновенных обстоятельствах. Даже враги порой находят общий язык благодаря личным контактам и связям. Здесь, видимо, произошло нечто подобное. Кто знает, как повел бы себя Иоанн Богослов, если бы не был знаком с архиереем. Во всяком случае, остальные близкие ученики Спасителя проявили малодушие: апостол Петр отрекся от Христа, Иаков, как и прочие апостолы, бежал.

Бдите и молитесь, да не внидете в напасть: дух убо бодр, плоть же немощна. Апостолы проявили то, что мы сейчас назвали бы нерадением. Возможно, у них были какие-то извинительные причины: скорбь, усталость, страх, непонимание того, что происходит. Евангелист Марк замечает: *Бяху бо очеса им тяготна* (Мк. 14, 40). Отчего были отягощены их глаза? Может быть, от плача? Как бы то ни было, в результате апостолы проявили нерадение, которое привело к страшному преткновению. Мы знаем, что апостол Петр особенно остро переживал это. Когда во дворе первосвященника Господь посмотрел на него с немым упреком, он горько заплакал. По преданию, в течение всей своей жизни апостол Петр, услышав пение петуха, начинал плакать, даже тогда, когда он был уже прощен и восстановлен в чине апостола, стал одним из первейших апостолов – столпом, как говорит о нем апостол Павел. На иконах апостола Петра изображают с бороздками на

щеках, что в иконописной традиции является символом покаянного плача.

Вот к какой страшной беде может привести нерадение! Особенно об этом должны помнить те, кто уходит из мира. Возможно, им кажется, что, проявив некоторую ревность и изменив свой образ жизни, они оставили позади все соблазны и опасности, и для спасения им осталось сделать совсем немного. Но уверяю вас, перемена одежды и положения в пространстве не обеспечивает спасения. Внутренне мы можем остаться на том же месте или даже прийти в худшее состояние. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит с горечью, что видел много монашествующих, уже в обители приобретших страсти, которых они не имели в миру. Он объясняет это тем, что эти люди не имели покаяния.

Я часто вспоминаю известное выражение, принадлежащее Самому Господу Иисусу Христу: *Царствие Небесное нудится*. Но предыдущую часть фразы нередко забывают, а между тем, чтобы по-настоящему, глубоко понять это изречение, нужно вспомнить его целиком. *От дний же Иоанна Крестителя доселе Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). От дней Иоанна Крестителя, то есть от тех дней, когда Иоанн Предтеча возгласил: *Покайтесь, приближибоя Царствие Небесное* (Мф. 3, 2). Проповедь Иоанна Крестителя передана евангелистами очень кратко, в основных, так сказать, узловых моментах (возможно, его немногие слова были исполнены такой силы духа, что действовали на слушателей и без риторических приемов и логических доказательств).

Сотворите убо плод достоин покаяния (Мф. 3, 8). Через покаяние человек обретает Царство Небесное, покаяние и есть то самое понуждение, о котором говорит Господь Иисус Христос. Не нужно думать, что человек может совершить христианский подвиг только тогда, когда у него «есть настроение» (в особенности это относится к молитве – наиболее простому и откровенному выражению покаяния). Необходимо понуждение. Оно может быть двух видов: исходящим от другого человека и самопонуждением.

Соответственно мы можем либо подчиняться другим людям, заставляющим нас исполнять какой-то труд и вести себя определенным образом, либо самостоятельно принуждать себя.

От дний же Иоанна Крестителя доселе – конечно, не до того момента, когда Господь произнес эти слова. *Доселе* следует понимать в некоем таинственном смысле – до настоящего времени, непрестанно длящегося (собственно, только настоящее действительно существует: будущее еще не наступило, а прошлое уже исчезло). *Доселе Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е.* Это понуждение и есть основа христианской жизни, в том числе монашеской. Некоторые видят кардинальное различие между мирским и монашеским образом жизни: мол, монаху ничего нельзя, а мирянину все можно. Как иронично замечал святитель Игнатий (Брянчанинов), люди иногда оправдывают даже свои смертные грехи, говоря, что они, мол, не монахи. На самом деле, по словам аввы Дорофея, монаха от мирянина отличают только две вещи: безбрачие и нестяжание. Кстати, и в миру есть люди, живущие одиноко и целомудренно. Поэтому никто не имеет права искусственно занижать требования к себе. И в монастыре могут найтись уверяющие себя: «Мы же не святые, не избранники Божии, не преподобные. Мы не можем жить в дупле или в пещере. Не можем питаться одними сухарями и обходиться без пирожных. В наше время вообще без пирожных подвизаться невозможно!» Ну что ж, пусть будут пирожные и шоколадки, пусть будет рыба, соленая и жареная. Но при этом на первом месте должно стоять понуждение себя к внутренним подвигам, молитве, трезвению ума, смирению и послушанию. Послушание не должно быть формальным, когда человек слушается только потому, что находится в безвыходном положении. Истинное послушание соединено с внутренним согласием. Тогда действительно можно говорить о том, что имеет место самопонуждение.

Тут нужно устранить некоторую путаницу в понятиях. Одно дело, когда мы лицемерим, что-то из себя изображаем, пытаемся выглядеть подвижниками, и совсем другое – когда мы искренне понуждаем себя, то есть сознательно избираем

определенный образ жизни. Хотя известны случаи, когда и лицемеры чудесным образом обращались к вере. Во времена гонений на христианство языческий актер Генесий изображал перед императором и придворными таинство крещения. Таинство совершалось по правильному чинопоследованию, так как актер имел родственников-христиан и хорошо подготовился к этому кощунственному спектаклю. Но в самый момент крещения произошло чудо: актеру было некое видение, и на него сошла благодать Божия. Он вдруг совершенно серьезно сказал, что он христианин. Зрители не ожидали этого и подумали, что представление продолжается. Но актер настаивал на своем. Император пришел в недоумение, потом разгневался, и этот человек был казнен как христианин. Перед казнью актер, объясняя причину своего обращения, рассказал о видении и благодати, которая преобразила его душу.

Известен еще один случай. Некий разбойник, переодевшись в монаха, пришел в женскую обитель, чтобы разведать, как ее ограбить. Его приняли за старца (видимо, он был преклонного возраста), встретили с почтением, омыли ему ноги и этой водой окропили сестер. Среди них была одна слепая, которая прозрела, когда вода попала ей на глаза. Это так подействовало на разбойника, что он покался и впоследствии действительно стал подвижником.

Если человек даже неосознанно понуждает себя к добру, это может привести его к внутреннему изменению. Тем паче оно произойдет, когда человек полностью осознаёт, к чему стремится. Поэтому не нужно оправдываться: «Я не могу делать вид, что я святая, что я молитвенница. Я не могу притворяться смиренной, потому что у меня нет смирения. Я вообще человек раздражительный и грубый». Таким людям я говорю: «А ты научись лебезить перед ближним». Если раздражительный человек начнет угождать ближним, пусть и неискренне, это принесет ему пользу. Иногда под предлогом искренности мы позволяем свободно действовать своим страстям. Простота хороша тогда, когда обнаруживает скрывающиеся за ней добродетели. Но если человек гневлив или сладострастен, кому

нужна его простота? Лучше бы он немножко лицемерил и вел себя прилично. Конечно, лицемерие – страшный грех и никто не оправдывает фарисейство. Но я хочу подчеркнуть необходимость понуждения себя: *Царство Небесное нудится*.

Мы не должны надеяться только на вдохновение, на какие-то эмоциональные всплески или даже на действие благодати. Человек – существо переменчивое. Вообще, ничто на земле не пребывает неизменным. А люди, как существа разумные и духовные, особенно удобоподвижны. К сожалению, после грехопадения переменчивость человека приобрела дурной характер: вместо того чтобы восходить от силы в силу и становиться все лучше и лучше, он мечется между добром и злом. Сегодня мы искренне хотим каяться и молиться, а завтра на нас нашли совершенное безразличие, сластолюбие, суетность и прочее. Сегодня мы проявили кротость и смирение, а завтра, к собственному удивлению, сильнейшим образом разгневались. Эти перемены сопровождают нас на протяжении всей нашей жизни. Слова пророка Давида: *Всяк человек ложь* (Пс. 115, 2) – некоторые понимают именно в таком смысле: человек сам себе лжет, потому что постоянно меняется. Только что он искренне чего-то хотел, но прошло мгновение, и он так же искренне стремится к противоположному. И кто может сказать, в какой момент он был самым собой? Поэтому особую ценность имеет именно понуждение: оно придает нам постоянство, столь необходимое в нашей трудной жизни.

Особенно это касается монашествующих. С одной стороны, мы своим уходом из мира облегчили себе жизнь, но с другой – сделали ее более опасной. Мы не имеем отдохновения в суете, легком общении и постоянно находимся наедине с самими собой. Чем бы мы ни занимались, какие бы послушания ни выполняли – сидим ли за швейной машинкой, моем ли посуду или поем на клиросе, – мы всё равно принадлежим самим себе, потому что благодаря отречению от мира освободились от всех связей, которые мешали нам сосредоточиться на собственной душе. А темные силы с особенной яростью нападают на человека, освободившего свой дух для молитвы. Поэтому монашествующим понуждение необходимо гораздо больше, чем

мирянам. Впрочем, повторю, кардинального отличия между мирянами и монахами нет. Все зависит от того, как мы живем. Можно и в монастыре жить как в миру, в суете и заботах, не имеющих ничего общего со спасением души. А можно и в миру (если человек имеет возможность уединиться, подобно монаху) подвизаться и достигнуть благодатного и богоносного состояния. За примером далеко ходить не надо: вспомним праведного Симеона Верхотурского.

Нам необходимо всячески бороться с ужасной, губительной страстью нерадения. Иногда она действует откровенно, а иногда – под предлогом некоего смирения. «Мы не святые, – думает сестра или брат, – среди нас нет Исихия Иерусалимского, Григория Синаита или преподобной Феодоры. Мы обыкновенные мужчины и женщины, ничем не отличающиеся от всех прочих. Слава Богу, что мы хоть сколько-то молимся и прилично себя ведем. Чего еще от нас требовать? В наше время и это очень много. Проживем так лет шестьдесят – и все будет в порядке». И вот так люди живут, а изменений все нет. Изменений не происходит потому, что мы сами добровольно избрали ужасную страсть нерадения, которая одна уже может погубить человека. Если мы хотим спастись, в нас должна быть ревность, выражающаяся именно в понуждении, то есть в постоянном стремлении к покаянию и тому плодоношению, о котором говорит Иоанн Креститель: *Сотворите плоды, достойные покаяния* (см. Лк. 3, 8). Будет ревность – обязательно будут и плоды (хотя, конечно, не в тот же миг). Даже если человек подвержен сильнейшей блудной страсти, или гордости (самой опасной из страстей, потому что она ослепляет человека), или другим безобразным душевным и телесным страстям, но при этом у него есть ревность, то он все сможет победить. Ревность может изменить даже последнего негодяя. И наоборот, самый добродетельный человек, поддавшись нерадению или, проще говоря, лени, может совершенно опуститься. Нередко можно услышать: «У этого человека ограниченные способности, но он берет трудолюбием, а у того – блестящее дарование, но лень его сгубила». В духовной жизни бывает то же самое. Мы должны

приобрести постоянство в виде понуждения и ни в коем случае не путать его с лицемерием. Недопустимо оправдывать свое нерадение, называя его смирением или искренностью.

В особенности пагубно нерадение в отношении молитвы, или, говоря более конкретно, в отношении молитвы Иисусовой. Для монашествующего пренебрежение умным деланием – просто душевная смерть. Нерадение может проявляться, во-первых, в полном оставлении четочного правила под разными предложениями (послушания, болезни и так далее), во-вторых – в формальном исполнении правила, без понуждения к вниманию, без стремления к преуспеянию. Конечно, такое стремление должно быть не ради самого преуспеяния, а ради того, чтобы по-настоящему, искренне умолить Бога о прощении своих грехов. Как я уже говорил, все добродетели есть плод покаяния, но наиболее откровенно, можно сказать в чистом виде, покаяние выражается в молитве Иисусовой. Каким иным образом, кроме молитвы, мы можем упросить Бога о помиловании? В чем, как не в молитве, проявляется ощущение нашей немощи – настоящее покаянное чувство? Если мы впали в нерадение по отношению к молитве, то едва ли нам помогут остальные добродетели. Если же мы нерадивы в чем-либо другом, но сохраняем ревность к молитве, то можно надеяться, что Господь найдет способ вразумить нас подобно тому, как Он вразумил грешника, который часто молился перед иконой Божией Матери, не собираясь, однако, ни каяться, ни исправляться. Однажды этот человек увидел кровь на руках Младенца и услышал голос Матери, говоривший, что своими грехами он вновь распинает Ее сына, и был так потрясен, что сразу переменяет свою жизнь. Этот случай мы вспоминаем в день празднования иконы «Нечаянная радость». Как видите, молитва спасает даже того человека, который не осознаёт, что он погибает.

Говоря об Иисусовой молитве, можно повторить все, что уже сказано о самопонуждении. Оно необходимо и для того, чтобы совершать молитву вообще, и для того, чтобы совершать ее внимательно. Не нужно отсутствие понуждения выдавать за смирение: мол, я не заставляю себя молиться внимательно,

потому что Бог не дает мне внимания. Буду молиться, как молюсь, а внимание Бог когда-нибудь даст. Но если ты не будешь понуждать себя что-либо делать, то ты никогда этого не сделаешь. Господь в Священном Писании, в псалмах, часто называется помощником. Я думаю, это нужно понимать так: Господь помогает нам, когда мы сами трудимся. Мы должны осознать, что наши собственные труды в деле нашего спасения необходимы. Святые отцы Православной Церкви, в отличие от западных христиан, учат, что спасение совершается единством двух действий: человеческой воли и Божественной. В богословии это называется синергизмом. Этот термин происходит от греческого слова «синергия», которое в буквальном переводе на русский язык означает содействие – союз двух действий. Отнимем одну составляющую – человеческую волю, и Бог ничего не сможет для нас сделать. Как сказал кто-то из подвижников, Бог сотворил нас без нас, но спасти нас без нас Он не может. Не нужно думать, будто достаточно один раз в жизни совершить значимый поступок, например уйти из мира, а уж вслед за этим сами собой последуют благотворные изменения. В каждое мгновение своей жизни мы должны иметь понуждение, в особенности в отношении молитвы. Как говорит преподобный Иоанн Лествичник, молитва – мать всех добродетелей. Понуждая себя к молитве, мы преуспеваем и в остальном.

Не нужно оправдываться тем, что мы якобы не понуждаем себя к особенно внимательной молитве из смирения, чтобы никто не видел, что мы молитвенники. Но часто бывает, что человек под предлогом смирения на самом деле перестает себя понуждать. Да, никто не видит, что он молитвенник, но и он сам перестает в себе это видеть. Между тем великий праведник нашего времени, святой Иоанн Кронштадтский говорит в одной из своих записей о том, что молиться перед людьми нужно громко, никого не стыдясь. Сам он всегда совершал свой молитвенный подвиг в присутствии людей, в ежедневном богослужении, и постепенно выработал навык молитвы правильной, внимательной, пламенной. Он действительно общался с Богом, не обращая внимания ни на кого и ни на что.

Известно несколько характерных случаев (о них мало говорят, но мне они кажутся очень важными). Однажды в церкви во время литургии заплакал ребенок, и отец Иоанн коротко сказал: «Выведите его». Отец Иоанн Кронштадтский был преисполнен любви к ближнему, к детям, но считал, что ничто не должно мешать молитве. И служители вывели ребенка из церкви. Когда отец Иоанн шел служить литургию, то по пути ни с кем не разговаривал и даже старался никого не благословлять, так что казался людям угрюмым. И в алтаре он говорил коротко и жестко. Все это для того, чтобы не отвлекаться от молитвы.

Конечно, не все могут подражать отцу Иоанну Кронштадтскому буквально. Но каждый из нас должен видеть в его действиях пример того, что нужно думать только об угождении Богу, невзирая на мнение других людей. Отца Иоанна не заботило, что его сочтут жестоким или лицемером, молящимся напоказ. Он не думал об этом, иначе это было бы такое же человекоугодие, какое имели фарисеи, молившиеся на перекрестках. Один из современных писателей, архиепископ Иоанн (Шаховской), рассказывает, что многие пытались подражать отцу Иоанну Кронштадтскому. Пытались перенять его манеру чтения канонов, несколько разговорную интонацию во время богослужения, подражали его громкому голосу и даже приверженности к облачению красного цвета – цвета крови Спасителя. Но подражатели забывали одну простую вещь: отец Иоанн Кронштадтский занимался непрестанной молитвой Иисусовой. А вот в этом-то ему как раз никто особенно и не подражал. Никто не понимал сути, которая состояла в умении молиться, а подражали только тому, в чем она выражалась.

Итак, мы должны, невзирая ни на что, понуждать себя к молитве. Конечно, это не значит, что нам нужно выйти на улицу и молиться вслух. Мне не хотелось бы, чтобы меня поняли так примитивно. Существует целая наука о молитве. Как говорит схимонах Василий Поляномерульский, об одной Иисусовой молитве написано множество книг, а о чтении, скажем, канонов и тропарей ничего нет. Иисусова молитва заслуживает серьезного изучения и следования тому, что до нас

уже пройдено. В этом отношении мы должны быть верными, в первую очередь, преданию святых отцов. В Русской Церкви есть великий учитель и молитвенник – святитель Игнатий (Брянчанинов), мы можем руководствоваться также трудами Паисия (Величковского), схимонаха Василия Поляномерульского, Нила Сорского. Некоторые другие подвижники, например оптинские старцы, делали об Иисусовой молитве отдельные замечания, выраженные, может быть, всего в нескольких фразах. Однако эти высказывания настолько ценны, что становятся для нас важнейшими вехами при нашем духовном развитии. А человека, проявляющего нерадение по отношению к Иисусовой молитве, можно назвать самоубийцей. Он лишает себя всякой духовной жизни, и никто ему не поможет, если только он сам не возьмется за ум.

Хочу сказать и о самооправдании. Я уже упоминал о том, как мы оправдываем свое нерадение, нелепым образом выдавая его то за смирение, то за искренность. Это далеко не все причины, которые мы придумываем в свое оправдание. Кто-то говорит: «В келии так много людей – как тут помолишься!» Или: «На четочном правиле невозможно сосредоточиться: один дышит, другой кашляет». Оправдываются тяжелым послушанием, слабым здоровьем, неудачными обстоятельствами, – в общем, не видят никакой возможности заняться молитвой по-настоящему (и не только заняться молитвой, но и вообще жить добродетельно). На самом деле подобное самооправдание безосновательно. Каждый может придумать бесчисленное множество причин, извиняющих нарушение заповедей. Между тем Евангелие не требует от нас того, чего требовал от иудеев Моисеев закон, – строго придерживаться установленного образа жизни, строить дома определенной архитектуры и так далее. Евангелие универсально, оно опускает все это, оно касается только внутренней жизни человека, к которой, однако, предъявляются требования гораздо более строгие, чем требования Ветхого Завета. При этом во второстепенных житейских вопросах человек остается совершенно свободен и ни к чему не

принуждаем. Ничто не может помешать нам жить по заповедям, в особенности преуспевать в молитве Иисусовой.

Большинство наших оправданий, убедительных для других и для нас самих, в действительности ничего не значат. Господь Иисус Христос обличал фарисеев: *Вы есте оправдающе себе пред человеки, Бог же весть сердца ваша: яко, еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом* (Лк. 16, 15). Оправдывая себя перед людьми, иногда и перед старицей, настоятельницей или духовником, убеждая их в том, что у нас были извинительные обстоятельства для того, чтобы грешить, мы оскверняем себя перед Богом. И разве мы от этого что-то приобретаем? Наоборот, мы теряем благодать и всякое преуспевание, лишаемся возможности духовного продвижения. Успокаивая себя, мы себя обессиливаем. Будут проходить дни, месяцы, годы, а мы так и не дождемся благоприятных условий для духовной жизни. Их никогда не будет, если мы сами их не создадим, если наш собственный внутренний мир не образует вокруг нас благоприятную для духовной жизни атмосферу. Иначе мы будем откладывать молитву до тех пор, пока не удастся уединиться в лесу, или пока у нас не появится богоносная старица, или пока не придет какой-нибудь необыкновенный пророк... Без конца будем оправдывать себя теснотой в келии, занятостью, собственными немощами, отсутствием подлинного духовного руководства, неблагоприятным временем, в которое мы живем. Бесконечно будем считать, что сегодня к человеку нужно предъявлять пониженные требования: «Достаточно того, что мы не совершаем тяжких грехов. Куда уж тут Евангелие исполнять! Кто его нынче исполняет? Пусть скажут спасибо, что мы его вообще читаем». В итоге мы к своему нерадению прибавляем самооправдание. А как говорит Пимен Великий, кто имеет своеволие и самооправдание, тот воздвиг медную стену между собой и Богом.

Нерадение, в особенности в Иисусовой молитве, соединенное с самооправданием, делает человека совершенно безуспешным. Мы должны опомниться, истрезвиться, подобно тому как пьяный обливается холодной водой, чтобы прийти в

себя, понять, где он находится, припомнить, что он вчера натворил. Если мы сами с собой так не поступим, то можем погибнуть еще более нелепо и унижительно, чем пьяница, который замерзает насмерть в сугробе. Недаром святые отцы употребляют термин «трезвение». У противоположного трезвению состояния нет названия, но мы можем предположить, что это духовное опьянение. Пьяный не понимает, что делает, и неправильно оценивает действительность. Так и не трезвящийся человек думает, что живет нормально, а на самом деле он близок к гибели, и если бы не Промысл Божий, то неизвестно, что с ним стало бы. Склонный к самооправданию человек постоянно находит извинения своим оплошностям и полагает, что виновато все вокруг, только не он сам. Человек, укоряющий себя, поступает наоборот. Самоукорение, как я не раз вам говорил, состоит не в том, что мы мысленно ругаем себя (такое возможно, например, и просто от досады), а в том, что мы видим причину нашей греховности в нас и только в нас самих. Нам нужно избавиться от привычки приписывать свои страсти, в особенности нерадение, каким-то не зависящим от нас вещам.

К сожалению, я сталкивался с тем, что нерадение очень быстро может полностью переменить человека. Даже произволение его становится другим. Человек как будто теряет корень, суть своей жизни, забывает свои первоначальные искренние, пламенные, ревностные стремления. Он может превратиться в свою противоположность: из ревностного монаха – в пьяницу и блудника, из искренне верующего юноши – в циника. Это происходит незаметно. Человеку кажется, что он такой же, каким был всегда, но по сути он уже стал другой личностью. Бывает даже, что он начинает враждебно относиться к людям, которые напоминают ему того, кем он был раньше. Он посмеивается над ними, а иногда из зависти делает им неприятности. Мы не должны забывать об опасности впасть в такое состояние. Наш монастырь еще молодой, и хотя здесь есть люди разного возраста, в том числе и пожилые, но все они вступили в этот подвиг недавно. В этом смысле здесь все юные и потому должны понимать, что им известно только

начало. Не нужно думать, что духовная жизнь пойдет как по накатанной колее: удобно сядем, быстро поедем и хорошо прокатимся. Необходимы ежедневный труд, понуждение себя, постоянная борьба с собой. Необходимо всегда помнить, что каждый из нас способен к самым неожиданным и ужасным переменам. Если мы об этом забываем, значит, мы перестали трезвиться, то есть в каком-то смысле уже впали в нерадение. А нерадение есть единственный непобедимый враг. У того, кто поддался ему, не остается, пожалуй, никакой надежды на исправление. И наоборот: понуждение может сделать истинным христианином самого запутавшегося, немощного, грешного, страстного человека. Поэтому монашество – это и есть истинное, так сказать, бескомпромиссное христианство. Как сказал Иоанн Лествичник, монах – это тот, кто на всякое время и на всяком месте думает только об исполнении евангельских заповедей. Вот наш идеал. Мы должны, ничем себя не извиняя, стремиться к нему и очень бояться спокойного существования. Конечно, мы стараемся, чтобы в обители внешне все было спокойно, но это делается для того, чтобы у вас была возможность для постоянной напряженной внутренней борьбы.

Суть нашей сегодняшней беседы проста. Ее можно было бы выразить в нескольких образных выражениях. Так делал Иоанн Лествичник, в книге которого названия глав включают перифразы. Например: «Об искоренителе страстей, высочайшем смиренномудрии» или «О матери добродетелей, священной и блаженной молитве». Мы могли бы сказать так: нерадение страшнее и опаснее всего. Оставление четочного правила – духовная смерть. Не нужно для молитвы ждать особого вдохновения, пламенной ревности. Истинная ревность состоит в постоянстве, а постоянство приобретается понуждением. *От дний же Иоанна Крестителя доселе Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е.*

Некоторые из присутствующих, наверное, думают: «Как долго и нудно он говорит!» Но посмотрите, какое емкое слово «нудно», оно одного корня со словами «понуждать», «понуждение». *Царство Небесное нудится.* В русском

переводе сказано: *Силою берется*, – это более благозвучное, современное выражение. Но мне кажется, славянский текст точнее и слово «нудится» лучше передает характер действия. Чтобы обрести Царство Небесное, нам приходится понуждать себя, то есть делать что-то нудное – то, чего нам совершенно не хочется, что противоположно нашим чувствам и устремлениям. Мы должны понудить себя, хотя бы в нас не было и тени желания. Спаситель дважды говорит об этом: *Царство Небесное нудится, и нуждницы восхищают е*. Надо приобрести этот навык самопонуждения, иначе будет очень трудно. В иные моменты нам будет казаться, что все пропало, и тогда нам поможет только умение преодолевать эту, так сказать, нудность. Иногда нам представляется невозможным сделать какой-то нравственный шаг, исполнить ту или иную заповедь, победить греховный помысел. Но если мы постоянно будем помнить слова: *Царство Небесное нудится*, то сможем перешагнуть через себя.

В противном случае может получиться так: хочется нам что-то делать – мы делаем, не хочется – не делаем. Подобным образом часто поступали, например, люди искусства. Многие поэты писали то религиозные стихи, то любовную лирику. Точно так же один и тот же художник или скульптор создавал произведения искусства абсолютно разного содержания. Те и другие могли считать себя религиозными людьми – и одновременно быть дуэлянтами, интриганами, славиться своими любовными похождениями и даже заниматься магией и чародейством. Да и мы сами зачастую сегодня глубоко религиозны, а завтра с той же искренностью устремляемся душой к какому-либо недостойному внимания, отвратительному предмету. И даже не понимаем, какие к нам могут быть претензии, – ведь мы всегда искренни, а значит, как мы думаем, всегда правы. Но нужно понуждать себя к добродетелям не только тогда, когда мы имеем желание и ревность, но и тогда, когда они в нас остывают, а то и вовсе пропадают. Мы должны проявить твердость и не уступить, когда страсти восстают в нас с такой силой, что мы забываем о своем предназначении, о цели своего пребывания в обители, и нас как бы насильно

влечет к злу, греху. *Аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави* (Еккл. 10, 4). Святые отцы так толкуют это изречение из Екклесиаста: если на тебя восстал дух злобы, не оставляй своего места, имей постоянство. Это очень важный момент. Повторяю снова и снова: страшнее нерадения ничего быть не может. Оно может святого превратить в развратника, а ревностного христианина – в христопродавца. Поэтому будем бояться его как душевной смерти.

* * *

Вопрос. На молитвенном правиле из-за отвлекающих мыслей тяжело сосредоточиться, а в келии, в особенности перед сном, молюсь внимательнее. С чем это связано?

Вопрос. Я думаю, это связано с тем, что на правиле бывает брань, которая часто возбуждается посредством нашей памяти. Вспоминаются события, произошедшие в течение дня, и поэтому тяжело сосредоточиться. Кроме того, когда человек засыпает, он перестает обо всем заботиться – это психологическая особенность. Допустим, перед сном ты внимательно молишься. Но сколько минут ты засыпаешь? Неужели пять-десять минут стоят двухчасового правила? Бывает, что благодать Божия действительно посещает человека в этом пограничном состоянии. Возможно, это связано с тем, что человек в момент засыпания естественно, без усилия освобождается от нагрузки дня. О молитвенных состояниях во время засыпания можно прочитать у блаженного Диодоха в третьем томе «Добротолюбия».

Вопрос. Батюшка, как познать себя? Мне кажется, что я себя совсем не знаю и не понимаю. Очень трудно объяснить старице свои внутренние переживания. Боюсь, что расскажу не то, что происходит со мной в действительности, и потому не получу нужного врачевания.

Вопрос. Человек должен иметь рассуждение. Нужно учиться вглядываться в себя, понимать себя для того, чтобы правильно, беспристрастно о себе рассказывать, а не оправдываться или вводить в заблуждение старицу: допустим, от ложной ревности преувеличивать свое нерадение и выпрашивать благословение на подвиги, либо

требовать себе снисхождения тогда, когда нужна строгость. Познание себя приход постепенно, от молитвы, от постоянного исследования себя, а не в один момент, как какое-то озарение.

Если человек познал себя, то он, можно сказать, приобрел духовное рассуждение. У монашествующих есть пословица: кто познал себя, тот познал Бога, – то есть насколько человек смирился, настолько он приблизился к Богу, настолько просветилось его духовное зрение. Чтобы подлинно познать себя, человек должен не только умом понять, что он грешен, но действительно увидеть в себе бесчисленное количество страстей, удобопреклонность ко греху, свои немощи, лукавство. От этого человек и приходит к смирению (как бы мы это ни называли – ненадеяние на себя, познание своей немощи, греховности и прочее). Смирение – это результат самопознания.

Вопрос. Мне кажется, что я имею ревность и к послушанию, и к молитве. Но в духовном развитии давно остановилась, совсем нет движения вперед. Нахожусь словно в душевной дебели. Стараюсь себя понуждать, но результата нет. Старица говорит, что причиной этому может быть телесная немощь. Что мне делать? Я скорблю от сознания своей духовной мертвенности.

Ответ. Необходимо самопонуждение. Пусть кажется, что нет продвижения вперед, но на самом деле изменения есть. Бывает медленное и почти незаметное продвижение, но потом вдруг происходит качественный перелом и человек внезапно меняется. Все зависит не только от нас, но и от действия Божественной благодати. Когда Господь пожелает, тогда и подаст ее, только нужно проявлять терпение и трудиться, а не ждать, что каждый день будут приобретения. Когда еще может обнаружиться произволение человека, как не в то время, когда он ничего не испытывает? Легко проявлять ревность и молиться, если у тебя душевный подъем. А когда все обыденно, дебело, как ты говоришь, тогда и обнаруживается произволение человека, то есть видно его самопонуждение как таковое. Время идет, и как будто ничего не происходит, а потом человек вдруг меняется, может быть, его посещает благодать. Внутри человека что-то происходит, и он

внезапно, как ему кажется, понимает какую-то важную вещь (на самом деле это подготовлено многими трудами). Не столько умом понимает, сколько познаёт на собственном опыте. Может быть, это что-то элементарное, но познать это на опыте бывает чрезвычайно трудно, иногда даже кажется, что невозможно. Если человек многими трудами приходит к этому, то перед ним открываются новые горизонты.

Вопрос. Если долгое время поддаюсь нерадению, то начинаю ждать какого-то внешнего толчка, чуда. Схожу на откровение помыслов, потом на исповедь, тогда и начну понуждать себя, исправляться. Часто впадаю в серьезные прегрешения. Они меня тяготят, и кажется, что невозможно понуждать себя, пока не исповедаешься, а сделать это сразу не всегда возможно. Так все и тянется.

Ответ. Потому я и говорю вам о том, что необходимо из всех сил понуждать себя к молитве. Действительно, у нас не всегда есть возможность открывать помыслы. Конечно, хорошо было бы, как говорит Симеон Новый Богослов, открывать помыслы старцу утром и вечером: утром рассказать о том, что происходило ночью, вечером – о том, что днем. А еще лучше – исповедовать помыслы каждый час. У нас такой возможности нет.

Прибегайте к средству, которое всегда с вами, – к Иисусовой молитве. Пусть нет ревности или впала в нерадение, но ты ведь понимаешь, что нужно делать, заставляй себя. Апостол Павел говорит: *В членах моих вижу иной закон, противящийся закону ума моего* (см. Рим. 7, 23). Закон, который в наших членах, – закон греха – противится закону ума. Мы очень многое не хотим делать, многое нам бывает неприятно, но мы осознаём, что это необходимо делать, и делаем. Это касается как житейских вопросов, так и духовных.

Вопрос. Как приобрести настоящее покаяние? Старица говорит, что покаяние – это радостное чувство, а я подобного никогда не испытывала, наоборот, чувствую внутреннее мучение, так как постоянно согрешаю. Мне кажется, что я не могу применить советы старицы, иду не тем путем.

Ответ. Покаяние действительно приносит человеку радость. У Иоанна Лествичника есть выражение «радостотворный плач», то есть плач, который творит радость. Никто и не каялся бы, если бы не чувствовал духовного утешения. Имеется в виду радость не от шуток и смеха, а радость от общения с Богом. Человек чувствует и страх, и душевное мучение оттого, что он несовершенен, но все это растворяется радостью и утешением. Я употребил бы именно слово «утешение», а не «радость», чтобы не было путаницы. Покаяние сопровождается благодатным, духовным утешением. Почему у тебя сейчас этого нет? Придет когда-нибудь. Лишь бы вместо покаяния мы не предавались унынию, здесь уж точно никакой радости не бывает.

О необходимости соблюдения распорядка дня¹⁷⁶

Сегодняшняя беседа будет иметь сугубо практическую направленность и коснется темы, всем известной и понятной, однако о ней стоит напомнить. Часто мы рассуждаем об исполнении возвышенных христианских добродетелей, таких, например, как любовь к Богу, смирение, покаяние, непрестанная молитва, умное делание и так далее. Говоря об этих возвышенных принципах, мы совершенно забываем о том, что они должны иметь какое-то реальное выражение в нашей повседневной жизни. Опыт святых отцов, опыт наиболее ревностных христиан за всю историю Православной Церкви свидетельствует о том, что все возвышенные добродетели можно свести к евангельским заповедям в том конкретном и притом весьма простом выражении, которое они получают в реальной жизни. Кстати, евангельские заповеди наиболее просто и легко можно исполнить, пользуясь именно этим древнейшим опытом отцов. Когда мы сталкиваемся с этими конкретными проявлениями евангельских заповедей в жизни, нам представляется, что это нечто неважное, необязательное, второстепенное. Но это не так. Сейчас я раскрою то, что хочу сказать.

Существует такое понятие, как режим дня. Казалось бы, какое отношение оно имеет к Евангелию? Но когда человек посвящает начатки дня Богу, как говорят святые отцы, то есть ревностно совершает утреннее молитвенное правило, то это и есть проявление любви к Нему. Представим обратную ситуацию: человек часто проявляет нерадение и нарушает режим под любым предлогом – недостатка здоровья (нам всегда не хватает здоровья, всем хочется, чтобы его было бесконечно много), утомления и прочего, а если и соблюдает режим, то нередко с ропотом. Пренебрегая, казалось бы, малым, он на самом деле попирает то, что может привести его к великому. То же самое можно сказать о четочном правиле. В Евангелии нет заповеди о том, чтобы молиться в какое-то определенное время дня. Но в Евангелии и в Посланиях

апостолов в разных выражениях говорится о непрестанной молитве. А чтобы исполнять эту многотрудную и многопользную заповедь, человек должен приобрести силу. Ее дает старательное исполнение четочного правила. Если же человек пренебрегает им, то он никогда и не приобретет непрестанной молитвы. Преуспевание в молитве, то есть усугубление внимания, получение благодатных даров, возникновение сердечных ощущений, совершается большей частью именно во время четочного правила. Пренебрежение им – казалось бы, какой маловажный пустяк! – приводит в конечном счете к тому, что человек вообще оставляет духовную жизнь. И эта, казалось бы, малость по сути становится крушением всей духовной жизни человека и приводит к очень печальным последствиям. Человек даже не понимает, что он сделал и откуда пришла беда, а на самом деле все очень просто.

То же можно сказать и о воздержании в пище. К сожалению, мы не можем подвизаться даже с той строгостью, которой от нас требует Типикон. Тем не менее мы должны хранить постоянное воздержание, помня о том, что мы имеем не только душу, но и тело, которое нужно держать в узде. Некоторые ослабляют воздержание в пище под предлогом немощей. Еще святитель Игнатий в XIX веке сказал, что болезни становятся общественным бедствием. А в наше время уже совершенно очевидно, что практически все люди чем-то больны. Но ведь плоть не будет платить нам благодарностью за то, что мы ее жалеем. Наоборот, если мы излишне питаем ее, она требует удовлетворения других своих потребностей (особенно это касается людей молодого и среднего возраста): даже во время тяжелой болезни в нас может восстать блудная брань. Не менее важно (а может быть, иногда даже и более) помнить о том, что необходимо ограничивать и сон. Мы думаем: «Ну что за беда, если я немножко больше посплю? Зато на службе не буду дремать». Но когда мы разумно воздерживаемся от сна, а затем борьбой с дремотой на службе удручаем свою плоть, мы получаем помощь свыше и благодать. Может быть, когда-то поддадимся дремоте, а когда-то Господь даст нам и внимательную молитву. А если мы даем себе полный

покой и приходим на службу выспавшимися, наш ум приобретает некую рассеянность, тяжесть и совершенно не испытывает стремления к молитве.

Нам кажется, что все это не имеет отношения к Евангелию. Но нерадение в «несущественных» делах, по сути, является прямым (хотя и незаметным) нарушением возвышенных евангельских заповедей, об исполнении которых мы так мечтаем или которые, по крайней мере, считаем для себя обязательными. Мы нарушаем режим, пренебрегаем четочным правилом, ослабляем воздержание в пище и сне. Наконец, мы пренебрегаем послушанием, отсечением своей воли. Это выражается подчас не только в духовных вопросах, но и в том, что мы плохо исполняем работы, которые не вызывают у нас интереса. Вполне может быть, что в монастыре просто нет таких занятий, которые были бы нам интересны. Допустим, какой-нибудь послушнице хочется писать стихи, а у нас такое послушание не предусмотрено. И она думает: «Что же я здесь прозябаю?» Мы впадаем в нерадение или, так сказать сохраняя приличия, понуждаем себя трудиться, но внутренне остаемся недовольны. И это неудовольствие лишает нас всякой награды за труды. Поэтому, когда мы к чему-то себя понуждаем, мы должны бороться не только с нежеланием исполнить то или иное благословение, следовать тем или иным принципам монашеской жизни – таким, казалось бы, обыденным и привычным, – но и со своим неудовольствием, внутренним неприятием того, что мы вынуждены делать только потому, что понимаем: в монастыре необходимо слушаться. Итак, во-первых, нужно понуждать себя, во-вторых, истребить в душе ропот и неприятие, то есть внутренне согласиться и быть готовым принять с радостью и исполнить все то, что нам благословляет делать более старший и опытный.

Таким образом, в нашей обыденной жизни возвышенные христианские принципы проявляются в таких нормах, как режим, правила, послушание, воздержание. Не будем этого исполнять, – значит, все пропало. Мы можем стяжать любую добродетель, победить любую страсть, если в нас будет ревность. Господь пришел призвать не праведников, но

грешников к покаянию. Насколько бы страстным и падшим ни был человек, благодать Божия может совершенно изменить его, если он прибегнет к покаянию. Как говорит Паисий Величковский, человек может стать ангелом, херувимом, в особенности если будет усердно прилежать умному деланию. Но если он впадет в нерадение, выражающееся в презрении к своим обязанностям, в непослушании старице или старшим по послушанию, в пренебрежении четочным правилом или исполнении его без должного усердия, без крайнего понуждения себя, – то он все разрушит. Нерадение может привести к тяжелейшим последствиям, даже когда оно проявляется в такой, казалось бы, малости, как воздержание в пище. Человек может поддаться не только блудной, но и другой, не менее опасной, хотя, возможно, не такой очевидной страсти – лени и унынию (по мнению преподобного Григория Синаита, это одно и то же. Можно сказать, что уныние – это лень в духовных занятиях, а лень – это уныние в занятиях телесных). Человек, поддавшийся унынию, полностью безоружен перед многими страстями, начинающими бороться с ним в сильнейшей степени. Как сказал Иоанн Лествичник, уныние – это всепоражающая смерть. Нам нужно бояться этой страсти как самой губительной.

Мы часто мечтаем о более благоприятных условиях для духовной жизни: «Как бы мы подвизались, если бы имели более мудрых руководителей, или больше времени для молитвы, или отдельную келию! Еще лучше, конечно, жить в лесу или в горах. И если бы нас так хорошо не кормили, если бы мы могли поститься как следует, есть заплесневелые сухари да запивать их гнилой водой, вот тогда бы мы из себя что-то представляли». Но все это лишь мечтательность и самооправдание. Человек, который ищет духовной жизни, будет использовать каждую минутку для того, чтобы удовлетворить сильнейшую жажду общения с Богом. У него будет всего две-три минуты, но он за это время от всей души скажет Иисусову молитву, или прочитает несколько стихов Евангелия, или заглянет в святоотеческую книгу и оттуда почерпнет для себя нечто полезное, да еще и воодушевится ревностью к подвигу. А что делаем мы, когда Промысл дарует нам немного свободного

времени для занятия молитвой или чтением? Мы тратим его на удовлетворение своих страстей: предаемся пустым разговорам или находим себе какое-нибудь якобы срочное и обязательное занятие. Мы думаем: «Сейчас я сделаю это и это, а потом помолюсь». Но вот мы сделали и то и другое, а потом вдруг появилось неожиданное дело, которое действительно нельзя отложить, и мы уже не помолились. Мы не можем один час потратить с пользой для себя. Можно себе представить, что было бы с нами, если бы в нашем распоряжении находился целый день! Мы просто много спали бы. На неопытного человека в уединении в первую очередь нападает даже не гордость, а уныние в смысле бездеятельности – лень, сонливость, желание развлечений, мечтательность, всевозможные воспоминания, к которым часто присоединяются тщеславные мысли: «Если бы я был тем-то и тем-то, то сделал бы то-то и то-то. Но меня здесь не ценят, и я пропадаю». Думаю, что если бы Промысл Божий предоставил нам уединение, то никто из нас (я даже не могу сказать «почти никто») не оказался бы способен к нему, и оно не только повредило бы нам, но и послужило бы к гибели. Поэтому будем мудрыми, не станем тратить время на мечты. Начнем уже сейчас дорожить каждой минутой и делать все, что от нас зависит. А для этого нужно приучить себя к молчанию, чтобы не тратить время на пустые разговоры (это, конечно, не касается разговоров, необходимых при исполнении послушания). Надо приучить себя ценить то небольшое уединение, которое мы имеем, ценить и тратить его разумно на молитву или чтение. Нужно уметь строго придерживаться монастырского режима, за исключением каких-то особенных случаев (но и на них нужно испрашивать благословение). Иногда нужно уметь быстро сориентироваться, хотя бы даже так: достать из кармана Евангелие и почитать, не потерять ни одной минутки.

Все, о чем я говорил, можно свести к двум кратким выводам. Во-первых, мы должны стремиться к духовной жизни, используя все, что благоустроено монастырским уставом согласно учению святых отцов. Во-вторых, нашему преуспеянию способствует и то, что кажется нам мешающим. Все

неожиданные изменения обстоятельств нужно использовать так, чтобы заниматься тем, ради чего мы, собственно, находимся в обители. Мы не на заводе, не на фабрике, не в научно-исследовательском институте. Мы пришли в монастырь ради спасения своей души. Никто из нас, приходя сюда, не планировал заниматься тем или иным делом и не говорил: «Это послушание меня не устраивает, это не моя специальность, я работать не буду». Наша специальность – это Иисусова молитва. Вот занятие, от которого мы должны «получать прибыль». А если мы перестанем молиться – грош нам цена. Без молитвы теряет всякую ценность все, что бы мы тут ни делали. Всем этим с гораздо большим успехом можно заниматься в миру. Мы работаем только по необходимости, ради того чтобы иметь возможность заниматься умным делом. Выражаясь мирским языком, профессия монаха состоит в том, чтобы молиться Иисусовой молитвой. Если монах не заботится о преуспевании в ней – это профессиональное несоответствие. На заводе за такое увольняют.

Сначала мы мечтаем о каких-то возвышенных вещах, а потом сталкиваемся с собственными страстями и немощами. Например, накричим на сестру за то, что она форточку в келии не вовремя открыла, и приходим в уныние: мол, я ведь должна всех любить так, чтобы быть готовой жизнь отдать... Вместо того чтобы заниматься такими глупостями, нужно думать о конкретных вещах. Может быть, это прозвучит странно, но к духовной жизни нужно подходить практически. Преподобный Серафим Саровский в своих наставлениях о духовной жизни сравнивает стяжание благодати Божией с торговлей. Он вспоминает о том, как в молодости работал в лавке своего отца, и говорит, что они торговали не всяким товаром, а только тем, который приносил бóльшую прибыль.

Так же нужно относиться и к духовной жизни. Если Серафим Саровский считает такой подход приемлемым, то нам тем более нужно быть, так сказать, корыстолюбивыми в духовных делах. Как бы обменивая земное, телесное на духовное, мы должны постоянно думать о выгоде – о том, чтобы получить больше

благодати, больше преуспеть в молитве, стяжать кротость, покаяние, послушание и так далее. Отец Андрей говорил о некоторых монахах: «Они звезды считают, а я копейки собираю», имея в виду, что нужно не мечтать о возвышенных предметах, а совершать добродетели, которые доступны в данный момент. В чем это выражается? Допустим, сказали тебе что-нибудь неприятное, а ты промолчала и с помощью молитвы уничтожила гнев в душе, как бы сожгла его молитвой, – вот и приобрела конкретную пользу. Нельзя пренебрегать ни одной возможностью побороться с собой и исполнить заповедь. Нужно внимательно глядеть себе под ноги: вдруг где-нибудь да лежит копейка. А если мы будем все время смотреть на небеса и считать звезды, то не только копеек не соберем, но еще и споткнемся и упадем. Нужно использовать все благоприятные и неблагоприятные, как нам кажется, обстоятельства для настоящей духовной жизни, а не предаваться пустым, по сути горделивым или, по крайней мере, бесполезным мечтаниям. Одно дело, когда у человека есть план действий и он последовательно осуществляет свои намерения и в конечном счете добивается результата. И совсем другое, когда он мечтает, мечтает, мечтает и ничего не достигает, и вся жизнь его проходит впустую.

Обломов из одноименного романа Гончарова мечтал, лежа на диване. Как-то все у него не складывалось, чтобы что-нибудь сделать. Географ Паганель из романа Жюль Верн «Дети капитана Гранта», сидя у себя в кабинете, знал, казалось бы, весь земной шар, но когда дошло до настоящего путешествия, все перепутал. Вот пример того, как обнаруживается несоответствие мечтаний и реальной жизни. Смотрите, чтобы у нас не получилось так, как у Паганеля. Читая святых отцов, мы представляем себе, что уже, так сказать, путешествуем по всему земному шару. А когда доходит до реального путешествия, оказывается, что мы эти знания применить не можем. Нужно не мечтать, а действовать.

Отец Андрей часто повторял одну поговорку (правда, придавал ей другой смысл, не тот, что обычно придается ей в народе): «Якши, яман – клади в карман». Под этим он

подразумевал, что нужно стараться из всего извлечь пользу. Есть свободное время – хорошо, помолись. Оскорбили тебя – плохо, но ты смиришься и опять получишь пользу. Таким образом, наша повседневная жизнь благодаря нам самим становится духовной. Вообще, о всяком человеке, даже об атеисте, можно сказать, что он ведет духовную жизнь. Хотим мы этого или нет, молимся или нет, но мы живем не только телесно. Человек по природе духовен, и в любом случае его дух живет и развивается. Но у неверующего духовная жизнь изуродована. Она состоит в том, что человек предается нечистым помыслам, или гордости, или гневу. Так его дух реагирует на окружающий мир или на бесовские внушения. А мы, желая этого избежать, должны стараться, чтобы наша духовная жизнь протекала правильно, по Евангелию, – так, как его поняли люди, которые вели деятельную христианскую жизнь, то есть святые отцы. Они приняли Евангелие как руководство к действию и выработали образ жизни, благоприятный для его исполнения. По словам аввы Дорофея, это именно монашеский образ жизни.

* * *

Вопрос. После исповеди помыслов у меня начинается брань с мнительностью. Появляется смущение, что забыла что-нибудь сказать или сказала слишком кратко. Из-за этого вместо душевного облегчения от исповеди чувствую только отягощение. Как бороться с подобными помыслами? Кажется, что отсечь их невозможно, потому что сердце не соглашается признать их греховными.

Ответ. О помыслах мы говорим старице для того, чтобы открыть перед ней те или иные наши страсти, борения и получить совет. Если мы забыли какую-то мелочь, это не имеет существенного значения. Если же мы проявляем скрытность, лукавство и говорим не все только для того, чтобы о нас думали лучше, чем мы есть на самом деле, чтобы навязать старице какое-то свое мнение, тогда, безусловно, нужно с собой что-то делать. Необходимо научиться говорить просто, не уклоняясь в оправдания, не засуживая себя: другими словами, нужно говорить беспристрастно. Смирение в данном

случае состоит не в том, чтобы говорить о себе плохо, а в том, чтобы говорить то, что есть на самом деле, и представить на суд старицы свою внутреннюю жизнь. Необходимо отказаться от своего разума, а старица уже рассудит, что хорошо и что плохо, на что следует обратить внимание и чем пренебречь, с чем нужно усиленно бороться и что потерпеть. Если же слишком вдаваться в подробности, то можно один день описывать так долго, что на это описание уйдет очень много времени. В литературе есть направление – натурализм, которое характеризуется тем, что автор очень подробно описывает те или иные поступки, внутренние переживания человека. Есть также форма повествования – «поток сознания»: автор описывает все, что проносится в его голове, как правило, текст в этом случае получается совершенно бессвязным. Если мы будем заниматься таким «литературным творчеством», то не думаю, что от этого будет какая-то польза.

Нужно писать кратко и одновременно конкретно. Если какие-то обстоятельства душевной жизни, пусть даже мелкие, вызывают болезненные переживания, то нужно сообщить о них старице. Если же это не привлекает особенного внимания, значит, можно об этом и не говорить. Старица сама расспросит о подробностях, если сочтет нужным, если захочет проанализировать то, что происходит в человеке.

Сказать, что бороться с мнительностью невозможно – значит признать, что есть такие страсти, которые нельзя победить. Если мы молимся, надеемся на всемогущую помощь свыше, то как можно говорить, что эти страсти непобедимы? Это неправильно и с догматической, и с аскетической точки зрения.

Вопрос. Поясните изречение Пимена Великого: «Иной человек кажется молчащим, но если сердце его осуждает других, то он говорит всегда. И есть такие, которые с утра до вечера говорят языком, но в то же время соблюдают молчание, ибо не осуждающий ближнего, то же – что молчащий»¹⁷⁷.

Ответ. Последние слова могут относиться, допустим, к священнику, который несет служение и постоянно общается с людьми. Пусть даже он говорит с утра до вечера, но если он

никого не осуждает, значит, все равно что молчит. Кроме того, может быть, в этом изречении употреблен литературный прием – гипербола, то есть преувеличение. Так, Гоголь пишет, что «редкая птица долетит до середины Днепра». В действительности птицы перелетают Днепр даже в самом широком месте. Пимен Великий также использует утрированный образ, для того чтобы придать особый смысл своему изречению. Даже если понимать его слова буквально, то они не относятся к людям, которые склонны к болтливости. Языком и помимо осуждения можно много согрешить. Даже если целый день мы говорим что-то, так сказать, нейтральное, то опустошаем свою душу и теряем благодать. В Священном Писании есть такое изречение: *При многословии не миновать греха* (Притч. 10, 19). Кто много говорит, тот по немощи обязательно попадет в грех осуждения. Однако есть люди исключительные, такие как великий учитель Церкви Иоанн Златоуст или живший в недавнее время отец Иоанн Кронштадтский, который большую часть суток проводил среди людей, общался с ними, выслушивал просьбы, беседовал, старался утешить. Спать ему приходилось три-четыре часа в сутки. Про него как раз можно сказать, что он говорил много, но при этом был как молчащий.

Молчать можно по разным причинам. Человек может молчать потому, что не умеет говорить. Есть люди от природы немногословные, они, бывает, и хотят сказать, да не знают как. Молчать можно от презрения к ближним, от злости, гордости. Бывает, человека спрашиваешь о чем-то, а он надуется и молчит. Что это значит? Что он исихаст? Нет, конечно. Это значит, что человек до того обозлился, что даже ответить не хочет. Те, которые молчат потому, что молчаливы от природы или по другим подобным причинам, но в то же время поддаются греховным помыслам, осуждают, – лишаются благодати.

Молчание может соединяться со многими страстями. Не только с осуждением, о чем говорит Пимен Великий, но и с гордостью. Человек внутренне произносит какую-нибудь проповедь, которую он сказал бы, если бы кто-то стал его слушать, или представляет, как он обращал бы в православие

язычников или был в монастыре прекрасным экономом, блестяще вел хозяйственные дела. Все это, конечно, действие страстей: тщеславия, гордости, а возможно, и осуждения.

В Евангелии сказано: *Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст; ибо из сердца исходят злые помыслы* (Мф. 15, 11 и 19). Это значит, что, когда человек говорит что-то под действием страсти, например блудной или гордости, он оскверняется. Но можно говорить по страсти и внутренне, потому что Спаситель сказал: *Из сердца исходят злые помыслы*. Даже если по какой-то причине язык не приведен в движение, но мысли исходят из сердца, они оскверняют человека. Если же человек говорит по необходимости и без греха, тогда он остается чистым. Я читал про одного греческого святого, равноапостольного Косму, который жил в XVIII веке. В то время в Греции из-за турецкого ига было оскудение христианских нравов и добродетелей. Он проповедовал среди греков, чтобы восстановить в них утерянное благочестие. Он ставил в какой-либо местности крест, начинал проповедовать, и от одной его проповеди люди исцелялись. Не от молитвы происходили чудеса, а от проповеди. Если люди исцелялись, значит, в его словах действовала благодать. Это, конечно, пример особенный, но он проливает свет на изречение Пимена Великого.

Вопрос. Есть рассказ о том, как один подвижник написал на стене своей келии названия возвышеннейших добродетелей и при появлении тщеславных помыслов подходил к стене, чтобы обличить и укорить себя. Не будет ли для нас полезным также для самоукорения вспоминать добродетели, к которым мы стремимся, то есть возвышать ум горé, особенно при молитве?

Ответ. Именно при молитве этого делать не нужно, потому что любые размышления мешают молиться. Зачем нам думать о добродетелях тогда, когда мы занимаемся приобретением самой важной добродетели, матери всех добродетелей – молитвы. Всякая, пусть и добрая, мысль во время молитвы неуместна, даже искусительна, поскольку отвлекает нас. Бывает, однако, что от самой молитвы

происходят возвышенные мысли, рождаются возвышенные духовные состояния, которые облакаются в простейшие слова, наполненные неизъяснимым духовным чувством, это как бы некоторые ощущения души: скажем, человек испытывает любовь ко всем людям. Иногда человеку открывается тайна вечной жизни, он как бы заглядывает в вечность, и это также облакается в простые, краткие слова. Одно дело – состояние, порождаемое молитвой, а другое – наше собственное произвольное размышление. Молитва требует, чтобы весь ум собрался в слова молитвы, как об этом пишут преподобный Иоанн Лествичник, святитель Игнатий (Брянчанинов), а если мы даже под благовидным предлогом будем о чем-либо рассуждать, то нам это помешает.

Что касается другого времени, когда вы могли бы вспоминать о добродетелях, для того чтобы себя укорять, то делать это нужно с благословения старицы, которая знает душевное состояние своей послушницы. Некоторые, вспоминая о добродетелях, тут же начинают тщеславиться и гордиться.

Для того чтобы поступать так, как тот подвижник, нужно иметь здравый смысл и трезво себя оценивать. Кто-нибудь подумает: «Да, нужно любить Бога всем сердцем, всей душой. Еще немного – и я, наверное, это приобрету». Мы можем быть слепыми относительно своего внутреннего состояния и не понимать, до какой степени мы лишены добродетели, далеки от Бога, потому что не познали на опыте, что такое близость к Богу, что такое добродетель. Нам представляется (я не говорю – от гордости, просто от неопытности), что до совершенства еще чуть-чуть. Поэтому, размышляя о высоких добродетелях, мы можем самих себя подвергнуть искушению. Подвижник, который обличал сам себя, знал свою меру, он познал самого себя, какие в нем грехи, страсти, и, когда вспоминал о возвышенных добродетелях, поневоле смирялся. Мы же, вспоминая о них, наоборот, можем привести в движение гордость, мечтательность. Поэтому делать это позволительно человеку, имеющему трезвый взгляд на самого себя, другими словами – трезвение. Кто из нас может сказать, что имеет трезвение?

Я считаю, что такой способ самоукорения новоначальным едва ли подходит. Если старица считает, что это подходит кому-то из тех, кто в какой-то степени преуспел, трезво на себя смотрит, то с благословения можно так делать.

Вопрос. На службе и правиле часто плачу о себе и своих грехах, но на деле выходит, что эти слезы бесполезны. Теперь боюсь плакать и слезы подавляю, кажется, начинаю ненавидеть их. Почему так происходит?

Ответ. Если при молитве внимание от слез усугубляется и не только молитва становится внимательной, но и само богослужение начинаешь воспринимать сердцем, сочувствуешь тому, что происходит в храме, тогда, конечно, эти слезы благодатные, правильные, они происходят от действия молитвы.

Иногда слезы мешают молитве: появляется какая-нибудь мысль, например о своих грехах, или воспоминание о прочитанном в святоотеческой книге, умиляющее тебя, но во время молитвы неуместное. Если ты читаешь житие святого или святоотеческие поучения и появляются слезы – это нормально. А если ты молишься, подобные мысли только отвлекают от молитвы, и поэтому в данный момент они недопустимы. За слезами гоняться ни к чему. Слезы слезам рознь. Духовные слезы прогоняются слезами плотскими, происходящими от плоти, от какой-нибудь страсти. Можно заплакать от гордости, злости, жадности, лукавства, лицемерия, заплакать для того, чтобы сделать вид, что тебе очень плохо.

Однако если слезы молитве не мешают, они хороши. И не нужно удивляться тому, что иногда человек плачет искренне, а потом, к сожалению, поддается каким-то страстям. Гнать в таком случае слезы, ненавидеть их – это неправильно. Тот, кто отвергает их, рассуждает так: если у меня есть слезы, значит, я бесстрастная, а если я не могу быть бесстрастной, не грешить, тогда и плакать ни к чему. Можно совсем далеко зайти и сказать: «Если у меня ничего не получается, я и молиться не буду. Да и зачем ходить в церковь? Толку от этого никакого нет». На очищение человека, как правило, уходят многие годы, при условии, что он каждый день упорно трудится,

следит за собой. Плакая свои грехи, немощи и понуждая себя к добродетели, он постепенно будет меняться.

Вопрос. Старец Иосиф Исихаст писал одному иноку, что если к тому во время его уединенной молитвы постучится кто-то с желанием побеседовать, то лучше ему не открывать. Собственное спасение, как говорит старец, выше любви к ближнему. Мне кажется, это против заповеди Божией. Объясните, пожалуйста.

Ответ. Это не против заповеди, а против суеты. Допустим, Иосиф Исихаст не прав, следовательно, и мы поступаем неправильно, находясь в монастыре. Зачем мы ушли из мира? Почему не помогаем больным? Так можно вообще монашество отрицать. Для того чтобы в полной мере исполнить заповедь о любви к Богу и зависящую от нее заповедь о любви к ближнему (эта заповедь несамостоятельная, она является отражением заповеди о любви к Богу), мы должны уединяться. Однако мы живем в общежительном монастыре не потому, что это наилучший способ стяжания любви к Богу, а потому, что мы немощны и не способны к такому уединению, к какому способны весьма немногие из людей, в частности Иосиф Исихаст.

Старец Иосиф и его ученики жили в пещерах, круглый год ходили босиком, жестоко подвизались, постились, пребывали в непрестанной молитве, всевозможных лишениях, кроме того, их осуждали как прельщенных, негодных людей, они были презираемы даже своими собратьями монахами. Кто из нас смог бы это вынести? Нужно также иметь в виду немощь женского пола. В древности, конечно, были женщины-отшельницы, но это было героическое время, «золотой век» монашества, да и было их немного. Женщины не приспособлены к суровому образу жизни, физически они не могут вынести те лишения, к которым способны мужчины. Даже если в этом можно усомниться, пусть это на самом деле и не так, но в душевном отношении мы не способны на подобные подвиги вне зависимости от того, какого мы пола, и поэтому мы живем в общежительном монастыре.

Не нужно считать, что совет старца Иосифа – против заповеди о любви к ближнему. Есть подлинная любовь к

ближнему, и есть лишь видимость исполнения заповеди. Когда мы оказываем человеку внимание – это видимость, а когда мы приносим пользу для спасения его души, то это действительно исполнение заповеди. Допустим, ко мне кто-то приходит, что-то спрашивает, а я ему говорю: «Брат, приди в положенное время, сейчас я исполняю правило». Если я буду всех принимать, то не смогу молиться.

Известно, что подвижники, в особенности отшельники, всегда избегали общения с людьми. Это не изобретение Иосифа Исихаста. Еще древние отцы говорили, что кто хочет преуспеть в отшельничестве, тот должен стяжать жесткое, немилостивое сердце. Если мы будем всех жалеть, то нам место не в монастыре. Под предлогом человеческой жалости мы будем постоянно вступать в общение с людьми и потеряем то, ради чего пришли в монастырь, променяем участь Марии на участь Марфы. *Мария же благую часть избра, яже не отыметя от нея*, – сказал Спаситель (Лк. 10, 42). Мы должны сидеть у ног Иисусовых и отвергать упреки в том, что мы не занимаемся добрыми делами (монашество хотят превратить сейчас в какую-то благотворительную организацию), иначе мы будем кем угодно, может быть, даже святыми, только не монашествующими. Исаак Сирин говорил: «Не считай тех, кто творит чудеса в миру, бо льшими тех, кто подвизается в пустыне»¹⁷⁸. Пусть мы в миру творили бы чудеса, совершали великие и добрые дела, но уединение выше, потому что оно соединяет человека с Богом.

Мы не должны думать о том, поможем мы людям или нет, мы должны прежде всего помочь себе, осознать всю глубину опасности, которая нам грозит. Может быть, Господь кого-то из нас и сделает орудием спасения других людей, однако мы не должны этого искать, поскольку это уже есть гордость. В отечниках есть бесчисленные рассказы о том, как демоны искушали подвижников, чтобы побудить их оставить уединение ради добрых дел. Конечно, мы не имеем полного уединения и не способны подвизаться, как отшельники, но то малое, что даровал нам Господь, мы должны хранить и развивать в себе, чтобы достигнуть самого главного –

внутреннего безмолвия, а для этого важно не столько уединение, сколько беспечалие, удаление от забот обо всем земном. Всегда найдется причина оставить молитву под предлогом служения ближнему, ни в коем случае не нужно этому поддаваться. Конечно, бывают исключения: допустим, старица, духовник, настоятельница обязаны заботиться прежде всего о других людях, но вам об этом думать не нужно.

Если бы вы поняли дух этого наставления Иосифа Исихаста – дух древних отцов, тогда вы преуспевали бы, не друг с другом стремились бы общаться и проводить время впустую, а желали бы каждую минуту использовать для того, чтобы общаться с Господом, святыми отцами, назидующими нас в спасительной христианской жизни, молитве.

Вопрос. Иногда появляется больша я ревность к послушанию, и я стараюсь все исполнить так, как скажут, до мелочи, но сестры начинают смеяться и говорят, что неважно, в какой последовательности выполнять задание. Я смущаюсь этим. Скажите, может быть, я неправильно думаю?

Ответ. Если человек старается все делать скрупулезно, точно, то у него постепенно вырабатываются полезные душевные навыки. Пусть это не имеет никакого значения в работе, но важно то, что будет польза для души. А если человек думает: «Какая разница? Сделаю по-своему, может быть, лучше будет», – значит, он теряет ревность к тому, чтобы все исполнять тщательно. Когда же придет время исполнить заповедь, он скажет: «Зачем исполнять эту заповедь? Подумаешь, блаженны кроткие. А если тобой будут понукать, неужели блаженным останешься?» И так человек дойдет до презрения к заповедям. Послушание вырабатывает навыки, которые оказываются полезными в нравственной жизни. Допустим, в иконописи нарушение технологии ведет к тому, что, во-первых, с художественной точки зрения получается не тот результат, которого ожидали, во-вторых, это может привести к разрушению иконы. Поэтому я не считаю, что все равно, как делать. Такое отношение к делу неправильно.

Вопрос. Мне очень нравится читать древних отцов, а к творениям святителя Игнатия (Брянчанинова) я равнодушна,

хотя все вокруг руководствуются ими. Отчего это может быть?

Ответ. Святитель Игнатий так ясно и отчетливо пишет, что после прочтения его творений остается либо выполнить то, о чем он пишет, либо отринуть. Поэтому те, кто действительно стремятся к духовной жизни, делают святителя Игнатия своим духовным руководителем, а те, кто читают из любопытства, предпочитают такие творения отцов, читая которые можно было бы уклониться от практического применения и исполнения того, о чем прочитал. Читаешь о том, как постились древние отцы и мечтаешь: и я так же постилась бы. А у святителя Игнатия определенно говорится, что нужно исполнять, но нам не хочется, и потому писатель этот не нравится: кажется, что он скучен.

Вопрос. Если на какое-то время забываешь наставление старицы, а после снова и снова с ревностью стремишься последовать ему, считается ли это послушанием старице или нет? И что может быть причиной этого, недостаток благодати или малое понуждение?

Ответ. Святые отцы говорят, что забвение – злейшая из всех страстей. Дьявол наводит на человека забвение для того, чтобы он забыл о своем предназначении, о том, что должен вести себя как христианин, монашествующий, послушник. Однако если мы собственным усилием или по благодати Божией вновь возвращаемся к наставлению, то избегаем греха и, безусловно, получаем пользу. Конечно же, это послушание, точнее сказать, понуждение себя к послушанию.

Вопрос. Может ли человек, преуспевший в молитве, не заботиться о внимании?

Ответ. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что ценность молитвы заключается во внимании. К внимательной молитве понуждает себя и новоначальный, который молится устной молитвой, и тот, кто перешел к умной молитве, и тот, у кого сердечная молитва, и тот, у кого молитва самодвижная. Наверное, не понуждает себя ко вниманию только человек, который умом восхитился на Небеса, потому что он уже не способен к понуждению – им управляет Святой Дух. А тот, кто управляет собой, пусть у него будет даже непрестанная

сердечная молитва, – ведь и она может быть внимательная или невнимательная, «сухая» или с каким-то чувством и так далее, – все равно должен себя понуждать. Нельзя сказать, что кому-то это делать совсем не нужно.

Другой вопрос – как себя понуждать? Некоторые по неопытности делают это так, что могут даже прекратить действие молитвы, потому что навязывают ей какой-то свой, привычный им ритм, а тут нужно прислушиваться, как бы всматриваться умом в молитву, вникать в нее, и тогда она будет развиваться. Борьба за внимание – это суть духовной жизни.

Вопрос. Можно ли во время молитвы, если начинаю расслабляться, приводить себе в пример каких-нибудь мужественных людей?

Ответ. Я думаю, что это может отвлекать от молитвы. Если безвидно помнить смерть и при этом иметь краткую, не выраженную ни в каких словах мысль, соединенную с молитвой и не имеющую никаких образов, так чтобы она не отвлекала от Иисусовой молитвы, тогда будет бо льшая польза.

Между Сциллой и Харибдой¹⁷⁹

Для сегодняшней беседы я решил использовать образ из поэмы великого древнегреческого поэта Гомера «Одиссея», в которой рассказывается о приключениях одного из героев Троянской войны. Всю поэму я пересказывать не буду, а напомним только один момент. Когда Одиссей с товарищами после победоносной войны возвращался домой, на пути их подстерегали разные опасности. Однажды им нужно было проплыть через пролив, на обоих берегах которого находились чудовища – Сцилла и Харибда. Харибда со страшным шумом всасывала в себя воду, словно выпивала всю воду в проливе, и заглывала корабли, которые там проплывали, а обломки выплевывала. Сцилла была менее опасной: у нее было шесть голов и каждая голова могла схватить только одного человека. Пока Сцилла нападала на корабль, можно было проскочить пролив, потеряв при этом несколько человек. Существует выражение «между Сциллой и Харибдой» – так говорят о положении, при котором опасность или неприятность угрожает с двух сторон. Одиссей, направляя корабль в пролив, сказал своим соратникам о Харибде, но умолчал о Сцилле. Напуганные Харибдой, моряки стали держаться противоположного берега. Когда они вошли в пролив, Сцилла успела схватить шестерых человек, и корабль проплыл между этими страшными берегами. Таким образом, понесся некоторый урон, Одиссей спас большую часть людей.

В духовном смысле мы находимся в такой же ситуации: нам нужно проплыть между Сциллой и Харибдой. Прямых аналогий проводить не стоит: не обязательно мы должны что-то потерять. Но проплыть между двумя чудовищами, чтобы спастись, нам неизбежно придется. Сциллой и Харибдой в духовной жизни являются нерадение и гордость.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что брань, которая приносит или поражение, или венцы, бывает по трем причинам. Первая причина – нерадение, вторая – гордость, и третья – зависть бесовская. О последней мы говорить не будем: если

человек терпит брань по зависти бесовской, это значит, что он, по крайней мере, подвизается. Такой брани всегда сопутствует помощь свыше, помощь Божия. Испытание может быть очень сильным, но человека укрепляет некая таинственная, неизъяснимая внутренняя сила, которая делает его способным разумно и безопасно перенести брань. А когда брань бывает от нерадения и гордости, тогда человек падает.

В особенности страшна брань, случающаяся от гордости. Человек прилагает чрезвычайные усилия, чтобы воспротивиться искушению, но испытание оказывается выше его сил. Почему? Потому что, когда он поддается гордости, он предоставлен сам себе: благодать Божия его оставляет, Господь не укрепляет. А своими собственными силами, весьма ограниченными и скромными, человек, даже если в сравнении с другими он очень ревностный и обладает сильной волей, не способен победить диавола. Как говорится, на всякого мудреца довольно простоты.

С другой стороны, нельзя недооценивать и нерадения. Кажется, что это пустяк: тут что-то не доделал, там что-то упустил. А потом удивляешься: почему такое невыносимое душевное состояние? Почему ничего не можешь с собой сделать?

Может быть, у меня несколько ограниченный, субъективный опыт, но иногда мне кажется, что нерадение все-таки страшнее, чем гордость. Гордость, по словам того же Лествичника, может даже стать причиной совершенствования человека. Каким образом? От гордости попускается сильнейшая брань. Ревностный человек начинает бороться с искушениями и, конечно, бывает вынужден смиряться. Таким образом, гордость приводит к преуспеянию. Конечно, не потому, что гордость – это хорошо, а так получается, можно сказать, нечаянно, если человек имеет ревность. А что такое ревность? Ревность – это, по сути, радение. А отсутствие ревности – нерадение. Вот и выходит, что самое главное – иметь радение. К сожалению, многие спустя некоторое время после прихода в монастырь забывают об этом. Ревность быстро иссякает.

Конечно, когда человек приходит в монастырь, он делает это до какой-то степени сознательно и понимает, что ему предстоит особенный, чрезвычайный образ жизни. Но проходит некоторое время: год, два, три, иногда даже десять, пятнадцать, двадцать лет, – и человек успокаивается. Это касается, конечно, молодых людей. Ты пришел в двадцать лет с пламенной ревностью, а в сорок лет тебя уже ничто не волнует: все обычно, привычно, безразлично. Начались, так сказать, будни монастырской жизни. А в буднях имеет большое значение, кого на какую должность поставили, кто начальник, кто подчиненный, кто как себя ведет, с кем хорошо работать, а с кем плохо. О духовном преуспевании и даже о спасении в вечности человек практически перестает думать. По моему мнению, нерадение – это чрезвычайно опасная страсть, просто всеобщая пагуба. Проявляться она может в самых разных видах. Я буду говорить о том, как это бывает в обители, какими вещами мы часто пренебрегаем, считая их незначительными, но пренебрежение которыми ведет к оставлению духовной жизни.

Слово «нерадение» кажется мне очень точным – в отличие от слова «гордость», значение которого несколько туманно и не всем понятно, поэтому его хочется заменить словом «самонадеянность», а вот нерадение – понятное слово. Это отсутствие радения, то есть желаний, стремления, старания что-то сделать. Для большей понятности вместо «нерадение» иногда можно говорить просто «лень», имея в виду лень не по отношению к какой-либо работе, а по отношению к духовной жизни, в которую телесный труд входит как некая составная часть. Таким образом, радение можно назвать духовным трудолюбием, а нерадение – духовной ленью.

В чем может проявиться нерадение? К каким последствиям оно может привести? Очень распространенное проявление нерадения – это ослабление воздержания в пище. Предлоги могут быть самые разные: немощь, болезнь, усталость и прочее. Когда человек проявляет подобное нерадение, это может привести к последствиям просто катастрофическим: к блудной брани, блуду, оставлению монашеских обетов, полному изменению внутреннего строя человека. Не так, что человек

нечаянно согрешил, а потом опомнился, – нет, у него просто полностью меняется весь образ мыслей. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что наш образ мыслей зависит от питания. Почему? Очень просто: при чрезмерном питании в человеке начинают действовать страсти, которые затмевают разум. Одной страсти чревоугодия достаточно, чтобы потемнить наш рассудок. Кроме того, от чревоугодия, естественно, появляется блудная страсть. Появляется лень в самом грубом, примитивном смысле слова. Некоторые люди впадают в гнев, потому что им нужно куда-то деть избыток энергии: с кем-нибудь поругаться или подраться, как это бывает в миру. Хорошая трапеза в монастыре нужна для того, чтобы люди могли нормально питаться и не заботиться ни о чем, кроме своего душевного состояния. Из этого не нужно делать предлог для того, чтобы устраивать пир на весь мир. Все равно необходимо себя контролировать.

Невоздержание в пище особенно опасно для молодых. В пожилом возрасте оно, конечно, тоже имеет значение, но к таким страшным последствиям не приводит. Человек может просто поддаться лени. А в юности невоздержание обязательно приведет к сильнейшей блудной брани с самыми печальными результатами, какие только могут быть. Даже больной человек всегда должен помнить об ограничениях в пище, хотя и учитывая свои немощи. Более того, именно тогда, когда ты лежишь больным, следует быть особенно осторожным. Под предлогом болезни ты можешь предоставить себе свободу в отношении пищи, а потом в тебе разгорится такая блудная страсть, что останется только искать кандидатуру и бежать в загс подавать заявление. Иоанн Лествичник об этом говорит: «Я видел людей, которые в тяжелой болезни мучаются блудной страстью»¹⁸⁰. Дьявол не будет нас жалеть, и наша плоть очень неблагоприятна.

Обязательно нужно помнить о том, что даже когда мы воздерживаемся в пище и просто много лежим из-за болезни, это также сказывается на нашем душевном состоянии. Совсем не нужно узнавать это на собственном опыте, лучше послушать тех, кто более опытен и рассудителен, и тем самым избежать

печальных последствий своего неразумия и нерадения. Следует воздерживаться от излишнего покоя, сна, отдыха. Прежде всего это касается, конечно, людей молодых и среднего возраста, у которых еще есть какая-то телесная крепость. Но и в пожилом возрасте человек не имеет права совсем отказываться от воздержания в пище и ограничений в отдыхе. Нельзя давать себе в этом свободу, потому что такая свобода приведет к гибели.

Излишнее лежание, сон также приводят к тому, что у человека возгорается сильнейшая блудная страсть. Есть такое явление, которое, как ни удивительно, повторяется практически одинаково почти у всех: если утром проснулся на пять-десять или даже тридцать минут раньше и решил еще поспать до подъема, то обязательно приснится блудный сон. Редкий человек избегает этого, разве что он болен. О чем это говорит? Лень влечет за собой блудную страсть. Бывает, человек проснется и в нем разгорается такая страсть, что он мучается и думает: «Что же это такое, что со мной происходит, почему?» А все очень просто: много ешь и много спишь – вот такая «высшая математика». Казалось бы, глупость, но от таких ничтожных глупостей, как будто ничего не значащих, как будто не имеющих ничего общего с духовной жизнью, с тонкостями молитвы, – от этих простых вещей зависит наше душевное состояние.

Нерадение проявляется также в том, что мы избегаем работы, боимся делать поклоны, чересчур жалеем себя, когда приходится присутствовать на длительных богослужениях. Конечно, уставное монастырское богослужение утомляет человека. Но это утомление нам нужно – без него мы просто сойдем с ума. Понятно, что ни воздержание в пище, ни ограничение в отдыхе сами по себе, без молитвы, ничего нам не дадут. Если мы не будем при этом молиться, то страсти, в особенности блудная, а также гнев и гордость будут в нас действовать.

В этой беседе мы постепенно поднимаемся от тех вещей, которые кажутся нам незначительными, к вещам, которые представляются существенными. Мы кратко сказали о

воздержании в пище и об ограничении в покое. Теперь нужно сказать о послушании, то есть об отсечении своей воли. Это вещь, конечно, гораздо более серьезная. Заметьте, что все эти добродетели кажутся простыми, даже примитивными, и о них как будто бы мало говорится в Священном Писании. Господь Иисус Христос говорил даже нечто противоположное тому, о чем мы сейчас рассуждаем: «Не то оскверняет человека, что входит в него, а то, что исходит» (см. Мф. 15, 11). Но если мы отказываемся от этих примитивных вещей, то никогда не исполним и возвышенных евангельских заповедей.

В Евангелии также не говорится прямо и о послушании. Но апостолы были послушны Господу Иисусу Христу. Я как-то проводил с вами беседу о том, что основой их общения со Спасителем было именно послушание. Поэтому апостолы являются для нас образцом и в отсечении своей воли, и в откровении помыслов. Только при поверхностном взгляде кажется, что об этом в Евангелии не говорится. Но там не говорится и о том, что Сын Божий единосущен Отцу, нет там и термина «ипостась», однако без этих святоотеческих формальных определений мы не поймем сути догматического учения. Так же и в аскетическом отношении. Если мы пренебрежем святоотеческими поучениями на этот счет только потому, что они не имеют прямого обоснования в Евангелии, то перечеркнем для себя возможность жизни по Евангелию.

Послушание – очень важная добродетель, состоящая главным образом из откровения помыслов и отсечения своей воли, в частности, в монастырских трудах. Повторю, последнее – только часть послушания. К ней можно относиться по-разному: можно старательно работать, служа братии, а можно все исполнять внешне правильно, но с внутренним пренебрежением и ропотом. Можно исполнять свое послушание с покаянием, как, например, Кирилл Белоезерский или другие подвижники, стяжавшие дар слезный на самом тяжелом и суетном послушании: на поварне, в трапезной. Все зависит от нашего расположения. Если мы будем правильно относиться к послушанию, то получим пользу. При неправильном же отношении нам все время будет казаться,

что и это послушание мешает нам спастись, и то не дает нам молиться, и третье препятствует нашему преуспеянию.

Еще более важно в послушании отсечение воли. Когда ты спрашиваешь, как поступить, а потом все равно делаешь по-своему, этим ты показываешь и нерадение и самонадеянность. Тут уж Сцилла и Харибда действуют заодно. И непонятно, что случится раньше: то ли первая пожрет шестерых человек, то ли вторая проглотит всех сразу. Когда дело касается послушания, нужно иметь ревность к тому, чтобы отказаться от самонадеянности, не надеяться на свой разум. Ты можешь иметь смиренный вид и убеждать самого себя, что ты слушаешься и уважаешь своего духовника. Но если ты выслушиваешь его и делаешь по-своему, то сами твои поступки доказывают, что ты ему не веришь и считаешь себя умнее его.

Допустим, спрашивает кто-то у своего духовника, как поступить в конкретной ситуации. Тот говорит: делай так-то. Потом эта ситуация наступает и человек думает: «А почему нужно поступить именно так? Может быть, сделать немножко иначе? Или вообще не так? А, подумаешь!» Этим он показывает, что якобы правильнее оценил ситуацию, сделал более разумный вывод, то есть что он «умнее» своего духовника. К чему это приведет? Вместо того чтобы исполнять заповеди Божии, бороться со страстями и приобретать добродетели, этот человек будет поступать нелепо и неправильно, спотыкаться, падать, оскверняться, лишаться благодати. Из-за непослушания он может впасть в крайнюю погибель. Повторю еще раз, здесь смыкаются две страшные страсти – самонадеянность и нерадение: самонадеянность, потому что человек лелеет свое мнение, а нерадение, потому что не хочет бороться. Кстати, этот пример – лишнее доказательство того, что нерадение опаснее, чем самонадеянность. При помощи ревности можно победить и самонадеянность. А если ты поддаешься лени, то тобой овладевает и гордость. В лучшем случае это может привести к потере благодати: постоянно пытаюсь что-нибудь изобрести и сделать по-своему, человек в конце концов впадает в безнадежность и безразличие. В худшем случае, если к

нерадению примешивается ложная ревность, это приводит к прелести и даже к сумасшествию. Я говорю об этом не в переносном, а в самом буквальном смысле. Речь идет именно о сумасшествии, потере рассудка. Поэтому нерадение в отношении послушания – это чрезвычайно опасная вещь.

Можно сказать, что если человек имеет ревность к одному только послушанию и больше ни о чем не заботится и если у него более или менее опытный духовник, имеющий правильные представления о духовной жизни, то этот человек приобретет все, что необходимо для спасения: Иисусову молитву, покаяние, воздержание в пище, отсечение воли и так далее. Все станет для него возможным и доступным, потому что он прислушивается к тому, кто более опытен.

Наконец, самым страшным, самым опасным проявлением нерадения является нерадение к Иисусовой молитве. Если человек не имеет ревности в этом отношении, то я даже не знаю, можно ли его назвать монахом. Преподобный Серафим Саровский говорил, что монахи, которые не молятся Иисусовой молитвой, – это не монахи, а черные головешки. Если мы пламенеем духом, то подобны горящим углям, а если мы остываем и не заботимся о молитве, то уподобляемся черным головешкам. В чем может состоять нерадение в отношении молитвы? В оставлении правила под разными предлогами, иногда благовидными и как будто уважительными. В небрежном исполнении правила, когда мы не стараемся преуспеть в Иисусовой молитве, не понуждаем себя к вниманию. В оставлении непрестанной молитвы в течение дня и опять же в небрежении о том, чтобы совершать ее по возможности внимательно. Можно сказать, что оставление четочного правила для монашествующего – просто духовная гибель. Пусть человек имеет какие-то страсти, но если он молится, кается, стремится к чему-то, то в нем возникает брань (гордости, блудной страсти и другие) и он вынужден вступать с ними в борьбу, вынужден искать для этого способы, среди которых главными являются покаяние и смирение. Таким образом, он мобилизует себя и в нем происходят изменения. Кроме того, он просто упрашивает Бога о помиловании. А если человек оставляет

Иисусову молитву, то он отказывается от духовной жизни. Он превращается в самого настоящего фарисея, снаружи украшенного черной монашеской одеждой, а изнутри, как говорит Евангелие, исполненного всякой нечистоты.

Выходит, что наша монашеская жизнь состоит в исполнении нескольких обычных вещей, пренебрегая которыми мы делаем свое спасение труднодостижимым, если не сказать невозможным. Это режим, воздержание в пище, послушание и правило. Мы считаем, что это пустяки: если я один раз пренебрегу правилом, а в другой раз не послушаюсь, что страшного произойдет? Один раз, другой, третий, четвертый, – глядишь, и жизнь прошла. И мы, опустошенные, не приобретшие ни покаяния, ни благодати, должны будем перейти из временной жизни в вечную, напрасно проводя свои дни в стенах обители.

Поэтому не нужно недооценивать такое страшное явление, как нерадение. Оно подкрадывается незаметно, под разными предлогами, под разными оправданиями и тихонько овладевает человеком. Человек погружается в него, перестает себя контролировать и не замечает, как он изменился. Иногда он спохватывается, вспоминает начало своего пути и думает: «Как же так? Когда я пришел в Церковь, я был совсем другим! Когда я пришел в обитель, у меня были такие мысли! Куда же все это делось? Почему все это пропало?» А оно пропало потому, что ты много спишь, много ешь, не слушаешься и не молишься. Все очень просто. Выходит, все эти вещи не такие уж примитивные. За простыми, обычными для монастырской жизни предписаниями и нормами стоит Евангелие, которое мы обязались исполнять. Преподобный авва Дорофей справедливо замечает, что святые отцы изобрели монашеский образ жизни, чтобы легче было жить по Евангелию. Святые отцы ввели догматические определения для того, чтобы никто не запутался и не переменил евангельскую веру на какую-нибудь вновь изобретенную, точно так же они установили и определенные нормы жизни, чтобы удобнее было соблюдать Евангелие. Никто не имеет права пренебрегать ими, потому что это очень страшно. Повторю, что иногда у меня

возникает мысль, может быть даже противоречащая святоотеческому учению (я не настаиваю на ее правильности, а говорю только о своем ограниченном опыте), о том, что нерадение страшнее всех страстей, даже гордости.

Однако о гордости, конечно, тоже нужно сказать. Это еще одно страшное чудовище. Не знаю, какое из них назвать Сциллой, а какое Харибдой, какое более губительно, а какое менее, но мы должны проплыть **между** ними, чтобы спасти себя от вечной гибели. Гордость, или самонадеянность, проявляется прежде всего в непослушании. Совсем необязательно, что самонадеянный человек умен. Бывает, что самонадеянность проявляется у человека, который вообще ничего не читает, мало знает святых отцов и совершенно не способен разобраться в их творениях. Человек может приходить к духовнику за советом и внешне соглашаться с тем, что тот говорит, но на деле поступать не так, как советует духовник, а как сам считает нужным. «Конечно, – думает он, – ведь духовник не может все учесть, где уж ему разобраться! Жизнь диктует свои требования, и мы должны слушаться жизни». И так происходит постоянно: человек отчасти или полностью пренебрегает тем, что ему говорят. А затем у него возникает привычка всегда и во всем верить только себе.

Казалось бы, почему нельзя в каких-то вещах доверять своему мнению? Ведь речь идет не о том, чтобы исповедать Христа или отречься от Него. И не о том, признавать или не признавать, что под видом хлеба и вина мы причащаемся Тела и Крови Христовых. Речь идет о мелочах. Почему мы должны в мелочах так уж слушаться? Потому что это наша жизнь. Где мы можем проявить свои добродетели или пороки, как не в мелочах? Где проявляется наша гордость, наша гневливость, как не в отношении друг к другу или в отношении к самым обычным, ничтожным, предметам? В монастыре мы живем в замкнутом мире, и это облегчает нашу духовную жизнь. У нас ограниченный круг обязанностей, ограниченное передвижение в пространстве, ограниченное общение. Поэтому нам легче следить за каждым своим душевным движением. Но мы из этого делаем превратный вывод о том, будто мы ничем

серьезным не занимаемся. Тогда непонятно, зачем мы вообще здесь находимся, если ничего серьезного не делаем, все у нас какие-то мелочи и пустяки. «Почему в этих пустяках нужно строго придерживаться Евангелия, – думаем мы, – какое отношение они имеют к учению святых отцов?» Однако за пустяками скрывается совсем не пустяковая, но могущественная, завладевшая всем нашим существом страсть самонадеянности. Как говорит авва Дорофей, нет другого падения монаху, как если он не понадеялся прежде на свой разум.

То же самое происходит и у нас: вещи, кажущиеся нам ничтожными, вызывают сильнейшее действие страсти. Мы называем эти вещи пустяками. Но тогда почему из-за них мы приходим в такое негодование, защищая свои пустяковые, ничтожные интересы? В то же самое время, когда дело касается послушания, мы пустяками пренебрегаем, хотя, казалось бы, слушаться в пустяках легко. Под предлогом того, что это ничего не значащие мелочи, мы проявляем отнюдь не мелочную, а глубоко укоренившуюся, вполне развившуюся, сильнейшую страсть самонадеянности. Сегодня у нас по милости Божией никаких особенных испытаний нет, но кто знает, что будет дальше? Что будет в жизни нашей страны, общества или каждого из нас? Кто знает, как повернется судьба и что тебе предстоит? А ты совершенно не готов ни к какому испытанию, потому что, как сказал Господь Иисус Христос, *неверный в малом неверен и во многом (Лк. 16, 10)*. Если ты не проявляешь послушания в мелочах, то когда дело коснется серьезных вещей, ты и тут не сможешь проявить преданности Евангелию (многие из нас, к сожалению, испытали это на своем горьком опыте). И тут ты споткнешься, а то и упадешь. Поэтому нужно понимать, что послушание должно быть во всем до мелочей. Лучше сделай что-то неправильно, но только не по-своему. В житейском отношении ты поступишь неразумно, а в отношении своей души – мудро. Конечно, не нужно доходить в этом до крайности. Есть люди, от которых в какой-то степени зависит судьба монастыря, например настоятель или эконо. Если они будут отвергать здравый смысл, то могут принести вред не

только себе, но и многим другим. Но для большинства из нас этот момент не принципиален. Так сделаешь или иначе, это не будет иметь никакого значения, кроме одного – ты послушаешься или проявишь упрямство.

Итак, самонадеянность проявляется в том, что человек надеется на свой разум. Есть другой вид самонадеянности: когда человек надеется на свои силы. Не знаю, что страшнее. В первом случае человек может запутаться, впасть в прелесть и даже дойти до сумасшествия, но и во втором опасность не меньше. Когда человек думает, что он справится с теми или иными пороками или приобретет те или иные добродетели своими силами, тогда он, во-первых, отказывается от совета, во-вторых, начинает проявлять самостоятельность: усиленно молиться, совершать какие-то подвиги. От гордости, самонадеянности, которая под видом ревности незаметно к нему прокрадывается, человек падает. Поэтому я и назвал этих двух чудовищ – нерадение и гордость – Сциллой и Харибдой. Нам нельзя уклоняться ни в ту, ни в другую сторону.

Часто самонадеянность прикрывается видом ревности, а нерадение – видом смирения. Человек, увлекшийся ложной ревностью, может принять ангелов тьмы за ангелов света, тем паче что они подыгрывают ему, представляя перед ним некий спектакль. Кроме того, от неразумной ревности часто бывает следующее явление. Человек прочел у святого отца некое наставление, или благодаря собственному опыту пришел к какому-то выводу, или духовник навел его на мысль, – и думает: «С завтрашнего дня начинаю новую жизнь. Теперь буду делать так-то и так-то». И как раз тогда, когда человек проявляет такую будто бы решительность, он падает еще сильнее, чем раньше. По какой причине? Не заметив, не разобравшись, вместе с истинной ревностью он принял самонадеянность, потому что счел, что может сделать все, что захочет. В действительности наши возможности чрезвычайно скромны. Конечно, от нас должно исходить некое усилие, желание, но в то же самое время нам необходимо, во-первых, все делать по совету, во-вторых, искать помощи Божией. Недаром молитва считается матерью всех добродетелей: в ней мы как раз понуждаем себя

просить помощи у Бога. Но бывает так, что человек каким-то странным, лукавым образом начинает проявлять самонадеянность и в отношении молитвы. Он забывает, что ему помогает не молитва как его собственная добродетель, а Тот Самый Господь Иисус Христос, Которого он призывает в молитве. Человек отрывает эту добродетель от той подлинной реальности, благодаря которой она становится действенной.

Самонадеянность может проявиться в отношении поста и других телесных подвигов. В противоположность нерадению, она проявляется в том, что человек начинает строго поститься и подвизаться. Впрочем, иногда, по странному свойству человека понимать все превратно, самонадеянность, наоборот, является мотивом для оставления поста. Человек может в этом случае рассуждать так: «Дело не в посте, а в умном делании». Или так: «Дело не в том, много или мало я сплю, а в том, чтобы я смирялся и калялся». Трудно сказать, чего тут больше: самонадеянности, которая хочет себя оправдать, или нерадения, лукаво прикрывшегося мнимой духовной мудростью. Смиранный человек понимает, что он должен делать все, что положено.

Можно сказать, что иногда нерадение бывает от плотолубия, а иногда – от самонадеянности. Еще раз повторю: нерадение часто прикрывается видом смирения, а самонадеянность – видом ревности. Можно сказать и так, что к ревности часто примешивается самонадеянность, и таким образом мы с водой зачерпываем лягушку. Вот так проявляются в монашеской жизни действия этих двух чудовищ. Это действительно Сцилла и Харибда, и мы должны проплыть между ними. Если мы уклонимся в одну сторону – погибнем в нерадении, а если в другую – нас ждет гибель от самонадеянности.

* * *

Вопрос. Иногда человек так увлекается послушанием, что его невозможно заставить пойти помолиться. Можно ли назвать это нерадением в духовной жизни?

Ответ. Духовная жизнь всегда требует понуждения. Часто люди, которые не имеют ревности к духовной жизни, вместо

того чтобы понудить себя к ней, начинают от нее под разными предложениями уклоняться. Один готов день и ночь читать книги, но только не молиться. Другой готов день и ночь работать, но только не молиться. Третий готов с утра до вечера чинить водопровод или, скажем, устанавливать телефон, но опять же – не молиться. Таким образом, человек может уклоняться от молитвы, занимаясь различными делами, но суть одна: он делает то, что у него получается и что ему нравится, и не делает того, что бывает для него трудно. Причем совершенно неважно, каким именно занятием он увлекается: будь то телесный труд или умственная деятельность, например работа за компьютером. Сейчас стало модным называть это умственной деятельностью: человек погружается умом в Интернет и находится некоторое время в виртуальном пространстве, – и это тоже нерадение. Я уже говорил, что усердие в работе – это только часть послушания. Через него проявляется расположение человека, становится ясно, к чему человек больше наклонен: к духовной жизни или к увлечению суетой.

Понятно, что есть люди от природы трудолюбивые, которым приятно работать. Конечно, пренебрегать работой нельзя, однако нельзя и увлекаться ею в ущерб молитве. Не надо оправдывать себя необходимостью что-то сделать. Иначе когда мы будем молиться и каяться?

Вопрос. А что делать тем, кто по послушанию вынужден сам решать, когда исполнять ту или иную работу?

Ответ. Люди, которые вынуждены сами собой распоряжаться, должны помнить, что в своей основе распорядок дня в монастыре должен соблюдаться: подъем, своевременное исполнение утреннего, вечернего и, как жизненно важного, четочного правила. Оставление четочного правила – это духовная смерть, не меньше. Ничто не может оправдать изменение нашего душевного состояния. Пусть ты трижды не виноват, но, оставив правило, ты потерпел серьезный ущерб в духовной жизни. Если же ты постоянно находишь какие-то предлоги для оставления четочного правила, а они всегда найдутся у людей, проходящих ответственное

послушание, то ты потерял духовную жизнь, стал просто рабочим.

Вопрос. Бывают такие ситуации, что если ты не оставишь своего молитвенного правила и не сделаешь чего-то по послушанию, то подведешь людей. В душе от этого смятение, и молиться все равно не можешь, постоянно нервничаешь.

Ответ. Если есть какая-то кардинальная проблема, значит, нужно решать ее с настоятелем: объяснить, что твое послушание мешает тебе регулярно исполнять четочное правило, и попросить пересмотреть распорядок дня. Если сложится совсем безвыходное положение, то нужно помнить: раз ты не можешь исполнить правило в положенное время, значит, ты должен найти для него другое время. Оставление четочного правила означает, что ты не ведешь никакой монашеской жизни. Это все равно что оставить крепость или дом без охраны. Вслед за этим придут все пороки и, удостоверившись, что «дом» не охраняется, сделают всё, что захотят: разграбят, растащат, разнесут – и ничего не останется. Поэтому нужно найти какую-то другую возможность: не можешь помолиться в девять часов – помолись в восемь, не можешь в восемь – помолись в одиннадцать, но оставлять правило никогда нельзя. Желательно устраивать все дела так, чтобы иметь возможность исполнять его регулярно. Хотя, конечно, бывают исключительные случаи, допустим прорвало радиатор. Ты же не будешь ждать, пока все затопит водой!

Вопрос. Есть дни, когда молишься более внимательно, например когда присутствуешь на службе. И есть дни, заполненные работой, когда чувствуется охлаждение в духовной жизни. Значит ли это, что я что-то делаю неправильно?

Ответ. Такое бывает у всех. Нужно понимать, что мы не можем всегда быть в одинаковом состоянии духа. Конечно, было бы хорошо только молиться и больше ничем не заниматься, но мы не можем позволить себе так жить. Где мы будем брать средства для пропитания? Если бы мы могли питаться одними гнилыми сухарями – другое дело. Я читал об

одном афонском подвижнике, который каждый день служил всенощное бдение, а в полночь – литургию (причем служил очень долго, с плачем). Как-то ему из монастыря для пропитания прислали на месяц мешок бобов. Эта пища для желудка не очень-то приятна, но подвижник говорил: «Будем есть, что нам Бог послал», только чтобы не иметь никакой заботы. Другие два подвижника – отец Иосиф Исихаст и его друг, отец Арсений Пещерник, – этими бобами питаться не смогли. Они отказались от монастырского благодеяния и сами стали добывать себе пищу – не потому, что она им не нравилась, но потому, что от нее были нежелательные для подвижника последствия. Поэтому если мы хотим жить, не имея забот о своих телесных нуждах, то должны быть готовыми терпеть скорби и лишения. У Исаака Сирина есть изречение о том, что насколько ты преуспел в нищете, настолько ты преуспел в безмолвии. Иначе говоря, если человек готов претерпеть нищету: лишения в пище, одежде и прочем, – значит, он выдержит все. Исаак Сирин говорит даже такие необыкновенные слова: если ты имеешь веру, то выдержишь голод, а если не имеешь – можешь умереть. Вот какие лишения терпели подвижники, к которым он обращался в своем назидании! Для того чтобы жить беспечно, то есть быть свободными от забот, нужно быть такими, как эти подвижники. Мы, к сожалению, на такое не способны и должны заботиться о себе. Это отвлекает нас от духовной жизни, но вместе с тем и смиряет, если мы осознаём свои недостатки и немощь. Поэтому ничто не мешает человеку стяжать внутреннее безмолвие, если он будет вести себя правильно. Хотя, конечно, все должно быть в разумных пределах: не увлекаться работой в ущерб молитве и не увлекаться молитвой до такой степени, чтобы всем пренебрегать.

Вопрос. Если духовник сказал, как поступить, то надо ли еще о чем-то рассуждать или следует просто исполнять сказанное?

Ответ. Конечно, надо старательно исполнять то, что сказал духовник. Однако могут возникнуть дополнительные обстоятельства или ты заметишь то, что раньше не замечал, – в

результате этого будет корректироваться твое отношение к тому или иному явлению, допустим к молитве. Понятно, что ты не должен делать самостоятельных выводов, а должен прийти к духовнику и все ему рассказать: «Вы сказали мне делать так, а я, когда молился, заметил еще кое-что». Такое поведение вполне естественно. Если же ты будешь исполнять сказанное бездумно, невзирая на дополнительные обстоятельства, то, конечно, можешь ошибиться и такое поведение будет уже слепым послушанием в плохом смысле.

Вопрос. Получается, мне не нужно думать самому, а только спрашивать?

Ответ. Почему не нужно думать? Ты же должен заметить, что в твоей молитве появилось нечто новое, должен осознать, что это такое, – по крайней мере для того, чтобы правильно описать духовнику. Он же не знает, что происходит внутри тебя, когда дает тебе совет, и может сказать немного неправильно. И если ты заметил, что он понял тебя неверно, и уточняешь, что ты имел в виду, то это ведь тоже означает, что ты думаешь.

Если же под словом «думать» понимать то, что ты додумываешь что-либо самостоятельно, – иначе говоря, пренебрегаешь словами духовника, то совершенно очевидно, что это неправильный подход. Надо уметь ориентироваться в том, что с тобой происходит, и изменять или исправлять свое состояние с помощью духовника. Однако бывают ситуации, в которых нужно быстро принять решение. Конечно, желательно было бы находиться возле старца все время, исповедовать ему помыслы даже не два раза в день, а, можно сказать, непрерывно – каждый час, как это было в древних монастырях. Тогда было бы проще. Однако у нас нет опытных духовников в таком количестве. Поэтому в какие-то моменты надо уметь принять самостоятельное решение.

О любви к людям и об отречении от них¹⁸¹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Как мы знаем из святого Евангелия, единственным нашим Учителем и Наставником является Господь Иисус Христос. Если бы мы имели ту простоту, какая была у первых христиан или у святых апостолов, имели бы ревность и жажду познания слова Божия, то не нуждались бы ни в каком толковании Священного Писания. Внимая Евангелию, мы обрели бы ясный и единственно верный путь, ведущий нас в Царствие Небесное, ведущий к Господу Иисусу Христу. Однако ум наш осуетился, сердце отяготилось греховными помыслами, и потому мы нуждаемся в размышлении над Священным Писанием. Нам необходимо время, чтобы постичь смысл Евангелия, теперь от нас, к сожалению, сокрытый. И сегодня я хочу объяснить слова Спасителя из Евангелия от Матфея, как будто бы противоречащие логике. У людей, которые стремятся приложить заповеди Спасителя к своей жизни, эти слова часто вызывают недоумение.

Господь Иисус Христос сказал: *Аще же согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем едином: аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего: аще ли тебе не послушает, поими с собою еще единого или два, да при устех двою или трех свидетелей станет всяк глагол: аще же не послушает их, повеждь церкви: аще же и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь (Мф. 18, 15–17).* Неправильно понимает эти слова тот, кто считает, что речь идет о гневном обличении недостатков человека. Под обличением подразумевается основанное на любви сочувственное вразумление с целью привести человека к покаянию. Остаться безразличным к человеку и предоставить его самому себе часто бывает легче, чем сделать одну или несколько попыток вразумления. Именно так нужно понимать эти слова. Правом обличать обладает, конечно, не каждый, а тот, кто имеет духовное рассуждение или, может быть, даже обязанность вразумлять своих братьев и сестер. Если после трех таких

попыток наши ожидания не оправдались, мы не привели своих брата или сестру к покаянию, то должны от них отдалиться.

Обратите внимание на последние слова из только что прочитанного мною отрывка: *Аще же не послушает их, повеждь церкви: аще же и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь*. Мы видим сейчас великое множество людей, не слушающих Церковь. Неужели мы можем что-то доказать им? Ведь Святая Православная Церковь, несмотря на человеческие немощи ее членов, хранит истину и возвещает ее всему миру и любому, кто желает ее услышать, – по крайней мере, у нас в России это так. Поэтому мы, монашествующие, имеем оправдание в Евангелии тому, чтобы оставить тех, кто не желает слушать не нас, немощных, а саму Святую Православную Церковь, и уже не иметь перед этими людьми никаких обязательств.

Однако здесь нас подстерегает новая ошибка. Отрекаясь от мира и от тех людей, которые не желают следовать Евангелию до конца, не хотят быть христианами во всем, мы можем поддаться чувству неприязни, осуждения по отношению к этим людям. Можем подумать, что они нам совершенно чужие и мы не обязаны испытывать к ним чувство любви. Отныне этих людей как будто бы для нас не существует. Так можно понять слова Спасителя о том, что они должны нам быть как язычники и мытари. Приблизительно так и понял эти слова святой апостол Петр. Видимо, до этого он уже слышал поучение Господа о том, что нужно прощать до семи раз. Поэтому он и удивляется: ранее Спаситель говорил прощать до семи раз, а теперь, оказывается, только до трех?

Нужно помнить, что апостолы были людьми простыми. В то время они еще не приняли Святого Духа, Который сошел на них позднее в виде огненных языков, просветивших прежде всего их разум и нисшедших из самого горнего места человека – головы – во все существо человеческое. Кроме того, будучи людьми некнижными, они воспринимали речь Спасителя буквально и потому недоумевали. И Петр, выражая общее недоумение, смело вопрошает, как и раньше часто это делал: *Господи! колькраты аще согрешит в мя брат мой, и отпущу*

ли ему до семь крат? (Мф. 18, 21). Однако в данном случае речь идет не о прощении, а об обличении ради исправления. Можно ведь прощать человека и понимать, что ты ничем не можешь ему помочь. Можно любить его, но, видя свою немощь или какие-то другие непреодолимые препятствия, осознавая невозможность исправления человека, отступить от этого неразумного и неуместного предприятия.

Глагола ему Иисус: не глаголю тебе: до семь крат, но до семьдесят крат седмицею (Мф. 18, 22). Итак, до трех раз мы должны обличать, а прощать мы должны семьдесят раз по семь. Не только семь раз, но, если необходимо, и семьдесят раз по семь. Даже если бы мы поняли это изречение буквально (хотя это образ, потому что для евреев число семь было священным) и прощали бы нашего ближнего четыреста девяносто раз в день, то и этого, наверное, было бы довольно для исполнения заповеди о прощении согрешающих. Однако речь, конечно же, идет о том, чтобы прощать человека столько раз, сколько это необходимо. Сколько бы он ни согрешил, мы должны его простить и проявить к нему любовь. Если мы не можем этого сделать, то вступают в действие иные духовные законы, о которых далее говорит Спаситель в Своей притче: *Сего ради уподобися Царствие Небесное человеку царю, иже восхоте стязатися о словеси с рабы своими. Наченшу же ему стязатися, приведоша ему единого должника тмою талант: не имущу же ему воздати, повеле и господь его продати, и жену его, и чада, и вся, елика имеяше, и отдати (Мф. 18, 23–25).* Этот образ показывает нам, что когда мы, тяжко согрешившие перед Богом, захотим, если можно так выразиться, сосчитаться с Ним, то не сможем возместить всего нашего долга, даже если бы кто-то и захотел купить у нас все, что мы имеем.

Пад убо раб той, кланяшеся ему, глаголя: господи! потерпи на мне, и вся ти воздам (Мф. 18, 26). Перед нами образ молитвы. Мы смиряемся, когда претерпеваем душевную муку, например оставление благодати, или когда нас посещают телесные скорби. Мы искренне молим Господа, чтобы Он потерпел, и обещаем, что мы исправимся. Видя наше

стремление к покаянию, даже не труды, а только стремление и искреннее намерение, Господь нам все прощает. *Милосердовав же господь раба того, прости его и долг отпусти ему. Изшед же раб той, обрете единаго от клевет своих, иже бе должен ему стом пенязь: и емь его давяше, глаголя: отдаждь ми, имже ми еси должен (Мф. 18, 27–28).* Но мы, молясь Богу о прощении своих грехов, к сожалению, не умеем искренне прощать другим значительно меньшие их прегрешения и требуем справедливости там, где нужно было бы проявить милость, по слову Спасителя: *Если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных (Мф. 12, 7).* Если бы мы имели милость, в нас не было бы ни осуждения, ни гнева, ни вообще какой-либо неприязни к человеку. *Изшед же раб той, обрете единаго от клевет своих, иже бе должен ему стом пенязь: и емь его давяше, глаголя: отдаждь ми, имже ми еси должен. Пад убо клевет его на нозе его, моляше его, глаголя: потерпи на мне, и вся воздам ти. Он же не хотяше, но вед всади его в темницу, Дóндеже воздаст должное (Мф. 18, 28–30).* Мы требуем справедливости и бываем беспощадны друг к другу. Если в действительности не можем потребовать от нашего ближнего изменить отношение к нам или исправить свои проступки, то в душе точно поддаемся осуждению, причем до такой степени, что готовы этого ближнего даже и в темницу заключить. Само слово «осуждение», означающее одну из самых отвратительных человеческих страстей, заимствовано из юридической практики, как и понятие «вынесение приговора», о котором говорится в притче, ибо это осуждение в крайней степени.

Видевше же клевети его бывшая, сжалиша си зело и пришедше сказаша господину своему вся бывшая. Тогда призвав его господин его, глагола ему: рабе лукавый! весь долг он отпустих тебе, понеже умолил мя еси: не подобаше ли и тебе помиловати клевету твоего, якоже и аз тя помиловах? (Мф. 18, 31–33). Мы забываем об этой элементарной логике и требуем у Бога милосердия к себе, считаем, что Он даже должен всегда нас прощать, но не помним

о том, что Господь Иисус Христос также требует от нас милосердия по отношению друг к другу и это является подлинным, непреложным условием того, что наши грехи будут прощены Богом.

И прогневався господь его, предаде его мучителем, Дóндеже воздаст весь долг свой (Мф. 18, 34). Иными словами, мучения наши никогда не закончатся, потому что мы не имеем никакой возможности отдать свой долг – мы можем быть только прощены. Мы не в силах воздать чем-либо Богу за все благодеяния и милости, за все милосердие, которое Он проявляет по отношению к нам, за то, что Он прощает нам наши грехи, потому что все, что мы имеем, есть дар Божий.

Так и Отец Мой Небесный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их (Мф. 18, 35). Этими словами Господь Иисус Христос заканчивает притчу. Если мы отказываемся прощать согрешения своих ближних, причем «от сердец наших», то и Господь не простит нас, а предаст вечным мукам.

Итак, мы можем отречься от людей, чуждых нам по духу (как чуждыми были древним иудеям язычники и мытари), и в то же самое время должны прощать всякого человека. Прощать бесконечно много: столько, сколько потребуется, как бы тяжело нам это ни было, в чем бы против нас он ни согрешил.

В умении сочетать в себе отречение от тех, кто не желает каяться, со всепрощением и бесконечной любовью к каждому человеку и состоит монашеская жизнь. Нас оправдывает Евангелие. Нас оправдывает Господь Иисус Христос, и не только оправдывает, но и предлагает нам этот путь. Кто же может нас обвинить или укорить? А если бы даже и укорил, что для нас это значит? Ведь судить нас будут не те люди, которые по немощи своей не понимают нас, а Господь Иисус Христос. Причем Он будет судить нас по тому самому Евангелию, которое преподано нам с древнейших времен и которое Святая Православная Церковь хранит неизменным и по сей день, правильно понимая и истолковывая его не столько словами, сколько своей духовной, таинственной жизнью. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Дни Великого поста – это дни, особо выделенные Святой Православной Церковью для покаяния. Это, как учили древние богоносные отцы, десятина нашей жизни, которую мы приносим в жертву Богу. Однако истинный христианин, если он не обременен какими-либо связывающими его обстоятельствами, не может довольствоваться тем, что приносит Богу только десятую часть своей жизни. По евангельской заповеди, он должен принести в жертву Богу всю свою жизнь и таким образом исполнить непреложные слова Господа Иисуса Христа о том, что *любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (Ин. 12, 25).

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что Евангелие начинается и заканчивается одними и теми же словами: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3, 2; 4, 17). Этими словами начал свою проповедь Иоанн Креститель, и в них заключается суть всей евангельской проповеди, всего богооткровенного учения о нашем спасении. Этими словами начал Свою проповедь Господь Иисус Христос, как бы продолжая проповедь Иоанна Крестителя, и с этими словами Он послал святых апостолов проповедовать богооткровенные истины всему миру.

Покаяние, пронизывая все евангельское учение, является его сутью. Но в чем покаяние состоит? Об этом мы часто имеем весьма поверхностное представление и думаем, что это только сожаление о своих грехах. Однако покаяние не подразумевает одно только признание своей вины в тех или иных жизненных обстоятельствах, простое ее осознание (хотя это и составляет его необходимую часть). Покаяние – это борьба с грехом, непрестанное противостояние греху, как бы разнообразно он ни проявлялся в нашей душе, потому что по сути борьба идет с самим собой. Если бы наше естество не было падшим и удобопреклонным ко греху, не имело бы в себе предрасположенности к нему, если бы не было внутри нас

страстей, то никакие соблазны мира, никакие диавольские наваждения не могли бы нас поколебать или смутить. Они были бы нам просто неизвестны.

Но признание своей греховности – это в лучшем случае начало обширнейшего делания. Покаяние понимается гораздо шире – как противостояние малейшим греховным движениям нашей души, как постоянный, бдительный контроль за всем, что происходит внутри нас. Иногда это делание святые отцы называют трезвением. Мы постоянно бодрствуем над собой, погружаемся во внутренний мир, который не есть только маленький, ограниченный мир нашего «я», потому что через погружение внутрь себя мы проникаем в мир духовный, гораздо более обширный, многообразный, действенный, живой, чем мир телесный. Когда мы перестаем созерцать то, что происходит внутри нас, тогда мы выходим из мира духовного и вновь погружаемся в мир телесный, вещественный. Поэтому покаяние – это средство, которое вводит нас в мир истинный, вечный, непоколебимый. Хотя в этом мире из-за нашей немощи и существует борьба, но она временна, преходяща. Если мы ведем ее успешно, то нам становятся доступны вечные истины и мы постигаем, что такое вечность и бессмертие души. Мы приобщаемся к самой славе Божества. Всего этого достигают те люди, которые избрали образ жизни, максимально содействующий вступлению на путь внутренней борьбы, внутреннего восхождения. Как говорит преподобный Исаак Сирин, и Небо, и ангелы, и Господь, и сама лестница, ведущая на Небеса, – все это находится внутри тебя. Вот что значит покаяние.

Смена имени обозначает перемену жизни, и пусть имена угодников Божиих, которые вы получили сегодня, напоминают вам о борьбе с грехом. Святой пророк Божий Иона был проповедником покаяния. Праведный Самсон, хотя и уклонился от пути, к которому был предназначен, однако через покаяние вернул себе благодать, выразившуюся в такой необыкновенной физической силе, что он, погибая, умертвил врагов больше, чем в течение своей жизни. Священное Писание повествует, что Самсон, будучи в плену у филистимлян, подошел к столпам,

удерживавшим здание, в котором собралось множество врагов израильского народа, уперся в столпы руками со всею силою, воскликнул: *Умри, душа моя, с иноплемениками!* – и обрушил дом, доставив израильскому народу великую победу. Конечно, все это нужно понимать и относить к себе в духовном смысле. Врагами нашими являются не люди, но демоны и страсти. Если мы вооружимся на них так же, как вооружился святой праведный Самсон, если будем иметь в борьбе с грехом такое же мужество, как и он, значит, и мы выйдем победителями. Ради служения Богу надо быть готовыми даже на смерть. Это – необходимое условие. Нужно быть своего рода отчаянным человеком, только не в смысле готовности на какие-то преступления, а в смысле решимости пойти до конца в этой невидимой, страшной, многотрудной, но многообещающей и многоплодной битве с грехом.

Пророк Иона сначала пытался уклониться от служения Богу, но увидев, что это невозможно, настолько вверился Ему, настолько осознал, что все находится во власти Божией, что сказал тем, кто плыл с ним на корабле: «Буря поднялась из-за меня: я не захотел идти пророчествовать, ввергните меня в пучину морскую, и буря прекратится». Испросив у Бога прощения, они сделали, как им было сказано. Иону проглотил кит, а через три дня и три ночи изверг его. Таким образом, это событие стало прообразом воскресения из мертвых Господа нашего Иисуса Христа, о чем Сам Он и говорит в Евангелии.

Вот такая вера, какое отчаянное мужество было у людей, желавших служить Богу. Желаю вам духовно и разумно подражать угодникам Божиим, имена которых отныне вы носите, стяжать покаяние в подлинном, глубоком смысле слова, в каком понимали его святые отцы, то есть покаяние как трезвение, внутреннее внимание; как непрестанную молитву Иисусову и постоянную борьбу с грехом, как пребывание внутри себя. Нужно помнить, что милость Божия всегда с нами, но если не будет у нас понуждения, то мы ее не получим, потому что понуждение – это протянутые руки, которыми мы принимаем благодеяния Божии. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Самую главную монашескую заповедь, главное монашеское делание можно выразить одним словом: «внимание». Для того, кто знает, какие понятия обнимает это слово, в нем заключено целое учение. Можно сказать, что всякий человек – и начинающий свой монашеский подвиг, и достигший его середины, и приближающийся к совершенству или уже стяжавший его – должен стремиться к вниманию, потому что в нем, можно сказать, заключено все Евангелие. Внимание – это единение с Богом. Внимание – это и Божественное озарение, и созерцание, и понуждение себя к устной молитве, и старание удержать ее в течение дня во время послушания. Все – и начало, и конец монашеского подвига – обнимается этим словом. Выразить, в чем состоит совершенство и преуспевание, в чем заключается действие благодати, можно просто: во внимании. Кто пренебрегает этим деланием, тот пренебрегает монашеством.

Святые отцы, говоря о трезвении, всегда подразумевают под ним то, что человек истрезвляется от некоторого рассеяния и приобретает внимание, стяжевает особенную внутреннюю собранность, способность сосредоточить все силы своего ума, все душевные чувства в нескольких словах Иисусовой молитвы. С неимоверным усилием со своей стороны и с помощью благодати Божией, без которой это усилие невозможно, человек приобретает возможность созерцать огромный мир, находящийся внутри него, пренебрегая многообразием мира внешнего – тем, что у людей невежественных в духовном делании, гордых и суетных, считается единственно важным, ценным и вождленным.

О важности внимания говорилось еще в Ветхом Завете. Пророк Божий Моисей Боговидец сказал: *Внемли себе: да не будет слово тайно в сердцах твоих беззакония* (Втор. 15, 9). В Новом Завете Господь наш Иисус Христос также говорит подобные, близкие даже по внешней форме слова: *Рече же ко*

учеником Своим: не возможно есть не приити соблазном: горе же, егже ради приходят: унее ему было бы, аще жернов оселский облежал бы о выи его, и ввержен в море, неже да соблазнит от малых сих единаго. Внемлите себе. Аще согрешит к тебе брат твой, запрети ему: и аще покается, остави ему: и аще седмищи на день согрешит к тебе и седмищи на день обратится, глаголя: каюся, – остави ему (Лк. 17, 1–4). Можно подумать, что слова «внемлите себе» относятся только к данной ситуации, то есть вниманием можно уберечь себя от соблазнов, злопамятства и гнева. Однако в другом евангельском эпизоде Спаситель говорит нечто подобное, но уже по иному поводу.

Начинающим же сим бивати, восклонитеся и воздвигните главы ваша, зане приближается избавление ваше. И рече притчу им: видите смоковницу и вся дрѣва: егда прошибаются уже, видяще сами весте, яко близ жатва есть. Тако и вы, егда узрите сия бывающа, ведите, яко близ есть Царствие Божие. Аминь глаголю вам, яко не имать прейти род сей, Дѣндеже вся сия будут: небо и земля мимо идет, а словеса Моя не имут прейти. Внемлите же себе (Лк. 21, 28–34). Здесь говорится, конечно же, о признаках кончины мира. Однако Спаситель советует не столько думать об этих признаках, ибо они сами будут бросаться в глаза людям, живущим духовной жизнью, сколько внимать себе, быть сосредоточенными на себе самих. Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той (Лк. 21, 34). Спаситель прямо говорит, что внимать себе нужно вопреки стремлению человека к различным суетным заботам. Яко сеть бо приидет на вся живущия на лица всея земли; бдите убо на всяко время молящися (Лк. 21, 35–36). Хотя здесь и отсутствует слово «внимание», но раскрыто внутреннее его содержание.

Бдите. Как спящий человек видит сны и они представляются ему реальностью, так человек, погрязший в суете, предполагает, что он занимается важной и необходимой деятельностью. Однако по сути он погружен в духовный сон и видит не действительность, а сновидения,

призраки и мечты. Поэтому нам необходимо проснуться, истрезвиться. Мы должны бодрствовать над собою, однако такое бдение невозможно без молитвы. Без нее невозможно и собрать ум внутрь себя. Ничто так не способствует сосредоточению ума, как Иисусова молитва. Благодаря ей, с Божией помощью, можно сконцентрировать ум так, чтобы он приобрел ту силу, которая дарована ему свыше, от Бога. Из-за нашей рассеянности эта сила расходуется на бесчисленные ненужные стремления и становится как бы несуществующей.

Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитесь убежати всех сих хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим (Лк. 21, 36). Убежать не в том смысле, чтобы избавиться от всех скорбей и испытаний, грядущих в этот мир, а в том, чтобы избежать грехопадения, хотя и подвергаясь испытаниям. *И стати пред Сыном Человеческим*, то есть предстать пред Господом, и когда Он явится во славе, и уже сейчас – духом. Один подвижник сказал, что истинная молитва есть предстояние на Страшном Суде Божиим. Если мы, избегая суетных соблазнов, приобрели внимание и духовное бдение, то внутренне предстаем умом пред Сыном Человеческим – пред Господом Иисусом Христом. Это не какой-то психологический эффект, но подлинная реальность. Испытавший ее знает, что она имеет гораздо большее значение и гораздо более реальна, чем та действительность, которая всеми людьми считается совершенно неоспоримой.

Евангелист Марк не употребляет слово «внимание», но, передавая речь Спасителя, говорит о том же: *Блюдайте, бдите и молитесь: не весте бо, когда время будет (Мк. 13, 33).* Замечательные краткие слова, можно сказать содержащие в себе всю суть монашеской, то есть истинно христианской, жизни. Эти три слова: *блюдайте, бдите и молитесь* – заключают в себе все, что мы должны делать. Иначе говоря, мы должны хранить себя, смотреть за собой, бодрствовать и молиться. *Не весте бо, когда время будет.* Мы не знаем ни времени Страшного суда, ни времени испытаний и искушений, которые попустит нам Промысл Божий.

Не зная этого, мы должны всегда бдеть во время бодрствования и стремиться к тому, чтобы бодрствовать духом даже тогда, когда мы спим телесно. Если мы с помощью Божией, упражняясь в молитве Иисусовой, стремимся к внутренней собранности и сосредоточенности, то это бодрствование простирается на нашу душевную жизнь и во сне – благодать Божия хранит нас и почивающих на одре. Возможно, бессознательно, в каких-то фантастических формах, но и во сне мы боремся с грехом. Бывает, однако, и противоположное состояние, когда человек, бодрствуя, пребывает в духовном сне и под действием страстей видит то, чего нет на самом деле. Он воспринимает действительность настолько превратно, что в его глазах она совершенно искажается. Разве не бывает подобного с нами под действием страсти гнева, блуда или уныния? Поэтому мы должны проснуться, истрезвиться, перестать видеть эти кошмары и сладострастные сновидения, мучающие нас во время бодрствования. Мы должны увидеть действительность в свете Евангелия. Читая Евангелие, мы обретаем в нем мерило, которое показывает нам, каково должно быть состояние человека, внемлющего себе. Приобретается же это состояние с помощью молитвы Иисусовой и усердного понуждения себя к внутренней собранности.

Внемли себе – эта заповедь была дана еще великим пророком Моисеем, но, наверное, как и многие другие его изречения, не была понята его современниками. Однако Господь раскрыл ее полноту в святом Евангелии и в точности повторил те же самые слова: *Внемли себе*. Вот два слова, которые мы должны всегда помнить и повторять, пробуждая себя от нерадения и возбуждая к ревности. Таким образом, с Божией помощью мы сможем совершить свой монашеский подвиг, сможем пройти это поприще достойно. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Святитель Игнатий (Брянчанинов) в одном из своих наставлений говорит о том, что существенным делом монаха является чтение и молитва. Он говорит об этом, имея в виду то, что в его время нередко пренебрегали и тем и другим. Возможно, именно тогда вошла в обиход поговорка, по сути верная, но неправильно интерпретируемая: «Послушание выше поста и молитвы». Молитва якобы не имеет никакого значения, а послушание при этом понимается в очень узком смысле – как монастырские труды. Конечно, если понимать под послушанием повиновение рассудительной старице, опытной игумении, рассудительному духовнику, то послушание действительно выше поста и молитвы, потому что в нем заключено все: и пост, и молитва, и различные подвиги, и вся внутренняя жизнь. Все можно получить из одного только послушания. Но если мы будем понимать это примитивно, как монастырские труды, то скорее запутаемся, чем получим пользу от этой монашеской поговорки.

Святитель Игнатий, желая противостать такому неправильному настроению в монашеской среде, говорит, что существенным (то есть наиболее важным) делом монаха является молитва и чтение. Как правильно к этому относиться? Наставление о чтении ни в коем случае не нужно воспринимать как призыв к самообразованию или развитию личности в смысле развития умственных способностей и приобретения всесторонних знаний. Увлечение чтением именно с такой целью, наоборот, отвлекает человека от молитвы, от внутренней жизни и становится для него препятствием к тому, чтобы прилежать внутреннему вниманию. Оно наполняет его память всевозможными сведениями, которые поневоле, в особенности если производят впечатление на человека – а без впечатлений человек ничего и не запомнит, – отвлекают его от молитвы и вообще от внимания к самому себе. И человек

скорее предается всевозможным рассуждениям, чем борьбе со страстями.

Давая такое наставление, святитель Игнатий имеет в виду прежде всего книги деятельные, как называли их святые отцы. В буквальном переводе этого названия с греческого языка – практические (хотя мы придаем этому слову другой смысл). А книги теоретические, если перевести это слово с греческого, иначе можно назвать созерцательными. Итак, если под теоретической литературой иметь в виду литературу догматического или исторического характера, а под практической – аскетические творения святых отцов, то наставление святителя Игнатия станет для нас понятно и полезно.

Иоанн Лествичник говорит, что подвижники должны в особенности изучать деятельные книги отцов. К ним относятся как древние наставления, которые остаются всегда новыми и актуальными, например «Лествица» преподобного Иоанна, так и наставления подвижников XIX века – времени расцвета в России духовной жизни, например книги святителя Игнатия (Брянчанинова). К деятельным книгам относятся, возможно, не столь масштабные по своему содержанию, но весьма полезные конкретными советами наставления современных афонских, греческих подвижников. Все полезно, все уместно, если мы умеем этим пользоваться.

Но даже чтение таких книг сделает нас лишь теоретиками духовной жизни, если мы не будем относиться к нему правильно. Мы должны понимать, что деятельные книги отцов необходимо и воспринимать деятельно, то есть претворять их наставления в жизнь. Они только тогда приносят нам пользу, когда являются непосредственным практическим руководством, актуальным в данную минуту. Тот, кто живет монашеской жизнью и не испытывает интереса к подобной литературе, находится в странном положении. Видимо, у него нет вопросов, на которые он искал бы ответы. Если бы такие вопросы были, он поневоле обратился бы именно к деятельным книгам и в них искал бы объяснения тем многочисленным недоумениям,

которые приходится испытывать всякому монашествующему на его многотрудном пути.

Если человек увлекается книгами, даже практическими, по причине обыкновенной любознательности, то книги превращаются для него не в руководство, а в средство накопления отвлеченных сведений, не имеющих актуального значения в его жизни. Чтение начинает отвлекать его от молитвы и не дает свободно предаваться духовной жизни.

Признаком неправильного отношения к духовной литературе является некая сухость, возникающая при чтении, а также безразличие к молитве, молитвенное бесплодие. Это означает, что мы либо читаем не то, что нужно, либо нужное воспринимаем неправильно. Наоборот, когда мы относимся к духовной литературе правильно, она возбуждает в нас прежде всего ревность, вождение к молитве. Она дает нам ориентиры в жизни; в ней мы находим конкретные советы. Мы пьем ее, как жаждущий, истомленный жарой человек пьет воду, прохлаждающую его, доставляющую утешение и дающую силы для продолжения дневных трудов.

Молитва и чтение ради молитвы, а правильнее сказать, умное делание и чтение ради умного делания порождают в душе человека некое особенное оживление. Человек становится активным в духовной жизни. У него проходит уныние, возникает ревность, становится ясным предначертанный ему путь. Он разъясняет для себя те или иные трудные моменты и получает, как ему кажется, неожиданные ответы. Иное дело – просто знать все это, и иное – знать это для себя, понимать важность конкретных ответов.

Для того чтобы правильно ориентироваться в чтении и молитве, мы должны понимать, что читаем книги, написанные исключительно на основе духовного опыта. Таковы аскетические творения отцов Православной Церкви. Это не теоретизирование, не рассуждение, идущее от ума, не какая-то отвлеченная схема. Даже если в них все изложено систематически, все равно это непосредственный, жизненный, духовный, аскетический опыт. Святитель Игнатий недаром, подчеркивая именно эту сторону содержания своих творений,

назвал часть из них «Аскетические опыты» (здесь употреблена архаичная форма слова «опыт», общепринятая в XIX веке, мы бы сейчас употребили это слово в единственном числе). Читаем мы для того, чтобы самим жить так, как заповедали отцы в своих писаниях. Опыт – вот наша цель. Мы должны все пережить, а не просто узнать.

Иногда, конечно, мы касаемся вещей очень возвышенных, далеко отстоящих от нашей духовной меры. Мы должны относиться к этому благоразумно и понимать, что не можем мгновенно приобрести то, о чем пишет, например, преподобный Силуан Афонский или преподобный Симеон Новый Богослов в своих гимнах. Но вместе с тем нам необходимо осознавать, что мы читаем об их живом опыте и до какой-то степени, по мере возможности, должны принимать его и применять к себе. Если мы понимаем святоотеческие книги, значит, мы живем этими книгами. Именно так следует воспринимать поучение святителя Игнатия о том, что молитва и чтение являются существенным делом монаха.

Я думаю, для сестер нашей обители является само собой разумеющимся, что тот, кто не молится Иисусовой молитвой, не имеет, как говорил об этом преподобный Василий Поляномерульский, *ключа разума* ни к Священному Писанию, ни к писаниям отцов. Они остаются для него закрытыми. Текст как будто тот же самый, но интерпретируется он в сознании человека превратно.

Без прилежания к внутренней жизни, то есть без собственного, пусть скромного, но живого опыта, человек не может понять святоотеческих книг. Они остаются для него описанием деятельности ему незнакомой. Есть книги, совершенно для нас непонятные. Скажем, текст, написанный на незнакомом мне языке, я прочитать не могу, даже если предполагаю, что в нем заключено нечто весьма мудрое. А есть книги, которые написаны на русском языке, но всё равно непонятны для меня, поскольку в них описан предмет, совершенно мне незнакомый, например математика. Я вроде бы могу их прочитать, но в лучшем случае осознаю, что не понимаю прочитанного, а в худшем – понимаю это неправильно.

Такие же плоды приносит изучение святых отцов без молитвы, без непосредственного духовного опыта.

Опыт раскрывает нам истинное значение святоотеческой литературы. Она становится для нас живой, открывает нам пути для дальнейшего продвижения, разрешает трудности и недоразумения. Итак, признак неправильного отношения к чтению – сухость, опустошение, а правильного – ревность и обогащение не только памяти, не только рассудка, но именно опыта, приобретение опытного рассуждения, которое необходимо для принятия решений, а не для развлечения ума.

Вот каково значение такой, казалось бы, обыкновенной вещи, как чтение. Что может быть проще? Открыл книгу и читай – сейчас все грамотные. Однако не всё так элементарно, как представляется на первый взгляд. Разные люди, читая одну и ту же книгу, воспринимают ее по-разному, в зависимости от собственного опыта. Иные обращают внимание на одни моменты, иные – на другие. А иные и вовсе никак не могут ее понять. Она кажется им скучной, надуманной, потому что они не живут хотя бы в какой-то степени так, как жили составители этих книг. Понять и полюбить святоотеческие книги можно только при том условии, если подражаешь жизни святых отцов. И того и другого я искренно желаю новопостриженным сестрам. Аминь.

Вопрос. Старица разрешает проявлять высокомерие к бесовским помыслам, то есть не принимать их, но я боюсь, что подобное отношение может перейти на ближних. Может ли такое случиться?

Ответ. Если человек не хочет признавать свою подчиненность демонам, в этом никакой гордости нет. Так можно и Спасителя обвинить в гордости, потому что Он не захотел поклониться сатане. Мы называем это высокомерием для того, чтобы человеку было понятно, как противостоять греховным помыслам. Поскольку нам хорошо знакомо чувство гордости, высокомерия, презрения к ближним, а как относиться к бесовским помыслам – неизвестно (мы не имеем опыта борьбы), то приходится использовать это сравнение.

Вообще, высокомерие по отношению к помыслам правильнее назвать мужеством, неприязнью к греху. Презрение к ближнему – это разновидность гордости, но презрение к греховным помыслам – это уже не гордость. Например, Иоанн Лествичник говорит, что блудные помыслы надо презирать. Не нужно бояться, что это отношение может перейти на ближних, если только кто-нибудь неразумно не станет пытаться возбудить в себе гордость, думая, что она поможет бороться с греховными помыслами.

Вопрос. Скажите, пожалуйста, что нужно говорить старице о молитве?

Ответ. О молитве нужно рассказывать все. О внимании, о том, что получается и что не получается, какие испытываешь чувства, молишься ли ты в течение дня и как молишься, не сокращаешь ли правило, помогает молитва в борьбе с помыслами или не помогает. Старице все должно быть известно.

Вопрос. Как правильно описывать и открывать старице свои молитвенные состояния, не теряя при этом благодати?

Ответ. Нужно рассказывать не только о своих греховных помыслах, но и о преуспевании, для того чтобы знать,

действительное оно или мнимое. Все нужно отдавать на суд своего наставника. В добром также необходимо руководство. Возможно, вначале все будет хорошо, но потом запутаешься и примешь какое-нибудь прелестное состояние за истинное, духовное. Если испытываешь истинно благодатные состояния, если есть преуспевание в молитве, это не значит, что можно ничего не рассказывать и не советоваться – в таком случае преуспевание может остановиться. Необходимо понуждать себя говорить о молитве со смирением, без тщеславия и хвастовства. Иначе благодать можно действительно потерять, даже если ты исповедуешься духовнику или старице. Смирение же состоит в том, что человек отрекается от своего разума, своего взгляда на вещи и все выносит на суд своего духовного руководителя. Для тебя уже нет ничего самоочевидного, и как рассудит твой наставник, так и ты будешь думать и применять это к своей внутренней жизни.

Бывает, что теряется воображаемая благодать. Всякий человек испытывает воодушевление, основано оно на естественных человеческих чувствах, может быть и не греховных. С древности существует слово энтузиазм. В советское время говорили о трудовом энтузиазме, но вкладывали в это понятие совсем иной смысл. Энтузиазм – это душевный подъем, экзальтация. Человек способен вызывать в своем теле такие ощущения, которые по неопытности могут приниматься за благодатные. Допустим, в храме все дружно запели, так что дрожь пробрала, а это простое воодушевление. С таким же воодушевлением могли петь люди на первомайской демонстрации. Чувства, которые люди считают возвышенными, вполне естественны, они не основаны на сверхъестественном действии.

На откровении помыслов мы рассказываем о своих чувствах и воодушевление пропадает. Даже одно открытие помыслов помогает нам истрезвиться, от нас отступают греховные помыслы и то, что мы ложно считали за какое-то явление свыше. Человеку кажется, что он потерял благодать, а он ее никогда не имел и обольщал себя душевными порывами.

Итак, необходимо, во-первых, исповедовать помыслы нетщеславно, а во-вторых, отличать благодатные действия от простого воодушевления и действий прелестных.

Может быть и такое, что, рассказав старице о молитве без тщеславия, с доверием и смирением, мы думаем: нам дали правильный совет и теперь все пойдет как по маслу. А ведь это самонадеянность. Допустим, ты правильно исповедуешь старице свои помыслы, но это не должно становиться поводом для самонадеянности. Иначе благодать тоже может оставить. Нельзя думать, что если я вчера хорошо помолился, то и сегодня я так же помолюсь, в этом и проявляется самонадеянность. Нужно смиряться и всегда молиться как в первый раз, всегда со смирением, покаянием, понуждением, никогда не успокаиваться. А как только понадеешься на себя, то вдруг не обнаружишь того, что казалось тебе уже неотъемлемым.

Вопрос. Как научиться молитве, если старица не учит? Боюсь делать выводы самостоятельно и топчусь на месте.

Ответ. Молитве нас учат святые отцы. Из русских подвижников о молитве Иисусовой писали: святитель Игнатий (Брянчанинов), преподобные Василий (Поляномерульский), Нил Сорский, Паисий (Величковский), Зосима (Верховский), который описал молитвенные состояния преподобного Василиска Сибирского. Из современных русских авторов можно назвать протоиерея Иоанна Журавского, автора книги «О внутреннем христианстве», архиепископа Антония (Голынского-Михайловского), написавшего замечательный труд «Путь умного делания». Может быть, не все изложенное в нем можно к себе механически применить, но написано прекрасно, исключительно из опыта и кратко. Как видите, об Иисусовой молитве написано уже очень много. Ведь не может каждая старица написать что-то новое, оригинальное и полезное. Читайте «Добротолюбие», в особенности второй, третий и пятый тома, об умном делании. Необходимо напитать свой ум учением об Иисусовой молитве. Но главное обучение – это молитвенная практика. Начните молиться, и у вас неизбежно возникнут вопросы. Если будете подробно рассказывать старице о своих молитвенных

переживаниях, хорошие они или плохие, о том, получается или не получается, то вам будут давать практические советы. А если человек ждет, чтобы его научили Иисусовой молитве, заранее все рассказали, и при этом не молится, тогда, конечно, ничего не получится. На месте топчутся оттого, что не молятся. Есть очень хорошая русская пословица: «Берись за дело, а дело за тебя». Духовная жизнь – это опыт. Человек может получить предварительные сведения, но если не приступит к деланию, не начнет молиться, то и теории не поймет.

Вопрос. Очень редко бываю на исповеди помыслов, живу сама по себе. Нужно ли заниматься самовоспитанием?

Ответ. Самовоспитанием заниматься не нужно. Конечно, это не значит, что у человека не должно быть никакого самопонуждения. Каждому необходимо заставлять себя жить по Евангелию, святым отцам, но это не самовоспитание. Мы должны исполнять заповеди, молиться Иисусовой молитвой, а старица, духовник, настоятельница – это наши помощники.

Как родители воспитывают детей? Когда-то поговорят с ними, чему-то научат, помогут сделать уроки, иногда накажут, пойдут в школу, если их вызовут, и так далее. Но это не значит, что родители неразлучно находятся с ребенком. Это практически невозможно. Если ребенок исполняет советы родителей в их отсутствие, то это не значит, что он занимается самовоспитанием. Разумеется, его воспитывают родители, а исполнение ребенком родительских приказаний – это и есть настоящее воспитание.

Вопрос. Объясните, пожалуйста, почему праведный Иов не признавал за собой беззакония? Святые отцы пишут, что на всякое обвинение, кроме обвинения в ереси, надо говорить «простите» и укорять себя. Нет ли здесь противоречия?

Ответ. Праведность можно понимать по-разному. Если рассматривать это понятие в точном смысле слова, то праведным и святым может быть только единый Бог. Вспомним, что Спаситель ответил юноше, который спрашивал Его о том, что сделать, чтобы наследовать жизнь вечную. Господь сказал: *Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог (Мф. 19, 17).* А в церковных песнопениях есть такие

слова: «Един свят, един Господь Иисус Христос». У человека не может быть абсолютной праведности, но может быть относительная, человеческая праведность. Насколько это возможно для человека, Иов был безупречен, у него не было грехов. Среди иудеев существовало мнение, что Бог не только в будущей жизни вознаграждает праведника, но и в этой, временной жизни также осыпает его благодеяниями. В ситуации с Иовом получилось противоречие: человек безупречной, праведной жизни терпит страшные бедствия.

Представьте себя на месте праведного Иова. Человек старается все делать по совести, он видит, что по своей нравственности он неизмеримо выше, чем люди, которые его окружают. При этом он не гордится, никогда себя не хвалит. И вдруг на него обрушиваются неисчислимые бедствия: внезапная смерть детей, потеря всего имущества, кроме того, телесная болезнь – проказа. Разве обыкновенный человек не возмутился бы духом? Мы не можем потерпеть и мелких болезней, неприятностей. Но Иов все терпел, благодарил Бога и говорил своей жене: *Господь дал, Господь и взял. Ты говоришь как одна из безумных* (Иов. 1, 21; 2, 10), и он никогда не хулил Бога. Иов возмутился только тогда, когда друзья стали говорить, что ему нужно покаяться в грехе, то есть в том, чего он не делал. Надо сказать, что в те времена под грехом понимали грубое нарушение заповедей, а не какие-то греховные мысли, тончайшие движения души.

После пиршественных дней Иов приносил жертву по числу всех сыновей, для того чтобы Господь на них не прогневался. Он говорил: *Может быть, они согрешили в сердце своем* (см. Иов. 1, 5). Если Иов так думал о своих детях, значит, и сам он старался не допустить неосторожной мысли или слова. Можно предположить, что этот человек был чрезвычайно внимателен к себе. Согрешив даже мыслью, он приносил жертву Богу и считал, что таким образом он удовлетворяет правосудию Божию.

Иов не роптал, понимая, что все посылаемое от Бога нужно терпеть, и, как видим, благодать Божия не покидала его. Когда друзья упрекали его за грехи, он отвечал им: «Вы говорите, что

я грешен, но я чувствую дух Божий в ноздрях моих» (см. Иов. 27, 3). Видимо, благодать Божия и помогала ему устоять против соблазнов: ропота, отчаяния, уныния и прочего. Как я уже сказал, от него стали требовать покаяния в грехе, которого он не совершал. Не выдержав, Иов стал просить у Бога, чтобы ему было открыто, почему его постигли все эти несчастья. Конечно, в этом проявилась его человеческая немощь и ограниченность. Однако никто из нас не способен выдержать и гораздо меньшую скорбь, а он вынес неисчислимые бедствия. Господь явился праведному Иову и открыл ему путь смирения. Все случающиеся бедствия нужно принимать с благодарностью, как от руки Божией, не искать объяснений и видеть во всем скрытый, непостижимый для нас Промысл Божий. Ему также было сказано, что дела Божии непостижимы. Действительно, это был Промысл, смиливший Иова и давший ему большее богопознание, чем то, которое он имел до того дня. В конечном счете Иов себя тоже укорил: *Руку полагаю на уста мои, ибо раньше я слышал о Тебе слухом уха, а теперь вижу Тебя лицом к лицу* (см. Иов. 39, 34; 42, 5).

Книга Иова учит нас смирению. Когда Иов смирился, к нему возвратилось и внешнее благополучие. Известно, что он прожил еще много лет, имел детей, к нему вернулось прежнее богатство. Это совсем не означает, что всякий смилившийся обязательно будет благополучен в земной жизни, но пример Иова убеждает нас в великой пользе терпения и смирения.

Вопрос. Значит, Иов был прав, настаивая на своей невинности?

Ответ. Если судить по таким критериям, как «виноват – не виноват», «праведен – грешен», то Иов, конечно, был не виноват и был праведником. А если говорить о том, имеет ли человек право вообще вступать в суд с Богом, то Иов был не прав. Он должен был смириться перед этой скорбью и принять ее точно так же, как принимают благодеяния, ибо он не мог понять судеб Божиих.

Книга Иова очень мудрая, потому что она проповедует евангельскую истину. Я сегодня в проповеди как раз объяснял заповедь: *Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть*

Царство Небесное (Мф. 5, 10). Она говорит о том же самом, что испытывал Иов. Получается, что блаженны те, кого изгоняют. За что изгоняют? Не за то, что они в чем-то виноваты, а за праведность. Таким образом, Господь сказал, что всякий праведный человек должен быть изгнан.

Значит, вместо того чтобы ожидать, что за нашу безупречную жизнь мы будем пользоваться у людей почетом и любовью, мы, наоборот, должны быть готовы к тому, что нас будут отвергать, ненавидеть, а в крайнем случае даже изгонять. Если пользоваться той логикой, которой пользовались друзья Иова, то о всяком гонимом человеке надо было бы говорить: «Господи, если Ты изгнал этого человека, значит, он в чем-то виноват, пусть сознаётся в своей вине». Апостолов, например, иудеи изгнали из их родных мест, и они не смели вернуться на родину – даже апостол Павел опасался вернуться. Он знал, что если вернется, то его арестуют. Получается, что апостол Павел согрешил и должен был себя укорить и сказать: «Господи, я виноват, поэтому иудеи справедливо меня гонят».

Нужно обратить внимание на самое начало книги Иова, в котором заключена ее суть. Почему Иов испытал такие скорби? На него напал диавол. Именно потому, что Иов был праведен, он испытал жесточайшую и сильнейшую брань от диавола. И тем, что он это вытерпел, он доказал свою праведность. Хотя какие-то переживания и недоумения у него были, все равно он оказался великим праведником. А у друзей Иова такая логика: тот, кто терпит скорби, – грешный и должен себя укорять. Мы, христиане, не можем так думать.

Конечно, если я в холодную погоду вышел легко одетый и простудился, это не значит, что я терплю скорби ради Бога. Это значит, что я просто глупо поступил. Часто человек наказывается скорбями за свои грехи. Но бывает, что праведники терпят скорби именно из-за служения Богу.

Мы, собравшиеся здесь, отнюдь не великие святые. Уверен, что среди нас нет таких, которые смеют так о себе думать (хотя, кто знает, может быть, между нашими младшими сестрами скрывается какая-нибудь великая праведница, которая ради юродства совершает разные шалости, чтобы прикрыть

свою святость). Если говорить серьезно, уже только за то, что мы молимся Иисусовой молитвой, на нас нападает диавол. Да, у нас есть грехи, страсти, за которые он «цепляется», найдя в нас нечто как бы принадлежащее ему, и поэтому он имеет над нами власть, может нас терзать. Но по сути он ненавидит нас и нападает на нас за то, что мы стремимся угождать Богу, исполнять заповедь о любви Божией.

Вопрос. Надо ли говорить старице о чувствах, которые к ней испытываешь?

Ответ. Лучше говорить, чтобы и в этом не погрешить, во всем должна быть мера. Конечно, если человек чувствует помощь, он испытывает благодарность и между людьми возникает естественная привязанность. В Библии переданы такие слова Бога: *Осел знает ясли господина своего, а Израиль не знает Меня* (см. [Ис. 1, 3](#)). Даже животные испытывают благодарность к своим хозяевам, которые их кормят, а у людей тем паче должно быть подобное чувство. Но не должно быть пристрастия и обожания, при котором личность человека заслоняет Бога, становится между тобой и Богом. Я говорю это не в том смысле, что к старице или духовнику следует относиться безразлично. Разумеется, если вступаешь с человеком в близкие отношения и при этом чувствуешь пользу, то не может не возникать чувства благодарности, любви и так далее, но и эти чувства должны удерживаться в рамках допустимого.

Возможно, некоторым наставникам нравится, когда их как-то особенно любят, но это неправильно. Бывает, что духовные чада тебя как будто любят, но при этом не слушаются. Лучше меньше любить, но больше слушаться. В духовной жизни важна не личная привязанность, а послушание ради Бога.

Вопрос. За пять лет я никогда не говорила со старицей о молитве. Иногда она спрашивает о том, как я молюсь, какие испытываю чувства, а я не знаю, что отвечать. Что подразумевается под чувствами в молитве? На литургии от начала и до конца службы чувства меняются, мысли – в совершаемом таинстве, в осознании своей греховности. Я не совсем понимаю, какие чувства нужно описывать.

Ответ. Это очень плохо, если у человека в течение пяти лет во время молитвы совсем не возникало никаких чувств. На это сразу нужно было обратить очень серьезное внимание и рассказать о том, что во время молитвы у тебя нет никаких чувств. Тогда можно анализировать и делать выводы, почему это происходит. Кажется, что человек все делает правильно, а благодать Божия почему-то его не посещает. Может быть, есть какая-то внешняя причина, напрямую не относящаяся к молитве, допустим неправильное поведение, действие страстей. Возможно, человек неправильно молится, неправильно сосредоточивается или, напротив, молится без напряжения, покаяния и прочее. А если ничего не говоришь старице, значит, не радеешь о молитве.

Бывает еще, что во время правила часто появляются мысли о том, что нужно рассказать одно, другое, третье, и постепенно человек совсем отвлекается от молитвы. Во время правила подобные мысли совершенно неуместны. Здесь одна борьба – за внимание. После правила остается какое-то впечатление: что-то сделано не так, что-то непонятно – об этом и рассказывай. Если анализировать свое состояние во время правила, то внимание этим увлекается и человек рассматривает молитву как бы со стороны, она становится предметом для размышления. А в молитву необходимо углубляться так, чтобы не было никаких посторонних мыслей, чтобы прекратилась всякая рассудочная деятельность.

Вопрос. Во время молитвы в Гефсиманском саду Спаситель был один, а три ученика спали. Откуда же евангелисты знают, какими словами молился Господь? Об искушении Спасителя в пустыне также подробно написано, а ведь тогда с Господом никого не было.

Ответ. Одним из этих трех учеников был Иоанн Богослов, он вел себя очень твердо, поэтому мог совсем не спать, а видеть, как Спаситель молился в Гефсиманском саду, но он не упомянул о себе из скромности. Что касается искушения в пустыне, то Господь Сам мог об этом рассказать ученикам. Это простые, человеческие объяснения. Но, главное, нужно помнить, что Евангелие – это не просто книга, написанная со

слов непосредственных очевидцев, а Священное Писание, Откровение свыше, записанное людьми, просвященными благодатью Святого Духа. Такое же Откровение, какое было дано Моисею, Исаии или другим пророкам. Как вы знаете, апостол Павел говорил о себе, что он проповедовал не от других людей слыша, а получив откровение непосредственно от Самого Господа.

Вопрос. *Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, потом и Еллина! Напротив, слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллина!* (Рим. 2, 9–10). Почему апостол Павел на первое место ставит иудеев?

Ответ. Во времена апостола Павла еще не произошло окончательного отделения иудейской церкви от христианской. Была еще надежда, что иудеи обратятся ко Христу. Они имели заповеди Моисеева закона. Конечно, тем, кто имеет заповеди и не исполняет их, большее осуждение, чем тем, кто их не имеет. Нравственность эллинов была примитивная, основанная на стихийном действии совести, а не на Откровении. Человек, который исполняет заповеди, может больше усовершенствоваться, чем тот, кто делает добро стихийно, не по Откровению, поэтому *слава и честь* более тому, кто живет по богооткровенным заповедям, чем по велению своего естества, пусть даже и добродушному.

Вопрос. Мне не хватает мужества полностью открываться старице. Часто по нескольку дней, а то и недель мучаюсь и от помыслов, и от своей скрытности, и от стыда перед старицей. Наконец, все расскажу, но вскоре повторяется то же самое. Я уже отчаиваюсь, кажется, что мне невозможно избавиться от скрытности и лукавства. Как быть?

Ответ. Необходимо заставлять себя открываться старице, а не отчаиваться. Возможно, в тебе действует гордость, тщеславие, поэтому появляется боязнь выглядеть перед наставницей в неприглядном свете и хочется все скрыть. Надо преодолевать себя и мужественно все раскрывать. Постепенно выработается полная искренность, и ты уже ничего не сможешь скрыть, даже если захочешь. Мы ничего не можем делать без

Божией помощи, но многое зависит и от нашего понуждения. Бог всегда желает нам помочь, если только мы будем просить Его об этом. Понуждай себя к полной, беспощадной искренности, и это постепенно станет твоим навыком.

Вопрос. Останется ли в антихристе образ Божий? И есть ли он в ангелах?

Ответ. Существует мнение, что диавол войдет в антихриста подобно тому, как демон входит в бесноватого. Бесноватый – это фактически умалишенный, сумасшедший, не владеющий собой человек. Я думаю, что гораздо больше зла может принести не бесноватый, а человек, находящийся через действие страстей под властью диавола и демонов и обладающий в то же время трезвым рассудком. Образ Божий есть в каждом человеке, потому и в антихристе образ Божий, конечно, останется, но он будет искажен безнравственностью этого страшного человека. Некоторые считают, что антихрист показан в Откровении под видом зверя по той причине, что в нем уже нет ничего человеческого. Существует даже такое выражение: зверь, а не человек.

Что касается того, есть ли в ангелах образ Божий, надо сказать, что у святых отцов есть разные мнения. Некоторые утверждают, что человек отличается от ангелов именно тем, что имеет образ Божий, он почтен особой честью. Однако если образ Божий находится в человеческом духе, то есть образом Божиим являются духовные свойства (свободная воля, разум), то почему этого не может быть и в ангелах? Михаил в переводе с еврейского означает «кто как Бог».

Вопрос. Если апостолы еще при жизни Спасителя знали, что Иуда Искариотский – вор, то почему ничего не предпринимали? Если нет, как узнали об этом после?

Ответ. Возможно, они сделали вывод об этом на основании каких-то своих наблюдений. Человек не сразу понимает мотивировку чьих-то поступков в отдельных случаях, но когда все разрешается, то значение предыдущих событий становится ясным. И апостолы могли сначала не знать о том, что Иуда Искариотский был вором, а после стали догадываться,

вспоминая то, как он вел себя раньше. В этом нет ничего удивительного.

Вопрос. Мне непонятны слова преподобного Иоанна Лествичника: «Если мы в тех, которые думают, что плачут по Богу, видим гнев и гордость, то слезы таковых должны считать неправильными: кое бо общение свету ко тьме? (2Кор. 6, 14)»¹⁸⁶. Получается, что истинные слезы – достояние только бесстрастных людей. Правильно ли я понимаю?

Ответ. Когда речь идет о плаче по Богу, то имеется в виду, наверное, не покаянный плач, который, естественно, предполагает грехи, в том числе и гнев, – а благодатный плач умиления, возникающий от близости к Богу. Такой плач, конечно, несовместим с гневом. Кроме того, Иоанн Лествичник в этом изречении не только описывает некое духовное состояние, но и укоряет тех, кому даруется такой плач и кто в то же время поддается гневу и, в особенности, гордости. Укоряет для того, чтобы они не поддавались своим страстям, а боролись с ними более ревностно, решительно. Если же под плачем понимать некоторое состояние, постоянные слезы, то и такой плач несовместим с гневом и гордостью.

Вопрос. Меня сильно одолевает страсть уныния. Старица уже объяснила мне причины этого, я стараюсь бороться, а уныние, наоборот, действует все сильнее. Из-за него совсем теряю молитву. Что мне делать?

Ответ. Унылого человека может привести в угнетенное состояние какая-то мелочь. Это значит, что вещи он воспринимает превратно, не такими, какие они есть на самом деле. Что делать, если человек обнаружил в себе такую склонность? Усиленно молиться. В борьбе со страстью уныния нужно отбрасывать помыслы, которые вызывают, как это ни парадоксально звучит, услаждение; делать свой ум чистым, трезвым от этого дьявольского наваждения, от своей дурной склонности. Надо относиться к этому, если можно так выразиться, по-деловому и боевито, а не унывать оттого, что у тебя уныние. Необходимо понуждать себя, и благодать Божия будет утешать и веселить сердце.

Вопрос. Если я чувствую, что обидела сестру, должна ли я сразу попросить у нее прощения? Или нужно делать это только с благословения старицы? А может быть, лучше просто осудить себя и молиться, прося прощения у Бога?

Ответ. Конечно, нужно попросить прощения и у Бога, и у сестры, как-то примириться. Это естественно. А то может получиться так: случился неприятный разговор, ты допустила грубость, а к старице попала только через неделю, затем еще через неделю пойдешь просить прощения у сестры, которой нагрубила. А она скажет: «А за что, собственно? Я ничего не помню». Конечно, нужно делать это по возможности сразу. Но если какой-то особый случай и ты сомневаешься, тогда необходимо посоветоваться.

Вопрос. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что блудных могут исправлять люди, лукавых – ангелы, а гордых – только Сам Бог. Как это понимать? Кажется, что все страсти может исцелить только Господь.

Ответ. Я думаю, эти слова надо понимать в таком смысле: гордость – это такая страшная страсть, что люди здесь ничем помочь не могут. Если подвижник стремится к тому, чтобы преодолеть свою страсть, молится, кается, другими словами, противится гордости, тогда только она и умягчается. И никакой мудрый совет, никакие ограничения, налагаемые на горделивого человека, не помогут. Например, человека, подверженного блудной страсти, можно ограничить в общении с противоположным полом, наложить на него пост, заставить делать поклоны, научить его следить за блудными помыслами. А гордость даже заметить очень трудно: человеку представляется, что на самом деле это и не гордость, а правильный взгляд на вещи.

Вопрос. Старица говорит: для того чтобы не осуждать, нужно приучить себя никого и ничто не оценивать. Каким образом тогда рассуждать о том, что хорошо, а что плохо? Как это совместить?

Ответ. Действительно, мы не должны оценивать поведение человека. Заповедь: *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1) – говорит как раз об этом. Что такое суд? Это

не обязательно осуждение. Допустим, подозреваемый попал под суд – ему могут дать большой или маленький срок, приговорить к высшей мере наказания, но ведь могут и оправдать. Теоретически приговоры возможны самые разные. Суд не обязательно предполагает признание человека виновным. Это такой подход к другому человеку, когда мы ставим себя выше его и позволяем себе его судить, как судья – предполагаемого преступника. Если же мы никого ни в чем подозревать не будем, то и оценивать не будем, видя перед собой просто человека, а не преступника. Если я не судья, то не должен и судить, пусть этим занимается специалист. Конечно, сказать об этом легко, но сделать, то есть не судить на самом деле, трудно.

В некоторых случаях мы вынуждены судить, но при этом не должны осуждать. Если же мы вынуждены осудить, то надо оправдать человека или снизить к нему. Эту заповедь подробно передает евангелист Лука: *И не судите, и не судят вам: и не осуждайте, да не осуждени будете: отпускайте, и отпустят вам: дайте, и дастся вам (Лк. 6, 37–38)*. Самый простой способ избежать осуждения – не судить вовсе, потому что если мы вдаемся в рассуждения, то иногда приходится человека осудить, после чего мы должны его оправдать. Это очень трудно, и без нужды этого делать не следует. Вынуждены судить настоятельница, духовник или старица, а если человек не имеет специального послушания и не несет ответственности за других, то ему не судить должно быть просто и легко.

Лучше всего не судить, но если есть серьезная причина, заставляющая нас судить, тогда, по крайней мере, мы не должны человека осуждать. Бывают обстоятельства, когда мы вынуждены осудить (к примеру, духовник или старица могут осудить проступок послушницы), – тогда мы должны прощать, *отпускать* человеку его прегрешение. Если какой-то грех простить невозможно, то мы обязаны, по крайней мере, снизить к этому человеку, оказать ему какую-то милость. Обратите внимание, что в Евангелии от Луки эта заповедь следует сразу за заповедью о милосердии: *Будите убо*

милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть. И не судите, и не судят вам (Лк. 6, 36–37). Тот, кто имеет милосердие, может достигнуть и состояния, при котором он не судит и не осуждает своего ближнего.

Вопрос. Меня смущает один случай из жизни старца Иосифа Исихаста, когда «нечистый дух блуда» явился ему в образе плешивого карлика. Неужели каждый злой дух имеет какой-то определенный вид или образ?

Ответ. Конечно, духи имеют какой-то постоянный собственный облик, но они могут являться человеку в тех или иных образах, в зависимости от того, как Господь им попустит. Иногда они устрашают человека, являясь в виде чудовищ, зверей, великанов и так далее. Возможно, Иосифу Исихасту было попущено увидеть демона блуда в таком убогом виде для того, чтобы подвижник почувствовал к нему презрение. Антонию Великому, например, дух блуда явился в виде отрока. Антоний прогнал его, сказав: «Господь попустил тебе явиться мне в виде отрока, чтобы показать твое бессилие». Но из этих примеров не следует, что один злой дух лысый, другой – бородатый, у третьего волосы растут клочками; у одного рога, а у другого – копыта. Нам неизвестно, как они на самом деле выглядят, но поскольку эти существа ограничены в пространстве (безграничным является только Бог), то какой-то вид у них должен быть. Любой предмет, ограниченный в пространстве, имеет какой-то образ. О существе сотворенных духов можно прочитать у святителя Игнатия (Брянчанинова) в «Слове о чувственном и о духовном видении духов». Там все прекрасно объясняется.

Вопрос. Как правильно понимать изречение: «Если хочешь быть свободным, свяжи себя, ограничь себя во всем»?

Ответ. Наверное, имеются в виду не столько внешние ограничения, допустим в пище, одежде и так далее, сколько ограничения нравственные. Я думаю, что каждому из нас было бы полезно ограничить себя, то есть не допускать своеволия в чем бы то ни было, жить в послушании, исполнять заповеди, соблюдать монастырский устав. Если принять такое разумное и вполне возможное для каждого ограничение, то

человек обретет внутреннюю свободу. А если мы хотим свободно жить по своей воле, то становимся рабами своих желаний. Выражение «ограничь себя во всем» нужно понимать либо как послушание, либо как понуждение себя к жизни по Евангелию. По сути это одно и то же. Послушание – это средство к тому, чтобы свою нравственную жизнь направить по Евангелию.

Вопрос. Во время молитвы внимание отвлекается на добрые мысли о сестре, к которой испытываю расположение. Начинаю отталкивать умом эти мысли, но все заканчивается презорством. От раздражения опять отвлекаюсь, в голове – молитва, а в сердце – ненависть.

Ответ. Бывает, что во время молитвы появляется доброе расположение к людям. Молишься – и все кажутся хорошими, этого не нужно отталкивать. Святитель Игнатий пишет, что человека, который вел против него интриги, он видел таким, словно это ангел Божий. Возможно, во время молитвы действительно появляется доброе расположение к людям, что неплохо. Но может быть и такое, что под видом добрых мыслей диавол отвлекает нас от молитвы. В таком случае нужно просто сосредоточиваться, а не беседовать с помыслами. Допустим, тебе пришел добрый помысел о какой-либо сестре, а ты ему противоречишь, но ведь от этого ты лучше молиться не будешь. Не надо вообще ни о чем думать, надо от всего уйти мыслью. Доброе расположение, появляющееся во время молитвы, отгонять не нужно, но если это не просто доброе чувство, а какие-то суетные, многообразные рассуждения о человеке, то их, конечно, следует отогнать – не в том смысле, чтобы заменить их злыми, а в том, чтобы вообще уйти от размышления, углубиться в молитву.

Вопрос. Можно ли назвать адом мучительное душевное состояние (такое, с которым очень тяжело справиться, например гнев) еще при жизни человека? И можно ли сказать, что это состояние, усугубленное другими страстями, и будет составлять вечное мучение человека после смерти?

Ответ. Я не стал бы отождествлять ад с душевным состоянием. Можно, наверное, сказать, что это часть адских

мучений. Если суть наших будущих мучений состоит в том, что страсти будут терзать нашу душу, никогда не насыщаясь (в вечной жизни нет возможности насытить страсти), – то справедливо сказать, что ад начинается уже на земле, равно как и рай. Мы можем уже сейчас как предвкушать райское блаженство, так и предчувствовать адские мучения, то есть в малой степени ощущать то или другое. Райское блаженство, – когда чувствуем благодатное утешение в молитве или при совершении добродетели, или адское мучение, – когда поддаемся страсти. Последнее, действительно, мучительно и страшно. Но в то же время нельзя сводить ад только к психологическому, душевному состоянию.

Вопрос. Разговаривая с кем-либо, пытаюсь молиться, но при этом или невнимательно слушаю собеседника, или оставляю молитву. Как вести разговор и одновременно молиться?

Ответ. Смотря какой разговор. Когда выслушиваешь собеседника поневоле, хотя разговор не стоит того, чтобы его слушать, тогда можно углубиться в молитву, это будет только лучше. Однако всему свое время. Если, например, старица не будет вас слушать, а погрузится в молитву, то никого совета дать вам не сможет. Нужно понимать, что есть время для молитвы, есть – для послушания.

Вопрос. Батюшка, расскажите о страсти мнительности и о том, как с ней бороться. Она очень мучает меня, иногда я так смущаюсь, что теряю всякую способность здраво рассуждать, особенно перед причастием. Вспоминаю свои грехи, пока не найду повод для смущения. Холодею от страха и даже не могу молиться.

Ответ. Причащаться нельзя в том случае, если у человека есть смертные грехи. Если подходить строго, то исповедь и причастие не являются неразрывно связанными таинствами. Когда человек чувствует, что у него нет смертных грехов, он может причащаться. Но дело в том, что у нас люди во многом несведущие, все к себе снисходят и считают, что Господь добрый и потому к таинству можно приступать всегда. Поскольку у большинства нет правильного церковного

мышления, то необходим некий экзамен со стороны священника. Расспросив или выслушав кающегося, он делает вывод о том, можно ли его допускать до причастия. У всех нас есть грехи, но это не является препятствием для причащения, если, конечно, они не смертные. Мы согрешаем чуть ли не каждое мгновение.

Некоторые считают, что исповедоваться нужно обязательно утром, перед причастием, потому что если мы сделаем это вечером, то до следующего утра согрешим. Если развивать эту ошибочную логику, то мы придем к выводу, что исповедоваться нужно за одну минуту до причащения, а то и меньше. У нас всегда есть какие-то греховные мысли, слова, поступки, мы постоянно поддаемся страстям и прочее. Поэтому мнительность здесь не имеет никакого значения. Если у нас даже и были какие-то смертные грехи, но мы в них раскаялись, понесли епитимью (или не понесли, так как духовник проявил к нам снисхождение) и уже не имеем на себе епитимьи, отлучающей от причастия, то мы смело можем приступать к чаше и не обдумывать при этом свои грехи. От грехов очищает не только исповедь, но и само таинство причащения. В молитве перед причастием мы говорим, что причащаемся «во оставление грехов и в жизнь вечную». Можно сказать, что именно причащение Тела и Крови Христовых в самой глубокой и полной мере очищает нас от грехов, потому что очищает Христос – и где Он может совершенно очистить нас, как не там, где Он присутствует всем Своим естеством? Одно дело, когда Он действует на нас Своей благодатью через священника, иное – когда Он Сам входит в нас. Если нет грехов, скрытых от духовника или старицы, то можно смело приступать к причащению, иначе мы никогда не сможем сделать этого: никогда не будем чувствовать себя достойными и на душе всегда будет беспокойно. Но если мы приступаем к чаше с сокрушением сердечным, со страхом Божиим, то благодать очищает нас от всех грехов и соединяет с Самим Господом. Интересно, что у греков возглас перед причащением немного отличается от нашего. Мы говорим: «Со страхом Божиим и верою приступите», а они: «Со страхом Божиим,

верою и любовью приступите». Мне кажется, что это добавление очень уместное и разумное.

Вопрос. Батюшка, почему нельзя причащаться, когда имеешь неисполненные епитимьи? Например, если не сделаешь поклоны, то старица причащаться не разрешает.

Ответ. Что значит «неисполненная епитимья»? Допустим, тебе назначили епитимью каждый день делать столько-то поклонов до праздника Успения, но от причастия не отлучили. Ты исполняешь епитимью и в то же время причащаешься. Однако если тебе велели исполнить епитимью до определенного срока (и была реальная возможность это сделать), а ты по небрежности, нерадению не исполнила ее, а потом приступаешь к причастию, то, конечно, твоя совесть уже нечиста. Это не тяжкий грех, но это нерадение. В данном случае необходимо получить особое разрешение на причастие. Одно дело, если были объективные причины, скажем занятость на послушании, и совсем другое – если человек просто ленится и не хочет исполнять епитимьи.

Вопрос. Батюшка, бывает, что человек недостойно причастился, но после причащения все равно испытывает радость. Это прелесть или все-таки действие таинства?

Ответ. Такое может быть. Я расскажу один случай из книги «Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века». Один знаменитый подвижник, старец, приехал в Стамбул. В этом городе жил грек, который занимался торговлей, привозил в гарем султану товары. Сам он был православным, но впал в блуд, грешил с наложницами султана. Мало того что это было грешно, так еще и очень опасно, так как турки могли его убить. Родственники отговаривали его от этого, а он не каялся. И старец уговорил его: «Ты не пойдешь туда сегодня один день, и я тебя завтра причащу». Тот как-то удержался, и старец его причастил, как обещал. Потом говорит: «Ты завтра тоже не ходи, я тебя еще раз причащу». И так он его сорок дней уговаривал и каждый день причащал, – а ведь человек пребывал в страшном смертном грехе, блуде. После сорока дней причащения грек раскаялся и оставил этот ужасный и опасный грех. Наверное, старец и молился за него.

Действительно бывает, что человек причащается и со смертными грехами: если он делает это с покаянием, то Господь снисходит и Своею благодатью покрывает и утешает его.

Вопрос. Я от природы веселый, ветреный человек, молюсь с детским настроением и рассеиваюсь. Для того чтобы собраться, пытаюсь быть серьезной, но это ненадолго. Что делать?

Ответ. Конечно, лучше пошутить, чем унывать или отчаиваться: есть ведь и такие, которые любят плакать, когда надо и когда не надо. Нам всем необходимо сохранять душевную бодрость, но без конца шутить и смеяться не нужно, хотя иногда некоторая веселость допустима. Относительно молитвы скажу, что нужно сосредоточиваться и, несмотря ни на что, молиться. А после того как помолился, рассеиваться тоже нельзя, потому что смех, пустые разговоры, праздное времяпровождение (я уже не говорю о греховных словах и поступках) – все это лишает человека благодати. В этом отношении мы должны за собой следить. Однако в радостном, веселом расположении духа ничего плохого нет, это не противоречит покаянию. Радостное расположение духа нужно понимать не как шутливый настрой, хотя и шутка иногда помогает, а как душевную бодрость.

Вопрос. Пробовала очень медленно молиться и делать паузу после каждого слова – при этом быстро углубляюсь в молитву, но ум начинает так изнемогать, что после каждой молитвы хочется отдохнуть, глубоко подышать. В результате устаю, начинаю молиться как обычно и рассеиваюсь. Все ли я делаю правильно?

Ответ. Если прочитать одну молитву, а потом пять минут дышать, то это может затянуться надолго. Молиться медленно, чтобы углубляться в слова молитвы, нужно. Но кроме нашего напряжения необходимо еще и действие Божией благодати. Если ее нет, то и напряжение не поможет. Мы должны надеяться на Бога, а не только на свои силы. Нужны крайнее напряжение и одновременно ощущение своей немощи и беспомощности. Тогда будет правильное душевное

состояние, располагающее к внимательной молитве, можно сказать, производящее ее.

Если человек напрягается в молитве и при этом изнемогает, то в этом нет ничего удивительного, такое бывает, в особенности у новоначальных. Занимаясь каким-то напряженным трудом, человек непременно будет уставать и вообще чувствовать, что он что-то преодолевает, напрягается. Какую-либо тяжесть мы поднимаем с напряжением. Почему же мы не должны ощущать этого при умственном труде, который по тяжести превосходит чтение или размышление о каком-либо предмете? Здесь ведь требуется огромное усилие, для того чтобы сосредоточиться: в молитве нужна гораздо бóльшая сосредоточенность, чем при чтении, скажем, сложной книги. Поэтому напряжение при молитве должно быть, и, если трудно, это не значит, что нужно делать длительные паузы и дышать. Потом отдышишься, после правила.

Я считаю, что молиться медленно можно в том случае, если само внимание делает молитву такой. Если произносить слова молитвы нарочито медленно, это может получиться искусственно и не подойти нам. У каждого человека вырабатывается определенный ритм, более или менее быстрый, что зависит от темперамента, опытности в молитве, даже от обстановки. Если есть какой-то отвлекающий момент, значит, молиться становится труднее и соответственно молитва может быть медленнее, и напротив, она может быть быстрее, если человек молится рассеянно. Есть много разных тонкостей. Я сторонник того, чтобы молиться медленно настолько, насколько это получается естественным образом. Случается, что в какой-то период человек для преуспевания в молитве нуждается в неспешной молитве, но она бывает вызвана самими обстоятельствами, это происходит само собой.

Вопрос. После утешения в молитве сразу бывают серьезные искушения, уже боюсь самих утешений. Почему так происходит?

Ответ. Конечно, бывают искушения, а что нам теперь делать – не молиться и не поститься? Искушения бывают у того, кто ведет праведный образ жизни: диавол пытается сбить его с

верного пути. У человека, который ведет греховный образ жизни, искушений не бывает, потому что он уже давно искусился и погрузился в грех с головой, его и сбивать не с чего. Не нужно бояться утешений, предполагая, что будут искушения. Необходимо учиться бороться с грехом так, чтобы всегда быть готовым и Богу угодить, и отстоять то, что ты уже приобрел.

Рабство Богу – это истинная свобода¹⁸⁷

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Господь наш Иисус Христос, Которого святые отцы справедливо называют Самоистиной и Который Сам о Себе говорит: *Аз есмь путь и истина и живот (Ин. 14, 6)*, сказал уверовавшим Ему иудеям: *Аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете и уразумеее истину, и истина свободит вы (Ин. 8, 31–32)*. Он обращается этими словами к тем иудеям, которые признали в Нем пришедшего в мир Мессию. Поскольку мы также являемся людьми, верующими в Господа Иисуса Христа, то со всей справедливостью можем отнести Его слова и к себе.

Не останавливаясь подробно на словах Господа: *Аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете и уразумеее истину, и истина свободит вы*, поясню их кратко. Для того чтобы действительно быть учениками Спасителя, мы должны не только слышать Его учение и признавать его умом, но и пребывать в Его слове: применять его к своей жизни, исполнять его. В этом случае, как говорит Евангелие, мы уразумеем истину – постигнем ее не столько от теоретического изучения, сколько от понуждения себя к евангельской жизни. Тогда с нами произойдет нечто необыкновенное: истина освободит нас.

Те люди, которые, казалось бы, считали себя верующими во Христа, пришли в недоумение: *Отвещааша и реша Ему: семя Авраамле есмы и ни комуже рабством николиже* (то есть не были рабами никому и никогда. – Схиизм. А.): *како Ты глаголеши, яко свободни будете? (Ин. 8, 33)*. Их понимание свободы и рабства было чрезвычайно поверхностным, сугубо внешним: под рабством они имели в виду порабощение одного человека другим, а под свободой соответственно подразумевали возможность жить по своей воле. Но в действительности это не так. Всякий человек, даже если он никогда ни от кого не зависел, является рабом обстоятельств, рабом своей собственной плоти и всего того, чего она требует

(например, мы вынуждены трудиться для того, чтобы питать себя). Человек является рабом тех людей, с которыми он связан (например, своих близких и родственников); рабом своего воспитания, образа мыслей, привычек и взглядов. Ему кажется, что он исполняет свою волю, а в действительности он непроизвольно совершает те или иные поступки под действием неосознаваемых им многообразных сил. Сюда можно включить даже так называемые законы природы, от которых мы не свободны. Нас поработощает все. Удивительно, кстати, что иудеи в тот момент не понимали или не хотели понимать, что они не являются полностью свободными даже в политическом отношении, поскольку находились под властью римлян.

Ни кому же работахом николи же: како Ты глаголеши, яко свободни будете? Мы также задаемся вопросом: от чего нас освобождает монашество – истинно христианский, сугубо евангельский образ жизни? Ведь мы, как нам казалось, были свободными, а теперь, наоборот, поработощаемся. Но под поработощением следует понимать поработощение слову Божию: *Аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете.* В ином месте Спаситель сказал: *Возмите иго Мое на себе* (Мф. 11, 29). Поработив себя Христу, мы сможем научиться от Него кротости и сердечному смирению и тогда *обрящем покой душам* нашим (Мф. 11, 29), то есть обретем свободу. Свободу от всего того, что заставляет человека служить не Богу, не тому, чего на самом деле хочет душа, а своей плоти, другим людям, необходимости и, самое страшное, греху и страстям. Эта внутренняя свобода настолько значительна, важна и могущественна, что Господь пренебрегает всем внешним как чем-то ничтожным, оставляя нам только необходимость служить немощам плоти, трудиться ради своего пропитания. Хотя, как мы знаем, некоторые преподобные отцы и матери достигали такой свободы во Христе, что почти не нуждались в удовлетворении телесных потребностей.

Если мы действительно хотим быть истинными учениками Христовыми, то понудим себя пребывать в Его слове (особенно удобно и уместно делать это при помощи молитвы Иисусовой, потому что, молясь, мы пребываем умом в Господе), и тогда

свобода будет становиться для нас все более и более ощутимой. Когда же мы, наконец, почувствуем некое веяние свободы в своей душе, тогда она станет для нас желанной и мы поймем, что свобода во Христе дороже любых земных благ, даже власти. Когда Господа Иисуса Христа искушал диавол в пустыне, говоря Ему: «Поклонись мне, и я покорю Тебе все царства земные», Спаситель отвечал ему: *Написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему единому служи* (см. Мф. 4, 10).

Мы рабы Бога, и в этом смысле мы не можем быть совершенно свободными. Зато мы свободны от всего того, что препятствует служению Богу. Сам апостол Павел говорит: «По немощи естества вашего говорю, что раньше вы были рабами греха, а теперь вы стали рабами Божиими» (см. Рим. 6, 17–20). Мы, по немощи своей, не можем понять того, что есть истинная, полная свобода, поэтому нам надо представить себе эту свободу как рабство Богу. На самом деле это рабство настолько соответствует внутренней природе человека и всем его стремлениям, что чем более человек поработается Христу, тем более он освобождается. Он уже не заставляет себя служить Богу, но воля Божия действует в его сердце, как его собственная. Аминь.

Сегодня я хочу поговорить о внимании. Известно изречение пророка Моисея: *Внемли себе, да не будет слово тайно в сердца твоем беззакония* (Втор. 15, 9). У Василия Великого есть беседа на это изречение, святые отцы тоже часто касались этой стороны духовной жизни, рассуждая о внутреннем внимании как об особом делании ума – умном делании. В Новом Завете Спаситель также говорит о внимании. Известны несколько Его изречений, в которых есть слова «внемлите себе» (по крайней мере, в славянском переводе Евангелия). Все они находятся в Евангелии от Луки. Мы видим, что учение о внимании – очень древнее. Пророк Моисей положил ему начало, а Господь Иисус Христос возродил и более точно изложил его, так же как и другие ветхозаветные заповеди. Таким образом, внимание имеет чрезвычайно важное, кардинальное значение в жизни человека. Мы сейчас говорим о духовной жизни, но вообще-то, в широком смысле, жизни не духовной быть не может. Человек – существо духовное. Даже если он не осознаёт или вовсе отрицает существование души, его дух живет, изменяется, воспринимает действительность, будь то внешняя реальность или так называемый внутренний мир. В связи с этим внимание приобретает решающее значение.

Куда человек направляет внимание, туда устремляется и весь его ум, вся душа. Как мы знаем, всякая деятельность человека начинается с мысли, даже если человек и не исполняет на деле того, к чему влечется его внимание. Простые примеры: если на занятии в школе или институте человек отвлекается, то он уже не воспринимает преподаваемый материал. Если шофер задумался, пусть даже об очень важном предмете, и не смотрит на дорогу, не следит за сигналами светофоров, не обращает внимания на пешеходов и другие автомобили, то может произойти (и часто в таких случаях происходит) автокатастрофа, иногда с человеческими жертвами. Внимание имеет огромное значение в любом деле. Любую деятельность человека внимание делает

более плодотворной, отсутствие же внимания, наоборот, обессиливает ее и делает формальной, иногда и вовсе отвращает человека от этой деятельности. Неслучайно, когда Спаситель говорит о кончине мира, Он вновь уточняет: *Внемлите же себе (Лк. 21, 34)*, то есть обращайтесь внимание не столько на внешнюю сторону событий, сколько на свое внутреннее состояние. Не так важно, чтобы вы увидели признаки кончины мира. Гораздо важнее, чтобы вы наблюдали за собой, потому что от этого зависит ваше правильное восприятие действительности и, что самое главное, ваша готовность к этому событию.

В «Добротолубии» есть изречение преподобного Нила Синайского. Он говорит, что если во время молитвы тебя укусит насекомое, то не отвлекайся, потому что из-за этого ты можешь потерять молитву. К сожалению, мы на своем опыте знаем, что малейший пустяк может разрушить внутреннее внимание. Бывает, во время молитвы начнешь отгонять насекомых или просто руку почешешь – и уже не можешь вернуться к прежнему сосредоточенному состоянию. Ничтожная, обыденнейшая, несущественная будто бы вещь оказывается не такой уж и ничтожной, если подумать о том, что мы из-за нее теряем. Утрата внимания приводит к очень серьезным последствиям. Как выражается этот древний отец, из-за насекомого мы теряем Бога.

Внимание человека направляется к тому, что для этого человека приятно, интересно, нужно, значительно. Все остальное он перестает замечать. Например, когда наш собеседник говорит о чем-то неинтересном, наше внимание отвлекается на собственные мысли и мы можем задуматься так, что, даже глядя на этого человека, практически не видим его: наш мысленный взор устремлен к чему-то другому. Поэтому святые отцы учат нас управлять своим вниманием. Если бы мы были истинными христианами, если бы из нашего сердца исходила одна Божественная любовь, а не злые помыслы, оскверняющие человека, тогда нам не нужно было бы специально упражняться во внимании. Без принуждения, без нашего участия оно устремлялось бы к единственному,

вожделенному предмету – к Господу Богу и образу Божию, то есть к человеку. Мы думали бы только об одном: как соблюсти главнейшие заповеди – о любви к Богу и о любви к ближнему. А на этих двух заповедях, как сказал Господь наш Иисус Христос, держатся все остальные. Таким образом, единственно Евангелие постоянно привлекало бы наше внимание и всегда содержалось бы в нашем уме.

Но, к несчастью, в нас действуют многие страсти, иногда очень живо. Поэтому мы вынуждены насильно направлять свое внимание к тому, что нам необходимо, – к молитве и исполнению заповедей. Мы должны руководить своим вниманием. Часто бывает, что человек не ценит какой-то вещи только потому, что не желает ее рассмотреть. Как-то раз мы с другом гуляли в одной местности и видели интересное совпадение: в определенное время над памятником стояла луна. Я сказал: «Смотри!» – и, конечно, придал этому явлению таинственный смысл. А мой друг был человек здравомыслящий и не захотел этого принимать. «Нет, – говорит, – не буду смотреть». Так мы и прошли мимо, и он не посмотрел, хотя ему нужно было только голову поднять. Этот пример можно рассматривать применительно к разным ситуациям, оценивая поведение человека, о котором я рассказал, как в положительном, так и в отрицательном смысле. Все зависит от того, к чему мы проявляем интерес. Если нас уговаривают обратить внимание на хорошую вещь, то стоит посмотреть и убедиться, что она действительно хороша. Наоборот, если кто-то, соблазняя нас, указывает нам на что-то греховное, устремлять туда внимание не нужно. Иначе может показаться, что и в этом случае нам предлагают что-то хорошее. В действительности же мы увидим всего лишь приятное, но в человеческом сознании приятное и хорошее – синонимы. Если бы мы осознавали эту подмену понятий, то никогда не соблазнялись бы.

Мы понуждаем себя обратить внимание на предмет, когда знаем, что он того достоин. Мы прилагаем усилие, чтобы рассмотреть этот предмет, и видим, что он действительно хорош. Такая устремленность внимания к чему-то

определенному формирует мировоззрение. Например, нередко исследователи, изучая какое-либо явление природы, опускают некоторые, как им кажется, второстепенные детали, чтобы иметь возможность объяснить это явление так, как им нравится. Но проходит какое-то время, и другой ученый замечает то, чем пренебрегал его предшественник, и заявляет, что «незначительные» детали, напротив, чрезвычайно значимы. Так происходят научные революции. В школе нам сначала преподают одну теорию, потом другую, и мы думаем, что люди постепенно узнают всё больше и больше. Но дело совсем не в этом, а в постоянной переоценке ценностей, в том, что внимание людей с течением времени устремляется на всё новые и новые предметы вещественного мира.

Разобраться в их многообразии своими силами человек не способен, как не способен самостоятельно совладать с многообразием всех чувств, мыслей и образов, возникающих в его собственном уме. Что достойно внимания? Чем нужно пренебречь? Какая сторона предмета важна, а на какую не стоит обращать взгляд? Если бы не было Божественного откровения, если бы Господь Иисус Христос не открыл нам полноту истины – *сокровенное от создания мира* (Мф. 13, 35), – то мы, конечно, запутались бы в этом бесконечном ряду предметов и никогда не выбрали бы из них достойные (конечно, я имею в виду предметы в философском смысле). Потому, руководствуясь откровением Евангелия, нужно придавать вниманию чрезвычайное значение.

Нам кажется, будто мыслительную, духовную жизнь, вообще движение духа нельзя назвать деятельностью. В действительности, это наиглавнейшая деятельность человека. Если мы считаем, что поступки важнее мыслей, то тем самым поддерживаем материалистов, которые не придают внутренней жизни никакого значения. Человек может внешне выглядеть высоконравственным (потому что у него в настоящий момент нет возможности согрешить), а внутренне, духовно, умственно быть совершенно другим. Допустим, находясь в монастыре, человек мечтает о мире и об удовлетворении различных страстей. Впрочем, бывает и наоборот. Некоторые пребывают

среди суеты и соблазнов, но имеют ум устремленным не к миру, а к Богу и живут не по мирским законам, а по Евангелию.

Я не могу объяснить, почему внимание имеет такое значение и что конкретно происходит с духом человека, когда он устремляет внимание в ту или иную сторону. Для нас важны практические следствия этого. При помощи молитвы мы удерживаем внимание при себе или даже устремляем его внутрь себя – и обнаруживаем огромный внутренний мир, не менее многообразный, чем мир наших внешних впечатлений и ощущений. Мы находим необыкновенно большое поприще для деятельности – изменения этого внутреннего мира. В современной цивилизации западного происхождения, к которой мы вынужденно принадлежим, вся человеческая деятельность обращена на преобразование мира внешнего. Мы, православные христиане, преобразовываем свой внутренний мир согласно, как говорят сегодня, нашей идеологии. Мы строим его подобно тому, как люди для достижения практических целей строят здания и изобретают различные механизмы. А идеология наша – это, конечно, Евангелие.

При этом мы пользуемся теми средствами, которые оно нам предоставляет. Речь идет не только о евангельском учении, но и о благодати, которая подается нам в таинствах Церкви, и о нравственном предании. Главнейшее для нас – учение о внутренней жизни, об Иисусовой молитве, о борьбе с теми или иными помыслами. Таким образом, перед нами огромная, трудная задача – построение своей внутренней жизни, устроение своего духа согласно Евангелию. Не так важно, проявится эта деятельность в каких-то поступках или останется скрытой от посторонних глаз. Совершенно незаметной она быть не сможет и для внимательных взоров обнаружится во вполне ясных вещах, хотя некоторые люди, например Христа ради юродивые, сознательно скрывали свою внутреннюю евангельскую жизнь. Но то, что о ней никто не знал, не значит, что ее не существовало или что она не имела никакого значения. Еще раз говорю: когда мы утверждаем, что поступок важнее внутреннего движения души, мы тем самым идем на поводу у людей, вообще отрицающих существование души, о

внимании к которой обязан заботиться всякий христианин, тем паче монашествующий. От того, куда мы устремляем внимание, зависит вся наша жизнь. Мы можем устремить его в молитву или на ближних, которых должны любить как самих себя. Но к этим же ближним мы можем устремляться со страстью – гневной, блудной, тщеславной. На одну и ту же вещь можем смотреть по-разному, в зависимости от того, какая ее сторона в данный момент важна для нас. Самое же мощное, проверенное, эффективное средство для стяжания внимания, направленного туда, куда должно, – Иисусова молитва.

Некоторые спрашивают: как нужно относиться к миру, чтобы не любить его? В действительности дело не в мире. Мы не можем выйти из него совершенно. Так или иначе, мы общаемся с мирскими людьми и вообще живем в том же самом мире, в котором

живут и верующие, и маловерующие, и миряне, и монахи, и грешники, и подвижники. Один и тот же мир будет нашим жилищем, пока мы не разрешимся от тела. И дело не в том, что мы живем за монастырской стеной, а в том, на что направлено наше внимание. Если оно устремлено к соблазнительным вещам, таким как блуд, тщеславие, значит, мы живем в миру. А если оно устремлено к Господу, значит, мы живем в монастыре. Есть такое изречение: где монах, там и монастырь. То есть монастырь там, где есть истинно монашеская жизнь. Возьмем, например, блудную страсть. У каждого из нас иногда возникают отвратительные мысли, и в этот момент разврат кажется нам вожделенным. Но представьте себе человека, всецело устремленного духом к Господу, желающего соединиться с Ним умом и приобщиться к сверхъестественной чистоте. Для него разврат не только не будет вожделенным, но и станет чем-то омерзительным. Так же можно сказать о любом другом пороке или страсти. Одна и та же вещь при различном нашем внутреннем состоянии оказывает на нас совершенно разное влияние. И если человек настраивает свой дух по Евангелию, то мирская жизнь для него не может быть приятна. Ведь она отвлекает его внимание от

того, что для него вожделенно, важно и, если употребить разговорное выражение, приятно.

Мирская жизнь тягостна для человека, который стремится к Богу, собственному спасению, правильно, по-евангельски любит себя, свою душу. Спаситель не запрещает нам любить самих себя, Он только запрещает любовь к своей плоти. Господь Иисус Христос заповедовал Своим ученикам и всем нам любить друг друга такой же беззаветной, жертвенной любовью, какой Он возлюбил нас, – любить ближних больше, чем самих себя. Имеется в виду: больше, чем свою земную, телесную жизнь, но отнюдь не больше, чем свою душу. И когда Спаситель обещает: *Кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее* (Мф. 16, 25), Он вновь говорит о том, что ради Бога человек должен погубить свою плотскую, страстную жизнь, чтобы обрести свою душу для вечности. Одновременно человек «приобретает» собственную душу еще в этой жизни: отрекаясь от страстей, он овладевает собой, правильнее сказать, им овладевает Господь, и тогда человек чувствует себя хозяином над самим собой, а не рабом страстей.

Итак, больше всего усилий мы должны направлять на приобретение добродетели внимания. Почему мы мало преуспеваем в молитве? Потому что не заботимся о внимании. Почему не преуспеваем в исполнении заповедей? Потому что у нас нет внимания. Почему мы поддаемся действию страстей? По той же причине. На мой взгляд, хотя, может быть, это звучит дерзновенно, даже покаяние – одна из всеобъемлющих, наиважнейших добродетелей, с которой начинается и, как выразился святитель Игнатий (Брянчанинов), нескончаемо оканчивается духовная жизнь, – приобретается вниманием. Как может человек увидеть, что он грешник, если он не внимает себе? Как может опытно убедиться в своей греховности и приобрести сокращение сердечное, если не следит за своим сердцем, не видит многообразных влечений своего ума, своей души к тому, что запрещено?

Средства для того, чтобы мы осуществили на практике все эти рассуждения, предоставили нам святые отцы. Пусть в наше время нет таких великих учителей, какими были в глубокой

древности Антоний Великий, преподобный Макарий, Исихий Иерусалимский, Григорий Синаит, но у нас есть громадный, глубочайший опыт Церкви в виде учения о внутреннем внимании. Будем следовать ему. Кратко суть этого учения можно выразить так. Прежде всего должно быть усиленное понуждение себя к внимательной Иисусовой молитве. Затем – внимание к помыслам. Наконец, предметом постоянного внимания и заботы должно быть Евангелие. Мы должны понимать, что это единственное дело, которое мы должны выполнять независимо от своих способностей и склонностей. Все остальное может у нас получаться или нет, но в отношении молитвы, борьбы с помыслами, понуждения себя к исполнению заповедей никакого послабления нам быть не может. В этом смысле каждый из нас обязан постоянно заботиться о себе. Тогда у нас не возникнет вопрос: что нужно делать, чтобы не любить мир? Мы будем думать только о том, что нам делать, чтобы убежать от этого мира – страшного, опасного, губительного. Тогда нас не станет занимать вопрос, как нам избавиться от стремления к той или иной вредной для христианина деятельности (под деятельностью я подразумеваю удовлетворение разнообразных страстей – тщеславия, сладострастия и так далее). Мы будем думать только о том, как оградиться от этого – нет, не соблазна, – от этого отвратительного и вредного общения с миром.

Если относиться к исполнению заповедей сугубо практически, то следует признать, что самым могущественным, а иногда единственно возможным для нас средством победить себя остается Иисусова молитва. Это относится ко всем заповедям. Некоторым людям, проявляющим непонимание и нерадение, не желающим воспринимать замечания и наставления, я советую только одно – молиться. Если человек будет молиться, благодать Божия все равно коснется его. Но он должен возносить молитву с усилием, осознавая, что ее ценность, как выразился святитель Игнатий, во внимании. Все остальное будет плодом внимательной молитвы, причем не только любовь и смирение, эти

высочайшие добродетели, но и покаяние – добродетель начальная, ибо с нее человек начинает свое спасение.

Понуждая себя к вниманию в Иисусовой молитве, мы приобретаем правильный взгляд на все, и прежде всего на самих себя. Мы видим свое действительное состояние, не только теоретически понимая, что мы грешники, но и на опыте убеждаясь, какая страсть и в какой степени действует в нас относительно некоего предмета. (Ведь человека ни в чем нельзя уверить, пока он не испытает сам, так сказать, не ощутит неким внутренним духовным осязанием, что происходит в его душе.) Потом мы приобретаем правильный взгляд на вещи (в данном случае я говорю о так называемых материальных вещах) и ясно видим, какие из них соблазнительны и чем они опасны. Такое знание гораздо более ценно, чем знание какого-либо философа или ученого относительно предмета его исследований. Пусть даже его знание подлинное, но он не понимает, как нужно с ним обращаться. Наше познание мира – сугубо нравственное, приходит оно после того, как человек познает, прежде всего, самого себя. Тогда он, как выражается Петр Дамаскин, сначала видит тленность всех вещей этого мира, а потом начинает понимать, как употреблять эти вещи для того, чтобы они были спасительны, и, наоборот, как избегать контакта с ними, если они губительны. Такой человек, где бы он ни был, не может соблазниться ничем. Будучи в мире, он живет вне мира, потому что именно туда устремлено его внимание.

Если мы посмотрим вокруг себя, то увидим множество вещей, которые для нас не существуют, потому что находятся за пределами нашего внимания. То же произойдет с человеком, который устремится к одному Богу. Для него исчезнут соблазны, они просто перестанут существовать. Не будет уже вопроса, как не любить мир, а появится, может быть, противоположный вопрос: как любить мир по-христиански? Как любить мир, чтобы помочь ближнему? Как любить мир, чтобы сделать доброе дело? Конечно, это очень высокая степень преуспевания, и, может быть, не многие ее достигают. Но само стремление к этому уже заставляет человека внутренне собраться и принудить себя идти по избранному пути (в нашем

случае это монашеский образ жизни), не обращая внимания на мелкие препятствия и искушения.

Подвести итог нашей беседе можно с помощью одного афоризма: где внимание – там и весь человек. Мы сами виноваты, когда устремляем внимание к недолжному, а потом подвергаемся различным внутренним мучениям. Человек как бы раздваивается: его влечет то к действительно достойному, к миру горнему, то к чему-то низменному, противоестественному. Не заботясь о внимании, мы сами себе доставляем страдания, привносим борьбу в свою душу и потом не знаем, кого и в чем винить и где искать помощи. Употребив же усилия на стяжание этой добродетели, конечно, при помощи Иисусовой молитвы, мы найдем покой.

* * *

Вопрос. Вы сказали, что покаяние не имеет конца. Что это значит? Не имеет вообще или в этой жизни?

Ответ. Наверное, в этой жизни. Если понимать покаяние как стремление к спасению, то оно, конечно же, будет иметь конец, – когда мы будем спасены. Если же понимать покаяние как стремление к совершенству, как изменение, то, по мнению некоторых отцов, оно будет продолжаться и в будущей жизни. Покаянием можно назвать одну из составляющих духовного состояния человека в земной жизни, хотя, к сожалению, в этом случае борьба за совершенство – это борьба с грехом. Но стремление к совершенству может быть связано и с тем, что человек постепенно превосходит свою ограниченность: тогда он борется уже не с грехом, а с самим собой, чтобы все более и более уподобляться Богу. Если покаяние рассматривать в таком смысле, то оно действительно является деятельностью безграничной. Справедливости ради нужно сказать, что среди отцов существовало и такое мнение: прощенные, помилованные Богом люди в вечной жизни будут обладать благами Божиими в одинаковой степени. Отцы ссылались при этом на притчу Спасителя о том, что все получают один динарий, хотя бы пришли и в одиннадцатом часу. Но я считаю, что мы не должны думать о том, получим ли мы награду такую же, как,

допустим, Антоний Великий, или меньшую. Мы должны стремиться к своему спасению.

Вопрос. Как сохранить внимание, устремление к Богу в течение дня, когда увлекаешься любым послушанием так, что оставляешь его для молитвы с некоторой неохотой, понуждением себя? При этом понимаешь, что это плохо, что надо искать прежде Царствия Божия, а не прилепляться к земным занятиям.

Ответ. Смотри что понимать под земным занятием. Если мы не будем иметь внимания к послушанию, то не сможем его выполнить добросовестно и хорошо, – а это наш долг. Молиться непрестанно в буквальном смысле этого слова способны редкие люди. Даже в те несколько часов, которые отведены нам для молитвы, мы всё же отвлекаемся на посторонние размышления. Опыт показывает, что большинство людей должны быть в течение дня чем-то заняты. Эта занятость способствует духовной жизни: она заменяет то рукоделие, каким занимались древние подвижники, заставляет человека проводить время с пользой для других и самого себя. Иначе мы занялись бы различными мечтаниями, а отнюдь не непрестанной молитвой.

Это мнимое или даже действительное отвлечение от молитвы при правильном отношении к послушанию подготавливает душу к молитве. Наше послушание – это, так сказать, регламентированная добродетель. Если бы мы находились в миру, то сами должны были бы думать, какие добрые дела нам совершать, чтобы угодить Богу. В монастыре наша христианская, евангельская жизнь облегчается: нам уже не нужно рассуждать и выбирать. Нам помогают, подбирая такую деятельность, которая для нас полезна: допустим, послушание в швейной или иконописной мастерской или мытье посуды. Таким образом мы служим ближнему, исполняя заповедь: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 39). Если мы это понимаем, если стараемся соблюдать заповедь при выполнении послушания, то мы ничего не теряем, а только приобретаем. А если мы забываем о заповеди и начинаем раздражаться ради того, чтобы успешно выполнить какое-то

поручение, или увлекаемся тщеславием оттого, что сделали что-то хорошо, то мы уклоняемся от первоначального предназначения послушания.

Помнить о заповеди надо при выполнении любого послушания: переводческого, швейного – какого бы то ни было. Не нужно обращать внимание на то, возвышенное это послушание или унижительное. Возвышенное послушание должно возвышать душу человека, а унижительное послушание должно его смирять. Польза может быть и в том и в другом случае. Кто-то имеет, скажем, способности к переводам, а у кого-то таких способностей нет, но есть, может быть, такие свойства характера, что для него полезнее мыть посуду. Пусть они друг друга не осуждают и друг другу не завидуют, потому что это не имеет вообще никакого принципиального значения. Принципиальное значение имеет преуспевание в Иисусовой молитве, в борьбе со страстями.

Внимание при послушании мы, конечно, в каком-то смысле теряем, потому что в нас еще нет такой благодати, чтобы мы могли одновременно содержать в уме молитву, совершенно от нее не отвлекаясь, и заниматься каким-нибудь делом. В то же самое время это отвлечение является своего рода удобрением сердечной почвы для того, чтобы на ней произросла внимательная, истовая молитва.

Вопрос. Как быть, когда, слушая наставление старицы, настоятельницы, духовника, понимаешь, что они говорят правильно, соглашаешься, а как только уходишь, прежние греховные помыслы тут же представляются более убедительными? Кажется, что все тебе советуют какие-то глупости, или попросту не понимаешь, что с тобой происходит. Такое ощущение, что никакие назидания на меня уже не действуют. Может, просто ни о чем не думать, и самой не разбираться, что происходит в душе, и старицу не спрашивать, а молиться – и все потихоньку наладится?

Ответ. Потихоньку, как правило, не налаживается. Если что-то даже и получится без помощи духовных руководителей, то не потихоньку, а с большим трудом. Святитель Игнатий говорит, что без руководства бороться с собой гораздо труднее,

тем более когда человек сознательно им пренебрегает. Одно дело, когда этого руководства нет, а другое дело, когда оно есть, а ты не пользуешься им как следует. Я думаю, мысль о том, что тебе все говорят глупости, возникает по той причине, что ты свое внимание устремляешь не на данные тебе наставления, а на действительные глупости – соблазны, которые в твоих глазах разрастаются и превращаются в великанов. У человека есть такое свойство: на что он обращает свое внимание – то приобретает огромную значимость, заслоняет для него все, занимает весь его ум, а от чего он внимание отвращает – то умалывается до микроскопических размеров и даже исчезает. Это касается не только каких-то мечтаний, но и предметов, которые есть в действительности. Они просто перестают для нас существовать. Вот какое большое значение имеет внимание в жизни человека!

Поэтому, когда мы увлекаемся помыслами, они разрастаются, становятся значимыми, непреодолимыми, когда пренебрегаем советами старицы, они представляются нам ничтожными и глупыми. Кажется, что эти советы ничем не могут помочь, но это не потому, что они глупые, а потому, что мы увлечены своими страстями. Что касается намерения «ни о чем не думать и самой не разбираться», то его надо истолковать в том смысле, чтобы придавать значение, внимать (я нарочно употребляю именно это слово) советам старицы, духовника, которые в этом случае будут приносить пользу. Вот тогда все и наладится потихоньку. Если же мы станем внимать не им, а своему уму, то наши самые глупые мысли и мыслишки будут казаться нам необыкновенно умными – до тех пор, пока мы их кому-нибудь не выскажем и тот просто не начнет смеяться.

Вопрос. Не могли бы вы пояснить слова преподобного Никифора Уединенника о том, что внимание есть признак истинного покаяния?

Ответ. Я как раз говорил о том, что настоящее внимание, собственно, и приводит к покаянию. Какое может быть покаяние, если нет внимания? Допустим, некоторые женщины на молитве начинают плакать, вспоминать какие-то свои грехи, иногда значительные, иногда даже ничтожные. Слезы – ручьем, а

внимания нет. Человек почти не понимает, что говорит, иногда произносит слова молитвы просто механически (если вообще произносит, а то и забывает). Есть выражение: этому человеку палец покажи – и он засмеется. Бывают, наоборот, такие люди, которым покажи палец или скажи что-нибудь не то – и они сразу начнут рыдать, проливать слезы. Но если человек теряет внимание при молитве, – значит, настоящего покаяния у него нет. Истинное покаяние углубляет внимание в молитве. Поэтому преподобный Никифор и говорит о том, что внимание есть признак истинного покаяния. Как это часто бывает, то, что человек говорит из своего опыта, звучит просто. Это очень простое и очень важное, точное изречение. Внимание же, в свою очередь, приводит к истинному покаянию.

Вопрос. Григорий Богослов пишет, что лучше быть угрюмым, чем рассеянным. В какой мере мы можем это применить к себе?

Ответ. В полной мере. Это хороший совет, очень точный. Лучше иметь угрюмый вид, чем всем угождать и рассеиваться. Лучше пусть говорят: «Эта сестра такая угрюмая, как к ней ни подойдешь, она все молчит». Понятно, что если эта угрюмость оттого, что ты злой на весь мир, то Григорий Богослов этого бы, наверное, не одобрил. В народе говорят: «Злилась баба на мир три года, а мир про то и не знал». Такая угрюмость, конечно, не должна иметь места, ее нужно искоренять. Если эта угрюмость оттого, что человек обиделся или гневается, злопамятствует, унывает, то это неправильно. А если человек как будто нелюдимый, неразговорчивый, недоброжелательный, потому что не хочет отвлекаться от молитвы, то это прекрасная угрюмость, в этом случае нужно следовать совету святителя Григория Богослова.

Вопрос. Батюшка, меня мучает очень сильный недуг – лень. Самым любимым моим занятием является сон, самые сладкие минуты в моей жизни – это время, когда я засыпаю. Не могли бы вы подробнее посоветовать что-нибудь по этому поводу?

Ответ. Новонаначальному рекомендуется спать семь часов. Более крепкому человеку это время можно сократить до шести,

может быть, пяти часов. Важно, чтобы была телесная и, главное, умственная бодрость. Если человек недоспал, то в нем не будет умственной бодрости, если поспал больше положенного, ее также не будет – она теряется, превращается в некоторую вялость. В особенности это легко можно заметить по своему молитвенному состоянию. Если утром лишний часик поспал, то и молиться уже не хочется, чувствуешь по отношению к молитве какое-то уныние. Поэтому нужно держаться золотой середины.

Что касается того, что человек особенно любит поспать, то это можно объяснить ленью. Лично я не считаю, что самые сладкие минуты – это минуты сна. Мне жаль времени: у меня его всегда не хватает, и я от этого страдаю. Хочется что-то почитать, начинаешь читать за счет сна, а потом недосыпаешь. Поэтому мне непонятно, какая может быть от сна сладость. Удовольствие, которое человек испытывает от сна, можно еще извинить тем, что он устает на работе. Есть такое изречение у Екклесиаста: *Сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест* (Еккл. 5, 11). Действительно, когда человек устанет, он засыпает с удовольствием, потому что тело требует отдыха и восстановления сил. Во сне человек погружается в полное расслабление: отключается сознание, отдыхают ум и тело – и он, восстановив свои силы, способен приниматься за прежнюю деятельность. Но если человек испытывает от сна особенное удовольствие, то это может быть проявлением лени.

Страсть может быть самой ничтожной и глупой, как та же лень, выражающаяся в желании человека много спать. Однако иногда ничтожная причина может стать поводом для страшных преступлений. Любовь ко сну, например, может так увлечь человека, что овладеет им и разрушит его внутренний мир, лишит преуспевания. Она может даже стать поводом к тому, чтобы у человека возникло желание уйти из монастыря. Страсти глупы, любую из них можно высмеять. Страсть – это безумие, даже с точки зрения отвлеченного мышления. Многие философы (в том числе и языческие) приходили к выводу о необходимости добродетельной жизни и даже целомудрия и уединения. Другое дело, насколько это их

стремление было выполнимо без помощи Божией. Даже имея правильные понятия о духовной жизни, но не имея смирения, ревности и, главное, благодати Божией, мы не можем жить в соответствии с этими понятиями, потому что страсти увлекают нас к ничтожным предметам. Однако поскольку эти ничтожные вещи лишают нас вечности, то на самом деле они оказываются не такими уж ничтожными. Кажется, что страшного, если человек поспал на полчаса дольше или не удержался и съел то, что не благословили. Но в действительности дело не в том, что он съел лишний пряник или полчаса поспал без благословения, а в том, что он поступает против послушания, повинуется страсти, а не совести. Значит, он собой не владеет – а это уже страшно. Поскольку в монастыре условия благоприятные, это выражается в сравнительно невинных вещах: больше поспал, больше поел, но при каких-то серьезных обстоятельствах и падения будут серьезными. Кто знает, что нас ждет? И кто знает, как Господь будет оценивать наши мелкие, как нам кажется, проступки – мелкие просто потому, что у нас не было случая согрешить серьезно? Поэтому нужно внимать себе.

Вопрос. При молитве Иисусовой не может ли количество переходить в качество? Конечно, речь идет не о правиле, а о молитве в течение дня, когда внимание неизбежно отвлекается и порой читаешь молитву просто механически.

Ответ. Конечно, это все равно приносит пользу. Может быть, эта польза не столь очевидна, не столь быстро замечается, но она есть. Если бы от этого не было пользы, то не было бы евангельской заповеди: *Бдите убо на всяко время молящися* (Лк. 21, 36), не говоря уж о святоотеческих советах. Не было бы притчи о вдове, которая приходила к неправедному судье, и притчи о человеке, который пришел к своему другу в полночь с просьбой дать ему хлеба. Сам Господь Иисус Христос говорит об этом! Как же мы можем пренебрегать словами Спасителя и говорить, что любить Бога, любить ближнего, смиряться – это важно, а непрестанно молиться – не важно?

Есть непрестанная молитва, зависящая от нас, когда мы понуждаем себя употреблять на молитву все время, которое

можем использовать для этой цели (учитывая, что есть умственные и даже телесные занятия, при которых требуется особенное внимание, и мы вынуждены молитву оставить или почти оставить). Это понуждение вменяется нам в непрестанную молитву – за него Господь дарует нам способность молиться непрестанно при любом занятии, при любых обстоятельствах. Конечно, не только за это понуждение, но и за смирение и за многие другие качества, а иногда и предварительно, как бы поощряя нас к большему усердию, заставляя, если можно так выразиться, оправдать то доверие, которое Он нам оказывает. Стремление к непрестанной молитве, безусловно, приносит пользу и в том смысле, что является почвой для произрастания внимания во время правила. Правило, в свою очередь, заставляет нас сохранять память о молитве и некоторое внимание к ней в течение дня: эти две вещи друг друга дополняют. Не может человек преуспеть в Иисусовой молитве, если он пренебрегает молитвой в течение дня, и, наоборот, не может преуспеть в непрестанной молитве, если он пренебрегает правилом. Сохранять внимание в течение дня нужно настолько, насколько позволяют обстоятельства. Я уже как-то говорил, что в этом необходимо придерживаться здравого смысла. Если человек на переводческом послушании так углубится в молитву, что не будет слышать слов преподавателя на уроке, перестанет читать положенную литературу или тот, кто находится на послушании в трапезной, начнет бить на кухне тарелки, то это неправильно.

Вопрос. Может ли человек, не познавший себя, не возобладавший над своими страстями, надеяться на спасение? Помыслы постоянно говорят: «Ты не имеешь послушания. Господь правосуден – на каком основании Он должен помирить тебя, если старица и та отступилась?»

Ответ. Господь милостив. Если бы Он был только правосуден, то воздавал бы исключительно по справедливости, а если Он милостив, – значит, милует тех, кто виноват. Зачем миловать тех, кто по справедливости достоин награды? У Самого Спасителя есть изречение о том, что Он *пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9, 13).

Кающийся человек, естественно, просит милости. Да и в молитве Иисусовой мы также просим милости, а не справедливого наказания или справедливой награды. Поэтому, пусть человек и не имеет послушания, он должен, во-первых, по мере сил все-таки слушаться, а во-вторых, ожидать милости, а не справедливости.

Вопрос. В последнее время очень сильно унываю из-за послушания, которое у меня не получается, не идет. После откровения помыслов намереваюсь бороться с этой страстью, не поддаваться ей и молиться. Однако когда эти помыслы возвращаются, я вновь в них погружаюсь и кроме них ничего не вижу.

Ответ. Нужно погружаться не в них, а в молитву. Все очень просто: если человек погружается в помыслы, он отвлекается от молитвы, а если углубляется в молитву, то перестает реагировать на помыслы. Более того, благодать, действующая в нем благодаря молитве, их уничтожает. Я уже говорил, что, когда человек погружается в помыслы, они в его воображении разрастаются и превращаются в непобедимых великанов. А когда он просто от них отвращается, – может быть, даже под влиянием другой страсти, – то помыслы исчезают. Допустим, человек, поддавшись тщеславию, может справиться со своим гневом. Ему стыдно гневаться перед посторонними людьми, и он начинает вести себя прилично. Если одна страсть может в каком-то смысле победить другую, то почему бы Господу не победить любую нашу страсть? Значит, все дело в том, что мы не исполняем простой по форме совет, может быть и трудный, но действенный: отвращать внимание от помыслов и направлять его на молитву, вводить ум в молитву. Можно бороться и какими-то вспомогательными средствами: противопоставлять греховным помыслам добрые, понуждать себя к одним поступкам и избегать других. Но суть борьбы с любой страстью состоит именно в том, чтобы отвращать внимание от помыслов и устремлять его на молитву. Если не будем этого делать, то никто нам не поможет. Даже Бог не поможет, потому что мы Его об этом не просим. Сказано: *Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя* (Мф.

18,9), а кто не хочет отсекаать помыслы с такой жестокостью, тот, пусть он будет и семи пядей во лбу, даже святым, чудотворцем, не сможет с собой справиться, потому что все делает неправильно.

Вопрос. Как бороться с легкомыслием? Я постоянно принижая важность наставлений, которые мне дают, и они не врезаются в ум.

Ответ. Раз не врезаются, значит, не волнуют. Когда человек мучается какими-то проблемами, ищет помощи, совета, нуждается в подсказке, то с жадностью принимает не то что мудрый, а всякий более или менее подходящий совет. А если человек не придает значения тому, что он согрешил, принял тот или другой помысел, тогда, конечно, советы духовного наставника не запоминаются. Необходимо почувствовать нужду в наставлении, тогда оно, так сказать, ляжет, как на белый лист бумаги, запечатлется в уме. Если мы такой нужды не ощущаем, то пользы от наставления не почувствуем и даже его не запомним.

В медицине существует такое понятие – «недобросовестность больного», обозначающее ситуацию, когда врач назначает хорошее лечение, а больной нерегулярно принимает лекарства, не соблюдает рекомендации и потом жалуется, что ему ничего не помогает. Это довольно частое явление. (Конечно, бывает, что назначают такой курс лечения, который невозможно пройти, – но это уже другой разговор.) В духовной жизни так же: нам дают правильные советы, но мы не слушаемся и поэтому не получаем пользы, а потом говорим, что нас наставляют неправильно. Но как человеку принести пользу, если ему говорят: прими эту пилюлю – а он не принимает, прими другую – снова отказывается? Или один раз примет и ждет, что сразу вылечится, а потом говорит, что совет не помогает? Так ты пройди назначенный курс, и будет видно: помог он или нет. Иначе ничего и не поможет.

Вопрос. Если обращать внимание на свою главную страсть и пытаться с ней бороться, то кажется, что этих страстных помыслов появилось очень много, что только они и занимают мой ум. Если некоторые помыслы стараться не

замечать, то они как будто больше не приходят. Начинаю думать, что обращаю на свою страсть чересчур большое внимание. Как узнать меру в этом?

Ответ. С одной стороны, не обращая внимания на страстные помыслы, которые, как нам кажется, исчезают, мы просто перестаем их видеть. С другой стороны, поддавшись чрезмерной щепетильности, мы можем увлечься выискиванием помыслов. Следует отслеживать и исповедовать те помыслы, которые навязчивы. С ними и нужно бороться, а если в голове мелькнула какая-нибудь чепуха и мы ею пренебрегли, то это правильно. Есть даже такой вид греховных помыслов, которыми святые отцы учат сознательно пренебрегать, – хульные помыслы. Если мы обращаем на них внимание, то они как раз усиливаются. А если пренебрегаем ими – ослабевают и в большинстве случаев совершенно проходят. Поэтому не всегда полезно обращать внимание на помыслы и не всегда полезно ими пренебрегать. Все это нужно анализировать. Как не надо впадать в чрезмерную щепетильность и с излишним вниманием к себе следить за всем, что возникает в уме, вместо того чтобы внимательно молиться, так не нужно и предаваться легкомыслию, ничего за собой не замечать и считать, будто все хорошо. Если нам описывают ситуацию так, как она есть в действительности, – потому что со стороны виднее, – дают совет, как нужно себя вести, и определяют, какая страсть в нас действует, то мы удивляемся: при чем здесь страсть, ведь все так и обстоит на самом деле! Мы настолько сроднились со страстью гнева или, например, уныния, что мы не замечаем страстных помыслов, не обращаем на них внимания, а на самом деле давно уже живем согласно с ними.

Вопрос. У святителя Игнатия в статье «Молящийся ум взыскует соединения с сердцем» есть такие слова: «*Не имам бо zde пребывающего града, но грядущего взыскую* (см. Евр. 13, 14), который должен открыться мне предварительно в сердце милостью и благодатью Бога – Спасителя моего. Кто не взойдет в таинственный Иерусалим духом во время земной жизни, тот и по исшествии душою из тела не может иметь удостоверения, что дозволен ему будет вход в Иерусалим

небесный. Первое служит залогом второго»¹⁸⁹. Значит ли это, что имеющий сердечную молитву может быть уверен, что будет допущен в небесный Иерусалим?

Ответ. Во-первых, в этом нельзя быть уверенным, потому что мы не знаем, какие изменения могут с нами произойти. Люди, имеющие великую благодать и совершающие чудеса, и те впадали в тяжкие смертные грехи. Поэтому никто, даже если он имеет такую благодать, не может быть за себя спокоен, не может думать, что все уже пройдено и осталось только отдыхать. Человек удобопреклонен ко злу, и это нужно помнить всегда. Кроме того, мы не видим многих своих страстей, даже и тогда, когда и ощущаем Божию благодать. Я думаю, здесь речь идет о том, что человек во время своей кончины ощущает пользу от молитвы, но этот дар до того времени нужно донести без потерь.

Вопрос. Почему любопытство святые отцы считают страстью?

Ответ. Любопытство даже потому может считаться страстью, что оно отвлекает нас от молитвы, от *единого на потребу*, на какие-то суетные, ненужные и по большей части вредные вещи. Поэтому любопытства нужно избегать. Что касается любознательности, то святитель Григорий Палама, рассуждая об увлечении еретика Варлаама древнегреческой философией, осуждает любознательность, считая, что она не приносит человеку никакой пользы. Во-первых, потому, что никакого определенного знания о предметах внешнего мира без откровения свыше человек иметь не может. Во-вторых, если он и приобретет это подлинное знание, оно не принесет ему никакой пользы: нам необходимо знать только то, что ведет нас к спасению. Я бы сказал так: для нас полезно то знание, которое имеет отношение к вечности, а остальное временно, преходяще, а потому не нужно.

Скажем, мы знаем о гелиоцентрической системе Коперника, который утверждал, что Солнце является центром Вселенной. Я в правильности этой теории не уверен: завтра может появиться другое открытие, доказывающее, что центр Вселенной находится в другом месте Галактики, или же мы можем

возвратиться к геоцентрической системе. Нам сейчас кажется верным то, о чем нам рассказывали в школе, а, например, во времена Коперника или Галилея считалось, что центром Вселенной является Земля, а другие утверждения считались абсурдными. Но предположим, что гелиоцентрическая система Коперника правильна и Солнце является центром Вселенной. Знал ли об этом, допустим, Иисус Навин? Скорее всего, не знал. Наверное, он и не предполагал, что Земля круглая, а просто думал, что солнце каким-то образом поднимается на востоке и заходит на западе. Евреи тогда были народом малокультурным. У Моисея было глубокое для того времени образование, поскольку он учился при дворе фараона, но Иисус Навин такого образования иметь не мог. Однако он, будучи человеком невежественным, ничего не зная о гелиоцентрической системе, помолился и остановил солнце. Что это было – остановка Солнца, Земли или какое-то атмосферное явление, – для нас неважно. Важно, что Господь исполнил его желание и день продлился. А Галилей, может быть, и знал, что Солнце на самом деле является центром Вселенной, но ничего подобного сделать не мог. Иисус Навин ошибался с научной точки зрения, но имел настоящую, живую веру, и это сделало возможным такое необыкновенное чудо. А любознательность, которой обладал Галилей, не принесла ему никакой пользы ни в этой жизни (потому что смерть все равно подводит итог жизни всякого человека и все оказывается суетой), ни в будущей. Поэтому любознательность даже в таком смысле святые отцы считают пороком. Христианская Церковь отказалась от исследования природы и прочих научных изысканий, обратив все внимание на душу человека. Поэтому мы, согласно учению святых отцов, не должны заниматься такими пустыми, внешними, необязательными вещами, тем более что они не нужны для спасения. Лучше устремить все свои силы на познание самих себя, понимаемое в христианском смысле, то есть на стремление внимать себе.

Вопрос. Когда молишься умом, то чувствуешь молитву на языке, губах. Одним умом произносить молитву не получается.

Во время правила постоянно думаю об этом. Что с этим делать?

Ответ. Это обычное явление. В «Слове о молитве Иисусовой» святителя Игнатия есть рассуждение о том, что когда устная молитва переходит в умную, то это происходит в виде такого, как он выражается, «гортанного почувения». Ты уже замолкаешь, а язык в гортани немножко шевелится, потому что речевой аппарат еще откликается на умственную деятельность. Это чисто психофизиологический эффект, на него не надо обращать внимания. Потом, по мере развития молитвы, это пройдет, и человек будет молиться только духом, без участия тела. Если не получается произносить молитву одним умом, тогда, находясь в обществе сестер, допустим на общем правиле или на службе, нужно молиться, беззвучно шевеля устами. Есть молитва устная и есть гласная. Святитель Игнатий различает эти две вещи и говорит, что устная молитва может быть и негласной, то есть беззвучной.

О препятствиях в духовной жизни и о стремлении к благодати¹⁹⁰

Всем известно «Слово о различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу», написанное святителем Игнатием (Брянчаниновым). Оно начинается замечательными, очень важными словами, которые в свое время произвели на меня сильнейшее впечатление. Святитель Игнатий говорит о том, что многие, находясь долгое время в монастыре, не только не преуспевают в добродетелях, но и приобретают страсти, каких не имели до прихода в обитель. Такое случается с теми, у кого нет покаяния. Конечно, чаще происходит так, что в монастыре человек обнаруживает в себе те страсти, которые у него уже были. Раньше они действовали скрыто, потому что человек, живя в миру, руководствовался своей волей и тем самым как бы «сглаживал» проявление страстей. Когда же он, придя в монастырь, отрекается от своей воли, то под действием тех требований, которые предъявляет к нему монастырский устав и вообще монашеский образ жизни, его страсти, так сказать, выходят на свет Божий. Такое происходит по большей части в первое время пребывания в обители. Конечно, не в первый месяц, но постепенно страсти обнаруживают себя. Человек должен относиться к этому не то чтобы спокойно, но благоразумно, понимая, что благодаря молитве и, в особенности, послушанию, отсечению своей воли в нем теперь всего лишь проявляется то, что раньше было скрыто.

Но иногда все происходит иначе, гораздо печальнее, опаснее и страшнее. Человек долгое время как будто прилежит к духовной жизни и ожидает хотя бы некоторого преуспевания (и другие от него этого ждут), но преуспевания не происходит, более того, человек развращается. Святитель Игнатий говорит, что покаяние – главная причина преуспевания и главная добродетель, как бы совокупляющая в себе все прочие. А отсутствие покаяния как раз является причиной того, что человек не преуспевает. Под покаянием следует понимать не

только сокрушение, печаль, а может быть, даже и плач о своих грехах, но и борьбу с грехом – постоянное сопротивление ему. Однако, даже понимая это, мы часто обнаруживаем, что у нас нет такого состояния. Соответственно нет и преуспеяния.

Мне хочется перечислить те пороки и недостатки, которые препятствуют появлению настоящего покаяния и таким образом становятся причинами нашей косности, наших неудач на духовном поприще. Может быть, это перечисление будет несколько механическим и бессистемным, но я, собственно, и не пытаюсь выстраивать никакую систему, а буду, исходя из моего монашеского и духовнического опыта, говорить о том, что мне представляется значимым. Любая система имеет тот недостаток, что она подгоняет наши переживания, наш опыт под жесткие категории и схемы. В результате появляется опасность подтасовать факты. А если ты говоришь только о том, что знаешь на личном опыте, то это не мешает кому-то более опытному и благоразумному самому пережить и понять то, о чем ты не сказал. Твои слова не заставляют его искусственно вмещать жизнь в какие-то рамки и отрекаться от собственного опыта.

Каковы же те недостатки, которые вредят нашей духовной жизни и мешают преуспеянию? Первый – это духовная слепота. Человек по разным причинам (как ему кажется, серьезным) не хочет видеть своих недостатков, грехов и пороков, не умеет смотреть на себя в свете Евангелия. Это происходит, конечно, от гордости в том ее виде, который называется самонадеянием. Человек надеется на свой разум – и воспринимает реальность под действием страстей. То, что ему кажется здравым и разумным, на самом деле есть не что иное, как проявление привычной и потому не замечаемой им страсти. Скажем, под действием гордости мы оскорбляемся, когда сталкиваемся с тем, что, по нашему мнению, нас унижает. Или гневаемся, потому что нам кажется, что в данной ситуации невозможно отреагировать иначе. А когда нас пытаются вразумить и сказать нам, что мы должны вести себя согласно Евангелию, мы, как ни дико это звучит, его отвергаем. Конечно, мы не говорим об этом прямо, но на деле отказываемся от

Евангелия под тем предлогом, что обстоятельства не благоприятствуют или даже совсем не позволяют нам исполнить соответствующую заповедь. Вообще, находясь в таком состоянии, мы никогда не сможем исполнить заповеди, потому что оправдание этому сумеем найти всегда.

Духовная слепота, в состоянии которой человек вокруг себя ничего не замечает, делает преуспеяние невозможным по одной простой причине: не может человек исправиться, если он даже не осознаёт, что исправление ему необходимо. Кто-то полностью погружается в такое состояние, например, ему кажется, что все вокруг относятся к нему несправедливо: обижают, упрекают, осуждают, то есть, как ни смешно это звучит, он один хороший, а все вокруг плохие. Это уже состояние прелести, а если не прелести, то самообольщения. Или, допустим, человек думает, что его окружают одни глупые люди, которым невозможно ничего объяснить: что им ни говоришь, они не понимают! И вот ему «приходится» постоянно ругаться с ними. Причем это кажется ему совершенно естественным! То же происходит с человеком и под влиянием других страстей. Поддаваясь им, погружаясь в них, мы не замечаем, что все оцениваем превратно. Свою слепоту мы считаем трезвым взглядом на жизнь: и на то, что происходит вокруг нас, и на то, что творится в нашей душе.

Против этого порока существует могущественное средство, и в нашем монастыре оно используется. Я говорю об откровении помыслов. Если мы хотя бы осознаём, что нас поразила духовная слепота, то начинаем относиться к своим мыслям с подозрением. Все, что происходит с нами, мы выставляем на суд человека, духовно более опытного, и он открывает нам глаза на то, как обстоят дела в действительности. Когда человек одержим страстью, он может видеть вещи, которые на самом деле не существуют. Прекрасный пример приводит преподобный авва Дорофей. Один монах, поддавшись страсти осуждения, вообразил, что некий брат приступает ко святому причащению, поев фруктов в саду. Монах рассказал об этом игумену, и тот отозвал брата в сторону, когда он подходил к чаше, что, конечно, было для него

очень неприятно. Но игумен не мог допустить до причастия человека, проявляющего такое неблагоговение к таинству. Он стал расспрашивать брата, и выяснилось, что тот пришел на службу прямо с послушания, а до этого его вообще не было в обители. Тому монаху только показалось, что он видел его в саду.

Это кажется невероятным. Но мы так же, поддавшись страсти, часто видим несуществующее: замечаем в словах людей смысл, которого они туда не вкладывали, видим в их взгляде выражение, которого там нет. Мы дорисовываем собственными страстями мотивы чужих поступков. Например, если кто-то одержим блудной страстью, то ему представляется, что другой человек ведет себя соблазнительно. А тому, может быть, и в голову это не приходит. Если мы одержимы гневом, то нам кажется, что против нас предпринимают враждебные действия. И так далее, и так далее. Все это следствие нашей слепоты. Даже уже не слепоты, а некоего искажения духовного зрения. Бывает, что человек настолько углублен в свое пагубное состояние, что и от старицы (старца, духовника) слышит то, чего они ему не говорили: духовно ослепленный человек находит в словах своих руководителей такой смысл и слышит такую интонацию, которые созвучны его страсти. Поэтому он не может понять своего наставника правильно. Это кажется странным и даже невероятным, но это только потому, что мы смотрим на вещи упрощенно и не придаем должного значения тому, как наш внутренний мир влияет на восприятие действительности.

Слепота исцеляется и другими способами. Например, чтением Священного Писания, творений святых отцов. Исследуя православное Предание, мы ясно видим отклонение своей духовной жизни от идеала, начертанного Евангелием. Но следует помнить о том, что из-за своей слепоты мы можем даже в Евангелии найти повод для того, чтобы неправильно воспринимать действительность. Например, начнем думать, что заповеди осуждают наших братьев и сестер. Дескать, такая-то сестра пустословит, а Спаситель сказал, что человек ответит за всякое праздное слово. Другая сестра смеется, а Спаситель

сказал: *Горе вам, смеющиеся ныне!* (Лк. 6, 25). Даже Евангелие может послужить нам соблазном. Конечно, не потому, что оно таково само по себе, а потому, что наши страсти затемняют наше зрение. Спаситель сказал: *Свет, который в тебе, не есть ли тьма?* (Лк. 11, 35). Значит, мы должны посмотреть на себя трезво и увидеть, что на самом деле свет нашего разума – это не тот свет, который просвещает нас и заставляет видеть вещи в истинном свете. В действительности этот «свет» погружает нас во тьму. Во тьме же куст кажется чудовищем, а человек, идя по ровной дороге, может вдруг упасть в яму. Тут что-то померещилось, там обо что-то ударился... Именно в такой слепоте мы и пребываем.

Как я уже сказал, важнейшее средство от духовной слепоты – откровение помыслов. Без него трудно и молиться правильно, и святых отцов понимать должным образом. Второе средство – чтение творений святых отцов. Мы не говорим о третьем средстве, потому что считаем его само собой разумеющимся: оно должно присутствовать в борьбе со всякой страстью и в приобретении всякой добродетели. Речь идет о молитве Иисусовой. Когда мы чего-то не понимаем, но искренне, от всей души молимся Богу, то всегда получаем от Него то, что нам нужно, потому что Господь подает нам не то, что мы хотим, а то, что нам необходимо. Таким образом, Он открывает нам глаза и мы начинаем смотреть на себя трезво, приобретаем послушание, благодаря которому можно избавиться от духовной слепоты. Конечно, какое может быть преуспевание у человека, который не видит, в чем ему нужно преуспеть? Ему хочется приобрести какую-нибудь возвышенную добродетель, например любовь к Богу. А в действительности ему нужно приобрести, допустим, целомудрие. В самом деле, какая уж тут любовь к Богу, если человек борим нечистой страстью! Или, предположим, человеку хочется приобрести смирение и глубочайшее покаяние, проливать потоки слез, считать себя хуже всей твари и так далее. Но пусть он сочтет себя сначала хуже той сестры, с которой живет в келии и с которой спорит, открывать форточку или нет. Казалось бы,

мелочь, но в таких мелочах и проявляются смирение и терпение.

Будучи слепыми, мы даже не знаем, что нам необходимо. Проявляем ревность, которая оказывается ложной и уводит нас от борьбы с грехом. Стремимся к приобретению добродетели, которая чересчур возвышенна для нашего теперешнего состояния. А может быть и так: то, что мы подразумеваем под добродетелью, на самом деле – порок. Под видом ревности в человеке часто проявляется гордость. Скажем, он, прочитав труды преподобного Серафима Саровского или другие возвышенные святоотеческие книги, решает, что ему нужно стяжать благодать Божию, и начинает усердно молиться и подвизаться. А вместо того чтобы обрести благодать, впадает в прелесть или разочаровывается и говорит: «Бог меня оставил, ничего не получается, все пропало». Но если бы он вел себя разумно, если бы видел вещи такими, какие они есть, то стремился бы к приобретению добродетелей, которые ему доступны. Это не означает, что мы не должны тянуться к возвышенному, но все должно быть разумно и своевременно.

Еще один порок, мешающий преуспеянию в духовной жизни, – уныние. Мне очень нравится перевод Григория Синаита, сделанный епископом Вениамином (Миловым). Слово, обычно переводимое как «уныние», он переводит как «лень». На мой взгляд, это более понятный термин. Трудно объяснить, что такое гордость, а скажешь «самонадеянность» – уже проще. Такая же ситуация со словом «уныние». Как рассказать, что это такое? А вот что такое лень, понятно каждому. Человек не хочет заставлять себя трудиться, напрягаться. Некоторые люди трудолюбивы в земном понимании. Когда у человека получается какое-либо дело – спорится, как говорится, – он работает с удовольствием. Но поручи ему то, к чему он будто бы не способен, – ему сразу станет лень даже пытаться выполнить это.

Нечто подобное происходит и в духовной жизни. Можно сказать, что к ней не способен никто. Все мы грешные люди. Поэтому нам нужно преодолеть свою косность, чтобы достичь

какого-то результата или, проще говоря, чтобы выполнить положенную работу. Как называют святые отцы занятие Иисусовой молитвой? Умное делание. Иначе говоря, умственная работа. Под этим следует понимать не интеллектуальный труд, а борьбу со страстями при помощи молитвы. Умной эта работа именуется не потому, что она очень мудреная, а потому, что она совершается по большей части умом. Называя же молитву деланием, святые отцы имели в виду, что у монашествующих иные дела, чем у людей, занимающихся телесными, земными трудами. В известной степени Иисусова молитва необходима и каждому мирянину, но для монашествующего в ней заключается вся жизнь. Если он не занимается умным деланием, то он просто бездельник. Ты спрашиваешь: «Почему у меня не получается то-то и то-то, почему я не могу приобрести ни одной добродетели?» Да просто потому, что ты лодырь. Не заставляешь себя работать, молиться, слушаться. Выражаясь евангельским языком, не хочешь себя понуждать. А это одна из наиважнейших, первейших заповедей, без исполнения которой невозможно исполнить другие.

Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е (Мф. 11, 12). Что мы можем сделать без понуждения? Только то, что легко дается. Но в духовной жизни таких вещей нет. В земных делах может быть иначе. Бывает, что у человека большие способности в одной сфере и скромные – в другой. Если он занимается тем, что дается ему легко, то он достигает какого-то преуспевания. В духовной жизни, во-первых, невозможно в чем-то преуспеть, а в чем-то нет. Скажем, приобрести любовь к ближнему, но остаться развратником. Или приобрести кротость, но всем завидовать. Апостол Иаков говорит, что тот, кто нарушил закон в одном, нарушает его во всем. Во-вторых, всякому человеку есть что преодолевать в себе, ибо всякий человек – грешник. Поэтому жить духовной жизнью трудно, необходимо понуждение. Под духовной жизнью мы понимаем, конечно, христианскую жизнь, то есть жизнь по Евангелию, ведя которую нельзя избегать труда под всякими благовидными и неблаговидными предложениями. Иногда человек

умудряется оправдывать собственную лень тем, что он очень занят какими-то земными заботами. Но когда нам нравится что-либо делать, то всегда есть для этого и энергия и желание.

Преуспеянию мешает и такая страсть, как самонадеянность. Ее можно рассматривать в двух аспектах: когда человек надеется на свой разум и когда он надеется на свои силы. Первое – причина духовной слепоты. Человеку кажется, что он правильно воспринимает и оценивает действительность, справедливо рассуждает, а другие этого не умеют. На самом деле это, конечно, не так. В более тяжелом случае самонадеянность распространяется на отношение к духовным руководителям, возникает недоверие к ним. Иногда бывает еще хуже: человек и святым отцам не верит, начинает с ними полемизировать и даже отвергает их. Крайнее проявление самонадеянности – неверие, отвержение Священного Писания. Среди людей есть, к сожалению, явные безбожники, но в какой-то степени безбожие живет во всех нас, потому что мы не хотим принять Евангелие в полной мере, всей душой. Хотя мы не так откровенны и дерзки, как атеисты, какой-то страх Божий в нас еще есть, но мы осмеливаемся спорить с Евангелием и перетолковывать его на свой лад. Как может преуспеть человек, одержимый страстью самонадеянности в такой форме? Ведь он не поддается никакому внушению, все понимает превратно, всегда спорит, всем возражает. Иногда это происходит лишь внутренне, но так еще хуже, потому что невозможно исцелить болезнь, если она протекает скрыто.

Другая форма самонадеянности, как я сказал, надеяние человека на свои силы. Если мы осознаём свою немощь, то искренне прибегаем к Богу, молимся от всей души. Если мы надеемся на свои силы, то бесконечно падаем. Расскажу в качестве примера о том, как ведут себя люди, подверженные страсти винопития, проще говоря алкоголики. Многие из них считают, что они пьют, потому что хотят этого. А если бы не хотели, то завтра же бросили бы. Бывает, что они действительно пытаются не пить, а потом не выдерживают и опять удовлетворяют свою страсть, но объясняют, что это вышло случайно: неприятности, праздники, одна причина, другая,

третья – как тут было не напиться? Так же происходит и с нами, когда мы надеемся на свои силы. Мы все время падаем, падаем, а нам кажется, что это случайно. Как будто, если мы захотим, то все будем исполнять. Просто сегодня помешала плохая погода. И вообще, если бы не погода, не соседи по келии, не возраст, не здоровье, не воспитание, то у нас все было бы прекрасно. В действительности наши падения не случайны – они говорят о нашей глубочайшей немощи. Это можно объяснить и в широком, богословском смысле: ни один человек, тем паче растленный грехопадением (каковы мы все), не может собственными силами справиться с дьяволом и, прежде всего, победить самого себя. Но для нас было бы лучше не думать о том, что все люди грешные (некоторые очень любят об этом причитать). Мы должны перенести осознание человеческой греховности на самих себя и сказать себе: «Я – самый грешный». Когда человек погружается в созерцание своей немощи, тогда он, во-первых, понимает свое действительное состояние, а во-вторых, по-настоящему, всей душой чувствует необходимость посторонней помощи: прежде всего Божией, а также человеческой, то есть духовного руководства.

Таковы основные причины, мешающие духовному преуспеванию. И в миру, и в монастыре нам приходилось замечать, что в нашей духовной жизни иногда подолгу не происходит никаких изменений. Бывает, что человек искренне кается, проявляет пламенную ревность, а потом вдруг остывает и возвращается ко многим, казалось бы, уже забытым страстям. Так случается потому, что человек теряет покаяние. А покаяния не может быть, когда нет, во-первых, трезвого отношения к себе, во-вторых, духовного трудолюбия и, в-третьих, смирения, то есть ненадеяния на свои силы и разум. В духовной жизни мы должны постоянно себя принуждать. Не нужно думать, что, если мы ничего не будем делать, Господь почему-то сжалится над нами и внезапно осенит нас своей благодатью.

Некоторые ожидают благодати в виде какой-то духовной сладости. Мое же глубокое убеждение таково: у новонаначального

благодать выражается только в том, что у него появляется внимание в молитве. А вслед за этим уже приходит все остальное. Поэтому не нужно искать чего-то особенного. Следует относиться ко всему более прагматично, искать нечто конкретное, определенное. Заметьте, я исподволь стараюсь подвести вас к определенности понятий. Говорю не об унынии, а о лени; не о гордости, а о самонадеянности; не о благодати, а о внимании в молитве. Когда мы ясно видим, к чему нужно стремиться, наш путь становится для нас более понятным: мы знаем, что конкретно нужно делать в той или иной ситуации. Нужно стараться внимательно молиться, постоянно понуждать себя, всегда доверять духовным руководителям и верить, как это ни странно звучит, святым отцам (ведь если мы не хотим исполнять то, что они говорят, значит, мы им не верим). Только тогда происходят изменения в душе и покаяние становится чем-то жизненным. А иначе вся наша духовная жизнь сведется к развлекательному чтению. Это звучит кощунственно, но именно так и получается, если мы читаем, например, творения святых отцов лишь для удовлетворения любопытства, а не для того, чтобы получить жизненно важные уроки.

Пожалуй, это все, что я хотел сказать о препятствиях на пути к духовному преуспеянию. Но у меня есть еще послесловие. Вероятно, многие из вас читали беседу Серафима Саровского с Мотовиловым, в которой говорится о том, что цель христианской жизни – стяжание благодати. Это действительно так. Я как-то даже проводил беседу на эту тему. В то же время святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что не нужно стремиться к обретению духовной сладости, потому что это может стать поводом для прелести. Прав и преподобный Серафим, прав и святитель Игнатий. Как совместить эти два взгляда, по видимости противоречащие друг другу? Христианская жизнь должна быть благодатной, в особенности у монашествующих. К нам предъявляются более строгие требования, поскольку у нас меньше препятствий к тому, чтобы стяжать благодать. Но стяжание благодати нельзя понимать примитивно.

Приведу два примера: один из своего личного опыта, другой – из опыта моего знакомого. Когда я впервые прочитал беседу преподобного Серафима Саровского, она меня потрясла и заставила в значительной степени изменить свою жизнь. Это было очень давно, я тогда еще не молился Иисусовой молитвой и не общался с отцом Андреем (Машковым). Прочитав это произведение, я понял, что подлинная христианская жизнь состоит не только в том, чтобы ходить в церковь, молиться, креститься и не совершать тяжких грехов. Христианская жизнь должна быть благодатной. Но в тот момент я понял это примитивно. Впоследствии, читая других святых отцов, я стал относиться ко всему разумнее. А тогда я принялся молиться о том, чтобы на меня сошла благодать. Как нужно правильно молиться, я не знал, об Иисусовой молитве не слышал, поэтому без конца повторял «Отче наш» и еще какие-то молитвы.

Вскоре со мной начали происходить необыкновенные вещи. Когда я ложился спать и уже немного засыпал, то начинал слышать какое-то жужжание, вроде зуммера, и что-то на меня находило. Я испытывал приятные ощущения и видел некие сновидения наяву, как говорят в тонком сне. Знаете, бывает: вроде бы ты уже спишь, но еще не потерял самосознания. Мне снилось то одно, то другое, то казалось, что икона Спасителя в углу комнаты сверкает... И я думал, что на меня сошла благодать. А в церкви я плакал, прямо как девушка: слезы лились ручьем. Плачу и думаю: «На меня все смотрят, и друзья смотрят и думают, какой я благочестивый». Но что это был за плач, если я о молитве Иисусовой никакого понятия не имел? Поразит меня какой-нибудь момент службы, скажем возглас: «Горé имеем сердца», – и я давай плакать. Плачу, а службу дальше не слышу, потому что держу в голове мысль, которая у меня слезы вызвала. И на душе у меня хорошо. Грубо говоря, я был всем доволен. Даже страсти особенно не мучили. Конечно, какие могут быть страсти, когда человек собой доволен? Из этого состояния меня вывело то, что я имел хоть какие-то здравые понятия о православии. Например, я знал, как выглядят канонические иконы, иконостасы и что неканонических

икон в церкви быть не должно. И вот однажды мне было видение, будто я умом нахожусь у райских врат. А они похожи на Царские врата, но сделаны в стиле барокко: резные, сквозные, золоченые. Смотрю я на них и думаю: «Но они же не канонические!» Только я так подумал, как эти райские или Царские врата превратились в какую-то длинную ограду. Демон сразу преобразил их: мол, не хочешь это, – пожалуйста, получи другое. Но я уже понял: тут что-то не то. Однако никто не мог мне это объяснить. Я обращался к одному хорошему, ревностному священнику, но он тоже не имел понятия о таких вещах и сам не мог разобраться: благодать это или не благодать. Как только у меня появились эти подозрения, сразу же начались всякие искушения. В конце концов, пришлось молиться, чтобы избавиться от зуммера. Вот так я впал в прелесть, потому что хотел благодати. С моим приятелем (теперь он игумен или иеромонах, точно не знаю, мы давно не виделись) был похожий случай. Мы читали одни и те же книги, и он тоже прочел беседу Серафима Саровского с Мотовиловым. Это было уже тогда, когда я пришел в себя и понял, что был в прелести. Но каждый себе верит больше, чем другим. Мой приятель тоже стал молиться, чтобы на него сошла благодать. Я не знаю, что он испытал, но в конце концов ему стало так плохо, что пришлось вызвать скорую помощь. Хорошо, что обошлось без серьезных последствий.

Итак, не нужно стремиться к стяжанию благодати, понимаемой примитивно: чтобы лицо сияло, а в душе была сладость, в точности как у Мотовилова. Одно дело – то, что испытывал Мотовилов по молитвам такого великого подвижника, как преподобный Серафим Саровский, другое дело – то, на что способны мы. Бог может дать нам только то, что нам полезно, что мы можем вместить. Как сказано в Евангелии, никто не вливает вино новое в мехи ветхие, потому что и мехи прорвутся, и вино разольется. Как вы знаете, мехами назывался сосуд из овечьей кожи. Если он был старый, то молодое, еще бродящее вино разрывало его. Поэтому Господь не дает нам благодати, подобной новому, бурлящему вину: мы и ее потеряем, и душе своей повредим. А нам кажется, что если нет

благодати, такой, какой мы ее себе представляем, то все пропало, все бесполезно, духовная жизнь кончена, мы погибаем и так далее. Еще раз говорю: благодать для новонаначального, если говорить только о субъективных ощущениях, – это внимание в молитве. Если теряется внимание, значит, все твои «благодатные» ощущения как минимум подозрительны. Действие же благодати выражается в поведении человека, в его внутреннем состоянии: в смирении, унижении себя перед другими людьми, любви к ближнему и прочем. Как говорит апостол Павел, плод духовный есть *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22–23).

С одной стороны, не нужно стремиться к стяжанию благодати, понимаемой как духовная сладость. С другой стороны, нужно знать: когда нам кажется, что мы лишились благодати, в действительности это может означать, что Господь избавил нас от каких-то прелестных ощущений. Нередко мы принимаем за действие благодати различные недуховные ощущения, движения крови. Святитель Игнатий говорит, что неопытным монахам это свойственно. Допустим, в человеке действует блудная страсть, а потом от тщеславия или гордости она проходит – как бы одна волна крови гасит другую. И человеку кажется, что это благодать. Мы иногда слишком серьезно относимся к своим эмоциям. Например, читаем жития святых, плачем и думаем, что это благодать. А это только умиление. Если на человека что-то производит впечатление, это еще не благодать. В миру мы читали молитвы, акафисты и прочее – они вызывали у нас умиление, и мы плакали. Пришли в обитель, тут заставляют Иисусовой молитвой молиться – так просто не заплачешь. Нужно очень хорошо потрудиться, чтобы приобрести настоящее умиление, чтобы плакать от близости к Богу, чтобы ощутить свою греховность. А нам кажется, что нас лишили благодати. До монастыря благодать была, в монастыре – пропала. Но пропала-то не благодать, а то, что ты ошибочно за нее принимал и что, может быть, мешало твоему настоящему преуспеянию.

Конечно, нужно стремиться к тому, чтобы вести благодатную жизнь. Но благодатная жизнь – это не только ощущения. Благодатная жизнь – это послушание, внимательная молитва, смирение. Благодатная жизнь возможна, когда человек не довольствуется тем состоянием, в котором находится, а стремится к преуспеянию. Как правило, мы начинаем молиться, если «припекло». А если нет сильной брани, то и ревность в нас пропадает. Святитель Григорий Палама в полемике с еретиком Варлаамом говорил, что если мы не будем принуждать себя к молитве, то не сможем достигнуть общения с Богом. Григорий Палама считал это само собой разумеющимся, и его возмущала ересь Варлаама, проповедующего, помимо всего, молитву без принуждения. А мы думаем, будто бы нужно смиряться и ждать у моря погоды. Понятно, что никакого преуспеяния у нас не будет. Мы должны стремиться к благодатной жизни не только в смысле преуспеяния в молитве. Невозможно преуспеяние в одной заповеди без преуспеяния в других. Невозможно преуспеяние в молитве без преуспеяния, например, в смирении или в целомудрии. Поэтому, применяя в жизни учение преподобного Серафима Саровского, мы должны учитывать уровень нашего преуспеяния, наши обстоятельства, нашу страстность. Жизнь христианина должна быть благодатной в том смысле, что он действительно должен быть христианином, а не только формально исполнять свои обязанности.

Не нужно думать, что наша жизнь сразу наполнится благодатью, какая была у преподобного Серафима Саровского. Ведь и у него на то, чтобы стяжать милость Божию, ушли многие и многие годы. Годы тяжелой и страшной борьбы, для нас совершенно немыслимой и непосильной. Когда мы читаем об этом, нам даже не верится, что такое возможно. Все восторгаются тем, что он простоял на камне три года. Кто из нас может постоять на камне хотя бы один час? А еще он какое-то время питался одной травой. Кто из нас выдержит такой пост? Или хотя бы сухоядение, хотя бы отказ от молочной пищи и рыбы? Я сказал только о его телесных подвигах, что же тогда говорить про его брань! Поэтому не думайте, что можно благодаря одному только желанию стяжать такую же благодать,

которая была по молитве преподобного Серафима преподана Мотовилову. В этом отношении нам нужно быть очень осторожными. И в то же время не быть безразличными: мол, слава Богу, что я не пью, не курю, не ругаюсь, – с меня довольно. Нужно всегда стремиться к духовному преуспеянию.

* * *

Вопрос. Что из книги Григория Паламы «Триады в защиту священнобезмолвствующих» мы можем принимать для себя? Ведь там говорится о созерцании Божественного света. Это кажется для нас таким несбыточным, что иногда выглядит как издевательство над читателем.

Ответ. Я думаю, что никакого издеательства над читателями в книге нет. Нужно воспринимать ее так, чтобы понуждать себя к молитве, стремиться к возвышенным духовным состояниям, к уединению с Богом. Не стремиться мгновенно достичь описанных в книге состояний, а стараться взойти на следующую ступень. Когда человек хочет сразу взбежать на вершину лестницы, он по ней не продвинется нисколько. Надо ставить перед собой реальные задачи и двигаться в том направлении, о котором говорит Григорий Палама. Нужно иметь в виду, что эта книга не аскетическая: она защищает истины православия и собственно исихазм как деятельность, как образ жизни. У святителя Григория Паламы есть и аскетические произведения, в которых он гораздо более умерен и конкретен. И если мы читаем рассуждения Григория Богослова о Святой Троице, это не значит, что надо сразу стремиться к созерцанию Святой Троицы, а если читаем в творениях Григория Паламы о созерцании Божественного света – это не значит, что мы завтра же должны это испытать.

Вопрос. Непрестанная и самодвижная молитва – это одно и то же?

Ответ. Нет, это не одно и то же. Под непрестанной молитвой иногда подразумевают понуждение себя к тому, чтобы непрестанно молиться. Все эти термины: самодвижная молитва, трудовая молитва – возникли, когда люди стали исследовать, что такое молитва, какие бывают состояния. Когда человек все

правильно понимает, ему не нужно ничего истолковывать. Но когда возникают разные толкования, когда у человека нет своего духовного опыта, тогда необходимо все очень тщательно объяснять. Точно так же, пока не появлялась та или иная ересь, не было и четкой формулировки догмата – не потому, что раньше люди верили неправильно или не придавали значения той или иной стороне вероучения. Догматы формулировали как раз для того, чтобы исключить двусмысленность толкования. То же и в отношении аскетики. Непрестанная молитва – это выражение, взятое из Священного Писания, а самодвижная молитва, трудовая молитва – это более точные термины. Непрестанной молитва называется и в том случае, когда человек понуждает себя непрестанно молиться, и в том, когда она начинает в нем действовать самодвижно. Поэтому необходимо было уточнение терминов. Когда мы говорим, что понуждаем себя к непрестанной молитве, то имеется в виду трудовая молитва. Понуждать себя к самодвижной молитве мы не можем, потому что это не в нашей власти.

Вопрос. Какую молитву имеют исихасты – трудовую, деятельную, или самодвижную, благодатную?

Ответ. Я думаю, что не всем дано достигнуть самодвижной молитвы. Мы не знаем, кому по какой причине Бог ее дает, это тайна. Одному, может быть, дает вначале, другого заставляет потрудиться, а иному не дает, потому что ему это бесполезно: может загордиться – много может быть причин. Нужно помнить, что Бог – это не какая-то безликая субстанция, как представляли себе, например, философы-пантеисты. Бог – это Личное Существо, имеющее волю, разум и потому вступающее в личные отношения с каждым человеком. И эти отношения неповторимы.

Кроме того, человек и с понуждением может молиться очень внимательно. Внимание – одно, а самодвижная молитва – это другое. По крайней мере, мне такая связь не кажется совершенно очевидной. Поэтому исихасты, то есть безмолвники, могут иметь трудовую молитву, но кто-то, может быть, достиг и самодвижной.

Вопрос. Серафим Саровский учил, что нужно больше всего заниматься тем делом, которое приносит наибольшие духовные плоды. Почему тогда меня упрекают в том, что я больше сил и времени трачу на молитву, а не на внимание к помыслам, хотя от молитвы я чувствую явную постоянную помощь, а от исповеди помыслов – во много раз меньше?

Ответ. Известны случаи, когда даже преуспевшие подвижники впадали в самые тяжкие грехи. Яркий пример – Иаков Отшельник, который имел дар изгонять бесов, но потом впал в блуд и убийство. Конечно, он покался, и Господь вернул ему дар чудотворения, даже приумножил его. Но почему происходят подобные вещи? Потому что человек доверяет себе, бывает самонадеянным. Не нужно думать, что если человек испытывает в молитве какое-то утешение или даже преуспел в ней, то он не нуждается в постоянном руководстве, откровении помыслов. Одно дело, если нами некому руководить. Тогда, хочешь не хочешь, будешь думать сам, руководствоваться святоотеческими писаниями. А если есть возможность иметь руководителя и мы его пренебрегаем, то проявляем самонадеянность. Такого быть не должно. Сегодня у нас все хорошо, прекрасно – а завтра диавол может нас прельстить. Симеон Столпник имел великую благодать, что видно из его нечеловеческих подвигов, которые без помощи Божией было бы невозможно совершить. Он вкушал пищу раз в неделю, все время стоял, никогда не садился – только в Великий пост, потому что в это время сорок дней не ел и не пил и без числа делал поклоны. Один христианин захотел узнать, сколько поклонов делает преподобный, насчитал больше тысячи и дальше считать не стал. Конечно, не может человек иметь такое физическое здоровье, чтобы все это делать, если его не будет укреплять благодать Божия. Тем не менее диавол попытался прельстить святого и явился ему в виде ангела на огненной колеснице, предлагая вознести его на Небо. И Симеон со словами: «Господи, меня ли грешного Ты берешь на Небо?» все-таки занес ногу, чтобы взойти на колесницу, но одновременно перекрестился, и наваждение исчезло. Если диавол попытался прельстить великого подвижника, то кто из

нас является таким молитвенником, что не нуждается в руководстве и собирается получать пользу только от молитвы? Конечно, демон в виде ангела на огненной колеснице этому человеку не явится – не потому, что он не поддастся прелести, а потому, что его так сильно искушать просто никто не будет: он неоднократно будет падать и от более легких искушений. Не нужно быть чересчур самоуверенным. Да, молитва приносит пользу, но она нуждается в контроле, проверке. Если бы не было откровения помыслов, то не было бы и преуспевания в молитве.

Есть такое изречение, что лучше жить под руководством духовника на торговой площади, чем одному в пустыне. Руководство, правильная духовная ориентация – это самое главное. Ориентация необходима вообще в каждом конкретном случае, в каждой перипетии внутренней жизни. А если этого не будет, то, хотя бы человек жил в пустыне, в уединении, он запутается. Часто бывает так: мы от духовного руководства приобретаем душевное устроение, при котором у нас появляется жажда молитвы. Мы хорошо молимся, но забываем, в чем причина этого. А причина как раз и есть в руководстве, в самой атмосфере монастыря, в его уставе. Получается, что мы вкушаем плод, но не осознаём, откуда он берется, как свинья из басни Крылова, которая подкапывала корни дуба, не понимая, что если дерево засохнет, то не будет и желудей, которыми она питается. Так и у нас получается – мы как будто забываем, благодаря чему у нас появляется не только любовь к молитве, но и знание о том, что нужно молиться, и представление о том, как нужно это делать. Можно подумать, мы родились с этими знаниями. Если мы отвергнем руководство, то лишимся и утешения в молитве.

Вопрос. Симеон Новый Богослов пишет, что причащаться надо всегда со слезами. Значит ли это, что в его время все были преуспевшими, или он говорил эти слова, чтобы убедить, что это в принципе возможно?

Ответ. Дело в том, что во времена Симеона Нового Богослова в Византии был некоторый духовный упадок. Россия приняла христианство чуть больше тысячи лет назад, а сейчас у

нас упадок в вере. В Византии тогда было приблизительно то же самое, может, в чуть меньшей степени. Симеон Новый Богослов жил в конце X – начале XI века, то есть через тысячу лет после того, как апостолы начали проповедовать. В его время наблюдалось чрезвычайное духовное оскудение, безразличие, многие даже говорили о том, что ощущать благодать в той же степени, что и апостолы, вообще невозможно, то есть проповедовали формальное исполнение христианского долга. И пафос сочинений преподобного Симеона был в том, чтобы призвать людей вернуться к истинной христианской ревности. В значительной степени благодаря ему это и произошло: в монастырях стало возрождаться умное делание, потом ему начали обучаться и миряне. В творениях преподобного Симеона, в особенности в его гимнах, есть очень много общего с тем, что говорил Серафим Саровский в беседе с Мотовиловым, поскольку во времена преподобного Серафима Россия также переживала полное охлаждение к вере, безразличие к ней. Еще Тихон Задонский в XVIII столетии говорил, что христианства в современном обществе почти нет, осталось одно лицемерие.

Поэтому нужно было говорить людям о том, как все должно быть. Это не значит, что всякий человек обязательно должен приступать к святой чаше со слезами, а если он не плачет, то не может и причащаться. Но мы должны стремиться к такому состоянию и понимать, что если его у нас нет, то это неправильно, что-то мы делаем не так. Точно так же, если Евангелие требует от нас радоваться, когда нас гонят, а мы скорбим, – это не значит, что нам нужно перестать ходить в церковь. Мы должны понуждать себя к исполнению этой возвышенной заповеди: если мы даже не достигнем совершенства, то, по крайней мере, это вменится нам в покаяние, в борьбу с грехом.

Вопрос. Когда я читаю молитвы, например ко святому причащению или после причастия, от внимательного произношения слов появляется чувство покаяния, отчего приходит плач. Старица говорит, что здесь все нормально. Но у меня бывает другое состояние, когда я начинаю управлять

чувствами в молитве: при сухости я сама добавляю чувства, взывая о прощении грехов, и тогда также появляются слезы. Допустима ли такая искусственность и методичность в молитве?

Ответ. Во-первых, сама молитва – это уже искусственность: мы заставляем себя молиться, произнося какие-то определенные слова. Но эта искусственность необходима. Если ее не будет, как мы будем молиться? Кому как на ум придет? Но так можно исказить православные догматы или неправильно, неподобающе выражать чувства. Поэтому мы применяем некоторую искусственность как средство, предохраняющее нас от хаотичности, стихийности в молитве. Говорят, что древние христиане, вдохновляемые Духом Святым, произносили слова молитвы как бы движимые сердцем. Такой вывод можно сделать из посланий апостола Павла. Если на собраниях люди под воздействием Святого Духа пророчествовали, говорили на иных языках, то надо думать, что и молились они так же. Когда такие дарования в христианах оскудели, этим стали злоупотреблять еретики, которые под видом импровизаций преподавали самовольно составляемые молитвы и искажали православное вероучение. Поэтому, скажем, египетские монахи предпочитали читать псалмы, чтобы никто не придумывал молитв от себя.

Кроме того, в молитве мы искусственно сосредоточиваемся: вмещаем ум в слова молитвы или пытаемся свести его в сердце. Еще древние отцы преподавали приемы, как сводить ум в сердце при помощи дыхания. В Церкви вообще есть много «искусственного», то есть такого, что совершается согласно строгим правилам. Само богослужение, например. Мы ведь не молимся, как пророки, по вдохновению, а делаем всё, как положено.

Но это не значит, что такая искусственность в молитве мешает проявлению духа. Наоборот, она ограничивает наш дух, направляя его туда, куда необходимо, отсекая по возможности и страсти, и ненужные мысли. Когда мы понуждаем себя к покаянию, тут действует искусственность уже более высокого порядка, не формального, а эмоционального. Поскольку в нас нет того, что должно быть, то приходится

заставлять себя делать то, что положено. Святые отцы учат, что покаяние необходимо, и мы должны себя по возможности к этому понуждать: если это чувство нам знакомо, приводить его в действие. Если же мы не применяем таких искусственных мер, тогда мы попросту проявляем лень.

Вопрос. Я всегда была одиночкой и с трудом сближалась с людьми, а теперь настолько привязалась к одной из сестер, что кажется, будто люблю ее больше, чем близких родственников. Дружеских отношений у нас нет, просто приходится очень тесно общаться на послушании. Кажется, что все обстоятельства нас сближают. Как относиться к такому чувству?

Ответ. Могу сказать, что, когда я был неверующим человеком, у меня почти не было близких друзей, а сейчас их становится все больше и больше. И главное в этом не то, что они видят в тебе близкого человека, а то, что ты чувствуешь их близкими себе. Кроме того, в отношениях бывает некая взаимность: если человек тебе доверяет, слушается, то соответственно возникает ответное чувство. Наверное, нечто подобное происходит у всех людей. Я не вижу в этом ничего предосудительного. Если наша дружба в ущерб любви к Богу, любви к ближнему, когда мы одного предпочитаем, а другими пренебрегаем, то это нехорошо. А если это некоторая привязанность, поддерживающая в нас духовную бодрость, то это как минимум извинительно. И совсем без нее обойтись нельзя: наверное, это удел людей очень ревностных и совершенных. Поэтому, я думаю, если такая привязанность есть, то это извинительно, лишь бы она не отвлекала нас от любви к Богу, от молитвы.

Вопрос. Вы сказали, что преподобный Серафим имел благодать соответственно его духовной борьбе и тем подвигам, на которые мы бы не решились. Разве он совершал их не силой благодати? Разумно ли кому-то из нас пытаться понуждать себя к подобным подвигам, например к стоянию на камне? В чем должны выражаться наше понуждение и ревность?

Ответ. Конечно, мы должны были бы иметь такую ревность, как преподобный Серафим. Но она не обязательно должна выражаться в телесных подвигах, ведь и у Серафима

Саровского они были не единственными. Я просто привел в пример то, что на первый взгляд кажется тяжелым. А на самом деле, его подвиг – это беспрекословное послушание своим руководителям, непрестанная молитва и ревностное участие в богослужении, когда он стал священнослужителем: сначала иеродиакonom, а потом иеромонахом. Он служил каждый день в течение пяти лет, пока у него на ногах не открылись трофические язвы. Надо иметь в виду, что богослужение в Сарове было очень долгое, уставное, к тому же с протяжным пением. И на камне он стоял на коленях по той причине, что на ногах стоять уже не мог. Он, собственно, и на безмолвие удалился потому, что был уже не способен исполнять свое послушание в монастыре.

Что касается нашего стремления к подвигам, то можно сказать, что все должно быть под руководством. Ведь и преподобного Серафима на эти подвиги благословили опытные духовные руководители. Поэтому в конечном счете все сводится к послушанию. Может быть, кто-то из нас способен если не на такие подвиги, то, скажем, на более строгий пост, усиленную молитву, менее продолжительный сон, но делать все это следует по благословению, учитывая различные особенности человека, в том числе и его здоровье. Но любой, в каком бы возрасте и преуспевании он ни был, может проявлять ревность в двух добродетелях, неотъемлемых от монашеской жизни: в послушании и молитве. Эти добродетели может исполнить и самый больной человек. Нил Сорский говорит, что человек даже в тяжелой болезни обязан заботиться о непрестанной молитве. Однако без руководства умное делание бывает чрезвычайно затруднительным и опасным, и, пренебрегая руководством, когда оно есть, мы поступаем неразумно. Мы обязаны иметь ревность в умном делании, остальное должно быть по благословению. Хотя и молитва должна быть под руководством, чтобы человек знал: следует ли ему молиться больше или меньше, как напрягаться и сосредоточиваться, что можно себе извинить, а в чем проявить к себе жесткость.

Вопрос. Преподобный Марк Подвижник пишет, что после принятия человеком святого крещения грех над ним уже не властвует, в том числе и первородный, то есть передающийся из поколения в поколение. И человек впадает в грех по любви к запрещенному наслаждению, противоречащему евангельским заповедям, а также из-за страстей, влекущих ко греху.

Ответ. Действительно, без благодати Божией человек не может победить грех. Если бы не было крещения, то никто не мог бы себя победить: ни Серафим Саровский, ни Сергей Радонежский, ни какой-либо другой великий святой. В особенности это касается внутреннего состояния, которого никто не видит. Можно научиться вести себя прилично, но победить собственную душу без содействия благодати Божией невозможно. Эта благодать даруется, прежде всего, в таинстве крещения, но если мы ведем себя лениво, то она перестает действовать. И мы должны не просто мечтать о том, что в нас появится благодать Божия, а приводить ее в движение, возбуждать в себе при помощи тех действий, которые нам рекомендует святоотеческое аскетическое предание. Тогда благодать будет побеждать то влечение ко греху, которое в нас осталось. Если бы мы подготовились к таинству крещения так, как необходимо: прошли борьбу с грехом, осознали, в чем состоит христианская нравственность, прочувствовали и пережили всё это, то приняли бы святое крещение достойно, и, возможно, с нами произошло бы то же, что с апостолами в день Пятидесятницы. Поскольку же мы относимся к этому таинству недостаточно осознанно, а потом предаемся лени, то в нас вновь начинают действовать страсти, которые, казалось бы, уже истреблены благодатью. Но нельзя сказать, что мы полностью подвластны греху, как до крещения: тогда мы, может быть, и не хотели грешить, но грешили, потому что ничего не могли с собой поделать, не имея силы, которая могла бы нас остановить, нам помочь.

Вопрос. Как понудить свое слабое естество, когда для понуждения нет сил?

Ответ. Когда человек понуждает себя к чему-то, то, конечно, обнаруживает свою немощь, осознаёт, что собственных

сил ему не хватает. Единственный, кто нам может в этом случае помочь, – это, несомненно, Господь. И мы вынуждены обращаться к Нему с усиленной молитвой. Настоящая, искренняя молитва появляется тогда, когда мы видим свою немощь. Не может быть такого, чтобы человек спас себя одним понуждением, без помощи Божией. Не может быть и другого, – чтобы человек исправился с помощью одной только молитвы, без понуждения себя к добродетелям. Если же он, не имея сил исправиться в каком-то отношении, будет молиться, то Господь подаст ему силы, ревность и стремление к тому, чтобы совершить эту добродетель.

Вопрос. Я не совсем поняла: как быть, если благодать оставляет человека и не приходит, что бы он ни делал? Я не могу возвратить ее, хотя ревностно, по силам стараюсь слушаться старицу.

Ответ. Во-первых, еще неизвестно: оставила тебя благодать или ее не было. Если даже и оставила – а она оставляла и великих подвижников, – значит, на то есть воля Божия. В этом случае нужно трудиться, смиряться, терпеливо нести свой крест, и благодать вернется. Благодать есть, если ты слушаешься, – непослушанием ты отгоняешь ее. Кроме того, не нужно смотреть на все примитивно: мол, если у меня нет каких-то особых ощущений, значит, нет и благодати. Бывает, что человек ожидает такой же благодати, какая была у Серафима Саровского, а если ее нет, думает, что он погиб. Возможно и другое: у человека были какие-то ощущения, по неопытности принимаемые им за благодатные. Господь, пытаясь его спасти, Своею благодатью отгоняет эти неправильные, прелестные ощущения, а человек начинает думать, что лишился благодати. Не нужно в такой степени доверять своим субъективным ощущениям.

Я просто удивляюсь, когда люди говорят, что их оставила благодать. Когда старец Силуан говорит о том, что его оставила благодать Божия, – это понятно. А когда об этом говорит послушница, которая еще ничего не достигла, – значит, она находилась в прелести. Если человек говорит, что он внимательно молился, а теперь не может сосредоточиться, –

это понятно. Если он говорит, что испытывал в молитве некоторые ощущения, а теперь их нет, то с человеком можно поговорить, выяснить, в чем его ошибка. Но часто человек сетует, что его оставила благодать, а спроси его, что это такое, – он и не знает, что сказать.

О первой заповеди и подвиге любви¹⁹¹

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Один из книжников, видя, что Господь Иисус Христос хорошо отвечал саддукеям на их вопросы, и желая испытать Его, подошел и спросил, какая первая из всех заповедей? *Иисус же отвеча ему: яко первойши всех заповедий: слыши, Израилю, Господь Бог ваш Господь един есть (Мк. 12, 29).* Эта древняя заповедь, данная евреям через пророка Моисея, до сих пор повторяется сынами Израиля по плоти с благоговением и религиозным энтузиазмом. По-еврейски слова *слыши, Израилю* звучат как «шма, Исраэль». Но понимают ли иудеи значение этой заповеди? Если бы они это понимали, то должны были бы последовать за Христом.

Ныне мы являемся чадами новозаветной Церкви, нового Израиля, истинного духовного Израиля, и эти слова обращены к нам. Однако и мы понимаем ли их как должно? Даже самые первые слова этой возвышеннейшей заповеди остаются для нас неясными, мы толкуем их буквально, а значит, поверхностно. Мы воспринимаем слова *слыши, Израилю* как обращение к собственно израильскому народу. Но вспомним: когда было дано патриарху Иакову имя Израиль? Тогда, когда он боролся с Богом и сказал Ему: *Не отпущу Тебя, пока не благословишь (Быт. 32, 26).* Отныне, – ответил Господь, – *имя тебе будет не Иаков, а Израиль, потому что ты боролся с Богом, потому что ты зрел Бога (см. Быт. 32, 28).* Патриарх Иаков ушел из родного дома с одним посохом, имея при себе только благословение своего отца, праведного Исаака. Спустя много лет он возвращался с детьми и имуществом в землю обетованную. Промыслительно случилось так, что он отправил спутников вперед и остался на берегу реки Иавок один. Именно тогда он и познал общение с Богом, тогда и получил имя Израиль. Столь великое благо было даровано Иакову, находившемуся в уединении, – это является для нас образом того, как нужно дерзновенно «бороться» с Богом и удерживать Его в своей молитве, пока Он нас не благословит.

Это действительно борьба, потому что по нашим грехам мы недостойны общения с Богом, недостойны прикасаться к Нему своим нечистым умом. Но мы дерзаем, боремся с Ним, удерживаем Его в молитве. И Бог благоволит к нам за наше дерзновение, благословляет нас и делает нас истинными израильтянами, то есть людьми зрящими Бога. К человеку, который зрит Бога (зрит в прямом смысле слова: то есть видит Бога умом яснее, чем, например, вещественные предметы телесными очами), и обращены слова: *Слыши, Израилью*. И только такой человек может постичь значение этих слов.

Слыши, Израилью, Господь Бог ваш Господь един есть. Единый Бог является нашим господином, и кроме Него мы не должны подчиняться никому и ничему: ни обычаям, принятым в обществе, ни родственникам, ничему из того, что навязывает нам мир. Мы не должны подчиняться своим страстям, немощам, которые хотя и чужды нашей природе, но пытаются нас поработить.

Господь Бог ваш Господь един есть. Нравственная составляющая этой заповеди ни в коем случае не должна умалять догматическую и аскетическую. Понятно, что никаких других богов, никаких других духовных ценностей, кроме единого Бога у христианина быть не может, однако эту догматическую истину мы можем лишь содержать в уме, знать ее теоретически, а можем сделать ее своей целью и стремиться к ее постижению практически.

И возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею, сия есть первая заповедь (Мк. 12, 30). Она является первой не только по счету, но и по значимости. Нужно всегда помнить об этом, чтобы никакая иная заповедь, заняв недолжное место, не лишила нас любви Божией.

Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим. Мы теоретически осознаём, что в этом мире ничто не достойно большей любви, чем наш Господь Бог. Но в действительности в нашем сердце живут многие привязанности и пристрастия, направленные на различные предметы: как достойные, так и отвратительные. Мы оправдываем эти пристрастия либо

обстоятельствами, либо нашими душевными свойствами. Иногда мы лукавим и оправдываемся даже Христовыми заповедями. И оказывается, что мы, постигая эту заповедь рассудком, не можем сделать ее своим жизненным принципом. А между тем мы должны сделать свое сердце полностью принадлежащим Богу, так чтобы, по выражению святых отцов, Господь поглотил сердце, а сердце – Господа. Как сказал Спаситель в ином месте: *Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне* (Ин. 15, 4).

И всю душу твою, и всем умом твоим, и всю крепость твою. Преподобный старец Силуан скорбел о том, что он не любит Бога всем умом, понимая под умом способность к созерцанию, молитве. Можно понимать это так, а можно иначе. Возлюбить Бога *всем умом* означает всегда думать только о благоугождении Ему. Сердце также должно быть всеми чувствами обращено к Богу, как говорится в возгласе во время Божественной литургии: «Горé имеем сердца». И душа – вся жизнь наша, то единственно и бесконечно ценное, что мы имеем, – должна быть устремлена к Господу безо всякого остатка, а ум должен всегда следовать за внутренними стремлениями, как говорит апостол Павел, *все испытывая, а доброго держась* (см. 1Фес. 5, 21).

И всю крепость твою. Имеется в виду и телесная крепость, и, конечно, душевные силы. Мы должны совершать свой спасительный христианский подвиг со многим напряжением, больши м усилием и преодолением собственной немощи, с величайшей жестокостью, ненавистью к себе. Если мы не приобретем ненависти к себе, если не проявим чрезвычайного понуждения, превышающего, казалось бы, человеческое воображение, мы не сможем исполнить никакую заповедь. Спаситель сказал: *Если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя* (Мф. 5, 30). Конечно, мы должны понимать эти слова в духовном смысле, но, чтобы постичь внутренний смысл заповеди, мы можем вообразить себе кого-либо, решившегося на такой страшный

шаг. Представьте, что человек отсекает себе правую руку, без которой он практически не способен ни к какой деятельности. Сколько у него должно быть жестокости и ненависти к себе, если он готов на этот немыслимый поступок только для того, чтобы десная рука его не соблазняла! Вот что значит возлюбить Бога всей крепостью. *Сия есть первая заповедь*, и ничто не может быть выше ее.

И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего яко сам себе (Мк. 12, 31). Эта заповедь подобна первой так же, как и человек подобен Богу и является Его видимым образом. Если мы любим Бога, Которого не видим, то должны, как говорит апостол, любить и человека, которого видим. Заповедь о любви к ближнему есть образ предшествовавшей заповеди, но она является второй. Нам нужно быть мудрыми, осторожными, рассудительными и послушными своим духовным наставникам, чтобы избежать того искушения, при котором любовь к человеку (точнее, видимость любви, превратившейся в человекоугодие, пристрастие, привязанность) затмевает любовь к Богу, а вторая заповедь в нашей душе заменяет первую. Это важно понять и еще важнее осуществить. Когда дело доходит до осуществления, то оказывается, что многое мы понимаем неправильно, что многие вещи представляются нам неважными и легковесными, а нашими жизненными принципами в действительности являются какие-то низменные страсти. Мы часто вовсе не осознаём того, что прежде всего нужно любить Бога, а потом – ближнего.

Я вовсе не хочу умалить заповедь о любви к ближнему. Кто любит Бога, тот не может не любить ближнего. Это происходит естественным образом: любовь к Богу прорывается наружу даже против желания человека и изливается на людей, которые его окружают. *Возлюбиши ближняго своего.* Возлюби его, видя в нем вечный образ Божий, не замечай в нем ничего греховного, временного, случайного. Тогда ничто не мешает тебе служить ему так, чтобы это было полезно и ему и тебе. На мой взгляд, под ближним нужно понимать человека, который находится близко в самом буквальном смысле слова, то есть возле нас. Возможно, мое толкование покажется примитивным, неполным,

но оно опирается на жизненный опыт. Нам легко рассуждать и сожалеть о тех людях, которые далеко. Как говорил Достоевский, легко любить дальнего, но трудно любить ближнего. Ближний может нас раздражать, соблазнять на осуждение или мешать нам молиться. Ближний может вызывать в нас зависть своим преуспеянием или какими-либо достоинствами. Многие и многие причины препятствуют нам любить ближнего – всякого человека, с которым мы соприкасаемся и который Промыслом Божиим находится рядом с нами. Это может быть человек, с которым мы случайно встретились, – и в это краткое мгновение мы должны любить его, как самого себя. Или тот человек, с которым мы вместе живем. Он для нас привычен, и поэтому мы извиняем себя, если говорим ему какую-нибудь грубость или вместе с ним пустословим. Таким образом, если понимать слово «ближний» буквально, то ближних у нас оказывается очень много. А если мы посмотрим на себя трезво, то увидим, что именно эти люди, находящиеся рядом с нами, лишены нашей любви. И не только такой любви, какую мы имеем к самим себе, но даже сочувствия, внимания, жалости – хоть какого-нибудь движения сердца, пусть малого и ничтожного.

Спаситель говорит, что мы должны любить всякого ближнего, как самого себя. Самые страшные преступления и самые великие добродетели совершаются из-за того, что человек любит себя. Лишь немногие подвижники, достигшие совершенства, доходят до ненависти к себе и любят ближнего больше, чем себя. Мы же без конца думаем о себе и о своих интересах, своих прихотях, своих желаниях. *Возлюбить ближнего, как себя* означает увидеть, что он такой же человек, как и мы. Приравнять ближнего к себе – это минимальное требование, о котором говорит Евангелие и которое преподано еще в Ветхом Завете. Мы должны уважать желания ближнего не меньше, чем свои: понимать, что если мы желаем уединения, тишины, то и наш ближний может в этом нуждаться. Если мы прощаем себе грехи и немощи, то должны прощать и ближнему. Вот что значит любить ближнего, как самого себя. Но конечно, мои слова не могут исчерпать бездонную глубину этих двух

заповедей. Их может полностью постичь только тот, кто погрузился в славу Божию, соединился умом с Богом, пришел в такое состояние, о котором человеческим языком говорить уже невозможно. Как сказал святой апостол Павел, он *слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать* (2Кор. 12, 4).

И рече Ему книжник: добре, Учителю, воистинну рекл еси, яко един есть Бог, и несть ин разве Его: и еже любити Его всем сердцем, и всем разумом, и всею душою, и всею крепостию: и еже любити ближняго яко себе, боле есть всех всесожжений и жертв (Мк. 12, 32–33). Вот что самое главное и, можно сказать, единственно ценное. Любовь и в Ветхом, и в Новом Завете является больше всех всесожжений и жертв, то есть больше всех подвигов, молитв и добродетелей. Но как осуществить эту любовь на деле? Какое средство приводит нас к этой превышающей разум добродетели?

Иисус же виде, яко смысленно отвеча, рече ему: не далече еси от Царствия Божия (Мк. 12, 34). Даже тот человек, который только теоретически понимает, что любовь выше всех дел и подвигов, уже недалеко от Царствия Божия. Но для того чтобы войти в него, нужно знать и то, о чем Спаситель говорит далее. *И отвечав Иисус глаголаше, уча в церкви: како глаголют книжницы, яко Христос Сын есть Давидов? Той бо Давид рече Духом Святым: глагола Господь Господеви моему: седи одесную Мене, Дóндеже положу враги Твоя подножие ногама Твоима. Сам убо Давид глаголет Его Господа: и откуда Сын ему есть? И мног народ послушаше Его в сладость* (Мк. 12, 35–37). Даже слышание учения об этой заповеди приносит душе человека сладость. Насколько же бо льшую сладость испытывает тот, кто может это исполнить!

Спаситель говорит здесь о Своем Божестве, Своем Богосыновстве. Таким образом, нам приоткрывается, хотя и намеком (впрочем, нам, живущим в лоне Православной Церкви и знающим ее Предание, все это понятно), то, что любовь к Богу совершается через понуждение себя к непрестанной молитве Иисусовой. Господь Иисус Христос и есть Тот Сын Давидов, Который сидит одесную

Бога и Которого мы ныне призываем в молитве. Мы не можем выразить благодарность и любовь к Богу сильнее, чем исповеданием Сына Его Христом и Господом. Даже когда мы молимся о самих себе, мы чувствуем, что в наше сердце входит любовь Божия. Мы должны искать любовь в Иисусе и с Иисусом. *Кто не приобретает со Мной, тот расточает; и кто не со Мной (хотя бы одно мгновение. – Схиизм. А.), тот становится против Меня (см. Мф. 12, 30; Лк. 11, 23).*

Возможно и другое, буквальное понимание заповеди о любви к Богу и ближнему. Эти две добродетели в повседневной жизни, казалось бы, противоречат друг другу: любовь к Богу призывает нас к уединению, а любовь к ближнему зовет к служению. Но то и другое можно совместить в молитве Иисусовой. Некоторые подвижники дерзают молиться не только за себя, но и за других людей. Немного переменив слова молитвы, говоря: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных», они вмещают в нее обе возвышеннейшие евангельские заповеди. В этих восьми словах содержится бесконечное, глубочайшее, непостижимое для человеческого разума и одновременно опытно переживаемое сладостное учение о любви. В них нет никакого противоречия, лишь бы были у человека сила духа и дерзновение, была бы воля Божия на то, чтобы человек соединил две заповеди о любви в непрестанной молитве за людей. Сам Господь Иисус Христос сказал об этих двух заповедях, как об одной: *Большая сею ина заповедь несть (Мк. 12, 31)*. Тот, кто способен на такой подвиг, есть истинный последователь Христов, истинный израильтянин, к которому обращены слова Спасителя, слова Божии: *Слыши, Израилью, Господь Бог ваш Господь един есть. Аминь.*

О саможалении и самонадеянности¹⁹²

Сегодня мы возвращаемся к актуальной для нас проблеме нерадения и саможаления. Поговорим также и о самонадеянности. Когда мы под каким-либо предлогом начинаем снисходить к себе, жалеть себя, то в конечном счете это приводит нас к новым проблемам. Даже когда мы вынуждены заботиться о своем здоровье, может произойти то, о чем говорит Иоанн Лествичник: «Видел я людей, которые и в тяжелой болезни мучаются блудной страстью»¹⁹³. Пусть человек действительно болен, все же он должен понимать простую вещь: болезнью поражена часть тела, а другие органы функционируют нормально.

Когда мы жалеем себя под предлогом болезни, лежим, потому что врач прописал нам постельный режим, или, может быть, у нас просто нет сил заниматься обычными делами, тогда происходит накопление так называемой сексуальной энергии, возникает блудная страсть. Это бывает у людей не только молодого и среднего возраста, но и преклонного. Таким образом, жалея себя, мы приносим себе вред.

Поэтому нужно понимать, что если человек заболел и вынужден к себе снисойти, то, во-первых, он не должен все себе разрешать, а во-вторых, в это время ему нужно еще больше бодрствовать и трезвиться. Если же он проявит к своему телу неразумное снисхождение (даже по предписанию врачей), то оно отплатит ему черной неблагодарностью. У Лествичника есть об этом такие слова: «Не верь во всю жизнь твою сему брэнному телу и не надейся на него, пока не предстанешь Христу»¹⁹⁴. Блудная страсть может мучить даже на смертном одре. Мы, как люди, пребывающие в постоянном воздержании, должны всегда быть начеку и знать, что всякий наш поступок имеет определенные последствия. Проявим саможаление – это закончится либо усилением блудной страсти, либо будет поводом для преткновения. Кроме того, в том, что человек к себе снисходит, обнаруживается самонадеянность: когда у нас какое-то время

во внутренней борьбе относительное затишье, то нам представляется, что мы для своего спасения уже все сделали и что подвиг уже завершен, так сказать, самый опасный участок пройден. Но это иллюзия – мы не знаем, что нас ждет завтра, поэтому необходимо трезвиться и до самой кончины пребывать, если можно так выразиться, в спасительном страхе, то есть бояться, что нападет враг.

Что такое бодрствование? Бодрствование – это страх. Часовой, если теряет страх, впадает в беспечность и расслабляется. Если мы вспомним жизнеописания подвижников благочестия, то увидим, что у некоторых из них борьба продолжалась иногда на протяжении всей жизни, до самой кончины. И если они в конце жизни чувствовали какое-то умиротворение, то имели для этого серьезные основания, а у нас никаких оснований нет: ни особенной благодати, ни добродетелей мы не стяжали. Мы живем более или менее спокойно, и нам кажется, что так будет всегда: человек быстро привыкает к благополучию. Самонадеянность в сочетании с саможалением делает человека совершенно беспечным. Но спокойствие, которое длится год, два или несколько лет, может закончиться страшной бурей, и если ты к этому не будешь готов, то обязательно упадешь.

Мало кто усматривает опасность в болезни. Когда мы болеем, то должны, как я сказал, особенно трезвиться. Нам же представляется, что если плоть изнурена болезнью, то в это время можно не опасаться нападения плотских страстей. Однако это не так, наоборот, страсти будут нападать еще сильнее.

Саможаление может проявляться в праздничные дни, когда мы под предлогом праздника начинаем снисходить к себе и забываем о мере принятия пищи. Мы думаем: неужели и на Светлой седмице нужно вводить ограничения в пищу? Но для диавола-то Светлой седмицы нет, он всегда будет нападать, всегда будет искать удобный момент, для того чтобы осквернить и погубить нас.

Поэтому, когда мы, даже под предлогом болезни, позволяем своему телу отдых, более сытную, чем обычно, трапезу, мы должны понимать, что это обязательно будет иметь последствия. Дьявол не даст нам «выходной» на Светлую седмицу или Святки, не скажет: «Ладно, братья, празднуйте, а потом приступим к честной борьбе». Лучше проявить к себе бо льшую, чем положено, строгость, чем, наоборот, мягкость под предлогом рассудительности.

В монастыре саможаление проявляется и в отношении к молитве, богослужению. У кого-то болит голова, кто-то утомился на послушании, кто-то чрезмерно занят и потому вынужден пропустить правило. Но тем самым человек показывает, что правило для него – что-то менее обязательное, чем работа. А к чему это приводит? К последствиям едва ли не худшим, чем те, к которым приводит многолежание. Оставляя молитвенное правило, человек теряет внутреннюю собранность, сосредоточенность и, когда встречается с какими-либо искушениями, он фактически остается против них безоружным. Я уже не говорю о том, что человек перестает видеть свои грехи. Поскольку благодать Божия через молитву в нем не действует или действует слабо, он как бы погружается во тьму и не видит того, что в нем происходит. В результате человек начинает слепо и безумно грешить, совершенно не замечая того, что поступает против совести, против заповедей, против монастырского устава. Его поведение представляется ему справедливым, а прегрешения – оправданными. Как в сумерках человек ничего не может разглядеть, так и здесь он перестает четко осознавать происходящее.

Оставление четочного правила – это оставление духовной жизни. Пусть человек делает что-то очень важное, тем не менее, даже если он пропустит правило всего один раз, он потерпит ущерб. А если регулярно не будет исполнять эту свою обязанность, тогда, можно сказать, потеряет все. Конечно, некоторое оправдание в занятости найти можно, но тот, кто желает молиться, найдет время, чтобы поупражняться в Иисусовой молитве; тот, кто любит молитву, сам будет искать возможность для того, чтобы где-то уединиться. Если же брат

приходит на правило и молится нехотя, то пользы от такой молитвы будет мало. Такому настроению нужно давать решительный отпор, потому что если мы к нему привыкнем, то молитва станет для нас чем-то скучным и ненужным. Мы, может быть, и не почувствуем такого вреда, как от полного оставления правила, но, несомненно, и пользы будет очень мало.

Бывает, что человек действительно устал, но если при этом он оправдывает себя и проявляет нерадение, то это в конечном счете приводит к тяжким последствиям для его души. В этом также проявляется жалость к себе. Человек приходит на правило и думает: «Я еле сижу, у меня болит голова, у меня болит спина...» Даже если это на самом деле так и есть (я уже не говорю о том, что тут может примешиваться какое-то лукавство – на человека просто нападает лень), ни в коем случае поддаваться саможалению нельзя. Нужно себя понуждать, причем не только к тому, чтобы формально исполнить положенное количество Иисусовых молитв, но и к тому, чтобы молиться с усилием, иметь ревность о внимании.

Под предлогом усталости или болезни человек лишает себя молитвы, много лежит, больше ест, не понимая, что все эти, с точки зрения здравого смысла вполне оправданные вещи, никак не могут быть оправданы с точки зрения аскетики. То, что врачи считают вполне обоснованным, разумным и здоровым, опытный духовник назвал бы просто безумием! Такое неразумное поведение обязательно приведет к тяжелым последствиям, а в худшем случае – к катастрофе. У нас были братья, которые из-за лени уходили из монастыря. И речь идет не просто о лени вообще, а о лени, бывающей под справедливым предлогом. Соглашаетесь вы сейчас со мной или нет, но ваш собственный опыт обязательно вас научит, что это так. Хорошо, если опыт этот будет не слишком горьким.

Теперь несколько слов о самонадеянности. Самонадеянность возникает у человека в том случае, когда он некоторое время живет более или менее благополучно. Скажем, справились мы с грубыми страстями, со своим своеволием и исполняем свои обязанности, может быть, иногда немного унываем, иногда немного ропщем или осуждаем

начальствующих, но, тем не менее, как будто бы всё в порядке. Человеку представляется, что всё уже позади. На самом же деле всё будет позади только тогда, когда он окажется в раю. Известно такое повествование о Макарии Великом: когда он скончался и ангелы вели его душу через мытарства, то демоны кричали: «Макарий, ты ушел от нас!» Но он им отвечал: «Нет, я еще не ушел от вас». И только когда он одной ногой вступил в райские врата, тогда сказал: «Вот теперь я ушел от вас». Это повествование имеет для нас огромное значение – так смотрели на подвиг святые отцы.

Никогда мы не должны думать о себе, что уже все сделали для своего спасения, или, по крайней мере, пришли в терпимое состояние. Настоящий подвижник не будет довольствоваться тем состоянием, в котором он пребывает сейчас. Он понимает, что достигнутого мало, что нужно бороться, что заповедей он не исполняет. Такой человек будет находиться в постоянном сокрушении и покаянии. А тот, кто считает, что у него все более или менее в порядке и можно жить спокойно, тот впал в своего рода прелесть, в глубочайшее нерадение. Он примирился с тем, что будет жить кое-как.

Когда-то я читал книгу архиепископа Антония (Голынского-Михайловского) об Иисусовой молитве. Эта интересная книга дополнена краткими воспоминаниями об авторе. Он перенес большие испытания, много лет сидел, имел несколько сроков в лагерях, но при этом был подвижником: во-первых, много молился Иисусовой молитвой; во-вторых, каждый день вычитывал богослужебный суточный круг, несмотря ни на какие обстоятельства, даже в дороге. И своих духовных чад он заставлял делать так же, причем помимо четочного правила. Умирал он очень тяжело, и сам объяснил почему. Однажды к нему пришла женщина и исповедовалась в своем грехе и в грехе своего духовника. Она согрешила со своим духовником, которому было тогда под семьдесят лет! Причем до этого он слыл известным подвижником и постником. Сам он не посмел в этом исповедоваться и, уже умирая, попросил ее покаяться за него. Эта женщина так умоляла владыку Антония, что он не выдержал и взял на себя этот грех, и потому так тяжело

умирал. Подумайте, если человек в семьдесят лет после подвижнической жизни впал в блуд, то почему парни, которым по тридцать, думают, что они в безопасности?! Неизвестно, как сложится жизнь и что будет дальше, какие встретятся соблазны и искушения. Сегодня диавол тебя не трогает, потому что его, может быть, не трогаешь ты, а завтра ты чуть-чуть помолишься, и такая может начаться брань – захочешь сделать то же, что Пигмалион. Поэтому не нужно преждевременно впадать в излишнее спокойствие и думать, что всё уже в порядке. Самонадеянность внушает человеку, что если он какое-то время по милости Божией прожил в безопасности, относительно спокойно, то так будет всегда. На самом деле этот вывод совершенно неоснователен.

Самонадеянность может выражаться и в легкомысленном отношении к соблазнам. Апостол Петр говорит: *Противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1Пет. 5, 8), а мы этого не видим. Не видим не потому, что диавол, испугавшись наших исихастов, не смеет на территории нашей обители никого искушать, а потому, что пребываем в совершенной рассеянности. Как в обыденной жизни рассеянный человек не видит того, что находится перед его глазами, потому что думает о постороннем, так и рассеянный духовно не видит опасности, не осознаёт ее. Бывает так, что человек подошел уже к краю пропасти, а сам этого не замечает. Он понимает, что находится в опасности, только тогда, когда уже упал и летит. Если я, скажем, прыгну из окна многоэтажного дома, то все, что предшествовало этому прыжку, зависело от меня, но после того, как я прыгнул, от меня уже ничего не зависит. Я просто лечу, хотя, может быть, очень сильно жалею и глубоко раскаиваюсь в том, что совершил такой безумный поступок, но могу только подумать об этом несколько мгновений, а остановить события власти уже не имею. Так и в духовной жизни. Если я совершил ряд поступков, которые подвели меня к определенной черте, и я ее переступил, то последствия этих поступков от меня уже не зависят. Значит, мы должны понимать, что в этом и состоит страшная опасность, о которой говорит апостол, и быть осторожными. Внутренне мы уже готовы к греху,

но не всегда это осознаем, потому что нет соблазна. А как только он появляется, в чем бы он ни выражался, тут же обнаруживается наше измененное состояние, наша немощь – мы сразу падаем. Если бы мы были трезвыми, то видели бы эту опасность не снаружи, а изнутри. Опасность состоит не в том, что есть искушения, – они всегда есть, – а в нашем состоянии, в том, способны мы противостоять им или нет.

Повторю еще раз: самонадеянность приводит нас к беспечности. Нам кажется, что тяжких грехов мы не совершим, правила не оставим, потому что молиться мы любим и всегда это у нас получалось. Однако человек может не замечать того, что внутренне он изменился таким образом, что находится уже на краю пропасти. Поэтому нужно быть чрезвычайно осторожными. Во-первых, всегда усиленно молиться, понимать, что своими собственными силами мы ничего сделать не можем, и уповать только на помощь Божию. Ни в коем случае не становиться беспечными, потому что благодать Божия, даже если она нам содействует, может нас оставить. Благодать Божия – это помощь свыше, а не наше свойство, ставшее для нас естественным и неотъемлемым. Во-вторых, помимо молитвы есть очень действенное средство – исповедь. Исповедоваться нужно, прежде всего, своему духовнику, но если такой возможности нет, то можно пойти к другому. А если вы под предлогом застенчивости и стыдливости будете что-либо скрывать и думать, что поборете помыслы сами, то это может кончиться преткновением.

Самонадеянность, как и саможаление, может приводить к небрежности в молитве. Это касается не только келейной молитвы, но и молитвы во время богослужения. Надо служить с благоговением, старательно. Не говорю, что нужно делать это нарочито медленно, но если человек сосредоточивается, то само собой получается несколько медленнее. Если ты будешь заботиться о внимании на службе так же, как и во время келейной молитвы, тогда это, безусловно, отразится на богослужении. Это касается не только священника, когда он, скажем, читает тайные молитвы или произносит возгласы, но и чтецов и певчих. Певчие должны думать не только о

правильности и красоте пения, но и о внимании, о том, чтобы их пение было молитвой, хотя, наверное, из-за недостатка мастерства сделать это бывает трудно. И чтецы также должны не тараторить, а всегда читать старательно. Впрочем, даже если ты читаешь очень аккуратно, без ошибок, но не понимаешь того, что произносишь, то не только Бог, но и люди тебя не слышат. Это настроение передается всем присутствующим в храме. Пусть наше богослужение по будням будет скромным, но о внимании при молитве забывать не нужно. Если мы будем им пренебрегать, то помимо того, что люди будут искушаться и богослужение станет холодным и безблагодатным, мы получим от этого вред: вместо того чтобы напитаться благодатью Божией, наоборот, опустошимся. В небрежной молитве выражается именно самонадеянность, мы приходим к своего рода магизму: прочитал положенное заклинание, и все, как говорится, произойдет само собой. Так относиться к богослужению нельзя. Нужно действительно умолять Бога, упрашивать Его, особенно, конечно, на литургии, да и на всяком богослужении, пусть это будет утренняя или вечерняя.

Соблазнов сейчас очень много. Господь Иисус Христос сказал: *Горе миру от соблазнов, ибо надлежит им прийти* (см. Мф. 18, 7) и научил нас, как с ними бороться. А мы предполагаем, что время изменилось: соблазнов становится все меньше и меньше, и мы можем быть всё спокойнее и спокойнее. На самом деле (я думаю, все это осознают), по сравнению с древними временами, беззаконие умножилось, соблазнов стало гораздо больше, а сами мы, несомненно, стали значительно немогущее, чем древние подвижники. Значит, мы в особенности должны быть осторожными. Соблазны везде: и в монастыре, и за его стенами. Они подстерегают нас в общении и с прихожанами, и друг с другом. Мы же думаем, что если два дня у нас все было хорошо, то и на третий будет так же, и впадаем в беспечность. У нас многие братья соприкасаются с миром, некоторым значительную часть времени приходится проводить вне монастыря или подолгу общаться с мирянами. Конечно, при этом нужно постоянно над собой бодрствовать, не только

трезвиться от проявлений блудной страсти, но и следить за тем, чтобы не прогневаться, не осудить, не опустошиться.

Господь преподавал нам притчу о том, как бороться с грехом: *Если правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя* (см. Мф. 5, 29–30). Эти образы предполагают чрезвычайную решительность и жестокость по отношению к себе. Представьте такую картину: кто-то взял и отхватил себе топором руку, да еще и отбросил ее. Наверное, жуткая была бы картина. Или вырвал себе глаз. Кто решится на это? Однако Спаситель требует именно такой нечеловеческой решимости, потому что если мы ее не приобретем, то соблазнов не победим.

Эти две страсти, самонадеянность и саможаление, приводящие к нерадению или к прелестному самоуверенному поведению, могут не только обезоружить, но и погубить нас. Как человек будет бороться с соблазном с той решительностью, какую заповедует Евангелие, если он якобы болен и ему нужно лежать, если он, скажем, торопится, а ему нужно служить? Всегда для своего поведения мы находим оправдание, но мы оправдываем жалость к себе, оправдываем самонадеянность.

Если мы начнем себя жалеть и не будем проявлять к себе жестокости и ненависти, то ничего не достигнем. Спаситель сказал: *Кто не возненавидит душу свою, не может быть Моим учеником* (см. Лк. 14, 26). Не нужно успокаивать себя тем, что мы живем более или менее благополучно, – это нарушение монашеских обетов, отказ от того намерения, которое привело нас в обитель, это предательство самих себя. Кто не приобретет ненависти к себе, тот никогда грех не победит. Во внутренней борьбе с собой не должно быть никакого самооправдания и никакого саможаления. Когда эти две склонности начинают действовать в человеке, то сначала он себя жалеет, прощает себе какой-нибудь греховный помысел, не борется с ним решительно, не отсекает, потом еще и оправдывается. Начни с таким человеком говорить – ни до чего не договоришься. Скажешь ему: «Нужно поступать так-то и так-то. Не нужно гневаться». А он ответит: «Как же не

гневаться, когда они так себя ведут?! Они иначе не понимают! Если на них не накричишь, ничего не сделают!» Мы находим много разных оправданий для осуждения, гнева, неприязни, безразличия. Всевозможное самооправдание совершенно обезоруживает нас. Если человек осознаёт, что виноват, то, наоборот, борется с собой. А мы жалеем себя со всеми своими страстями, пороками и, мало того, начинаем оправдывать себя: поступить иначе – невозможно, думать иначе – невозможно, испытывать иные чувства, кроме тех, какие я испытываю, – невозможно. И таким образом само исправление мы делаем для себя невозможным именно потому, что мы приобрели соответствующее душевное расположение. Вот к чему приводит саможаление.

Самонадеянность имеет, конечно, другие последствия. Иногда она смыкается с саможалением, иногда приводит к состояниям, подобным прелести, когда человек, понадеявшись на себя, много или каким-то особенным образом молится, когда он без благословения и контроля духовника принимает на себя подвиги, когда он толкует святоотеческие писания так, как ему по неопытности представляется правильным. Это может привести к прелести и даже сумасшествию.

В монастыре мы живем благополучно, потому все и наводит на мысль, что у нас все хорошо, все в порядке. Но для чего руководители монастыря стараются нашу внешнюю жизнь сделать спокойной? Для того чтобы предоставить нам свободу заниматься умным деланием, а не для того, чтобы мы впали в лень и «умиротворение». Так что давайте встряхнемся и займемся собой, начнем бороться с самонадеянностью, саможалением, самооправданием и с Божией помощью будем совершать свой подвиг, не довольствуясь тем, что мы более или менее благополучно живем в обители.

* * *

Вопрос. Какое определение можно дать саможалению?

Ответ. Если человек к себе снисходит, а от других требует, если о себе переживает, а к другому безразличен, если себе прощает телесные и, в особенности, душевные немощи, а к

другим безжалостен, – то явно, что он поддается саможалению. Спаситель требует ненависти к себе, а мы, наоборот, проявляем по отношению к себе жалость, любовь и снисхождение и считаем себя достойными всяких земных и небесных благ.

Вопрос. Святые отцы разных времен говорили о том, что воздушные перемены влияют на телесную и духовную жизнь. Что они имели в виду?

Ответ. Климатические изменения, конечно, влияют на телесную жизнь человека, и относиться к этому надо правильно. Воспринимать это как дополнительное искушение или соблазн, а не сдаваться сразу: «Ничего не поделаешь, пошел дождь, поэтому молиться я не могу». Допустим, на тебя в дождливую погоду нападает уныние. Какой нужно из этого сделать вывод? Пойти и лечь спать? Когда настроение меняется от физического состояния, то мы должны контролировать это, а не поддаваться унынию.

Вопрос. Может, святые отцы имели в виду то, что в дождь работать в поле не пойдешь?

Ответ. Нет, я думаю, это связано с физическим состоянием, потому что монахи, как правило, сельскохозяйственных работ не вели, заботу о внешнем старались свести до минимума. У Иоанна Кассиана Римлянина есть рассуждение о том, почему монахи, живущие в одной местности, преуспевают больше, чем монахи в другой. Монахи Египетского скита жили беспечно, потому что там были такие климатические условия, что сельским хозяйством заниматься было невозможно, а монахи Каламона жили на плодородных землях, увлекались огородничеством и садоводством и соответственно отвлекались от молитвы. Исаак Сирин говорит о том, что если ты хочешь преуспеть в безмолвии, то должен преуспеть в нищете. Что это значит? Когда ты привык обходиться немногим, жить как нищий, тогда тебе не нужно заботиться о пище и тратить на это силы.

Вопрос. Блудный помысел всегда сначала вызывает страх. Правильно ли это?

Ответ. Страх – это хорошо. Это значит, что ты не хочешь принимать этот помысел. Если страха нет, то о чем это говорит? Нужно предположить, что человек либо приближается к бесстрастию, либо, наоборот, к падению.

Вопрос. Как стяжать жестокость к себе?

Ответ. Должна быть внутренняя установка: не снисходить к себе и ничем, никакими обстоятельствами своей внутренней или внешней жизни себя не оправдывать, а относиться к себе с той требовательностью, о которой говорит Евангелие и которой учат святые отцы. Только делать это нужно разумно, требования предъявлять исполнимые, реальные, а не ждать от себя бесстрастия или совершенной любви.

Всякий, думаю, согласится с тем, что мы к себе снисходим. Представьте: ко мне приходит человек, к которому я очень хорошо отношусь, и спрашивает у меня на что-то разрешение. Я, зная, что этого делать нельзя, думаю: «Ладно, жалко человека, пусть делает». Вот так мы относимся к себе.

Вопрос. Как добиться такого состояния, чтобы, выезжая в мир, не соблазняться?

Ответ. Нужно быть собранным, смотреть внутрь себя, следить за тем, что происходит в твоей душе, беречься от впечатлений, а когда возвращаешься в обитель, нужно усиленно помолиться и, конечно, исповедоваться, чтобы избавиться от впечатлений, которые получил. Само слово «впечатление» говорит о том, что на наше сознание, на наше душевное состояние накладывается некая печать, то есть тот или иной образ. Это впечатление может быть греховным, а может быть благодатным, христианским. Подобно тому как воск или расплавленный сургуч принимает форму печати, наша душа изменяется под влиянием того или иного впечатления: само переживание уже прошло, а след остался. Поэтому нужно, во-первых, беречься от впечатлений, а во-вторых, стараться как можно быстрее уничтожать впечатления вредные. Чем они уничтожаются? Главным образом исповедью и молитвой. Очень помогает чтение святоотеческих творений: когда читаешь, вредные впечатления постепенно заменяются хорошими.

Богослужение и общение с добродетельными людьми также дают нам хорошие впечатления.

Вопрос. Читал у кого-то из современных духовных писателей о том, что если действует брань, то не нужно спешить идти на исповедь, а надо стараться побороть это искушение с помощью молитвы и потом уже отчитываться в ведении брани перед духовником. Мне кажется, что здесь есть противоречие с вашими словами о том, что во время брани исповедь является первой необходимостью.

Ответ. Святитель Игнатий говорит, что для новонаначального лучший способ ведения брани – исповедь. Понятно, что не всегда есть такая возможность. Раньше у одного старца был один-два послушника и можно было исповедоваться очень часто.

– Батюшка, бывает, что братья только на исповедь и надеются. Записали помыслы и ждут исповеди, а с искушением не борются.

– Бороться в любом случае нужно, но неправильно говорить, что сначала нужно искушение побороть, а потом прийти к духовнику и отчитаться. Лучше всего было бы сразу открыть помыслы, получить какой-то совет, а потом начать бороться. Если такой возможности нет, то нужно усиленно молиться и противиться брани.

– А если сначала хочешь побороть, а потом отчитаться, то это самонадеянность?

– Конечно, самонадеянность. Но в то же время совсем отказываться от борьбы под тем предлогом, что поможет одна исповедь, нельзя. Иначе зачем говорить о непрестанной молитве? Как правило, после исповеди бывает облегчение: ты получаешь совет и начинаешь трудиться.

Вопрос. Иногда бывает, что все правило борешься с помыслами, и хотя было немного внимания, но в основном чувствуешь какую-то пустоту, а после правила смущение: есть ли польза от такой молитвы?

Ответ. Если бы ты просто сидел в келии и предавался помыслам, то это было бы хуже. На правиле ты хотя бы пытался молиться. Иное дело бороться с помыслами, а иное

дело ими упиваться. Если ты во время правила пытаешься как-то отгонять помыслы и все больше и больше вмещаешь ум в слова молитвы, а в конце правила чувствуешь бо льшую сосредоточенность, чем в начале, значит, какой-то результат уже есть. А для новоначального молиться без помыслов просто невозможно, какую бы ревность он ни проявлял.

Вопрос. Я, как духовник, часто сталкиваюсь с тем, что когда у человека открывается сердечное место и он начинает молиться, то у него появляются сердечные боли оттого, что он очень внимательно молится внутри сердца. С чем это может быть связано?

Ответ. Надо все тщательно исследовать. Не нужно думать, что все, что человек рассказывает, так точно и есть. Он может рассказать неправильно, и не потому, что хочет солгать, а потому, что не понимает того, что с ним происходит. Он может опустить какой-то важный момент или, наоборот, додумать, нафантазировать, сделать выводы о своей внутренней жизни и выдать их за факты. Надо проанализировать, действительно ли он ощущал то, о чем рассказывает, или надумал и объяснил сам себе. Мне известен случай с одной рабой Божией, которая, начитавшись святых отцов, стала описывать свои переживания в святоотеческих терминах, в возвышенных образах. Ее слушали и думали, что она говорит все правильно. На самом же деле это было результатом отвлеченно-умственной работы и закончилось прелестью. Она рассказывала не то, что на самом деле переживала, а то, что прочитала, то есть свои незначительные ощущения отождествляла с тем, что вычитала о возвышенном опыте святых отцов.

Боль в сердце может появляться от попытки сосредоточиться, свести ум в сердце. При долгой и напряженной молитве бывает легкая головная боль. Это от усталости. Скажем, если человек носит тяжести, у него будут болеть мышцы; если он напряженно думает, у него может заболеть голова. Причем боль от усталости мы отличаем от той боли, которая бывает при травме, допустим вывихе или растяжении. Надо перетерпеть, и эта боль пройдет. Так же и в

отношении сердца. Это не значит, что человек всегда, день и ночь, должен чувствовать боль в сердце. Когда он молится час-два, это допустимо. Но если он с утра до вечера испытывает боль в сердце, тогда ему надо к доктору идти. Нужно подходить к этому деланию разумно, а то человек болезнь приобретет, а молитвы не будет.

При сердечной молитве может наблюдаться не боль, а некоторое стеснение сердца. А боль – это уже опасно. Необходимо знать на опыте, какая именно должна быть сердечная боль, какой силы и правильно ли все происходит. Мы должны проявлять большую осторожность, не допускать таких явлений, которые выходят за рамки наших знаний. Можно очень сильно ошибиться и повредить человеку, предоставляя ему в отношении сердечной молитвы свободу.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Всем нам известна притча Господа Иисуса Христа о Страшном суде. Ежегодно она читается перед началом Великого поста за богослужением, посвященном воспоминанию об этом грядущем событии. *Егда же приидет Сын Человеческий в славе Своей и вси святии Ангели с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним вси языцы: и разлучит их друг от друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлищ: и поставит овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. Тогда речет Царь сущим одесную Его: приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира: взалкахся бо, и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя: странен бех, и введосте Мене: наг, и одеясте Мя: болен, и посетисте Мене: в темнице бех, и приидосте ко Мне (Мф. 25, 31–36).*

Как учит нас церковный Устав, все православные христиане обязаны задуматься о Страшном суде хотя бы в день воспоминания об этом событии. На самом деле всякий из нас должен постоянно думать о смерти и о том суде, который ждет каждого человека. Тем более должны думать об этом монашествующие, которые избавились от мирской суеты ради того, чтобы заботиться о спасении своей души. Для нас совершенно необходимо размышление над этой притчей, потому что все мы должны стремиться стать одесною Спасителя и страшиться участи оказаться ошуюю.

Притча эта глубока и имеет много значений, но сегодня хочется обратить особенное внимание только на одно из них, на одну сторону этого поучения, сказанного Спасителем. *Тогда отвечают Ему праведницы, глаголюще: Господи, когда Тя видехом алчуща, и напитахом? или жаждуща, и напоихом? когда же Тя видехом странна, и введохом? или нага, и одеяхом? когда же Тя видехом боляща, или в темнице, и приидохом к Тебе? (Мф. 25, 37–39).* Обратите внимание на эти слова: *Когда Мы Тебя видели?* Действительно,

кто из нас удостоился видеть Спасителя в самом буквальном смысле слова? Лишь немногие из святых угодников Божиих. Тем не менее Господь наш Иисус Христос преподает нам такой урок: тайна духовной жизни открывается нам через вопрос, заданный от лица тех, кого Господь помиловал, кого мы называем праведниками. Тайна эта как будто бы и лежит на поверхности, потому что проста, но из-за нашей страстности скрыта от нас.

И отвечав Царь речет им: аминь глаголю вам, понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе (Мф. 25, 40). Итак, помогая ближнему, мы видим в нем Христа и помогаем Ему. Поэтому если человек жаждет истинного духовного видения, то он не должен желать видеть Господа буквально, то есть естественным зрением, как видели Его старец Силуан, блаженный Нифонт или первомученик Стефан, архидиакон. Нам это недоступно. Однако видеть Христа в своем ближнем обязан каждый из нас. Перед нами стоит человек, который в чем-то нуждается, и в нем – Христос. Стоит человек, возможно, немощный и страстный, сравнить которого можно с тем, кто наг и нуждается в одеянии, потому что можно быть нагим и от добродетелей и иметь нужду в пище духовной. Нельзя понимать эту притчу односторонне и думать, что мы можем помочь нашему ближнему только вещественно. Видя такого человека, пусть даже страстного и немощного, нуждающегося в нашей милосердии и помощи, мы должны понимать, что в этом человеке – Христос. Тогда никто не будет отвлекать нас от молитвы, никто не будет мешать нам молиться, но во всяком человеке мы будем видеть не только образ и подобие Божии, но и образ Христов. Человеку, не имеющему опыта непосредственного богообщения (такими, к сожалению, мы и являемся по немощи нашей), трудно представить себе, что есть Бог и что есть образ и подобие Божии. И притом представить так, чтобы это стало сердечным ощущением человека, его жизненным ориентиром. Гораздо проще увидеть образ Христов. Господь Иисус Христос, придя на землю и восприняв на Себя человеческое естество, стал идеальным, совершенным Человеком. Изображение этого

совершенного Человека мы видим в Евангелии, в Его словах и, в особенности, святых делах и поступках. Как открывает нам Сам Господь, Он присутствует в каждом человеке. Таким образом, не имея опыта и силы духа, не имея благодатного знания о том, что́ есть образ Божий, мы хотя бы из чтения святого Евангелия знаем, что́ есть образ Христов. Поэтому в каждом человеке мы должны видеть Христа и всякому человеку служить, как служим Христу.

Высшая любовь простирается на всех людей. Мы знаем, что выдающиеся подвижники благочестия, такие как преподобный старец Силуан Афонский, Софроний (Сахаров) или древние святые, как видно из жития Макария Великого, молились о всех людях, и даже о язычниках. Мы, конечно, не достигли такого состояния. Есть расхожее выражение: «Я молюсь на него», – так обычно говорят, когда кого-то очень сильно любят. И мы, видя в каждом человеке Христа, должны молиться на человека. Если мы научимся этому, то, возможно, наступит время, когда мы сможем молиться и за всех людей. Постепенно, упражняясь в умном делании и борьбе со своими страстями, мы насаждаем в нашем сердце настоящую евангельскую любовь.

В своих проповедях я часто повторяю изречение одного греческого подвижника. Возможно, оно недостаточно рационально и красноречиво, но при всей своей простоте оно исполнено опыта и потому очень ценно для нас: «Если хочешь найти любовь, ищи ее в Иисусе». Таким образом, когда мы ищем в молитве Иисусовой любовь, когда мы молимся от всей души и боремся со своими страстями и пороками, боремся с соблазнами, подстерегающими и осаждающими нас непрерывно день и ночь, тогда постепенно в нашем сердце водворяется истинная евангельская любовь. Не может человек любить Бога, если он не любит ближнего. Не может любовь Божия пребывать в человеке и никак не проявляться. Истинная любовь прежде всего проявляется в отношениях с ближними и находит свое выражение в том, что мы чувствуем и видим в каждом человеке образ Божий, образ Христов. Это и есть истинное иночество, истинное монашество. Как говорил преподобный Антоний

Великий, ближний – это наша жизнь и смерть. Старец Силуан Афонский, рассуждая о том, почему святой праведный Иоанн Кронштадтский не рассеивался, находясь постоянно среди людей, говорил: «Потому что он пламенно молился за них».

Про нас можно сказать, что мы хотя и не имеем еще дерзновения молиться за людей, но если будем любить ближнего, то ничто не сможет отвлечь нас от любви к Богу. Наоборот, всякий ближний, когда мы служим ему, когда просто смотрим на него с благоговением, как на образ Христов, приводит нас к Богу, а не удаляет от Него. Аминь.

/ <http://www.sestry.ru>

Примечания

¹ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 8 января 1999 года.

² - Свято-Успенский кафедральный собор в Одессе.

³ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 24 мая 1999 года.

⁴ - Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений: в 8 т. Т. 5: Приношение современному монашеству. М., 2003. С. 67–69.

⁵ - Игнатий (Брянчанинов), свт. Приношение... С. 301–302.

⁶ - Игнатий (Брянчанинов), свт. Приношение... С. 302.

⁷ - Игнатий (Брянчанинов), свт. Приношение... С. 302.

⁸ - Игнатий (Брянчанинов), свт. Приношение... С. 302.

⁹ - Лествица. Слово 4. Глава 28.

¹⁰ - Симеон Новый Богослов, прп. Слово о трех образех молитвы / Добротолюбие, или словеса и главизны священного трезвения: в 2 т. Репр. воспр. изд. 1902 г. М., 2001. Т. 1. С. 157.

¹¹ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 31 мая 1999 года.

¹² - Исаия Отшельник, прп. Слова блаженного аввы Исаии. Сл. 4: Что должно соблюдать в дороге / Добротолюбие: в 5 т. М., 1998. Т. 1. С. 264.

¹³ - Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений: в 8 т. Т. 6: Отчник. М., 2004. С. 341.

¹⁴ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 13 июня 1999 года.

¹⁵ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 25 июля 1999 года.

¹⁶ - Лествица. Слово 21, глава 7.

¹⁷ - Пятисотницей называется правило, состоящее из пятисот молитв Иисусовых, часть из которых совершается с поклонами, а часть – просто по четкам.

¹⁸ - Преподобный Василиск Сибирский канонизирован в 2005 году. Его мощи в настоящее время находятся в храме Всемилоственного Спаса г. Екатеринбурга.

¹⁹ - Имеется в виду плотское разжжение, происходящее от неправильного мысленного сосредоточения, особенно в том случае, когда подвижник направляет ум в нижнюю часть грудной клетки, ошибочно принимая эту часть за сердечное место. См. также «Слово о молитве Иисусовой» святителя Игнатия (Брянчанинова) и «Предисловие к главам блаженного Филофея Синайского» преподобного Василия Поляномерульского.

²⁰ - *Беседа на Свято-Симеоновском подворье Ново-Тихвинского женского монастыря в селе Меркушино, 5 августа 1999 года.

²¹ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 8 августа 1999 года.

²² - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 30 сентября 1999 года.

²³ - Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений: в 8 т. Т. 2: Аскетические опыты. М., 2001. С. 319.

²⁴ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 10 октября 1999 года.

²⁵ - Иглу – зимнее жилище из снега у части канадских эскимосов в виде купола с входом через длинный коридор; иногда стены внутри покрывают шкурами (Большой Российский энциклопедический словарь. М., 2006. С. 557).

²⁶ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 17 октября 1999 года.

²⁷ - См.: Деяния Вселенских Соборов. Слово благочестивейшего императора Юстиниана, посланное к Мине, святейшему и блаженнейшему архиепископу благополучного города и патриарху, против нечестивого Оригена и непотребных его мнений. СПб., 1996. Т. 3. С. 528.

²⁸ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 24 октября 1999 года.

²⁹ - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 4 ноября 1999 года.

³⁰ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 7 ноября 1999 года.

³¹ - См.: Лествица. Слово 26, глава 52.

³² - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 11 ноября 1999 года.

³³ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 21 ноября 1999 года.

³⁴ - Прещение (церковнославян.) – здесь: угроза, страх, воспрещение, запрет.

³⁵ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 28 ноября 1999 года.

³⁶ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 19 декабря 1999 года.

³⁷ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 1 января 2000 года.

³⁸ - Лествица. Слово 21, глава 7.

³⁹ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 9 января 2000 года.

⁴⁰ - Григорий Синаит, прп. Творения: пер. с греч. еп. Вениамина (Милова). М., 1999. С. 54–55.

⁴¹ - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 55.

⁴² - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 55.

⁴³ - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 55–56.

⁴⁴ - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 56.

⁴⁵ - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 56–57.

⁴⁶ - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 57.

⁴⁷ - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 57–58.

⁴⁸ - Иоанн Златоуст, свт. Письма к Олимпиаде. М., 1997. С. 35.

⁴⁹ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 24 января 2000 года.

⁵⁰ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 5 марта 2000 года.

⁵¹ - Лествица. Слово 7, глава 24.

⁵² - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 24 мая 2000 года.

⁵³ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 5 июня 2000 года.

⁵⁴ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 2 июля 2000 года.

⁵⁵ - См.: Нил Синайский, прп. Творения. М., 2000. С. 116.

⁵⁶ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 9 июля 2000 года.

⁵⁷ - Иоанн (Маслов), схиархим. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 2000. С. 749.

⁵⁸ - Житие преподобного и богоносного отца нашего Нифонта / Афонский патерик или жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших: в 2 ч. Репр. воспр. изд. 1897 г. Афонское подворье Свято-Пантелеимонова монастыря. М., 1994. Ч. 1. С. 523–524.

⁵⁹ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 6 августа 2000 года.

⁶⁰ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 3 сентября 2000 года.

⁶¹ - Феофан Затворник, свт. Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложенная словами святых евангелистов. М., 2000. С. 203–205; 285–288.

⁶² - Иоанн (Маслов), схиархим. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 2000. С. 346–350.

⁶³ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 2 октября 2000 года.

⁶⁴ - Исихий Иерусалимский, прп. К Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве / Добротолюбие. М., 1998. Т. 2. С. 189.

⁶⁵ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 29 октября 2000 года.

⁶⁶ - Иоанн Златоуст, свт. Беседа 27 на 1Кор. 11, 17 / Полное собрание творений в 12 т. Т. 10. Ч. 1. Репр. воспр. изд. 1905 г.

М., 2004. С. 274.

⁶⁷ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 12 ноября 2000 года.

⁶⁸ - У монашествующих слово «четки» означает не только само приспособление – «вервицу», но и количество молитв, соответствующих полному четочному кругу. Если четки состоят из ста узлов, то выражение «прочитать две четки» означает прочитать двести Иисусовых молитв.

⁶⁹ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 1 декабря 2000 года.

⁷⁰ - Петр Дамаскин, сщмч. Книга первая. Начало с Богом содержания настоящей книги преподобного и Богоносного отца нашего священномученика Петра Дамаскина / Добротолюбие, или словеса и главизны священного трезвения: в 2 т. Репр. воспр. изд. 1902 г. М., 2001. Т. 2. С. 31.

⁷¹ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 17 декабря 2000 года.

⁷² - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 24 декабря 2000 года.

⁷³ - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 21 января 2001 года.

⁷⁴ - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 27 января 2001 года.

⁷⁵ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 29 января 2001 года.

⁷⁶ - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 11 февраля 2001 года.

⁷⁷ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 18 февраля 2001 года.

⁷⁸ - Иеросхимонах Иоанн (Кевролетин) (1875–1961) был пострижен в монашество в Николаевском Верхотурском монастыре в 1907 году, рукоположен в иеромонаха в 1913 году. После закрытия обители большевиками служил на разных приходах. В 1932 году был арестован и осужден на три года ссылки, которую отбывал в Нарымском крае. Вернулся в Верхотурье тяжелобольным и до конца жизни нес подвиг

старчества. В 2000 году прославлен в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

⁷⁹ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 18 марта 2001 года.

⁸⁰ - *Слово на постриг в рясофор. Мужской монастырь Всемилоштивного Спаса, 22 марта 2001 года.

⁸¹ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 25 марта 2001 года.

⁸² - *Слово на постриг в малую схиму. Мужской монастырь Всемилоштивного Спаса, 31 марта 2001 года.

⁸³ - *Беседа в мужском монастыре Всемилоштивного Спаса, 1 апреля 2001 года.

⁸⁴ - Паисий Святогорец (Езнепидис) – известный афонский старец. Родился в 1924 году. В 1944–1948 годах, во время гражданской войны в Греции, служил в действующей армии. После этого ушел на Афон и всю свою оставшуюся жизнь посвятил монашеству. Был духовным руководителем для многих монашествующих и мирян. Почил о Господе в 1994 году, оставив богатое духовное наследие – поучения, записанные его духовными чадами. О нем издано несколько книг. В этих книгах, наряду с ценнейшими духовно-нравственными наставлениями отца Паисия, приводятся и его слова о «диавольской природе» числа 666 и существовании всемирного еврейского заговора. Многие почитатели старца приняли его мнение, и это очень повлияло на возникновение в России нетрезвого отношения к ИНН.

⁸⁵ - Варсонофий Великий и Иоанн, прпп. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Репр. воспр. изд. [Б. г.] М., 1995. С. 387–388. (На титульном листе – Варсануфий.)

⁸⁶ - Варсонофий Великий и Иоанн, прпп. Руководство к духовной жизни... С. 388–389.

⁸⁷ - Варсонофий Великий и Иоанн, прпп. Руководство к духовной жизни. С. 389–390.

⁸⁸ - Андрей Кесарийский, свт. О скверном имени антихриста / Толкование на Апокалипсис. М., 2000. Гл. 38. С. 110.

⁸⁹ - Речь идет о совместной выставке Комиссии по канонизации святых и Архива Административных органов Свердловской области, проведенной в Екатеринбурге в 2001 году. Тема выставки: «Духовенство Екатеринбургской епархии в период гонений 1918–1945 годах». На ней были представлены подлинные архивные документы, касающиеся репрессий против Православной Церкви: архивные следственные дела, протоколы допросов, обвинительные заключения, фотографии, хранящиеся в делах и многое другое.

⁹⁰ - Сейчас уже можно сказать, что этот прогноз отчасти сбылся: люди опасаются принимать новый паспорт с биометрическими данными. Ситуация же с ИНН до сих пор не нормализовалась.

⁹¹ - «Протоколы сионских мудрецов» – литературная подделка, появившаяся в России в начале XX века. Использовалась как документальное «подтверждение» существования «всемирного еврейского заговора». Неоднократное переиздание «Протоколов» разжигало антисемитские настроения и усиливало конфронтацию в обществе. Когда члены черносотенного «Союза русского народа» обратились в Министерство внутренних дел за разрешением широко использовать рукопись в своих целях, П. А. Столыпин, отличавшийся рассудительностью, приказал расследовать происхождение «Протоколов».

⁹² - Феофан Затворник, свт. Толкование посланий св. апостола Павла. М., 2002. С. 50.

⁹³ - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 7 апреля 2001 года.

⁹⁴ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 12 апреля 2001 года.

⁹⁵ - Так назывались сирийские подвижники, которые жили в пещерах и расщелинах и не имели даже одежды. Единственным их имуществом был серп, которым они косили траву, чтобы выкопать корни – свою пищу. Эти подвижники терпели невероятные скорби и совершали непостижимые подвиги.

⁹⁶ - Исаия Отшельник, прп. Слова блаженного аввы Исаии. Сл. 26: Изречения, которые слышал от него ученик его авва Петр и предал письмени / Добротолюбие: в 5 т. М., 2007. Т. 1. С. 396.

⁹⁷ - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 22 апреля 2001 года.

⁹⁸ - См.: Лествица. Слово 4, п. 85.

⁹⁹ - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 28 апреля 2001 года.

¹⁰⁰ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 29 апреля 2001 года.

¹⁰¹ - Имеется в виду учение блаженного Августина о значении благодати в деле спасения человека. Блаженный Августин в своей полемике с пелагианами впал в противоположную крайность и утверждал, что человек настолько поработен греху, что не имеет возможности выбирать между добром и злом.

¹⁰² - См.: Лествица. Слово 28, п. 46.

¹⁰³ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 6 мая 2001 года.

¹⁰⁴ - См.: Лествица. Слово 4, п. 2.

¹⁰⁵ - Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений: в 8 т. Т. 6: Отчник. М., 2004. С. 78.

¹⁰⁶ - Лествица. Слово 4, п. 45.

¹⁰⁷ - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 9 мая 2001 года.

¹⁰⁸ - Александровка – поселок городского типа в Одесской области.

¹⁰⁹ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 10 июня 2001 года.

¹¹⁰ - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 17 июня 2001 года.

¹¹¹ - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 24 июня 2001 года.

- ¹¹² - Григорий Синаит, прп. Творения: пер. с греч. еп. Вениамина (Милова). М., 1999. С. 56.
- ¹¹³ - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 56–57.
- ¹¹⁴ - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 57.
- ¹¹⁵ - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 57.
- ¹¹⁶ - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 57.
- ¹¹⁷ - Григорий Синаит, прп. Творения. С. 57–58.
- ¹¹⁸ - В «Отечнике» святителя Игнатия (Брянчанинова) – «утешает братию».
- ¹¹⁹ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 22 июля 2001 года.
- ¹²⁰ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 3 сентября 2001 года.
- ¹²¹ - Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений: в 8 т. Т. 1: Аскетические опыты. М., 2001. С. 117.
- ¹²² - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 10 ноября 2001 года.
- ¹²³ - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 19 ноября 2001 года.
- ¹²⁴ - Речь идет о немецком мыслителе и писателе Ф. К. Этингере (1702–1782), протестантском пасторе, крупнейшем представителе швабского пиетизма – религиозного течения, отвергавшего внешнюю обрядность в пользу мистицизма.
- ¹²⁵ - Эта история стала известной автору из книги Гершома Шолема «Основные течения в еврейской мистике». Приведем этот отрывок: «Ф. Этингер, один из позднейших последователей Бёме, рассказывает в своей автобиографии о том, как в юности он спросил каббалиста Коппеля Гехта из гетто во Франкфурте-на-Майне, с чего лучше всего начать изучение каббалы, на что Гехт ответил, что у христиан имеется книга гораздо яснее излагающая каббалу, чем Зохар. „Я спросил его, что он имеет в виду, и он ответил: „Книгу Якова Бёме“ – и также поведал мне о соответствии, существующем между его метафорами и метафорами каббалы“». (Шодем Г. Основные

течения в еврейской мистике. Библиотека-Алия, 1993. Т. 2. С. 49.)

¹²⁶ - Слово «монах» происходит от греческого «монос» – «один».

¹²⁷ - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 4 декабря 2001 года.

¹²⁸ - Так назывались сирийские подвижники, которые жили в пещерах и расщелинах и не имели даже одежды. Единственным их имуществом был серп, которым они косили траву, чтобы выкопать корни – свою пищу. Эти подвижники терпели невероятные скорби и совершали непостижимые подвиги.

¹²⁹ - Слова блаженного аввы Исаии. Слово 26, п. 44.

¹³⁰ - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 11 декабря 2001 года.

¹³¹ - *Слово на постриг в рясофор. Мужской монастырь Всемилоственного Спаса, 5 января 2002 года.

¹³² - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 4 февраля 2002 года.

¹³³ - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 18 февраля 2002 года.

¹³⁴ - Каллист Патриарх и Игнатий Ксанфопулы, прпп. Наставление безмолвствующим в сотне глав / Добротолюбие. М., 2007. Т. 5. С. 303.

¹³⁵ - Каллист Патриарх и Игнатий Ксанфопулы, прпп. Наставление безмолвствующим... С. 304.

¹³⁶ - Каллист Патриарх и Игнатий Ксанфопулы, прпп. Наставление безмолвствующим... С. 304–305.

¹³⁷ - Каллист Патриарх и Игнатий Ксанфопулы, прпп. Наставление безмолвствующим... С. 306.

¹³⁸ - Лествица. Слово. 28, п. 17.

¹³⁹ - Лествица. Слово 28, п. 46.

¹⁴⁰ - Лествица. Слово 15, п. 73.

¹⁴¹ - Лествица. Слово 15, п. 73.

¹⁴² - Лествица. Слово 15, п. 73.

¹⁴³ - Лествица. Слово 15, п. 73.

- 144 - Лествица. Слово 15, п. 73.
- 145 - Лествица. Слово 15, п. 73.
- 146 - Лествица. Слово 15, п. 73.
- 147 - Лествица. Слово 15, п. 73.
- 148 - Лествица. Слово 15, п. 73.
- 149 - Лествица. Слово 15, п. 73.
- 150 - Лествица. Слово 15, п. 73.
- 151 - Исихий Иерусалимский, прп. К Феодулу слово душеполезное и спасительное о трезвении и молитве / Добротолубие. М., 2007. Т. 2. С. 157.
- 152 - Исихий Иерусалимский, прп. К Феодулу слово душеполезное и спасительное... С. 191.
- 153 - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 25 февраля 2002 года.
- 154 - Лествица. Слово 25, п. 9.
- 155 - Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений: в 8 т. Т. 6: Отчник. М., 2004. С. 293.
- 156 - Игнатий (Брянчанинов), свт. Отчник. С. 216.
- 157 - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 11 марта 2002 года.
- 158 - *Беседа в Свято-Игнатиевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 1 апреля 2002 года.
- 159 - *Слово на постриг в малую схиму. Мужской монастырь Всемилошного Спаса, 16 апреля 2002 года.
- 160 - *Слово на постриг в рясофор. Мужской монастырь Всемилошного Спаса, 17 апреля 2002 года.
- 161 - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 18 апреля 2002 года.
- 162 - *Слово на постриг в малую схиму. Ново-Тихвинский женский монастырь, 26 апреля 2002 года.
- 163 - *Слово на постриг в малую схиму. Ново-Тихвинский женский монастырь, 12 мая 2002 года.
- 164 - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 18 мая 2002 года.

- ¹⁶⁵ - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 18 мая 2002 года.
- ¹⁶⁶ - *Беседа в Свято-Игнатъевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 24 июня 2002 года.
- ¹⁶⁷ - Марк Подвижник, прп. К тем, которые думают оправдаться делами, 226 глав / Добротолюбие. М., 2007. Т. 1. С. 505.
- ¹⁶⁸ - Евагрий Понтийский. О деятельной жизни сто глав / Добротолюбие. Т. 1. С. 549.
- ¹⁶⁹ - *Беседа в Свято-Игнатъевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 10 июля 2002 года.
- ¹⁷⁰ - *Беседа в Свято-Игнатъевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 6 августа 2002 года.
- ¹⁷¹ - См.: Лествица. Слово 1, п. 4.
- ¹⁷² - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 19 августа 2002 года.
- ¹⁷³ - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 10 декабря 2002 года.
- ¹⁷⁴ - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 22 декабря 2002 года.
- ¹⁷⁵ - *Беседа в Свято-Игнатъевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 23 декабря 2002 года.
- ¹⁷⁶ - Беседа в Свято-Игнатъевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 19 февраля 2003 года.
- ¹⁷⁷ - См.: Древний патерик. Репр. воспр. изд. 1899 г. М., 1991. С. 175.
- ¹⁷⁸ - См.: Исаак Сирин, прп. Слова подвижнические. М., 2006. С. 433.
- ¹⁷⁹ - *Беседа в мужском монастыре Всемилошного Спаса, 25 марта 2003 года.
- ¹⁸⁰ - См.: Лествица. Слово 15, п. 54.
- ¹⁸¹ - *Слово на постриг в малую схиму. Ново-Тихвинский женский монастырь, 27 марта 2003 года.
- ¹⁸² - *Слово на постриг в рясофор. Мужской монастырь Всемилошного Спаса, 1 апреля 2003 года.

- 183 - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 6 апреля 2003 года.
- 184 - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 11 апреля 2003 года.
- 185 - Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 1 мая 2003 года.
- 186 - Лествица. Слово 7, п. 29.
- 187 - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 10 мая 2003 года.
- 188 - Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 5 июня 2003 года.
- 189 - Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание сочинений. Т. 1: Аскетические опыты. С. 281.
- 190 - *Беседа в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря, 26 июня 2003 года.
- 191 - *Слово на постриг в великую схиму. Ново-Тихвинский женский монастырь, 24 августа 2003 года.
- 192 - *Беседа в мужском монастыре Всемилоственного Спаса, 24 августа 2003 года.
- 193 - См.: Лествица. Слово 15, п. 54.
- 194 - Лествица. Слово 15, п. 17.
- 195 - *Слово на постриг в рясофор. Ново-Тихвинский женский монастырь, 27 августа 2003 года.